
1837
ARTES
SCIENTIA
LIBRARY
VERITAS
OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

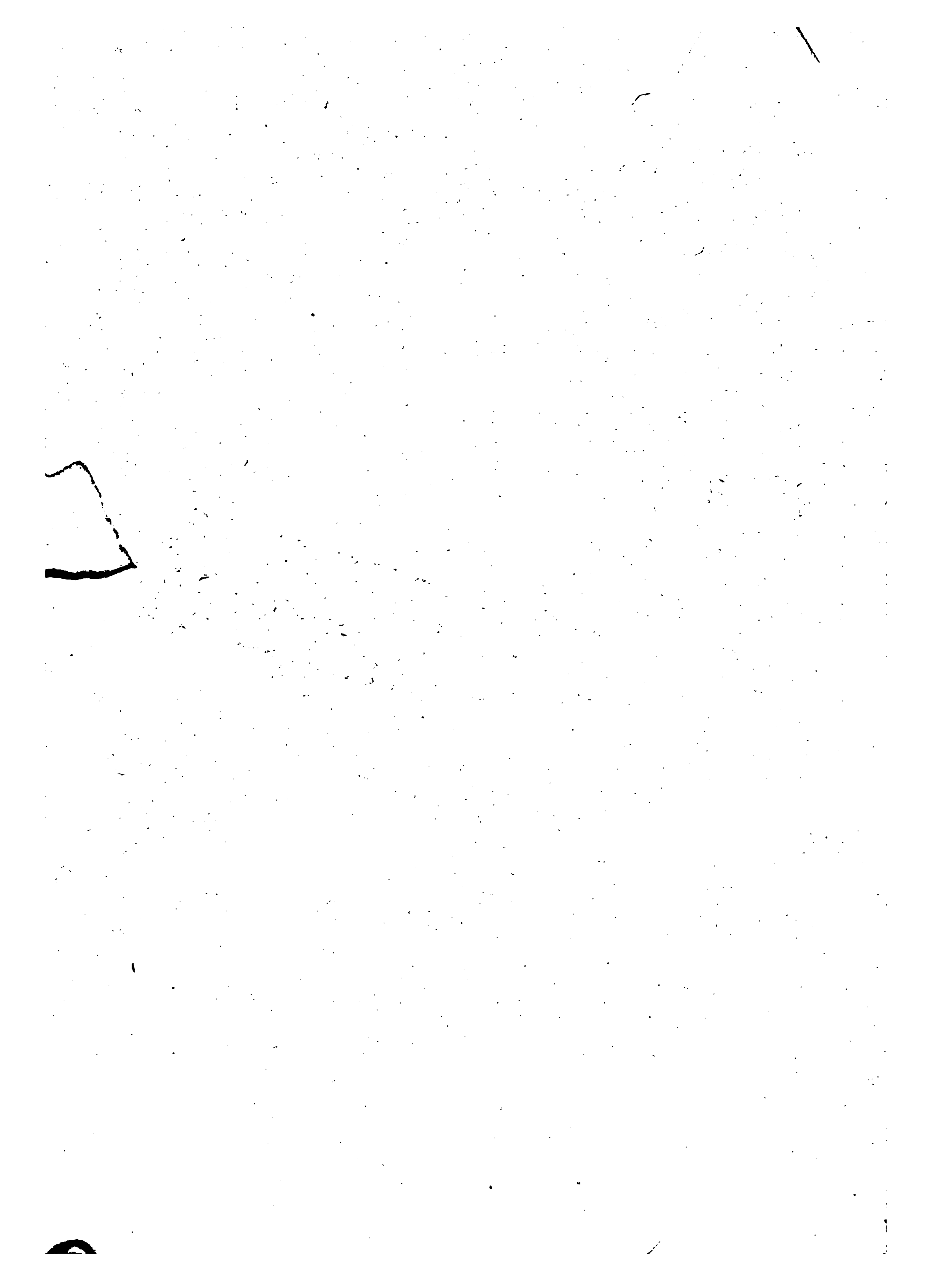
Выпускъ I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

СТАТЬИ
ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1904 г. **Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.**

Содержаніе.

Стран.

Приложенія:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ засѣданіи II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ было положено въ виду предстоящаго Съѣзда Славистовъ (назначеннаго было въ августѣ 1903 г. и по случаю войны на Дальнемъ Востокѣ временно отложеннаго) издать Сборникъ по Славяновѣдѣнію съ приглашеніемъ къ участію въ немъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, славянскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ; редакцію этого Сборника поручить ординарному академику В. И. Ламанскому.

Въ засѣданіи Отдѣленія (1 февр. 1903 г.) академикъ В. И. Ламанскій представилъ на разсмотрѣніе Отдѣленія составленный имъ въ чернѣ набросокъ предполагаемой программы Сборника и съ приглашеніемъ къ участію въ немъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ, а также списокъ лицъ, участіе коихъ въ Сборникѣ было бы очень желательно.

По выслушаніи въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій всѣхъ замѣчаній, выработана была программа въ видѣ письма редактора къ предполагаемымъ и желательнымъ участникамъ Сборника, и, по значительномъ пополненіи представленнаго списка послѣднихъ, Отдѣленіе поручило редактору напечатать на русскомъ и на французскомъ языкахъ приглашеніе *) и по его отпечатаніи разослать къ русскимъ и иностраннымъ ученымъ.

---

*) Милостивый Государь! II-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ положило:

«1) издать къ концу августа 1904 года «Сборникъ статей по славяновѣдѣнію», разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ слова (исторія языка и діалектологія; этнологія и этнографія; древности; археологія бытовая и художественная; исторія литературы и образованности; исторія славянскихъ земель);

«2) пригласить къ участію въ «Сборникѣ» сверхъ русскихъ славистовъ, западно-

На разосланное приглашеніе поступило много письменныхъ отвѣтовъ съ обѣщаніемъ принять участіе, причемъ одни обѣщали прислать къ предположенному сроку, другіе условно, въ случаѣ отложеннаго срока, наконецъ третьи или отказались отъ участія за множествомъ работъ или не соблаговолили отвѣтомъ очевидно по тѣмъ же причинамъ или, быть можетъ, по нежеланію участвовать въ предпріятіи Отдѣленія.

Когда накопилось въ редакціи порядочное число доставленныхъ статей, было приступлено къ ихъ печатанію. Въ большей части случаевъ корректуры посылались авторамъ, — что̀ не мало задерживало ходъ изданія. Тѣмъ не менѣе къ осени 1904 г. накопилось столько болѣе или менѣе важныхъ, часто довольно обширныхъ работъ, что Отдѣленіе рѣшило издать въ свѣтъ первый выпускъ „Сборника", тѣмъ болѣе, что имѣются въ редакціи двѣ прекрасныя работы съ картами, изготовленіе коихъ потребуетъ не мало времени. Нѣсколько статей II выпуска уже готовы къ печати, другія сданы въ наборъ. Редакціи обѣщано отъ разныхъ лицъ еще не мало трудовъ.

славянскихъ, а также англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, румынскихъ, венгерскихъ и скандинавскихъ;

«3) при этомъ просить каждаго изъ нихъ о доставленіи статей и замѣтокъ по важнѣйшимъ вопросамъ въ сферѣ его спеціальности — какъ старымъ, неокончательно еще разрѣшеннымъ, такъ въ особенности нынѣ возбуждаемымъ новыми-ли открытіями и находками или новыми направленіями въ сродныхъ научныхъ областяхъ, — дабы получить возможно полное и вѣрное представленіе о томъ, что̀ завѣщано первымъ вѣкомъ славяновѣдѣнія новому столѣтію;

«4) статьи принимать и печатать на русскомъ языкѣ, но если авторы того пожелаютъ, на одномъ изъ славянскихъ или романскихъ и германскихъ, наиболѣе распространенныхъ языковъ.

«5) редакцію «Сборника» поручить ординарному академику В. И. Ламанскому».

Въ исполненіе порученія II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ честь имѣю обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ Вашемъ цѣнномъ участіи въ предполагаемомъ Сборникѣ и о доставленіи статьи, если возможно, приблизительно не позже Октября 1903 г.

Каждый участникъ въ «Сборникѣ» получитъ экземпляръ Сборника и 50 оттисковъ своей статьи.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности

Ординарный академикъ *В. Ламанскій.*

P. S. Статьи посылать въ С.-Петербургъ, Императорская Академія Наукъ, Второе Отдѣленіе, въ Редакцію Сборника по Славяновѣдѣнію.

Погодинскій № 27 Апостолъ и Чудовская, усвояемая св. Алексію, рукопись Новаго Завѣта.

Чудовская, усвояемая св. Алексію, рукопись Новаго Завѣта, до недавняго времени была въ полномъ смыслѣ codex unicus, какъ единственный представитель текста своей особой редакціи, такъ какъ подобныхъ славянскихъ списковъ не было извѣстно. Въ 1893 г. мнѣ посчастливилось найти два списка Евангелія той же редакціи: одинъ изъ нихъ Четвероевангеліе XIV в. преп. Никона, Радонежскаго чудотворца, и хранится въ ризницѣ Троице-Сергіевой лавры, другой — Четвероевангеліе XIV в. Императорской Публичной библіотеки изъ собранія гр. Ѳ. А. Толстова[1]). Но для апостольскаго текста подобныхъ копій доселѣ указано не было. Занимаясь въ апрѣлѣ 1903 г. въ Императорской Публичной библіотекѣ, я нашелъ въ числѣ Погодинскихъ рукописей одинъ Апостолъ, который, какъ оказалось, содержитъ тотъ же текстъ, что и въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта, и, какъ такой, заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей славянскаго библейскаго текста. Это — Апостолъ, пис. на 122 л.[2]) въ 8-ку, на довольно тонкомъ и гладкомъ пергаминѣ, въ два столбца по 37 строкъ (до 110-го л., а отселѣ до конца рукописи по 30—31 стр.) мелкимъ и четкимъ полууставомъ XIV в., изъ собранія М. П. Погодина № 27. Правописаніе русское. Переплетъ старый кожаный, застежки оторваны. Форматъ рукописи близко подходитъ къ Чудовской и къ двумъ вышеуказаннымъ спискамъ Четвероевангелія. Такъ, разсматриваемая Погодинская рукопись Апостола имѣетъ въ длину 4 вершка, въ ширину $2^7/_8$ в.; каждый столбецъ занимаетъ въ длину $3^2/_8$ в. и въ ширину 1 в., остальное занято полями. Чудовская рукопись Новаго Завѣта имѣетъ въ длину 4 в., въ ширину отъ $2^3/_8$ до $2^1/_2$ в.; длина столбца $3^1/_2$ в., ширина 1 в. Четвероевангеліе преп. Никона имѣетъ въ длину 3 в., въ ширину $2^3/_8$ в.; длина столбца $2^2/_8$ в. и ширина $^6/_8$ в. Четвероевангеліе

1) Оба списка Четвероевангелія подвергнуты разсмотрѣнію въ нашихъ трудахъ: «Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій... Сергіевъ Посадъ, 1894» и «Характеристическія черты четырехъ редакцій слав. перевода Ев. отъ Марка... Москва, 1896».

2) Рукопись не сполна перенумерована (нумерованы только первые 14 листовъ и затѣмъ 20, 30, 40 и т. д., только десятые листы).

изъ собр. гр. Толстова имѣетъ въ длину $3^1/_2$ в. и въ ширину $2^1/_2$ в., писано въ одинъ столбецъ. — Полууставной почеркъ и орнаменты (простыя писанныя киноварью заставки и заглавныя буквы) также близко сходны во всѣхъ четырехъ рукописяхъ и предполагаютъ одну и ту же школу. Только въ Погодинскомъ Апостолѣ меньше заставокъ, чѣмъ въ Чудовской рукописи: предъ многими посланіями заставокъ нѣтъ. Удареній въ Погодинскомъ Апостолѣ нѣтъ. Титлъ простыхъ и буквенныхъ много. Изъ надстрочныхъ значковъ ставятся надъ гласными ˙, ¨, ʼ, ʽ; изъ знаковъ препинанія употребляются точка и четвероточіе. Киноварью пишутся, кромѣ заставокъ, заглавій посланій и заглавныхъ буквъ, также дни, въ которые положены извѣстныя чтенія, и начала чтеній. — Чудовская рукопись Новаго Завѣта написана русскимъ писцомъ въ Константинополѣ, остальныя три рукописи и въ томъ числѣ Погодинскій Апостолъ принадлежатъ по мѣсту написанія Московской Руси XIV вѣка. Лаврское Четвероевангеліе усвояется по преданію преп. Никону, Радонежскому чудотворцу. Погодинскій № 27 Апостолъ принадлежалъ митрополиту Филиппу, какъ видно изъ древней записи на 1 листѣ: а҃плъ. в че҃. митрополичь, филипо҃. Это, надобно полагать, митр. Филиппъ I (1464—1473), тотъ, который предпринялъ постройку новаго Успенскаго собора въ Москвѣ и который проявилъ стойко-ревностную заботливость объ охраненіи уваженія къ православію по поводу пріѣзда въ Москву второй супруги великаго князя Софьи Ѳоминишны въ сопровожденіи папскаго легата [1]).

На л. I, столб. I, киноварью написано древнимъ почеркомъ, отличнымъ отъ того, какимъ написана рукопись: Начало еу҃ае вскрн҃ымъ. чтемъ ѿ недѣла всѣ ст҃ы в нелю всѣхъ ст҃ы на оутро еу҃а .а҃. гла҃ и҃. ап҃лъ .а҃. еу҃а на ли҃. ѿ ма҃. не҃. а҃. и тако держи до вздви҃. а по въздвиженьи чтнаго крт҃а. во в҃. ю. нелю, начинае҃. ап҃лъ .ѕі. нелю. еу҃. ѿ лу҃ а҃. а ѿ ма҃. ѡставляеса.

Засимъ помѣщена вышеуказанная запись о принадлежности рукописи митр. Филиппу. На другомъ столбцѣ въ 4 колоннахъ указаніе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній [2]).

Съ об. 1-го листа начинается мелкій и четкій полууставной почеркъ XIV в. На лл. 1—13 помѣщены отрывки апостольскаго текста съ толкованіемъ. Именно.

Л. 1 об.—3 подъ заглавіемъ вверху: феса҃ .ѕ҃. помѣщенъ текстъ съ толкованіемъ изъ 2 Солун. 1, 1—3 и 2, 1—12 со словъ: о б҃зѣ о҃ци наше҃ и д҃сѣ (вм. и д҃сѣ въ Христинопольскомъ и другихъ древнихъ спискахъ Апостола и нынѣ чит. и г҃и і҃с х҃сѣ).

1) О митр. Филиппѣ I-мъ — Голубинскій, Е. Е. Исторія русской церкви, II:I, М. 1900, 532—548.

2) См. снимокъ I.

Л. 3—5 изъ 1 Сол. 5, 1–25.

Л. 5—10 изъ 2 Кор. 11, 21–13, 13.

Л. 10—13 изъ посл. къ Гал. 5, 13–6, 18.

При изслѣдованіи славянскаго перевода Евангелія отъ Марка мы видѣли, что евангельскій текстъ, содержащійся въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта и въ близкихъ къ ней Никоновскомъ и Толстовскомъ Четвероевангеліяхъ, по инымъ греческимъ чтеніямъ, а также по подбору словъ и выраженій, часто совпадаетъ съ славянскимъ переводомъ толкованій Ѳеофилакта архіепископа болгарскаго на Евангеліе по сохранившимся, довольно позднимъ, правда, спискамъ [1]). Помѣщеніе отрывковъ толкованій въ началѣ Погодинскаго Апостола естественно наводило на мысль, не отразилось ли и въ данномъ случаѣ вліяніе толкованій на апостольскій текстъ. Посему мы подробно сличили помѣщенные въ началѣ Погодинскаго Апостола отрывки текста и толкованій 1) съ извѣстными списками Толковаго Апостола, начиная съ Толковаго Апостола 1220 г. и 2) съ апостольскимъ текстомъ, какъ читается онъ въ Погодинской рукописи въ рядовыхъ посланіяхъ. При семъ оказалось, что въ Погодинскомъ Апостолѣ помѣщены отрывки того же самаго толкованія, которое въ однообразномъ видѣ читается обычно въ Толковыхъ Апостолахъ [2]), равно и текстъ при толкованіяхъ—какъ въ тѣхъ Толковыхъ Апостолахъ — древней редакціи [3]). Какъ такой, текстъ при толкованіяхъ въ Погодинской рукописи рѣзко отличается отъ того же текста въ самыхъ посланіяхъ. Такъ, въ началѣ рукописи текстъ — древней первой редакціи, а здѣсь — третьей редакціи, т. е. совершенно тотъ же, что и въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта.

О первыхъ пяти посланіяхъ ап. Павла рѣчь у насъ будетъ впереди, а здѣсь покажемъ взаимное отношеніе отрывковъ апостольскаго текста *въ толкованіяхъ и рядовыхъ посланіяхъ* изъ 1 и 2 посл. къ Солунянамъ.

Что касается *толкованій*, то помѣщенный при нихъ текстъ 1 Сол. 5, 1–25 и 2 Сол. 1, 1–3, 2, 1–12 совершенно согласенъ съ древнѣйшими списками Апостола, каковы: Христинопольскій, Охридскій, Слѣпченскій (всѣ

1) Характеристическія черты четырехъ редакцій слав. перевода Ев. отъ Марка... М. 1896, 276—279.

2) Напр. въ Толковомъ Апостолѣ по дневнымъ чтеніямъ 1501 г. библ. Моск. Дух. Академіи № 17 (фундам.) лл. 355 об.—361; 350 об.—352 об.; 544 об.—547 об.; 310—313; 257—262; 279 об.—282; 383—384; 337 об.—338 об. Въ Толк. Апостолѣ Сергіево-Лаврской библіотеки, № 118—81, XVI в. — лл. 422 об. и слѣд., 417 об. и слѣд., 326 об. и слѣд., 353 об. и слѣд.

3) За исключеніемъ чтенія: и дх҃ѣ (2 Сол. I, 1), вм. обычнаго въ древн. спискахъ и нынѣ: и г҃и і҃с х҃ѣ. Странно и помѣщеніе словъ: о б҃ѣ о҃ци наш҃ и дх҃ѣ—въ началѣ посланія отдѣльно, безъ предшествующихъ словъ: Пѵвелъ и Сілвѵнъ и Тімоѳей, цр҃кви Солѹнстѣй... Помѣщенные отрывки изъ 2 и 1 посл. къ Солун., 2 Кор. и Гал. имѣютъ своимъ предметомъ явленіе антихриста, второе пришествіе Христово, труды и злоключенія ап. Павла и его восхищеніе до третіяго небеси, дѣла плоти и плоды духа и т. д.

три XII в.) и др.[1]). Тотъ же текстъ *въ рядовыхъ посланіяхъ,* вмѣстѣ съ Чудовскою рукописью, отличается отъ древнѣйшихъ списковъ крайнею буквальностію, буквальною близостію къ греческому подлиннику. Для доказательства представимъ нѣсколько примѣровъ.

Въ отрывкахъ съ толкованіями:	*Въ посланіяхъ:*
Ὥστε αὐτὸν εἰς τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καθίσαι перев. ꙗко ѥму сѣсти въ цр҃кви бж҃иѣ 2 Сол. 2, 4.	ꙗко̑ ѥму в цр҃кви бж҃і сѣсти, т. е. ближе къ греч. тексту.
Εὐχαριστεῖν перев. хвалити 1 Сол. 5, 18 и 2 Сол. 1, 3.	бл҃годарити.
Μακροθυμεῖτε — терпѣльствуйте 1 Сол. 5, 14.	долготерпите.
Παραμυθεῖσθε τοὺς ὀλιγοψύχους — оутѣшайте тщивыꙗ 1 Сол. 5, 14.	ѹтѣшайте круподш҃ныꙗ.
Νουθετεῖν — наказати 1 Сол. 5, 12, 14.	наоумлати.
Περιποίησις — снабдѣньѥ 1 Сол. 5, 9.	претвореньѥ.
Πρῶτον — преже 2 Сол. 2, 3.	первѣѥ.
Εἰς τὸ μὴ ταχέως σαλευθῆναι — не скоро подвижатисѧ ва̑ 2 Сол. 2, 2.	ѥже не скоро подвижати̑ ва̑.
Εἰς τὸ ἀποκαλυφθῆναι αὐτὸν — ꙗвитисѧ ѥму 2 Сол. 2, 6.	въ ѥже ѿкрыти̑ ѥму.
Εἰς τὸ σωθῆναι αὐτούς — сп҃стисѧ имъ 2 Сол. 2, 10.	ѥже спстисѧ имъ.
Εἰς τὸ πιστεῦσαι αὐτοὺς τῷ ψεύδει — вѣровати имъ лъжи 2 Сол. 2, 11.	ѥже вѣровати имъ лжи.
Οὐ χρείαν ἔχετε — не трѣбуѥте 1 Сол. 5, 1.	не требѣ имате.
Προσεύχεσθε περὶ ἡμῶν — мл҃тву дѣйте ѡ на̑ 1 Сол. 5, 25.	млтвуйте ѡ на̑.
Ἵνα κριθῶσιν — да су приимꙋ̑ 2 Сол. 2, 12.	да ѡсудатсѧ.
Ἐπιστολή — буквы 2 Сол. 2, 2.	ѥпистолыꙗ.
Κατ' ἐνέργειαν τοῦ σατανᾶ — по дѣꙗнью неприꙗзнину 2 Сол. 2, 9.	по дѣꙗнью сатанину.

1) Толковый Апостолъ 1220 г. содержитъ въ себѣ только посланія къ Римл., I и 2 Кор., Гал. и Еф. до 4-го ст. 4-й главы.

На лл. 13—14 почеркомъ болѣе крупнымъ и менѣе тщательнымъ написаны двѣ постороннія статьи. Первая подъ заглавіемъ: Посланье. мужа. мдра. къ прпдбну. мужю. имене. феѡфан. а емуже посла. иманусса. прохорс (все заглавіе написано киноварью). *Начало*: Понеже видѣныꙗ мимойде подъ луну сущи всѣ. и въ торжство видѣныꙗ е житье. и иже на мори не токмо. но еще иже к оболоко. тоже и оу житьꙗ. въ днь же въ торжству непоминаныꙗ злы, но и глава въ торжьствѣ пама быꙗ. пама же быꙗ на двоѣ раздѣлѧесѧ. аще разоуно на похвалу. се ли согрѣшаесѧ ѿ правосуства на хоулу. бъ бо не ꙗтъ е стртью. не токмо стрстью но хвалою. члвчскыи бо вещи ꙗты су обой... Вторая статья — поученіе отца духовнаго къ сыну духовному объ обязанностяхъ въ отношеніи къ церкви и другъ къ другу. *Начало:* Всечтнѣйшии. ѡ стѣмь дсѣ взлюбленый, гне імре. многогрѣшныи імре чело бьѣ. блгть бѹди и миръ ѿ ба твоеи стни. наше оубо и смире и пращае. и волю дае твоемѹ бголюбью. цѣло имѣи мдрованье православны догмато. и почитай блгочтно мтре твоеꙗ црквь. ꙗже о стѣмь дсѣ тѧ вздой. іс хмь о бзѣ мною...

Л. 14 об. подъ киноварной заставкой изъ перевитыхъ жгутовъ: Историꙗ дѣꙗний аплескъ. Єсть повѣдаꙗй дѣꙗныꙗ апл. лука євнглистъ. антиѡхиꙗнинъ оубо сы родо. вра хитростью. спествоуѥ аплмъ. и паче павлови[1]).

— Гла. всѣ и єпистолии котораꙗ по которой написана.

— Прологъ павлова оученыꙗ повѣдаꙗй єпистолий .ді.

Л. 15 подъ заставкой: Лукы євнглста. дѣꙗныꙗ стыхъ аплъ.

Л. 37 об. подъ заставкой: Прологъ. сборны. єписто.

— Ска. кафолчскиꙗ иꙗковлѧ ⁘

Л. 38 Изложенье. главамъ. сборныꙗ єпистолиꙗ иꙗковлѧ.

— Єпистолыꙗ стго апла иꙗква. ѡ терпѣньи. и вѣрѣ нелицемѣрнѣ. и ѡ смѣреноѹмьи к бтгы.

Такъ и всѣ слѣдующія соборныя посланія предваряются «сказаніями» и «главами».

Л. 49 об. Пресловье єѳалиꙗ дьꙗкона преоучинено книзѣ єпистолиі павла апла. Л. 50 Любовыченью и тищаливому дивьсѧ твоєꙗ любве оче чтныи...

Л. 53 Пресловье євфалиа діакона преоучинено книгамъ єпистолии. павла апла ⁘ Моученье стго апла павла ⁘ При нерѡнѣ кесари римстѣ. свѣдѣтелствова тамо паве. мече в главу оусѣче бы...

— Сказае єже к рилѧно посланье стго апла павл. Сие посылае ѿ коринфа не оу єще видѣвъ римлѧны...

---

1) См. снимокъ II.

Л. 53 Ѥпистолиꙗ к римлано҃ сто апла па҃. Такъ съ обычными предварительными статьями написаны на лл. 49 об.—107 об. всѣ посланія ап. Павла. Въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта помѣщенъ и Апокалипсисъ, но здѣсь его нѣтъ.

Л. 107 об. Сказаньк о апл҃ѣхъ идеже кииждо житьк сконча҃. в нихже и .б҃. оучн҃къ сп҃св҃ъ. ови еппи. в различн҃ы мѣст҃ѣ и ꙗзыцѣхъ быша. ини же в служба҃ слову. ꙗже бж҃твенъıй паве҃. в посланьи҃. цѣлоуꙗ помина҃е. ї же по воскресеньи сп҃са наше҃. из мр҃твыхъ. вси послани быша во всѧ страны. їхже имена сице написана. Первый ꙗковъ. бра҃ гн҃ь . . . Этой статьи нѣтъ въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта.

Л. 108 об.—109 прокимны будничные и воскресные.

Л. 109 об.—110 двѣ постороннія статьи (написаны болѣе крупнымъ почеркомъ). Начало первой (безъ заглавія): Не незнаема соу твоеи сщ҃енѣи дш҃и. ѡ честнаꙗ мнѣ главо. многовжелѣнный и иже ѿ ст҃ѣмъ доусѣ взлюбленне ѡц҃мь ѿч҃е киръ иѡа҃. или ино имѧ рещи . . . Вторая статья — начало молитвы: Ст҃аꙗ тр҃це единосоущнаꙗ и неѡдержимаꙗ деръжаво. и нераздѣлимое цр҃тво. иже всѣ҃ бл҃гыхъ виновна. бл҃говоли в настоꙗщий сии ча҃. и о мнѣ грѣшнѣмь. и всѧ ѿмы скверны. и просвѣти ми смыслъ. ꙗко да вьсегда вспѣваю тѧ. ї славословѧ и гл҃ѧ. еди҃ ст҃ъ еди҃·:· Половина столбца на л. 110 и весь листъ 110 об. пустые.

Другимъ также болѣе крупнымъ почеркомъ по 30—31 строкѣ на столбцѣ написаны на лл. 111—122 указатель чтеній апостольскихъ и мѣсяцесловъ, прерывающійся на 1 августа. Славянскихъ святыхъ ни одного не указывается, какъ и въ мѣсяцесловѣ при Чудовской рукописи Новаго Завѣта. И въ Погодинской и въ Чудовской рукописи мѣсяцесловъ очень краткій, особенно съ февраля мѣсяца; числа и памяти въ нихъ, однако, иногда не совпадаютъ другъ съ другомъ.

Что касается текста апостольскаго, то Погодинскій № 27 Апостолъ представляетъ въ этомъ отношеніи точную копію съ Чудовской рукописи Новаго Завѣта. Ниже приводятся доказательства изъ первыхъ пяти посланій ап. Павла.

Примѣчаніе 1. Текстъ первой редакціи мы приводимъ по *Толковому Апостолу 1220 года*, рукописи Московской Синодальной библіотеки № 7—95, а въ мѣстахъ недостающихъ (Римл. 4, 11—17; 1 Кор. 11, 3—17 и Еф. 4, 4—6, 24) по Христинопольскому Апостолу XII въ изданіи Е. Калужняцкаго: Actus Epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, MDCCCXCVI. — Текстъ второй редакціи приводится по *Толстовскому Апостолу XIV в.* Императорской Пу-

бличной библіотеки собр. гр. Ѳ. А. Толстова № 5 и текстъ четвертой редакціи по *полному списку Библіи 1499 года* Московской Синодальной библіотеки. Эти рукописи приняты нами за основные списки соотвѣтствующихъ редакцій въ изслѣдованіи: «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. М. 1879» и въ изданіи «Посланія къ Римлянамъ... Сергіевъ Посадъ, 1892». Остальные славянскіе списки имѣются въ виду тѣ же, что въ вышеназванныхъ нашихъ трудахъ.

Примѣчаніе 2. Чтеніе, содержащееся во многихъ рукописяхъ или въ различныхъ печатныхъ Библіяхъ, всегда приводится совершенно точно по *первой* изъ указываемыхъ рукописей или печатныхъ Библій.

Примѣчаніе 3. Краткое обозначеніе древнихъ греческихъ кодексовъ, содержащихъ посланія ап. Павла, IV—IX вв. (codices unciales), принятыхъ въ изданіе К. Тишендорфа: Novum Testamentum graece... Editio octava critica major. Vol. II. Lipsiae, 1870.

ℵ *Син.* Синайскій кодексъ IV в., въ С.-Петербургѣ.
A *Ал.* Александрійскій V в., въ Лондонѣ.
B *Ват.* Ватиканскій IV в., въ Римѣ.
C *Ефр.* Ефрема Сирина код., V в. въ Парижѣ.
D *Клерм.* Клермонтскій VI в., въ Парижѣ.
E *Сенж.* Сенжерменскій IX в., въ С.-Петербургѣ.
F *Кембр.* Кембриджскій IX в., въ Кембриджѣ.
F[a] *Коал.* Коаленевскій VII в., въ Парижѣ.
G *Дрезд.* Дрезденскій IX в., въ Дрезденѣ.
H *Коал.* Коаленевскій VI в., ч. въ С.-Петербургѣ, ч. въ Парижѣ.
I *Палимпс.* Отрывки палимпсеста VI в., въ С.-Петербургѣ.
K *Моск.* Московскій код. IX в., въ Москвѣ.
L *Рим.* Римскій IX в., въ Римѣ.
M *Отр.* Отрывки IX в., ч. въ Гамбургѣ, ч. въ Лондонѣ.
N *Отр.* Отрывки IX в., въ С.-Петербургѣ.
O *Отр.* Отрывокъ IX в., въ С.-Петербургѣ.
O[b] *Отр.* Отрывокъ VI в., въ Москвѣ.
P *Порф.* Порфиріевскій код. IX в.
Q *Отр.* Нѣсколько отрывковъ V в.

Такъ какъ характеристика редакціи апостольскаго текста, содержащагося въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта, достигается опредѣленіемъ отношенія этой послѣдней къ предшествующимъ ей славянскимъ спискамъ и къ нынѣшнему печатному тексту, то съ этихъ же сторонъ мы представляемъ далѣе черты сходства Погодинскаго № 27 Апостола и рукописи Чудовской.

1. Въ Погодинскомъ № 27 спискѣ, согласно съ Чудовскимъ, удерживаются слѣдующія отличія первой редакціи апостольскаго текста:

а) *варіанты:*

Римл. 2, 19 пованши же себе. вожа быти слѣпы (πεποιθάς τε σεαυτόν). Такъ 1 ред. (оуповавши же себе) и 2 ред. (оуповаѣши же собою). Чтеніе 4 ред. надѣꙗ же сꙗ себе, Библій Острожской 1581 г., Московской 1663 г. и Елизаветинской 1751 г. оуповáꙗ же себе предполагаетъ греческій варіантъ πεποιθώς τε, отмѣченный у Миллія по толкованію Амвросія.

5, 11 не токмо же. но и хвалꙗще о бзѣ (καυχώμενοι ἐν τῷ θεῷ). Списки 2 и 4 ред. и всѣ печатныя Библіи: хвалимъсꙗ ѡ бзѣ (καυχώμεθα).

11, 7 прочии же окаменѣша (ἐπωρώθησαν). Такъ всѣ редакціи (1 и 4 ред. ѡкаменишасꙗ). Печатныя Библіи, начиная съ Острожской, имѣютъ: прочїи же ѡслѣпи́шасꙗ. У Тишендорфа показанъ варіантъ ἐπηρώθησαν. Excaecati sunt чит. въ древне-итал. пер., въ Вульгатѣ, въ арм. пер. и у Оригена.

11, 25 ꙗко ѡкаменьнье (πώρωσις) ѿ части излю бы. Такъ и 2 ред. Списки 4 ред., Библіи Острожская 1581 г. и Московская 1663 г.: недоꙋмѣнїе, Елизаветинская 1751 г. ѡслѣплéнїе. Въ древнихъ латинскихъ переводахъ, въ Вульгатѣ, у Ор., Авг., Амвр. чит. caecitas, πήρωσις. Πήρωσις въ значеніи духовнаго ослѣпленія употребляется у Златоуста. (См. Passow, Händwörterbuch der griech. Sprache, Leipzig, 1852, подъ словомъ πήρωσις).

16, 17 молю же вы брате. блюсти (σκοπεῖν) иже творꙗщи распрꙗ и соблазны. Такъ всѣ редакціи, за незначительными уклоненіями (Хлуд. № 28 или А 6). Острожская Библія: блюди́тесꙗ ѿ творꙗ́щихъ распрꙗ̀ и раздóры. Такъ и остальныя печатныя Библіи. У Шольца и Тишендорфа отмѣченъ вар. σκοπεῖτε.

1 Кор. 3, 4 етеръ азъ (приб.) аполлосов. Обычное греческое чтеніе — ἐγώ Ἀπολλῶ. Такъ всѣ славянскіе списки и печатныя Библіи: Острожская, Московская и Елизаветинская. Въ изд. Новаго Завѣта, СПБ. 1869 г. чит.: дрꙋгїи же: Аполлѡ́совъ (опущ. ἐγώ показано въ варіантахъ у Тишендорфа). Впрочемъ, и въ нынѣшней печатной Библіи (напр. 1863 г.) содержится

обычное чтеніе, съ удержаніемъ азъ. Мы обращаемъ вниманіе на изданіе Новаго Завѣта 1869 г. потому, что замѣтили въ немъ и еще отступленіе отъ общепринятаго печатнаго текста Библіи. Такъ, въ немъ Римл. 13, 9 послѣ словъ: не прелюбы̀ сотвори́ши, не оу҆бі́еши опущено: не укра́деши.

4, 15 а҆́ще бо тмами настав(ни)ки и҆́мате о҆ х҃ѣ (μυρίους παιδαγωγούς — обычное греческое чтеніе). Такъ и 4 ред.: а҆́ще бѡ҆ тмꙋ пѣстꙋнъ и҆ма҃ о҆ х҃ѣ. Но списки 2 ред.: многъı наставники, Острожская и Московская 1663 г. Библіи: многихъ пѣстꙋ̑, Елизаветинская: мно́ги пѣстꙋны. У Грійзбаха и Шольца указанъ вар. πολλούς παιδαγωγούς, по нѣкоторымъ позднимъ греческимъ спискамъ и по толк. Златоуста.

4, 16 подобници ми бъıваите (ꙗ҆́коже а҆́зъ Х҃ртꙋ опущ.). Такъ всѣ славянскіе списки. И въ древнихъ греческихъ кодексахъ не читаются слова: καθὼς ἐγὼ Χριστοῦ). Острожская Библія 1581 г. прибавляетъ: ꙗ҆́ко же азъ х҃ꙋ, Московская 1663 г. заключаетъ эти слова въ скобки и дѣлаетъ замѣтку на полѣ: «что во горо҃ках' сегѡ въ гре̑ нѣ҃», Елизаветинская помѣщаетъ безъ оговорки. — Шольцъ и Тишендорфъ указываютъ прибавленіе соотвѣтствующихъ греческихъ словъ въ варіантахъ, по нѣкоторымъ позднимъ греческимъ спискамъ и по толкованію Златоуста. Вѣроятно, это прибавленіе заимствовано изъ 11, 1.

6, 15 т҃ѣ ли оу҆бо оу҆дъı х҃въı створю блудн̑ича оу҆дъı (древній переводчикъ читалъ вѣроятно ἄρα οὖν, вм. обычнаго ἄρας; первое чтеніе содержится въ Порф. код., у Дид. и Дам.). Такъ и 4 ред. Но 2 ред.: возмемъ ли, Острожская и прочія печатныя Библіи: взе̑ ли.

6, 17 прилѣплꙗѩисѧ же г҃ви. ѥдинъ д҃хъ ѥсть (съ Г҃демъ оп.). Такъ всѣ редакціи. Греч. ἓν πνεῦμά ἐστιν. Острожская, Московская 1663 г. и Елизаветинская Библіи прибавили, вѣроятно, для ясности мысли: съ г҃мъ.

7, 14 с҃тит бо сѧ мужь невѣренъ о҆ женѣ (вѣрнѣ оп.). и҆ с҃титсѧ жена невѣрна о҆ мужи (вѣрнѣ оп.). Въ Син., Ал., Ват., Ефр. кодексахъ ἐν τῇ γυναικί, ἐν τῷ ἀνδρί читаются безъ прибавленія τῇ πίστῃ, τῷ πίστῳ. Такъ и 2 ред. Но 4 редакція и всѣ печатныя Библіи имѣютъ нынѣшнее прибавленіе, согласно съ болѣе поздними греческими списками.

7, 21 но а҆́ще и҆ можеши свободь бъıти. па҃ дѣлаи̑ (μᾶλλον χρῆσαι). Такъ всѣ редакціи. Чтеніе печатныхъ Библій, начиная съ Острожской 1581 г. — бо́льши порабо́ти себе основывается на толкованіи Златоуста: μᾶλλον χρῆσαι — τουτ᾽ ἔστι μᾶλλον δούλευε.

7, 34 непосагшиꙗ̀ печетсѧ г҃скими (ка́кѡ оу҆годи́ти Г҃деви оп.). Такъ всѣ редакціи. Острожская 1581 г. и прочія печатныя Библіи прибавляютъ: како оу҆годити г҃ви. Слова эти заимствованы, вѣроятно, изъ 32 ст. той же главы; впрочемъ, онѣ читаются и въ ст. 34-мъ въ нѣкоторыхъ позднихъ греческихъ спискахъ, у Авг. и Феофил.

10, 24 никтоже своѥ да ищє. но дружна (τὸ τοῦ ἑτέρου) кождо. Такъ всѣ редакціи. Острожская Библія и остальныя двѣ печатныя: но ѩже ближнаго кождо. У Θеофилакта встрѣчается вар. τὸ τοῦ πλησίον.

11, 2 ѩко всегда мѧ помните. Такъ всѣ редакціи. Πάντοτε, вм. обычнаго πάντα, чит. въ Порф. код. IX в. и у Кир. Іер. — Острожская и другія печатныя Библіи: ѩко вса моа помните.

13, 3 и аще предамъ тѣло моѥ да сгорю (ἵνα καυθήσομαι). Такъ всѣ редакціи (4 ред. да съжгѫ мѧ), за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ списковъ, имѣющихъ (какъ Охрид. и Бѣлгр. 213 и 215) да ждегѫтъ е. Острожская и остальныя Библіи: въ еже съжещи ё. Ἵνα καυθήσεται (т. е. τὸ σῶμά μου) отмѣчено въ вар. у Шольца и Тишендорфа по толкованію Климента Александрійскаго.

13, 7 любы — вса терпи (στέγει). Такъ всѣ редакціи. Но Острожская и другія печатныя Библіи: вса люби, при чемъ въ Елизаветинской Библіи на полѣ замѣчено: покрываетъ. У Кипр. встрѣчается вар. στέργει.

15, 15 ѩко воскрси ха ѥгоже не воскрси (аще оубω мертвіи не востаютъ опущ.). Въ Клерм. и Сенж. код., въ разныхъ древнихъ переводахъ и отеч. толк. не читаются соотвѣтствующія греческія слова: εἴπερ ἄρα νεκροὶ οὐκ ἐγείρονται. Такъ и 2 ред. Но 4 ред. и печатныя Библіи имѣютъ означенныя слова (Острож. Библ. и Моск. 1663 г. понеже оубω мертвіи не востаютъ).

16, 17 радую же са (χαίρω δὲ) о пришествии стефановѣ. і фуртунатовѣ и ахаиковѣ. Такъ всѣ редакціи. Острожская и прочія печатныя Библіи: возрадовахса же. У Миллія указанъ вар. ἐχάρην, по толков. Златоуста.

2 Кор. 1, 15 да въторую радость имате (вм. χάριν чит. χαρὰν въ Син., Ват., Порф. код., у Θеод. и Злат.: χαριν δε ενταυθα την χαραν λεγει). Списки 2 редакціи и всѣ печатныя Библіи: да вторую блгть имате, 4 ред. да нѣкую блгть имате.

5, 4 ибо сущии в телеси (семъ оп.) вздыхаѥ. Ἐν τῷ σκήνει безъ приб. τούτῳ чит. въ Син., Ват., Ефр. код. — Такъ и 4 ред. Но 2 ред. и всѣ печатныя Библіи: въ телесѣ семь.

7, 10 еже бо но бу печаль. покаꙗньѥ в спсньѥ нераскаꙗнно сдѣловаѥ. Греч. — μετάνοιαν εἰς σωτηρίαν ἀμεταμέλητον ἐργάζεται; варіантовъ не указывается. Такъ всѣ редакціи. — Печатныя Библіи, начиная съ Острожской: покаяніе нераскаꙗно во спсеніе содѣловаетъ.

8, 4 со многимъ оутѣшеньѥ молаще на хвою блгтью.[1]) блгть и общину

1) Хвою блгтью чит. только въ Погод. № 27 Апостолѣ и не имѣетъ соотвѣтствующихъ словъ въ греч. текстѣ.

служеныѧ иже к ст҃мъ (прїѧти нáмъ оп.). Ни въ одномъ изъ древнихъ греческихъ кодексовъ не читаются слова: δέξασθαι ἡμᾶς. — Такъ и 2 ред. Но 4 ред. и всѣ печатныя Библіи имѣютъ означенное прибавленіе: прїати нáмъ, согласно съ поздними греческими списками.

10, 6 и҆ в готовѣ имуще мстити. всѧко преступленье и҆ (приб.) ѻ҆слушанье. По Миллію и Шольцу, въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ читается: ἐκδικῆσαι πᾶσαν παράβασιν καὶ παρακοήν. — Списки 2 и 4 ред. и всѣ печатныя Библіи не имѣютъ означеннаго прибавленія.

10, 10 ꙗ҆ко оу҆бо кнїстольи҆ сꙋ҇ (приб., но слѣд. речѐ опущ.) тѧжки и҆ крѣпки. Не читалъ ли древній переводчикъ εἰσίν вм. φησίν? — 2 редакція: ꙗ҆ко тѧжькы и крѣпъкы пущеныꙗ҆ книгы. Но 4 ред. и всѣ печатныя Б҆ибліи — по нын.

13, 13 бл҃гть г҃а (нáшегѡ оп.) і҆с҃а х҃а. и҆ любы б҃а (и҆ ’Оц҃а оп.). и҆ ѻ҆бщенье ст҃го д҃ха. со всѣми вами. а҆ми҃. Во всѣхъ древнихъ греческихъ кодексахъ τοῦ κυρίου чит. безъ приб. ἡμῶν; затѣмъ, греческіе списки знаютъ только одно чтеніе ἡ ἀγάπη τοῦ θεοῦ, безъ прибавленія καὶ πατρός. Такъ и 2 редакція. 4 редакція: г҃а нáшего, Острожская и прочія печатныя Библіи — по нын.

Гал. 2, 7 но ѿвернь оу҆бо видѣвше (ἰδόντες — во всѣхъ древнихъ греческихъ кодексахъ, кромѣ Ефр. и Порф.). И 4 ред. н҃о съпротивное, видѣвъше. 2 редакція: но супротивно оувѣдѣвше, Острож. и прочія печатныя Библіи: н҃о съпроти́вное, оу҆разꙋмѣвше (εἰδότες, какъ въ Ефр., Порф. код. и у Экуменія).

3, 19 дондеже приде҃ сѣмѧ ємꙋ҆ ѻ҆бѣщано повелѣньи а҆н҃гльскими. Вмѣсто обычнаго чтенія διαταγεὶς δι' ἀγγέλων у Кир. Ал. и Θеодор. читается διαταγῇ ἀγγέλου. Такъ всѣ редакціи (4 ред. повелѣні҃е а҆г҃лъ). Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: повелѣнъ а҆г҃глы, Елизаветинская: вчинéнъ А҆г҃глы.

4, 18 добро же ревновати в добро всегда (ἐν καλῷ πάντοτε). Такъ и 2 редакція. Но 4 ред., Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: всегдà доброе, Елизаветинская: всегда в' добромъ (Кембриджскій и Дрезд. кодексы IX в. имѣютъ: πάντοτε ἐν τῷ ἀγαθῷ).

6, 16 и҆ єлици канону сему приложатсѧ (στοιχήσουσιν, вм. στιχοῦσιν, чит. въ Ват., Ефр. и друг. кодексахъ). Такъ всѣ редакціи. Острожская и прочія печатныя Библіи: и҆ є҆ли́цы правиломъ с҃и жительствꙋютъ.

Еф. 2, 2 по кнѧзю власти а҆ерьнаго д҃ха (τοῦ ἀέρος отнесено не къ предшествующему слову τῆς ἐξουσίας, какъ это имѣетъ мѣсто въ нынѣшнемъ текстѣ, а къ послѣдующему τοῦ πνεύματος). Такъ и 2 ред. (по кнѧзю власти въздушьнаго д҃ха). Но 4 ред. и всѣ печатныя Библіи читаютъ по нынѣшнему: по кнѧзю власти въздꙋшныѧ.

4, 29 но аще что бл҃го к созданью потребы (πρὸς οἰκοδομὴν τῆς χρείας, вм. τῆς πίστεως, чит. въ Син., Ал., Ват. и во многихъ древнихъ греческихъ кодексахъ). Такъ всѣ редакціи (4 ред. въ созданіе требованію), но печатныя Библіи, начиная съ Острожской 1581 года, имѣютъ по нын.: къ създанїю вѣры.

5, 17 но разумѣюще что волꙗ г҃нꙗ (вм. συνιέτε читается συνιέντες въ Клерм., Сенж. кодексахъ, затѣмъ въ древнихъ греческихъ кодексахъ, кромѣ Александрійскаго, читается τὸ θέλημα τοῦ κυρίου). Разумѣюще читаютъ первая и вторая рукописныя редакціи, разѹмѣвающе — 4 ред. и печатныя Библіи: Острож. и Моск. 1663 г.; 4 ред. и означенныя двѣ печатныя Библіи имѣютъ волꙗ б҃жїа, Елизаветинская Библія: но разѹмѣвайте, что̀ есть во́лꙗ Б҃жїꙗ.

б) *переводъ:*

Римл. 1, 13 ꙗко многаждъı взустихсꙗ (προεθέμην) ити к ва҃ (2-я ред. нужахъсꙗ, 4 ред. изрекохсꙗ, Острож. и прочія печатныя Библіи по нын.: въсхотѣхъ).

3, 27 кдѣ оу̓бо похвала. затворисꙗ (ἐξεκλείσθη). Такъ всѣ редакціи. Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: ѿгнасꙗ.

6, 17 бл҃ть же б҃ви (χάρις δὲ τῷ θεῷ). Такъ всѣ редакціи. Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: бл҃годарѝ оу̓бо б҃ѕ.

7, 16 рекоу с закономь (σύνφημι τῷ νόμῳ). Такъ всѣ редакціи. Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: хвалю зако́нъ.

11, 22 вижь оу̓бо бл҃ть. и̓ ѿсѣченьѥ (ἀποτομίαν) б҃ьѥ. Такъ всѣ редакціи. Острож. и прочія печатныя Библіи по нын.: непощадѣніе.

12, 12 м҃лтвою претерпѣвающе (προσκαρτεροῦντες). Такъ и 2 ред. Но 4 ред. въ м҃лтвѣ пожидающе, Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: въ м҃лтвѣ пребыва́юще.

14, 14 вѣдѣ и̓ препираю (πέπεισμαι) ὁ г҃ѣ і҃сѣ. 1, 2 и 4 редакціи: препираю сꙗ, Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: і̓ и̓звѣщенъ е̓смь.

16, 1 съставлꙗю (συνίστημι) же ва҃ фивею. Такъ всѣ редакціи. Острож. и прочія печатныя Библіи по нын.: врѹча́ю.

16, 2 и̓ пре҃станите ѥю (καὶ παραστῆτε αὐτῇ). 1 ред.: и̓ прѣдъ нею станете, 4 ред. и̓ станѣте пре҃ нею, 2 ред. и̓ приставите ю, Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: и̓ поспѣшествѹйте е́и.

16, 7 ꙗже і̓ преже мене бъıша о х҃ѣ (γέγοναν ἐν χριστῷ). Такъ всѣ редакціи. Но Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: и̓же и̓ прежде мене вѣроваша въ х҃а.

1 Кор. 7, 18 о̓брѣзанъ кто призва҃ да не о̓бращаѥтсꙗ (μὴ ἐπισπά-

σθω). Такъ и 2 редакція. Но 4 ред., Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: да не ѿтръгнетсѧ. Въ Елизаветинской Библіи противъ слова: да не ѿторгнетсѧ на полѣ въ кавычкахъ поставлено: да не твори себѣ неѡбрѣзанїѧ.

9, 9 не обротиши волу верхуща (οὐ φιμώσεις βοῦν ἀλοῶντα). Такъ и 4 ред. (не обрътиши). Но 2 ред. не завѧжеши ръта волу вергущю. Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: да не заградиши оуста волà молотѧща (Елиз. Библ. оустенъ). Въ древнелатинскихъ переводахъ и у латинскихъ писателей читается: non alligabis os bovi trituranti.

14, 1 гоните любовь (διώκετε). Такъ всѣ редакціи. Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: держитесѧ любве.

2 Кор. 2, 7 ꙗкоже ѿвернь (τοὐναντίον) па̑ ва̑ даровати и оутѣшити. Такъ и 2 ред. Но 4 ред. ѿноудь, Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: сꙋпротивное, Елиз. Библ. сопротивное.

2, 17 не бо ѥсмы ꙗко и прочии корчествующе (καπηλεύοντες) слово бъе. Такъ и 4 ред. Но 2 ред. продающе, Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: нечисто проповѣдꙋюще, Елизав. нечистѡ проповѣдающїи.

9, 6 сѣꙗи щадѧ щадѧ и пожне (φειδομένως). Такъ всѣ редакціи. Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: сѣѧи скꙋдостїю, скꙋдостию и пожне.

11, 20 аще кто приѥмлѥ (λαμβάνει). Такъ всѣ редакціи. Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: аще кто не въ лѣпотꙋ проторитъ, Елиз. аще кто (не влѣпотꙋ) проторитъ, а на полѣ подъ послѣднимъ словомъ поставлено: ѿемлетъ.

13, 10 да не пришедъ ѿсѣчено (ἀποτόμως) сдѣлаю. Такъ и 4 ред. (2 ред. лютѣ, Острожская и прочія печатныя Библіи: бесщадно).

Гал. 3, 4 толика пострадасте ашють аще ли и ашють (εἰκῇ). 2 ред. вотъще, 4 ред., Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: безъꙋма, Елиз. тꙋне.

4, 17 но цркви ва̑ хотѧ̑ (читано ἐκκλησίαι, вм. ἐκκλεῖσαι?). Такъ Слѣпч. Апостолъ XII в. и другіе списки 1 ред. (за исключеніемъ Христинопольскаго Апостола XII в. и Толковаго Апостола 1220 г., въ коихъ чит. нъ прѣльстити хотѧть), также и всѣ остальныя рукописныя редакціи. Но Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: но ѿлꙋчити васъ хотѧ̑.

6, 7 бъ не подра(жа)ѥмъ бываѥ (θεὸς οὐ μυκτηρίζεται). Такъ Слѣпч. Апостолъ (бъ подрѣжаемъ не бываетъ) и другіе списки 1 ред., а также 4 ред. бъ подражаѥ не бываѥ (2 ред. бъ не хулѧетьсѧ, Толк. Ап. 1220 г. бъ похоужрѣѥмъ не бываѥть). Острожская и прочія печатныя Библіи по нын.: бъ порꙋгаемъ не бываетъ.

Еф. 2, 3 и бѣхо̑ чада родомь гнѣвоу (φύσει, 2 ред. вещью, 4 ред. и всѣ печатныя Библіи: ество̑).

4, 13 дондеже соткнѣмсѧ (καταντήσωμεν) вси. въ єдіненьє вѣры. 2 ред. дондеже снидемъсѧ вси. въ совокупленіе вѣрѣ, 4 ред. приспѣе, Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: достигнемъ.

5, 1 будите оубо подобни бу (μιμηταί). Такъ и 4 ред. (2 ред. и всѣ печатныя Библіи по нын.: бывайте оубо подражатели бу).

5, 27 не имущю скверны... ли враски (ῥυτίδα). Такъ и 4 ред. (2 ред. ни клосни, Острожская и другія печатныя Библіи: или порока).

6, 7 с любовью рабтающе (μετ' εὐνοίας, — 2 ред. съ приѧзнью, Острожская и другія печатныя Библіи по нын.: съ блгоразѹміемъ). 4 ред. имѣетъ двойной переводъ: с любовію. слѹжаще ѧко гѹ. съ блгоразѹміемь.

Въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ, какъ и въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта, оставлены безъ перевода тѣ же чужія слова, что и въ спискахъ первой редакціи:

Ἀήρ — аѥръ 1 Кор. 9, 26; Еф. 2, 2 (аѥрнаго дха).

Ἀκροβυστία — акровистиѧ Римл. 2, 25—27; 3, 30; 4, 9—12; 1 Кор. 7, 18, 19.

Ἀνάθεμα — анаѳема Римл. 9, 3.

Ἀποστολή — аплъство Гал. 2, 8.

Ἀπόστολος — аплъ Еф. 1, 1.

Βραβεῖον — вравьѧ 1 Кор. 9, 24.

Ἐπιστολή — епистолиѧ Римл. 16, 22; 2 Кор. 3, 1, 2, 3; 7, 8; 10, 9, 10, 11.

Εὐαγγέλιον — ѥвнглье Римл. 1, 1, 16; 10, 16; 11, 28; 14, 24; 15, 16, 19, 29; 1 Кор. 4, 15; 9, 12, 14, 18, 23; 15, 1; 2 Кор. 2, 12; 4, 3, 4; 9, 13; 10, 14; 11, 4, 7; Гал. 1, 6, 7, 11; 2, 2, 5, 7, 14; Еф. 1, 13; 3, 6; 6, 15, 19.

Εὐαγγελιστής — еуалистъ Еф. 4, 11.

Οἰκονόμος — иконо Римл. 16, 23.

Στάδιον — стадиѧ 1 Кор. 9, 24.

Ὑπόστασις — ипостась 11, 17.

2. Погодинскій № 27 Апостолъ согласуется съ Чудовскою, усвояемою св. Алексію, рукописью Новаго Завѣта и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта послѣдняя, отступая отъ древнихъ списковъ первой редакціи, имѣетъ чтенія, принятыя въ нынѣшній печатный текстъ. Вотъ для образца нѣсколько такихъ случаевъ.

а) *варіанты:*

Римл. 3, 29 ли июдѣе бъ токмо (μόνον, — 1 и 2 редакціи: или июдѣомъ єдинѣмъ бъ — ἢ Ἰουδαίων μόνων ὁ θεός). 8, 34 хс оумрый. па же

й вскрсъій (безъ приб. йз мьртвъійхъ, какъ 1 и 2 редакціи). 9, 25 ꙗ́ко й во ѡ́сиі гл҇ть (ἐν τῷ Ὡσηὲ,—1, 2 и 4 ред. ꙗ́коже й ѡ́сей гл҇ть, Ὡσηέ). 11, 31 да й ти (безъ приб. послѣдь) помиловани буду҇. 15, 4 ѐлика оу҆бо прѣ҇писаса (προεγράφη,—1 ред. єлико бо писана бъіша, ἐγράφη).—*1 Кор.* 1, 15 ꙗко в моє йма крьстихъ (ἐβάπτισα, — 1 ред. ꙗко въ има моє кр҇тистеса, ἐβαπτίσθητε). 1, 23 ѐл҇ином же буйство (Ἕλλησι, — 1 и 2 ред. ꙗзыкомъ же боуєсть, ἔθνεσιν). 7, 5 й паки вкупь да сходітеса (συνέρχησθε, — 1 ред. й пакы въкоупь боудете, — ἦτε). 9, 19 да множайшаꙗ приѡбращю (τοὺς πλείονας, — 1 ред. да вса приобращю, τοὺς πάντας). 11, 30 и сп҇а доволни (ἱκανοί, — 1 и 2 ред. й спать мнози, πολλοί). — *2 Кор.* 3, 14 но (о)слепоша помышленыꙗ йхъ (ἐπηρώθη, — 1, 2 и 4 ред. ȍкаменѣша, ἐπωρώθη). 4, 16 но внутрений (безъ приб. нашь) понавлаєса дн҇ь й дн҇ь. 6, 16 й буду ймъ б҇ъ (θεός, — 1 ред. въ б҇ъ, εἰς θεόν). 11, 14 й не чюдно (οὐ θαύμαστον, —1 ред. й не чюдо, οὐ θαῦμα).—*Гал.* 1, 9 аще кто ва҇ бл҇говѣсти҇ па҇ єже приꙗсте (παρ' ὃ παρελάβετε, — 1 ред. паче єже бл҇говѣстихомъ вамъ, παρ' ὃ εὐαγγελισάμεθα ὑμῖν). 3, 17 й по лѣтѣх четырьсо҇ й трийдеса҇ бывъ зако҇ (1 ред. бывъ по чьтырьхъ стѣхъ й трьхъ десатѣхъ лѣтѣхъ законъ). 4, 15 коє оу҆бо бѣ бл҇жньство ваше (τίς οὖν ἦν ὁ μακαρισμὸς ὑμῶν, — 1 ред. къде оубо бл҇жньство ваше,— ποῦ οὖν ὁ μακαρισμὸς ὑμῶν). — *Еф.* 2, 19 но (съ опущ. єсте) сугражане ст҇ы. 3, 19 разѹмѣти же преспѣющюю разѹма любовь х҇ву (1, 2 и 4 ред. разоумѣти же й преймоущий разоумъ любъве х҇ъ). 4, 8 ї дасть даꙗныꙗ члвко҇ (ἔδωκεν δόματα τοῖς ἀνθρώποις, — 1 ред. приꙗлъ єси даꙗниє въ чл҇вцѣхъ[1]), ἔλαβες δόματα ἐν ἀνθρώποις). 5, 15 блюдѣте оу҆бо како ѻпасно ходіте (πῶς ἀκριβῶς, — 1, 2 и 4 ред. бл҇юдѣте оу҆бо опасно како ходите, ἀκριβῶς πῶς). 5, 33 кождо свою жену тако да люб҇и (οὕτως,—1 ред. безъ приб. тако). 6, 12 ꙗко н҇е намъ брани (ἡμῖν ἡ πάλη,— 1 ред. ꙗко нѣсть ваша брань, ὑμῖν ἡ πάλη).

б) *переводъ:*

Римл. 2, 22 гнушаꙗса йдо҇ (ὁ βδελυσσόμενος,—1 ред. скарѣдоуꙗса). 3, 19 да всака ѹста заградатса (ἵνα πᾶν στόμα φραγῇ, — 1 ред. сътъкноутьса). 6, 1 пребудемъ ли в грѣсѣ (ἐπιμένωμεν,—1 ред. налажемъ ли). 7, 1 ꙗко зако҇ обладає чл҇вку (κυριεύει, — 1 ред. оустоить). 7, 18 єже бо хотѣти прилежит ми (τὸ γὰρ θέλειν, — 1 ред. вола бо прилежить ми). 8, 27 ꙗко по б҇у проповѣдає ȍ ст҇хъ (κατὰ θεόν,—1 ред. ꙗко на б҇жию проповѣдаєть по ст҇ыхъ; такъ же перев. κατὰ θεόν и 2 Кор. 7, 9; Еф. 4,

1) Чтенія первой редакціи, начиная съ Еф. 4, 8 и до конца посланія заимствуются изъ Христинопольской рукописи Апостола XII в., въ изд. Е. Калужняцкаго (Vindobonae, 1896).

24). 11, 16 аще начато стъ. и мѣшеньѥ (τὸ φύραμα,—1 ред. присъпъ). 13, 1 всака дшa власти предержащи да повинуѥтсѧ (ἐξουσίαις ὑπερεχούσαις, — 1 ред. вл̃камъ превладоущиимъ). 15, 16 въ ѥже быти ми служителю іс̃ хв̃у въ ıазыцѣ. сщ̃нодѣющю ѥуа̃лье бж̃е (ἱερουργοῦντα, — 1 ред. слꙋжащю). — *1 Кор*. 3, 17 аще кто цр̃квь бж̃ю растлѝ. растлѝ тo бг̃ъ (φθείρει, — 1 ред. оскврьнитъ). 7, 5 да не искоушаѥ ва сатона (ὁ σατανᾶς, — 1 ред. неприıазнь[1]). 7, 35 не да сило вамъ наложю (βρόχον,—1 ред. обьдьржьницю). 12, 24 и безъобразнаꙗ наша. бл̃гоѡбразьѥ излише иму (εὐσχημοσύνην, — 1 ред. бл̃гокоущьньство). *2 Кор*. 2, 5 да не отагчаю всѣ ва (ἐπιβαρῶ, — 1 ред. да не стоужаю всѣмъ вамъ). 2, 6 доволно таковомоу запрѣщеньѥ се (ἡ ἐπιτιμία, — 1 ред. показнь си). 5, 4 вздыхаѥ отагчаѥми (βαρούμενοι, — 1 ред. негодоующе). — *Гал*. 2, 6 лица бъ чл̃вча не приѥмлѥ (οὐ λαμβάνει, — 1 ред. лица бъ чл̃векоу не ѡбиноуѥтьсѧ. 2, 11 ıако зазорен ми бѣ (κατεγνωσμένος, — 1 ред. зазраченъ). 4, 19 чадца моıа. іми же паки болѣзную (οὓς πάλιν ὠδίνω,— 1 ред. аже пакы рожю). 5, 12 да ѿсѣкутсѧ раскалающиі ва (ὄφελον καὶ ἀποκόψονται οἱ ἀναστατοῦντες ὑμᾶς, — нын. ѡ дабы ѿсѣчени были развращающіи васъ, 1 ред. не да и да съдьрьгноутьсѧ развѣщающей вы). *Еф*. 4, 13 в мѣру взраста (ἡλικίας, — 1 ред. въ мѣроу тѣла[2]). 4, 27 не дадите мѣста дьıаволу (τῷ διαβόλῳ, — 1 ред. неприıазни). 4, 29 всако слово гнило ѿ оустъ ваши да не исходи (σαπρὸς, — 1 ред. злоѥ). 5, 16 ıако днье лукави су (πονηραί, — 1 ред. зли). 6, 16 стрѣлы лукаваго (τοῦ πονηροῦ,—1 ред. стрѣлы неприıазнины).

По нынѣшнему переводятся въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ, какъ и въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта, отдѣльныя чаще встрѣчающіяся слова, какъ то:

Γραφή — писа̃е Римл. 4, 3; 10, 8, 11; 11, 2; 15, 4; 1 Кор. 15, 3—4; Гал. 3, 8, 22; 4, 30 (Римл. 1, 2 ἐν γραφαῖς — въ писменѣ; 2, 27 διὰ γράμματος — пісмени ра̃). Въ спискахъ Апостола 1 редакціи γραφή, γραφαί, γράμμα переводятся словомъ кънигы.

Εὐχαριστῷ — бл̃гдарю Римл. 1, 8, 21; 7, 25; 14, 6; 1 Кор. 1, 4, 14; 10, 30; 11, 24; 14, 17, 18; 2 Кор. 1, 11. Εὐχαριστία — бл̃гдареньѥ 1 Кор. 14, 16. Въ спискахъ 1 ред. εὐχαριστῷ — хвалю (1 Кор. 10, 30 и 11, 24 — похвалꙗю), εὐχαριστία — хвала.

Θέλω — хощю Римл. 1, 13; 11, 25; 1 Кор. 10, 1, 20; 11, 3; 12, 1; 14, 5; 2 Кор. 1, 8 (1 ред. велю).

---

1) Такъ и 2 Кор. 2, 11 да не ѡбидѣни бꙋдѣ отъ сатоны (ὑπὸ τοῦ σατανᾶ, — 1 ред. ѿ неприıазни.

2) Чтенія первой редакціи въ посл. къ Ефес. съ 4, 13 и до конца посланія приводимъ по Христинопольскому Апостолу XII в., въ изд. Е. Калужняцкаго.

Λογίζομαι — вмѣнаюса Римл. 4, 5, 6, 10, 22; 9, 8 (I ред. причитаюса).

Συγγενής — сродникъ Римл. 9, 3; 16, 7, 11, 21 (I ред. оужика).

Τίς — нѣкиі Римл. 1, 11, 13; 3, 3, 8; 1 Кор. 4, 18 (1 ред. ктеръ).

Ὁ φυσικός — ꙗстьственъıи Римл. 1, 26, ἡ ἐκ φύσεως ἀκροβυστία — сущаꙗ ѿ ꙗстьства акровистиꙗ 2, 27; ὁ κατὰ φύσιν — сущии по єству, и по ꙗстьству 11, 21, 24 (1 ред. родительскъıи, родительнъıи).

3. Погодинскій № 27 Апостолъ согласуется съ Чудовскою рукописью Новаго Завѣта и въ тѣхъ случаяхъ, когда эта послѣдняя усвояетъ себѣ чтенія, свойственныя только второй редакціи и чуждыя какъ древнимъ спискамъ первой редакціи, такъ и нынѣшнему печатному тексту. Представимъ для образца нѣсколько такихъ случаевъ.

а) *варіанты*:

Римл. 2, 1 о нем же бо (съ опущ. соудъмь[1]) судиши друга себе осужаꙗши. 8, 35 кто нъı разлучи ѿ любвѣ хвъı (1 ред. ѿтъ любве бжиꙗ). 16, 5 иже ѥ начато ахаии о хѣ (1 ред. въ ха). 16, 16 цѣлую вы црквı (съ опущ. вса) хвъı. — *1 Кор.* 6, 11 но ѡправдистеса о имени га (съ опущ. нашего) ıс ха. 12, 31 ревнуите даро лучши (τὰ χαρίσματα τὰ κρείττονα, — 1 ред. даровъ большиихъ, τὰ χαρίσματα τὰ μείζονα). 14, 11 и гл҃аи во мнѣ варваръ (ἐν ἐμοί, — 1 ред. мнѣ). 15, 27 ꙗко вса покорена (съ опущ. ѥмоу). — *2 Кор.* 1, 14 в днь га ıса (1 ред. въ днь га нашего ıс хса). 2, 17 не бо ѥсмъı ꙗко и прочии (1 ред. мнози) корчествующе слово бѣ. 4, 14 и на ıса дѣла воскрѣси (1 ред. съ ıсъмь). 5, 15 да живущии не ѥще собѣ живу. но за всѣ (1 ред. за на) оумершему и вставшему. 8, 9 ꙗко на дѣла (1 ред. васъ ради) обнища. бать сыи. — *Еф.* 1, 11 пронарени бывше по преложенью (съ опущ. бжию). 1, 20 и посади (1 ред. посажь) одесную себе в нбснъıхъ. 2, 1 и въı сущаꙗ мртвъı прегрѣшеньи и грѣхи (съ опущ. вашими). 6, 7 с любовью рабтающе (съ опущ. ꙗко, нын. ꙗкоже) гви.

б) *переводъ*:

Римл. 3, 4 и одолѣꙗши внегда судити ти (νικήσεις, 1 ред. преприши, нын. побѣдиши). 7, 2 оупразнитса ѿ закона мужна (κατήργηται, — 1 ред. и нын. раздрѣшитьса). — *1 Кор.* 1, 10 да не бу(ду) в ва раздори (σχίσματα, — 1 ред. и нын. распьра). 1, 17 да не истщитса

1) Чтенія первой редакціи, съ которою сходствуетъ и нынѣшній печатный текстъ, приводятся по основному списку этой редакціи — Толковому Апостолу 1220 г.

крт҃ъ хв҃ (μὴ κενωθῇ, — 1 ред. и нын. да не испразниться). 4, 11 и не оустаѥ҇ (καὶ ἀστατοῦμεν, — 1 ред. и нын. и скытаѥмъся). 9, 27 но склѣщаю моѥ' тѣло (ὑποπιάζω, — 1 ред. оудьржю, нын. оумерщвляю). 13, 11 ѥгда же бы҃ му҃. оупразнихся младенства (κατήργηκα, — 1 ред. и нын. ѿвьргохъ). — *2 Кор.* 7, 5 внѣоуду свари (μάχαι, — 1 ред. тажа, нынѣ брани). 10, 1 ѿшед же дерзаю в ва҃ (ἀπὼν, 1 ред. и нын. не сый). 12, 7 да мя томи҃ (κολαφίζῃ, — 1 ред. и нын. да ми пакости дѣѥть). — *Еф.* 3, 2 аще оубо слышасте строѥньѥ' блгодати бы҃ѧ (τὴν οἰκονομίαν, — 2 ред. строи, 1 ред. и нын. съмотрениѥ). 4, 2 со всякї смѣреномыслиѥ" (ταπεινοφροσύνης, — 1 ред. съ всякою съмѣреною моудростию, нын. со всякимъ смиреномꙋдрїемь). 5, 3 ꙗко҃ лѣпо ст҃м (πρέπει, — 1 ред. и нын. подобаѥть).

Какъ и во второй редакціи, въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ δίκαιος перев. правдивъіи Римл. 2, 13; ἐλπίς — надежа Римл. 4, 18; 5, 2, 4, 5; 8, 24; 12, 12; 15, 4, 13; 2 Кор. 3, 12; Еф. 1, 18; 2, 12; 4, 4; καθὼς γέγραπται — ꙗко҃ пише҃ся Римл. 1, 17; 2, 24; πᾶς — всь (вм. всꙗкъ) Римл. 1, 16; φρονεῖν — смыслити, φρόνημα — смышленьѥ Римл. 8, 5—6; 11, 20; 12, 3, 16; 14, 6; 15, 5; предлогъ διὰ перев. дѣля Римл. 1, 8; 2, 24; 4, 23, 24; 6, 19; 7, 25; 11, 28; 13, 6; 14, 14; 1 Кор. 8, 11; 9, 10; 11, 10; 2 Кор. 2, 10; 4, 1, 5, 11, 14, 15; 5, 18; 8, 9; Еф. 1, 5; ὡς перев. акі Еф. 5, 1.

4. Наконецъ, Погодинскій № 27 Апостолъ раздѣляетъ съ Чудовскою рукописью Новаго Завѣта и ея личныя особенности, т. е. особенности текста, не встрѣчающіяся въ предшествующихъ спискахъ обѣихъ редакцій, равно и не принятыя въ нынѣшній печатный текстъ.

Представимъ для образца примѣры.

а) *варіанты:*

Римл. 1, 10 (всегда оп.) в мл҃твахъ мои҃. моляся. По Шольцу, нѣкоторые греческіе списки, поздніе, и Златоустъ не читаютъ въ началѣ стиха πάντοτε.

5, 12 и тако (смрть оп.) во вся члвки пройде. Въ Клерм., Сенж., Кембр. и Дрезд. кодексахъ, также у Оригена не читается соотв. ὁ θάνατος.

5, 18 клятва бо (1, 4 ред. и нын. тѣмь же оубо, 2 ред. и тѣмь оубо, ἄρα οὖν) ꙗко единого ради прегрѣшеньꙗ во вся чл҃вки на осуженьѥ. тако и т. д. Вмѣсто частицы ἄρα не читалъ ли переводчикъ ἀρά, что значитъ — молитва, прошеніе, желаніе, и — проклятіе, клятва?

8, 35 кто ны разлучи҃ ѿ любвѐ хв҃ы. скорбь. ли туга. ли гоненьѥ (или гладъ, или нагота. или бѣда оп.).

11, 36 ꙗко ис того. и тѣ. и в тѣ всачскаꙗ (томоу слава въ вѣкы ꙗминь оп.).

Можно думать, что и въ обоихъ послѣднихъ примѣрахъ новый переводчикъ имѣлъ въ виду соотвѣтствующіе греческіе варіанты, хотя таковыхъ намъ и не удалось найти въ имѣвшихся у насъ подъ руками критическихъ изданіяхъ новозавѣтнаго греческаго текста. Не нашли мы также основанія въ греческихъ спискахъ для слѣдующихъ опущеній словъ и выраженій въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ и Чудовской рукописи Новаго Завѣта: 1 Кор. 4, 12 въ началѣ стиха не читается: и троужаѥмъса. 11, 24 не читаются слова: се творите въ моѥ въспоминаниѥ.

б) *переводъ:*

Римл. 2, 5 скрываѥши собѣ гнѣ (θησαυρίζεις,—1 и 4 ред. щадиши, 2 ред. и нын. събираѥши).

2, 18 и искоушаѥши лучшаꙗ. оглашаѥмъ ѿ закона (κατηχούμενος,—1, 2, 4 ред. и нын. наоучаѥмъ). Ср. 1 Кор. 14, 19.

3, 8 и ꙗко вѣстуѭ нѣции на глти (φασί, — 1, 2 ред. и нын. глють, 4 ред. рекоша).

3, 16 скрушеньѥ и окаꙗньѥ в путе ихъ (ταλαιπωρία, — 1 и 4 ред. стра, 2 ред. трудъ, нын. ѡзлобленїе).

3, 31 зако ли ѹпражнаѥ вѣры ра (καταργοῦμεν, — 1, 2, 4 ред. и нын. разораѥмъ).

4, 17 прамо идеже вѣрова бви — прозвавшему несущаꙗ ꙗк сущаꙗ (καλοῦντος, — 1, 2, 4 ред. и нын. нарицающю).

6, 5, аще бо сродни быхо подобьствиꙗ смрти ѥго (1 ред. съобразни и въ отдѣльныхъ спискахъ этой редакціи: сунъѳити, сьѥзньци, сьличници, обьщьници, 2 ред. сверстни, 4 ред. сърасльни, Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: съобразны, Елиз. сообразни и на полѣ: снасаждени. Имѣлись въ виду два греческихъ чтенія: σύμφυτοι и συμμόρφοι).

8, 3 бесилноѥ бо закона о не же немощнуѥ плоти ра (1, 2, 4 ред. и нын. немощьноѥ, τὸ ἀδύνατον; ὁ ἀδύνατος — бесилныи и 15, 1).

8, 28 любащи ба. вса сдѣютса въ благо. сущи по преложенью званы (πάντα συνεργεῖ — τοῖς κατὰ πρόθεσιν, 1 и 4 ред. вса поспѣютьса, соущиимъ по прозрѣниꙗ, 2 ред. все поспѣѥтьса, сущиимъ по воли възваномъ, Острож. и прочія печ. Библіи: вса поспѣшьствѹютъ, сѹщи по преоувѣденїю).

9, 19 что ѥще пре(рѣ)куѥ (μέμφεται, — 1 ред. порицаѥть, 2 ред. хулить, 4 ред. и нын. ѹкараѥ).

12, 3 комѹждо. ꙗко б размѣри. мѣроу вѣры (ἐμέρισε, — 1, 2, 4 ред. и нын. ѥсть раздѣлилъ).

12, 6 аще пр҇рчство. по причтоу вѣры (κατὰ τὴν ἀναλογίαν, — 1 и 2 ред. по числоу, 4 ред. по равеньствꙋ, Острож. и проч. печ. Библіи: по мѣрѣ).

12, 10—11 ч҇тью другъ друга пре҇водаще (προηγούμενοι) — дх҇мь кипаще (ζέοντες). 1, 2, 4 ред. и нын. больша творѧще — дх҇мь горѧще, только въ основномъ спискѣ 4 ред. (Библіи 1499 г.) на полѣ при словахъ: бо́лша творѧще поставлено: пре҇варѧюще.

13, 9 і аще каꙗ ктера запов҇ѣ. о семь словеси оглавлѧетьсѧ (ἀνακεφαλαιοῦται). внегда (ἐν τῷ) взлюбіши ближнаго своє ꙗко и себе. 1, 2, 4 ред. и нын. съвьршаетьсѧ, — за тѣмъ 1 ред. възлюбиши, 2 ред. възлюби, 4 ред. еже (Острожская и прочія печатныя Библіи: въ еже) възлюбиши.

13, 13 ни лѣганьи. и скотоложствиі (μὴ κοίταις καὶ ἀσελγείαις, — 1, 4 ред. и нын. не любодѣꙗнии и стоудодѣꙗнийми, 2 ред. ни блуженїемь. ни любодѣꙗниемь).

13, 14 и пло҇скаго промышленьꙗ не творите в похоте҇ (πρόνοιαν, — 1, 2, 4 ред. и нын. оугодиꙗ).

14, 5 овъ же суд҇и всю дн҇ину (πᾶσαν ἡμέραν, — 1 ред. на всѧ дн҇и, 2 ред. а другый избираеть всѧ дн҇и, 4 ред. и нын. ѡвъ же сꙋдить на всѧкъ дн҇ь).

15, 12 и встаꙗ началство҇ти ꙗзыко҇ (ἄρχειν, — 1 и 2 ред. власти, 4 ред. и нын. владѣти).

15, 20 тако҇ любоч҇тное бл҇говѣстити (φιλοτιμούμενον, — 1 ред. пространо, 2 ред. ч҇тьно любѧщю, 4 ред. сице же любочьстенъ, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. сице же потщавсѧ, Елиз. сице же потщахсѧ) Ср. 2 Кор. 5, 9 тѣмь и любочестьствуе҇ (φιλοτιμούμεθα).

16, 18 и христословесьи і бл҇гословленьи прелщаю҇ ср҇ца безлобив҇ъ (διὰ τῆς χρηστολογίας, — 1 и 4 ред. и нын. бл҇гыими словесы, 2 ред. мастити словесы).

1 Кор. 1, 10 да то҇ мыслите вси (λέγητε, — 1, 2, 4 ред. и нын. гл҇те).

4, 8 и полезно оубо ц҇ртвовасте (καὶ ὄφελόν γε ἐβασιλεύσατε, — 1 ред. и еще оубо да бысте сѧ въц҇рили, 2 ред. и лѣпо же оубо да бысте ц҇ртвовали, 4 ред., Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: и еще оубо да въц҇ритесѧ, Елиз. и ѡ҇ да бы воц҇рилисѧ есте).

4, 11 і нагъствуе҇. и томимсѧ (κολαφιζόμεθα, — 1, 2, 4 ред. и нын. стражемъ).

7, 5 да оупражнаетесѧ пост҇о і мл҇твою (ἵνα σχολάσητε, — 1, 2 и 4 ред. да праздьноуете, Острож. и проч. печ. Библ. да пребываете).

7, 31 преминуѥ͠т бо ѡ̓бразъ мира сего (παράγει,—1 ред. мимоходить, 2 ред. мимойдеть, 4 ред., Остр. и проч. печ. Библіи: прехо́ди͠т).

7, 35 на бл͠гоо̓бразноѥ. и̓ бл͠госѣданьноѥ (εὐπάρεδρον). г͠ви неѿторжно (ἀπερισπάστως). 1 ред. бл͠гоо̓бразьноу не о̓стоупьноу г͠ви безмълвьно, 2 ред. на бл͠гоо̓бразноѥ̈ и̓ нео̓ступьноѥ̈ г͠ви бес труда, 4 ред., Острож. и проч. печ. Библ. по нын., только 4 ред., Острож. и Моск. 1663 г. безъмолвно, Елиз. безмолвнѡ.

7, 38 не женаи̓ же са луче твори͠т (ὁ μὴ γαμίζων,—1, 4 ред. и нын. не въдаѩ́и̓, 2 ред. и̓ не женаися и непосагающиѩ оуне творить).

9, 13 и̓ о̓лтарю присѣдащий. о̓лтарю сдѣлаютса (παρεδρεύοντες, — 1, 2 и 4 ред. и нын. слоужащеи̓ о̓лтареви).

9, 15 а̓з же ни ѥ̓диного же требова͠х сихъ (ἐχρησάμην,—1, 2 и 4 ред. и нын. азъ же ни ѥ̓диного створихъ ѿ сихъ).

9, 18 да бл͠говѣстуѩ неистрошено (ἀδάπανον) положю ѥ̓вн͠гльѥ х͠во. 1, 2 и 4 ред. без брашьна, нын. без̓ мзды̓.

10, 5 постлани бы͠ш бо в пустыни (κατεστρώθησαν, — 1 и 4 ред. положени бо бѣша, 2 ред. положиша бо са, Остр. и проч. печ. Библіи: поражени бо͠ быша).

10, 11 в них же конци вѣко͠в оу̓спѣша (κατήντηκεν, — 1 и 2 ред. доидоша, 4 ред., Острож. и проч. печ. Библ. достигоша).

10, 13 и͠ створи͠т со и̓скусо͠м и̓ сключеньѥ (τὴν ἔκβασιν, — 1 и 4 ред. и̓зводьство, 2 ред. и̓зведениѥ̈, Острож. и проч. печ. Библ. і̓збытїе).

10, 25 все ѥ̓же в масницѣ продаѥмоѥ ѩдите (ἐν μακέλλῳ, — 1 ред. въ разоумьници, 2 ред. въ купльници, 4 ред. въ макеліи, Острож. и проч. печ. Библ. на то́ржищи).

12, 25 да не будеть раскола в телеси (σχίσματα, — 1 и 4 ред. и нын. распра, 2 ред. раздора).

13, 1 бы͠х мѣдь звацаѩ (ἠχῶν). ли кимбалъ всклицаѩ (ἀλαλάζον). 1, 2, 4 ред. и нын. мѣдь звьнащи или кумбалъ звацаѩ (только 2 ред. κύμβαλον перев. кругъ мѣданъ).

14, 8 кто пристройтса на бра͠н (παρασκευάσεται, — 1, 4 ред. и нын. оу̓готоваѥтьса, 2 ред. пуститьса).

14, 16 и̓сполнаѩ мѣсто груба͠г (τοῦ ἰδιώτου,—1 ред. неразоумнаго, 2 ред. радьника, 4 ред. невѣ͠стьвнаго, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. невѣжда, Елиз. невѣ́жды). Ср. 14, 23 вниду͠т же невѣг͠ласи (ἰδιῶται, — 1, 4 ред. и нын. неразоумивии̓, 2 ред. радници).

14, 23 ѩко неистові ѥсте (μαίνεσθε,—1 ред. зли са дѣѥте, 2 ред. и̓зумлаю̓тьса, 4 ред. и нын. бѣсѹетеса).

14, 28 а̓ще͠ж не буде͠т толковника (διερμηνευτής, — 1 ред. г͠льника, 2 ред. сказающаго, 4 ред. и нын. сказателѣ).

14, 33 не бо кѥсть нестрокѥньна бъ н҃ мира и̓ чина (двойной перев. греч. εἰρήνης, — 1, 2, 4 ред. и нын. мироу).

14, 36 ли в ва ѥ̓дин҃ѣ сверьшиса (κατήντησεν, — 1 ред. и̓ли въ насъ кѥдинѣхъ о̓брѣтеса, 2 ред. и̓ли въ васъ ѥ̓динѣхъ стависа, 4 ред. и нын. достиже).

15, 2 развѣ а̓ще не а̓ш҃ю вѣрукѥте (μὴ εἰκῇ, — 1, 2 и 4 ред. и нын. не въсоукѥ).

15, 9 и̓же нѣсмь доволенъ наре́щи а̓п҃лъ (ἱκανός, — 1, 2, 4 ред. и нын. достоинъ).

15, 19 м҃лтивнѣкѥ вс҃ѣ чл҃вѣкъ кѥсмы (ἐλεεινότεροι, — 1 и 2 ред. поущьше, 4 ред. и нын. ѡ̓каа́н'нѣи̓ши).

16, 6 да вы ма препослете а̓може же а̓ще и̓ду (προπέμψητε, — 1, 2, 4 ред. и нын. проводите). Ср. 2 Кор. 1, 16.

16, 13 мужайт҃е крѣпит҃е (κραταιοῦσθε, — 1, 2, 4 ред. и нын. оутвьржайтеса).

2 Кор. 1, 8 ꙗ̓к҃о и̓знедооу̓мѣваті н҃а и̓ жити (ἐξαπορηθῆναι, — 1, 2, 4 ред. и нын. не надѣꙗтиса).

1, 22 и̓ давый залогъ (τὸν ἀρραβῶνα, — 1, 2, 4 ред. и нын. о̓броученикѥ). Ср. Еф. 1, 14.

1, 24 не ꙗ̓ко г҃дукѥмъ вашей вѣрѣ (κυριεύομεν, — 1 ред. оустоимъ, 2 ред. съвладѣѥмъ, 4 ред. и нын. ѡ̓бладаемъ).

2, 14 б҃у же б҃л҃гъ і̓же всегда блюдущему н҃а (въ рукоп. на н҃а, — τῷ πάντοτε θριαμβεύοντι ἡμᾶς; 1, 2, 4 ред., Острож. и Моск. Библ. 1663 г. ꙗвлающемоу, только 4 ред., Остр. и Моск. Библ. съ приб. и̓же: и̓же всегда ꙗвлѣющꙋ, Елиз. всегда̀ побѣди́тели на́съ творащемꙋ).

4, 1 не о̓злобих҃оса (οὐκ ἐγκακοῦμεν, — 1, 2, 4 ред. и нын. не стоужахомъ си, не стужаѥмъ си).

4, 4 въ кѥже не о̓зарити имъ просвѣту ѥ̓у҃альꙗ (εἰς τὸ μὴ αὐγάσαι τὸν φωτισμὸν τοῦ εὐαγγελίου, — 1, 2, 4 ред. не въсиꙗти имъ свѣтоу ѥ̓ванглиꙗ, Острож. и проч. печ. Библ. съ приб. въ ѥ̓же).

5, 13 а̓щ҃е смысл҃и в҃а (σωφρονοῦμεν, — 1 и 4 ред. моудрьствоукѥмъ, 2 ред. оумудрихомъса, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. до́брѣ мыслимъ, Елиз. цѣломꙋдрствꙋемъ).

6, 14 не бывайте ѡ̓бременающе невѣрн҃ы (ἑτεροζυγοῦντες ἀπίστοις, — 1 ред. не бывайте претажь невѣрьнымъ, 2 ред. не бывайте притажаще невѣрнымъ, 4 ред. не бываите и̓нако ꙗр҃е носаще ꙗкоже невѣрнїи, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. и̓ не быва́йте оу̓до́бь прело́жени къ и̓номꙋ ꙗрмꙋ, ꙗкоже невѣрнїи, Елиз. оудо́бь заключаетъ въ скобки, и на полѣ: не быва́йте прело́жни ко и̓но́мꙋ ꙗрмꙋ невѣ́рныхъ).

8, 20 скутаю̑ще се (στελλόμενοι τοῦτο). ѥ̓да кто н҃а пореч҃е во

ѡ҆снов҄ѣ сей (ἐν τῇ ἁδρότητι) 1, 2 и 4 ред. соумнащеса сего, Острож. и проч. печ. Библ. блюдꙋщеса того. Ἐν τῇ ἁδρότητι 1 и 2 ред., Острож. и Моск. 1663 г. Библіи: въ величьствиі семь, 4 ред. въ величїи се҃, Елиз. Библ. во ѡ҆би́лїи семъ.

8, 22 ꙗ҆гоже ꙗ҆скусихо҃. во мнозѣхъ многаждъı. тщалива суща (σπουδαῖον). нынѣ҃ мнозѣ҃ тщивѣйша (σπουδαιότερον). 1 и 4 ред. въстанива, въстанивѣйша, такъ и нын. только съ подстрочнымъ объясненіемъ: мно́гажды тща́тельна, мно́жае тща́телнѣйша. 2 ред. добла суща, паче доблайша.

9, 5 и пре҃оустроꙗ҃ провзвѣщеноꙗ҆. бл҃гнье҆ (1, 2, 4 ред. и нын. преже оуготовать преже възвѣщеноꙗ).

11, 1 любезно вн҄асте (ὄφελον ἀνείχεσθε) моꙗ҆ малоꙗ҆ несмъıслꙑꙗ҆. но ꙗ҆ внимаꙗ҆те мнѣ (ἀνέχεσθέ μου). 1 ред. еда да бъıсте приꙗ҆ли малоꙗ҆ моꙗ҆ безоумиꙗ҆. нъ и въсприꙗ҆млѣте, 2 ред. подобаєть да бъıсте претерпѣли мало безумью моє́му. но и҆ терпите ми, 4 ред. а҆́ще бы́сте прїали малое безꙋмїе мое. но҃ и҆ прїемлете.

11, 2 сочтах бо въı є҆диному мужю (ἡρμοσάμην,—1, 2, 4 ред. и нын. ѡ҆броучихъ).

11, 9 недостатокъ бо мой принаполніша бра҃ꙗ (1, 2 и 4 ред. лишениꙗ҆ бо моꙗ҆ испълниша братиꙗ҆, Острож. и прочія печатныя Библіи по нын.).

11, 27 в трудѣ. и҆ в молвѣ (μόχθῳ, — 1 и 2 ред. въ подвижениі, 4 ред., Острож. и проч. печ. Библ. подвизѣ).

12, 15 а҆з же сладцѣ и҆строшю (δαπανήσω). и҆ и҆строшенъ буду по дш҃ах ваши҃ (1, 4 и нын. иждивоу, иждивленъ боудоу, 2 ред. издамь, изданъ буду).

13, 5 сами са и҆скушайте[1]) а҆́ще ꙗ҆сте в вѣрѣ. и҆ себе сгражайте (ἑαυτοὺς δοκιμάζετε, — 1, 2, 4 ред. и нын. себе искоушаите).

13, 9 се же и҆ хвалимса ѡ҆ ваше҃ оу҆строꙗ҆ньи (τοῦτο καὶ εὐχόμεθα τὴν ὑμῶν κατάρτισιν,—1, 2 ред. и нын. се молимъса ѿ вашемь свършениі, 4 ред. се҃ и҆ моли҃ ва́ше съврьшенїе.

Гал. 1, 4 ꙗ҆ко да и҆зме҃ нъı ѿ настоꙗ҆ща҃ вѣка лукаваго (ἐξέληται, — 1, 2, 4 ред. и нын. да избавить).

1, 14 и҆ прооу҆спѣвахъ во и҆юдѣйствѣ паче многи҃ совзрастникъ в родѣ моꙗ҃ (καὶ προέκοπτον ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ ὑπὲρ πολλοὺς συνηλικιώτας ἐν τῷ γένει μου). 1 ред. и преспѣвахъ въ жидовьствиі паче многъ прамъ моихъ въ родѣ моꙗмь. Προέκοπτον ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ также переводятъ 2, 4 ред. и нынѣшній печатный текстъ, но συνηλικιώτας 2 и 4 ред. и нын. сверстьникъ.

---

1) Въ рукописи: искушаіте.

3, 1 ȯ безумнии галате (ἀνόητοι, — 1, 2, 4 ред. и нын. несъмысльнии).

3, 2 се юдино хощю навыкнути ѿ ва (μαθεῖν,—1, 2, 4 ред. и нын. оувѣдѣти).

4, 26 горнии же ієрлм свободь ѥ (ἡ δὲ ἄνω, — 1, 2, 4 ред. и нын. вышьнии).

5, 15 блюдѣте. да не дру ѿ друга истлѣѥте (ἀναλωθῆτε, — 1 и 4 ред. снѣдени боудѣте, 2 ред. погублени будете, Остр. и проч. печ. Библіи: истреблени бѫдете).

6, 1 аще и пре ꙗтъ буде члвкъ в кое согрѣшеньи (προληφθῇ, — 1, 2 и 4 ред. преже въпадеть, Острож. и проч. печ. Библ. въпадет).

Еф. 1, 13 печатлѣстеса дхмь обѣщаньꙗ стмъ (ἐσφραγίσθητε, — 1, 2, 4 ред. и нын. знаменастеса).

1, 16 не почиваю блгдара о ва (οὐ παύομαι, — 1, 2, 4 ред. и нын. не престаю).

2, 14 и срѣдостѣньѥ оплота разрѣшь (καὶ τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ λύσας, — 1 и 2 ред. и преграженьѥ оградѣ раздроушь, 4 ред. и нын. и средостѣніе ѡграды разоривъ).

2, 21 о нем же всако созданьѥ снаждаѥмо растеть в хра стъ о гѣ (συναρμολογουμένη,—1, 2, 4 ред. и нын. съставлаꙗса, съставлаѥмо).

3, 13 тѣ молю. не озлоблену быти в скорбе мои о ва (μὴ ἐνκακεῖν,—1 и 2 ред. не стоужити си, 4 ред., Острож. и проч. печ. Библіи: не стѫжати си).

3, 14 сего ра прегибаю колѣни мои (κάμπτω,—1 ред. покланаю, 2, 4 ред. и нын. преклонаю.

4, 14 влаѥми и преносими всѣми вѣтры оученьꙗ (κλυδωνιζόμενοι καὶ περιφερόμενοι,—1, 4 ред. и нын. вълающе са и скытающеса[1]), 2 ред. плавающии и порѣёми).

4, 30 и не опечалаите дха стго бїа (μὴ λυπεῖτε, — 1, 4 ред. и нын. не оскърблꙗите, 2 ред. не съжалаите дхви стму бию).

4, 32 будите дру другу мастити. блгосерди (χρηστοί, εὔσπλαγχνοι, — 1, 2, 4 ред. и нын. блази, млсрди).

— дараще себе (χαριζόμενοι ἑαυτοῖς, — 1 и 4 ред. дающе собѣ, 2 ред. дарующе себѣ, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. оугажающе дрѹгъ дрѹгѹ, Елиз. прощающе дрѹгъ дрѹгѹ).

— ꙗко и хс о бзъ дарова на (1, 2, 4 ред. и нын. бъ о хсъ, ὁ θεὸς ἐν χριστῷ).

6, 4 і оци. не прогнѣвайте чадъ ваши (μὴ παροργίζετε, — 1, 2, 4 ред. и нын. не раздражаите).

1) 1-я ред. отселѣ и до конца посланія по Христинопольскому Апостолу XII в.

6, 20 ѡ нем же молюса в вериға (πρεσβεύω ἐν ἁλύσει, — 1 ред. въ оужи желѣзнѣ, 2 ред. въ вузѣ, 4 ред. въ оужа желѣзны, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. ѡ нем же свѧзанъ есмь оузы желѣзными, Елиз. ѡ нем же посолствую во оузахъ).

Изъ отдѣльныхъ чаще встрѣчающихся словъ въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ, какъ и въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта, одинаково переводятся:

Ἐπιθυμία — желанье (1, 4 ред. и нын. похоть, 2 ред. помышление) Римл. 1, 24; 6, 12; 1 Кор. 10, 6; Еф. 2, 3; 4, 22.

Περισσεύειν — излишствовати (1 ред. избыти, 2 ред. изъобиловати, 4 ред. и нын. избыточьствовати) Римл. 3, 7; 5, 15, 20; 1 Кор. 15, 38; 2 Кор. 1, 5; 7, 4; 8, 2, 7; 9, 8, 12; Еф. 1, 8.

Переводъ посланія въ Погодинскомъ № 27 Апостолѣ совершенно такъ же, какъ и въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта, отличается буквальною близостію къ греческому тексту. Одинаково удерживается греческая конструкція и въ такихъ случаяхъ, гдѣ и древніе списки и нынѣшній печатный текстъ отъ нея отступаетъ, по требованію синтаксиса славянскаго[1]). Вотъ еще нѣсколько образцовъ буквальнаго перевода.

Ἀληθεύων перев. истинствуя Гал. 4, 16 (1, 4 ред. и нын. истину гла, 2 ред. правдуя).

Διὰ δυσφημίας καὶ εὐφημίας — злослутьѥ и блгослутьѥ 2 Кор. 6, 8 (1 ред. съ перестан. хваленикмь и гаженикмь, 2 ред. хулениемь и похвалениемь, 4 ред. и печ. Библ. по нын. гаженіемъ и блгохваленіе).

Ἐθηριομάχησα — звѣрокотораxса 1 Кор. 15, 32 (1 и 2 ред. звѣри преданъ быхъ, 4 ред. и нын. съ звѣре бораxса).

Κατάλαλος — оглньникъ Римл. 1, 30 (1, 2, 4 ред. и нын. клеветнікъ).

Ὁ κατηχούμενος — оглашакмыи, ὁ κατηχῶν — оглашаяй Гал. 6, 6 (1, 2, 4 ред. и нын. оучаися, оучаи; только 2 ред. вм. оучаиса имѣетъ оучимы).

Παιδαγωγός — дѣтоводець Гал. 3, 24 (1 ред. педагогъ, въ отд. спискахъ пѣстоуньникъ, пѣстоунъ, 2 ред. казатель, 4 ред. и нын. пѣстунъ).

Συνεργοί — сдѣлници 1 Кор. 3, 9 (1, 2, 4 ред., Острож. и Моск. 1663 г. Библ. поспѣшьници, Елизав. споспѣшницы). Ср. 2 Кор. 1, 24.

Χειροτονηθείς — руко(поло)жен 2 Кор. 8, 19 (1 и 4 ред. сщьса, 2 ред. сщнъ, Острож. и Моск. 1663 г. Библ. ѡсщьса, Елиз. ѡсщенъ).

Греч. неопредѣленное съ εἰς τὸ передается неопредѣленнымъ славян-

1) Примѣры см. въ нашей книгѣ: «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. М. 1879, стр. 251—252, 288, 341.

скимъ съ приб. ѥже, въ ѥже Римл. 1, 11, 20; 3, 26; 4, 11, 13, 16, 18; 7, 4; 8, 29; 11, 11; 12, 2, 3; 15, 8, 16.

Переводится греч. членъ мѣстоименіемъ иже Римл. 3, 5 — иже наносѧ гнѣвъ; Еф. 1, 11 по прѣложенью иже всѧ дѣющаго.

Оставлены безъ перевода такія греческія слова, которыя давно уже переведены въ спискахъ 1 и 2 редакцій, а также въ нынѣшнемъ печатномъ Апостолѣ:

Ἀσέλγεια — аселгиꙗ Гал. 5, 19 (1 ред. стоудолъжьствиѥ [1]), 2 ред. преблужениѥ, 4 ред., Острож. и проч. печ. Библ. стꙋдодѣаніе).

Γράμματα — грамоты Гал. 6, 11 (1, 2, 4 ред. и нын. книгы).

Διακονία — диꙗконство 2 Кор. 9, 12 (1, 2, 4 ред. и нын. работа).

Διάκονος — дьꙗконъ 2 Кор. 6, 4 (1, 2, 4 ред. и нын. слоуга).

Εἰκών — икона 2 Кор. 3, 18 (1, 2, 4 ред. и нын. образъ).

Εὐτραπελία — єѵтрапелиꙗ Еф. 5, 4 (1 ред. скверъньство, искрѣнство [2]), 2 ред. оплазньство, 4 ред. шегы, Острож. и проч. печ. Библ. кощꙋны).

Κανών — канонъ 2 Кор. 10, 13, 16 (1, 4 ред. и нын. правило, 2 ред. исправлениѥ, оправлениѥ).

Οἰκονόμος — икономъ Гал. 4, 2 (1, 4 ред. и нын. приставьникъ, 2 ред. строитель).

Προσφορά — просфора Еф. 5, 2 (1, 2, 4 ред. и нын. приношениѥ).

Στεῖρα — стир Гал. 4, 27 (1, 2, 4 ред. и нын. неплоды).

Оставлены такъ же, какъ и въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта, нѣкоторыя собственныя имена съ греческими окончаніями: излитіс Римл. 11, 1; лукиос, тертиꙋс, гаиос 16, 21—23.

5. Погодинскій № 27 Апостолъ представляетъ немногія и несущественныя отличія текста сравнительно съ Чудовскою рукописью Новаго Завѣта. Даемъ здѣсь полный перечень этихъ отличій изъ первыхъ пяти посланій ап. Павла.

Римл. 1, 21 і блгодариша (Чуд. лі блгодаріша).

3, 26 въ ѥ быті ѥму првдну. и оправдающа сущаⷢ ѿ вѣры ісвы (Ч. оправдающю).

4, 18 въ ѥже быти ѥму (оцю опущ.) мьногⷨ ꙗзыкⷪ.

4, 19 (и опущ.) оумерщвенье ложеснъ сарринъ.

4, 20 во ѡбѣщаньи же бжи не оусумнѣⷲсѧ (Ч. не оусоумнѣсѧ) невѣрьѥмь.

1) Въ основномъ спискѣ 1 ред. Толк. Апостолѣ 1220 г. стоудолъжьствьноѥ.

2) Скверъньство — въ Охрид. Апост. XII в.; искрѣнство — въ Христиноп. Апостолѣ, по изд. Е. Калужняцкаго, но правильнѣе читать и скрѣньство (скрѣньство — въ Слѣпч. Апостолѣ XII в. и во многихъ другихъ спискахъ).

5, 8 и (приб.) ꙗко ѥще грѣшнъ҃ сущи҃ на҃. хс҃ за ны оумре.

6, 13 и оуды ваша оружьꙗ правды бь҃ꙗ (Ч., какъ и всѣ списки, бъ҃и).

6, 19 сицѣ нынѣ приставите оуды (ва́ша оп.) работны правдѣ во осщньѥ.

8, 3 і о грѣсѣ осуди сущии грѣ. плотью (Ч. в плоти).

8, 9 сь (Ч. се) нѣсть того.

8, 17 аще҃ чада. і наслѣдници. наслѣдници (Ч. оп.) оубо бж҃и. наслѣдници (Ч. снаслѣдници) же ху҃. аще҃ с ни҃ (Ч. оп.) спостраже҃.

8, 26 тако҃ и дхъ҃ съ нами (Ч. оп.) сзаступаѥ҃ немощі наша.

8, 30 сиꙗ и оправди (Ч. опра́вда).

8, 32 иже ꙋбо (Ч. оп.) своѥ҃ сн҃а не пощадѣ.

9, 7 но ѡ исаа́цѣ нарѣтсѧ (Ч. наречѐтисѧ) сѣмѧ.

9, 29 аще не бы (Ч. бы оп.) гь҃ саваоѳь ѡстави҃ на҃ сѣмени.

11, 27 и си имъ ѿ мене завѣти (Ч. завѣ҃).

11, 35 ли кто пре҃ ѥму да҃ (Ч. прежѐ далъ ѥмоу).

12, 10 братолюбьѥ҃ в собѣ любезно (Ч. любе́зни).

12, 12 скорбьми (Ч. скорбью) претерпѧще.

13, 7 ѿдадите ꙋбо всѣ долги (Ч. долгъ).

15, 16 сщ҃но (Ч. осщ҃но).

15, 21 но ꙗко҃ пише҃сѧ. внерода҃ ти (Ч. оп.) имъ҃ не взвѣстисѧ о не҃ оузра҃ (т. е. Погодинскій Апостолъ представляетъ двойной переводъ греч. ὄψονται; внерода҃ = древнеслав. вънадрать).

16, 2 о неиже аще ꙋ ва҃ (Ч. ꙋ оп.) требуѥ҃ вещі.

16, 3 цѣлуйте прискꙋлу (Ч. прискоу).

1 Кор. 1, 21 не позна миръ прмдрсти (Ч. мдр҃сти).

1, 29 да не похвалитсѧ (Ч. да не хвалитсѧ).

2, 1 придох. не по преодержанью словеси ли в прмдр҃ти (Ч. в оп).

2, 6 прмдр҃т же не вѣка сего ни кнѧзѧ вѣка сего (Ч. послѣднія слова, набранныя съ разрядкой, опускаетъ) оупражнѧѥмаго.

2, 15 дхвный же расужае҃ оубо вcь (Ч. всѧ).

3, 18 ни ѥдин же себе да прелщаѥть тщими словесы (Ч. послѣднія два слова оп.)

7, 6 се же гл҃ю по свѣту (Ч. по попоуще҃ю).

7, 9 оуне бо и҃ (и҃ приб.) ѥсть посагати.

7, 19 блюденьѥ (Ч. сблюде҃ѥ).

7, 36 аще҃ кто не в блзѣ образѣ на дв҃ство своѥ нелѣпоѥ мысли҃ (т. е. двойной переводъ греч. ἀσχημονεῖν, — Чуд. аще же кто нелѣпоѥ на дв҃ство своѥ мысли҃).

7, 38 тѣ же вдаꙗи браку своѭ дв҃у добрѣ твори҃ (Ч. всѣ эти слова опускаетъ).

8, 6 въ концѣ стиха приб.: и̑ є̑ди҇ дх҇ъ ст҇ъ. и̑ въ нем же всачскаꙗ и̑ мы в не҇.

9, 14 и̑же кѵ҇аньлє повѣдающи҇ (въ Чуд. иже стерто).

10, 2 и̑ вси оу҇ моисѣꙗ (Ч. в мѡсиꙗ) кр҇тиша҇.

10, 29 ѿ иноꙗ судїса свѣсти (Ч. соудитса ѿ иноꙗ свѣсти).

11, 4 на главѣ и̑мѣꙗ вѣнець (Ч. послѣднее слово оп.).

12, 10 опущ.: и̑номоу же даръ и̑цѣлѣ҇ꙗ ѡ̑ то҇ же дс҇ѣ (какъ читается въ Чуд.).

12, 26 сраду́ютса вси (Ч. всі оудı).

12, 29 еда вси силы дѣю҇ (приб.).

13, 11 ꙗко младенець мд҇ртьвова҇ (Ч. помышла҇).

14, 3 созданьє и̑ оу҇тѣшеньє и̑ оутверженьє (Ч. вм. послѣдняго слова: оутѣ́хоу).

14, 27 ли множаѥ три. по части (Ч. по части оп.).

15, 5 ѡ̑диному на .г҇. (Ч. обѣма на .г҇.)

15, 20 въ началѣ стиха не чит. нынѣ же (какъ въ Чуд.).

16, 4 со мною и̑ду҇ и̑хже а̑ще и̑скусите (Чуд. послѣднія три слова оп.).

2 Кор. 1, 7 стр҇темъ є҇ (Ч. стр҇тмъ, безъ приб.).

2, 3 печа҇ на печа҇ (Ч. оп. на печа҇).

4, 14 и̑ пр҇епостави҇ (Ч. пр҇естави҇).

8, 4 молаще на҇ хво҇ю бл҇гтью. бл҇гть и̑ ѡ̑бщину служеньꙗ и̑же к ст҇мъ (Ч. мо́лаще нашю бл҇гть. и̑ ѡ̑бщи́ноу слоуже҇ꙗ и̑же къ ст҇мъ).

8, 5 бв҇и (Ч. гв҇и).

8, 12 на не҇ а̑ще и̑ма҇ кто (Ч. кто оп.) бл҇гоприꙗтно.

9, 5 да приду҇ пре҇ (Чуд. пре҇ оп.) к ва҇.

10, 16 в превышаꙗ (Ч. в преминоувшаꙗ) ва҇ бл҇гвѣстити.

Гал. 2, 17 ѡ̑правдихомса (Ч. ѡ̑брѣтохомъса) и̑ сами грѣшници.

4, 4 посла сн҇а своє҇ бг҇ъ единороднаго (Ч. послѣднее слово оп.)

5, 26 дру҇ друга призирающе (Ч. прозыва́юще).

Еф. 1, 15 вѣру ѡ̑ хс҇ѣ іс҇ѣ (Ч. ѡ гѣ҇ ї́сѣ).

1, 22 и̑ того да̀лъ (Ч. и̑ того̀ далъ главоу) па҇ всего црк҇ви.

2, 5 животвори іс҇ хс҇мь (Ч. животвори҇ съ хм҇ь).

4, 16 вс҇ѣ ѡ̑бличеньє҇ дѣꙗньꙗ (Ч. всѣ́мь ѡ̑бличье҇ даꙗ́ньꙗ).

— врастеньє̓ (Ч. взрастеньє) телеси.

5, 10 что є҇ бл҇гооу҇годно бв҇и (Ч. гв҇и).

6, 7 с любовью̀ раб҇тающе гв҇и с бл҇горазумьє҇ (т. е. двойной переводъ греч. μετ' εὐνοίας, — Чуд. с любо́вью).

Итакъ, Погодинскій № 27 Апостолъ долженъ быть названъ точною

копіей апостольскаго текста, содержащагося въ Чудовской рукописи Новаго Завѣта. Какъ такой, и какъ списокъ весьма исправный, Погодинскій Апостолъ восполняетъ пропуски, исправляетъ ошибки и указываетъ чтенія Чудовского списка въ мѣстахъ загрязненныхъ, выцвѣтшихъ, вообще не ясныхъ и неразборчивыхъ, каковыхъ мѣстъ здѣсь не мало. Напр. въ 1 посл. къ Кор. 12, 3 дх҃мь (въ Чуд. опущ.); 12, 23 нечⷭ҇тьнѣйша (Чуд. чтнѣйша); 13, 4 не ѡ҆плазуѥ҇ (Чуд. не ѡ҆плазоую҇) и т. д. Отдѣльныя слова, неясныя въ Чудовской рукописи, ясно и легко читаются въ Погодинскомъ спискѣ (см. 1 Кор. 1, 6, 7, 21; 2, 9; 3, 20; 10, 8 и др.). Что Чудовская рукопись послужила оригиналомъ для Погодинскаго Апостола, а не наоборотъ, доказательствомъ этого служитъ то, что Чудовской списокъ по почерку и по правописанію древнѣе Погодинскаго. Чудовская рукопись написана въ половинѣ XIV в. Что касается правописанія, отмѣтимъ предпочтительное употребленіе въ Погодинскомъ Апостолѣ *у* вм. *оу* (тогда какъ въ Чудовскомъ спискѣ предпочтительно употребляется *оу* и только изрѣдка, большею частію въ концѣ строки, *у*), также употребленіе *и* послѣ гортанныхъ тамъ, гдѣ въ Чуд. рук. поставлено ы (напр. 1 Кор. 9, 10 верхии; 10, 33 не искии; 2 Кор. 10, 10 крѣпки и т. д.), *во* вм. въ (1 Кор. 7, 18 и др.). Въ Погодинскомъ Апостолѣ буквенныя титла нерѣдко употребляются тамъ, гдѣ въ Чудовской рукописи видимъ полное написаніе слова, напр. 1 Кор. 6, 7 что ра҃, па҃ (Чуд. что ради, паче); 6, 10 ни та҃є (Чуд. ни татьѥ) и т. д. Писецъ Чудовской рукописи иногда вставляетъ въ слова отдѣльныя греческія буквы, напр. 1 Кор. 12, 13 іюдѣоі (такъ же и Гал. 2, 15); 16, 19 акυла; Еф. 5, 4 ѐυтрапелиа. Въ Погодинскомъ Апостолѣ эти слова написаны такъ: июдѣи, акила, ѐитрапелиа. — Дѣло нужно представлять такъ, что изготовленный въ Константинополѣ самимъ ли св. Алексіемъ или по его порученію кѣмъ либо изъ русскихъ, жившихъ тогда въ Константинополѣ въ Студійскомъ монастырѣ и занимавшихся списываніемъ славянскихъ книгъ Св. Писанія и богослужебныхъ для отсыла ихъ на Русь, нынѣ Чудовской списокъ Новаго Завѣта былъ принесенъ въ Москву и здѣсь сдѣлано было съ него нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ копій, каковы Никоновскій и Толстовскій списки Четвероевангелія и этотъ Погодинскій № 27 Апостолъ.

Г. Воскресенскій.

1908 г. 30 августа.
Сергіевъ Посадъ.

Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwańca?

Kiedy drugi Dymitr pojawił się w Starodubiu, poplecznicy jego bezzwłocznie rozpoczęli starania, aby jak najwięcej sprowadzić dlań rot zaciężnych z Polski.

Z ludności miejscowej tylko nieznaczne można było zebrać siły, główne bowiem jej zastępy, pod dowództwem Bołotnikowa, walczyły wówczas w Tule. To też już w połowie lipca r. 1607 rozsyłał Dymitr listy do „Rotmistrzów ziemi Litewskiej i Towarzyszów ich", wzywając, aby mu jak najprędzej przybywali na pomoc.

W pismach tych opowiadał Samozwaniec, że musiał schronić się na Litwę, chcąc uniknąć zamachów zdradzieckich Wasila Szujskiego i „jego sprawców", wówczas zaś powrócił do „ojczyzny swej", do miasta Starodubia, a zamierzając na nowo podjąć walkę z swoimi wrogami, dał listy niniejsze „od swego carskiego prześwietłego lica Panu Zerstinowskiemu i towarzyszom jego". „Wy tedy" — czytamy dalej w tychże pismach — „do nas zjedźcie się, k'naszemu Carstwu, w sławny zamek Starodub, z łaski swojej zebrawszy się z żołnierzami i z kozakami i ze wszystkim ludem rycerskim, służyć nam, Wielkiemu Caru Dmitru Iwanowiczu, przeciw zdrajcom naszym. A jako wy będziecie przy naszem carskiem Wieliczestwie, i my was pożałujem swojem carskiem pożałowaniem (t. j. hojnie obdarzymy): kto zechce w naszej ojczyźnie być, my was pożałujemy, a jeśli zechcecie zjachać (t. j. odjechać), my was każem wypuścić z wielką chęcią (t. j. z wdzięcznością) i z podarki i napośledniemu (t. j. ostatniemu) pachołku. Gdy przyjedziecie do ziemie Moskiewskiej, w każdem miejscu dadzą wam stacyą, a pieniądze nagrodne naprzód będą wam posłane. A po czemu będą płacić w Koronie Polskiej i w W. Księstwie Litewskiem, i my we dwój i we trójnasób za służbę każem (wam) zapłacić" [1]).

1) Rps. Bibl. Ossol. 168, k. 527.

Wobec tak hojnych obietnic nie możemy się dziwić, że pod chorągwie jego tłumnie garnęli się różnego rodzaju awanturnicy i hołysze.

Oprócz owego, zresztą nieznanego nam bliżej „Zerstinowskiego", działali w tej sprawie także inni ajenci. Szczególną gorliwością odznaczali się Fryderyk Tyszkiewicz i Mikołaj Charliński. Obydwaj w listach swych nie tylko twierdzili z niezrównaną bezczelnością, że pretendent ten był tym samym Dymitrem, który przed kilkoma laty przebywał w Polsce, ale nadto największemi obsypywali go pochwałami [1]).

Zabiegi ich nie pozostały też bez skutku. Wkrótce siły zbrojne Samozwańca coraz bardziej poczęły wzrastać. „Moskwy, choć nie barzo dobrego wojska", zebrano „do trzech tysięcy" [2]). Niebawem poczęły się gromadzić także owe roty zaciężne, sprowadzone z Polski. Jeden z pierwszych, bo już dnia 2-go września t. r. przybył do Starodubia „Pan Budzilo, chorąży mozyrski", któremu zawdzięczamy nader cenny i ciekawy dyaryusz do historyi wypadków ówczesnych [3]). Nieco później łączyli się z nim inni [4]), jako też oddziały kozaków zaporoskich. Z końcem października „przyszedł Pan Samuel Tyszkiewicz, który miał ze sobą 700 usarzów i 200 piechoty", wkrótce potem „Pan Walawski w 500 jazdy, a 400 piechoty". W grudniu przybyli: Wielogłowski, Rudnicki, Chruśliński, Kazimierski i Mikuliński. Nie ulega też wątpliwości, że wówczas już w ścisłem porozumieniu z Samozwańcem działali także książe Adam Wiśniowiecki i kniaź Roman Rożyński [5]). Wiśniowiecki pierwszy z wybitnych osobistości pojawił się w obozie drugiego Dymitra [6]), książe Rożyński zaś wprawdzie dopiero z końcem r. 1607 wkroczył w granice państwa moskiewskiego, ale na parę miesięcy przedtem rozpoczął przygotowania do wyprawy swej, a już w październiku Walawskiego i innych wysłał mu na pomoc [7]).

W listopadzie t. r. przybył nadto do obozu Dymitra nowy samozwaniec, który udawał brata owego Piotraszka, a syna Fiedora, ostatniego z potom-

1) Jeden z takich listów Fryderyka Tyszkiewicza znajduje się w rpsie Bibl. Ossol. 1848 (str. 15—17). — List Mikołaja Charlińskiego (Charlęskiego) ogłosił Niemcewicz (Dzieje Zygmunta III-go T. II, str. 202—203). O zabiegach jego wspomina także Stanisław Kurowski w liście z dnia 30-go listopada r. 1607 (Rps. Muz. XX. Czartor. 342, str. 517).

2) Marchocki, str. 8.

3) Wydany przez Kojałowicza w I-szym tomie „Русс. Истор. Библіотека".

4) Z opowiadania Budziły wynika, że w wojsku Samozwańca znajdowała się już w połowie września r. 1607 pewna ilość polskich oddziałów zaciężnych.

5) Właściwe jego nazwisko było Rużyński, gdyż gniazdem tej rodziny był Stary Rużyn, wieś położona na Wołyniu, w powiecie kowelskim (ob. „Słownik Geogr. Kr. Pols." T. X, str 48; — Boniecki „Poczet rodów", str. 286—289); tak też najczęściej nazywają go źródła współczesne. Dla uniknięcia jednak nieporozumień podajemy je w brzmieniu, ogólnie przyjętem.

6) Marchocki, str. 10.

7) Tamże, str. 9.

ków Monomacha. Oto bowiem, co pisze Stanisław Kurowski w liście z dnia 30-go listopada:

„Oznajmuję też Waszmości, że mamy tu przy sobie jeszcze drugiego Carowicza, stryjecznego brata Dymitrowego [1]), który niedawno był na wojnę przyszedł ze 3,000 kozaków, któremu imię Fiedor Fiedorowicz. Jest sam z ludem swoim pod regimentem Cara naszege i służy mu jako który bojarski syn, jednakże jest w wielkiem u Cara postanowieniu“ [2]).

Z wiosną roku następnego armia Samozwańca zebrała się pod Orłem. Przybył tam także kniaź Roman Rożyński na czele czterotysięcznego, doborowego oddziału wojska. Skoro tylko śniegi stopniały, rozpoczęły się działania wojenne, a Dymitr, jak wiadomo, odniósłszy walne zwycięstwo pod Bołchowem, niebawem pod samą stolicą rozłożył się obozem.

W takich warunkach bardzo pożądanem musiało być dla Szujskiego, jak najprędzej pozbawić go tak cennych dlań posiłkow polskich. W tym celu, w rokowaniach ówczesnych z posłami polskimi, bardzo usilnie domagał się, aby Zygmuut odwołał Polaków, walczących w armii Samozwańca. Posłowie polscy przez długi czas nie chcieli przyjąć tego zobowiązania. W końcu jednak, przekonawszy się, że nie przyjmując go, wolności wcale odzyskać nie zdołają, zgodzili się i na to żądanie. Tak więc stanął wreszcie nowy rozejm między Polską a Moskwą, według którego król polski miał odwołać „kniaziów Romana Rożyńskiego i Adama Wiśniowieckiego“, jako też „innych panów i rotmistrzów polskich i litewskich“, którzy zostawali w usługach Dymitra, a na przyszłość czuwać nad tem, ażeby i inni poddani jego najściślej przestrzegali traktatu wówczas zawartego [3]).

Wkrótce atoli okazało się, jak złudne pod tym względem były nadzieje Szujskiego.

Posłowie polscy bardzo słusznie uważali zawarcie tego rozejmu za wymuszone, a więc nieważne i w rzeczywistości wcale ich nieobowiązujące [4]). Zdaje się też, że niebardzo szczerze wzywali Polaków, bawiących w Tuszynie, do opuszczenia sprawy Samozwańca. Tak więc pozostali w jego obozie nie tylko ci, którzy przedtem już oddali mu swe usługi, ale nadto właśnie wówczas przybyły mu na pomoc nowe i wcale liczne zastępy. Marchocki powiada, że „tak szczęśliwą była ta wojna, iż rzadko kiedy minęło ćwierć

---

1) Byłby to właściwie nie brat stryjeczny, lecz synowiec Dymitra.

2) W liście do „Pana Waskowskiego“, datowanym z Brańska, dnia 30-go listopada r. 1607 (kopia współczesna w rpsie Muz. XX. Czartor 342, str. 517—518).

3) Szczerbatow, Исторія Россійская. T. VII, cz. III, str. 99—113. — Buturlin, Исторія смутнаго времени Ч. II. Приложенія. Str. 59—70.

4) Aleksander Gosiewski całkiem otwarcie oświadczył to posłom moskiewskim podczas rokowań w r. 1615 (Suppl. ad Historica Russiae Monum. Str. 445—446).

roku, albo i miesiąc, w którymby tysiąc, lub przynajmniej kilkaset ludzi do wojska z Polski nie przybyło".

Pomiędzy tymi nowymi uczestnikami tej walki znowu wiele było awanturników, którzy dla zysku, spodziewając się hojnej nagrody, udawali się do Tuszyna. Ale byli między nimi i tacy, co z zupełnie innych pobudek śpieszyli pod chorągwie Dymitra i do zwycięstwa jego bardzo śmiałe i daleko idące przywiązywali nadzeje i plany polityczne.

Według powszechnie przyjętego dotąd mniemania, rokosz Zebrzydowskiego zakończył się przeproszeniem Zygmunta przez wojewodę krakowskiego, na konwokacyi, zebranej w maju r. 1608. W istocie jednak rzecz się miała zupełnie inaczej, a bitwa guzowska [1]) wcale jeszcze nie złamała stronnictwa malkontentów. Już bowiem w sierpniu t. r. przewódcy rokoszu rozpoczęli starania, ażeby na nowo rozpocząć walkę z Zygmuntem. W tym celu na dzień 16-go września, do Warszawy zwołali sejm elekcyjny [2]), a gdy — o ile się zdaje — udział w zebraniu tem nie był dość liczny, rozpisali nowy zjazd, który miał się odbyć pod Lublinem, „prędko po Trzech Królach" w roku następnym [3]). Równocześnie przygotowywali się także, ażeby i w sposób zbrojny poprzeć swe usiłowania. W Koronie na czele tych hufców, mających walczyć w sprawie rokoszu, stał „pułkownik" Ludwik Poniatowski, jako też kilku „rotmistrzów", jak Maciej Dębiński, Andrzej Kołuski i Maciej Budzanowski [4]). Na Litwie duszą tych zabiegów był książe Janusz Radziwiłł.

Właśnie wówczas pod Brześciem rozłożyło się obozem wojsko inflanckie, które od dłuższego czasu niepłatne, dla uzyskania żołdu zaległego podniosło konfederacyę i zajęło tamtejsze dobra królewskie. Otóż konfederatów tych pozyskał Radziwiłł dla sprawy rokoszu i zaciągnął ich na swój żołd, a prócz tego także inne hufce zbrojne gromadził. Położenie na Litwie tem bardziej się zaostrzało, że pomiędzy Radziwiłłem a Chodkiewiczem, który jako hetman litewski dowodził tamtejszem wojskiem królewskiem, oddawna także osobiste zachodziły urazy i niechęci [5]).

Zygmunt, zatrwożony tem działaniem rokoszan, w październiku i grudniu r. 1607 wzywał tak dworzan swych, jak senatorów sobie życzliwych, aby „jako najrychlej i z największą gotowością przybywali do Krakowa, dla

1) Stoczona dnia 5-go lipca r. 1607.

2) Rps. Bibl. Ossol. 2, 280, k. 55.

3) Rps. Muz. XX. Czartor. 341, str. 918.

4) Wojska te miały się rozlicznych dopuszczać nadużyć. Uniwersały, w tej sprawie wydawane przez Zygmunta i Żółkiewskiego, ogłosili Bielowski („Pisma Stan. Żółkiewskiego", str. 183—184) i Rembowski („Konfederacya i rokosz". Cz. II, str. 218—224).

5) Naruszewicz, Historya J. K. Chodkiewicza (Warszawa, 1805). T. I, str. 158, 186—205.— Archiwum Radziwiłłów (SS. Rer. Polon. T. VIII, str. 243).

odrałowania jego dostojeństwa, jako głowy tej Rzeczypospolitej", a zarazem ażeby „tak szkodliwemu zapędowi tych swawolnych ludzi wszelakim sposobem zabiegać nie omieszkali" [1]). Tem chętniej więc przyjął pośrednictwo, które mu ofiarował zebrany w październiku t. r. synod piotrkowski, jako też niektórzy znakomici senatorowie, jak Janusz Ostrogski, kasztelan krakowski i Stanisław Żółkiewski. Szczególnie ten ostatni gorliwie zajął się tą sprawą. Za jego też staraniem zgodził się na to Zebrzydowski, że senat miał załatwić wszelkie sprawy, przez rokosz poruszone i istotnie dnia 6-go czerwca r. 1608 [2]) przybył na konwokacyę do Krakowa i króla przeprosił.

Zupełnie odmienne jednak stanowisko zajęli inni rokoszanie.

Na kilka tygodni przedtem, z końcem marca t. r. zebrali się w Krasnymstawie „pułkownicy, rotmistrze, towarzysze i wszytko rycerstwo" rokoszowe i nową zawiązali konfederacyę. W uniwersale, wydanym w imieniu tego związku, oświadczają jego twórcy, że na konwokacyi krakowskiej „Rycerstwo koronne i W. Księstwa Litewskiego tylko jakąś malowaną może odnieść satysfakcyą", ponieważ senatorowie, należący do obozu królewskiego, „deputatów na to i pozwolenia ze wszytkich województw nie otrzymawszy, sami, privata autoritate, coś nowego stanowić" zamierzają i „teraz jedynie z Panem Wojewodą krakowskim, jakoby o prywatne sprawy pojednać się" usiłują. Z tego też powodu — powiadają dalej autorowie tego pisma — „ten teraźniejszy kaptur [3]) nasz ponowioną przysięgą utwierdzamy i przy przedsięwzięciu swem mężnie stać obiecujemy, przed Bogiem się oświadczając i wszytkimi obywatelami tej sławnej Korony, że mocnie, nieodmiennie we wszytkich zaciągach przy Jego Mości Panu Wojewodzie krakowskim do gardł naszych stać nie zaniechamy i z nim wespół, dla miłej wolnośei, nawet wszytko najgorsze ponieść gotowiśmy".

Akt ten, pełen wyrzekań na „opresyą" i „fortele" stronników królewskich, podpisali dwaj „pułkownicy", a mianowicie niejaki Wysocki i ów wymieniony powyżej Ludwik Poniatowski, jako też czternastu „rotmistrzów" [4]).

Podobnie i na Litwie zwołanie konwokacyi krakowskiej nie sprawiło pożądanego wrażenia. Wprawdzie w czerwcu t. r. za pośrednictwem Henryka Firleja, referendarza koronnego i innych senatorów, pozornie pojednał

1) Rps. Muz. XX. Czartor. 341, str. 918. — Rps. Bibl. Ossol. 2, 280, k. 55.

2) Wielewicki, Dziennik etc. T. II, str. 274. — W kilka dni później, dnia 14-go t. m. przeprosili króla także Szczęsny Herburt, Piotr Łaszcz i Zygmunt Grudziński, wojewoda rawski.

3) Kapturem nazywano konfederacyę, zawiązaną podczas bezkrólewia.

4) Akt ten, datowany z dnia 25-go marca r. 1608, znajduje się w współczesnych odpisach w rękopisach Muz. XX. Czartor. 341 (str. 999—1002) i 343 (str. 138—140), jako też w rpsie Bibl. Jagiell. 166 (k. 182).

się Radziwiłł z Chodkiewiczem, ale króla nie przeprosił [1]) i jak świadczą wypadki następne, intryg swych i zabiegów przeciw Zygmuntowi wcale nie zaniechał. Pomimo więc pogodzenia się z dworem Zebrzydowskiego, dość liczne jeszcze było stronnictwo malkontentów tak w Polsce, jak na Litwie.

Atoli przy ówczesnem usposobieniu narodu niełatwo było przeciwnikom Zygmunta, bez obcej pomocy, na nowo otwartą rozpocząć z nim walkę. W owej odezwie konfederatów krasnostawskich uskarżają się przewódcy tego związku na „oziębłość ludzką w rzeczach tak wielkich, że niektórzy, mało dbając na konfederacye, obowiązki, pod sumnieniem, pod uczciwością na się dane, tego wszytkiego i tych przytem, co się za to ujęli, sromotnie odbiegają". Przy takiem więc zobojętnieniu ogółu dla sprawy rokoszu, należało przedewszystkiem o tę obcą pomoc postarać się, a zabiegi w tym celu — jak w parę lat później oświadczył sam Zygmunt Chodkiewiczowi — głównie podejmowali Janusz Radziwiłł, Szczęsny Herburt i Piotr Gorajski [2]).

Tego poparcia z zewnątrz spodziewano się naprzód ze strony Moskwy, a mianowicie od drugiego Samozwańca, któremu wówczas poddała się już bardzo wielka część państwa moskiewskiego.

Jak wiadomo, jeszcze w r. 1605 niektórzy przewódcy malkontentów polskich weszli z pierwszym Dymitrem w ścisłe porozumenie. Samozwaniec chętnie zawiązał z nimi bliskie stosunki i tak pieniądzmi, jak w sposób zbrojny gotów był poprzeć ich usiłowania [3]). Na sejmie w r. 1611 oświadczył podkanclerzy koronny Szczęsny Kryski, że dla udzielenia pomocy rokoszanom miano zebrać pod Smoleńskiem 40,000 wojska moskiewskiego pod dowództwem Dymitra Szujskiego, a nawet na jego własne powołał się w tej sprawie świadectwo [4]). Nie ulega też wątpliwości, że gdyby nie nagła śmierć pierwszego Samozwańca, zupełnie odmienny byłby tak przebieg rokoszu ówczesnego, jak w ogóle wielu z wypadków następnych.

Otóż o podobną pomoc postanowiono postarać się także ze strony dru-

1) Naruszewicz twierdzi w „Historyi Chodkewicza" (t. II, str. 200), a za nim powtarzają to i inni autorowie, że Janusz Radziwiłł listownie króla przeprosił, jednak wiadomość ta niewątpliwie jest mylną. Z rozmowy bowiem, ktorą w r. 1611 miał Zygmunt z tymże hetmanem litewskim, wynika, że dumny ten magnat ani pisemnie, ani osobiście tego nie uczynił (Korespondencye J. K. Chodkiewicza etc. Biblioteka Ordynacyi Krasińskich. T. I, str. 81—82). W ogóle Janusz Radziwiłł do końca życia zostawał w opozycyi przeciw dworowi i przeważnie przemieszkiwał w Prusiech (E. Kotłubaj „Galerya portretów Radziwiłłowskich". Str. 159—160).

2) Korespondencye J. K. Chodkiewicza, tamże.

3) A. Hirschberg, Dymitr Samozwaniec. Str. 173—178, 255—256.

4) Dymitr Szujski wraz z braćmi Wasilim i Iwanem bawił wówczas jako jeniec wojenny w Warszawie.

giego Dymitra [1]) — jak to później publicznie nie wahali się oświadczyć najznakomitsi z senatorów polskich.

Niestety nie umiemy powiedzieć na pewne, kto w tej sprawie odegrał rolę pośrednika, zdaje się jednak, że misyi tej podjęli się trzej z rotmistrzów konfederacyi brzeskiej, którzy w lipcu r. 1608 przybyli do obozu tuszyńskiego, a mianowicie: Aleksander Zborowski [2]), Andrzej Młocki i Marek Wilamowski. Każdy z nich z wcale znacznym oddziałem wojska przyłączył się do armii Samozwańca. Ten ostatni „miał ze sobą" — jak się wyraził Marchocki — „pod tysiąc człowieka dobrego, Młocki przyprowadził dwie chorągwie, husarską i kozacką, a Zborowski „kikanaście set człowieka" [3]). Oni to prawdopodobnie prowadzili w obozie tuszyńskim owe zabiegi przeciw Zygmuntowi, których ostatecznym celem miało być osadzenie Samozwańca na tronie polskim.

W sierpniu t. r. nowy, a niepospolitych zdolności wojownik, Jan Piotr Sapieha, starosta uświatski, wystąpił również do walki przeciw Wasilowi Szujskiemu. Ten jednak z zupełnie odmiennych pobudek oddał usługi swe Dymitrowi.

Starosta uświatski, podobnie jak wówczas cała rodzina Sapiehów, należał do wiernych stronników Zygmunta. Ukończywszy nauki we Włoszech [4]), przez czas dłuższy służył wojskowo pod dowództwem Zamojskiego i Chodkiewicza i tak na Wołoszczyźnie, jak w Inflantach nieraz świetnie się odzna-

---

1) Że takie były zamiary ówczesnych przewódców malkontentów polskich, wynika to z wielu świadectw późniejszych, a mianowicie dwóch mów, t. j. Szczęsnego Kryskiego i Lwa Sapiehy, wypowiedzianych na sejmach w r. 1611 i 1613. I tak w r. 1611 oświadczył podkanclerzy Kryski:

„Wszak (teraz) odkryć może, co się dotąd taiło. Zaszły były i pierwszego, co na Moskwie zabit, Otrepieja zamysły. Tak daleko zaszły praktyki, że sobie koronę polską odnieść obiecował. Tuszył i ten wtóry (Dymitr) rzeczom swoim dobrze, skoroby moskiewskich skarbów dopadł. Są żywi, co pierwszego intruza spraw wiadomi. Jest Dymitr Szujski, co się ze 40 tysięcy pod Smoleńsk, w ono nieszczęsne Rzeczypospolitej naszej zamieszanie gotował. Na co, niechaj go pytają sami ci, co tego wtórego do Polski wabili. A czekaćże było tego, ażby był nieprzyjaciel w ojczyźnie naszej sedem belli założył? A czekaćże, ażby był zamysły swoje wywarł? Zaprawdę byłoby nierychło, chyba po polsku, po szkodzie rzeczy dźwigać" (Rps. Bibl. Ossol. 207, k. 56—61 i 231 k. 256—262. — Rps. Muz. XX. Czartor. 106, Nr. 45 i 46).

W r. 1613 zaś powiedział Lew Sapieha:

„Znęcił się potem drugi Dymitr znowu tak wiele wojska, że miał 16,000 kopijnika, bez pieniędzy, którzy chcieli, posadziwszy na stolicy tego impostora, za ośm niedziel, a nadalej za trzy miesiące, w Krakowie koronować go" (Rps. Muz. XX. Czartor. 352, str. 538—539).

2) Szczęsny Kryski, podkanclerzy koronny, pisał do Zborowskiego z początkiem listopada r. 1609: „.... powiedziano, żeście już stolicę opanowali Waszmość, a na Kraków się gotujecie (Rps. Bibl. Ossol. 208, k. 84—86).

3) Budziło, tamże. Str. 136. — Marchocki, tamże. Str. 36.

Oprócz trzech powyżej wymienionych, przybyli wówczas do obozu Samozwańca: Bobrowski, Stadnicki, Rudzki, Oryłkowski, Kopyczyński „i innych barzo wiele" (Maskiewicz, Pamiętnik. Str. 18). Każdy z nich przyprowadził ze sobą większy lub mniejszy oddział zbrojnych.

4) Windakiewicz, Padwa etc. Str. 62 i 92.

czył. Podczas rokoszu walczył po stronie królewskiej, a nawet dwie roty, husarską i kozacką, własnym kosztem wystawił [1]). Po bitwie guzowskiej, w sierpniu r. 1607, napisał list do Samozwańca, w którym ofiarował mu swe usługi [2]), a uczynił to z pobudek, które najłatwiej zrozumiemy, oceniając postępowanie jego ze stanowiska ogólnej polityki ówczesnej tej rodziny, a przedewszystkiem Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego.

Niezwykły ten człowiek, polityk w wielkim stylu i właściwy twórca świetności tego rodu, obok licznych prac, podejmowanych dla dobra publicznego, szczególną też odznaczał się starannością około powiększenia swojego majątku rodzinnego. Umiał on wybornie wielkie cele polityczne łączyć z dążeniem do osiągnięcia własnych korzyści, a zabiegi te z tem większą podejmował gorliwością, że po przodkach swych tylko wcale skromną odziedziczył fortunę. To też w ciągu długiego jego żywota nie masz prawie roku, w którym mienia swojego nie powiększyłby, już to kupnem, już też w skutek hojnych nadań królów polskich, a osobliwie Zygmunta III-go [3]).

Sądził on bardzo trafnie, że majątek swój mógłby nadto znacznie pomnożyć, gdyby mu się udało odzyskać rozległe dobra w ziemi smoleńskiej, które Sapiehowie utracili po zdobyciu tej twierdzy przez Moskwę za Zygmunta I-go. Dobra te, a mianowicie Opaków i Jelna, pierwotne gniazdo tej rodziny, były niegdyś własnością Bohdana Sapiehy, pradziada kanclerza litewskiego [4]). Lew Sapieha wytrwale też dążył do odzyskania ich [5]), a w usiłowaniach tych znajdujemy także klucz do zrozumienia działalności jego i na polu publicznem. Skoro bowiem znaczne te obszary tylko przez zdobycie Smoleńska można było odebrać, przeto przez długie lata nieustannie prawie starał się Sapieha o wywołanie wojny z Moskwą, lub o wzniecenie zaburzeń w sąsiedniem państwie moskiewskiem, ażeby osłabiając je, tem łatwiej mógł osiągnąć cel, tak gorąco upragniony.

Z tego to powodu już w r. 1584 radził Batoremu, ażeby skorzystał z ówczesnych zamieszek w Moskwie, z „bezumnym“ Fiedorem rozpoczął wojnę i Smoleńsk odebrał [6]).

Kiedy w r. 1603 pojawił się w Polsce pierwszy Dymitr Samozwaniec, kanclerz litewski ofiarował się dostarczyć mu ludzi i pieniędzy na jego wyprawę przeciw Borysowi [7]).

1) Sapiehowie etc (Petersburg 1890). T. I, str. 198.

2) Że to zgłoszenie się Sapiehy do Dymitra nastąpiło najpóźniej w sierpniu r. 1607, wynika z odpowiedzi Samozwańca, datowanej z Starodubia, dnia 6-go września t. r. (Teka Narusz. z r. 1607. Nr. 261).

3) Sapiehowie. T. I, str. 145—177.

4) Tamże, str. 5.

5) Kognowicki, Życia Sapiehów. T. I, str. 78.

6) Tamże, str. 32.

7) Pierling, Rome et Démétrius. Pièces justificatives. Str. 178.

W cztery lata później, gdy drugi Dymitr starał się o pomoc polskich oddziałów zaciężnych, Jan Piotr Sapieha jeden z pierwszych zgłosił się z chęcią oddania mu swych usług, a uczynił to pod wpływem i za namową swojego brata stryjecznego Lwa Sapiehy [1]).

W r. 1609 kanclerz litewski usilnie namawiał króla do podjęcia wyprawy na Smoleńsk [2]). Wspomina o tem także królowa Konstancya w liście współczesnym [3]).

Po odzyskaniu tego województwa, kiedy Zygmunt powydawał przywileje, nadające dobra w ziemi smoleńskiej niektórym z panów koronnych, Lew Sapieha w imieniu całego W. Księstwa litewskiego bardzo stanowczą przeciw temu zaniósł protestacyą [4]). Smiałe to wystąpienie zupełny też odniosło skutek, na sejmie bowiem r. 1613, w t. zw. „ordynacyi województwa smoleńskiego" postanowiono, że wszelkie dobra szlacheckie w temże województwie miały być przywrócone ich prawowitym właścicielom [5]).

Te ciągłe zabiegi około powiększenia fortuny swej, obok chęci rozszerzenia granic Rzeczypospolitej, najlepiej tłómaczą nam pobudki, któremi kierował się kanclerz litewski w stosunkach naszych z Moskwą. Z tego to powodu albo namawiał do rozpoczęcia wojny otwartej, albo przynajmniej popierał usiłowania, mające na celu wywołanie zaburzeń w sąsiedniem państwie. Niewątpliwie też w tej myśli nakłonił swojego brata stryjecznego do oddania swych usług drugiemu Samozwańcowi. Przemawia za tem także okoliczność, że odtąd obydwaj, t. j. kanclerz i starosta uświatski, w wszelkich sprawach ważniejszych w najściślejszem działali porozumieniu.

W takich to celach postanowił Jan Piotr Sapieha wyruszyć do Moskwy. Z wypadków następnych przekonamy się jednak, że obok tych, prawdopodobnie głównych pobudek, kierowały nim jeszcze inne, już czysto osobiste, a mianowicie jego ambitne i bardzo daleko idące plany polityczne.

Dla Dymitra oczywiście tylko bardzo pożądanem mogło być przybycie tak wybitnej osobistości, jak starosta uświatski. To też na propozycyę jego odpisał już dnia 6-go września t. r. w odpowiedzi swej nie szczędząc wyrazów, bardzo dlań pochlebnych.

„Życzliwość waszę" — pisał Samozwaniec w tymże liście — „którejśmy doznawali czasów swoich, i teraz nieodmienną, przeciwko nam pokazaną, z spisania listu widzimy. Wielce dziękujemy i wyrozumiawszy życzliwość waszę równą a nieodmienną we wszystkiem Waszmości łaskę swoję oznaj-

1) Sapiehowie. T. I, str. 199. — J. Rywocki, Idea Magni Herois etc. Str. 74.

2) Pamiętnik Jakóba, Pazonki. Str. 42. — E. Szczepkin. Wer war Pseudodemetrius I? (Arch. f. slav. Phil. T. XXI, str. 142).

3) Kognowicki, tamże. Str. 279.

4) Tamże, str. 84—94.

5) Vol. legum. T. III, str. 96.

mujem i mamy to na dobrem baczeniu, iż gdy, da Pan Bóg, na stolicy swej będziemy, szczodrobliwą ręką naszą carską nadgradzać winni zostawamy. A teraz żądamy Waszmości, abyście z kupą ludzi rycerskich narodu polskiego do państw naszych jako naprędzej przybywali" [1]).

Pomimo takiego wezwania, dopiero w rok później przybył Sapieha do Tuszyna. Zwłokę tę spowodowały zapewne współczesne wypadki w Polsce, a poniekąd może i niezbędne przygotowania wojenne.

Wojsko Sapiehy, oprócz dość licznych pacholików, składało się z dwóch chorągwi husarzy, mających razem 250 koni, 570 pietyhorców, 550 kozaków, kilku dział, wreszcie z trzech chorągwi piechoty. Z tych pierwsza, z powodu „barwy" swej zwana błękitną, liczyła 100 ludzi, dwie inne t. zw. „piechoty czerwonej" 250. Ogólna więc liczba tego wojska wynosiła 1370 koni i 350 piechoty [2]).

Wszystkie te oddziały zebrały się z końcem lipca r. 1608 na pograniczu, w okolicach wsi Iwanowice. Ztąd też, dnia 27-go t. m. wkroczył Sapieha w ziemię moskiewską.

W dwa dni później przybył nad rzeczkę Łośmianę, gdzie przez cztery dni zatrzymał się. Tutaj „wszytko towarzystwo" zawiązało konfederacyę i uchwaliło „artykuły", mające zapewnić tak posłuszeństwo dla swojego wodza, jak ład i bezpieczeństwo w obozie [3]).

W akcie konfederacyi powiadają twórcy tego związku, że „zaciąg ten uczynili przeciwko Wasilowi Szujskiemu, na sławę Cara Jego Mości, tudzież przywiedzeni żalem z upadku i okrutnego więzienia braci swej, więc mając przed oczyma sprawiedliwość skrzywdzoną Jaśnie Wielmożnej Maryny Mniszchowej, Wielkiej Carycy moskiewskiej, która za zgodą i prośbą Bojar dumnych i narodu wszystkiego oddana w małżeństwo Wielkiemu Carowi Dymitrowi Iwanowiczowi, przez tegoż Wasila Szujskiego zdradliwie z państwa złupiona i do więzienia wzięta została".

---

1) Rpsy Muz. XX. Czartor. 103 (Nr. 261) i 342 (str. 517).

2) Ilość i skład wojska Sapiehy najdokładniej podaje jego dyaryusz, opisując wyjście jego z obozu tuszyńskiego pod Trójcę („Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII-go etc. Str. 188). Co do liczby tego wojska zgadzają się z nim Marchocki (tamże, str. 37), jako też „Rejestr wojska polskiego, który jest przy Caru na Moskwie" (Rps. Bibl. Jagiell. 102, str. 315—316), wreszcie Jerzy Mniszech w mowie swej, mianej na sejmie w r. 1611 (tamże, str. 457—460). Natomiast niewątpliwie mylną jest wiadomość, podana przez Maskiewicza (tamże str. 18), który powiada, że Sapieha przyprowadził ze sobą „kilka tysięcy koni". Zupełnie zaś niewiarogodne i fantastyczne jest przedstawienie Kognowickiego. Autor ten twierdzi bowiem, że „wojska wszystkiego, które było przy Sapiezie, liczono do trzydziestu tysięcy, rachując z czeladzią obozową, regularnego zaś wojska większa część była" (Życia Sapiehów etc. T. II, str. 163).

Wreszcie również mylną jest wiadomość, podana przez Kostomarowa, który pisze w swoich „Monografiach", że z Sapiehą wyruszyło do Moskwy „siedm tysięcy śmiałków" (Монографіи etc. T. V, str. 139).

3) Dziennik J. P. Sapiehy. Tamże, str. 175 i nast.

Dalej oświadczają związkowi, że ponieważ sprawa ta ,,dłuższego czasu potrzebuje, zaczem ludzie zwykli przedsięwzięcia swego, choć uczciwego ustępować" — przeto ,,wszyscy zgodnie obiecują, tę zaczętą ekspedycyą kończyć statecznie" i ,,przy Caru Jego Mości nieść zdrowie swe przeciwko każdemu jego nieprzyjacielowi". Gdyby zaś ,,po skończeniu tej wojny, po wyjściu dziesięciu niedziel, nie doszła ich zupełna zapłata, według listów przypowiednich i asekuracyi, od Cara Jego Mości wojsku danych, tedy w żadne kontrakty się nie wdając, mają wszyscy wjachać w ziemię Siewierską i Rzezańską (t. j. Riazańską) i z nich prowenta na pożytki swe, aż do zupełnej zapłaty za służby swe i szkody poniesione obracać".

W końcu dodano, że jeżeliby w wojsku zaszły jakie ,,insolencye", w takim wypadku, dla ,,uskromienia swywoli" miano ,,obrać marszałka, sędziego i deputaty i zlecić im tak szafunek wszelakiego rządu", jak zupełną moc karania winnych [1]).

Ciekawy ten dokument zaprzysięgli wszyscy towarzysze i własnoręcznie się na nim podpisali.

Akt ten niewątpliwie wyraża uczucia i sympatye ogółu związkowych, wnosząc jednak z wypadków następnych, nie możemy wątpić, że u właściwego jego twórcy, a mianowicie Jana Piotra Sapiehy, zupełnie odmienne i wcale nie sentymentalne, lecz wyłącznie polityczne działały pobudki.

Tak więc owe zastępy Polaków, walczących w armii Samozwańca, można podzielić na trzy różne grupy [2]). Naprzód śpieszyli pod jego chorągwie ludzie, pragnący żołdu wysokiego i łupów wojennych, w ogóle hojnej nagrody, którzy podobnie jak oddziały condottierów na Zachodzie, służyli każdemu, sowitą obiecującemu im zapłatę. Później udawali się do Tuszyna malkontenci polscy, przeważnie różnowiercy, którzy przy pomocy Samozwańca zamierzali na nowo rozpocząć walkę z Zygmuntem, a nawet Dymitra na tronie polskim osadzić zamyślali. Wreszcie oddał mu usługi swe Jan Piotr Sapieha, działający w myśl polityki ówczesnej tej rodziny, a mającej tak wzrost jej potęgi na celu, jak w ogóle dobro i pożytek całej Rzeczypospolitej.

A. Hirschberg.

---

1) Kognowicki, Życia Sapiehów. T. II, str. 158—162.

2) Podług Marchockiego, w Tuszynie, w wrześniu r. 1608 „liczyło się wojska polskiego konnego 18,000, a piechoty dobrej 2,000, okrom kozaków zaporoskich, których było ze 30,000" (tamże, str. 40). — Stanisław Domaradzki, wróciwszy z Moskwy w wrześniu t. r., miał opowiadać, że Dymitr „pod stolicą miał wówczas 30,000 ludzi" (Цвѣтаевъ, Царь Василій Шуйскій etc. T. II, cz. 2-ga, str. CCCLXXXIII). Według współczesnej zaś szczegółowej relacyi polskiej „suma wszytkiego wojska" (polskiego) wynosiła wówczas 21,380 (Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie. Rps. Bibl. Jagiell. 102, str. 315—316. — Podobny „rejestr" ogłoszony w I-szym tomie „Русс. Истор. Библіотеки", str. 713—716, odnosi się niewątpliwie do czasów późniejszych, a mianowicie do r. 1610).

Присяга крестьянъ по чешскому средневѣковому праву.

(Страница изъ исторіи крестьянъ въ Чехіи).

Въ чешскихъ средневѣковыхъ юридическихъ текстахъ неоднократно встрѣчается терминъ: «человѣчество» (člověčenství), образованный отъ слова «человѣкъ» (člověk). Уже въ концѣ XV вѣка упомянутый терминъ употребляется для обозначенія крѣпостного состоянія сельскихъ жителей, какъ это видно изъ различныхъ постановленій высшаго земскаго суда. Для примѣра можно указать нѣкоторыя изъ нихъ: только землевладѣлецъ имѣлъ право выдать крѣпостному освободительный актъ; если король жаловалъ крѣпостному человѣку гербъ, т. е. возводилъ его въ шляхетское званіе, то и тогда крѣпостной не имѣлъ права покинуть свой участокъ и считать себя свободнымъ отъ обязательствъ, обусловленныхъ его «человѣчествомъ», т. е. прикрѣпленіемъ къ землѣ; далѣе, если какой-либо иноземецъ «далъ обѣтъ человѣчества» одному землевладѣльцу, а потомъ уходилъ къ другому, то первый имѣлъ право требовать его выдачи подобно тому, какъ если бы дѣло шло о сбѣжавшемъ старинномъ крѣпостномъ, ибо въ этомъ случаѣ не имѣли никакой законной силы акты, доказывавшіе прежнее свободное состояніе бѣглеца [1]).

---

1) **Jireček**, Codex juris bohemici, tomi III, pars II, Pragae 1873, p. 131. Sententiae a judicio terrae latae, ad an. 1491: Nalezli vuobec za právo: Ktožby čie dědiny držal, práva k nim nemaje, a propustil z toho zbožie některé lidi z člověčenstvie, že to propuštěnie moci nemá. — Ibid., p. 166, ad an. 1497: Žádný člověk, maje pána dědičného, nemuože se obdarováním královským, kdyžby mu král erb dáti ráčil, tím erbem od svého pána dědičného vyhostiti a z člověčenství vytrhnúti; než užívej erbu pánu svému bez škody. — Ibid., p. 168, ad an. 1497: Nalezli vuobec za právo: Jestližeby který cizozemec komu člověčenstvie slíbil, a potom žeby k někomu jinému ušel z země, a ten, komuž jest člověčenstvie slíbil, žádal by na tom, aby mu jej vydal: má mu jej vydati, jako by jeho rodilý byl, a nemá sobě naň z cizie země propustnieho listu jednati, ani jej tiem listem (aby pak zjednal) zastierati proti tomu, komuž jest člověčenstvie slíbil; pakliby se v tom nezachoval, bude moci k němu hledieno býti vedlé zřízení o lidě. О значеніи и характерѣ постановленій высшаго земскаго суда, а также о формулѣ nalezli za právo см. А. **Ясинскій**, Основныя черты развитія права въ Чехіи въ XIII—XV вв. (1902), стр. 24—25, 33—42.

Такимъ образомъ, въ ученой литературѣ вполнѣ основательно установился взглядъ на такъ называемое «человѣчество», какъ на актъ прикрѣпленія къ землѣ, а на крестьянина, согласившагося на этотъ актъ «человѣчества», какъ на крѣпостного или человѣка несвободнаго. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ были хорошо извѣстны многочисленные тексты, свидѣтельствовавшіе о правѣ крестьянскаго перехода, то, въ связи съ такимъ взглядомъ на характеръ «человѣчества», естественно должно было возникнуть ученіе о томъ, что въ составѣ зависимаго населенія, проживавшаго на земляхъ землевладѣльцевъ, слѣдуетъ будто бы различать крѣпостныхъ, связанныхъ актомъ «человѣчества», и людей свободныхъ (poddaní osobně svobodní i nevolní), при чемъ въ число послѣднихъ (osobně svobodných) вступали иногда крѣпостные, которымъ удавалось выкупить свою свободу (vykoupiti se z člověčenství). Только будто бы съ теченіемъ времени (не ранѣе XVI вѣка), когда сельское населеніе потеряло постепенно право перехода, «человѣчество зависимаго населенія стало закономъ и правиломъ»[1]).

Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что «человѣчество» съ конца XV в. стали понимать въ смыслѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, можно однако отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ ученію о раздѣленіи сельскихъ жителей на крѣпостныхъ, связанныхъ актомъ «человѣчества», и людей свободныхъ. Хотя извѣстно, что въ составъ сельскаго населенія вошли потомки людей двоякого происхожденія: одни изъ нихъ были потомками свободныхъ поселенцевъ, а другіе происходили отъ рабовъ, посаженныхъ на землю, или министеріаловъ, получившихъ землю подъ условіемъ отправленія извѣстной службы, но извѣстно также и то, что уже въ XIII—XIV вѣкахъ всѣ классы сельскаго населенія пріобрѣли права наслѣдственной аренды и сдѣлались дѣдичами своихъ участковъ, при чемъ подсосѣдки и колоны, потомки рабовъ, пріобрѣли даже право свободнаго перехода[2]). На какомъ бы тогда основаніи одна часть крестьянъ была связана узами «человѣчества», а другая осталась отъ нихъ свободна? Если актъ «человѣчества» связывалъ одну часть крестьянъ, то остается предположить, что въ теченіе XV вѣка

1) Jar. Čelakovský, Povšechné české dejiny právní, см. Ottův Slovník Naučný, d. VI (1893), str. 517—519: V ten čas na př. obyvatelé mnohých poddaných měst i vesnic vykoupili se z člověčenství, stávali se lidmi osobně svobodnými a osady jejich následkem toho vstupovaly do ochranného poměru k vrchnosti...Kdo i po prodeji poddaného statku ostával poddaným vrchnosti a nemohl svobodně vyhostiti, byl zavázán člověčenstvím vrchnosti, byl jejím nevolníkem; kdo mohl se svobodně vyhostiti, byl osobně svobodným...Člověčenství lidu poddaného stalo se tudy zákonem a pravidlem. — Вполнѣ согласно съ этимъ взглядомъ на характеръ «человѣчества» въ томъ же энциклопедическомъ словарѣ отъ слова člověčenství сдѣлана ссылка на слова Nevolnictví и Poddanství, а при объясненіи слова Nevolnictví замѣчено, что кромѣ рабства оно означаетъ сельскую зависимость или «человѣчество» (poddanství selské čili člověčenství).

2) Ант. Ясинскій, Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи, т. I (1901), стр. 305—325.

произошло какое то новое соціальное и правовое раздѣленіе сельскаго населенія. На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ сборника Викторина изъ Вшегрдъ, составленнаго въ самомъ концѣ XV вѣка, т. е. когда съ актомъ «человѣчества» стали уже соединять представленіе о прикрѣпленіи крестьянъ, — все зависимое сельское населеніе, проживавшее на чужихъ земляхъ, связано было по отношенію къ землевладѣльцамъ актомъ «человѣчества», а слѣдовательно было прикрѣплено къ землѣ. Излагая порядокъ ввода во владѣніе по розыску или оцѣнкѣ (o odhádáni), Викторинъ изъ Вшегрдъ говоритъ, что послѣ опроса свидѣтелей обѣихъ сторонъ, истца и отвѣтчика, и мѣстныхъ жителей, подкоморникъ долженъ озаботиться о записи ихъ показаній и ввести истца во владѣніе, сообразуясь съ этими показаніями, а равно немедленно распорядиться о томъ, чтобы населеніе, если таковое живетъ на данныхъ земляхъ, «дало обѣтъ человѣчества новому и теперь вводимому владѣльцу и пану»[1]). При вводѣ же во владѣніе, на основаніи записи въ «доскахъ» или книгахъ высшаго земскаго суда, коморникъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы зависимые люди давали обѣтъ человѣчества землевладѣльцу, вводимому во владѣніе, предоставляя это ихъ усмотрѣнію, такъ какъ самая запись въ «доскахъ» является неоспоримымъ обезпеченіемъ осуществленія права; по истеченіи же двухъ недѣль, введенный во владѣніе можетъ получить такъ называемый «обранный листъ», и тогда зависимое населеніе обязано дать обѣтъ человѣчества, ибо въ противномъ случаѣ подвергнется преслѣдованію, по обвиненію въ сопротивленіи законному порядку и власти[2]). Уже сами по себѣ эти тексты, взятые изъ сборника Викторина изъ Вшегрдъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что обѣтъ

---

1) Viktorin ze Všehrd, O práviech země české knihy devatery, IV, 16 § 7—8 (ed. Herm. Jireček, Codex juris bohemici, t. III, pars III, Pragae 1874, str. 204): A když všecko potřebně vyhledá vedlé vyptánie lidí obojie strany, zemanóv i sedlákóv, tehdy to miestokomorník, umie-li psáti, sám spíše, pakli neumie, káže písaři desk, a vedlé toho sepsánie odhádánie udělá. A udělaje odhádánie, tu póvoda v skutečné drženie dědictvie odhádaného hned, nikam neodjiezděje, má uvésti, a lidem (jestli že jsú) má rozkázati, aby člověčenstvie slíbili novému a tu nynie uvedenému držiteli a pánu; a prvniemu pánu též má moci úřadu svého rozkázati, aby lidi propustil a dědictvie odhádaného postúpil.—О Викторинѣ изъ Вшегрдъ и его сочиненіи см. Jar. Čelakovský, O významu mistra Viktorina ze Všehrd v kulturních a právních dějinach českých, 1901, str. 1—15, и Ант. Ясинскій, Основныя черты развитія права въ Чехіи, 1902, стр. 21—24.

2) Viktorin ze Všehrd, O práviech země české knihy devatery, VII, 2, § 6, str. 301: Nemá také komorník lidem, v kteréž se uvazuje, nic rozkazavati, ani jich k čemu nutiti ani rozpakovati, než učině, co má vedlé práva a výpisu z desk vzatého učiniti z povinnosti své, má dále pohotově býti, chtie-li lidé člověčenstvie tomu, ktož se vede, slibovati; nebo chtie-li jej v drženie zámku, nebo tvrze, nebo dvoru držitelé pustiti, to při lidech a při držiteliech stojí. Neslíbí-li lidé, nepustí-li držitel v drženie, nic v tom proti právu obojí neučinie: Má ten, kdo se vede, před sebú vrch práva, kterémuž již viece ani lidé ani držitel odepřieti nebudú moci, než skutečně dědictvie držitel postúpiti a lidé člověčenstvie slibovati musie. A to jest list obranní, kterýž se od úřadu po dvú nedělí od uvázánie k najvyššiemu purkrabí dává, aby on — v skutečné drženie i uvedl, i uvedeného mocí svú proti každému právu otpornému i proti všie moci bránil.

«человѣчества» былъ обязателенъ для всего зависимаго населенія, проживавшаго на земляхъ собственника. Говоря о различныхъ способахъ ввода во владѣніе, Викторинъ долженъ былъ бы, казалось, сдѣлать оговорку, что обѣтъ «человѣчества» обязателенъ только для одной части зависимаго населенія, если въ средѣ таковаго дѣйствительно бывали люди, не связанные обѣтомъ «человѣчества». Между тѣмъ, этотъ знатокъ дѣйствовавшаго тогда права не только не дѣлаетъ никакой подобной оговорки, но категорически утверждаетъ, что «всѣ чиншевики, слуги и министеріалы не располагаютъ своею личностью и не пользуются свободою, но связаны обязательствами и прикрѣплены»[1]). Не ограничиваясь этимъ, Викторинъ, ставя вопросъ о томъ, могутъ ли зависимые люди вчинять иски противъ своихъ пановъ въ земскихъ судахъ, и, склоняясь къ отрицательному отвѣту, высказываетъ свои соображенія, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что актъ «человѣчества», обязательный для всѣхъ зависимыхъ людей, представлялъ собою не что иное, какъ обѣтъ повиновенія и ихъ присягу, по характеру своему только отчасти подобную присягѣ, приносимой панами и шляхтою на имя государя. «Паны, — говоритъ онъ, — за свои деньги покупаютъ себѣ чиншевиковъ, министеріаловъ и слугъ и имѣютъ полную власть надъ жизнью и смертью зависимыхъ людей и министеріаловъ, согласно съ установившимися правами, но земля сама себѣ избираетъ короля и его добровольно принимаетъ, не будучи имъ куплена за деньги, но по доброй волѣ становясь къ нему въ подданническія отношенія. Король же, — продолжаетъ онъ, — приноситъ странѣ присягу, но паны своимъ зависимымъ людямъ, министеріаламъ и слугамъ не даютъ никакихъ клятвенныхъ обѣщаній, но принимаютъ отъ нихъ таковыя обѣщанія и присягу»[2])...

Такимъ образомъ, актъ «человѣчества», обязательный для всѣхъ зависимыхъ людей, слагался изъ какихъ-то обѣщаній зависимыхъ людей и ихъ присяги (slib i přísaha).

Викторинъ изъ Вшегрдъ, какъ было выше указано, сопоставлялъ актъ «человѣчества» съ присягою, приносимой подданными государю, и при этомъ усматривалъ главное различіе въ томъ, что присяга подданныхъ является какъ бы добровольной, а «человѣчество» — актомъ принудительнымъ или обязательнымъ. Это указаніе Викторина относится къ самому концу XV в., когда зависимое населеніе, какъ было упомянуто въ началѣ этой статьи,

1) Ibid., III, 22, § 14, str. 150: všichni lidé platní, pacholci i služebníci svoji nejsú ani svobodní, než zavázaní a nevolní.

2) Ibid., III, 22, § 14, str. 150: Páni sobě lidi platné, i služebníky a pacholky za své penieze kupují a mají nad lidmi též, jako i nad svými služebníky plnú i života moc i smrti, jakož práva ukazují; ale země sobě krále sama volí a jej dobrovolně podniká, od něho žádnými penězi kúpena nejsúci, než dobrovolně jemu poddána. A král každý zemi přísahu činí; ale lidem služebníkóm a pacholkóm svým páni nic neslibují, než od nich slib i přísahu přijímají.

не пользовалось уже правомъ перехода и сдѣлалось крѣпкимъ землѣ. Первоначальный же характеръ «человѣчества» выясняется текстами, напечатанными Палацкимъ въ 1-мъ томѣ его «Архива чешскаго». Одни изъ этихъ текстовъ (1453—1456 гг.) извлечены изъ записей, помѣщенныхъ въ книгахъ придворнаго суда (desky dvorské), а другіе находятся въ грамотѣ города Жатца, выданной въ 1434 году, и въ грамотѣ города Моста, выданной въ 1437 году. Слѣдовательно, эти тексты относятся къ 1434—1456 гг., т. е. ко времени дѣятельности ближайшаго и предшествовавшаго поколѣнія, къ которому принадлежалъ Викторинъ изъ Вшегрдъ.

Имѣя въ данномъ случаѣ дѣло со свидѣтельскими показаніями или показаніями заинтересованныхъ сторонъ, нельзя обойтись безъ предварительнаго разбора каждаго изъ сохранившихся текстовъ.

Три зависимыхъ человѣка села Биланъ, находившагося въ Хрудимской области, дали на судѣ показанія о смѣнѣ владѣльцевъ и условіяхъ фактическаго владѣнія. По словамъ одного изъ нихъ, зависимые люди села Биланъ находились во владѣніи Ольбрама изъ Полички, который, послѣ 52-лѣтняго покойнаго владѣнія, приказалъ крестьянамъ «дать обѣтъ человѣчества» Якубу Клекту. Когда же владѣльцемъ былъ сынъ послѣдняго, Ванекъ Клекта, то панъ Викторинъ привелъ Биланскихъ крестьянъ въ городъ Пардубицы, и они «должны были дать ему обѣтъ человѣчества и платили ему чиншъ до самой его смерти». Другой крестьянинъ, упоминая о переходѣ владѣнія отъ Ольбрама къ Клекту, прибавилъ, что Ольбрамъ приказалъ крестьянамъ явиться въ Хрудимъ, и тамъ, по его приказу, они «дали обѣтъ человѣчества» Якубу Клекту. Наконецъ, третій крестьянинъ сказалъ, что Ольбрамъ поѣхалъ въ Хрудимъ къ Якубу Клекту, а своихъ крестьянъ послалъ впередъ и приказалъ имъ тамъ «дать обѣтъ человѣчества Клекту и его сыну», а «мы, — прибавилъ онъ, — дали обѣтъ и платили чиншъ»[1]).

Насколько эти показанія крестьянъ были правдивы, это въ данномъ случаѣ вопросъ болѣе, чѣмъ второстепенный. Могли ли они сказать правду и хотѣли ли, въ этомъ предстояло разобраться суду; одно остается все таки несомнѣннымъ: въ своихъ показаніяхъ они должны были избѣгать явной для современниковъ несообразности и даже болѣе — излагать дѣло такъ,

1) Archiv český, d. I, str. 160, ad an. 1456: Jan Hojek, poddaný z Bylan, swědčil, že Olbram z Poličky, pán jich, držel je za krále Wáclava žíwnosti 52 let, a na to mu žádný nesahal. Potom týž Olbram kázal nám slíbiti člowěčenstwie Jakubowi Klektowi — a potom Waněk Klekta držal nás po swého otce Jakuba smrti. A potom w jeho držení pán Viktorin pobral nás na Pardubice, a musili smě jemu slíbiti člowěčenstwie, a platili sme jemu úrok až do smrti. — Jiřík z Bylan: Platili smy úroky Olbramowi tak z lehka od 42 let; pak přijew po nás, i kazal nám do Chrudimě, a tu nám kázal slíbiti člowěčenstwie Jakubowi Klektowi. — Žich z Třebosic, krajči: Tu sem se rodil w Bylanech... A potom Olbram přijel do Chrudimě k Jakubowi Klektajowi, a nás před se obeslal, a přikazal nám člowěčenstwie slíbiti Klektajowi a jeho synu; a my smy slibili i úroky jemu smy platili.

чтобы ихъ изложеніе не казалось слушателямъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Разсматривая съ этой точки зрѣнія данныя показанія, можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) обѣтъ человѣчества и платежъ чинша являются актами, тѣсно связанными другъ съ другомъ; 2) при всякой смѣнѣ владѣльцевъ зависимые люди приносили обѣтъ человѣчества; 3) обѣтъ человѣчества даваемъ былъ въ присутствіи новаго владѣльца и по приказу прежняго.

Что актомъ «человѣчества» опредѣлялась прежде всего личность, имѣющая право на полученіе чинша, это доказывается тѣмъ, что почти всегда къ упоминанію о принесенія обѣта «человѣчества» присоединяется заявленіе о платежѣ чинша, а, кромѣ того, тѣмъ, что къ акту «человѣчества» прибѣгали даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о временномъ пользованіи правомъ полученія чиншевыхъ платежей. Такъ, панъ Ганушъ, владѣлецъ села Яновицы, взявшій въ долгъ у Микулаша Розлера 53 копы, приказалъ своимъ чиншевикамъ дать послѣднему «обѣтъ человѣчества и послушанія» на все то время, пока не будетъ долгъ вполнѣ погашенъ[1]).

«Обѣтъ человѣчества» могъ послѣдовать не только по непосредственному распоряженію владѣльца, но и въ силу его приказа, переданнаго черезъ довѣренное лицо. Такъ, напр., владѣлецъ села Врутицы, находившагося въ Болеславльскомъ краѣ, будучи смертельно боленъ, отказалъ свое имѣніе Генриху изъ Хоболицы и распорядился прежде всего о томъ, чтобы его прикащикъ «далъ обѣтъ человѣчества» этому Генриху и приказалъ то же сдѣлать и чиншевикамъ. По словамъ другого свидѣтеля, владѣлецъ сказалъ своему прикащику: «Прійми этихъ людей подъ руку Генриха: пусть они дадутъ обѣтъ человѣчества!»[2]).

Какъ только зависимые люди «приносили обѣтъ человѣчества» какому либо человѣку, этотъ послѣдній вступалъ въ фактическое владѣніе. Такимъ образомъ панъ Викторинъ въ селѣ Биланахъ собиралъ долгое время чиншъ послѣ того, какъ принудилъ крестьянъ принести обѣтъ человѣчества, хотя, повидимому, законныхъ правъ владѣнія онъ не имѣлъ[3]). Что актомъ человѣчества

1) Archiv český, d. I, str. 345, ad an. 1437: Také nás spravili — purkmistr a konšelé staré raddy, že týž Hanuš postawil tudiež a tehda před nimi lidi swé úročně z Jan. wsí nahořepsané, a kázal jim plné člowěčenstwie a poslušenstwie slíbiti, přisieci i držeti ták dluho Mikulašowi Rozlarowi swrchupsanému, dokud jemu penieze jeho 53 kop. gr. úplně splňeny nebudú; a že to ti jistí chudí úroční lidé tak drželi a přisáhli, jakož jim pán jich to učiniti kázal.

2) Archiv český, d. I, str. 171: Zachař ze Chlumu, seděním we Slivně, wyznal, že je mu swědomo, a že jest při tom byl, když jest Pešík z Pokoměřic nemocen jsa na smrtedlné posteli, odkázal wšecko zbožie we Wruticích Jindřichowe z Chobolic; a kázal pacholku a starostowi swému, aby jemu Jindřichowi slíbil, a dále aby lidem kázal slíbiti témuž Jindřichowi člowěčenstwie. — Wáclaw z Tožice: A hned řekl Žacharowi ze Sliwna: Přijmiž ty lidi k ruce Jindrichowě, at' slíbie člowěčenstwie; a ti lidé hned totiež slíbili jemu člowěčenstwie.

3) См. выше, стр. 45, прим. 1: w jeho (Waňka Klekty) držení pán Viktorin pobral nás na Pardubice, a musili sme jemu slíbiti člowěčenstwie, a platili sme jemu úrok až do smrti.

дѣйствительно обезпечивалось фактическое владѣніе, это подтверждается также свидѣтельскими показаніями Яна изъ Приворы относительно распоряженій владѣльца села Кривоусъ. По словамъ свидѣтеля, владѣлецъ этого села, находившагося въ Раковницкомъ краѣ, будучи боленъ, послалъ за его матерью, съ которою и онъ, свидѣтель, прибылъ въ домъ больного. По ихъ прибытіи, владѣлецъ послалъ за своими чиншевиками и приказалъ имъ дать обѣтъ человѣчества прибывшей матери свидѣтеля. Имѣя желаніе свою послѣднюю волю о предоставленіи правъ собственности на имѣніе въ пользу этой же женщины внести въ книги земскаго суда, владѣлецъ села Кривоусъ собирался ѣхать въ Прагу, но священникъ воспрепятствовалъ этой поѣздкѣ, въ виду опаснаго состоянія здоровья больного. Тогда землевладѣлецъ приказалъ матери свидѣтеля вступить во владѣніе, что̀ она и сдѣлала, такъ какъ зависимые люди дали ей обѣтъ человѣчества. Послѣ того мать свидѣтеля отправилась съ зависимыми людьми въ Прагу, гдѣ послѣдніе передъ членами Пражскаго уряда заявили о томъ, что они дали матери свидѣтеля обѣтъ человѣчества и отъ этого обязательства не были освобождены[1]). Какъ видно изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній, «обѣтъ человѣчества» зависимыхъ людей устанавливалъ фактическое владѣніе, но правъ собственности не предоставлялъ лицу, получившему такой обѣтъ. Законность владѣнія удостовѣрялась, какъ это хотѣлъ сдѣлать владѣлецъ села Кривоусъ, записью въ книги земскаго суда. Иногда упоминается о выдачѣ дарственной грамоты со стороны прежняго владѣльца. Такъ, напр., одинъ чиншевикъ села Пнетлукъ Жатецкаго края заявилъ на судѣ, что панъ Ганушъ, законный владѣлецъ села, уступилъ свое владѣніе пану Бенешу, въ удостовѣреніе чего выдалъ ему грамоту, а зависимымъ людямъ приказалъ дать этому пану обѣтъ человѣчества. Другой же чиншевикъ того же села сказалъ, что панъ Ганушъ приказалъ зависимымъ людямъ дать обѣтъ человѣчества пану Бенешу, и это удостовѣрилъ своею грамотою[2]). Между этими двумя показаніями существенное разногласіе: въ одномъ изъ нихъ дѣло идетъ какъ бы о дарственной грамотѣ, а въ другомъ—о грамотѣ, удостовѣрявшей актъ принесенія чиншевиками обѣта человѣчества.

---

1) Archiv český, d. I, str. 173: Jan z Přiewory, seděním w Wojkowicích: To mi swědomo, když nebožčik Janek z Křiwús byl nemocen, poslal po mú matku, a ja s ní šel sem k němu. Tu přiwolati kázaw lidi swé, kázal jim slíbiti člowěčenstwie, a oni slíbili. A chtěl rád mateři mé we dsky to zbožie wložiti; a když se chystal do Prahy, to kněz nedal ho wésti do Prahy, tehda matce mé kázal se w lidi uwázati; a ona uwázala se, neb ti lidé slíbili sú jí člowěčenstwie. A potom matka má šla s těmi lidmi před úředníky Pražské, a tu se seznali wšichni ústně před úředníky, že sú jí slíbili člowěčenstwie; a potom z toho propuštěni nejsú.

2) Archiv český, d. I, str. 163: Pašek ze Pnětluk: a jediný pan Hanuš po nich zuostaw žiw, postúpil toho zbožie p. Benešowi, a na to jemu list udělal, a nám přikázal jemu člowečěnstwie slíbiti.. Waněk odtudž: a když po wšech smrti p. Hanuš sám ostal žiw, přikázal nám slíbiti člowěčenstwie p. Benešowi a jemu to listem zapsal.

Если бы дарственная грамота прежняго землеадѣльца болѣе обезпечивала права владѣнія новаго лица, чѣмъ актъ человѣчества населенія, проживавшаго въ имѣніи, то владѣлецъ села Кривоусъ, несомнѣнно, озаботился бы составленіемъ таковой. На самомъ дѣлѣ, при отсутствіи записи въ книгахъ земскаго суда и другихъ, удостовѣрявшихъ законность владѣнія, актовъ, устное или письменное заявленіе зависимыхъ людей о томъ, что они принесли данному лицу актъ человѣчества, имѣло, повидимому, большое значеніе, при утвержденіи въ правахъ владѣнія этого лица. Подобное устное заявленіе сдѣлано было чиншевиками села Кривоусъ передъ Пражскимъ урядомъ[1]). Еще болѣе интереса представляетъ грамота крестьянъ села Слупна, датированная 12 дек. 1437 г. Въ этой грамотѣ крестьяне заявляютъ, что они дали обѣтъ человѣчества Яну Оспелику изъ Быджова, который, по прошествіи 16 лѣтъ, уступилъ ихъ Куншу изъ Кречова и приказалъ имъ дать послѣднему обѣтъ человѣчества. По смерти же Оспелика, когда Кунешъ находился въ заточеніи у нѣкоего Іешка Богунка изъ Быджова, управители покойнаго Генриха изъ Велиша силою привели ихъ подъ руку своего пана. Послѣ своего освобожденія, прежній владѣлецъ, Кунешъ изъ Кречова, вошелъ въ соглашеніе съ паномъ Генрихомъ, который добровольно отказался отъ пользованія захваченнымъ. Тогда крестьяне снова и добровольно принесли обѣтъ человѣчества пану Куншу и его сыну. Въ самомъ концѣ грамоты крестьяне сочли необходимымъ прибавить, что «они не имѣютъ иныхъ пановъ, кромѣ Господа Бога и его», Кунша изъ Кречовы[2]). Эта грамота съ полною опредѣленностью указываетъ все значеніе акта «человѣчества». Въ силу его надъ зависимыми людьми устанавливается фактическая власть землевладѣльца. Послѣдній по отношенію къ нимъ является единственнымъ паномъ-государемъ, а они слѣдовательно его подданными. Съ другой стороны, самый фактъ составленія подобныхъ грамотъ свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что удостовѣреніе акта человѣчества важно было для землевладѣльца, служа какъ бы доказательствомъ законности его владѣнія, такъ и о томъ, что зависимые люди въ первой половинѣ XV вѣка не усматривали въ актѣ человѣчества никакого ограниченія своей свободы

1) См. выше, стр. 47, прим. 1.

2) Archiv český, d. I, str. 346: My súsede a lidé ze Slúpna, kromě Bilka, někdy nebožce Janowi Ospělíkowi z Bydžowa wyznáwámy tiemto listem přede wšemi — jemu smy byli samému člowěčenstwie slíbili. A potom, jest tomu dobře na 16 let neb wiece, postúpil nás a člowěčenstwie prawé kázal slíbiti panu Kunšowi z Křěčowa... A když swrchpsány Ospělík umřel, a p. Kuneš sedal w těžkém wězení Jeska Bohuňkowa z Bydžowa, tu sie w nás mocí uwieží úředníci nebožce páně Jindřichowi z Welíše k jeho ku páně ruce. A když p. Kuneš sie z wězenie wyprawi, tehda mluwi se panem Jindřichem; a ten po několice neděléch káže nás swrchupsaný pán postupiti zasie p. Kunšowi dobrowolně, i toho dworu s dědinami nebožce Ospělíkowa, kromě na dwú člowéků něco sobě platu poostawi. A my opět zasie znowa slíbimy prawé člowěčnestwie p. Kunšowi dobrowolně a jeho synu. A tak nás drži i podnes; a my pánuow jiných nemámy, než pána boha a jej.

и правъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они воздержались бы отъ вторичнаго принесенія обѣта человѣчества, при чемъ таковой былъ ими принесенъ по доброй волѣ и на имя не только пана Куншa, но и его сына.

Если ближайшимъ послѣдствіемъ акта человѣчества было опредѣленіе личности, имѣвшей право на полученіе чинша, то отсюда вполнѣ понятно, почему зависимые люди безпрекословно исполняли приказъ своего владѣльца, когда послѣдній требовалъ отъ нихъ принесенія обѣта человѣчества новому лицу, которое съ этого момента вступало въ права фактическаго владѣнія и взимало въ свою пользу установленные чинши. Совершенно иначе они себя держали, если имѣли основанія сомнѣваться въ законности правъ лица, считавшаго себя владѣльцемъ имѣнія, ими заселеннаго. Въ подобныхъ случаяхъ они отказывались отъ принесенія обѣта человѣчества до выясненія обстоятельствъ дѣла. Такой случай засвидѣтельствованъ грамотою 1434 г., выданной урядомъ города Жатца. Нѣсколько чиншевиковъ села Малаго Голедечка платили чиншъ Прокопу изъ Голедца. Когда Прокопъ умеръ, Ольдрихъ, братъ покойнаго, потребовалъ отъ чиншевиковъ принесенія обѣта человѣчества, но они отказались: «Катруша, вдова Прокопа, — сказали они, — увѣдомила насъ, чтобы мы ей платили чиншъ, а потому намъ не годится давать обѣтъ человѣчества, но войдите между собою въ соглашеніе и когда придете къ соглашенію, то мы будемъ платить тебѣ чиншъ, какъ и ей!» Вдова Прокопа прибыла въ Жатецъ и просила членовъ городского совѣта вызвать Ольдриха и рѣшить вопросъ о томъ, кто изъ нихъ имѣетъ право на полученіе чинша въ селѣ Маломъ Голедечкѣ. Когда Ольдрихъ въ присутствіи городскаго совѣта отказался (уплатою Катрушѣ 100 копъ) выкупить право на полученіе чинша, то послѣдняя пожелала, чтобы чиншевики дали ей обѣтъ человѣчества. Вызванные въ залъ засѣданія, чиншевики посовѣщались между собою и, узнавъ о послѣдовавшемъ соглашеніи, дали Катрушѣ обѣтъ человѣчества и заявили, что они охотно ей будутъ платить чиншъ[1]).

---

1) Archiv český, d. I, str. 844: stojice před námi w radě naši robotěžní lidé, Wacek, Witek, Beneš a Wacek z Malého Holedečka, i wyznáwali dobrowolně před námi a swědčili jednostajně, že sú úrok platili slowútnému Prokopowi z Holedče; a po jeho smrti Oldřich bratr jeho požádal na nich, aby mu slíbili člowěčenstwie, a oni odepřali, a řkúce: «paní Katruše Prokopowa obeslala nás, abychom jie úrok dali, protož sie nám nehodí člowěčenstwie slíbiti, ale umluwte sie spolu o to některak, a když sie umluwíte, téměř tobě úrok budem platiti jako jie». Dále wyználi, že potom ta paní Katruše přijela k nám do Žatče, a prosila pánów, kteříž toho času na radě seděli, že sú Oldřicha z Holedče před se do rady obeslali, a jeho tázali, číby to plat byl na swrchupsaných lidech; a on wyznal, že jest paní Katrušin, a že on jest jie správce i s jinými za to; a že pak ta rada je o to rozdělila, a řkúce: «pane Oldřiše! chcešli ten plat mieti, dada jie sto kop, uwieziž sie wěn». A on odpowěděl, a řka: «nemám peněz, a protož nechajt' ona drží plat swój a jeho požíwa». Potom wyznali ti lidé, že sú puštěna do swětnice do rady. Tu nadepsana paní Katruše před radú žádala, aby jie člowěčenstwie slíbili: a oni poradiwše sie a srozuměwše, že sú se úmluvili, i slíbili jie člowěčenstwie, a že jie úroky rádi chtie platiti.

Такимъ образомъ, актъ «человѣчества» имѣлъ значеніе и важность для обѣихъ сторонъ, для землевладѣльцевъ и зависимыхъ людей: первымъ онъ давалъ право на полученіе чинша, а для вторыхъ опредѣлялъ лицо, которому слѣдовало взносить платежи. Такъ какъ полученіе чинша было фактическимъ владѣніемъ, то актъ человѣчества могъ служить иногда основаніемъ для утвержденія въ правахъ владѣнія. Разумѣется, фактическое владѣніе, когда оно не основано было на законномъ правѣ и подвергалось своевременному оспариванію со стороны лицъ, имѣвшихъ законныя права, не могло привести само по себѣ къ узаконенію владѣнія. Въ этомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія показанія чиншевиковъ села Слупна. Говоря о фактическомъ владѣніи пана Генриха изъ Велижа, чиншевики этого села даже избѣгаютъ упоминанія обычной формулы: slíbili člowěčenstwie, а предпочитаютъ прибѣгнуть къ описательной формулѣ: «они де были приведены подъ руку этого пана» (ku pánĕ ruce). Напротивъ, когда шла рѣчь въ ихъ показаніяхъ о владѣніи Куншa изъ Кречовы, то самый обѣтъ человѣчества называется правильнымъ или надлежащимъ (prawé člowěčenstwie) [1]). Одинъ же изъ чиншевиковъ села Биланъ, высказываясь о захватѣ пана Викторина, заявляетъ, что жители «должны были дать обѣтъ человѣчества» этому пану [2]). Выше былъ уже отмѣченъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что зависимые люди даже входили въ обсужденіе правъ того или другого лица на фактическое владѣніе, т. е. на полученіе отъ нихъ обѣта человѣчества [3]). Фактическое владѣніе прекращалось только тогда, когда землевладѣлецъ, которому зависимые люди принесли обѣтъ человѣчества, освобождалъ ихъ отъ этого обѣта, приказывая принести таковой другому лицу [4]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣніе было основано на захватѣ, и крестьяне силою были принуждены къ принесенію обѣта человѣчества, требовалось освобожденіе ихъ со стороны захватчика отъ даннаго ему обѣта для того, чтобы они могли принести обѣтъ законному владѣльцу. Такъ, напр., только послѣ того, какъ панъ Генрихъ изъ Велижа распорядился объ освобожденіи крестьянъ отъ даннаго обѣта, они могли таковой принести вторично законному владѣльцу, Куншу изъ Кречовы [5]). Разсказывая о томъ, что жители села Кривоусъ принесли, по приказу владѣльца, обѣтъ человѣчества матери его, свидѣтеля, этотъ послѣдній считалъ необходимымъ при-

1) См. выше, стр. 48, прим. 2.

2) См. выше, стр. 45, прим. 1.

3) См. выше, стр. 49.

4) См. выше, стр. 45, прим. 1; стр. 46, прим. 1, 2; стр. 47, прим. 1; стр. 47, прим. 2; стр. 48, прим. 2.

5) См. выше, стр. 48, прим. 2: káže nás swrchupsaný pán postupiti zasie p. Kunšowi dobrowolně.

бавить, что они не были освобождены отъ даннаго обѣта, а слѣдовательно оставались съ того времени въ фактическомъ владѣніи его матери[1]).

Всѣ эти факты доказываютъ, что между землевладѣльцемъ и его крестьянами, принесшими ему обѣтъ человѣчества, устанавливалась личная связь, обусловленная не только ихъ чиншевыми отношеніями, т. е. полученіемъ чинша однимъ и уплатою его другими. Владѣлецъ села Яновицы приказалъ своимъ крестьянамъ дать Микулашу Розлеру обѣтъ человѣчества и *послушанія*[2]), хотя въ данномъ случаѣ власть и права Микулаша должны были прекратиться, какъ только долгъ владѣльца будетъ погашенъ. Правда, въ другихъ текстахъ не упоминается о «послушаніи», наряду съ «человѣчествомъ». Тѣмъ не менѣе, «послушаніе» вытекало, повидимому, изъ обѣта «человѣчества» или характеризовало этотъ обѣтъ съ другой стороны. Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ «послушаніемъ» обусловливалось то обстоятельство, что крестьяне безусловно безропотно приносили обѣтъ человѣчества на имя другого лица, когда того требовалъ прежній владѣлецъ, а въ другихъ случаяхъ, когда, напр., владѣлецъ умиралъ, не указавъ лица, которому крестьяне должны принести обѣтъ человѣчества, — входили въ обсужденіе вопроса, кому они должны принести установленный обѣтъ. Если въ вышеупомянутомъ текстѣ была сдѣлана замѣтка о «послушаніи», то это объясняется условіями временнаго владѣнія Микулаша Розлера: хотя населеніе дало ему обѣтъ человѣчества, но такъ какъ имѣніе было ему отдано до погашенія сдѣланнаго землевладѣльцемъ долга суммой чиншевыхъ сборовъ, то могло возникнуть сомнѣніе о предѣлахъ и характерѣ его власти надъ зависимыми людьми, во избѣжаніе чего и могла быть сдѣлана въ грамотѣ прибавка о «послушаніи». Кромѣ того, нужно обратить вниманіе также и на то обстоятельство, что текстъ этотъ взятъ изъ грамоты, тогда какъ почти всѣ другіе тексты представляютъ собою свидѣтельскія показанія: при составленіи, вѣдь, грамоты болѣе взвѣшиваются отдѣльныя выраженія и каждое слово, чѣмъ при записи устныхъ показаній.

Что обѣтъ человѣчества создавалъ между землевладѣльцемъ и зависимыми людьми личную связь, на это указываетъ самая формула: slíbiti člowěčenstwie, свидѣтельствующая о томъ, что это былъ актъ *полюбовный* и слѣдовательно носилъ договорный характеръ. Имѣя въ лицѣ землевладѣльца своего пана, которому они платили чиншъ и обязаны были «послушаніемъ», находясь подъ его юрисдикціей, зависимые люди пользовались защитою и покровительствомъ своего пана, обрабатывая участки его земли. Если обѣтъ человѣчества создавалъ такимъ образомъ личную связь между

1) См. выше, стр. 47, прим. 1: a potom z toho propuštěni nejsú.

2) См. выше, стр. 46, прим. 1: a kázal jim plné člowěčenstwie a poslušenstwie slíbiti.

землевладѣльцемъ и зависимыми его людьми, то изъ такого рода обѣта должна была проистекать прикрѣпленность не къ землѣ, а къ человѣку, обусловленная при томъ добросовѣстнымъ исполненіемъ взаимныхъ обязательствъ.

Для окончательнаго выясненія характера и сущности обѣта человѣчества важно было бы знать, какъ былъ приносимъ этотъ обѣтъ зависимыми людьми. Въ вышеприведенныхъ текстахъ имѣются только косвенныя указанія (k jeho ku páně *ruce;* přijmiž ty lidi k *ruce* Indřichowě), дающія нѣкоторое основаніе догадываться, что зависимые люди вкладывали свою руку въ руку землевладѣльца, которому приносили обѣтъ человѣчества[1]). Вполнѣ ясное указаніе на то, какъ приносимъ былъ обѣтъ человѣчества, находится въ грамотѣ 1395 года. Кромѣ того, въ этой же грамотѣ изложены другія данныя, которыя подтверждаютъ сдѣланные выше выводы, а потому представляется необходимымъ ознакомиться съ ея содержаніемъ.

Въ теченіе продолжительнаго времени шелъ споръ между монастыремъ Золотой Короны и Вышеградскимъ пробстомъ изъ-за владѣнія 23 селами Будеёвскаго края. Одни изъ этихъ селъ были расположены по правой стороны рѣчки Бланицы, а другія — по лѣвой сторонѣ рѣки Влтавы. Споръ былъ рѣшенъ въ пользу монастыря; и 13—14 мая 1395 года произошло введеніе во владѣніе законнаго владѣльца, въ присутствіи Николая, священника изъ города Курима, бывшаго уполномоченнымъ Вышеградскаго пробста Іоанна изъ Дубы, аббата монастыря Золотой Короны Арнольда и другихъ лицъ, бывшихъ оффиціальными представителями власти или свидѣтелями. Прежде всего передача владѣнія произошла въ селѣ Гольдбахѣ или Дитрихштифтѣ. Такъ какъ большинство жителей этого села было на ярмаркѣ въ Прахатицахъ, то созваны были на сходку оставшіеся дома крестьяне. Здѣсь представитель Вышеградскаго пробста, священникъ Николай, сначала по-нѣмецки, а потомъ по-чешски объявилъ жителямъ, что онъ, по уполномочію Вышеградскаго пробста, «освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ обѣтовъ вѣрности и повиновенія, принесенныхъ ими торжественно или просто какимъ-либо образомъ, всѣми вмѣстѣ или каждымъ отдѣльно» на имя его довѣрителя, прибавивши къ этому, что отнынѣ они по всѣмъ платежамъ и обязательствамъ должны отвѣтствовать передъ аббатомъ монастыря. «Тогда только аббатъ Арнольдъ потребовалъ отъ крестьянъ обѣтъ вѣрности и повиновенія, совершаемый торжественнымъ вкладываніемъ рукъ крестьянъ въ его руки, и дѣйствительно получилъ его»[2]). Въ сосѣднемъ селѣ

---

1) См. выше, стр. 48, прим. 2; стр. 46, прим. 2.

2) *Fontes rerum Austriacarum*, 2. Abth. (diplomataria et acta), Bd. XXXVII, Wien 1872; Urkundenbuch des ehemaligen Cistercienserstiftes Goldenkron in Böhmen, p. 295—296: Quibus sic evocatis (convocatis?) idem magister Nicolaus procurator primum in wlgari Theutunico et demum

Луценирѣ послѣдовало то же самое, что̀ и въ Гольдбахѣ, т. е. отказъ уполномоченнаго прежняго владѣльца, принесеніе населеніемъ обѣта вѣрности и повиновенія и стипуляція, совершаемая вложеніемъ рукъ крестьянъ въ руки новаго землевладѣльца. Кромѣ того, священникъ Николай счелъ необходимымъ спросить крестьянъ, не были ли они подарены, уступлены или переданы кому-либо въ управленіе и пользованіе, т. е. не приказывалъ ли имъ прежній владѣлецъ принести обѣтъ человѣчества на извѣстный срокъ, какъ то было, напр., въ селѣ Яновицахъ[1]). Крестьяне отвѣчали, что ничего по этому поводу не знаютъ, но что чиншъ съ нихъ собиралъ какой-то Михалко. Это заявленіе крестьянъ не вызвало никакихъ процессуальныхъ послѣдствій, очевидно, потому что сборъ чинша Михалкомъ не обусловливался принесеніемъ ему обѣта человѣчества[2]). Въ селѣ Скримеровѣ или Шрейнетшлагѣ продѣлана была вся та же процедура, какъ и въ селѣ Гольдбахѣ, хотя въ данномъ случаѣ, а равно, при изложеніи дѣйствій коммиссіи, во всѣхъ остальныхъ селахъ составитель грамоты ограничивается ссылкою на предыдущее свое изложеніе[3]). Жители же села Іоганcштифта, изъ которыхъ на

---

in wlgari Boemico talia vel his similia protulit et dixit verba: Sciatis, quod dominus meus dominus Johannes praepositus Wissegradensis michi iniunxit seriose et mandavit, ut de villa praesenti quam inhabitatis, incolis ipsius censitis, hominibus censualibus — d. Arnoldo abbati hic praesenti et conventui monasterii Sanctae Coronae et ipsi monasterio cederem et condescenderem pure, simpliciter, omni dolo et fraude semotis, vosque absolverem ab *omnibus promissis fidelitatis et obedientiae solemnpniter vel simpliciter quovismodo domino meo*... praeposito praedicto factis, coniunctim vel divisim... Eapropter secundum et inxta formam mandati — de huiusmodi villa, incolis, censibus censitis, hominibus censualibus, iuribus, iurisdictionibus et pertinentiis omnibus et singulis huiusmodi villae d. Arnoldo abbati hic praesenti et conventui monasterii Sanctae Coronae praedictis cedo et condescendo pure, simpliciter et sine fraude, vosque et quemlibet vestrum coniunctim et divisim *ab omni promisso fidelitatis et obedientiae praestitis* (! praestito) vel non praestitis (! praestito) absolvo, libero et liberto, volens et desiderans ut domino abbati — de censibus, iuribus et obventionibus universis huiusmodi villae deinceps et inantea respondeatis absque dolo et fraude... *Quibus sic factis d. Arnoldus abbas praedictus promissum fidelitatis et obedientiae per solempnem stipulationem manuum dictorum rusticorum ad manus suas factam ab eisdem rusticis seu laicis exegit et recepit cum effectu.*

1) См. выше, стр. 46, прим. 1.

2) *Fontes rerum Austriacarum*, 2. Abth., Bd. XXXVII, p. 297: laicis et incolis dictae villae evocatis modo, via, iure et forma quibus supra de dicta villa Lewczenried, incolis, censibus, hominibus censitis, censualibus, iuribus, iurisdictionibus et pertinentiis ipsius universis cessit et condescendit, promisso fidelitatis et obedientiae, protestatione ac stipulatione modo quo supra subsecutis. Ibidem ad interrogationem magistri Nicolai procuratoris praedicti, videlicet utrum dominus suus dominus Iohannes praepositus Wissegradensis dictam villam, rusticos et incolas ipsius alicui donaverit, concesserit seu tradiderit tenendos et regendos, dicti rustici nomine suo et aliorum absentium responderunt dicentes, se de hoc nihil scire omnino, nisi quod dominus Michalko filius Dubczonis census et redditus ab ipsa villa praedicta et rusticis seu incolis ipsius exegit, sustulit et recepit.

3) Ibid., p. 297: ubi idem magister Nicolaus modo quo supra convocatis — laicis villae praedictae de eadem villa, incolis, censibus et iuribus modo, via et forma quibus supra domino Arnoldo ibidem praesenti et conventui praedictis cessit et condescendit sub protestatione ac stipulatione et promisso quibus supra.

лицо былъ только староста (judex), по распоряженію уполномоченнаго пробста Вышеградскаго, должны были быть приведены къ присягѣ на имя аббата Арнольда этимъ старостою, но съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ условій и формальностей[1]). Значитъ, жители села Іогансштифта были приведены къ присягѣ па имя новаго владѣльца, такъ же, какъ жители села Врутицы[2]). Если уполномоченный Вышеградскаго пробста въ своей рѣчи упоминаетъ о торжественной и упрощенной формѣ присяги[3]), то въ данномъ случаѣ примѣнена была упрощенная форма, ибо установленная въ такихъ случаяхъ стипуляція (вкладываніе рукъ) совершалась не въ присутствіи новаго землевладѣльца, а принимаема была его довѣреннымъ лицомъ. Заслуживаетъ также вниманія, что и въ вышеназванныхъ селахъ, и во всѣхъ остальныхъ, гдѣ произошла передача владѣнія монастырю Золотой Короны, сопровождаемая присягою вѣрности и повиновенія и необходимой при этомъ стипуляціей, — на созываемыхъ коммиссіей сходкахъ присутствовало ограниченное число жителей: обыкновенно 2—4 человѣка. Только въ селѣ Свиновицѣ или Швейнетшлагѣ на сходкѣ присутствовало 5 человѣкъ, а въ селѣ Гинтрингѣ — 6 человѣкъ[4]). Эту малочисленность участниковъ сельскихъ сходокъ можно объяснить прежде всего тѣмъ, что 13—14 мая, когда совершался объѣздъ коммиссіи, въ сосѣднемъ городѣ Прахатицахъ была ярмарка, гдѣ находилась тогда значительная часть окрестнаго населенія[5]), а также и тѣмъ, что села этой мѣстности въ ту пору не могли быть велики и состояли, вѣроятно, изъ нѣсколькихъ дворовъ. Дѣйствительно, изъ числа передаваемыхъ новому владѣльцу 23 селъ нѣкоторыя были показаны лежащими впустѣ и покинутыми жителями[6]). Впрочемъ, весьма возможно и то, что не требовалось присутствія всѣхъ домохозяевъ села при вводѣ во владѣніе новаго землевладѣльца: присяга вѣрности и повиновенія или, какъ говорили по-чешски, обѣтъ человѣчества, могъ быть принесенъ за всѣхъ нѣсколькими

1) Ibid., p. 297: mandans nichilominus idem magister Nicolaus procurator dicto Hoenlino iudici et volens, ut ipse laicos, rusticos seu incolas Johansstift, quorum ipse Hoenlinus etiam iudex existit, coram se evocaret et ab ipsis promissum fidelitatis et obedientiae nomine domini Arnoldi abbatis praedicti reciperet et haec, quae per ipsum facta sunt, eisdem intimaret, videlicet quod ipse de dicta villa Johansstift, incolis, iuribus et pertinentiis ipsius modo quo supra etiam cessit et condescendit sub protestatione praemissa ac modis et conditionibus suprascriptis subsecutis.

2) См. выше, стр. 46, прим. 2.

3) См. выше, стр. 52, прим. 2: ab omnibus promissis fidelitatis et obedientiae *solempniter vel simpliciter* quovismodo domino meo — factis, coniunctim vel divisim...

4) *Fontes rerum Austriacarum*, 2. Abth., Bd. XXXVII, 295—303.

5) Ibid, p. 295: dicens se plures laicos non potuisse invenire in villa, sed esse in Prachaticz in foro.

6) Ibid., p. 298: nec non de villis Ebenaw alias Miezaw, Pulkenstift olim cultis nunc vero desertis et incultis. — Ibid., p. 301: et de villis Purkstal, Waltirstift et Cristanstiftolim cultis nunc vero desertis et incultis.

крестьянами, преимущественно старостою (judex) и наиболѣе зажиточными и уважаемыми односельчанами. Недаромъ, уполномоченный Вышеградскаго пробста въ своей рѣчи къ жителямъ села Гольдбаха предполагаетъ возможность принесенія присяги и совершенія стипуляціи не только по торжественной и упрощенной формѣ, но и всѣми вмѣстѣ, какъ бы по уполномочію одного или нѣсколькихъ за всѣхъ, и каждымъ отдѣльно (coniunctim vel divisim)[1]).

Такимъ образомъ, эта грамота 1395 года подтверждаетъ многія изъ наблюденій и выводовъ, которые можно было сдѣлать при изученіи позднѣйшихъ чешскихъ текстовъ середины XV вѣка. Въ этой грамотѣ съ полною ясностью указано на то, какъ приносимъ былъ обѣтъ человѣчества. Этимъ существенно обогащаются наши свѣдѣнія объ обѣтѣ человѣчества. Какъ оказывается, этотъ обѣтъ совершался по той же формѣ, которая установлена была для присяги вассаловъ. Однако, присяга зависимыхъ людей невсегда обставлялась съ такой торжественностью, какъ присяга вассаловъ. Съ одной стороны, не требовалось непремѣннаго присутствія лица, на имя котораго приносима была присяга, а, съ другой стороны, допускалось отсутствіе значительнаго числа лицъ, обязанныхъ принести эту присягу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ возможна была передача или наличность полномочій: землевладѣлецъ могъ уполномочить кого-либо принять вмѣсто него присягу зависимыхъ людей, а изъ числа послѣднихъ нѣкоторые и немногіе могли принести присягу за всѣхъ. Все это являлось нѣкоторымъ искаженіемъ института вассальной присяги, насколько таковая находила примѣненіе въ крестьянской средѣ. Тѣмъ не менѣе, стремленіе нормировать отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ по образцу отношеній сеньоровъ къ вассаламъ представляетъ собою любопытное явленіе, интересное не только для историка чешскаго права, но и для изслѣдователя феодальнаго права вообще. Въ данномъ случаѣ, наблюдается феодализація вотчинныхъ отношеній: была сдѣлана попытка приравнить надѣлъ крестьянина, занимаемый имъ на правахъ наслѣдственной аренды, къ феодальному земельному участку. Самый чешскій терминъ (člověčenství) есть такимъ образомъ только переводъ извѣстнаго феодальнаго термина: homagium.

Вышеприведенные тексты и свидѣтельства Викторина изъ Вшегрдъ доказываютъ, что въ XV вѣкѣ институтъ «человѣчества» былъ повсемѣстно введенъ въ Чехіи и по отношенію къ кореннымъ обитателямъ чешскихъ селъ и по отношенію къ нѣмецкимъ колонистамъ. Какъ видно изъ грамоты 1395 года, этотъ институтъ былъ уже тогда давнишнимъ, а это даетъ

---

1) См. выше, стр. 54, прим. 3.

основаніе думать, что онъ нашелъ себѣ примѣненіе вскорѣ послѣ проникновенія въ Чехію иностранной колонизаціи.

Введеніе въ бытъ сельскаго населенія нормъ феодальнаго права не спасло это населеніе отъ порабощенія. Какъ было указано въ началѣ этой статьи, уже въ концѣ XV вѣка «человѣчество» стали понимать въ смыслѣ прикрѣпленія къ землѣ. Этотъ терминъ феодальнаго права сдѣлался такимъ образомъ синонимомъ холопства, потери правъ свободной личности.

Ант. Ясинскій.

Святошинъ,
іюль 1903.

Одинъ изъ предшественниковъ Ив. Петр. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII вѣка Аѳанасій Кирилловичъ Лобысевичъ.

Аѳанасій Кирилловичъ Лобысевичъ былъ родомъ изъ м. Погара, нынѣшней Черниговской губерніи[1]). Въ письмѣ отъ 30 сентября 1794 года онъ писалъ о себѣ къ преосвященному Георгію Конисскому слѣдующее: «Я малороссіянинъ; сынъ Значковаго товарища; учился въ Кіевѣ; отлучился оттуду въ первый годъ архимандріи Вашей. Братъ мой былъ при гетманѣ; его посредствіемъ отданъ я въ Академію Наукъ Санктпетербургскую; оттуду у гетмана переводчикомъ; при немъ же въ штатѣ фельдмаршальскимъ секретаремъ; при немъ въ чужихъ краяхъ вояжировалъ, и, получивъ отъ милости его хорошую деревню, уволнился отъ службы полковникомъ. Женился и за женою — деревню; имѣю одну дочь замужемъ, другую — въ Смольномъ, сына капитаномъ въ арміи. Сарра моя въ живыхъ. Помѣщикъ я и житель Новгородскаго Сѣверскаго Намѣстничества, а нынѣ на время въ Петербургѣ».

О времени поступленія своего въ Кіевскую Академію, для обученія, Лобысевичъ пишетъ въ письмѣ своемъ къ Георгію Конисскому предположительно: «не за моей памяти, а *можетъ быть* годомъ передъ моимъ пріѣздомъ въ Академію Кіевскую играна тамъ трагедія сочиненія Вашего Преосвященства «о воскресеніи мертвыхъ»[2]). Трагедокомедія же эта сочинена была Георгіемъ Конисскимъ и представлена въ 1746 году[3]). Слѣдовательно, Аѳанасій Лобысевичъ поступилъ въ Кіевскую Академію около 1747 года. Онъ пробылъ въ Академіи до того года, въ который Георгій

1) Описаніе старой Малороссіи, А. Лазаревскаго, т. I, вып. 1, Кіевъ, 1888 г. стр. 91.

2) Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, т. II, Вильна, 1867 г., № 86, стр. 147.

3) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 110.

Конисскій посвященъ былъ въ санъ архимандрита[1]). А это случилось въ августѣ 1752 года[2]). Такимъ образомъ, Аѳанасій Лобысевичъ пробылъ въ Кіевской Академіи около 6-ти лѣтъ, прошедши одногодичные курсы фары или аналогіи, инфимы, грамматики, синтаксимы, піитики и реторики.

Въ это время въ Петербургѣ жилъ старшій братъ Аѳанасія Кириллъ Лобысевичъ, который около 1740 года попалъ въ Петербургъ, кажется, взятый туда старшимъ Разумовскимъ, Алексѣемъ Григорьевичемъ. Тамъ Кириллъ Лобысевичъ женился на племянницѣ Теплова, бывшаго менторомъ Кирилла Григорьевича Разумовскаго, при чемъ получилъ въ приданое, какъ онъ самъ разсказываетъ, 250 червонцевъ, «да особливо дарены ему часы золотые». Тепловъ давалъ ему также «не единожды по сту рублей». При помощи Теплова, Кириллъ Лобысевичъ выписалъ въ Петербургъ и младшаго своего брата Аѳанасія и, при покровительствѣ Разумовскихъ, помѣстилъ его студентомъ въ академическій университетъ[3]).

Аѳанасій Лобысевичъ сталъ обучаться при Академіи съ 1754 года[4]). Въ 1759 году онъ былъ сотрудникомъ журнала «Трудолюбивая Пчела», издававшагося извѣстнымъ нашимъ писателемъ Ал. Сумароковымъ, и помѣстилъ въ этомъ журналѣ нѣсколько переводовъ. Въ слѣдующемъ 1760 г., 16 іюня, канцелярія Академіи распорядилась: «студентовъ Лобысевича и Дѣвовича, за нехожденіе ихъ на профессорскія лекціи, изъ Университета академическаго выключить и болѣе не числить, а жалованья имъ за май мѣсяцъ не давать, и для опредѣленія въ другую команду, куда пожелаютъ, дать имъ амбитъ» Исключенные увидѣли въ этомъ наказаніи своемъ руку М. В. Ломоносова и обратились съ жалобою на него къ президенту Академіи наукъ и гетману Малороссійскому, графу Кириллу Григорьевичу

1) Археографич. Сборникъ, ib.

2) Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія, Д. Вишневскаго, Кіевъ 1903 г., стр. 41.

3) Описаніе Старой Малороссіи, Ал. М. Лазаревскаго, т. I, вып. 1, Кіевъ, 1888 г., стр. 91.

4) Athanasius Lobyssewitsch, nobilis Ucrainiensis, ex Kioviensi Academia sponte sua accessit, petens, ut sibi litterarum Studia in Universitate Petropolitana prosequi liceat. Quod ejus petitum cum a Cancellaria Academica cum Conventu Academico communicatum sit, examinatus est Lobyssewitsch et dignus judicatus, qui inter Studiosos in Universitate locum obtineat. (Протоколы Конференціи Императорской Академіи Наукъ. 1754, марта 18).

De studiosis, quorum profectus in studiis explorabantur, visum est:

Quatuor studiosos Ucrainienses, qui ultimis his annis ad Academiam accesserunt, destinare secundum propensionem illorum in Conventu testificatam: Jacobum Koselski studio philosophiae et physicae; Simeonum Dewawitsch astronomiae vel chemiae; Athanasium Lobysewitsch philosophiae et historiae; Theodorum Koselski mechanicae; ita tamen, ut praeterea omnes omnibus quoque aliis praelectionibus, scopo ipsorum profuturis, interesse debeant. (Ibidem, 1757, мая 6).

De Athanasio Lobyssewitsch statur Brounius, illum apud se audivisse logicam et physicam experimentalem et in iis, nec non in lingua Latina satis profecisse. (Ibidem, 1757, октября 27). Эти свѣдѣнія сообщены Ред-у М. И. Позняковымъ, завѣдующимъ Акад. архивомъ.

Разумовскому. Представивъ ему аттестаты объ успѣхахъ, выданные имъ Брауномъ и другими академиками, они всенижайше просили Его Высокографское Сіятельство, дабы онъ, прекратя высокою своею властію злобу Ломоносова, прямо повелѣлъ наградить ихъ при академіи адъюнктами или магистрами и къ другому какому мѣсту опредѣлить. Графъ К. Г. Разумовскій вызвалъ исключенныхъ къ себѣ въ Глуховъ и 9 февраля, 1761 года, собственною властію опредѣлилъ Аѳанасія Лобысевича въ академическіе переводчики [1]).

Впрочемъ, самъ Аѳ. Лобысевичъ въ письмѣ своемъ къ преосвященному Георгію Конисскому не упоминаетъ о своей должности академическаго переводчика, а говоритъ только, что онъ былъ переводчикомъ у гетмана, состоялъ при немъ фельдмаршальскимъ секретаремъ, вояжировалъ съ нимъ въ чужихъ краяхъ и уволънился отъ службы полковникомъ [2]).

Конечно, переводчикомъ при гетманѣ А. Лобысевичъ могъ быть только до 1764 года, въ которомъ упразднено было гетманское достоинство. А вояжъ графа К. Г. Разумовскаго въ чужихъ краяхъ продолжался съ апрѣля 1765 до сентября 1767 года, послѣ чего Разумовскій возвратился въ С.-Петербургъ и въ 1776 году былъ отпущенъ въ Малороссію [3]). Въ 1773 году А. Лобысевичъ былъ уже генералъ-адъютантомъ въ чинѣ полковника [4]) и, вѣроятно, вышелъ въ отставку въ 1776 году.

Поселившись въ Малороссіи, Аѳ. Лобысевичъ женился здѣсь на дочери Мих. Вас. Губчица и, при открытіи намѣстничествъ (въ 1782 г.), избранъ былъ уѣзднымъ (Мглинскимъ) предводителемъ, а затѣмъ былъ полтора года Новгородсѣверскимъ губернскимъ предводителемъ (въ 1786 и 1787 г.г.) и въ послѣднемъ званіи встрѣчалъ императрицу Екатерину II въ ея путешествіи на югъ въ 1787 году. Наконецъ, въ 1797 году онъ былъ избранъ въ совѣтники генеральнаго суда въ Черниговѣ. Умирая онъ оставилъ дѣтямъ 377 душъ крестьянъ, въ томъ числѣ 265, полученныхъ въ приданное [5]).

Какъ человѣкъ образованный и даже предназначавшійся своимъ воспитаніемъ при Академіи Наукъ къ ученой карьерѣ, Аѳ. Лобысевичъ не чуждъ былъ и литературнымъ стремленіямъ. Еще будучи студентомъ ака-

1) Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго, т. II, С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 689 и 692; «Семейство Разумовскихъ», А. А. Васильчикова, т. I, С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 257 и 258.

2) См. выше.

3) «Семейство Разумовскихъ», А. А. Васильчикова, т. I, стр. 326, 334 и 361.

4) Описаніе Старой Малороссіи, А. Лазаревскаго, т. I, вып. 1, Кіевъ, 1888 г., стр. 91.

5) Тамъ же; см. «Путешествіе Екатерины II чрезъ Черниговскій край», П. М. Добровольскаго, въ «Трудахъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи», вып. V, Черниговъ, 1903 г.

демическаго университета, онъ помѣстилъ, какъ мы видѣли, въ журналѣ А. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» нѣсколько своихъ переводовъ. То были «Разсужденіе о войнѣ», переводъ съ латинскаго, и «Слово М. Т. Цицерона къ К. Цесарю», то же переводъ съ латинскаго[1]). Аѳ. Лобысевичъ, кажется, участвовалъ также и въ журналѣ «Всякая Всячина», 1769 года, и въ продолженіи его «Барышкѣ», 1770 года, издававшихся землякомъ его Гр. Вас. Козицкимъ. По крайней мѣрѣ, подъ однимъ переводомъ съ французскаго въ «Барышкѣ» есть подпись А. Л., которую профессоръ Н. Буличъ готовъ отнести къ Аѳанасію Лобысевичу, «печатавшему переводы свои въ журналѣ Сумарокова и издавшему довольное количество одъ[2]). Въ 1794 году, пріѣхавъ на время въ Петербургъ, Лобысевичъ проситъ Георгія Конисскаго выслать ему, для изданія въ свѣтъ, интерлюдіи къ его трагикомедіи «О воскресеніи мертвыхъ», писанныя на простонародномъ малороссійскомъ языкѣ. «Не за моей памяти, — писалъ онъ преосвященному Георгію Конисскому, — а, можетъ, быть годомъ передъ моимъ пріѣздомъ въ Академію Кіевскую, играна тамъ трагедія сочиненія вашего Преосвященства «о воскресеніи мертвыхъ»; оную имѣю. Но не имѣю и нигдѣ достать не могу къ оной трагедіи интерлюдій, бывшихъ сочиненія вашего Преосвященства или славнаго Танскаго, природнаго стихотворца, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ. Когда способность была достать и имѣть, тогда ребяческая несмысленность о томъ не помышляла; довольствовались изъ чужаго рта питаться, слышать отъ другого стиховъ нѣсколько. А когда познаніе добротъ цѣну онымъ открыло, тогда уже способность удалилась. Едина вѣрная надежда на книгохранилище Вашего Преосвященства, въ которомъ не быть сему сочиненію не можно. Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, *когда и дымъ отечества сладокъ*, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть насладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтилъ выпустившей для любителей своего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Ваше Преосвященство велико одолжить меня, интерлюдіи, Танскаго то или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ Санктпетербургъ доставить, да изыдетъ во свѣтъ, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ. Ибо я помню нѣкоторые стихи, описаніе Ве-

---

1) «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», А. Н. Неустроева, С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 81.

2) «Сумароковъ и современная ему критика», Н. Булича, С.-Петербургъ, 1854 г., стр. 217 и 480.

ликодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды: прекрасныя описанія»[1]). Вѣроятно трагедокомедія выпрашивалась для «Россійскаго Магазина», издававшагося Ѳ. Туманскимъ въ 1792—1794 годахъ, такъ какъ въ этомъ журналѣ помѣщались и матеріалы для исторіи Малороссіи, а эпиграфъ къ этому журналу — *Et fumus patriae dulcis*[2]) приведенъ Лобысевичемъ, въ русскомъ переводѣ, въ письмѣ его къ Георгію Конисскому. Но въ 1795 г. «Россійскій Магазинъ» уже не издавался, а 13 февраля 1795 года скончался и Георгій Конисскій[3]).

Но всего интереснѣе для насъ то, что Аѳ. Лобысевичъ и самъ дѣлалъ переложенія римскихъ классиковъ на малороссійскій языкъ. Прося Георгія Конисскаго прислать ему малорусскія интерлюдіи къ трагедокомедіи «О воскресеніи мертвыхъ», Лобысевичъ прибавилъ: «Напередъ плачу одолженіе Вашего Преосвященства: посылаю при семъ *Виргиліевыхъ пастуховъ*, мною *въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыхъ*. Мала моя заплата по малоцѣнности своей копіи, но прошу принять, какъ двѣ лепты вдовицины приняты были по усердію»[4]).

Конечно, здѣсь разумѣются эклоги Виргилія изъ его «Буколикъ» (Bucolica). Переводъ же классиковъ, не только древнихъ, но и новыхъ западноевропейскихъ, съ 1748 года входилъ въ задачи сначала Императорской Академіи Наукъ, а впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, и Россійской Академіи[5]). Появились въ это время и переложенія эклогъ Виргилія, подражанія имъ и пародіи на нихъ. Извѣстны эклоги А. Сумарокова, собраніе которыхъ вышло въ 1774 году[6]), а также переводы отдѣльныхъ эклогъ Виргилія въ тогдашнихъ журналахъ, напр. въ «Утреннемъ Свѣтѣ» Н. И. Новикова, 1779 года, въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1793 г., и др.[7]). Слѣдовательно, Лобысевичъ, дѣлая переложенія эклогъ Виргилія, отдавалъ дань общему направленію тогдашней переводной русской литературы.

Но у Лобысевича замѣтна была, при этомъ, и значительная малорусская окраска. Мы видѣли, что учась еще въ Кіевской Академіи, онъ зна-

1) Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, т. II, стр. 147. Интерлюдіи изданы въ журналѣ «Древняя и Новая Россія», Ноябрь, 1878 года.

2) «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.», А. Н. Неустроева, 1874 г., стр. 728—731.

3) Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, т. II, стр. 147.

4) Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви, Павла Строева, С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 494.

5) Исторія Россійской Академіи, Сухомлинова, т. I, прилож. 7 и 8.

6) Матеріалы для русской библіографіи, Н. В. Губерти, выпускъ 2, Москва, 1881 г., стр. 87.

7) Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., А. Н. Неустроева, стр. 235 и 421.

комъ былъ съ малорусскими интерлюдіями къ трагедокомедіи Г. Конисскаго «О воскресеніи мертвыхъ» и нѣкоторые стихи изъ нихъ помнилъ наизусть даже въ 1794 году, и что въ это время онъ смотрѣлъ уже на эти интерлюдіи съ чисто псевдоклассической точки зрѣнія, ставя ихъ наравнѣ съ твореніями Плавта и Мольера. Со второй половины XVIII вѣка малорусское теченіе стало замѣчаться и на сѣверѣ Россіи, въ тогдашней свѣтской псевдоклассической литературѣ. Въ еженедѣльномъ изданіи «Смѣсь» 1769 г., издатель его, обличая различныхъ литературныхъ самохваловъ, между прочимъ писалъ: «Третей превратилъ Анакреонта въ глупаго украинца»[1]). Въ еженедѣльномъ изданіи «Вечера» 1774 года напечатана была элегія, писанная, судя по началу, по малорусски: «Да буде по тебѣ». Въ «Живописцѣ» (Н. И. Новикова) на 1773 годъ помѣщены «Украинскія Вѣдомости» и «Знатной украинской дѣвицѣ», а въ «Музыкальныхъ Увеселеніяхъ», 1774 г., появились: «Танецъ малороссійскій Дергунецъ» и пѣсня малороссійская — «Ой подъ вишнію, подъ черешнею»[2]). Къ этому малорусскому теченію примкнулъ, если только не сталъ во главѣ его, и Аѳанасій Кирилловичъ Лобысевичъ своими «Виргиліевыми пастухами, въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыми».

Ближайшею цѣлію при переодѣваніи Виргиліевыхъ пастуховъ въ малороссійскій кобенякъ у Аѳ. Лобысевича было, кажется, его желаніе сдѣлать нѣчто угодное своему покровителю, бывшему гетману, графу Кир. Гр. Разумовскому. Въ 1774 году, въ еженедѣльномъ изданіи «Вечера», напечатаны были «Стихи на Крестовскій островъ» графа К. Г. Разумовскаго[3]). Его же, по всей вѣроятности, имѣли въ виду и «Виргиліевы пастухи» Аѳ. Лобысевича.

Вернувшись въ 1767 году изъ вояжа по чужимъ краямъ въ Петербургъ, К. Г. Разумовскій поселился во вновь отстроенныхъ каменныхъ палатахъ на Мойкѣ. Въ этомъ домѣ, въ богатомъ кабинетѣ графа, стоялъ изящный накладной шкафъ изъ розоваго дерева; въ немъ свято хранились *пастушечья свирѣль и простонародный кобенякъ*, который во дни юности носилъ Лемешовскій козакъ Кирила Розумъ, теперешній фельдмаршалъ и вельможа. Разумовскій часто показывалъ эти памятники давнопрошедшаго своимъ приближеннымъ[4]). Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ «Виргиліевыхъ пастуховъ» для перевода или перелицовки у Аѳ. Лобысевича опредѣлялся этими

---

1) Сумароковъ и современная ему критика, Н. Булича, 1854 г., стр. 243.

2) Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., А. Н. Неустроева, стр 171, 176 и 213.

3) Тамъ же, стр. 171.

4) «Семейство Разумовскихъ», А. А. Васильчикова, т. I, С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 334.

реликвіями изъ прошлаго пастушескаго быта графа К. Г. Разумовскаго. Съ другой стороны, графъ К. Г. Разумовскій, не смотря на свой высокій санъ, горячо любилъ родную малорусскую рѣчь и малорусскіе нравы и обычаи. Водворившись въ 1787 году въ Москвѣ, К. Г. Разумовскій выкопалъ здѣсь огромные Петровскіе пруды трудами работниковъ изъ малороссовъ. Графъ увѣрялъ, что они лучше копаютъ землю, чѣмъ великоруссы, но потомъ признавался, что ихъ выписывалъ затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе садиться среди нихъ во время работъ и говорить съ ними на родномъ нарѣчіи. Не смотря на утонченную роскошь свою, на путешествія и придворную жизнь, Разумовскій все-таки оставался хохломъ и признавался, что когда передъ нимъ заиграютъ на бандурѣ, то онъ долженъ скорѣе вспомнить, кто онъ и гдѣ онъ, чтобы не пуститься плясать трепака[1]). Въ 1794 г. переѣхавъ окончательно на житье въ Малороссію, графъ К. Г. Разумовскій особенно любилъ слушать малороссійскія пѣсни, которыя у него пѣвались на славу. Часто, когда пѣвчіе зачинали какой нибудь народный припѣвъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ замѣчалъ: «вотъ эту пѣсню пѣвалъ я, будучи хлопцемъ»[2]). Въ угоду такимъ привычкамъ и стремленіямъ графа К. Г. Разумовскаго, Аѳ. Лобысевичъ и передѣлалъ Виргиліевыхъ пастуховъ *въ малороссійскій* кобенякъ.

Судя по даннымъ біографіи графа К. Г. Разумовскаго и самого Аѳанасія Кирилловича Лобысевича, «Виргиліевы пастухи, въ малороссійскій кобенякъ переодѣтые», могли быть написаны Лобысевичемъ по возвращеніи графа Кир. Григорьевича въ 1767 году изъ вояжа по чужимъ краямъ и до поѣздки его въ Малороссію въ 1776 году или до отставки Аѳ. Кир. Лобысевича отъ службы при бывшемъ малороссійскомъ гетманѣ. Во всякомъ случаѣ, это произведеніе А. Лобысевича явилось задолго до перелицованной Энеиды Ивана Петровича Котляревскаго, старѣйшій списокъ которой относится къ 1794 году[3]), и потому по справедливости можетъ быть названо предшественникомъ малорусской Энеиды Котляревскаго.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не могли отыскать текста этой перелицовки Виргилія Лобысевичемъ.

Н. Петровъ.

---

1) Тамъ-же, стр. 397.
2) Тамъ-же, стр. 464.
3) См. рукопись Кіево-Софійскаго Собора, № 497 и «Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца», книга XV, вып. 1, отд. 2, стр. 33 и слѣд.

Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку, изданному Дёллингеромъ.

Какъ извѣстно, въ средѣ русскаго народа[1]) и турецко-финнскихъ племенъ въ Европейской Россіи, Сибири, Центральной Азіи распространены космогоническія легенды дуалистическаго характера. Одну — двѣ легенды подобнаго рода находимъ у болгаръ, а также — видоизмѣненныя съ затемнѣніемъ первоначальнаго смысла — у сербовъ. Въ русской письменности XVI—XVII вв. встрѣчается нѣсколько варіантовъ одного и того же сказанія космогоническаго характера подъ различными заглавіями, представляющихъ параллели указаннымъ народнымъ легендамъ. Вопросомъ о происхожденіи этихъ легендъ занимался много А. Н. Веселовскій[2]) и собралъ огромное количество матеріала, но не пришелъ къ опредѣленнымъ выводамъ. Нѣсколько позднѣе пытался разрѣшить мудреный вопросъ Драгомановъ[3]). По мнѣнію Драгоманова, помянутыя легенды, первоначальный источникъ которыхъ нужно искать въ вѣрованіяхъ стараго Ирана и Халдеи, перешли къ славянскимъ народамъ путемъ устной передачи изъ Азіи черезъ посредство турецко-финнскихъ племенъ, населяющихъ Россію, независимо отъ богомильства и даже раньше возникновенія этой ереси.

Я здѣсь не намѣренъ входить въ подробную критику положеній покойнаго ученаго, съ которыми, долженъ признаться, совершенно несогласенъ, а изложу вкратцѣ только свои выводы относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ указанныхъ легендъ — выводы, къ которымъ я пришелъ главнѣйше на основаніи изученія изданнаго Дёллингеромъ[4]) списка извѣстной богомильской «книги» Іоанна Богослова, а кромѣ того укажу связь этой «книги» со «Словомъ о древѣ крестномъ» попа Іереміи.

1) Въ особенности среди великоруссовъ.
2) См. его «Разысканія», «Сборн.» т. 46, 53.
3) Въ изслѣдованіи «Забѣлѣжки върху славянскитѣ религиозно-етически легенди. II. Дуалистическото міротворение». — Сборникъ Болг. Мин. Нар. Просв. т. VIII, X.
4) См. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters Bd. II.

Въ «книгѣ» Іоанна Богослова по списку Дёллингера мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Et de lapidibus fecit ignem (diabolus) et de igne fecit *militiam* et stellas et de illis fecit angelos spiritus»[1]... Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ говорится: «antequam cecidisset diabolus cum *tota militia angelica* Patris[2]). Очевидно, между обоими мѣстами противорѣчіе. Послѣднее же мѣсто противорѣчитъ разсказу въ началѣ «книги» о томъ, что сатана отпалъ съ *тремя* только чинами ангеловъ. Такія противорѣчія не должны насъ удивлять: «книга» не есть систематическое изложеніе вѣроученія богомиловъ, но собраніе отрывочныхъ свѣдѣній относительно отдѣльныхъ сторонъ этого вѣроученія — компиляція, почерпавшая свое содержаніе и изъ христіанскихъ апокрифовъ, и изъ сочиненій богомиловъ, и, быть можетъ, изъ устнаго изложенія богомильскаго ученія, — компиляція, не умѣвшая согласовать разнородныя мнѣнія еретиковъ различныхъ толковъ. И въ данныхъ мѣстахъ, по моему мнѣнію, смѣшиваются представленія крайнихъ и умѣренныхъ дуалистовъ въ средѣ богомильства. Именно, по мнѣнію первыхъ, сатана самъ создалъ своихъ ангеловъ; умѣренные же дуалисты учили, что сатана увлекъ съ собой часть ангеловъ, которые были созданы Богомъ. Только такимъ образомъ можно объяснить непонятное иначе обстоятельство, почему, по нашему списку «книги», сатанѣ вздумалось творить «militiam» (очевидно, angelicam) и angelos spiritus, разъ въ его распоряженіи находились увлеченные имъ ангелы, созданные Богомъ. И, вѣроятно, для того, чтобы хотя нѣсколько согласовать эти противорѣчивыя представленія, неизвѣстный авторъ «книги» ниже приписываетъ отпавшимъ ангеламъ выполненіе опредѣленныхъ функцій—именно дьяволъ заставляетъ ангела перваго неба войти въ тѣло (первой) женщины, а ангела второго неба — въ тѣло (перваго) мужчины.

Но для насъ приведенное мѣсто о созданіи ангеловъ дьяволомъ изъ камня любопытно въ другомъ отношеніи — мы находимъ прямыя параллели для него, какъ въ вышепомянутыхъ произведеніяхъ старинной русской письменности въ родѣ сказанія «о Тиверіадскомъ морѣ», «Свитка божественныхъ книгъ» и пр., такъ и въ народныхъ великорусскихъ легендахъ космогоническаго характера и аналогичныхъ легендахъ инородцевъ — черемисовъ, вотяковъ, мордвы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ и легендахъ говорится о созданіи ангеловъ и демоновъ изъ кремня, при чемъ по нѣкоторымъ варіантамъ, въ согласіи съ нашимъ спискомъ «книги», изъ кремня сначала вылетаютъ искры, а изъ нихъ дѣлаются ангелы и демоны. Если обратимъ вниманіе на несомнѣнный фактъ сильнаго вліянія богомильства

1) Beitr. II, 87.
2) ib. 90.

на народную славянскую среду Балканскаго полуострова отъ X вѣка вплоть до турецкаго завоеванія, то предположеніе книжнаго происхожденія указаннаго эпизода покажется намъ гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ мнѣніе Драгоманова, будто изъ передней Азіи подобные разсказы перешли къ турецко-финскимъ племенамъ центральной Азіи и Россіи, затѣмъ къ русскимъ, гдѣ получили и книжную обработку въ произведеніяхъ въ родѣ сказанія о Тиверіадскомъ морѣ. Не можетъ насъ смущать и то обстоятельство, что подобныхъ разсказовъ не существуетъ у балканскихъ славянъ, и что у малороссовъ находимъ разсказы, имѣющіе только самое отдаленное сходство съ указанными[1]).

Драгомановъ не находитъ соотвѣтствій въ богомильской космогоніи для разсказовъ о сотвореніи земли посредствомъ ырянія дьявола въ море. Этотъ разсказъ входитъ, какъ составная часть, въ «Свитокъ» и т. п. произведенія, его мы находимъ въ одной болгарской легендѣ и въ народныхъ русскихъ легендахъ. Оставляю при этомъ въ сторонѣ малорусскія колядки космогоническаго характера, происхожденіе которыхъ, дѣйствительно, темно. Но полагаю, что для эпизода о ныряніи того типа, который мы находимъ въ «Свиткѣ» и въ сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ, можно найти соотвѣтствіе и въ тѣхъ краткихъ, отрывочныхъ, не всегда ясныхъ свѣдѣніяхъ о богомильской космогоніи, которыя намъ извѣстны въ настоящее время. Думаю, что можно даже объяснить нѣкоторыя отличія нашего эпизода отъ соотвѣтственнаго богомильскаго повѣствованія, не обращаясь къ помощи ирано-халдейской космогоніи и турецко-финнскихъ или урало-алтайскихъ народностей Россіи.

Разсказъ о сотвореніи дьяволомъ земли передается въ нашемъ спискѣ «книги» слѣдующимъ образомъ: «Et praecepit iterum angelo, qui erat super aquas: sta super duos pisces, et *elevavit capite suo tertiam* (sc. partem aquarum), *et apparuit arida* et fuit»[2]). Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ списка, изданнаго Thilo, находимъ отличія: «et praecepit angelo qui erat super aërem et qui erat super aquas, et *elevaverunt terram sursum, et apparuit arida*». По списку, изданному Дёллингеромъ, дьяволъ вмѣстѣ съ ангеломъ воздуха и ангеломъ водъ *поднялъ на воздухъ двѣ части водъ*, а изъ третьей сдѣлалъ 50 морей. Итакъ, по Дёллингерову списку, собственно въ твореніи земли принимаютъ участіе два лица: дьяволъ и ангелъ водъ — достаточно было легкой перелицовки въ духѣ христіанства этого, несомнѣнно, первоначальнаго богомильскаго представленія о сотвореніи земли, чтобы вмѣсто дьявола выступилъ Богъ, а ангелъ водъ — обратился въ сатану-гоголя, пла-

1) Ср. «Сборникъ» X, 53—55.
2) ib. 87.

вающаго по водамъ. Правда, неясна роль, какую играетъ въ сотвореніи земли ангелъ водъ, неясно, почему сатана велитъ ему стать на двухъ рыбахъ, поддерживающихъ землю, но это только свидѣтельствуетъ или о порчѣ первоначальнаго эпизода или смутнаго представленія о немъ неизвѣстнаго автора (геврейскаго переписчика) «книги». Впрочемъ предположеніе порчи первоначальнаго эпизода не нужно для объясненія происхожденія соотвѣтственныхъ разсказовъ произведеній въ родѣ «Свитка божественныхъ книгъ». Прямую параллель для этихъ послѣднихъ находимъ въ спискѣ Thilo. Сатана съ помощью ангеловъ воздуха и воды — полагаю, что это позднѣйшая вставка или вѣрнѣе порча текста — (въ спискѣ, изданномъ Дёллингеромъ, какъ мы видѣли, сатана вмѣстѣ съ ангелами поднимаетъ двѣ части водъ) — поднимаетъ землю изъ воды. Но Драгомановъ усматриваетъ несоотвѣтствіе эпизоду «Свитка» въ томъ обстоятельствѣ, что по «книгѣ» поднята была вся земля, а въ «Свиткѣ» Сатанаилъ выноситъ съ собой горсть земли. Но отчего же въ народномъ представленіи не могла земля «книги» обратиться въ горсть земли (илу, песку), разъ у дьявола была отнята его древняя роль творца земли, и осталея только намекъ на эту роль въ сохраненіи эпизода ырянія сатаны. Наконецъ, мы имѣемъ полную возможность допустить существованіе такой версіи этого эпизода въ богомильской средѣ, по которой сатана выноситъ горсть земли (илу, песку). Вѣдь остается подъ большимъ вопросомъ, насколько точно и вѣрно въ данномъ мѣстѣ *извѣстныхъ* намъ списковъ «книги» воспроизведены космогоническія представленія богомиловъ. Допустимъ, что вполнѣ вѣрно и точно, но, во всякомъ случаѣ, очень кратко. Какъ бы то ни было, нельзя не указать соотвѣтствія эпизоду нашего списка о сотвореніи земли дьяволомъ въ изданной Порфирьевымъ «Повѣсти святого Андрея съ Епифаніемъ о вопросахъ и отвѣтахъ». Въ этой «повѣсти» мы ясно находимъ смѣшеніе двухъ версій разсказа о сотвореніи земли: 1) соотвѣтствующей списку Thilo — о сотвореніи земли посредствомъ бросанія въ воду горсти ила; 2) объ устраненіи воды съ поверхности суши — соотвѣтствующей разсказу нашего списка. Вотъ это мѣсто: «и взя Б҃гъ илъ въ горьсть и распространи сюду и овоюду и бысть земля и повелѣ Б҃гъ изсякнути рѣкамъ і источникамъ»[1]). Драгомановъ вполнѣ правильно видитъ въ рѣкахъ и источникахъ позднѣйшую замѣну моря[2]).

Замѣчу еще, что уже въ «книгѣ» Богъ является косвеннымъ участникомъ въ твореніи міра: дьяволъ творитъ міръ съ разрѣшенія Бога, раздѣленіе водъ происходитъ «per praeceptum Patris invisibilis».

---

1) Порфирьевъ Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ, 88.
2) Ср. Сборн. X, 11.

Въ несомнѣнной связи съ разсказами о сотвореніи земли находятся южно-славянскіе и малорусскіе разсказы о похищеніи у дьявола архангеломъ или какимъ-либо святымъ драгоцѣннаго предмета (въ свою очередь похищеннаго раньше дьяволомъ у Бога): солнца, небесной силы, чудодѣйственной одежды, записи. Наиболѣе характеристичными представляются одинъ сербскій разсказъ[1]) и одинъ болгарскій[2]). Напомню содержаніе сербскаго разсказа.

Когда бѣсы отпали отъ Бога и убѣжали на землю, то унесли съ собой солнце, и бѣсовскій царь надѣлъ его на копье и носилъ на плечѣ. Земля стала жаловаться Богу, что сгараетъ отъ солнца. Тогда Богъ отправилъ архангела съ тѣмъ, чтобы онъ какъ-нибудь отнялъ солнце у бѣсовъ. Архангелъ подружился съ царемъ бѣсовъ. Однажды они купались въ морѣ. При этомъ царь бѣсовскій воткнулъ копье съ солнцемъ въ землю. Архангелъ предложилъ дьяволу нырять въ запуски. Дьяволъ согласился. Первымъ нырнулъ архангелъ и вынесъ въ зубахъ горсть морского песку. Дошла очередь дьявола. Тотъ сотворилъ изъ своей слюны сороку и приказалъ ей стеречь солнце. Когда дьяволъ нырнулъ, архангелъ перекрестилъ море, море замерзло, архангелъ тогда схватилъ солнце и полетѣлъ къ Богу, а сорока застрекотала. Дьяволъ услышалъ и поспѣшилъ на верхъ, но не могъ пробить льда; онъ возвратился на дно, взялъ камень, пробилъ имъ ледъ и погнался за архангеломъ. Послѣдній уже вступилъ одной ногой въ небо, когда его догналъ дьяволъ. Дьяволъ вырвалъ ногтями изъ пяты другой ноги архангела большой кусокъ мяса. Въ утѣшеніе архангелу Богъ обѣщалъ устроить такъ, чтобы у всѣхъ людей было небольшое углубленіе въ подошвѣ ноги. Поэтому у людей на пятахъ обѣихъ ногъ по небольшому углубленію.

Въ болгарскомъ разсказѣ вмѣсто солнца выступаетъ запись, данная Богомъ дьяволу, по которой небо и живые люди должны были принадлежать Богу, а земля и мертвые — дьяволу. Когда Богъ изгналъ Адама изъ рая, онъ позволилъ ему обрабатывать землю. Но дьяволъ не допускалъ первыхъ людей касаться земли, такъ какъ они не спросили дозволенія у него — хозяина земли. Узнавъ объ этомъ, Богъ сталъ жалѣть, что далъ запись дьяволу. Когда же люди размножились, дьяволъ на ряду съ грѣшными мучилъ и праведныхъ. Тогда Богъ рѣшилъ отнять у дьявола запись и послалъ съ этой цѣлью своего ангела, который и поступилъ въ услуженіе дьяволу. Дальнѣйшее повѣствованіе въ общемъ не представляетъ никакихъ особенностей по сравненію съ сербскимъ разсказомъ. Цѣлью ныранія въ запуски служитъ достать со дна *озера* горсть песку.

1) «За што у људи није табан раван» Караџић Приповијетке, Биоград. 1897, 93—95.
2) Период. Списание 1884, VIII, 124—136.

Драгомановъ относительно этихъ и подобныхъ разсказовъ допускалъ возможность книжнаго богомильскаго вліянія только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ чисто внѣшняго свойства.

Намъ кажется, что книжное вліяніе въ данномъ случаѣ было значительно сильнѣе, чѣмъ предполагалъ Драгомановъ. Дѣло въ томъ, что богомиламъ, напримѣръ, былъ извѣстенъ разсказъ о похищеніи дьяволомъ солнца у Бога, что это составляло предметъ вѣроученія одной изъ вѣтвей богомильства-люциферіанства. Въ малоизвѣстномъ Посланіи Евѳимія Зигабена о Фундагіагитахъ, изъ котораго мною изданы отрывки, говорится, что фундагіагиты — богомилы учили, что весь видимый міръ созданіе дьявола, только душу человѣка и *солнце* дьяволъ укралъ у Бога[1]).

На мой взглядъ въ приведенныхъ народныхъ разсказахъ перепуталось три мотива, несомнѣнно, книжнаго богомильскаго происхожденія: 1) о похищеніи сатаной солнца (и небесной силы?) у Бога, 2) о сотвореніи земли посредствомъ ырянія въ море; 3) — о договорѣ между Богомъ и дьяволомъ, причемъ подъ вліяніемъ *христіанскаго* апокрифа о рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу, въ представленіи простонародной среды, проникнутой богомильскими воззрѣніями, договоръ обратился въ письменное обязательство Бога передъ дьяволомъ. Съ теченіемъ времени въ народномъ сознаніи первоначальный смыслъ этихъ мотивовъ затемнился, и въ сербскомъ разсказѣ, чтобы обосновать отнятіе у дьявола солнца, придуманъ новый мотивъ, напоминающій древне-греческій миѳъ о Фаэтонѣ. Въ теперешней же своей формѣ эти разсказы служатъ цѣли — объяснить, почему у людей вогнутыя ступни. Но, какъ указалъ уже А. Н. Веселовскій[2]), слѣды первоначальнаго значенія мотива ырянія сохранились въ подробности сербскаго разсказа о томъ, что архангелъ захватилъ зубами со дна моря песокъ и вынесъ его на поверхность — подробность, не имѣющая смысла для нашего разсказа. Въ болгарскомъ разсказѣ, являющемся вообще по сравненію съ сербскимъ произведеніемъ вторичнымъ (напримѣръ, вмѣсто моря здѣсь является уже озеро) цѣлью ырянія въ запуски служитъ достать со дна озера горсть песку — конечно, позднѣйшее осмысленіе ставшаго непонятнымъ мотива.

Укажу еще черногорскую пѣсню[3]), повѣствующую о томъ, какъ Іоаннъ Креститель похитилъ у сатаны корону-солнце.

По представленіямъ нѣкоторыхъ толковъ богомильскаго ученія, дьяволъ

1) Ἐκβαλομένου ἀπὸ προσώπου τοῦ θεοῦ ἔκλεψεν ἀπ αὐτοῦ τοῦ θεοῦ τὰ δύο ταῦτα, τόν τε ἥλιον καὶ τὴν ψυχὴν τοῦ ἀνθρώπου — см. мою статью: «Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ». Нѣжинъ. 1902, 5.

2) «Разысканія» XI, 83 (Сборн. т. 46).

3) Караџић Пјесме II, 81—84 (Бѣлгр. изд.).

сотворилъ землю, при участіи ангела водъ, посредствомъ ырянія: онъ сдѣлалъ солнце изъ короны ангела воздуха, по ученію люциферіанъ дьяволъ похитилъ солнце у Бога, далѣе по ученію богомиловъ Богъ заключилъ договоръ (письменный) съ дьяволомъ; въ христіанскихъ апокрифахъ главнымъ борцомъ съ сатаной является архангелъ Михаилъ, отождествляемый богомилами съ Христомъ, цѣлью воплощенія котораго, по богомильскому ученію, было — уничтожить договоръ Бога съ дьяволомъ, а по христіанскимъ апокрифамъ, — рукописаніе, данное Адамомъ дьяволу. Сообразивъ все это, полагаю, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что всѣ существенные элементы помянутыхъ народныхъ разсказовъ были уже представлены въ ученіи богомиловъ, а отчасти и въ христіанскихъ апокрифахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, приспособленныхъ богомилами къ ихъ ученію, и что искать другихъ источниковъ для этихъ разсказовъ помимо книжныхъ врядъ ли представляется нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Конечно, въ народной фантазіи богомильскіе мотивы получили своеобразную перелицовку.

Возвращаюсь къ «книгѣ» Іоанна Богослова.

Въ высшей степени любопытно слѣдующее мѣсто: «Cum autem (говоритъ Господь Іоанну) cognovisset sathanas, quod descenderem in hunc mundum, misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moysi prophetae ad crucifigandum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc»[1]). Это мѣсто обращаетъ вниманіе близкимъ сходствомъ съ повѣствованіемъ о древѣ крестномъ «Слова» попа Іереміи. Вліяніе «Слова» сказывается и въ глоссѣ къ этому мѣсту. Вотъ слова глоссы: «Etiam fuerunt ligna illa, cum quibus divisit mare Moyses. *Cum autem venerunt filii Israel ad aquas amaras quas qui gustabant moriebantur*, *erat tunc angelus Moysi dicens: tolle ligna et junge insimul et planta ea juxta aquam dicens: ista ligna erunt salus mundi et defensio mundi*, *remissio peccatorum mundi.... erit confessus in illo*, *qui.... enim de Maria virgine*, *quod significat fidem sanctae trinitatis...* Соотвѣтственное мѣсто у Іереміи: пожть Моиси сыны израилевы ѿт мора чрьмнаго и прѣведе ихь въ Мерьрж. море же (sic) не можахж пити ѿт множьства води, зане бѣ горька зѣло. Вьзьпїи же Моиси кь Господоу... и приде аггель кь немоу и показа емоу .г. дрѣва... И створи Моиси ꙗкоже повѣле емоу аггель и вьзѧ .г. дрѣва и сплетѧ ꙗко плѣницж и вьсади прї исходищи водь, и рече аггель господьнь: се ѡбразь свѧтыж троицж, се дрѣво бжде спасению... на семь дрѣве оубо хотеть жидове распѧтии Господа, и свѣть истиньныи вьзнесетсѧ ѿт вѣка живжщихь свѣщьникь м ѡсждет егѡ... Се слово прорече Моиси ѡ Христѣ ꙗкоже наоучень бысть ѿт аггела[2]). Въ эпизодѣ о мѣдномъ змѣѣ Моисей опять пророчествуетъ:

1) l. c., 89.
2) Starine, V, 83.

ѡн же сказа имь, ꙗко же рече емоу аггель. что дрѣво кже сади при водѣ, при Мерьрѣ, се дрѣво бѫдеть готово на распатие, иже родитсѧ ѡт колѣна Июдова, ѡт дѣвы Марие[1]). Соотвѣтствіе словамъ: quae ligna mihi custodiuntur usque nunc (см. выше) представляетъ слѣдующее мѣсто «Слова»: и симь всемь пришедьшимь родомь многомь и бѣхѫ хранеще дрѣво то и блюдеще ѡт тоуждихь[2]). Крестное древо въ различныхъ мѣстахъ «Слова» называется древомъ спасенія, древомъ заступленія, древомъ отпущенія — ср. выше приведенныя выраженія глоссы: salus mundi et defensio mundi, remissio peccatorum mundi[3]).

Компиляція попа Іереміи не только не богомильское произведеніе, но и писанное скорѣе всего противъ богомиловъ, такъ какъ компиляція имѣетъ своей задачей прославленіе предметовъ христіанскаго почитанія — креста и иконъ, доказываетъ святость церковной іерархіи разсказомъ о томъ, какъ Христа въ попы ставили, защищаетъ работы на властей, подати и даже даетъ санкцію этимъ работамъ и податямъ[4]), между тѣмъ какъ противъ всего этого были направлены ожесточенныя нападки богомиловъ.

Поэтому весьма любопытнымъ фактомъ является примѣненіе богомилами къ своему ученію произведенія, можно сказать, насквозь пропитаннаго антибогомильскими тенденціями. И эту характеристическую черту богомиловъ — примѣненіе къ своему ученію даже направленныхъ противъ нихъ сочиненій — слѣдуетъ имѣть въ виду при анализѣ отношеній апокрифовъ къ богомильству.

К. Радченко.

Нѣжинъ 7 мая 1903 года.

---

1) ib. 84.

2) ib.

3) Я долженъ, однако, замѣтить, что не все въ глоссѣ можно объяснить изъ *извѣстныхъ* намъ списковъ «Слова» Іеремін. Такъ въ глоссѣ сообщается, что пившіе воду въ Меррѣ умирали (qui gustabant moriebantur). Въ Толковой Палеѣ, связь которой со «Словомъ» Іеремін несомнѣнна, хотя она и не въ такомъ родѣ, какъ думаетъ М. И. Соколовъ, именно въ «житіи Моисея» евреи говорятъ Моисею: се уже хощемъ изомрети и скоти наши отъ воды сеа (Четьи Мин. изд. Арх. Ком., ст. 190). Не было ли подобнаго мѣста въ какомъ-либо недошедшемъ до насъ спискѣ «Слова», и не извратилъ ли этого мѣста авторъ глоссы, быть можетъ, писавшій по памяти? Легче объяснить замѣчаніе глоссы, что три дерева, погруженныя Моисеемъ въ воду, были тѣ же, которыми онъ раздѣлилъ море. Здѣсь могъ повліять разсказъ Библіи о особенной роли, которая пришлась на долю Моисеева жезла, какъ при переходѣ евреевъ черезъ Чермное море, такъ и въ другихъ случаяхъ во время странствованія ихъ по пустыни.

4) См. разсказы: «Какъ Христосъ плугомъ оралъ», «Какъ Провъ назвалъ Христа братомъ».

„Новѣйшія путешествія по Германіи I. Г. Кейсслера" и ихъ отношеніе къ Гильдебрандовому отчету о бытѣ и нравахъ люнебургскихъ славянъ.

Къ литературнымъ пособіямъ, изъ коихъ почерпнуть можно нѣкоторыя свѣдѣнія о такъ называемыхъ залабскихъ, въ особенности же о люнебургскихъ славянахъ, причисляетъ I. Ганушъ въ Славянской библіотекѣ Миклошича II, 117 сл. и Новѣйшія путешествія по Германіи I. Г. Кейсслера [1]), приводя въ пользу своего мнѣнія преимущественно то обстоятельство, что въ числѣ другихъ, подходящихъ сюда, матеріаловъ, книга эта содержитъ и упомянутое въ заглавіи Гильдебрандово сочиненіе: «Auch I. G. Keysslers Neueste Reisen in Deutschland (собственныя слова Гануша) enthalten vieles die Wenden betreffende, z. B. Hildebrands Visitationsbericht über die Wenden im Drawän vom Jahre im 1672». Но такъ какъ Ганушъ откровенно самъ сознается, что Новѣйшія путешествія по Германіи Кейсслера были ему извѣстны развѣ по заглавію, а проф. Г. Циммеръ, снабдившій напечатанный въ Ягичевомъ Архивѣ для слав.-филологіи (т. XXII, стр. 113 слѣд.) Копенгагенскій списокъ Гильдебрандова отчета обстоятельными библіографическими указаніями, знаетъ объ однихъ извлеченіяхъ, что̀ нашли себѣ мѣсто въ «Hamburger vermischte Bibliothek», а также въ «Neues vaterländisches Archiv», ни мало однако о какой нибудь Кейсслеровой перепечаткѣ, то является сама собою потребность прослѣдить, вѣрно ли выше упомянутое утвержденіе Гануша или нѣтъ. Вотъ результатъ наведенныхъ мною по этому предмету справокъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что отчетъ, составленный Гильдебрандомъ, по случаю предпринятой имъ въ августѣ 1671-го года

---

1) Полное заглавіе этой книги собственно таково: «Neueste Reisen durch Deutschland, Böhmen, Ungarn, die Schweiz, Italien und Lothringen». Вышла же названная книга изъ печати впервые въ 1740-мъ, затѣмъ (подъ наблюденіемъ и съ прибавленіями Готфрида Шюце) въ 1751-мъ и наконецъ, еще разъ, въ 1776-мъ году. Я пользовался изданіемъ 1751-го года, какъ самымъ лучшимъ.

церковной визитаціи страны[1]), что незадолго передъ тѣмъ отъ дома Правншвейгъ-Вольфенбюттель поступила во владѣніе дома Браунпшвейгъ-Люнебургъ за его права на городъ Брауншвейгъ, былъ Кейсслеру хорошо извѣстенъ. На вопросъ же, въ какомъ объемѣ онъ этимъ своимъ источникомъ воспользовался, должно отвѣтить слѣдующимъ образомъ: изъ Гильдебрандова отчета о бытѣ и нравахъ люнебургскихъ славянъ вошла въ Новѣйшія путешествія по Германіи Кейсслера фактически лишь часть, въ которой идетъ рѣчь о крестномъ и такъ называемомъ верхушечномъ или коронномъ деревѣ, и которая въ Копенгагенскомъ спискѣ Гильдебрандова отчета составляетъ главу вторую. Но и эта небольшая часть воспроизведена тутъ не точно, а съ довольно значительными стилистическими и другими отступленіями. Въ доказательство того довольно сличить хоть бы начало подлежащей главы.

Начало II-ой главы по Копенгагенскому списку.	Тоже мѣсто въ Кейсслеровой перепечаткѣ.
Im gantzen Drawey werden überall zweene Bäume sehr hoch und werth gehalten, doch hat den Preiß der Creutz-Baum. Wann dieser Creutz-Baum umbgefallen, darf er von Himmelfahrt nicht wieder gerichtet werden, weil sie sagen, die Stete wolle es nicht leiden. Etzliche sagen, die Stete sey ein Mann, andere aber, es sey eine Frau. Pastor zu Büliz vermeinet, das die Wenden hiedurch einen Genium verstünden, der sich an der Stete des Creutz-Baumes aufhielte, maßen auch keiner von den Wenden mit gaßiegen Füßen über die Stete gehen darf.	Im ganzen Drawey werden überall zween Bäume sehr hoch und werth gehalten, der Kronen-und der Kreuzbaum. Letzterer hat den Preis vor jenem, und wenn er umgefallen, darf er vor Mariä Himmelfahrt nicht wieder gerichtet werden, weil sie sagen, die Stäte wolle es nicht leiden. Etliche geben die Stäte für einen Geist von männlichem Geschlechte aus, andere machen eine Frau daraus. Darinnen kommen sic überein, daß es ein Genius sei, der sich an der Stäte dieses Kreuz = (oder vielmehr Hahnen =) Baumes aufhalte, daher auch kein Wende mit garstigen Füssen über diesen Platz gehen darf.

Тамъ и сямъ попадаются, впрочемъ, и сокращенія, чаще всего въ параграфѣ, который въ Копенгагенскомъ спискѣ подлежащей главы помѣ-

1) Эта страна заключала въ себѣ, какъ убѣдиться можно изъ относительнаго договора, прежде всего такъ называемый «Lüneburger Wendland» съ мѣстностью Люховъ во главѣ да вѣдомства: Данненбергъ, Гицаккеръ и Шарнебекъ.

ченъ числомъ 5-ымъ. Изъ этого параграфа заимствованы Кейсслеромъ въ дѣйствительности лишь первыя двѣ — три строки, тогда какъ все остальное со словъ: «Und die jenigen, die nun einen solchen Baum im Dorffe halten» оставлено имъ безъ вниманія. Какъ разъ это послѣднее мѣсто стоило бы однако того, чтобы его воспроизвесть въ цѣлости. Вѣдь, смыслъ его таковъ, что даже во время Гильдебранда было еще живо преданіе, свидѣтельствующее, что залабскіе славяне долго тяготились христіанской религіей и были готовы всякимъ воспользоваться случаемъ, о которомъ думали, что онъ дастъ имъ возможность воротиться къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ языческимъ вѣрованіямъ.

Но не только въ параграфѣ 5-мъ, а и въ 6-мъ замѣтить можно одно выдающееся сокращеніе. Въ Копенгагенскомъ спискѣ этого параграфа содержится между иными слѣдующее положеніе: «Erstlich wird er am Johanni abend in den Marckischen-Holtze gehawen, alle Zweige abgeklaubet, biß oben an dem polt, daß es einer Krohnen gleichet». Въ Кейсслеровой же перепечаткѣ положеніе это формулировано вотъ какъ: «Am Abend vor Johannis wird er gehauen und alle Zweige weggenommen bis an den Gipfel, an welchem man eine Art von Kronen läßt». Оставляя въ сторонѣ всѣ прочія отступленія, оказывается затѣмъ, что въ Кейсслеровой перепечаткѣ подлежащаго мѣста пропущено столь важное для характеристики верхушечнаго дерева опредѣленіе, какъ слова: «in den Marckischen Holtze».

На основаніи всего выше сказаннаго я слѣдовательно вправѣ удостовѣрить, что Кейсслеръ въ своихъ Новѣйшихъ путешествіяхъ по Германіи воспроизвелъ лишь весьма маленькую часть Гильдебрандова отчета, а и ту послѣднюю съ значительными стилистическими и другими отступленіями. Если же, не взирая на то, я считаю возможнымъ согласно съ Ганушемъ утверждать, что въ спискѣ литературныхъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ залабскимъ славянамъ, книга Кейсслера отсутствовать не должна, то дѣлаю это, во-первыхъ, потому, что названная книга оказывается дѣйствительно самой ранней публикаціей, доведшей хоть бы маленькую часть Гильдебрандова отчета до общаго свѣдѣнія, а во-вторыхъ, потому, что она содержитъ нѣсколько дополненій, означающихъ существенное обогащеніе нашихъ познаній о народномъ бытѣ залабскихъ славянъ въ первой четверти XVIII-го вѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ дополненій мнѣ показались до того замѣчательны, что я счелъ дѣломъ не лишнимъ привесть ихъ здѣсь въ цѣлости. Рѣшаясь на это, я имѣлъ, конечно, въ виду и то обстоятельство, что Новѣйшія путешествія по Германіи Кейсслера принадлежатъ къ числу книгъ, теперь уже рѣдкихъ, а въ славянскихъ библіотекахъ врядъ ли и обрѣтающихся.

Дополненіе первое.

(Новѣйшія путешествія II, стр. 1376).

«In solcher Gegend[1]) wohnen noch viele Wenden, welche eifrig an ihren alten Gewohnheiten hangen, sich besser als die Deutschen dünken und auch ihre eigene Sprache behalten haben, bis ihnen vor ungefähr funfzig Jahren[2]) von dem damaligen Oberhauptmann Schenk von Winterstadt solche untersaget worden, da sie denn nach und nach angefangen dieselbe zu vergessen: und da die Jugend nicht dazu angewöhnet worden, so ist endlich erfolget, daß, da man hernach auf die Gedanken gerathen, es gereiche zu der Ehre eines Landesherrn, wenn vielerley an Sitten und Sprachen unterschiedene Völker seine Oberherrschaft erkenneten, und daher diesen Wenden befohlen worden, ihrer ehemaligen Muttersprache sich wieder zu gebrauchen, solches nicht mehr ins Werk zu richten ist, weil wenige Einwohner die wendische Sprache genugsam[3]) innen haben».

Дополненіе второе.

(Тамъ же, примѣчаніе д).

«Es soll heißen Drawän[4]), und liegt dieser Gow oder pagus zwischen

1) Авторъ подразумѣваетъ здѣсь собственно область, что̀, въ силу состоявшагося въ 1671-мъ году особаго договора отъ дома Брауншвейгъ-Вольфенбюттель поступила во владѣніе дома Брауншвейгъ-Люнебургъ и, какъ уже выше (стр. 3, прим. 1) замѣчено было, совмѣщала въ себѣ вѣдомства: Люховъ, Данненбергъ, Гицаккеръ и Шарнебекъ.

2) Если сообразить, что Кейсслеръ относительную главу своей книги, по собственной его отмѣткѣ, списалъ въ 1730-мъ г., то слова: «vor ungefähr funfzig Jahren» означаютъ не что̀ другое, какъ лишь то, что описываемый здѣсь инцидентъ состоялся приблизительно въ 1680-мъ году.

3) Съ этимъ утвержденіемъ согласуется какъ нельзя лучше то, что̀ о томъ же предметѣ говорятъ столь свѣдующіе люди, какъ Митгофъ, Хр. Геннигъ, Г. Еккардъ и I. Парумъ-Шульце. Всѣ эти писатели удостовѣряютъ согласно, что число тѣхъ, кто еще въ состояніи былъ говорить по вендски, съ конца XVII-го столѣтія стало замѣтно уменьшаться. Самымъ яркимъ образомъ выражаетъ это именно Парумъ-Шульце, который въ составленныхъ имъ между 1724-ымъ и 1725-ымъ годами Вендскихъ достопримѣчательностяхъ, по свидѣтельству А. Шлейхера (Laut- und Formenlehre der polab. Sprache, стр. 7), увѣряетъ, что, если онъ и еще какихъ-то три человѣка скончаются, въ его деревнѣ едва-ли кто-нибудь знать будетъ, какъ по вендски называется собака.

4) Для лучшаго уразумѣнія этой замѣтки надо прибавить, что Гильдебрандъ для обозначенія части люнебургскаго княжества, заселенной славянами, употребляетъ (см. главу I-ую его отчета) выраженіе «Drawey». Это выраженіе не понравилось однако Кейсслеру, и онъ требуетъ, чтобы область ту называть такъ, какъ ее называютъ сами же ея уроженцы, а именно: Drawän». Является впрочемъ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ Слованкой Добровскаго I, стр. 1—11, что и Хр. Геннигъ въ предисловіи къ составленному имъ въ 1705-мъ году нѣмецко-вендскому словарю, пишетъ послѣдовательно: «Drawén, Drawene, die Drawensche».

Luchow, Dannenberg und Uelzen, gegen welche letztere Seite er sich aber nur bis Rosche, zwo Meilen von Uelzen erstrecket. Den Namen hat er von *drawa*[1]) oder, wie es die Lausizer Wenden aussprechen, *drewo*, welches eine Holzung und Wald, womit vor alten Zeiten dieser Strich Landes bewachsen war, andeutet. Es wird ins gemein in zween Teile unterschieden. Der obere Drawän begreift die Kirchspiele Zebelien und Crumasel sammt der fürstlichen Voigtey Kiefen und was von dannen bis an Rosche hinan liegt. Zu dem Unter-Drawan werden die Kirchspiele Clenz (mit seinen Filialen), Zeetz, so der Bulizer Pfarre zugelegt worden, Cüsten mit dem Filiale Meuchefiz und Satemien gerechnet, also, daß dieser pagus bei sechs Kirchspiele (welche in diesen Landen wegen der vielen Heide gar weitläufig sind) und darüber in sich fasset. Weil Clenz ein Flecken, so kann derselbe für den Hauptsitz der drawänischen Wenden angesehen werden. Buliz liegt nicht im Drawän, sondern in pago Geyn[2]), und werden die Bulizer, Besemscher, Koßbuder, Gistenbecker und die Einwohner von andern dasigen Dörfern durchgehends die Geynschen genennet. Ein anderer Pagus ist der Lennigau, welcher guten Theils der Freyherrlichen Bernstorfischen Familie als Herren des Hauses Gartow gehöret. Die darinnen befindlichen Dörfer sind: Pretzier, Criewiz, Prödöhl, Bockleben, Wiedzeit, Trabuhu, Schmarsow, Schletow, Simander, Schueschow und Putball. Noch ein wendischer Gow ist der Nering oder Gering, in welchem die zwey Kirchdörfer Rebensdorf und Woltersdorf, nebst Luebbon, Dangensdorf, Lichtenberg und Turow liegen. Von dem pago Drawän und den lüneburgischen Wenden überhaupt hat der ehemalige Pastor zu Wustrow, von Iessen[3])

---

1) По мнѣнію Шлейхера, Laut-und Formenl. der polab. Sprache § 8, 2 должно бы собственно писать drăva, а произносить, какъ происносится церковнослав. дръва.

2) Также и въ этихъ словахъ содержится порицаніе Гильдебраяду, который въ главѣ I-ой своего отчета утверждаетъ, что главной мѣстностью верхней части заселенной славянами полосы люнебургскаго княжества является Бюлицъ. По мнѣнію Кейсслера, это не можетъ быть вѣрно хоть бы лишь потому, что названная мѣстность принадлежитъ къ другой области, которую туземцы называютъ гейнской (Geyn). Между тѣмъ, изъ напечатанныхъ въ Слованкѣ Добровскаго I, стр. 8 замѣтокъ Геннига слѣдуетъ, что утвержденіе Гильдебранда не было одиночно. Вотъ собственныя слова Геннига: «Doch begreift heutigen Tages der Drawen nur die Wenden in sich, welche westwärts des Flusses Jeze (bei Zeilern in comp. itin. germ. cap. 17, pag. 574 Giezo genannt) wohnen, darunter die so benahmte Geynschen an einem schlimmen Moraste, den die von den Bergen herabströmende Domme und andere kleine Quellen und Bäche im Bilizschen kirchspiele machen, gehören».

3) Такъ собственно называлось мѣсто рожденія упомянутаго пастора, а родовое его имя было Геннигъ или, какъ въ предисловіи къ своему полному люнебургско-вендскому словарю (Vollständiges lüneburgisch-wendisches Wörterbuch), стр. XVIII удостовѣряетъ Юглеръ, Христіанъ Геннигъ. Тѣмъ же Юглеромъ дознано дальше и то, что Геннигъ былъ сперва полковымъ священникомъ, затѣмъ канторомъ въ Вѣнгавзенѣ, а съ 1679-го года впредь до своей смерти, послѣдовавшей 27-го сентября 1719-го года, пасторомъ въ Вустровѣ. Прочія подробности въ Laut- und Formenl. der polab. Spr. Шлейхера, стр. 2 и 5.

genannt, einen Bericht[1]) hinterlassen, der aber noch nicht in Druck[2]) gekommen ist».

Дополненіе третье.

(Тамъ же, стр. 1877, примѣч. е).

«Daß man ein großes Wesen aus dem gewaltsamen Tode des Bullen[3]) gemacht, ist nicht zu verwundern. Es halten die in braunschweigisch-lüneburgischen Landen wohnende Wenden ohnedieß für ein sonderbares Unglück, wenn ein Bulle naturlicher Weise stirbt, und haben sie diesem Thiere öfters sein Begräbniß mitten im Dorfe und in einer dazu verfertigten Grube angestellt, wo hinein ihn der Abdecker oder Schinder stoßen müssen, damit er ordentlicher Weise verscharret werden können».

Дополненіе четвертое.

(Тамъ же, примѣчаніе 9).

«Auf das Bildniß des Hahns kömmt es hauptsächlich an, und hat man dergleichen Bäume entdecket, auf welchen das Kreuz weggelaßen, der Hahn aber sorgfältig beybehalten war.

Дополненіе пятое.

(Тамъ же, стр. 1878—1880).

«Hiebey ist zu erinnern, daß die Gewohnheit, einen Kronenbaum aufzurichten, alle Jahre in Acht genommen worden, und man einen Birkenbaum[4]) dazu genommen. Einen neuen Kreuzbaum aber setzte man nicht

---

1) Кейсслеръ подразумѣваетъ здѣсь очевидно обширное введеніе, которое Хр. Геннигъ подъ заглавіемъ: «Kurzer Bericht von der wendischen Nation überhaupt, insonderheit von den Lüneburger Wenden und deren Abkunft, auch von ihrem pago, dem sogenannten Drawén», предпослалъ составленному имъ въ 1705-мъ году нѣмецко-вендскому словарю.

2) Это замѣчаніе Кейсслера можно, къ сожалѣнію, повторить съ полнымъ правомъ и нынѣ, по истеченіи цѣлыхъ 174 лѣтъ со времени его написанія. За исключеніемъ небольшой части, напечатанной Добровскимъ въ его Словенкѣ I, 1—11, остается «Краткій отчетъ» Геннига все еще манускриптомъ.

3) Событіе, на кое здѣсь указывается, состояло по Гильдебранду (сл. Архивъ для слав. фил. XXII, 108) въ томъ, что заводскій быкъ села Ребенсдорфа, желавшій потереть себѣ бокъ о крестное дерево, уже одряхлѣвшее, опрокинулъ оное и самъ погибъ подъ его тяжестью.

4) Эта подробность важна всего больше тѣмъ, что даетъ намъ возможность уразумѣть значеніе словъ, которыми Гильдебрандъ въ главѣ II-ой, § 6-мъ, своего отчета ближе опредѣлилъ такъ называемое верхушечное дерево. Описывая это дерево, онъ замѣтилъ между иными, что его рубили въ навечеріе св. Іоанна «in den Marckischen Holtze». Я увѣренъ теперь, что «das Marckische Holtz» Гильдебранда и «Birkenbaum» Кейсслера одно и тоже.

eher, als wann der vorige Alters halber umgefallen war, und wählte man alsdann die schönste und beste Eiche, um den Platz wieder zu besetzen. Kein anderer Baum durfte dazu gebraucht werden, und konnte er auch nicht mit Pferden, sondern bloß mit Ochsen angeführet werden. Er stund mitten im Dorfe, wo auch ehemals ihre Bauern-oder vielmehr Trinkstuben waren. Fast alle wendische Dörfer sind in die Runde gebauet, und geht ein einziger Weg hinein, durch welchen man auch wieder heraus muß, wenn man nicht durch einen Bauernhof fahren will noch darf. Der Platz, worauf der Baum steht, ist von alten Zeiten her als ein kleiner Hügel mit Fleiß erhöhet. Wird ein Kreuzbaum alt, daß man sich stündlich des Umfallens besorgen muß, so darf sich doch niemand daran vergreifen oder ihn vollends umstoßen, sondern man wartet, bis er von sich selbst zu Boden fällt. So oft vorzeiten eine junge Frau aus einem andern Orte durch Heirathen in ein solches wendisches Dorf gekommen, um darinnen zu wohnen, mußte sie einen Tanz um solchen Baum thun und etwas Geld hinein stecken[1]). Dergleichen Opfer geschah auch, wenn jemand von einer Wunde oder Schaden, welche sie fleißig an den Baum zu reiben pflegten, geheilet worden. An solchem Gelde vergriff sich kein Mensch, bis die in hiesige Quartiere gekommene Dragoner die abergläubischen Leute klüger machten. Denn diese mochten von den alten Weibern noch so ernstlich vor dem Unsegen und dem Zorne der Stäte gewarnet werden, so wagten sie es dennoch, ein Stück nach dem andern daraus zu entwenden und sich den dafür gekauften Taback oder Brandwein wohl schmecken zu laßen. Wollte man etwa glauben, daß der Hahn auf die hohe Stange gesetzt worden, um durch seine Wendung die Veränderung des Wetters anzudeuten, so steht solchet Muthmaßung dieses im Wege, daß der Hahn des Kreuzbaumes[2]) nichr beweglich, sondern fest darauf gesetzt ist. Die protestantischen Geistlichen, so nach der Reformation die Seelensorge über die Gemeinden im Drawän erhalten, haben dergleichen heydnische Aberglauben niemals gut geheißen, sondern beständig dawider geeifert; es sind aber die Wenden eine gar hartnäckige Nation, welche auf bloße gute Worte nicht viel zu geben pflegt. Endlich hat man doch nach und nach erhalten, daß die Kronen-und Kreuz-bäume fast gänzlich eingegangen sind. Vor dreyßig bis vierzig

---

1) Описанный здѣсь обычай извѣстенъ былъ и Гильдебранду, какъ можно убѣдиться о томъ изъ главы V-ой его отчета. Ново въ дополненіяхъ Кейсслера развѣ то обстоятельство, что молодая женщина, окончивъ танецъ, обязана была въ трещины крестнаго дерева вложить еще и нѣсколько мелкихъ денегъ.

2) Стоитъ замѣтить, что крестныя дерева съ изображеніемъ пѣтуха надъ ними бывали по свидѣтельству Крольмуса въ изданныхъ имъ старочешскихъ повѣстяхъ (Staročeske povésti etc.) I, 421 не рѣдки и въ Чехахъ. Ихъ можно-де встрѣтить и въ земляхъ польскихъ.

Jahren[1]) war noch ein Kreuzbaum in dem nach Wustrow gepfarreten Dorfe Clennow; ein anderer zu Tangstorf im Kirchspiele Rebensdorf; und der dritte zu Geistenbeck im Kirchspiele Büliz. Von allen dreyen steht keiner mehr; ich habe aber vor ohngefähr zehn Jahren[2]) noch einen solchen Hahnenbaum in dem Dorfe Kranze bei Luchow angetroffen. Wo auch keine Kreuzbäume und Bauernstuben mehr sind, versammeln sich doch die Bauern, wenn etwas zu berathschlagen ist, auf dem erhabenen Platze, wo ehemals der Baum gestanden. Das Saufen aber, worüber sie noch fest und eifrig halten, ist in des Schulzen Haus verlegt worden, und wird zu gewißen Zeiten des Jahres fleißig fortgesetzt. Die Aposteltage und insbesondere das Fest der Himmelfahrt Maria haben hierinnen einen Vorzug vor allen andern, und bleiben sie dabey, daß ihr Vieh nicht gedeihe, wenn an solchen Festen nicht gesoffen würde. Endlich muß bey der Untersuchung des wendischen Aberglaubens in Ansehen des Hahns diejenige Gewohnheit nicht mit Stillschweigen vorbeygegangen werden, kraft welcher an etlichen Orten und vornehmlich im Amte Dannenberg jährlich ein Hahn so lange herum gejaget wird, bis er ganz ermüdet hinfällt, da er dann gar todtgeschlagen, gekocht und verzehret wird[3]). Jedermann im Dorfe bekömmt etwas davon ab, so klein auch die Theile werden mögen. Das besonderste dabey ist, dass aus einem eigenen Aberglauben niemand ans dem Dorfe gehen darf, so lange diese Mahlzeit dauert. Bey dieser Gelegenheit wird auch ein großes Brodt gebacken, von welchem jedweder etwas haben muß. Die Absicht solcher Thorheiten geht ohne Zweifel auf das Gedeihen ihres Viehes[4]), als welches ihnen so nahe am Herzen liegt, daß, wenn man in diesen Gegenden einen Bauersmann zum Eide lassen muß und ihm vorher Gerichtswegen die Pflichten eines schwörenden nebst der Strafe des Meineides vorgehalten werden, die Gefahr der Seele, der Himmel und die Hölle, dasjenige sind, worauf der Bauer am wenigsten achtet: er wird aber öfters von einem falschen Eide

---

1) Соображаясь съ отмѣченнымъ уже на страницѣ 8-ой, прим. 2 обстоятельствомъ, мы вправѣ истолковать эти слова такимъ образомъ, что Кейсслеръ имѣлъ здѣсь въ виду 1690-ый, много что 1700-ый годъ.

2) Значитъ, около 1720-го года.

3) Почти тѣми же самыми словами описанъ сей обычай и въ главѣ IV-ой, § 6-мъ Гильдебрандова отчета. Можно затѣмъ съ полной увѣренностью утверждать, что Кейсслеръ все это мѣсто заимствовалъ оттуда.

4) Какъ ни вѣрно само по себѣ, что люнебургскіе славяне, какъ племя, занимавшееся земледѣліемъ, съ самымъ большимъ усердіемъ заботились о преуспѣваніи домашняго скота, однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и то, что описанный здѣсь обычай съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ не имѣетъ ничего общаго. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло или съ обрядомъ убиванія жатвеннаго демона въ видѣ пѣтуха, или же съ обрядомъ, извѣстнымъ въ Россіи подъ названіемъ «куриныхъ имянинъ». Я предоставляю себѣ поговорить о томъ обстоятельнѣе при иномъ случаѣ.

noch abgehalten, wenn ihm der Richter mit Nachdrucke vorstellet, daß ein Meyneidiger außer dem Fluche über seinen Leib und gesunde Gliedmaßen auch ohnfehlbar einen Unsegen auf seine Ochsen, Kühe, Schafe und übriges Vieh lade. Dieses fruchtet insgemein bei ihm mehr, als alle aus dem Christenthume genommene Vermahnungen».

Е. Калужняцкій.

Die Litteratur der Lausitzer Serben zu Anfang des XX. Jahrhunderts.

Von I. B. Kukowski.

Der deutsche Kritiker Georg Adam-Rostock schreibt in der Nummer des «Litterarisches Echo-Berlin» von 15. August 1900 in einem «Die wendische Renaissance» überschriebenen Artikel folgendes: «Allenthalben machen sich deutlich Zeichen dafür bemerkbar, dass der allgemeine Gang der Entwickelung in unserer Zeit, im scheinbaren Gegensatz zu den kosmopolitischen Bestrebungen, auf eine charaktervolle Ausbildung der nationalen Eigenheiten zielt. Am auffälligsten und mächtigsten tritt diese Erscheinung in der Erhebung der Slaven zu Tage, in denen Nationen zur Selbständigkeit streben, um die sich die grosse Welt früher wenig gekümmert, ja, die sie kaum gekannt hat; Nationen zum Theil, deren Grenzen noch nicht einmal mit Genauigkeit festgelegt sind.

Dieser Aufschwung ist im allgemeinen sowohl in der äusseren Kraft und Machtentfaltung, als in der inneren, geistigen Entwickelung, der Litteratur, zu erkennen. Und es können sich dieser Renaissance nicht nur die grossen slavischen Nationen erfreuen, es nehmen an ihr, nach dem Masse ihrer Kräfte, auch die kleineren theil, bis hinunter zur kleinsten, der Wenden, oder der Lausitzer Serben».

Im weiteren Verlaufe seiner Abhandlung fährt derselbe dann fort: «Mit welchen Schwierigkeiten eine litterarische Bewegung bei den Wenden zu kämpfen hat, wird ersichtlich, wenn man sich vergegenwärtigt, dass das kleine Volk noch in zwei Stämme zerfällt, die Oberlausitzer, die auf etwa 90,000 Seelen angegeben werden, und die Niederlausitzer mit ca. 70,000, deren Dialekte immerhin recht beträchtliche Abweichungen von einander aufweisen. Dazu kommt die konfessionelle Spaltung in Protestanten und Katholiken, und schliesslich ist auch eine einheitliche Schrift noch immer nicht völlig durchgedrungen».

Dazu muss noch ein viertes bedeutendes Hemmnis genannt werden, nämlich, dass die Wenden auch staatlich zerrissen sind, indem ein Theil derselben in Sachsen unter dem Scepter der Wettiner, der andere Theil aber unter der Herrschaft der preussischen Hohenzollern steht.

Zum Schlusse seiner Betrachtung sagt Adam: «Was nun die Aussichten für die Zukunft dieses kleinen (polabischen) Völkerrestes, der scheinbar schon dem völligen Untergange geweiht, sich plötzlich so überraschend regsam zeigt, betrifft, so wird man kaum ein endgiltiges Urtheil fällen können, namentlich nicht, wie das im allgemeinen wohl geschieht, ihm ein sicheres baldiges Ende prophezeien...

Demnach wird man dem deutschen Sprachforscher Dr. Georg Sauerwein, einem genauen Kenner des Wendenthums, kaum widersprechen können, wenn er sagt: ein Volk, so gesund an Körper und Geist, mit so frischen und immer noch neu entstehenden Volksliedern, das eine so originelle Poesie erzeugt hat, ein solches Volk sieht nicht danach aus, als ob es bald sterben wollte oder müsste».

Wie steht es denn nun mit der wendischen Litteratur zu Anfang des XX Jahrhunderts?

Um ein sicheres und treffendes Urtheil über die wendische Litteratur fällen zu können, muss man die Lage der Lausitzer Sprachinsel, ringsumbrandet und vielfach durchfluthet von den Wogen des Deutschthums und den deraus resultierenden Zustand der Sprache sowohl, wie den deutschen Bildungsgang der wendischen Intelligenz und die sociale Lage des durchweg ackerbautreibenden Volkes berücksichtigen. Das Sprachgebiet der Lausitzer Wenden steht nirgendwo in Verbindung mit irgend einem andern slavischen Stamme. Diese Losgerissenheit von der slavischen Welt dauert bereits Jahrhunderte lang. Mit Recht wird deshalb diese Sprachinsel genannt ein Helgoland im deutschen Meere. Welch'einen Einfluss diese totale Eingeschlossenheit von dem mächtigen deutschen Elemente auf Volk und Sprache der Wenden ausübt, bedarf wohl keiner weiteren Erklärung und Begründung. Zieht man ferner in Erwägung, dass sowohl die innere wie äussere Verwaltung der Lausitz eine durchaus deutsche ist, wenn man weiter bedenkt, dass für die wendische Litteratur Jahrhunderte blutwenig, bis zur Mitte des vorigen Saeculums so viel wie nichts geschehen ist, so findet man es einigermassen erklärlich, wenn deutsche Kulturhistoriker die Existenz des wendischen Volkes geradezu für ein Räthsel erklären.

Thatsächlich ist jedoch die Erhaltung der wendischen Nationalität und Sprache dem zähen Konservativismus und der tief eingewurzelten Anhänglichkeit an die väterlich ererbte Scholle und der natürlichen Liebe zum Mutterlaute des gewöhnlichen Volkes zu danken, wir sagen ausdrücklich,

des gewöhnlichen Volkes; denn die gebildeten Wenden standen bis zur geistigen Wiedergeburt des Volkes in den vierziger Jahren des vorigen Jahrhunderts zum weitaus grössten Theile ihrer wendischen Sprache und Litteratur theilnahmslos und kalt gegenüber, ja nicht selten trugen gerade sie als Renegaten viel zur Germanisierung einzelner Gebiete bei, eine überaus traurige und beschämende Erscheinung, welche auch heute noch, zumal in der preussischen Lausitz, nicht ganz geschwunden ist.

Dass infolge dessen die Sprache, allüberall dem deutschen Einflusse ausgesetzt, von der wendischen Intelligenz verachtet, dem gewöhnlichen Volke ganz allein überlassen, vielfach von deutschem Geiste und noch mehr von deutschen Worten und Wendungen zersetzt wurde, ist durchaus nicht Wunder zu nehmen; im Gegentheil zu verwundern ist es, dass die Sprache trotz aller dieser schweren Schädigungen und fremden Einflüsse besonders in jenen Dörfern, welche von den grossen Verkehrsstrassen und Eisenbahnen mehr abseits liegen, sich bis heute so schön erhalten und sich ihre Eigenart so fest und treu bewahrt hat. Mit Recht wird deshalb jetzt von den wendischen Dichtern dieses treue Festhalten an der ererbten väterlichen Scholle und an der Muttersprache auf Seiten des gewöhnlichen Volkes dankbarst gefeiert und gepriesen.

Nicht hoch genug anzuschlagen ist deshalb das ungeheuere Verdienst eines Jordan, Zejleŕ, Pful, Smoleŕ, Buk, Hórnik, Radyserb, Imiš, Muka, Ćišinski, Libš, Kral, welche die wendische Sprache von diesen fremden Elementen, Auswüchsen und Entartungen mit eisernem Fleisse und jahrelanger Geduld gesäubert und sie allmählig auf jene Stufe erhoben haben, auf welcher sie heute steht, so dass sie wieder litteraturfähig geworden ist.

Aber auch gegenwärtig wird die wendische Sprache vielfach maltraitiert und ihrem Geiste und ihrer Eigenart wird grausam Gewalt angethan, indem diejenigen, welche auf litterarischem Gebiete thätig sind, in der Regel einen deutschen Bildungsgang durchlaufen und auf die Ausbildung in der Muttersprache wenig Zeit und Mühe verwenden.

Es wird allerdings auf einigen Lehrerseminarien und Gymnasien fakultativ Unterricht im Wendischen ertheilt; jedoch was nützen zwei Stunden wöchentlich, insbesondere wenn der betreffende Lehrer selbst in seinem Fache nicht sattelfest ist?! Wer nicht aus Privatfleiss und unablässig dem Studium seiner Muttersprache sich widmet und wenigstens eine der andern slavischen Sprachen sich aneignet, der kann unmöglich ein guter wendischer Schriftsteller und Redner werden.

Man irrt gewaltig in der Annahme, ein gutes Wendisch zu schreiben und zu sprechen, wenn man alle fremden Wörter peinlich meidet. Worte sind toter Kram in jeder Sprache; Geist und Leben liegt, besonders im Wen-

dischen, in der Behandlung des Verbums und in der Anwendung der Syntax. Im Verbum ruht in der wendischen Sprache, mehr noch als in den übrigen slavischen Sprachen, die Hauptkraft und die Hauptschönheit des Gedankenausdruckes. Genaue und gediegene Kenntnis des Verbums ist daher erste und unabweisliche Bedingung und Forderung für jeden wendischen Schriftsteller. Diese Kenntnis sich anzueignen aber ist bei dem unermesslichen Formenreichthum und bei der feinen Formennüancierung und bei der ganz originellen Eigenart gerade des wendischen Verbums keineswegs eine Kleinigkeit und Leichtigkeit. Ohne gründliche, andauernde Beobachtung des Volkes dort, wo noch ein korrektes Wendisch gesprochen wird, ohne eingehendes Studium der Volkslieder und Volksmärchen und ohne tiefere Kenntnis wenigstens eines andern slavischen Idioms ist das geradezu ein Ding der Unmöglichkeit; zumal unsere eigene Litteratur sehr arm an Hilfsmitteln in dieser Beziehung ist. Die beste praktische Unterweisung im Verbum bietet die Grammatik des Georg Kral, (Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz, Bautzen, Druck und Verlag von M. Schmaler 1895) welche aufgebaut ist auf dem Systeme der čechischen Professoren Dobrovský, Hattala und Masařík. In Dr. E. Mucke: Vergleichende Laut- und Formenlehre der Niederserbischen Sprache (Leipzig 1891) ist auch für die Oberserbische Sprache eine neue Klassifikation des Verbums zur Erlernung und richtigen Anwendung desselben ohne Ausserachtlassung des wissenschaftlichen Gesichtspunktes aufgestellt.

Und nun die Syntax, die Seele der Sprache!

Um in den Geist der Syntax einzudringen, um also gewissermassen den Schlag der Volksseele zu erhalten und in sich aufzunehmen, ist und bleibt bei uns das beste Mittel, mit dem sprachlich unverdorbenen Volke zu verkehren und ihm auf diese Weise den geheimen Zauber des Geistes der Sprache abzulauschen. Als Unterrichtsbuch steht uns hierin nur ein einziges allerdings ganz vorzügliches Buch, nämlich die «Syntax der Wendischen Sprache in der Oberlausitz von Georg Liebsch, Druck von Schmaler, Bautzen, 1884» zur Verfügung.

Und noch ein Punkt!

Da die Bildung unserer studierenden Jugend auf den Seminarien, Gymnasien und Universitäten eine rein deutsche ist, so wird ihr naturgemäss auch deutsches Denken anerzogen. Will nun ein solcher ganz im Banne des deutschen Denkens aufgewachsener Wende wendisch schreiben, so wird er, ohne dass er es vielleicht weiss und will, auch deutsch denken und nur die Worte wendisch setzen. Ein solches Wendisch wird zwar für das Ohr wendisch klingen, nicht aber für den Geist und für das Herz; es wird infolge dessen auf das Publikum wenig Eindruck machen und wenig oder

keinen Erfolg haben. Dasselbe gilt auch von den wendischen Rednern in Kirche, Schule und öffentlicher Versammlung.

Die Materie muss also mit wendischem Geiste gedacht, mit wendischer Seele empfunden und dann erst in dieser inneren Bearbeitung und Durchtränkung äusserlich zu Papiere gebracht werden. Ein solches Wendisch, aber auch nur ein solches, wird dann sicher und erfolgreich den Weg zum Herzen des wendischen Volkes finden. Vor allem also nothwendig ist es, sich vom Banne des deutschen Denkens frei zu machen, wendisch denken zu lernen; das wendisch Schreiben kommt dann von selbst. Also unabweisliche Forderungen an jeden wendischen Schriftsteller und Redner sind: genaue Kenntnis der Sprache, insbesondere des Verbums, volle Beherrschung der Syntax und wendisches Durchdenken des Stoffes, welchen man dem Volke, sei es schriftlich, sei es mündlich, übermitteln will. Wir wiederholen, das ist bei uns Wenden absolut keine Kleinigkeit, diesen Anforderungen gerecht zu werden, und leider müssen wir zugeben, dass so mancher unserer Schriftsteller und Redner denselben recht wenig entspricht.

Wo man sich des Mangels dieser Kenntnisse bewusst ist, oder wo man zu einem nonchalanten Leichtsinn neigt, greift man zu der billigen Ausflucht und Ausrede, man müsse doch zu dem Jargon des sprachlich verdorbenen Volkes herabsteigen, um sich verständlich zu machen. Ganz falsch! Der Schriftsteller und Redner, welcher es mit seinem Berufe und seiner Arbeit Ernst nimmt, darf nicht zu der verdorbenen Sprache des Volkes herabsteigen, sondern muss durch ein reines, vornehmes Wendisch das Volk zu sich emporheben.

Auch ist es irrthümlich zu meinen, für das gewöhnliche Volk sei alles gut genug. Ganz falsch! Gerade das gewöhnliche Volk zeichnet sich aus durch einen klaren Verstand und infolge des steten innigen Verkehres mit der Natur ist sein Schönheitssinn- und Gefühl aüsserst lebhaft und scharf ausgebildet.

Was nun das lesende Publikum — auch ein wichtiger Faktor in der Fortentwickelung der Litteratur — anlangt, so setzt sich dasselbe in überwältigender Mehrheit aus einer ackerbautreibenden Bevölkerung zusammen, welche, zumal bei der gegenwärtigen Depression der wirthschaftlichen Lage, in harter Arbeit im Kampfe um das Dasein steht. Eine derartige Bevölkerung findet naturgemäss wenig Musse und wohl auch wenig Lust, sich mit litterarischer Lektüre zu befassen, insbesondere, wenn dieselbe wissenschaftliche Stoffe oder Erzeugnisse der Dichtkunst in einigermassen höherem und daher schwerer verständlichem Stile bietet. Die Theilnahme dieses Publikums an der Litteratur wird sich selbstverständlich im grossen Ganzen auf das Lesen einiger politischen Zeitschriften, auf leichten Unterhaltungs-

stoff und auf Fachblätter beschränken. Zur Annahme und zum Genusse der höheren Litteratur muss es besonders durch die bestehenden Volksvereine erst allmählig angeleitet und erzogen werden.

Was das intelligente Publikum betrifft, so ist dieses im Verhältnisse zur Masse des Volkes sehr klein und beschränkt sich hauptsächlich auf Lehrer und Geistliche. Diesem Publikum gegenüber muss das nationale Moment immer wieder betont werden aus dem einfachen Grunde, weil der fremde, germanisierende Einfluss eben auch nie aussetzt. Die nationale Frage ist bei den Wenden beständig akut und aktuell; die Flamme der nationalen Begeisterung muss ununterbrochen geschürt und angefacht werden. Der Dichter und Redner muss die Intelligenz des Volkes fort und fort auf das nationale Gefühl und auf die nationale Pflicht hinweisen, so dass die Betonung und Hervorhebung der nationalen Idee einen Hauptzug im Charakter der Litteratur bildet und sicher für längere Zeit noch bilden wird.

Bei diesem kleinen Lesepublikum ist es erklärlich, dass die wendischen Schriftsteller sammt und sonders ohne Honorar, aus reiner Liebe für Volk und Sprache, arbeiten; nochmehr, wissenschaftliche Werke und Gedichtsammlungen höheren Stiles muss der jeweilige Autor auch auf eigene Kosten drucken lassen — wenn sich nicht gerade ein Maecen findet — und auch mit eigener Hand vertreiben; uns fehlt in Budyšin eine rührige wendische Buchhandlung, welche diesen argen Misstand sofort beseitigen würde. — Endlich ist noch ein nicht zu unterschätzendes Hemmnis in der Entwickelung des wendischen Schriftthums zu nennen, das ist die Verschiedenheit der Rechtschreibung. Von den periodischen Blättern erscheinen nur «Łužica» und «Časopis Maćicy Serbskeje» in analogischer Rechtschreibung mit lateinischen Lettern; alle übrigen in mehr oder weniger abweichenden Rechtschreibungen mit deutschen Lettern, in dem sogenannten Schwabach. Am nächsten kommen der analogischen Rechtschreibung Katholski Posoł» und «Serbski Hospodaŕ», welche auch regelmässig kleine Aufsätze in analogischer Schrift bringen; am weitesten stehen ab «Serbske Nowiny», «Missionski Posoł», und «Pomhaj Bóh».

Diese verschiedenen Arten der Rechtschreibung verwirren natürlich das lesende Publikum und stossen es ab. Mit Freuden ist daher das Bestreben einiger Schriftsteller mit Prof. Muka und Andricki an der Spitze zu begrüssen, diese abweichenden Arten in der Schrift endlich aufzugeben und in Eine, und zwar in die analogische mit lateinischen Lettern zu vereinen. Die Ein- und Durchführung einer einheitlichen Rechschreibung und Schriftsprache würde einen immensen Fortschritt für die Litteratur in jeder Beziehung bedeuten. Je eher dies gelingt, desto besser! Hauptgegner sind die evangelischen Wenden, welche starr am alten Zopfe halten und hängen.

Das wendische Volk ist eben, wie früher schon gezeigt, konservativ, und das ist gut für die Erhaltung der Nationalität, aber schädlich für die Litteratur. Dieser Hyperkonservatismus steckt dem Volke, sogar auch der Intelligenz, und zwar einem Theile der abstinenten Intelligenz mehr noch als dem eigentlichen Volke, das ja, böser wie guter Suggestion gleich zugänglich ist, so in den Knochen, dass jeder, welcher der alten, abgebrauchten Methode energisch zu Leibe geht, neuen Richtungen Bahn bricht, und den Horizont für die Litteratur erweitern will, sofort in den Verruf eines radikalen Stürmers und revolutionairen Neuerers kommt. Doch dieser Widerstand muss auf jeden Fall gebrochen werden, und wie gesagt, je eher es gelingt, desto besser!

Mit einem Worte zum Schlusse: Welch' eine Unmenge von schädlichen Einflüssen, Hemmnissen und Schwierigkeiten aller Art! —

Wir hielten es für nöthig, der grossen slavischen Welt einmal eingehend vorzuführen, in welch' einer ungünstigen Lage die wendische Litteratur sich befindet und mit welch' ungeheueren Schwierigkeiten dieselbe zu kämpfen hat.

Und wenn zu Anfang des XX. Jahrhunderts diese Litteratur, relativ natürlich, trotzdem so schön und lebenkräftig dasteht, wie auch anerkannt im In- wie im Auslande, so ist das einigen patriotischen Schriftstellern und Maecenen zu danken, welche mit glühender Liebe, zähem Fleisse, eiserner Geduld, selbstlosem Opfersinn und beispielmässiger Opferfreudigkeit ihren Geist, ihre Kraft, ihre Karriere, ihre Zeit, ihr Geld in den Dienst der nationalen Idee und Litteratur gestellt haben. Wahrlich, zu solchen Männern darf sich die wendische Litteratur gratulieren und Mutter Łužica kann mit Recht auf solche Söhne stolz sein!

Nach diesem allgemeinen Ueberblick über Lage und Verfassung des wendischen Schriftthums wollen wir jetzt einige Streiflichter speciell auf die poetische, wissenschaftliche und journalistische Litteratur der Wenden werfen. — —

I. Poesie.

Die Poesie ist der sicherste Gradmesser in der Kunst und Kultur jeden Volkes. Gilt dieses Wort im allgemeinen, muss es auch im einzelnen wahr sein, muss es auch gelten für das Wendenvolk. Und dann, natürlich wiederum nur relativ genommen, dann giebt dieses Wort den Wenden ein schönes Zeugnis. Von der Kunst im Grossen kann selbstverständlich bei den Wenden schon wegen ihrer numerischen Unbedeutendheit und wegen der socialen Lage der Bevölkerung keine Rede sein, wohl aber von der

Pflege der Poesie. Und darin hat das Volk im Laufe der Jahrhunderte Schönes geleistet; Beweis dafür sind die zahlreichen Volkslieder, Märchen und Sprichwörter. Der poetische Zug liegt, wie in der grossen slavischen Völkerfamilie überhaupt, auch im Charakter des Wendenwaisenmädchens. Und als das Volk zu Anfang des vorigen Jahrhunderts in seinem überlangen Schlafe sich zu regen begann und zum nationalen Selbstbewusstsein erwachte, trat auch sofort der wendische Dichter mit seiner Leier auf den Plan.

Adolf Černý—Praha, Redakteur des «Slovanský Přehled», hat mit ausseŕordentlicher Fachkenntnis und sorgfältiger Liebe im Slovanský Přehled 1901—1902 die Thätigkeit der wendischen Dichter kritisch beleuchtet und gewürdigt unter dem Titel: «Sto let lužickosrbské poesie».

Insbesondere war es Handrij Zejleŕ, welcher mit starker und glücklicher Hand den wendischen Pegasus zäumte, sattelte und ritt und rund fünfzig Jahre die wendische Litteratur beherrschte. Um ihn schaarte sich eine Menge von Schülern. Aus Zejleŕ's Dichterpleiade sind zu nennen Wjacsławk, Waŕko, Cyž, Radyserb, Dučman, Fiedleŕ, Domaška, Ćěsla, Bjedrich; alle aber blieben nur Nachtreter Zejleŕ'scher Poesie, ohne neue Ideen zu bringen, neue Motive einzuführen, neue Bahnen zu betreten, ja meist auch, ohne in der Nachbildung das Vorbild des Meisters zu erreichen.

Zejleŕ dichtete zwar im Geiste und in der Form des Volksliedes, brachte aber trotzdem die wendische Poesie um ein gewaltiges Stück vorwärts. Seiner Thätigkeit als Dichter fehlte die technische Ausbildung, strenge Autokritik und was nicht zu unterschätzen ist, eine genügende Kenntnis anderer slavischer Sprachen; infolge dessen blieb ihm zum grossen Schaden die damals rasch und üppig aufblühende slavische Poesie fremd.

Zejleŕ's kritisch gesichtete und gesammelte Werke gab Prof. Dr. E. Muka in vier starken Bänden im Verlage der wendischen studierenden Jugend 1884—1888 heraus.—

Bald nach Zejleŕ's Tode (1872) setzte Jakub Ćišinski ein (1875) (Pseudonym für Jakub Bart). Geboren 21. August 1856 zu Kukow, einem Dorfe drei Stunden westlich von Budyšin entfernt; er studierte katholische Theologie in Prag (Praha); war als katholischer Geistlicher in verschiedenen Stellungen thätig, gieng zum 1. Juli 1903 in Pension, um ganz der heimatlichen Kunst und Litteratur sich zu widmen.

Ćišinski befasste sich von frühester Jugend viel mit Poesie und mit der Technik und Aesthetik der Dichtkunst, studierte slavische Sprachen unter Leitung des ausgezeichneten Slavisten Prof. M. Hattala — Praha, arbeitete die wendischen und slavischen Volkslieder gründlich durch, bemühte sich Geist und Form der čechischen Poesie aus der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts eines Neruda, Hálek, Sládek, Heyduk, Čech,

Vrchlický in sich aufzunehmen und zu verarbeiten, verband damit das Studium der Litteratur des klassischen Alterthums, nachdem er sich auf dem Gymnasium bereits tüchtig in der deutschen Poesie umgesehen hatte.

Vorbereitet durch diese eingehenden Studien, ausgerüstet mit solchen Hilfsmitteln und, worin der Schwerpunkt ruht, von Natur mit Dichtertalent begnadet, griff er in die Saiten der wendischen Leier und warf sich mit glühender Begeisterung und mit jugendlicher Kraft auf alle Gebiete der Poesie. So entstanden neben vielen kleineren Arbeiten die Novellen «Ryćeŕkubleŕ», «Narodowc a wotrodźenc», das fünfaktige, erste originale wendische Drama «Na Hrodźišku», das vieraktige Lustspiel «Stary Serb» nach einem čechischen Vorbild. Dann folgten die Gedichtsammlungen «Kniha sonettow». Mit diesem epochemachenden Werke 1884 proklamierte Ćišinski seinen über die bisherige Technik und Form sowohl als über den bisherigen geistigen Horizont der wendischen Dichtkunst errungenen Sieg und gab deshalb dem Buche das Motto: Facta loquuntur auf den Weg, ein Wort, welches längere Zeit zur Begrüssung Cišinski's benutzt wurde, wie er seinem Drama «Na Hrodźišku» 1880, bei dem er noch mit technischen und auch sprachlichen Schwierigkeiten zu kämpfen hatte, als Anfeuerung zur muthigen Ausdauer das Motto: Tu ne cede malis, sed contra audentior ito! vorausgeschickt hatte. Dann folgen «Formy», «Přiroda a wutroba», «Serbske zynki», «Ze žiwjenja, «Krew a kraj». Unter der Presse befindet sich ein Band Lyrik: «Z wotmachom»; druckfertig liegen im Manuskript: «Z křidłom worjołskim» und «Z wyskom wótčinskim», welche nur auf einen Verleger warten.

Ueber Cišinski's Wirksamkeit im Dienste der wendischen Dichtkunst, über sein entscheidendes Eingreifen in die Fortentwickelung und Ausgestaltung seiner Muttersprache, über seine Erfolge und Errungenschaften für Sprache, Kunst, Litteratur und Volk seiner Wenden wollen wir einige Recensionen und kritische Beurtheilungen aus der Feder Anderer beibringen und bemerken dabei, dass wir absichtlich die heimatleiche wendische (serbische) Kritik übergehen und nur Stimmen aus dem Auslande aufführen.

Adolf Černý — Praha, welcher bereits in den Jahren 1886—1889 in verschiedenen čechischen Zeitschriften vielfach über Ćišinski geschrieben und dessen Gedichte zahlreich und überaus glücklich und trefflich in die čechische Sprache übertragen hatte, schreibt in der illustrierten Wochenschrift «Světozor» — Praha in der Nummer von 13. November 1893:

«Wir bringen heute das Bild des besten wendischen Dichters, ja, wir würden nicht fehl gehen, wenn wir sagten, das einzigen wendischen Dichters in gegenwärtiger Zeit. Alles übrige besteht keineswegs vor einer auch nur etwas ernsten Kritik . . . . Um so mehr hebt sich Ćišinski's Talent hervor, ein wirkliches Dichtertalent». Dann zieht er eine Parallele zwischen Zejleŕ

und Ćišinski und fährt fort: «Zejleŕ war ein vorzüglicher Volksdichter, Ćišinski ist ein durch und durch moderner Dichter... Zejleŕ's Form ist leicht, nähert sich überwiegend der Form des Volksliedes, Ćišinski's Form ist vollendet, ausgefeilt, fehlerfrei; ein specifisches Charakteristikon derselben bildet die Knappheit im Ausdrucke, welche sich stellenweise nicht einmal in der czechischen Sprache erreichen lässt. Wie vollendet Cišinski die Form beherrscht, zeigt er schon mit seiner «Kniha sonettow», als Meister der Form stellt er sich vor in seinen «Formy».... Ueber die Behandlungsart der Materie schreibt er von beiden: «Dort, wo Zejleŕ die Natur mit frischen, satten, Wirklichkeit hauchenden Farben malt, senkt Ćišinski sein Haupt in die Hände und überlegt und überlässt sich Reflexionen.

Zejleŕ malt das Leben seines Volkes, Cišinski sucht neben den Farben des Volkslebens auf den wendischen Dörfern auch die Schatten der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft, ihm liegt das Schicksal seines Volkes am Herzen, er grübelt nach über dessen vergangene und gegenwärtige Geschicke, ja er zieht in seine Betrachtung auch dessen künftiges Geschick, kurz, er überlässt sich Reflexionen. Zejleŕ sprach zum Volke mit dem Volksliede, Ćišinski wendet sich an die Führer des Volkes, an die Intelligenz»...

Jaroslav Vrchlický, der gefeierte Dichterfürst des czechischen Parnasses, hebt in einer längeren Recension aus dem Jahre 1889 unter anderem hervor: «Cišinski's Klassicität, die tadellose Korrektheit der Technik, die vollendetste Ausciselierung der Sprache und Form, die Grossartigkeit der Phantasie, die Schönheit und Neuheit der poetischen Bilder, die Tiefe und Erhabenheit der Ideen, die koncinne Fassung des Ausdruckes» ...

Der französische Kritiker Baron d'Avril nennt in einer Abhandlung über die Poesie Ćišinski's in der «Rev. franç». — Paris 1895 Ćišinski «le plus grand poète des Vendes». Dieser Abhandlung waren auch Proben aus Ćišinski's Gedichten in französischer Uebersetzung beigefügt.

Alfons Parczewski — Kalisz, Advokat und Schriftsteller, ist der Ansicht, dass Niemand die wendische Sprache so kennt und beherrscht wie Ćišinski. Dessen Schwester Melania hat übrigens zahlreiche Gedichte Ćišinski's in feiner Weise ins Polnische übertragen.

J. E. Holan — Nižnij Nowgorod, Prof. und Staatsrath, schreibt gelegentlich des Puškin-Jubiläums 1900, dass Ćišinski eine ähnliche Bedeutung habe wie Puškin. Wie Puškin den Russen, so habe Ćišinski den Wenden erst die wendische poetische Sprache geschaffen.

Der deutsche Kritiker Georg Adam — Rostock schreibt in dem bereits citierten «Litterarischen Echo» Berlin, 1900: «Neue Motive und poetische Eigenart brachte Jakub Ćišinski, dem gegenwärtig unstreitig die Führerschaft in der wendischen Litteratur gebührt.

Im Jahre 1880 trat er in die Öffentlichkeit mit einem fünfaktigen Drama «Na Hrodzišku» . . . welches schon auf die starke lyrische Begebung des Dichters hinwies. . .

Im Gegensatze zu der naiven Lyrik Zejleŕ's, der harmlos ursprüngliche und einfache Gefühle in seinen Liedern zum Ausdrucke bringt, der die Natur mit den hellen, treuen Augen des Naturkindes sieht und ohne Grübeln wiedergiebt, was er gesehen und empfangen, stehen die für Ćišinski's Wesen charakteristischen Dichtungen zumeist im Banne schwerer Gedanken; was des Dichters Herz und Geist bewegt, das trägt er hinein in die Natur, von den Erscheinungen und Ereignissen in ihr spinnen sich ihm Verbindungen zu dem Schicksale seiner Person und seines Volkes, seines Volkes, dem er mit ganzer Seele ergeben ist, um dessen Verfall er in wehmüthigen Klageliedern trauert, dessen Reste er aber mit markigen Weckrufen zu neuem Leben führen möchte. Der Werth der Ćišinski'schen Dichtungen liegt indess nicht nur in ihrem Inhalte, sondern auch in der vollendeten Reinheit und Schönheit der äusseren Form die von künstlerischer Schulung zeugt».

Am 25. und 26. September 1900 feierte Ćišinski sein 25 jähriges Schriftstellerjubiläum. Bei dieser Gelegenheit schrieb Radyserb-Wjela, der achtzigjährige Nestor der wendischen Dichter über Ćišinski: «Einen universalen Dichter von seiner Genialität haben wir bisher nicht gehabt, und schwerlich dürfte ein Anderer seines Gleichen jemals wieder kommen. Sein Name wird im Wendenvolke glänzen in alle Zukunft».

Adolf Černý schrieb in der illustrierten Wochenschrift «Zlatá Praha» unterm 5. Oktober 1900: «Ćišinski hat den Wenden die poetische Sprache erst geschaffen und hat als Erster den poetischen Horizont erweitert, welcher bis zu seiner Zeit auf einen engen Kreis, durch Zejleŕ's Volkspoesie gekennzeichnet, beschränkt war».

Prof. Josip Milaković—Sarajewo bringt in der illustrierten Zeitschrift «Nada» Sarajewo zum 15. November 1900 eine sehr ausführliche Recension über Ćišinski's Wirksamkeit mit zahlreichen Citaten in wendischer Sprache; später brachte derselbe Proben in kroatischer Uebersetzung.

Im Jubiläumsdiplom, welches am 26. September 1900 überreicht wurde, wird Ćišinski gefeiert als «Meister der wendischen Sprache, Bahnbrecher der wendischen Muse für Reim und Rythmus, Gründer des Ruhmes des wendischen Namens ausserhalb der Lausitz».

Ćišinski hat es frühzeitig verstanden, sich von fremden Einflüssen frei zu machen, eigene Wege zu gehen, die poetische Materie subjektiv zu durchsäuern und ihr Form und Farbe seines Geistes aufzuprägen; entsprechend seinem energischen und impulsiven Charakter hat sich in ihm eine

Dichterindividualität ausgebildet in dem Grade, dass auch ohne Unterzeichnung jedes Gedicht sofort und sicher als von ihm geschrieben erkannt wird.

Gegenwärtig steht Ćišinski in seinen besten Mannesjahren und auf der Höhe seiner lyrischen Schaffenskraft.

Leider hat er in seinem Volke keine Schüler gefunden; zu nennen wäre höchstens Jan Wałtaŕ, dessen Liedermund aber leider seit einigen Jahren verstummt ist. Dies ist um so mehr zu bedauern, und um so schmerzlicher zu beklagen, als den in litterarischer Arbeit ergrauten Veteranen aus dem vorigen Jahrhundert die treue, nimmer müde Feder den müden Händen allmählich entgleitet.

Unwillkührlich drängt sich die Frage auf, woher diese eigenthümliche Erscheinung? zumal da vor 25 Jahren ein frischer Zug der Begeisterung durch die wendische studierende Jugend ging und so manchem die Liebe und Lust zum Liede die frische Feder in die junge Rechte drückte. Die Antwort hatten wir schon im ersten allgemeinen Theile unserer Abhandlung gegeben: Der Grund liegt in den ungeheueren Schwierigkeiten mannigfacher Art, mit denen der wendische Schriftsteller zu kämpfen hat. Ganz richtig urtheilt darüber das uns bereits bekannte Litterarische Echo-Berlin 1900: «Viel Mitstrebende und Nachfolger hat Ćišinski nicht gefunden . . . Die bei den kleinen slavischen Nationen so häufige Erscheinung, dass mancher, der vielleicht einen verheissungsvollen Anfang gemacht hatte, von den Schwierigkeiten, die sich hier dem Schriftsteller in besonderer Menge entgegenstellen, zurückgeschreckt, sich ganz von der Litteratur abwendet, ist auch bei den Wenden zu beobachten». Und wir müssen leider hinzufügen, sich nicht blos von der Litteratur abwendet, sondern sich von aller idealen und geistigen Thätigkeit und Theilnahme zurückzieht und thatsächlich ein fast nur animales Leben führt. —

Zum grossen Glücke treten in letzter Zeit zwei neue jugendliche Namen immer mehr und stärker in den Vordergrund: Mikławš Andricki, von dem das bereits mehrfach genannte Litterarische «Echo» treffend bemerkt: «Aus dem Kreise der Jüngsten heften sich die meisten Erwartungen an Mikławš Andricki, der die Redaktion der «Łužica» führt».

Sein Hauptgebiet jedoch ist die journalistische Litteratur, weshalb wir bei Abhandlung derselben auf ihn zurückkommen werden.

Der zweite ist Jurij Wingeŕ, welcher einige schöne Erzählungen veröffentlichte und 1902 ein vieraktiges Schauspiel «Na wumёnku» frei nach einem deutschen Originale bearbeitet herausgab, welches bereits einige Male mit gutem Erfolge aufgeführt wurde. Wingeŕ zeichnet sich dadurch aus,

dass er wunderschön den einfachen, anspruchslosen Volkston trifft und ein reines, ansprechendes Wendisch schreibt. In ihm steckt entschieden das Talent eines echten Volkserzählers.

Von den Alten ist und bleibt Jan Radyserb unermüdlich thätig in kleinen Erzählungen, welche sich, wenn man sich an seine manierierte Diktion und an seine nicht immer glückliche Neubildung von Wörtern gewöhnt hat, leicht und gefällig lesen und immer wieder neues Interesse wecken. In letzter Zeit hat er besonders originelle Gnomen und Epigramme publiciert.

Nebenbei zeigt sich zwar da und dort ein neues Gedicht, eine Reiseskizze, eine Uebersetzung oder Umarbeitung: jedoch sind alles dieses mehr Versuche und können nicht und wollen nicht unter die Lupe unserer Kritik genommen werden. — —

Wenn wir also die wendische poetische Litteratur zu Anfang des XX Jahrhunderts überblicken und wenn wir uns die angeführten Recensionen und Urtheile des Auslandes über Ćišinski's Thätigkeit und Bedeutung vor Augen halten, so können wir zufrieden sein und werden bezüglich Ćišinski's finden, dass ein prophetisches Wort des hervorragendsten Wiedererweckers des wendischen nationalen Bewusstseins, des Commandeurs des russischen St. Annenordens J. E. Smoleŕ, welcher von der Gloriole eines Volkspatriarchen umstrahlt in dankbarster Erinnerung seiner Wenden steht, sich erfüllt hat. Als Smoleŕ nämlich 1880 Ćišinski's Drama «Na Hrodźišku» gelesen hatte, drückte er dem damals jungen Ćišinski die Hand und sprach enthusiasmiert: «Sie werden einstens über die wendische Sprache und Litteratur herrschen»!

II. Wissenschaft.

Was die wissenschaftliche Litteratur der Wenden betrifft, so sagten wir schon früher, dass wie von der Kunst im Grossen, auch von der Wissenschaft im Grossen keine Rede sein könne, sondern dass dieselbe hauptsächlich sich darauf beschränkt, was das Volk gewissermassen zum täglichen Brote nöthig hat. Es wird also eine national-praktische Wissenschaft gepflegt. Daraus ist zu erklären, dass sich dieses Gebiet der Litteratur immer einer regen Mitarbeiterschaft seitens der wendischen Intelligenz zu erfreuen gehabt hat. Naturgemäss warf man sich mit Vehemenz und von allen Seiten auf die Philologie, um, wie wir im allgemeinen Theile zeigten, die seit Jahrhunderten vernachlässigte und daher verrottete Sprache zu reinigen, zu veredeln, auszubauen und zu heben. An dieser ebenso verdienstvollen wie

schwierigen Arbeit betheiligten sich im vorigen Jahrhundert Zejleŕ, Jordan, Pful, Smoleŕ, Buk und Hórnik, die Koryphaeen der wendischen Sprachwissenschaft; später schlossen sich ihnen an Muka, Ćišinski, Libš, Kral, Handrik.

Als Centralorgan dieser Thätigkeit dient der «Časopis Maćicy Serbskeje» unter Redaktion Smoleŕ's und Hórnik's. «Ihr würdiger Nachfolger in der Gegenwart ist Prof. Dr E. Muka, der Redakteur des «Časopis Maćicy Serbskeje», der sich um die Erforschung der wendischen Sprache und des wendischen Volksthums reiche Verdienste erworben hat». So schreibt das bekannte «Litterarische Echo» Berlin 1900, und das mit vollem Recht.

E. Muka, geboren 10. März 1854 zu Weliki Wosyk, einem Dorfe zwei Stunden westlich von Budyšin entfernt, studierte auf den Universitäten Leipzig und Jena neben klassischer Philologie slavische Sprachwissenschaft, welchem Studium er trotz der Arbeitslast, die ihm sein Beruf als sächsischer Gymnasialprofessor auferlegt, mit unermüdlichem Fleisse obliegt. Die wendische Philologie speciell treibt er in allen Richtungen, wie die zahlreichen Abhandlungen im «Časopis Maćicy Serbskeje» bekunden.

Als selbständiges Werk publicierte er im Jahre 1891 die vergleichende Grammatik der Niedersorbischen Sprache, mit dem Ehrenpreis der Fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft der Wissenschaften an der Leipziger Universität ausgezeichnet. Gegenwärtig benützt er seine freie Zeit und Kraft zur Abfassung eines vollständigen Niederlausitzer Wörterbuches, das zugleich auf den Oberlausitz-wendischen Sprachschatz Rücksicht nehmend alle westslawischen Sprachen vergleichend heranzieht, also eine Art vergleichenden Wörterbuches der westslavischen Sprachen werden wird, eines ebenso wichtigen wie unendlich schwierigen Werkes. Bisher gab es nämlich blos eine ganz unvollständige, unvollkommene und fehlerhafte kleine Wörtersammlung der Niederwendischen Sprache von Zwahr, die längst vergriffen ist.

Prof. Dr. Muka ist aber nicht blos ein durch und durch gediegener Philologe, sondern auch ein bedeutender Folklorist, Statistiker, Geograph und Historiker. Kaum dürfte es überhaupt ein Gebiet der wendischen Litteratur geben, mit welchem der Name Muka nicht eng verknüpft wäre.

Dazu ist er ein echt wendisch-treuer und unbeugsamer Charakter, durchströmt von der glühendsten und opferfreudigsten Liebe zu seinen Wenden, weshalb ihm unstreitig die Führerrolle des Volkes zufallen musste.

Seine hervorragenden Verdienste sind von Auslande zu wiederholten Malen in herrlicher Weise anerkannt und ausgezeichnet worden. So wurde er zum Mitgliede der Akademien der Wissenschaften von Krakau, Prag, Agram und Belgrad ernannt; er wurde geschmückt mit dem serbischen Officierkreuz und Comthur des hl. Sawa und mit dem russischen St. Stanislaus-

orden. Aber trotz dieser hohen Auszeichnungen ist und bleibt Prof. Muka in geradezu rührender Weise der bescheidene Wende und Gelehrte und ist auch hierin seinen beiden unvergesslichen Vorgängern Smoleŕ und Hórnik gleich.

Dass Prof. Muka gegenwärtig die Führerschaft in der wendischen wissenschaftlichen Litteratur gebührt, ist eine ausgemachte Sache und hoch über jeden Zweifel erhaben. Er ist in der wissenschaftlichen Litteratur für uns Wenden so zu sagen das viel aufgesuchte Orakel von Delphi.

Neben Muka arbeitet auf philologischem Gebiete Jan Radyserb-Wjela, welcher mit wahrem Bienenfleisse insbesondere Worte und Wendungen aus dem Volksmunde sammelt und durch seine zahlreichen derartigen Beiträge im «Časopis Maćicy Serbskeje» zur Vervollständigung des wendischen Wörterbuches von Pful ganz Hervorragendes leistet.

Auch in der Folkloristik hat sich derselbe einen Ehrenplatz gesichert. Im Jahre 1902 erschien unter Redaktion und im Verlage des Prof. Muka sein Hauptsammelwerk: «Přisłowa a přisłowne hrónčka a wusłowa Hornjołužiskich Serbow». Dieses über 9000 Sprichwörter und Sprüche umfassende Werk ist eine eminent wichtige und werthvolle Publikation nicht blos für die wendische, sondern auch für die slavische Folkloristik. Sie gewährt einen interessanten Einblick in die geistige Werkstätte des wendischen Volkes, in das Denken seines Kopfes, in das Fühlen seines Herzens, in seine Lebensauffassung und Lebensführung. Die weitaus grösste Zahl der Sprichwörter bezieht sich inhaltlich naturgemäss auf landwirthschaftliches Gebiet, weil ja die Wenden fast durchweg Landwirthe sind. Dabei ist aber Vieles in Auffassung und Ausdruck des Gegenstandes so urwüchsig, köstlich realistisch und specifisch wendisch, dass das Lesen dieses Buches das Interesse voll und ganz in Anspruch nimmt; mit einem Worte, eine Publikation von bleibendem Werthe!

Ferner ist auf dem Gebiete der Philologie und Folkloristik sehr rührig Matej Handrik, zumal in der Sammlung und Aufzeichnung von Volksgebräuchen an der Sprachgrenze der Ober- und Niederlausitzer Wenden.

Adolph Černý hat sich neben zahlreichen anderen Verdiensten um Volk und Sprache der Wenden — er ist der «wendische Konsul» jenseits der schwarz-gelben Grenzpfähle — einen klangvollen Namen gemacht durch eine breit angelegte und durchaus erschöpfende Studie über die wendische Mythologie, herausgegeben im Verlage von M. Hórnik und E. Muka unter dem Titel: «Mythiske bytosće łužiskich Serbow».

Leider ist einem sehr tüchtigen Sprachkenner, unserem bedeutendsten Syntaktiker, dessen bereits ehrend gedacht wurde, Jurij Libš, in neuerer Zeit die Feder scheinbar ganz entfallen. Schade, sehr Schade!

Im historischen Fache sind nennenswerth Dr. Jurij Pilk, Dr. Renč, J. Šewčik, Custos des wendischen Museums, Alfons Parczewski. Als Hauptgeschichtswerk bleibt jedoch die «Historia serbskeho naroda» von M. Hórnik.

Das Feld der Naturwissenschaften, welches früher lange Jahre in Michał Rostok seinen fleissigsten Bebauer hatte, liegt gegenwärtig so gut wie brach.

Und nun noch ein Schlusswort zur theologischen Litteratur.

Die Wenden sind durch und durch religiös in Gesinnung und Lebensweise. Diese ihre feste Religiosität hat ja auch mit einen Hauptfaktor in der Erhaltung ihrer Sprache und Nationalität gebildet und ist heute noch eine Hauptstütze ihrer nationalen Existenz. Demnach müsste man füglich meinen, dass gerade in der theologischen Litteratur der Wenden viel und fleissig gearbeitet worden ist und wird. Dem ist jedoch nicht so. Allerdings weist dieses Fach quantitativ mehr Bücher auf, als jedes andere; man brauchte eben diese Hilfsmittel beim Unterrichte in der Schule und beim Gottesdienste in der Kirche, oder man wollte dieselben dem Volke zur Erbauung in die Hand geben. Diesen günstigen Umstand hätte man benützen sollen, um auch sprachreinigend und sprachbildend auf das Volk einzuwirken; jedoch, es ist vielfach nicht geschehen und geschieht auch heute noch nicht genügend. Es sind nur zwei Erklärungsgründe denkbar, entweder man kann es nicht, oder man will es nicht.

Besonders die Art und Weise, wie in den wendischen Kirchen hie und da gepredigt wird, liegt vielfach im Argen; hier muss eine durchgreifende Reform eintreten! Was hie und da dem gutmüthigen Volke von der Kanzel zugemuthet und dargeboten wird, ist schauerlich.

Auf evangelischer Seite sucht man sich zwar an die Form der Schriftsprache zu halten, dafür wird aber um so mehr der Geist der Sprache, Syntax und Verbum, maltraitiert; auf katholischer Seite tritt hinzu, dass man sich auch wenig um die Schriftsprache kümmert, sondern im gewöhnlichen Jargon des Volkes die erhabensten Warheiten des Evangeliums darbietet; das ist zum mindesten und gelindesten gesagt, unwürdig. Allerdings giebt es rühmliche Ausnahmen auf evangelischer wie auf katholischer Seite.

Kein Wunder, dass sich deshalb die Stimmen des Unwillens aus der Mitte des Volkes mehren und täglich lauter werden. Dazu kommt auf evangelischer Seite die notorisch schlechte Uebersetzung der Bibel hinzu! Den katholischen Wenden hat der unsterbliche Michał Hórnik eine geradezu klassische Uebersetzung des Neuen Testamentes geschenkt. Warum acceptieren die Protestanten diese Uebersetzung nicht?!

Aus den vorhandenen Andachts- und Erbauungsbüchern lässt sich zwar eine ganz nette Sammlung herstellen; hervorzuheben ist die Thätigkeit von

H. Dučman für die katholischen und Jmiš und Domaška für die evangelischen Wenden. Allein eine Sammlung von Predigten, abgesehen von der ausgezeichneten «Domjaca klětka» des Dr. theol. Imiš, welche befriedigte, giebt es nicht; auf katholischer Seite ist noch nicht einmal ein Versuch dazu gemacht worden.

Ein gediegenes in einer dem erhabenen Inhalte entsprechenden reinen, gewählten und gehobenen Sprache abgefasstes grosses Predigtwerk und ein neues Sonn- und Festtagsperikopenbuch zu edieren, das sollte die erste Sorge der wendischen Geistlichen sein!

Ein reines, gutes, korrektes Wendisch an gottgeweihter Stätte verlangt schon die Achtung und Ehrfurcht der Religion, verlangt aber auch die Liebe zum Volke, welches, wie gesagt, in seiner religiösen Gesinnung und Treue immer eine Hauptstütze seiner Sprache und Nationalität gehabt hat. Dass hier und zwar bald eine Wandlung zum Besseren eintreten möchte, das gebe Gott!

III. Journalistik.

Am stärksten pulsiert das Leben selbstverständlich auch bei den Wenden in der journalistischen Litteratur.

Ueber die Wichtigkeit und Macht der Presse auch nur ein Wort verlieren zu wollen, wäre einfach lächerlich. Da nun den Wenden bis ziemlich zur Hälfte des vorigen Jahrhunderts eine Presse in wendische Sprache bis auf einige schwache, schnell vorübergehende Versuche unbekannt war, so können wir daraus entnehmen, wie wir das im allgemeinen Theile bereits kurz berührten, in welch' einen tiefen Stumpfsinn das Volk infolge der theilnahmslosen Kälte seiner Intelligenz, seiner Lehrer und Geistlichen versunken war.

Als sich um diese Zeit endlich auch bei dem Wenden das nationale Selbstbewusstsein, die nationale Idee, zu regen begann, machten sich die Rufer in diesem national-geistigen Streite auch sofort an die Gründung einer wendischen Presse, um durch dieselbe das Volk zu wecken, aufzuklären, zu heben und sein Interesse für die nationale Frage und für die nationale Arbeit zu gewinnen.

Als erstes Blatt in dieser Beziehung tauchte die «Jutrnička», gegründet von Dr. Pětr Jordan, auf im Jahre 1842.

Sehr bezeichnend und glücklich gewählt war der Name der neuen Zeitung, Jutrnička-Morgenstern; hier galt thatsächlich das Wort nomen est omen; durch die Gründung der Presse sollte dem wendischen Lande der Morgenstern aufgehen, dem wendischen Volke neues Leben beschieden

werden. Und der glänzende Erfolg bestätigte es, dass man einen glücklichen Griff gethan hatte, ja, übertraf die kühnsten Erwartungen. Wohin immer die Strahlen des Morgensternes drangen, wich das Dunkel trauriger Nacht, das Volk stand auf, schloss sich in nationale Vereine zusammen, zog mit wendischen Fahnen von Dorf zu Dorf und gab seiner Freude und Begeisterung Ausdruck durch Veranstaltung glänzender Volksversammlungen und Volkskonzerte.

Das war eine köstliche, grosse Zeit in der Auferstehungsgeschichte des wendischen Volkes!

Die «Jutrnička» lösten 1842 die «Tydźeńske Nowiny» ab, anfänglich von H. Zejleŕ redigiert, später und bis jetzt «Serbske Nowiny» genannt, eine Gründung des Patrioten J. E. Smoleŕ.

Mit der Gründung der «Maćica Serbska» 1847 fällt zusammen die Gründung des «Časopis Maćicy Serbskeje».

Für Unterhaltung und Belehrung im höheren Stile wurde, nachdem die «Měsačna Přiłoha» vorangegangen war, 1860 der «Łužičan» von M. Hórnik ins Leben gerufen und von J. E. Smoleŕ verlegt, welcher mit einer dreijährigen Uebergangsperiode durch die Lipa Serbska unter Ćišinski's Redaktion durch Dr. E. Muka 1882 in die heutige «Łužica» umgebildet und erweitert ward.

Zum grossen Jubiläum der Jahrtausendfeier der Slavenapostel Cyrill und Methodij 1863 gründete M. Hórnik den «Katholski Posoł».

Dr. theol. Imiš hatte bereits 1842 den «Missionski Posoł» in's Leben gerufen, zu welchem sich 1886 der «Pomhaj Bóh» gesellte.

Fast zu gleicher Zeit mit Gründung der «Maćica Serbska» erschien der erste wendische Kalender «Předźenak», welcher sich bis in die Gegenwart erhalten hat; im Jahre 1867 bekam er einen Genossen in dem Kalender «Krajan», der gleichfalls bis jetzt erscheint.

Den Redakteuren der Kalender ist nicht genug zu empfehlen, in den Kalendern recht eingehend und recht warm mit wendischen Fragen und Angelegenheiten sich zu befassen und das patriotische Gefühl von Jahr zu Jahr anzufeuern; denn der Kalender bildet jene Lektüre, zu welcher das gewöhnliche Volk im Laufe des Jahres immer und immer wieder zurückgreift.

Nach diesem kurzen historischen Ueberblick über die wendische Journalistik wollen wir den gegenwärtigen Stand derselben ins Auge fassen!

Wegen ihrer Gediegenheit, Allseitigkeit und Wichtigkeit für das nationale Leben steht die «Łužica» an der Spitze der wendischen Zeitschriften, wenn sie aus inneren und äusseren Gründen monatlich auch nur ein Mal mit regelmässig wiederkehrenden wissenschaftlichen Beilagen erscheint. Sie füllt ihre Spalten mit poetischen, belletristischen, künstlerischen, wissenschaftlichen

und nationalökonomischen Beiträgen, sie führt eine kurze Chronik des wendischen Vereinslebens bis hinab zu den Personalien einigermassen bedeutender Wenden, sie bietet ein wahres und interessantes Bild des geistigen Schaffens und Wirkens des wendischen Volkes. Sie ist das einzige literarische Blatt der wendischen Intelligenz; zudem vermittelt sie auch den geistigen und literarischen Verkehr mit den übrigen Slaven.

An der Spitze derselben als Redakteur stand von 1882—1895 Dr. J. Muka und steht seit 1896 der bereits genannte Mikławš Andricki, geboren 30. Mai 1871 zu Pančicy, einem Dorfe drei Stunden westlich von Budyšin entfernt, er ist als katholischer Geistlicher in seiner wendischen Heimath thätig.

Andricki führt eine leichte, schnelle, gewandte und schneidige Feder, er ist wie geschaffen für einen Litteraten, Kritiker und Publicisten, er versteht und beherrscht in ausgezeichneter Weise die wendische Sprache, ein glücklicher Vorzug, den er seiner Kenntnis der slavischen Sprachen und seiner Vertrautheit mit slavischen Litteraturen verdankt, er ist auch ein energischer Mann, furchtlos uud treu, welcher sowohl sein Volk als auch seine eigene Ansicht und Thätigkeit auch nach oben hin zu vertheidigen und durchzudrücken versteht.

Mit solchen Eigenschaften, Talenten und Kenntnissen ausgestattet ist Andricki bei dem kühnen und genialen Schwunge seiner publicistischen Feder entschieden berufen, das wendische, nicht selten eigensinnige Völkchen der Journalisten zu dirigieren und Georg Adam hat im «Literarischen Echo» (Berlin 1900) gewiss Recht, dass «grosse Erwartungen an ihn sich heften».

«Časopis Maćicy Serbskeje» unter der trefflichen Redaktion des Prof. Dr. Muka erscheint jährlich in zwei Bändchen. Dieser bildet das Centralorgan für sämtliche national-wissenschaftliche Arbeiten und Bestrebungen der Wenden, zugleich gilt er als Chronik unseres bedeutendsten Vereines «Maćica Serbska».

In seinen bereits 110 erschienenen Heften bildet er eine herrliche Fundgrube und ein praktisches Nachschlagewerk für den wendischen Gelehrten.

«Serbske Nowiny», einzige politische Zeitschrift in grösserem Stile, erscheinen wöchentlich unter Redaktion des Marko Smoleŕ, eines Sohnes des berühmten Patrioten J. E. Smoleŕ, welche vom Volke viel und gern gelesen werden. Ihre Auflage beträgt durchschnittlich 4000 Exemplare. Leider wird unseres Erachtens in dieser Wochenzeitung das nationale Moment viel zu wenig hervorgehoben und wendisch-nationale Fragen und Angelegenheiten werden zu schwach und zu selten behandelt. Auch ist die Redaktion schwer zu bewegen, allmählich eine bessere Rechtschreibung einzuführen, wobei jedoch pekuniäre Rücksichten mitsprechen dürften.

«Katholski Posoł», kirchlich-politische Wochenzeitung, unter der langjährigen und bewährten Redaktion des Jakub Skala, um den sich gegenwärtig als Hauptmitarbeiter J. Nowak, J. Šewčik und M. Andricki glücklich zusammengefunden haben; ein überaus beliebtes Blatt, welches, da es speciell nur für die 12,000 katholischen Wenden herausgegeben wird und trotzdem in einer Auflage von 900—1000 Exemplaren erscheint, relativ wohl die verbreitetste und gelesenste Zeitung Europas sein dürfte.

Aehnliche Zwecke verfolgen für die evangelischen Wenden der «Missionski Posoł» unter Redaktion des Jan Křižan und der «Pomhaj Bóh» unter Redaktion des Jan Gólč, nur nicht, wie es scheint, in der gleichen glücklichen Weise und mit dem gleichen günstigen Erfolge. Der erste erscheint in monatlichen Heften, der zweite in wöchentlichen Nummern, beide ungefähr in derselben Auflage wie «Serbske Nowiny».

Beiden ist eindringlich anzurathen, was wir bereits bei den «Serbske Nowiny» bemerkten; und zu wünschen ist es, dass Lehrer und Geistliche sich fleissig und unablässig bemühen möchten, diese Blätter mehr unter das Volk zu bringen.

«Serbski Hospodaŕ», gleichfalls eine Gründung des unsterblichen Michał Hórnik, erscheint monatlich ein Mal unter Redaktion des Jakub Nowak und dient den landwirtbschaftlichen Interessen des Volkes.

Dieses Fachblatt, umsichtig geleitet und interessant geschrieben, könnte und müsste, weil der Inhalt direkt das Denken und Fühlen des ackerbautreibenden Volkes bildet und weil es so dem Volke direkt an's Herz greift und die Seiten seiner Seele zum Mitklingen bringt, unendlich Viel und Gutes für die Nation leisten. Wenn also der «Serbski Hospodaŕ» äusserlich keinen Anspruch auf Grossartigkeit macht, so liegt innerlich in ihm dennoch eine gewaltige Macht, welche bis zur Dominante der Volksseele gesteigert werden könnte; freilich müsste er öfterer erscheinen und inhaltlich sich vertiefen.

Das möchten sich übrigens alle unsere Journalisten merken und beherzigen, nämlich, so zu schreiben, dass sie die Seiten der Seele ihres Volkes zum Mitschwingen, zum Mitklingen bringen, dass sie ihr Volk erobern, seine Liebe, sein Vertrauen, seine Kraft gewinnen und es so mitarbeiten lassen an der Erhaltung und Förderung der wendischen Sprache und Nationalität. Gewiss eine schöne, hohe und edle Aufgabe!

Diese vorgenannten Zeitungen und Zeitschriften werden alle insgesammt gedruckt in Budyšin in der Buchdruckerei von Marko Smoleŕ, mit Ausnahme des «Missionski Posoł», der in Hoyerswerda (Wojerecy) erscheint.

Für die Niederlausitzer Wenden erscheint in Wojerecy unter Redaktion Šwjela's sen. der «Bramborski Casnik», eine politische, aber sehr wenig be-

friedigende Wochenschrift, ein karger Nothbehelf aus alter Zeit, welcher längst einem neuen Unternehmen hätte Platz machen müssen, das in grösseren Zügen und vor allem in mehr nationalem Geiste zu führen wäre. In der jetzigen Gestalt ist das Blatt ein trauriges Zeugnis für die traurigen Zustände der wendischen Niederlausitz. — —

Mit diesen Worten wäre so ungefähr im Grossen und Ganzen der Stand der wendischen Litteratur zu Anfang des XX. Jahrhunderts gekennzeichnet und gewerthet.

In diesem Ueberblicke wechselt Licht und Schatten, Erfreuliches und Betrübendes; nirgends tritt uns jedoch Niederschlagendes und Hoffnungsloses entgegen; im Gegentheil überall zeigt sich und rührt sich Lust und Liebe am nationalen Leben, an nationaler Arbeit, überall zeigt sich Muth und Kraft, zähe Ausdauer und opferfreudiger Sinn, dem Volke die höchsten Güter zu wahren und zu sichern.

Diesen erfreulichen Zug sehen wir insbesondere an den drei Männern Cišinski, Muka und Andricki, welche gegenwärtig das dreifache Gebiet unserer Litteratur dirigieren und beherrschen, Ćišinski das poetische, Muka das wissenschaftliche und Andricki das journalistische.

Es sind energische Männer von impulsivem Charakter, zielbewusste Fahnenträger der nationalen Idee, selbstloseste Patrioten, Idealisten durch und durch, welche mit peinlicher Vermeidung jeglicher Zwietracht, dieses slavischen Nationalfehlers, als wahre Brüder in schönster Eintracht und Harmonie zusammen und neben einander arbeiten und zu dem Einen höchsten Ziele hinsteuern, nämlich, dem über alles heissgeliebten, aber hart bedrängten und von Sturm und Kampf umtosten Wendenvolke eine bessere, glücklichere Zukunft zu fundieren.

O möge ihr herrliches, aber heisses und hartes Mühen und Arbeiten, Ringen und Kämpfen mit gutem Erfolge krönen jener Gott, von dem unsere Volkshymne so vertrauensvoll sagt: «Bóh je z nami, wjedźe nas!»

Wenn wir also nochmals einen Schlussrückblick auf die wendische Litteratur zu Anfang des XX. Jahrhunderts werfen, so dürfen wir mit voller Berechtigung dem bereits Eingangs citierten Urtheile des deutschen Kritikers Georg Adam, dass «ein solches Volk nicht danach aussieht, als ob es bald sterben wollte oder müsste», nicht blos beipflichten, sondern wir dürfen die gegründetste Hoffnung hegen, dass die Wenden bis in die fernsten Zeiten mit stolzer Begeisterung den siegesfrohen Refrain ihrer Nationalhymne singen werden:

Serbja Serbja wostanu,
Serbja dobydu!

Proben aus Jakub Cišinski's Gedichten.

Wichor na sewjernym morju.

Šěre mróčele přez njebjo ćěrja;
Z wětrom zmoha kołsa přeze zmohu...
Žołmy jako běłe konje k brjohu
W dźiwim čelčku po łucy so měrja.

Wětrec pohonč z dołhim křudom praska
Do nich, konje porsnu, na wšě štyri
Zahrabnu, kaž hrimot pódkow dyri,
W zmahowacych hriwach wichor mlaska.

Dale bóle pohonč do nich morska,
Konjow dźiwja črjóda z huby ješći,
Kaž ston styskniwy jich rjehot wrješći,
W pruhach syčatych dym z nosa porska...

Tak to dźe po mórskej zeleninje
Přeco dale w dźiwjokrasnym zmotu,
Hač so potom z mrějaceho skotu
Jako smjertny pót ješć na brjóh linje.

J. Ćišinski 1899.

Woka móc.

Kaž jězor twoje woko je;
W nim z błyskotom so njebjo hlada,
Wóń kwětkow brjohi wopoja,
Kaž flety zynk přez rohodź pada.

Tym žołmam kosy spěwaju
A tujawki so w hnězdźe směja
A sołobjki dźěłaju,
Hdyž złote w nocy hwězdy kćěja.

Te ptački moje žady su,
Kiž k twojemu so tłóča woku,
A z jeho kuzłom potajnym
So přeměnja do pěsni w skoku.

J. Cišinski 1889.

Lubosć k serbskej zemi.

O z kajkim słowom, tonom, wobrazom
Bych wuznać mohł, kak lubuju a haju
Swój serbski lud a kraj a rod a dom,
Hdyž z dušu, ze rtom, z ruku k njom so znaju?!

Rot wonĕmi, hdyž kóždy tłóči dych
Na jazyk k wuznaću to drohe mjeno;
Tu z włóžnoh' woka kće, štož prajić chcych,
Kak tebje lubuju, haj tebje jeno.

Hdyž woko wupłače so z luboscu,
Krew jako woheń přez žiły so lije,
Słyš, z wutroby rži z horcej hordosću,
Kak hori za tebje, za tebje bije.

A wutrobu hdyž bolosć rozprasnje,
Ta lubosć budźe k njebjesam sej žadać;
A nihdy zo mi lubosć njehasnje,
Chcu jako hwĕzda na tebje ja hladać.

J. Ćišinski 1889.

Kruta swĕra.

Prjedy wišeń zakće ćmowa,
Pos so z kóčku budźe wodźić,
Hač mi pomysli sej hłowa
Zaprĕć rĕč a z cuzym khodźić.

Prjedy w jamje z hłodom zderhnje
Šwinc, łža swĕry budźe znamjo,
Hač mi serbskosć zmyslow zdźerhnje
Žana móc a zlemi ramjo.

Prjedy jutře budźe wčera
A kral z konjom khodźić w płuzy,
Hač mi pĕseń spĕwać z pjera
Budźe sławu cuzej' Muzy.

Prjedy Sprjewja přez Pĕtrowu
Cyrkew póńdźe w Budyšinje,
Hač mi wutrobu a hłowu
Cuza lubosć k sebi spinje.

Prjedy hwězdy padać w khwatu
Budźa, mrěć w najhłubšim dole,
Hač mi lubosć z duše zmjatu
A mi krutosć torhnu z wole.

Prjedy měsac za dnjom masnje,
Słónco swěćić budźe w nocy
Hač mi we wutrobje hasnje
Woheń swěrny serbskej' mocy.

Prjedy paćeŕ z hele jusknje,
Prjedy Bóh so čertej klaknje,
Hač mi serbskosć w myslach wuskhnje,
Hač mi serbskej swěrje zmjaknje.

J. Ćišinski 1901.

Próstwa pěsnjerjowa.

Hdyž lěsy žołća so a brunja
A łuki přadu pawčiny,
Mi w duši žadosć prosy cunja
Za tajkim kuzłom ćišiny.

Zahł'wk z lěsa nazymskeje pychi
A slěbro pawčinow za płašć
A k bokej jědlow strowe dychi
Mi dajće, nic pak zrudny kašć!

Tak drěmać so mi budźe rjenje
A słuchać na sonow so hłós,
Hač listko z brězy kuknje prěnje
A k njebju zafifoli kós.

J. Ćišinski. 1901.

Wutrajće.

Hlej, nichtó ze sedłom njej' na khribjeće
So narodźił, nic z wotrohu na nozy!
Na zemi njebjo rune prawo pleće
A wšitkim ludam dešć a słónco wozy —

Na tymle zakładźe so čłowstwo twari,
A zbože z njeho do narodow kćěje.
Hdźež złósć a namóc w krajach hewrjekari,
Tam jandźel spłakuje a zbože mrěje —

Tuž, Serbja, dźeržće swojeho so prawa
A Boha; wón was z ruku sprawnej škita!
Tuž bjez stracha, hdyž pjasć pnje worakawa
Was. — Witka z brězy na prut juž je zwita!

J. Ćišinski 1901.

Pereat aurea mediocritas!

Mi njebjo do nutrinow pušćiło
Je, nihdy nic so spokojić ze srěnim;
To dźeń a bóle z wosudom so łušćiło
A dźěliło mje ze žiwjenjom lěnim.

Mje zahorješe mužow móc a spěch,
Hdyž młody hišće khodźach do penala;
Na šuli wysokej kaž płomjo běch
A mocy wótřach, wołach do rozwala...

Tak na serbowskej zemi do dźěła
Ja z wohnjom myslow, z mocu stawow stupich —
Ach w ćernjach lubosć je mje rozdrěła,
A hóřkich kapkow hižo wjele wupich!

Duch, kotryž k hwězdam spina zaměry,
Sej z charakterom w karierje škodźi;
Haj, wowcam lěsyca tež z papjery
Strach čini juž, a pos jich črjódu wodźi.

Swój swěru być chcu wšón a wostać swój
A škitać z pjerom individualnosć;
Njech howritej do rowa ból a bój,
Mi ničo njerozraze myslow skalnosć.

Štóž łahodny a mazny je, tón měd
Chce měć a karan, časć a z pjerjow zahłowk;
Hdźež w žiłach šumi krew a w myslach zlět,
Tón trjeba ze železa mječ a nahłowk. —

Ja sebi žiwy njejsym, Serbam być
Chcu wšón a swjećić pót a płód jim k zbožu;
Ja z duchom, z wutrobu a z ruku kryć
Jim dych a dom a wosrjedk chcu a włožu.

Štož činju, jim a za nich činić chcu
We swěrje, lubosći a we sprawnosći.
Njech pomoc, polóžk moje pěsnje su,
Hdyž njesměm móc jim swjećić swojich kości!

Syn serbskej' zemje ze krwju, z dušu sym,
A z njeju čěram wohnje, zdychi, złoby. . .
O ryjće, pěsnje, z kłokom wohnjowym
So Serbam do hłowy a do wutroby!

A čěram ze swojeho žiwjenja,
Kak dračowscy du hóřkosće a bědy,
Zo kował Serbam móc bych znjesenja,
Wjedł z wutraćom jich přez strachi a jědy.

Ja do ćmow, do ćežkotow, nasćelu
Jim jusk a jaknosć z kuzłom poesije
A sadźu sem tam kwětku k wjeselu,
Hdźež kała ćerń a kamjeń sylzu pije.

Ja chcu, zo ze Serbami pěseń by
Kaž sotra dźěłała, kaž družka spała,
A njesła z nimi dobry dźeń a zły,
So z nimi rudźiła, so z nimi smjała.

Ja w Serbach być chcył Serb najserbsćiši
We swěrnym myslenju a skutkowanju.
Kak rad chcył přeze wšitkich žiwiši
Za serbsku zemju być a wumrěć za nju!

Hdyž přińdźe smjerć, mi swětło z woči strěć!
Do kašća połožće mi moju lyru!
Dych jeje z rowa hišće dyrbi wěć
Tu moju lubosć k Serbam, moju swěru!

J. Ćišinski 1902.

Zapłata.

(Ballada w narodnym genru.)

A lipy na wsy kćějachu
A kosy w polach rěčachu.

A Bože žita wjazachu,
Do pupow snopy stajachu...

K połnocy njebjo hrožeše
A łastojčka so wožeše

A błyski seklowachu so,
A z hrimotanjom zarža dno —

«Do skoku, ludźo, wjazajće,
Do pupow snopy mjetajće!

Dešć šumi hižo wot Delan!»
Na žnjeńcow woła wótře pan.

A ke klakanju zazwoni,
Kaž z njebjes rozkaz wuhroni.

A kłobuk sebi sćahnychu
A rucy sebi styknychu..

«Wy ludźo, na mnje posł'chajće,
Tych paćerjow so wostajće!

Ja brjuch wam pjelnju, poju pysk.
Tón wrótny zaćěrju wam trysk».

Pan zakliwajo wudyri
A z hněwom wšón so rozpyri —

Błysk z njewjedrom na hubu klesny,
Pan mortwy na polo so wrjesny.

J. Ćišinski 1899.

Přećiwo štwórtej kazni.

(Ballada we wumjełskim genru.)

«Hdy joh' stajimy na mary,
Hdy naš statok budźe moj?
Hdy do rowa zlěze stary,
Hdy knjez skónčnje budu swój?»

Bórčeše hólc z kubła swarjo
Sej a z ruku hroželše.
A čink złóstny djaboł warjo
Do myslow jom' wožeše:

«K mudrej khwataj žonje w holi,
Swoju nuzu wuskorž ji!
Wona wukaže po woli
Radu spomožeńsku ći» — —

««Tak sy načakał so tola
A sej po srědk ke mni dźeš!?»»
«Wěš, hdźe starosće mje bola?»
««Dawno wěm, što wědźeć chceš»».

«Z połnej horšću do toleri
Pomasnu, hdyž srědk mi daš!»
««Haj wšak haj, hdyž nuza šeri,
K mudrej žonje puć dźe waš»».

Lestnje ze srědkom so droži.
Hólc horšć ćisny toleri.
Žona k zemi woči złoži,
Suchej rucy rozšěri:

«Skradźu suknju sej a škórnje
Ze jstwy nanoweje wzmi,
Zahrjebać, hdyž połnóc šmórnje
Nimo so, na kerchow dźi!

Nikomu pak njepikń słowa
A so nihdy njesměš kać!
Za tři dny, hdyž kerchow khowa
Suknju, kašć ma w domje stać»» —

Na kerchow hólc blědy dźěše —
Jemu horco bě a zlě —
Suknju, škórnje zarył běše,
Horcy pót sej z čoła strě —

Jeho łoji, jeho drapa,
Za khribjet so wěša jom',
Jemu kusa so do rjapa...
Wujachleny přihna dom.

Zymica z nim w łožu mjeta,
Dźiwje woko wudźěra,
Křikny, zo dom zatřepjeta —
Z djabołom so zadźěra...

«Nano, ty sy domoj zaso?»
««Jano luby, lež a spi!»»
«Pušć mje, djaso, pušć mje, djaso! —
Na kerchowje w zemi tči» —

«Škórnje mi a suknju dajće!
Wuhrjebać chcu khwatnje hić» —
««Hólcy, w skoku zwupřimajće
Jeho, zo so njemohł zbić!»»

«Dych mi tołče djas ze šije,
Dušu torha z klěšćemi».
««Změrom lež, to so ći dźije,
Ničo njestanje so ći»»!

Dźiwje stona, hroznje korči,
Z huby běły pěni ješć...
K ranju bliže ze rta storči
Krótki přebojazny wrěšć — — —

A hdyž zaso nóc so zběže
A swój čorny pušći płašć,
Přiwjezechu jom' do khěže
Čorny wobarbjeny kašć. —

J. Ćišinski. 1900.

О современномъ изученіи памятниковъ искусства въ Польшѣ.

O stanie historyi sztuki w Polsce daje nam pojęcie jej bibliografia, opracowana w dziele D-ra Ludwika i Finkla «Bibliografia historyi polskiej» drukowanem we Lwowie Krakowie od r. 1891 a jeszczc nieskończonem w I, II str. 1050—1142, to też nie mam potrzeby tej literatury cytować.

Studya nad romańską sztuką w Polsce posunęły się naprzód dzięki pracom Władysława Łuszczkiewicza ogłoszonym w Sprawozdaniach Komisyi historyi sztuki Akademii Umiejętności wydawanych od r. 1879 do chwili obecnej. Badania tego uczonego odnoszą się do architektury romańskiej. Opracował Łuszczkiewicz cały szereg romańskich kościołów. Praca jego niejednokrotnie musi być poprawiana i uzupełniana, ale można na podstawie jego badań dojść do obrazu architektury romańskiej w Polsce, czego dotąd nikt jednakże nie uczynił.

Rzeźba, malarstwo i przemysł artystyczny tej epoki nie zostały jeszcze nawet w ten sposób opracowane. O rzeźbie romańskiej w Polsce brakuje studyum. Omawiając architektoniczne zabytki Łuszczkiewicz nie jeden zabytek opisał, ale dawał rysunki niedokładne.

Malarstwo miniaturowe zostało opracowane przez prof. Maryana Sokołowskiego (głównie XI—XII w.) w pracach pomieszczanych w Sprawozdaniach t. VII przez autora niniejszego artykułu (miniatury biblioteki publicznej w Petersburgu). Z najnowszych prac wymienić należy Lehnera T. J. «Česka škola malířská XI věku», której to publikacyi wyszedł t. I w Pradze r. 1902. folio, nieobjęta Bibliografią Finkla a mająca związek z malarstwem miniaturowym w Polsce w XI w. Również tu wspomnieć należy o publikacyi: «Die Regensburger Buchmalerei des X und XI Jahrhunderts» von Georg Swarzeński Leipzig 1901, gdzie opracowano t. zw. kodeks emeramski biblioteki Katedralnej w Krakowie.

O przemyśle artystycznym porozrzucane są liczne wiadomości w cytowanych Sprawozdaniach Komisyi historyi sztuki, ale nie ma pracy przedstawiającej całości. Taki n. p. ważny zabytek jak drzwi katedry gnieźnieńskiej nie doczekał się należytego opracowania.

Jnne archeologiczne zabytki jak pieczęcie i monety, te mają bogatą literaturę. Pieczęcie zinwentaryzował ostatniemi czasy gruntownie prof. Fr. Piekosiński (w cytowanych Sprawozdaniach) a monety opisali przedewszystkiem Stronczyński[1]) i Em. Czapski[2]) a nadto mnóstwo cennych artykułów o numizmatyce znajduje się w piśmie «Wiadomości Numizmatyczno-archeologiczne» wydawanym w Krakowie przez Towarzystwo numizmatyczne. *Brak jednakże wydawnictwa, któreby obejmowało średniowieczne monety i dawało ich podobizny opracowując zarazem przedmiot krytycznie.*

Architektura gotycka została o ile to dotyczy Krakowa gruntownie opracowana w dziele Essenweina: «Die mittelalterlichen Kunst-Denkmale der Stadt Krakau». Nürnberg 1866, ale co się tyczy innych zabytków gotyckiej architektury nie posiadamy dobrej pracy.

O rzeźbie gotyckiej o ile ona wiąże się ze Stwoszem i jego szkołą mamy wyczerpujące studyum prof. Maryana Sokołowskiego p. t. «Studya do historyi rzeźby w Polsce w XV i XVI w.» w T. VII Sprawozdań. O malarstwie gruntownego studyum brak. Wyzyskuje te rezultaty badań monografia Bertholda Danna p. t. «Veit Stoss und seine Schule in Deutschland, Polen und Ungarn» Leipzig 1903.

O przemyśle artystycznym tej epoki istnieje wiele prac i komunikatów, jednakże nie dano dokładnego obrazu tej epoki.

Pieczęcie i monety tej epoki opracowano w cytowanych dziełach Stronczyńskiego i Czapskiego. Do sztuki Odrodzenia ważną pracą jest praca prof. M. Sokołowskiego «Die italienischen Künstler der Renaissance in Krakau». Repertorium für Kunstwissenschaft 1885 VIII.

Architektura Odrodzenia nie ma obejmującego całości studyum, podobnie i rzeźba. Najlepiej jeszcze opracowany jest dział malarstwa w pracy prof. Maryana Sokołowskiego p. t. «Hans Sues von Kulmbach» Sprawozdania T. II.

Przemysł artystyczny czeka opracowania.

Pieczęcie tej epoki romańskiej nie wydano, a monety opracowali ci sami Stronczyński i Czapski.

---

1) Dawne monety polskie dynastyi Piastów i Jagiellonów. 3. Części. Piotrków 1883—1885 in 4⁰.

2) Catalogue de la Collection des médailles et monaies polonaises du ... Vol I—III Pétersbourg 1871—1880 Vol. IV. Cracovie 1891. In 4-to.

Najmniej opracowano dział późniejszych stylów — ten leży niemal odłogiem.

O sztukach graficznych nie ma wyczerpującego studyum jakkolwiek są katalogi rycin i starych książek.

Gruntowniejszy katalog zbioru rycin Emeryka Czapskiego daje nam tylko materyał jak również Katalog druków Epoki Jagiellońskiej opracowany przez autora niniejszego artikułu p. t. «Spis druków epoki jagiellońskiej w zbiorze Emeryka hr. Hutten Czapskiego» Kraków 1900.

Syntetycznej pracy p. t. *Historya sztuki w Polsce nie ma*. Są tylko w dziele «Östereichisch-ungarische Monarchie in Bild und Wort». Galizien Wien 1898 spracowane działy architektury przez Władysława Łuszczkiewicza, rzeźby i malarstwa przez Maryana Sokołowskiego, przemysłu artystycznego przez Wł. Łozińskiego. Są to szkice bardzo pobieżne.

Sztukę w Poznańskiem opracowali Ehrenberg «Geschichte der Kunst im Gebiete der Provinz Posen». Berlin 1893. Praca to bardzo dyletancka i bez większej wartości.

Gruntowne aczkolwiek krótkie studyum obejmujące całokształt sztuki w Poznańskiem znajdujemy jako wstęp w dziele p. t. Kothe und Warschauer «Verzeichniss der Kunstdenkmale der Provinz Posen». Berlin 1898.

O sztuce w Królestwie polskiem nie ma studyum.

Rozwój sztuki w Polsce o ile odnosi się ona do Krakowa starał się przedstawić autor niniejszego artykułu w tekście do wydawnictwa p. t. «Pomniki Krakowa» — Kraków r. 1901—1904.

Najważniejszym desideratem jest inwentaryzacya-bez niej nie można mieć dokładnego obrazu sztuki w Polsce. Na tym punkcie najwięcej zrobiono w Poznańskiem w cytowanym dziele Kothego i Warschauera.

W Galicyi zaczęto inwentaryzacyą i to niezbyt fortunnie pierwszym tomem publikacyi Teka Konserwatorów Galicyi zachodniej Kraków r. 1900. *W Królestwie polskiem w tym zakresie nie zrobiono nic.*

Oto główne prace obejmujące mniejszą lub większą całość—szczegółowy wykaz, powtarzam, znajduje się w cytowanej bibliografii Finkla i obejmuje 1170 numerów.

Dr. Feliks Kopera.

Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича.

I. Пѣсни безъ историческихъ пріуроченій. — 1. Мотивъ нечаяннаго убійства братомъ брата. — 2. Мотивъ убійства героя изъ ревности. — 3. Мотивъ смерти героя вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія его силъ, вызваннаго борьбой съ врагомъ. — 4. Мотивъ убійства нелюбимаго пасынка злою мачехой. — 5. Мотивъ умерщвленія героя вилою. — 6. Мотивъ смерти нераскаяннаго грѣшника. Отношеніе малорусскихъ сказаній о Маркѣ проклятомъ и бѣлорусскаго о Маркѣ богатырѣ къ пѣснямъ о Маркѣ Кралевичѣ.

II. Пѣсни, содержащія пріуроченія къ событіямъ южно-славянской исторіи. — 1. Сербская пѣсня о смерти Марка на Голешъ-планинѣ и малорусская дума о смерти Ѳедора Безроднаго. — 2. Бѣгство Марка Кралевича съ поля Косовской битвы и исчезновеніе его. Отношеніе повѣсти о взятіи Царьграда турками къ славянскимъ пѣснямъ о гибели царствъ и богатырей. — 3. Пѣсня о смерти Марка Кралевича на Урвинъ-планинѣ и сказаніе La Chanson de Roland о смерти Роланда.

Заключеніе. — Къ исторіи южно-славянскаго эпическаго стиха.

Южно-славянскія пѣсни, относящіяся къ смерти «краля Марка» или «Кралевича Марка» (ум. въ сраженіи съ румынами 10 окт. 1394 г. «при Ровинахъ» — чтó нынѣ село Ровинари въ сѣверо-западной части Румыніи, въ Горскомъ департаментѣ, на р. Джіулѣ, въ многочисленныхъ варіантахъ болѣе или менѣе стройныхъ въ художественномъ отношеніи излагаютъ нѣсколько основныхъ мотивовъ, извѣстныхъ и творчеству другихъ народовъ Европы.

Для удобства обозрѣнія я раздѣлилъ всѣ эти произведенія на двѣ группы. Къ первой относятся тѣ, которыя содержатъ эпическіе мотивы безъ пріуроченій къ фактамъ политической исторіи Болгаріи и Сербіи, ко второй тѣ, въ которыхъ излагаются мотивы, пріуроченные къ историческимъ событіямъ и мѣстностямъ, игравшимъ какую-либо роль въ исторіи южныхъ славянъ.

I.

Пѣсни безъ историческихъ пріуроченій.

1. *Мотивъ нечаяннаго убійства братомъ брата.* Марка нечаянно убиваетъ родной братъ его, названный Милошемъ. Hrv. nar. p., izd. Matic. Hrv. I. 2. № 17. Сравнительныя параллели см. въ началѣ соч. Южно-слав. сказанія о Кралевичѣ Маркѣ стр. 568—570 и Liebrecht Zur Volkskunde стр. 193 и 207.

2. *Мотивъ убійства героя изъ ревности.* Марка убиваетъ корсаръ («гусар») Никола въ горахъ, когда Марко проѣзжалъ вмѣстѣ со своей женой, которую Никола считалъ своей невѣстой. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ поэзіи южныхъ славянъ (см. Южно-слав. сказанія о Кр. М. стр. 594—607). Жена Марка здѣсь представлена робкой, нерѣшительной, непринимающей ничьей стороны изъ двухъ борющихся за нее героевъ. Марко представленъ богатыремъ, имѣющимъ *три сердца.* (Тамъ же стр. 231, 260).

3. *Мотивъ смерти героя вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія его силъ, вызваннаго борьбой съ врагомъ.* Марко долго болѣетъ. Жена и мать оставляютъ его и отбѣгаютъ къ турецкому пашѣ, который начинаетъ хвастаться своимъ намѣреніемъ насильно «облюбить» и сестру Марка, не покинувшую его въ болѣзни. Узнавъ о похвальбѣ паши отъ сестры, Марко выѣзжаетъ на бой съ нимъ. Трусливый паша убѣгаетъ, бросая на произволъ побѣдителя его жену и мать. Марко подвергаетъ измѣнницъ жестокому наказанію: разрѣзавъ груди, онъ продѣваетъ въ образовавшіяся отверстія ихъ руки и въ такомъ видѣ приводитъ ихъ домой. Вслѣдъ затѣмъ Марко умираетъ (Hrv. nar. p. izd. Matic. Hrv. I. 2, стр. 445). Въ этой хорватской пѣснѣ соединены два эпическихъ мотива, обыкновенно развиваемые въ южнославянскомъ эпосѣ въ двухъ отдѣльныхъ группахъ пѣсенъ: а) мотивъ пѣсенъ о больномъ Дойчилѣ — такъ для краткости назовемъ одинъ — и б) мотивъ сказаній объ измѣнѣ мужу жены, взятой въ плѣнъ врагомъ (сравн. русскія былины объ Иванѣ Годиновичѣ, сербскія п. о бановичѣ Страхинѣ и друг.). Во многихъ варіантахъ второй группы мужъ сжигаетъ жену живой. Живучесть послѣдняго мотива въ народной поэзіи, мотива, несомнѣнно возникшаго на почвѣ международнаго устно-поэтическаго общенія, могла поддерживаться фактами реальной дѣйствительности, отражавшими темпераментъ обитателей юга Европы. Сравн. слѣдующій фактъ, о которомъ сообщена телеграмма въ Харьковской газетѣ «Южный Край» отъ 9 мая 1899 г. № 6302 изъ Симферополя: «8-го мая въ окрестностяхъ

Бахчисарая мужъ-татаринъ, заведя свою жену въ чужой садъ, облилъ ее керосиномъ и зажогъ. Несчастная женщина сгорѣла. Причина преступленія ревность».

4. *Мотивъ убійства нелюбимаго пасынка злою мачехой.* Соннаго Марка убиваетъ мачеха и трупъ его бросаетъ въ воду. Hrv. nar. p. izd. Matic. Hrv. I. 2. 445—446.

5. *Мотивъ умерщвленія героя вилою, мстящею за порчу ея достоянія.* Марка умерщвляетъ горная вила (вила планинкина) за то, что онъ замутилъ воду въ Дунаѣ, поя своего коня, и сорвалъ розу въ ея саду (ibid. № 72). Въ этой пѣснѣ мы имѣемъ примѣръ утилизаціи эпосомъ образовъ лирической и обрядовой поэзіи: мутить воду, пить или поить коня, рвать цвѣты, портить садъ, перевозить черезъ рѣку — образы, означающіе *любить, свататься* (Потебня, Обзоръ малорус. и сродн. п. т. II, стр. 449, 480, 488, 497 и друг.).

Въ связи съ символикой свадебныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, пользовавшихся воспоминаніемъ о старомъ бытовомъ фактѣ *перевоза*, какъ поэтическимъ образомъ, стоятъ пѣсни о Маркѣ и *вилѣ-бродарицѣ*, въ нѣкоторомъ отношеніи сходныя съ отмѣченной, но и отличающіяся отъ нея своей развязкой: въ этихъ послѣднихъ Марко убиваетъ вилу (южно-слав. сказ. о Кралевичѣ Маркѣ, стр. 202 слѣд.). Указанныя Калиной (Stydyja, § 79) и Лавровымъ (Обзоръ, стр. 93) случаи взаимной мѣны звуковъ *л* и *р* въ памятникахъ болгарскаго языка даютъ, мнѣ кажется, основаніе для болѣе рѣшительнаго предположенія возможности происхожденія имени *вила* отъ лат. *vira*, чѣмъ это дѣлалось ранѣе (Преллеромъ, Потебней; ср. Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, 36).

6. *Мотивъ смерти нераскаявшагося грѣшника.* Мать спрашиваетъ Марка, тяжела ли земля надъ нимъ въ гробѣ, Je li teška zemlja u grobu, Марко отвѣчаетъ, что душѣ его очень тяжело, такъ какъ онъ несетъ наказаніе за прелюбодѣянія: пусть мать продастъ Шарца и вознаградитъ обезчещенныхъ имъ дѣвушекъ (Hrv. n. p. izd. Matic. Hrv. I. 2, стр. 447).

Эта послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ той группѣ сказаній о Маркѣ Кралевичѣ, въ которыхъ онъ изображается нераскаяннымъ грѣшникомъ и несчастнымъ человѣкомъ; эти пѣсни заходили въ старую Малороссію и отразились здѣсь въ преданіяхъ о Маркѣ Проклятомъ, теперь, кажется, исчезнувшихъ изъ памяти малорусскаго народа, но въ XVIII и нач. XIX в. еще жившихъ въ устномъ творчествѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ поэма Стороженка «Маркъ Проклятый» и предисловіе къ ней автора. Въ виду высказаннаго проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ несогласія съ моимъ взглядомъ на отношеніе поэмы Стороженка «Марко Проклятый» къ южно-славянскому

эпосу о Маркѣ Кралевичѣ (Разборъ Н. Ѳ. Сумцова моего сочин. Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ. Харьковъ. 1895, стр. 5), въ виду повторенія взгляда Н. Ѳ. Сумцова г. Лободой уже съ большей рѣшительностью. (Рус. богат. эпосъ, стр. 213), въ виду слишкомъ, повидимому, гиперболическихъ представленій моихъ выводовъ, съ другой стороны, въ нѣкоторой части сербскаго общества (Ср. Е. Л. Марковъ, Путеш. по Сербіи Р. В. 1899 г., іюль, стр. 106 я нахожу необходимымъ болѣе обстоятельно остановиться здѣсь на этомъ вопросѣ.

Я не «на слово повѣрилъ Стороженку, что содержаніе его поэмы взято изъ устъ народа» (Лобода, ibid.), а подвергъ сравнительному изслѣдованію поэму Стороженка съ мотивами южно-слав. эпоса о Маркѣ Кралевичѣ и указалъ въ ней, мнѣ казалось, довольно опредѣленно «долю народнаго вымысла» (Сумцовъ ibid.). Мнѣ и въ настоящее время кажется особенно знаменательными сходство слѣдующихъ мотивовъ и чертъ въ поэмѣ Стороженка «Марко Проклятый» и въ южно-слав. сказаніяхъ о Маркѣ Кралевичѣ.

a) Непокорность Марка Проклятаго родному отцу, проклятіе его роднымъ отцомъ и изгнаніе изъ родительскаго дома. Тѣже мотивы въ южно-слав. эпосѣ о Маркѣ Кралевичѣ см. въ Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ стр. 558, 559, 64.

b) Жена Марка Проклятаго вновь выходитъ замужъ въ отсутствіе своего мужа: тоже дѣлаетъ и жена Марка Кралевича (Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 636 и слѣд.).

c) Мать Марка Проклятаго была воиномъ въ запорожской Сѣчи (Марко Проклятый, поэма Стороженка. Одесса 1879 г., стр. 28): въ южно-слав. эпосѣ о Маркѣ воиномъ наряжаются жена и сестра Марка (Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, стр. 538, 572).

d) Въ VIII—X главахъ поэмы Стороженка разсказывается о плѣненіи поляками запорожцевъ Кобзы, Остапа, Барыла и друг. и освобожденіи ихъ отъ повѣшенія Маркомъ Проклятымъ. Этотъ мотивъ развивается въ многихъ южно-слав. п., съ пріуроченіемъ между прочимъ и къ Марку Кралевичу (см. Южно-слав. п. о Крал. Маркѣ, стр. 529 слѣд.).

e) Марко Проклятый дѣйствуетъ противъ отступниковъ православія (М. П. 169): Марко Кралевичъ также враждебно относится къ ренегатамъ (Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, 474).

f) Марко Проклятый въ своихъ блужданіяхъ по свѣту заходилъ далеко на востокъ: былъ въ Іерусалимѣ, въ Персіи и въ землѣ Черныхъ араповъ (М. Прокл. 167—168): Марко Кралевичъ обошелъ всю землю отъ востока до запада (Filipović, стр. 418), былъ и въ землѣ Черныхъ араповъ, т. е. Сарацинъ и воевалъ съ ними.

g) Марко Проклятый, проходя черезъ мѣста битвы запорожцевъ, хоронилъ трупы и кости казаковъ: збиравъ побитыхъ казаковъ, рывъ ямы и закопувавъ ихъ, нрохарамаркавши надъ покiйныками молытву (М. Пр. 165). О той же чертѣ въ жизни и характерѣ Марка Кролевича говоритъ южно-слав. п. о битвѣ Марка съ арапомъ. Убивъ черкаго арапа, Марко

Све с авлије поскидао главе,
Па је главе саранио лепо,
Да ј' не кљују орли и гаврани.

(Filipov. Kral. Marko 352).

h) Марко Проклятый мало чувствителенъ къ наносимымъ ему ударамъ: и якъ тильки що якый зъ ихъ пидiйде до Марка, щобъ ударить ёго, то вiнъ стоïть соби якъ укопаный, зъ мiсця не ворухнетця, — того пхне рукою, а другого текнеципкомъ, або вхопыть за чупрыну и стусане, то дакъ къ бису и гепнитця або покотитця... Позабывавъ имъ зовсимъ паморокы (163). Это напоминаетъ разсказъ серб. пѣсни о нечувствительности Марка къ ударамъ палицы: Филиппъ Мадьяринъ. —

Веће трже тешку топузину
Па удари Краљевића Марка,
Удари га у плећи јуначке,
Али Марко ни хабера нема,
Веће вели Вилип- Маџарину:
«Сједи с миром, маџарско копиле!
«Не буди ми по кожуху буха.

А когда Филиппъ разсердилъ наконецъ Марка, тогда онъ однимъ ударомъ сабли пересѣкъ его по поламъ (Вук Пјесме т. II, № 59).

i) Марко Проклятый убиваетъ свою мать (8, 36): тоже дѣлаетъ и Марко Кралевичъ (южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 558).

j) Марко Проклятый убиваетъ свою сестру (9, 36): тоже преступленіе южно-слав. пѣсни приписываютъ и Марку Кралевичу (Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 581).

k) Марко Проклятый убиваетъ своего родного сына (34): Марко Кралевичъ также убиваетъ своего сына (южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 463) и даже съѣдаетъ (Ibid. 657).

l) Марко Проклятый живетъ съ своей сестрой, какъ съ женой (34): южно-славянскія пѣсни приурочиваютъ и къ Марку мотивъ кровосмѣшенія (брата съ сестрой), но даютъ ему счастливую развязку: Марко во время узнаетъ сестру (Южно-слав. сказ. о Кр. М. 453).

m) Къ этимъ чертамъ сходства эпическихъ мотивовъ поэмы А. Стороженка и южно-слав. эпоса о Маркѣ нужно прибавить сходное описаніе наружности обоихъ Марковъ: (Марко Проклятый) зъ виду винъ и по одежи не гевалъ, не бурлака, а щось не просте: татарска кучма насунулась ёму на очи, нисъ закандзюбився, якъ у кобця, а довгенни сыви вусы ажъ до грудей доставалы. На плечахъ у ёго бувъ накинутый чорный подолянськый кобенякъ и в верзунахъ, якъ обуваюцца въ Карпатскихъ горахъ гуцулы... Особенно характеренъ былъ взглядъ чорныхъ очей Марка Проклятаго: хижо зъ подлобья глянувъ на сичовыка. Страшно горили вирлооки ёго очи, неначе искры зъ нихъ посыпались... якъ списомъ шпигнуло (сичовика) тымъ поглядомъ, неначе холодна жеретія обвилась и здавила ёму серце (Марко Проклятый стр. 4—5). Сравните съ этимъ описаніе наружности Марка Кралевича и взгляда его очей въ сербскомъ эпосѣ: Марко Кралевичъ —

Самур калпак на чело намаче
Те састави самур и обрве,
А потеже сабљу оковану,
На Богдана погледа попреко.
Стаде Богдан украј винограда,
Кад сагледа црне очи Марку
И какав је на очима Марко,
Под Богданом ноге обумреше.

(Filipović Kraljević Marko u narodnih pjesmah Zagr. 1880, стр. 51).

Другія пѣсни говорятъ о волчьей шапкѣ (Filipov. 239) и плащѣ изъ волчьей шкуры (ћурак) на Маркѣ (ibid. 220).

Когда увидѣла Марка сноха Вучи генерала,

Трољетна ју ухвати грозница;
Јунак није, какви су јунаци:
На плечима ћурак од курјака,
На глави му капа од курјака,
Привезо је мрком јеменијом. (Filipović, стр. 135).
А кад Марко угледа баницу,
Црнијем се осмехује брком,
Превањује оком крвавајем,
Бијелијем пошкринује зубом.
Кад баница Марка сагледала,
Уплаши се — шинула је гуја, —
Па 'на пада у траву на главу (ibid. 182).

Када Марко у Једрене дође,
И на диван пред цара изиђе,
Очи му се бјеху узмутиле,
К'о у гладна у гори курјака,
Кад' погледа, кан' до муња сине. (Filipović 378).

Соглашаясь съ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ въ эстетической оцѣнкѣ произведенія Стороженка, именно, что это «искусственная и дѣланная повѣсть» стр. 5 рецензіи), я нахожу тѣмъ не менѣе, на основаніи приведенныхъ сравненій, что въ основу ея авторомъ положены дѣйствительно слышанныя имъ въ Малороссіи преданія о Маркѣ Проклятомъ, отражавшія соотвѣтствующія южно-славянскія сказанія о Маркѣ Кралевичѣ. Указаніемъ на то, что эти преданія дѣйствительно жили въ устахъ народа и что Стороженко могъ ихъ слышать, служитъ сохраненіе бѣлоруссами зашедшаго съ юга южно-славянскаго преданія о неудавшейся женитьбѣ Марка, передававшаго сюжетъ болгарской пѣсни о Маркѣ и вдовѣ Никопской (Южнослав. сказ. о Кр. Маркѣ, стр. 442). Вѣроятность захода южно-славянскихъ сказаній о Кралевичѣ Маркѣ въ Малороссію въ XVI—XVII в. доказывается еще фактомъ существованія у румынъ сказаній о Маркѣ, представляющихъ отраженія соотвѣтствующихъ южно-славянскихъ пѣсенъ, о чемъ ожидается спеціальный трактатъ уважаемаго А. И. Яцуржинскаго. Въ виду сказаннаго я не могу согласиться съ Н. Ѳ. Сумцовымъ, чтобы «кое-какіе народные элементы», заключающіеся «въ разсказѣ Стороженка», примыкали не къ южно-славянскимъ сказаніямъ о Маркѣ Кралевичѣ, а къ сказкамъ и повѣстямъ восточнымъ и ихъ западнымъ литературнымъ версіямъ» (стр. 5).

Изъ «западныхъ литературныхъ версій» Стороженко заимствовалъ мотивъ схожденія Марка Проклятаго въ адъ и «товченья» его «по пеклу». Источникъ этого послѣдняго мотива указанъ (Петровъ Н. И. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. Кіевъ 1884 г. стр. 219); да ему соотвѣтствія и нѣтъ въ южно-славянскомъ эпосѣ о Маркѣ Кралевичѣ. «Едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка Проклятаго, говор. Н. И. Петровъ. До сихъ поръ мы ничего не имѣемъ изъ устъ народа ни о какомъ Маркѣ, кромѣ Марка Богатаго, который однако же не имѣетъ никакого отношенія къ герою поэмы Стороженка. Типъ Марка Проклятаго созданъ у него подъ вліяніемъ сказаній о вѣчномъ жидѣ и, можетъ быть, на основаніи нѣкоторыхъ безъименныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ (ibid., стр. 219). Послѣ изданнаго Романовымъ бѣлорусскаго разсказа «Синій колодяжъ» (Бѣлорус. Сборн. IV, 173) уже конечно нельзя говорить, что народъ не

знаетъ никакого другого Марка, кромѣ Марка Богатаго: въ бѣлорусскомъ разсказѣ выводится Марко «богатырь» въ чертахъ и положеніи, напоминающемъ именно Марка Кралевича. Вліяніе литературныхъ сказаній о «Вѣчномъ жидѣ» на поэму Стороженка вполнѣ вѣроятно. Что же касается вліянія «безъименныхъ легендарныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшникѣ», то и ихъ вліянія на созданіе Стороженкомъ типа Марка Проклятаго отрицать нельзя. Только вопреки Н. И. Петрову я на основаніи сравненія поэмы Стороженка съ южно-слав. пѣснями, полагаю, что это вліяніе первоначально сказалось уже въ южно-славянскомъ эпосѣ и отразилось въ измѣненіи самаго героическаго типа Марка Кралевича. Сложившійся подъ ихъ вліяніемъ въ южно-славянскомъ эпосѣ образъ «несчастнаго» Марка Кралевича отразился въ малорусскомъ творчествѣ казацкой поры; послѣднее дало матеріалъ и для поэмы Стороженка, какъ объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ своему «выношенному подъ сердцемъ» произведенію. Многія историческія, бытовыя, литературныя и народно-поэтическія данныя даютъ большое вѣроятіе предположенію о движеніи устно-поэтическаго матеріала изъ южно-славянскихъ странъ къ русскому югу и востоку. Казачество малорусское и великорусское, днѣпровское и донское, было несомнѣнно благодарной средой для славянской взаимности на этой почвѣ. Присутствіе южно-славянскаго эпическаго размѣра въ малорусскомъ творчествѣ несомнѣнно. Неоднократно приводилось свидѣтельство польскихъ писателей XVI—XVII в. о сербскихъ гайдукахъ и особенно о serbskie skrzypki, о сербскихъ гуслярахъ, пѣвцахъ юнацкихъ пѣсенъ въ Польшѣ (Ягичъ о слав. нар. поэзіи Слав. Ежегодн. 1878 г., стр. 246)[1]).

На почвѣ этой взаимности и могли возникнуть какъ изложенные факты, такъ и тотъ, къ разсмотрѣнію котораго мы приступаемъ.

II.

Пѣсни, содержащія пріуроченія къ событіямъ южно-славянской исторіи.

1. *Сербская пѣсня о смерти Марка на Голешъ-планинѣ и малорусская дума о смерти Ѳедора Безроднаго.*

Среди пѣсенъ, найденныхъ въ рукописныхъ матеріалахъ, оставшихся послѣ смерти В. С. Караджича и вошедшихъ въ послѣднее изданіе его трудовъ (државно изданье), встрѣчается слѣдующая превосходная пѣсня о смерти Марка Кралевича: Смрт Марка Краљевића (Српске нар. пјесме, скуп. В. С. Караџић. кн. VI. Беогр. 1899. № 28).

1) Не могли ли тутъ имѣть вліяніе и сербскія поселенія XVIII в. на нашемъ югѣ? Ред.

Вылъ волкъ въ зеленомъ логу, каркаетъ воронъ на ели. Познали другъ друга по голосу и направились на встрѣчу другъ къ другу. Говорилъ воронъ черная птица: «эй ты, волкъ, лѣсной гайдукъ! Нѣтъ ли добычи? Нѣтъ ли мяса утолить мнѣ голодъ»? Волкъ тихо отвѣчалъ ворону: «Богъ свидѣтель, другъ мой воронъ! Ничего я не добылъ. Нигдѣ мясомъ не разжился. Но, воронъ, мой старый пріятель! лети ты межъ елей, вынюхивай по лѣсу запахъ крови, а я побѣгу зеленымъ доломъ, — авось счастье пошлетъ намъ добычу, и мы голодные наѣдимся мяса». Полетѣлъ воронъ межъ еловыхъ вѣтвей, побѣжалъ волкъ зеленымъ доломъ; каркаетъ воронъ, воетъ волкъ; наконецъ волкъ нашелъ на травѣ слѣды крови и позвалъ ворона, черную птицу: «Гой ты, воронъ, мой старый пріятель! Вотъ кровца на травушкѣ, но не могу отгадать, чья она». Отвѣчалъ воронъ волку: «Гой ты, волкъ, лѣсной гайдукъ! Легко узнать, чья кровь. Если пахнетъ клеверомъ, такъ это, волкъ, кровь оленя, если сѣномъ и ячменемъ, то — коня, а если отдаетъ виномъ и табакомъ, то кровь юнака». Услышалъ это лютый звѣрь, сѣрый волкъ, и сталъ разнюхивать кровцу: она отдавала виномъ и табакомъ. Говорилъ онъ черной птицѣ, ворону: «Воронъ птица, мой старый другъ! Это — кровь юнака. Ты лётомъ лети, а я бѣгомъ побѣгу по кровавому слѣду: станемъ искать юнака». Полетѣлъ воронъ горой-лѣсомъ, нашелъ раненаго юнака въ черной пещерѣ, слетѣлъ на него, сталъ клювомъ пощипывать съ ногъ до головы и хочетъ выклевать его черныя очи. Проговорилъ раненый юнакъ: «прочь лети, зловѣщая птица! Клянусь Богомъ! Ударю тебя рукой по головѣ, — такъ и выскочатъ оба глаза»! Вылетѣлъ воронъ изъ пещеры и закаркалъ громко, что было силы, звалъ волка: «Гдѣ ты, волкъ, мой старый гайдукъ! Вотъ конь и юнакъ. Юнака раны доконали. Иди, станемъ ѣсть его мясо»! Прибѣжалъ волкъ, увидѣлъ коня и юнака. Раненый стонетъ въ пещерѣ, а волкъ пощипываетъ его зубомъ съ ногъ до головы. Раненый юнакъ проговорилъ: «Отойди прочь, волкъ — горовикъ! Вотъ возьму каленую саблю да и разрублю тебя пополамъ. Довольно съ меня и моихъ ранъ»! Со злости волкъ выбѣжалъ изъ пещеры, а юнакъ сталъ говорить ворону: «Гой ты, воронъ, черная птица! Послушай ты меня ради цѣлости своихъ крыльевъ! Отнеси ты мое письмо на Косово поле къ Бѣлой церкви и передай его игумену Саввѣ: въ волю накормлю тебя мясомъ». Согласился воронъ. Марко накормилъ его мясомъ и отправилъ Саввѣ письмо, въ которомъ просилъ игумена поспѣшить на Голешъ-планину съ причастіемъ, пока онъ еще живъ, исповѣдать его и причастить. Получивъ письмо, Савва и съ нимъ 12 сербовъ-воеводъ отправились на Голешъ-планину и застали Марка еще въ живыхъ. Говорилъ игуменъ Савва Марку: «сынъ мой несчастный, *сабля* (= heros. см. Южно-славян. сказ. о Кр. М. 319) Марко

Краличъ! Гдѣ и какъ ты раненъ, горе твоей матери?» — Смерть моя, духовный отче, Савва! Отпусти мнѣ мои прегрѣшенія и причасти меня. Простите воеводы, братья дорогіе. Берегите отъ турокъ свое достояніе (Чувајте се добро од турака!)» Причастилъ его игуменъ Савва. Вновь сталъ говорить Марко: «Перенесите меня къ церкви на Косовомъ полѣ. Игуменъ Савва! Отпусти мнѣ согрѣшенія, поминай меня, а за поминъ моей души возьми себѣ коня Шарца». Сказалъ это Марко и умеръ. Поразила его на смерть дѣвушка — горожанка (Уби њега са града ђевојка). Отъ горя воеводы исцарапали себѣ лица, а монахъ-игуменъ вырвалъ себѣ бороду. Положили сербы тѣло Марка на его коня Шарца, перевезли его на Косово поле, погребли у олтаря церкви и воздвигли надъ его могилой мраморный памятникъ. Только что окончили они погребеніе Марка, какъ трижды проржалъ Шарацъ и умеръ вслѣдъ за Маркомъ Кралевичемъ. Схоронили воеводы и Шарца и надъ его могилой также поставили мраморный столбъ. Скоро послѣ того турки покорили царство. Такъ оно было или нѣтъ, — баютъ люди, что такъ было. Помоги намъ, милосердый Боже!

Голешъ-планина отдѣляетъ Косово-поле отъ Подринья, Печьской и Дьяковицкой нахій, находится въ нѣсколькихъ часахъ пути къ сѣверозападу отъ Приштины, за р. Ситницей. На Голешъ-планинѣ много надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ на могилахъ воиновъ, погибшихъ въ сраженіи на Косовомъ полѣ (Гильф. Сочин. III, 160—198).

«На поли томъ Косовѣ, говоритъ Ранчъ — со словъ хроники Бранковича: при холмѣ Голешъ, котораго корени рѣка Ситница подлизуетъ, сраженіе учинивше, унгарскіи вельможи съ воинствомъ своимъ изгибоша» въ 1448 г. (Исторія разныхъ слав. народовъ III, 197).

Такимъ образомъ сербскій эпосъ въ этой пѣснѣ смерть Марка связалъ съ историческимъ событіемъ 1448 года и пріурочилъ къ мѣстности въ Старой Сербіи.

Намекъ пѣсни на убійство Марка дѣвушкой горожанкой, по поводу котораго Вукъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Ја о томе никад више ништа нијесам чуо». (Срп. н. п. кн. VI, стр. 148 држ. издање), выясняется по сравненію съ пѣсней о смерти Рели Крылатаго, котораго подстрѣлила съ городской стѣны дѣвушка-сарацинка (Filipović, стр. 409. Сравн. Южно-слав. сказанія о Кр. Маркѣ, 144).

Изложенная пѣсня о смерти Марка на Голешъ-планинѣ состоитъ изъ двухъ частей: a) Запѣва, обнимающаго около 100 начальныхъ стиховъ и излагающаго мотивъ соглашенія двухъ хищниковъ изъ животнаго міра относительно совмѣстнаго добыванія добычи и b) основного содержанія пѣсни, состоящаго въ разсказѣ о положеніи смертельно раненаго героя

въ отдаленіи отъ товарищей и оказаніи ими послѣдняго долга умирающему или умершему.

Запѣвомъ или первой частью сербская пѣсня сближается во 1-хъ со слѣдующей великорусской пѣсней, записанной Пивоваровымъ въ *Донской* области съ очевидными дефектами въ содержаніи:

Леталъ-то, леталъ младъ сизой орелъ по крутымъ горамъ,
Онъ летаючи состарился;
Пробивала у него сѣдинушка между рѣзвыхъ крылъ,
Побѣлѣла у него головушка ровно бѣлый снѣгъ,
Потусмѣли у него, сиза орла, очи ясныя,
Примахалъ сизой орелъ свои крылья рѣзвыя,
Обломалъ свои остры когти вплоть до пальчиковъ,
Прилетѣли ко сизу орлу три черныхъ ворона,
Прилетѣли къ нему и въ глаза глядятъ ему,
Во глаза-то глядятъ, ему рѣчи говорятъ:
«Полно, полно тебѣ, старъ сизой орелъ, по крупнымъ горамъ летать,
«Гусей, лебедей бивать».
— Ахъ, кабы были мои прежнія залетныя крылышки,
— Мои крылья рѣзвыя, когти острые!
— Догналъ бы я всѣхъ васъ трехъ вороновъ,
— И избилъ бы я всѣхъ васъ вплоть до бѣла тѣла!»
Начали *молодца* (?!) три черныхъ ворона клевать
И ретивое его сердце вынимать.
«Ахъ, гдѣ вы, братья товарищи, гдѣ вы подѣвалися?
«Или вы по крутымъ горамъ разлеталися?

во 2-хъ съ шотландской нар. балладой о трехъ или двухъ воронахъ (Child., I, № 26), нашедшей себѣ художественное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Шотландская пѣсня»:

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ гдѣ-бъ намъ отобѣдать
Какъ бы намъ о томъ провѣдать? и т. д.

Вторая половина сербской пѣсни о смерти Марка на Голешъ-планинѣ, являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ главной частью всего ея содержанія, близко сходна съ малорусской думой о смерти Ѳедора Безроднаго въ степи. Насколько могу припомнить, до сихъ поръ, кажется, не было указано народно-поэтическихъ параллелей къ этой думѣ.

На днѣпровской или днѣстровской сагѣ, или на полѣ сраженія межъ трупами павшихъ, или на лугу Базавлугу или въ степи Самарской «під вербою покилою» лежитъ куренной атаманъ Запорожскій Өедоръ Безродный, изнемогающій отъ смертельныхъ ранъ. Съ нимъ его конь и слуга. Чувствуя приближеніе кончины, Өедоръ отдаетъ слугѣ своего коня и оружіе и проситъ его поѣхать къ казакамъ, явиться къ кошовому, атаману войсковому и сообщить ему о безнадежномъ положеніи Өедора:

А мій пан лежить у лузі Базавлузі
Постреляний и порубаный,
На рани смертелнiі не змагае.
Та прошу я милости вашоі всенижающе
У луг Базавлуг прибувати,
Тіло козацькое, молодецькее
У чистім поли знаходити й поховати,
Звіру, птиці на поталу не подати.

Атаманъ посылаетъ къ Өедору 50 казаковъ; они находятъ Өедора уже мертвымъ. Клали казаки тѣло Өедора на червоную китайку, обмывали,

А шаблями суходіл копали,
А шапками да приполами перст выносили,
Глибокую яму викопали,
Хведора Безроднагó похоронили.
Високую могилу висипали,
И прапірок у головахъ устромили,
І премудрому лицареви славу учинили.
(Антоновичъ и Драгомановъ Историч. п. малор. нар. I, 252—255).

Сходство между второй частью думы о смерти Өедора Безроднаго и сербской пѣсней о смерти Марка на Голешъ-планинѣ въ общемъ планѣ ея, нѣкоторыхъ подробностяхъ и даже тонѣ разсказа такъ значительно и очевидно, что едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ единствѣ источника для обоихъ этихъ произведеній. Такимъ источникомъ могла быть какая-либо эпическая пѣсня, входившая въ обиходъ пѣвцовъ, сопровождавшихъ дружины ускоковъ и казаковъ. На счетъ этого общаго обоимъ произведеніямъ источника должны быть отнесены нѣкоторыя частности историко-бытового характера, присутствіе которыхъ въ малорусской думѣ давало поводъ издателямъ и комментаторамъ ея дѣлать кое-какіе выводы о времени ея происхожденія. «Запорожье въ ней является вполнѣ организованнымъ» (Антоновичъ и Драгомановъ I, 253). Общественная организація

дается и въ сербской пѣснѣ, хотя, конечно, иная нежели въ малорусской думѣ: во главѣ сербовъ стоятъ воеводы и духовное лицо, пользующееся и свѣтской властью, какъ въ Черногоріи въ XVI—XVII в. Въ вар. В., говорятъ издатели малор. думъ: Замѣчательны стихи 45—46, показывающіе, что дума исполнялась среди старшины казацкой, когда она стала выдѣляться въ городахъ малороссійскихъ послѣ Хмѣльницкаго изъ казацкой массы (ibid. стр. 253). Антоновичъ и Драгомановъ имѣли въ виду слѣд. мѣсто вар. В. думы про Ѳедора Безроднаго:

Козак Хведор Безрідний
Безплеминний
Помер и поляг,
Слава ёго не вмре, не загине
Міждо нами
Народними головами, —
Покудова буде світ світати
І сонце сіяти,
Будем славу его всегда прославляти (стр. 250—251).

Устраняя вопросъ о средѣ, въ которой и для которой былъ сложенъ первоначально славянскій героич. эпосъ (мы лично давно высказали по этому поводу взглядъ, противоположный тому, который руководитъ издателями мр. историч. пѣсенъ (см. Южно-славян. сказанія о кр. Маркѣ, стр. 167—176), нельзя не сопоставить даннаго мѣста думы съ сербской пѣсней о смерти Марка Кралевича, говорящей только «о народныхъ головахъ» сербовъ: 12 воеводъ и игуменъ идутъ къ Марку на Голешъ-планину; къ нимъ обращена полная скорби рѣчь игумена Саввы:

Тада Саво риjеч проговара:
«Проħ'те се, моjа браħо драга!
«Књига нам je свиjем жалостива

(т. е. то письмо, которое принесъ воронъ игумену Саввѣ отъ Марка Кралевича):

Ниjе нама књига од меjдана,
Но ми књига од кралиħа доħе
Из Голеша, зелене планине,
Од jаднога краљевиħа Марка,
Ево нам je, браħо, погинуо,
Но нас моли и Богом нас куми,
Да идемо да га приватимо,

Да његово тјело укопамо:
Куку нама, моја браћо драга,
За јаднијем Краљевићем Марком,
Што нам царство од турака брани.
Ево има стотину година,
Од како је Лазар погинуо
И остали Срби свиколики,
А брани га Марко за срамоту;
Сад нам не ста Марка и Шарина;
Свој крајини очи извадише,
А Србији крила саломише (стр. 147).

Самъ атаманъ малорусской думы Өедоръ *Безродный* «неизвѣстный исторіи» (Антонов. Драгоман. I, 255) своимъ прозваніемъ напоминаетъ Марка сербской пѣсни, представленнаго также безроднымъ, т. е. лишившимся или пережившимъ всѣхъ своихъ родныхъ.

2. *Бѣгство Марка Кралевича съ поля Косовской битвы и исчезновеніе его.*

Въ нѣкоторыхъ болгаро-сербскихъ или сербско-болгарскихъ пѣсняхъ смерть Марка связывается съ Косовской битвой 1389 г. «Извѣстно, что краль Марко собственно не участвовалъ въ битвѣ турокъ съ сербами на Косовомъ полѣ 15 іюня 1389 г.; но устное творчество, подчиняясь закону ассоціаціи поэтическихъ образовъ, связало смерть излюбленнаго героя съ «погибелью» сербскаго царства на Косовомъ полѣ. Объ этомъ пространно разсказываетъ болгарская пѣсня, сербскаго происхожденія «Маркова смърть и погинвање на царство-то» (Сборн. за нар. умотвор. кн. XIV, стр. 90—92).

Марко видитъ вѣщій грозный сонъ, будто разверзлось небо и звѣзды попадали на землю. Мать, толкуя ему значеніе сна, сообщаетъ и о начавшемся исполненіи его: о нашествіи турокъ, переходѣ всѣхъ юнаковъ на ихъ сторону и объ угрожающей самому Марку необходимости отдать туркамъ его стольный городъ Прилѣпъ. Марко поспѣшно ѣдетъ на Косово и въ ущельѣ Качаника (горный проходъ, ведущій изъ Македоніи въ Старую Сербію) встрѣчаетъ троихъ турокъ, посланныхъ къ нему съ требованіемъ ключей отъ Прилѣпа. Марко отвергаетъ требованіе турокъ, вступаетъ въ бой съ ними, убиваетъ ихъ и ѣдетъ впередъ по направленію къ Косову полю. При выѣздѣ изъ Качаника, Марко увидѣлъ на Косовомъ полѣ такое множество анатолійскихъ турокъ, что удивился тому, какъ ихъ земля держитъ. Марко бросается съ ними въ бой, три дня бьется, но не можетъ одолѣть враговъ. Во снѣ является ему св. Илья съ тремя ангелами и объявляетъ ему рѣшеніе Провидѣнія, по которому Прилѣпъ долженъ перейти во власть турокъ:

Досега бљгарско і отсега турско,
Вов Прилепа турчин ште да влада.

Пробудившись отъ сна и не вѣря сновидѣнію, Марко вновь бросается въ бой съ турками, замахивается на нихъ мечемъ, но въ этотъ мигъ у него цѣпенѣетъ рука.

Рѫка ма истрѫпва, турци са не сечат, и Марко убѣждается, что сновидѣніе не обманывало его и что нашествіе турокъ — Божье дѣло,

Че іе това Божиіа работа.

Марко бѣжитъ обратно въ Прилѣпъ, въ свой домъ и спрашиваетъ жену, хочетъ ли она стать рабыней турокъ. Жена говоритъ, что лучше смерть, нежели турецкая неволя. Тогда Марко собственной рукой убиваетъ жену, сына и мать, потомъ коня Шерца и убѣгаетъ изъ дома куда глаза глядятъ

И побьагна Марко де му очи видат.

Любопытнѣйшимъ варіантомъ этой пѣсни является болгарскій же варіантъ, слышанный Качановскимъ, но записанный имъ, къ сожалѣнію, въ прозаическомъ пересказѣ (Памятники болг. нар. твор. № 116). Пѣсня говоритъ о смерти царя Константина, который представленъ послѣднимъ царемъ болгарскимъ, и царицы Елены — очевидно византійскихъ — послѣдняго византійскаго императора Константина XII Палеолога, къ имени котораго, въ силу эпической ассоціаціи лицъ, присоединено имя царицы Елены изъ болѣе древней пары эпическихъ и легендарныхъ именъ — Константина и Елены, «эпонимовъ Византіи» (Веселовскій Южн.-русск. был. VIII). Съ именемъ царя Константина болгарское преданіе связало и Марка, названнаго «юнакомъ» царя Константина и царицы Елены и Релю изъ Пазара. Всѣ эти болгарскія пріуроченія очень напоминаютъ пріуроченія именъ историческихъ лицъ, ставшихъ эпическими, въ русскомъ эпосѣ: Олега князя и воеводы мурманскаго Ильи муромскаго, т. е. мурманскаго къ Владиміру и Олеши Поповича Ростовскаго къ Кіеву и Владиміру и обоихъ ихъ ко времени царя Константина царицы Елены и къ Царьграду и друг.

Когда турки овладѣвали болгарскимъ царствомъ, тогда царемъ былъ царь Константинъ, а царицей Елена. У нихъ было два юнака: Марко Кралевичъ и Реля изъ Пазара. Царь Константинъ отправилъ ихъ защищать болгарское царство противъ турокъ, занявшихъ Момину клисуру (иначе Дѣвичье ущелье, при истокахъ Марицы, между Ихтиманской горн. цѣпью и Риломъ, черезъ которое ведетъ дорога изъ Самокова во Ѳракію, изъ Константинополя въ Бѣлградъ). Подземнымъ ходомъ они вышли на Софій-

ское поле и начали рубить турокъ. Разрубятъ турка на-двое, два турка становятся. Вернулись они къ Моминой клисурѣ, стали рубить тамъ турокъ и тамъ тоже — разрубятъ одного, встаютъ двое. Видя, что Богъ противъ нихъ, юнаки возвращаются назадъ къ царю Константину. Царь Константинъ тогда жарилъ рыбу на сковородѣ. Разсказали ему юнаки, каковы дѣла, а царь Константинъ имъ отвѣчалъ: «если выскочатъ эти рыбы изъ сковороды, тогда повѣрю, что турки возьмутъ царство». Только проговорилъ это Константинъ, на сковородѣ ожили рыбы, на мѣстѣ огня образовалась вода и въ ней стали плавать рыбы, каждая съ поджареннымъ бокомъ. Царь Константинъ, видя, что Богъ передаетъ туркамъ его царство, садится на коня и выѣзжаетъ въ бой съ ними. Какой-то арапинъ убиваетъ царя. За то арапы стали рабами, а турки господами.

Въ варіантѣ этой пѣсни, неполно изданномъ Качановскимъ, нѣтъ пріуроченія основного сюжета ея къ Болгаріи и имени Марка ко времени царя Константина. Царица Елена видитъ сонъ, будто раздвоилось небо, частыя звѣзды упали на землю, мѣсяцъ и звѣзды въ крови потонули, а Стожары ушли далеко въ славную Русію. Царь Константинъ толкуетъ сонъ, что турки возьмутъ его царство. Черный арапъ убиваетъ его, а два сына царя убѣгаютъ въ Русь. (Качановскій Памятники № 117).

Къ этимъ эпическимъ пѣснямъ примыкаютъ калядки, оплакивающія паденіе Царьграда. Такъ какъ эти послѣднія уже были разсмотрѣны акад. Веселовскимъ, то мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ колядкѣ, изданной Качановскимъ подъ № 19 (памятники болгарск. нар. творчества), нѣтъ упоминанія о вѣщемъ снѣ, но сохраненъ мотивъ грознаго проявленія воли Божіей въ моментъ боя и бѣгства царя съ поля сраженія; съ другой стороны, внесенъ новый эпизодъ: заключеніе въ тюрьму и осужденіе на казнь попа, изъяснившаго царю волю Божію. Соколъ приноситъ въ Царьградъ письмо и бросаетъ его на колѣно царю Константину. Собранные со всего царства попы и дьяки не могутъ прочитать письма. Попу Николѣ удается прочитать письмо. Со слезами онъ сообщаетъ царю содержаніе его, говорящее о приближающейся погибели царства. Разгнѣванный царь собирается казнить попа, но онъ проситъ заключить его въ тюрьму на два дня съ половиной, и если не появятся за это время проклятые турки, тогда казнить. Царь заключаетъ попа въ тюрьму. Прошло два съ половиной дня, турки появились, и царь Константинъ собрался казнить попа. Только что собрались его казнить, какъ на горахъ показались въ несмѣтномъ числѣ иновѣрцы проклятые турки

Колко на гора листье
Коледе!

Колко на земля трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Коледе!
Иня вѣра — клетви турци.

Царь Константинъ хочетъ бѣжать и зоветъ вѣрныхъ слугъ своихъ бѣжать съ нимъ отъ турокъ. Вѣрные слуги останавливаютъ царя, хвастаясь передъ нимъ повернуть ясное небо со звѣздами, а не то что бы уступить туркамъ. Константинъ отвѣчаетъ, что и самъ онъ въ силахъ биться съ врагами и конь его можетъ, но Господь не помогаетъ. Понукаетъ царь коня впередъ, конь не трогается, хочетъ царь саблю вынуть изъ ноженъ, сабля не вынимается: отскочилъ позолоченый эфесъ. Константинъ бѣжитъ, слуги оставляютъ его, только одинъ изъ нихъ слѣдуетъ за царемъ; онъ потомъ отрубаетъ царю голову, когда тотъ сталъ черпать воду изъ источника.

Напечатанная Безсоновымъ колядка «Пѣсенъ царя Костантина» (Калѣки перехожіе I, 614—617) сначала говоритъ о бурѣ на морѣ, какъ предзнаменованіи несчастья:

Разигра се Черно море

Во время бури соколъ приноситъ въ монастырь св. Николая «хартію», въ которой сообщается о предстоящемъ взятіи Царьграда турками. Старый игуменъ и попъ Никола идутъ къ царю Константину, находятъ его въ церкви Балакліи за пиромъ съ сенаторами и боярами и сообщаютъ ему роковое извѣстіе. Царь ищетъ знаменья, подтверждающаго пророчество: если рыба со сковороды спрыгнетъ въ воду, то Стамбулъ возьмутъ турки. Рыба подскакиваетъ со сковороды и падаетъ въ воду. Царь садится на коня и ѣдетъ биться съ турками. Турки убиваютъ Константина и овладѣваютъ Стамбуломъ. Причиной торжества турокъ — воля Бога, наказавшаго Константина за гордость и кощунство: онъ въѣзжалъ въ церковь на конѣ, пріобщался сидя на конѣ, копьемъ антидоръ бралъ и этимъ прогнѣвалъ Бога:

А Богу сѧ жялъ нажяли,
Жялъ нажали, скръбъ наскръби.

Въ сербскомъ эпосѣ тѣже мотивы пріурочились къ воспоминаніямъ о паденіи сербскаго царства и уничтоженіи сербской самостоятельности турками въ XIV—XV в. Въ пѣснѣ, изданной Ястребовымъ (Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ Спб. 1886 г., стр. 205—207) святые Петръ, Николай и Илія посылаютъ «вѣрнаго Божіяго слугу, сиваго сокола» въ городъ Призренъ съ письмомъ къ сербскому царю Стефану. Соколъ прилетаетъ въ кулу царя Беліяну и опускаетъ письмо царю на правое колѣно. Патріархи и

владыки смотрятъ три дня на письмо и не могутъ прочесть его; «ђаче самоуче» полтора дня разбираетъ письмо и потомъ говоритъ царю Стефану:

Бери војску, ајде на Косово!
Зе си многе учинија,
Оћев турци брго царовати,
И турци ће царство, преузети.

Названіе замка царя Стефана Беліяной (Белијана) нельзя ли сопоставить съ именемъ великана Beliаn'а, живущаго въ городѣ Büdin'ѣ поэмы о Вольфдитрихѣ, о которомъ разсказывается въ эпизодѣ, излагающемъ эпическій мотивъ, повидимому, отразившійся въ сербскихъ пѣсняхъ о Маркѣ и Филиппѣ мадьяринѣ (см. Южн.-слав. пѣсни о Крал. Маркѣ 289 слѣд.).

Мотивы гордости и кощунства героя, какъ причины національнаго бѣдствія,—чудеснаго воскрешенія побитой силы вражеской и явленія святыхъ въ битвѣ среди враговъ-развиваются въ болгарской пѣснѣ сербскаго происхожденія о паденіи города Сталача и смерти послѣдняго христіанскаго правителя этого города Өедора (см. Великорус. был. Кіевск. ц. стр. 127—131). Сербскимъ варіантомъ п. о паденіи Сталача является п. «Смерть воеводы Пріѣзды» (Вук. II, № 84). Въ послѣдней выпали эпизоды воскрешенія побитыхъ враговъ, явленія небесной силы среди враговъ и мотивъ гордости и самомнѣнія героя.

Въ великорусскихъ былинахъ основные мотивы разсматриваемыхъ южно-слав. пѣсенъ развиваются въ былинахъ о гибели богатырей, на чтó мной уже давно указано (Великорус. был. Кіевск. ц. стр. 125—128. Южно-слав. сказанія о Крал. Маркѣ, стр. 728 слѣд.).

Акад. А. Н. Веселовскій уже указалъ на сходство разсматриваемой группы славянскихъ пѣсенъ съ ново-греческими, отражающими историческія воспоминанія о паденіи Константинополя и смерти императора Константина XII (Южно-рус. былины II гл. VII, стр. 255 слѣд.).

Вся эта группа народныхъ сказаній: русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и ново-греческихъ находится въ несомнѣнномъ сходствѣ и близкомъ родствѣ съ «Повѣстью о Царьградѣ», именно, съ той болѣе поэтической редакціей ея, которая внесена въ Воскресенскій списокъ русской лѣтописи. Сходство касается какъ цѣлыхъ поэтическихъ мотивовъ, такъ и отдѣльныхъ образовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть болѣе удобный случай представить детальное сравненіе содержанія Повѣсти о Царьградѣ со славянскими пѣснями и сказаніями о гибели царствъ и народныхъ героевъ (Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ гл. IV въ Журналѣ

Министерства Народн. Просвѣщенія); здѣсь же отмѣтимъ слѣдующіе сходные образы и мотивы.

а) Повѣсть говоритъ о чрезвычайныхъ знаменіяхъ въ природѣ, предшествовавшихъ паденію Царьграда и предвѣщавшихъ это чрезвычайное событіе въ исторіи Греціи, славянства и Европы: о помраченіи солнца и луны, паденіи звѣздъ съ неба на землю, раздѣленіи неба и оставленіи Царьграда Божіей благодатью и ангеломъ-хранителемъ въ образѣ пламени, поднявшагося отъ церкви св. Софіи къ небу. Тѣже образы находятся въ народныхъ пѣсняхъ болгарскихъ и сербскихъ, говорящихъ о паденіи Царьграда. Сравн.:

А самъ царь, съ патріархомъ, и съ царицею и съ святители, и весь священный соборъ, и множество женъ и дѣтей хождаху по церквамъ Божіимъ мльбы и моленіа дѣюще, плачюще и рыдающе, и глаголюще: «Господи, Господи! страшное естество и неисповѣдимаа сила, юже древле горы видѣвше въстрепеташася и тварь потрясеся, *солнце же и луна ужасошася, блистаніе ихъ погибе, и звѣзды небесныа спадоша*, мы же окаанніи таа вся презрѣвше съгрѣшихомъ, и беззаконновахомъ предъ тобою, Господи, и тягократно разгнѣвахомъ и озлобихомъ твоего Божества, забывающе твоихъ великыхъ дарованій и презирающе твоихъ повелѣній... (Воскресенск. л. П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 128—129).

Болгарская пѣсня о смерти царя Константина (Качановскій, № 117) начинается сообщеніемъ слѣд. сновидѣнія, посланнаго царицѣ Еленѣ:

Сонъ сони́ла царица Елена:
На сонъ и се небо предвои́ло,
Дробни дзвѣзде по земля паднаа,
А мѣсяцъ у керви утана,
А дзвѣзда е тевно утавна́ла
. . . .
А власи-те далекъ пребѣгнаа
Далекъ, далекъ у славна Русия... (стр. 235).

Марку Кралевичу тоже самое явленіе представилось въ сонномъ видѣніи, какъ предвѣстіе паденія Прилѣпа и конца его владычества:

Марко легна, лош сѫн бе санувалъ:
Че са раздели това ꙗсно небо,
Сички звезди на земьа паднале.
(Сборн. за нар. умотвор. XIV, 90).

Въ сербск. п., оплакивающей паденье Сербскаго царства, излагается сновидѣніе царицы Милицы, которое предзнаменовало роковой исходъ Косовской битвы:

Сан уснила царица Милица,
Вјерна љуба славна цара Лазара
У Крушевцу на цареву двору:
Сан уснила и у сну вијела:
Ђе се ведро небо проломило,
Жарко сунце у траву пануло...
Сјајан мјесец у море пануо,
Све звијезде крају прибјегнуле,
Све Косово тама притиснула,
По њој гракħу гавранови црни,
Измеħу них ждрали поцикују.

(Бој на Косову 1389 г. у нар. пјесм. Беогр. 1889 г. 7—8 стр.)

2. Повѣсть говоритъ объ уныніи, объявшемъ жителей Царьграда при видѣ грознаго знаменія (въ 24 день маіа м. людіе мнози видѣша у великіе церкви Премудрости Божіа у верха изъ оконъ пламеню огнену велику изшедшу, окруживше всю шею церковную на длъгъ часъ, и собрався пламень въ едино премѣнися, и бысть яко свѣтъ неизреченный и абіе взятся на небо (ibid. 136)), о приходѣ къ царю патріарха Анастасія и толкованіи имъ Константину значенія «страшнаго», «церковнаго знаменія у Премудрости Божія»:

Онѣмъ же зрящимъ начаша плакати горко, въпіюще: «Господи помилуй»; свѣту же оному достигшу до небесъ, и отвръзошася двери небесныя, и пріатъ свѣтъ пакы затворишяся. Наутрія же шедше сказаша патріарху; патріархъ же Анастасіе, събравъ болярь и съвѣтниковъ всѣхъ, поиде къ царю, и начаша увѣщевати его да изыдетъ изъ града и съ царицею; и ако не послуша ихъ царь, рече ему патріархъ: «вѣси, о царю, вся преждереченная о градѣ семъ, и се нынѣ пакы ино знаменіе страшно бысть: свѣтъ убо онъ неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви Божія Премудрости съ прежними свѣтильники архіерси вселенскими и цари благочестивыми, такожде и ангелъ Божій, его же укрѣпи Богъ при Устиніанѣ цари на съхраненіе святыа и великіа церкви и граду сему, въ сію бо нощь отъидоша на небо; и сіе знаменуетъ, яко милость Божія и щедроты его отъидоша отъ насъ и хощетъ Господь предати градъ сей врагомъ нашимъ грѣхъ ради нашихъ»; и тако представи ему онѣхъ мужей иже видѣша чюдо. И яко услыша царь глаголы ихъ, паде на землю яко мрътвъ, и бысть безгласенъ на многъ часъ, едва отоліяша его араматными водами. (Ibid.

стр. 136). . . . Егда услышаша людіе отшествіе Святаго Духа, абіе растааше вси, и нападе на нихъ страхъ и трепетъ» (ibid.).

Въ болгарск. п. Венелина о паденьи Царьграда велѣнье судьбы сообщается прежде всего духовенству монастыря св. Николая. Разобравъ письмо, принесенное голубемъ (Ср. «Голубиная книга» русской поэзіи), старый игуменъ и попъ Никола идутъ къ царю Константину и говорятъ ему о грозящей бѣдѣ:

Заплакалъ ми е старъ егуменъ
И казува попъ Николи:
«Стани, стани, попъ Николи,
«Да си идемъ да си кажемъ
«На нашъ царя Константина.

Идутъ къ царю и говорятъ о принесеніи имъ письма

У книже то пише пише:
Турчинъ Стамболъ ште привзѣмне (Калѣки I, 617).

Въ колядкѣ, изданной Качановскимъ (Памятники № 19), царь Костадинъ собираетъ со всего царства поповъ и дьяковъ читать письмо, брошенное ему на колѣни соколомъ; попъ «од Прокопа» читаетъ письмо и со слезами сообщаетъ Константину, что

Царство ни е достаяло (стр. 89).

Въ тѣхъ южно-славянскихъ пѣсняхъ, гдѣ знаменіе природы, о которомъ говорится въ книжномъ сказаніи о паденіи Царьграда и соотвѣтствующихъ народныхъ пѣсняхъ, излагается въ образѣ вѣщаго сна, этотъ послѣдній толкуется или матерью героя («Маркова смрть») или самимъ героемъ (царь Константинъ у Качановск. № 117: царь Лазарь въ п. Сан царице Милице).

c) Повѣсть говоритъ о мужественной рѣшимости царя Константина бороться съ турками до послѣдней возможности: «въставшу же ему (царю) патріархъ паки начатъ крѣпко увѣщевати царя да изыдетъ изъ града, такожде же и боляре всѣ глаголюще ему: «тебѣ, господи царю, изшедшу изъ града съ елицѣми въсхощеши, пакы Богу помогающу мощно есть тебѣ и граду помощи, и иныя грады и вся земля надежу имѣюще тако въскорѣ не дадутся безвѣрнымъ». Онъ же не уклонися на то, но отвѣщеваше имъ: «аще Господь Богъ нашь изволилъ тако, камо избѣгнемъ гнѣва его! и колико царей преже меня бывшихъ, великихъ и славныхъ, иже пострадаша и за свое отечество помроша, и азъ ли послѣдней сего не сътворю? но да умру здѣ съ вами и не послуша ихъ (ibid. 136).

Тотъ же самый мотивъ излагается въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о гибели царствъ Марка и Лазаря: когда Марко узналъ отъ матери о роковой опасности, угрожающей Болгарскому царству, Прилѣпу и самому ему—

Тоі нахлупи калпак до іочите,
Назад вѫрна Шарка добра коња
Та іотива вов Косово-поле,
Да са бие с турци іаничаре.

На требованія турецкихъ пословъ выдать ключи отъ Прилѣпа Марко отвѣчаетъ:

Ала азе кльучове не давам,
Не предавам и Прилепа града;
Кога падне Марко блѫгарина
И да падне Шарко добра коња,
Тогава шта кльучове да дамъ
И да предамъ Прилепа града.
(Сборн. за нар. умотвор. XIV, стр. 91).

Царь Лазарь въ сербской пѣснѣ, когда узналъ о снѣ царицы Милицы,

То је њему врло жао било,
Ал' залуду, фајде не имаде,
Јунак бјеше срца јуначкога.

Онъ самъ растолковываетъ значенье сна сначала царицѣ, а потомъ своимъ вельможамъ:

Браћо моја и војводе моје!
То нимало мени мило није
Чини ми се, ђецо моја драга!
Сад је дош'о вакат и вријеме
Брзо ће нам ударити турци
И наше ће преузети царство.
Кад то зачу ева српска господа,
За муку им својем било љуту,
Сваки шути, ништа не беседи
(Бој на Косову, 17—18).

d) Повѣсть изображаетъ царя Константина эпическими чертами богатыря: онъ великъ бѣ зѣло и «исполненъ силою» (стр. 135); во время боя онъ разсѣкаетъ враговъ на полы, его мечъ не знаетъ препятствій и вражескія стрѣлы минуютъ его. «Сказаша царю, яко уже туркы взыдоша на

стѣну и одолѣваютъ граждань . . . . . . и аще не бы ускорилъ царь къ нимъ, конечнаа уже бѣ погибель граду. Постигшу же царю и нападшу на туркы съ избранными своими и сѣчаше ихъ нещаднѣ и ужастно, ихже бѣ достизаше разсѣкаше на двое, а иныхъ пресѣкаше на полы: не удръжеваше бо ся мечь его ни въ чемъ (ниже это мѣсто варьируется такъ: не удержеваше бо ся мечь его ни сбруи, ни конскаа сила 140). Турки же скликахуся противу крѣпости его, и другъ друга понюкаше нань, и всякимъ оружіемъ суляху его, и стрѣлы бесчисленны на нь пущаху; но убо, яко же речеся: бранныя побѣды и царское паденіе Божіимъ Промысломъ бываетъ, оружія бо ихъ вся и стрѣлы суетно падаху, и мимо его летающе не улучахуть его. Царь же единъ, имѣа мечь въ руцѣ, сѣчаше ихъ, и бѣжаху отъ него изъ града къ разрушеному мѣсту, и ту затѣснившемся побиша турокъ многыхъ, а иныхъ прогнаша за рвы. И тако Божіею помощію въ той день царь избави градъ, и уже вечеру бывшу Турки отступиша (ibid. 135).

Въ сходныхъ эпическихъ очертаніяхъ является въ южно-славянскомъ эпосѣ Марко Кралевичъ и Өедоръ Сталацкій въ ихъ послѣднихъ бояхъ съ турками. У Өедора Сталацкаго были «джубе и покрове»,

Що не вача ни сабља ни крушум
И «сабля буздугана»,
Що то сече дрво и каме́нье.
У Марка была «сабља демешлиіа»,
Што іа правил маістор Димитрија,
Да си вие като љута змија,
Да то сече дрѫва и камѫне.

(Сборн. за нар. умотвор. XIV, 91).

Укрѣпленія города Сталача, храбрость Өеодора, владѣвшаго чудеснымъ конемъ и оружіемъ, были причиной продолжительности осады этой крѣпости турками и невозможности для нихъ овладѣть ею. Сходныя положенія имѣются и въ повѣсти о взятіи Царьграда: Царьградъ защищали стѣны, войска, но болѣе всѣхъ самъ царь, неоднократно прогонявшій турокъ личной своей храбростью, будучи принужденъ выступать въ бой тогда, когда «стратиги и граждане» начинали бѣжать передъ турками.

е) Повѣсть говоритъ о томъ, что нашествіе турокъ и паденье Царьграда явились карой Божьей за грѣхи людей и за гордость и самомнѣнье защитниковъ Царьграда: «Се нынѣ открыйся гнѣвъ Божій на тебе, и предаде тебе въ руцѣ врагомъ твоимъ» (142). «Но убо понеже беззаконіа наша превзыдоша главы наша и грѣхы наша отяготѣша сердца наша, въ еже

заповѣдей Божіихъ не послушати и въ путехъ его не ходити, гнѣва его како убѣжимъ? (133). Образно этотъ мотивъ излагается въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ о паденьи Сталача:

Да сега е бугарин повелал,
А од сега турчин че царуе.
А знаш ли Тодоре везире?
Кога бесте на бој на Косово,
Със коньи-те църква улезосте,
Погазисте триста стари бабе,
Погазисте триста мали деца,
Ни кърстено, ни миросано,
Със маждраци навару узосте,
За това е турчин да царуе.

Въ повѣсти сообщается, что когда царь Константинъ въ бою 27-го мая прогналъ турокъ личной своей храбростью, то будто онъ *въ сердцы своемъ вознесеся*, предполагая уже совершенный уходъ турокъ, «невѣдаху бо Божіа изволенia» (40). Въ болгарской колядкѣ (Качановскій № 19) горделивая похвальба приписывается слугамъ царя Константина: Увидѣвъ несмѣтное множество турокъ, Константинъ зоветъ своихъ слугъ бѣжать съ нимъ отъ враговъ

Леле, варай, вѣрны слуги,
Яхайте, та бѣгаме!
Кой ште съ мене да бѣгаме!
Вѣрны слуги одговарятъ:
Леле, варай, царь Костадинъ!
Я се надахъ, да полетимъ —
Ясно небо съ ясны дзвѣзды
Ние съ тебе да повернемъ,
А то нели гиня вѣра,
Иня вѣра, клетви турци.

И вотъ наказаніемъ за гордость и самомнѣніе служитъ то, что конь Константина не движется въ бой, сабля не вынимается изъ ноженъ и переламывается у эфеса (Качановскій, стр. 86). Слова Константина, произнесенныя имъ въ отвѣтъ на похвальбу его слугъ

Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може
Коги Господь поможе.

нужно сопоставить со словами Повѣсти о взятіи Царьграда, опредѣляющими участіе Промысла Божія въ гибели этого города: «но аще бы и горами подвизали, Божіа изволеніа не премочи» (141).

f) Марко Кралевичъ убиваетъ жену свою изъ боязни, что она можетъ попасть къ плѣнъ къ туркамъ. Нельзя не сопоставить этого мотива съ преданіемъ о судьбѣ супруги императора Константина XII, невошедшимъ въ Повѣсть о взятіи Царьграда, но сообщеннымъ Зюгомалой Ѳ., будто «за день до взятія Царьграда она была лишена жизни изъ боязни, чтобы не досталась въ руки Турковъ» (Срезневскій, Повѣсть о Царьградѣ. Спб. 1855 г., стр. 82, примѣч. 21).

g) Центромъ событій, о которыхъ разсказывается въ Повѣсти о взятіи Царьграда была церковь Премудрости Божіей, т. е. храмъ св. Софіи — символъ Царьграда и всей Имперіи (стр. 136).

Въ представленіяхъ благочестивыхъ книжниковъ царь Константинъ и его соратники бились за св. Софію. Это воззрѣніе дало основаніе нѣкоторымъ метонимическимъ образованіямъ, возникшимъ на мѣстѣ упоминанія о св. Софіи въ тѣхъ славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыя примыкаютъ къ группѣ сказаній о паденіи Константинополя и частію восходятъ къ книжнымъ ихъ обработкамъ. Такимъ путемъ могло образоваться «Совійско поле» — Софійское поле въ болгарскомъ преданіи о гибели болгарскаго царства и смерти царя Шишмана (Бр. Миладиновци, Бѫлгарски нар. пѣсни, Загребъ, 1861 г. № 58, стр. 78); нѣсколько далѣе отстоитъ отъ своего первообраза (храмъ св. Софіи или можетъ быть «площадь у великія церкви» т. е. св. Софіи П. С. Р. Л. (Воскр. л. VIII, 143). Стоитъ долина *рѣки Софы*, v. *Салфы* въ русскихъ былинахъ о гибели богатырей (Кирѣевскій Указатель къ IV т.). Слово *Софа* вм. Софія подъ вліяніемъ сказаній о долинѣ Сафатовой въ Палестинѣ и можетъ быть другихъ аналогичныхъ (см. Южно-славян. сказ. о Кр. Маркѣ, стр. 734) измѣнилось въ Сафатъ-рѣку. Въ результатѣ своего сравнительнаго изслѣдованія всей этой группы произведеній славянской книжной и устной словесности мы приходимъ къ выводу противоположному тому, который не такъ давно былъ сдѣланъ проф. Милетичемъ. Вопреки мнѣнію проф. Милетича, полагающаго будто «величайшее историческое событіе конца эпохи среднихъ вѣковъ — героическая защита Царьграда и его паденіе не оставили никакихъ слѣдовъ въ народной поэзіи южныхъ славянъ» (Повѣсть за падението на Царьградъ въ 1453 г. Сборникъ за нар. умотвор. XII, 400), мы имѣемъ основанія утверждать, что героическая защита и паденіе Царьграда передъ турецкой грозой нашли яркое отраженіе въ словесности славянскихъ народовъ. Поэтическіе образы и мотивы, создавшіеся подъ впечатлѣніемъ паденія «седьмихолмаго города», распространились въ устной поэзіи Славянъ болгар-

скихъ, сербскихъ и русскихъ и вошли въ тѣснѣйшія комбинаціи съ ихъ національно-историческими преданіями, относившимися къ аналогичнымъ національнымъ бѣдамъ, къ потерѣ политической самостоятельности ихъ передъ турками и татарами, какъ-то было въ Византіи.

3. *Смерть Марка Кралевича на Урвинъ-планинѣ.*

Рано утромъ въ воскресенье проѣзжалъ Марко по берегу моря Урвинъ-планиной. Сталъ Марко подниматься на Урвинъ-планину, сталъ Шарацъ подъ нимъ спотыкаться и слезы ронять. Очень больно было Марку видѣть это. Сталъ онъ говоритъ коню: «Ой ты, Шарацъ, добро мое! Сто шесть лѣтъ мы ѣздимъ съ тобой и ни разу ты не споткнулся, а сегодня спотыкаешься и слезы ронишь? Не къ добру это! Не быть на плечахъ моей или твоей головѣ»! Отозвалась Урвинская горная вила. «Побратимъ, Кралевичъ Марко»! Знаешь ли, отчего конь спотыкается? Жаль ему своего господина»!

Сходно съ этимъ въ русской казацкой пѣснѣ: младъ полковничекъ спрашиваетъ коня «сива-чубараго»:

Ужъ и что жъ ты конь не веселъ идешь?
Ты лугами конь идешь, — и травы не рвешь?
Озерами конь идешь, — и воды не пьешь;

конь отвѣчаетъ, что причина его грусти вотъ въ чемъ:

Какъ заутра мнѣ, коню, быть убитому,
Тебѣ, доброму молодцу, крѣпко раненому.
(Соболевскій, В. н. п. VI, 193—194).

Марко отвѣчалъ вилѣ: «Бѣлая вила, заболи твое горло! Никогда я не растанусь съ Шарцемъ, пока цѣла моя голова на плечахъ. Я видѣлъ, я обошелъ всѣ земли и города отъ востока до запада, — нѣтъ коня лучше Шарца и нѣтъ юнака лучше меня. Какъ же мнѣ разстаться съ Шарцемъ»? Отвѣчала ему вила: «Побратимъ, Кралевичъ Марко! У тебя никто не отниметъ Шарца и твоя смерть не отъ юнака, ни отъ сабли острой, ни отъ палицы тяжелой, ни отъ копья боевого: нѣтъ тебѣ соперника на землѣ; но ты умрешь, болѣзный Марко, отъ Бога, отъ стараго мстителя[1]). Если мнѣ не вѣришь, поѣзжай на вершину Урвинъ-планины, осмотрись тамъ по

1) Веħ ħеш, бољан умријети Марко
Ја од Бога од старог крвника

Сравн. Бг҃ъ ревнивъ и мстѧй Гд҃ь, мстѧй Гд҃ь съ ꙗростїю, Гд҃ь мстѧй сопостатомъ своимъ и потреблѧѧй самъ враги своѧ (Кн. прор. Наума гл. 1, ст. 2).

Мститель (есть) Господь 1 посл. ко Солунян. гл. IV, ст. 6.

сторонамъ, увидишь тамъ двѣ стройныя ели, возвышающіяся надъ ея вершиной и осѣняющія ее своими вѣтвями; изъ-подъ ихъ корней течетъ родникъ холодной воды: останови тамъ Шарца, сойди съ коня, привяжи его къ ели, наклонись надъ родникомъ, посмотри въ воду, — и увидишь, что пришла пора тебѣ умереть». Марко исполняетъ совѣтъ вилы. Когда онъ увидѣлъ въ водѣ отраженіе своего лица и узналъ, что пришла ему смерть, то пролилъ слезы и проговорилъ: «Лживый свѣтъ, мой прекрасный цвѣтъ! Мало походилъ я по тебѣ, всего триста лѣтъ. Теперь пришла пора мнѣ преставиться». Снялъ Марко съ себя саблю, подошелъ къ коню и отрубилъ ему голову, чтобы Шарацъ не достался туркамъ, не служилъ имъ, не возилъ для нихъ воды въ мѣдномъ кувшинѣ. Зарылъ Шарца въ землю, похоронилъ его лучше, нежели родного брата Андрію. Потомъ свою острую саблю переломилъ на четыре части, чтобы она не попала къ туркамъ, чтобы не хвастали турки, что досталась имъ сабля Марка, а христіанскій міръ не проклиналъ бы его. Свое боевое копье Марко разломилъ затѣмъ на семь частей и разбросалъ осколки его по еловымъ вѣтвямъ. Оперенную палицу свою Марко бросилъ съ Урвинъ-планины въ глубокое море съ такими словами: «Когда эта палица выйдетъ изъ моря, тогда появится другой такой молодецъ, какъ я». Покончивъ со своимъ вооруженіемъ, Марко написалъ свое завѣщаніе, въ которомъ свои деньги — три пояса желтыхъ дукатовъ распредѣлилъ такъ: одинъ поясъ тому, кто предастъ погребенію его тѣло, другой на украшеніе храмовъ Божіихъ, а третій слѣпцамъ и калѣкамъ: пусть слѣпцы ходятъ по свѣту, пусть воспѣваютъ и поминаютъ Марка! Положилъ Марко свое завѣщаніе на еловую вѣтку, на видное мѣсто, чтобы съ проѣзжей дороги можно было его увидѣть, а дорожный золотой письменный приборъ бросилъ въ колодязь. Снялъ Марко съ себя зеленую до́ламу, разостлалъ на травѣ подъ елями, сѣлъ на нее, нахлобучилъ на глаза соболью шапку, потомъ легъ и уже не всталъ. Цѣлую недѣлю пролежалъ Марко мертвый у источника на Урвинъ-планинѣ. Проѣзжіе, видя Марка и думая, что онъ спитъ, сворачивали съ дороги далеко въ сторону изъ опасенія пробудить его. Гдѣ счастье, тамъ и несчастье; а гдѣ несчастье, тамъ и счастье! Добрый случай привелъ на Урвинъ-планину святогорскихъ монаховъ: Василія, игумена Хиландарскаго монастыря и дьяка Исаію. Игуменъ Василій заприметилъ письмо Марка, взялъ его, прочелъ, пролилъ слезы, — такъ было ему жалко Марка, — возложилъ тѣло Марка на своего коня, достигъ моря, на галіотѣ привезъ его на св. Гору въ Хиландарскій монастырь и схоронилъ его среди хиландарской церкви. Могилу Марка старецъ не отмѣтилъ никакимъ знакомъ, чтобы враги героя изъ мести не осквернили его прахъ.

Въ своемъ прежнемъ изслѣдованіи пѣсенъ Маркова цикла (Южно-слав.

сказанія о Кралевичѣ Маркѣ гл. XVI) я видѣлъ въ пѣснѣ о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ пріуроченіе историческихъ воспоминаній о смерти «краля Марка при Ровинахъ» къ мѣстности Урвино или Урвинъ въ Скопльской области сѣверной Македоніи, на восточныхъ отрогахъ Карадага. Въ настоящее время я нахожу, что эта замѣчательная пѣсня представляетъ болѣе сложную ассоціацію поэтическихъ образовъ, нежели та, какую я предполагалъ ранѣе, и при сужденіи о томъ, какой поэтической или историко-географической ассоціаціи именъ подчинялись южно-славянскіе пѣвцы, переносившіе смерть Марка съ Ровинскаго поля на Урвинъ-планину, нельзя упускать изъ виду и еще двѣ возможности.

1. Въ болгарскихъ историческихъ преданіяхъ и пѣсняхъ, связанныхъ съ именами царей Асѣня и Шишмана и относящихся къ паденію Болгарскаго царства, упоминается городъ Юрвинъ или Урвичъ. Урвичемъ въ наст. время называется село и при немъ городище въ области восточныхъ склоновъ Витоша, на берегу р. Искера, въ Софійскомъ округѣ (Карановъ въ ж. «Наука» Пловдивъ 1881 г. кн. VI, стр. 495—502. М. С. Дриновъ Критич. статья по поводу Сборника пѣсенъ Качановскаго. Периодич. Спис. 1882 г., кн. IV, стр. 144). Намъ необходимо, хотя, къ сожалѣнію вкратцѣ, насколько позволяютъ предѣлы темы, коснуться содержанія этихъ пѣсенъ, представляющихъ большой интересъ для исторіи болгарскаго героическаго эпоса до-Марковой поры (болѣе обстоятельное разсмотрѣніе пѣсенъ про Ясеня оставляемъ до другого времени). Въ п. «Царь Ясенъ (Сборн. за нар. умотвор. т. II, отд. пѣсенъ стр. 81) разсказывается слѣдующее: въ городѣ Юрвинѣ пьетъ вино царь Ясенъ со слугой своимъ королемъ Степаномъ. Ясенъ проситъ короля Степана спѣть пѣсню и развеселить пирующихъ. Король говоритъ, что ему не до пѣсенъ, такъ какъ онъ началъ строить девять мостовъ, девять церквей и ничего не можетъ окончить за неимѣніемъ средствъ. Царь Ясенъ обѣщаетъ покрыть расходы изъ своихъ средствъ. Тогда Стефанъ запѣлъ пѣсню. Въ отвѣтъ на королевскую пѣсню отозвался мальчикъ тоже пѣсней, въ которой извѣщалъ царя Ясеня о нападеніи турокъ на царство, взятіи царскаго дворца, убійствѣ матери царя и полоненьи молодой царицы Елены съ сыномъ. Царь Ясень отправляется въ погоню за турками, настигаетъ ихъ за селомъ Кокалене (въ Софійск. окр.), отнимаетъ царицу, а туркамъ отрубаетъ русыя головы.

Въ варіантѣ, напечатанномъ тамъ же, на стр. 81—82, не упоминается о королѣ Стефанѣ, а говорится, что когда царь Ясенъ уѣхалъ въ Робá, турки напали на его крѣпость Урвичъ и полонили царицу. Царь спѣшитъ въ слѣдъ туркамъ, догоняетъ ихъ и отнимаетъ царицу. На возвратномъ пути онъ спрашиваетъ у царицы, не осквернили ли ее турки. Царица отвѣчаетъ иносказаніемъ: когда-молъ волкъ ворвется въ стадо да ухватитъ

черношерстаго ягненка, такъ ослюнитъ его. Вернулись царь съ царицей въ Урвичъ, царица говоритъ царю: «Царь, о славный царь, мы чисты, пречисты, а все-таки турки чище:

Царо ле, честит царо-ле!
Ниіе сме чисти, пречисти,
А турци са бште пô-чисти.

Это мѣсто пѣсни является отголоскомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя производила на христіанъ нравственная чистота поведенія турокъ въ первую эпоху завоеваній ихъ па Балканскомъ полуостровѣ, въ извѣстной степени благопріятствовавшая ихъ политическимъ и военнымъ успѣхамъ. Оно очень сходно съ тѣмъ приговоромъ о туркахъ, какой находится въ «Повѣсти о созданіи и взятіи Царь-града» (XV в.): еслибы къ правдѣ турецкой да вѣра христіанская была, то съ ними бы ангелы бесѣдовали» (Порфирьевъ Истор. рус. слов. I, 480. Сравн. А. Поповъ, Изборн. 87—91. Срезневскій, Повѣсть о Царьградѣ Уч. Зап. А. Н., т. I).

Царь Ясенъ, однако, думалъ иначе, нежели его супруга, дѣйствовавшая, повидимому, въ какомъ-то соглашеніи съ турками при взятіи ими Урвича: выхватилъ онъ саблю, чтобы убить царицу, а она побѣжала отъ него на балконъ дворца, бросилась съ балкона на землю и расшиблась на смерть. Въ вар., слышанномъ Качановскимъ (Памятники болгарскаго нар. творч. № 108), царь Ясень, отнявъ у турокъ царицу, уводитъ ее въ Урвичъ-городъ «сосъ желѣзны порты» и здѣсь, разсердившись на нее за сочувственный отзывъ о туркахъ, изрубаетъ ее въ куски и разбрасываетъ ихъ по камнямъ. Царица кормила тогда ребенка, и отъ кусковъ ея тѣла потекла рѣчка съ бѣлой водой. А царь Ясенъ, скрывъ свои сокровища въ Урвичѣ-городѣ, убѣжалъ въ Россію. Отъ русской крестьянки Ясѣнь прижилъ сына, который послѣ смерти отца вернулся въ Болгарію, пришолъ въ Урвичъ, пашелъ кладъ своего отца и съ нимъ вернулся въ Россію.

Въ вар. № 107 ibid. нѣтъ упоминанія объ Урвичъ-городѣ. Въ нар. преданіи, сообщаемомъ Паисіемъ, авторомъ «Исторіи Славено-болгарской» (1762 г.), Урвичъ монастырь называется крѣпостью царя Шишмана. Въ Срѣдцѣ, Урвичѣ и другихъ природныхъ укрѣпленіяхъ «покрай Искаръ река и по Витоша гора» Терновскіе господа и царь Шишманъ семь лѣтъ укрывались отъ турокъ, находя себѣ помощь «отъ Сербія и *отъ краля Вукашина и отъ охридски болгари* (Дриновъ, ibid. 145).

Въ сообщенномъ Миладиновыми преданіи о послѣднемъ боѣ царя Шишмана съ турками, пріуроченномъ однако не къ Урвичу, а къ окрестностямъ Самокова, говорится, что Шишманъ смертельно раненый въ битвѣ

съ турками, скрылся въ крѣпости, находившейся по правую сторону Самоковскаго горнаго прохода, гдѣ скончался и былъ погребенъ. На мѣстѣ сраженія отъ семи ранъ, полученныхъ Шишманомъ, образовалось семь родниковъ, что дало основаніе назвать все то урочище «Седум кладенци» (Пѣсни бр. Миладинов., стр. 78—79).

Въ изложенныхъ пѣсняхъ про Ясеня и Шишмана, несомнѣнно, заключаются намеки на событія болгарской исторіи конца XIV в., періода столкновеній «прѣизящтнаго царя блъгаромъ Александра Асѣня (1331—1365) съ Мурадомъ и завоеванія Болгаріи при Шишманѣ, послѣднемъ болгарскомъ царѣ, султаномъ Баязетомъ (1393 г.). Въ первой войнѣ болгаръ съ султаномъ Мурадомъ палъ царевичъ Асѣнь, сынъ болгарскаго царя Александра, о чемъ сообщаетъ болгаро-румынская хроника, изданная Григоровичемъ и недавно Богданомъ (Сравн. Иречекъ Истор. болгаръ, перев. Яковлева, Варшава, 1877 г., стр. 304).

Но подъ верхнимъ слоемъ воспоминаній о борьбѣ съ турками въ XIV в. въ пѣсняхъ про Ясена или Ясеня можно отличить и болѣе древній слой поэтическихъ образовъ, въ которыхъ отражается болѣе ранняя историческая эпоха исторіи болгаръ, именно, эпоха еще «стараго Асѣня», т. е. Асѣня I (1187—1207): пѣсня говоритъ о плѣненіи царицы, жены Ясеня, въ его отсутствіе, и сочувствіи съ ея стороны врагамъ мужа. И въ жизни царя Асѣня I были аналогичныя происшествія. По разсказу Никиты Хоніата (Stritter, Bulgarica, стр. 681), греческій императоръ Исаакъ II Ангелъ въ 1189 г. увелъ въ плѣнъ изъ Ловча жену царя Асѣня I, вмѣстѣ съ братомъ его Іоанномъ. Въ смерти Асѣня I была виновна, хотя косвенно, Елена, сестра его жены, вступившая въ отсутствіе Асѣня въ преступную связь съ однимъ изъ его приближенныхъ, Иванкомъ, который въ 1196 г. и убилъ Асѣня (Макушевъ, Болгарія въ концѣ XII и первой половинѣ XIII стол. Варш. Унив. Изв. 1872 г. кн. 3, стр. 6—7). Сынъ «Стараго Асѣня», знаменитый впослѣдствіи Іоаннъ Асѣнь (1218—1241) вмѣстѣ со своимъ братомъ Александромъ бѣжалъ въ Русь въ 1207 году, послѣ смерти Калояна и насильственнаго овладѣнія престоломъ Бориломъ (1207—1218).

Присутствіе за трапезой царя Ясеня короля Степана въ должности виночерпія отражаетъ дружественныя и родственныя отношенія сербскихъ Неманичей къ болгарскимъ Асѣнямъ. Стефанъ Неманъ былъ союзникомъ Асѣня I (Иречекъ, истор. болгаръ, 214). Сербскій король Стефанъ Владиславъ былъ женатъ на дочери Асѣня II (ibid. 236). Въ Тырновѣ скончался въ 1237 г. гостившій у Асѣня II св. Савва, сынъ Стефана Немани и дядя Стефана Владислава. Стефанъ Душанъ, царь сербскій, былъ женатъ на сестрѣ болгарскаго царя Іоанна Александра Еленѣ (Иречекъ, 280). Родственная нѣкоторая подчиненность сербскихъ Стефановъ по отношенію къ

болгарскимъ Асѣнямъ могла народному сознанію болгаръ казаться политической зависимостью, что̀ отразилось въ народной пѣснѣ представленіемъ краля Степана слугой царя Асѣня:

Цар Іа́сен ви́но пикше
У тога града Іурвина,
А слуга му іе крал Сте́пан
Цар Іасен си му говори:
«Слуго ле, слуго Степане!
«Іа да ми запе́ваш,
«Да развеселиш трапе́за...

При малочисленности болгарскихъ историческихъ пѣсенъ, относящихся къ періоду политической самостоятельности старой Болгаріи, пѣсни про Ясеня, содержащія такіе ясные намеки на историческія событія времени Асѣней I и II, пріобрѣтаютъ, конечно, выдающійся интересъ для исторіи болгарскаго эпоса. Возвращаемся теперь къ вопросу объ отношеніи всей этой группы болгарскихъ пѣсенъ и сказаній къ сербской пѣснѣ о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты сходства между этими произведеніями: a) собственныя имена Юрвинъ-городъ и Урвин-гора имѣютъ тождественныя опредѣленія; b) съ этими одинаковыми по звукамъ собственными именами соединенъ мотивъ смерти національныхъ героевъ, послѣднихъ представителей національной независимости, славы и могущества и наконецъ c) уже сообщенное выше, историческое преданіе XVIII в. связывало отца Марка, короля Вукашина и охридскихъ болгаръ съ историческимъ преданіемъ о борьбѣ болгаръ съ турками, происходившей у Урвичьскаго града т. е. Юрвина. Сообщеніе Паисія даетъ указаніе на тотъ путь, которымъ могло совершиться въ эпосѣ и пріуроченіе смерти Марка сначала къ Урвину-городу, а потомъ и къ Урвинъ-планинѣ.

2. У старыхъ географовъ встрѣчается названіе, близко подходящее къ имени Урвинъ-планины именно Ὀρβῆλος или Ὄρβηλος, что конечно произносилось по средне-гречески — *Орвилъ*, а не Орбелъ. Этимъ именемъ называлась возвышенность, идущая отъ Рила и сѣв.-зап. кряжа Родоповъ къ юго-западу, между рѣками Стримономъ и Нестомъ (Меета, Карасу) до Пангея (Пернара) (Forbiger Handbuch d. alten Geographie III, 1051), но преимущественно громадный колоссъ, стоящій надъ гор. Мельникомъ и называющійся теперь Перинъ-планиной, Перинъ-дагомъ (Geographica Strabonis изд. Didot т. II, Указатель. Иречекъ истор. болгаръ, перев. Яковлева 21). По имени этой горной цѣпи и главной ея вершины, и вся область, надъ

которою она господствуетъ, называлась у древнихъ Ὀρβηλιά или Ὀρβιλία (у Птоломея: Carol. Müllerus, Ptolem. Geograph. изд. Didot Par. 1883, I, 507) или Παροββηλία (у Страбона см. Strabonis Geographica, Car. Müllerus I, 281).

Славяне, занявшіе область между Стримономъ и Нестомъ уже въ VII в. (Дриновъ, Заселеніе Балк. полуостр. славянами 165), могли заимствовать сл. Ὄρβηλος, какъ географическій терминъ и затѣмъ измѣнить его въ *Урвинъ*, во 1-ыхъ, въ силу сближенія съ туземными словами отъ корня *ръв* (сравн. болг. у́рва, сербск. урвина mons praeceps, стар.-слав. *оурвище*), во 2-ыхъ, въ силу чисто-фонетическихъ причинъ: примѣры измѣненія *о* на *у* въ болгарск. яз. см. у Лаврова, Обзоръ, 52, у Кульбакина, Матеріалы для характерист. ср.-болг. яз. Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. IV, 851—852, — *л* на *н* у Лаврова, Обзоръ, 93. Страна, заключавшая въ себѣ *Орвилъ* или Перинъ-дагъ, принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ мѣстностямъ въ исторіи южныхъ славянъ. Подвиги южныхъ славянъ начинаются въ ней уже въ VII в. (Дриновъ, Заселеніе, 165). Затѣмъ она играла роль въ историческихъ событіяхъ, сопровождавшихъ образованіе монархій Самуила, Стефана Душана. Съ ней связаны подвиги нѣсколькихъ героевъ южно-славянскихъ: Стрѣза въ XII в., Слава въ XIII в., Хрели въ первой полов. XIV в. Во второй половинѣ XIV в. здѣсь правилъ дядя Марка Кралевича кесарь Углеша. Въ эпоху покоренія южно-славянскихъ государствъ турками въ углѣ, образуемомъ Орвиломъ, Родопами и Балканомъ, сходились границы Болгаріи, Сербіи, Византіи и Турецкихъ владѣній въ Европѣ (Hammer Geschichte d. Osman. Reich. I, 177).

Такому пониманію Урвинъ-планины соотвѣтствуетъ представленіе о ней самой пѣсни про смерть Марка; съ Урвинъ-планины можно было съѣхать къ берегу моря, по которому было недалеко доѣхать и до Аѳона.

Пріурочивая смерть своего національнаго героя къ Урвинъ-планинѣ, что̀ бы ни разумѣть подъ этимъ именемъ, южно-славянскіе пѣвцы подчинялись не одной только ассоціаціи знакомыхъ образовъ, которую вызывало собственное имя «Ровинъ», но, повидимому, находились еще подъ вліяніемъ готоваго эпическаго сюжета, бывшаго достояніемъ традиціоннаго творчества не только южныхъ славянъ, но и другихъ народовъ Европы. На этотъ послѣдній указываетъ слѣдующее сравненіе. Пѣсня о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ оказывается сходной съ разсказомъ La Chanson de Roland о смерти Роланда (Строфы CXCVIII—CCVI по изд. Gautier=строф. 170—178 по переводу гр. Де-ла-Барта).

Сходство между этими произведеніями состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Смертельно раненый Роландъ, чувствуя близость кончины, идетъ на холмъ, стоящій на границѣ земли испанскихъ мавровъ, находитъ на немъ

два дерева и ложится подъ ними въ ожиданіи смертнаго часа (La Chanson de Roland, стихи 2265—2270). Потомъ, собравъ послѣднія усилія, перебѣгаетъ къ ели, падаетъ подъ нею на зеленую траву и умираетъ (ibid. строфа CCIV). Подобно этому и Марко Кралевичъ, предупрежденный вилой о близости смерти, взъѣзжаетъ па вершину Урвинъ-планины, находитъ тамъ двѣ высокія, развѣсистыя ели, ложится на травѣ подъ ними и умираетъ.

Если принять во вниманіе 2-ое и 3-ье толкованіе сл. Урвинъ-планина, то сходство сказаній въ избраніи мѣстъ для смерти Марка и Роланда состоитъ въ томъ, что оба героя выбираютъ пограничные возвышенные пункты, откуда открывался видъ на землю злыхъ враговъ ихъ отечества.

2. Какъ Марко, такъ и Роландъ плачутъ передъ смертью: Марко при мысли о разлукѣ со свѣтомъ, Роландъ — съ мечемъ Дюрандалемъ:

Виђе Марко, кад ће умријети,
Сузе проли, па је говорио:
«Лажив свјете, мој лијепи цв'јете!
«Л'јеп ти бјеше, ја замало ходах!
«Та за мало, три стотин' година!
«Земан дође, да св'јетом промених»!

Quand il (Roland) ço vit que n'en pout mie fraindre (Durendal).

A sei meïsme la cumencet à plaindre (La Chans. de Rol. стихи 2314—2315, сравн. ibid. ст. 2342—2343).

3. Роландъ и Марко передъ смертью вспоминаютъ о своихъ хожденіяхъ по бѣлу свѣту:

Како бих се са Шарцем растао,
Кад сам прош'о земљу и градове
И обиш'о Исток до Запада,
Та од Шарца бољег коња нема,
Нит' нада мном бољега јунака?

Роландъ говоритъ о своемъ покореніи подъ власть Карла многихъ странъ — отъ Ирландіи и Шотландіи до Константинополя (строфа CCII).

4. Роландъ силится разбить свой мечъ для того, чтобы онъ недостался маврамъ:

Pur ceste espée ai dulur e pesance:
Mielz voeill murir qu'entre paiens remaignet
(стихи 2336—2337).

Марко Кралевичъ убиваетъ своего коня, ломаетъ мечъ и копье, а палицу боевую бросаетъ въ море, чтобы все это не досталось туркамъ:

Да му Шарац турком не допадне,
Да турцима не чини измета,
Да не носи воде ни ђугума. (ст. 76—78).
Да му сабља турком не допадне,
Да се турци њоме не поносе,
Што је њима остало од Марка,
А ришћанлук Марка не прокуне. (ст. 83—86).

5. Роландъ передъ смертью кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ (строфа CCV): Марко въ искупленье своихъ грѣховъ и на поминъ души своей завѣщаетъ свое имущество на церкви и нищимъ, а третью часть его тому, кто предастъ погребенію его тѣло:

Један ћу му ћемер халалити,
Што ће моје тјело укопати,
Други ћемер, — нек се цркве красе,
Трећи ћемер кљасту и слијепу,
Нек слијепи по свијету ходе,
Нек пјевају и спомињу Марка. (ст. 107—112).

6. Роландъ умираетъ, обративъ свое лицо къ врагамъ Франціи, маврамъ:

Turnat sa teste vers la paiene gent:
Pur ço l'ad fait que il voelt veirement
Que Carles dit e trestute sa gent,
Li gentilz quens, qu'il fut morz cunquerant.
(стихи 2360—2364).

Марко умираетъ, принявъ грозную позу по направленію и отношенію къ врагамъ, и прежде всего, конечно, къ туркамъ.

Скиде Марко зелену доламу,
Простриje je под јелом на трави,
Прекрсти се, сједе на доламу,
Самур-калпак на очи намаче,
Доље леже, горе не устаде.
Мртав Марко крај бунара био
Од дан' до дан' нећелицу дана,
Когођ прође друмом широкијем,

Те опази Краљевића Марка,
Свако мисли, да ту спава Марко,
Око њега далеко облази,
Јер се боји да га не пробуди. (Стихи 117—129).

7. Моментъ смерти того и другого героя одинаково мирный и безмятежный: Марко «доље леже, горе не устаде» и Роландъ:

Desur sun braz teneit le chief enclin:
Juintes ses mains est alez à sa fin. (Ст. 2391—2392).

8. Душу Роланда принимаютъ архангелы и херувимы и переносятъ въ свѣтлый рай: (стихи 2393—2395).

Тѣло Марка святогорскій игуменъ Василій переноситъ на Святую Гору, въ Хиландарскій монастырь и предаетъ погребенію:

Насред б'јеле цркве хиландарске.

Конечно, приведенными сравненіями не рѣшается вопросъ о зависимости сербской пѣсни о смерти Марка на Урвинъ-планинѣ непремѣнно отъ соотвѣтствующей пѣсни Роландова: цикла могли существовать въ обиходѣ средневѣковыхъ пѣвцовъ — вагантовъ, голіардовъ, трубадуровъ и проч.— отдѣльныя пѣсни на мотивъ разсмотрѣнныхъ поэтическихъ произведеній сербскаго и старо-французскаго творчества; но нельзя не замѣтить, что самое предположеніе о возможности захода сказанія Роландова цикла на Балканскій полуостровъ не должно представляться невѣроятнымъ. Извѣстность сказаній о Карлѣ Великомъ въ Византіи засвидѣтельствована уже Константиномъ Багрянороднымъ (А. Н. Кирпичниковъ, Разборъ перевода поэмы о Роландѣ гр. Де-ла-Бартъ. Отчетъ о присужд. Пушк. преміи въ 1897 г., стр. 69). Акад. А. Н. Веселовскій отмѣтилъ въ памятникѣ XVIII в. фактъ пріуроченія Роланда къ Дубровскому (Die Rolandssage zu Ragusa Arch. f. Slav. Philologie V. 398—400). A Gidel указалъ въ памятн. XVI в. на пріуроченіе того же героя къ Бруссѣ (Études sur la littérat. greque moderne, стр. 57—58).

Съ другой стороны, установленной параллелью подтверждается полная вѣроятность мнѣнія о томъ, что въ основѣ La Chanson de Roland лежатъ отдѣльныя пѣсни, небольшія кантилены, въ древнее время распѣвавшіяся профессіональными пѣвцами, а съ теченіемъ времени забытыя на своей родинѣ. Въ виду отсутствія во французскомъ устномъ и письменномъ творчествѣ указаній на живые поэтическіе источники La Chanson de Roland, сохраненіе сербскимъ эпосомъ мотива, внесеннаго въ поэму, нельзя не признать знаменательнымъ фактомъ, доказывающимъ не лишній еще разъ,

сколько цѣннаго поэтическаго матеріала сохраняется въ славянскомъ героическомъ эпосѣ, являющемся живымъ поэтическимъ архивомъ для исторіи европейской поэзіи эпохи среднихъ вѣковъ.

По вопросу о мѣстѣ, гдѣ могли происходить это и подобныя этому сочетанія и преображенія поэтическихъ мотивовъ въ новыя цѣльныя художественныя произведенія, было давно сдѣлано указаніе акад. А. Н. Веселовскимъ на сѣверо-зап. уголъ Балканскаго полуострова, на Боснію и Герцеговину, гдѣ дольше сохранялась національная независимость Сербовъ, долѣе было устно-поэтическое творчество интенсивнымъ и гдѣ скрещивались въ средніе вѣка два широкихъ культурныхъ теченія восточное и западное и гдѣ, слѣдовательно, были на лицо обстоятельства, благопріятствовавшія международной поэтической взаимности. Не нужно упускать изъ виду, однако, возможности такой же взаимности и въ южныхъ и юго-западныхъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова, въ собственно болгарскихъ историческихъ и этнографическихъ предѣлахъ. Можно думать, что крестовые походы особенно третій и четвертый и образованіе латинской имперіи сильно содѣйствовали культурному сближенію болгаро-славянскаго юга съ романскимъ западомъ. Несомнѣнно, на почвѣ славяно-романской взаимности произошло усвоеніе южно-славянскимъ эпосомъ романскаго эпическаго 10-ти сложнаго размѣра съ цезурой послѣ 4-го слога[1]) и вытѣсненіе имъ прежнихъ стихотворныхъ размѣровъ между прочимъ, повидимому, Versus politici, къ которымъ относятся какъ древнія церковно-славянскія стихотворенія, представляющія 12-ти-сложный политическій стихъ (акад. А. И. Соболевскій Церковно-слав. стихотвор. IX и нач. X в. Спб. 1892 г.), такъ и дожившія до XVII в. 15-ти и 16-ти сложные метры книжно-народныхъ эпическихъ произведеній хорватскаго Приморья и Дубровника, извѣстныхъ подъ названіемъ «бугарштицъ», «бугаркинь», «бугарскихъ пѣсенъ» (bűgâr-štica, bűgârština, bűgârkinja, bűgârka и bűgarska pjesan. Rječnik jugoslav. akad. I, 715—716))[2].

М. Халанскій.

Харьковъ, 1903 г.
Окт. 26 д.

---

1) См. Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, стр. 769—772. Высказанныя мной здѣсь соображенія объ исторіи южно-славянскаго эпическаго стиха нашли сочувственный пріемъ и дальнѣйшее развитіе у г. Шишманова (Пѣсень та за мрътвия братъ, стр. 135 слѣд.) и Цвѣткова Бѣлѣшки за българск юнашкия епосъ Периодич. Спис. 1901 г. дек. 722—724).

2) См. О бугарштицахъ Рус. Филолог. Вѣстн., т. VII, стр. 121 слѣд. Южно-слав. п. о Крал. Маркѣ, стр. 777 слѣд. Шишмановъ Критиченъ Прѣглѣдъ на вопр. за произхода на прабългарите сборн. за нар. умотвор., т. XVI—XVII, стр. 706.

Проучавање насеља у српским земљама.

од Јована Ердељановића.

Већ се примицао крај 19. столећа, а на области проучавања српског народа после знаменитог Вука Караџића мало је које име засветлело. Осим радова неуморног Новаковића и Богишића и збирака од Милићевића и Врчевића све су остало биле омање расправе и прилози.

Српски народ, највећи а у новијој историји и најзнатнији од балканских народа, још се и веома одликује својим разноликим и карактеристичним етничким особинама. Звучни језик, богато народно песништво, племенски и задружни живот, правни обичаји (међу којима и крвна освета), крсно име и други обичаји из домаћег и друштвеног живота са много осталих значајних црта — све су то одлике, које се могу још и сад с успехом проучавати у српском народу. Томе треба додати и неједнаки утицај разноликог земљишта, климата и других природних погодаба, шарену мешавину словенске расе с илирско-романском и грчком, а са тим уједно и мешавину донесене словенске културе са старом, затеченом; најзад и све добре и зле последице историске судбине, претурених беда и вековне борбе са грабљивим туђинима. Све се то тако згодно састало у овом једном, по језику и главним особинама ипак врло једноставном народу, да ће за етнолошку науку бити несумњиво велика добит, ако се он ускоро буде темељно проучио у свима овим правцима. Ускоро и што пре треба српски, као и остале балканске народе проучити, јер ће продирање западњачке културе и само хитање балканскихъ народа, да се што пре отресу свега «патријархалног» и «варварског», уништити многу старину, која је иначе кроза све векове турске владавине уживала потпуно право живота.

Да се тај задатак изврши, потребно је на првом месту, да сами балкански народи имају довољан број стручно спремних људи, који су овоме послу потпуно дорасли. Али је исто тако потребно, да ово проучавање покрећу и воде најпозваније научне установе (Академије Наука и музеји), да

се оно врши с нарочитим планом, систематски, и да придобије што већи број сарадника у средини самог народа. Ни једног ни другог није било у балканских народа све до пред крај 19-века, а тада се осети живљи покрет у Јужних Словена, који и у том, као и у сваком другом погледу измакоше далеко у напред од својих балканских суседа. Поред великих лексикографских предузећа српске и хрватске Академије Наука поче се приводити делу и жеља за етнографским испитивањем свог народа. Етнографски зборници српске и хрватске Академије и бугарског Министарства Просвете већ су довољно познати, те се и не мислим на њима задржавати. Прећи ћу одмах на предмет овога чланка.

Српска Академија Наука за пуних десет година, од кад је покренула свој Етнографски Зборник, издала је свега три књиге чисте, уже етнографске садржине. Овакав спори рад јасно показује, да није довољна ни добра воља једне Академије, ако нема и спремних људи, прикупљених на једном послу. Али док тако стоји с етнографијом, дотле је срећом на једној врло блиској научној грани постигнут врло леп успех. То је на антропогеографском проучавању свих српских земаља, којим је за сад најпре обухваћена најглавнија страна тога посла: сеоска насеља са свима сродним облицима. Две године једно за другим (1902 и 1903) изишле су већ две дебеле књиге под именом **Насеља Српских Земаља**, I и II књига, као четврта и пета књига Етнографског Зборника Српске Краљ. Академије Наука. Уза сваку од њих иде и по један атлас са картама, цртежима и фотографским снимцима. Богата грађа и проматрања, антропогеографска а уз њих и многа етнографска, најбоље доказују замашност и научни значај ових проучавања. Да бих словенске научнике упознао са правцем ових испитивања и са до сад објављеним радовима, ја сам израдио овај опширни приказ. Њему сам додао и повише слика и карата из оба атласа, да бих цео правац проучавања што јасније представио. Слике 13, 14, 15, 20, 22, 23, 24, 25, 26 и карта Крстаца са ђерађима су из I атласа, а све остале из II.

Покретач је и руковалац тога великог посла д-р Јован Цвијић, професор географије и управник Географског Завода на Великој Школи у Београду. Његовом енергичном заузимању и смишљеном, систематском раду има се једино захвалити, што су ова антропогеографска проучавања одмах од почетка пошла правилним путем и што су већ првих година дала обилатих резултата. Није само толико грађе прикупљено, колико је објављено у поменутим двема књигама «Насеља». «Сакупљена је, каже проф. Цвијић, огромна грађа и готове су многе расправе, које обухватају све наше земље на Балканском Полуострву»... (I књ. «Насеља», стр. II).

Проф. Цвијић је још 1896. године штампао прва «Упуства за про-

учавање села у Србији», а доцније и по једна «Упуства» за Босну с Херцеговином и за Стару Србију с Македонијом. Ова је «Упуства» разаслао свима образованијим људима, од којих је могао очекивати сарадништво на овом послу, а нарочито учитељима и свештеницима. Лично заузимање професора Цвијића, подстицање преко листова, а затим и утицање од стране Министарства Просвете и српских консулата у Старој Србији и Македонији учинили су, да су ова проучавања постала позната врло широком кругу образованих Срба и да су добила знатан број сталних сарадника. Одговори на «Упуства» — описи појединих села или и по неке целе области — стизали су у све већем броју Географском Заводу Велике Школе [1]).

Али је напоредо с овим вршен у Географском Заводу и други важан посао: проф. Цвијић је међу својим ученицима припремао себи сараднике на овом послу. Њихова је помоћ у овом послу већ била преко потребна: приспелу грађу је требало оцењивати и сређивати, једне сараднике кретати на даљи рад, а друге упућивати. И труду ових млађих географа има се захвалити, што су многи од сарадника из народа добро упућени. Колико пак и они сами имају удела у проучавању свога народа, најбоље показују радови досадашње две свеске «Насеља», јер од 12 расправа, које су у њима штампане, само су четири од сарадника из народа, све остале су израдили Цвијићеви ученици, од којих су неколицина већ професори. И картографске радове и фотографска снимања могу с најбољим успехом и разумевањем вршити једино ови стручно спремни сарадници.

Да проучавање села добије још већега полета, придошле су још и ове повољне прилике: Географски Завод је и новчано потпомогнут од Академије Наука и од фонда покојног професора географије, В. Карића. Ма колико да је скромна ова помоћ, ипак је она према српским приликама драгоцена.

Na стр. VIII уводног дела (I књига «Насеља») проф. Цвијић излаже, на који ће се начин објављивати радови и грађа у «Насељима». Праве расправе појединих сарадника излазиће као засебни радови, а обухватаће увек географске или племенске и жупске целине. А необрађена грађа, прибрана од разних сарадника, мораће се најпре пажљиво пробрати, па опет прикупити у веће, географске или племенске, целине и још ће се за сваку

1) «Упуства» су написана у виду питања, удешених тако, да се на њих мора одговорити описивањем оне ствари, о којој се пита. Многа су питања и нарочито објашњена. «Упуства» имају 7 одељака: 1. Положај села и његове природне погодбе; 2. Тип села; 3. Кућа и зграде око ње; 4. Зграде ван села (сточарске, земљорадничке и др.); 5. Постанак имена сеоских и других; 6. Постанак села и порекло становништва, остаци из старине; 7. Занимање становништва.

такву област израдити и општи антропогеографски преглед. Нема сумње, да је овакав начин објављивања најбољи: дају се и општи погледи и закључци за сваку природну целину, а одмах затим долази и сва грађа, тако да је и она свакоме приступна.

Имам овде само још ово да напоменем. Ову другу врсту грађе не само да треба пробрати и уредити, него би је најпре ваљало и критички (бар у неколико) проверити и допунити. Јер њу су слали већином сарадници трећег реда, људи, који су овда онда израдили опис понеког села, да би се одужили позиву Географског Завода. И наравно, да они нису могли радити с толико разумевања, као стални сарадници. Зато је у тим појединачним описима могло остати много што, шта превиђено. Добро би дакле били, кад би се така грађа из неке области поверила коме од сталних сарадника, да је путовањем по самој области допуни и њену поузданост утврди. И ако би посао услед тога био мало успорен, али би бар сви радови у «Насељима» остали на истој висини по њиховој научној вредности [1]).

Овим смо разгледали пут, којим је пошло проучавање села у српским земљама и којим и сад иде. А јамачно ће требати још подужи низ година оваког рада, док се оно заврши у свима српским крајевима.

* * *

Да пријемо сада разгледању радова у обе књиге «Насеља». У I књизи је најпре велика расправа професора Цвијића: Антропогеографски Проблеми Балканског Полуострва, затим три рада од његових ученика: Доње Драгачево од Јована Ердељановића; Средње Полимље и Потарје од Петра Мркоњића (Танасија Пејатовића, који је на нашу велику жалост прерано умро) и Дробњак од Светозара Томића. У другој књизи има 9 радова, 5 од Цвијићевих ученика, а 4 од сталних сарадника из народа: О љубићским селима од Радомира М. Илића; Врањска Пчиња и Околина Београда од Ристе Т. Николића; Млава од Љубомира Јовановића; Левач од Тодора М. Бушетића, учитеља; Васојевићи од попа Богдана Лалевића и Ив. Протића; Вишеградски Стари Влах од попа Стјепа Трифковића; Билећске Рудине од Јефта Дедијера; Шума, Површ и Зупци од Обрена Ђурића-Козића, учитеља.

Све ове расправе појединих сарадника имају исту главну основу, а то је антропогеографски материјал, прикупљен према поминутим «Упуствима». И распоред је те грађе у главноме код свију подешен према одељцима «Упустава». Још се и у самом начину обрађивања јасно види једно заједничко начело: да се оно, што је опште, што вреди за целу проучену област, прикупи на једном месту и нарочито истакне и одвоји од онога, што је посебно или изузетно. Али поред ових заједничких, већина од поменутих расправа има и својих засебних особина, како у обради, објашњавању

---

1) Нешто слично је већ урађено у Географ. Заводу. Заводски асистенат, Риста Николић, проучио је сву грађу за околину Београда, које је било у Заводу, па је онда путовањем знатно допунио, употребио и податке из књижевности и тако је израдио ваљану расправу. Желети је сад само, да се тако поступи и у свима другим случајевима!

појава и извођењу закључака, тако и у обиму и врсти унесене грађе. Тако нпр. у многима од њих имамо, поред главне грађе на првом месту, и много етнографске а затим и историске и филолошке. Да ово није на одмет, разуме се по себи, а да̂ се објаснити не само личним схватањем и вољом појединих писаца него и самом тесном везом антропогеографије са поменутим наукама, нарочито с етнографијом. — Уза сваки од радова има врло корисних прегледа или спискова свију географских и етнографских назива (термина), географских имена и породичних презимена. Уз поједине радове иду и карте, цртежи и фотографије, прикупљени у поменута два атласа. Кад разгледамо атласе, видимо, да су неки радови оскуднији у једној или другој врсти ових прилога. То је последица неких тешкоћа, које се не дају тако лако савладати (в. предговор II књ. «Насеља»). Прва је од тих тешкоћа, што сами сарадници не располажу подједнако сваком од потребних вештина (цртањем, фотографисањем и картографским знањем) нити се то према приликама у нас може од њих и тражити. А друго је, што се српска Државна Штампарија, у којој се ови атласи раде, и сама бори са многим техничким недостацима, те неки од ових прилога добију по невољи сасвим друкчији облик од онога, који им је првобитно, као најподеснији, био намењен. Али би сам Географски Завод могао бар једну празнину увек попунити, а то је: да изради уза сваки рад згодну прегледну карту, која је увек преко потребна.

У својим **Антропогеографским Проблемима Балк. Полуострва** износи проф. Цвијић опште црте и шира антропогеографска разматрања, која се до сад могу сматрати као прва поуздана основица за даље студије. Осим тога има у овој расправи и мноштво подстицаја и упућивања на проблеме из живота балканских народа, нарочито балканских Словена. Не само балкански географ него и етнограф, културни историчар и филолог наћи ће у овој расправи пуно лепих тема за свој испитивачки рад.

Проф. Цвијић истиче особити значај Балк. Полуострва за географска и етнографска проучавања због његових великих природних и етничких разноврсности. Али су осим тога од особитог интереса и културне разлике. Скоро јединствена је појава, да на овако малом простору, као што је Балк. Полуострво, има четири главна културна појаса — византиско-аромунски (византиско-цинцарски), патријархални, италијански и средњеевропски — којима се могу додати и турски културни утицаји. Врло су лепо карактерисани поједини од ових појаса. Византиско-аромунском културном кругу припада цела јужна половина полуострва, и он још залази долином Мораве и у Србију и осећа се у црноморском приморју Бугарске. Али у Македонији има и знатних оаза патријархалне културе, и оне су обично словенске. Византиско-цинцарска култура је најстарија, али са пуно својих махна: са јако развијеном саможивошћу и грамжењем за добити, неразвијеним осећањем дужности и др. — Патријархална култура захвата готово све северне балканске земље изузев поменутих, у које је продрла византиско-цинцарска култура, и других на западу, који су под утицајем талијанске културе (управо су само вароши потпуно под овим утицајем). У области патријархалне културе «живе физички најјача и етнографски најсвежија племена и народи Балканскога Полуострва.»

(стр. XXXI). — Средњеевропска култура има врло малу област, захватила је само у неколико северо-западне крајеве Србије. — Најзад турска је култура ограничена само на мухамеданско становништво и на вароши по Турској («чаршије»); сеоско хришћанско становништво није овом културом скоро ни дирнуто.

У одељку за овим разгледају се **положаји насеља** на Балк. Полуострву. Особито вреди истаћи јасно уочену разлику по положајима села између западне и источне половине полуострва. У западној су половини села поглавито на брдима, сав је живот и рад сеоски усредсређен на брду, и села «заузимају махом велике просторе, често им је уздужна осовина 7—8 км. дугачка. Има их кашто на великом висинама. Највиша су села на Балк. Полуострву цинцарска у Пинду и дробњачка села у Језерима испод Дурмитора; овде су насеља махом на висини од 1400 до 1500 м...» (с. XXXIX и XL). — У источној половини полуострва села су напротив у долинама, јаругама и по равницама. У ову групу убраја проф. Цвијић и насеља по вртачама или доловима и карсним пољима западне половине. Епир, Грчка и јужна Арбанија имају села и једних и других положаја.

У вези са положајима села проф. Цвијић нарочито наглашава и од коликог је значаја проучити и **врсте својине и економске прилике**, а заједно с овима и **занимање** становништва. Ово све расветљава и низом интересантних погледа и података. Тако налазимо мишљење, да се и данас на Балк. Полуострву могу с много поузданости проучавати првобитни облици својине, јер има остатака, који су «или прави првобитни облици својине или су им врло блиски» (с. XLIV). Затим се разлаже разлика у распореду сеоских имања између северо-западног и југо-источног дела Балк. Полуострва. У северо-западном делу је сваки сељак — где год је био слободан — заузимао велике комплексе земљишта и у сред њега или на једном његовом крају подизао кућу. У југо-источном делу сељаци су деобом распарчали земљиште, тако да кућа није могла имати око себе све имање него се куће «дижу па изабраном месту и то тако да су све у близу...» (с. XLIV). Осим ових момената врло је значајан и овај. За ово неколико векова турске владавине у многим се крајевима, нарочито планинским, услед слабе турске власти и немара народ развитао слободније, него ли и у средњевековним својим државама. «И ја мислим, вели проф. Цвијић, да су нарочито у тим деловима нашег народа ојачали или оживели дубоки етнички инстинкти и осећања, која су у средњевековној држави била угушена. Тада је било враћања оним народним обичајима и навикама, које су средњевековно законодавство и јака власт сузбили» (с. XLVI).

Разноврсна занимања и начини рада у балканских народа биће несумњиво предмет врло интересантних проучавања. Да поменемо само ста-

рински начин наводњавања у Македонији, зидарство босанских Осаћана и југо-источних Србијанаца, пиротско ћилимарство, кујунџиство у Старој Србији, рибарство на македонским језерима, трагове старог рударства итд., па онда јако развијено печалбарство врло многих предела.

Положаји вароши и варошица су на Балк. Полуострву поглавито зависни од природних погодаба. За особито повољне природне погодбе везани су цели низови или појаси од вароши и варошица. И културно-историски утицаји били су од веома великог значаја. Етничком моменту не приписује проф. Цвијић великог утицаја на положаје вароши, али у толико више и с правом на њихов већи или мањи број. Нема сумње, да се једино овим узроком да објаснити сразмерно мали број вароши и варошица у Србији и у још неким српским крајевима.

Типови балканских села знатно се разликују једни од других. Проф. Цвијић указује на то, да се у српским земљама ове разлике огледају већ и у различном појму речи «село». Најстарији је појам села: насеље, па ма оно било и од само једне куће, уопште најмања јединица настањивања. И данас се држи овакав облик насеља у патријархалним, ретко насељеним српским пределима. У гушће насељеним и културнијим крајевима село је постало већа (првобитно административна) целина, која се дели на засеоке или крајеве, мале, џемате. — Вредно би било, да се и код осталих балканских народа утврди појам о селу.

Главније типове српских села имамо први пут опширније описане у овој расправи проф. Цвијића. Он их разликује пет, али напомиње, да ову поделу не сматра као завршну.

Старовлашки тип има најјаче растурене куће, обично на брду или на странама. Првобитно су то куће само једне задруге. Најчистија је област овог типа Стари Влах у југо-западној Србији и новопазарском санџаку (види карту: Крстац са Ђераћима), али је он распрострањен по свима западним српским земљама. Његова су збијенија врста: шумадиски тип (слике: 1, 2, 3 и 4) са својим подврстама, друмским и разређеним селима, која чине прелаз ка збијеном типу (в. план Спасовине, краја у Лисовићу); затим рашка и ибарска села, која су опет прелаз ка власинском типу. — Од осталих балканских народа имају старовлашки тип арбанашка села северне и средње Арбаније и бугарска села у високом Балкану и др.

Власински тип, назват по реци Власини у јужној Србији, у чијем је слову најбоље развијен. Ово је јако разбијен тип села и то у сред народа, који иначе по својим етничким особинама живи само у селима збијеног типа. Једини је узрок овој разбијености природа земљишта: брегови и брда, испредвајани дубоким, урвинастим долинама (в. карту Барбарушинца). — Власински тип имају и села у Тињи (јужна Србија и Стара Србија), у планинским крајевима северо-источне Македоније и у ћустендилском и заплањском крају Бугарске.

Скопски тип је особито развијен по скопској Црној Гори. То је најзбијенији и уједно најраспрострањенији сеоски тип на Балк. Полуострву. Наравно да и он има много својих варијетета: док се у селима скопске котлине куће кашто так наслањају једна на другу, дотле се у селима херцеговачких и босанских поља прилично издвајају поједине породичне групе. Готово цела Македонија, скопска, косовска и

метохиска Стара Србија, јужна и источна Србија (в. карту Ждрела) имају овај сеоски тип; даље су и готово сва грчка, цинцарска и османлиска села ове врсте.

Мачванско-јасенички тип. Има га само у северној Србији и у босанској Посавини. То је збијени тип али с ушореним кућама поред улица.

Читлучки тип имају само читлучка села по целој Турској, ретко у Босни и Херцеговини. Постала су поглавито утицајем османлиским. Такво село личи на утврђење у облику паралелограма или квадрата, чије стране чине низови од чипчијских станова, који су сви под заједничким кровом. У једном углу су беговски станови и зграде.

Узроке постанку разних сеоских типова на Балк. Полуострву разгледа проф. Цвијић прилично опширно. Мислим, да није оставио ниједну чињеницу недирнуту. Али се из његова разлагања и напомена види, да баш у овим питањима остаје још много и много да се тек проучи или боље утврди. Не зна се нпр. ништа поуздано о томе, колико има овде утицаја старих Илира и Трачана, а колико словенског и других; не сме се даље свуда поуздано гледати утицај етничких предиспозиција, јер је мноштво других утицаја бивало често јаче и од њих. Таки су утицаји: природне погодбе, станање разних раса на полуострву, разноврсност култура и државних организација. За доказ о јачини ових утицаја проф. Цвијић наводи повећи број примера са целог Балк. Полуострва.

Типови вароши и варошица, како проф. Цвијић згодно наглашава, у најтешњој су вези са поменута четири културна појаса Балк. Полуострва. Према разноликом утицању и комбиновању ових култура он поставља три главне групе типова: медитеранску, византиско-турску и северо-западну. Али свака од њих има више својих врста. Тако се код медитеранске групе разликују далматинско—млетачки, арбанашки и грчки тип. Византиско-турска група има осим својих типских вароши и засебне типове: цинцарски и арбанашки. Тако се и на типовима северо-западних вароши осећа неколико различних утицаја: на већини босанско-херцеговачких мухамедански утицај, али их има још и са средњевековним типом; у Србији и у Црној Гори има вароши мешовитог, средњеевропског и готово самосталног типа.

Вредно је, да поменемо овај јасно запажени процес у византиско-цинцарским варошима: нездрави начин живота и наипако византиско-цинцарски морал јако измеће и сатире варошко становништво, и оно се поглавито освежава придолажењем словена са села. Ово је доиста појав, који је вредан нарочитог проучавања.

Кућа. — У појединостима и поуздано говорити о врстама куће на Балк. Полуострву није могао за сада ни проф. Цвијић. Кућа има тек да се позна на основу опширних проучавања у свакој појединој области. Главно је, што се већ сада може утврдити, да се види «велика разлика и готово

оштра граница између камених кућа јужних балканских земаља са Далмацијом, Херцеговином (Хумнином и Рудинама) и Црном Гором (осим Брда, где је мешовито) и кућа поглавито дрвене грађе, затим од плетера и ћерпича северних балканских земаља» (с. CIV). Прегледајући сваку од ових двеју група кућних типова проф. Цвијић се задржава поглавито на западним и средње-балканским кућама, које су му најбоље познате.

Међу кућама северног Балк. Полуострва нарочито се одликује дрвена кућа, брвнара западне Србије, Старог Влаха и Босне. И она има својих разних врста. Најстарији је њен облик наравно једноделна брвнара, покривена лубом или кровином (сл. 5), а доцније се развио врло висок кров од шиндре: куће шиндралије (сл. 6, 7 и 8). Даљи је развитак ове куће поглавито у хоризонталном правцу (западна Србија), ређе у вертикалном (Босна), те она постаје дводелна па и троделна, али се већ мења и по грађи: постаје најчешће полубрвнара,-полуплетара, покрива се ћерамидом (сл. 9) итд [1]. Сада брвнару све више истискују зидане куће, а још се често могу видети на истоме двору и стара кућа, брвнара, и нова, зидана (сл. 10).— Куће имућних мухамеданаца у Босни (а тако и у Херцеговини) све су зидане, најчешће двоспратне и у своме распореду, многим одајама и угодностима имају несумњиво много источњачког поред средњевековног старе српске властеле.

Другу је врсту северне балканске куће проф. Цвијић назвао моравским типом, јер је то кућа моравске долине, затим источне и јужне Србије и скопске Старе Србије. «Моравска је кућа у пресеку често квадратна, здепаста, саграђена од плетери или од ћерпича, ћерамидом или кровином (у ранијим временима и даском) покривена» (с. CX). Има карактеристичан плетен димњак са настрешницом (сл. 10) или «пологлави» (сл. 11 и 12). Сад је ова кућа обично троделна, дакле развила се такође у хоризонталном правцу. Али њеног старијег облика више нема.

Међу јужним балканским кућама има такође знатних разлика. «Заједничка је особина свих ових медитеранских кућа: од камена су зидане и развиле су се и у вертикалном правцу» (с. CXIV). Проф. Цвијић је описао две врсте овог типа. Херцеговачко-црногорска кућа је зидана увек «у сухомеђину» (само су мухамеданске куће зидане с кречом). Унутрашњим деловима и називима ова кућа много подсећа на шумадиску. И она бива у даљем развитку дводелна и троделна, али је чест и њен развитак у вертикалном правцу. «Негде је само доњи део,-она половина куће, која је на доњој страни, двоспратна» (с. CXVII). То су куће «на ћелици» (сл. 13) и др. «Двоспратне камене куће, велике и врло тврде, зову се у Црној Гори кулама» (с. CXVII; сл. 14 и 15). Ове се куле разликују од арбанашких, које својим дебелим зидовима и пушкарницама представљају праве тврдиње.

Македонска је кућа или поземљуша или двоспратна, а по грађи или плетара или зидана од ћерпича, ређе од камена. Поземљуше су или једноделне или дводелне. Најбедније су чифчиске куће, које су све под једним кровом. У једноделним кућама још понегде презимљује стока заједно са људма. Код двоспратних кућа је у доњем спрату одељење за стоку, а у горњем се станује, и он има негде и више одаја.

О најстаријем, првобитном облику куће у српско-хрватског народа има проф. Цвијић неколико разматрања, која ће помоћи, да се решавање овог питања упути правилним током. Једноделна (једноћелична) кућа

---

1) Шумадиски дрвени димњак не зове се цео — капић, као што је означено на стр. CVI и код плана на стр. CXVI, него само његова купаста дрвена капа. — Друго, јамачно је погрешно чувено или забележено, да се у западној Србији део куће изнад огњишта зове плочевље (с. CVII). Он се свуда зове прочевље или прочеље.

купастог облика (сибара, лубара, бусара итд.), које и сад има у неким планинским крајевима, несумњиво је понајближа томе првом облику. Она је дала назив и данашњем најважнијем делу кућном у већине Јужних Словена: «кући», т. ј. кухињи. И у крајевима, где је ње као куће нестало, ипак је успомена на њу и по облику и по грађи очувана у другим зградама, као што су нпр. црногорске кљетаре и фицурице, дробњачки и васојевички дубирог или савардак и др. (в. даље сл. 18, 20, 22, 25 и 28).

Кућне зграде или стаје. Исте оне две велике области разнога кућног типа знатно се разликују и по броју и врстама зграда око куће. — У северној области се даље разликује северо-западни предео (куће брвнаре) од источног са моравском кућом. Северо-западни се крај одликује највећим бројем зграда око куће: има их некад и по 20 (в. сл. 16 са 15 зграда). Моравска кућа има обично само 2—4 зграде, готово толико исто и херцеговачка[1]) и црногорска, а македонска врло ретко више од две.

Поједине од ових области имају своје карактеристичне зграде. «Тако су вајати и млекари карактеристичне зграде северо-западних крајева нашега народа, у неколико и гостинске куће или одвојци» (с. CXXVI. Сл. 17 и 18). А за северо-западну Србију још су специфичне зграде собрашице и гардачићи око цркава и манастира за народно весеље о саборима и преславама (сл. 19). — «За јужну, кршну Херцеговину, нарочито за сву Црну Гору, осим Брда, карактеристично је велико гумно», које је врло лепо озидано и поплочано. «За сву Херцеговину, црногорска Брда и за југо-источне крајеве Босне специфичне су зграде кланице» са два спрата: доњи за стоку, горњи за сточну храну. «За црногорска Брда, херцеговачку Површ и Рудине и за новопазарске крајеве карактеристичне су купасте пастирске колибе, у којима се и стока држи, и зову се дубирози или савардаци...» (све на стр. CXXVIII. Сл. 20). — «Северо-источни делови Србије, с оне стране Мораве, имају карактеристичну зграду појату» (с. CXXVIII), која је сточарска зграда, али великом делу становништва служи и за становање. — Још вреди додати ову напомену за Србију: «пивнице су карактеристичне зграде виноградарских крајева» (с. CXXVI), нарочито Крајине и Жупе. У Жупи се њихове групе зову пољанама (сл. 21).

Врсте сточарства, станови, катуни, мандре. Три велика посла напомиње проф. Цвијић, који се имају извршити у вези с проучавањем ове стране народног живота: прво, пропратити мене, кроз које је пролазило балканско сточарство, јер се види, да су нпр. политичке промене биле за њ

1) Ипак ће их имати херцеговачка кућа уопште више. Тако у Билећским Рудинама има око 7, а у Шуми, Површи и Зупцима чак до 12 разних врста.

од великог значаја; друго, утврдити разне врсте и разне ступњеве сточарства на Балк. Полуострву; треће, даљим испитивањима тачно тачно картографски обележити сточарске области на полуострву. Ја имам да овим задацима додам још један, зацело не најлакши, а то је: питање, да ли су Словени донели или бар доцније сами развили своје сточарство или је оно чисто староседелачко — другим речма, колико има етничкога у сточарству Јужних Словена.

Као типске, номадске сточаре балканске ставља проф. Цвијић на прво место Цинцаре (Аромуне). Они су радовима Густава Вајганда већ опширно приказани научном свету. Проф. Цвијић је и сам походио њихове сточарске колибе у Бугарској и Србији и мапдре на планини Караташу испод Олимпа. Знатно је, да су цинцарске колибе врло сличне поменутим најстаријим врстама српске куће (купастим сибарама и др.). Интересантна је и напомена, да Цинцари — као и становници источне Србије и Бугарске — ретко одвајају од млека скоруп, него граде масло и качкаваљ, док Арбанаси и западни Срби граде сир, скоруп и кисело млеко, а не ваде масло.

Арбанашки сточари се и животом разликују од цинцарских, јер нису прави номади. Они «имају стална села, лети падижу са стоком у планине, које су у близини села, зими слазе у жупно јадранско или јегејско приморје или у котлине Старе Србије и Македоније» (с. CXXXIV). Ова далека кретања њихова имају и етнографског значаја по средишну област Балк. Полуострва, јер за њих нису ни највише планине непрелазне.

Српско племе Кучи у Црној Гори има сточарска кретања, слична арбанашким. Међутим херцеговачки Хумљаци иду само преко лета са стоком на травне херцеговачке и југо-источне босанске планине. У црногорским Брдима је развијено «катунско сточарење»: племе не иде никуд изван своје области. — У Македонији и у Старој Србији право, заједничко бачевање појединих села већ је ретко; превлађује сточарење појединих домаћина. У западној Србији је појединачно сточарење на становима сасвим превладало. А у источној Србији има осим појединочног сточарења и сточарског удруживања, бачија.

Имена насеља. У овом се одељку нарочито обраћа пажња испитивачима на проучавање географских имена и на њихов значај. Ради примера је проф. Цвијић прегледао имена **села** и **заселака** у Србији и поделио их у групе према њихову пореклу. Видимо, да има врло интересантних имена, као што је нпр. она група, која подсећа на старо, поромањено становништво (Корњет, Негришори, Латинац, Власи и др.) или на Кумане, Печењеге, Сасе, Мађаре, Грке итд. Даље групе, које подсећају на стару културу, на већа стара насеља, на рударство и др.

Миграције и порекло становништва. Истичући значај ове врсте проучавања како за антропогеографа тако и за етнографа, проф. Цвијић наглашава, да су она стога и узета за средиште целокупног проучавања насеља у српским земљама. На њих се обраћа највише пажње. Метода је тог испитивања непосредна и посредна. Непосредни је пут распитивање у народу и употреба писмених извора. Посредних начина има много. Заснивају се на карактеристичним особинама појединих делова балканског ста-

новништва: кад се становници једне области преселе у другу, они сачувају за још извесно време и те своје особине и по њима им се може одредити порекло. Те су особине или антропогеографске или етнографске и соматске или дијалектичке. Проф. Цвијић наглашава, да се «многе од антропогеографских особина дуже одрже него етнографске; и за то су оне од ових важнији знак за распознавање порекла становништва» (с. CLIX). Мислим, да ово тврђење треба изменити у толико, да се уопште спољашњи знаци, дакле материјална култура (а ту се нарочито не може оштро одвајати антропогеографско од етнографског), код досељеника најпре прилагоде новој средини, али карактер народни, облици друштвеног живота и иначе цела духовна култура одржавају се најдуже.

Правци великих народних кретања на Балк. Полуострву имају два главна и сасвим супротна обрта. Пре турске најездеі са ширењем српске и бугарске државе према југу ишло и народно кретање у правцу са с. на ј. (према Македонији и Арбанији). Напоредо са турском најездом и после ње народ се највише из српских а много и из бугарских и арбанашких земаља селио ка северу. С ослобођењем словенских држава и Грчке настају из неослобођених крајева нове струје—истина више појединачних—сеоба у слободне а слабо насељене земље.

Малих сеоба, сељакања, било је наравно увек, и проф. Цвијић разлаже њихове узроке, од којих су неки бивали стални кроза сва времена (природни, нарочито економски и климатски, па крвне освете и др.), а други су се мењали према политичким и културним приликама. Од првих је нарочито значајно силажење планинаца у ближе и даље равнице. Од других је вредно истаћи осим поменуте новије промене политичких граница и сударе мухамеданског и хришћанског становништва.

Већих етнографских поремећаја и стапања није за последњих векова било на Балк. Полуострву. Али су ипак промене ове врсте бивале непрекидне, нарочито на мањим гомилама народним и на додирним областима већих народа.

Од свих мањих народа балканских највише су губитака претрпели Цинцари, који се па југу појелињавај, у ана северу пословењавају. Турци су такође врло много изгубили, гинући по ратовима и дегенеришући се у новим седиштима на Балк. Полуострву. Арбанаси, насељени по Грчкој, великим су делом претопљени у Грке. — Друга врста етнографских поремећаја нарочито је знатна на граници српског и арбанашког народа, а затим и на граници српског и бугарског. Професор Цвијић наглашава физичку јачину у Арбанаса као узрок њиховом напредовању према Србима. Али је тешко веровати, да су Арбанаси физички јачи од Срба, нарочито од српских горштака у Колашину и око Метохије [1]). Пре ће главни узрок бити повлашћени по-

1) Срби, као и остали јужни Словени, састављени су телесно од словенске расе, која је једна од најжилавијих, и од оне исте илирске (односно илирско-трачанске) и романске мешавине, од које и Арбанаси.

ложај Арбанаса у Турској, и то баш мухамеданаца, који Србе поглавито и потискују. Врло покретљиви, увек добро оружани Арбанаси, са јаком племенском организацијом ударају на неоружане и незаштићене српске сељаке, који се — вековима потиштени и растурени у мање оазе — и иначе једва одржавају. Физичка јачина Срба и Бугара, каже и сам проф. Цвијић (с. CLXXVIII), била је — поред патријархалног живота и велике плодности њихових жена — узрок, што оба народа нису много изгубила. А треба се најзад сетити и тога, да су пре неколико векова Срби потискивали и посрбљавали те исте северне Арбанасе.

Најинтересантнији одељак говори о пореклу становништва појединих области, разликујући активне и пасивне земље. Али се проф. Цвијић ограничава овде само на српске области, за које се већ на основу досадашњих испитивања може одредити порекло становништва и правци или струје главних досељавања. Тако за Србију, која је добила највише досељеника, разликује проф. Цвијић врло згодно четири струје досељавања: херцеговачко—босанску, која је населила подринске и ваљевске крајеве, рашко—црногорску за Шумадију, моравску за средишну Србију и косовску за источну Србију.

Новопазарски санџак (с околним деловима Рашке) је у току времена променио своју улогу: раније густо насељен и матица Шумадије, сад је постао прелазна област за црногорске и херцеговачке досељенике. — Метохиска и косовска Стара Србија су од времена великих српских сеоба остале са врло мало старинаца, те је данашње српско становништво већином новије[1]). — Македонија и скопска Стара Србија су напротив од времена турског освојења па све до сад биле једине области, које су издавале словенско становништво а никако примале. Слободна Србија и Бугарска привлаче га и сад у врло знатном броју.

Црна Гора, Херцеговина и Босна имају врло много старинаца а досељеника само у понеким крајевима, и то у Црној Гори највише из оближњих племена и затим ускока, а у Босни с Херцеговином највише из Рашке и Црне Горе, затим из Боке и Далмације (католици). Иначе је у Босни с Херцеговином најглавније било унутрашње сељакање, а код мухамеданаца није ни тога било — они су били најсталнији (све до «окупације»). — Бока и Далмација имају много досељеника из Босне и Херцеговине, и то православних.

Из овог се прегледа јасно види, да су најактивније земље: Херцеговина, црногорска Брда, Македонија и северна Арбанија. Најпасивнија је Србија а у многоме и Далмација и Бугарска. Наизменично пасивне и активне биле су стара Рашка, права Црна Гора и Босна.

---

1) Као што је помињато, оно сад узмиче пред јаком најездом арбанашком, онако исто као и у западној Македонији. На једном примеру (за тетовску област) проф. Цвијић је опширно представио цео тај начин арбанашког ширења и српског узмицања.

* * *

Пошто смо овако разгледали расправу проф. Цвијића, остаје да се каже по истогод и о појединим радовима I и II књиге «Насеља». Али се на њима нећемо много задржавати, јер они сви својом главном садржином дају појединости за онај општи преглед у «Антропогеографским Проблемима». Само на неке особитости мислим највише обратити пажњу, којих има у појединим радовима било услед тога што је сама област многоструко интересантна било зато што је сам испитивач обратио на извесне појаве више пажње него други. — Прво је на реду опис Доњег Драгачева.

*

Доње Драгачево је северни, нижи део области Драгачева у југо-западној Србији. Не само положајем него и антропогеографски и етнографски опада потпуно у старовлашки круг југо-западних српских земаља. Села имају још заједницâ, т. ј. заједничких шума и утрина и то општинских, сеоских и џематских. У типовима сеоским још се јасно познаје старија подела на засеоке (географске целине) и новија на џемате (родбинске целине; в. напред карту Крстаца са Ђераћима). Сточарство, негда знатно развијено, сад је сасвим опало.

Међу географским именима има их знатан број несумњиво страног, по свој прилици илирско-романског порекла, као што су нпр. имена за села: Негришори, Дучаловићи, Пилатовићи итд. Исто тако је и међу породичним презименима врло много несрпских (Габори, Јотуљићи, Езани и т. д.). Од разноврсних старина знатне су хумке и стара «Гречка», «Циновска» и «Маџарска» Гробља, негде с огромним каменим плочама, већином без икаквих знакова. Од 20 испитаних села само 12 имају старинначких породица, али и за осталих 8 села има поузданог предања, да нису сасвим нова, него да су била и пређе насељена. Само једну шестину од целокупног броја породица чине старинци, а остало су све досељеници. Пореклом су ови досељеници из југо-западних српских крајева, и то више од половине из самог Старог Влаха. Главна је маса досељеника дошла крајем 18 и почетком 19 столећа.

Осим антропогеографских података има у овом раду и етнографских у засебном одељку Неколике етничке особине Драгачеваца. Ту се у општим цртама говори о народном карактеру, језику, ношњи, типу, родбинским везама и о слави (крсном имену).

Средње Полимље и Потарје—у новопазарском санџаку, део српског етнографског језгра, али до сад врло слабо или готово нимало проучаван. Ово је предео старе области Подгорја. Праве је карсне природе, с оштром климом, која је још оштрија, од кад су сатрвене негдашње велике шуме. Зато више не успева и не гаји се ни винова лоза, која је негда (још и у 16. и 17. веку) лепо напредовала.

На основу споменика да се доста поуздано утврдити распоред старих српских жупа у овом пределу. Значајно је, да су оне све биле распоређене по низинама око карсне висоравни. Према томе су на висоравни могли бити само катуни влашких сточара, који се нису рачунали у жупе. Стапањем српског и влашког живља развија се и у Срба сточарство и заснивају се стална насеља по планинама. Доцније Турци отимају питомију земљу и тиме појачавају ово померање. Сточарство је и данас главно занимање народно, свуда осим у плодној долини лимској: Сељаци се доста баве и разним занатима, и особито је вредно пажње, да има породица, у којима је од вајкада један исти занат прелазно с колена па колено.

Насеља су у свему задржала тип, који су имала и за време старе српске државе: мала, разбацана села од по 2—3 куће, ређе 3—10 «у чопору». Задруга нема великих, веће су обично од 20—30 чељади. Кућа и све зграде око ње граде

се од дрвета, само што је подзид већином од камена (сл. 22 и 23). Димњака на кућама нема него само баце. Многа несрпска географска имена (Лим, Тара, Каштељ и т. д.) спомен су ранијег становништва, а много је у овом крају и римских остатака. Међу данашњим становништвом, и православним и мухамеданским; врло је мало старинаца. Услед многобројних узрока народ је био непрестано у покрету и селио се на север и северо-исток, а на његово место су се досељавали планинци са ј.-з. (из Куча, Роваца, Дробњака, Гор. Колашина и Пиве). У новије време је покретљивост мања, али се непрестано досељавају босански мухамеданци. Има доказа, да је раније и племенски живот био много развијенији. И сад има три знатна српска (мухамеданска) племена у Доњем Колашину и Кричку: Каљићи, Мицани и Ђурђевићи.

Дробњак, племе у црногорским брдима, у северној Црној Горн. Јужни, нижи и жупнији део дробњачког земљишта чине Корита дробњачка а виши пространа висоравна Језера испод планине Дурмитора. Сам Дурмитор је највећим делом дробњачки. Земљиште је уопште богато погодбама за сточарство: пашњацима и водом (многобројним језерима). Јачем развитку земљорадње смета и оштри климат са дугом зимом. Зато је сточарство и данас главна привреда целог Дробњака. Тако имамо у овом раду леп опис и управо целу историју једног српског сточарског племена.

Од особите је вредности, што се јасно и поуздано износи постанак дробњачког племена, те је ово и врло користан прилог ка решавању спорног питања о начину, како постају племена. Видимо, да је још крајем 14 века у овом пределу било неких становника под именом Дробњаци. Али услед турске навале њих готово сасвим нестаје. Средином 16 в. досељава се у Корито дробњачко пет јаких породица из Рудина а пореклом од Травника из Босне и затичу само четири староседелачке породице. Нешто доцније доселе се из околних планинских предела још 5 породица. Првих пет породица потчињавају своме утицају и староседеоце и ове доцније досељенике и свима намећу своју славу, Св. Ђурђа. И тим је ударен темељ племену. Језгро племена чине потомци од ових 10 досељених породица, а староседеоци имају због малог броја сасвим незнатну улогу. И доцнијих досељеника је врло мало. Кад су се Дробњаци у Кориту намножили, отму висоравна Језера од суседних Кричкова и Бањана.

Племенско је уређење било у потпуној снази све до 1863 године, а тада је племе потпало под Црну Гору. Од племенских установа имамо овде врло добро проучену једну врсту, која је била до сад слабо позната, а која чини основ опстанка племену. То су економске уредбе, а на првом месту облици заједничке својине: комунице. «Комунице су заједничке земље, горе, шуме, планине, млини једнога племена, једнога села или једне породице» (с. 396).

Због велике разноврсности дробњачког земљишта и села су на врло разноликим положајима а због тога им је и тип различит[1]). Кућа је у Дробњаку тројака: камена кула (права кула и кућа на ћелици; в. сл. 14, 15, 24), дрвена брвнара (сл. 25) и сиротињска поземљуша. Све су куће без димњака. Осталих зграда има 6—7 врста, готово све сточарских и врло ретко да је која близу куће. Најугледније су зграде стаје (сл. 26), колибе (сл. 25) и савардаци (в. сл. 20).

Разгледајући географска имена описивач наглашава, да је необично развијено давање тих имена и великом већином су природна и сасвим оправдана. Мало је које, да нема јасан српски корен.

О љубићским селима. Предео љубићких села је у југо-западној Србији, северно од западне Мораве а јужно од планине Рудника. Ова се област по својим антропогеографским и етнографским особинама у многоме слаже са Доњим Драгачевом, које му је готово у суседству. И порекло становништва је у обема областима

1) Писац разликује четири типа — шумадиски, црноречки, прелазни и власински — али се чини, да је први и четврти погрешно назвао. Према опису се види, да је пишчев шумадиски тип у ствари најближи старовлашком, а његов «власински» је само разређена врста шумадискога типа.

скоро исто. Старинаца је врло мало; главна је маса становништва од новијих досељеника (из 18. и 19. в.), који су већином из Старог Влаха и југо-западних планинских предела. Пада у очи велики број досељеника из околних ужичких и рудничких предела, даље већ приличан број породица из Босне. Писац с разлогом истиче турско-аустриско ратовање у годинама 1737—1739 као врло значајно за промену становништва у овом крају. То је доба несрећне сеобе патријарха Арсенија IV Јовановића, која је несумњиво захватила и љубићска села. Само је тешко веровати, да је тада овај предео остао баш потпуно пуст. Густе шуме су увек биле заклон извесном броју породица. Да у таким приликама ипак није сав народ бежао у туђину, лепо показује живо очувана успомена на један доцнији догађај, «Кочову Крајину» (1788—1791). Старци знају и сада, које су породице тада бежале у Срем, а које су се криле по збеговима у шумама и пећинама.

Код положаја села особито су згодно запажени практични, економски обзири. Од планинског венца Вујан-Котленик слазе ка моравској равници много бројне косе и плећата брда, и сеоске су куће свуда по средини њиховој. Тако су онда сваком селу у близини и његове њиве у равници и шуме и пашњаци у брду. — Заједничке утрине и шуме или су општинске или сеоске. Све их више нестаје а напоредо са тим и сточарства. — Сеоски је тип староклашки, али већ на прелазу ка шумадиском. «Крајеви» одговарају драгачевским засеоцима.

Врањска Пчиња у сливу Јужне Мораве у јужној Србији, обухвата групу села, која су између праве Пчиње (у Старој Србији) и варошп Врања. То је део старе жупе Врање. Земљиште је врлетно, испросецано дубоким речним долинама; само је доњи део, ближе Морави, блажих нагиба. Према овоме се управља и положај и тип ових села, и писац их по томе разликује на горња, разбијена (в. напред карту Барбарушинца) и доња, збијена. Али је интересантно, да су и горња села била раније збијена и да су се тек од пре 70—80 година почела постепено разбијати. Поједини сељаци су напуштали «село» и настањивали се на својим имањима, где су им сточарске «трле». Мâле горњих села постале су све од издељених кућа по једне задруге, тако да су оне и сад родбинске целине. Задруге су иначе сад ређе и омање.

Пошто је овај крај био до скора под Турцима (до 1878 год.), писац се опширније бави и народним стањем за турске владе. С одласком Турака земља је сва постала приватна својина народна, а пређашње заједничке утрине и шуме остале су и даље заједницом појединих села. Нека су села и ту заједницу сасвим поделила.

Најстарије су куће биле оригиналне «куће на кривуљама» (од дрвене грађе), у којима су људи живели заједно са крупном стоком. Данашње су куће зидане. Око куће има подоста зграда, неких 11—12 врста. Сточарство је прилично ослабело. Некад је пак било и бачевања. Зна се, да су некад на оближњу планину Мотину долазили и цинцарски сточари, Црновунци. Од њих су остала имена и неким селима (Сурдул, Барбарушинце и др.).

Од старина су знатна Русалиска Гробља, која су јамачно у вези са народним обичајем Русалијама. За сад се зна за тај обичај само у јужној Македонији, али га је морало бити и у овим крајевима. У језику и успоменама данашњег становништва писац је нашао доказе, да је у овом крају раније живело становништво са правилнијим говором него што је дијалекат садашњих становника. Историски догађаји, нарочито турске најезде и ратови, збиља су све до средине 18 века утицали на расељавање овог краја [1]), и он је несумњиво био јако опустео [2]). Тек од 150 го-

1) Штета је, што се испитивач није сетио и нарочито нагласио, од коликог је пресудног значаја по његов крај морала бити српска сеоба под патријархом Арсенијем Чарнојевићем. Историјом је утврђено, да је та сеоба захватила и цело горње Поморавље с околином.

2) Старијих насеља ипак није могло сасвим нестати, као што писац мисли (с. 150), јер ко би онда предао досељеницима она имена ранијих села и оне речи необичне за њихов говор? Осим тога видимо у Пчињском Поменику сва сеоска имена забележена са правилним наставком, што је знак, да су се онда (18 век?) још тако називала.

дина на овамо које сталожене прилике а које саме спахије привукле су масу досељеника, и то највише из праве Пчиње (Врањске и Кумановске), затим из околине Кратова, Криве Паланке, Гилана (ваљда Гњилана?) и Јабланице у Старој Србији. У новије време досељавање је готово сасвим престало, шта више становништво се услед намножености много одсељава даље на север. Ово иде у толико лакше, што се Пчињани, нарочито из горњих села, поред сточарства много баве и занатима (зидарским ужарским и терзиским), те иду у великом броју у печалбу.

Левач у средини Србије, северно од Западне Мораве а јужно од планине Јухора и Гледићких Планина. Једна су левачка села више у планини, док су друга захватила ниске косе планинске. Отуд има међу њима и знатних разлика у положају, типу, задружном стању и занимању становника. На жалост писац нам о своме томе врло мало казује а о развитку ових појава и о економским приликама баш ни мало [1]). Левач, та стара жупа, заслужује мало више обзира. — С друге стране описивач је врло лепо пропратио развитак куће у Левчу. Од најстаријих, худних «кривуља» до садашњих илетара видимо неколико прелазних облика, међу њима и брвнару.

О сеоским и другим именима има доста народних тумачења, али ретко да које заиста објашњава, него су све измишљене приче. И по томе а много и по облику и по значењу види се, да су та имена врло стара. — Говорећи о пореклу становништва писац каже, да у Левчу има породица, које важе као староседеоци, али су се у ствари и оне доселиле, само раније, те им се заборавило, одакле су старином. То уопште узето вреди готово за сваку област, али ваља имати на уму, да је ипак Левач јамачно сачувао много више врло старих породица него предели, које су захватиле оне сеобе под патријарсима или расељавање услед других узрока. У прилог томе говори и многа старина, што се код Левчана очувала у обичајима (нарочито славе са преславама), у грађењу старијих кућа и зграда итд. Истина је Кочина Крајина била баш за Левач кобна, али описивач и сам нарочито наглашава, да се од разбеглих Левчана «многи враћаху на згаришта својих кућа...» (с. 481). Није без вредности и то, што староседеоци обично заузимају средину села. Велику већину становништва чине сад наравно досељеници, који су највише с југа: из Топлице и Жупе, са Косова и из Црне Горе. Главно је досељавање било после Кочине Крајине (Крај 18 и почетак 19 в.).

Писац има и прилично својих додатака о народним обичајима и о ношњи. Опширније се бави и о старим градовима, црквинама и гробљима («Џидовска» или «Џиновска», «Латинска», «Римска» и «Маџарска» Гробља).

Васојевићи, племе у северо-источној Црној Гори, од кога је трећина још под Турцима. Опис овога чувеног племена одликује се обилатом и врло интересантном грађом, у толико више, што су описивачи унели у свој рад онолико исто етнографског колико и антропогеографског. А међу етнографском грађом има и врло много такве, која је од знатне етнолошке вредности, особито по социјалну етнологију. Да истакнемо неколико понајглавнијих података. Народно предање о постанку племена Васојевића није истина опширно, али се бар по свему чини, да има у себи много поузданог. Цело племе одаје и сад особиту пошту своме праоцу Васу, пореклом Херцеговцу, од чијих се потомака оно једино и намножило и разгранало; никог од иноплеменика Васојевићи не примају у своје племе и шта више у свом племенском поносу презиру сваког, који није Васојевић. Још до пре недавног времена беху прави сточари са бурном четничком историјом, у којој су показали велику животну снагу и надмоћност над суседним племенима. Њихови обичаји, особито они о женидби, имају или су бар до скора имали многу и многу старину из врло давних времена. Тако: оно уговарање и погађање око невесте; обичај, да невеста и после просидбе остаје у својој породици и по 5 година; «војвода», «барјак-

---

1) Ови су недостаци најбољи ослонац за моју напред исказану напомену, да овакве радове треба Цвијићеви ученици да допуњавају. Грађа, која се објављује, треба заиста да буде што потпунија. Треба што пре спасавати од заборава оно што се још може спасти.

тар», «пустосватице» на свадби; у невестину дому «између сватова поседа још онолико сељака из тога села, колико је сватова» (с. 556); многобројна даривања; «мајчина пара»; окретање невесте око огњишта у новом дому; невестино родовање — и много, много других лепих прехришћанских установа, све чисте црте типског патријархалног друштва. А особито јасно сећају на старе словенске земљораднике обичаји о Божићу и крстоноше. Врло је значајан и један податак, који нас поуздано утврђује у томе, да је слава вредела као установа целог племена: Васојевићи договорно одређују једном своме делу, да слави Св. Саву место Св. Арханђела, а доцније опет договорно реше, да тај део поново узме племенског свеца, Св. Арханђела.

Сточарство је и данас много претежније од земљорадње. Оно је у овом раду (исто као и у оном о Дробњацима) одлично описано и од особите је вредности, што у опису имамо читав речник веома лепих народних назива за све предмете и послове око сточарства.

Из своје колевке, Лијеве Ријеке, Васојевићи су се раширили далеко на североисток преко западних Комова и преко Лима до саме Мокре Планине. Свуда живе у разбијеним селима по странама речних долина (никад на брду). У грађи сеоских кућа и осталих зграда превлађује дрво, али је честа и употреба камена (сл. 27 и 28). Око села̂ су увек комуни, т. ј. заједничке шуме, а даље је сеоска планина, опет заједничка. Жалити је, што у овом иначе тако ваљаном раду немамо онако опширно проучених комуница као у раду о Дробњацима. И о целом унутрашњем развитку племена описивачи говоре уопште мало, а могли су нам дати још много изврсне грађе [1]).

Вишеградски Стари Влах је у југо-источној Босни, између Дрине и србијанске границе. То је најзападнији део великог планинског предела, Старог Влаха. И становници му се у свему разликују од суседних Бошњака а чине једну етничку целину с осталим Старовлашанима, нарочито с онима из ужичког округа у Србији. И појам о селу и типови сеоски и кућа са зградама у свему су старовлашки.

Сељаци су већином кмети на беговским имањима. Ипак имају поједина села заједничких шума на планини, где су им станови. Овде се по становима готово више држи стока зими него ли лети. Негде по две—три куће имају један заједнички стан. Земљорадња је сад претежнија од сточарства.

Међу селима има их и врло старих са поуздано стариначким породицама. Једно је од таких историско место Добрун са развалинама негда знатног града. Али је већина данашњих села постала од нових досељеника на селиштама и развалинама старијих насеља. И многе преисториске «гомиле» и гробља са стећцима знатни су остаци ранијег становништва.

Досељеници су сви из 18 и 19 столећа и готово сви из јужнијих крајева: из Доњег Полимља, Старог Влаха, Херцеговине и Црне Горе.

Билећске Рудине су у југо-источној Херцеговини до црногорске границе. Ово је многоструко интересантна област, коју је њен описивач врло исцрпно и ваљано проучио. Он је утврдио, да Дукљанинова жупа Rudina постоји и сад у овој области. Лепо је истакао утицај карсног земљишта и затим Северног Ветра и хидрографских прилика на положаје и типове насеља. Јасно је утврдио појам села

1) Тако, на првом месту за економски развитак (облици својине); даље појам о јединици насеља (појам о «селу») и њено даље развијање и типови у вези са родбинским појмовима, са задругом, браством итд.; затим врло важан однос Васојевића према оном становништву, које су они у своме ширењу обухватили у обим своје племенске области, као и према досељеницима, Ускоцима и др. Видимо нпр., да се становници у селу Слатини разликују «од осталих Васојевића, како по говору тако и по држању» (с. 589). Откуда то? Па онда се каже, да у целим Васојевићима једино село Трешњево има поделу на *мале*, али се то не објашњава. Помињу се међу Васојевићима и неки презрени «Србљаци», али се не каже ништа више о њима.

као географске целине и утицај природних погодаба и читлучког система на груписаност или растуреност сеоских кућа (односно «чопора̂»; в. карту Мируша̂).

Од особите је вредности цео одељак о економским приликама. Видимо, да су овде сачувани многи и разни облици заједничке својине у земљишту. Све земљиште у «опћинском удуту», што није агинско или приватно, спада у заједнице. Заједничке испаше заједно са шумом зову се мера. Она одговара општинским заједницама у Србији. Писац налази доказа, да су многе мере биле у почетку заједнице појединих браства. — Много су знатнији и веома ретки и необични облици заједничке «врадне земље» (оранице). То су или цела имања или поједине њиве (нарочито по брдима), које остају као заједница једне задруге, и пошто се она у свему другом поделила. Чак има и таких примера, да се таким заједницама не користе сви чланови негдашње задруге него појединци — кад је коме потребно. Мислим, да је правилно што писац овакве заједнице тумачи једино етничким особинама народним.

Из опширног пишчева разлагања о кући и о њену развитку јасно се познаје разлика и подвојеност између народних типова кућних (колибе, сламнице и полаче) и великашких чардака (односно ћелица̂) и кула, које су до скора имали само мухамеданци а јамачно су биле још станови старе српске властеле. Народне су куће једноделне и по развитку стоје у тесној вези једна са другом. Међутим великашке куће не представљају ни по чему продужење у развитку народне куће, оне су нешто сасвим страно, пореклом изван ове области. — Око куће је већином повеће имање, «зграда». Близу куће, које на кућном дворишту, које на «згради» има 7 врста разних, највише сточарских зграда.

«Рудине су на првом мјесту сточарска област». Мере постале заједнице већ су повољна погодба за сточарство, али оне не би биле довољне, да Рудињани немају својих «планина» око Волујака и Маглића. Ове су «планине» заједнице или општинске или сеоске или породичне, и то или од старина или су доцније заједнички купљене у ага и бегова. Климатским приликама ниских Рудина објашњава испитивач редовна и знатно удаљена сточарска кретања рудињанска.

Најстарије (халштатско?) становништво ове области оставило је своје трагове у купастим хрпама од камења, «гомилама», а из доцнијег времена су можда «Грчка Гробља» и већ из средњег су века камене «гробнице», многе са српским натписима. Има и много старих селишта и успомена на врло старе породице. И међу данашњим становницима има 15 стариначких и врло разгранатих породица. Испитивач с правом напомиње, да би се и од ових породица развиле онако јаке сродничке (племенске) целине као у Црној Гори, да није било јаког турског утицаја, појачаног нарочито тиме, што је кроз Билећке Рудине ишао један од најзнатнијих трговачких путева, који је олакшавао и приступ Турцима и расељавање становништву. Досељеници су пореклом највише из данашње Црне Горе, мање из Херцеговине и Боке. Према томе имамо овде изузетан правац досељавања: и — з.

Млава у источној Србији, с обе средњег тока реке Млаве, пространа, брежуљкаста равница. Сва су села правог збијеног типа (в. напред карту Ждрела) осим два разбијена села, чији су се становници из негдашњих збије них села тек за последњих 50 година растурили по својим имањима. Сеоске се ма̂ле свуда зову према породицама. Куће су увек окренуте лицем улици, а нису од ње ни много далеко. У пространом дворишту око куће има 13 разних зграда.

Писац држи, да је најстарија кућа у Млави била колиба од дубова дрвећа или прућа, покривена липовом кором. Али нам ништа ближе о њој не казује. Он мисли, да је та кућа средином 18 века замењена «дурунгаром», т. ј. брвнаром, која је и данас у Млави најраспрострањенија. Али је тешко у то веровати а писац нема никаких доказа [1]). Рећи типови кућни, од клинова и од коленика, у вези су са до-

1) Тешко је веровати, јер би се онда морало узети, да је народ у Млави за толико прошлих векова живео све у колибама. У ствари су колибе и брвнаре јамачно од вајкада постојале једне поред других у нашем народу. Ја не сумњам ни мало у то, да је брвнара врло стара српска — па можда још и заједничка словенска — кућа. Она је још и данас готово свуда у нас распрострањена.

сељеницима из јужне Угарске. Најновије су куће чатмаре и на «бондрок» (од ћерпича).

Сточарство је врло јако. Стока се и лети и зими држи на салашима (појатама). Још се чува и лепи обичај бачијања по планинама или на имањима.

Млава је пуна старинских, особито римских остатака (гробаља, тврђава, рударских окана, «чаршија» и путова), а знатан је број и српских из средњега века. Има много старих селишта, али данашња насеља немају старинаца. Испитивач је нашао само 32 породице старијих досељеника, које меће у крај 17 и почетак 18 столећа. Доцније досељавање је било врло знатно и то највише из суседних области источне Србије, мање из остале Србије, а доста из Старе Србије (особито с Косова) и из Аустро-Угарске, већином из Ердеља. Из источне Србије и из Ердеља подолазило је врло много Влаха и повлашених Срба. Испитивач описује неке разлике између њих и млавских Срба и помиње једну, коју сматрам за врло карактеристичну. То је, да се у Срба увек чувају родбинске везе, док се у Влаха на њих мало пази.

Околина Београда, на северу Србије, у куту између Дунава и Саве. Ниједан српски крај нема на оволиком, сразмерно малом, простору тако разнолико српско становништво и нигде се нису сусреле толике антропогеографске и етнографске разлике и бурна прошлост области, као што је то случај са београдском околином. И зато је било сасвим оправдано издвојити београдску околину као засебну област у антропогеографском смислу [1]). За насеља овога краја имамо из неколико последњих, најтамнијих столећа српске историје и највише података у књижевности. Писац се је и њима обилато послужио и тиме расветлио прошлост неких села много поузданије него што је то могло народно предање. Погрешка је само—и ако мала — што су нека села остала непотпуно испитана. Уз овај рад иде и карта београдске околине, најбоља од свих антропогеографских карата из оба атласа.

Судбина насеља била је овде увек везана за судбину самог Београда. Са његовим напредовањем или опадањем и насеља су ницала или пропадала. Отуда и многобројни остаци њихови. Али се због тога и не може очекивати, да ће у данашњим селима имати врло старих породица. Описивач узима, да свих 95 најстаријих породица (непознатог порекла) неће бити овде старије од 17 и 18 века (да ли баш све?). Оне су, вели, јамачно све из Шумадије и јужних и југо-западних српских крајева. После је тек у почетку 19 века досељена већа маса новог становништва из источне и југо-источне Србије, из Старе Србије и Македоније. Најзад је у току 19 столећа подолазило врло много досељеника из свих српских земаља, а највише из северних (у јужној Аустро-Угарској). И тако сад има три групе села: једна са правим шумадиским саставом становништва, друга са врло мешовитим становништвом и трећа, најближа Београду, са Србима из источне Србије и јужних српских земаља.

Овако разнолики досељеници а још и приличне разлике у земљишту (права Шумадија, Посавина и Подунавље) узрок су великој антропогеографској разноликости. Док су једна села збијена по речним челенкама, друга су растурена по шумадиским и посавским косама и брдима а трећа имају све врсте ових положаја. Једна се од тих села деле на мале или имају шорове (в. карту Ритопека), друга на сродничке крајеве или џемате са пространим имањима око куће (в. напред карту краја Спасовине у Лисовићу) итд. Кућа има и моравских и шумадиских и «пречанских» (т. ј. српских из Аустро-Угарске) или још и таких, на којима се спајају особине од сва три типа. И о разликама у језику и ношњи изнео је испитивач неколико карактеристичних цртица. Уопште изједначивање иде само у мешовитим селима доста брзо; чистија села се држе још подвојено и чувају своје особине.

Шума, Површ и Зупци, три суседне области у јужној Херцеговини, на далматинској граници. То су кршевити, голетни, водом врло оскудни предели. Најисточнија и Црној Гори најближа област, Зупци, разликује се готово у свему од

---

1) Могло би се само замерити, што су унета и нека даља, чисто шумадиска села, којима заиста није овде место.

других двеју и у многоме јако подсећа на праву Црну Гору, а већ и становништво је великим делом по пореклу из Црне Горе.

Села су збијена по равницама или на брдским странама, где оне прелазе у равницу. На кршевима су, јер се штеди орађа земља. Нека се села деле на махале. Зубачка се села одликују расељицама, које су постале од народних збегова из времена Вукаловића Устанка (1857—1865 год.). Има породица, које станују подједнако и у селу и у расељици. Села су врло мала, средња од по 10—11 кућа. Земља је поглавито у рукама ага и бегова. Сточарство се још држи, јер има много заједничких паша и шума — мере, која је овде само сеоска а не општинска заједница (као у Рудинама). Раније су се могли делови мере и присвајати (у Шуми је већином и постала приватном својином), а сад се морају куповати од владе.

Описивач је лепо обрадио одељке о кући и о зградама, додавши им и јасне планове. Куће су зидане од камена а разликују се на приземљуше (сл. 29) и двоспратне (сл. 30). У једноделним приземљушама и сад понегде живе људи заједно са стоком. Описивач се опширније забавио и унутрашњошћу куће и «покућем». — Око куће има овај крај па 12 разних зграда, од којих су најглавније сточарске (сл. 31).

Као у Билећским Рудинама има и овуда «гомила» од камења (преко 300) и «Грчких Гробаља». Селишта има понајше у Површи, у Зупцима ниједно. За прошлост ових предела знатно је, што је кроз њих водио стари Дубровачки Пут. — Села су све три области врло стара. И «старјеника», старих брастава, има сразмерно много, нарочито у Шуми (40%). Само је чудно, да та стара брства нису јако разграната, као што су она од ранијих досељеника. Највећи је број досељеника из Црне Горе, нарочито у Зупцима (готово све избегли од крвне освете), затим из ближих крајева требињских, билећких и далматинских. Према томе је раније и овде главно кретање становништва ишло у правцу и.-з.

Има и један одељак о главнијим етничким особинама ових јужних Херцеговаца. Они имају много трговачког духа, који писац приписује утицају блиског приморја, нарочито Дубровника. У језику се осећа утицај црногорски, највише у Зупцима. И ако нема праве племенске организације, ипак се становници сваке поједине од ове три области осећају увек као целина. Знатно је даље да и католици држе крсна имена и да се у овим пределима највише слави Ђурђев-дан ($^{2}/_{5}$ свих брастава), затим Јовањ-дан, Шћепан-дан и Петков-дан, а много мање Никољ-дан и други. — Немила је и кобна последица «окупације» расељавање становништва. Већ се трећина мухамеданаца иселила у Турску, а из 2500 православних кућа требињског котара отишло је већ 3000 најбољих снага у Америку.

Јов. Ердељановић.

Мотиви у предању о смрти краља Вукашина.

од Јов. Н. Томића.

I.

Претресајући питање о историјским траговима у српским народним песмама општенародног карактера, а нарочито о песмама о Краљевићу Марку, у једном свом раду нарочито сам нагласио како у њима није главно личност него мотив, и да због тога одабирање и груписање чињеница у њима није извршено према личности већ према мотиву, који им служи за основ[1]).

Али то што у предању вреди за однос личности према мотиву, вреди и за све остале чињенице, тако да ако се и код њих буду тражили ближи однос и узрочна веза, видеће се како и према њима мотив заузима исти положај. Он је основ, на коме се развијало народно предање; на њ је, као на готов основ, накалемљен по који историјски догађај или надовезан рад по које историјске личности, стога и догађаји и личности и све друге историјске чињенице јесу касније примесе, које су због сличности с појединим елементима у раније постојалом народном предању, потисле оне с погодног мотива и замениле их, али су при том и саме претрпеле измена пре него су добиле свој дефинитивни облик, сачуван у данас познатом нам предању.

И то се види не само у песмама општенародног карактера него чак и у разноврсним облицима локалнога предања с привидно историјским обележјем, где се на први поглед чини као да је сачувано највише трагова о историјским догађајима и личностима. И тамо мотив је основ, те се због тога о историјском догађају и његову утицају на машту код народа, о сачуваним траговима историјским и њихову односу према догађају, као и о изменама извршеним у току дуга времена, може доносити тачан суд тек кад се упозна карактер мотива. Јер, пошто он служи за основ предању, које се јавља у форми уметничког производа, он је тај чинилац што утиче на разраду историјског догађаја, на одабирање и груписање чињеница, на

1) Ко је Јдемо Брђанин. Прилог испитивању историјских трагова у народним песмама. Београд 1901, стр. 6.

карактер извршених измена и на замену сличних елемената ранијега времена са каснијима. Мотив нарочито утиче много на одступање у предању изнесеног догађаја од правог историјског и његово друкчије представљање; њему се има највише приписати што се у предању о каквом историјском догађају поједине чињенице групишу тако да њихов скуп у историјском погледу даје анахронизме и најчудноватије парадоксе; од њега зависи карактер уметничке разраде предања и трајање овога; због њега су се поједине чињенице много дуже одржале од правих историјских података и потисле их пред собом.

Познато је како је народно предање врло гибак елеменат, који се лако мења и дотерује према мотиву. И баш зато што је он такав, треба бити врло пажљив при испитивању историјских трагова у њему и никад не натезати са довођењем у везу привидно сличних слика у предању са онима о догађајима познатим из Историје. Због тога у испитивањима те врсте треба свагда поћи од изналажења основног мотива, с којим долазе у везу други и стапају се, јер се тек на такве надовезују историјски елементи, и поступно дотерују према мотиву.

Ово правило о мотиву јесте једно од основних у проучавању народног предања, и за њ имамо доста потврде у српским песмама општенародног карактера, и у приповеткама с историјским догађајем, и то како у онима општенародног карактера тако и у другима локалним. Али ретко је који пример тако убедљив, колико је то предање о смрти краља Вукашина.

II.

Народно предање о смрти краља Вукашина Мрњавчевића имамо очувано у двојаком виду: у народним песмама јуначким[1]) и у некаквом давнашњем локалном предању, које је послужило за извор Мавру Орбину при опису маричке погибије у делу Il regno degli Slavi[2]), откуда је на једној страни дошло у млађе летописе српске типа Троношчева[3]), а на другој дало грађе за бугарштицу «Кад је Никола Томановић невјерно убио краља будимскога»[4]).

Најглавнији представник прве групе предања, песма «Марко Краљевић познаје очину сабљу», смрт Вукашинову везује за историјски догађај.

1) Караџић, Пјесме, кн. II (држ. издање) бр. 56, 57.

2) *Il Regno degli Slavi* hoggi corrottamente detti Schiavoni historia di *Don Mavro Orbini*. (In Pezaro. 1601, стр. 276, 277.

3) Гласник Срп. Уч. Друштва, кн. V, стр. 76, кн. XXXV, стр. 47.

4) В. Богишић, Народне пјесме из старијих највише приморских записа. (II одел. Гласн. Срп. Уч. Друштва, кн. X), бр. 35.

У њој се пева како је некаква Туркиња девојка рано уранила, да на Марици бели платно. Кад је била на Марици «до сунца јој бистра вода била— од сунца се вода замутила, — ударила мутна и крвава, — па проноси коње и калпаке, — испред подне рањене јунаке». У то вода нанесе једног рањеника, који девојку стане сестримити да га спасе. Девојка се ражали на га извуче из воде на обалу. Тада је рањеник упита има ли кога на двору, па кад дозна да има брата, замоли да га пренесу на двор, обећавајући да ће их лепо даривати, и њу и брата јој Мустаф-агу. Девојка га послуша, оде двору, тамо нађе брата, исприча му шта се десило на Марици и замоли га да не убија рањеника него да га донесе у двор. И Мустаф-ага оде. Али кад је видео рањена јунака, на коме је било чудно одело и о бедри скупоцена сабља окована, «узе гледат' сабљу оковану,—ману њоме одс̓ јече му главу,— скиде с њега дивно одијело, — па он оде двору бијеломе», где га дочека сестра, која кад види шта јој је брат учинио, прокуне га да му та иста сабља одсече главу. Не много потом султан окупи војску. На војску дође и султанов клетвеник Марко Краљевић. Тамо дође и Мустаф-ага и собом донесе сабљу, којој се свак дивио, али је нико није могао извадити. Најзад сабља дође до руку Марку, која му се сама извади, чим ју је узео, Марко на њу баци поглед, опази на њој «три слова ришћанска: — једно слово Новака ковача,—друго слово Вукашина краља,—треће слово Краљевића Марка», у њој упозна оружје свога оца краља Вукашина, па зачуђен упита Турчина откуда му, а кад му овај на то каже све како је било, ражљути се те потегне сабљом и одсече му главу.

У овој песми опажа се нека слаба веза смрти Вукашинове са маричком погибијом. Мутан траг томе налази се у почетку песме, тамо где се о реци Марици вели како је била бистра до изласка сунчева, али «Од сунца се вода замутила—ударила мутна и крвава—па проноси коње и калпаке— испред подне рањене јунаке». Овим стиховима песма о Вукашиновој смрти, као епизода, везана је за главни догађај, за маричку погибију, и с њом стоји у оном истом односу, у каквом су песме «Смрт мајке Југовића» и «Косовка девојка» према косовском догађају. Сличан однос између Вукашинове смрти и маричке погибије види се и у предању сачуваном у Орбинову делу, као и у оним другима, чији су се писци користили Орбиновим делом, с том разликом само што је Орбин предању дао карактер историјског факта, па га је надовезао на опис маричке погибије, изведен према Лаонику и Левенклавију [1]). И у овој разради предање се јавља као епизода

1) Орбини на 276 стр. свог дела говорећи о том догађају вели: «Come vuole Gioanni Leunclavio» (в. Левенклавијево дело *Annales sultanorum othmanidarum a Turcis sua lingua scripti* под год. 1365 и 37 тачку из *Jo. Leunclavii Pandectes Historiae Turcicae, liber singularis ad illustrandos annales*).

према крупном догађају историјском, јер пошто је изнео ток догађаја пре маричке битке, акцију Мрњавчевића против кнеза Лазара Хребељановића и жупана Николе Алтомановића, њихово ратовање, упад Турака у земље Мрњавчевића, поход ових у Тракију, њихов повратак отуд, изненадни напад Турака на српску војску и пропаст њену код Марице, Орбини не казујући извор даљем причању, надовезује како је Вукашин са браћом и многим властелинима избегао из окршаја и допро до Марице, скочио у воду и спасао се сам са једним слугом, али кад се уморан хтео напити воде на једном извору и сагнуо, укаже му се ланац на врату, што кад слуга спази, пограби се на драгоценост те потегне и убије свог господара[1]).

Несумњиво је да овде имамо посла с једним истим предањем, које је различно разрађено због различног карактера књижевног производа у коме се јавља. У песми као и у причи Орбиновој основ фабули јесте један исти, само је ова у Орбинову делу претрпела мање измена, јер је у њ пренесена непосредно из једног старијег такођер књижевног извора. Али заједнички извор обеју разрада није у историјском догађају, у маричкој погибији. Ту је сећање на овај догађај каснији накалемак. Причање о догађају дошло је на већ готов мотив, који је постојао много пре него је постало причање о Вукашиновој смрти у својој првобитној форми, па и пре него се десила маричка погибија. И ја мислим да је све што имамо сачуванога у овоме предању, све сем констатовања смрти краља Вукашина у вези с историјским догађајем, с маричком погибијом, примеса каснијега постанка. Сви поједини елементи тога предања дошли су на погодан мотив, пошто су из раниіе приповетке потисли себи сличне елементе. На основу тога ја даље мислим да је погрешно у овом предању тражити право сећање на историјске догађаје. Изузевши личности краља Вукашина тамо немамо ничега историјског. А још мање се историјског може тражити у разради предања у Троношчеву летопису. У место историјског догађаја основ том предању треба тражити у мотиву. Зашто и како, ја то мислим да покажем у овом чланку и да изнесем ресултате свог испитивања.

На први поглед ово предање о смрти краља Вукашина указује се да је у вези с једним од најсудбоноснијих догађаја у прошлости српскога народа, и

---

1) «...Ré Vucascino et Ugglescia... segnitati da' Turchi, pervenuti che furono al fiume Hebro, hora Mariza, per non venire in mano de' inimici, si buttarono in quello insieme cò cavalli. La qual cosa fecero ancora molti altri nobili personaggi, dé quali la maggior parte s' annegò nel detto fiume insieme con Uggliescia et Goico suo fratello, il quale haveva il governo de gli esserciti. Il Rè Vucascino havendo passato il fiume, e trovandosi molto assentato, cosi assentato à cavallo, come si trovava, si pose bere à un fonte. Là dove Nicolo Harsoevich suo paggio vedendo una collana, che gli pendeva dal collo, l'ammazzò appressò la villa Carmanli, dove li Rassiani con li Turchi fecero la giornata, vicino al Castello di Ciarnoman in Tracia» (Orbin M., *Op. cit.* 277).

чудновато изгледа да је тако слабо, тако незнатно. Изгледа чудновато да један тако значајан догађај, као што је маричка погибија, не остави јачега трага у народном сећању, него што су ова два наведена. Али у колико на први поглед изгледа чудан тај појав, он је, у ствари, само потврда једног од принципа за постајање и одржавање народног предања, по коме значајни историјски догађаји не остављају јачег трага у народном сећању, ако уједно нису погодан мотив за обраду; као што, противно томе, има ситних, једва запажених догађаја, који су у народном сећању оставили јаког трага само стога што су били згодан предмет за обраду. Маричка битка, на супрот косовском догађају, долази у ону прву категорију догађаја, јер је била без великих припрема, била је кратког развоја, брзо се решила, догодила се на туђем а не на српском земљишту, и после себе имала је дуг низ значајних догађаја, на српском земљишту, у средини српскога народа, који су јој смањили ефекат и народној машти дали су много погоднији предмет за обраду. Са тих својих особина, и ако је то крупан историјски догађај, он је ипак оставио слабог трага у народном сећању. А кад је такав случај са тим догађајем, није чудо што ни Вукашинова смрт није могла оставити јачег трага.

Али то није једини узрок слабој обради предања о Вукашиновој смрти. Има још један, и то много значајнији. То је мотив, на који је надовезана приповетка о маричкој погибији и Вукашиновој смрти, и који је таквог карактера да није допустио јачу разраду. Тај ју је мотив везао за једно раније локално предање, а потом тако изведено довео у везу с другим једним мотивом, који се јавља као ресултат хришћанског осећања и суђења о Турцима у XV и XVI столећу, и напослетку све то скупа утицало је на разраду народног предања о Вукашиновој смрти у облику који нам је познат из народне песме и Орбинијева дела.

Ну није штуро само народно предање о овом догађају. Штури су и писмени извори историјски. Тако Дубровачки Анали просто региструју вест о српској погибији и смрти краља Вукашина и деспота Угљеше[1]); српски краћи родослови такођер само га констатују[2]); па ни једини нешто опсежнији и постанком догађају близак податак, познати запис монаха Исаије о маричкој погибији, једва се нешто одвојио од њих у томе што поред кон-

1) «Fu morto Despot Ugliescia et suo fratello Vukascin, alla fiumara Mariza, in Romania in loco Manea (?), adi 26 novembre (recte settembre) in giorno de venerdi, facendo battaglia con li Turchi» (*Monumenta spect. histor. Slav. merid.*, vol. XIV, 42).

2) «Краль Влькашинь и деспоть Оуглѥша оубыѥни быше вь Македонии отъ Тоурькь на Марицѣ рѣцѣ ѩко и тѣлесемь ихь необрѣтено быти сепьтемьбриѩ .кя.» или просто «Вь лѣто 6880—1371 погыбоше Мрьнѩвчиѣ» и др. (Гласник Срп. Уч. Друштва, LIII, 65 и 66). — В. и у Цетињском летопису у *Archiv f. slav. Phil.* II, 85.

статовања догађаја има и нешто објашњења[1]), Али нигде тамо нема никаквог ближег наговештаја где је и како погинуо краљ Вукашин, дали у самом окршају од непријатељског оружја или се удавио у Марици, као и толики му војници. То је потпуно обавијено тамом.

У вези с овим појавом мршавости података о маричкој погибији и Вукашиновој смрти у старијим и догађају постанком блиским изворима имамо други један појав, који је од интереса за упознавање и оцену народног предања. На супрот простом констатовању догађаја у тим историјским изворима, у списима каснијег постанка имамо и нешто коментара, који постпуно бива у толико опсежнији, у колико је већи размак између догађаја и доба када је посепно који од ових списа[2]). А тај је појав разумљив. Док је догађај био у јачој успомени, коментар му је био непотребан. О догађају се у главном знало како се догодио, знало се и шта му је узрок, тако да кад се тумачио, тумачење се сводило на објашњење оне загонетке и страховите погибие, у којој је нестало Мрњавчевића. Али касније, кад се догађај под утиском свежих и јаких удара стао губити из успомене, показала се потреба коментара. Само кад су се каснији писци лаћали да догађају објасне узрок и да га доведу у везу с доцнијим догађајима, они на њ нису гледали друкчије до као на велики пораз хришћански, после кога су Турцима у Јевропи врата била отворена. Будући под утицајем тадашњег општег суда хришћанског о Турцима, непријатељима хришћанства, и не знајући како да протумаче онако загонетан пораз једне велике хришћанске војске од таке непријатеља, они су прибегли најобичнијем мотиву за разјашњење свих неуспеха хришћанских према Турцима, прибегли су казни божјој[3]). Српски као и туђински писци, мислећи непрестано о опасности од Турака, страхујући од све већег јачања ових, и будући под непрестаним утицајем идеја које је собом носило оно доба, и онај страховити пораз, и ону безбрижност у српском околу, и онај дубоки сан српске војске, и ону неопрезност од блиског, и ако знатно слабијег непријатеља, нису могли протумачити друкчије до казном божјом. Отуда и први коментар што га

1) Ст. Новаковић, Примери књижевности и језика старога и српско словенскога, II изд. Београд 1889, стр. 378.

2) В. у Мусакијевој хроници (Ch. Hopf, *Chroniques greco-romanes*, 322), код Орбинија (*Loco cit.*), у Лукарића (*Copioso ristretto de gli Annali di Rausa*, Venezia 1605, стр. 63), у Сансовина (*Historia universale de Turchi*, Venezia, 1654, fol. 186), у Троношцу (Гласник V, стр. 75) и т. д.

3) Мусаки у својој хроници о овом догађају вели: «questa fû la prima vittoria che Dio per li *nostri peccati* concesse all' infideli su le parte di Grecia» (*Op. cit.* 322), што понавља Теодор Спандуџин у свом спису *Origine de principi turchi* речима: «Questa fù la vittoria, la quela Iddio per le *nostre sceleratesse* concesse à gl'infedeli» (Sansovino, *Op. cit.*, fol. 186). — О другим догађајима в. *Seconde Annotationi della prima et seconda parte dell' Istorie de Iovio dell' Infortunio* (Venezia, 1555) стр. 96 и 97; чешког штампара издавача Турске Хронике Михаила Константиновића из Острвице у поговору (Гласник XVIII, стр. 187) и т. д.

имамо о маричкој битки и Вукашиновој смрти, као историјском догађају, за основ има овај мотив о казни божјој, који је у почетку такав, прост, али се у току дугог времена мења и дотерује[1]).

По општем мишљењу у хришћанском свету XV—XVII столећа за Хришћане Турци су били казна божја ради почињених грехова. Што год су хришћани претрпели од Турака, то је било само испаштање за раније грехове а према казни божјој. Па и пропаст српска на Марици ноћу између 25 и 26 септембра 1371 године, по мишљењу ондашњем, није била ништа друго до последица казне божје. Срби су тамо настрадали због својих грехова. Али да би казна божја била што тежа, мотив је разрађен тако да је страховита погибија представљена последицом не једног него више грехова. Пошто се пак предање развијало и примајући у се све новије и новије примесе мењало, то се није застало на простом констатовању узрока маричке погибије у виду казне божје, него се и овај мотив разрађивао тако да је погибија представљена последицом српског безумља и пијанства српске војске[2]). И то тумачење, као згодно, примљено је како од хришћана тако и од Турака[3]); од стране првих стога што је тим појачана тежина казне божје, од стране других пак што су они у овоме нашли очитовано једно од правила из корана, правило које је народу свеже крви много помогло у почетку да брзо рашири своју власт[4]).

---

1) Још монах Исаија у запису о маричкој погибији вели, да је књигу и на њој запис писао «Ѥгда огнѣви Богъ христиѩны западьныихь странь, и подвиже деспоть Оуглѥша вьсе срьбьскыѥ и грьчьскыѥ воѥ и брата своѥго Вльканшина кралѩ и ины вельмоуже мьногы, нѣкьде до шести десеть тысоушть изтраны воискы, и поидоше вь Македонию на изгнаниѥ Тоурькь, не соудивьше, ѩко гнѣвоу Божию никьтоже мошьтьнь противоу стати» (Ст. Новаковића Примери, 378). — В. даље у Старим српским записима и натписима (Срп. Краљ. Академије Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. I одељ). I књ., бр. 182, 355, 382, 404, 1021, 1039, 1139, 1141 и даље.

2) Мусаки вели: «Orcam uscì la notte fora e trovò li Bulgari *charichi d'ebrietà e sonno* e li ruppe e dissipò quello essercito . . .» (*Loco cit.*) што понавља и Спандуџин (*Loco cit.*).

3) Идрис Билдизи у петој приповетки о владавини Мурата I говорећи о маричкој погибији с усхићењем вели о хришћанима: ... у и списку били су, по садржају изреле о грехоти богаства: Говори Бог Узвишени: човјек грешни кад се у богаству нађе (Сура 96 р. 7) јакошћу свог господства и своје моћи заслијепљени, били су јутром и вечером угрезни у распуштени и безбрижни живот, и по обичају њихове невјере и њихове јересије ноћу пијани, дану тамурни,... били су сваку ноћ до зоре пијани од чаше уживања... Заблуђени невјерници бијаху у срећи утрљани. Сада се ти од вина безбрижно опојени с њиховим нашпавим тјелесима наједанпут пробуде, поплешени урликењем лавова и гласом срчанијех вјернијех, дочим су им очи у пијанству разблуде са заклапане. Осталу ноћ бијеху од вина мамурни и падаху у трепет и дрхтавицу од тога лузе обзратељнога љића, а невијест их обузе кад са шест страна саслушаху бубање бубњева и свирање свирала... (Бернауера Извори Српске Повјестнице из турскијех споменика, српски превео и издао Андрија Торквато Брлић, Беч 1857, стр. 17, 19 и 21). То исто пише и Садудин (в. даље стр. 35 и 37).

4) Коран (у срп. преводу Мића Љубибратића, Београд 1895). Гл. II, ст. 216; гл. IV, ст. 46; гл. V, ст. 92 и 93.

Ну, колико је грехова имао српски народ, још више имао их је краљ Вукашин. По народном схватању он их је имао нарочитих, поглавито откад су се у развоју народног предања историјске чињенице нанизале око личности, и кад је у место маричког догађаја Вукашинова личност постала њихов стожер. Вукашину су у грех уписани сви переди што су се били појавили у државн цара Уроша, тако да је прво обележен као узрочник пропасти српске државе, а потом, кад се заборавила веза историјских догађаја, узрока и последица, а потпуно се извршила замена догађаја са личностима, створен је и убицом Урошевим[1]). Кад је пак то извршено, на личност са таквом кривицом примењен је мотив казне божје, и према томе Вукашин је имао да испашта за приписане му грехе, као што их је раније испаштао сав народ. Али народно предање у разради није се задржало на томе. У историјском сећању на маричку погибију и Вукашинову смрт нашао се још један елеменат, који је дао маха да се разрада врши и даље. О начину како је Вукашин погинуо, владала је потпуна неизвесност[2]). Тај факат био је покривен тајанственошћу, која је народној машти дала маха да се и даље развија основни мотив, да се овај лакше доводи у везу с другима и да се предање не веже само за један објекат на оном терену и за једну историјску личност из оног краја.

Дакле, онај исти мотив што га имамо обрађена у историјским списима у виду коментара за маричку погибију, јавља се и у народном предању у причању о смрти краља Вукашина. Али то је само један мотив, па и то споредан, а у предању постоји и други, главни, онај што је послужио за основ разрађеном предању о Вукашиновој смрти, како нам је познат из дела Орбинијева и Троношчева летописа. Тај други мотив јесте општи, заједничка својина индојевропских народа. По времену постанка он је врло давнашњи и на њ је накалемљен онај други каснији, о коме је горе било речи. Само се тај други мотив не види ни у казивању Орбинијеву нити пак у причању код Троношца. Али га зато има у извору, из ког је Орбини узео предање о Вукашиновој смрти.

III.

Године 1533 путовао је из Млетака у Цариград млетачки посланик Даниел де Лудовизи, у чијој је пратњи дужност секретара вршио његов

1) Ст. Новаковић, Срби и Турци, стр. 167.

2) Монах Исаија у поменутом запису вели о Угљеши и Вукашину: «Тѣхь (Турке) оубо не изгнаше, нь сами отъ нихь оубиєни быше, и тамо кости ихь падоше, и непогребены прѣбыше...» (*Loco cit.*).

пријатељ Бенедето Рамберти, тада познати књижевник млетачки. По повратку из Цариграда Рамберти описа пут посланства па га заједно са својим опаскама о Турцима, њиховој држави и Цариграду објави у књижици Tre libri delle cose de Turchi, која је интересна у многом погледу, и послужила је за извор многим каснијим писцима дêлâ о Турцима[1]). У првом дéлу те књижице, где је саопштен путописни дневник, Рамберти прича како је њихов караван 6 маја (по нов.) прешао реку Carmanling (краљеву реку) и дошао на извор краља Вукашина Мрешића (Re Vuchasin Mresich), на коме је овога убио слуга му Никола Херсовић (Nicolo Chersovich). Даље прича како се то десило у доба Ђурђа деспота Србије, када се онај побунио противу краља Матије и одбегао Турцима, па бежећи, уморан од дуга пута, био се нагао над извор да пије воде[2]).

Овај део локалнога предања, по Рамбертијеву саопштењу, познат је израније из Орбинијева дела. Орбини позајмио га је из Рамбертијева списа, не рекавши извор својој позајмици, као што није казао извора ни многим другим. Он је уједно и први који је овај део предања употребио као историјски подадатак, али тек пошто је у њему дотерао имена и додао неке појединости, које ће предању дати карактер историјскога факта; а потом ради веће вероватноће надовезао га на излагање о маричкој погибији. Али како је Орбини ту приповетку употребио као историјски факат, он је из ње изоставио целу другу половину, која би оној првој одузела тај карактер. Ну оно чега се Орбини клонио, нама је овде нарочито потребно. Тај други део сачуванога предања и Рамбертијева коментара јесте од особита интереса, јер је тамо сачуван основни мотив приповедању о Вукашиновој смрти код Орбинија и Троношца. Тамо се каже како се у оном крају око Марице причало да је слатка и пријатна вода у извору, откако је Никола Хрсовић убио свог господара Вукашина, постала мутном и горком, и да је нису више пили други до грозничави, које је болест одмах напуштала. На том месту Рамберти помиње и један обичај до данас очуван у народу: да су

---

1) Штампана је прво у Млецима 1539 год. засебно на 38 листића, потом је у три маха прештампавана, 1541 зелебно и два пут у збирци путописа с натписом *Viaggi alla in Persia* etc. Zod. 1543 и 1545. Marco Foscarini у свом делу *Della litteratura veneziana* (издање II у Млецима 1854) вели да је Паоло Мануло штампао један Рамбертијев спис с натписом *Iter Constantinopolitanum* Benedicti Ramberti, које је још у XVIII столећу био un rarissimo libretto, а то је без сумње овај исти спис. — О том Рамбертјеву делу в. *Revue critique d'histoire et de la litterature* 1896 бр. 2.

2) «Alli VI venimmo á Chiudegegnibustramm, che è à dire casal de Turchi nuovi, miglia XXXIIII passammo il fiume Carmanlig, cioè di Re, et la fontana di Re Vuchassin Mresich, che è una fontana: nella quale dicono che uno servitore chiamato Nicolo Chersotich ammazzò dello Rè Vchassin il quale fuggendo nel tempo di Giorgio Dispot di Servia, che ribellò al Re Mattias et si diede al Signor Turco, stracco dal longo viaggio si era inchinato a detto fonte à bere».

мимоходници пролазећи поред тог лековитог извора остављали комаде од свог одела крај њега[1]).

Рамберти није знао језика народног из оног краја. Према томе може се мислити да он ово предање није чуо непосредно из уста тамошњег народа, већ да му га је саопштио неко из посланикове пратње, по свој прилици какав Дубровчанин, који је додао оно довођење у везу Вукашина са деспотом Ђурђем и краљем угарским Матијом[2]). Али ма како да је Рамберти забележио предање, у његову казивању јасан је један факат што се тамо констатује: да је вода, коју је окушао, била мутна и горка. Тај је факат несумњив, и управо поменута особина воде у вези с веровањем у њену лековитост и оно остављање комада од одела изазвали су радозналост у путника и послужили су му за повод да дозна за народно предање, које је с извором доводило у везу једну quasi епизоду из маричког догађаја. Бележећи пак тај факат Рамберти нам је дао основ забележеног предања, од ког се има почети анализа и помоћу ког се има дознати не само за прави мотив него и каквог су карактера касније примесе.

Саопштавајући ово предање Рамберти је изнео шта се онда говорило о лековитости извора. Али кад је у његово доба постојало једно предање које се за више од две стотине година касније одржало готово у том истом виду, несумњиво је да је оно постојало и много раније. Нарочито тога је могло бити кад је било везано за извор, који је постојао давно пре тога, можда још и у доба маричке погибије. Предање пак постојало је да се њим протумачи лековита вода у извору, као што је предање постојало и за друге лековите изворе, који су од увек били једна врста објеката, што у себи носе погодан мотив за постанак и одржање локалнога предања. И данас има таквих објеката, и то не само по српским крајевима него и по свем Балканском Полуострву[3]), и сви они својом чудном и за прост свет тајанственом особином дају маха за различна тумачења, која се манифестују у виду причања о каквом чудноватом догађају, који служи за објашњење загонетном појаву. Такво предање постојало је и о овом извору, крај

1) «Dicono che in quell' hora che'l detto servitore ammazzò il suo Re, l'acqua di dolce et soave ch'era, divenne amara et puzzolente, comme con verità al presente è di tal modo, che niuno la bee. Et in segno di riverenza ognuno che passa per là, che sia semplice gli lascia qualche poro del vestimente, perche hanno oppenione che la detta acqua giovi à quelli assai, che havessero febre per farla partire, et à cui non l'avesse ad impedir che non gli venghi mai.

2) Ово није дошло књижевним путем нити би Рамберти пао у такву погрешку, да се служио писменим извором.

3) В. у Милићевића Кнежевини Србији, стр. 133, 317, 521, 522 и др.; В. Нушића Косово, опис земље и народа (књиге Матице Српске, IX), св. II, стр. 31, 63, 81 и 113; Насеља српских земаља (Срп. Етнографски Зборник), књ. II, стр. 9, 56, 193, 215, 307, 312, 339, 343, 349, 354, 358, 362, 366, 369, 374, 382, 387, 396, 401, 416, 417, 464, 629, 648, 654, 995, 1008, 1027 и т. д.

кога се једном догодило да је погинуо некакав господар од руке својега слуге. Али како тај извор није далеко од разбојишта на коме су изгинули Мрњавчевићи, о којима је остало нешто трага у сећању народа у оном крају, то у доба кад се заборавио прави карактер догађаја, настала је измена у груписању раније постојалих чињеница у предању, и име господара ког је убио слуга замењено је Вукашиновим, услед чега је предање привидно добило карактер једне епизоде историјског догађаја, маричке погибије. Ну предање, као гибак елеменат, није остало непрестано у једном облику. Оно се и даље мењало добијајући нових примеса. Једна таква промена у животу овог предања извршена је у доба када су се испред историјских догађаја истакле личности. Тада је извршено груписање чињеница из предања око личности Вукашинове, о којој је већ био створен суд о кривици, и том приликом са ранијим мотивом чисто локалног предања дошао је у везу мотив о казни божјој, који је врло згодно дошао да послужи за објашњење два факта: смрти Вукашинове, као привидно историјског догађаја, и чудног дејства и боје воде у извору.

Само то стапање мотива није потпуно извршено у предању које је забележио Рамберти. Ранији основни мотив тамо се много више истиче, док се други једва обележава. Ну томе се не треба чудити, кад се зна да је ово предање непрестано било локалног карактера, и да је први мотив одлика његова. Међутим касније, кад је Вукашинова личност заузела прво место, у место примеса потребних првоме мотиву за што погоднију обраду локалног предања, дошле су друге, којима су се Вукашинова личност и догађај имали представити као историјске чињенице. Зато и видимо да у целој разради овог предања прво Орбини у неколико а потом Троношац потпуно напуштају први мотив и задржавају се на другом, као много погоднијем да са онаква Вукашинова смрт представи као историјски факат. А таква разрада и јесте поглавити узрок немогућности да се по предању о Вукашиновој смрти, како је изнесено у Троношцу, нађе његов прави и основни мотив, да се тачно оцене они привидно историјски елементи и да се схвати зашто да баш они тамо нађу места. Али тешкоћа настаје, кад се зна за основни мотив локалном предању, које је као такво из Рамбертијева дела прешло у Орбинијево и из овога у Троношчев летопис, и кад знамо како су се нове примесе прилагођавале према основном мотиву.

А кад знамо шта је основни мотив у сачуваном предању о Вукашиновој смрти, као и какав је онај каснији што је дошао у везу с првим, кад је Вукашиново име унесено у једно локално предање; даље, кад нам је познат процес развоја народног предања док се није појавило у оном облику у Троношчеву летопису; и напослетку кад нам је познато шта је утицало на одабирање оних привидно историјских елемената и онакву њихову раз-

раду — није тешко увидети како сем мутног трага од маричког догађаја и личности Вукашинове ничег више историјског немамо у предању. Оне привидно историјске чињенице у њему ни у ком случају не могу бити траг народног сећања на историјске догађаје из доба Вукашинове владавине нити да личност Николе Хрсовића одговара некој историјској личности оног доба, како је о том на једном месту писао проф. А. Гавриловић[1]). Све су то касније примесе, које су удешене према двама мотивима, о којима је горе било речи. А да ту немамо посла с правим историјским чињеницама, да је узалудно основ предању тражити у каквом историјском догађају у вези с краљем Вукашином, па према томе и да нема места мислити о некаквим траговима народног сећања на догађаје с њим у вези, види се најбоље из тога што ни име Вукашиново није сталан елеменат у овом предању, јер оно, као локално предање, постоји и за смрт деспота Угљеше, брата Вукашинова. Шта више оно је много јаче везано за име Угљешино него ли за Вукашиново, јер док о овом другом постоји само помен код Рамбертија, о ономе првоме имамо три податка из ранијих времена, из XVI и XVII столећа.

Једно од тих предања јесте од оних локалних, са којима се врло често сусрећемо по српским крајевима и којима се по какав земљишни објекат или траг од каквог споменика доводи у везу с неком историјском личношћу или догађајем. Њим се просто, по народном схватању, казује где је гроб деспота Угљеше. То је предање забележено у Дневнику пећког патриарха Арсенија III Црнојевића о путовању у Јерусалим 1683 године, где се вели: «Конак .ді. (14) поидосмо ѡт Ѹзѹн'жево и остависмо дрѹмь велики на лѣво, и идѡсмо неколико дрѹгим пѹтом скрозе чалію и доидосмо на грѡб храбраго Ѹглѥше брата Вльчашина краља, и ѡтолѣ сънидохом низ бърдо на рѣкѹ. И тѹ мост ѡт камена велик и хѹбав, и шехер маль, и хан хѹбав и велик, и на срѣди велико кѹбе, и тѹ възесмо потрєбнаа, хлѣба и вина и грозділ, и то зовет се харманліа»[2]). Друго предање о Угљеши забележено је за читавих сто година раније, и много је интересније од првога, јер оно каже да је Угљеша погинуо од свога слуге код извора. Оно је сачувано у Дневнику путовања млетачкога баила Павла Контаринија, који је 1580 године ишао за посланика на Порту и том приликом ударио оним истим путем, којим су раније ишли Денијел де Лудовизи и Бенедето Рамберти. У његовој пратњи нашао се неко, по свој прилици његов секретар, који је, по угледу на Рамбертија, описао пут посланства од Млетака до Цариграда. И тај пише како је посланство 5 јуна (по новоме), идући од Харманлије к Цари-

1) У чланку «Белешке о варијантима српских народних песама (Годишњица XVIII, 147—158).

2) Гласник Срп. Уч. Друштва, XXXIII, 187 и 188.

граду, пошто је превалило пут од три миље, дошло у једно село крај Марице, које су Турци звали Unechi, а хришћани Ugles, по имену неког краља, ког је слуга убио кад се одмарао крај извора[1]). Допуну пак оном првом и овом другом предању чини једно треће, сачувано у Животу цара Уроша од пећког патриарха Пајсија. Тамо се вели како после окршаја маричког «Оуглѥша же ꙗко бысть вь рати и вьдають емоу раноу лютоу, и бегоует се и крьвїи тѣкоущїи и неими ѡбезанїа ни хлѣвини, нь никако имы где глави подклонити нь некы хльми вьзшьдь и падаеть сь коня и тоу приходить емоу коньць житїю, дѹхь богоу прѣдасть и погрибають его свои слоужьбници и гробь его и до дньсь знаемь ѥсть и нека чюдна знаменїа показоуеть и чловѣци бeлѣги ставеть,.... гробь емоу бысть више харманлїе и до дньсь каменїемь знаем ѥсть»[2]).

Сва три ова предања јесу чисто локалног карактера, сва три тичу се смрти деспота Угљеше и сва три узајамно допуњују се тако да скупа дају оно исто предање које је у Рамбертијеву делу везано за личност Вукашинову. Оба ова предања јесу једно и исто. И да је тако, види се по заједничком мотиву у њима, по томе што имају исту причу о господару ког је слуга убио крај извора, што су оба постала на истом терену, тамо су се очувала и била прибележена, па и што су оба везана искључиво за Мрњавчевиће. Истина, у њима има неког одступања, али је оно тако незнатно, да је тешко наћи лепшег примера за доказ како се једно локално предање у току доста дугог времена мало изменило. Шта више то одступање, по коме је основни мотив у оној верзији о Вукашиновој смрти везан за извор, а у овој о Угљеши за његов гроб, јесте од интереса да се види како се разлика у тумачењу потпуно неизвесног начина смрти двојице Мрњавчевића свела само на то: да се једно исто предање, ради примене на два имена, веже за два различна објекта, али таква који су тамошњем свету привлачила пажњу више од осталих и били су погодни да очувају основни мотив.

А све то јасно говори да нити прича о Вукашиновој смрти има за основ историјски догађај, нити су појединости прави трагови народног сећања на догађаје и личности Вукашинова доба, а тако исто да ни Вукашиново име није сталан елеменат у овом локалном предању. Јер судећи по томе што се име Угљешино више помиње и што се за дуже времена одржало у њему, што има више објеката за њ везаних или их има и таквих, који

2) «Il luogo si chiama Carmanlia... L'acqua del torrente si chiama Uluderen e va in Marizza. Tre miglia innanzi, trovammo una villa dei cristiani accanto il fiume Marizza, chiamata in turco Unechi, in schiavo Ugles, nome proprio del re di quei tempi, il quale fu morto da un suo servo mentre riposava alla fontana ch'è di eccellente acqua (*Diario del viaggio da Venezia a Constantinopoli di M. Paolo Contarini che andava bailo per la Republica Veneta alla Porta Ottomana*. Venezia 1856, стр. 31 и 32).

3) Гласник Срп. Уч. Друштва, XXII, стр. 226 и 227.

су по њему добили тај назив и што се у неким историјским списима, заснованим на предању, име Вукашиново губи у приповедању о маричкој погибији[1]), може се мислити да је оно још у толико преспоредан елеменат и касније надовезивање, које је због већ створеног мишљења о Вукашину изазвало нешто разраде у предању везаном за извор, чега нема у оном предању везаном за Угљешин гроб. Зато ја и мислим да овде, као и у многом другом предању, не само општенародног него ни локалног карактера, основ не треба тражити у историјским догађајима него у мотиву, који за своју разраду није тражио чистих историјских чињеница већ таквих, које су биле погодне за њ. Даље, истражујући основ давнашњих предања и њихов однос према историјским догађајима и личностима, који се у њима помињу, мислим да нипошто не треба прећи преко основног мотива па се задржавати на привидно историјским чињеницама и према њима изводити закључке о историјској им подлози. Ја мислим да тако не треба радити и да је такав рад погрешан. Пример с предањем о Вукашиновој смрти јесте најбољи доказ томе.

Ј. Н. Томић.

---

1) Мусаки у својој Хроници помиње само Угљешу, а по њему и Спанџуџин (*L. cit.*).

K výkladu některých padů slovanské deklinace.

Podává Václav Vondrák.

Jde nám zde především o *gen.* sg. a *nom. vok.* a *akk.* pl. рыбы—доуша a *akk.* pl. влькы — мѫжа. Jak známo, zjistil zde Sobolevskij pro ruštinu, polštinu a lužičtinu druhotvar, který by pro církevní slovanštinu předpokládal **dušě*. Totéž platí i u pronominalní deklinace, kde máme v církevní slov. gen. юѩ (starorusky však отъ неѣ) a nom. akk. ž. r. a akk. m. r. ѩ (starorusky ku př. вьсѣ). Tyto tvary předpokládají se dále i pro češtinu a poukazuje se k *dušě*, *oráčě*, *je* v staré češtině, jakoz i *jie*, *jejie* (gen. sg. ž. r.). Tvary tyto nejsou dosud náležitě vyloženy. O jich výklad pokusil se Zubatý, který předpokládal, zě *ě* vzniklo z *-i̯ās* (Archiv für slav. Phil. XV, str. 499 násl). Výklad na prvním místě uvedených tvarů genitivních рыбы — доуша spůsoboval mu ovšem též velké obtízě (l. c. str. 512—514). Poukázal k litevským genitivům *manę̄s*, *tavęs*, *savęs* (str. 513) a připouštěl zě slov. tvar *vъdovy* můzě odpovídati gotickému *viduvōns* (str. 514). V akk. mn. č m. r. nebyla prý ovšem původně koncovka *-jě*, *ě* v v uvedených jazycích (str. 514). Při těchto výkladech předpokládá se, jak vidíme, nové *ě*, které mělo vzniknouti z *i̯ā*, jak Zubatý již dříve soudil (Archiv, XIII str. 622). Zubatý výslovně podotýká, lit. *šioju* že zní v slovanštině *zěją*, čili jinými slovy, staré *i̯ā* (*jā*) zě se proměnilo v *ě*, ne v *jě*, nebot' jinak bychom měli **žěją* či **žają* za *zěją* (str. 517). Z předslovanského **zemjās* zě mohlo vzniknouti jen **země* a *zemjě*, *zemljě* že je přeměněno dle druhých pádů, v nichž se *j* zachovalo (str. 518). Jinak zase prědpokládal Meillet, ze **zjāje* žě vzniklo *zjěje* a dissimilací z tohoto pak *zěje* (poněvadž ve slově bylo dvakrát *j*); tak prý i *rěją* z **rjěją*, *směją* atd. (Mémoires de la soc. de lingu. IX, 1898, str. 137 násl. a XI, 1900, str. 14 násl.)[1]).

1) Jakožto další příklad této dissimilace uvádí Meillet тоужда vedle штоужда: La dissimilation de *j* par un autre *j* (Etudes sur l'Etymologie et le vocabulaire du vieux slave I Paris. 1902 str. 175). Tak jem vykládal tyto tvary již r. 1886 ve svém spisku: «Zur Kritik der altslov. Denkmale (Sitzungsberichte víd. Akademie, fil.-hist. třída, sv. CXII str. 775).

Avšak toto předpokladané nové *é* má pro slovanštinu velmi málo pravděpodobnosti. Když vidíme, že již v praslovanštině přešlo *é* vzniklé z dlouhého *ē* po měkkých souhláskách v *a* (*ja*), jak bychom mohli předpokládati, zě naopak z *ja* mohlo zase vzniknouti *é* ? Slov. *zějq* — *zijati* možno konečně vykládati jako *lějq* — *lijati*, *lьjati*. V litevštině je ovšem praesens dle infinitivu: *z'ióju*, *z'ióti*, kdežto *lēju*, *lėti* a *lyjù*, *lýti* nemá vedlejšího infinitivního tvaru. Na takový výklad pomýšlel asi *Hirt*, když oddělil slov. praesens *zějq* od litevského *žióju* a lat. *hiāre* jakožto jiný stupeň, předpokládaje zde kořen *ghejā*: V. I. ahd. *geinōn*, ags. *gānian*, abg. *zějq* ‚hiare': V. II a. lat. *hiāre*, *hiātus*, lit. *žióju*, *žióti*, abg. *zijati* ‚hiare', serb. *zijati* ‚hiare', ahd. *giēn*, *ginēn*; RS. lat. *hīseō*; SS. gr. χαίνω aus idg. gh(j) d-njō (Der idg. Ablaut. 1900, str. 98, č. 360; podobně předpokládá i *lejā* ‚giessen' str. 100, č. 372). Jest ovšem zde i jiný výklad možný.

Z ostatních dokladů pro domnělé *é* = *jā* nepřesvědčuje taktéž žádný. Byloby též nápadné, proč právě ku př. jen v tak obmezeném počtu pádů naší deklinace přešlo toto *jā* v *é*, kdežto v ostatních padech, kde se též vyskytuje často *jā*, zůstalo v praslovanštině beze změny.

Že toto domnělé nové *é* je velmi problematické, podotýká i Jagić. Mimo to pronesl pozoruhodné námítky i proti předpokládaným tvarům *dušé* a pod. v praslovanštině vůbec. Nechce jich odtrhnouti od dvojice рыбы-доуша, nýbrž vidí v nich nějaký odstín tvarů s nosovkou -ѧ. Okolnost, zě *é* v těchto tvarech vyskytuje se po č, ž, š mluví prý pro to, zě *é* je zde sekundarní, zě tedy zastupuje ѧ. Mimo to poukazuje Jagić k tomu, že je ѧ, jak ze zdá, v oněch slovanských jazycích zastoupeno hláskou ѣ, v nichž by pravidelná střídnice genitivní nosovky (ѧ) vedla k tvaru, který by splynul s nominativem. To platí pro různá nářečí ruštiny a pro slovačinu, kde ovšem nynějši genitiv *duše* nemusí, jak Jagić myslí, ani předpokládati starší **dušé*. Se slovačinou že by spíše mohla souhlasiti i polština v jednoduchým *e*, vzniklým z *ę*. V ruštině ovšem že je *ě*, které, jsouc zúžené, vedlo v maloruštině k *i*: *доуші*. Dále pak pokračuje: «Das Böhmische kann mit seinen alten Form *dušie* ganz gut auf *dušę* beruhen, es braucht nicht gerade aus *dušě* (доушѣ) horvorgegangen zu sein, nur so viel steht fest, dass es nicht *duše* war. Wenn ich die Ableitung der altb. Form *dušie* aus *dušę* für möglich halte, so erklärt sich das aus meiner principiell von der durch die meisten böhm. Grammatiker vertretenen Ansicht abweichenden Annahme, dass das altsloven. ѧ nicht im böhm. *ja*, sondern in *ie* seinen Haupt — und Grundvertreter hat». (Archiv für slav. Phil. XV, str. 522—523).

Avšak máme doklady pro starou češtinu, z nichž seznáváme, zě tyto tvary nevznikly z nosovek. Jsou totiž co nejlépe, jak myslím, dosvědčeny v

Pražských zlomcích které, jak známo, oplývají čechismy [1]). Máme zde totiž v cyrillském přepise: **на прѣставенне ѣцѣ** I B 25 a **распѣнн мианъноую насънцъшаго снѣ въ поустъннн** II B 22—24 (σταύρωσον τὸν ἐν ἐρήμῳ τούτους μαννα δοτήσαντα, Šafařík, Glag. Fragm. str. 44). Bogorodicě a *sié* = τούτους jsou tedy tvary, které sem náležejí. V těchto dvou dokladech nevyskytuje se **ѣ** v platnosti, jakou též v hlaholských památkách mělo, totiž jako *ja* (*a*), nebot' za *ja* klade se v Pražských zlomcích **ѣ** jen tam, kde se již to vyskytovalo i v hlaholských originalech v této platnosti, ne však tam, kde se objevuje *ja* jakožto bohemismus [2]). *Tak máme zde za nosovku* **ѧ**, *kde podlehla českému vlivu, jen* — *a*: **оуддрнша** II A 4, **възложнша** II A 17; **поставнша** II B 21—22, **та** II A 20 a tomu odpovídá, zě za **а** se vyskytuje naopak **ѧ** (**ѧ** není v druhém zlomku): **мианъноую** II B 22—23. Jen v násloví psal zde jednou poslední přepisovač též v českém slově **ѣ** či vlastně **ıѣ** za *ja*: **ıѣ н(а)** I B 10, bezpochyby zcela pod vlivem hlaholských originalů, kde se toto **ѣ** v násloví často vyskytuje — tak máme i v těchto zlomcích: **ѣко** I A 4, 20; I B 11; II B 20 — avšak psal zde ješte *i* (*j*) zbytečně při *ě* bezpochyby vlivem originalu církevněslovanského. V gen. a akk., které jsou zde doloženy, nebylo ovšem nikdy v hlaholštině **ѣ** a nemohlo tam také býti.

Dle toho jsou tedy, jak myslím, tvary *dušě* atd. v staré češtině zaručeny a sice jakožto samostatné, nepředpokládajíce žádné nosovky. Mohla by se ovšem předpokládati snad i zde souvislost s nosovkami. Střídnice za *ę* byla sice v češtině *'a*, avšak toto *'a* nevzniklo hned přímo z *ę*, nýbrž předpokládá starší otevřené *e* (tedy asi *'ä*), které teprv vedlo k *'a* (*ja*). Mohlo by se tedy snad připustiti že v gen. *dušě* udržel se ještě starší reflex tohoto *'ä* a sice proto, aby se pád tento rozeznával od nom. jedn. č., nebot' jinak by zněl též *duša*. Dejme tomu, zě by byla tato okolnost též rozhodovala, avšak o všech případech to nemůže platiti, aspoň ne ku př. o akk. mn. č. *oračě* a *sié*, kterýžto tvar máme právě v Pražských zlomcích. Tyto tvary by dle Jagiće musily předpokládati též nosovku *ę*, nebot' vznikly dle něho teprv na české a ruské půdě a sice samostatně. Dle toho bychom musili v Pražských listech očekávati aspoň *sija*.

Předpokládám tedy, zě *ě* těchto tvarů nesouvisí nijak s nosovkou ę.

1) O *Pražských zlomcích* jako i o *Kijevských listech* pojednávám podrobněji jinde. O prvních dokazují zejména, zě mohly vzniknouti jen na české, nikoli však na slovácké půdě.

2) Lamanskij předpokládá, uváděje domnělou přehlásku *ja* > *jé* v **еза дара цѣлении та лиши** místo **цѣлении** (z Gebauerovy Hist. ml. jaz. č. I str. 117), zě v Pražských zlomcích **ѣ** má *jen jednu* platnost vůbec, totiž jako české *ě*: «Можно видѣть и другіе случаи перегласовки а въ е: **вечерѣвьша**, как та къзни, такъ какъ для чеха глаголическое ѣ имѣло одно значенье — *é* (а никакъ не *ja*), см. **дрѣва**, **прѣставлении** значитъ: ka je ta...» (Изв. р. я. VI, sv. 4 str. 338, pozn). Ale jakby byl původce těchto památek četl **ѣко** I A 4 a pod.? To přece nebylo v češtině jako: *jěko, jeko*!

Jak je ale vyložiti? Výklad Zubatého má i tu slabou stránku — na kterou ostatně Jagić též upozornil — zě tvar *duše* dle něho nesouvisí s tvarem *ryby*, neboť dle něho vznikly oba tvary na základě různých koncovek. Zamlouvá se tedy spíše vykládati *ě* spůsobem, který by nám zároveň mohl i tvar *ryby* vysvětliti. Výklad takový nabízí se, uvážíme-li následující okolnosti. Genitivní koncovka zde byla původně, jak známo, —*ās*: lit. *mergõs*, got. *gibos*, lat. *familiās* ř. χώρ-ας (viz mou Alstl. Gramm. str. 58); taktéž bylo -*ās* i v nom. pl.: lit. *mer̃gos*, got. *gibos*, skr. *sénās*. Stalo se však bezpochyby vlivem -*s*, zě -*ās* v zásloví přešlo v -*ōs*, a toto podléhalo pak týmž osůdům jako původní -*ōs* v zásloví vůbec. Jako -*os* nominativu jedn. č. přešlo totiž v -ъ bezpochyby cestou přechodního tvaru -*us*, tak mohlo i -*ōs* přejíti v -*ūs* a toto pak v *y*. Tento přechod vidíme v dat. a akk. mn. č. zájmena osobního: ны, вы, kde musíme předpokládati původně **nōs*, **vōs* (též i v lat. akk. *nōs*, *vōs*, vedle skr. *nas*, *vas* jakožto enklitický gen. dat. a akk.; viz v mé Altsl. Gramm. str. 59). Kolísání co se tyče kvantity pozorujeme často u zájmen (viz P. Person v JF. II str. 201). Souhláska -*s* zde tedy působila zrovna tak jako i -*n*, což toź i *Meillet* též předpokládá: «Pour le cinquième cas, celui des finales, il faut admettre aussi que -*s* et -*n* ont fait passer *o* à *u* de bonne heure; en effet il semble que l'action de -*s* et de -*n* sur les voyelles longues de syllabe finale se soit exercée dans le sens de la fermeture: tandis que i-e. —*ā* final et —*ō* donnent sl. *a* dans tous les cas, *-*ās* est représenté par-*y*, c'est-à-dire par un ancien *ū* dans le genitif singulier *ženy* et dans le nominatif pluriel *ženy*, et c'est sans doute *-*ōs*, d'où, -*ū*, qu'on doit poser à l'origine de la finale du nominatif singulier *Kamy*»[1]). (Études sur l'etym. et le voc. du vieux slave 1902. str. 109 v Bibl. de l'école des hautes études sv. 139). Tímto spůsobem můžeme tedy dosti pravděpodobně vykládati gen. sg. a nom. pl. жены. Jak pak ale *duše*? Myslím, zě nejsnáze toto *ě* můžeme vysvětliti přehláskou z-*ō* (-*ōs*), kteroužto vzniklo ovšem především *ē*, z čehož i ještě v této pozdější době vzniklo buď výhradně v praslovanštině ještě *ě* neb aspoň skoro výhradně. Toto nové *ě*, ačkoli bylo též ještě praslovanské, vzniklo přece mnohem později nežli *ě* z původního *ē*, ku př. ve slově *viděti* a pod. a proto tedy nepodléhalo již změnám, které prodělalo starší *ě* z-*ē*, po případě z dvouhlásek vzniklé: proto tedy слышати ze *slychēti, **slyšěti*, avšak gen. sg. a nom. pl. *duše*. Možná ovšem, zě v jistých případech mohlo i toto nové *ě* přejíti v *a* po měkkých souhláskách, zvláště byl-li k tomu dán ještě i odjinud podnět. Tak si můžeme vyložiti ku př. nom. akk. dv. č. краш, межа z **Krajō* > *Krajē* > **Krajě* hlavně vlivem tvrdých kmenů jako рока, лека a td. U tvaru *duše* nebylo toho

1) S tímto však nemůžeme souhlasiti: Kamy předpokládá spíše *Kamōn.

podnětu, a mimo to by byl jinak vznikl tvar *duša*, který se vyskytoval již v nom. j. č.

Jde ovšem o to, možno-li vůbec dokázati, byla-li skutečně v praslovanštině přehláska ō > ē vedle přehlásky *o* > *e*. *Klíč k důkazu tomu nejspíše možno najíti v akkusativních tvarech* ракы — межа. *Podaří-li se nám důkaz, že zde byla původní koncovka -ōns, dokážeme zároveň přehlásku ō > ē, neboť* ѧ *v* межа *mohlo vzniknouti z -ōns jen tím, zě toto přešlo po měkkých souhláskách v —ēns (a toto pak v* ѧ). O tento důkaz se níž pokusíme; zatím chceme ještě k některým připadům poukázati, v nichž *ě*, jak se zdá, vzniklo též přehláskou z *ō*.

Přihlížime-li k litevštině, vykládá se též nejlépe přehláskou *jō* v *jē* slovanské *ědą*, kdež v násloví mohlo též *ě* přejíti v *ja*: ѩдѫ (srovn. však ještě въѣзди), v slovinštině *jězditi*, srbsky *jezditi*, rusky *ѣздить*, *ѣду* (jedu), *ѣхать*, *ѣзда* (kdežto kmen *ěd-* jísti vyskytuje se zde jako *jad-*), v maloruštině za *ě* zde všude *i*: *jichaty*, *jizda*, *jizdok* atd., slovácky *jechať*, *jezdiť* vedle *jachať* (vlivem polštiny, kdež je *jadę*, *jadą*, ale *jedziesz*, *jedzie*, jako u každého *ě*, pak *jachać* vedle *jechać* (srovn. Archiv XV str. 516—517 a 519); v českém *jedu*, *jedeš* zmizela dávno jotace, staročesky ještě *jědu*. Litevsky: *jóju*, *jojau*, *jóti* (jeti na koni) a *jódau*, *jódyti* »sem a tam jezditi na koni« (umherreiten), lot. *jāt*, *jādīt* (srovn. lit. *krŏkti*, lot. *krākt*, lat. *crōcīre*. Wiedemann, Handb. der lit. Spr. str. 12). Jinak bychom si těžko vysvětlili okolnost, zě se zde střídá *ě* s *ja*; toto *ě* totiž na všechen spůsob poukazuje k dlouhé samohlásce, avšak původní *ā* to nemůže býti, neboť jak by bylo zde vzniklo *ě*? Taktéž i původní *ē* bylo by vedlo k *ja* (jak pozorujeme při ꙗмь ‚edo', kde jen ze složenin jako нзѣмь a pod. mohlo se *ě* později zase rozšířiti). Taktéž zde nelze na nějakou dvouhlásku pomýšleti. Při této ovšem můžeme pozorovati, zě ѣ z ní vzniklé střídá se v násloví s *ja* a sice ve slovech ꙗдъ ‚venenum', slovinsky *jâd*, bulh. *jad* ‚zlost', velko—a malorusky ядъ, vedle toho ovšem i ѣдъ v staroruských památkach, malorusky їд srbsky *ȉjed*, *jêd*, česky a slovácky *jed* hornoluž *jěd*; srovn. staroněm. *eiz* ‚vřed', *eitar*; dále ꙗзва, ꙗзвити, ꙗзвина ꙗзвьць, srbsky *jȁзбина*, *jazvina*, jȁзавац. slovinsky *jâzba*, *jâzbina*, *jâzvina*, *jazbac*, česky *jezvec*, slovansky *jazvec*, nižněluž. *jaz*, velkorusky язва, язвина, язвецъ (язвó), malorusky язвá, я́звина i язви́на, язвéць; vedle toho starorusky ѣзва, slovácky *jizva*, to můžě však býti cěchismus, česky *jízva*, což mohlo vzniknouti přehláskou z jazva, lit. *aižyti*, *aiža*. (Извѣстія отдѣл. русск. яз. и слов. томъ VI, книжка 4-я, str. 292—294).

Dále sem asi patří *-ěn-*, *-jan-* v *-janin-* a -ěnin-: словѣнинъ, мирѣнинъ, гражданинъ atd., krerážto přípona odpovídá litevské *-jonis*, o níž Zubatý předpokládá, že jest též domácí (Listy fil. XXIX, 1902, str. 220 násl.), a zě souhlasí s řeckým οὐρανίων, χρονίων, lat. cūriō, gall. Suessiōnes, Kou-

ριωνες a j. Dle našeho výkladu vzniklo z *jōn* > *jēn* > *én* (*jén*) a tvary jako **словѣнинъ** a pod. byly by nejstarší. Povaha této samohlásky *é* mohla způsobiti, že před ní *j* zaniklo či lépe řečeno s ní splynulo, kdežto při přehlásce *jo* > *je* jotace se zachovala třeba i v předcházející souhlásce změkčené. Snad vlivem přípony *-anъ* přecházelo i naše *-énin-* v *-anin* (především ovšem v plur.) či vlastně po měkkých souhláskách v *-janin-* (měkké souhlásky zde též byly, neboť i před starým *-jō* musily se hrdelnice proměniti v měkké souhlásky) a toto se pak nejvíce rozšířilo. Tato nová přípona vytlačila totiž mnohdy i starší tvar s příponou *éninъ*; tak se místo **словѣнинъ** vyskytuje později i *Slovjanin*, *Slavjanin*, česky *Slovan*. Ale vedle toho zachovalo se *-énin-* přece ještě a proto máme v církevní slovanštině vedle **самарѩнинъ** též **самарѣнинъ** (Supr.): **егоуптѣнѣни** (Supr.), **єѳиоптѣни** Cloz., **єфесѣнинъ** vedle **єфесѩнинъ** a pod..(srovn. Listy fil. XXIX str. 225 a Изв. отд. русск. яз. VI, seš. 4. str. 285). Na řecký vliv, jak Zubatý předpokládá (ř. *-αῖος* ku př. ῥωμαῖος, čemuž prý spíše odpovídalo **роумѣнинъ** (l. c. str. 225), těžko zde asi pomýšleti. Též výklad Šachmatův, který zde sice předpokládá původní *ē*, za to ale *jēnin-* a *-ēnin-*, se mi nezamlouvá (Izv. VI, seř. 4, str. 284—286), neboť tato dvojice zůstává záhadnou [1]).

Takové *é* mohlo by býti též ve slovanském *věko* proti litevskému *voka* (vōka), *vokas*, lot. vāks, přihlížíme-li k skr. *vjā-* ‚přikrýti', ‚zabaliti'. Při *mělъ* ‚křída' lit. *molis* ‚hlína', lot. *māls* totéž (lit. *mêlas* ze slovanštiny) neznáme blíže etymologie.

Nasvědčují tomu, jak vidíme, i některé případy, že v slovanštině též *ō* přešlo v *ē* po měkkých souhláskách, což právě činí náš výklad uvedených tvarů na *-é* pravděpodobným. Předpokládám tedy, že nejstarší a nejpůvodnější tvary gen. sg. a nom. vok. pl. byly ve slovanštině: *ryby* a *dušé*.

Touž koncovku *-ās* nalézáme i v akkus. mn. č.: lit. *rankàs*, *mergas*. O koncovce *-as* těchto tvarů praví Zubatý: «Dass dieses *-as* im akk. pl. nicht auf *-ąs* zurückgeht, wie man vielfach angenommen hat, beweist das Ostlitauische mit dem Lettischen, wo die Endung ebenfalls *-as* lautet (nicht *-us* wie man sonst zu erwarten hätte)» (Archiv für sl. Phil. XV, str. 500, pozn. 1). Taktéž předpokládá i Brugmann (Grundr. II str. 674—675): «Dass lit. *rankàs* nie einen nasal hatte, wird dadurch bestätigt, dass diese Form heute auch in den mundarten gilt, die bei den o- Stämmen *-unş* zeigen. Auch müsste es lett. **růkus* heissen bei altem *-*ans*». Tak předpokládám i pro slovanštinu zde původní koncovku *-ās* a sice uvažuji při tom

---

1) Též u přípony *ěnъ* jako трьнѣнъ дрѣвѣнъ a pod. přechází *é*, které je zde ovšem jiného původu (totiž = ē, ač litevsky ku př. wilnōnis), hlavně v ruštině v *ja*: глиняный, румяный a pod. Zde nejlépe si přechod ten vysvětlíme vlivem měkkých kmenů, ač se Šachmatov vzpírá proti takovému výkladu.

takto: kdyby zde bylo *-ans* neb *-āns* (*n* třeba vlivem jiných kmenů) původně, byla by zde vznikla u měkkých kmenů jako *duša* a pod. nosovka, která byla též i u měkkých kmenů na *-o*, jak o tom nemůžeme ani pochybovati. Měli bychom tedy u obou těchto kmenů v akkus. mn. č. po měkkých souhláskách nosovku a sice již v praslovanštině. V češtině, ruštině atd. máme však *muže* a pod. Na základě toho musíme předpokládati, že jedna z těchto dvou kategorií neměla původně nosovky, že tedy již v praslovanštině byly akkusativy u jedné z obou kategorií na *-ě*. Takové tvary můžeme ovšem s větší pravděpodobností předpokládati jen u kmenů na *-ā*, jak i litevština tomu nasvědčuje. Zubatý myslí, že tato původní koncovka *-ās* vedla u tvrdých kmenů k tvarům na *-a*. Takový tvar snad prý se ještě zachoval ve rčení *v ta doby*; toto *ta* odpovídalo by litevskému akkusation *tàs*. Mimo to připouští, že v některém z pluralních tvarů jako *luka*, *zahrada* a pod. mohlo *-a* vzniknouti z původního *-ās* (l. c. str. 500). S tím ovšem nemůžeme souhlasiti: *ta* jest ustrnulý tvar jiné kategorie a *-a* v *luka* a pod. třeba též jinak vykládati: na základě tvarů *lukám*, *lukách*, *lukami* abstrahoval se pluralní tvar *luka*, jak nám zcela zřejmě krátká kmenová samohláska proti *louka* v jedn. č. a akkus. mn. č. *louky* ukazuje (srovn. i ruský tvar тѣ z тѣхъ, тѣмъ atd.).

Přejdeme nyní k akkusativu množného čísla kmenů na *-o*. Tvar aoristu 3. os. mn. č. ведѫ, jenž vznikl beze vší pochybnosti z **vedont*, nesrovnává se s tvarem akkusativu množ. č. kmenů na *-o*, ku př. рокы, předpokládáme-li zde původní tvar **rokons*, jak se často děje. Mělo-li *-s* v zásloví nějaký vliv na předcházející *ō* a *ā*, jak jsme dříve předpokládali, nemohlo by tak býti v předpokládané zde koncovce *-ons*, neboť tento vliv jevil by se nejvýš jen v tom směru, že by *-ons* přešlo v *-uns*, z čehož by vzniklo *-ūs* a z toho pak po tvrdých souhláskách *-y*, po měkkých *-i*. Zdá se pak, že v zásloví přešlo *-on* v *-un* ještě dříve než působila přehláska *jo* > *je*, neboť bychom jinak obdrželi u měkkých kmenů akkus. jedn. č. ku př. **kraje* z **krajom*, **krajon*. Tato okolnost mluvila by též proti výkladu, že akkusativní tvar mn. č. *kraję* vznikl z *krajons* > *krajens*, tedy pod působením přehlásky, jak se často připouští. Taktéž vznikla i nosovka *ą* z *-jon-* v mezisloví dříve než působila přehláska *jo* > *je*, jak tomu tvar бьюща a pod. nasvědčuje. Všecky tyto okolnosti poukázují nám k tomu, že přehláska *jo* > *je* nastoupila v praslovanštině později, když již se jiné hláskoslovné proměny, o něž zde jde, provedly, a na základě toho není právě pravděpodobné, že by byla předpokládaná akkusatívní koncovka *-jons* přešla v *jens*, z čehož pak *ję*.

Nezbývá nám tedy, nežli upustiti od předpokládané koncovky *-ons* a uchýliti se ke koncovce *-ōns*, od kteréžto vychází i Zubatý (Archiv XV str. 508—509) a která je i arijským *-āns* zabezpečena (v evropských jazy-

cích musilo se jinak *-ōns* zkrátiti v *-ons*, jak máme ku př. i v pruském jazyku *deiwans*, *tâwans* atd.). V litevštině je *-ůs*, *-ùs* (*gerůs-i us*, *vilkùs*, kterýžto tvar měl pak i vliv na lokal *vilkůsè* a nejlépe se vykládá z původního *-ōns* (l. c. str. 509).

Předpokládáme tedy v akkusativu množného čísla: **rokōns*, **krajōns*. Jako v **kamōn* nepřešlo *ō* vlivem souhlásky *-n* v *a*, tak se udrželo i delší dobu v **rokōns*, **krajōns*, až pak v **krajōns* nastoupila přehláska v **krajēns* (jako v gen. jed. č. přešlo *-ōs*, v *ēs*, *ę*), z čehož potom ovšem vzniklo *kraję* (srvn. *sémę* ze **sēmēn*). To byl zde tedy praslovanský tvar.

Nemůžeme-li jinak než-li v akkusativu množ. č. předpokládati koncovku *-ōns*, *dokázali jsmę tím zároveň i přehlásku jō > jē*, neboť jinak si *kraję* z **krajōns* nedovedeme vysvětliti než jen touto přehláskou.

Co se pak týče tvaru **rokōns*, přešlo *ōns* v *ūns*: **rokūns* (*ōn* tedy přešlo později v *-ūn* než *-on* v *un*, dlouhé samohlásky jeví se nám zde více nezměnitelnými nežli krátké, což též tam, kde se jedná o vliv sousedních hlásek na ně, spíše očekáváme; jinak by koncovka *-jōns* nemohla podlěhnouti přehlásce v *jēns*). **Rokūns* vedlo dále k **rokūs* a *roky* tak jako **kamōn* ku *kamy*.

Byly tedy v praslovanštině akkusativy *roky-kraję* vedle akkusativů a nominativů *ryby-dušě*. První stejné členy v *roky: kraję = ryby: dušě* způsobily, že nastalo kolísání v druhých (kraję — dušě, krajě — dušę), až zvítězily v některých slovanských jazycích tvary s *ě*, v jiných zase s *ę*. Kde zvítězilo *ę*, tam se pak dostalo ovšem i do genitivu jedn. č.: *dušę*.

Podobně dlužno dále předpokládati i u pronominalní deklinace.

Rozumí se samo sebou, že musíme i participium *vedy-byję* obdobně vykládati. Nemaje žádných bezpečných dokladů pro přehlásku *jō > jē*, předpokládal jsem zde v nom. jedn. č. původně **vedons*, či vlastně **vedonts* (Altkirchenslav. Gramm. str. 57). Poněvadž však máme v nom. *znaję*, v gen. ale *znająšta*, připouštěl jsem, že v středoslovi vzniklo *ą* dříve z *-on-* nežli nastala přehláska *jo > je*. V nominativu že tedy vzniklo ze **znajons > *znajens*, jako z **konjons > konjens*, když již bylo dříve vzniklo *ją* z *-jon-* v *znająšta* a pod. Nyní teprv že se vyskytla i zde v zásloví nosovka *ę*: *znaję*, *konję*, *dušę*. **ѫ** ve **знаѭща** by bylo tedy starší nežli **ѧ** v zásloví tvarů **знаѧ** atd. (l. c. str. 76—77). Není-li již toto příliš pravdě podobné, nemohu se z příčin, které jsme právě u předpokládané akkusativní koncovky *-ons* uvedli, tohoto výkladu dále držeti, nybrž předpokládám nyní i zde **vedōnt(s)*, **znajōnt(s)*, z čehož vzniklo **vedōn(s)*, *znajēn(s)* a pak *vedy*, *znaję*. To by byl tedy zase jeden doklad pro přehlásku *jō > jē*. Jen tak mimochodem budiž zde podotčeno, že Zubatý nepředpokládá v nom. *-s* u participia thematických sloves: »Unserer Meinung nach ist in dieser Form etwa das Griechische dem Urzustand am nächsten geblieben; insbesondere ist es höchst wahrscheinlich, dass die

einsilbigen *-nt-* Participia den Nom. sg. masc. mittels eines Nominativ *-s*, die Participia der thematischen Coniugationen ohne ein solches gebildet haben»... a dále: «Umgekehrt lässt sich der Antritt des Nominativ *-s*» im Latein u. s. w. sehr leicht durch Einwirken anderer consonantischer Stämme erklären. Wir halten, und zwar hauptsächlich den slavischen Formen zulieb, gr. φέρων für eine uralte Bildung. Urspr. **bhérōn* steht (mit nominativischer Dehnung) offenbar für **bhérōnt*: schon die Ursprache scheint im Auslaute *-nt-* zu *-n* vereinfacht zu haben ...und dieses ursprachliche **bherōn* (=φέρων) hat offenbar auch eine Satzdoublette **bhérō* zur Seite gehabt» (l. c. str. 503—504). Z tohoto *-ō* pak zde vykládá české a staroruské *a* v *bera* vedle берѫ, jež zase k *-ōn* poukazuie. Tvar *bera* vykládáme ovšem jinak, co pak se týče dalšího zde výkladu, můžeme s ním souhlasiti. Bylo-li v nom. *-s*, dostalo se tam zajisté vlivem jiných kmenů s *-s*; na našem výkladě to ovšem ničeho nemění.

Máme-li tedy velkou pravděpodobnost, zě nepřešlo každé *ō* v slovanštině jednoduše v *a*, nýbrž že vedlo v jistých případech, jak jsme viděli, též k *ū*, můžeme s větší jistotou přikročiti k výkladu dativu jedn. č. kmenů na *-o*: *roku*, *mąžu* a instrumentalu množn. č. týchž kmenů: *roky*, *mąži*. Koncovka prvního pádu byla *ōj* (starolat., populōi, ἵππῳ), druhého *ōjs* (skr. vṛkāiṣ, v evropských jazycích *-ojs*). Z těchto koncovek vykládali již mnozí jazykozpytci slovanské tvary, mezi nimi rozhodně ku př. Wiedemann (Das litau. Praeteritum, str. 47). Myslím též, že třeba výkladu toho se držeti, jen musíme předpokládati, zě *ō* vlivem následujícího *j* přešlo v *ū* již záhy. Vidíme totiž že i v litevštině nevedlo vždy k témuž výsledku. Třeba v litevskoslovanské době rozeznávati dvojí *ō*: jedno více zavřené, které přešlo pak v litevštině v *ů* (lot. též *ů*) a druhé otevřené, které v litevštině zůstalo, v lotyštině však jako ve slovanštině vedlo k *a*. Přechod dlouhého *ō* v *ū* v našich pádech sahá již do prastaré doby, byl zajisté starší, nežli ku př. přechod dvouhlásky *oj* v *ě* a *i*. Tak máme i v litevštině v dativu *tākui*, *dárbui* a tak bylo bezpochyby i nějakou dobu v praslovanštině **rokūj* a v instr. mn. č. **rokůjs*, kdežto v litevštině se v tomto pádě nejeví žádná odchylka od ostatních případů s *ōj*, tedy: *takaīs*, *darbaīs* atd. tak jako ku př. *šlaītas* ku *šlějù*. Další postup v slovanštině byl pak asi ten, že zaniklo *j*, kdežto v litevštině se zde jakož i v jiných obdobných případech udrželo: dat. **rokū*, instr. pl. **rokūs*. Kdežto v instr. dlouhé *ū* přešlo jakož i jinde v *y*: *roky*, nestalo se tak v dat. sg., poněvadž by bylo dativní **roky* splynulo s pluralními tvary *roky*. Proto se tedy udrželo v dativu *-u*: *roku*, *mąžu*. Po měkkých souhláskách vedlo v instr. pl. *jū(s)* bezprostředně k *jī(s)*: *kraji*, *maži* (srovn. *šiti*; ze **sjūti*, lit. *siúti*, *siūvù*). Na všechen způsob přešlo v těchto koncovkách *ō* dříve v *ū* než ku př. ōns v akk. mn. č., neboť v po-

slední koncovce se ještě udrželo *ō*, když začala působiti přehláska *jō* > *jē*, jinak bychom měli v instr. množ. č. u měkkých kmenů též koncovku *-ě*.

Brugmann klade otázku, nevzniklo-li *y* v příslovkách jako *maly* a pod. z **ū* akkusativu množného č. rodu stř., tak že by *maly* znamenalo původně ‚pauca'. Nabyly-li takové příslovky stejné platnosti s příslovkami na *-mi* (Miklosich IV, str. 712), že se tímto spůsobem přivedlo *-y* k instrumentalu množ. č.: «Wenn solche Adverbia mit denen auf *-mi* (vgl. Miklosich IV 712) gleichwertig geworden waren, so konnte *-y* auf diesem Wege dem instr. pl. zugeführt werden» (Grundriss, II str. 718). Předpokládá ovšem, že se koncovka tato ujala původně u rodu středního. Nemohu se s tímto výkladem spřáteliti. Příslovky na *-y*, které jsou i v církevní slovanštině řídké (jako малы правы) a se vůbec hlavně na jistý druh adjektiv (-ьskъ) obmezují, neprozrazují nám syntakticky původní akkusativ. роушьскы, «česky» mluviti a pod. je ve všech slovanských jazycích, bylo tedy tak již v praslovanštině a jak zde mohl býti nějaký kmen na *-ū* a k tomu ještě akkusativ množ. č., který zde nijak neočekáváme? Od příslovek tak obmezeného druhu instrumentalní koncovka — *y* tedy pocházeti nemůže. Jest ovšem otázka, jeli toto *-y* příslovek svým původem totožné s *-y* instrumentalu, může to ovšem býti i nějaký jiný ustrnulý pád, ne však akkus. množ. č. kmenů na *-ū*.

V. Vondrák.

Gajev rukopis o književnom jedinstvu ilirskih Slavenâ.

Povodeći se za Velimirom Gajem (Knjižnica Gajeva, Zagreb 1875 p. 187) veli profesor Kulakovskij u svojemu djelu «Иллиризмъ» (Варшава, 1894, p. 96), da je Ljudevit Gaj već godine 1830 napisao raspravu «Ueber die Vereinigung der in altilirischen Districten wohnenden Slaven zu einer Büchersprache». Ovu vijest prihvaća od Kulakovskoga profesor Jireček veleći, da je Gaj godine 1830 kao 21—godišnji pravnik razmišljao o književnom jedinstvu Slavena, koji nastavaju u staroilirskim krajevima (P. J. Šafařík mezi Jihoslovany, Praha, 1895, p. 80). Profesor Jagić pišući ocjenu knjige Kulakovskoga kaže, da je valjalo reći koju o tom zagonetnom rukopisu, premda po drugim prilikama sudi, da Gaj godine 1830 još nije mogao imati jasnih misli o književnom jedinstvu svih Ilirâ (Разборъ книги П. А. Кулаковскаго: Иллиризмъ, Санктпетербургъ, 1896 p. 10).

U Gajevoj ostavini u kr. universitetskoj biblioteci u Zagrebu imade doista njegov rukopis na 16 stranicâ in folio bez natpisa. Ovaj se rukopis počinje s riječima «Die Vereinigung der in den alt-ilirischen Districten wohnenden Slaven zu *Einer* Büchersprache», ali nije ništa drugo nego njemački izvornik Gajeva članka «Pravopisz», koji je štampan godine 1835 u br. 10—12 časopisa «Danicze». J u njemačkom rukopisu i u štampanom članku napominje se pod kraj list iz Beča u 5. broju «Danicze», u kojemu M. Topalović želi, da se uredi pravopis prije, nego se odredi jedan književni jezik, kako želi L. Mayer u 1 broju istoga časopisa (u listu iz Banata). Na svršetku veli Gaj na oba mjesta, da prema temeljima ovoga njegova članka valja popraviti knjižicu o horvatsko-slavenskom pravopisanju izdanu godine 1830 u Budimu.

Po tom se vidi, da je rukopis napisan u februaru ili u prvoj polovini marta godine 1835, možda upravo kao odgovor na pismo M. Topalovića. Natpis u popisu Gajeve biblioteke potječe od prvih riječi samoga rukopisa,

a godina 1830 jamačno je mehanično uzeta iz njegova konca, na kojemu se govori o Gajevoj «Kratkoj osnovi» štampanoj godine 1830 u Budimu.

Najznamenitija je razlika izmedju rukopisa i štampanoga članka, što su u rukopisu izostavljene mnoge paradigme. Tako n. p. na 7 stranici nema rukopis svih paradigama iz jezika češkoga, poljskoga i lužičko — srpskoga (gornjo-lužičkoga); Gaj je na ime ovdje, da pištedi pisanje, za štampani članak upotrebio iste paradigme, koje su se već nahodile u «Kratkoj osnovi» (p. 12), samo što je još dodao četiri nova primjera. Drugdje opet ima rukopis samo po jednu ili po dvije paradigme s oznakom: etc.

Druge su razlike sitnije. Na str. 5 «das lateinische Alphabet» prevodi Gaj u «Daniczi»: diachka ili latinzka abeceda. «Slaven», «slavisch» zamjenjuje riječima: Szlavenczi, Szlavi ili Szlovenczi, Szlavenzki, Szlavzki ili Szlovenzki. «Slavenland» mu je «Szlavia». «Pseudo-Orthographie» prevodi riječima: krivopisz, krivopiszanye.

Kako je Gaj, povodeći se za teorijom Jana Kollára, već u «Kratkoj osnovi» (1830) želio, da se veliki slavenski jezik stegne u četiri glavna narječja, tako i sada (1835) govori o četiri glavna jezika slavenska, o četiri velika potoka slavenska, pa zato veli, da treba naše potočiće, narječja na Jugu, sjediniti u jedan potok i podati mu jedno «tekalische», jedan pravopis. Samo tako će taj potok kao jedan od velikih četiriju slavenskih potokâ donositi brodove krcate raznom robom duha i srca u opće slavensko more.

Članak «Pravopisz» nastavak je «Kratke osnove», upravo mali uzmak, jer se Gaj odriče svojih četiriju slovâ s diakritičnim znakovima za starije *dy*, *gy*, *ly*, *ny*, koje je uveo u «Kratkoj osnovi», te sada preporučuje, da se piše *dj*, *gj*, *lj*, *nj* s oštrim akcentom na joti. Gaj opravdava ovaj pravopis porabom drugih Slavena: *č*, *ć*, *š*, *ž* pišu Poljaci, Česi, Moravci i Slovaci, a *dj*, *gj*, *lj*, *nj*, *tj* «nashi jednoplemeni szuszedi vu gornyem y dolnyem Ilirju».

Već je u «Kratkoj osnovi» rekao Gaj, da se čini, da bi trebalo uvesti i *t* s diakritičnim znakom (za sadašnje naše *ć*), ali se naše narječje (veli Gaj misleći na Kajkavce) može tomu ukloniti, budući da se izmegju ovoga glasa i *č* nahodi unutrašnje srodstvo; ujedno bi naudilo ovakovo *t* jednostavnosti našega pravopisa, dapače bi bilo nužno, da svatko, tko piše, bude slavenski filolog. U «Pravopiszu» (1835) nemajući na umu samo kajkavsiki govor priznaje, da valja učiniti u pisanju razliku izmegju *č* i *ć*, koje se nahodi u ljepšem govoru hrvatskom i srpskom; zato treba pisati: hoćemo. Tako je sada Gaj imao za isti glas dva slova (*tj* i *ć*) postavljajući nejasno pravilo, kad valja upotrebljavati jedno slovo, kad li drugo («Pravopisz» p. 47).

Ovaj svoj popravljeni pravopis nazivlje Gaj na koncu članka «nashim ztarinzkim», koji želi iz tmine iskopati i u domovini ponoviti. Vidi se, kako je Gaja zaplašio misoneizam njegovih zemljaka. Pišući «Kratku osnovu» u

prvom zamahu reformatorskom mislio je samo na teoriju; godine 1835 izdavajući novine nalazi se usred žive prakse, koja ga je već poučila, kako je u ljudî jak misoneizam. I bez onih novih slova, koja je uveo u «Kratku osnovu», imao je Gaj pune ruke posla, da ostalim svojim, poglavito jezičnim novostima prokrči put megju Kajkavcima, megju kojima se sâm rodio i upravo počeo raditi. Zato i nazivlje svoj popravljeni pravopis «našim starinskim», samo da što lakše slomi otpor, na koji je nailazio.

Gaj zove u pomoć i druge Slavene. Prije nego je izišao Gajev članak, počeo je Dunder u Beču preštampavati Kačićev «Razgovor ugodni naroda Slovinskoga» ovim popravljenim pravopisom ili, kako veli Gaj na koncu članka, «ztaro-horvatzkim». Koliko je naš starinski pravopis ugodan i povoljan *svim* drugim Slavenima, vidi se (veli Gaj) iz nenavadne množine predbrojnikâ na Dunderovo izdanje Kačićeva «Razgovora». Ad captandam benevolentiam!

A da bude dojam još jači, završuje Gaj s opomenom, da se u pravopisu okanimo njemačkoga, talijanskoga i madžarskoga načina, pa da se držimo slavenske, «nam naravzke» starine.

Širi horizont Gajev u «Pravopiszu» posvjedočuje i to, što ovdje uvodi i (češko) ě, za koje veli, da su njime pisali «nashi mudréshi ztarczi», dok je u «Kratkoj osnovi» tvrd ekavac, premda ni svi Kajkavci nijesu ekavci.

Popravak Gajeva pravopisa u svezi je s Dunderovim izdavanjem Kačićeve pjesmarice, pa je vrijedno istaknuti, da je tomu izdanju kumovao Babukić, koji već 18 aprila 1833 javlja, da će njegova «slovnica» izići. (Isp. list Babukićev Franikiću u Smičiklasovoj raspravi «Život i djela Vjekoslava Babukića», Zagreb 1876 p. 62).

U Dunderovu izdanju Kačićeve pjesmarice imade predgovor samoga V. J. Dundera (u Beču 1835). U tom se predgovoru preporučuje novi pravopis (s izmjenama, koje se nalaze i u Gajevu «Pravopiszu»). Očito je, da je ovaj prodgovor napisao za Dundera Vjekoslav Babukić, jer je poznato, da Dunder, poslovogja Venediktove Knjižarnice u Beču, nije bio nikakov učenjak. Hanka ga u pismu od 15 oktobra (3 novembra) 1836 karakterizira ovako: «Dieser Dunder ist ein Buchhändler» subject, weiss ausser seiner Buchhändlermanipulation nicht das geringste von irgend einer Wissenschaft, und ist nicht im Stande in irgend einer slawischen Mundart eine Zeile zu schreiben, aber ein Prahler und Mauldrescher ohnegleichen» (Jagić, Источники для исторіи славянской филологіи, Санктпетербургъ, 1897 II, 459). A to potvrgjuje i sud Šafaříkov u pismu od 21 februara 1836 (ib. 437).

U ostalom ako se Dunderov predgovor isporedi s napomenutim pismom Babukićevim iz godine 1833, s Babukićevim «Odgovorom» u «Danici» 1835

br. 31 i 32 i s početkom Babukićeve «Osnove slovnice» u Danici 1836 br. 10, lako se može razabrati, tko je napisao Dunderov predgovor.

Sve se ovo napominje, da se vidi, tko je uz Gaja dotjerivao hrvatski pravopis. U predgovoru se veli, da je već Brlić u svojoj gramatici (1833) tražio «pomekšiteljno» jota, samo što je on za ovakvo jota upotrebio dvije piknje za razliku od prostoga. Po tom je jota s oštrim akcentom, ovdje prvi-put upotrebljeno u štampi, samo modifikacija Brlićeve reforme.

U Dunderovu se predgovoru nadalje veli, da je već 1830 Gaj prepo-ručio ovakov pravopis izuzevši «pomekšiteljno» jota, dapače da je već prije Gaja, pred sto godina Pavao Vitezović predlagao narodu nov pravopis, pa se i navodi njegova reforma. «On (Vitezović) znamenuje *ć* kakogod smo ga i mi znamenovali; *č* i *ž* bilježi odzdol: a za *š* piše dva *ss*. — Ostala *dj*, *lj*, *nj*, *tj* piše kakogod i Česi; znamenujući najmre *ď*, *ľ*, *ň* i *ť*.»

Već je godine 1831 Šafařik prigovarao Gaju poradi slovâ *ď*, *ǧ*, *ľ*, *ň* držeći, da imade previše diakritičnih znakova u novoj ortografiji. (V. Šur-min, Bilješke za hrvatski preporod. Zagreb 1902 p. 11).

Gaj je sâm doskora razabrao svu težinu svojih reforamâ, pa zato u «Pravopiszu» popušta i ispovijeda ista načela, koja nahodimo u Dunderovu predgovoru, jedino što mjesto *ie*, *je* postavlja *ě*.

Brlić se s ovakovim popravljenim pravopisom ilirskim slaže («Danica» 1835 br. 31), samo kad bi i Srbi, koji se služe ćirilicom, ovaj pravopis odobrili; «ali ako ovo nebude, kakono bit i neće i nemože, a ono bi bolje bilo, da se i mi Kirilice što prije poprimimo». U br. 31 i 32 odgovara Ba-bukić Brliću i brani latinicu. Na početku «Osnove slovnice slavjanske na-rěčja ilirskoga» («Danica» 1836 br. 10) veli Babukić, da su fenička slova dolazila k savršenstvu najprije u Grkâ, zatim u Latinâ, a napokon k naj-većoj jednostavnosti u europejskih naroda; kao članovi europejske familije poprimaju Iliri europejsko-ilirska slova, kojima se služe Danica i Narodne Novine i kojima su štampane najnovije knjige: Kačić, Odiljenje sigetsko i Katekizam. Osobito ističe Babukić sud Šafařikov, da ilirski pravopis nadilazi sve slavenske.

U br. 10 godine 1835 donijela je «Danicza» Mihanovićevu pjesmu («Lěpa naša domovino») u novom ispravljenom pravopisu.

Megjutim ova nova pravopisna zgrada nije ostala dugo vremena ne-taknuta. Već od godine 1838 (s Mažuranićevom pjesmom «Věkovi Ilirie» u 1 br.) prestaje «Danica» pisati oštri akcenat na joti, pa se ovakovo jota javlja kasnije samo još sporadično. Mnogo se duže održala u pisanju razlika izmegju *ć* i *tj* (moć: cvětje), kako ju prviput ističe Dunderov predgovor. A i rogato *ě* pokazalo je mnogo žilavosti, osobito u službenom pisanju i u

školskoj literaturi, preživjevši ilirizam. Sve šarilo u historiji hrvatskoga pravopisa od godine 1835 prikazao je prof. Budmani u raspravi «Pogled na istoriju naše gramatike i leksikografije od 1835 godine», koja je izišla u 80 knjizi «Rada jugoslavenske akademije» (Zagreb, 1885).

U Zagrebu 8 oktobra, 1903.

Milivoj Šrepel.

Толковая Палея и Русская лѣтопись.

ГЛАВА I.

Постановка вопроса.

Взаимное отношеніе Толковой Палеи и такъ называемой Несторовой лѣтописи давно уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей. Оно было обстоятельно изучено въ 1857-мъ году Мих. Ив. Сухомлиновымъ, который со свойственною ему осторожностью высказалъ въ заключеніе третьяго отдѣла III главы своей диссертаціи «О древне-русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ» слѣдующія положенія: «Сличая всѣ сходныя мѣста въ Палеѣ и въ лѣтописи, приходишь къ заключенію, что бо̀льшая часть ихъ пѐрешла изъ Палеи въ лѣтопись, и только немногія внесены изъ лѣтописи въ Палею. Священная исторія въ лѣтописи заимствована, повидимому, изъ Палеи, а не обратно, ибо въ послѣдней она составляетъ цѣлое, изложенное съ опредѣленнымъ намѣреніемъ; въ лѣтописи же она представляется эпизодомъ, хотя и весьма умѣстнымъ, искусно связаннымъ съ общею нитью повѣствованія. Космографія въ Палеѣ имѣетъ болѣе сходства съ находящеюся у Синкелла, нежели съ тою, которая помѣщена у Амартола и въ нашей лѣтописи. Свѣдѣнія же, касающіяся Русской земли и сопредѣльныхъ ей странъ, перешли въ космографію Палеи, по всей вѣроятности, изъ лѣтописи» [1]). Болѣе рѣшительно стали высказываться послѣдующіе изслѣдователи.

В. Успенскій въ замѣчательномъ трудѣ своемъ, посвященномъ Толковой Палеѣ (Казань 1876), высказался по интересующему насъ вопросу слѣдующимъ образомъ: «по изслѣдованію г. Сухомлинова, Палея была извѣстна уже Нестору. Рѣчь философа-миссіонера, приходившаго къ Владиміру, является дѣйствительно составленною почти буквально по Толковой Палеѣ: сходство не только въ содержаніи, но и въ выраженіяхъ» (стр. 117), и ниже: «Сличеніе текста Рѣчи философа-миссіонера съ апокрифическими

---

1) Ученыя Записки II Отд. Имп. Ак. Наукъ, кн. III, стр. 64.

сказаніями Толковой Палеи, такимъ образомъ, свидѣтельствуетъ ясно о вліяніи послѣдней на содержаніе Рѣчи Философа, а сходство между ними, простирающееся до буквальности въ выраженіяхъ, говоритъ о томъ, что Толковая Палея была извѣстна Нестору» (стр. 125). «Вліяніе Толковой Палеи,— продолжаетъ Успенскій, — отразилось и на другихъ мѣстахъ лѣтописи Нестора. Взглядъ на магометанъ, который Несторъ влагаетъ въ уста грековъ, является вполнѣ согласнымъ со взглядомъ на магометанство Толковой Палеи»... (стр. 126).

И. Я. Порфирьевъ во введеніи къ труду «Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукоп. Соловецкой библіотеки» (Спб. 1877) замѣтилъ: «Апокрифическія подробности о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, вставленныя въ первой русской лѣтописи въ проповѣди греческаго философа предъ княземъ Владиміромъ, заимствованы не изъ хроники Амартола или Малалы, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ многихъ изъ этихъ подробностей, а изъ Палеи, гдѣ онѣ изложены въ томъ же видѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ лѣтописи» (стр. 15—16).

Совершенно иначе отвѣтилъ въ 1876 году на вопросъ объ отношеніи лѣтописи къ Палеѣ Н. С. Тихонравовъ въ рецензіи на «Исторію русской словесности древней и новой» Галахова. «Проводя постоянную параллель между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, — говоритъ рецензентъ, — это полемическое богословское сочиненіе (т. е. Толковая Палея) послужило источникомъ — не для Несторовой лѣтописи, какъ говоритъ г. Галаховъ, а для «Слова Иларіона о законѣ, данномъ Моисеемъ», которое также ведетъ параллель между ветхимъ и новымъ завѣтомъ... Дѣйствительно въ лѣтописи есть заимствованія изъ «Палеи», но не изъ той, о которой говоритъ г. Галаховъ и «которая составляетъ часть Хронографа», — а изъ «Палеи» краткой, исторической, которая, какъ замѣтилъ еще Востоковъ (Оп. рум. музеума, стр. 517), «совершенно отлична» отъ Толковой Палеи, охарактеризованной г. Галаховымъ»[1]). Такъ же высказался Тихонравовъ въ первоначальной редакціи своего очерка о Толковой и Исторической Палеяхъ: «По давности появленія на Руси первенство (при сравненіи между Толковой и Малой или Исторической Палеями) должно быть отдано простодушному и часто наивному разсказу Малой Палеи. Она была уже извѣстна Нестору и Даніилу Паломнику». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Тихонравовъ указываетъ, что «древнѣйшія редакціи Палеи Толковой не заключаютъ въ себѣ мѣстъ, которыя въ разсказѣ Нестора г. Сухомлиновъ считаетъ заимствованными изъ Толковой Палеи. Напротивъ, разсказъ Нестора во всѣхъ почти указанныхъ г. Сухомлино-

---

1) Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 54—55; Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, стр. 42.

вымъ мѣстахъ расходится съ древнѣйшими редакціями Толковой Палеи». Въ этомъ же примѣчаніи Тихонравовъ указываетъ нѣсколько разсказовъ лѣтописи, общихъ ей и предполагаемому ея источнику — краткой (исторической) палеѣ. Одно мѣсто краткой палеи даетъ, по словамъ Тихонравова, возможность исправить чтеніе лѣтописи, а именно чтеніе «въ лузѣ», вмѣсто котораго должно читать «въ луцѣ»[1]). — Важно отмѣтить, что въ обработанной редакціи разсматриваемаго очерка Тихонравовъ выпустилъ только что приведенныя нами мѣста, т. е. какъ свое замѣчаніе о знакомствѣ Нестора съ малой Палеей, такъ и все примѣчаніе къ этому мѣсту[2]).

При опредѣленіи взаимныхъ отношеній русской лѣтописи и Толковой Палеи немаловажное значеніе имѣетъ вопросъ о славянскомъ, русскомъ или греческомъ происхожденіи Палеи. Предположеніе, что Толковая Палея произведеніе греческое, вело къ заключенію, что общія между нею и лѣтописью мѣста заимствованы послѣднею изъ первой; вмѣстѣ съ предположеніемъ, что Палея произведеніе русское, появились сомнѣнія относительно ея вліянія на русскую лѣтопись.

Тихонравовъ не высказался рѣшительно ни за, ни противъ греческаго происхожденія Толковой Палеи. Въ программѣ одного изъ позднихъ его курсовъ, напечатанной въ I томѣ Сочиненій Н. С. Тихонравова (Дополненія, стр. 110—111), находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «обратить особенное вниманіе на то, что Толковая Палея составлена *славяниномъ* по матеріаламъ *греческимъ* и *славянскимъ*».

А. В. Михайлову и В. М. Истрину принадлежитъ научное обоснованіе предположенія о русскомъ происхожденіи Толковой Палеи. А. В. Михайловъ въ 1895 году въ статьѣ, озаглавленной «Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи», выдвинулъ на первый планъ вопросъ о родинѣ этого памятника. Въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ, озаглавленныхъ «Къ вопросу о текстѣ книги Бытія пророка Моисея въ Толковой Палеѣ», Михайловъ пришелъ къ выводу, что въ Толковой Палеѣ мы должны видѣть памятникъ славянскаго происхожденія и скорѣе русскаго, чѣмъ югославянскаго. Остановившись на отношеніи Толковой Палеи къ лѣтописи, Михайловъ, въ названной выше статьѣ 1895 года, указывалъ на необходимость поднять вопросъ объ общемъ источникѣ Палеи и лѣтописи и такимъ образомъ рѣшительно отвергъ мнѣніе Сухомлинова и В. Успенскаго о возможности заимствованія лѣтописью изъ Толковой Палеи.

---

1) Сочиненія Тихонравова, т. I, Дополненія, стр. 111, 116—117. Отмѣтимъ, что «въ лузѣ подлѣ рѣку» при «въ луцѣ подлѣ рѣку» читается въ древнѣйшихъ спискахъ Исхода (ср. Матеріалы для древнерусскаго словаря И. И. Срезневскаго). Слѣдовательно, лѣтопись не представляетъ какого-нибудь искаженнаго чтенія (лугъ — болото).

2) Статья «Отреченныя книги древней Россіи». Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, 156 и сл.

Въ лицѣ В. М. Истрина Толковая Палея нашла неутомимаго изслѣдователя и превосходнаго наблюдателя. Мы имѣемъ, благодаря Истрину, рядъ этюдовъ первостепенной важности о составѣ Толковой Палеи. Въ засѣданіи Славянской Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества 3 ноября 1893 года Истринъ сдѣлалъ докладъ «Палейныя сказанія о столпотвореніи вавилонскомъ и объ Авраамѣ», при чемъ пришелъ между прочимъ къ слѣдующему выводу: Несторъ въ своихъ двухъ разсказахъ о столпотвореніи (т. е. въ началѣ Повѣсти вр. лѣтъ и въ Рѣчи философа) не пользовался Толковой Палеей, а слѣдовалъ общимъ съ нею источникамъ, главнымъ образомъ, хроникѣ Іоанна Малалы; въ разсказѣ объ Авраамѣ Несторъ также не пользовался Толковой Палеей, слѣдуя и здѣсь всего вѣроятнѣе хроникѣ Іоанна Малалы. — Въ переработанномъ видѣ Истринъ напечаталъ свой рефератъ во II томѣ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и слов. (1897 г.) подъ заглавіемъ «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи». Выводы касательно отношеній лѣтописи и Толковой Палеи изложены слѣдующимъ образомъ: «Несторъ въ повѣствованіи о столпотвореніи не пользовался Толковой Палеей. Первый разсказъ въ началѣ лѣтописи, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ Архивскаго хронографа, восходитъ къ неизвѣстному пока источнику. Второй же разсказъ лѣтописи, въ Рѣчи философа къ Владиміру, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ въ Палеѣ также восходитъ къ другому, тоже пока неизвѣстному источнику» (стр. 189). Несторъ, по мнѣнію Истрина, не заимствовалъ изъ Палеи и разсказа объ Авраамѣ, а воспользовался апокрифомъ объ Авраамѣ самостоятельно; для Истрина очевидно, что «лѣтописецъ и авторъ Палеи имѣли независимо другъ отъ друга по одинаковому апокрифу» (стр. 191).

Русская лѣтопись — это одинъ изъ многочисленныхъ памятниковъ древней нашей письменности, имѣвшихъ прикосновеніе къ Палеѣ. Анализъ цѣлаго ряда другихъ памятниковъ убѣдилъ Истрина въ томъ, что Толковая Палея возникла у насъ на Руси. Сначала онъ говорилъ объ этомъ предположительно: такъ, въ III главѣ своихъ «Замѣчаній» Истринъ, поставивъ вопросъ о возможности непосредственнаго перевода съ еврейскаго на славянскій толкованій ветхозавѣтныхъ именъ, говоритъ: «ставя эти вопросы, я предполагалъ уже славянское происхожденіе Палеи» (с. 207). Но по мѣрѣ дальнѣйшей работы, въ изслѣдователѣ Толковой Палеи укрѣплялась увѣренность не только въ славянскомъ, но даже и въ русскомъ происхожденіи этого памятника. Такъ, въ V главѣ «Замѣчаній» читаемъ: «Считая въ настоящее время неоспоримымъ фактомъ славянское (русское) происхожденіе Толковой Палеи, мы должны смотрѣть на разсматриваемую статью Златой Матицы какъ на одинъ изъ источниковъ Толковой Палеи». VI-я глава тѣхъ же «Замѣчаній» начинается словами: «Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Толковой Палеи можно считать поконченнымъ: Толковая Палея въ томъ

видѣ, въ которомъ мы ее имѣемъ въ первоначальной редакціи, не есть переводный съ греческаго оригинала памятникъ, а оригинальный славянскій и даже, вѣроятно,—русскій». Ниже читаемъ: «Хотя мы и признаемъ славянское или русское происхожденіе Толковой Палеи, во всякомъ случаѣ мы не можемъ отрицать посредственнаго или непосредственнаго вліянія византійской полемической литературы»[1]).

Новыя соображенія, привлеченіе новыхъ данныхъ дали Истрину возможность поставить вопросъ о времени происхожденія Толковой Палеи еще рѣшительнѣе. Въ V главѣ «Замѣчаній» имъ была высказана мысль, что Толковая Палея по всѣмъ вѣроятіямъ возникла въ XIII вѣкѣ[2]). Въ октябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1903 годъ, во II главѣ статьи «Изъ области древнерусской литературы», мысль эта нашла подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе: съ Толковой Палеей сближенъ другой памятникъ древнерусской полемической литературы противъ жидовина — такъ называемое «Пророчество Соломона», составленное, какъ заключилъ Истринъ изъ одного хронологическаго въ немъ указанія, въ серединѣ XIII вѣка. «Если нашъ памятникъ (т. е. Пророчество Соломона), — читаемъ мы, — носитъ тотъ же характеръ и по тону и по способу изложенія, что и Толковая Палея, если тотъ и другой памятникъ отзываются жизненностью, и если разныя другія соображенія говорятъ за XIII вѣкъ, какъ за время составленія Палеи, то прямое указаніе на половину XIII вѣка даетъ еще бо́льшую увѣренность въ такомъ именно происхожденіи Палеи».

Увѣренность, что Палея памятникъ русскаго происхожденія, возникшій притомъ въ XIII вѣкѣ, имѣла послѣдствіемъ то, что вопросъ объ отношеніи этого памятника къ древнерусской лѣтописи уже не обращалъ на себя спеціальнаго вниманія изслѣдователя[3]). Правда, онъ касался его не разъ и въ послѣднихъ главахъ своихъ «Замѣчаній» и въ статьяхъ «Изъ области древнерусской литературы», но при этомъ неизмѣннымъ отвѣтомъ на вопросъ о близости обоихъ памятниковъ — лѣтописи и Палеи — было высказанное еще въ 1893 году положеніе, что эта близость объясняется пользованіемъ общими источниками со стороны составителей того и другого памятника. Такъ, въ «Замѣчаніяхъ» намѣчены общіе источники для разсказа о

1) Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. III (1898), стр. 475, 511, 530.

2) Тамъ же, стр. 490. Ср. тоже въ трудѣ 1897 г. (Зап. Ак. Н. по Ист.-фил. отд. VIII сер., т. I, № 3), «Первая книга хроники Іоанна Малалы», при чемъ появленіе Толковой Палеи ставится въ связь съ сильнымъ движеніемъ евреевъ въ XIII в., вызваннымъ появленіемъ въ Палестинѣ пророка, выдававшаго себя за Мессію.

3) Отмѣтимъ здѣсь статью П. А. Заболотскаго «Къ вопросу объ иноземныхъ письменныхъ источникахъ Начальной лѣтописи» (Русск. Фил. Вѣстн. 1901 г.): авторъ высказывается по отношенію къ вліянію Толковой Палеи на лѣтопись отрицательно, соглашаясь съ доводами Истрина.

столпотвореніи и апокрифическаго сказанія объ Авраамѣ, въ IV главѣ «Изъ области древнерусской литературы» общимъ Палеѣ и лѣтописи источникомъ признается апокрифическій разсказъ о Моисеѣ.

Впрочемъ, въ VI главѣ «Замѣчаній о составѣ Толковой Палеи» Истринъ нѣсколько подробнѣе остановился на отношеніи Рѣчи философа къ Палеѣ. Рѣчь философа, по его мнѣнію, является несомнѣнно русскою компиляціей. Сходныя мѣста въ ней и въ Толковой Палеѣ должны объясняться происхожденіемъ ихъ отъ одного источника, и притомъ — источника славянскаго. Сходство въ пророчествахъ между Толковой Палеей и Рѣчью философа объясняется пользованіемъ двумя однородными, но составленными для различныхъ цѣлей компиляціями пророчествъ, возникшими еще на византійской почвѣ[1]).

Надо удивляться той осторожности и послѣдовательности, съ которою Истринъ двигается въ своемъ изслѣдованіи: мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его конечныхъ выводовъ относительно происхожденія и литературной исторіи Палеи и думаемъ, что, дождавшись этихъ выводовъ, мы легче подошли бы къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса объ источникѣ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сказаній и вошедшей въ лѣтопись Рѣчи философа. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь предложить свои соображенія объ отношеніяхъ Палеи къ лѣтописи уже теперь, въ виду сильнаго желанія ускорить работу надъ источниками нашей древнерусской лѣтописи. Я убѣжденъ въ тѣснѣйшей связи съ Толковой Палеей лѣтописныхъ сказаній съ одной стороны, Рѣчи философа — съ другой; убѣжденъ и въ томъ, что Толковая Палея была источникомъ для Рѣчи философа, а въ хронографической своей редакціи послужила цѣлямъ лѣтописца. Отрицательное отношеніе къ вопросу о зависимости лѣтописи отъ Палеи Тихонравова, Истрина, Михайлова не поколебало, какъ мнѣ кажется, положительныхъ указаній, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи М. И. Сухомлиновымъ.

Прежде чѣмъ приступить къ сближенію лѣтописнаго и палейнаго текстовъ и къ выясненію взаимныхъ ихъ отношеній, я считаю совершенно необходимымъ остановиться на опредѣленіи того, что понимать подъ Толковой Палеей и подъ лѣтописью, ибо подъ этими названіями разумѣются различные и по времени и по характеру своему памятники, возникшіе въ результатѣ послѣдовательнаго развитія ихъ протографовъ, первоначальныхъ ихъ оригиналовъ.

---

1) Изв. Отд. р. яз. и слов., т. III (1898), стр. 522—525.

ГЛАВА II.

Толковая Палея.

Вопросъ о редакціяхъ Толковой Палеи и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ редакцій былъ въ свое время затронутъ Н. С. Тихонравовымъ; теперь онъ весьма обстоятельно разсматривается В. М. Истринымъ въ статьяхъ «Изъ области древнерусской литературы» (Журн. Мин. Нар. Пр. за 1903 и 1904 гг.). Въ виду этого послѣдняго обстоятельства я могу ограничиться краткимъ обзоромъ выясняющихся при разсмотрѣніи этихъ редакцій отношеній.

Тихонравовъ и Истринъ считаютъ первою редакціей тотъ типъ Палеи, который сохранился въ спискахъ Коломенскомъ 1406 года и сходныхъ съ нимъ. Этотъ типъ хорошо извѣстенъ и доступенъ изслѣдованію, благодаря изданію Толковой Палеи, предпринятому учениками Н. С. Тихонравова: въ основаніе изданія положенъ Коломенскій списокъ, который сближенъ при этомъ съ семью другими списками. Принимаю мнѣніе Тихонравова и Истрина, но съ оговоркой: Коломенскую Палею, какъ для краткости назовемъ изданный видъ Толковой Палеи, я считаю первою *русскою* редакціей этого памятника. Второю *русскою* редакціей вслѣдъ за Истринымъ и отчасти Тихонравовымъ, допускавшимъ существованіе еще одной промежуточной редакціи, надо признать Палею, слитую съ хронографомъ: мнѣ эта редакція извѣстна по пяти спискамъ — Синод. XVI в. № 211, Погод. № 1435, Погод. XVI в. № 1433, Румянц. 1494 г. № 453 и Синод. 1477 г. № 210[1]). Третьею *русскою* редакціей назовемъ ту краткую редакцію Палеи, которую разсматривалъ Истринъ въ I главѣ «Изъ области древнерусской литературы» въ связи съ открытою имъ особою краткою редакціей хроники Синкелла: эта редакція извѣстна мнѣ по тремъ спискамъ — списку, принадлежавшему И. И. Срезневскому, Карамзинскому (Публ. биб. F. IV, 603) и Погодинскому № 1434[2]).

Вѣрный путь для изслѣдованія указанныхъ трехъ редакцій во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ былъ, какъ мнѣ казалось, намѣченъ Истринымъ въ I главѣ упомянутаго сочиненія.

Разсматривая апокрифическія сказанія о Моисеѣ, Истринъ приходилъ къ выводу, что краткая (т. е. третья) редакція не вышла непосредственно

1) Истринъ указываетъ еще на Чудовской списокъ № 348 и Румянцовскій (Унд.) № 719. Сюда же относится Креховская Палея, описанная Франкомъ въ I т. Апокріфи і легенди з укр. рук., с. XLVIII. Первая часть Синод. № 210 воспроизведена фототипически въ изданіяхъ Общ. Люб. др. письменности.

2) Соловецкій списокъ XVII—XVIII в. № 866, о которомъ см. у Порфирьева, Апокр. сказанія о ветхоз. лицахъ и соб., 1877 (стр. 17), представляетъ третью редакцію въ обосложненіи съ Историческою Палеей, какъ это для частнаго случая уже отмѣчено Истринымъ (гл. IV, с. 285).

изъ полной (т. е. второй), но что обѣ восходятъ къ одной древнѣйшей (стр. 412). Ниже, изъ особенностей разсказа о составленіи псалтыри, Истринъ выводилъ новое доказательство въ пользу восхожденія краткой редакціи Палеи къ редакціи болѣе древней, нежели какую даютъ намъ извѣстные списки полной. Въ IV главѣ своего неоконченнаго еще труда Истринъ не возвращается къ предположенію о существованіи такой болѣе древней редакціи Толковой Палеи, къ которой восходили бы, съ одной стороны, полная (т. е. вторая, хронографическая), а съ другой краткая (т. е. третья) редакція. Анализъ первой части второй редакціи Палеи доказываетъ, по мнѣнію Истрина, что въ основаніи ея лежитъ текстъ Палеи первой редакціи, дополненный по Библіи и по довольно большому количеству апокрифовъ. Особенности, отличающія разсказъ о Моисеѣ второй редакціи отъ соотвѣтствующаго разсказа первой, объясняются между прочимъ пользованіемъ «какою-то полубиблейскою, полуапокрифическою исторіей Моисея», отразившеюся (повидимому, независимо отъ второй редакціи) и въ третьей (краткой) редакціи Палеи. Разсказъ о составленіи псалтыри признается вставкой, сближающеюся съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Парижской греческой хроники № 1336, но не сближающею вообще всего текста Палеи второй (и третьей) редакціи съ ютэ хроникой.

Быть можетъ, я и ошибаюсь: но мнѣ кажется, что анализъ Истрина первой части второй (хронографической) редакціи Толковой Палеи не далъ того, что можно было ожидать послѣ предшествовавшихъ указаній ученаго изслѣдователя, не далъ данныхъ для утвержденія существованія такого вида хронографической редакціи, къ которому возводилась бы краткая (третья) редакція Палеи. Такъ же, какъ Истринъ, я убѣжденъ, что вторая редакція положила въ свое основаніе первую редакцію[1]); но думаю, что составитель второй (хронографической) редакціи дополнилъ этотъ свой основной источникъ не по тому безчисленному количеству матеріаловъ, на которые указываетъ анализъ Истрина, а по Библіи и по другой древней редакціи Палеи, до насъ не дошедшей, по той самой редакціи, которая при сокращеніи дала третью (краткую) редакцію (списки Срезневскаго и Погодина № 1434, Публ. библ. F. IV № 603).

Основанія для такого предположенія даны отчасти самимъ Истринымъ: дѣйствительно въ I главѣ упомянутаго сочиненія онъ доказалъ, что третью (краткую) редакцію Палеи нельзя возводить ко второй; слѣдовательно, на-

1) Списокъ первой редакціи, положенный въ основаніе второй, сходствовалъ не съ Колом. спискомъ, а съ однимъ изъ тѣхъ, которые привлечены издателями къ сравненію съ нимъ. На это указалъ и Истринъ (IV, 264). Особенно интересенъ пропускъ на столбцѣ 476 изданія, оговоренный въ примѣчаніи 11-мъ: вторая редакція сходится при этомъ съ Александро-Невскимъ, Кирилло-Бѣлозерскимъ, Силинскимъ и Якушкинскимъ списками.

примѣръ, хронографическая часть третьей редакціи не можетъ быть признана заимствованіемъ изъ второй редакціи, несмотря на почти полное тожество[1]) обѣихъ этихъ редакцій, начинающееся со статьи «Царство вавилонское, 1 царство навходоносорово». Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что хронографическая часть Палеи перешла во вторую редакцію не изъ третьей. Слѣдовательно, въ основаніи третьей редакціи лежитъ такая болѣе полная редакція Палеи, соединенной съ хронографомъ, которою пользовался и составитель второй редакціи. Назовемъ эту предполагаемую редакцію особою хронографическою редакціей Толковой Палеи. Если изъ этой предполагаемой редакціи могла быть заимствована вся хронографическая часть второй редакціи, то что же препятствуетъ искать слѣдовъ заимствованія изъ этой предполагаемой редакціи въ библейской части второй редакціи? Сравненіе второй редакціи съ третьей, которую признаемъ сокращеніемъ особой хронографической редакціи Толковой Палеи, даетъ рядъ положительныхъ указаній на общій для второй и третьей редакціи источникъ, ведетъ насъ, слѣдовательно, къ возстановленію предполагаемой редакціи.

Во второй редакціи Откровеніе Авраама читается въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ первой; разсказъ ведется отъ перваго лица. Отъ перваго же лица ведется разсказъ въ тѣхъ отрывкахъ третьей редакціи, которые дошли по третьей редакціи. На основаніи этого можно думать, что въ особой хронографической редакціи упомянутый апокрифъ читался въ полномъ и первоначальномъ своемъ видѣ.

Во второй редакціи находимъ въ началѣ исторіи Исаака вставку, которую нельзя возвести ни къ первой редакціи, ни къ Библіи: «Измаилъ же бывъ лѣтъ 130 и оумре. бѣ же житие его в Египте» (Истринъ, IV, 272). Но ее можно возвести къ особой хронографической редакціи, ибо она имѣется и въ третьей: «измаилъ же бывъ лѣтъ 130 и оумре. житіе же его бѣ во странахъ егупетскихъ» (сп. Срезн., стр. 55). То же относится къ вставкѣ о годахъ Исаака при рожденіи Исава и Іакова (Истринъ, IV, 272); ср. въ третьей редакціи: «бысть исаакъ тогда лѣтъ 60» (сп. Срезн., стр. 56). То же можно сказать о вставкѣ въ разсказѣ о встрѣчѣ Іакова съ Исавомъ (Истринъ, IV, 273); ср. въ третьей редакціи: «воспоминаа емоу ротоу его. ею же бяше ротилъ къ родителема своима глаголя ако да смертию оумроу аще оубію брата своего» (сп. Срезн., стр. 61). То же о вставкѣ, содержащей сказаніе о смерти Исава: сказаніе читается и въ третьей редакціи (сп. Срезн., стр. 61). То же о вставкѣ въ молитвѣ Самсона (Истринъ, IV, 287); ср. въ третьей редакціи: «да оумреть нынѣ душа моа съ иноплеменникы сими» (сп. Срезн., стр. 194). То же о вставкѣ, касающейся пророка Наѳана (Истринъ,

---

1) Впрочемъ, мѣстами третья редакція въ хронографической части полнѣе второй.

IV, 288): она читается и въ третьей редакціи (сп. Срезн., стр. 227); за этой вставкой во второй редакціи, такъ же какъ и въ третьей, перечисляются сыновья Давида отъ различныхъ женъ. Сказаніе о составленіи псалтыри (Истринъ, IV, 289—290) читается и въ третьей редакціи (сп. Срезн., стр. 222 и сл.); при томъ оно здѣсь нѣсколько ближе къ греческому тексту, приведенному Истринымъ, чѣмъ во второй редакціи. Вставку о владѣніяхъ Соломона (Истринъ, IV, 291) находимъ и въ третьей редакціи (сп. Срезн., стр. 241 и 255): «и бѣ обладаа всѣми царствы отъ рѣкы и до земля иноплеменникъ и отъ колѣна сионя и до предѣлъ егупетьскыхъ». Приведенная передъ этимъ Истринымъ вставка о Соломонѣ же находится и въ третьей редакціи: «и соломонъ царь сѣде на царствѣ надъ іерусалимомъ и надъ іоудою въ елимѣ» (сп. Срезн., стр. 233). Часть разсказа о царицѣ Ужичской (Истринъ, IV, 293) читается и въ третьей редакціи (сп. Срезн., стр. 235). Вставка о построеніи храма Соломономъ (Истринъ, IV, 292) читается и въ третьей редакціи: «и почаша дѣлати раби Соломонѣ» и т. д. (сп. Срезн., стр. 243).

Приведенныя здѣсь мѣста (а число подобныхъ совпаденій можно легко увеличить) доказываютъ близость второй и третьей редакцій. Эта близость, какъ указано выше, можетъ быть объяснена только пользованіемъ общимъ источникомъ со стороны составителя обѣихъ названныхъ редакцій. Слѣдовательно, предположеніе Истрина о томъ, что вторая редакція составлена на основаніи первой при помощи Библіи и другихъ многочисленныхъ источниковъ, должно измѣнить такъ, что вторая редакція представляетъ соединеніе первой съ библейскимъ текстомъ и текстомъ особой хронографической редакціи Палеи. Изъ этой редакціи заимствованы во вторую и тѣ многочисленные апокрифы, которые отличаютъ ее отъ первой: на то, что въ особой хронографической редакціи читались между прочимъ Лѣствица Іакова, Завѣты 12 патріарховъ, сказанія о Моисеѣ, находимъ указанія въ третьей редакціи, гдѣ эти апокрифы приведены въ извлеченіяхъ.

Итакъ, изслѣдованіе редакцій Толковой Палеи приводитъ къ вопросу объ отношеніи Коломенской Палеи, т. е. первой редакціи, къ возстановляемой по второй и третьей редакціямъ особой хронографической редакціи. Въ этой редакціи, какъ это видно изъ второй, до насъ дошедшей, редакціи, источники (напр. апокрифы) передавались съ буквальною точностью (ср. замѣчаніе Истрина относительно второй редакціи: IV, 268); между тѣмъ составитель первой редакціи перефразировалъ и сокращалъ ихъ текстъ. Слѣдовательно, мало вѣроятнымъ представляется предположить, чтобы особая хронографическая редакція восходила къ первой: пришлось бы допустить полную переработку этой первой редакціи и притомъ по тѣмъ самымъ источникамъ, которые были использованы ею. Кромѣ того, мы имѣемъ рядъ ука-

занiй на то, что первая русская редакцiя Толковой Палеи не можетъ быть признана первоначальною.

Истринымъ въ VI главѣ Замѣчанiй о составѣ Толковой Палеи указаны основанiя, по которымъ можно думать, что авторъ Палеи хотѣлъ довести свое изложенiе не до начала царствованiя Соломона (на которомъ обрывается первая редакцiя), а по крайней мѣрѣ до новозавѣтныхъ событiй. Такъ, въ толкованiи одного изъ завѣтовъ Бога Аврааму есть ссылка на родословiе Богородицы: «еже и послѣди в родословии скажемъ». Пересказавъ Завѣты 12 патрiарховъ, авторъ обѣщаетъ предложить и «всѣ пророкы, глаголавшая по ряду». Толкуя пророчество Валаама, авторъ говоритъ: «вижь же оубо жидовине, яко звѣзда восияеть отъ Иякова о неи же пошедъши ти оукажемъ». Упрекая евреевъ въ идолопоклонствѣ, авторъ упоминаетъ между прочимъ о поклоненiи Ваалу при Ахавѣ — «ина же вся пошедъши оукажемъ»[1]). По мнѣнiю Истрина, «все это указываетъ, что Толковая Палея по первоначальному замыслу редактора не должна была прерываться на царствованiи Соломона». Но мнѣ неясны тѣ основанiя, по которымъ трудъ составителя Толковой Палеи должно признать неоконченнымъ, недоведеннымъ до конца: подобное предположенiе тѣмъ болѣе неосновательно, что и во второй и въ третьей редакцiяхъ Палеи мы находимъ изложенiе тѣхъ позднѣйшихъ библейскихъ, а также новозавѣтныхъ событiй, на которыя ссылается Коломенская Палея. Въ виду этого естественно предположить, что первая русская редакцiя отразила ту редакцiю, которая возстанавливается на основанiи второй и третьей русскихъ редакцiй. Въ пользу такого предположенiя можно привести наличность въ первой русской редакцiи одной статьи хронографическаго содержанiя: это статья о разселенiи народовъ послѣ столпотворенiя. Она восходитъ къ греческой хроникѣ. Что она читалась въ особой хронографической редакцiи, видно изъ того, что въ сокращенномъ видѣ она находится и въ третьей редакцiи (сп. Срезн., стр. 33—36).

Непервоначальность первой русской редакцiи Толковой Палеи, кромѣ указанныхъ соображенiй, доказывается еще однимъ обстоятельствомъ, обращавшимъ на себя вниманiе почти всѣхъ изслѣдователей этого памятника. Это отсутствiе въ первой и возникшей изъ нея второй редакцiи Палеи пророчествъ, слѣдовательно важнѣйшаго матерiала, на которомъ издавна еще въ Iерусалимѣ, Александрiи и Царьградѣ опиралась полемика противъ жидовина. Впрочемъ, въ обѣихъ русскихъ редакцiяхъ имѣются пророчества Давида и Соломона, и это еще болѣе утверждаетъ насъ въ предположенiи, что пророчества должны были входить въ составъ первоначальной редакцiи Палеи. «Намъ кажется, — говорилъ Успенскiй въ 1876 году, — что авторъ

1) Изв. Отд. р. яз. и сл., т. III (1898), с. 517—518.

Толковой Палеи не могъ игнорировать пророчествъ великихъ и малыхъ пророковъ, предсказавшихъ столь ясно обстоятельства земной жизни Основателя христіанства и исторіи самаго христіанства; пророчества — самая твердая почва для полемики съ іудействомъ и, слѣдовательно, должны были составлять существенную принадлежность Толковой Палеи». И. Н. Жданову пришлось остановиться на отсутствующемъ въ Палеѣ отдѣлѣ пророчествъ съ еще болѣе опредѣленными данными: онъ призналъ извѣстныя ему по рукописямъ пророчества съ обличеніями жидовина частью первоначальнаго состава Палеи. Особенно выдвинуто имъ значеніе тѣхъ «Пророчествъ», которыя находятся въ сборникѣ Кириллобѣлозерской библіотеки № 1144: связь ихъ съ Толковой Палеей, по мнѣнію Жданова, настолько тѣсна, что имѣющееся въ нихъ хронологическое указаніе можетъ оказаться полезнымъ для болѣе точнаго опредѣленія времени составленія Палеи. Въ силу подобнаго взгляда на «Пророчества» съ обличеніями жидовина, Ждановъ признаетъ списки Палеи, гдѣ не помѣщены пророчества, непервоначальными[1]). И. Е. Евсѣевъ, въ статьѣ, посвященной толкованіямъ пророческихъ мѣстъ съ обличеніями жидовина (Изв. Отд. р. яз. и слов., т. V, 1900 г., стр. 788 сл.), подробнѣе развилъ мысли, высказанныя Успенскимъ и Ждановымъ. Помимо общихъ соображеній относительно того, что составителю Толковой Палеи, въ силу главной задачи, положенной въ ея основаніе, надлежало бы съ особенною обстоятельностью использовать писанія пророковъ, мы находимъ здѣсь указанія на два мѣста Палеи, гдѣ авторъ обѣщаетъ предложить «вcѣ пророкы глаголавшая по ряду», а также воспользоваться писаніями «отъ великихъ патриархъ и пророкъ и божественыхъ и святыхъ святитель». Существенно важнымъ въ статьѣ Евсѣева было привлеченіе къ изслѣдованію двухъ памятниковъ, содержащихъ толкованія пророковъ съ обличеніями противъ жидовина. Повидимому, подъ вліяніемъ приведеннаго выше мнѣнія Истрина, признававшаго трудъ составителя Толковой Палеи неоконченнымъ, не доведеннымъ до предположеннаго конца, Евсѣевъ склоненъ былъ думать, что открытыя имъ противоіудейскія толкованія пророковъ «составляютъ часть не обработаннаго, не додѣланнаго — такъ сказать — черноваго окончанія Толковой Палеи». Болѣе обоснованнымъ представляется мнѣ другое утвержденіе автора: «Если освободить наши толкованія отъ очевидныхъ историческихъ наслоеній... и подновленности въ языкѣ, то толкованія эти по общему характеру и источникамъ какъ нельзя болѣе восполнятъ конецъ извѣстной нынѣ Толковой Палеи».

Изслѣдованіе Евсѣева не могло не обратить вниманія Истрина, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній, высказанныхъ

1) Ср. Кіевск. Унив. Изв. 1881 г.

Евсѣевымъ относительно времени составленія противоіудейскихъ толкованій пророчествъ. Во II главѣ своихъ очерковъ «Изъ области древне-русской литературы» (Ж. М. Н. П. 1903, окт.) Истринъ воспользовался спискомъ этихъ толкованій, указаннымъ въ свое время Ждановымъ, для соображеній о времени составленія Толковой Палеи, признавъ противоіудейскія толкованія пророчествъ памятникомъ однороднымъ съ нею по тону и способу изложенія. Въ противоположность Евсѣеву, Истринъ не усматриваетъ никакого непосредственнаго соприкосновенія между Палеей и «Пророчествомъ Соломона» [1]) и не дѣлаетъ вывода о томъ, что въ этомъ послѣднемъ памятникѣ сохранился конецъ Палеи, хотя бы въ необработанномъ, черновомъ видѣ. Единственный выводъ, дѣлаемый Истринымъ изъ близости Палеи и Пророчества Соломона, это тотъ, что «появленіе подобнаго рода произведеній не случайно, что у различныхъ лицъ въ одно и то же время явилось одно и то же намѣреніе — написать полемическій трактатъ противъ еврейства».

Мнѣніе Успенскаго, Жданова и Евсѣева о принадлежности противоіудейскихъ толкованій пророчествъ къ первоначальному составу Палеи представляется мнѣ доказаннымъ, какъ общими соображеніями, высказанными этими изслѣдователями, такъ и изученіемъ привлеченныхъ Ждановымъ и Евсѣевымъ къ сравненію съ Палеей памятниковъ. Хотя я опасаюсь нарушить нижеслѣдующимъ замѣчаніемъ послѣдовательный ходъ настоящаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе нахожу умѣстнымъ привести это замѣчаніе именно здѣсь. Оно касается связи той части Рѣчи философа, помѣщенной въ лѣтописи подъ 986 годомъ, гдѣ приводятся пророчества, съ повидимому малоизвѣстнымъ спискомъ противоіудейскихъ толкованій пророчествъ, содержащимся въ сборникѣ XV в. Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря № 493/1655. Въ этомъ спискѣ находимъ почти всѣ пророчества, читающіяся въ рѣчи греческаго проповѣдника и притомъ — что безусловно для насъ важно — первый отдѣлъ этихъ пророчествъ, оканчивающійся въ лѣтописи словами «И много пророчествоваша о отверженьи ихъ», оказывается буквально тожественнымъ съ начальными страницами указаннаго списка (л. 89—89 об., нач.: пророчество ісаино пророка о отвръженіи жидовъ, кон. и много пророчествоваша о отвръженіи вашомъ). Ниже мы рядомъ выписокъ докажемъ, что вся историческая часть Рѣчи философа восходитъ къ древнѣйшей редакціи Толковой Палеи и на основаніи этого заключимъ, что и пророчества, приведенныя философомъ, извлечены изъ того же памятника. Тѣсная связь этой части рѣчи съ указаннымъ спискомъ толкованій пророчествъ дѣлаетъ очевиднымъ, что эти или подобныя имъ толкованія входили въ составъ первоначальной редакціи Толковой Палеи.

1) Такъ называется, по начальнымъ строкамъ его, памятникъ, открытый Ждановымъ.

Итакъ, мы возвращаемся къ сдѣланному уже выше выводу: первая русская редакція Толковой Палеи (сп. Коломенскій и сходные) не можетъ быть признана первоначальной редакціей этого памятника. Редакція эта скорѣе всего должна быть разсматриваема какъ извлеченіе изъ первоначальной редакціи, содержавшей, какъ это видно изъ предыдущихъ соображеній, обширныя толкованія пророчествъ, а также изложеніе новозавѣтныхъ событій и хронографическую часть. Ниже мы выскажемъ нѣсколько мыслей о времени и мѣстѣ возникновенія первоначальной редакціи Толковой Палеи, а пока отмѣтимъ существованіе еще одного памятника, ведущаго насъ къ возстановленію этой первоначальной редакціи. Памятникъ этотъ представляетъ краткое изложеніе сначала ветхозавѣтныхъ событій, затѣмъ событій всемірной исторіи, доведенное въ однихъ спискахъ до взятія турками Царяграда, въ другихъ дополненное еще нѣсколькими событіями. Мнѣ извѣстенъ этотъ памятникъ по одному сборнику Кириллобѣлозерскаго монастыря, хранящемуся въ Имп. Археографической комиссіи. Близко сходенъ съ нимъ списокъ Синод. библ. въ сборникѣ, описанномъ Горскимъ и Невоструевымъ подъ № 323 (л. 449 и сл. этого сборника). Въ позднѣйшемъ соединеніи съ хроникой Амартола и хронографомъ этотъ же памятникъ является въ сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки № 1497, описанномъ А. Н. Поповымъ въ 1-мъ вып. Обзора хроногр. русск. ред. (стр. 217 и сл.): сборникъ № 1497 и нашъ памятникъ сближаются главнымъ образомъ своимъ окончаніемъ, посвященнымъ послѣднимъ событіямъ Византійской исторіи (напечатано Поповымъ на стр. 223), но также и тѣми русскими вставками, на которыя обратилъ вниманіе Поповъ (стр. 222—223). Хотя Синод. № 323 доходитъ только до 6961 (1453) года, а потому свидѣтельствуетъ о болѣе древней редакціи нашего памятника, тѣмъ не менѣе я скажу о самомъ памятникѣ нѣсколько словъ на основаніи не Синодальнаго, а Кириллобѣлозерскаго списка, который у меня подъ руками. Начало его (твореніе міра и человѣка) представляется сокращеннымъ извлеченіемъ изъ Толковой Палеи, хотя заключительная часть о двадцати двухъ дѣлахъ, сотворенныхъ въ шесть дней, встрѣчается не въ Толковой, а въ Исторической Палеѣ. Засимъ послѣ заглавія «Отъ книгъ бытіа небесе и земля и всякои твари. яже сътвори богъ вся дѣла своя испрьва»[1]) слѣдуетъ текстъ книги Бытія (гл. 1-я и два первыхъ стиха 2-й). Послѣ этого читаемъ сокращенное изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ такими же апокрифическими и хронографическими вставками, какъ она излагается въ Толковой Палеѣ[2]). Ветхозавѣтныя событія смѣняются затѣмъ событіями всемірной исторіи, разсказанными по Амартолу.

1) То же заглавіе предшествуетъ пятикнижію Моисееву по сборнику XV в., принесенному въ даръ Академіи преосв. Алексіемъ Вологодскимъ (Библ. А. Н., шифра 45. 10. 6).
2) Напр. о погребеніи Авеля, о раздѣленіи странъ между сыновьями Ноя.

Такимъ образомъ разсматриваемый памятникъ построенъ по тому же плану, какъ хронографическая Палея: мы указали на мѣста, сближающія его въ ветхозавѣтной части съ Палеей. Въ виду этого вѣроятно признать его однимъ изъ отраженій той особой хронографической Палеи, къ которой ведутъ насъ двѣ русскія редакціи Палеи, при чемъ, быть можетъ, при составленіи его приняты были во вниманіе и другіе источники. Замѣтимъ, что изслѣдуемый памятникъ нельзя возвести ни ко второй, ни къ третьей редакціи. Частью это слѣдуетъ изъ связи его съ Рѣчью философа, о чемъ скажемъ ниже. Мы назовемъ нашъ памятникъ четвертой русской редакціей Толковой Палеи.

Если бы вслѣдъ за Тихонравовымъ, Истринымъ и другими изслѣдователями мы признали редакцію Коломенскаго и сходнаго съ нимъ списковъ первоначальной редакціей Толковой Палеи, то легко склонились бы къ высказанному Михайловымъ, Истринымъ и косвенно Евсѣевымъ мнѣнію о русскомъ происхожденіи этого памятника. Дѣйствительно, анализъ этой редакціи Палеи доказалъ, что въ распоряженіи составителя былъ рядъ источниковъ, извѣстныхъ въ тѣхъ самыхъ славяно-русскихъ переводахъ, которыми онъ пользовался. Но предыдущее изслѣдованіе убѣдило насъ въ томъ, что основная редакція Палеи не дошла до насъ и что мы можемъ возстановить лишь общій составъ ея, привлекши къ изслѣдованію четыре русскія ея передѣлки. Такимъ образомъ анализа одной первой редакціи, редакціи Коломенскаго списка недостаточно для опредѣленія источниковъ основного вида Толковой Палеи: первая редакція была вмѣстѣ съ тѣмъ первой русской передѣлкой памятника, русское происхожденіе котораго остается недоказаннымъ. Изъ трехъ возможностей — признать Толковую Палею русскимъ, болгарскимъ или греческимъ памятникомъ я выбираю вторую возможность и признаю болгарское происхожденіе Палеи. Мысль эта въ литературѣ не новая, но къ сожалѣнію она не подверглась такому тщательному изслѣдованію, которое выпало на долю двухъ другихъ предположеній — болѣе стараго о греческомъ и болѣе новаго о русскомъ происхожденіи нашего памятника. Конечно, здѣсь не мѣсто восполнить этотъ пробѣлъ въ изученіи Толковой Палеи. Я долженъ ограничиться лишь самыми общими указаніями, дѣлающими вѣроятнымъ болгарское происхожденіе Палеи.

Ниже будутъ приведены основанія для признанія того, что Толковая Палея въ хронографической ея редакціи была извѣстна русскому лѣтописцу, работавшему въ XI вѣкѣ. Но внимательное изученіе Палеи дѣлаетъ несомнѣннымъ, что хронографическая редакція ея явленіе вторичное, что редакція эта составилась изъ соединенія первоначальнаго вида Толковой Палеи съ хронографомъ. Такое соединеніе могло быть сдѣлано и въ Россіи и въ

Болгаріи, но могло ли появиться въ Россіи XI в. сочиненіе противоіудейскаго характера, написанное съ мастерствомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла? Обличенія жидовина оказываются весьма устойчивой частью Палеи; Палея подвергалась вставкамъ, переработкамъ и дополненіямъ, но обличительная часть ея сохранялась повидимому безъ измѣненій: это доказываетъ наличность интереса къ богословскимъ и историческимъ знаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе прямыхъ полемическихъ противоіудейскихъ задачъ у послѣдующихъ редакторовъ Толковой Палеи. Полемическій азартъ составителя первоначальнаго вида Палеи переноситъ насъ въ другое время, въ другую обстановку, отличную отъ той, при которой работали эти редакторы. О древней Руси нечего и думать. Скорѣе можно было бы остановиться на Византіи, гдѣ, какъ это было указано Истринымъ и другими, сложилась обширная противоіудейская литература. Но и древняя Болгарія была почвой вполнѣ подходящею для возникновенія новыхъ памятниковъ противоіудейской литературы, бравшихъ, конечно, за образецъ византійскихъ полемистовъ.

Это доказывается, во-первыхъ, слѣдами еврейской пропаганды въ древней Болгаріи; эти слѣды сказались, напримѣръ, въ именахъ нѣкоторыхъ болгарскихъ правителей: такъ, сыновья Шишмана носили ветхозавѣтныя имена Давида, Моисея, Аарона и Самуила (царь, царствовавшій до 1014 года); быть можетъ, въ Болгаріи высшіе классы общества до принятія христіанства придерживались, какъ и у Козаръ, іудейства, лишь медленно уступавшаго мѣсто новой религіи; далѣе эти слѣды выразились въ большомъ количествѣ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, ведущихъ иногда прямо къ еврейскому источнику. Болгарія — эта классическая страна апокрифовъ, распространявшихся повидимому подъ вліяніемъ еретическаго ученія богомиловъ — получила часть ихъ несомнѣнно отъ самихъ іудеевъ. Такъ, слово «шамиръ» въ легендахъ о Соломонѣ своимъ начальнымъ звукомъ ведетъ насъ къ еврейскому источнику, легенды же о Соломонѣ перешли къ намъ, конечно, изъ Болгаріи. Такъ фонетическій обликъ нѣкоторыхъ названій планетъ въ началѣ третьей (краткой) редакціи Толковой Палеи ведетъ насъ прямо къ еврейскому (въ виду невѣроятности допустить арабскій) источнику: «мешетрѣи», «шемосъ»[1]). Ниже скажемъ о словѣ «машляхъ», «машьяхъ» (Мессія) въ Палеѣ и толкованіяхъ пророчествъ. Еврейство держалось въ Болгаріи очень устойчиво: при Іоаннѣ-Александрѣ въ серединѣ или первой половинѣ XIV

1) Сп. Срезн.: «а҃. планидъ нарчается кронъ зоугалъ. соу҃ идеже есть пр҃тлъ бїи. в҃. планидъ. ѳеоусъ. мешетрѣи четвергъ. г҃. планидъ. аррисъ. мехирь. вторн҃і. д҃. плани҃ шемосъ. слн҃це. тоу есть н҃елѧ. е҃. плани҃ афродитъ. зоугрѧ е пѧт҃. на сеи планидѣ зарѧница ѕвѣзда. ѕ҃. планидъ. герм҃і. ѡдар҃і. срѣда. з҃. плани҃. каморъ. идеже е҃. лоуна. пон҃елникъ. п҃о сею планидою звѣзды оутвер҃жены». Акад. П. К. Коковцовъ любезно сообщилъ мнѣ соотвѣтствующія арабскія названія планетъ: Zúḥal, al-Muštarī, al-Mirrīḫ, al-Šams, al-Zuhara, ʻUṭārid, al-Qamar.

вѣка былъ созванъ противъ евреевъ соборъ, окончившійся казнями и суровыми репрессіями (Голубинскій, Кр. очеркъ, стр. 678). Возможность возникновенія въ Болгаріи X—XI вѣка обширнаго полемическаго сочиненія противъ евреевъ доказывается, во-вторыхъ, наличностью въ болгарской письменности нѣсколькихъ полемическихъ трактатовъ, направленныхъ противъ жидовина. Сюда относятся прежде всего пренія Кирилла философа съ евреями и срацинами, дошедшія до насъ въ житіи Кирилла философа. Далѣе къ противоіудейской литературѣ относятся нѣкоторыя сочиненія Іоанна экзарха болгарскаго: его Шестодневъ, въ которомъ находимъ рядъ выходокъ противъ жидовина (напр. по изд. Бодянскаго-Попова, лл. 79 об., 162 об., 163), и рядъ его словъ, напр. Слово на вшествие Господа нашего Ісуса Христа (Калайдовичъ, Іоаннъ экз. болг., 174—177).

Признавъ Болгарію X—XI вѣка подходящею почвою для появленія Толковой Палеи на іудея, мы представляемъ себѣ литературную исторію этого памятника въ Россіи и Болгаріи приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Толковая Палея возникла изъ тѣхъ преній, которыя велъ Кириллъ, первоучитель славянскій, съ евреями и срацинами. Вѣроятность этого предположенія указана впервые В. Успенскимъ, отмѣтившимъ, что пренія эти, по свидѣтельству одного изъ жизнеописаній славянскихъ просвѣтителей, были записаны св. Меѳодіемъ и раздѣлены на «осмь словесъ». «Не легло ли въ основу Толковой Палеи — спрашиваетъ Успенскій — недошедшее до насъ сочиненіе св. Меѳодія, тѣмъ болѣе, что предметъ послѣдняго и Толковой Палеи одинъ — обличеніе іудеевъ?!..» (Толковая Палея, стр. 133, прим.). Дѣйствительно, въ житіи Кирилла, куда занесена часть этихъ преній, читаемъ: «отъ многа же избравше, в малѣ положихомъ и селико, памяти ради, а иже хощетъ съвръшеныхъ бесѣдъ сихъ и истыихъ искати, въ книгахъ его обрящетъ я, еже преложи (слѣдовательно, перевелъ съ греческаго) оучитель нашъ и архиепископъ мефоди и раздѣли е на осмь словесъ, и тоу оузритъ словесноую силоу отъ божіа благодати, яко и пламень палающь на противныя» (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1873, I, 451). Отсюда видно, что Меѳодіемъ записаны не тѣ пренія, которыя читаются въ житіи Кирилла, а переведено и составлено нѣчто другое. Вспомнимъ, что Толковая Палея, напр. по первой редакціи, распадается на восемь отдѣловъ, на восемь словесъ, изъ которыхъ каждый начинается особымъ заглавіемъ: отдѣлы эти соотвѣтствуютъ библейскимъ книгамъ — Бытія, Исхода, Чиселъ, Второзаконія, Іисуса Навина, Судей, Руѳи и Царствъ. Тѣсная связь между преніями, занесенными въ житіе Кирилла, и Толковою Палеей выясняется при сличеніи содержанія этихъ преній съ нѣкоторыми толкованіями и обличеніями Палеи. Скажу больше: одно мѣсто Толковой Палеи совершенно непонятно, если не сопоставить его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ житія. Мѣсто это обращало

вниманіе Истрина и естественно наводило его на мысль о русскомъ редакторѣ Палеи (ср. Извѣстія Отд. р. яз. и сл. 1897 г., т. II, с. 205). Въ Толковой Палеѣ оно читается въ слѣдующемъ видѣ: «и се·мужь рече боряшеться съ ияковомъ. крѣпя его ангелъ боряшеться с нимъ или же бояшеться ияковъ исава брата своего. сягъ же и я за лыстъ и оутрапи жилу стегна его. тоу же и наречеся изъдраиль. занеже бяше 4 жены поялъ. не похоти же ради но чадолюбья требоваше. тѣмь же и отъ помысла дѣемыхъ судиться человѣкъ. отъ авера оубо еврѣи прозвани бысте. ныня же отъ издраноѣ жилы изъдраили нарекостеся. сирѣчь оумъ бога зьря» (стлб. 334). Ясно, прежде всего, что чтеніе Толковой Палеи испорченное; оно требуетъ перестановки: слова «тоу же и наречеся изъдраиль» должны быть отнесены ниже передъ слова «сирѣчь оумъ бога зьря», ибо, какъ это указали Евсѣевъ и Истринъ, имя Израиль вообще толкуется какъ «оумъ бога видя» или «зря господа» или «зряи бога» (νοῦς ὁρῶν θεοῦ, νοῦς ὁρῶν θεόν, ὁρῶν θεόν). Слѣдовательно, въ отрывкѣ «занеже бяше 4 жены поялъ... человѣкъ» нельзя видѣть толкованія имени Израиль — это вставка, происхожденіе которой выясняется при сравненіи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Кириллова житія. На вопросъ евреевъ, какъ могли угодить древніе, не принявъ крещенія, но придерживаясь обрѣзанія Авраамова, философъ отвѣтилъ: «никоторыи бо отъ тѣхъ является двою женоу имѣвъ, но токмо авраамъ [1]), и сего ради и оуда того рѣзаетъ, предѣлъ даа не престоупати емоу дале, но по первомоу сверстию адамову, образъ дая прочимъ в томъ ходити. яковоу бо такоже сътвори оутрапль жилоу стегна его, зане четыри жены поятъ. разоумѣвше (чит., какъ въ другихъ спискахъ: разоумѣвъ) же виноу, ея же ради то емоу сътвори, нарече емоу имя Израиль, сирѣчь оумъ зря бога» (Чтенія, 1873, I, 450). Итакъ, по мысли философа, Аврааму заповѣдано обрѣзаніе за его двоеженство; у Іакова вырвана жила за его четвероженство. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что указанная вставка попала въ Палею изъ преній Кирилла, и вѣроятнѣе всего изъ сочиненія Меѳодія, гдѣ читались эти пренія, т. е. изъ первообраза Толковой Палеи. Отсюда же приведенныя разсужденія и дословныя выписки попали и въ другое мѣсто Толковой Палеи: «ни сему же авраму извѣща моисѣя. но понеже в роду томъ никто же обрѣтается дву жену имыи но токмо авраамъ. того же ради оуда того. обрѣзати ему повелѣ. да не престоупаеть дале. но быти по пьрвому сверстию адамовоу. образъ дая прочимъ. в тѣхъ ходити веля» (Колом., стлб. 263—264). Связь Палеи съ преніями обнаруживается и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ толкованіи пророчествъ по списку Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря (см. выше) читаемъ: «Како жидовѣ не (чит. вы) глаголете яко не

1) Въ приложеніи ко второй редакціи Палеи другое чтеніе: никто же бо отъ нихъ явися две жене имевъ, яко же Авраамъ име две жене. а 3 юю рабу.

может ся богъ оумѣстити въ человѣка. а онъ в купину ся въмѣстилъ и въ облакъ и въ бурю и въ дымъ. являяся нову» (л. 97 об.); ср. въ преніяхъ Кирилла: «пакы же рече к нимъ философъ. то како не соуть неистови, иже глаголють, яко не может ся въ человѣка вмѣстити богъ, а онъ и в коупиноу ся вмѣсти, и въ облакъ, и въ боурю и дымъ, явлься моvсѣѡви и новоу». Непосредственно за этимъ и въ Толкованіи пророчествъ и въ преніяхъ слѣдуетъ общій текстъ—Толков. прор. (л. 97 об.): «како можеши иному боляща иного исцѣлити человѣка»; въ Житіи Кирилла: «како бо можеші иномоу болящоу ино целити, человѣческомоу родоу на истлѣние пришедшоу, отъ кого бо иного обновление пакы бы приялъ, аще не отъ самого творца» (Чтенія, 1873, I, 445). Очевидно, въ Толкованіи пророчествъ сохранилось только начало мысли, выраженной въ Житіи полностью. Ниже въ Толкованіи пророчествъ читаемъ (л. 98): «въздвигнеть бо рече царство небесное. видиши ли оже богъ въздвиглъ есть царство христіяньское еже истнится (чит. истнить) вся царствіа. яко же данилъ пророкъ рече»; ср. въ Житіи Кирилла: «яко рече пророкъ. въздвигнетъ богъ небесныи царство. еже въ вѣкы не истлѣетъ, и царство его людемъ инѣмъ не оставится, истнитъ, извѣетъ вся царьства и то станетъ въ вѣкы. не христіанское ли есть царство и нынѣ христовымъ именемъ нарицаемо» (тамъ же, с. 448[1]). Установивъ такимъ образомъ связь Кирилловыхъ преній съ Толковой Палеей и памятникомъ, составлявшимъ нѣкогда часть ея, отмѣтимъ еще одно основаніе, по которому нельзя признать полемическую часть Палеи переводомъ съ греческаго: это передача еврейскаго mašiaḥ со звукомъ ш: машьяхъ, откуда машляхъ въ толкованіи Данова пророчества (ср. Толк. Палею, стлб. 381 и 383; сборникъ Кіево-Златоверхо-Мих. мон., л. 102)[2]). Ср. сказанное выше о словѣ шамиръ.

Но быть можетъ, одно мѣсто Толковой Палеи даетъ основаніе предполагать, что авторъ ея, писавшій, какъ видно изъ предыдущаго, по древне-болгарски, былъ самъ грекомъ. По поводу гибели Содома и Гомора находимъ слѣдующія обличенія: «О безумье жидовьское како не оусмотристе еже рече господь авраму. аще обрящеться 10 праведныхъ в содомѣ не погублю ихъ. вы же (Колом. о) како погублени бысте отъ земля и мѣста своего. еже (чит. егда?) преда господь богъ отцьмь нашимъ (такъ въ Кириллобѣлоз. и Силин-

1) Отмѣчу вліяніе Кирилловыхъ преній на одно мѣсто въ Шестодневѣ Іоанна экз. болг. Козары обличали злой обычай грековъ заступать престолъ царемъ иного роду, тогда какъ они «по родоу се дѣють». Философъ сослался на примѣръ Давида, заступившаго мѣсто Саула, не угодившаго Богу. У экзарха читаемъ: и въ блъгарѣхъ испръва роды (бы)-ваютъ кнези. сынъ въ отца мѣсто и братръ въ братра мѣсто. и козарѣхъ такожде слышимъ бывающе (изд. Бодянскаго-Попова, л. 130). Если экзархъ дѣйствительно имѣетъ въ виду Кирилловы пренія, то это свидѣтельствовало бы въ пользу ихъ древности.

2) Въ этомъ сборникѣ читаемъ: а вы дѣете жидове ждемъ машьяха. то ти вашего машьяха злобу повѣдаеть пророкъ. а не доброту его. отъ данова колѣна нѣту добра.

скомъ спискахъ, между тѣмъ въ Колом. и остальныхъ: вашимь) святыи градъ иерусалимъ. то не бѣ ли ту (Колом. лоту) 10 праведныхъ. да бысте и вы оканнии не погублени тѣхъ ради но мню яко не бы во всѣхъ предѣлѣхъ иерусалимьлихъ. аще оубо тогда и то (Кириллобѣлоз. и Силинск., въ Колом. и остальныхъ: тъ) реку не было мѣсто пречестнаго гроба господня въ иерусалимѣ. то яко содома и гомора ражьженымь каменьемь богъ побилъ бы вы...». Изъ двухъ указанныхъ чтеній: «нашимъ отцемь» и «вашимъ отцемъ» я предпочитаю первое потому, что дѣло идетъ о послѣднемъ взятіи Іерусалима, о взятіи его римлянами при Титѣ[1]). Слѣдовательно, это обличеніе писано грекомъ (ῥωμαῖος)[2]).

Итакъ, мы предполагаемъ, что Толковая Палея составлена Меѳодіемъ или на основаніи Меѳодіева сочиненія, воспроизведшаго пренія Кирилла съ евреями и срацинами. Оставляемъ всякія догадки о первоначальномъ объемѣ Толковой Палеи. Но отмѣтимъ, что рядъ основаній заставляетъ думать, что еще въ Болгаріи эта первоначальная Палея подверглась вставкамъ статей апокрифическаго и хронографическаго содержанія, а также соединенію съ хроникой Амартола. Дѣйствительно, мы, во-первыхъ, не можемъ допустить, чтобы подобная работа могла быть совершена въ Россіи XI вѣка, а о существованіи хронографической редакціи Палеи свидѣтельствуетъ, какъ увидимъ, русская лѣтопись конца XI вѣка; между тѣмъ въ Болгаріи, гдѣ видимъ широкое распространеніе отреченныхъ книгъ, вполнѣ естественно было включить «басни и кощуны» въ первоначальную редакцію Палеи.

Обѣ редакціи первоначальная и хронографическая рано перешли въ Россію. Первоначальная редакція лучше всего отразилась въ первой русской переработкѣ Палеи (редакціи Коломенскаго и сходныхъ списковъ), но она подверглась вліянію хронографической: такъ, въ нее внесена хронографическая статья, касающаяся разселенія 72 языковъ; такъ, повидимому, подъ вліяніемъ хронографической редакціи, исключившей изъ своего состава толкованія пророчествъ, а также изложеніе новозавѣтныхъ событій, первоначальная редакція утратила въ русской переработкѣ свое окончаніе.

Хронографическая редакція послужила основаніемъ для нѣсколькихъ краткихъ редакцій, изъ которыхъ одну мы назвали третьей, а другую чет-

1) Ср. по поводу второго взятія Іерусалима въ Еллинск. сп. 2-й ред. по Чудовск. списку: прѣжде же изшедшим из града бжіим откровеніемь въ хса вѣрующим. и оставшим. яко в темници. нечстивыим грѣшником поустыим. и дроуг с(вя)тыих рабъ бжіих. яко древле. и злонравных своих. проклятыих содомитянъ. ибо о градехъ содомьскыхъ. моляся бжественыи авраамь реч не погоуби прдная с нечстивыми. и боудет прдныи яко нечствыи. сего ради члколюбець б(ог)ъ. изгла(гола). аще обрящутся въ содомѣх. 10 сущіи на них гнѣвъ оставити. нъ не обрѣтошася. тѣмь и напрасно погибоша (л. 195).

2) Ср. еще Колом. сп., стлб. 649, гдѣ сказано, что Іудейская земля вдана хрестьянамъ, а съ этимъ сопоставьте отвѣтъ евреевъ Владиміру, что «предана бысть земля наша хрестеянамъ» (лѣтопись подъ 986 годомъ).

вертой редакціей: обѣ дополнили текстъ Палеи изъ другихъ памятниковъ (на третьей отразилось, повидимому, вліяніе Слова Меѳодія Патарскаго, а на четвертой — Малой или Исторической Палеи).

Въ XV вѣкѣ, въ разгаръ жидовствующей ереси, составилась, повидимому, въ Новгородѣ, новая редакція Толковой Палеи, которую мы назвали второю: она представляетъ соединеніе первой русской редакціи съ болгарской хронографическою редакціей. Важно отмѣтить, что въ древнѣйшихъ спискахъ этой редакціи (а таковыми по составу своему оказываются Синод. № 211 и Погод. № 1435) совсѣмъ нѣтъ русскихъ событій: участіе русскаго человѣка сказалось только въ томъ, что здѣсь переданы полностью разсказы Амартола о пораженіяхъ русскихъ подъ Царьградомъ при царяхъ Михаилѣ и Романѣ. Но о крещеніи болгаръ и о преложеніи книгъ отъ греческа языка на словенскій при Борисѣ князѣ Болгарскомъ мы читаемъ здѣсь въ видѣ вставки въ текстъ Амартола въ царствованіи Михаила [1]). Исходя изъ предположенія, что только первоначальныя двѣ болгарскія редакціи могли оказать вліяніе на русскую лѣтопись XI в., а также на авторовъ тѣхъ болѣе древнихъ статей, которыя вошли въ нее, мы считаемъ необходимымъ привлечь къ сравненію съ лѣтописнымъ текстомъ слѣдующіе памятники, ведущіе насъ къ возстановленію первоначальныхъ редакцій Толковой Палеи: 1) Коломенскій списокъ Палеи 1406 г. (первая русская редакція), 2) Синодальные списки № 210 и № 211 (вторая редакція), 3) списокъ Срезневскихъ (третья редакція), 4) Кириллобѣлозерскій сборникъ, хранящійся въ Археогр. Комиссіи (четвертая редакція), 5) сборникъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, содержащій толкованія пророчествъ.

Но предварительно мы должны сказать нѣсколько словъ о подлежащихъ нашему изслѣдованію лѣтописныхъ текстахъ.

ГЛАВА III.

Русская лѣтопись.

Подъ древнею русскою лѣтописью разумѣютъ обыкновенно Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. е. ту лѣтописную компиляцію, которая была составлена въ 1116 году игуменомъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря

1) Въ Румянц. сп. 1494 г. № 453 читаемъ подъ 6374 о походѣ Владимира (!) противъ грековъ, послѣ чего вводныя слова «а преже тѣхъ лѣтъ» служатъ переходомъ къ разсказу о призваніи князей; подъ 6448 читаемъ краткое извѣстіе о походѣ Игоря на грековъ. То же въ Синод. 1477 г., № 210, который по составу своему моложе Румянцевскаго списка, но восходитъ съ нимъ къ общему изводу второй редакціи, отличающемуся отъ первоначальнаго извода пропусками и вставками.

Сильвестромъ. Она дошла до насъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и сходныхъ съ ними, далѣе въ соединеніи съ лѣтописью Переяславля Суздальскаго въ сборникѣ Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ, наконецъ въ позднѣйшихъ передѣлкахъ въ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ.

Но въ основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ лежитъ другой болѣе древній лѣтописный сводъ, дошедшій до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ позднѣйшемъ соединеніи (сдѣланномъ, повидимому, во второй четверти XV вѣка) съ новгородскою или правильнѣе съ новгородскими лѣтописями. Этотъ сводъ въ болѣе древней редакціи сохранился только въ одномъ спискѣ, въ спискѣ Археографической Комиссіи: сходные съ нимъ списки, каковы Толстовскій, Академическій и другіе, представляются переработкою первоначальнаго текста, возникшею подъ вліяніемъ другихъ источниковъ. Вліяніе новгородскихъ лѣтописей, заимствованія изъ нихъ наблюдаются въ сводѣ, сохранившемся въ Комиссіонномъ спискѣ, подъ 989, 1015—1016, 1017—1050, 1052, 1055, 1058, 1060, 1075 и слѣдующими за 1075-мъ годами. Напротивъ, въ части до 989 года, а также подъ 991—992, 994, 996, 998—1014, 1061—1074 и частью подъ 1052—1060 годами Комиссіонный списокъ представляетъ текстъ, частью тожественный съ Повѣстью вр. лѣтъ, частью же (а именно въ предѣлахъ до 945 года) лишь сходный съ нею, но притомъ безусловно оригинальный. Ближайшее сравненіе указанныхъ частей Комиссіоннаго списка съ Повѣстью вр. лѣтъ убѣждаетъ въ томъ, что въ Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й лѣтописи сохранился текстъ болѣе первоначальный, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ, и что сводъ, положенный въ основаніе указаннаго текста, должно признать основнымъ для Повѣсти вр. лѣтъ. Приводить доказательства этого положенія здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ уже сообщены въ статьѣ «Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ», помѣщенной въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. за 1896 годъ.

Сводъ, лежащій въ основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ и сохранившійся въ значительныхъ отрывкахъ въ Комиссіонномъ спискѣ Новгородской 1-й лѣтописи, можно назвать Начальнымъ сводомъ. До какого времени онъ былъ доведенъ, не ясно, такъ какъ перерывъ выписокъ изъ него на полуфразѣ въ текстѣ 1074 года указываетъ на то, что въ распоряженіи новгородскаго сводчика второй четверти XV вѣка былъ дефектный экземпляръ его. Слѣдовательно, Начальный сводъ могъ продолжаться и за 1074 годъ; во всякомъ случаѣ онъ составленъ послѣ 1074 года, но, повидимому, еще въ XI вѣкѣ.

Начальный сводъ не былъ первымъ русскимъ лѣтописнымъ сводомъ: ему предшествовалъ другой древнѣйшій сводъ, отличавшійся отъ него между

прочимъ отсутствіемъ хронологической сѣти. Свѣдѣнія наши объ этомъ древнѣйшемъ сводѣ весьма скудны, но намъ необходимо упомянуть о немъ потому, что въ позднѣйшихъ изводахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ возможны были заимствованія изъ этого именно свода. Древнѣйшій сводъ составленъ вѣроятно въ серединѣ XI вѣка.

Редакторъ Начальнаго свода положилъ въ основаніе своего труда древнѣйшій сводъ, но дополнилъ его по другимъ источникамъ. Кромѣ того онъ расположилъ событія въ хронологической сѣти.

Во второмъ десятилѣтіи XII вѣка начальный сводъ подвергся переработкѣ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Однимъ изъ существенныхъ отличій Повѣсти отъ Начальнаго свода оказывается пользованіе Временникомъ Георгія Амартола, изъ котораго взяты свѣдѣнія о странахъ и народахъ, обитающихъ вселенную, извѣстія о греко-болгарскихъ войнахъ, о нашествіи руссовъ на Царьградъ при Аскольдѣ и Игорѣ, сказаніе объ Аполлоніи Тіанскомъ подъ 912 годомъ. Пользованіе Амартоломъ совершенно измѣнило хронологическую сѣть Начальнаго свода въ части до 945 года. Въ Начальномъ сводѣ были приведены только двѣ опредѣленныя даты, предшествовавшія 945-му году, году кончины Игоря — это 6362 (854) и 6428 (920) годы: первая изъ нихъ указываетъ на годъ вступленія на престолъ греческаго царя Михаила (и похода руссовъ на Царьградъ), вторая на годъ вступленія на престолъ Романа (и несчастнаго похода русскихъ на Царьградъ); остальныя даты — годы 6429, 6430, 6448 и 6450 обязаны соображенію лѣтописца, поставившаго въ связь изложенныя подъ этими годами событія съ событіями, разсказанными подъ 6428 и 6453 годами. Въ Повѣсти вр. лѣтъ указанныхъ годовъ нѣтъ совсѣмъ, а вмѣсто нихъ явились подъ вліяніемъ Амартола годы 6374 (866), 6421 (913), 6422 (914), 6423 (915), 6428 (920), 6437 (929), 6442 (934), 6449 (941), 6450 (942) и 6451 (943). Различіе въ хронологіи Начальнаго свода отъ Повѣсти вр. лѣтъ стоитъ въ прямой зависимости отъ того, что Начальный сводъ пользовался особой хронографической компиляціей, которая, какъ покажемъ ниже, оказывается тожественною съ болгарскою хронографическою редакціею Палеи.

Бо̀льшую часть своего содержанія Начальный сводъ получилъ изъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода; путемъ Начальнаго свода статьи древнѣйшаго лѣтописнаго свода проникли и въ Повѣсть временныхъ лѣтъ. Такъ, между прочимъ, къ древнѣйшему лѣтописному своду восходитъ дошедшая до насъ въ Комиссіонномъ спискѣ (Начальн. сводъ) и спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ Рѣчь греческаго философа, излагавшая передъ княземъ Владиміромъ исторію ветхаго и новаго завѣта. Указаніе на то, что эта Рѣчь находилась уже въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, извлекаемъ между прочимъ изъ позднѣйшихъ московскихъ сводовъ, которые почерпнули, конечно, оттуда, что

Рѣчь эта принадлежитъ Кириллу философу; она стоитъ въ связи съ другими статьями, касающимися крещенія Владимира: эти статьи восходятъ къ Древнѣйшему своду, какъ это видно отчасти изъ тѣхъ же московскихъ сводовъ, сохранившихъ нѣкоторыя подробности древнѣйшей редакціи. Изслѣдователь взаимныхъ отношеній лѣтописи и Толковой Палеи долженъ удѣлить Рѣчи философа, а также связанной съ нею статьѣ объ испытаніи вѣръ совершенно особое вниманіе уже въ виду самаго содержанія Рѣчи, однороднаго съ содержаніемъ Палеи. Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ юбилейномъ сборникѣ въ честь М. С. Дринова[1]), я доказывалъ болгарское происхожденіе Рѣчи философа и предшествующей ей статьи объ испытаніи вѣръ, предполагая, что въ русскую лѣтопись онѣ заимствованы изъ недошедшей до насъ повѣсти о крещеніи болгарскаго князя Бориса.

Въ виду всего вышеизложеннаго, нашему изслѣдованію подлежатъ: 1) рѣчь философа и статья объ испытаніи вѣръ (онѣ возстановляются при помощи сравнительнаго изученія Комиссіоннаго списка со списками Повѣсти вр. лѣтъ и позднѣйшихъ ея передѣлокъ); 2) Начальный сводъ (онъ возстановляется главнымъ образомъ по отрывкамъ, сохранившимся въ Комиссіонномъ спискѣ, но также и по спискамъ Повѣсти вр. лѣтъ); 3) Повѣсть вр. лѣтъ (возстановляемая по спискамъ Лаврентьевскому, Ипатьевскому, Радзивиловскому и другимъ сходнымъ съ ними).

ГЛАВА IV.

Рѣчь философа и статья объ испытаніи вѣръ.

Отмѣчу прежде всего, что изслѣдованіе о составѣ и происхожденіи Рѣчи философа вступило въ совершенно новую фазу послѣ появленія въ Христіанскомъ Чтеніи за іюль 1902 года статьи Н. К. Никольскаго «Къ вопросу объ источникахъ лѣтописнаго сказанія о св. Владимірѣ». До этой статьи Рѣчь философа была извѣстна только какъ составная часть лѣтописи; Никольскому же удалось указать, во-первыхъ, на сходный съ нею памятникъ, озаглавленный «Слово о бытіи всего мира» и встрѣчающійся въ сборникахъ отдѣльно отъ лѣтописи; во-вторыхъ, на списокъ Рѣчи философа, лишь нѣсколько отличный отъ обыкновенной лѣтописной редакціи, но озаглавленный «Слово изъ Палеи выведено на жиды».

Предполагая посвятить литературной исторіи Рѣчи философа особое изслѣдованіе, ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями относительно

1) Сборникъ этотъ еще не вышелъ въ свѣтъ.

обоихъ найденныхъ Н. К. Никольскимъ памятниковъ, которые стали мнѣ извѣстны благодаря исключительной любезности Н. К. Никольскаго, по приготовленнымъ для него съ нихъ спискамъ.

«Слово о бытіи всего міра» доступно мнѣ по четыремъ спискамъ: Моск. Арх. Ин. Д. XV в. № 370/820, Кириллобѣлоз. XVI в. № 38/1115 (Измарагдъ), Виленск. XVI в. № 75 (201) и Виленск. XVI в. № 86 (39). Какъ указано Никольскимъ, Слово это отличается отъ лѣтописной редакціи Рѣчи философа только въ первой своей части, а именно въ изложеніи ветхозавѣтныхъ событій и при томъ почти только до столпотворенія, послѣ котораго различія Слова и лѣтописной редакціи незначительны. Уже это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что мы имѣемъ въ Словѣ передѣлку Рѣчи философа, основанную на привлеченіи другихъ источниковъ. Часть этихъ источниковъ выясняется: такъ все начало Слова оказывается тожественнымъ со статьей, помѣщенной въ Погод. сб. XVII в. № 1560 и озаглавленной «Слово о сотвореніи небоу отъ палеи» (л. 44 об.; нач. В первыи день в недѣлю сотвори богъ 1 е аггели, кон. і рече емоу да яко послушаль еси гласа жены своея и снѣета отъ древа разоумнаго); редакцію указанной статьи слѣдуетъ признать болѣе первоначальной, чѣмъ начало «Слова о бытіи всего міра»; это видно отчасти изъ нѣсколькихъ чтеній, въ которыхъ «Слово о бытіи всего міра» сходится съ лѣтописною редакціей Рѣчи философа, отличаясь отъ «Слова о сотвореніи небоу». Такъ въ первомъ изъ двухъ Словъ, въ «Словѣ о бытіи всего міра», разсказъ о пятомъ и шестомъ дняхъ творенія сходенъ съ лѣтописью[1]); во второмъ, т. е. въ «Словѣ о сотвореніи небу», читаемъ: «в пятыи день в четвергъ сотвори богъ киты великіа рыбы і птицы пернатыя и всякъ гадъ и жюпеличіе и мышцѣ. сіи два дѣла сотвори богъ веліи и благослови и рекъ раститеся і плодитеся и наполните землю; в шестыи день сотвори богъ скоты и звѣри четвероногіа і адама і еввоу отъ божественныя роуки созда». Уже изъ этого примѣра можно заключить, что «Слово о бытіи всего міра» составилось изъ соединенія лѣтописной редакціи Рѣчи философа и особой статьи о сотвореніи міра[2]).

Подтвержденіе такое заключеніе находитъ и въ томъ обстоятельствѣ, что до насъ дошли еще другія соединенія той же Рѣчи съ этимъ же изводомъ Палеи, и при томъ независимыя какъ другъ отъ друга, такъ и отъ только

1) Въ 5 день в четвергъ створи богъ киты великыя рыбы и гады и птицы пернаты. Въ 6 день в пятокъ створи богъ звѣри и скоты всякъ гадъ земны створи же во тъ день человѣка.

2) Статья эта, довольно полно отразившаяся въ «Словѣ о сотвореніи небоу отъ палеи», восходитъ къ разсказу такъ называемаго Малаго Бытія (ср. русскій переводъ А. Смирнова, Казань 1895, стр. 57—60). Но какъ увидимъ ниже, она непосредственно заимствована изъ совершенно особаго извода Палеи, повидимому, поздняго состава.

что указаннаго соединенія въ «Словѣ о бытіи всего міра». Первое изъ такихъ соединеній обнаруживается въ той палейно-хронографической компиляціи, которая сохранилась въ болѣе полномъ видѣ (но все-таки съ утратой начала) въ Синод. лѣтописи № 154 и въ менѣе полномъ, менѣе исправномъ (за утратою листовъ) видѣ въ Лѣтописи Аврамки. Эта компиляція представляется соединеніемъ: 1) статьи, къ которой восходятъ Слово о бытіи всего мира и Слово о сотвореніи небоу[1]), 2) отрывковъ изъ памятника, признаннаго Истринымъ переводомъ особой редакціи Георгія Синкелла (см. Журн. Мин. Нар. Пр., 1903, августъ)[2]), 3) изъ Рѣчи философа (ср. напр. разсказъ о грѣхопаденіи), 4) изъ Толковой Палеи (ср. напр. перечни 72 языковъ), 5) изъ Еллинскаго лѣтописца второго вида.

Второе изъ указанныхъ соединеній находимъ въ редакціи Рѣчи философа по Тверскому сборнику (XV т. П. С. Р. Л.): на близость чтеній Тверского сборника и «Слова о бытіи всего мира» было указано уже въ статьѣ Н. К. Никольскаго. Но ясно, что составитель сборника пользовался не самимъ Словомъ о бытіи всего мира, а его первоисточникомъ: такъ мы находимъ здѣсь только что приведенную фразу относительно 22 дѣлъ, сотворенныхъ Богомъ (XV, 82 и пр. 2). Быть можетъ, слѣдуетъ допустить, что составитель Тверского сборника пользовался тою компиляціей, которая извѣстна по лѣтописи Аврамки и Синод. № 154, но въ такомъ случаѣ должно признать, что онъ руководствовался еще другимъ палейнымъ источникомъ, откуда взяты напр. разсказы о второмъ днѣ творенія, о сотвореніи человѣка, о грѣхопаденіи. Вѣроятнѣе все-таки думать, что редакторъ Тверского сборника руководствовался при дополненіи лѣтописной редакціи Рѣчи философа первоисточниками, изъ которыхъ одинъ былъ тожественъ съ Палеей, отразившейся: 1) въ «Словѣ о сотвореніи небоу», 2) въ лѣтописи Аврамки и Синод. № 154, 3) въ «Словѣ о бытіи всего мира». Такъ послѣ словъ «и оуби каинъ брата своего авеля по наоученію сатанину» (эти слова читаются и въ Синод. № 154, но ихъ нѣтъ въ лѣтописи, нѣтъ и въ «Словѣ о бытіи всего мира») въ Тверскомъ сборникѣ читаемъ: «Тогда четвертаа часть миру умре». Ср. въ одномъ изъ списковъ «Слова о бытіи всего мира» (Моск. Арх. Ин. Дѣлъ) выноску на поляхъ противъ разсказа объ убіеніи Авеля: «се же бысть

---

1) Со Словомъ о створеніи небоу компиляція, о которой рѣчь, сходится въ томъ, что опускаетъ разсужденія о солнцѣ и лунѣ и о ихъ движеніи; а со Словомъ о бытіи всего мира — въ разсказахъ о пятомъ и шестомъ дняхъ творенія; вмѣстѣ съ тѣмъ однако за разсказомъ о шестомъ днѣ творенія читаемъ въ разсматриваемой компиляціи фразу, опущенную, согласно съ лѣтописью, въ Словѣ о бытіи всего мира, но имѣющуюся въ Словѣ о сотвореніи небоу: «и сконча вся дѣла своя елика ихъ на небеси и на земли и в мори в водахъ 22 дѣла».

2) Изъ него взято то, что читается между словами: «Благословеніе св. Григорія» и «конецъ Богослову».

а мертвець на земли тогда д҃ часть умре[1]). Ясно, что составители Тверского сборника и «Слова о бытіи всего мира» пользовались общимъ источникомъ, при чемъ первый работалъ независимо отъ составителя компиляціи, вошедшей въ лѣтопись Аврамки и Синод. № 154. Такимъ общимъ источникомъ, послужившимъ для разновременныхъ и самостоятельныхъ переработокъ Рѣчи философа, надо, какъ указано, признать какой-то изводъ Палеи: объ этомъ можно заключить изъ заглавія Слова о сотвореніи небоу, послѣ котораго прибавлено «отъ палеи». Этотъ изводъ Палеи между прочимъ отразилъ на себѣ вліяніе особой интерполированной редакціи Откровенія Меѳодія Патарскаго, составленіе которой, по мнѣнію Истрина, можно отнести съ нѣкоторою вѣроятностью къ XV вѣку[2]). Заключаю объ этомъ изъ того, что фраза «Дѣвою бѣ (въ Тв. сб.: Двою Богъ) Адамъ и Евва, и изгнана быста изъ раа», которую читаемъ въ Словѣ о бытіи всего мира, въ Тверск. сб. и въ Синод. № 154 (въ послѣднемъ только: дѣвою бѣ адамь и евва), ведетъ насъ именно къ указанной редакціи Меѳодіева откровенія, которая начинается словами «вѣдомо же буди всѣмъ яко дѣвою бѣ Адамъ и Евва егда изгонима быста изъ рая»[3]). Изъ указаннаго памятника внесены между прочимъ имена дочерей Адама: Каламона и Девера (Слово о бытіи всего мира и Синод. № 154; въ Тверск. сб. одна Каламона).

Итакъ, при изслѣдованіи древнѣйшаго состава Рѣчи философа, «Слово о бытіи всего мира», такъ же какъ Тверской сборникъ и компиляція лѣтописи Аврамки и Синод. № 154 должны быть оставлены въ сторонѣ.

Другая внѣлѣтописная редакція Рѣчи философа, указанная Н. К. Никольскимъ, носитъ въ сборникѣ Московской Духовной Академіи № 363 характерное заглавіе «Слово изъ палѣи выведено на жиды». Это слово неполное; оно обрывается на вступленіи Давида на царство. Какъ указалъ уже Никольскій, Слово очень мало разнится отъ лѣтописной редакціи Рѣчи философа, но нѣкоторыя его особенности могли бы, въ связи съ заманчивымъ заглавіемъ, наводить на мысль о самостоятельности этой внѣлѣтописной редакціи Рѣчи философа отъ лѣтописной редакціи той же рѣчи. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что «Слово изъ палѣи выведено на жиды» представляется соединеніемъ лѣтописной редакціи Рѣчи философа со вставками изъ какихъ-то другихъ источниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ при сильномъ сокращеніи основного текста. Быть можетъ, источникомъ дополненій къ лѣтописной редакціи должно признать все ту же Палею, которая отра-

---

1) Ср. соотвѣтствующій вопросо-отвѣтъ въ Бесѣдѣ трехъ святителей (Тихонравовъ, Пам. отреч. лит. II, 434, и мн. др.)

2) Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокр. видѣнія Даніила, с. 232.

3) Тамъ же, тексты, с. 115, между тѣмъ какъ въ 1-й редакціи «вѣдомо да будеть яко юнотою бѣ Адамь и Еува егда изгнана быста изъ рая».

зилась въ разсмотрѣнныхъ нами выше памятникахъ. Такъ можно отмѣтить, что здѣсь число лѣтъ отъ потопа до раздѣленія языкъ опредѣляется 533 (между тѣмъ какъ въ лѣтописныхъ редакціяхъ 529): ср. ту же цифру въ компиляціи, предшествующей лѣтописи Аврамки (XVI, 4) и Синод. № 154, и согласно предыдущему соединяющей Рѣчь философа съ какой-то Палеей и другими источниками; далѣе послѣ словъ «и вложивша авеля погребоста съ плачемъ» прибавлено: «и плакастася его до 100 лѣтъ» (а выше согласно съ лѣтописною редакціей: и плакастася лѣто 1, при чемъ 1, т. е. а҃, ошибочно вмѣсто 30, т. е. л҃; ср. ту же ошибку въ Новгор. 1-й: и плакастася по Авелѣ лѣто едино). Эта прибавка ведетъ насъ къ Откровенію Меѳодія Патарскаго, а выше было предположено, что Палея, повліявшая на Слово о бытіи всего мира и другія компиляціи, заимствовала кое-что изъ этого Откровенія: ср. въ первомъ славянскомъ переводѣ Откровенія (Истринъ, тексты, 84): «и плакастасе кго Адамь и Еува до 100 лѣтъ». Во всякомъ случаѣ мы не находимъ основанія признать за указанною нелѣтописною редакціей какія-либо преимущества передъ редакціей лѣтописной, тѣмъ болѣе что здѣсь находятся нѣкоторыя ошибки, роднящія изслѣдуемое Слово прямо съ нѣкоторыми опредѣленными лѣтописными списками: такъ кромѣ указаннаго *1 лѣто*, повторяющаго чтеніе Новгор. 1-й и сходныхъ съ нею списковъ, читаемъ въ перечнѣ казней египетскихъ глады вмѣсто градъ, ср. гладъ въ Новгор. 1-й. Какъ упомянуто выше, особенное вниманіе наше обращаетъ на себя названіе нашего слова, его заголовокъ. Но врядъ ли это названіе можетъ свидѣтельствовать о независимости Слова отъ лѣтописи, такъ какъ, во-первыхъ, заголовокъ «Слово изъ палѣи выведено на жиды» можетъ быть заимствованъ изъ того самаго вспомогательнаго источника, съ которымъ вошла въ соединеніе Рѣчь философа и который, какъ мы предположили, былъ Палеей; во-вторыхъ, этотъ заголовокъ могъ быть сочиненъ вслѣдствіе того или другого соображенія редактора: ср. заголовокъ Кирилло-бѣлозерскаго списка разсмотрѣннаго выше «Слова о бытіи всего мира» — «Сказаніе обою законѫ вкратцѣ. ветхаго и новаго», заголовокъ, напоминающій Слово о законѣ и благодати.

Предыдущее изслѣдованіе, какъ мнѣ кажется, даетъ основаніе устранить обѣ нелѣтописныя редакціи Рѣчи философа, указанныя Никольскимъ, при возстановленіи древнѣйшаго вида этой Рѣчи. Итакъ, она должна быть возстановлена по редакціямъ лѣтописнымъ.

Какъ указано выше, Рѣчь философа сохранилась и въ Начальномъ сводѣ (Новгор. 1-я лѣт. по Комисс. списку), и въ Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр., Радзив., Ипат., Хлѣбн.). Обѣ редакціи отличаются нѣсколькими, въ сущности, не особенно характерными разночтеніями. Такъ въ Начальномъ сводѣ читаемъ: сътвори ему помощницю жену, въ Повѣсти вр. лѣтъ: створи ему жену; въ

Начальн. св.: сице бо заповѣда намъ Богъ отъ всякого древа ясти, а еже есть посредѣ рая, отъ того не ясти; аще ли снѣста, смертию умрета; въ Пов. вр. лѣтъ: рече Богъ, не имата ясти аще ли (али, оли), да умрета смертью; въ Нач. св.: и прокля Господь Богъ землю, въ Пов. вр. лѣтъ опущено; въ Нач. св.: двѣ сестреници и двѣ приданьи, въ Пов. вр. лѣтъ: 2 сестреници; въ Нач. св. число душъ семейства Іакова, поселившихся въ Египтѣ, опредѣляется 75, а въ Пов. вр. лѣтъ 65 (но въ Хлѣбник. 75); въ Нач. св. указано первое имя Моисея: а преже имя ему бѣ Немелхия, въ Пов. вр. лѣтъ опущено; въ Нач. св. Моисей узналъ отъ Гавріила между прочимъ звѣздьное течение, въ Пов. вр. лѣтъ звѣздное хоженье; въ Нач. св. пророчество Исаіи L, 6 опущено, въ Пов. вр. лѣтъ оно есть; въ Нач. св. прообразованіе крещенія посредствомъ росы при Гедеонѣ изложено полнѣе, чѣмъ въ Пов. вр. лѣтъ, и нѣк. др.

Въ сводахъ типа Новгородской 4-й и Софійской 1-й лѣтописей Рѣчь философа отражаетъ вліяніе обѣихъ указанныхъ выше редакцій, что объясняется соединеніемъ въ подобныхъ сводахъ московской (владимірской) и новгородской лѣтописей.

Отдѣльно стоятъ редакціи этой Рѣчи въ Хронографѣ Моск. Арх. Ин. Д., а именно въ лѣтописи, предшествующей Переяславской лѣтописи, съ одной стороны, въ Никоновской лѣтописи, съ другой. Обѣ лѣтописи, во-первыхъ, представляютъ распространенія сравнительно съ редакціями Нач. свода и Пов. вр. лѣтъ. Такъ Никон. лѣтопись представляетъ вставку послѣ словъ, обращенныхъ Израильтянами къ Самуилу: «постави надъ нами царя»; вставка повѣствуетъ о поставленіи на царство Саула и оканчивается словами: «и помаза его на царьство Израильтомъ» (IX, 47—48). Такъ называемая Переяславская лѣтопись представляетъ нѣсколько вставокъ въ пророчествахъ, а кромѣ того гораздо подробнѣе другихъ редакцій излагаетъ всю вторую часть Рѣчи философа, слѣдующую за этими пророчествами. Во-вторыхъ, и Никоновская и т. н. Переяславская лѣтописи представляютъ нѣсколько мелкихъ дополненій и отличій въ Рѣчи философа, частью противъ одной Повѣсти вр. лѣтъ, частью также и противъ Начальнаго свода. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ дополненій и отличій оказываются общими обѣимъ названнымъ лѣтописямъ. Такъ въ Никон. читаемъ слѣдующія слова, лишнія противъ Нач. свода и Повѣсти вр. лѣтъ: «дѣлай землю отъ нея же взятъ еси», ср. въ Переясл.: «и възвращу тя в землю, отъ неа же взяхъ тя»; послѣ словъ «не имать пребыти духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ», и въ Никон. и въ Переясл. прибавлено: «зане плоть суть»; въ Никон., вопреки Нач. своду и Пов. вр. лѣтъ, читаемъ: «и введи съ собою отъ скотъ чистыхъ седмь седмь мужескій полъ и женьскій, отъ скотъ же нечистыхъ двое двое мужескъ полъ и женескый», ср. въ Переясл.: «а отъ всехъ гадъ нечистыхъ по два, а отъ

чистыхъ по сѣми»[1]); одна изъ рабынь Іакова, совсѣмъ не названныхъ въ Начальномъ сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ, въ Никон. имѣетъ имя Зевалы (вм. Зельфы), въ Переясл. Валы (въ Библіи и Палеѣ: Зельфа и Валла); послѣ словъ «Моисіи же, оубивъ Егуптянина» въ Никон. и Переясл. прибавлено «и скры въ песцѣ»; вм. «и осладишася (усладишася) воды» въ Никон. и Переясл. «и бысть сладка вода»[2]).

Указанныя совпаденія между Никоновскою и т. н. Переяславскою лѣтописью не могутъ быть, конечно, приписаны случайности. Незначительность числа ихъ объясняется тѣмъ, что обѣ эти лѣтописи комбинировали нѣсколько списковъ. Но очевидно, что среди этихъ списковъ былъ одинъ общій. Значеніе Переяславской лѣтописи въ данномъ случаѣ важно еще потому, что нѣкоторыя чтенія ея сходятся съ Начальнымъ сводомъ, между тѣмъ какъ по общему характеру своему эта лѣтопись является изводомъ Повѣсти вр. лѣтъ. Такъ, согласно съ Нач. сводомъ, мы въ отвѣтѣ Еввы зміѣ читаемъ: «Богъ заповѣда рекъ»; ниже: «заждже коумиры» (а въ Пов. вр. лѣтъ «зажьже идолы»); 75 душь въ родѣ Іакова (а не 65, какъ въ Пов. вр. лѣтъ); «звѣздное теченіе» (а не хоженье); послѣ «проидоша по суху» приб. «посрѣди моря» (въ Пов. вр. лѣтъ нѣтъ этой прибавки). Отсюда можно вывести, что однимъ изъ источниковъ редакціи т. н. Переяславской лѣтописи былъ списокъ сходный, но не тожественный съ Начальнымъ сводомъ.

Анализъ Никоновской лѣтописи открываетъ въ ней, какъ мы указывали, отраженіе Древнѣйшаго лѣтописнаго свода въ статьяхъ, касающихся крещенія Владиміра. Этимъ сводомъ пользовался не самъ составитель Никоновской лѣтописи, какъ видно изъ того, что сходныя заимствованія изъ Древнѣйшаго свода встрѣчаются и въ другихъ московскихъ сводахъ XV—XVI в. Думаю, что Древнѣйшимъ сводомъ пользовался составитель полихрона, т. е. общерусскаго лѣтописнаго свода конца первой четверти XV вѣка. Никоновская же лѣтопись въ числѣ источниковъ имѣла самый полихронъ или одинъ изъ позднѣйшихъ его изводовъ. Слѣдовательно, и указанныя нами особенности въ Рѣчи Философа по Никоновской лѣтописи могутъ восходить къ полихрону, а путемъ его къ Древнѣйшему лѣтописному своду, лежащему въ основаніи самого Начальнаго свода. Совпаденія Никоновской съ Переяславской объяснялись бы тѣмъ, что и составитель первой части т. н. Переяславской лѣтописи пользовался, какъ источникомъ, Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ.

---

1) Лавр.: «въведи к собѣ по двоему отъ всѣхъ скотъ, и отъ всѣхъ птиць, и отъ всѣхъ гадъ».

2) Отмѣтимъ еще общую Никоновской и Переяславской лѣтописи перестановку сравнительно съ Пов. вр. лѣтъ въ разсказѣ о паденіи Сатанаила (порядокъ тотъ же, что въ Нач. св.).

Итакъ мы признаемъ, что Никоновская и Переяславская лѣтописи ведутъ насъ къ древнѣйшей лѣтописной редакціи Рѣчи философа. Все общее между ними и отличающее ихъ отъ Начальнаго свода и Повѣсти вр. лѣтъ, можетъ быть возведено къ этой древнѣйшей редакціи. Къ ней ли однако восходятъ указанныя выше болѣе обширныя вставки въ Никоновской и Переяславской лѣтописяхъ, не ясно. Относительно вставки Никоновской лѣтописи считаю вѣроятнымъ возвести ее къ другому источнику, а именно къ Хронографу редакціи 1512 года, которымъ, какъ извѣстно, пользовался составитель Никоновской: основаніе—близкое совпаденіе текста Никоновской и Хронографа. Но вставки Переяславской лѣтописи, а именно распространеніе второй половины Рѣчи философа, врядъ ли можно возвести къ особому отъ самой Рѣчи источнику. Во-первыхъ, само по себѣ вѣроятно, что событія новозавѣтныя излагались въ первоначальной редакціи Рѣчи философа подробнѣе, чѣмъ это видимъ въ Нач. сводѣ и Повѣсти вр. лѣтъ. Во-вторыхъ, распространенное изложеніе прообразовательнаго значенія ветхозавѣтныхъ событій для новозавѣтныхъ въ особенности соотвѣтствуетъ основной задачѣ всего сочиненія. Въ-третьихъ, то лишнее, что въ этомъ изложеніи читается въ Переяславской лѣтописи, въ сильной степени напоминаетъ какъ Толковую Палею, съ которой согласуется, какъ увидимъ, изложеніе ветхозавѣтныхъ событій, такъ и первую часть Рѣчи: ср. съ одной стороны, прообразовательное толкованіе древа грѣхопаденія, ребра Адамова, копія, съ которымъ херувимъ ограждалъ входъ въ рай; съ другой стороны, ссылку на Гавріила въ не совсѣмъ вразумительныхъ словахъ «еже испръва Моисѣю Гавріилъ написа водою разумъ» сравните съ приведеннымъ выше разсказомъ о поученіяхъ Гавріила, данныхъ Моисею въ пустынѣ. Въ-четвертыхъ, наконецъ, слова «Еллинская кумиры потребихомъ губящихъ души», читаемыя послѣ «отъ нихъ же мы грѣци приимше», весьма согласуются съ этими послѣдними, а потому врядъ ли могутъ быть признаны позднѣйшей вставкой. Въ виду всего изложеннаго я признаю распространенную редакцію второй части Рѣчи философа, читаемую въ Переяславской лѣтописи, отраженіемъ первоначальной редакціи этой Рѣчи[1]).

Повторимъ сказанное выше, что Рѣчь философа находится въ тѣсной связи съ предшествующею ей въ лѣтописи статьей объ испытаніи вѣръ. Отношеніе этой статьи и Рѣчи философа къ Толковой Палеѣ мы разсмотримъ за одинъ разъ. Для правильнаго сужденія объ этомъ вопросѣ мы выдѣлимъ изъ статьи объ испытаніи вѣръ и изъ Рѣчи философа все то, что восходитъ къ Толковой Палеѣ: впрочемъ, мѣста тожественныя съ Библіей не будутъ приняты во вниманіе, кромѣ однако пророчествъ, подборъ которыхъ весьма

1) Быть можетъ, вставкой надо признать разсказъ объ ужасной смерти Ирода.

характеренъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній Палеи и Рѣчи философа. Итакъ, съ одной стороны мы приводимъ лѣтописный текстъ, принимая во вниманіе списки Лаврентьевскій, Радзивиловскій и Ипатьевскій (Пов. вр. лѣтъ), Комиссіонный (Нач. сводъ), Никоновскій и Переяславскій (Повѣсть вр. лѣтъ и Древнѣйшій сводъ); съ другой стороны палейный текстъ — изъ Коломенскаго и сходныхъ списковъ (1-я ред.), Синодальн. № 210 (2-я ред.), сп. Срезневскихъ (3-я ред.), Кириллобѣлозерскаго, хранящагося въ Археогр. Комиссіи (4-я ред.), а также изъ Толкованій пророчествъ по Кіевскому Михайловскому списку, и по списку гр. Красинскихъ[1]).

Статья объ испытаніи вѣръ.	*Толковая Палея.*
Нач. св.: Они же ркоша: вѣруемъ Богу; а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды срамъныя, а свинынѣ не ясти, и вина не пити; и по смерти же, рече, съ женами похоть творити блудную... аще[1]) кто будеть богатъ здѣ, тъ и тамо; аще ли есть убогъ здѣ, то и тамо[1]).	и наоучі а обрѣзоватися. мужемъ же и женамъ єдіному кланятися Богу... наоучи же я бошью закона отврьгъшимся, ни пріимаху свиныхъ мясъ вина же весьма не пріимаху... суть же и 3 рекы, рече, в раи... женамъ же с ними быти. вьсяко оу(го)ждати имъ сластолюбезнаа телеса ихъ... коиждо оубо здѣ поживеть. или богатъ или въ нищетѣ. тако же и тамо[1]). Срезн., стр. 404—406; Синод. № 210.
слышахомъ, яко приходилѣ суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, их же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на не же напусти Богъ каменіе горя-	и пришша вѣру бохмичю яже осквербни землю... Колом., стлб. 227.
	постыдите же ся оубо вы и пострамитеся вѣры бохмичѣ. оканьнии агаряне разумѣите же оубо. что ради погубленъ бысть содомъ и гоморъ. злаго

1—1) Л: на семь свѣтѣ аще буде кто убогъ то и тамо, Р: на семь свѣтѣ аще будеть кто убогъ, то убогъ и тамъ, И: на семь же свѣтѣ аще будеть кто убогъ, то и тамо; аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо; П: а кто былъ здѣ богатъ, то и тамъ.

1) Эта статья Палеи восходитъ къ Амартолу (ed. Muralt, 591—597) и составляетъ принадлежность только хронографической Палеи

1) Въ выпискахъ мы не наблюдаемъ всѣхъ особенностей правописанія подлинныхъ текстовъ. Буквы Л, Р, И, П обозначаютъ Лавр., Радзив., Ипат. и Переяславскій списки; Ник.— Никоновскій.

щее[1]), и потопи я, и погрязоша: тако и сихъ ожидаеть день погибелный[3]) ихъ, егда пріидеть Богъ судити на землю и погубить вся творящая безаконіе и скверны дѣющая; си бо омывають оходы своя, поливавше[2]) водою[2]), и въ ротъ вьливають, и по брадѣ мажются, наричюще[4]) Бохмита...

ради нрава. иже вы ныне держите. мужь с мужи лежюче. оходы свои подъмывающе. и по главѣ своеи и по бородѣ своеи (Син. приб.: мажющеся и тѣмь) на ся взливающе... васъ же ожидаеть день погыбели... вѣровавше в жидовьскаго хлапа бохмита. та же оубо вѣра оскверняеть небо и землю.

Колом., стлб. 274.

господь же пусти на содому и гомору камение горущее с небесе.

Колом., стлб. 273.

во истину того вѣруемъ: того[8]) бо пророци прорицаху, яко Богу родитися[11]); а другыи распяту быти и[10]) погребену[10]) и третеи день воскреснути и на небеса възити. Они же тыи пророкы избиваху, а другыя[9]) пророкы[5]) претираху древяными[5]) пилами[5]). Егда же сбысться прореченіе сихъ, сниде на землю, распятие прия волею[6]), въскресъ и на небеса взиде; на сихъ же ожидаше покаянія за 40 и 6 лѣтъ, и не покаяшася; и посла на ня Римлянѣ, и грады ихъ разбиша, и самыхъ расточиша по странамъ, и работають по[7]) странамъ[7]).

богъ же познавъ вашу (рук.: познавшу) злобу. ведая оже вамъ не вѣровати во нь повеле пророкомъ прорицати о пришествіи своемъ... и они начаша прорицати... и про то пакы оубиваете ихъ а ихъ реченіа збышася.

Красинск., л. 208 об.

Ти тако сбысться по словеси господню пришедше римляне градъ избиша. а васъ иссѣкоша и распродаша и расточиша да оттолѣ расточени есте по всемъ землямъ и донынѣ.

Красинск., л. 214 об.

не тако скоро погоуби васъ до единого (рук. о единоя) его же достоини бясте. но жидаяше вамъ.

Красинск., л. 215.

вамъ же что сътвориша пророци ваши. иже вамъ проповѣдаша пришествие божие и тѣхъ вы каменьемъ побисте. и другыя же живы пилами претросте (въ Кол.: живы потросте).

Колом., стлб. 259.

---

1) ЛР: горюще, И: горущее, П: горющее. 2—2) ЛР: опущено, И: поливавшеся, П: полиавъшеся. 3) ЛРИП: день погибели. 4) Л: поминають. 5) ЛИРП: опущено. 6) ЛРИП: опущено. 7—7) ЛРИ: въ странахъ. 8) ЛПИ: тѣхъ. 9) П: иныхъ. 10) ИП: опущено. 11) П: приб. отъ дѣвы безъ совокупленія моужеска отъ чистыя и несквръныя.

сія же іоудѣи. по господа нашего възнесеніи за 40 лѣтъ христу тръпящоу о безаконіи богухоульствіа ихъ. яко да разоумѣють хоулившe. о таковое прегрѣшеніе. да таковое сътворять покааніе.

Срезн., стр. 328[1]).

Рѣчь философа.

Вторый же день твердь[1]); сего же дне раздѣлишася воды: полъ ихъ взиде на твердь, а полъ ихъ подъ твердь.

Толковая Палея.

и посемъ рече богъ да будеть твердь... и раздѣляеть воды владыка. полъ ихъ возводить надъ твердоту (на твердь ту). и полъ же ихъ оставляеть подъ твердию ...и възведе богъ (въ рук. бо) полъ водъ на твердь. а полъ подъ (въ рук. полъ) твердь.

Колом., стлб. 11, 12—13.

Въ третій день створи море и рѣкы и источникы и сѣмена.

въ 3 же день створи богъ море и рѣки источники и сѣмена.

Колом., стлб. 16.

[Въ четвертый же день солнце и луну и звѣзды, и] украси Богъ небо.

Ср.: и видѣ яко оукраси богъ твердь ту о неи же рѣхомъ и землю.

Колом., стлб. 73.

Видѣв же пръвый отъ ангелъ, старѣйшина чину архангелъску[2]), и помысли въ себѣ, рекъ сице: сниду на землю, и пріиму землю, и буду подобенъ Богу, и поставлю престолъ свой на облацѣхъ сѣверьскыхъ; и ту абіе сверже и съ небесѣ, и по немъ спадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый; и в него мѣсто постави старѣйшину Михаила; бѣ жс имя противнику Сатанаилъ[3]); он же[4]) погрѣши[5]) по-

в сии же оубо день единъ отъ ангелъ. нарѣцаемыи сотонаилъ иже оубо бѣ старѣиш(ин)а 10му. чину тому. и видѣ яко оукраси богъ твердь ту о неи же рѣхомъ и землю. и развеличися гордостью и рече в помысле своемъ... да

1) ЛРПИ: приб. яже есть посреди воды. 2) ЛРИП: ангелску. 3) ЛРИ: Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, в него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. 4) ЛРИП: сотона же. 5) ЛР: грѣшивъ.

1) Цифру 46, читаемую въ лѣтописи, находимъ въ статьѣ «О иоудѣ и о жидовохъ» въ сборникѣ Софійск. библ. № 1454 (л. 152 об.—153): «Что ти ѐ на распоутии гл҃ѧ ѐ не оуслышитсѧ. Идыи бѡ на распѧтие млъчааше. а еже трости съкрȣшены не прелѡмі. ѡ іоуде гл҃еть. іоуда бо съкрȣшисѧ ѿстȣпленнемъ ѿ б҃га. и тѡгда не ѡтогда (отогна?) ѐ но и тому нозѣ на вечери ȣмы посади. а еже інȣ кȣрѧщȣсѧ не оугаси. се ѐ жидѡве кȣрѧхȣсѧ дмȣщисѧ на хс҃. и не погжби иˣ. ѡжидаѧ ѿ ниˣ покаании. за ·м҃s. лѣ҃ доньдѣ расточены быша титѡ римскы».

мысла своего, и отпадъши славы первыя, и наречеся противникъ Богу.

приду на землю. и приму землю. и обладаю (рук. облада) ею. и буду яко богъ и поставлю престолъ мои на облацѣхъ. ту абье сверже и господь. с небеси за гордость помысла его. по нем же спадоша иже бѣша под нимь чинъ 10 аки пѣсокъ просушася с небесе...

спадъши тьи сотона грѣши (Син. № 210: погрѣши) помысла своего. и наречеся супротивникъ божии. в него же мѣсто постави господь. старѣишину михаила.

Колом., стлб. 73—74, 76—77.

[Въ семый же день почи Богъ отъ дѣлъ своихъ] еже есть субота.

и почи господь отъ дѣлъ своихъ въ день 7 иже (сп. Срезн.: еже) есть субота.

Колом., стлб. 127.

И бѣ Адамъ в раи, и видяше Бога, славляше[2]); егда[1]) же ангели славляху Бога, и онъ с ними такоже славляше Бога[1]).

и бѣ рече адамъ в раи славяше бога, егда ангели славляху (рук. славити) на небесѣхъ.

Колом., стлб. 127.

Видѣв же діаволъ, яко почти Богъ человѣка, и възъзавидѣвъ[3]) ему, преобразися во змию, и пріиде къ Евзѣ.

и видѣ дьяволъ почтена человѣка богомъ. и позавидѣ. и вьниде въ змію. и обрѣте евву в раи.

Срезн., стр. 15.

Ср. Колом., стлб. 144—145.

[и сѣде прямо раю] плачася и[4]) рыдая[4]) [и дѣлая землю].

и всели его прямо раю пища. он же сѣде плачяся.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

и порадовася сатана [о проклятьи земля].

Ср. и порадовася дьяволъ о изгнаньи адама.

Колом., стлб. 160.

1—1) ЛР: егда ангели славяху, П: славя съ аггелы, И: егда ангели славяху Бога, и онъ с ними. 2) ЛРИ: и славяше, П: опущено. 3) ИР: позавидѣвъ. 4) ЛИРП: опущено.

Сатана же влѣзе в Каина и пострѣкаше[2] Каина, и[1] уби[1] Авеля[3].

[Рече же Каинъ Авелю: поидевѣ[5] на поле] и[4] послуша его Авель[4].

[И бысть][6] яко изидоста, і[7] абіе[7] [въставши] Каинъ[8] хотяше убити и не умѣаше, како убити.

И рче сатана: веземъши[9] камень, удари Авеля[10].

Адам же и Евъга плачющася зѣло[11], и діаволъ радовашеся, рекъ[12]: се, его же Богъ створи[13] и[13] почти, азъ створихъ ему отпасти отъ Бога, а се нынѣ плачь ему налѣзохъ.

И плакастася по Авелѣ лѣто едино[14]; и не съгни тѣло его, и не умѣяста его погрести. И повелѣниемъ Божіимъ птенца два прилетѣста; единъ ею умре, и единъ[16] ископа яму, и вложи умершаго, и погребе. И видѣвше же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиша[15] Авеля, и погребоста с плачемъ.

1—1) ЛРП: убити, И: на убийство. 2) П: наоусти. 3) И: Авелево. 4—4) ЛИ: опущено. 5) И: изидевѣ, Л: изидѣте. 6) ЛРИ: опущено. 7) ЛРИ: опущено. 8) ЛРИ: (и) въста Каинъ и. 9) ЛРИ: возми. 10) ЛРИ: и удари и. 11) ЛР: бѣста, П: бѣаста, И: бяста. 12) Л: рька. 13) ЛРИП: опущено. 14) ЛРИП: лѣтъ 30. 15) ЛРИ: вложиста. 16) П: дроугыи.

сатана же влѣзъ в каина и подстрѣкаше и оубити авеля.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

И рече каинъ авелю, изыдевѣ на поле. и послуша его авель.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

и оумысли каинъ на авеля брата своего оубити. и[1] не оумѣяше како оубити[1] не бѣ бо[2] кто кого[2] убивалъ.

Колом., стлб. 190.

но наоучи сатона. рече возми камень. и оудари въ главу.

Колом., стлб. 190.

и порадовася сатона. и рече азъ есмь[3] ему сотворихъ. исъ породы изгнану быти. и се оуже в[4] болшее зло въвергохъ. и плачь има налѣзохъ.

Колом., стлб. 191.

и плака же ся адамъ и евга[5] надъ авелемь 30 лѣтъ и не съгни тѣло его. и не оумѣяста его погрести. и повелѣньемъ божиимъ. прилѣтѣста двѣ горлици[6]. едина же ею оумре. и дроугая же ископавъши ямоу. и вложи в ню оумершюю. и погребе. то видѣвъ адамъ и евга и погребоста авеля и оуста(виста) сии плачь.

Колом., стлб. 191.

1—1) Внесено здѣсь изъ другихъ списковъ. 2) Тоже. 3) Въ другихъ спискахъ, какъ лишнее, опущено. 4) Внесено изъ другихъ списковъ. 5) Новгор.-Соф. (Археогр.): Адам же і евва плакастася надъ авелемъ. 6) Срезн. прилетѣсти двѣ птици.

[Бывши же Адамъ лѣтъ 200 и 30 и роди Сифа] и двѣ дщери; и поя едину Каинъ, а другую Сиѳъ; и отъ тѣхъ [1]) человѣци расплодишася и умножишася по земли.

Быв же адамъ лѣтъ 230 и роди сына по видѣнію и по образу своему и нарече имя ему сиѳъ. и двѣ дщери іазару і асуаму. и поятъ прьвую каинъ. а другую сиѳъ. и отъ того человѣцы расплодишася і оумножишяся по земли.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

Ср. роди же адамь 3 сыны каина. авеля. сифа. и двѣ дщери. азароу. и суаму... каинъ же поятъ собѣ жену сестроу свою первоую азароу. сифъ же поятъ 2-ю сестроу свою асоуаму [ср. Амартола, изд. Муральта, 4].

Синод. № 210, л. 55 об.

[и умножишася по земли], и не познаша створъшаго я, исполнишася блуда и скаредья всякого [2]) и убійства и зависти, и живяху скотскы человѣци.

оумноживъшимся человѣкомъ на земли и забыша бога створшаго ѣ. но исполнишася блоуда. и всякого скарѣдия. и оубиства и зависти ... но живяху скотьски.

Колом., стлб. 200—201.

и не познаша сътворшаго ихъ. но исполнишяся блоуда и всякого скаредиа і оубіиства и зависти и живяху человѣцы скотскы.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

И бѣ Ной единъ праведенъ в родѣ томъ [3]), и роди 3 сыны.

нои же... единъ праведенъ бѣ в родѣ своемъ.

Новгор.-Соф. (Археогр.).

Ср. нои оубо бѣ рече человѣкъ праведенъ и свершенъ сы въ племене (родѣ) сифовѣ. и богоу оугоди. роди же сына 3.

Колом., стлб. 204.

1) ЛРИП: отъ того. 2) Л: и всякоя нечистоты. 3) ЛРИ: семь.

Египътяни[1]) бо[2]) локтемъ сажень зовутъ. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ, и повѣдаше (рук. повѣдаша) Ной, яко быти потопу; и посмѣяхуся[3]) ему[4]).

егуптяне бо локтемь сяжень зовуть. дѣлаему же ковчегу за 100 лѣтъ... и повѣдаше нои яко быти потопу. и посмѣхахуться ему.

Колом., стлб. 203 и 202.

И быша человѣци мнози единогласни, и рѣша другъ другу сице: [съзиждемъ себѣ[5]) столпъ] до небеси; и пакы[7]) начаша здати, и[6]) бѣ старѣйшина имъ[8]) Невротъ[6]).

единого же языка соуще вси. вкоупѣ помышляхоу глаголюще другъ к другу... и рѣша другъ другу... съзижемъ столпъ до небесе... и начаша здати столпъ. и бѣ старѣишина и началникъ соуетьному ихъ помыслоу именемъ невротъ.

Колом., стлб. 228—229.

И рче Богъ: се умножишася человѣци, и помысли ихъ суетнии (и сниде съ небеси и раздруши вѣтромъ стлъпъ: Переясл.).

[И сниде Богъ], размѣси языкы на 70 языкъ[10]) и на два[9]). Адамовъ же языкъ не отъятъ бысть у Авеля[11]), тъй бо единъ не приложися къ безумию ихъ, рекъ сице: аще бы Богъ человѣкомъ реклъ на небо созидати столпъ[12]), то повелѣлъ бы самъ Богъ словомъ своимъ, яко же сотвори Богъ[13]) и[13]) землю и море и вся видимая и невидѣмая; того[14]) ради сего языкъ не измѣнися[15]), и отъ сего же суть Еврѣи.

и сниде господь... и смѣси богъ языки и раздѣли я на 70 и на единъ языкъ. 2 языкъ адамовъ[1]). имже досуда (рук. досаду) глаголаху тотъ не отятъ бысть оу (рук. а) фалека сына аверова. зане тъ (рук. ту) бо аверъ не преложися к безаконью ихъ. сего ради того языкъ не премѣнися тѣмже еврѣи (рук. оубо) прозвашася.

Колом., стлб. 230.

аверъ же единъ не приложися (рук. преложися) к безумью ихъ. но рече сице. аще бы человѣкомъ богъ реклъ столпъ на небо дѣлати. то повелѣлъ бы самъ богъ словомъ. яко же створи небо и землю. и вся видимая и невидимая.

Колом., стлб. 229.

---

1) Л: опущено, И: во Египтѣ. 2) Л: ибо. 3) ЛРИ: посмѣхахуся, П: посмисахоуся. 4) И: приб. людье. 5) ЛРИ: опущено. 6—6) Л: опущено. 7) ЛРПИ: опущено. 8) Р: опущено, П: в нихъ. 9) ЛРИ: на 70 и 2 языка. 10) П: языковъ. 11) ЛРИ: Авера, П: Евера. 12) ЛРИ: на небо столпъ дѣлати. 13—13) ЛРИ: опущено, вмѣсто этого: небеса. 14) ЛР: сего. 15) ЛРИ: премѣнися.

1) Синод.: на 71 языкъ и единъ языкъ адамовъ.

Ср.: и сниде господь видѣть столпа и рече господь се родъ единъ и языкъ ихъ единъ.

Колом., стлб. 230.

Ср. по раздѣлении оубо языкъ богъ вѣтромъ великимъ раздруши столпъ.

Колом., стлб. 243.

На 70 же и на единъ языкъ раздѣлишася и разидошася по странамъ.

А всѣхъ языкъ на лицѣ всея земля. яже разсѣа господь 72. и разбѣгошася по странамъ многымъ.

Срезн., стр. 33.

Отъ Адама же до потопа лѣтъ 2000 и 240 и 2, а отъ потопа до раздѣленіа[1] языкъ лѣтъ 500 и 20 и 9.

бысть же отъ адама до потопа лѣтъ 2200 и 42... отъ потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 500 и 20 и 9.

Колом., стлб. 216 и 245.

Фара же творяше кумиры, навыкъ у отца своего[2].

и начатъ же то дѣло творити фара. еже оувидѣ оу отца своего нахора.

Колом., стлб. 246.

Ср.: нахоръ же начатъ такожде кумиры творити навыкъ оу отца своего серуха.

Срезн., стр. 37.

Аврамъ же пришедъ въ умъ, възрѣвъ на небо, и видѣ звѣзды[5] и[5] небо[5], и рече: во истину то есть Богъ, иже се[3] створилъ[4]; а отецъ мой прелщаеть человѣкы... и глагола Аврамъ: отче! почто прелщаеши человѣкы, творя кумиры древяны? той есть Богъ, иже сотвори небо и землю.

еже видѣвъ аврамъ. во много размышление пришедъ глаголяи в собѣ... тѣм же мню воистину яко прелщаеться отець мои фара... но се слыши фара отче мои. да ти възвѣщю бога створшаго вся. но токмо есть богъ истинныи. иже оубагри небеса и оузлати солнце. и оусвѣтлова луноу. и с нею звѣзды.

Колом., стлб. 247—248.

---

1) П: стлъпотворенiа. 2) П: наоукомъ отца. 3) ЛРИ: опущено, П: сія. 4) И: приб. небо и землю. 5—5) П: оукрашено солнцемъ и мѣсяцемъ и звѣздами.

И рече Авраамъ: искушю богы отца своего ... И пріимъ Аврамъ огнь, зажьже кумиры[1]) въ храминѣ.

аврамъ же бывъ в собѣ рече искоушю богъ отца своего. аще могуть си помощи и примъ аврамъ огнь и зажьже храмъ идеже стояху идоли отца его.

Колом., стлб. 249.

Видѣ же се Аранъ[2]), братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымьцати идолы; самъ сгорѣ ту Аранъ и умре предъ отцемь. А[3]) преже того не тако бысть: не бы[3]) умиралъ сынъ предъ отцемь, но[4]) отець предъ сыномъ[4]) умираше[5]); и отъ сего[7]) почаша[6]) умирати сынове предъ отци. И возлюби Богъ Аврама и рече Богъ[8]) Аврааму[8]).

видѣвъ же се аранъ братъ аврамовъ. ревнуя по идолѣхъ хотѣ (и) вымьчати идолы. и самъ згорѣ ту аранъ. и оумре предъ отцемь. предъ симъ бо не бѣ оумиралъ сынъ предъ отцемь но отець предъ сыномь. и отъ сего начаша оумирати сынове предъ отци и возлюби богъ аврама и рече богъ авраамоу.

Колом., стлб. 249—250.

В си же времена родися Моѵсий в Жидѣхъ; и[9]) рѣша волъсви Егѵпетьстѣи царю, яко[10]) родился есть дѣтищь в Жидѣхъ[9]), иже хощеть погубити Египеть.

в тыи же дні родися моусіи... священнокнижникъ нѣкто[1]) възвѣсти фараоноу. яко родился есть въ время то нѣкомоу сынъ въ израільтѣхъ. иже хощеть смирити область егупетьскоу.

Срезн., стр. 90.

В се же время изиде[11]) дщи Фараоня Фермуфии купатися (рук. купятся) и видѣ отрочя плачющеся, и взя[12]) и пощадѣ, и нарече имя ему Моисы; а[13]) преже имя ему бѣ Немелхия[13]); и въскорми е.

тогда же фермоуфь дщи царя фараона. сниде на рекоу коупатися... видѣ дѣтище плачющеся. и взя его. пощади его... и нарече имя емоу моусі дщи фараонова. а прежде имя емоу бысть немелхіа. и въскорми я въ чести въ сына мѣсто.

Срезн., стр. 89.

Ср. Колом., стлб. 476.

1) ЛРИ: идолы. 2) ЛР: Аронъ. 3) ЛР: предъ симъ бо не бѣ, И: предъ сѣмъ бо не, П: преже бо того не бѣ. 4—4) П: опущено. 5) ЛРИП: опущено. 6) ЛРИП: начаша. 7) П: и отъ того часа. 8—8) П: емоу. 9—9) Л: опущено. 10) Р: опущено. 11) ЛРИ: сниде, П: приде. 12) РПИ: приб. е. 13—13) ЛРИП: опущено.

1) Синод. № 210 (гдѣ другое изложеніе): валаамь волъхвъ 190, 191.

и бысть отроча красно; и бѣ лѣтъ 4, приведе дщи Фараоня ко отцу своему. Видѣв же Моисия Фараонъ, нача любити Моѵсіа[1]); Моѵсии хапаяся за шию[2]), и срони вѣнець съ главы царевы, и попра и. Видѣвъ же волхвъ, рче цареви: о царю! погуби отроча се; аще ли не погубиши, имать бо[3]) онъ[3]) погубити всего Егѵпта. И не послуша его царь, нъ паче повелѣ не бити[4]) дѣтей Жидовьскыхъ.	Въ святъ день егупетескъ. егда фараонъ пиръ творяше болярожъ своимъ. тогда фермоуфѣи дщи фараоня приведе къ отцоу своемоу моѵсіа. яко приснаго сына своего соуща 4 лѣтъ онъ же обьимъ его нача лобызати. вѣнець же свои възложи на главоу его. онъ же снемъ поверже подъ нозѣ нача топтати. Видѣвъ же нѣкто отъ священнокнижникъ... въпіаше глаголя. о царю повели да сего убьють. сего бо аще не погоубиши. а тъи всего египта хощеть попрати. и царство египетьское смирити хощеть... Царь же не послоуша его. нъ повелѣ да оставять гоубленіе дѣтеи израільтесъкъ раждающихся. Срезн., стр. 90.
Моѵсѣеви же возмогшу, и бысть великъ в дому Фараонѣ.	бѣаше бо возрослъ всею добродителью оукрашенъ. и наказанъ всякои премудрости египетьскои яко же и царевъ сынъ. Срезн., стр. 87.
Бывшу же царю иному[5]), и възъзавидѣша[6]) ему боярѣ.	и отъ того нача емоу быти зависть отъ египтянъ паче отъ хеисфрия оубо бѣ оумерлъ палановъ фараонъ и дщи его фермоуфи. нача же мыслити на нь хонанофинъ велми емоу завидя... Срезн., стр. 88.
и ходя по пустыни, научися отъ ангела Гаурила о бытьи всего мира и	и оучаашеся (рук. оучаащеся) отъ ангела гавріила о бытьи всего мира и

1) ЛРИП: отроча. 2) ИП: приб. цареву. 3) ЛРИП: опущено. 4) ЛИ: погубити, РП: губити. 5) И: и бысть царь инъ. 6) ЛРИП: взавидѣша.

пръвомъ человѣцѣ, яже суть была по немь, о[1]) потопѣ и о смѣшеніи языкъ, и аще кто колко лѣтъ былъ бяше[2]), и звѣздьное течение[3]) и число, земную[4]) мѣру[5]) и всяку мудрость.

о пръвомъ человѣцѣ. и иже соуть быти[1]) по тѣхъ. и о потопѣ. и[2]) по[2]) потопѣ[2]). и о спасеныхъ отъ потопа. и о смѣшеніи[3]) языкъ. и о лѣтехъ елико лѣтъ было[4]). и о законоданьи. еже бяше самомоу вдати июдѣиско(у) языкоу. и звѣздное хожденіе[5]). и стухіа. и числа и земноую мѣроу. и всякоую[6]) премудрость.

Срезн., стр. 91—92.

сего ради 10 казній бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць губиша[6]) дѣти Жидовьскыя.

дробъное (рук. дробръное) житие пишеть. яко 10 мѣсяць потопиша израільския младенца в рѣцѣ. сего раді 10 мѣсяць въ исходи (рук. исхоти) израильтескомъ. а на концѣ в морѣ истопоша яко младенци в рѣцѣ. 1000 моужь храбрыхъ оутопоша в мори за единъ младенець.

Срезн., стр. 91.

при нихъ же забыша Бога, изведъшаго изъ Египта, начаша служити бѣсомъ. Богъ разгнѣвавъся, предаяше[7]) на расхыщеніе иноплеменникомъ[6]); егда[12]) ся начинаху[8]) каяти, Богъ[9]) помиловаше ихъ[12]); и[11]) егда[11]) избавляше[11]) (рук. избавлеше) и[10]) пакы укланяхуся на бѣсослуженіе.

Ср.: и оставиша господа бога отець своихъ. изведша я отъ егюпта. идоша въ слѣдъ. богъ страньскыхъ. яже окрестъ ихъ. и поклоняхуться. нарицаемому валу. и разгнѣвася яростью господь на израиля. и предасть. я в руцѣ врагомъ… и въстави имъ господь судья. и спасе я из рукы пленяющихъ… егда оумираху судии. и отступахуть отъ господа ити въ слѣдъ богъ инѣхъ и служити имуть.

Колом., стлб. 684—685.

---

1) ЛРИП: по. 2) Л: опущено, ИП: бяше былъ. 3) ЛРИ: хоженье. 4) ЛРИ: землену(ю). 5) П: земное мѣры вѣдание. 6) ЛРИП: топиша. 7) Р: и предааше, ЛИ: предаяшеть я, П: и прѣдасть ихъ въ пленъ и. 8) Л: начаху, И: начнуть. 9) ЛИРП: опущено. 10) ЛР: егда избавяшеть ихъ. 11—11) И: опущено. 12—12) Вмѣсто этого въ П: и егда же въстужиша, пакы помилова ихъ и възврати отъ плѣна по 70 лѣтъ (затѣмъ опущено).

1) Синод. № 210: были. 2) Синод. № 210: опущено. 3) Синод. № 210: размѣшеніи. 4) Синод. № 210: приб. до него. 5) Синод. № 210: течение. 6) Синод. № 210: всякоу. [Ср. Колом., стлб. 627].

Таче Саулъ не изволи ходити въ законѣ[1]) Господнѣ.

таче не изволи саоулъ ходити по глаголу господню.

Колом., стлб. 747.

И угоди Давидъ Богу. Сему же Давиду кляся Господь[2]), яко отъ племени его родится Богу[3]).

Сии оубо великыи давыдъ цесарь и пророкъ иже по сердцю господню бывъ. к нему же богъ яко же при аврамѣ глаголаниемь. обѣты створи ... таковому же обѣту. и давыдъ сподобися. понеже цесарь. бѣ и оугоденъ богу бѣ. и тому обѣща и сѣмя и престолъ царства. непремѣньно пребывати. еже есть пакы о христѣ.

Колом., стлб. 772—773.

и пръвое нача[4]) пророчествовати о воплощеніи Божьи, и рекъ[5]): изъ щрева преже деньница родих тя.

Ср.: давыдъ же прорицашеть 1е о требезначалнѣи троици ... 4 о воплощении господа нашего ісуса христа ... глаголеть же пакы о безначалнѣмь его божествѣ: ищрева преже деньница родихъ тя.

Колом., стлб. 774, 775, 783.

И[6]) царствова[6]) лѣтъ 40 и умре. По Соломонѣ царствова[8]) сынъ его[9]) Ровоамъ; при семъ раздѣлися царство на дво(е)[7]).

и оумре соломонъ въ іерусалимѣ. царствовавъ лѣтъ 40 ... По соломонѣ же царствова ровоамъ сынъ его лѣтъ 17 при томъ раздѣлися царство на двое.

Срезн., стр. 256.

Въ Самаріи же царствова Еровамъ, холопъ Соломонь; сей же створи двѣ кравѣ златѣ.

Ср.: се слово бысть о роавамѣ холопѣ соломани ... яко отлучи е (отъ) бога. и повелѣ имъ покланятися двѣма кравома златыма.

Колом., стлб. 314.

Ср. еще стлб. 620.

1) И: завѣтѣ. 2) ЛРИП: Богъ. 3) П: христу. 4) И: начаша. 5) П: рече. 6—6) Л: царствовавъ. 7) ЛР: двое. 8) И: царствовавъ. 9) И: опущено.

И нача посылати пророкы, глаголя имъ: прорицайте о отверженіи Жидовьстѣ и о призваніи странъ.

Пръвое же нача пророчествовати Осій[1]), глаголя: преставлю[2]) царство дому Ізраилеву[3]), скруши[4]) лукъ Ізраилевь, и не приложю помиловати пакы дому Ізраилева, нь отмѣтая, отвергу[5]) ихъ, глаголеть Господь, и будуть блудяще въ языцѣхъ. Иеремѣ[6]) же рече: аще встанеть[7]) Самоилъ и Моуси, не послушаю[8]) ихъ. И пакы тъй же Иеремѣя рече: тако глаголеть Господь Богъ: се кляхся именемъ моимъ великымъ, аще будеть отселѣ гдѣ имя мое именуемо[9]) во устехъ Іудейскыхъ. Иезекіилъ рече: тако глаголеть Аданаи Господь[10]): расѣю вы вся останкы твоя[11]) вся[12]) вѣтры, зане святая моя осквернисте всѣми негодованіи твоими[13]); азъ же тя отрину и не имам тя помиловати пакы. Малахіа же рече: тако глаголеть Господь: уже нѣсть ми хотѣніа у васъ, понеже отъ въстока и до запада имя мое прославися въ всѣхъ[14]) языцѣхъ[15]), и на всякомъ мѣстѣ принесется[16]) кадило[17]) имени моему и жертва чиста, зане веліе имя мое въ языцѣхъ; сего ради дамъ вы[18]) на поносъ и на пришествие во вся языкы.

1) Р: иосѣи. 2) И: престану. 3) ЛРИ: Израилева. 4) ЛРИ: съкрушю. 5) ЛРИ: отвергуся. 6) ЛРИ: Иеремѣя. 7) ЛРИ: станеть. 8) ЛРИ: помилую. 9) ЛР: аще буде(ть) имя мое имянуемо (отселе). 10) Л: Господь Аданаилъ, РИ: Господь Аданай. 11) Л: ваша, Р: опущено. 12) РЛИ: во вся. 13) Р: своими. 14) ЛРИ: опущено. 15) Р: человѣцѣхъ. 16) ЛИ: приноситься, Р: приносятъ. 17) ЛР: кадила. 18) ЛРИ: васъ.

Ср. давыдъ же прорицашеть... 24 о отверженіи жидовьстѣ. 25 о призвании странъ.

Колом., стлб. 776.

пророчество ісаино[1]) *пророка о отвръжении жидовъ. Т*ако глаголеть господь преставлю царства дому израилеву[2]). и съкрушу лукъ израилевъ. и не приложоу[3]) помиловати дому израилева. но отмѣтая[4]) отвѣргуся ихъ[5]). глаголеть[6]) господь. и будуть блудяще въ странахъ[6]). *Іеремеия*[7]). *А*ще станеть соломонъ и моусии. не помилую ихъ[8]) глаголеть господь се кляхся именемъ моимъ вѣликіимъ. аще будуть отселѣ. кдѣ имя мое имѣнуемо въ оустѣхъ жидовскыхъ. *Езикеилъ*[9]). *Т*ако[10]) глаголеть господь[10]) разсею[11]) вся останкы твоа въ[12]) вся[12]) вѣтры[12]). зане святаа моа осквернистѣ[13]) всеми негодованьи вашими[14]). азъ же отри(ну)хъ вы[15]). и не имамъ[16]) помиловати. *Малахіия*[17]). *Т*ако глаголеть господь оуже нѣсть ми хотѣніа въ[18]) васъ. понеже отъ востокъ и до заподъ имя мое славится въ языцѣхъ и на всякомъ мѣстѣ. имени моему жрътва и честь приносится. зане имя мое вѣлико есть въ языцѣхъ. сего ради дахъ вы в поносъ. и на пришествіе въ языкы[18]).

1) Чит. Осіино (Осіи I, 4—6 и IX. 17). 2) Крас. Ізраилева. 3) Крас. приб. пакы. 4) Крас. отмѣтающихся. 5) Крас. приб. тако. 6—6) Крас. опущено. 7) (Іерем. XV. 1) въ Крас. нѣтъ. 8) (Іерем. XLIV. 26) въ Крас. нѣтъ. 9) (Іезек. V. 10, 11). 10—10) Крас. опущено. 11) Крас. приб. тя и. 12—12) Крас. въ языки. 13) Крас. ос(к)вернища. 14) Крас. со всемъ негодованиемъ твоимъ. 15) Крас. азъ тя отрину. 16) Крас. приб. тебе. 17) (Малах. I. 10, 11). 18—18) Крас.: въ селехъ ізраилевыхъ

Исай же великый рче: тако глаголеть Господь: простру руку свою на тя, истлю тя, расѣю вы[1]) и пакы не[2]) приведу тя. И пакы то[3]) же рече: возненавидѣхъ праведникы[4]) ваша и начатокъ[5]) мѣсяць вашихъ, и[6]) суботъ[7]) вашихъ[7]) не прiиму. Пророкъ же Самсонъ[8]) рече: слышите[9]) слово Господне: азъ приемлю на вы плачь, домъ Iзраилевъ падеся и не приложи въстати. Малахiй[10]) же рече: тако глаголеть Господь: пошлю на вы клятву и проклену благословенiе ваше[11]), разорю, и не будеть в васъ. И много пророчествоваша о отверженiи ихъ.

Iсаия[1]). *Т*ако глаголеть господь простру рукоу мою на тя и истлю тя и разсею тя. не имамъ тя привѣсти.[2]) и пакы тъи же рече. възненавидѣхъ празникы ваша и начаткы мѣсяць вашихъ и суботъ вашихъ не прiиму. *Iсаиа*[3]). *С*лышите слово господне. мужи пѣчалнiи. домъ израилевъ падеся и не приложи въстати. *Малахiа*[4]). *Т*ако[5]) глаголеть господь[5]). послю на вы клятвы[6]) и прокляну[7]) благословенiе ваша[8]). разорю[9]) и не будеть васъ[9]). И много пророчествоваше о отвръженiи вашемъ.

Кiевск. л. 89—89 об.

Сим же пророкомъ повелѣ Богъ пророчествовати о призванiи иныхъ странъ в нихъ мѣсто.

И[12]) нача звати Исаия, тако глаголя[13]): яко законъ отъ мене изидеть[14]), и судъ мой свѣтъ странамъ; приближается скоро правда моя[15]), изидеть, и на мышцю мою страны уповають. Иеремѣя[16]) рче: тако глаголеть Господь[17]): положю дому Июдину[18]) завѣть мой[19]) новъ, дая законы в разумѣния[20]) ихъ, и на сердца[21]) ихъ напишю; и[22]) буду имъ Богъ[23]), и тѣ будуть мнѣ людiе[24]). Исаия[16]) рече: ветхая мимоидоша, и[25]) новая възвѣ-

То тако нача господь звати глаголя[10]). яко изыде законъ отъ мене и судъ мои свѣтъ странамъ приближается скора правда моа изыдеть и на мышцю мою страны оуповають. *Еремѣи глаголеть*[11]). *Т*ако[12]) глаголеть господь положу дому iюдину завѣтъ новъ[12]). дая[13]) законы[14]) в разуменiа ихъ. и глаголеть господь вседержитель. понеже имя мое отъ въстока и до запада прославится во странахъ. и въ всѣхъ языцехъ. и на всякомъ мѣсте кадило именоуемо. принесется жрътва чиста. за имя мое великое въ языцехъ. глаголеть господь вседержитель. выше оскверниди есте. сего ради дамъ вамъ въ поношенiе. на пришествие въ вся языки.

1) ЛРИ: и расѣю тя. 2) И: по не. 3) И: тъ. 4) ЛРИ: праздники. 5) ЛРИ: начатки. 6) ЛИ: опущено. 7) И: опущено. 8) ЛРИ: Амосъ же пророкъ. 9) Л: слышить. 10) ЛРИ: Малахия. 11) РИ: приб. и. 12) ЛРИ: опущено. 13) Р: глаголеть. 14) ЛР: изиде. 15) Р: приб. и. 16) ЛРИ: приб. же. 17) И: приб. и. 18) РИ: Июдову. 19) ЛРИ: опущено. 20) Л: неразумья. 21) Р: сердце. 22) Л: опущено. 23) И: въ Богъ. 24) ЛРИ: в люди. 25) ЛРИ: а.

1) (Ис. I. 25), въ Крас. нѣтъ. 2) (Ис. I. 14), въ Крас. нѣтъ. 3) (Амос. V. 1), въ Крас. нѣтъ. 4) (Малах. II. 2). 5—5) Крас.: глаголеть господь вседержитель. 6) Крас. клятву. 7) Крас. вес. 8) Крас. ваше. 9—9) Крас. и не боудеть его въ васъ. 10) (Ис. LI. 4, 5). 11) (Iерем. XXXI. 31—34), въ Крас. нѣтъ. 12—12) Крас. опущено. 13) Крас. даю. 14) Крас. приб. моа.

щу[1]), преже[2]) возвѣщеніа[3]) явлено[4]) бысть[5]) вамъ[5]); пойте Богу[6]) пѣснь нову; работающимъ ми[7]) призовется[8]) имя ново, еже благословится по[9]) всей[9]) земли[9]); домъ мой домъ молитвѣ прозовется всѣмъ языкомъ. То[10]) же Исаия глаголеть: открыеть Господь мышцю свою святую предъ всѣми языкы, и[11]) уврятъ вси конци земля спасение же[12]) отъ[13]) Бога нашего. Давидъ же[14]) глаголеть[15]): хвалите Господа вси языци[16]), похвалите его вси людіе.

[Далѣе пророчества Рѣчи философа лишь частью находятъ себѣ соотвѣтствіе съ текстомъ Кіевск. сборника, почему сходство можно признать случайнымъ. Близкое сходство видимъ въ концѣ отдѣла пророчествъ].

О[17]) воскресеніи же[18]) его ркоша[19]). Давидъ же[20]) рече[20]): въстани[21]), Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши въ всѣхъ странахъ[22]). И[23]) пакы: въста яко спя[24]) Господь[23]). И пакы[25]): да въскреснеть Богъ[26]), разидутся врази его. И пакы: воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука твоя. Исаия[27]) рече[28]): сходящіи[29]) въ страну[30]), сѣнь[31]) смерт-

1) ЛРИ: възвѣщаю. 2) И: и прежъ. 3) Л: възвѣщанья. 4) Р: опущено. 5) Р: опущено. 6) И: Господеви. 7) Л: опущено. 8) ЛР: прозовется, И: призоветь. 9—9) Р: опущено, И: имя всей земли. 10) РИ: той. 11) И: опущено. 12) ЛРИ: опущено: 13) И: опущено. 14) ЛР: опущено. 15) ЛРИ: опущено. 16) ЛР: приб. и. 17) ЛИ: и о. 18) ЛР: опущено. 19) ЛР: рекъша. 20) ЛРИ: опущено. 21) П: въскресни. 22) П: языцѣхъ. 23—23) И: опущено. 24) Л: спяй. 25) П: еще. 26) ЛП: приб. и да, РИ: приб. и. 27) ЛИ: приб. же. 28) П: опущено. 29) Л: съходяще. 30) ЛРИП: приб. и. 31) РП: сѣни.

на сердце[1]) ихъ напишу я и буду имъ богъ[2]) и тіи будуть мнѣ людие[3]). *Ісаия рече*[4]). *Т*ако глаголеть господь: вѣтхая мимо идоша. новое възвѣщу вамъ и прежде възвѣщеніа явлѣнно бысть вамъ. *П*оите богу пѣснь новоу[5]). и работающимъ мнѣ призовѣтся имя нова. еже благословится по всеи земли. *Д*омъ мои домъ израилевъ. призовѣтся всемъ языкомъ[6]). *От*крыеть господь мышцю свою святую предъ всеми языкы. и оузрять вси конци земля спасеніе бога нашего. давидъ рече[7]) хвалите господа вси языци и похвалите его вси людие.

Кіевск., л. 92.

вкупѣ прославити мѣсто святое (и) въскресеніе. *Д*авидъ рече[8]) въскресни боже соуди земли. яко ты наслѣдиши въ странахъ[9]) въста яко спя господь. и пакы[10]) да въскреснеть богъ. *І*саия рече[11]) седящіи въ странѣ. и в сени смѣртнѣи. и свѣтъ въсіяеть имъ. *За*харіи рече[12]) ты въ крови завѣта твоего. испоустилъ еси оужникы своя отъ рва не имуще воды.

Кіевск., л. 100 об.

1) Крас. въ сердца. 2) Крас. въ богъ. 3) Крас. в люди. 4) (Ис. XLII. 9, 10), въ Крас. нѣтъ. 5) (Ис. LVI. 5, 7), въ Крас. нѣтъ. 6) (Ис. LII. 10), въ Крас. нѣтъ. 7) (Псал. CXVI. 1), въ Крас. нѣтъ. 8) (Псал. LXXXI. 1), въ Крас. нѣтъ, ср. Колом., стлб. 797—798. 9) (Псал. LXXVII. 65), въ Крас. нѣтъ. 10) (Псал. LXVII. 1), въ Крас. нѣтъ, ср. Колом., стбл. 797. 11) (Ис. IX. 2), въ Крас. нѣтъ. 12) (Захар. IX. 11), въ Крас. нѣтъ.

ную[1]), свѣтъ восия[2]) на вы. Захарій[3]) рече[4]): и[5]) ты[6]) въ кровѣ завѣта твоего[7]) испустилъ еси ужникы[8]) своя ото рва[9]), не имуща[10]) воды.

---

1) П: смертныя. 2) ЛРИП: восияеть. 3) ЛРИ: Захарья же, П: Захарія. 4) ЛРП: опущено. 5) П: опущено. 6) ЛР: тъ. 7) РП: своего. 8) П: оужници, И: ужикы, Л: ружьники. 9) РЛ: ото ръва, И: отъ рова. 10) И: имущи, П: имоущаго.

Дальнѣйшее изложеніе Рѣчи философа уже не представляетъ тожественныхъ съ Толковою Палеей мѣстъ. Это зависитъ отъ того, что до насъ не дошла та часть первоначальной редакціи Палеи, которая содержала разсказъ о новозавѣтныхъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе можно указать нѣсколько мѣстъ, напоминающихъ Палею и въ этой новозавѣтной части Рѣчи философа. При этомъ примемъ во вниманіе и редакцію Переяславской лѣтописи.

Переясл.: а Богомъ созданноую доброту погоуби, ср. Колом. (стлб. 543): въ боготканѣи одежи. юже и преже адамъ прелестью погуби.—Переясл.: и на 5500 лѣтъ вси за то преступленіе въ адъ снидоша, діаволу обладавшю. и въспомяну же Богъ Адама и весь родъ человѣчь, мучимъ отъ сатаны въ адѣ, и оумилосердися и сътвори отместіе діаволу за человѣчь родъ. Ср. Колом. (стлб. 580): се 50000 иже преступльшю адаму заповѣдь господа бога. и за преступление. во тмѣ ада пребыша... но егда распеншюся господу. и с мертвеци вменися. и на ада сниде и ада связа неразрѣшимыми оузами вѣчно. и адама въздвиже и евгу свободи.—Переясл.: женою отпаденіе бысть Адамоу, Господь отъ жены родися и оутаився небесныхъ силъ развее единаго Гавриила изиде якожъ пишеть. Ср. Колом. (стлб. 744): не очюти бо съшедъша. ни ангельстии чини. яко же писание рече... но токмо архангелъ гаврилъ пречистѣи отроковици възвѣсти.—Переясл.: Господь отъ Дѣвы чисты родися и на древѣ того ради распятся, занеже древомъ прелъсти Адама и Евгу, древомъ древо исцели Христосъ. Адама бо оуспи Господь и ребро изя отъ него и сътвори емоу жену и отъ ребра преступленіе бысть, Христосъ же и ребра своя дасть на прободение копію, ребромъ бо своимъ праотча ребра исцели. Тамо изгна Адама и престави копіе въ вратѣхъ пламенно, и здежъ копіе, прободшее святая ребра Христова, в раи человѣкомъ входъ сътвори: отъ древа прелъщенымъ, а нынѣ отъ дрѣва крестнаго животное древо вкушають верніи. Ср. Колом. (стлб. 131): тако оубо господь нашъ вшедъ на древянъ крестъ тѣмь оуби врага тѣмь побѣду дасть намъ на противнаго. но якоже (из) спяща адама выня ребро из него...

(стлб. 130): почто же оубо господь богъ взложи сонъ на адама. и взимаеть ребро. тѣм же оубо. им же отъ ребра хотяше (грѣхъ) быти. и женою вниде в человѣкы. тѣмь же оубо и спасъ нашь милосердыи. и на крестъ взнесеся. хотяи ицѣлити ребро адамово... (стлб. 185): отъ адама бо произведе жену бесѣмене. то и самъ родися отъ пречистоѣ дѣвици бесѣмене женою вниде в прельсть. и пакы отъ жены родися господь. спасение намъ дароуя. древомъ прельсти врагъ адама. и паки крестомъ древянымъ господь оуби врага... и погубленую пищю рая обрѣтохомъ; (стлб. 163): июда (чит. июдеи) же видѣвши чюдо прослави (чит. прославиша) распятаго бога. и животное древо въ раи бо бѣ си (чит. се) наречено. а мы видѣхомъ (и) покланяемъся емоу. его же древле хѣроувимъ стрежаше. ту (чит. тому) по вся часы крестьяне покланяние приносять; (стб. 159): и постави хѣроувимъ пламеньное оружье обращающеся хранити путь древа животнаго. — Нач. сводъ (и Повѣсть вр. лѣтъ): а еже водою обновленіе: понеже при Нои умножившимся грѣхомъ въ человѣцѣхъ, и наведе Богъ потопъ на землю и потопи человѣкы водою (Переясл. приб.: токмо Ною повеле ковчегъ творити избыти самому осму с женою и 3ми сынъми и женами); сего ради рече Богъ: понеже погубихъ человѣкы грѣхъ ихъ ради, нынѣ же пакы водою очищу грѣхы человѣкомъ, обновленіемъ водою; ибо Жидовескъ родъ в мори очистишася отъ Егѵпетьскаго злаго нрава (Переясл. приб. и възлюби ихъ: они же отвръгошяся и поклоншеся тельцю. еже испръва Моисѣю Гавріилъ написа водою разумъ). Рече бо: (Переясл. приб.: искони сътвори Богъ небо и) Духъ Божій ношашеся верху воды еже бо и нынѣ крестяться водою и Духомь; прображенье бысть первое водою. Ср. Колом. (стлб. 209): не нои ли схрани (врана на земли) отъ воды потопъныя. такоже и васъ богъ схрани отъ руки фараоня и отъ моря чермьнаго вы же измѣнисте славу бога во образъ телца...; (стлб. 539): ты оубо възлюблены израиль прошедъ по суху чермьное (море). и измѣняеши славу божию въ образъ тельца...; (стлб. 224): сопоставленіе потопа и крещенія; (стлб. 8): а духъ божии ношашеся верху воды ожидая (др. сп.: оживляя) водное ество.

Нач. св.: яко же и Гедеонъ прообрази по семь, егда пріиде к нему ангелъ, веля ему ити на Мадиамы, он же искушая рече къ Богу, яко положю руно на гумнѣ, рекъ тако: аще будеть суша по всей земли, а на рунѣ роса. И положи руно; и заутра видѣвъ по всей земли сушу, а на рунѣ роса. И рече: и еще искушаю Бога моего: аще будеть	...яко же оубо бысть тогда по всеи земли суша. но токмо на рунѣ роса тихо сшедъши. тако оубо и опустѣ вселеная безбожиемь. имь же ни пророци в нихъ проповѣдаша. ни апостоли наоучиша. страньскы языкъ. но исхоша невидѣниемь имь же поклоняхуться кумиромъ. но за милосердіе приде спасъ нашь яко роса на руно в родъ евреи-

по всей земли роса, а на рунѣ суша; и бысть тако. Се[1]) же прообрази, яко иностранніи бѣша суша преже, а Жидове руно; послѣ же на странахъ роса, еже есть святое крещеніе, на Жидехъ суша[1]).

1—1) Переясл.: и сбысться на Жидо́хъ: по всеи земли вода крещенія, а на нихъ сухота скръбная.

скыи токмо... но пакы яко же бысть по всеи земли роса. тако и странамъ язычнымъ святое крещение дарова на омовение грѣховъ.

Колом., стлб. 697—698.

Приведенныхъ сближеній совершенно достаточно для утвержденія тѣсной связи Рѣчи философа и сохранившихся до насъ отдѣльныхъ частей Толковой Палеи. Особенно любопытно буквальное совпаденіе Рѣчи съ Кіевскимъ сборникомъ толкованія пророчествъ въ началѣ и концѣ отдѣла пророчествъ. Близость между обоими памятниками такъ значительна, что возможно поставить вопросъ, не заимствована ли извѣстная часть пророчествъ въ Кіевскій сборникъ изъ Рѣчи философа, подобно тому какъ этотъ памятникъ оказалъ вліяніе и на другія произведенія нашей древней письменности?[1]). Мнѣ кажется, что отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть только отрицательный. Какъ уже отмѣчено изслѣдователями (напр. Истринымъ), подборъ пророчествъ въ Рѣчи философа имѣетъ цѣль полемическую, при чемъ полемика направлена противъ іудеевъ: это ясно между прочимъ изъ обширныхъ отдѣловъ, посвященныхъ пророчествамъ объ отверженіи Жидовскомъ и о призваніи странъ. Но полемика съ Жидовиномъ исключена изъ Рѣчи. Если же находимъ тѣ же пророчества въ сборникѣ съ противоіудейскими толкованіями, заключаемъ, что ихъ легче возвести къ полемическому сочиненію противъ Жидовина, чѣмъ къ русской лѣтописи. Отмѣтимъ кромѣ того, что напр. отрывокъ пророчествъ о воскресеніи Христа, приведенный выше, стоитъ въ Кіевскомъ сборникѣ въ сосѣдствѣ съ отрывками пророчествъ о страданіи Христа, Его распятіи и вознесеніи на небо, частью совсѣмъ исключенныхъ изъ Рѣчи философа, частью только кратко пользованныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что Кіевскій сборникъ не можетъ быть признанъ точною передачею

1) Можно привести рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о литературномъ вліяніи, оказанномъ Рѣчью философа на памятники древнерусской письменности: сюда относится распространенная редакція Слова о законѣ и благодати, куда внесенъ весь отдѣлъ пророчествъ; позднѣйшія переработки вопросо-отвѣтовъ Бесѣды трехъ святителей, куда внесенъ одинъ изъ вопросо-отвѣтовъ Рѣчи философа (Что ради Богъ родися отъ жены...): ср. Пам. ст. русск. лит. III, 173; ср. тотъ же вопросо-отвѣтъ въ сборникѣ Новгор.-Соф. № 440 (хран. въ Археогр. Комм.), л. 78; въ сборникѣ Погод. собр. № 1287 (Бычковъ, Опис., с. 499); въ сборникѣ Синод. библ. по Оп. Горск. и Нев. № 326, и др. Кромѣ того вліяніе Рѣчи философа отразилось и на нѣкоторыхъ шестодневцахъ русскаго происхожденія.

утраченной части Толковой Палеи: непослѣдовательность въ изложеніи, отсутствіе плана, отрывочность и т. д. указываютъ, что первоначальный матеріалъ подвергся въ сборникѣ полной переработкѣ. Выше мы указывали на связь нѣкоторыхъ толкованій съ тѣми, которыя дошли до насъ въ Житіи Кирилла: это еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ мысли, что Кіевскій сборникъ отразилъ на себѣ вліяніе Толковой Палеи. — Нѣкоторыя мѣста Рѣчи философа не находятъ себѣ соотвѣтствія въ дошедшихъ до насъ обработкахъ первоначальной редакціи Толковой Палеи. Оставляя въ сторонѣ новозавѣтную часть, какъ до насъ не дошедшую по Толковой Палеѣ первоначальной редакціи, укажу на рядъ подобныхъ мѣстъ изъ ветхаго завѣта (не возводимыхъ и къ Библіи).

Сказавъ о томъ, что Адамъ далъ имена звѣрямъ, птицамъ и гадамъ, философъ прибавляетъ: а самѣма ангелъ повѣда имена. Это не согласуется съ тѣми изводами Толковой Палеей, гдѣ сказано, что Еввѣ имя дано было Адамомъ (сп. Срезневскаго), но совпадаетъ съ сообщеніемъ Амартола, а также и другихъ греческихъ хроникъ (τὸ δὲ ὄνομα αὐτοῦ καὶ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἄγγελος κυρίου εἶπεν αὐτοῖς). Весьма вѣроятно, что то же читалось и въ первоначальной редакціи Палеи. — Разсказавъ о грѣхопаденіи, авторъ восклицаетъ: Се на ны прьвое отпадение и горкый отвѣтъ, отпаденіе ангелскаго житіа! Сходное находимъ въ Колом.: стлб. 148 (но бысть ему древо то въ грѣховное чютие и в смертъныи отвѣтъ), стлб. 160 (и оbьлишеноу ему быти раискыя пища и ангельскаго хвалословленья и смертънъ отвѣтъ отъ бога ему нанесе). Ср. еще въ Житіи Кирилла: «отъ чего бысть прьвое отпадение. не отъ видѣніа ли, и плода сладкаго, и похоти на божество» (Чт. общ. ист. и др. 1873, I, 451). — Прибавка «до живота своего» послѣ словъ: «и будеши стеня и трясыися» также напоминаетъ Амартола (τρέμων οὖν καὶ στένων ὁ Καΐν ... ἐν ἐπιληψίᾳ πάντα τὸν ἑξῆς διῆγε χρόνον) и можетъ восходить къ Толковой Палеѣ первоначальной редакціи. — Слова «и по діаволю наученію ови рощениемъ вѣроваша и кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша Бога» (послѣ разсѣянія языковъ) напоминаютъ слѣдующее мѣсто въ самомъ началѣ Толковой Палеи: ини оубо отъ нихъ небо и землю богы творяху. ини же вѣтры. ини же облакъ... друзии же прахъ. ини же источникы и рѣки благословяху (стлб. 2—3). — Описаніе идолослуженія и кумиротворенія сильно напоминаетъ одну изъ главъ Амартола, а именно: Περὶ τοῦ τῆς γῆς διαμερισμοῦ, гдѣ описывается сначала поклоненіе явленіямъ природы (ed. Muralt, p. 42), а затѣмъ и идолослуженіе. — Указаніе на то, что Чермное море разступилось при переходѣ черезъ него Изральтянъ на 12 путей (Нач. сводъ, а въ Повѣсти вр. лѣтъ исправлено: на двое), находимъ въ цѣломъ рядѣ сборниковъ вопросо-отвѣтовъ (напр. въ Бесѣдѣ трехъ святителей по списку, изд. А. С. Архангельскимъ въ Твор. отцовъ церкви въ древнерусск. письм., I—II, с. 200). — Фраза «начаша забывати Бога и покланятися Валу,

рекъше ратьну богу, еже есть Орѣи», ср. въ 1-й книгѣ Малалы (по Архивск. сп.): ему же Арѣя поставиша коумиръ пръвыи Асоуріи и акы богу кланяхуся ему. его же и до нынѣ зовуть Пръси Валъ богъ еже пртълкоуется Аріи храбрыи богъ.

Впрочемъ, въ ветхозавѣтномъ отдѣлѣ Рѣчи философа мѣстъ, не восходящихъ къ Библіи или къ Толковой Палеѣ, сравнительно очень немного. Указанныя же выше буквальныя совпаденія текста этой Рѣчи съ Палеей не могутъ быть объяснены иначе, какъ прямою зависимостью Рѣчи философа отъ Толковой Палеи. Имѣя въ виду доказанное выше положеніе, что Толковая Палея не дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, что первоначальная редакція ея можетъ быть возстановлена сравнительнымъ изученіемъ позднѣйшихъ изводовъ ея, мы съ увѣренностью утверждаемъ, что Рѣчь философа представляетъ изъ себя краткое извлеченіе изъ Толковой Палеи первоначальной редакціи. На вопросъ, не содержитъ ли Рѣчь философа указаній на то, что составителю ея была извѣстна кромѣ того хронографическая редакція Палеи, мы отвѣтимъ утвердительно. Ср. извлеченія, сдѣланныя имъ изъ сказанія о Магометѣ, восходящаго къ Амартолу.

ГЛАВА V.

Начальный сводъ и Толковая Палея.

Доказанное въ предыдущей главѣ вліяніе Толковой Палеи на Рѣчь философа ни въ коемъ случаѣ не свидѣтельствуетъ само по себѣ о знакомствѣ составителя Древнѣйшаго лѣтописнаго свода (см. выше глава III) или послѣдовавшаго за нимъ Начальнаго свода съ этимъ памятникомъ. Дѣйствительно, изъ изученія лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владиміра извлекается рядъ указаній на то, что статья объ испытаніи вѣры и Рѣчь философа внесены въ лѣтопись въ готовомъ видѣ изъ другого источника, при чемъ задачей лѣтописца было согласованіе ихъ съ другими статьями, относящимися къ событію крещенія Руси. Слѣдовательно, анализъ Рѣчи философа ведетъ насъ къ предположенію о знакомствѣ съ Толковой Палеей не русскаго лѣтописца, а составителя того памятника, откуда заимствована въ русскую лѣтопись эта Рѣчь. Такимъ памятникомъ былъ всего вѣроятнѣе, какъ замѣчено выше, болгарскій сборникъ, содержавшій разсказъ о крещеніи князя Бориса и ставшій извѣстнымъ составителю Древнѣйшаго русскаго лѣтописнаго свода.

Мы предположили выше, что въ основаніи Начальнаго свода, сохранившагося въ непервоначальномъ своемъ видѣ въ Коммиссіонномъ спискѣ

Новгородской 1-й лѣтописи, лежитъ такой лѣтописный сводъ (мы назвали его Древнѣйшимъ), въ которомъ не было еще хронологической сѣти. Заключаемъ объ этомъ изъ изученія Начальнаго свода, показывающаго, что нѣкоторыя статьи, содержащія хронологическія даты, вставлены въ разсказъ, не прерывавшійся такими датами. Такъ въ самомъ началѣ Начальнаго свода находимъ разсказъ о построеніи Кіева и о Полянахъ: онъ прерывается вставкой о нападеніи Руси на Царьградъ, тѣсно связанною съ хронологическою датой, помѣщенною передъ упомянутымъ разсказомъ, а именно съ 6362 (854) годомъ; послѣ сообщенія о нравахъ Полянъ слѣдовалъ въ первоисточникѣ, повидимому, текстъ, начинающійся словами «По сихъ лѣтехъ братіа сіи изгибоша». Позднѣйшая вставка годовъ 6431—6453 ясно обнаруживается изъ той связи, которая замѣчается между концомъ разсказа 6430 года («се далъ еси единому мужевѣ много») и второй отъ начала фразой разсказа 6453 года («отрочи Свѣньлжи изодѣлися суть оружиемъ и порты»); очевидно, въ первоисточникѣ ропотъ Игоревой дружины разсказывался связно, безъ перерыва, перерывъ же внесенъ, благодаря необходимости вставить хронологическія даты. Итакъ Начальный сводъ отличается отъ своего первоисточника, Древнѣйшаго лѣтописнаго свода, между прочимъ вставкой хронологической сѣти. Откуда же заимствованы хронологическія даты и стоящія въ прямой съ ними связи хронографическія статьи о походахъ русскихъ на Царьградъ?

Хронографическія статьи, какъ ясно изъ простого сличенія ихъ съ текстомъ Амартола, могутъ быть возведены къ этому тексту, бывшему извѣстнымъ въ древнерусской письменности, во-первыхъ въ отдѣльномъ видѣ, во-вторыхъ, въ хронографическихъ компиляціяхъ типа Еллинскаго лѣтописца, въ-третьихъ, въ хронографической редакціи Толковой Палеи, о которой мы говорили выше. Текстъ хронографическихъ статей Начальнаго свода является краткимъ извлеченіемъ изъ текста Амартола; извлеченіе могло быть сдѣлано изъ каждаго изъ трехъ указанныхъ видовъ, въ которыхъ дошелъ до насъ этотъ текстъ. Но хронологическія даты, а именно извлеченные изъ Амартола 6362 и 6428 годы наводятъ насъ на болѣе опредѣленныя соображенія. Раньше я думалъ[1]), что 6428 годъ русскому лѣтописцу можно было извлечь изъ того сокращеннаго извода текста Амартола, который читается въ особомъ видѣ Еллинскаго лѣтописца, дошедшемъ до насъ напримѣръ въ хронографѣ Троице-Сергіевской лавры нач. XV в. № 728. Дѣйствительно, благодаря сокращенію текста Амартола и опущенію всего разсказа о событіяхъ первыхъ двадцати лѣтъ царствованія императора Романа, легко было заключить, что походъ Руси на Царьградъ произошелъ въ 6428 году, между

1) Труды Этногр. Отдѣла, т. XIV, статья «Начальный кіевскій лѣтописный сводъ и его источники».

тѣмъ какъ къ этому году относится вступленіе на царство этого императора. Приведу по хронографу № 728 фразу, дававшую поводъ къ неправильному толкованію содержащейся въ ней даты: «по костянтинѣ же цесарствова ромонъ поставленъ костянтиномь царемь и николою патриархомь в лѣто 6428 индикъта. иоуня же мѣсяца въ 5 день придоша роусь на царьградъ. в лодияхъ. тысящь 10»[1]). Но если 6428-й годъ, какъ годъ нападенія Руси на Царьградъ, легко объяснить изъ указаннаго извода Еллинскаго лѣтописца, то 6362 годъ — годъ перваго похода Руси на Царьградъ выводится изъ этого извода лишь съ извѣстною натяжкой, а именно приходится предположить, что составитель Начальнаго свода, отправляясь отъ 6428 года, высчиталъ годы царствованій предшествующихъ императоровъ до Михаила, при которомъ произошло нападеніе Руси, и что при этомъ онъ по той или другой причинѣ ошибся на одну или двѣ единицы[2]).

Если мы обратимся къ хронографической редакціи Палеи, то увидимъ, что изъ нея легко было извлечь не только 6428, но и 6362 годъ, а именно здѣсь (см. всѣ списки полной, а также и сокращенной редакціи), тотчасъ послѣ извѣстія о вступленіи на царство императора Михаила, указано, что *во второе лѣто царства его* была крещена болгарская земля и переведены книги отъ греческаго языка на словенскій Кирилломъ философомъ и Меѳодіемъ въ 6363 году при Борисѣ князѣ болгарскомъ. Отсюда легко было вывести ошибочное заключеніе, что Михаилъ вступилъ на престолъ въ 6362 (854) году; говорю — ошибочное, такъ какъ ошибочно самое указаніе на то, что 6363-й годъ былъ вторымъ лѣтомъ царствованія Михаила, вступившаго на столъ въ 6350 (842) году. Ошибка эта стоитъ въ связи съ ошибочнымъ указаніемъ числа лѣтъ соправительства императора Михаила съ матерью его Ѳеодорой: вмѣсто указанныхъ здѣсь (въ Палеѣ) д҃ (4) надо читать д҃і (14); ошибка эта повторяется во всѣхъ спискахъ болгарскаго перевода Амартола и восходитъ къ ошибкѣ въ греческомъ оригиналѣ перевода, какъ можно заключить изъ отмѣченнаго de Boor'омъ списка греческаго Амартола (см. Byz. Zeitschrift, IV, 445—446). Она дала основаніе для неправильнаго расчета,

1) Ср. у Амартола: въ 20 и 4 день септеврия мѣсяца почтенъ бысть романъ кесаревомъ саномъ. а декаврия мѣсяца въ 17 день в недѣлю праотцемъ въ царскыи вѣнець вѣнчан бысть костянтиномъ царемь зятемъ своимъ и николою патриархомъ. в лѣто 6428 индикта 8 геноуария мѣсяца въ 6 святыхъ богоявленіяхъ день вѣнчаетъ царь Феодороу женоу его царицею (Унд., л. 389)... иоуня же мѣсяца 18 день 14 индиктъ приплоу роусь на костянтинь градъ лодиами тысящь 10 (Унд., л. 399 об.).

2) Константинъ до Романа 7 лѣтъ, Александръ 1 годъ, Леонъ 25 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, Василій 19 лѣтъ, Михаилъ съ Василіемъ 1 годъ и 4 мѣсяца, Михаилъ одинъ 10 лѣтъ, Михаилъ съ матерью Ѳеодорою 4 года: общая сумма 68. Между тѣмъ разница между 6428 и 6362 равняется 66: очевидно, кромѣ того что не приняты во вниманіе мѣсяцы, произошла ошибка на единицу, если допустить, что 6362 годъ произошелъ путемъ вычитанія изъ 6428 суммы лѣтъ царствованій указанныхъ императоровъ.

установившаго, что 6363 годъ былъ вторымъ, а не двѣнадцатымъ годомъ царствованія императора Михаила. Впрочемъ, оставляю въ сторонѣ точное изслѣдованіе, какъ именно явилось указаніе, что 6363 (855) годъ былъ вторымъ годомъ Михаилова царствованія, и ограничиваюсь выводомъ, что именно это указаніе послужило для составителя Начальнаго свода основаніемъ выставить 6362 (854) годъ для опредѣленія начала этого царствованія. Слѣдовательно, Начальный сводъ руководствовался въ своемъ трудѣ хронографическою редакціей Толковой Палеи.

Въ виду этого приведу всѣ сходныя между Начальнымъ сводомъ и хронографическою редакціей Палеи мѣста, отмѣтивъ еще разъ, что мы не имѣемъ основаній предполагать знакомство составителя Начальнаго свода съ болгарскимъ переводомъ Амартола или также съ Еллинскимъ лѣтописцемъ.

Начальный сводъ.

В лѣто 6362... В си же времена бысть въ Грѣчько земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина[1]), иже проповѣдаеть покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста; при семъ пріидоша Русь па Царьградъ в кораблехъ[2]); а въ дву сту вшедше въ Судъ, много зло створиша Грекомъ и убійство велико крестияномъ. Царь же съ патриархомъ Фотѣемъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю нощь; таче (рук. тацѣ) святѣй Богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, і абіе буря въста, и потапляше корабля Рускыя, и изверже я на брегъ, и во своясы возвратишася.

1) Ср. у Амартола выше: по леонѣ же ста на царство сынъ его костянтинъ. и царьствова лѣтъ 17 и мати его ирина. при томъ благовѣріе начатъ быти. и словоу божію разширитися и манастыремъ съ всею тишиною създатися (Палея по сп. Срезн., стр. 416). 2) Здѣсь на верху страницы приписано: бещислено корабль.

Палея:

По феофилѣ же цесарствова михаилъ сынъ его съ матерію феодорою. лѣтъ 4 а единъ лѣтъ 10. а с василіемъ лѣто одино. и при сего царствіи въ 2[1]) лѣто царства его крещена бысть болгарьская земля. и преложиша книгы отъ греческа языка на словеньскыи. кирилъ филосоѳъ. с меѳодіемъ в лѣто 6363. при борисѣ князи болгарьстѣмъ. феодора же михаила царя мати. та бяше вѣрна и простославная... и святыхъ иконъ покланяніе проповѣда в первую недѣлю святаго поста. По сихъ же царь на агаряны изыде[2]) воевати дошедшоу же ему черьмныя рекы глаголемыя. вѣсть ему епархъ посла. яко русь на констянтинъ градъ идуть[3]). тѣмъ царь прочее не иде. русь же внутрь суда[4]) вшедше. много оубіиство крестіаномъ сътвориша. и во двою сту лодии[5]) (рук. людии). коньстянтинъ градъ окружено.

1) Синод. № 210: второе. 2) Синод. № 210: иде. 3) Синод. № 210: идет. 4) Синод. № 210: соуды. 5) Синод. № 210: лодеи.

царь же [1]) едва въ градъ вниде съ патріархомъ фотѣемъ. к соущіи церкви святыа богородица влахернахъ. всюнощную [2]) молбу створиша... таче божественную святыя богородица ризоу (съ) пѣсньми изнесше в море (рук. мѣре) скутъ омочивше [3]). тишинѣ же бывши и морю оукротившюся. абіе [4]) буря с вѣтромъ въста и волнамъ веліимъ въздвигшимся засобь. безбожественыхъ [5]) русии [6]) лодия възмяте [7]) къ берегоу превръже (и) изби [8]). яко мало отъ нихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути. и въ свояси с [9]) побѣженіемъ [9]) възвратиша(ся).

Синод. № 211.

Якоже при Фараонѣ цари Егvпетьстѣ, егда приведоша Моvсѣ, и рѣша старѣйшины Фараоня: сей хощеть смирити власть Егvпетьскую...

тогда фермоуфѣи дщи фараоня приведе къ отцоу своемоу моvсіа... видѣвъ же нѣкто отъ священнокнижникъ... въпіаше глаголя:... а тъи всего егупта хощеть попрати и царство егупетьское смирити хощеть.

сп. Срезн., стр. 90.

В лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы Русь скыдей 10 тысящь. И припльша ко Царюграду, и многа зла створиша Русь: Судъ бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнникы, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще стрѣлами стрѣляху; елико же ратніи творя, изъломяще опакы руцѣ и связающе, гвозды желѣзны посредѣ главъ вбивающе; и многыи церкви огневи предаша. Въ время же то царствующю во градѣ Роману, і абіе посла Романъ царь патрикыя Феоѳана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ

По констянтинѣ же царствова романъ поставленъ [10]) царемь и николою патріархомъ в лѣто 6428 индикту [11]). іюня же мѣсяца 10 день приплуша [12]) русь на коньстантинъ градъ в лодьяхъ 10000 иже и скѣди глаголемь [13]). отъ рода варяжеска соущемъ... тогда бо

1) Синод. № 210: приб. вшедъ. 2) Синод. № 210: влахернехъ и всенощную. 3) Синод. № 210: омочиша. 4) Синод. № 210: и абие. 5) Синод. № 210: безбожныхъ. 6) Синод. № 210: роусеи. 7) Синод. № 210: приб. и. 8) Синод. № 210: приверже и изби. 9) Синод. № 210: опущено. 10) Синод. № 210: приб. по костянтинѣ. 11) Синод. № 210: опущено. 12) Синод. № 210: приплыша. 13) Синод. № 210: глаголеми.

установившаго, что 6363 годъ былъ вторымъ, а не двѣнадцатымъ годомъ царствованія императора Михаила. Впрочемъ, оставляю въ сторонѣ точное изслѣдованіе, какъ именно явилось указаніе, что 6363 (855) годъ былъ вторымъ годомъ Михаилова царствованія, и ограничиваюсь выводомъ, что именно это указаніе послужило для составителя Начальнаго свода основаніемъ выставить 6362 (854) годъ для опредѣленія начала этого царствованія. Слѣдовательно, Начальный сводъ руководствовался въ своемъ трудѣ хронографической редакціей Толковой Палеи.

Въ виду этого приведу всѣ сходныя между Начальнымъ сводомъ и хронографической редакціей Палеи мѣста, отмѣтивъ еще разъ, что мы не имѣемъ основаній предполагать знакомство составителя Начальнаго свода съ болгарскимъ переводомъ Амартола или также съ Еллинскимъ лѣтописцемъ.

Начальный сводъ.

В лѣто 6362... В си же времена бысть въ Грѣчько земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина[1]), иже проповѣдаеть покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста; при семъ пріидоша Русь па Царьградъ в кораблехъ[2]); а въ дву сту вшедше въ Судъ, много зло створиша Грекомъ и убійство велико крестияномъ. Царь же съ патриархомъ Фотѣсмъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю нощь; тачe (рук. тацѣ) святѣй Богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, і абіе буря въста, и потапляше корабля Рускыя, и изверже я на брегъ, и во своясы возвратишася.

1) Ср. у Амартола выше: по леонѣ же ста на царство сынъ его костянтинъ. и царьствова лѣтъ 17 и мати его ирина. при томъ благовѣріе начатъ быти. и словоу божію разширитися и манастыремъ съ всею тишиною създатися (Палея по сп. Срезн., стр. 416). 2) Здѣсь на верху страницы приписано: бещислено корабль.

Палея:

По феофилѣ же цесарствова михаилъ сынъ его съ матерію феодорою. лѣтъ 4 а единъ лѣтъ 10. а с василіемъ лѣто одино. и при сего царствіи въ 2[1]) лѣто царства его крещена бысть болгарьская земля. и преложиша книгы отъ греческа языка на словеньскыи. кирилъ философъ. с мефодіемъ в лѣто 6363. при борисѣ князи болгарьстѣмъ. феодора же михаила царя мати. та бяше вѣрна и простославная... и святыхъ иконъ покланяніе проповѣда в первую недѣлю святаго поста. По сихъ же царь на агаряны изыде[2]) воевати дошедшоу же ему черьмныя реки глаголемыя. вѣсть ему епархъ посла. яко русь на констянтинъ градъ идуть[3]). тѣмъ царь прочее не иде. русь же внутрь суда[4]) вшедше. много оубіиство крестіаномъ сътвориша. и во двою сту лодии[5]) (рук. людии). коньстянтинъ градъ окружено.

1) Синод. № 210: второе. 2) Синод. № 210: иде. 3) Синод. № 210: идет. 4) Синод. № 210: соуды. 5) Синод. № 210: лоден.

И пакы сице же бысть при Устианѣ цари[1]), звѣзда восіа на западѣ испущающе луча, еюже[2]) прозываху блистаньницю, и бысть ей[3]) сѣяющи[4]) за[5]) 20 дний[5]); посемь же бысть звѣздамъ течение с вечера до утріа[6]), яко мнѣти всѣмъ, яко падуть[7]) звѣзды, и пакы солнце безъ лучей сѣяше[8]): се же проявляше крамолы, недузи человѣкомъ, и[9]) умертвіе бяше.

и семоу бывшоу. абіе оуставися гнѣвъ божіи. и звѣзда веліа явися на западѣ. испоущающоу лоуча. иже именоваху. лампадію. рекше блистанницоу. и бысть за 20 дніи сіяющи. по врѣменѣ етерѣ. бысть звѣздамъ теченіе с вечера и до оутра. яко всѣмъ глаголати. яко падають звѣзды (рук. звѣзда). и за мало пакы солнце без луча (рук. начала) сіяше. крамолы же и недоузи. и оумертвіе человѣкомъ не прѣстааше.

сп. Срезн., стр. 399.

Пакы же при Маврикии[10]) цари[11]) бысть сице[12]): жена роди дѣтище[13]) безъ очью и безъ руку, в череслахъ[14]) бѣ ему рыбей хвостъ приросль[15]); песъ родися о 6 ногъ[16]); въ Африкіи[17]) же два дѣтища родистася[18]): единъ о 4-хъ ногъ[19]), а другый о двою[20]) главу.

по тивирѣи же. ста на царство маврикіи зять его ...и при семъ же жена дѣтище роди въ цариградѣ. безъ очью и безъ роукоу. въ чресла емоу рыбеи хвостъ приросль. въ образъ кожныя рыбы. и песъ родися. о 6 ногахъ. главоу имѣа. лвовъ образъ превеліи. бысть же въ фракіи два дѣтища родистася. единъ о 4рехъ ногахъ а дроугыи о двоую главоу.

сп. Срезн., стр. 400.

Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченіе звѣздъное на небеси бысть[21]): оттор-

По леонѣ же ста царемь костантинъ сынъ его и царствова лѣтъ 34. сеи болма отстоупи святыхъ иконъ... апрѣля мѣсяца теченіе звѣздное бысть до небеси. оттръгахоуся на землю. яко видящимъ мнѣти соущи оуже кончинѣ. тогда же въздоухъ взяся повеликоу. въ суріи же бысть троусъ веліи. земля же и междоурѣчіе за три поприща разсѣдшися. и етеру въскыпѣвшоу. бѣдоу пѣсочну землю. изыде дивно из неа мьска человѣческымъ гласомъ гла-

1) Л: Устиньянѣ цесари. 2) ЛРИ: юже. 3) ЛРИ: опущено. 4) ЛР: блистающи. 5—5) ЛР: дний 20. 6) Л: заутрія, Р: утра. 7) ЛРИ: падають. 8) Р: восияше. 9) ЛРИ: опущено. 10) Р: приб. же. 11) Л: цесари. 12) И: се. 13) ЛРИ: жена дѣтищь (И: дѣтище) роди. 14) Л: в чересла, Р: у чресла, И: вь чресла. 15) ЛРИ: приб. и. 16) ЛРИ: шестоногъ. 17) Р: въ фракии. 18) Р: родися. 19) ЛРИ: ногахъ. 20) Р: дву. 21) Л: бысть на небѣ, Р: бысть на небесе, И: бысть на небесѣхъ.

установившаго, что 6363 годъ былъ вторымъ, а не двѣнадцатымъ годомъ царствованія императора Михаила. Впрочемъ, оставляю въ сторонѣ точное изслѣдованіе, какъ именно явилось указаніе, что 6363 (855) годъ былъ вторымъ годомъ Михаилова царствованія, и ограничиваюсь выводомъ, что именно это указаніе послужило для составителя Начальнаго свода основаніемъ выставить 6362 (854) годъ для опредѣленія начала этого царствованія. Слѣдовательно, Начальный сводъ руководствовался въ своемъ трудѣ хронографическою редакціей Толковой Палеи.

Въ виду этого приведу всѣ сходныя между Начальнымъ сводомъ и хронографическою редакціей Палеи мѣста, отмѣтивъ еще разъ, что мы не имѣемъ основаній предполагать знакомство составителя Начальнаго свода съ болгарскимъ переводомъ Амартола или также съ Еллинскимъ лѣтописцемъ.

Начальный сводъ.

В лѣто 6362... В си же времена бысть въ Грѣчько земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина[1]), иже проповѣдаеть покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста; при семъ пріидоша Русь па Царьградъ в кораблехъ[2]); а въ дву сту вшедше въ Судъ, много зло створиша Грекомъ и убійство велико крестияномъ. Царь же съ патриархомъ Фотѣемъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю нощь; таче (рук. тацѣ) святѣй Богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, і абіе буря въста, и потапляше корабля Рускыя, и изверже я на брегъ, и во своясы возвратишася.

1) Ср. у Амартола выше: по леонѣ же ста на царство сынъ его костянтинъ. и царьствова лѣтъ 17 и мати его ирина. при томъ благовѣріе начатъ быти. и словоу божію разширитися и манастыремъ съ всею тишиною създатися (Палея по сп. Срезн., стр. 416). 2) Здѣсь на верху страницы приписано: бещислено корабль.

Палея:

По феофилѣ же цесарствова михаилъ сынъ его съ матерію феодорою. лѣтъ 4 а единъ лѣтъ 10. а с василіемъ лѣто одино. и при сего царствіи въ 2[1]) лѣто царства его крещена бысть болгарьская земля. и преложиша книгы отъ греческа языка на словеньскыи. кирилъ филособъ. с мефодіемъ в лѣто 6363. при борисѣ князи болгарьстѣмъ. феодора же михаила царя мати. та бяше вѣрна и простославная... и святыхъ иконъ покланяніе проповѣда в первую недѣлю святаго поста. По сихъ же царь на агаряны изыде[2]) воевати дошедшоу же ему черьмныя рекы глаголемыя. вѣсть ему епархъ посла. яко русь на констянтинъ градъ идуть[3]). тѣмъ царь прочее не иде. русь же внутрь суда[4]) вшедше. много оубіиство крестіаномъ сътвориша. и во двою сту лодии[5]) (рук. людии). коньстянтинъ градъ окружено.

1) Синод. № 210: второе. 2) Синод. № 210: иде. 3) Синод. № 210: идет. 4) Синод. № 210: соуды. 5) Синод. № 210: лодеи.

царь же[1]) едва въ градъ вниде съ патріархомъ фотѣемъ. к соущіи церкви святыа богородица влахернахъ. всюнощную[2]) молбу створиша... таче божественную святыя богородица ризоу (съ) пѣсньми изнесше в море (рук. мѣре) скутъ омочивше[3]). тишинѣ же бывши и морю оукротившюся. абіе[4]) буря с вѣтромъ въста и волнамъ веліимъ въздвигшимся засобь. безбожественыхъ[5]) русии[6]) лодия възмяте[7]) къ берегоу превръже (и) изби[8]). яко мало отъ нихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути. и въ свояси с[9]) побѣженіемъ[9]) възвратиша(ся).

Синод. № 211.

Якоже при Фараонѣ цари Египетьстѣ, егда приведоша Моvсѣ, и рѣша старѣйшины Фараоня: сей хощеть смирити власть Египетьскую...

тогда фермоуфѣи дщи фараоня приведе къ отцоу своемоу моvсіа... видѣвъ же нѣкто отъ священнокнижникъ... възіаше глаголя:... а тьи всего египта хощеть попрати и царство египетьское смирити хощеть.

сп. Срезн., стр. 90.

В лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы Русь скыдей 10 тысящь. И припльша ко Царюграду, и многа зла створиша Русь: Судъ бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнникы, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще стрѣлами стрѣляху; елико же ратніи творя, изъломяще опакы руцѣ и связающе, гвозды желѣзны посредѣ главъ вбивающе; и многыи церкви огневи предаша. Въ время же то царствующю во градѣ Роману, і абіе посла Романъ царь патрикыя Феоѳана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ

По констянтинѣ же царствова романъ поставленъ[10]) царемь и николою патріархомъ в лѣто 6428 индикту[11]). іюня же мѣсяца 10 день приплуша[12]) русь на коньстантинъ градъ в лодьяхъ 10000 иже и скѣди глаголемь[13]). отъ рода варяжеска соущемъ... тогда бо

1) Синод. № 210: приб. вшедъ. 2) Синод. № 210: влахернехъ и всеношную. 3) Синод. № 210: омочиша. 4) Синод. № 210: и абие. 5) Синод. № 210: безбожныхъ. 6) Синод. № 210: роусеи. 7) Синод. № 210: приб. и. 8) Синод. № 210: приверже и изби. 9) Синод. № 210: опущено. 10) Синод. № 210: приб. по костянтинѣ. 11) Синод. № 210: опущено. 12) Синод. № 210: припльша. 13) Синод. № 210: глаголеми.

установившаго, что 6363 годъ былъ вторымъ, а не двѣнадцатымъ годомъ царствованія императора Михаила. Впрочемъ, оставляю въ сторонѣ точное изслѣдованіе, какъ именно явилось указаніе, что 6363 (855) годъ былъ вторымъ годомъ Михаилова царствованія, и ограничиваюсь выводомъ, что именно это указаніе послужило для составителя Начальнаго свода основаніемъ выставить 6362 (854) годъ для опредѣленія начала этого царствованія. Слѣдовательно, Начальный сводъ руководствовался въ своемъ трудѣ хронографическою редакціей Толковой Палеи.

Въ виду этого приведу всѣ сходныя между Начальнымъ сводомъ и хронографическою редакціей Палеи мѣста, отмѣтивъ еще разъ, что мы не имѣемъ основаній предполагать знакомство составителя Начальнаго свода съ болгарскимъ переводомъ Амартола или также съ Еллинскимъ лѣтописцемъ.

Начальный сводъ.

В лѣто 6362... В си же времена бысть въ Грѣчько земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина[1]), иже проповѣдаеть покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста; при семъ пріидоша Русь па Царьградъ в кораблехъ[2]); а въ дву сту вшедше въ Судъ, много зло створиша Грекомъ и убійство велико крестияномъ. Царь же съ патриархомъ Фотѣемъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю нощь; таче (рук. тацѣ) святѣй Богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, і абіе буря въста, и потапляше корабля Рускыя, и изверже я на брегъ, и во своясы возвратишася.

1) Ср. у Амартола выше: по леонѣ же ста на царство сынъ его костянтинъ. и царьствова лѣтъ 17 и мати его ирина. при томъ благовѣріе начатъ быти. и словоу божію разширитися и манастыремъ съ всею тишиною създатися (Палея по сп. Срезн., стр. 416). 2) Здѣсь на верху страницы приписано: бещислено корабль.

Палея:

По феофилѣ же цесарствова михаилъ сынъ его съ матерію феодорою. лѣтъ 4 а единъ лѣтъ 10. а с василіемъ лѣто одино. и при сего царствіи въ 2[1]) лѣто царства его крещена бысть болгарьская земля. и преложиша книгы отъ греческа языка на словеньскыи. кирилъ философъ. с мефодіемъ в лѣто 6363. при борисѣ князи болгарьстѣмъ. феодора же михаила царя мати. та бяше вѣрна и простославная... и святыхъ иконъ покланяніе проповѣда в первую недѣлю святаго поста. По сихъ же царь на агаряны изыде[2]) воевати дошедшоу же ему черьмныя рекы глаголемыя. вѣсть ему епархъ посла. яко русь на констянтинъ градъ идуть[3]). тѣмъ царь прочее не иде. русь же внутрь суда[4]) вшедше. много оубіиство крестіаномъ сътвориша. и во двою сту лодии[5]) (рук. людии). коньстянтинъ градъ окружено.

1) Синод. № 210: второе. 2) Синод. № 210: иде. 3) Синод. № 210: *идет*. 4) Синод. № 210: соуды. 5) Синод. № 210: лоден.

царь же[1]) едва въ градъ вниде съ патріархомъ фотѣемъ. к соущіи церкви святыа богородица влахернахъ. всюнощную[2]) молбу створиша... таче божественную святыя богородица ризоу (съ) пѣсньми изнесше в море (рук. мѣре) скутъ омочивше[3]). тишинѣ же бывши и морю оукротившюся. абіе[4]) буря с вѣтромъ въста и волнамъ веліимъ въздвигшимся засобь. безбожественыхъ[5]) русии[6]) лодия възмяте[7]) къ берегоу превръже (и) изби[8]). яко мало отъ нихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути. и въ свояси с[9]) побѣженіемъ[9]) възвратиша(ся).

Синод. № 211.

Якоже при Фараонѣ цари Егvпетьстѣ, егда приведоша Моvсѣ, и рѣша старѣйшины Фараоня: сей хощеть смирити власть Егvпетьскую...

тогда фермоуфѣи дщи фараоня приведе къ отцоу своемоу моvсіа... видѣвъ же нѣкто отъ священнокнижникъ... въпіаше глаголя:... а тъи всего египта хощеть попрати и царство египетьское смирити хощеть.

сп. Срезн., стр. 90.

В лѣто 6428. Посла князь Игорь на Грѣкы Русь скыдей 10 тысящь. И приплыша ко Царюграду, и многа зла створиша Русь: Судъ бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнникы, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще стрѣлами стрѣляху; елико же ратніи творя, изъломяще опакы руцѣ и связающе, гвозды желѣзны посредѣ главъ вбивающе; и многыи церкви огневи предаша. Въ время же то царствующю во градѣ Роману, і абіе посла Романъ царь патрикыя Феоѳана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ

По констянтинѣ же царствова романъ поставленъ[10]) царемь и николою патріархомъ в лѣто 6428 индикту[11]). іюня же мѣсяца 10 день приплуша[12]) русь на коньстантинъ градъ в лодьяхъ 10000 иже и скѣди глаголемь[13]). отъ рода варяжеска соущемъ... тогда бо

---

1) Синод. № 210: приб. вшедъ. 2) Синод. № 210: влахернехъ и всенощную. 3) Синод. № 210: омочиша. 4) Синод. № 210: и абие. 5) Синод. № 210: безбожныхъ. 6) Синод. № 210: роусеи. 7) Синод. № 210: приб. и. 8) Синод. № 210: приверже и изби. 9) Синод. № 210: опущено. 10) Синод. № 210: приб. по костянтинѣ. 11) Синод. № 210: опущено. 12) Синод. № 210: приплыша. 13) Синод. № 210: глаголеми.

комствѣ составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ съ Палеей и они должны быть оставлены въ сторонѣ при разрѣшеніи вопроса, можно ли въ самомъ дѣлѣ говорить о такомъ знакомствѣ. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ переработалъ текстъ Начальнаго свода между прочимъ по временнику Амартола: пользованіе этимъ памятникомъ внесло въ русскую лѣтопись рядъ извѣстій изъ греческой и болгарской исторіи и дополнило ея текстъ между прочимъ обширною вставкою сказанія объ Аполлоніи Тіанскомъ. Но кромѣ Амартола составитель Повѣсти вр. лѣтъ руководствовался и другими источниками: они отразились между прочимъ во вводной къ русской лѣтописи статьѣ, содержащей рядъ свѣдѣній по всемірной исторіи и географіи. Въ этой статьѣ, носящей ясные слѣды компилятивной работы, отразились и тѣ два основные источники Повѣсти вр. лѣтъ, о которыхъ мы говорили: Начальный сводъ и временникъ Амартола. Такъ изъ Начальнаго свода заимствованъ разсказъ объ основаніи Кіева и покореніи Полянъ Козарами, изъ Амартола распредѣленіе странъ между сыновьями Ноя и описаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ. Но кромѣ двухъ указанныхъ источниковъ въ изслѣдуемой статьѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ отражаются и другіе. Изъ этихъ другихъ источниковъ взяты, напримѣръ, свѣдѣнія о народахъ, обитающихъ Россію, о столпотвореніи вавилонскомъ, о разселеніи славянъ, о пути изъ Варягъ въ Греки, о проповѣди Андрея Первозваннаго, о нравахъ племенъ древнерусскихъ и кое-что другое. Среди этихъ статей находимъ три отрывка, въ значительной степени сближающихъ Повѣсть временныхъ лѣтъ и Толковую Палею. Приведемъ ихъ полностью.

Лавр. сп.	*Палея.*
[Имать же и островы: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Льзовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асійскыя[1]) страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономь][2]); до Понетьского моря, на полъносщныя страны, Дунай, Дьнѣстръ и Кавкасійския горы, рекше Угорьски,	суть же в части его рѣки великия 1 рѣка тигръ обиходящая и раздѣляющи мидию и вавилонию до понтьскаго (рук.: пентьскаго) моря 2я рѣка дунаи 3я днѣпръ десна припѣть двина волховъ. волга. яже течеть на въстокъ. в часть симовоу. в тои же суть части. и кавкасиискыя (рук.: кавкаисискыя) горы. рекше оугорьскыя. Колом., стлб. 240.

1) Во всѣхъ спискахъ: всякоя или всячьскыя. 2) Заключенное въ скобки оказывается заимствованіемъ изъ Амартола: Ἔχει καὶ νήσους, Βρετανίαν... καὶ ποταμὸν Τίγριν, τὸν διορίζοντα μεταξὺ Μηδίας καὶ Βαβυλωνίας.

и оттуда доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже идеть на встокъ, в часть Симову.

В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра[3]), Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола[1]), Любь[2]). Ляхъве же, и Пруси, Чюдь пресѣдять к морю Варяжьскому. по сему же морю сѣдять Варязи.

и в части его сѣдять первыи языкъ варяжьскыи. вторыи словѣньскъ. третии чюдь. четвертыи ямь, пятыи лопь. шестыи пьрмь. семыи корѣла. осмыи печера. девятыи югра. десятыи литва. 11 ятвязи 12 проуси 13 недрова 14 меря 15 мордъва 16 мещера 17 моурома 18 корсь 19 зимогола (зимѣгола) 20 любь (либь).

Колом., стлб. 243.

Симъ же и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, (и) живяху кождо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли, (и) помыслиша создати столпъ до небесе, въ[4]) дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе[4]) и градъ около его Вавилонъ; и созда(ша)[5]) столпъ то за 40 лѣтъ (и) не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ[6]), и рече Господь[7]): се, родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ[8]), и есть останокъ его промежю[9]) Асюра и Вавилона, и есть въ высоту (и въ ширину

По сем же оубо 3е сынове ноеви симъ хамъ и афетъ раздѣлиша землю.

Колом., стлб. 227.

въ лѣто 3е тысущи въ 700е и 70ное 1е во дни Нектана и Фалека раздѣли богъ языки.

Колом., стлб. 231.

и бысть дѣлаему столпу 40 лѣтъ. и не свершенъ бысть. и сниде господь видѣтъ столпа и рече господь се родъ единъ и языкъ ихъ единъ. и смѣси богъ языки и раздѣли я на 70 и на единъ языкъ. 2 языкъ адамовъ... Подобаеть вѣдати яко есть всѣхъ языкъ 70 и 2 языци же ти се суть. яже расъсѣя господь по лицю всея земля.

Колом., стлб. 230—231.

1) Тр. лѣтьгола. 2) РИ: либь. 3) Р: опущено. 4—4) Р: въ дни... до небесе опущено. 5) И: здаша. 6) И: столпа. 7) Р: приб. богъ. 8) Р: разрушити столпъ повелѣ. 9) ИР: межи.

локоть 5433 локти)[1]), и[2]) в лѣта многа хранимъ останокъ. По размѣшеньи[3]) же столпа и по раздѣленьи языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же[4]) прияша западъ и полунощныя страны[5]). Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова, Нарци[6]), еже суть Словѣне.

1) Этого нѣтъ въ Л, внесено изъ РИ; въ И: 5323 локотъ. 2) ИР: опущено. 3) И: раздрушеніи. 4) РИ: приб. сынове. 5) Р: западныя страны прияша и полуденныя. 6) Р: иновѣрци, И: норци.

По раздѣлении оубо языкъ богъ вѣтромъ великимъ раздруши столпъ. и есть останокъ его межи асоура и вавилона на поли нарѣцаемѣмь сенаръ. есть же останокъ столпа. въ высоту и в ширину (рук.: шире). мѣра его 5000 и 400 и 30 и 3 локотъ.

Колом., стлб. 243.

прияша бо сынове симови всточныя страны. хамови же полоуденныя страны (и). афетови же сынове прияша западъ и полоунощныя страны.

Колом., стлб. 232.

отъ афета же си суть рожшиися языци... норица иже суть словѣни.

Колом., стлб. 238.

Сходство между приведенными отрывками очевидное. При этомъ для объясненія его не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи лѣтописью изъ Палеи. Это доказалъ вполнѣ убѣдительно по отношенію къ статьѣ о столпотвореніи Истринъ[1]), выяснившій, что палейный разсказъ въ основѣ своей восходитъ къ Козьмѣ Индикоплову, при чемъ повѣствованіе послѣдняго подверглось въ Палеѣ вставкамъ изъ другихъ источниковъ: двѣ такія вставки, какъ оказывается, содержатъ текстъ тожественный съ лѣтописнымъ (1-я: И бысть дѣлаему столпу... 2-я: По раздѣлении оубо языкъ...). Отсюда Истринъ вывелъ правильное заключеніе, что лѣтопись свой разсказъ о столпотвореніи заимствовала не изъ Палеи, такъ какъ непонятно было бы, почему при пользованіи Палеей въ лѣтопись попалъ текстъ не основного ея разсказа (восходящаго къ Индикоплову), а только вставокъ въ этотъ разсказъ. Кромѣ того Истринъ сдѣлалъ весьма важное указаніе на то, что часть приведеннаго выше лѣтописнаго текста, а именно текстъ, соотвѣтствующій только что указаннымъ вставкамъ въ палейное повѣствованіе, читается, съ буквальнымъ при томъ сходствомъ, въ извѣстномъ Архивскомъ хронографѣ (зиждаша же стлъпъ за 40 лѣтъ... въ лѣта многа хранимъ останокъ его): при этомъ въ хронографѣ, такъ же какъ въ лѣтописи, соединено то, что въ Палеѣ чи-

1) Замѣчанія о составѣ Толк. Палеи (Изв. Отд. русск. яз. и слов., II, 175—189).

тается въ двухъ различныхъ вставкахъ. Это, конечно, еще болѣе подкрѣпило выводъ Истрина о томъ, что лѣтописный разсказъ о столпотвореніи не могъ сложиться на основаніи палейнаго. Съ другой стороны, невѣроятно, чтобы Палея и Архивскій хронографъ заимствовали свои вставки изъ Повѣсти вр. лѣтъ: въ Палеѣ эти вставки находятся въ тѣснѣйшей связи съ разсказомъ о разселеніи народовъ послѣ столпотворенія, что̀ видно между прочимъ изъ того, что начало палейнаго разсказа о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ и заключительная статья этого разсказа восходятъ, какъ это ясно изъ Повѣсти вр. лѣтъ, къ одному общему источнику (По сем же оубо сынове ноеви...; По раздѣлении оубо языкъ...). Въ виду этого останавливаемся, вслѣдъ за Истринымъ, на предположеніи, что разсказъ о столпотвореніи въ Повѣсти вр. лѣтъ и соотвѣтствующіе ему отрывки въ Палеѣ и въ Архивскомъ хронографѣ восходятъ къ одному общему, пока неизвѣстному источнику.

Посмотримъ, не придемъ ли мы къ такому же выводу послѣ сравнительнаго изученія двухъ другихъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ отрывковъ, изъ которыхъ первый содержитъ перечень русскихъ рѣкъ, а второй — народовъ, обитающихъ Россію. Возвести соотвѣтствующій имъ палейный текстъ къ Повѣсти вр. лѣтъ представляется мнѣ невозможнымъ. Остановимся сначала на перечнѣ рѣкъ. Какъ увидимъ ниже, разсказъ Палеи о разселеніи народовъ возводится, какъ къ первоисточнику, къ греческому тексту, тождественному или почти тождественному съ Пасхальной хроникой (Chronicon Paschale). Фразѣ, которою въ Палеѣ начинается отрывокъ съ перечнемъ рѣкъ: «суть же в части его рѣки великия 1 рѣка тигръ обиходящая и раздѣляющая мидию и вавилонию», въ Пасхальной хроникѣ соотвѣтствуетъ: ποταμὸς δὲ ἐστιν αὐτοῖς Τίγρις, ὁ διορίζων Μηδίαν καὶ Βαβυλωνίαν (Боннск. изд., с. 49); при этомъ въ греческомъ текстѣ другихъ рѣкъ въ странахъ Іафетовыхъ не названо. Слѣдовательно, слова «суть же в части его рѣки великия» являются передѣлкой русскаго редактора, имѣвшаго въ виду дать перечень и другихъ рѣкъ; кромѣ того такія же вставныя слова находимъ въ Палеѣ черезъ нѣсколько строкъ ниже: «в тои же суть части и кавкасинскыя горы». Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ перечень рѣкъ начинается безъ всякой связи съ предыдущимъ текстомъ, заимствованнымъ у Амартола, при чемъ онъ вызванъ очевидно упоминаніемъ о Тигрѣ; между рѣками названы «Кавкасійскыа горы, рекше Угорьскиѣ», что̀ нарушаетъ связный ходъ изложенія; слѣдовательно, чтеніе Палеи какъ будто первоначальнѣе лѣтописнаго текста. Кромѣ того отмѣчаемъ, что въ обоихъ памятникахъ названы Кавкасійскія горы: Повѣсть вр. лѣтъ вообще руководилась, какъ извѣстно Амартоломъ, котораго и передаетъ довольно точно, но у Амартола нѣтъ этихъ горъ; отсюда можно заключить, что въ распоряженіи составителя Повѣсти вр. лѣтъ

былъ еще другой хронографическій источникъ. Въ Палеѣ же оказывается въ статьѣ о разселеніи народовъ много вставокъ сравнительно съ текстомъ Пасхальной хроники. Онѣ могутъ возводиться къ тому источнику, откуда попали и Кавкасійскія горы, а также и русскія вставки. Слѣдовательно, въ распоряженіи составителя Палеи была статья о разселеніи народовъ съ русскими вставками (между прочимъ со вставкой: рекше оугорьскыя). Вѣроятнымъ становится и другой выводъ: тою же статьей пользовался составитель Повѣсти вр. лѣтъ, такъ какъ возводить разсматриваемый отрывокъ къ Палеѣ нѣтъ возможности: ср. между прочимъ отсутствіе въ Палеѣ Днѣстра, упомянутаго въ лѣтописи.

Палейный перечень народовъ, обитавшихъ Россію, не можетъ быть возведенъ къ лѣтописному: во-первыхъ, имени Русь перечня Повѣсти временныхъ лѣтъ въ Палеѣ соотвѣтствуютъ Варяжскій и Словеньскый языкъ; замѣну Руси двумя другими языками понять трудно; правда, Варяги названы въ лѣтописи нѣсколько ниже, но Словене отсутствуютъ въ лѣтописномъ перечнѣ народовъ Іафетова племени, и это говоритъ въ пользу большей древности палейной редакціи этого перечня. Замѣна Словенъ Русью была вполнѣ естественна для редактора Повѣсти вр. лѣтъ, несомнѣнно южанина, гдѣ имя Словенъ было, повидимому, мало извѣстно и гдѣ славянскія племена назывались Русью. Во-вторыхъ, палейный перечень нельзя возвести къ лѣтописному еще и потому, что въ первомъ изъ нихъ упомянуто пять народовъ, неизвѣстныхъ Повѣсти вр. лѣтъ: Лопь, Корѣла, Ятвяги, Нерева, Мещера. Замѣчательно, что все это народы, обитавшіе сѣверную и среднюю Россію; не опущены ли ихъ имена въ Повѣсти вр. лѣтъ тѣмъ самымъ кіевляниномъ, который замѣнилъ Словенъ Русью? Но конечно, лѣтописный перечень не могъ быть заимствованъ непосредственно изъ Палеи. И здѣсь вѣроятнѣе предположить, какъ и выше, пользованіе со стороны редакторовъ Палеи и Повѣсти вр. лѣтъ однимъ общимъ источникомъ.

Этотъ источникъ въ той части его, которая отразилась въ Палеѣ и въ Повѣсти вр. лѣтъ, т. е. въ статьѣ о столпотвореніи и разселеніи народовъ, можетъ быть возстановленъ при сравнительномъ изученіи этихъ памятниковъ.

Статья о разселеніи народовъ, читающаяся въ Палеѣ, представляетъ въ своей основѣ, какъ это замѣтилъ еще В. Успенскій, текстъ очень близкій къ тексту Пасхальной хроники. Можно утверждать, что бóльшая часть названной статьи есть переводъ Пасхальной хроники, тѣмъ болѣе что мы находимъ здѣсь характерныя особенности, отличающія редакцію статьи Διαμερισμός въ этой хроникѣ, какъ напр. перечень оусѣдковъ (ἄποικοι) различныхъ народовъ, при чемъ въ перечняхъ именно этихъ оусѣдковъ Палея почти буквально сходится съ Пасхальною хроникой. Ср. текстъ, читающійся

на стлб. 234 (20)—235 (14), стлб. 240 (19—28), стлб. 241 и 242 (1—13): единственная вставка — си языци в спанѣк живуть (стлб. 241, стр. 12—13); вставка же «третии июда» на стлб. 240 (26) обязана какому-нибудь недоразумѣнію. Но и въ перечняхъ народовъ, странъ и острововъ замѣчается въ значительной части палейнаго текста буквальное сходство съ тою же хроникой. Такъ между прочимъ тожественъ списокъ народовъ Симова рожденія (стлб. 232—233), кромѣ однако замѣны въ Палеѣ Скиѳовъ Алазонами. Правда, народы эти перечислены въ Палеѣ въ иномъ порядкѣ, чѣмъ въ Пасхальной хроникѣ, но оба перечня легко возвести къ одному, если предположить, что въ оригиналѣ, послужившемъ для дошедшихъ до насъ списковъ Пасхальной хроники и находившемся въ распоряженіи редактора Палеи, списокъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ[1]): Ἑβραῖοι

Πέρσαι	Μῆδοι	Παίονες	Ἀρριανοί
Ἀσσύριοι δεύτ.	Ὑρκανοί	Ἰνδοί πρ.	Ἰνδοί δεύτ.
(Ἀσσύριοι πρ.?)	Μακαρδοί	Πάρθοι	Γερμανοί
Αἰλυμαῖοι	Κοσσαῖοι	Ἄραβες δεύτ.	Κεδρούσιοι
Χαλδαῖοι	Σκύθαι	Καρμήλιοι	Γασφηνοί
Ἀραμεσσυνοί	Σαλαθιαῖοι	Βακτριανοί	Ἑρμαῖοι.
Ἄραβες	Γυμνοσοφίσται		

Въ дошедшихъ до насъ спискахъ Пасхальной хроники видимъ вертикальное прочтеніе этого списка: Ἑβραῖοι, Πέρσαι, Ἀσσύριοι δεύτεροι, Αἰλυμαῖοι, Χαλδαῖοι, Ἀραμοσσυνοί, Ἄραβες, Μῆδοι и т. д. Русскій редакторъ или точнѣе составитель того греческаго источника, откуда попала въ Палею разсматриваемая статья, прочелъ списокъ горизонтально: еврѣи, пьрси, миди, пеонеси, арриянои, асурии и т. д.

Но текстъ палейной статьи Διαμερισμός не можетъ восходить къ одному только источнику — къ Пасхальной хроникѣ: во-первыхъ, мы видимъ въ немъ полемическую выходку противъ евреевъ (стлб. 233), а также характерное замѣчаніе относительно персовъ, что они волхвованію общаются (тамъ же). Во-вторыхъ, видимъ рядъ вставокъ, ведущихъ насъ къ тексту другихъ греческихъ хроникъ; напр. перечень народовъ Хамова племени (на стлб. 235) буквально сходенъ съ соотвѣтствующимъ перечнемъ Хроники Синкелла (Боннск. изд., стр. 89); или, напримѣръ, замѣна словъ ὁ καλούμενος Νεῖλος ὁ καὶ Γήων (послѣ фразы: καὶ ἑτέρα Αἰθιοπία ὅθεν ἐκπορεύεται ὁ τῶν Αἰθιόπων ποταμός) словами «черьмна текущия на встокъ» (стлб. 236) объ-

1) Пользуюсь критическимъ пріемомъ, указаннымъ Gutschmid'омъ въ извѣстной статьѣ его, помѣщенной въ Rhein. Museum за 1858 годъ.

зана Амартолу или сходному съ нимъ хронографу, и мн. др. Въ-третьихъ, находимъ здѣсь рядъ русскихъ вставокъ, частью перечисленныхъ выше.— Конечно, статья о разселеніи народовъ не могла читаться въ *первоначальной* редакціи Палеи въ томъ видѣ, въ какомъ она читается въ ней теперь. Возникаетъ даже вопросъ, была ли вообще въ этой редакціи статья Διαμερισμός. Думаю, что на этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательно (указанная же полемическая выходка противъ евреевъ могла быть вставлена впослѣдствіи русскимъ редакторомъ Палеи). Но естественно допустить присутствіе статьи о разселеніи народовъ въ хронографической редакціи Палеи, а именно еще въ болгарскомъ изводѣ этой редакціи. Сложность редакціи палейной статьи, читающейся въ Коломенскомъ и другихъ спискахъ, заставляетъ предполагать, что она сложилась не сразу, что надъ ней работало нѣсколько редакторовъ: однимъ изъ нихъ могъ быть составитель хронографической болгарской редакціи Палеи, другимъ составитель русской редакціи. Соотвѣтственно этому основной текстъ, восходящій, какъ мы видѣли, къ Пасхальной хроникѣ, можно возвести къ хронографической болгарской редакціи, тѣмъ болѣе, что слѣдовъ этой хроники на Руси не отыскивается. Все лишнее противъ текста Пасхальной хроники, между прочимъ, конечно, и русскія вставки, слѣдуетъ возвести къ тому источнику, которымъ пользовался для дополненія составитель русской редакціи Палеи. Согласно предыдущему, тѣмъ же русскимъ источникомъ руководствовался составитель Повѣсти вр. лѣтъ. Слѣдовательно, къ нему восходятъ: 1) въ Палеѣ почти все то, что въ статьѣ о столпотвореніи и разселеніи народовъ не можетъ быть возведено къ Пасхальной хроникѣ, 2) въ Повѣсти вр. лѣтъ въ разсказѣ, доходящемъ до разселенія славянъ, все, чего нельзя возвести къ хроникѣ Георгія Амартола (и его продолжателя), такъ какъ этой хроникой составитель Повѣсти вр. лѣтъ пользовался непосредственно.

Сравненіе данныхъ, представляемыхъ Палеей и Повѣстью вр. лѣтъ, ведетъ насъ прежде всего къ источникамъ статьи, возстановляемой обоими названными памятниками. Эти источники напоминаютъ: а) хронику, тожественную или близкую къ Синкелловой: такъ перечень Хамитовъ (Палея, стлб. 235—236) оказывается тожественнымъ съ текстомъ Синкелла (Боннск. изд., стр. 89); равнымъ образомъ почти тожественъ съ текстомъ Синкелла перечень Іафетидовъ (стлб. 237—238), при чемъ видимъ только небольшую перестановку и замѣну имени Ῥηγῖνες Нориками, отожествленными со славянами; б) хронику Амартола: изъ нея взяты перечни странъ, населенныхъ Семитами[1]) (Палея, стлб. 234), странъ, сопредѣльныхъ съ Хамитами (стлб.

1) Въ этомъ перечнѣ лишнія противъ Амартола слова «Мадіамъ великая и малая» извлечены, повидимому, изъ слѣдующаго затѣмъ текста (Палея, стлб. 235, стр. 7—14).

237), странъ, населенныхъ Іафетидами[1]) (стлб. 238—239); изъ нея же заимствована приведенная выше фраза: черьмна текущия на встокъ (ἐρυθρὰ βλέπουσα κατ' ἀνατολάς); в) хронику Малалы: такъ вставка «до понетьского моря» послѣ названія рѣки Тигра, не оправдывающаяся ни Пасхальною хроникой для Палеи, ни Амартоломъ для Повѣсти вр. лѣтъ, ни дальнѣйшею вставкой, перечисляющею русскія рѣки, ведетъ насъ несомнѣнно къ слѣдующей фразѣ XIII главы первой книги Малалы (изданія Истрина): ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ Τίγρι ποταμοῦ διαχωρίζοντος Μηδίαν καὶ Βαβυλωνίαν καὶ ἕως τῆς Ποντικῆς θαλάσσης; такъ еще упоминаніе Кавкасійскихъ горъ въ Іафетовой части восходитъ также къ Малалѣ, у котораго въ той же главѣ, нѣсколькими строками выше, читаемъ: Ἰάφεθ τοῦ τρίτου υἱοῦ Νῶε ἡ φυλὴ ἔλαβεν... καὶ τὸν Δάνουβιν καὶ τὸν Αἴαν τοὺς ποταμοὺς καὶ τὰ ἐπὶ Καυκάσια ὄρη καὶ Ἀβασγούς; г) источники статьи, отразившейся въ Палеѣ и Повѣсти вр. лѣтъ, напоминаютъ далѣе Еллинскій лѣтописецъ 1-го вида: фразу послѣдняго «а мѣра столпа того Халаньскаго имѣяше долготоу и ширину великыи сынъ 5433 лакотъ» (Поповъ, Обзоръ хронографовъ, I, стр. 11—12) сравните съ указаніемъ Палеи и Повѣсти вр. лѣтъ размѣровъ остатковъ этого столпа, указаніемъ, отсутствующимъ и у Амартола, и у Малалы, и у Синкелла; отмѣтимъ далѣе замѣну Скиѳовъ въ перечнѣ Семитовъ Алазонами (Палея, стлб. 233): она могла быть сдѣлана подъ вліяніемъ перечня, читаемаго въ Еллинскомъ лѣтописцѣ 1-го вида (Палея: халдѣи алазони, Еллинскій лѣтописецъ: халдѣи лазонесь); перечень островов, общихъ Хамитамъ и Іафетидамъ (Палея, стлб. 242), отражаетъ вліяніе соотвѣтствующаго перечня въ Еллинскомъ лѣтописцѣ: ср. названіе Великыи Коупръ въ обоихъ указанныхъ памятникахъ, между тѣмъ какъ въ Пасхальной хроникѣ только Κύπρος, ср. еще чтеніе каріафосъ (Вѣнскій списокъ Толковой Палеи) и каріантосъ (Еллинскій лѣтописецъ), между тѣмъ какъ въ Пасхальной хроникѣ Κάρπαθος[2]); д) какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ начальныхъ статей Еллинскаго лѣтописца 1-го вида внесены въ видѣ дополненій къ хронографической редакціи Толковой Палеи, но при томъ въ редакціи, нѣсколько отличной отъ Еллинскаго лѣтописца, какъ это было отмѣчено уже Поповымъ (ср. Обзоръ хронографовъ, вып. 1-й, стр. 18 относительно статьи объ Ангенорѣ и Велесѣ); оказывается, что

---

1) Имени Далматіи нѣтъ въ изданныхъ Муральтомъ греческихъ спискахъ Амартола. Но, конечно, существовали списки, гдѣ было это имя (оно есть и въ Повѣсти вр. лѣтъ).

2) Замѣтимъ, что та же статья и при томъ въ томъ же переводѣ читается въ Сборникѣ 1073 г. (л. 187 и сл.). Въ заголовкѣ указано, что она извлечена изъ Епифаніева Анкирота. Но при этомъ оказывается, что статья Сборника отличается цѣлымъ рядомъ вставокъ противъ текста Епифанія (напр. вставленъ перечень именъ сыновей Сима, Хама и Іафета). Вставки эти сближаютъ текстъ Сборника съ Еллинскимъ лѣтописцемъ 1-й редакціи. Можно думать, что вмѣсто того чтобы переводить вновь Епифаніеву статью, составитель Симеоновскаго сборника воспользовался готовымъ уже переводомъ.

въ Повѣсти вр. лѣтъ есть фраза, прямо ведущая къ одной изъ этихъ статей: Симъ же и Хамъ и Афетъ раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, ср. въ приложеніяхъ къ хронографической Палеѣ (напр. Погод. № 1435, тоже Синод. №№ 211 и 210 и др.): клятву имь повелѣ дати отець, яко никому же поступити на братень жребіи; е) наконецъ, какъ указано выше, связь статьи, послужившей источникомъ для Повѣсти вр. лѣтъ и Палеи, съ Архивскимъ хронографомъ устанавливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣднемъ разсказъ о столпотвореніи буквально тожественъ съ приведеннымъ выше разсказомъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Итакъ, интересующая насъ статья сближается съ цѣлымъ рядомъ хроникъ и хронографовъ. Уже это заставляетъ предполагать, что и сама она входила въ составъ хронографа, что такимъ образомъ не она одна, а весь хронографъ, въ составъ котораго она входила, отражалъ вліяніе указанныхъ выше источниковъ. Оставимъ въ сторонѣ сближеніе съ хроникой Синкелла, тѣмъ болѣе, что общими съ Синкелломъ оказываются только списки Хамитовъ и Іафетидовъ, представленные въ Пасхальной хроникѣ, какъ извѣстно, въ очень неудовлетворительномъ видѣ[1]): уже въ первоначальной редакціи Палеи соотвѣтствующія мѣста Пасхальной хроники могли быть исправлены по Синкеллу, если не допустимъ существованія болѣе исправной редакціи самой Пасхальной хроники (сходствовавшей въ указанныхъ мѣстахъ съ Синкелломъ). Остановимся на томъ обстоятельствѣ, что хронографъ, нами возстановляемый, содержалъ текстъ Малалы и Амартола и сходствовалъ съ Еллинскимъ лѣтописцемъ 1-го вида и Архивскимъ хронографомъ. Оба послѣдніе памятника довольно полно отражаютъ хронику Малалы; но оказывается, что возстановляемый нами хронографъ представлялъ текстъ этой хроники полнѣе, чѣмъ даже Архивскій хронографъ, такъ какъ содержалъ, напримѣръ, XIII главу первой книги, не сохранившуюся въ этомъ послѣднемъ хронографѣ. Это сближаетъ возстановляемый нами хронографъ съ тѣмъ, который недавно описанъ Истринымъ въ III главѣ его изслѣдованія «Изъ области русской литературы»[2]). Онъ дошелъ до насъ въ спискѣ XVI в. въ рукописи Софійской библіотеки (С.-Петербургской Духовной Академіи) № 1454; какъ доказано вполнѣ убѣдительно Истринымъ, онъ является сокращеніемъ болѣе древняго и болѣе полнаго хронографа, который, такъ же какъ Архивскій хронографъ и Еллинскій лѣтописецъ, представлялъ при изложеніи всемірной исторіи соединеніе двухъ источниковъ — хроники Малалы

1) Семитическихъ народовъ названо почти столько, сколько обѣщано — а именно 26, вмѣсто 27 (υἱοὶ Σὴμ τοῦ πρωτοτόκου υἱοῦ Νῶε, φυλαὶ κζ); Хамовы племена не названы совсѣмъ въ сплошной таблицѣ, а Іафетовыхъ названо въ сплошной таблицѣ 42, вмѣсто ожидаемыхъ 14.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1903, ноябрь.

и хроники Георгія Амартола. Несмотря на сокращеніе, которому въ Софійскомъ № 1454 подвергся между прочимъ и текстъ Малалы, онъ оказывается мѣстами полнѣе, чѣмъ Архивскій хронографъ: такъ, напримѣръ, въ Софійскомъ № 1454 сохранилась, правда, въ сильномъ сокращеніи, упомянутая нами XIII глава первой книги хроники Малалы[1]). Истринъ съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ, что тотъ болѣе древній и болѣе полный хронографъ, который въ сокращеніи дошелъ въ Софійскомъ № 1454, лежитъ въ основаніи Архивскаго хронографа, редакторъ котораго переработалъ текстъ основного списка и дополнилъ по нѣсколькимъ новымъ источникамъ. Мы, съ своей стороны, рѣшаемся утверждать, что предполагаемый Архивскимъ хронографомъ и хронографомъ Софійскаго списка № 1454 памятникъ былъ тожественъ съ возстановляемымъ при сравненіи Палеи и Повѣсти вр. лѣтъ хронографомъ. Приведемъ доказательства. Во-первыхъ, такъ же какъ протографъ Архивскаго хронографа возстановляемый нами хронографъ представлялъ соединеніе текста Малалы и Амартола, при чемъ содержалъ XIII главу первой книги Малалы, которой нѣтъ ни въ Архивскомъ хронографѣ, ни въ Еллинскихъ лѣтописцахъ. Во-вторыхъ, статья о столпотвореніи, судя, съ одной стороны, по Повѣсти вр. лѣтъ, съ другой по Архивскому хронографу, была въ обоихъ возстановляемыхъ хронографахъ тожественна, отличаясь отъ текста Еллинскаго лѣтописца 1-го вида, Малалы и Амартола. Въ-третьихъ, какъ возстановляемый нами при изученіи Палеи и Повѣсти вр. лѣтъ хронографъ, такъ и протографъ Архивскаго списка одинаково содержали рядъ русскихъ редакціонныхъ вставокъ и поясненій — и это особенно сближаетъ ихъ, ведя изслѣдователя къ ихъ отожествленію. Русскій редакторъ возстановляемаго нами хронографа, во-первыхъ, дополнилъ статью о разселеніи народовъ вставкой названій русскихъ рѣкъ и народовъ, извѣстныхъ въ Россіи (Палея и Повѣсть вр. лѣтъ); во-вторыхъ, онъ отожествилъ нориковъ со славянами и вставилъ ихъ въ списокъ народовъ, происшедшихъ отъ Іафета[2]) (Палея и Повѣсть вр. лѣтъ), въ-третьихъ, онъ объяснилъ Кавкасійскія горы предполагаемымъ русскимъ ихъ названіемъ (кавкасиискыя горы. рекше оугорьскыя: Палея и Повѣсть вр. лѣтъ). Русскій редакторъ протографа Архивскаго списка поясняетъ имя Гефеста Сварогомъ, а Геліоса (Солнца) Дажь-

1) Тамъ же, стр. 172—173.

2) Въ спискѣ пятнадцати народовъ, происшедшихъ отъ Іафета, читаемъ на тринадцатомъ мѣстѣ: норици иже суть словѣни; въ Повѣсти вр. лѣтъ: отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, отъ племени Афетова, норци (въ нѣкоторыхъ спискахъ: норици), еже суть словѣне; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ хроники Синкелла — Ῥηγῖνες. Норики взяты изъ списка 72 народовъ, подобнаго тому, который читается въ Пасхальной хроникѣ, гдѣ νώρικοι стоятъ на 56-мъ мѣстѣ, между παννώνιοι и δελμάται. Почему Норики отожествлены со славянами, неясно. Другія вставки въ списокъ Іафетидовъ — это отожествленіе роумовъ (Ῥωμαῖοι) съ греками (роуми иже зовуться греци) и аверовъ (Ἴβηρες) съ обезами.

богомъ (Μετὰ δὲ τελευτὴν Ἡφαίστου ἐβασίλευσεν Αἰγυπτίων ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ἥλιος: по оумрътвіи же Ѳеостовѣ, его же и Сварога наричють, царствова Египтяномъ сынъ его Солнце именемъ, его же наричють Дажьбогъ)[1]). Онъ же пояснилъ имя Скиѳіи именемъ Козаръ (облада... и европіею и скуфіею рекше козары: ὑπέταξε... καὶ τὴν Εὐρώπην πᾶσαν καὶ τὴν Σκυθίαν)[2]). Въ-четвертыхъ, въ Повѣсти вр. лѣтъ имѣется статья, заимствованная изъ хронографа, не оставляющая при томъ никакого сомнѣнія, что хронографъ этотъ представлялъ соединеніе текста Малалы и Амартола и содержалъ текстъ, тожественный съ протографомъ Архивскаго списка; отсюда выводимъ, что такой хронографъ былъ извѣстенъ на Руси уже въ началѣ XII в. и что онъ же могъ послужить источникомъ для статьи о столпотвореніи и разселеніи народовъ. Заимствованія изъ такого хронографа находимъ подъ 1114 годомъ (Ипат. и сх. списки); они начинаются словами: аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа; далѣе слѣдують три выписки, ведущія къ тексту Амартола[3]), а со словъ «И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ» — длинный отрывокъ, восходящій къ тексту I и II книгъ Малалы[4]).

Въ виду этихъ соображеній считаю доказаннымъ тожество хронографа, возстановляемаго при сравнительномъ изученіи Палеи и Повѣсти вр. лѣтъ, съ протографомъ Архивскаго хронографа. Изслѣдуемый хронографъ составился не на русской почвѣ. Онъ перешелъ къ намъ изъ Болгаріи и вмѣстѣ съ Еллинскимъ лѣтописцемъ 1-й редакціи восходитъ къ другому болѣе древнему хронографу. На Руси онъ подвергся дополненіямъ со стороны русскаго редактора: къ числу такихъ дополненій относятся вставки русскихъ рѣкъ, а также народовъ, извѣстныхъ Руси. Эти вставки указываютъ на то, что редакторъ жилъ на сѣверѣ Россіи, вѣроятно, въ Новгородѣ или Новгородской области: южанинъ не забылъ бы назвать въ числѣ рѣкъ Дона и Буга, а въ числѣ народовъ, сидящихъ въ Іафетовой части, онъ упомянулъ бы Печенѣговъ или Половцевъ, Торковъ, Касоговъ и др.

---

1) Ср. изд. 2-й книги Малалы у Истрина по Архивскому списку въ Лѣтописи историко-фил. общ. при Новоросс. унив. X.

2) Въ Архивскомъ спискѣ этого мѣста нѣтъ: здѣсь читается болѣе близко къ греческому тексту: и повиноу... и Европь и Скоуфию. Мы привели чтеніе дополнительныхъ статей Толковой Палеи (ср. выше). Онѣ восходятъ, повидимому, не къ Еллинскому лѣтописцу 1-го вида, а къ особой редакціи этого лѣтописца, представляющейся осложненіемъ текста 1-го вида по протографу Архивскаго хронографа; статья о Сесострисѣ могла попасть изъ этого источника. Особенно убѣдительно доказывается наличность вставки «рекше Козары» въ возстановляемомъ нами хронографѣ Повѣстью вр. лѣтъ, пользовавшеюся этимъ хронографомъ: придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре...

3) Вм. въ Африкѣи чит. въ Ѳракіи, ἐν Θρᾴκῃ (ed. Muralt, p.).

4) Въ серединѣ выписки явная вставка въ текстъ Малалы; начинается словами: сего ради прозваше и богъ Сварогъ, и кончается словами: и в пещь огнену. Откуда эта вставка, неясно. Но, быть можетъ, она восходитъ къ тексту самого хронографа.

ГЛАВА VII.

Итоги.

Подведемъ краткіе итоги всему предыдущему изслѣдованію.

Толковая Палея — памятникъ древнеболгарской литературы. Она составлена св. Меѳодіемъ или кѣмъ-либо изъ ближайшихъ его учениковъ (притомъ грекомъ по происхожденію) на основаніи тѣхъ преній съ евреями и срацинами, которыя велъ въ свое время Кириллъ, первоучитель славянскій.

Повидимому, еще въ Болгаріи возникла хронографическая редакція Палеи: въ основаніе положена была, быть можетъ, Толковая Палея, но она подверглась вставкамъ изъ Библіи, а также дополнена нѣсколькими апокрифическими статьями, а конецъ ея, гдѣ толковались пророчества и излагались новозавѣтныя событія, былъ замѣненъ хронографомъ, именно текстомъ Амартола. Впрочемъ, возможно (и пожалуй вѣроятнѣе), что хронографическая редакція Палеи составлена независимо отъ Толковой: обѣ Палеи сближались лишь общими источниками.

Еще въ Болгаріи появилось краткое извлеченіе изъ первоначальной редакціи Толковой Палеи. Вѣроятно допустить, что составитель этого извлеченія пользовался также и хронографической редакціей Палеи. Это извлеченіе вошло въ разсказъ о крещеніи Бориса подъ видомъ рѣчи, произнесенной Кирилломъ философомъ для утвержденія князя въ истинѣ вѣры христіанской.

Всѣ три памятника: первоначальная редакція Толковой Палеи, хронографическая редакція Палеи и Рѣчь философа перешли въ Россію не позже конца XI вѣка. Рѣчь философа была внесена въ древнѣйшій лѣтописный сводъ, вмѣстѣ съ разсказомъ о крещеніи Владиміра (въ Кіевѣ или Василевѣ), составленнымъ по образцу разсказа о крещеніи болгарскаго Бориса[1]).

Болгарская хронографическая редакція Палеи послужила источникомъ при составленіи Начальнаго Кіевскаго свода (конца XI вѣка): изъ нея заим-

1) Уже по отпечатаніи бо́льшей части этой статьи, я убѣдился въ необходимости внести поправку въ сказанное относительно той редакціи Рѣчи философа, которую находимъ въ такъ называемой Переяславской лѣтописи, или точнѣе въ предшествующемъ ей Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Этотъ Лѣтописецъ, по ближайшемъ изслѣдованіи его, оказывается составленнымъ на основаніи трехъ источниковъ: Кіевской лѣтописи (сходной съ той, которая легла въ основаніе Ипатьевской), Переяславско-Суздальской лѣтописи (лежащей въ основаніи Радзивиловской) и Владимірскаго полихрона (общерусской митрополичьей лѣтописи) начала XIV вѣка. Рѣчь философа заимствована изъ полихрона, который широко пользовался памятниками духовной и свѣтской литературы для дополненія древняго лѣтописнаго текста. Полихронъ дополнилъ и измѣнилъ Рѣчь философа на основаніи, быть можетъ, нелѣтописной редакціи этого памятника. Никоновская лѣтопись отражала многія чтенія полихрона. Отсюда сходство Рѣчи философа въ Никоновской лѣтописи и въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей.

ствованы древнѣйшія хронологическія даты и нѣсколько отрывковъ о чудесныхъ знаменіяхъ.

Эта же редакція подверглась на Руси нѣкоторымъ дополненіямъ. Такъ между прочимъ на основаніи русской редакціи того хронографа, который можно признать первообразомъ Архивскаго хронографа, переработана въ ней статья о столпотвореніи и разселеніи народовъ.

Тотъ же хронографъ, первообразъ Архивскаго хронографа, послужилъ, вмѣстѣ съ хроникой Амартола, источникомъ при составленіи Повѣсти вр. лѣтъ, памятника первой четверти XII вѣка. Отсюда объясняется наличность общихъ статей въ Толковой Палеѣ и въ Повѣсти вр. лѣтъ.

Болгарская хронографическая редакція не дошла до насъ въ полномъ видѣ. Она извѣстна лишь въ сокращеніи (списки: Срезневскаго, Погод. № 1434 и др.).

Первоначальная (нехронографическая) редакція Палеи подверглась на Руси полной переработкѣ на основаніи, во-первыхъ, хронографической редакціи (ср. статью о столпотвореніи и разселеніи народовъ; ср. потерю окончанія, которому не было соотвѣтствія въ хронографической редакціи), во-вторыхъ, цѣлаго ряда другихъ русскихъ источниковъ, отчасти выясненныхъ изслѣдованіями Истрина (списокъ Коломенскій и др.).

Дошедшая до насъ хронографическая редакція является соединеніемъ русской нехронографической редакціи съ болгарской хронографической редакціей (сп. Синод. № 211, Погод. № 1435 и др.).

А. Шахматовъ.

Февраль, 1904 года.

Rodzaj i liczba w rzeczownikach polskich.

p. Jana Łosia.

System oznaczania liczby i rodzaju gramatycznego, odziedziczony po epoce prasłowiańskiej, w późniejszych okresach życia oddzielnych języków słowiańskich uległ niektórym zmianom. Pewne formy zupełnie wyszły z użycia, inne znowu zachowały tak wielką żywotność, że się stały wzorami dla mnóstwa późniejszych nowotworów; w pewnych razach języki słowiańskie, choć niezależnie od siebie, ale prawie zupełnie równomiernie dążą w jednym kierunku, np. usuwając z użycia formę liczby podwójnej, w innych zaś okazują mniejszą lub większą rozbieżność. Działają tu niewykryte dotychczas czynniki psychologiczne, podobne do tych, o których pisał prof. Baudouin de Courtenay w notatce: «О связи грамматическаго рода съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ людей, говорящихъ языками, различающими родъ» Журн. Мин. Нар. Просв. 1900 № 10. Na podstawie faktów, z jednego tylko języka wziętych, niepodobna się kusić o wykrycie tych nieznanych czynników, nie jest też to celem niniejszego artykułu; chciałem tylko zgrupować fakty, wybrane ze «Słownika» Lindego oraz z niektórych zabytków staropolskich, oświetlając je uwagami ogólniejszego znaczenia o tyle tylko, o ile mi się zdawało, że mogę to zrobić bez uciekania się do pomocy fantazji.

Rodzaj (Genus).

Wszelkie próby wyjaśnienia pierwotnego stosunku między rodzajem gramatycznym imienia a jego formą spełzły na niczem i ostatnie usiłowanie Wundta «Völkerpsychologie» II, 19—24, jakkolwiek oparte na bardzo szerokich podstawach, rzeczy tej również w najmniejszej mierze nie wyświetliło. Wobec tego zupełnie racjonalnem jest stanowisko Delbrücka «Vergl. Syntax» I. 89, który tą kwestją wcale się nie zajmuje, lecz bierze pod uwagę tylko zasadę, że imiona grupują się według rodzajów albo na podstawie swego znaczenia, albo też formy.

Ponieważ niezawsze pomiędzy wymaganiami znaczenia i formy panuje harmonja, przeto w różnych językach jedno bierze przewagę nad drugiem. Tak np. w łacinie klasycznej, gdzie we wszystkich deklinacjach znajdujemy rzeczowniki zarówno męzkie, jak i żeńskie, oczywiście czynnik znaczenia gra rolę doniosłą. Wpływ jego został niezmiernie ograniczony w języku polskim. Przedewszystkiem bowiem tutaj, jak zresztą i w innych językach słowiańskich, przypuszczalny wpływ znaczenia ogranicza się tylko do imion istot żywych, płciowych. We wszelkich nazwach: gór, rzek, miast i t. d. o rodzaju już w czasach prasłowiańskich decydowała jedynie forma, a więc: wszytkie imiona prasł., kończące się niegdyś na -os (tematy na -o-) były męzkie, wszystkie na -us (tematy na -u-) również były męzkie, nie wyjmując prasłowiańskiego *medъ*, który zmienił rodzaj, upodobniając się do innych imion tejże deklinacji. Imiona, kończące się na -o-m (tematy na -o-) były nijakie; z dawnych tematów na -os pozostały tylko nijakie; tematy na -ū tylko żeńskie, zarówno jak i tematy na -ī. Z tematów spółgłoskowych, formy kończące się w nom. sg. na -mēn, -ent były tylko nijakie, a na -mōn męzkie. Już z tego widać, o ile czynnik formalny w języku prasłowiańskim odgrywał większą rolę od znaczeniowego. Stosunki te do ostatnich czasów pozostały bez zmiany i jedynie tylko w jednym wypadku zaszło odstępstwo od zasady formalnej, mianowicie w imieniu *książę*, które dopiero ostatniemi czasy w języku literackim stało się imieniem męzkiem: *ten książę*, lecz dawniej używane było w rodzaju nijakim: *to książę*, np. *Bądź nasze książę* BZ. Sędz. 11. 6.

Różnorodzajowemi w języku prasłowiańskim były imiona, utworzone od tematów na — ā (męzkie tylko istot żywych płci męzkiej), na -i-, na -r-, i tutaj w późniejszym rozwoju języków słowiańskich zaszły znaczne zmiany. O tematach nijakich na -r nic nie wiadomo; tematy męzkie już na gruncie prasłowiańskim przeszły do deklinacji dawnych tematów na -o (bratrъ, może także větrъ). Najdłużej utrzymały się żeńskie, ale i te nie obroniły się od niwelującego wpływu deklinacji dawnych tematów na -i- (por. dzisiejsze pols. *macierz*, gen. *macierzy* i t. d.). Jednocześnie też z niemi i w dawnych tematach na -i- dokonały się na gruncie polskim zmiany.

Mianowniki liczby pojedyńczej tych tematów pod względem końcówki (spółgłoski palatalnej lub dyspalatalizowanej) stały się podobnemi do mianowników tejże liczby dawnych tematów męzkich na -jo-. Wobec tego część imion męzkich, należących pierwotnie do deklinacji -i- przeszła do deklinacji -jo-: stp. *cieść*, npols. *teść*, *ogień*, *gość*, *łabędź* i t. p. Nie wszystkie jednakże tę drogą poszły, niektóre bowiem pozostały w deklinacji dawnej, ale za to zmieniły rodzaj męzki na żeński np. stp. *pąć*, *gęś*.

Znalazła tu przeto nowe zastosowanie zasada, że między rodzajem gra-

matycznym a formą słowa winien zachodzić związek bezpośredni. Zanim jednak ostatecznie ułożyły się te stosunki w języku literackim, widzimy dość znaczne wahania np. w zabytkach staropolskich: *cień*, *siew* występują jako imiona żeńskie (*nasza siew* jeszcze u Kniaźnina), teraz zaś są już imionami męzkiemi. Dlaczego dokonała się ta zmiana rodzaju, trudno wiedzieć: dla imienia *siew* czynnikiem decydującym mogło być odpodniebiennienie końcowej spółgłoski (*siew*, *siewu* analog. do *powiew* i innych tym podobnych męzkich), ale nie uległy temu wpływowi inne na -w dyspalatalizowane: *krew*, *pluskiew*, *konew*, *kotew* i t. d. które pozostały żeńskiemi i po części przeszły do deklinacji -a. Dla imienia *cień*, (już w Ps. Fl. gen. sg. *cienia* 12. 6) nie znajduję żadnego objaśnienia wobec tego że inne np. *sień* rodzaju nie zmieniły.

Na odwrót niektóre żeńskie w języku staropolskim mają formy przypadkowe męzkie (p. Kalina: Historja języka polskiego) np. gen. sg. *kradzieża* BZ. Ex. 20. 15., *stalu*, instr. sg. *gałęziem*, *czeluściem*. Jeszcze dziś niektóre są męzkiemi lub żeńskiemi np. *łabędź* (gen. *łabędzia* lub *łabędzi* bez względu na płeć ptaka) *żołądź* (gen. *żołędzia* lub *żołędzi*). *Żal* w kazaniach na wszech św. Rozpr. 22 str. 236, 316 występuje jako imię żeńskie, a dziś jest już męzkiem zarówno jak *ból*, którego deklinacji żeńskiej już śladów niema w zabytkach[1]).

Obecnie stosunki rodzajowe w języku polskim ukształtowały się tak, że w deklinacji I, której główną masę stanowią prasłowiańskie tematy na -o-, -jo-, -ŭ- z przymieszką późniejszą tematów innych np. *teść*, *kamień* i t. p. wszystkie imiona są rodzaju męzkiego. W deklinacji IV (dawne tematy na -i- z przymieszką późniejszą innych) mamy tylko imiona rodzaju żeńskiego (*gęś*, *krew*, *maciers* i t. p.). W deklinacji V, na -ę są tylko imiona rodzaju nijakiego (*imię*, *cielę*, gwarowe *płomię* i t. d.) z wyjątkiem męzkiego *książę*.

Dwurodzajowe są: deklinacja II, na -o, obejmująca imiona nijakie i męzkie, oraz III, na -a, do której należą imiona żeńskie i męzkie.

Jedynie tylko w tych dwu deklinacjach nad czynnikiem formalnym przeważa czynnik znaczeniowy, zresztą ograniczający swój wpływ tylko do osób płci męzkiej i to nie w całym ich zakresie. Podczas więc kiedy w deklinacji V bez względu na płeć, imiona osobowe z jedynym wyjątkiem (książę) są rodzaju nijakiego: *pacholę*, *chłopię*, *dziewczę*, *niebożę*. *niemowlę*, natomiast w deklinacji II mamy imiona męzkie zdrobniałe: *tato* (obok *tata* gen. *taty*), *Jasio*, *Stasio*, niezdrobniałe: *wujo*, *stryjo* stp. *błazno*, imiona własne: *Czuryło* (Cyryl), *Jagiełło*, *Fredro* i t. p. ostatnie zresztą odmienia-

1) Wahania takie datują się już z czasów praarjoeuropejskich, por. Delbrück «Vergl. Syntax» I. str. 117.

ne w innych przypadkach l. poj. według wzorów na -a, a w liczbie mnogiej według wzorów męzkich. Zresztą nazwiska a właściwie przezwiska na -o są w języku polskim stosunkowo rzadkie np. *Szepioto* Paw. IV. 1131, a już imion pospolitych w rodz. rus. запѣвало wcale niema.

Wobec męzkich zdrobniałych: *tatko*, *wujko*, *stryjko*, *Jasio* i t. p. uderzają nijakie, również zdrobniałe: *chłopiątko*, *dziewczątko*, *dziewczyniątko*, lub zgrubiałe, utworzone od imion męzkich lub żeńskich: *chłopisko*, *kobiecisko*, *żonisko*, *dziewczysko*, *dziewczynisko* i t. p. W męzkich przeważa czynnik znaczeniowy, w nijakich zaś—czynnik formalny, a różnica wypływa zapewne stąd, że pierwsze używają się najczęściej w zdaniach, bezpośrednio zwracanych do osób, przez imiona te oznaczanych, drugie zaś — w opowiadaniach o osobach nieobecnych; w pierwszym wypadku płeć osoby, z którą mówimy silniej narzuca się naszej świadomości, niż w drugim, kiedy o tej osobie tylko myślimy.

Istnieją lub istniały też w języku polskim imiona różnych typów znaczeniowych, utworzonych z suf. prasłowiańskim -ije. Niektóre imiona znaczenia zbiorowego przeszły do deklinacji I; a zarazem też zmieniły rodzaj, np. dzisiejsze imię: *liść* najprawdopodobniej jest nowotworem na miejscu dawnego *liście*, użytego jeszcze przez Pola: *Leci liście z drzewa*, w piosence popularnej, którą zazwyczaj teraz zmieniają na: *Lecą liście z drzewa.*

Zupełnie wyszły z użycia imiona męzkie na -e (z prasł. -ije), oznaczające urząd, zajęcie np. w zapiskach sądowych z końca XIV i początku XV wieku wydanych w Tekach Pawińskiego: *podkonie* III. 4543. *podstole* IV. 3409. *chorąże* IV. 1516. *łowcze* III. 3324. Wszystkie teraz przybrały formę przymiotników: *podstoli*, *chorąży*, *łowczy.*

W zakresie imion nieosobowych istniały pewne wahania w końcówkach rodzajowych; formy: *w powodziu* Fl. 15, *w podrożu* u Opalińskiego wskazują na dawne formy nijakie: *powodzie*, *podroże*, wyparte obecnie przez żeńskie: *powódź*, *podróż.* Dzisiejszemu żeńsk. *jemioła* odpowiada staropolskie *jemioło* np. Paw. IV. 1844. Obok formy dzisiejszej nijakiej *jasła* oraz w liczb. poj. nazwy miasta *Jasło* mamy stpols. formę żeńską: *Jozef jasły uczynił* Kaz. Gn. 35 *w jasłach* ib. 37. Obok nijakiego *biodro* mamy gwarowe: *biedra* i również żeńsk. stpolsk.: *Obnażywszy biodrę panieńską* Bz. Jud. 9. 2., obok *zacisze—zacisz*, fem. *zarośle—zarośl* oraz w zapożyczeniu: *olstro* n., *olstra* f. (die Holster). Z dwu dawniej przymiotników, dziś za rzeczowniki uznanych: *dziecko*, *wojsko*, drugi w języku staropolskim występuje z końcówką żeńską np. w BZ: *Na wszej jego wojsce* Ex. 14. 4. *Książęta wszej wojski* Ex. 14. 7, ale raz ze słowem określającym w rodz. nijakim: *Ano wszystko wojska słyszy* Deut. 20. 5. (audiente exercitu); zresztą *wszystko* może tu być biernikiem.

Niektóre imiona przybierają formę to męzką, to nijaką: *białek—białko*, *żółtek—żółtko*, *brzuch—brzucho*, *cud—cudo*, strpol. *ud*—teraz *udo*. W dwu ostatnich razach, forma starożytniejsza została wyparta przez nową, dziś bowiem *ud* został zapomniany a *cudo* używa się bardzo rzadko. Dawne *wiece* wyparł *wiec* dzisiejszy, a natomiast formy nijakie: *chomąto*, *podwórko*, *piekło* wzięły górę nad męzkiemi: *chomąt* (rus. хомутъ), *podwórek*, *pkieł* Rozpr. 22. 237. W jednym wypadku od jednego tematu tworzą się imiona jednoznaczne wszystkich trzech rodzajów np. *ścierw*, *ścierwo*, *ścierwa*. Forma żeńska jest najpóźniejsza i używa się tylko w przezwiskach np. *ten (ta) ścierwa to mi zrobił (zrobiła)*; rodzaj zależy od płci osoby, do której przezwisko się odnosi. Zapewne postać tego rzeczownika z końcówką żeńską powstała w ten sposób: w najczęściej używanem wyrażeniu: *ty ścierwo!* wołacz mógł być rozumiany nie jako vocativus deklinacji II (imion nijakich na -o) prawie nigdy nie używany, lecz jako wołacz deklinacji III (imion żeńskich na -a), odpowiednio więc do tego utworzono mianownik na -a, nadając mu specjalne znaczenie (nie padliny lecz wyzwiska).

Bardziej skomplikowane stosunki rodzajowe zachodzą w grupie imion na -a, które według wszelkiego prawdopodobieństwa w najdawniejszej epoce praarjoeuropejskiej tworzyły typ imion żeńskich. We wszystkich jednak językach, do tej rodziny należących, bardzo wcześnie wystąpił szereg imion, według formy—żeńskich, według znaczenia—męzkich, a język polski szczególniej w nie obfituje. Wprawdzie i niektóre imiona na spółgłoskę, należące do deklinacji męzkiej, mogą oznaczać osoby płci żeńskiej np. *zuch*, *tchórz*, *żwawiec*, *wartogłów*, *smarkacz*, *urwisz*, *trzpiot* i t. p. przenośnie, ale te nie uchylają się od zasady ogólnej, według której rodzaj stosuje się do formy, czyli pozostają męzkiemi np. *wielki z niej tchórz*, *zuch*, *takiego trzpiota*, *jak ona*, *nic widziałem* i t. d. Inne np. *człowiek*, *gość* pierwotnie musiały służyć tylko mężczyznom (dawniej *gość* = kupiec, a i dziś dla kobiety kupczącej istnieje tylko nieracjonalna nazwa: *kupcowa*). Wreszcie takie masculina jak: *babstel*, *babsztyl*, *babus* i t. p. powstały w ten sposób, jak łac. hic mulier.

Stanowczą przewagę nad czynnikiem formalnym wziął czynnik znaczeniowy właśnie tylko w grupie imion na -a, czyli końcówka ta została niejako uznana za żeńską i męzką. Dlaczego nie zaszło to samo w zakresie dawnych tematów na -i-? łatwo na to odpowiedzieć; mianowicie w rozróżnianiu tematów męzkich i żeńskich na -i- język nie dawał żadnych wskazówek wyraźnych, gdy tymczasem męzkiemi na -a od czasów najdawniejszych były tylko imiona osób płci męzkiej, a więc zasada kierownicza była tu zawsze oczywista.

Ogólnie przyjęto, że imiona, kończące się na -a, pierwotnie wszystkie były rodzaju żeńskiego, a następnie niektóre z nich, mianowicie nazwy czyn-

ności stały się nazwami osób, czynności te wykonujących; Delbrück («Vergl. Syntax» I. 110), zresztą nie przypuszcza aby w czasach dawnych między znaczeniem imienia czynności a imienia wykonawcy zachodziła tak wielka różnica jak w czasach późniejszych. Przenoszenie nazwy czynności na imię wykonawcy odbywa się jeszcze w czasach historycznych i to nietylko w zakresie imion na -a np. w zapisce sądowej krakowskiej z r. 1444 czytamy: *ze swymi pomocmi* Helc. II. № 3208 w znaczeniu: *ze swymi pomocnikami.* Nadto jeszcze znane jest pochodzenie imion męzkich na -a utworzonych albo przez przeniesienie nazwy jakiegokolwiek przedmiotu żeńskiego na osobę męzką, albo powstałych z imion zbiorowych. Przytaczam przedewszystkiem przykłady na te trzy kategorje.

I. Imiona męzkie, utworzone z różnych pospolitych. Im taka przenośnia jest świeższa, im mniej używana lub też im luźniej zespolona z osobą, tem mocniej zachowuje dawny charakter pod względem rodzaju. Mówimy przeto: *tajemnicza maska*, *gruba ryba*, *wysoka figura*, *głupia trąba*, choć te słowa odnoszą się do mężczyzn. Już jednak męzkiemi są: *najwyższy głowa kościoła*, *wielki niecnota*, choć odmieniają się w obu liczbach według deklinacji żeńskiej, a nawet w liczbie mnogiej wracają do rodzaju żeńskiego: *najwyższe głowy*, *wielkie niecnoty* i t. d.

II. Imiona męzkie, utworzone z nazw czynności i mogące dziś jeszcze się używać w obu tych znaczeniach: *gdera*, *gwara*, *maruda*, *mitręga*, *niemowa*, *przechera*, *przekora*, stp. *rękojmia* (często w znaczeniu poręczyciela w zapiskach sądowych XIV i XV w. np. Paw. IV. 3403, dziś używane tylko w znaczeniu poręczenia) *zmuda*, *zrzęda*, a wreszcie tu można odnieść także: *drużbo*, w znaczeniu przyjaźni, i przyjaciela, pełniącego pewne obowiązki przy obrzędzie ślubnym.

III. Mniej wyraźne jest pochodzenie imion osobowych męzkich na -a, które zapewne wzięły początek ze zbiorowych. O niektórych tylko można sądzić z większą pewnością, że miały charakter imion zbiorowych, zanim się stały imionami jednostkowemi np. *mężczyzna* jako imię zbiorowe występuje u Stryjkowskiego: *Sto miasteczek spalili*, *mężczyznę siekli.* U Leopolity w znaczeniu jednostkowem, ale w rodzaju żeńskim: *Każda mężczyzna twoja* Ex. 23. 17. (omne masculinum), także u Otwinowskiego: *Święto białe głowy obchodziły*, *przy którym tylko jedyna mężczyzna bywała* (p. Linde); teraz już tylko masculinum: *jeden mężczyzna*. *Czelada*, u Trębeckiego: *Ja to, ów Hołotkiewicz*, *poczciwy czelada* (Linde), nie używa się w tej formie jako zbiorowe imię, lecz w starożytniejszej: *czeladź*, lub w zdrobniałej: *czeladka*. *Szurza*—frater uxoris np. Paw. IV. 2201 lub Helcel II. 3173 roku 1453 występuje jako zbiorowe w rus.: шурья. *Gołota* (*hołota*), dziś używane tylko w

znaczeniu zbiorowem, w języku staropolskim występuje, jako imię jednostkowe, np. *gołoty* impossessionati Helcel II. 3864 rok 1467 (p. także Linde). Może tutaj również należą takie jak: *junosza*, *panosza*, ale o ich pochodzeniu trudno powiedzieć coś bardziej określonego.

Do starożytnych, prasłowiańskich a może nawet praarjoeuropejskich typów należą dwa jeszcze:

Imiona złożone, w których drugiej części występuje forma imienna na -a, utworzona od tematu słownego: *poćbiega* («Prace Filologiczne» V. 41) *kaznodzieja, grododzirża* («Prace Filologiczne» I. 481) *dziwowidza* (Rozpr. 24. 367. Archiv. f. sl. Phil. 16. 143) *nowożenia* Fl. 18. 5. wspomniane już *rękojmia* i t. d. por. stsł. дрѣводѣлꙗ, богомолꙗ i t. d. rus. разстрига, недотрога, повѣса i t. d. łac. incola, alienigena, homicida, perfuga, advena i t. d. Być może były one pierwotnie nazwani czynności. Modyfikację ich późniejszą stanowią wyrazy złożone, których druga część utworzona z suf. -ca; są one już wszystkie od początku tylko osobowe:

a) Z tematem imiennym w pierwszej części: *chlebojedźca* Paw. III. 3613. Helcel II. 224 rok 1398, *bałwochwalca, chwaliburca, cudzołożca, czarowierca, darmotrawca, dobroczyńca, złoczyńca, mocodawca, innowierca, starowierca, królobójca, mężobójca* (w strpols. także odnośnie i do kobiety: *Ganiebna mężobojca swych mężow* BZ. Tob. 3. 9. interfectrix virorum) *krzywoprzysiężca, samodzierżca, marnotrawca* i t. d. Jako imię żeńskie występuje też *bogomodlca* np. *każda bogomodlca* w Modlitewniku XVI w. wydawanym obecnie przez St. Ptaszyckiego (karta 28). Z tematem imiennym w drugiej części: *cudzoziemca* Rozpr. 33, 129 i 133.

b) Jeszcze liczniejsze są złożone z przyimkiem: *dokonawca, dowódca, dozorca, niedopłajca (niedopłaćca), obłojca, obmowca, obrońca, obżerca, oprawca, osajca (osadźca* u Lindego pod: *oszajca), opilca, ożralca, odstręczca,* Rozpr. 33. 128, *pochlebca, potwarca, pożeżca* Paw. III. 4010, *przeniewierca, przestępca, prześladowca, przyczyńca, pobierca* Rozpr. 33. 128 dziś *poborca, rozproszca, rozsądca, rozszerca, skaźca, sprawca, wdzierca, wystawca, zachodźca* Paw. IV. 4845 *zastępca* Paw. IV. 3681, *zaszczytca, zbawca, zbójca, zdobywca, zdradźca* Helcel II. 2253, *zwycięzca* i t. d. Właściwie są to tylko pozorne wyrazy złożone, gdyż zostały utworzone od słów złożonych z przyimkami. Wspólne są i innym językom słowiańskim np. rus. убiйца ale tylko w zachodniej słowiańszczyznie rozpowszechniły się tak bardzo. Niektóre z nich oczywiście zostały utworzone późno, według istniejących wzorów i bez ścisłego stosowania się do tematów słownych: *wynalazca, zbójca, obżerca, opilca* i t. d. Niektóre nie mają już odpowiedników słownych np. *obłojca, oszczerca*. Zapewne te pozorne imiona złożone otrzymały końcówkę -ca analogicznie do istotnych złożeń, t. j. mających temat imienny w pierwszej części.

Ostatnią, bardziej określoną grupę typu ogólnosłowiańskiego stanowią imiona męzkie na -a, składające się z dwu części, z których druga zachowała formę pierwotną imienia żeńskiego: *golibroda*, *kuternoga*, *moczymorda*, *odrzyskóra* (gen. pl. *odrzyskórów* Wujek. Linde), *pasigęba* (nom. pl. *pasigębowie*, Linde) *powsinoga*, *wiercipięta* i liczne inne. Podobne do nich są też takie złożone, jak: *jegomość i jejmość*: pierwsze męzkie, i odmienia się według deklinacji I: *jegomościa*, *jegomościowi*, drugie zaś pozostało żeńskie; natomiast *waszmość* zawsze odmienia się według wzorów żeńskich, mimo pierwszej części w formie pozornie męzkiej *wasz-*.

Zapewne już w nowszych czasach z suf. -ca tworzą się też liczne derivativa od słów niezłożonych, niewątpliwie pod wpływem powyżej przytoczonych złożeń pozornych. Jeżeli bowiem można było utworzyć od *obronić* —*obrońca*, to wydało się rzeczą naturalną formacja taka, jak np. od *ciemiężyć*—*ciemiężca*. I w takie imiona język polski obfituje: *dzierca* Rozpr. 33. 172. XV w. obok nowopolskiego i staropolsk. *zdzierca* Helcel II. 534 r. 1399, *gańca* XV w. Rozpr. 33. 158, *chwalca*, *ciemiężca*, *drapieżca*, *dzielca*, *gromca*, *łomca*, *mówca*, *kłamca*, *pędźca*, *radca* lub *rajca*, *rządca* (Helcel II. 3069 r. 1442) *twórca* (ob. *tworzec*) i t. d. Niektóre utworzone zostały od tematów imiennych: *morderca* ob. stpolsk. *morderz*, *dzierżawca* (dzierżawa), *skąpca* (skąpy), *łupieżca* (łupież), *wiadomca* (wiadomy), *łaskawca* (łaskawy), *woźnica* (stp. woźnik = koń pociągowy), nowa wiarca (Rozpr. 33. 130), *żeńca* (stp. żeń=żniwo. Rozpr. 33. 164) zapewne także: *dawca* (ob. dawacz), *znawca* według analogji do innych podobnych: *oprawca*, *marnotrawca* i t. d. Są też choć rzadkie i z suf. -ica: *pijanica* (pijany) i t. p.

Tak więc przynajmniej co do wyliczonych dotychczas kategorji sądzićby należało, że pierwotne przenośnie na -a stały się wzorem dla późniejszych imion męzkich na -ca, a gdy w języku powstało już kilka kategoryj takich imion męzkich na -a, liczba ich ciągle wzrastała przez nowotwory analogiczne. Mamy więc jeszcze takie główniejsze kategorje:

na -ła: *wiła* ob. złożonego a niejasnego *szaławiła*, *jąkała*, *pierdoła*, *gaduła*, *guzdrała* i t. p.

na -ęka, -ęga: *niedołęka*, *niedołęga* (por. gw. *doleć* = radzić sobie, módz) stp. *łazęka*, *łazęga*, *włóczęga* (w znaczeniu czynności i osoby) por. rus. бродяга, бѣдняга i t. d.

na -ka: *hajdamaka*, *zawadjaka*, *włodyka* (w wieku XV imię używane jeszcze jako żeńskie choć oznacza mężczyznę: *niewierna władyko osiekę cię* Helcel II. 1603 r. 1419). *Ścirciałka* (squirio) i t. d. por. rus. забіяка, ищейка i t. d.

na -ina: stp. *gardzina* Rozpr. 33. 168. *łotrzyna* (latro) *chłopczyna*,

chłopina, *chudzina* i t. d. *dziecina* rodz. żeńs. bez względu na płeć dziecka, w rus. дѣтина rodz. męzkiego.

Szczególnie liczne są imiona własne na -a, np. na -ęta: *Bodzęta*, *Dzirzbięta*, *Nawięta*, *Mirzięta*, *Falęta* (t. j. Chwalęta), *Wyszęta*; na -uta: *Boguta*, *Boruta*; na -ota: *Wysoła*, *Panota*, *Prędota*, *Dusota*, *Ninota*; na -ta: *Bolesta* i t. d.; na -ała: *Strugała*, *Niegibała*, *Nadobała*, *Grzymała*, *Sączała*; z innemi sufiksami: *Piechura*, *Drogochna*, *Pechna*, *Strochna*, *Kozuberga*, *Łomazga*, *Bogusza*, *Grochula* (p. Teki Pawińskiego), *Kmita*, *Szajnocha*, *Zagłoba*, *Sapieha* i t. d. Tłomaczenia imion łacińskich: *Żegota* (Ignatius), *Lasota* (Silvester) i t. p.

To wszystko jednak bynajmniej jeszcze nie wyczerpuje całego zasobu imion męzkich na -a. Pozostają jeszcze przedewszystkiem liczne takie, o których trudno powiedzieć, czy wzięły początek z nazw czynności, czy też z innego jakiego źródła, a są między niemi bardzo starożytne, prasłowiańskie, różniące się między sobą pod względem formy liczby mnogiej, gdyż jedne tworzą ją według wzorów męzkich i te są nieliczne, np. *starosta*, *sędzia*, *wojewoda* i t. d. które wyłącznie mogą być imionami mężczyzn. Wyjątek stanowi *cieśla* w licz. mn. *cieśle* ale gen. *cieślów*. *Sługa* ma formę podwójną: *słudzy*, gdy mowa o mężczyznach, *sługi*, gdy o kobietach, w gen. zawsze *sług*. *Szuja*, zapewne pierwotnie w znaczeniu «lewa ręka» jako przeciwstawienie do «prawy» musi być starożytne, jeżeli nie jest zapożyczeniem, gdyż wyraz ten ze znaczeniem «lewica» nie jest znany w języku polskim oddawna; gen. pl. może brzmieć: *szuj* lub *szujów*. *Pastucha* trafia się już w BZ. Gen. 4. 2. ale występuje na równi z nim *pastuch*. *Rownia*, już w języku staropolskim bardzo rzadki, potem wyszedł zupełnie z użycia. Wszystkie inne mogą zarówno odnosić się do mężczyzn jak i do kobiet i zawsze mają w liczbie pojedynczej i mnogiej deklinację żeńską. Najstarożytniejszemi z nich są: *sierota*, *kaleka*, do późniejszych należą: *bałaka*, *bakuła* (człowiek wielomówny), *beksa*, *ciura*, *gazda*, *haraburda*, *kaszuba*, *klecha* (clericus), *kuchta*, *kutwa*, *łapa* (praedo Helcel II. 2253 r. 1429) *mantyka* (z łac. mantica — biesagi), *mara*, *matołka* (ob. matołek = kretyn), *mądrala*, *mazepa* (ten, co się maże, często płacze), *niezguła*, *nahuła* (niezgrabny), *płaksa* (Rozpr. 33. 125), *poczwara*, *pokraka* (także w znaczeniu: zwada, kłótnia), *rubacha* (z *grubacha*, *hrubacha*), *safanduła*, *sknera*, *smerda*, *strzyga*, *warta*, *wyga* (dawniej «stare psisko» p. Linde, teraz «człowiek znający różne wybiegi»), *zmora* (od mrzeć), *znajda*, *żminda* w stpols. jeszcze w znaczeniu «skąpstwo» p. Linde, teraz oznacza człowieka nudzącego innych swemi wymaganiami.

Kończą się również na -a imiona osobowe, zapożyczone z języków klasycznych i należące tam do deklinacji I: *despota*, *patrjota*, *patrjarcha*, *mo-*

narcha, *katecheta*, *fantasta*, *apostata*, *anachoreta*, *geometra* i t. d. mające w jęz. rus. końcówkę męzką. Obszerniejsze grupy stanowią zakończone na -ita: *adamita*, *barnabita*, *jezuita*, *neofita*, *sodomita* i t. d. oraz na -ista: *altysta*, *anabaptysta*, *artysta*, *ateista*, *deista*, *egoista*, *encyklopedysta*, *entuzjasta*, *ergocista*, *egzorcysta*, *fizjonomista*, *formalista*, *hoboista*, *jurysta*, *kawalerzysta*, *kornecista*, *legjonista*, *legista*, *marcjalista*, *organista* i t. d. oraz analogiczne do nich: *basista*, *bębenista*, *dudzista* (dudarz) i t. p. wszystkie również z końcówką męzką w jęz. rus. Prawidłowe stp. *akolit* (der Acoluth) poszedł też za przykładem licznych na -a i przybrał formę żeńską: *akolita* również jak: *kameduła*. Dawniejsze męzkie nieosobowe: *kometa*, *planeta* teraz już ogólnie uważane są za żeńskie. *Grabia* oraz podobne: *margrabia*, *gograbia*, *burgrabia* najpewniej są zapożyczone nie wprost z niemieckiego, lecz z czeskiego gdzie *grabia*, *grabě*, późniejsze *hrabě* mogło przybrać końcówkę analogiczną *kniža*, *knižě*.

Pod względem traktowania wszystkich tych imion osobowych język polski w ogólności zgadza się z czeskim a różni się od ruskiego w którym końcówka została przystosowana do płci osoby, a więc jest męzką.

W języku polskim mamy też liczne wahania między końcówką męzką a żeńską także w obrębie imion nieosobowych i zjawisko to musi być bardzo starożytne ze względu choćby na różnice, zachodzące między pols. *ptak*, rus. птица, *pacha*—пахъ, *osełka*—оселокъ, *barłóg*—берлога, *zawora* stsł. завора, rus. заворъ i t. d. Tu jednak rodzaj zależy w zupełności od końcówki, t. j. imiona na -a są zawsze żeńskie, imiona zaś na spółgłoskę—zawsze męzkie. Zazwyczaj jednak w dzisiejszym języku literackim używa się tylko jednej formy, albo męzkiej, albo żeńskiej. Formę zachowaną tylko w zabytkach, a dziś już wyszłą z użycia, stawiam w nawiasie; zapożyczone: *blacha* (*blach*), (*chyż*) *chyża*, (*fig*) *figa*, *gmina* (*gmin*, ten ostatni dziś w znaczeniu: tłum, lud), *grępla* (*grępel*), (*kartofla*) *kartofel*, *mórg*, *morga*, *pikieta* (*pikiet*), (*rozynka*) *rozynek*, *sprycha* (*sprych*), *szrama* (*szram*), (*sznura*) *sznur*; rodzime: (*obrzęda*) *obrzęd*, *opłata* (*opłat*), *wypłata* *wypłat* np. *na wypłat*, *opusta* (*opust*), (*osęka*) *osęk*, (*opiek*) *opieka*, *osnowa* (*osnow*), (*ośrodka*) *ośrodek*, *para* (*par*), (*patyka*) *patyk*, (*piega*) *pieg*, (*pierwiosnka*) *pierwiosnek*, stp. *płata*, *płat* (rus. плата). *pochwała* (*pochwał*), *podnieta* stp. *podniata* stp. *podniat*, *podroba* (*podrób*), *postawka* (*podstawek* np. Rozpr. 33. 136), (*pojazda*) *pojazd*, (*pokłona*) *pokłon*, (*pomiara*) *pomiar*, *ponowa* (*ponów*), (*popręga*) *popręg*, *poręba* (*porąb*), (*poroda*) *poród*, *potrzeba* (*potrzeb*), (*powaba*) *powab*, *powała* (*pował*), *poznaka* (*poznak*), *pożoga* (*pożóg*), *pręga* (*prąg*), (*przeguba*) *przegub*, (*przekaza*) *przekaz*, obie formy teraz nie używane w dawnem znaczeniu: *przeszkoda* (*przeszkód*), *przekora* (*przekór*, ale i teraz: *na przekór*), *przykładka*, *przykładek* (obie jednakowo używane), (*przykopa*) *przykop*, (*przymiota*) *przymiot* (rus. примѣта), *pycha* (*pych*), *rozczyna* (*rozczyn*), (*rozporka*) *rozporek*,

stp. *roswora*, *roswór* (= rozwieranie), (*smereka*) *smerek*, *smuga smug* (między temi wyrazami istnieje już pewna różnica znaczenia: *smuga* = pas np. światła, *smug* = pas pola, pole), *stokłosa* (*stokłos*), *strużka* (*strużek* = strumyk), (*świerka*) *świerk*, *szczerba* (*szczerb*), *troska* (*trosk*), (*wdzięka*) *wdzięk*, (*widelca*) *widelec*, *wyspa* (*wysep*), (*zakręta*) *zakręt*, (*zaprzęga*) *zaprząg*, (*zapusta* Paw. III. 359) *zapust*, (*zasieka*) *zasiek*, *zaspa* (*zasep*), (*zatarga*) *zatarg*, stp. *zawałek*, *zawałka* (= przeszkoda), *zbroja* (*zbroj*), *zjawa*, *zjaw* (oba rzadkie), *zmarszczka* (*zmarszczek*). Jednakowe używane są obie formy wtedy gdy się różnią znaczeniem np. *smuga*, *smug*, *zastawa* (= przegroda), *zastaw* (fant). Wahanie się takich złożonych jak: *uraza*, *uraz* wskazuje na różne formy odpowiedniego imiona niezłożonego: *raza*, *raz* z postaci żeńskiej jednak pozostały tylko szczątki w takich np. wyrażeniach jak gw. *tamtej razy*, lub *jedną razą* (Semel, dawniej w znaczeniu: *jednem cięciem* por. raz-: rěz- = laz-: lěz-).

Pomijam już takie wypadki w których np. imię zmienia rodzaj ze zmianą sufiksu np. *skręt*—*skrętka*, *swóz*—*swózka*, *zbiór*—*zbiórka*, a natomiast wspomnę jeszcze o tem, jak rozmaicie odbija się rodzaj w imionach nieosobowych, zapożyczonych z języków obcych.

Bardzo często imię zapożyczone jest tego samego rodzaju, jak i w języku, z którego zapożyczenie wzięto, ale to się odnosi tylko do imion rodzaju męzkiego i żeńskiego np. męzkie *aresst* (der Arrest), *ałun* (der Alaun), *akt* (actus), *adwent* (adventus, der Advent), *abzac*, *obcas* (der Absatz), *abszyt* (der Abschied), *abrys* (der Abriss) i t. d. żeńskie: *apteka* (ἀποθήκη, die Apotheke), *aprobata* (die Approbate), *antaba* (die Handhabe), *alkowa* (une alcove), *alea* (une allée), *gazeta* i t. d. jak również wszystkie, wzięte z łaciny na -tio: *abdykacja*, *abjuracja*, *ablucja*, *abrewjacja* i t. d.

Z nijakich bardzo rzadkie zachowują rodzaj pierwowzoru np. *futro* (das Futter), daleko częściej zmieniają formę na męzkie: *argument* (argumentum), *amonjak* (ammoniacum), *amfiteatr* (das Amfiteater), *amalgamat* (ἀμάλγαμα), *halsztuk* (das Halstuch), stp. *alszband* (das Halsband), *alabastr* (ἀλάβαστρον), *akrostych* (ἀκρόστιχον), *gmach* (das Gemach), łacińskie zaś na -ium przyjmują nieraz końcówki żeńskie: *astrolabja* (astrolabium), *antependja* (antependium), *amfibja* (amphibium) por. rus. гимназія, w polskim z niezmienioną formą łacińską: *gimnazjum* (w liczbie poj. nieodmienne).

Ale zarówno też i w zakresie dwu innych rodzajów zachodzą niezgodności, mamy np. rodzaj męzki zamiast żeńskiego: *antyk* (une antique), *aljans* (une alliance), stp. *agażant* (une engageante), *adres* (une adresse), *grymas* (une grimace rus. гримаса), *gawot* (une gavott), i t. d. zamiast oczekiwanych: *antyka*, *aljansa* i t. d. Wszystko to są zapożyczenia nowe, pochodzące z czasu, kiedy już końcowe -e w języku francuzkim przestało się wymawiać,

wskutek czego wyraz francuzki przyjęto w postaci, podobnej do typu imion rodzimych polskich rodzaju męzkiego (z końcówką na spółgłoskę). Dlaczego jednak niektóre imiona obce rodz. męzkiego stały się w języku polskim żeńskiemi, na to nie umiem odpowiedzieć np. *ambona* (gr. ὁ ἄμβων, śr. łac. ambo por. ambonem... decoratum, Ducange, w rus. prawidłowo амвонъ) *altana* (der Altan) i niektóre inne.

Między językiem polskim a ruskim zachodzi ta różnica, że w pierwszym częściej zachowuje się rodzaj żeński imienia zapożyczonego, w drugim zaś zmienia się go na męzki: *akcyza*—акцизъ, *antyfona*—антифонъ, *eskorta*—эскортъ, *etykieta*—этикетъ, *flaga*—флагъ, *flota*—флотъ, *fregata*—фрегатъ, *garderoba*—гардеробъ, *kamizela*—камзолъ, *kapituła*—капитулъ, *kapota*—капотъ, *orkiestra*—оркестръ, *palisada*—палисадъ, *parada*—парадъ, *perła*—перлъ, *peruka*—парикъ, *toaleta*—тоалетъ, *szafa*—шкапъ i t. d. Zapewne niezgodność wypływa z różnicy w czasie i miejscu zapożyczenia. Zrzadka mamy stosunek odwrotny: pols. *fałsz* masc. rus. фальшь fem., niekiedy zaś zachodzą inne różnice: *ewangelja* fem. rus. евангелie neutr., w nazwie miasta *Jerozolima* f. *Jeruzalem* n. rus. Iерусалимъ masc.

Nietylko w polskim, ale we wszystkich językach słowiańskich i innych pokrewnych bardzo rozmaicie traktowany jest stosunek rodzaju gramatycznego imion zwierzęcych do płci zwierząt. Przedewszystkiem zaznaczyć trzeba, że im większą rolę zwierzę odgrywa w życiu człowieka, im mu jest bliższe, mniej obce, tem silniej w formie imienia odbija się czynnik znaczeniowy, t. j. tem częściej w nazwie zwierzęcia zaznacza się płeć jego. Różnopłciowe jednostki mają różnorodzajowe imiona w obrębie zwierząt domowych i niektórych tylko dzikich. I tu jednakże większa lub mniejsza równorzędność tych imion różnorodzajowych zależy w najznaczniejszej mierze od zróżniczkowania korzyści, którą zwierzę przynosi człowiekowi. To zróżniczkowanie nigdzie wyraźniej nie występuje jak śród bydła: osobniki męzkie dają człowiekowi pracę swych muskułów, osobniki żeńskie — mleko. To też język nie mięsza nazw: krowy i wołu lub byka; dla obu płci istnieją właściwe każdej z nich nazwy męzkie i żeńskie: *wół*, *bawół*, *bugaj*, *byk* stp. *karw*; *krowa*, *jałowica*, *jałówka*, *klępa* i t. p. dla stada zaś, obejmującego jednostki obu płci, zdawna była w wyłącznem użyciu specjalna nazwa: stp. *skot*, teraz *bydło*.

Inne gatunki zwierząt domowych już nie mają tak zróżniczkowanych funkcyj, choć więc istnieją osobne nazwy dla jednostek różnopłciowych, ale przewaga jest po stronie albo męzkiej, albo żeńskiej stosownie do przyczyn specjalnych. *Klacze*, *kobyły*, stp. *świerzopy* na równi z *wałachami*, *ogierami* i wszelkiego rodzaju *końmi* stanowią siłę pociągową, to też stadem *koni* nazywamy stado różnopłciowe i najczęściej *dobrym koniem* nazywamy tak samo

osobnik męzki jako też i żeński. Ponieważ samce w ogólności uchodzą za silniejszych, przeto wszelkie nazwy koni lepszych są męzkie np. *dzianet*, *bachmat*, *rumak* i t. d. liche natomiast osobniki dostają przezwiska żeńskie: *szkapa*, *hetka*, *marcha*, *parepa* i t. d.

Gdzie chodzi głównie o przychowek, a więc gdzie osobniki żeńskie większą dla człowieka mają wartość i w większej od męzkich liczbie są hodowane, tam też ich imiona zyskują przewagę nad męzkiemi: nazwa: *owce*, obejmuje i owce właściwe, i *barany*, i *skopy*; *świnie* (razem z *wieprzami*) a także i z ptactwa domowego: *kury*, *kaczki*, *gęsi*, *indyki* i t. d.

Za to *pies* ma przewagę nad *suką*, a ze zwierząt dzikich: *jeleń* nad *łanią*.

Naturalnie przewaga jest tu rozumiana w znaczeniu większej częstości używania i możności przystosowania nazwy jednego rodzaju gramatycznego do osobnika płci nieodpowiedniej; gdzie zaś zachodzi potrzeba uwydatnienia płci zwierzęcia, tam używa się imion właściwego rodzaju gramatycznego: *baran* lub *skop*; *wieprz*, *knur*, *kiernoz*, *kierda* (forma żeńska ale rodzaj męzki); *kur*, *kokot*, *kogut*, *kapłon*; *kaczor*, *gęsior*, *indyk* i t. d.

Oprócz wymionych istnieje jeszcze szereg imion zwierzęcych, mających tę właściwość, że imię męzkie bywa używane również na oznaczenie osobnika płci żeńskiej, choć są w języku osobne postaci imion żeńskich, używane rzadziej, t. j. w specjalnym celu uwydatnienia płci zwierzęcia np. *ogar* stp. *ogarz* (ogarzyca), *wyżeł* Helcel II. 2547 r. 1434. (wyżlica), *chart* (charcica Helcel II. 954. r. 1403), *kot* (kotka, kocica), *osieł* (oślica), *lis* (liszka w rus. лиса dla samca i samicy), *wilk* (wilczyca), *niedźwiedź* (niedźwiedzica), *lew* (lwica), *żubr* (zubrzyca, krowa), *gołąb* (gołębica), *paw* (pawa, pawica), *orzeł* (orlica), *cietrzew* (cieciorka) i t. d.

Czy w dwójkach takich jak: *sarn—sarna*, *wron—wrona*, *rybitw—rybitwa*, *jaszczur—jaszczurka*, *żmij—żmija*, *stonóg—stonoga* odbijał się niegdyś wzgląd na płeć danych osobników, co już dziś niema miejsca zupełnie, o tem można wątpić.

Najobszerniejszą masę imion zwierzęcych tworzą imiona jednorodzajowe, t. j. takie, od których nigdy nie tworzą się pochodne z inną końcówką rodzajową. Są to po największej części imiona zwierząt, których płeć jest jednakowo obojętna dla człowieka, albo trudna do rozróżnienia; przedstawiciele obu płci jednakowo są dla ludzi pożyteczni, szkodliwi lub ani pożyteczni, ani szkodliwi. Imiona te dzielą się na dwie grupy: męzkie i żeńskie.

I. Imiona męzkie:

Ssących: *bóbr*, *dzik* — кабанъ, *gacek*, *nietoperz*, *gronostaj*, *jeż*, *kret*, *królik*, *lewart*, *łoś*, *ryś*, *słoń* (stp. wsłonie Rozpr. 33 str. 178, gdzie prof. Brückner objaśnia pochodzenie tego imienia z bajki Fizjologa, że zwierzę

to, nie mając przegubów, wsłania, t. j. opiera się o drzewa i nie może się kłaść do snu na ziemi), *szczur* (ale rus. крыса), *tchórz*, *zając*, *delfin*, *wieloryb* i t. d.

Ptaków, ogólna nazwa męzka, ale rus. птица: *bąk*, *bekas*, *birkut*, *bocian*, *czyż*, *derkacz*, *drop*, *drozd*, *dubelt*, *dudek*, *dzięcioł*, *dzwoniec*, *garłacz*, *gawron*, *gil*, *głuszec*, *grabołusk*, *jarząbek*, *jastrząb*, *kanarek* (ale rus. канарейка), *kobus*, *koliber*, *kruk*, *kszyk*, *kulik*, *sęp*, *skowronek*, *słowik*, *puchacz* (ob. pućka), *struś*, *szczygieł*, *trznadel*, *zimorodek*, *żóraw*.

Ryb (ogólna nazwa żeńska: *ryba*): *dorsz*, *dubiel*, *jazgarz*, *jesiotr*, *karaś*, *karp*, *kiełb* (rus. колба), *leszcz*, *lin*, *łosoś*, *miętus*, *okuń*, *piskorz*, *pstrąg* (ale także choć rzadkie: *pstrążka* rus. пеструшка), *sledź* (ale rus. селедка), *szczupak* i t. d.

Gadów: ogólne imię męzkie: *gad*, *płaz*: *połoz*, *wąż*, *padalec*, *okularnik*, *grzechotnik*, *smok*, *rak* i t. d.

Owadów: ogólne imiona męzkie: *owad*, *czerw*, *robak*, *żuk*; gatunkowe: *bąk*, *chrząszcz*, *chrabąszcz*, *giez*, *komar*, *mól* (ale rus. żeńsk. моль), *motyl*, *pająk*, *pędrak* (ale także żeńsk. *glista)*, *szerszeń*, *świerszcz* i t. d.

II. Imiona żeńskie:

Ssących: *giemza*, *kuna*, *łaska* a. *łasica*, *małpa*, *mysz*, *wydra*, *żyrafa*, *pantera* i t. d.

Ptaków: *błotniczka*, *czajka*, *czapla*, *czeczotka*, *dzierlatka*, *gardlica*, *gżegżołka*, *jaskółka*, *jemiołucha*, *kania*, *kawka*, *kukułka*, *kuropatwa*, *makolągwa*, *piegża*, *pliszka*, *przepiorka* (ale rus. перепелъ), *sowa*, *sikora*, *sroka*, *wiwilga*, *zięba* (ale rus. зябликъ), *żołna* i t. d.

Ryb: *bleja*, *czeczuga*, *drętwa*, *płoć* a. *płotka* i t. d.

Gadów: *żmija*, *ropucha*, *żaba* i t. d.

Owadów: *biedronka*, *glista*, *gnida*, *liszka* a. *gąsienica*, *mrówka* (ale rus. муравей), *mucha*, *osa*, *pluskwa*, *pszczoła*, *pchła*, *wesz* i t. d.

Między temi imionami są bardzo niedawne zapożyczenia, ale większość należy do ogóln-słowiańskich, a niemało też znajdzie się i takich które nie zmieniły rodzaju od czasów praarjoeuropejskich. Czem się tu kierowano przy wyborze rodzaju, trudno odgadnąć, w każdym razie na uwagę zasługuje fakt, że imiona czworonogów i ptaków drapieżnych po największej części są jednorodzajowe męzkie. Nadto tutaj również występuje w całej pełni zasada, że rodzaj gramatyczny zgadza się z formą słowa, a więc czynnik formalny stanowczo bierze górę nad znaczeniowym. Jedyny grunt dla przewagi czynnika znaczeniowego nad formalnym w języku polskim dają imiona osób płci męzkiej, kończące się na -a i na -o. I ten jednakże grunt, jeżeli nie jest, to przynajmniej był niegdyś chwiejny, gdyż w zabytkach

przechowały się ślady stosowania tutaj rodzaju do końcówki, a więc znaczenia do formy, mianowicie w przykładach, przytoczonych powyżej: *jedna mężczyzna*, *nowa wiarca*, *niewierna władyka*, *każda bogomodlca*.

Liczba.

Jak i w innych językach słowiańskich, tak i w polskim zachowały się tylko dwie liczby: pojedyncza i mnoga. Liczba podwójna wyszła zupełnie z użycia, t. j. nie istnieje już w świadomości osób mówiących jako osobna kategorja znaczeniowa, szczątki zaś form dawnej liczby podwójnej mają już znaczenie liczby mnogiej.

Liczba podwójna.

Użycie jej w zabytkach staropolskich prof. Baudouin de Courtenay w Kuhna «Zeitschrift zur vergleichenden Sprachforschung» r. 1870 t. VI, str. 63 określił w ten sposób, że stosowano ją prawie wyłącznie przy imionach parzystych członków ciała (po większej części z zaimkami dzierżawczemi), oraz przy innych rzeczownikach w połączeniu liczebnikami: «dwa», «oba». Delbrück, «Vergl. Syntax» I. 133, zasadę, postawioną przez G. Hermanna dla języka greckiego, rozciąga na wszystkie języki arjoeuropejskie, twierdząc, że tam, gdzie parzystość przedmiotów ze względów naturalnych, lub konwencjonalnych a powszechnie uznawanych nie była oczywistą, używano przy formie liczby podwójnej imion liczebnika «dwa». Z tego wypływa że formy: «oba» i «dwa» bynajmiej nie były równorzędne, gdyż pierwsza z nich, jak to i dziś jest w zwyczaju, możliwą była do użycia tylko w tych wypadkach, gdy parzystość przedmiotów ze względów naturalnych lub konwencjonalnych była oczywistą. Raczej więc za współrzędne przyjąć należy formy: gołej liczby podwójnej i tejże liczby w połączeniu z «oba», aniżeli form, łączących się z «dwa» i «oba». Można więc było powiedzieć: «ręce» lub «obie ręce», oraz: «dwie słowie» ale nie «obie słowie». Użycie zaś w pierwszym wypadku liczebnika «dwa», a w drugim formy «oba» zależało od specjalnych przyczyn, o których powiem niżej.

Rozróżniam wskutek tego trzy rodzaje parzystości a mianowicie: naturalną, konwencjonalną i przypadkową.

Parzystość naturalna zachodzi przedewszystkiem w symetrycznych organach ciała, które w języku staropolskim występują najczęściej w formie gołej liczby podwójnej. Liczne przykłady tego znajdujemy we wspomnianej pracy prof. Baudouina de Courtenay; do nich dodaję kilka innych. Z psałterza Florjańskiego: *Boga szukał jesm rękama moima* 76. 2. *Ręce jego słu-*

żyle jesta 80. 6. *Plecoma swoima zasłoni ciebie* 90. 4. *Oczyma twyma uznamionasz.* 90. 8. *To morze wielikie i szyrokie rękama.* 103. 26. *Ręce twoi gospodnie uczyniłesta mnie.* 118. 73. i t. d. Z kazań Gnieźnieńskich: *Chciała się swyma rękama dotknąć* Rozpr. 25. 36. *Wszyciek świat w swu ręku jest ji on był zgromadził.* 37. *Dzieciątko jest na swu ręku była nosiła* 38. i t. d. Z Biblji Zofji: *Narodzili się na kolanu Jozefowi.* Gen. 50. 22. *Kako jesm was przeniosł na skrzydłu orłowu.* Ex. 19. 4. *K niemu żeś przyszła i uciekła pod jego skrzydle.* Rut. 2. 12. *Wynieście odtąd każdy z was kamień na swu plecu.* Joz. 4. 5. i t. d

W tychże wypadkach, choć rzadziej używa się przy liczbie podwójnej liczebnik: «oba» lub w późniejszej ale pod względem znaczenia równorzędnej postaci «obadwa». Między licznemi przykładami, przytoczonemi przez prof. Baudouina de Courtenay, tylko trzy są z liczebnikiem «obie»: oczy obie str. 68, ręce obie 69, obiema rękoma 1590 r. str. 73, 75. Na liczebnik «dwa» w połączeniu z tą kategorją imion niema ani jednego przykładu.

Parzystość konwencjonalna wyraża się już najczęściej w połączeniu z liczebnikiem nietylko «oba» ale także i «dwa», przeważa jednak użycie pierwszego liczebnika. Najczęściej trafiają się przykłady na: *«obie stronie»* np. Kaz. Gn. 50. Rozpr. 33. 150 i t. d. *«obiedwie stronie»* w. XVI Pr. Fil. II. 540 i t. d. ale także zrzadka spotyka się *«dwie stronie»*. Do tejże kategorji należy: *Pomażecie na oba podwoja* BZ. Ex. 12. 7. *Na obu podwoju* BZ. Ex. 12. 23. *Na obu boku.* BZ. Ex. 36. 11 i t. d. Zamiast *«dwie płci»* z r. 1695 i 1720 u prof. Baudouina de Courtenay oczekiwalibyśmy raczej *«obie płci»*, ale może tutaj autorowie chcieli zaznaczyć z naciskiem, że dwie płci tylko istnieją, a nie więcej ani mniej, w tem bowiem tylko znaczeniu używa się liczebnik «dwa» przy imionach tworzących pary naturalne, a po większej części także i w wypadkach parzystości konwencjonalnej. Stosownie do tego czytamy w Biblji Wujka: *Lepiejci tobie ułomnym albo chromym wniść do żywota, niżli, mając dwie ręce albo dwie nodze być wrzuconym w ogień wieczny.* Mat. 18. 8. *Lepiejci tobie z jednym okiem wniść do żywota, niżli, dwie oczy mając, być wrzucony do piekła ognistego.* Mat. 18. 9.

Parzystość przypadkowa zachodzi najczęściej i najwięcej, też na nią mamy przykładów zebranych przez prof. Baudouina de Courtenay. W olbrzymiej większości wypadków do formy imiennej dodaje się tu liczebnik «dwa». W języku sanskryckim, staropolskim, starosłowiańskim znaną jest w wypadkach parzystości przypadkowej liczba podwójna anaforyczna (p. Delbrück, Vergl. Syntax I. 134, 141, t. j. goła liczba podwójna, lub z liczebnikiem «oba», jeżeli w jednem ze zdań poprzednich był użyty liczebnik «dwa». W zabytkach staropolskich trafia się ona rzadko, niektóre wydają się, jakby jej unikały, np. autor Kazań Gnieźnieńskich w historji «dwu bracieńcu»

pisze: *Byłasta dwa bracieńca barzo bogata... aby on onyma dwiema bracieńcoma to był powiedział... oni dwa bracieńca sąć oni nawtorki ku świętemu Janu byli przystali* (Rozpr. 25 str. 63—65); ani razu tu liczebnik «dwa» nie został opuszczony. Również w przykładzie, przytoczonym przez prof. Baudouina de Courtenay (Beiträge VI, str. 78) *dwu onych łotru* zamiast liczebnika «dwu» mogłoby stać «obu», gdyż widocznie o owych łotrach była już poprzednio mowa.

Dualis anaphoricus trafia się, choć rzadko, w zabytkach staropolskich. W Bibljі Zofji np. mamy rozmaite traktowanie tej formy np. obok: *Wziął dwa syny jego... i żona twa, i dwa syny twa z nią* Ex. 18. 3 i 6, znajdujemy kilka razy użytą l. podw. anaforyczną: *Lamech pojął dwie żonie.... i rzekł Lamech swyma żonama, drzewiej rzeczonyma* Gen. 4. 19 i 23. *To gdyż Cham uzrzał, powiedział bratoma swyma* Gen. 9. 22. *Ostała żona sirotą po dwu synu i po męzu... A wstawszy, chcąc do swej włości ić z obiema niewiastama... wyszła z miasta swego pątnictwa z obiema niewiastama... odpowiedziała... drzewiej będzieta babie* Rut. 1. Zapewne też formy, przytoczone przez prof. Baudouina de Courtenay: *rybie, gwiaździe, pannie, białegłowie, strzale, rance* (str. 69), *obadwa narody* (str. 65), *między oba wojska, głowie obie, obie koronie, obie matce* (str. 69), *obiema swyma panoma* (72), *za obiema stołoma* (74), *w obu wsiu* (77), *obu wsiu, obu dziedzinu* (78), przedstawiają również liczbę podwójną anaforyczną; z powodu urywkowości jednak przykładów o ich naturze nie można mieć jasnego wyobrażenia.

Już w najdawniejszych zabytkach języka polskiego zam. liczby podwójnej używa się mnoga lub też mamy formy mięszane. Wprawdzie w Psałterzu Florjańskim występują prawidłowe formy: *Podług czystoty ręku moju* 17. 27. *Skutki ręku jego* 18. 1. *Niewinowaty rękama* 23. 4. gdzie w Psałterzu Puławskim stoi już liczba mnoga ale i we Florjańskim często bywa wymiana liczby podwójnej na mnogą np. *Pod nogi jego* 8. 7. *Pod nogi moje* 17. 42. *Cielca młodego, jeż dobywa rogow* 68. 36. *Dam sen oczyma moima, a powiekam moim drzemanie* 131. 4. i t. d. W Kaz. Gn.: *przed jego* (Chrystusa) *nogami* 44. i t. d. a w zabytkach w. XV już stale formy liczby podwójnej mięszają się z formami liczby mnogiej np. w Psałterzu Puławskim: *Działo ręku naszu* 89. 19. *Ręku naszych* ib. (w Ps. Fl. prawidłowo liczba mnoga) w BZ. *Jeżtoby uciekło naszych ręku* Deut. 2. 36. (zam. *rąk*) i t. d. Ostatecznie jednak liczba podwójna wyszła z użycia dopiero z końcem XVII albo z początkiem XVIII wieku. U pisarzów z epoki Stanisława Augusta znajdują się już tylko te jej formy szczątkowe, które przechowały się w języku literackim do dnia dzisiejszego.

Liczba pojedyncza i mnoga.

Ogólna zasada, że przez liczbę pojedynczą wyraża się imię jednego przedmiotu, a przez mnogą—imiona mnogich przedmiotów, niezawsze teraz w języku bywa zachowywana. Stosunek wzajemny normalny obu tych liczb został zakłócony w ten sposób, że we wszystkich językach arjoeuropejskich potworzyły się kategorje imion, używanych tylko w jednej liczbie, a nadto w wielu znów wypadkach, gdzie obie liczby są w użyciu, ze zmianą liczby zmienia się też mniej lub więcej znaczenie samego imienia. Te dwa punkty biorę pod uwagę, rozpatrując imiona polskie ze względu na ich liczbę.

Singularia et pluralia tantum.

Trzy są główne kategorje imion, używanych wyłącznie, lub prawie wyłącznie w liczbie pojedynczej: imiona indywidualne, t. j. imiona własne, imiona pojęć oderwanych (abstrakcyjnych), oraz imiona oznaczające pewną jednolitą masę; odmianę tych ostatnich stanowią imiona t. z. zbiorowe.

Wyłącznie, lub prawie wyłącznie w liczbie mnogiej używane są imiona pojęć, rozumianych, jako złożone z wielu części, przedstawiających się więc, jako mnogość owych części.

W licznych wypadkach mamy pozorne uchylania się od tej zasady, wskutek rozmaitych przyczyn, z których najważniejsza stanowi przeniesienie imienia z jednego pojęcia na inne, jemu pokrewne. Najmniej stałemi są singularia tantum, ponieważ zawsze można teoretycznie utworzyć odpowiednią dla nich formę liczby mnogiej i bardzo nieliczne są wypadki, w których to przedstawia się rzeczą niemożliwą ze względów czysto gramatycznych np. imiona: *człowiek*, *dziecko* nie mają liczby mnogiej nie z przyczyn psychologicznych, ale czysto formalnych i historycznych, t. j. ponieważ formy: **człowiecy*, **dziecka* zostały zastąpione przez jednoznaczne formy innych tematów *(ludzie, dzieci)*. Natomiast brak liczby mnogiej od imienia *zwierz* wypływa zapewne z tej przyczyny, że dawniej było to imię zbiorowe, por. *Pełne zwierza bory*. Mick.

Natomiast znacznie stalszemi są pluralia tantum, bo jeżeli imię już w liczbie mnogiej teraz oznacza pojęcie jednostkowe, to forma tego imienia w liczbie pojedynczej mogłaby conajwyżej być tylko jego synonimem. Do wielkich rzadkości należą takie wypadki w których nowoutworzone w liczbie pojedynczej imię oznacza część przedmiotu, noszącego imię w liczbie mnogiej np. *portka*=nogawka *portek* (w anegdocie: *«posłał ojciec synowi portkę kaszy i portkę grochu»)*.

Singularia i pluralia tantum, za przykładem Delbrücka rozpatruję według kategoryj znaczeń:

I. *Imiona własne*, używają się wyłącznie w liczbie pojedynczej z wyjątkiem gdy:

1. Imię własne jest nadane różnym osobom, miejscowościom i t. d. *Obaj są Tadeusze. Jest kilka Krakowów* i t. d.

2. W zwrocie poetyckim: *Mieliśmy Koperników*, *Skargów*, *Kochanowskich*.

Między imionami własnemi są jednak liczne, używane wyłącznie jako pluralia tantum, a mianowicie nazwy krajów, miast, wsi, osad i innych miejscowości: *Czechy*, *Węgry*, *Niemcy*, *Prusy*, *Włochy*, *Chiny*, *Kaszuby*, *Kujawy*, *Żuławy*, *Łużyce*, *Sopoty*, *Dublany*, *Maciejowice*, *Owczary*, *Kobierniki*, *Piekary*, *Olendry*, *Pomorzany*, *Pieczonogi* (zam. *Pieczeniegi*), *Kurozwęki*, *Soboklęski*, *Karpaty*, *Tatry*, *Alpy*, *Bałkany* i mnóstwo innych. Właściwie są to nazwy albo ludzi, którzy miejscowość tę zamieszkiwali, gdy nazwa powstała (nazwa miejscowości w odróżnieniu od nazwy ludzi ma zawsze w języku polskim formę biernika, a nie mianownika, gdy w czeskim jeszcze obie formy tych przypadków używają się jako nazwy miejscowe; wyjątek w polsk. stanowią *Niemcy*); albo też w imieniu miejscowości ukrywają się nazwy cech, miejscowości te charakteryzujących np. *wieś Strugi*, *pałac Łazienki*, *Żuławy* (wyspy) i t. d. Liczne nazwy mają pochodzenie niewiadome.

II. *Nazwy pojęć oderwanych* zawsze występują w liczbie pojedynczej o ile istotnie abstrakcyjne pojęcia oznaczają. W razie gdy pojęcie nabiera znaczenia konkretnego, imię może być użyte również i w liczbie mnogiej. Niektóre z pojęć oderwanych wcale konkretyzacji nie ulegają, to też imiona ich w języku nigdy w liczbie mnogiej się nie używają. Wyliczać wszystkie byłoby niepodobieństwem, ograniczę się więc do kilkunastu przykładów: *wiek* (długość życia ludzkiego), *życie* (zwroty takie jak np. *W bitwie wiele żyć ludzkich pogasło*—uważają się za niepoprawne i trafiają się niezmiernie rzadko), *ujma*, *ostoja*, *statek*, *stateczność*, liczne imiona z końcówką *-nie*, lub *-cie: stanie*, *stawanie*, *bicie*, *zabicie*, *zabijanie* (natomiast *zabójstwo* może być pojmowane abstrakcyjnie i konkretnie: *liczne zabójstwa popełniono)*, *walenie*, *chodzenie*, *przyjście*, *pójście* (ale *ujście* także konkretnie np. *ujścia rzek*), *szycie*, *utarcie*, *ucieranie*, *użyźnienie*, *użyźnianie*, *lubienie*, *kochanie*, *zaufanie*, *udanie się*, *uderzenie*, *tlenie*, *sypanie*, *spanie* i t. d. na *-stwo: krasomówstwo*, *ślusarstwo*, *stolarstwo*, *szewstwo*, *budownictwo*, *krawiectwo* i t. p. Nazwy władz i stanów duchowych: *spryt*, *srom*, *sromota*, *wstyd*, *słuch*, *(słuchy* = pogłoski), *wzrok*, *smak*, *powonienie*, *czucie*, *szał*. Nazwy czynności: *ucieczka*, *strzyża*, *stróża*, *wymowa*, *uprawa*, *szwargot*, *szłap*, *trucht*, *kłus*, *galop*, *ścisk*, *śpiączka* i t. d. Liczne imiona na *-ość: rzeczywistość*, *śmiałość*, *śmier-*

telność, *nieśmiertelność*, *starość*, *świeżość*, *swojskość*, *tęgość*, *troskliwość*, *ufność*, *usilność*, *wdzięczność*, *wieczność*, *wiekuistość*, *zbiegłość*, *zgrzybiałość*, *zmyślność*, *żywość* i t. d. Z różnorodnem znaczeniem: *szerz*, *dłuż*, nazwy miesięcy, nazwy stron świata: *wschód*, *zachód*, *północ*, *południe*; *dziś*, *jutro; wnętrze*, *zanadrze*; *wtór*; *umor*, *zabój* (np. *pić na umor*, albo *do umoru*) i t. d.

O ile te pojęcia są skonkretyzowane, ich imiona mogą być użyte w obu liczbach; niektóre jednak utraciły liczbę pojedynczą i używają się tylko w mnogiej np. *dzieje*. Niekiedy wyraz dlatego nie używa się w liczbie pojedynczej, że został zapożyczony już jako plurale tantum np. *ambaje* (ambages). Czy do tej samej kategorji należą: *firleje* (np. *Stroi baba firleje, kiedy sobie podleje*) lub *ceregiele?*

Zwłaszcza w liczbie mnogiej występują imiona skonkretyzowanych pojęć, oznaczających czynności, trwające przez czas dłuższy: *zaloty*, *zabiegi*, *konszachty*, *zapasy*, *zwiady* i t. d. Podobnie rzecz się ma z niektóremi (niejednodniowemi) uroczystościami i obchodami uroczystemi, którym towarzyszą zwykle liczne ceremonje np.: *gody*, *Zielone świątki*, *zapusty* (natomiast obok starop. *Mięsopusty* Prace Fil. II. 539. dzisiejsze: *mięsopust)*, *zaduszki* (modlitwy za dusze ludzi zmarłych), *wigilje* (to samo, por. *Wigilje za umarłe ludzie*), *egzekwie*, *chrzciny*, *urodziny*, *imieniny*, *zaręczyny*, *zrękowiny*, *zaślubiny*, *nawiedziny*, *oględziny*, *obłoczyny*, *bosiny* i t. d. Czynności sądowe: *roki*, *roczki*, *poroczki*, *rugi* i. t. p.

III. *Nazwy masy* mają formę wyłącznie liczby mnogiej, gdy masa pojmowana jest, jako zbiorowisko oddzielnych, często niejednorodnych, w luźnym związku zostających z sobą cząstek np. *kudły*, *łakocie, pomłoski*, *bakalje*, *otręby*, *opiłki*, *opiołki*, *opełki*, *obsiewki*, *otłoczyny*, *wytłoczyny*, *ulipki* (rodzaj ciasta), *wety*, *zlewki*, *niedopitki*, *powidła*, *drożdże*, *drwa* i t. d.

Można by się spodziewać, że dla oddzielnej cząstki tak pojmowanej masy istnieje imię w liczbie pojedynczej, tymczasem rzadko się używa form takich, jak np. *łakoć, bakalja.* albo staropolskie: *drożdża* np. *Zaprawdę drożdża jego nie jest sie przemieniła* Fl. 74. 8. Zazwyczaj albo dla oddzielnych cząstek wcale form liczby poj. niema, albo też imiona ich tworzą się od innego tematu np. *drewno—drwa.*

Jeżeli masa jest pojmowana, jako ciało jednolite, wtedy jej imię występuje tylko w liczbie pojedynczej np. *masło*, *mleko*, *woda*, *poślad*, *mąka*, *śmietana*, *słód*, *strzedź*, *miód*, *szampan*, *burgund* (wino), *szlam*, *stek*, *szron*, *rosa*, *wełna*, *szerść*, *tlen*, *azot*, *wodór, siarka*, *żelazo*, *surowiec*, *stal* i t. d. Jeżeli od tych imion tworzy się liczba mnoga, to zawsze ma ona specjalny odcień znaczenia. Tu należą także imiona różnego znaczenia na -ina: *skocina* (rus. скотина), *słonina*, *wołowina* (mięso wołowe), ale obok *wędlina*, także: *wędliny*; *dębina* (drzewo), *olszyna* (las), stp. *iścina* (gotówka) i t. p.

Często imię jednostkowe używa się do oznaczenia masy, a więc ukazuje się w znaczeniu zbiorowem np. *słoma* (w znaczeniu jednej słomki i masy), *ziarno*; nazwy roślin, zwaszcza drobnych: *trawa*, *żyto*, *przenica*, *szczaw*, *marchew*, *pietruszka*; obok wyrażeń: *rosną tu drzewa*, *dęby*, *sosny*, używa się w licz. poj. *zwieziono drzewo na opał*, *na budowę domu*, *dom zbudowany z drzewa*, *z modrzewiu*, *z dębu* i t. d. Obok: *Nie wyłowił ryb (z) stawów* Helcel II. 3240, czytamy: *Nie łowili ryby* Helcel II. 3210, jak i teraz w języku ruskim, ale rzadko już w polskim: *Przyszła kobyłka i chrąst*, *jemuż nie było czysła* Fl. 104. 33. *Posłał w nie psią muchę i jadła je*, *i żabę i rozegnała je* Fl. 77. 50, lub w języku dzisiejszym: *robotnik*, *najemnik*, *żołnierz* i t. d. w znaczeniu: *robotnicy*, *najemnicy*, *żołnierze*.

Częściej dla imion zbiorowych służą osobne wyrazy, z których jedne nie używają się wcale w liczbie mnogiej np. *szlachta*, *hałastra*, *gawiedź*, *motłoch*, *publika*, *bydło* i t. d. inne zaś w obu liczbach występują: *tłum — tłumy*, *masa — masy*, *kupa — kupy*, *trzoda*, *zgraja*, *stado* i t. d. Działają tu przyczyny psychologiczne: w pierwszym wypadku pojęcie zbiorowe przedstawia się jako coś mającego granice nieokreślone, w drugim zaś — jako pewna całość z wyraźnemi choć zmiennemi konturami.

Imiona zbiorowe, ze względu na swą formę dzielą się na kilka kategoryj, z których nie wszystkie są jednakowo trwałe w języku. Do najtrwalszych należą imiona z końcówkami: -stwo, oraz z prasłowiańską końcówką -ь.

Imiona na -stwo nie mają liczby mnogiej np. *pospólstwo*, *chłopstwo*, *robactwo*, *ptactwo* i t. d.

Imiona z dawną końcówką -ь do dziś zachowują znaczenie zbiorowości i liczby mnogiej nie tworzą: *młodzież*, *drób* (por. rus. дробь w innem znaczeniu), *czerń*, *gawiedź*, *czeladź*, *śniedź*, *szadź*, *straż*, *prosiana włoć* (roślina), *Ruś*, *Jaćwież*, *Żmudź*; imię *zwierz* ma już znaczenie jednostkowe, ale liczby mnogiej nie tworzy.

Formy na -a poczęści zachowały znaczenie imion zbiorowych: *szlachta*, *drużyna* i t. d.; niektóre ze zbiorowych dzisiejszych występują w języku staropolskim jako jednostkowe np. *mężczyzna*, *gołota* — impossessionatus Helcel II. 4143, i 3864. Częściej zaś bywa odwrotnie: *moja bracia* Paw. IV. 2666 dziś już: *moi bracia*, tak samo jak: *święcia* Helcel II. 1729, *wojcia*, *księża* i t. d. uważane są za formy liczby mnogiej i odpowiednio też się odmieniają: *braciom*, *księżmi* i t. d. Ten sam proces dokonał się i w języku ruskim.

Imiona zbiorowe na -e (prasł. -ije) także tylko w części pozostały z niezmienionem znaczeniem: *pierze*, *włosie*, *pąpie*, *popowie*, *pąkowie*, *sitowie*, *strącze*, *prącie* (Rozpr. 33. 134), *obuwie*, *zboże*, *świętopietrze*, niekiedy też,

choć bardzo rzadko w liczbie mnogiej, ale już w nieco zmienionem znaczeniu np. *zboże — zboża* (różne gatunki) por.: *Winnice i oliwia, jegożście nie wspłodzili* BZ. Joz. 24. 13.

W języku staropolskim zachowały się takie imiona zbiorowe, które już dziś uważane są za formy liczby mnogiej, lub zupełnie wyszły z użycia: *Poczęli rwać kłosie i jeść* Wujek. Mat. 21. 8. *Bo lubo było sługam twoim kamienie jego* Puł. 199 v. *Rzecz, aby to kamienie stało się chlebem* Wujek. Mat. 4. 3. *Niech kamienie woła* Rej Żyw. 5. *Węgle rozżgło sie jest od niego* Fl. 17. 10. *Ogłodzą wszystko drzewie* BZ. Ex. 10. 5. *Przykryła je paździerzym lnianym* BZ. Joz. 2. 6. i t. d.

Już w dawnych zabytkach polskich widzimy tu ścieranie się dwu zasad: formalnej i znaczeniowej, gdyż imiona zbiorowe, mające formę liczby pojedynczej, łączą się często z orzeczeniami lub określeniami, postawionemi w liczbie mnogiej np. *Aby ty temu to ludu izraelskiemu to przykazał, iżbyć oni słuchali* Kaz. Gn. 50. *Przeto lud spowiadać ci sie będą* Fl. 44. 20. *Dom izraelow błogosławcie Gospodzinu* Fl. 134. 19. *Służyć będą tobie rod* BZ. Gen. 27. 29. *Bracia moja mali i wielicy* Fl. Prol. *Jętym braci... wspomagał* BZ. Tob. 1. 3. *Zjawiąć się kwiecie* BZ. Num. 17. 8. *Rzesza barzo wielka słali szaty swoje* Wujek. Mat. 21. 8. *Poślednia wielikość zachodniej strony miasta dotykali* BZ. Joz. 8. 13. *Ostatek luda szli za skrzynią* BZ. Joz. 6. 13. *Pojcie Gospodnu wszelika ziemia* Fl. 95. 1.

IV. *Nazwy różnych przedmiotów z dwu lub kilku części złożonych* mają formę liczby mnogiej:

a. narzędzia, części budowli i t. d. *szczypce*, *kleszcze*, *cęgi*, *obcęgi*, *nożyce*, *dudy*, *gajdy*, *skrzypce*, *basy*, *gęśle*, *grabie*, *cepy*, *gążwy*, *widły*, *dąterki*, *flaterki*, *jasła*, *pochy*, a. *tłuki* (miądlica, cierlica), *żarna*, *sanie*, *kopki* a. *kozły; legary* a. *tragary* a. *pce* (podstawa pod beczki), *oprotki* (powrozy u niewodu), *dyby*, *więzy*, *kajdany*, *nosidła*, *nosze*, *okulary*, *drzwi*, *podwoje* (ale w stp. także w l. poj.: *u podwoja* BZ. Ex. 12. 22), *wrota*, *odrzwi* a. *odrzwia*, *koszary*, *kamieniołomy* i t. d.

b. ubiory lub ozdoby: *portki*, *spodnie*, *pantalony*, *majtki*, *gacie*, *pludry*, *famurały*, *szarawary*, *hajdawery* i wszystkie inne synonimy, tę część ubrania oznaczające; nazwy futer: *barany*, *lisy*, *niedźwiedzie* i t. d. *postoły*, *sulejaty*, *kurpie*, *łapcie*, *kierpce* (rodzaje obuwia), *kóski* (mucet księży), *kołstki* (kolczyki), *paramenta* (aparaty kościelne) i t. d.

c. członki ciała, zwłaszcza symetryczne: *usta*, *dudki*, *baki* a. *bokobrody* i t. d. rzadkie nie mają wcale liczby pojedynczej; częściej w zwyczajnem użyciu bywa liczba mnoga, ale możliwą jest i liczba pojedyncza niekiedy w tem samem niezmienionem znaczeniu, albo też gdy się chce jeden z symetrycznych organów oznaczyć np. *piersi* (według Lindego poważniej brzmi

pierś), *kulsze* (kość biodrowa), *lotki* (kości skrzydłowe u ptaków), *pokrątki* a. *nerki*, *skrzele* a. *skrzela*, *plecy* (ale: *Obrocili k tobie plece swe* BZ. Neh. 9. 29. por. rus. плечо) *lędźwie* (ale de lumbis — *z lędźwia* Rozpr. 33. 134), *płuca*, *podroby* (ale także: *podrób*, *podroba*), *wnętrzności* i t. d. Polskie tylko w l. mn. *grędzi* np. BZ. Lev. 7. 31 etc. obok rus. грудь. Niekiedy znów organ ciała, który za pojedynczy się uważa, ma nazwę w l. mnogiej np. *Krzyże mię bolą*. *Gardzielam moim* Fl. 118. 97. *Gardły zaduszą* Rozpr. 33. 125. Tu naturalnie używa się także i liczba pojedyncza. Wspomnę tu jeszcze o takich wyrażeniach jak: *siedzieć w kuczki*, *chodzić na palcach* por. rus. на корточкахъ, на цыпочкахъ, *świecić komu baki* (oczy?), ale także Linde przytacza: *świeć mu bakę otwarcie*.

V. Osobną grupę stanowią singularia tantum, nazwy danin, właściwie przymiotniki rodzaju nijakiego np. *czopowe*, *mostowe*, *kopytkowe*, *brukowe*, *strawne*, *widowe*, *oględne*, *nadrożne*, *pamiętne*, *mesne*, *podymne*, *łaziebne* — balnealium Helcel II. 3739, *poświętne* ib. 617, *rosstowe* ib. 1378, *gościnne* ib. 2275 i t. d.

VI. Nazwy chorób i niedomagań są to singularia, to pluralia tantum np. *ospa*, *odra*, *czkawka* i t. d. *chromota* Paw. IV. 1107. *ślepota* etc., a natomiast: *zołzy*, *skrofuły*, *suchoty*, *ciarki*, *wymioty*, *womity*, *mdłości*, *konwulsje*, *parchy*, *węgry*, *zajady* i t. d.

VII. Rozmaite inne jeszcze imiona występują tylko lub prawie wyłącznie w liczbie mnogiej np. nazwy gier: *szachy*, *kręgle*, *warcaby*, *pląsy*; nazwy niektórych roślin: *kluczyki*, *obrazki*, *króliki*, *książki*; także: *dzięki*, *annaty*, *finanse*, *zwiady*, *gusła*, *czary*, *łazy*, *okopy*, *zwłoki* a. *popioły* i t. d. Natomiast tylko w liczbie pojedynczej: *pogoda*, *wilgoć*, *zamróz*, *spieka* a. *spiekota*, *świt*, *zmierzch*, *siwizna*, *bielizna* (rus. бѣлье), *słabizna* (miejsce najsłabsze w ciele) i t. p.

VIII. Osobną kategorję stanowią imiona mające formę liczby mnogiej, a oznaczające parę lub grupę złożoną z osób płci różnej. Delbrück (Vergl. Syntax I. 117) nazywa tę formę eliptyczną liczbą mnogą: *rodzice*, *dziadkowie*, *ojcowie* (= ojciec i matka), *przodkowie*, *potomkowie*, *Janowie Kochanowscy* (lub *Janowstwo Kochanowscy*) i t. p.

Stosunek znaczenia obu liczb.

Od normalnej różnicy w znaczeniu obu liczb (jednostkowość i wielość) język często odstępuje w dwu kierunkach: albo ta różnica słabnie, zaciera się, przechodząc w różnicę większej lub mniejszej masy, dłuższego lub krótszego trwania, i nareszcie znika tak, że imię w obu liczbach ma zupełnie to

samo znaczenie, albo też przeciwnie, różnicy ilościowej towarzyszy zarazem różnica jakościowa, gdy pojęcie oderwane staje się konkretnem nieraz w stopniu tak znacznym, że w liczbie mnogiej występuje już właściwie zupełnie inne pojęcie. Zaczynam od tej ostatniej kategorji:

I. Imiona różniące się liczbą, oznaczają różne pojęcia czy to wskutek najdalej posuniętej konkretyzacji pojęcia abstrakcyjnego np. *brud* — *brudy* (brudna bielizna), *dobro* — *dobra* (majątek ziemski), *wesele* — *wesela* (gody weselne), *czar* — *czary* (obrzędy zabobonne) czy też wskutek innych przyczyn: *żelazo* — *żelaza* (sidła), *srebro* — *srebra* (stołowe), *korzeń* — *korzenie* (przyprawy), *sól*—*sole* (trzeźwiące), *popiół*—*popioły* (zwłoki), *posiłek*—*posiłki* (wojskowe), *głowa*—*głowy* (wezgłowie: *w głowach łóżka;* w innem znaczeniu: *Położyła w głowach tego drzewna* BZ. I. Król. 19. 13), *lód* — *lody* (cukiernicze) i t. d. Czasem przeciwnie, mamy pojęcie oderwane (z konkretnego) w liczbie mnogiej: *wagus* (człowiek włóczący się) — *iść na wagusy* (na włóczęgę).

II. Stopień konkretyzacji jest mniejszy: *sen* — *sny* (senne widzenia), *strach* — *strachy* (widma), *światło* — *światła* (palące się świece), *świętość*— *świętości* (przedmioty święte), *widzenie* — *widzenia*, *władza* — *władze*, *zawód* — *zawody* (biedz w zawody) i t. p.

III. Konkretyzacja jest zupełnie słabą i wyraża się tylko w tem, że pewne pojęcie abstrakcyjne przyjmuje się jako cechę pewnego określonego przedmiotu, albo jako pewien szczegółowy objaw: *Nasze wszystkie sprawiedliwości* Rozpr. 22. 239. *On jego groz nie bał się jest był* Kaz. Gn. 41. *Na pomstach szkodników swych* Rozpr. 22. 237. *Straszyć go rozmaitemi śmierciami począł* Skarga u Lindego. *Radości wam powiadam*. Pieśń z w. XV. *Wierzę widzieć dobra boża* Fl. 26. 19. *Zła w siercoch ich* ib. 27. 4. *Lędźwie moje napełniły są sie nieczystot* ib. 37. 7. *Mołwili są prożności, a lści... są myślili.* 37. 13. *Napełniony są domowych lichot* 73. 21. *Wiele miłosierdź* 85. 4. *Gospodzin wie myślenia ludzka* 93. 11. *Kto mołwić będzie mocy gospodniowy, usłyszany uczyni wszytki chwały jego* 105. 2 i t. d. Zwłaszcza pojęcia, wyrażone z pomocą przeczenia, łatwo przybierają znaczenie konkretne i dlatego mogą być użyte w liczbie mnogiej: *niesprawiedliwości*, *nieszczęścia*, *nieprawidłowości* i t. d.

IV. Liczba poj. oznacza pewną masę, liczba mnoga — różne jej gatunki: *zboże*—*zboża*, *trawa*—*trawy*, *mięsiwo*—*mięsiwa*, *ciasto*—*ciasta*, *woda*—*wody* (mineralne) i t. d. im gatunki są różnorodniejsze, tem częstsza jest w użyciu liczba mnoga. Także w niej wyrażają się przedmioty wyrobione z masy np. *chleby*, często w psałterzu Florjańskim.

V. Liczba pojedyncza oznacza masę, liczba mnoga — ogromne rozmiary tejże masy: *lód*—*lody*, *śnieg*—*śniegi*, *piaski*, *wody (Wyjął mie z wod wie-*

la Fl. 17. 19 *Wody morskie* ib. 32. 7. *W wodach wielikich* 106. 23 i t. d.).

VI. Liczba mnoga oznacza długotrwałość lub powtarzanie się jakiegoś objawu: *składać komuś dzięki (dzięka* tylko w stp. np. *z dzięką* Rozpr. 33. 130), *życzenia, prowadzić szepty, polecać się czyim względom, wyprawiać się na zwiady, rozpocząć rządy, przybyć na święta, dawać pozory, mieć kwasy w domu* i t. d.

VII. Różnica w znaczeniu między obu liczbami jest bardzo nieznaczna lub zupełnie znika: *zorza — zorze, nieszpor — nieszpory, łów—łowy* (np. w piosnce: *Pojedziemy na łów, na łów, na łowy do zielonej dąbrowy*), *ukończyć szkołę* a. *szkoły, oddawać się nauce* a. *naukom, pójść w pląs* a. *w pląsy, ukończyć z kim rachunek* a. *rachunki, uczyć się rysunków* a. *rysunku, niebo* a. *niebiosa, grać na gęśli* a. *na geślach, haftować na krośnie* a. *na krosnach, grać na organie* a. *organach, wozić taczką* a. *taczkami, mieć w domu pustkę* a. *pustki, nadstawiać pierś* a. *piersi, zginać krzyż* a. *krzyże, wystąpił obfity pot* a. *obfite poty, zarzucić na kogo sieć* a. *sieci, tortura — tortury, taki to jest czas—takie to są czasy, rogatka—rogatki, ślina—śliny, strój—stroje, strop—stropy, sadza—sadze, szrank—szranki, tył— tyły, waga—wagi, wąs—wąsy, włos — włosy, wrzos — wrzosy*, stp. *szczebrzuch — szczebrzuchy,* dawniejsze *fus* — teraz *fusy* i t. d.

Okazuje się z tego, że jakkolwiek pierwotna zasada normująca różnicę znaczenia liczby pojedynczej a mnogiej w olbrzymiej większości wypadków zachowała się niezmiennie, to jednak wskutek rozmaitych pobocznych procesów psychicznych w wielu razach została naruszona i zmieniona.

Skrócenia: *Fl.* Psalterii Florianensis partem polonicam recensuit W. Nehring. Posnaniae 1893. *Rozpr.* Rozprawy wydziału filologicznego Akademji Umiejętności w Krakowie. *Kaz. Gn.* Kazania Gnieźnieńskie wydane przez Nehringa. *Puł.* Psałterz Puławski. Kornik. 1880. *BZ.* Biblja królowej Zofji, wyd. Małecki. Lwów 1871. *Wuj.* Wujek: Biblja. *Pr. Fil.* Prace Filologiczne wyd. w Warszawie. *Helcel.* Starodawne prawa polskiego pomniki. *Paw.* Teki Pawińskiego. Warszawa.

J. Łoś.

Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціонального укладу історії Східнього Словянства.

Поставлена організацийним з'їздом російських фільольогів справа раціонального укладу історії Словянства в задуманій Словянській Енциклопедії[1]) дає мині нагоду порушити справу схеми історії Східнього Словянства. Я не раз порушував уже справу нераціональностей в звичайній схемі «русскої» історії[2]), тепер хотів би обговорити се питанне трохи повнійше.

Звичайно прийнята схема русскої історії всїм звісна. Вона починається з перед-історії Східньої Европи, звичайно про не-славянську кольонізацію, потім іде мова про розселенне Словян, про сформованне Київської держави; історія її доводиться до другої половини XII в., потім переходять до в. кн. Володимирського, від нього — в XIV віцї, до кн. Московського, слїдить ся історія Московської держави, потім Імперії, а з історії українсько-руських і білоруських земель, що лишали ся по за границями Московської держави, часом беруться деякі важнійші епізоди (як держава Данила, сформованне в. кн. Литовського і унїя з Польщею, церковна унїя, війни Хмельницького), часом не беруться зовсїм, а в кождім разї з прилученнем до Російської держави, сї землї перестають бути предметом сеї історії.

Схема ся стара, вона має свій початок в історіоґрафічній схемі московських книжників, і в основі її лежить ідея ґенеальоґічна — ґенеальоґія

1) Писано з нагоди пляна словянської історії, виробленого історичною підсекцією з'їзда.

2) Нпр. в Записках Наукового товориства імени Шевченка т. XIII, XXXVII і XXXIX, біблїографія, оцїнки праць Милюкова, Сторожева, Загоскина, Владимірского-Буданова (завважу, що з моїх заміток до книги д. Милюкова, Очерки по исторіи русской культури, зробив ужиток проф. Филевичъ в своїй рецензиї працї д. Милюкова, в час. «Новое Время», покликуючись на них на поперте своїх гадок, зовсїм противних тим, якими подиктовані були мої замітки). Также в приготованім до друку «Очерку исторіи украинскаго народа».

московської династиї. З початком наукової історіоґрафії в Росії, сю схему положено в основу історії «Россійского государства». Потім, коли головна вага перенесена була на історію народа, суспільности, культури, й «русская исторія» стала зближати ся до того, щоб стати історією великоруського народа й його культурного житя, задержано ту ж схему в її головних моментах, тільки стали відлїтати епізоди що далї то більше. Ту ж схему, в простїйшій формі прийняла наука «историї русского права», складаючи ся з трох відділів — права Київської держави, московського й імперського.

Через таку традицийність, через таке довге уживанне, до сеї схеми привикли й її невигоди, нераціональности не вражають прикро, хоч вона повна таких нераціональностей, і то дуже великих. Я вкажу деякі, не маючи претенсії вичислити їх всї.

Передо всїм дуже нераціональне сполучуванне старої історії полудневих племен, Київської держави, з її суспільно-полїтичним укладом, правом і культурою, з Володимиро-московським князївством XIII—XIV вв., так наче се останне було його продовженнем. Се можна було московським книжникам,—для них досить було ґенеальоґічного преемства, але сучасна наука шукає ґенетичної звязи і не має права звязувати «київський період» з «володимирським періодом», як їх невідповідно називають, як стадиї того самого полїтичного й культурного процеса. Ми знаємо, що Київська держава, право, культура були утвором одної народности, українсько-руської володимиро-московська — другої, великоруської[1]). Сю ріжницю хотїла була затерти Поґодінска теория, населивши Поднїпрове X—XII вв. Великоросами й казовши їм потім, в XIII—XIV вв., відси виеміґрувати, але я сумнїваю ся, що хто небудь схоче тепер боронити стару історичну схему сею ризиковною, всїми майже полишеною теорією. Київський період перейшов не у володимиро-московський, а в галицько-волинський XIII в., потім литовсько-польський XIV—XVI в. Володимиро-московська держава не була анї спадкоємницею, анї наступницею Київської, вона виросла на своїм корени, і відносини до неї Київської можна б скорше прирівняти нпр. до відносин Римської держави до її ґальських провінций, а не преємства двох періодів в полїтичнім і культурнім житю Франциї. Київське правительство пересадило в великоруські землї форми суспільно-полїтичного устрою, право, культуру, вироблені историчним житем Києва, але на сїй підставі ще не можна включати Київської держави в історію великоруської

1) Ся сьвідомість починає потрохи проходити в науку. Досить ясно напр. висловлює сю думку укладчик «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ», виданої московським кружком помочи самоосьвітї (Москва, 1898), д. Стороженъ; він з натиском підносить, що «Русь днїпровська і Русь північно-східня два зовсїм відмінні явища; історію їх творять неоднаково дві осібні части русскої народности». Лїпше сказати — дві народности, оба оминути баламуцтв, звязаних з теорією «единства русской народности».

народности. Етноґрафічна і історична близькість народности українсько-руської до великоруської не повинна служити причиною до їх перемішувань— вони жили своїм житем по за своїми історичними стичностями і стрічами.

Тим часом, наслідком пришивання Київської держави на початок державного й культурного житя великоруського народа що бачимо? Історія великоруської народности зістаеть ся властиво без початку. Історія сформовання великоруської народности досї зістаеть ся не виясненою, через те що її історію починають слїдити від середини XII в.[1]), і за київським початком сей свійський початок зовсїм неясно представляеть ся людям, що вчили ся «русскої історії». Не слїдить ся докладно за процесом рецепції й модифікації на великоруськім ґрунтї київських суспільно-полїтичних форм, права, культури; в таких формах, які мали вони в Київі, на Українї, їх по просту включають в інвентар великоруського народа, «Русскаго государства». Фікція «київського періода» не дае можности відповідно представити історії великоруської народности.

Тому, що «київський період» прилучаеть ся до державної й культурної історії великоруського народа, зістаеть ся без початку й історія українсько-руської народности. Підтримуеть ся старе представленне, що історія України, «малорусского народа», починаеть ся доперва з XIV—XV віком, а що перед тим — то історія «общерусская». Ся знов «общерусская историія» сьвідомо і несьвідомо на кождім кроцї підмінюеть ся понятем історії державної і культурної великоруського народа, і в результатї українсько-руська народність виходить на арену історії в XIV—XVI вв. як би щось нове, мов би її перед тим там не було, або вона на історичного житя не мала.

Зрештою історія українсько-руської народности зістается не тільки без початку, а і в видї якихось кавалків, disjecta membra, не повязаних між собою орґанічно, разділених прогалинами. Одинокий момент, що виріжняеть ся й може лишити ся ясно в памяти — се козачина XVII в., але дуже сумнїваю ся, щоб хтось, хто вчив ся «русскої історії» по звичайній схемі, потрапив звязати її в своїм представленню з ранїйшими і пізнїйшими стадиями історії української народности, мислив би сю історию в її орґанічній цїлости.

Ще гірше виходить на сїй схемі народність білоруська — вона пропадае зовсїм за історією держави Київскої, Володимиро-московської, бана віть і за в. кн. Литовським. Тим часом хоч вона не виступае в історії ніде виразно як елемент творчий, але роля її не маловажна — вкажу хоч би на значінне її в сформованню великоруської народности, або в історії

1) Гарні початки, зроблені нпр. книжкою Корсакова «Меря и Ростовское княженіе», не були потім розвинені успішно.

в. кн. Литовського, де передо всім її, з поміж словянської людности сеї держави, належала культурна роля супроти далеко низше розвинених литовських племен.

Заведеннем до «русскої історії» в. кн. Литовського хотіли поправити односторонність і неповноту традиційної її схеми. В історії, здасть ся, перший сю гадку з натиском підвіс Устрялов, а Иловайскій, Бестужевъ-Рюминъ і ин. пробували викладати паралельно історію «Руси западной», себто в. кн. Литовського, й «Руси восточной», себто Московської держави. В науці історії права потребу включення в. кн. Литовського пропаґує школа проф. Владимірского-Буданова, хоч не дала ще ані загального курса «истоpiи русского права», де було б включене в. кн. Литовське, ані осібного курса права сього останнього.

Се поправка, але вона сама потрібує ріжних поправок. В. кн. Литовське буле тілом дуже гетероґенним, не одностайним. В новійшій науці легковажить ся, навіть зовсім іґноруеть ся значінне литовської стихії. Слідженне преемства права сторорусього з правом в. кн. Литовського, значіння словянського елемента в процесі творення й розвою в. кн. Литовського привело сучасних дослідників внутрішнього устрою сеї держави до крайности, що вони зовсім іґнорують елемент литовський — навіть не ставлять питання про його впливи, хоч безперечно ми мусимо числити ся з такими впливами в праві й устрою в. кн. Литовського (от хоч би — вкажу лише exempli gratia — інститут «койминдів»). Потім, лишаючи литовський, — сам словянський елемент в. кн. Литовського не одностайний: маємо тут дві народности — українсько-руську й білоруську. Українсько-руські землї, з виїмком Побужа й Пиньщини, були досить механічно звязані з в. кн. Литовським, стояли осторонь у нїм, жили своїм місцевим житем, і з Люблинською унїєю перейшли безпосередно в склад Польщі. Противно, білоруські землї дуже тїсно були звязані з в. кн. Литовським, мали на нього величезний вплив — в суспільно-полїтичнім укладі, праві й культурі (як з другого боку самі підпали дуже сильному впливу суспільно-полїтичного й культурного процесу в. кн. Литовського), й зістали ся в складі його до кінця. Таким чином історія в. кн. Литовського далеко тїснійше звязана з історією білоруської народности, ніж українсько-руської, що чимало підпала впливу його історії, але дуже небогато мала на нього впливу (тільки посередно—о скільки білоруська народність передавала право й культуру, насаждені Київською державою, але так само посередно, через полїтику литовського правительства, українсько-руська нородність приймала не одно, що йшло від білоруської — нпр. білоруські елементи актової мови, прийнятої литовським правительством).

Отже включенне історії в. кн. Литовського в «русску історію» не за-

ступить праґматичного представлення історії народностей українсько-руської й білоруської. Для історичного представлення суспільного й культурного процеса українсько-руської народности вистане зазначенне тих кількох моментів з історії в. кн. Литовського, що мали для неї безпосереднє значінне[1]). Більше з неї увійшло б у історію білоруської народности, але в цілости включати історію в. кн. Литовського в «русску історію» нема причини, коли се має бути не «історія Россії», себто історія всього того, що коли небудь діяло ся на територіі її, і всїх народностей і племен, що її залюднюють (так її проґраму, здаєть ся, тепер нїхто не ставить, хоч ставити також можна), а історія народностей руських, або східно-словянських[2]) (уживаю часом сього терміну, аби обминути неясности й баламуцтва, які виплпвають з неоднакового уживання слова: «русскій»).

Взагалї історія державних орґанїзацій грає все ще за-богато ролї в представленню «русскої історії», чи історії Східнього Словянства. В теорії признаєть ся давно, що головна вага повинна бути перенесена з історіі держави на історію народа, суспільности. Полїтичне, державне жите, розуміеть ся, чинник важний, але поруч нього істнують иньші чинники—економічний, культурний, що мають часом меньше, часом більше значіння від полїтичного, але в каждім разї не повинні лишати ся в тїни по за ним. З руських чи східнословянських племен держава найбільше значінне мала, найтїснійше звязана була з житем народа у народности великоруської (хоч і тут но за межами національної, володимиро-московської держави бачимо такі сильні явища, як вічеве жите новгородсько-псковське). Українсько-руська народність ряд столїть живе безь національної держави, під впливами ріжних державних органїзаций — сї впливи на її національне жите повинні бути визначені, але полїтичний фактор сходить в її історії в сих бездержавних столїтях на підрядну ролю попри факторах економічних, культурних, національних. Те саме треба сказати про народність білоруську. Для сеї останньої великоруська національна держава стає історичним фактором властиво тільки від 1772 р. На історію України вона починає впливати столїтем скорше, але тільки одним краєм. Те виїмкове, виключне значінне, яке має історія великоруської держави в сучасній схемі «рус-

1) В такім дусї старав ся я використати історію в. кн. Литовського в IV т. моєї «Історії України-Руси», що обіймає часи від половини XIV в. до 1569 р.

2) Оден з визначнійших сучасних систематиків — проф. В.-Буданов ставить задачею науки історії русского права історію права «русского народа», не Російської держави, тому виключає з неї національні права не-руських народностей Росії, а вважає інтеґрального частию право руських народностей, які не входили в склад Російської держави. Такий погляд бачимо і у иньших дослїдників, хоч він так само не переводиться консеквентно у них, як і у самаго В.-Буданова (див. мою рецензію його курса в XXXIX т. Записок н. тов.; Шевченка, бібл. с. 4).

скої» історії, має вона властиво наслідком підміни понятя історії «русского народа» (в значінню руських, східнословянських) народностей понятем історії великоруського народа.

Взагалі в тім що зветь ся «русскою історією» я бачу комбінацію, чи властиво — конкуренцію кількох понять: історія Російської держави (сформовання й розвою державної організації й її території), історія Росії, себто того, що було на її території, історія «руських народностей», і нарешті — історія великоруського народа (його державного й культурного житя). Кожде з сих понять, в консеквентнім переведенню, може бути вповні оправданим предметом наукового представлення, але при такім комбінованню ріжних понять, повного представлення, консеквентного переведення не дістає ані одно з них. Найбільше входить в схему «русскої історії» з понять історії Російської держави і великоруського народа. З розмірно невеликими перемінами й купюрами вона може бути перемінена на консеквентно й повно переведену історію *великоруського народа*. «Честь и мѣсто» історії сеї найбільшої з словянських народностей, але поважанне до її першинства й важної історичної ролі не виключає потреби такогож повного й консеквентного представлення історії иньших східно-словянських народностей — українсько-руської й білоруської. Історії Східнього Словянства таки не заступить історія великоруського народа, його державного й культурного житя, і ніякі мотиви не дадуть права з'іґнорувати історію білоруської, і ще меньше—українсько-руської народности, або заступити їх повириваними з них і попришиваними до історії великоруського народа клаптиками, як то практикуеть ся тепер. Зрештою як тільки «русская історія» буде щиро і консеквентно зреформована в історію великоруського народа, його державного й культурного житя, так історія українсько-руської і білоруської народности, я певний, вийдуть самі собою на чергу й займуть відповідне місце побіч великоруської. Але для сього наперед треба попрощати ся з фікцією, що «русска історія», підмінювана на каждім кроці великоруською, то історія «общерусска».

Такий погляд сидить іще досить твердо, хоч на мій погляд він, о скільки не стоїть на услугах політики, являеть ся прежитком старомосковської історіоґрафічної схеми — пережитком, де що приложеним до новійших історіоґрафічних вимог, але в основі своїй таки нераціональним. Історія великоруська (такою стає ся «русска історія» від XII—XIII вв.) з українсько-руським (київським) початком, пришитим до неї, се тільки калїкувата, неприродна комбінація, а не якась «общерусска» історія. Зрештою «общерусскої» історії й не може бути, як нема «общерусскої» народности. Може бути історія всїх «русских народностей», кому охота їх так називати, або історія Сходнього Словянства. Вона й повинна стати на місце теперішньої «русскої історії».

В детайлях я не маю заміру викладати схему такої нової конструкції історії Східнього Словянства. Пятнадцять літ я спеціально працюю над історією українсько-руської народности й виробляю її схему як у загальних курсах, так і спеціальнійших працях. По сій схемі укладаю я свою історію України-Руси, і в такім же виді представляю собі історію «руських» народностей. Не бачу трудностей, аби була зроблена подібним способом історія білоруської народности, хоч би вона випала меньше богато ніж історія українсько-руська. Історія великоруської народности майже готова — треба тільки обробити її початок, замість пришитого до неї тепер київського початку, та вичистити від ріжних епізодів з істориі України й Білоруси — се вже й так майже зроблене історикамп великоруського народу й суспільности.

Найбільше раціональне здаєть ся мині представлене історії кождої народности з окрема, в її ґенетичнім преємстві від початків аж до нині. Се не виключає можливости представлення сінхроністичного, подібно як укладаются історії всесьвітні, в інтересах перегляду, з педаґоґічних, щоб так сказати, мотивів.

Се детайлї, й вона мене інтересують мало. Головні принципи: требаб усунути теперішнїй еклектичний характер «русскої історії», сшиванне до купи епізодів з історії ріжних народностей, консеквентно превести історію східно-словянських народностей і поставити історію державного житя на відповідне місце з иньшими історичними факторами. Думаю, що й прихильники нинїшньої історичної схеми «русскої історії» признають, що вона не бездоганна, і що в своїх спостереженнях я виходив від правдивих її хиб. Чи сподобають ся їм ті приціпи, які я хотів би положити в основу її реконструкції — се вже иньша справа.

Мих. Грушевський.

У Львові, 9 (22) IX. 1903.

Спірні питання староруської етнографії.

Розселенне східно-словянських племен, поділ їх на ґрупи, уставленне їх територій і відносин — все се має за собою вже дуже поважну літературу, поважну історію дослідів. Але хоч завдяки старанням численних дослідників удало ся не одно роз'яснити й привести до потрібної докладности, то ще більше лишаеть ся тут сумнївного, спірного, а й серед тих гадок, які нині циркулюють в науковій літературі cum tacito consensu, не викликаючи спору, дуже богато є такого, що вимагало б ревізії, перевірки, або дуже значних поправок.

Головною, а дуже довго — одинокою майже підставою до всяких виводів в сфері староруської етнографії служили звістки Повісти временних літ, предовсїм — реєстри східно-словянських племен, уміщені на початку її. Реєстри сї мали вповні принагідний характер, і хоч остатні редактори Повісти доложили старань, щоб дати їм якусь більшу повноту й докладність, так щоб з них міг зложити ся образ «словѣнского языка въ Руси»[1]), одначе неповноти, неясности, непевности в сих реєстрах лишило ся досить, аж занадто. Приходило ся розглянутись за иньшими джерелами.

Пок. Барсов в своїй Географії Начальной лѣтописи — праці, що й досї лишаеться підставовою для стороруськї етнографії, звернув ся до географічних назв, шукаючи в них пережитків племенних імен та на їх підставі стараючи ся близше означити племенні територїї. Він одначе сам

1) З трох реєстрів Повісти (Іпат. л. с. 3—4, 6 і 7) тільки перший лишив ся, здаєть ся, в своїй початковій формі — вичисленя exempli gratia кількох східно-словянських племен, з означеннем їх територій. Другий реестр з початку мабуть мав тільки: «почаша держати родъ ихъ княжения въ Поляхъ, а въ Деревляхъ своя, а Дрьговичи свое, а Словѣне свое»; все починаючи від Полочан — очевидний додаток, для повноти перегляду. Третїй реестр (Іп. с. 7) тїсно вяжеть ся з фразою: «се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси» (с. 6). Фраза: «И живяху въ мирѣ Поляне, и Древляне, и Сѣвero, и Радимичи, и Вятичи» вяжеть ся, очевидно, з дальшими розділами—про звичаї і обряди («Имѣяхуть бо обычае своя»....); її закінченне — про територію Дулїбів, Уличів і Тиверцїв, очевидно — також додаток, а імя Хорватів, як то нижше ще буду говорити, — тут також мабуть аж пізнійше дописано для повноти.

звів ad absurdum сей метод, хапаючись зовсїм припадкових і далеких созвучностей, так що сей метод дальше не був розвинений і відповідно вироблений, хоч безперечно при обережнім і відповіднім уживанню його, він може дати користні результати.

Від 80-х, а головно в 90-х рр., під впливом проф. Антоновича предовсім і головно — в київських монографіях поодиноких земель, для розвязання питань старорускої етноґрафії дослїдники починають звертати ся до археольоґічних здобутків[1]). Супроти вказаних в Повісти ріжниць в похоронних обрядах поодиноких племен являєть ся дуже привабна гадка—на підставі відмін похоронного обряду, сконстатованих археольоґічними дослїдами, визначити території поодиноких племен і їх уґрупованнє (подїл на більші ґрупи). Показало ся одначе, що се справа далеко тяжша — вимагає в кождім разї далеко докладнїйших, численнїйших і систематичнїйших розслїдів, нїж якими роспоряджає сучасна археольоґія. Похорон з конем, в якім бачили полянський похорон, показав ся похороном турецьким, чорноклобуцьким і половецьким, і полянського похоронного типу ми тепер не знаємо. Деревлянський похоронний тип пішов на захід далеко за границю, яку клали деревлянський територіЇ — в поріче Стира, прокинув ся в Київі, а в порічю Случи показали ся могили з паленими трупами, анальоґічні з сїверянськими[2]), і т. д. Проба звести археольоґічний матеріял в оден образ етноґрафічних відносин, зроблений д. Спіциним, виказав величезні прогалини, неповноту, а з тим і неясність в сих питаннях[3]).

Разом з працею д. Спіцина появила ся праця ак. Шахматова, де він попробував розвязати туж проблєму ґруповання східнословянських племен на підставі иньшого матеріалу — діалектольоґічного[4]). Ідея — приложити діалектичні спостереження до старорускої етноґрафії не нова[5]). Але вперше в працї ак. Шахматова, котрої перший начерк був даний ним пять лїт перед тим[6]), а потім основні принципи її були розвинені в більш детай-

1) Проф. Антонович уже з кінцем 70-хрр. звернув ся до систематичного студіовання деревлянського похоронного типа і на підставі його старав ся означити їх племенну територію. Сей метод потім був ужитий, як я вже сказав, в ряді київських монографій поодиноких земель.

2) Антоновичъ Памятники каменнаго вѣка въ Кіевѣ — Труды X съѣзда т. III, йогож Раскопки кургановъ въ Зап. Волыни, Е. Мельникъ Раскопки въ землѣ Лучанъ, С. Гамченко Раскопки въ бассейнѣ р. Случи — Труды XI съѣзда т. I; Спицынъ Курганы кіевскихъ торковъ и Берендѣевъ — Труды отдѣленія слов. и рус. археологіи т. IV.

3) Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ, Ж. М. Н. П. 1899, VIII; пор. ситуаційну мапку довершених дослїдів і прогалин в них в V т. Трудів отдѣленія слов. и рус. археол. с. 407.

4) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей — Ж. М. Н. П. 1899, IV.

5) Нпр. праця Михальчука в Трудах экспедиціи въ юго-зап. край т. VII.

6) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій—Русскій филолог. вѣстникъ, 1894.

лічній, докладнійше розробленній і в не однім зміненій і справленій формі, стрічаемо ми на широку скалю і з численним науковим апаратом зроблену пробу — привести до одного знаменника факти лінґвістичні з студиями історичних даних «про старорускі племена, сформоване староруських земель, а потім держав». Але й тут в богатьох місцях приходить ся стрічати ся з прогалинами і непевностями, навіть при уставленню більших язикових і племенних ґруп, не говорячи про детальнійше розміщенне поодиноких племен. Шан. автор вправді сьміло перескакує через сї непевности, надробляючи гіпотезами свою теорію; але мабуть користнійшою і вдячнійшою навіть річею було б — замість такої сьміло збудованої теорії виказати, в чім факти діалектольоґічні потверджують, поправляють або збивають історичні виводи про староруські племена, їх ґрупованне, і т. д.

Кінець кінцем не можна сказати, щоб ті дисципліни, до яких по поміч звертали ся в розслідах староруської етнографії, до тепер віддали її великі прислуги. Ті неясности, які стрічали сї розсліди, орудуючи чисто історичним матеріалом, і досї в значній мірі стоять на їх дорозї, хоч може й не завсїди представляють ся ясно й сьвідомо по за ріжними гіпотезами й теоріями, що їх притемнили, заступили. Задачею сеї статї буде — відсунути деякі гіпотези й теорії, що маскують такі непевности й прогалини, або дають невірне представленне про фактичні відносини, та вказати на ті неясні й непевні точки, які вимагають розсьвітлення [1]).

Я почну від загальнїйшого питання — про уґрупованне східнословянських племен. Тепер, коли в лінґвістиці загалом все яснїйше виступає переконанне, що початки язикової, а з тим і племенної діференціації сягають дуже давнїх часів — часів язикової й культурної спільности племен, часів праязика і пракультури — все менше може бути сумнївів і в тім, що початки трох головних східнословянських груп, трох народностей — українсько-руської, білоруської і великоруської, — виходять вповні за границї історичних часів. Виходячи від сучасного угруповання сих народностей, найпростїйша гадка, яка приходить — що виключивши історично звістні нам кольоніізаційні переміни, сучасне угрупованне відповідає старому — себто що кожда народність зложила ся з тих східнословянських племен, які ми бачимо на її території в початках історичного житя східнього Словянства. Правда, порівнюючи розміщенне східнословянських племен Повісти з сучасним ґрупованнем, ми стрічаємо ся з ріжними трудностями — нпр. сучасна українсько-білоруська граница переходить через територію Дреговичів; потомки Радимичів і Вятичів, так тїсно звязаних в Повісти, тепер

1) По части я мав нагоду вказати їх в своїй Історії-України Руси, т. I (1898), а тепер, переглядаючи її для нового видання, мусїв піддати їх новій ревізії.

сидять на двох ріжних етнографічних територіях, і т. и. Але се не такі ще трудности. Далеко більшу замотанину вносять теорії деяких дослідників, фільольоґів передовсім, що етноґрафічні відносини староруських часів підпали в пізнійших часах рішучим пертурбаціям, які мовляв змінили їх радикально, так що сучасні етноґрафічні території зовсім не відповідають старому ґрупованню племен.

Першою такою теорією, що внесла велику суперечність в староруську етноґрафію, була теорія великоросизма старих осадників Подніпровя і пізнійшого залюднення його українською кольонізацією—т. зв. теорія Поґодіна, в більш наукообразній формі відновлена проф. Соболевским. Вона опера-ла ся на премісї міґрації старої (великоросийської) людности Подніпровя на північ, десь в XIII в., і нового кольонізовання його, десь в XIV в., українською людністю з заходу. З початку центр тяжкости її лежав в питанню про великоросизм Полян; в останнїх лїтах — від коли оден з головнїйших репрезентантів сеї теорії ак. Шахматов, відступив ся від Полян і лишив ся при великоросизмі задніпрянської (лївобічної) людности, а з другого боку — оден з визначнїйших противників її проф. Ягіч також признав можливість старої великоросийської кольонізації за Дніпром[1]), центр тяжкости після такого компроміса перейшов на Сіверян.

З сею теорією міґрацій великоросийської, а пізнійше-української, звязав ак. Шахматов иньшу, ще більше далекосяглу теорію — радикального впливу державних орґанїзацій XIV—XV вв. на початкове ґруповання східнословянських племен, трансформації сього ґруповання під впливом тих полїтичних чинників[2]).

Я не буду входити в сю другу теорію принціпіяльно: свої гадки про неї я висловив уже по появі першого начерка праці ак. Шахматова[3]), і по виході її нової, поправнїйшої редакції, я лишаю ся при давнїйшій гадцї — що вона при близшім переведенню стрічаєть ся з фактами, які її рішучо противлять ся й проречисто доводять, що полїтичним ґрупованням і

1) Шахматовъ — Къ вопросу объ образованіи рус. нарѣчій, 1899. Jagić Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen (Einige Streitfragen 2) — Archiv für slav. Philologie т. XX с. 30.

2) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, в обох редакціях — 1894 і 1899 р.

3) Рецензія моя в Записках Наукового товариства імени Шевченка т. VIII (1895 кн. IV), бібліоґрафія с. 9—14. В новій редакції праці ак. Шахматова я не стрів богатьох з піднесених мною суперечностей, але його арґументація не більше мене переконала — вона стала лише загальнїйшою, оминаючи трудности й не входячи в деталї. Особливо процес сформовання української народности представлений загально-загально. Воно таки ідею впливу полїтичних чинників тут особливо тяжко перевести. Чому приналежність українських земель до в. кн. Литовського з його білоруського стихією не лишила впливу на українських землях — навіть на Побужу, так незвичайно довго й тісно звязанім з ним, тим часом для білоруської народности мала таке назвичайне значінне. Віковий розділ Волини від Галичини минув також безслідно, і т. д.

комбинаціям тих часів ніяк не можна признавати такого назвичайного впливу на сформоване східнословянських народностей. Я спиню ся тільки на тих точках, де д. Шахматов ставить новні конкретні тези що до розміщення східнословянських племен і їх ґруповання.

Д. Шахматов ділить східнословянські племена на три групи: полудневу, між Дніпром і Припетию, середню — племена заднїпрянські, лївобічні, а з правобічних — Дреговичі, і північну — Кривичі й Новгородські Словене. Пізнїйша українська народність сформувала ся з племен полудневої групи, що скольонізували й спустошені заднїпрянські землї (від XIV в. почавши). Білорусини — се західня частина середньої ґрупи, відокремлена приналежністю до в. кн. Литовського, тим часом як східня частина середньої й цїла північна, притягнені в. кн. Московським, формуют ся в народність великоросийську. В сїм ґрупованню я спиню ся на близше інтересній для мене точцї — приналежности заднїпрянської (лївобічної) полудневої кольонїзації до середньої ґрупи, себто до иньшої ґрупи ніж полуднева правобічна кольонїзація, а до одної ґрупи з Радимичами, Вятичами й Рязанцями. Тому що д. Шахматов зачисляє Подоне до сїверянської кольонїзації, для нього се питанне сходить на приналежність до середньої ґрупи Сїверян. Низше побачимо, що для такого розширювання сїверянської кольонїзації нам властиво бракує підстави. Але коли признати, що Сїверяне належали до одної ґрупи з правобічними племенами, то се рішає справу й для кольонїзації територій, що лежали на полудне від Сїверян, тому й ми можемо се питанне звести що до Сїверян — до которої ґрупи вони належали?

Як я вже сказав, теорія, що Сїверяне не належали до полудневої ґрупи — се спадщина теорії про великоросизм старих осадників Поднїпровя, компроміс її оборонців і противників[1]). Великоросизм Полян нинї, можна здасть ся сказати, зложений уже до архива[2]). Д. Шахматов в своїй працї признає, що слаба діалектична закраска київських памяток толкуется зовсїм природно стрічею в сїй старій столицї людей з ріжних племен і земель, що народність Полян не можна розлучати від народности Деревлян, які широкою смугою покривали від півночи й заходу невеликий приднїпрянський клинець Полян[3]). Але признаючи в Полянах племя полудневої ґрупи, тим самим позбавляють підстави теорію великоросизма, чи середнорусизма Сїверян, що, повтеряю, являеть ся тільки останком, пережитком теорії великоросизма Полян. Для сеї останньої була все таки якась вихідна

1) Такий характер уступки, компромісу з Погодінською теоріею має се признаннє у проф. Ягича, l. c.

2) Огляд історії сеї теорії і новійших стадій її розвою див. в моїй Історії України-Руси т. III (1900) с. 578—582; пор. також мої замітки до сеї справи, видруковані проф. Ягічом op. c. с. 30.

3) Op. c. с. 23—25.

точка — брак виразної української закраски в київських памятках XI—XIII вв. Для Сїверян навіть і такої вихідної точки ми не маємо. Д. Ягіч і не арґументує, просто відступає Поґодінській теорії можливість великоросизма Сїверян; д. Шахматов пробує аргументувати, але по неволї його арґументація випадає слабенько. Він вказує, що Сїверяне звязуются з Радимичами й Вятичами разом при огляді звичаїв і обрядів в Повісти (с. 7), що вони злучуються в одно полїтичне тїло, до Київа не тягнуть, противно — від нього, та що в рязанській кольонїзації видно дві течії, з яких полуднева відповідає сїверянській кольонїзації і своїм діалектичним характером ілюструє язикову приналежність Сїверян[1]).

Більше арґументів я не знаю, а сї рішучо за слабі. Повість, описуючи звичаї, противставляє Полянам їх сусїдів — західнїх, Деревлян, і східнїх Сїверян, Радимичів і Вятичів, всїх їх малює більше меньше одними красками, та додає до них вкінці Кривичів і «прочих поган». Про розділюванне й звязуванне в ґрупи по етнографічній близькости тут нема мови — книжник малює загалом образ поганських звичаїв. Проф. Багалїй, на котрого покликуеть ся д. Шахматов на поперте своєї гадки про близькість Сїверян до Радимичів і Вятичів, говорить лише стільки, що сусїдство давало таку близькість, і на підставі ґеоґрафічного сусїдства. Повість вяже племена в ґрупи — Сїверян з Радимичами й Вятичами, Уличів з Тиверцями[2]). Сїверяне з Радимичами й Вятичами рано звязані були в одну полїтичну ґрупу — предовсїм династичним звязком, накиненем їм київським правительством — мабуть іще за Володимира В., а може й ще ранїйше. Такі династичні звязи творили часом комбінації дуже дивні, вповні довільні — як нпр. звязь Переяслава з Ростово-суздальскою землею. Звязок Сїверян з Радимичами й Вятичами мав одначе за собою деякі спеціальні обставини, що причинили ся до того скріплення: у Радимичів і Вятичів не було розвиненого міського житя, як у Сїверян, і чернигівські князї не стрічали опозиції зі сторони місцевих міських центрів; тоді як сама Сїверянська земля ділила ся на волости, з головнїйшими містами на чолї, Радимичі й Вятичі лишають ся в позиції пасивних повінцій[3]). Сїверяне на лївім боцї Днїпра грали подібну ролю як Поляне на правім; їх старі міські торговельні центри — Чернигів, Переяслав, Любеч домінували над цїлою Заднїпрянщиною, її комунїкацією й торговлею, зовсїм незалежно від племен-

1) Ор. с. с. 8 і далї, с. 25; останній арґумент доповняю з устних розмов з д. Шахматовим, скільки можу докладно.

2) Багалѣй Исторія Сѣверской земли с. 118. Не знаю, як д. Шахматов годить свій погляд про приналежність Сїверян з Радимичами і Вятичами до одної групи з гіпотезою своєю, що Радимичі і Вятичі прийшли в Днїпровсько-окські краї з границь Мазовії. На ту гіпотезу я одначе також би не писав ся.

3) Див. главу присьвячену Черниговщинї в II т. моеї Історії України-Руси.

них ріжниць — як Новгород та Смоленськ держали в руках Поволже (зрештою, ми стрічаємо в лїтописи натяки, що й сї сїверянські провінції так дуже своєї моральної одности з Черниговом не відчували — див. Іпат. с. 239).

Взагалї не сама племенна одність, а й зовсїм иньші — економічні, полїтичні і т. и. мотиви впливали на формованнє полїтичних тїл, як найлїпше показують змагання Переяслава до рішучого відокремлення від одноплеменного Чернигова та його старання — знайти собі династию зовсїм далеку, не сусідню, яка б не поставила Переяслав в позицію пригорода — для чого й зверстаєть ся він до ростово-суздальскої династиї[1]). Шукати тут якихось внутрішнїх, кольонїзаційних підстав нїщо не дає нам права. Князї торгували своїми волостями зовсїм не оглядаючись на їх племенні чи иньші звязи[2]). Коли д. Шахматов припускає на верхнїм Поволжу кольонїзацію вятицьку[3]), а навіть і сїверянську, то, думаю, робить се тільки в запалї до улюбленої гіпотези[4]). Навіть в Рязанській землї не можна припустити якоїсь одностайної сїверянської кольонїзації, якаб могла в чистоті занести й задержати свою сїверянську мову — бо між землею Сїверян і Рязанською землею лежала область Вятичів, і сїверянські кольоністи в Рязанську землю могли приходити тільки разом з Вятичами, в суміш, і при тім очевидно — в меньшости супроти Вятичів. Не можна припустити масової кольонїзації Сїверян (а тілько масова, в збитих масах осаджена кольонїзація може мати значіннє для цікавих нам питань) в Рязанську землю і з басейна Дона, як то робить д. Шахматов[5]). Припустивши навіть, що Подонє займали дїйсно Сїверяне, я не годен припустити, що під натиском кочовників в X в. вони відступали відси в землї нижньої Оки, а не в сїверянське Посемє й вятицькі землї — себто ті землї, з якими тодішня донська кольонїзація була найблизше звязана, — бо ніяких особливих доріг (як хоче автор, відкидаючи дорогу через Вятичі)[6]) з Дону на Поволже в тих часах

1) Див. про полїтику Переяслава також с. 252 і далї.

2) Пригодаймо собі клясичну відповідь Романа Мстиславича: а мнѣ любо иную волость в тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее во что будеть была (Іпат. с. 460).

3) Ор. с. с. 28—9. Я думаю, що таке толкованнє звістки Повісти під р. 964 не можна прийняти (правдоподібнїйше, що Сьвятослав іде на Волгу, *і по дорозї* стрічає на Оцї Вятичів). А що до вятицького говора в нинїшнїй Тверській губ., то полишаючи оцїнку сього здогаду спеціалистам, позволю висловити тільки сумнїв, щоб ми так могли докладно знати вятицький діалект, аби вятицьких кольонистів де будь пізнавати.

4) Ор. с. с. 34. Ш. автор вказує на Переяслав залѣсскій на р. Трубежі, але що в такім разї зробимо з Галичом мерським, з Перемишлем і Звенигородом московським, Либедию в Володимирі, і иньшими, на північ перенесеними, зовсїм довільно — очевидно, полудневими назвами?

5) Ор. с. с. 14.

6) Ор. с. с. 13. Ш. Автор розминаєть ся при тім зовсїм з тим, що ми знаємо про старі торговельні дороги — пор. огляд їх в т. І моєї Історії с. 187. Дорогу крізь Вятичів знаємо дуже документально — з Науки Мономаха.

ми досї не знаємо. Коли д. Шахматов приймає погляд П. Мілюкова про кривицьку кольонізацію північної части Муромо-рязанської землї, то в полудневій треба припускати головно кольонїзацію вятицьку, з домішкою (але другорядною хиба) — сїверянської, отже з рязанських говорів судити про сїверянські я не бачу підстави.

Не можучи прийняти арґументів автора про окремішність Сїверян від полудневої, правобічної групи, я позволю собі вказати на деякі факти й обставини, що промовляли б, противно, за звязею Сїверян з правобічними племенами.

Я почну від того, що пригадаю тїсну культурну й полїтичну звязь Сїверян з полянським Київом. Для мене се не так сильний арґумент, бо я не ототожнюю полїтичної й культурної звязи з племенною, етноґрафічною, але для д. Шахматова, що з сеї сфери бере арґументи для своєї теорії, ся обставина повинна мати велике значіннє. Київ, Чернигів, Переяслав сей полянсько-сїверянський трикутник, то підстава полїтичного й культурного житя старої Руси, від перших докладнїйших звісток про неї (початків X в.). Його завязаннє ранїйше за всї історичні звістки. Радимичів, Вятичів, Деревлян «примучували» київські князї — про Сїверян нічого подібного не памятали, і просто pro forma, щоб зробити який історичний початок тому — редактор Повісти зачисляє прилученнє до Київа Сїверян до подвигів Олега. Д. Шахматов сам признає, що центральне значіннє Київа для Полян з Сїверянами старше від Руської держави Олега[1]). В київській людности він припускає значну домішку Сїверян[2]). Се не неможливо — я готовий припустити, що пограничне положеннє Київа на полянсько-сїверянськім пограничу причинило ся до його культурного значіння — але говорити про якусь ріжноплеменність, про брак ґравітації до Київа у Сїверян при таких фактах — дуже трудно! Якогось натяку на ріжноплеменність, етноґрафічний антаґонізм між сїверською й полянською людністю ми не бачимо й пізнїйше. Неохота Киян до чернигівської династії не йде тут в рахунок — вона подиктована змаганнєм до утворення з Київщини замкненого полїтичного тїла і з племенним антаґонізмом не має нічого спільного.

Ще важнїйше ніж спільність культури се спільність етноґрафічних прикмет як похоронний обряд наприклад. Археольоґічні досліди відкривають перед нами від порічя Стири до порічя Сули й Десни подібні, лише — з другорядними відмінами, похорони обложених деревом або в деревляні гроби положених небіжчиків; з другого боку вповні анальоґічні з сїверянськими могилами похорони палених небіжчиків сконстатовані недавно в

1) Op. c. c. 30.
2) Op. c. c. 25.

порічю Случи[1]). Вятицькі ж похорони значно відріжняють ся від сіверянських[2]).

Зрештою воно й a priori не дуже правдоподібно, аби середноруське чи великоруське племя так облило полудневу ґрупу, як то собі представляє ак. Шахматов. Спостережения над словянською кольонїзацією вказують досить виразно на її правильне розпросторенне, без перескоків і замішань. Коли приймемо — відповідно до звичайнаго уміщення словянської правітчини, що полуднева (українсько-руська) східнословянська ґрупа сиділа перед своїм розселеннем на середнїм Днїпрі, — роспросторенне середнеруського племени в порічях Десни, Сули й далї на полудень — було б перескоком. Але що не кождий може так собі представляє словянське розселенне, тож і я на сей аргумент зовсїм не кладу натиску.

Натомість піднесу, що архаїчні українські діалекти нинїшнеї Чернигівщини ледви чи удасть ся добре витолкувати, припустивши, що старі Сїверяне не належали до українсько-руської групи[3]). Д. Шахматов вправдї припускає, що від XIV в. ішла и сюди кольонїзація «під охороною литовських князїв» Деревлян і Дреговичів з Полоцької землї й київського Полїся[4]), але (полишаючи на боцї иньші допущені тут неправдоподібности) така міґрація з правобічного Полїся в лївобічне дуже мало правдоподібна — вона йшла з Полїся на полудне в передстепові краї, користаючи з «охорони литовських князїв». Багнисті й лїсові простори середнього й горішнього Подесеня були остільки добре захищеним краєм, що самі служили резервоаром для полудневого Заднїпровя, в часах пополохів і постраху кочовників, і тутешня людність зовсїм не мала потреби мандрувати в ті далекі краї, куди ведуть її оборонці старого сїверянського великоросизма[5]). В середнїй Черниговщинї стара лївобічна людність мала всї шанси заціліти в дуже значних масах, і в українських діалектах середнього Подесеня ми можемо, думаю, вповнї — бачити останки сеї старої лївобічної людности.

З тих усїх причин я уважаю теорію про великоросизм (чи «середнорусизм») Сїверян хибною, і позволю собі висловити надію, що безсто-

1) Див. цитовані вище, в нотцї, розвідки про волинські і київські роскопки, статї Самоквасова і Завитневича про роскопки заднїпрянські в Трудах III археол. съѣзда т. I, і VII съѣзда т. I (Существовало ли племя Суличи), Еременка Раскопки кургановъ Новозыбковскаго уѣзда — в Трудахъ отд. рус и слав. археологіи т. I, Сперанского Раскопки кургановъ въ Рыльскомъ уѣздѣ (Археол. извѣстія, 1894), Спицына Обозрѣніе губерній въ археол. отношеніи — Труды отд. рус. и сл. археологіи I и Разселеніе с. 321 і далї.

2) Пор. Спицынъ с. 333—4; сам д. Спіцин звязує в одну ґрупу Сїверян з Радимичами і Вятичами, але наведені ним факти сьому досить виразно противлять ся, і він сам по части се признає.

3) На се я вже вказував — Історія III с. 582—3.

4) Ор. с. 44.

5) Сам д. Шахматов зрештою не вірить в «слишкомъ значительную разрѣженность южнорусскаго населенія» по татарьскім погромі на правім боцї — ор. с. с. 46.

ронні дослідники — і між ними в першій лінії сам д. Шахматов переконають ся в нестійности сеї теорії. Нема причин виключати з полудневої, українсько-руської групи котре небудь з східнословянських племен, які сиділи на нинішній українсько-руськой території: Сіверян, Полян, Деревлян, Дулібів, Тиверців і Уличів.

Тільки на території Дреговичів теперішню українську кольонізацію (о скільки вона дійсно на ту дреговичську територію входить) можна уважати пізнійшою.— як то приймае і д. Шахматов. Але й тепер я не вважаю сеї справи вповні ясною, як не вважав і перед появою праці д. Шахматова[1]). Кольонізаційний напрям український на півночи міняв ся — ішов то на північ, то на полудне, тим часом як білоруська кольонізація була більше постійна; тут могли бути ріжні комбінації — рух білоруської кольонізації на українську, й української на білоруську, і я не бачу іще вповні ясних і певних підстав для развязання сеї справи. Критерії для відріжнення дреговичського похоронного типа від деревлянського, поставлені проф. Завитневичом[2]), не здають ся менї доста характеристичними. З другої же сторони д. Спіцин в згаданій своїй праці справедливо підносить — супроти клясифікації д. Шахматова, близькість Дреговичів до полудневої групи, як вона виступае в археольогічнім матеріалї. Може і етнографічно, і язиково Дреговичі були тільки переходовим типом від групи полудневої до північної (кривичської)?

Полишаючи отвореним се питанне, переходжу до поодиноких племен полудневої, українсько-руської групи. Я вичислив їх вище — Сіверяне, Поляне, Деревляне, Дуліби, Уличі і Тиверцї. Се все певні. Але сї племена далеко не покривають собою всеї території, про яку знаемо, що була або мусїла бути в тих часах — X — XI вв., залюднена сею кольонізацією. Без племенних імен лишаются дві цїлі великі окраїни сеї кольонізації — східня й західня.

Як я вище сказав, д. Шахматов приймае, що басейн Дона і Азовське поморе було залюднене Сїверянами. Сю теорію він взяв готовою — пустив її в курс Барсов, а піддержали історики Сїверської землї, і її не рідкість стрінути в науковій лїтературі[3]). Але докладнійше вона нїколи не

1) Історія України-Руси т. I с. 110, 376; пор. нову працю Олександра Грушевського Пинское Полѣсье, т. I с. 10—14, що в справі етнографічної приналежности Дреговичів лишаетсься также при non liquet.

2) Див. про се цитовані в попередній нотцї праці.

3) Op. c. c. 339.

4) Барсов с. 149, Багалѣй Исторія Сѣвер. земли с. 16 і далї, Голубовскій Исторія Сѣвер. земли с. 3 і далї. З новійших — нпр. у Рожкова Обзоръ русской исторіи с. 12. В першім виданню Історії я сам досить прихиляв ся до гадок істориків Сіверської землї, але уважнійше входячи в сю справу, бачу її безосновність.

5) Вид. Спасского с. 27.

була арґументована, і переглядаючи ті докази, які з часом зібрали ся коло неї, не можна сказати, щоб вона була добре обставлена.

Вказують, що Донець на пізнійшій московській мапі (т. зв. Книга Большого Чертежа) зветь ся Сїверським. Се так, але се властиво арґумент contra: імя «Сїверського» очевидно звязане було з верхівем Донця, що дїйсно випливає з сїверського Посемя, і се верхіве з тою назвою протиставляло ся чи верхнїм його притокам, що мабуть також мали імя Донця (так «Донецьке городище» лежить на р. Удах), або середнїй і нижнїй його части. В пізнійшій номенклятурі, переданій нам в люстраціях українських замків середини XVI в., імя Сївери, «уходовъ Сиверскихъ» прикладало ся до лїтописної території Сїверян — далї Посуля воно на полудне не йде [1]).

Вказують на те, що Тмуторокань належала до Сїверської землї, чи властиво до сїверської династиї. Та се, очевидно, могла бути й зовсїм припадкова звязь, така як Ростово-суздальської волости з Переяславом. Що пізнїйший катальоґ міст (при Воскресенській лїтописи) згадує Тмуторокань поруч сїверських міст (Мирославиць, Тмутораканъ, Остреческый, на Деснѣ Чрънговъ — Воскр. I с. 240) — се також нїякий арґумент. Насамперед, не маємо права читати се як одно слово: «Тмутораканъ остреческый, і розуміти як «Тмуторокань на р. Острі (як розумів Татїщев і новійшими часами проф. Багалїй або ак. Шахматов). Остреческый мабуть осібне імя — Остерський городок, Остер. Але коли бі був дїйсно Тмуторокань в Сїверській землї, то він міг дістати імя від азовського Тмутороканя (в кождім разї не навпаки, бо се руська, повноголосна форма фанаґорійської «Тіметраки»), просто тому, що сїверські князї, сидївши в азовськім Тмутороканю, могли перенести його імя на якийсь сїверський городок. Але імя Тмутороканя могло й зовсїм припадком опинитися в сїм катальозї міст поруч сїверських городів, як сїверська волость. Се мабуть таки й правдоподібнїйше.

Так розлїтають ся всї арґументи, які досї були виставлені на поперте сеї теорії, що подонські Словяне X в. були Сїверяне. Нема анї пїдстави анї потреби пїдтягати їх пїд імя Сїверян. (На лївім боцї нижнього Днїпра *могли* сидїти Уличі; але лїтописний текст про них простїйше розуміти про сам правий бік Днїпра). Кінець кінцем племенного імени подонської кольонїзації ми не знаємо. І се не дивно. Редактори Повісти дуже мало займали ся сею окраїною, промовчали зовсїм навіть сю кольонїзацію (з рештою дуже ослаблену печенїжським потопом в X віцї), отже дуже легко могли промовчати племенне імя сих осадників — коли знали його.

1) Архивъ югозап. Россіи VII т. I с. 108, пор. мапку до сих уходів при статї Падалки О времени основанія г. Полтавы — Чтенія историч. общества Нестора т. X.

Повість, зайнята тими землями, коло яких обертала ся київська політика другої половини XI в., замовчала не тільки на пів страчену подонську кольонізацію — вона не сказала нічого й про руську кольонізацію карпатських країв[1]). Звичайно на сї краї кладуть східнословянське (українсько-руське) племя Хорватів, або як иньші його звуть за Константином Порфирородним — «Білих Хорватів». Але ціла історія з сими Хорватами висить у повітрі. Я досить широко обговорив сю справу перед пятьма лїтами в своїй Історії[2]), отже не буду детайлїчно в неї тут входити, але головні моменти і контроверсії зазначу.

Виходять звичайно зі згадок Повісти про Хорватів, близше поясняють їх на підставі оповидання Константина Порф. про Білохорватію, та при помочи иньших комбінацій (хоро-і топоґрафічної номенклятури, зближувань з іменем Карпатів і т. п.) старають ся близше означити їх територію. Тим часом з звісних згадок Повісти перша — в етноґрафічнім огляді (Іпат. с. 7) дуже виглядає на інтерполяцію: оден з редакторів, бажаючи можливо доповнити сей реєстр руських племен, дописав тут імя Хорватів, знайшовши його низше під р. 907 або 993. Таких голих імен в первісних редакціях етноґрафічного огляду Повісти ми не стрічаємо. Але більше нічого пояснити про Хорватів інтерполятор не умів, бо мав саме імя; в дїйсности Хорвати, згадані під р. 993, могли зовсїм не бути східнословянським племенем. Згадка під 907 р. має також катальоґовий характер, і також нічого крім голого імени не дає. Константин Порф. нічого не може помочи в сїй справі, бо його Білу Хорватію (поминаючи вже дуже сумнівну важність його оповидання про міґрацію Хорватів і Сербів) не маємо нїякої підстави прикладати до руського Підкарпатя: прикладають її знов таки з огляду на тих руських Хорватів Повісти. Ще більше сумнївне зближенне Βοϊκι = Бойки. Топоґрафія Прикарпатя, анї саме імя Карпатів[3]) також не дає нїякої підстави для льокалїзації Хорватів. Кінець кінцем — одинокі Хорвати в прикарпатських краях — се чеські Хорвати привилея празькій катедрі (підробленого, потвердженого 1086 р.); згадки же Повісти про Хорватів руських і оповіданне Константина П. про Хорватів сербських можуть бути простими непо-

---

1) Роспросторенне старої руської кольонізації в сих краях досить широко обговорене в моїй Історії, с. 188, і далї вид. 2.

2) Т. I с. 123—5 і 382—3. На київський археольоґічний зїзд 1899 р. я хотів був дати реферат про сю справу, аби викликати діскусію над нею, але що до тих рефератів, як звісно, не прийшло, то тези мого реферату були видруковані в т. XXXI Записок наук. тов. ім. Шевченка, в збірнику рефератів приладжених на київський зїізд п. з. «Чи було між руськими племенами племя Хорватів ?» (с. 6).

3) Близко підходить до імени Хорватів північно німецьке, епічне Harfadha, але чи будемо його толкувати як «Карпати», чи «Хорватські гори» (див. Paul Grundriss der germanischen Philologie III с. 762), для льокалїзації Хорватів воно однаково не дасть нїякої підстави.

розуміннями, й істнованнє племени руських Хорватів взагалї, а на підкарпатю спеціально зістаєть ся непевним. Ми не знаємо, яким племенним іменем звали ся східнословянські осадники Підкарпатя, руської західньої окраїни.

Останнє руське племя на заході, нам звістне по імени — се Дулїби. Як далеко сягали його осади на захід, не знаємо. Кілька сїл того імени в басейні верхнього Днїстра[1]) можуть вказувати, думаю, — що се поріче лежало вже за межами масової дулїбської кольонїзації. Повість садовить їх над Бугом: «живяху по Бугу», значить — Західньому, вислянському. Вправдї Барсов толкував се так, що тут треба розуміти верхівя обох «Буговъ», себто Бога (полудневого) і Буга (вислянського)[2]), а иньшії дослїдники — до яких новійшими часами прилучив ся і д. Шахматов — містять Дулїбів над Богом (полудневим)[3]), але се не можливо. Повість виразно говорить про оден Буг, а поясненнє «кде нынѣ Волыняне» не лишає місця сумнїву, котрий з двох «Бугів» маємо тут разуміти: Волинь, як відомо, стояв на Бугу (вислянськім)[4]), а Побоже до Волини властиво не зачисляло ся. Говорити, що колись давнійше, ще перед тим, Дулїби жили на Богу, чи на верхівях Бога і Буга, значить ставити зовсїм довільну на нїчім не оперту гіпотезу. Нї ми, нї Повість нїчого не знає про якусь таку міґрацію Дулїбів, а мушу сказати, що всякі такі пересування племен не виставлених на натиск кочових орд безпосередно, в часї, коли словянське розселеннє уже уставило ся (VIII—X вв.), здають ся минї дуже мало правдоподібними.

Назви «Бужан» і «Волинян» Барсов об'яснив дуже основно як пізнійші імена, що заступили старе племенне імя Дулїбів. Такий погляд був прийнятий і иньшими дослїдникам, між иньшими і істориками Волинської землї — Андріашовим і (меньше рішучо) Івановим[5]) Д. Шахматов вертаєть ся одначе до старого погляду, що Дулїби, Бужане, Волиняне — се ріжні племена, що заступали одно місце другого: Волиняне, відступаючи з полудневих степів, потиснули Дулїбів, що сиділи на Богу, на північ, і під сим натиском вони й Бужане посунули ся далї Бугом вислянським[6]). Хоч при тім ш. автор доказів ніяких особливих не подає (так само як і д. Андріашів, котрого деякі гадки приймає д. Шахматов)[7]), так що ся міґра-

1) Дулїби коло Ходорова, другі — під Стрием, треті коло Бучача. На них звернув увагу Барсов (ор. с. с. 102).

2) Ор. с. с. 102.

3) Шараневич Исторія Галицко-володимирской Руси с. 4, Шахматов ор. с. с. 23; він читає Бў Лавр. кодекса як Богу.

4) Іпат. с. 100: приде къ Волыню и сташа обаполъ рѣки Буга.

5) Барсовъ с. 100—2, Андріашевъ Очеркъ исторіи Волын. зем. с. 7, Ивановъ Историческія судьбы Волын. зем. с. 39.

6) Ор. с. с. 19—23.

7) Не може, розуміеть ся, служити доказом те, що д. Шахматов вказує одно село Дулїби в Городенській ґуб., а одно в Минській — такі осади з племенними іменами можуть стрічати ся далеко за границями того племени, не тільки на пограничу.

ція племен зістаєть ся властиво гіпотезою, навіть висловленою досить неясно, але поважанне, яке я маю перед науковими заслугами автора, каже мині війти близше в теорію особности Дулїбів, Бужан і Волинян, що послужила ш. автору, очевидно, вихідною точкою до сеї гіпотези міґрації.

«Бужане — зань сѣдять по Бугу, послѣ же Волыняне». «Дулѣби же живяху по Бугу, где нынѣ Волыняне». Насамперед, що Бужане і Волиняне — се два імени тогоже самого племени, в тім не може бути сумніву найменьшого. Волиняне — се назва не племенна, а полїтична, взята від города Волиня, полїтичного центра. Вона належить до циклю таких полїтичних імен як Кияне, Полочане, Новгородцї, що заступають собою старі племенні імена Полян, Кривичів, Словен. Та й слова Повісти, що Бужане «сѣдять» і досї тамже (сей варіант мимусимо уважати старшим як «сѣдяху» Лавр. лїтоп.), виразно показують, що нема тут мови про міґрацію Бужан і заміну його новим племенем. Зрештою я вже сказав, що такі міґрації й пересування племен в поясї позастеповім я для тих часів самі собою уважаю за совсїм неправдоподібні (з місць невигідних могли рушати ся ватаги кольоністів і осїдати на територїї иньшого племени, але щоб цїлі племена в ті часи оселого, хлїборобського житя мандрували, і то не на якісь порожні простори, а витискаючи відти цїлі иньші племена — то мині не здаєть ся можливим!). Але тепер я розглядаю ся в арґументах незалежно від сеї принціпіальної обставини.

Може бути тільки питанне, чи Бужане і Дулїби не два осібні племена. Се справа, дїйсно, не така ясна, і тому бачимо, що й ті дослїдники, які вважають назву Волинян рішучо полїтичною, а не племенною, вагають ся, чи признати Бужан і Дулїбів за одно племя, чи за два[1]). Але я думаю, що близше приглянувши ся до сеї справи, не богато лишимо місця сумнїву.

Коли Дулїби й Бужане се два осібні племена, то дуже дивно, що в Повісти вони нїде не виступають разом, нї при однім вичисленню, хоч мали б то бути сусїдні племена, а Повість дуже любить власне такі сполучення сусїдних, ґеоґрафічно близьких імен. Слова: «где нынѣ Волыняне» дуже виглядають на пізнїйшу ґльосу (сих слів і нема в деяких кодексах Лаврентієвської ґрупи — Радивилївськім і Академічнім); отже в сїм, найстараннїйше зробленім реєстрі були б Бужане пропущені; нема їх в оповіданню похода Олега, і взагалї імя Дулїбів виключає імя Бужан, і навпаки[2]).

Міґрації Дулїбів Повість, очевидно, не знає: кажучи що вони сидїли

1) Нир. Ивановъ ор. с. 38—9.

2) Тільки в зовсїм пізнїх компіляціях стрічаємо ми інтерпольоване імя Бужан поруч Дулїбів: Воскр. І с. 264, Никон. І с. 5.

по Бугу, де тепер Волиняне, вона б певне пояснила нам, де ті Дулїби звідти поділи ся, як би їх місце дійсно зайняло нове племя Бужан. Та й така міґрація не правдоподібна сама по собі, як я вще казав.

З тих причин я не вважаю правдоподібним, аби Бужане було взагалї іменем племени, хоч би й другим племенним іменем Дулїбів (в такім разї мабуть також прийшло ся б прийняти пізнїйшу міґрацію Дулїбів над Буг, бо вже по словянськім разселенню вони були звісні у нас під сим іменем — Дулїбів, і хиба через пізнїйшу міґрацію над Буг могли дїстати імя Бужан,— але Повість не знає ніяких давнїйших осад їх як тільки над Бугом).

Досить правдоподібним уважаю об'ясненнє, виставлене Барсовим (l. c.), що іме Бужан пішло від Бужська. Повість, між своїми улюбленими теоріями, має також і сю: виводити, де можна і не можна, назви племен від рік. Полочане нпр. в дїйсности дістали своє імя не від річки Полоти, а від Полотска; так могло бути і з Бужанами. На сїй територіЇ ми взагалї бачимо богацтво таких полїтичних назв — окрім Волинян іще Червенські городи, Лучане; могло таким бути й імя Бужан[1]). Се здаєть ся минї правдоподібнїйшим, нїж бачити в «Бужанах» топічну назву певної частини Дулїбів[2]) — хоч і се об'ясненнє також можливе.

Племенним іменем не можу вважати також і «Лучан»—Λενζενίνοι Константина Порфирородного, як вважають деякі дослїдники (і я сам ще не давно), звязуючи з Улучичами (вар. Уличів) Повісти[3]). Бо з того вкінцї виходило б таке, що Лучане = Лучичі поставили по імени свого племени місто Лучеськ, а від Лучська звали ся потім Лучанами. Таких городів, прозваних по імени племени ми у нас не знаємо. Очевидно — се також назва полїтична, взята від города — полїтичного центра Лучська. Дуже можливо одначе, що подібність імени Уличів і Лучичів, Лучеська, і близьке територіальне сусїдство їх вплинуло на те, що сї два імена мішали ся, і поруч ріжних иньших варіантів імени «Уличі», появили ся й «Улучичі», а їх стали толкувати новійшими часами як «Лучан», так як варіант Угличів вязав ся в звукову асоціацію з Угличом[4]).

Який племенний підклад мала територія Лучан, сказати напевно годї. Недавно ще з значною певностю говорили ми, що територія Деревлян на заходї не йшла далї порічя Горини. Тепер викрите в порічю Стира похо-

---

1) Про те, як територіально й хронольоґічно могли сї полїтичні назви комбінувати ся, див. Історию України-Руси т. I с. 122—3.

2) Нпр. Ивановъ op. l. c.

3) Про ріжні теориї — див. Історию України-Руси I с. 381—2; висловнені там мною погляди о стільки зміняю тепер, що не признаю самостійного значіння за варіантом: «Улутичі», «Улучичі», й держу ся тільки «Уличів» — див. с. 176—9 другого видання.

4) Про сї варіанти — також.

ронного обряда дуже близького до деревлянського[1]) змушує бути обережнійшими. Хто зна, може, і в порічю Стира були Деревляне. За тим, що були тут Дулїби, окрім пізнїйшої полїтичної звязи Лучська з Волинею (сам по собі арґумент зовсїм маловажний) промовляла б хиба ґеоґрафічна близькість порічя Стира до дулїбського Побужа. Про иньші племена (нпр. про Уличів) тяжко тут думати, а мало правдоподібним здаєтся минї, аби Повість *упустила* імя племени, яке сидїло тут.

Справа розселення Уличів в головнім представляєть ся ясно. Повість (в новгородській версії) каже, що вони сидїли «по Днѣпру внизъ, и посемъ преидоша межи Богъ и Днѣпръ». Сьому відповідає вагание між Днїпром і Днїстром при означенню осад Уличів в полудневій і північній версії Повісти. На нових осадах знає їх і Константин Порфирородний, вичисляючи сусїдів Печенїгів на правім боцї Днїпра в такім порядку: Русь (Поляне), Уличі, Деревляне, Лучане (De administr. imp. cap. 37). Його звістка позволяє нам також і зорієнтувати ся між численними варіантами улицького імени в копіях Повісти: Οὐλτῖνοι Константина відповідають Уличам Повісти, тим часом як такі варіанти як Угличі, Улучі являєть ся уже результатом етимольоґізовання (Volksethymologie) книжників.

Отже Уличі сидїли на нижнїм Днїпрї, і з часом — але не пізнїйше 1-ої половини X в. пресунули ся відти «між Бог і Днїстер». Тут одначе виникають ріжні питання. Насамперед як розуміти се «по Днѣпру внизъ»? Найпростїйше було, з становища книжника, що писав се на правім боцї Днїпра в Київі, толкувати се так, що Уличі сидїли на правім боцї нижнього Днїпра. Можна б толкувати, що сидїли вони по обох боках Днїпра, але се було б мале натягание тексту, минї здаєть ся. Друге — чи Уличі, видступаючи з нижнього Днїпра, відступали на свою ж таки територію, чи на чужу? Мовчанне Повісти про якусь иньшу племенну територію промовляло б скорше за першим толкованем: що се була концентрація Уличів в певній части на їх же племінній територїї. Тому, що причиною сього переходу їх треба найправдоподібнїйше вважати печенїзький натиск першої половини X в., напрям їх міґрації треба міркувати не просто як західнїй, а борше північно західнїй — на середнє і горішнє порічє Бога.

При такім толкованню Уличі дістають великий простір на правім боцї Днїпра і по Богу. В великости територїї нема одначе нїчого неможливого — се кольонїзаційна періферія, де кольонїзація мусїла бути найбільше екстензівна — і рідка. Але зістаєть ся голим лїве побереже Днїпра. Хто сидїв там? На се ми не маємо відповіди.

1) Див. вище.

Не що давно проф. Завітневіч пробував підперти археольоґічними доказами істнованнє осібного племени «Суличів»[1]). Але так як саме се імя виникло з хибного варіанта («съ Суличи» замість «съ Уличи», въ Радивил. и Акад. кодексї, під 885 р.) — так і археольоґічні докази д. Завітневіча не були стійні (вказаний ним похороний тип звістний і далї на північ, в сїверянських землях). Поріче Сули належало до Сїверян, а лївого берега нижнього Днїпра не маємо поки що підстав зачисляти до їх кольонїзації.

Може бути, з часом сю справу прояснить археольоґія, — але мусить вона для того бути значно лїпшою, нїж та яка дуже часто культивуеть ся тепер в Россії.

Мих. Грушевський.

У Львові, 18 (31)/XII. 903.

---

1) Существовало ли славянское племя Суличи — Труды VII съѣзда т. I.

Етноґрафічні катеґорії й культурно-археолоґічні типи в сучасних студиях Східньої Европи.

Давня і глубоко закорінена манера — обʼясняти відміни в культурі відмінами етноґрафічними і появу їх виводити від перемін в кольонїзації — від появи нового народу, що мовляв приніс з собою сї нові культурні здобутки, звичаї і обряди. Був час наприклад, коли меґалїти звязували спеціально з Кельтами, бачили в них їх виключну власність і де були меґалїтичні будови, припускали давнїйші кельтські осади. Появу в західнїй Европі металїчної культури, домашнїх зьвірят уважали здобутками, принесеними якимись новими племенами, якоюсь великою міґрацією. Не що давно висловляли ся здогади, що й неолїтична культура була принесена в Европу якоюсь близше нам незвісною міґрацією, що стара полеолїтична людність полишила західню Европу під впливом змін в клїматі і фавнї, й її місце зайняла та нова неолїтична людність, прийшовши — з Азії наприклад, що все ще лишаеть ся такою vagina gentium для Европи.

Звичайно такі теорії упадають, в міру того як збільшаеть ся запас наших відомостей. Після того як меґалїти показали ся не тільки в Західнїй Европі, а і в північній Африцї, на Кавказї і в Індії, — ніхто на бачить в них слїдів кельтських міґрацій. Богатші нахідки, докладнїйші студиї показали нам повільний розвій домашнення зьвірят в Европі, ще докладнїйше — повільне росповсюдненне перших металїв міди й бронзи, їх щоб так сказати — ендосмозу в камяну культуру[1]). З того часу як знайшли ся в західнїй Европі переходові типи між останнїми стадиями палеолїтичної культури (Magdalénien, по звичайній, загально-звісній схемі) і неолїтом — типи т. зв. Tourassien і Tardenoisien, пропав той hiatus, той розлом між палеолїтичною й неолїтичною культурою, що змушував до здогадів про радикальну переміну залюднення Европи на сїм переломі 2), і коли тепер ще

1) Богато інтересних спостережень на сю тему в працях Мат. Муха (Much) — Die Kupferzeit in Europa нове вид. 1893, Jena, і Die Heimat der Indogermanen, 1902 і 1093, (дарма що з остатнїми виводами його про індоґерманську правітчину тяжко погодитись).

2) Gab. et Ad. Mortillet Le préhistorique, вид. 1900, і Musée préhistorique, 2 вид. 1902. пор. статю Capitan-a в L'anthropologie, 1901.

далї говорять про нову міґрацію на порозї неолїтичної культури, то вже з огляду на такі справдї реальні факти як появу довгоголового типу[1] — хоч і тут можна ще спорити ся, чи дійсно сї факти змушують до такої теорії, і т. д.

Подібно як сї кардинальні зміни в історії людської культури, поясняли ся й факти більше місцевої культурної історії Східньої Европи, які відкривають нам археольоґічні дослїди. Зміни в культурі, в технїцї, в похоронних обрядах толкували ся змінами в кольонїзації, поквапно звязували ся з етноґрафічними іменами, переказаними нам історією. І так дїеть ся до нинїшнього дня. Так оден з визначних археольоґів російських недавно ще доводив, що бронза була принесена новим народом, отже похорони бронзової доби (такими уважає він похорони з червоними скелетами) належать иньшому народу ніж похорони камяної доби[2]). Ранню зелїзну культуру й похорон все ще досить серіозно (хоч не всї — декотрі тільки конвенціонально) уважають скитськими. Старші похоронні типи признають Кімерійцям — тільки в тім нема згоди, котрі саме — бо тим часом як одні признають їм похорони камяної доби (скорчених скелетів), иньші — бронзової, а иньші знов найранїйшої зелїзної[3]). Скоро відкриті були оселї з мальованим начиннєм чи так звані точки («площадки») з «передмікенською культурою» — не встигли ще дослїдити їх території, району їх росширення, анї самої тої культури, а вже виступили цїлим рядом здогади про їх етнічну приналежність: одні побачили тут Неврів, иньші — Греків з перед міґрації на Балкан, иньші — Словян, і т. д.[4]).

Скороспішність виводів річ взагалї дуже звичайна в початкових стадиях науки, але не конче користна. І в данім разї таке передчасне прилїплюванне етнічних титулів до археольоґічних типів не тільки безплодно забирає енерґію дослїдників, а і вносить часом непотрібну заплутанину в археольоґічний матеріал та відсуває те, що передовсїм на його підставі має бути і може бути зроблене — образ розвою культури на певній території,

1) О. Шрадер одначе в своїй новій книзї (Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, 1901) все ще приймає принесенне неолїтичної культури новою людністю — на підставі ріжних другорядних культурно-історичних обставин, в родї браку почутя для штуки у неолїтичного чоловіка (с. 825).

2) Записки русскаго археол. общества т. XII вип. 1—2, с. 393 (резюме реферату Н. Веселовского).

3) Нпр. реферат Бранденбурґа в I т. Трудів XI съѣзда с. 167, Городцова в Извѣстіях XII съѣзда с. 159, замітки Самоквасова в II т. Трудів XI съѣзда с. 92. Hadaczek Złote skarby Michalkowskie, 1904, передмова. Виберою найновійше.

4) Хвойка Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья — Труды XI съѣзда т. I, Спицынъ Разселеніе древнерусскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1899, VIII) ст. 399, фонъ Штернъ Раскопки въ сѣверной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой домикенскаго типа—Извѣстія XII съѣзда с. 89.

незалежно від етнічної номенклятури її. Взагалі археольоґічний матеріал для Східної Европи поки що такий іще бідний, а що важнїйше—в переважній части так лихо спрепарований[1]), що увага дослїдників передовсім мусить бути звернена не так на робленнє далеких виводів, як на уліпшеннє методів і системи дослїду, бо нї в одній мабуть иньшій сфері ненауковість дослїду не являеть ся таким непростимим і непоправним гріхом, як власне в археольоґії: справедливо підносили, що тим часом як лихо описані монументальні чи писані памятки можуть бути з часом описані чи видані лїпше дальшими дослїдниками, а недокладна обсервація або хемічний аналїз можуть бути заступлені лїпшими — недокладно переведена розкопка безповоротно нищить дорогоцїнний, і може бути — одинокий в своїм роді матеріал, даючи замість цїнного факту з історії людської культури малоцїнні bibelots[2]).

Спеціально в справі змін культурних форм і обрядів треба все памятати—з одного боку, що від неолїтичної доби (досить пізньої, з другої половини її, коли ми вперше маємо богатший археольоґічний матеріал) і аж до гунського находу ми не маємо вповні виразних безсумнївних вказівок, чи історичних, чи археольоґічних, на якусь *масову* вповні *чужеродну* міґрацію в східній Европі. По друге — що вже від дуже ранніх часів, в кождім разї—від другої половини неолїтичної доби, були сильні *культурні впливи*, *культурна ендосмоза* як в західній Европі так і в східнїй.

Справдї, супроти того що з ідеєю індоевропейської правітчини в передній Азії приходить ся попрощатись, і все більше правдоподібним (і в науцї прийнятим) стає погляд, що Індоевропейцї жили десь в східній Европі ще перед своїм розселеннєм, а їх культурна еволюція на правітчині іде гень в глубину неолїтичної культури, *вповні можливо*, що значна частина східньої Европи — чи полудневої, як хочуть одні уміщати сю індоевропейську правітчину, чи західньо-полудневої, чи східньо-полудневої — як хочуть иньші[3]),—мала індоевропейську людність від пізньої неолїтичної доби аж до гунського находу. А в такім разї культурна й побутова еволюція сходить на культурні *впливи*, чужеродні *домішки*, і вкінцї — просту таки *еволюцію* житя, і про різкі етноґрафічні відміни й міґрації можна поки що говорити хиба лише гіпотетично.

1) Пор. критичні замітки в Записках Наукового товариства ім. Шевченка т. LIII, с. 5, т. LV с. 2 (бібліографія).

2) Дуже серіозні гадки висловляє в сій справі звісний француський антропольоґ Манувріе в статї La protection des antiques sepultures et des gisements préhistoriques — Revue de l'Ecole d'anthropologie, 1901, VIII.

3) Сучасний стан сього питаня представив я в I т. моєї «Історії України-Руси» і в новім виданню його, що від часу написання сеї статї вже вийшло, використовую нові спостереження в сій справі.

Візьмім найстарше етноґрафічне імя, предане нам історичними відомостями—Кімерійці. Лишаю вже на боці, що ми не знаємо, чи дійсно істнував в чорноморських краях взагалі такий конкретний нарід, що се не зовсїм певно, бо ся пара імен — Скитів і Кімерійців, могла бути попросту пересаджена, псевдонауковою комбінацією грецьких письменників, на північне побереже Чорного моря з малоазійських країв, де вона дійсно істнувала[1]. Але й іствувавши реально, Кімерійці *могли* бути такимиж Іранцями як і Скити (як то з рештою й припускають декотрі дослідники), або в кождім разї Індоевропейцями. Появу скитського імени в Европі також властиво тільки з дуже великими обмеженнями можна признавати міґрацією. Уважнїйше придивляючи ся кольонізаційним і культурним відносинам чорноморських степів, новійші дослідники все рішучійше підносять ту гадку, що виступ Скитів, потім Сарматів, вкінці Алянів — були змінами більше полїтичними, перемінами зверхнїх орд, а радикальних змін в людности властиво не було. Правдоподібно, іранська людність держала ся в чорноморських степах протягом цїлого сього часу. Розуміеть ся вповнї можива туранська, урало-алтайска домішка в сїй кочевій людности, але поки що сконстатувати її ми не можемо з певностию, анї не можемо вказати її величини й значіння. Правда, важним фактом являеть ся те, що в ранній зелїзній культурі виступає незнаний нам перед тим в сих краях короткоголовий антропольоґічний тип, але ж бо взагалї ми так мало маємо антропольоґічного матеріалу з ранїйших часів[2]), що й тут тільки гіпотетично можемо говорити, що в неолїтичній добі в східнїй Европі жив чоловік довгоголовий, а в металїчній з'явила ся в степах короткоголова людність. Ще меньше доказової сили мають иньші факти — приміром звязь східноевропейського стилю скитських часів з середноазіатським, бо тут для об'яснення висталиб і самі культурні впливи[3]), і т. и.

Але й припускаючи, як вповнї *правдоподібну*, туранську домішку в степовій людности скитсько-сарматських часів, зістаеть ся в цїлости *можливість*, що від неолїтичних часів до вповнї історичних IV віка, людність

---

1) Про се питаннє див. в I т. моеї Історії України, с. 46—7, першого вид.

2) Див. новійшу розвідку Талька-Грінцевича Przyczynki do poznania świata kurhanowego Ukrainy (Materyaly antropologiczno-archeologiczne, IV, 1900). З похоронів неолїтичної та переходової доби, до тепер розкопаних, мабуть добрих 95% мають примітку, що кости небіжчиків так погнили, що їх не можна було поміряти, або й зовсїм промовчуеть ся антропольоґічна сторона находок. Чи не тому такий величезний сей процент, що поміряти кости тяжше, як вибрати з могили кілька камяних чи бронзових предметів? і чи не міг би він бути *де що меньшим*, як би серіознїйші вимоги ставили ся до розкопок?

3) Лишаеть ся напр. непевним, а навіть і сумнївним, аби скитська орда, переходячи з Азії в Европу, себто десь в VIII — VII вв., принесла вже з собою сю середнеазійську техніку; вона прийшла в Европу мабуть пізнїйше, і то — зовсїм можливо, дорогою зносин, а не міґрації.

полудневої й полудново-західньої части Східньої Европи в головнім була з індоевропейської родини, і значить—стрічали ся тут одноплеменні етноґрафічні ґрупи. Між ними мусїли бути відміни (бо етноґрафічна діференціація мусїла зазначити ся ще перед індоевропейським розселеннєм), але не так сама по собі різка, щоб а priori мати право звязувати з нею якісь різкі культурні відміни. Там де вони були вже в тих часах близшого спорідненя і сусїдства, вони свій початок ведуть властиво, знов таки, від чужих культурних впливів і чужородних домішок, отже зводять питаннє знову до міжнародної культурної ендосмози.

Я не перечу — ба навіть надію ся, що з розвоєм більше систематичних і докладних, науковійше ведених археольоґічних розслїдів — коли удасть ся уставити наступство певних культурних форм і їх територіальний росклад, ґеоґрафічні райони, — не в однім разї може удасть ся звязати певні культурні й побутові форми з певними племенами, як їх *виключну* прикмету і власність. Але се дїло будучности. Поки ж що ми з певностию можемо вказати, здаєть ся, тільки одну серію археольоґічних фактів—звязану як раз з першою *напевно* звістною нам чужеродною міґрацією — тюркською: се впускні й иньші могили з похороном небіжчика з конем і камяні баби (хоч і тут близші хронольоґічні вказівки дати й докладнїйшу етноґрафічну приналежність виказати мають дальші дослїди: чи маємо зачинати від Печенїгів, Чорних Клобуків і Половців тільки, чи брати ся до перших етапів турецької й взагалї північно-азійської міґрації). Те що перед тим — се ряд фактів культурної еволюції *території*, які тільки гіпотетично або *частково* вяжуть ся з етнічними ґрупами чи поодинокими народами.

Візьмем найстарший досї нам звісний тип похорону — погребаннє скорченого трупа. Що з ним можна зробити? Він насамперед дуже мало характеристичний, бо так зване утробне положеннє трупа — найбільш характеристичне, рядом переходових положень переходить в випростоване; нїякої характеристичної обстанови также нема[1]). З другого боку територія їх росширення розлазить ся in infinitum: похорони скорчених небіжчиків східньої Галичини[2]) дають перехід до подібних похоронів західноевропейських, що заводять нас до крайнїх границь европейського суходолу. Якеж можливе тут етнічне означеннє? Сї похорони могли належати кождому народови, який ми в даній стадиї культури в даній місцевости припустимо. А стадия культури не так докладна, бо коли в однїх похоронах сього типу

---

1) Див. Бранденбургъ Объ аборигенах Кіевскаго края — Труды XI съѣзда т. I.

2) Demetrykiewicz Neolityczne groby szkieletów t. zw. siedzących (Hockergräber) — Materyały antrop.-archeologiczne т. III.

маємо културу неолїтичну, в иньших, видно, дожив він до початків металїчної культури.

На Чорноморю на сей похоронний тип осїдає з часом новий похоронний обряд — обсипування чи обмазування небіжчика червоною фарбою. Осїдає він на попереднїй тип так легко, що ледви чи можна думати про якийсь перелом кольонїзаційний[1]); на цілій просторони яку, обіймає сей новий обряд — в кождім разї нї. Льокалїзуєть ся він докладнійше, нїж похорон скорчених небіжчиків, хоч докладних границь його, разуміеть ся, ще зовсїм не маємо. Бачимо його на степовім Чорноморю, від Кубанщини до Бесарабії; на Подніпровю він сягає полудневої Київщини, в басейнї Донця звістний він в Ізюмськім повітї; в лїсовім поясї й на заходї — на Волини і в Галичинї його не знаємо. В приморських місцях сей похорон виступає в обстанові переходової доби від неолїта до металїчної культури; далї на північ в масї видержана обстанова без-метальна, так що тяжко думати, аби сї похорони належали до металїчної культурі[2]).

І знову я питаю — яка можливість звязати сей похоронний обряд, хоч і такий характеристичний, з якоюсь певною етнічною ґрупою як його власність? Що за нарід посадимо ми в сїй переходовій добі від каміня до металю на тій просторони від Кубани до Бесарабії, від моря до поріча Роси й середнього Донця?

Перед кінцем неолїтичної доби виступають оселї з «перед-мікенською» культурою. Се тип найбільше характеристичний з цїлої ранньої культури нашої території, найрізше відграничений від иньших культурних типів[3]). Сї глиняні будови, богаті форми посуди, пишна кольорова і різьблена орнаментація, глиняні статуетки — все виникає так нагло й несподївано на тлї нашого неолїта, що, дїйсно, легко підсуває гадку про якусь міґрацію. Але так як стоїть справа з ним тепер, яку таку народність винайти, щоб її признати сю культуру, яко її спеціальну власність? Поріче (правобічне) середнього Днїпра, Поділе, Бесарабія, Буковина й Волощина, Семигород[4]) —

1) Ся повільність переходу від старшого обряду до фарбовання небіжчика виступає нпр. в недавнїх похоронах Еварницького — Труды XI съѣзда т. I.

2) Як приймають нпр. Бранденбурґ (ор. с.) і Веселовский (Записки рус. археол. общ. XII, вып. 1—2 с. 392—3).

3) В київській неолїтичній оселї (при Кирилівській улицї), судячи з оповідання Хвойки, знайшли ся одначе якісь початки мальовання посуди. Може бути, що дальші нахідки тїснїйше звяжуть сю культуру з попереднїми стадиями місцевого житя і дадуть переходові типи до пізнїйших. Поки що такі переходові типи чи властиво далекі відгомони можна шукати хиба в спіральних і круглих орнаментах посуди похоронних піль, та в рідких і незавсїди певних нахідках глиняних статуеток.

4) Хвойка Каменный вѣкъ (Труды XI съѣзда, т. I), комунїкати Доманицького і Біляшевського в Археологическій лѣтописи Юж. Россіи р. 1899—1901, фон Штерна в Извѣстіях XII съѣзда с. 87, Ossowski Sprawozdanie z wycieczki paleetnologicznej po Galicyi (Zbior wiadomości do antropologii krajowej т. XIV, XV, XVI i XVIII), Demetrykiewicz Poszukiwania

се район з ясно вираженою одностайністю сеї культури. Кого тут посадити, щоб се було бодай чимсь трошки більшим від простої гіпотези?

Мині здаєть ся дуже правдоподібним, що ся культура мала чужий, імпортований початок, але розвинула ся серед місцевої людности, розвинула ся досить широко, як показують численні оселї й робітнї (гончарські печи) сеї культури, й могла дорогою зносин і торговлї передавати ся з одного місця на друге, незалежно від етноґрафічної приналежности.

Розширенне міди й бронзи на нашій території може, здаєть ся, як раз служити доказом, що ґеоґрафічне сусідство, торговельні дороги й зносини, а не етноґрафічна приналежність — грали головну ролю в культурній еволюції, в присвоюванню здобутків вищої культури, і т. д. Оден район бронзової культури бачимо на західнім краю її, під Карпатами, в сусідстві угорської і взагалї середнодунайської бронзової культури (старшої й пізнїйшої)[1], другий — на сході, в басейнї Дона й Донця, в сусідстві кавказького бронзового огнища[2]). Мідяні й бронзові вироби йшли також, очевидно, і з чорноморського побережа і *поволї* всякали в стару палеолїтичну культуру—бачимо се на похоронах з червоними скелєтами, на оселях «передмікенської культури» і т. д. Процес розширення бронзової культури йшов так повільно в краях дальше положених від її огнищ (як поріче Днїпра), що перше ніж вона опанувала тутешнїй побут, прийшло й зелїзо, так що подекуди бачимо, як воно безпосередно осїдає на камяній культурі[3]).

Підем іще далї. Те що зветь ся звичайно скитського культурою — се стріча двох культурних течій, одної з полудня, від чорноморського побережа—гелєністичної, другої—східньої, що йшла з передньої Азії, споріднена з одного боку — з перською, з другого боку — з урало-алтайською технікою й стилем. Ріжні комбінації сих двох течій в нашім Чорноморю—

---

archeologiczne w powiecie Trembowelskim (Materyały antrop.-archeolog. т. IV), про буковинські находки друкуеть ся реферат Р. Кайндля в Mittheilungen der Central-Comission за р. 1902, про молдавські—G. Buţureanu Notiţiă supra săpăturilor şi cercatărilor făcute la Cucuteni (Archiva societăţii ştiinţifice şi literare din Jaşi, 1889), про семигородські — J. Teutsch Prähistorische Funde aus dem Burzenlande (Mittheilungen der Wiener Anthrop. Gesellschaft т. XXX—I. Про poширенне мальованої посуди й спірального орнамента далї на захід. див. Much Heimat der Indogermanen, розд. III. Незадовго має вийти в Матеріалах до українсько-руської етнольоґії розвідка Ф. Вовка про «передмікенську культуру» взагалї.

1) Pułaski Wiadomość o dwu zabytkach bronzowych na Podolu (Pamiętnik Fizyograficzny т. IX), Przybysławski Skarb bronzowy znaleziony na prawym brzegu Dniestru pod Uniżem (Teka konserwatorska т. I), Грушевський Бронзові мечі з Турецького пов. (Записки Наук. тов. ім. Шевченка т. XXXIII). Про находки з Угорської Руси особливо Hampel Trouvailles de l'âge du bronze en Hongrie 1886, Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn, 2 вид. 1890, і угорське виданне, доповнене новійшими находками — A bronzokor emlékei magyarhonban (Памятки бронзової доби Угорщини), т. I—III до 1896 р.

2) Роскопки Городцова в Ізюмськім повітї — Извѣстія XII съѣзда с. 158.

3) Нпр. похорони с. Гатного і Янкович в Київщинї — Труды III съѣзда I, протоколи с. 80, і Антоновича Археол. карта Кіев. губ. с. 21.

чи то чисто механічне сполученнє, чи більш тїсне, з обопільними впливами їх на себе — се те характеристичне, що зветь ся «Скитиєю».

Та воно характеризує тільки технїку, стиль чорноморського побережа й середнього Поднїпровя певного часу, але чи було виключною власністю Скитів, в тім можна дуже сумнїватись. Я наприклад не важив ся б нїяк припустити, що в полудневій Київщинї і в Полтавщинї, де ми стрічаємо похорони з сею культурою, ходили й ховали своїх небіжчиків скитські орди. Так само і з самим утвореннєм сеї культури. Грецькі впливи ішли з чорноморського побережа в глубину східньої Европи, певно, не потрібуючи в тім анї якогось спеціального посередництва скитської людности, анї обмежаючи ся її територією; вони зачинають ся від початків грецької кольонізації й найбільшої інтензивности доходять, як показують може найбільше виразно керамічні нахідки, як раз в часах перелому в степових відносинах—коли заникали скитські орды й на перший плян виступали сарматські, в IV—III вв.[1]). Переднеазійська металїчна технїка в іранських кочових ордах, що рухали ся як оден поток ляви від Туркестану до Подунавя, — мала, певно, дуже наручний міст для свою переходу в Чорноморе, але чи одиноко сею дорогою ішла? А ще більше питаннє — чи круги її впливів сею кочовою людністю обмежались? Мабуть нї....

Се так як було і з «ґотським» стилем. Ґотські племена понесли його на захід в Европу, спопуляризували його, але народив ся він без них, і на Чорноморю був він в певних часах прийнятий не тільки Ґотами — був тут місцевим стилем взагалі в III—IV в.....[2])

Коли хронольоґія культур, чи їх наступство уставлені будуть докладно, а їх територія також, тодї комбінуючи дані історичні й лінґвістичні та на підставі їх означуючи територію і час кольонізації того чи иньшого народу (о скільки се можна буде докладно зробити), ми будемо бачити, о скільки покривають ся сї кольонізаційні території районами певних культур, чи культурних типів. Тепер ми можемо з більшою або меньшою *правдоподібністю* говорити тільки, що та чи иньша культура *заходила* на територію тої чи иньшої народности, развивала ся серед неї. Так ми можемо се сказати про ту геленїстично-азійську амальґаму, що вона розширяла ся серед кочовничої степової людности IV—II в., мабуть іранської, ріжних колїн.

---

1) Див. цінну статю фон-Штерна: Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія исторіи черноморской колонизаціи (Записки одес. общ. исторіи т. XXII).

2) Для хронольоґії його інтересна статя фон-Штерна: Къ вопросу о происхожденіи «готскаго стиля» предметовъ ювелирнаго искусства (відбитка монети з к. III поч. IV в.) — Записки одесскаго общества исторіи т. XX. Інтересні прототипи сього «ґотського» стиля подав Морґан з своїх нових розкопок ахеменидських могил Персії—La délégation en Perse 1897 à 1902, par J. de Morgan, 1902, с. 30, 92 (золоті, інкрустовані каміннем річи, з IV віка перед Хр. по його хронольоґії).

Так здасть ся мині дуже правдоподібним, що похоронні поля, викриті на території верхнього й середнього Буга й на середнім Подніпровю — належать Словянам на їх правітчині, перед розселеннем: культура сих піль не має ніяких спеціальних характеристичних прикмет, переходячи через ріжні стадії від переходової доби від каміня до металю аж до часів безпосередно перед великим рухом народів, але територіально і хронольоґічно вони вповні можуть належати до словянської кольонізациї з перед розселення, хоч і не знати, чи будуть вповні відповідати її території[1]). Але наприклад що до культури мальованої посуди (т. зв. передмікенської) — то вже дуже трудно судити, хочби для подніпрянських осель — чи маємо тут з праслов'янськими, чи пра-індоевропейськими осадами, не кажучи вже що дуже тяжко видумати таку кольонізацію, яка б покрила ся районом розширення сеї культури.

Так само тяжко говорити про культуру таких *зуг* як Кімерійці або Неври, котрих території не знаємо і ніяких близших відомостей про них не маємо.

Повторяю—ми повинні лишити археольоґії те, що вона мусить і може нам дати — історію культури певної території; нехай вона се зробить свобідно, не вяжучись історичними відомостями, а з її поступами буде видно, що можна буде з неї витягнути для передісторичної етноґрафії. Не мучмо її на Прокрустовім ложі наших історичних відомостей, не вибираймо з неї поодиноких подробиць, які здають ся нам придатними для певних історично-етноґрафічних комбінаций. Вона повинна передовсім слїдити культурні типи й явища для них самих.

І для успішного її слїдження передовсім мусять бути поставлені більше наукові, більш високі вимоги самим методам розроблення, видобування археольоґічного матеріалу.

Мих. Грушевський.

2(15)/XI.903.

---

1) Моє: Похоронне поле в с. Чехах (Записки тов. ім. Шевченка т. XXXI), Szaraniewicz Cmentarzyska przedhistoryczne we wsiach Czechach i Wysocku (Teka konserwatorska II), Das grosse prähistorische Gräberfeld zu Czechy (Mittheilungen der Central-Commission, 1901), Бѣляшевскій Дюнныя стоянки по берегамъ рѣки Зап. Буга — Труды XI съѣзда т. I, Хвойка Поля погребеній въ среднемъ Поднѣпровьѣ — Записки русскаго археол. общества т. XII.

Dusza matki i dusza niemowlęcia.

Przyczynek do dziejów animizmu

napisał

Stanisław Ciszewski.

I.

Utrzymuje się dotąd wśród warstw ludowych europejskich wierzenie, iż duch matki, zmarłej przy połogu, wraca z tamtego świata na ziemię, aby pielęgnować pozbawioną macierzyńskiej opieki sierotę.

Według ludu polskiego, zamieszkującego gubernię płocką[1]), zmarła podczas rodzenia dziecka matka zjawia się nocami u kolebki niemowlęcia i karmi je swą piersią. Tego samego mniemania są mieszkańcy Wołynia[2]), którzy atoli sądzą, iż pokarm taki nie idzie dziecięciu na zdrowie. Żółknie ono jakoby od takiego pokarmu, schnie i wkrótce umiera. Wieśniacy niemieccy[1]) i czescy, miejscami przez sześć, a miejscami przez dwa tygodnie, licząc od dnia śmierci położnicy, ścielą dla niej na noc jaknajstaranniej łóżko i stawiają przy niem pantofle, w tem przekonaniu, że przez taki właśnie przeciąg czasu, zmarła matka przychodzi co noc o północy pielęgnować swe dziecię i może tego wszystkiego potrzebować. Łóżko, zasłane dla zmarłej, bywa rano pogniecione, co jest najlepszym dowodem, iż spoczywała na niem rzeczywiście. Zresztą słychać nawet nieraz jej kroki, a niekiedy słychać także wyraźnie, jak dziecko ssie podaną mu pierś. W Radomskiem[3])

---

1) A. Petrow, Zbiór wiadomości do antropologji krajowej, Kraków, 1878, II, dź. III, 129, nr. 67.

2) Z. Rokossowska, Zbiór wiadomości do antropologji, Kraków, 1887, XI, dź. III. 196.

3) G. Lammert, Volksmedizin und medizinischer Aberglaube in Bayern, Würcburg, 1869, 177; A. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, Berlin, 1900, 470.

4) O. Kolberg, Lud, Serja XX. Radomskie, Kraków, 1887, 133; porów. J. Karłowicz, O człowieku pierwotnym, Lwów, 1903, 94. Porów. jeszcze co do Polski i Litwy S. Zdziarski, Wisła. Warszawa, 1900, XIV, 344.

i na Słowaczyźnie [1]) opowiadają, że zmarła matka, przybywszy w odwiedziny do dziecka, siada przy jego kolebce i kołysze ją. Czasami nie poprzestaje ona na karmieniu i kołysaniu sieroty, lecz ją nawet myje. Pragnąc jej umycie dziecka ułatwić, stawają w Czechach [2]) przy kolebce osieroconego niemowlęcia wodę, a obok wody kładą gąbkę. We Frankonji [3]) znowu, w przewidywaniu, iż zmarła położnica, udając się w odwiedziny do dziecka, może potrzebować obuwia, kładąc trupa położnicy do trumny, wzuwają mu na nogi nowe trzewiki i pończochy. Zdaniem ludu bawarskiego [4]), jeżeli po śmierci matki źle się w domu obchodzą z osieroconem przez nią dzieckiem, przychodzi ona po nie i zabiera z sobą na lepszy świat, aby się niem mogła opiekować sama. Wywoływać ją zaś ma z mogiły, według Prusaków [5]), płacz osieroconego niemowlęcia. I na Węgrzech [6]) powszechnem jest mniemanie, że skoro umrze położnica, podąży niebawem za matką wydane przez nią na świat dziecię. Śmierć dziecka uważaną jest w takich razach na Węgrzech za rzecz całkiem naturalną, a nawet pożądaną.

Jak widać z przytoczonej przez nas garstki europejskich wierzeń ludowych, duch zmarłej matki, powracający na ziemię w odwiedziny do dziecka, w wyobraźni prostego europejczyka, posiada charakter dobrotliwy. Odwiedziny ducha zmarłej położnicy są też przezeń raczej pożądane, niż niepożądane i zrzadka tylko, naprzykład w Niemczech [7]), osierocona rodzina usiłuje się od nich zabezpieczyć, kropiąc ziemię przed drzwiami, wiodącemi do chaty, święconą wodą. Wprost przeciwny, bo złośliwy i demoniczny charakter posiada natomiast dopominający się o swe dziecko duch zmarłej położnicy w wyobraźni człowieka pierwotnego. Przeświadczenie, iż może on zjawić się w jego mieszkaniu, napełnia człowieka pierwotnego strachem i każe zawczasu szukać środków, któreby go od wizyty takiego nieproszonego gościa mogły zabezpieczyć raz na zawsze. Oto, jak sobie w podobnych wypadkach radzą Indjanie paragwajscy, zwani Lengua [8]). Wierzą oni, iż duch matki, zmarłej w połogu, powraca co noc na świat, poszukując sieroty, i niepokoi żyjących. Chcąc się od takich niepożądanych odwiedzin ducha zmarłej położnicy zabezpieczyć, grzebią żywcem wraz z jej trupem osierocone niemowlę, kładąc je na ręce zmarłej matki, którą chowają zazwyczaj w pozycji siedzącej.

1) B. Niemcowa, Časopis českého Musea, Praga czeska, 1859, IV, 506.
2) J. Houszka, Časopis českého Musea, 1853, III, 476.
3) Wuttke, l. c. 470.
4) Wuttke, l. c. 470.
5) J. G. Grässe, Sagenbuch des preussischen Staats, Głogów, 1871, II, 1051, nr. 1288.
6) R. Temesvary, Volksbräuche und Aberglauben in der Geburtshilfe und der Pflege des Neugebornen in Ungarn, Lipsk, 1900, 119.
7) Wuttke, l. c. 470.
8) T. Koch, Die Lenguas-Indianer in Paraguay, Globus, 1900, LXXVIII, 220.

Grzebanie żywcem nowonarodzonych niemowląt wraz z ciałami ich matek praktykuje się także u Eskimów grenlandzkich. Misjonarz D. Cranz[1]) tak o tem pisze: «Niemowlę, które w chwili śmierci matki nie jest jeszcze w stanie spożywać stałych pokarmów... grzebane bywa żywcem albo jednocześnie ze zwą radzicielką, lab też nieco później, gdy ojciec dziecięcia nie może sobie z niem poradzić, a nie jest w stanie patrzeć dłużej na jego cierpienia». Zdaniem Cranza, przyczyną, która ojca-Eskima zniewala do grzebania swego dziecka wraz ze zwłokami jego zmarłej matki, ma być brak karmicielki, a po części uczucie litości.

Zapewne, że brak matki-karmicielki utrudnia wielce wychowywanie niemowlęcia, ale można ją przecież zastąpić mamką. Co się zaś tyczy uczucia litości to wątpimy bardzo, aby mogło ono tutaj wchodzić w rachubę, ponieważ człowiekowi pierwotnemu uczucie to jest najzupełniej obce[2]). Naszem zdaniem, Eskimów, podobnie, jak Indjan Lengua, do grzebania żywych niemowląt wraz ze zwłokami matek skłaniała obawa przed ciągłemi odwiedzinami ducha zmarłej matki i dopominaniem się przezeń o dziecko.

Faktem tedy jest, iż, w celu zabezpieczenia się od niepożądanych odwiedzin ducha zmarłej położnicy, człowiek pierwotny nie przebiera w środkach. Aby mieć spokój nie waha się poświęcić nawet życia swego dziecka.

Aczkolwiek jednak odczepienie się raz na zawsze od złośliwego ducha położnicy, dopominającego się o dziecko, jest dla człowieka pierwotnego sprawą wielkiej wagi, nie mniejszej z wielu bardzo względów doniosłości jest dlań także sprawa zachowania przy życiu swego potomka. Zaczyna więc rozmyślać, jakby pogodzić jedno z drugiem, t. j. jakim sposobem możnaby się zabezpieczyć od odwiedzin złośliwego ducha położnicy nie okupując tego kosztem życia dziecka. Praktyczny zmysł człowieka pierwotnego podsuwa mu taki sposób natychmiast, a dziecięco-naiwny światopogląd jego pozwala zeń skorzystać. Trzeba uciec się do podstępu, do fikcji. Zamiast kłaść położnicy do grobu żywe niemowlę, wystarczy pogrzebać wraz ze zwłokami jej drewnianego bałwana, wyobrażającego dziecko. Zadawoli się tym sposobem ducha zmarłej, co zapewni spokój, jednocześnie zaś ocali się od śmierci dziecko. Uciekają się do takiego podstępu Pelauczycy[3]). Przekonani oni są, że skoro kobieta umrze w połogu, duch jej, tęskniąc za dzieckiem, zjawia się w domu po śmierci i woła: «mej a ngalek!» t. j. dajcie dziecko! Aby zawczasu zapobiedz pojawianiu się ducha, grzebiąc zmarłą, kładą jej po prawicy, między ramieniem, a klatką piersiową, krótki pieniek z mło-

1) Historie von Grönland, Barby, 1765, 302.

2) Patrz. S. Ciszewski, Wróżda i pojednanie, Warszawa, 1900, 5—8.

3) J. Kubary, Die Religion der Pelauer, w zbioropiśmie A. Bastiana: Allerlei aus Volks- und Menschenkunde, Berlin, 1888, I, 9.

dego banana, mający wyobrażać dziecko. Po lewej ręce stawiają nadto zmarłej ręczny koszyk, napełniony rozmaitemi takiemi rzeczami, ktorych potrzebować może na tamtym świecie. O ile śmierć matki nastąpiła nie przy połogu, lecz później, a mimo to duch jej dopomina się o dziecko, w takim razie odprawiają nad dzieckiem zaklęcia i smarują je olejem.

II.

Podobnie, jak duch zmarłej matki rwie się z tamtego świata do osieroconego dziecka, tak samo dusza zmarłego niemowlęcia wyrywa się z krainy umarłych na ziemię do żyjącej matki, nie mogąc nawet na polach elizejskich obejść się bez jej czułej opieki.

Według Serbów[1]), dusza zmarłego niemowlęcia, w pierwszą noc po skonie, wraca do rodzicielskiego domu, aby possać pierś matki. Być może, iż po części dla tego, aby się od odwiedzin duszy zmarłego dziecięcia zgóry zabezpieczyć, a po części i w tym celu, aby zmarłe dziecko nie narzekało na tamtym świecie na swą rodzicielkę, iż zawcześnie pozbawione zostało matczynej piersi, Zyrjaczki w Urżumie[2]), kładąc umarłe dziecię do trumny, wstrzykują mu trochę pokarmu z piersi w usta. Podobnie postępują matki węgierskie[3]). Skoro niemowlę umrze, lub też urodzi się martwe, matka jego, choćby była najbardziej osłabiona, wstaje z pościeli i, schyliwszy się nad zwłokami dziecka, strzyka na nie z piersi pokarmem. Według jednych jest to «ofiara dla dziecka», według innych, matka, postępująca w taki sposób, chce, aby dziecko «zabrało pokarm jej do grobu».

To, co Zyrjaczki i Węgierki czynią raz jeden zaraz po skonie niemowlęcia, gdzieindziej, matki, które straciły dziecię przy piersi, powtarzają częściej.

J. H. Spekemu[4]) opowiadano, iż pewna kobieta z plemienia Njorów (l. mn. Wa-njoro), której umarły będące jeszcze przy piersi bliźnięta, trzymała u siebie w domu dwa małe dzbanki. W dzbanki te, przez pięć miesięcy zrzędu, t. j. przez taki przeciąg czasu, przez jaki kobiety z tego plemienia zwykły karmić niemowlęta, zestrzykiwała co wieczór swój pokarm, który miał służyć jako pożywienie dla zmarłych bliźniąt. Czyniła to w tym celu, aby, jak mówiła, nie prześladowały jej łaknące pożywienia dusze zmarłych

1) J. Jastrebow, Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, Petersburg, 1889, 483.

2) W. Magnickij, Повѣрья и обряды (запуки) въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Wiatka, 1883, 21, nr. 174.

3) Temesvary, l. c., 118—119.

4) Die Entdeckung der Nilquellen, Lipsk, 1864, II, 220.

dzieci. Indjanki z plemienia Iroków i Huronów[1]), którym śmierć zabrała dziecię przy piersi, nie zaniedbują także ustrzyknąć od czasu do czasu z piersi trochę pokarmu i prysnąć nim na ognisko domowe, lub grób dziecięcia, ofiarując go w ten sposób duszy swojego maleństwa. Podobny zwyczaj istnieje u Czuwaszów[2]). Podczas uroczystości zaduszkowych, które Czuwasze obchodzą parę razy do roku, matka, opłakująca śmierć niemowlęcia, skrapia w głowach mogiłkę jego swoim pokarmem.

Że przedewszystkiem pierś matczyna zdolną jest zwabić z krainy cieniów duszę zmarłego niemowlęcia, świadczy jeszcze następujący, ciekawy fakt z życia Aleutów[3]).

W oczach Aleutów za wielki uchodzi występek, jeżeli kobieta niezamężna, urodziwszy dziecię, a pragnąc ukryć swą hańbę, pozbawi je życia i zakopie w ziemi. Według wierzeń Aleutów, dusza takiego dziecka, która po aleucku nazywa się: anikšym-aghyča, t. j. ukryte dziecię[4]), wkrótce po zakopaniu trupa w ziemi, na miejscu, gdzie go pogrzebiono, zaczyna płakać zupełnie tak, jak płacze żywe niemowlę. Następnie, w postaci błędnego ognika, zaczyna błąkać się w nocy, kwiląc, po wsi. Skoro ognik taki zdarzy się spotkać większej liczbie ludzi, utrwala się we wsi przekonanie, że jest to z pewnością dusza zabitego dziecka i chodzi już tylko o wykrycie winowajczyni.

Zbierają się więc w tym celu na radę ojcowie rodzin, którzy, gdy się okaże niepodobieństwem doraźne wykrycie winnej, a są tylko poszlaki, chcąc ją zdemaskować, uciekają się nawet do tortur. Dochodzi zresztą do tego rzadko, gdyż żaden ojciec nie uważa w takich razach za stosowne ukrywać występku swej córki. Skoro winowajczyni przyzna się ostatecznie do winy, malują jej całe ciało błyszczącą farbą i wprowadzają ją na noc do opróżnionej w tym celu umyślnie przez miezkańców, ciemnej jurty. Tutaj winowajczynię sadzają w poczesnym kącie, ogrodziwszy pewnego rodzaju parkanikiem z desek. W jednej z tych desek wyrznięte są dwa małe otwory, przez które, znajdująca się w ogrodzeniu występna matka, musi wystawić swoje piersi. Gdy wszystko jest już przygotowane, mistrzowie ceremonji

---

1) Lafitau, Moeurs des sauvages ameriquains, Paryż, 1724, II, 431.

2) P. M. Malchow, Симбирскіе Чуваши и поэзія ихъ, Kazań, 1877, 23.

3) J. Wenjaminow, Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, Petersburg, 1840, II, 139—140.

4) Porów. wierzenia: huculskie o «stratczi», t. j. dziecku, które matka «zatraciła», topiąc, lub zakopując w ziemi (J. Schnaider, Lud, Lwów, 1900, IV, 258) i polskie o «latawcu», czyli dziecku uduszonem przez matkę (J. Swiętek, Lud Nadrabski, Kraków, 1898, 701; J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, Kraków, 1903, p. w. latawiec) oraz o «kusidle», t. j. straszydle, powstającem z dziecka, pochowanego bez chrztu. (H. Łopaciński, Przyczynki do słownika języka polskiego, Warszawa, 1900. 97).

opuszczają jurtę, poleciwszy dziewczynie, aby, skoro tylko «ukryte dziecko» przyleci i pocznie ssać jej pierś, schwytała je poprzez ogrodzenie i zawołała na nich o pomoc. Dziewczyna skrupulatnie spełnia dany jej rozkaz. Na jej zawołanie wpadają do jurty mężczyźni z bronią w ręku i, rzuciwszy się ku zamkniętej w ogrodzeniu winowajczyni, wyrywają z rąk jej schwytaną przez nią jakoby duszę «ukrytego dziecka», która ma mieć postać niewielkiego, czarnego ptaka. Ptaka tego wynoszą z jurty na dwór i, z jakiemiś obrzędami, o których atoli źródło nasze nie podaje bliższych wiadomości, rozrywają na drobne kawałeczki. Odtąd ustają nocne płacze i wędrówki błędnego ognika.

Aleuci przekonani są święcie, iż gdyby nie zwracać uwagi na ukazywanie się błędnego ognika i gdyby nie dopełnić zawczasu całej, opisanej tutaj ceremonji, pociągnęłoby to za sobą straszne nieszczęścia. Najpierw wyginęłaby do szczętu cała rodzina występnej matki, dalej cała wieś, która była widownią zbrodni, a gdyby podobnego występku dopuściło się więcej dziewcząt w różnych wsiach, to oczekiwaćby nawet należało, jako kary, ogólnego potopu.

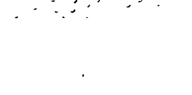
⁜ Ѿ историй дѣѩнии апльскъ.

Есть повѣдании дѣѩньмъ апл.
лука евнглистъ. антиѡхи
ѩниинъ оу сосъ родо. врахи
трестаю. сшествиѥ апламъ.
и паче павлови. и вѣдъ и изъвѣ
сто пишеть. повѣдаетьже
ико анггламъ поимшим къ несе
сать. и стго дха излиѩньѥ бы
вшеѥ к пентикостьи. на апо
столъ иже и всѧ тогда соущаѧ.
поставленьѥже матфиѥво.
воню да [illegible] мѣсто предателѧ.
и пост[illegible]ньѥ. з. мн. дьѩко
низ [illegible]ѥ павлово. и ѥлико
пострада. и ѥлико апл имо
литвою иже въ самого хвѣ
рои. чюдодѣиствоваша. апло
м же имена соуть си. симо глѥ
мъи петръ. и андрѣѩ братъ его.
иѩковъ. и иѡанъ. филип. и ва
рфоломѣи. фома и матфѣи мы
тарь. и ѩковъ алфеѡвъ. и симо
нъ кананеискыи. и юда иѩко
вль. и матфиѧ спричтеныи
съ единѣмна. і. в предате
лѧ мѣсто. поставленъ иже
дьѩко. имена соуть си. сте
фанъ. филип. прохоръ. никано
ръ. тимонъ. пармена. и ни
кола. посн в езбавъ быи и пле.
сеоу изъбраныи ::
гла. всѣ и ѥпистоли и кото
раѩ по которои написана
гла. а. дѣѩньи апльска.
первое слово сътворихъ ѡ всѣ ::
гла. в. сказаньѥ и ѩковлѧ
ѥпистольи. ѩкове бжии ги
храбъ :: гла. г. ѩ написа
ньѥ петровъи ѥпистольи.
петръ апл ісъ хвъ. гла. д.
ѡ того. в. ѩ. ѥпистол[...]
и симонъ петръ апл
гла. е. написаньѥ иѡанно
въи ѥпистольѥ. первыѩ.
ѡже бѣ искони :: гла. ѕ. того
в. ѩ. старецъ избранѣи г
спод :: гла. з. тогоже. г. ѩ.
ѥпистольи. старецъ гаиеви
възлюбленому :: гла. и. юди
наѥ ѥпистольи. июда ісъ хвъ
рабъ братъ ѩковль ::
Прологъ павлова оученьѩ
повѣданиѥ ѥпистолии. ді.
гла. ѳ. павлова ѥпистольи
а. к римланом. павелъ рабъ
гла. і. ѥпистольѩ к коринф
ѣ. благть вамъ и миръ ѿ ба
гла. аі. ѥпл. к коренфеѡмъ
в. ѩ. павелъ апл. хвъ. гла.
ві. ѥпистол. к галатомъ павелъ
апл. не ѿ человѣкъ ни
ѥписто. къ ѥфесѣ павелъ апл
ісъ хвъ. волею бжьѥю. гла.
ѥпистоли. къ филипи

павлова єпистолиꙗ къ галатѡ.
ѵѳ. гі. ка.

а. Павелъ апл҃ъ не ѿ чл҃вкъ ни
чл҃комь. но іс҃ х҃мь и б҃мь ѡ҃це
мь въскрѣшьшимь ѥго ѿ мрт҃
выхъ. и сущии со мною вси бра
ти. црк҃вамъ галатьскамъ. пре. ѵе.
кѵ. ке. бра. благть вамъ и мир.
в Благть вамъ и миръ ѿ б҃а ѿц҃а и г҃а
нашего іс҃ х҃а давшаго себе за грѣ
хи наша. ꙗко да изметъ ны ѿ на
стоꙗщаго вѣка лукаваго по хо
тѣнию б҃а и ѡц҃а нашего. ѥмуже сла
ва во вѣки вѣкѡ аминь. чюжу
сѧ ꙗко тако скоро прелагаю
тсѧ ѿ звавшаго вы благодатию х҃во
ю на иное еѵангелие. иже нѣсть ино.
аще не нѣции сѫть смущающеи ва
и хотѧще превратити еѵангелие
х҃во. но аще мы. или анг҃лъ и
з н҃бси благовѣститъ вамъ. паче
ѥже благовѣстихомъ вамъ. анафема
да будетъ. ꙗко предрекохомъ. и ны
нѣ пакы глю. аще кто вамъ благо
вѣститъ паче ѥже приꙗсте. анафе
ма да будетъ. нынѣ бо чл҃вки
препираю. или б҃а. или ищю че
ловѣкомъ угаждати. аще бо еще
чл҃вкомъ угаждахъ. х҃въ ра
бъ не бы былъ. ко. суб.
нѣ. к. то. и по рустѣ. бра.
сказаю вамъ еѵангелие бл҃а.
г Сказаю же вамъ бра. еѵангелие бла
вѣствованое мною. ꙗко нѣсть по
чл҃вку. ни азъ бо ѿ чл҃вка при
ѩхъ ѥ. ни научихъ. но ѿкро
вениемъ іс҃ х҃вымь. слыша

сте моѥ житиѥ иногда въ иудѣ
истѣ. ꙗко по премногу гонихъ
црк҃вь б҃ию. и разарахъ ю. и пре
успѣвахъ въ иудѣистѣ паче
многи своꙁрастникъ в родѣ мо
ѥмь. излиха ревнитель сыи ѿчьски
хъ ми преданий. ѥгда же благоволи
б҃ъ ѿлучивыи мѧ ѿ чрева
матере моѥѧ. и призвавъ благо
датию своѥю. ꙗвити с҃на своѥго во
мнѣ. да благовѣствую ѥго въ ꙗзы
цѣхъ. абиѥ не приложих плоти и
крови. ни възидохъ во иерлмъ
къ прежнимъ мене апл҃мъ. но идохъ
во аравию. и пакы възвратихсѧ
в дамаскъ. таже по лѣтѣхъ трехъ
възидохъ во иерлмъ навидѣти
петра. и пребыхъ у него дни ·еі·
иного же ѿ апл҃ъ не видѣхъ. токмо
иꙗкова брата г҃нѧ. ко. рці. ѵор
Ꙗже пишю вамъ. се прд҃ б҃мъ ꙗко не лъ
жю. таже идохъ в страны сириꙗ
и киликиѩ. бѣхъ же не знаѥмъ ли
цемъ црк҃вамъ иудеискымъ су
щимъ о х҃ѣ. токмо же слышаще
бѣша. ꙗко гонѧи наны иногда
нынѣ благовѣститъ вѣру ю
же иногда разоряше. и славля
ху о мнѣ б҃а. по томъ четыре на і
лѣтъ паки възидохъ во
иерлмъ. с варнавою поимъ съ собою
и тита. възидохъ же по ѿкровени
ю. и възложихъ имъ еѵангелие. ѥже п
повѣдаю въ ꙗзыцѣхъ. особь же
мнѧщимъ. еда како въ тще текꙋ
или текохъ. но ни титъ иже
со мною еллинъ сыи. нужа

Сл. 1.

Сл. 2.

Сл. 3.

Сл. 4.

Сл. 5.

Сл. 6.

Сл. 7.

Сл. 8.

Сл. 9.

Сл. 10.

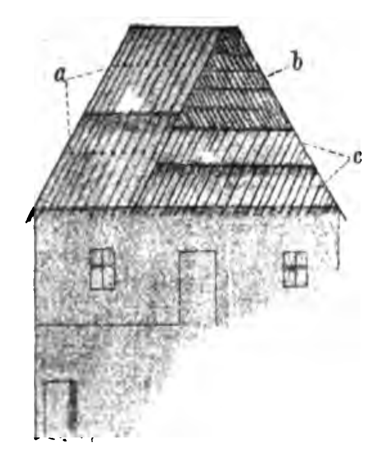

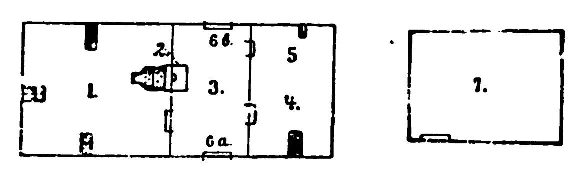
Сл. 11.

Сл. 12.

Пресек куће на ћелици (Дробњак).
1. соба, 2. фуруна с огњиштем, 3. «кућа», 4. ћилер, 5. клијет, 6. врата кућна (*a* јужна, *b* северна), 7. изба.

Сл. 13. Кућа на ћелици с кровом на забате (Дробњак).
a. кров од тарабе, *b*. кров од шиндре, *c*. кров од штице.

Сл. 14.

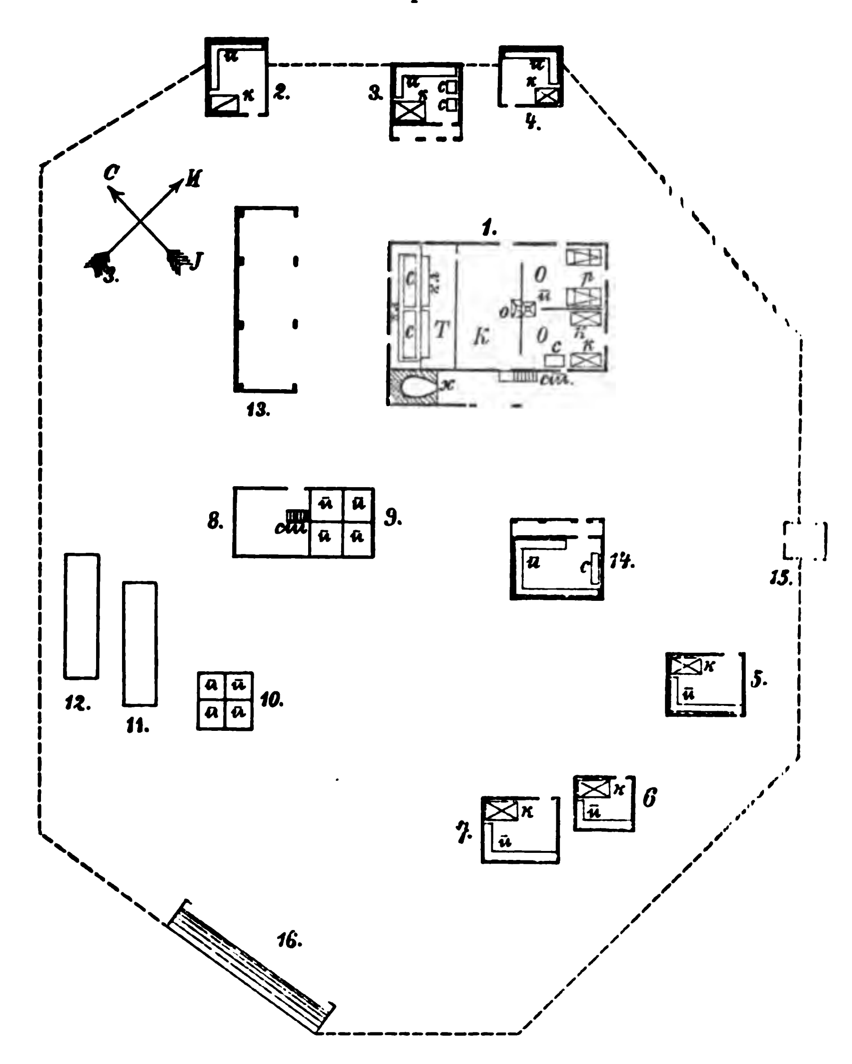

Сл. 15.

Сл. 16. Распоред зграда на имању Јеврема Софронијевића у Горњој Добрињи (окр. ужички, ср. пожешки).

Размер 1 : 500.

Објашњење знакова:

Бр. 1. = Главна зграда за становање:
К = кућа (кухиња)
о = огњиште
О = одаја
к = кревет
С у = сто
п = пећ
р = разбој
Т = зимња трапезарија
кл = клупа
х = хлебна пећ
ст = степени за кућу

Бр. 2, 3, 4, 5, 6, 7 = вајати:
к = простран кревет (1,40—2,0 м. ширине)
п = полица
с = сандук за рубље

Бр. 8. = Магацин:
ст = степени за амбар

Бр. 9 и 10. = Амбар:
п = преграда за храну у зрну

Бр. 11 и 12. = Кошеви за кукуруз

Бр. 13. = Сулдрма (наслон за кола и пољопривредне справе)

Бр. 14. = Млекар:
п = полице за карлице с млеком и качице са сиром.
с = сандук са посјек

Бр. 15. = Кокошар

Бр. 16. = Наслон за кошнице

НЗ. Испод одаја главне зграде за становање находи се подрум.

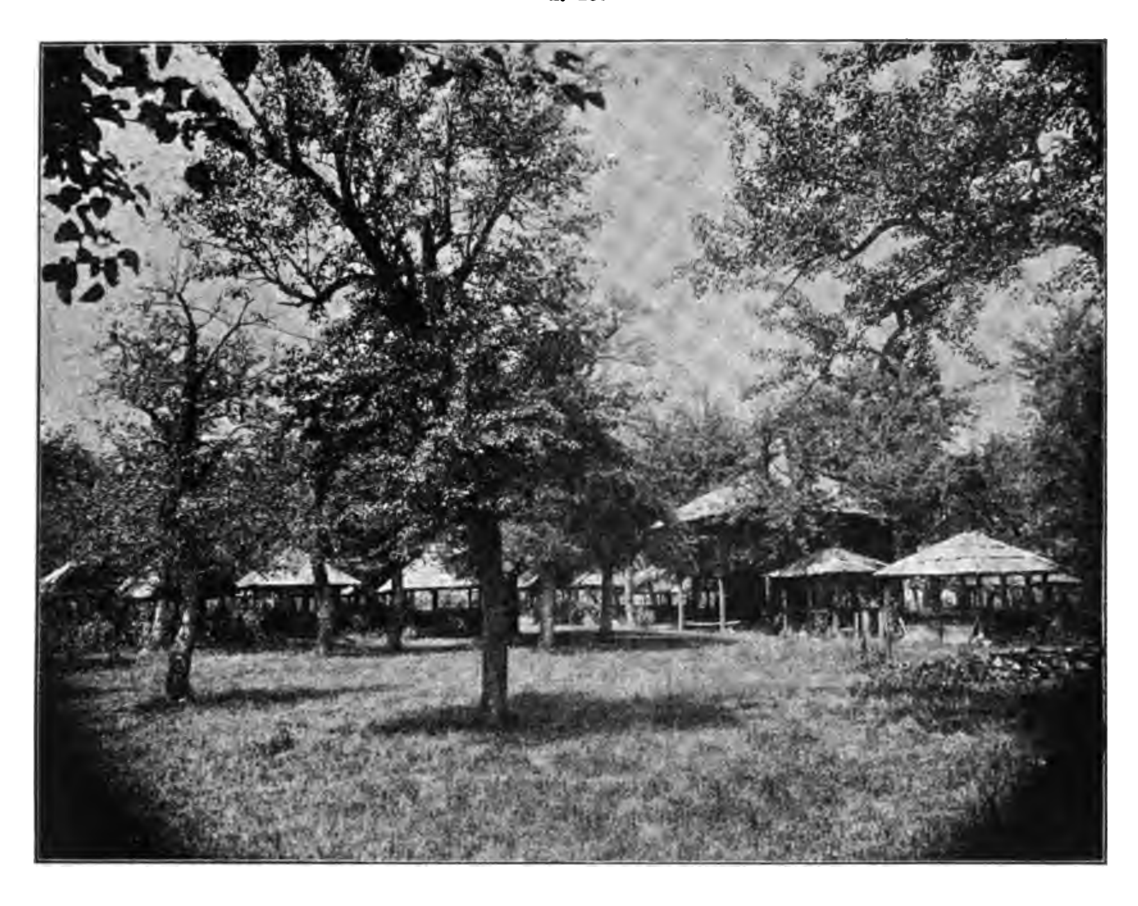
Сл. 17.

Сл. 18.

Сл. 19.

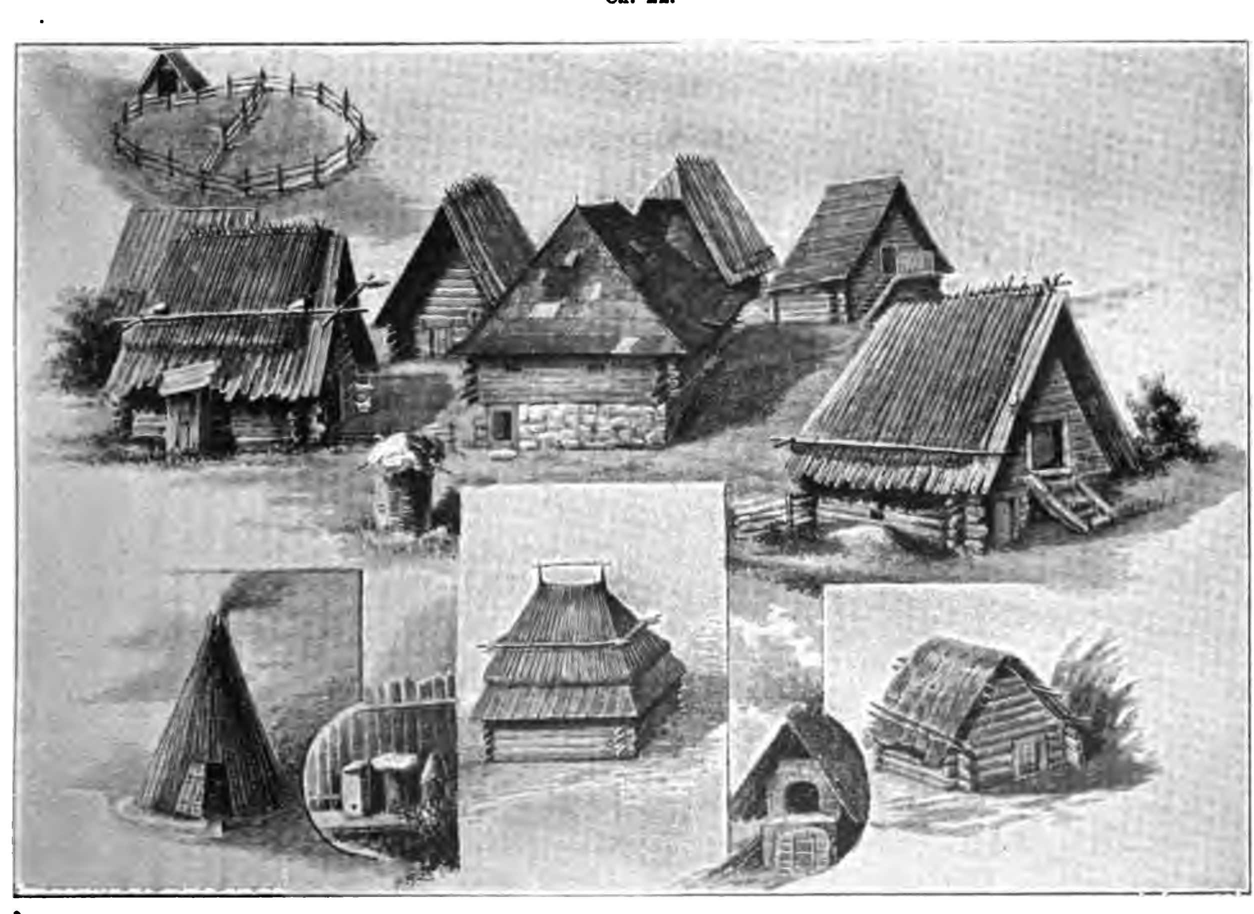
Сл. 20.

Сл. 21.

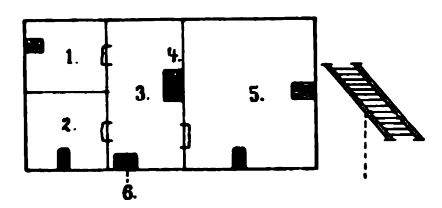
Сл. 22.

Сл. 23.

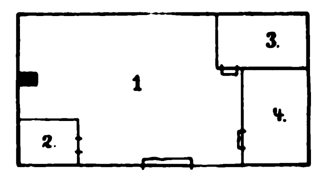

Сл. 24.

Пресек горњег боја праве куле (Дробњак).

1. ћилер, 2. мала соба, 3. «кућа», 4. огњиште, 5. велика соба, 6. место за скале, — са стране басамаци са доњег боја на горњи.

Пресек доњег боја праве куле (Дробњак).

1. изба, 2. телечар, 3. преграда за волове, 4. коњушњица.

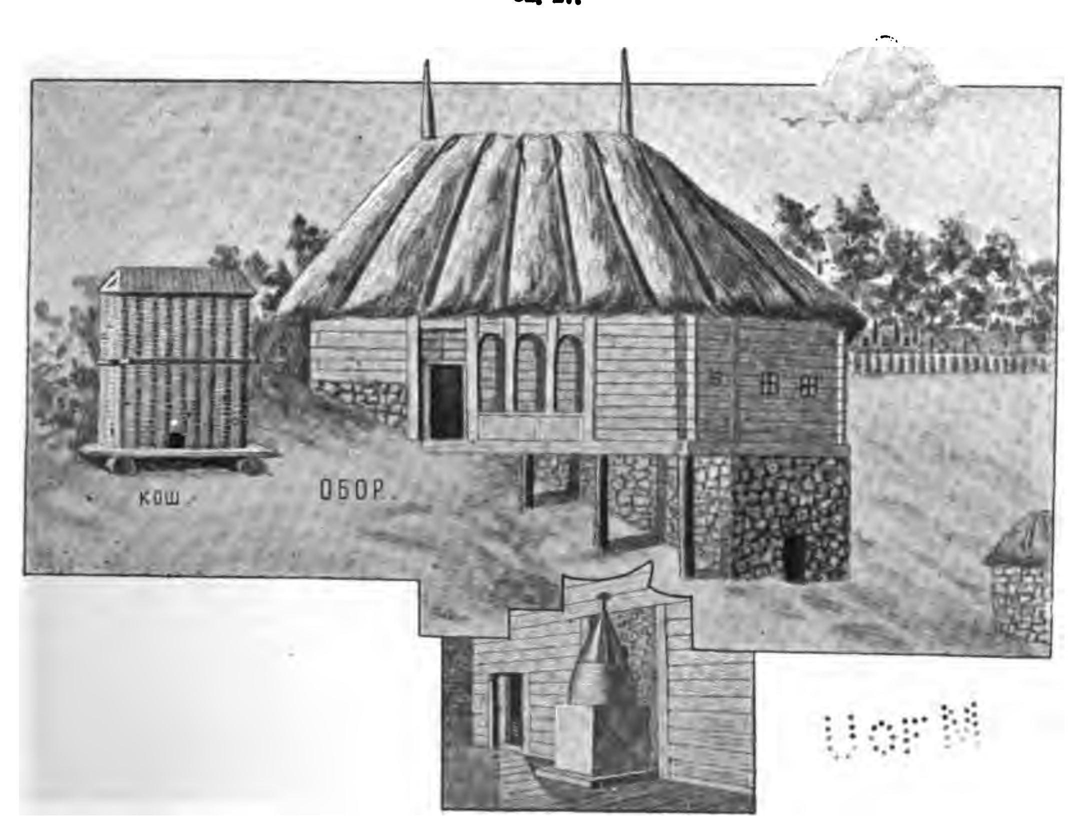
Сл. 25.

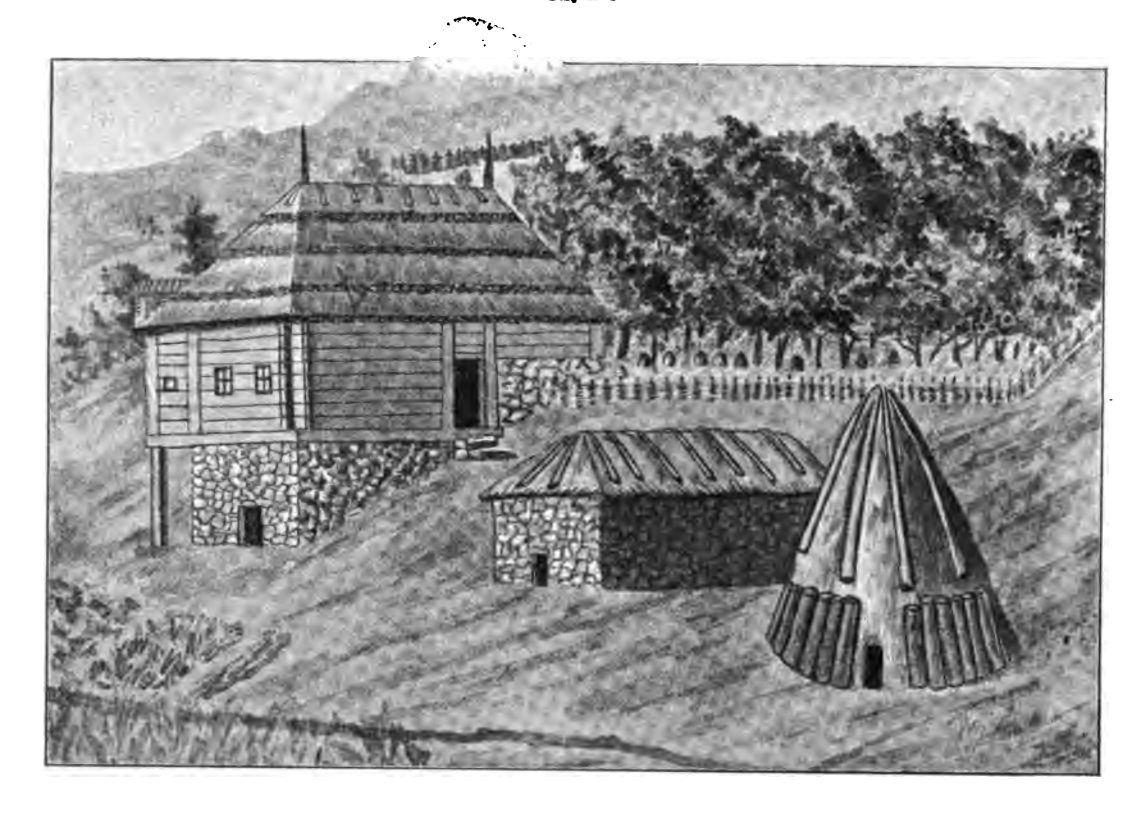
Сл. 26.

Сл. 27.

Сл. 28.

Сл. 29.

Сл. 80.

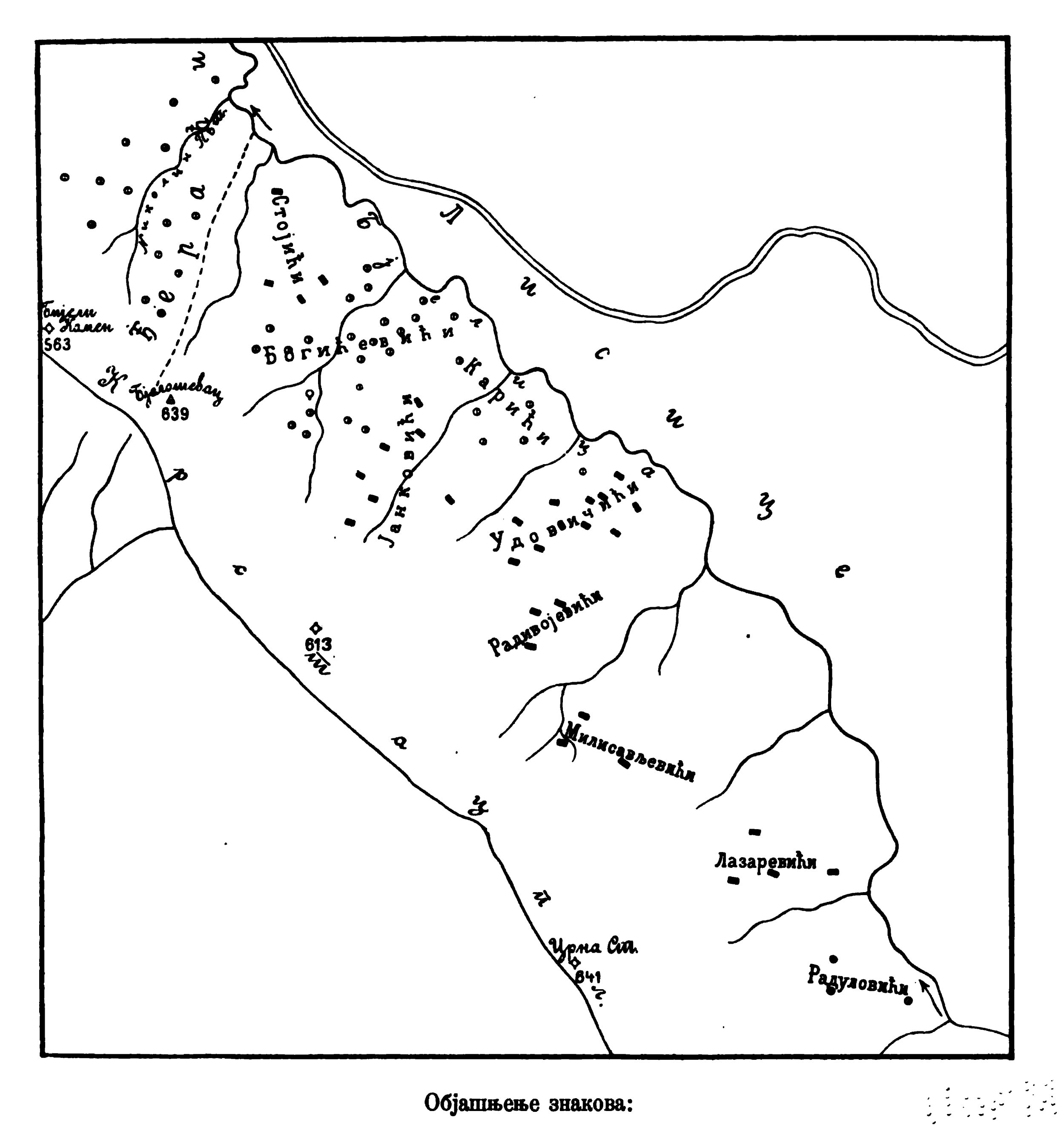

Сл. 81.

Къ стр. 155 и 162.

Крстац са Ђераћима у Доњем Драгачеву.

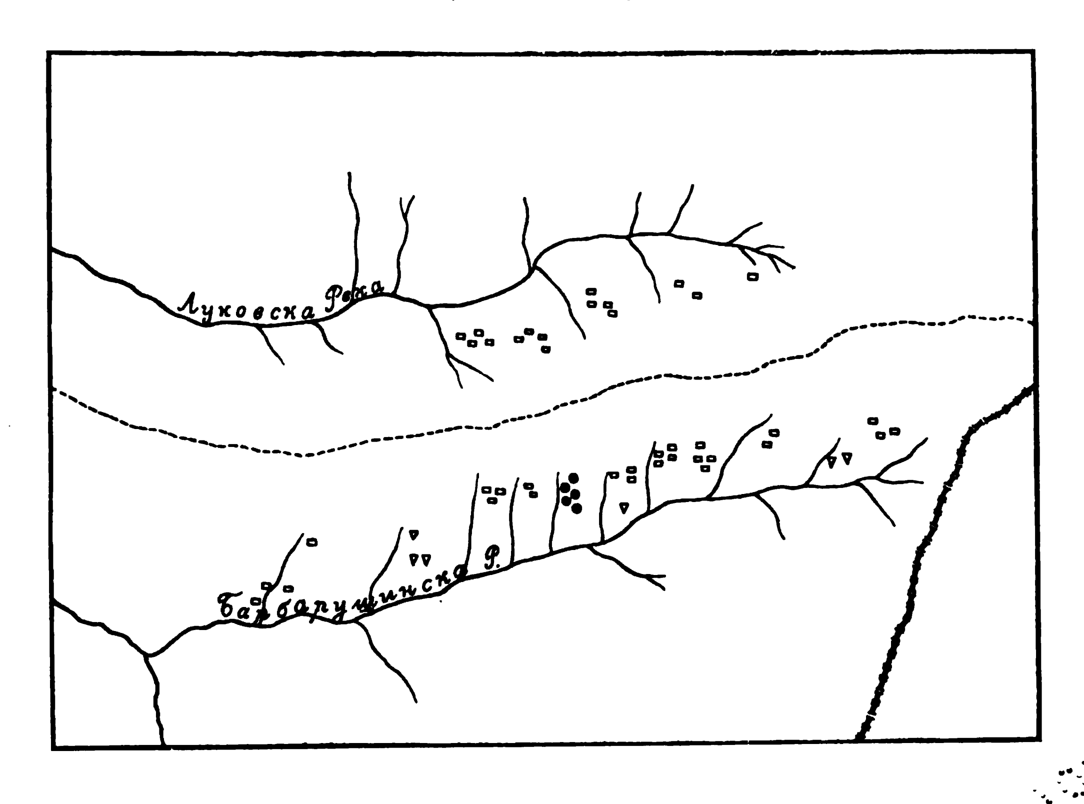
Објашњење знакова:

- из Старог Влаха,
- из ужичког округа,
- из Босне,
- из Црне Горе.

Къ стр. 155 и 164.

Барбарушинце (Пчиња)

(Шематска скица).

Објашњење знакова:

▭ **Досељеници из околице Призрена,**

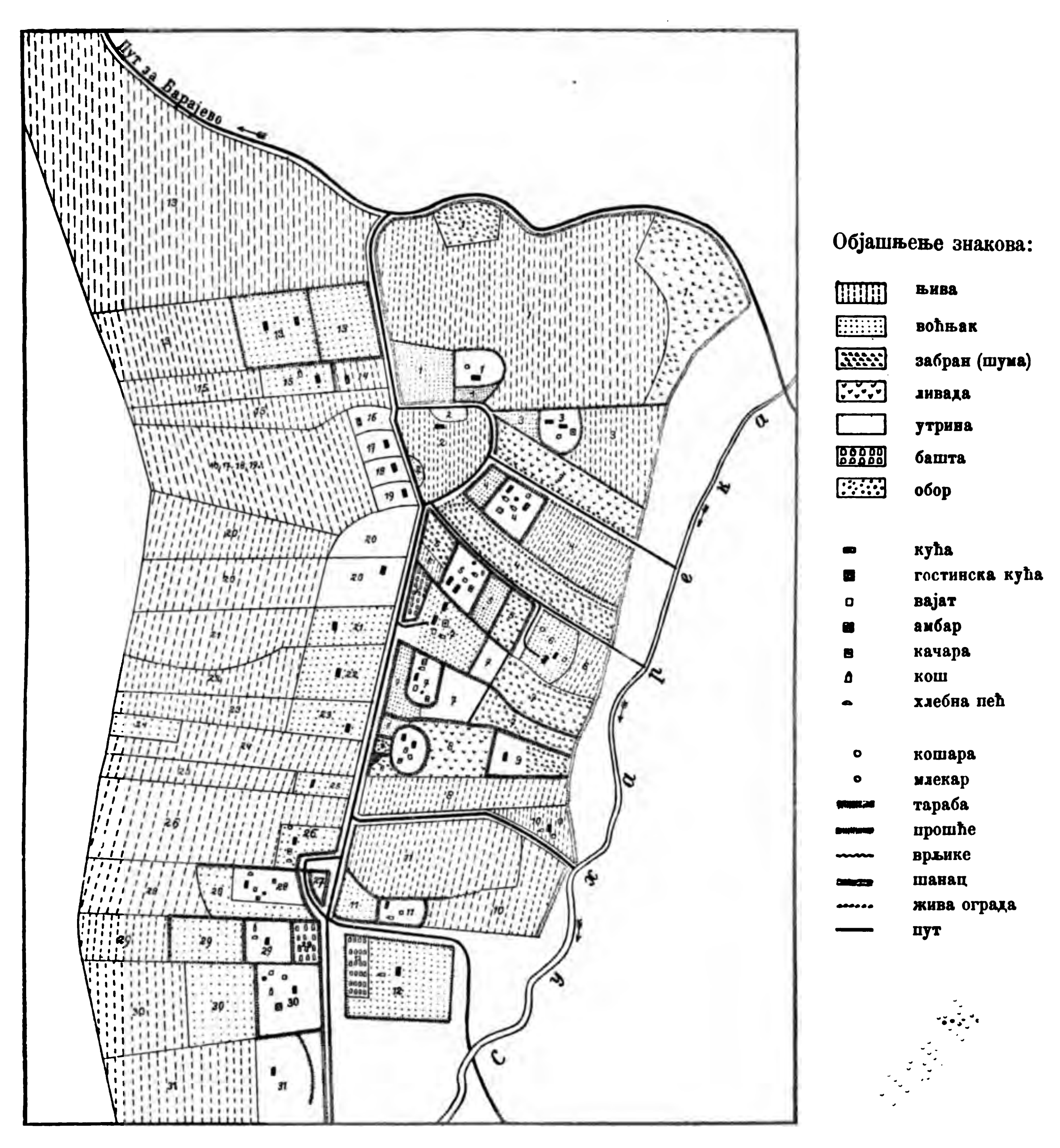
▽ » » **Врањско Пчиње у сливу Вардара,**

● » » **околине Лесковца.**

Къ стр. 155 и 168.

Спасовина, крај у Лисовићу (Шумадија).

Размер 1 : 20.000.

1 Имање Милутина Радосављевића
2 » Стеве Петровића
3 » Светозара Лукића
4 » Стевана Јанковића
5 » Митра Стевановића
6 » Милана Голубовића
7 » Алексе Стевановића
8 » Крсте Илића
9 » Митра Митровића
10 » Милоја Илића
11 » Милоша Пауновића

12 Имање Ивана Пауновића
13 » Симе Петровића
14 » Марка Симића
15 » Вучка Петровића
16 » Илије Петровића
17 » Милана Илића
18 » Живана Илића
19 » Петра Симића
20 » Милана Милојевића
21 » Матије Милановића
(13–21: Цигани)

22 Имање Среје Милојевића
23 » Јове Милојевића
(22–23: Цигани)
24 » Павла Пауновића
25 » Марице Станковића
26 » Живојина Савића
27 » Општинско
28 » Милована Јерића
29 » Обрада Јерића
30 » Димитрија Јерића
31 » Милије Јерића

Къ стр. 156 и 167.

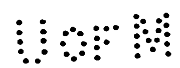
Ждрело у Млави.

Размер 1 : 25.000.

Кокот
Слатина
В. Јаруга
М. Јаруга
Шорбоћ
Дона Мала
Матадејска Мала
Пут за Жагубицу
Млава

Објашњење знакова:

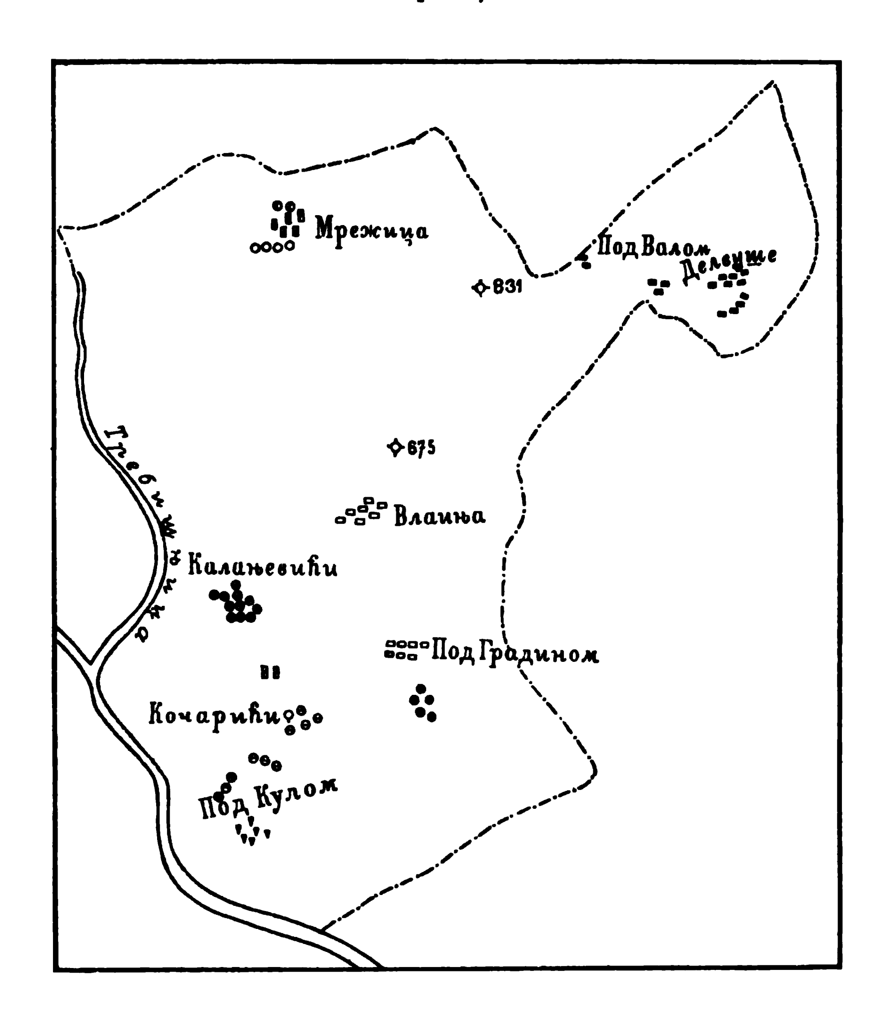
◻ Досељеници из Аустро-Угарске,	+ Досељеници из Мораве,
ᶜ » » Старе Србије,	● » » Шумадије,
○ » » Крајине,	■ Кавана.
• » » Ресаве,	

Къ стр. 167.

Мируше.

Размер 1 : 6,0000.

Објашњење знакова:

- **Старинци с Врање Дубраве,**
- **» из истога села,**
- **досељеници из Херцег Новога,**
- **» » нове Црне Горе,**
- **» » старе » »**
- **поисламљени досељеници из нове Црне Горе,**
- **» старинци,**
- **досељеници из Требиња,**
- **старинци из Малине у Зарјечју.**

Къ стр. 167.

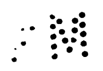
Мируше.

Размер 1 : 6,0000.

Објашњење знакова:

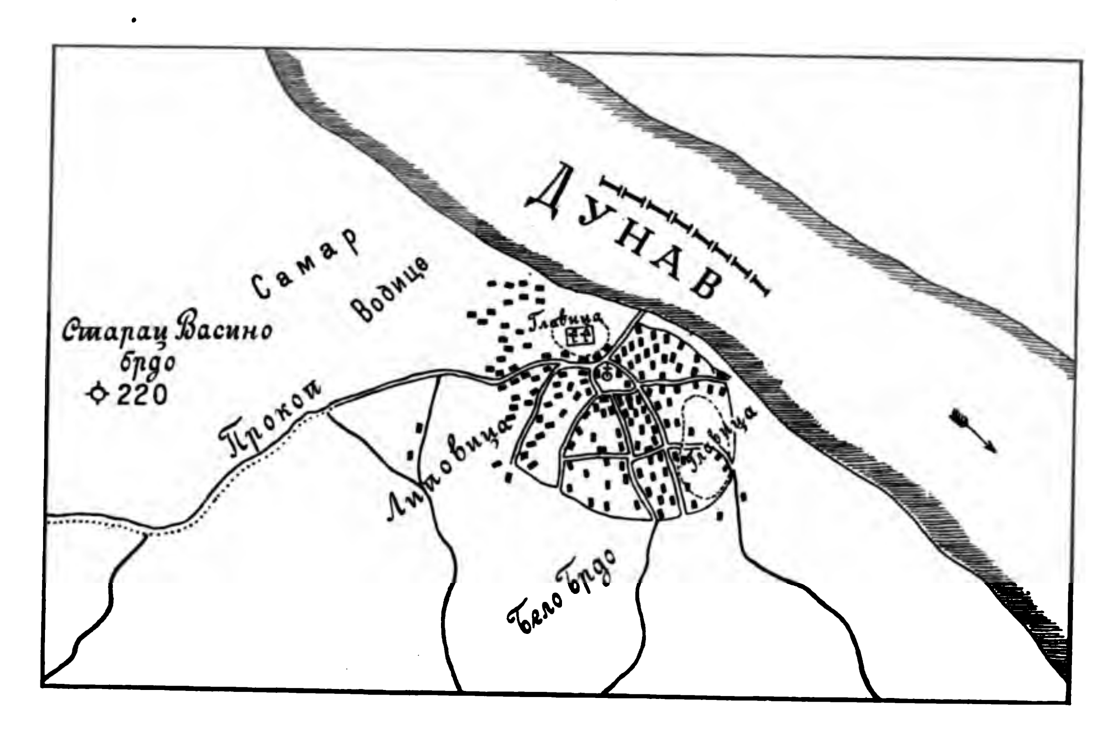
- Старинци с Враље Дубраве,
- » из истога села,
- досељеници из Херцег Новога,
- » » нове Црне Горе,
- » » старе » »
- поисламљени досељеници из нове Црне Горе,
- » старинци,
- досељеници из Требиња,
- стар... из Малине у З...

Къ стр. 168.

Ритопек.

Размер 1 : 25,000.

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1906.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Діалектологическая карта сербскаго языка.

На этой картѣ мнѣ хотѣлось представить главнѣйшіе сербскіе діалекты, а въ настоящей статьѣ дать короткое и сжатое объясненіе того, что мнѣ кажется нуждающимся въ объясненіи или потому, что мнѣ пришлось впервые внести новый матеріалъ въ карту или потому, что мнѣ слѣдуетъ обосновать ту или другую точку зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ или на группировку сербскихъ говоровъ, или на ихъ внутреннія отношенія вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хочется дать и нѣкоторое, хотя бы и общее, представленіе о ходѣ историческаго развитія сербскихъ діалектовъ, ибо безъ этого трудно понять ихъ настоящее состояніе, какъ оно представлено на картѣ.

При наличности очень скуднаго матеріала, какой представляетъ во многихъ случаяхъ сербская діалектологія, мнѣ приходилось нерѣдко полагаться исключительно на свой матеріалъ, который въ большинствѣ случаевъ еще не изданъ. Но тѣмъ не менѣе мнѣ было невозможно отвѣтить на всѣ вопросы, которые могутъ представиться сербскому діалектологу. Въ такихъ случаяхъ я довольствовался тѣмъ, чтобы вопросы поставить надлежащимъ образомъ, чтобы внести болѣе порядка, болѣе системы, болѣе научной провѣрки въ тотъ матеріалъ, который уже у насъ имѣлся или могъ имѣться. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, указывая на проблемы сербской діалектологіи, показать въ то же время и ея теперешніе пробѣлы, все еще очень значительные и очень существенные.

Карта эта, по отношенію къ географическому матеріалу, представляетъ сколокъ съ сорокаверстной карты средней Европы, изданной русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1899 году, приспособленный для моихъ цѣлей.

Въ нее я внесъ все то, что казалось мнѣ существеннымъ и важнымъ для установленія діалектическихъ границъ сербскихъ говоровъ. Все, что представлено на картѣ, освѣщено въ статьѣ — насколько это было для меня возможнымъ, а все, что упоминается въ статьѣ, главнымъ образомъ, пред-

ставлено и на картѣ. Если что-нибудь и не обозначено на картѣ, все-таки можно, по общимъ указаніямъ, которыя даются въ статьѣ, получить и объ этомъ географическое представленіе.

По отношенію къ названіямъ мѣстъ я былъ въ затрудненіи, какой способъ выбрать для передачи ихъ по-русски. Для того, чтобы избѣгнуть недоразумѣній, я порѣшилъ передавать названія или по-сербски (на картѣ и отчасти въ этой статьѣ) или въ русской транскрипціи (въ статьѣ).

Всѣмъ хорошо извѣстно, какое глубокое значеніе имѣетъ изученіе колонизаціи вообще для діалектическаго движенія какого-нибудь языка; вѣдь она — матеріальная основа, на которой оно и совершается. Только параллельнымъ изслѣдованіемъ и того и другого можно приблизиться къ точному пониманію запутанныхъ діалектическихъ отношеній. Поэтому, для того, чтобы картина діалектическихъ развѣтвленій и передвиженій, ниже набросанная, была удобопонятнѣе, привожу здѣсь взглядъ проф. Ст. Станоевича на колонизацію и массовыя передвиженія сербскаго народа, имѣвшія мѣсто въ его историческомъ прошломъ съ XI—XIX ст.

Въ 1040 году, благодаря сербскому возстанію противъ Византіи, было снова возстановлено небольшое сербское княжество въ Зетѣ, которое росло и увеличивалось, въ княженіе трехъ первыхъ владѣтелей своихъ, на востокѣ и, главнымъ образомъ, на сѣверѣ. Ростъ этого государства въ указанномъ направленіи сопровождался, несомнѣнно, и болѣе сильной колонизаціей пріобрѣтенныхъ земель. Но, вскорѣ послѣ смерти *Бодина* и наступившихъ въ слѣдъ за тѣмъ княжескихъ усобицъ (1101 г.), центръ сербскаго государства былъ перемѣщенъ на сѣверъ по близости къ центру первоначальнаго сербскаго княжества, въ бассейнахъ *Рашки* и *Ибара*. Королевство Неманичей, уже съ самаго начала второй половины XII в., начало расширяться въ различныхъ направленіяхъ: на сѣверъ — внизъ по теченію *Южной* и *Западной Моравы*, на югъ — вверхъ по теченію *Ситницы* и внизъ по теченію *Дрима*, на западъ — по направленію къ *Зетѣ* и *Хуму*. Съ этимъ, конечно, шли параллельно и поселенія жителей *Рашки*. Въ это же время образовался и второй сербскій политическій центръ, въ Босніи. Но онъ для насъ, въ первое время своего развитія, даже до полнаго погрома, постигшаго его въ XV в., не имѣетъ большого значенія, ибо его территорія въ этотъ промежутокъ времени большихъ измѣненій въ ростѣ не потерпѣла, такъ что о движеніи ея представителей ничего положительнаго сказать нельзя. Представители же перваго сербскаго самостоятельнаго государства направлялись на югъ и юго-востокъ: ихъ столицы, сначала *Н. Пазаръ*, потомъ *Приштина*, *Призренъ* и, наконецъ, *Скопье* лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ. Это движеніе достигло своего кульминаціоннаго пункта въ царствованіе Стефана Душана,

когда границы Сербіи доходили на югѣ до *Сереса*, *Солуни* и *Олимпа*, а албанцы подъ натискомъ все новыхъ передвиженій сербскаго элемента уходили вглубь своей страны. Процессъ сплоченія сербскаго элемента съ туземнымъ славянскимъ племенемъ начался въ это время и продолжался много вѣковъ потомъ. Но полнаго торжества сербскій народъ въ этихъ краяхъ все-таки не достигъ, ибо вскорѣ потомъ наплывъ сербскихъ колонистовъ былъ сразу пріостановленъ и направленъ въ совершенно другую сторону.

Этотъ поворотъ совершился, благодаря большимъ завоевательнымъ успѣхамъ, которые турки имѣли на Балк. полуостровѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, и съ которыми сербы очень рано должны были считаться. Массовыя передвиженія направляются теперь на сѣверъ. Быть можетъ, они начались немедленно послѣ сраженія на Марицѣ (1371), когда турки заняли всѣ сербскія земли къ югу отъ *Шаръ*—горы; но послѣ несчастнаго *Косовскаго боя* (1389) и взятія турками *Скопља* (1391) сербы должны были, по неволѣ, отступать передъ непріятелемъ и, слѣдовательно, направляться на сѣверъ къ Дунаю. Въ это время турки предпринимаютъ наступательное движеніе и въ *Полимье*, *Хумъ* и *Босну*, что несомнѣнно имѣло результатомъ броженіе въ народонаселеніи Босніи и, въ особенности, Хума. Съ XV вѣка турецкое могущество усиливалось все болѣе и болѣе. Турки пробирались въ сербскія земли все дальше на сѣверъ и сѣверо-западъ и этимъ содѣйствовали все большему, и безъ этого возраставшему, наплыву сербовъ на сѣверъ. Уже князь Лазарь перемѣстилъ столицу далеко на сѣверъ, въ *Крушевацъ*, а *Дюрадъ Смедеревацъ* передвинулъ ее еще дальше, въ *Смедерево*. Источники XV в. постоянно упоминаютъ о томъ, какими опустошеніями сопровождались военные походы турокъ, и какъ народонаселеніе бѣжало передъ ихъ нашествіями. У насъ имѣется достаточное основаніе думать, что съ самаго начала XV в. совершались многочисленныя переселенія изъ Хума и Босніи въ сѣверо-западномъ направленіи и изъ Старой Сербіи на сѣверъ; но когда турки положили конецъ сербскому (1459) и боснійскому (1463) государствамъ, начались массовыя передвиженія сербскаго народа на лѣвый берегъ Дуная и Савы, въ земли теперешней Венгріи, въ *Банатъ*, *Сремъ*, *Бачку*, *Бараньу*, *Славонію*, *Горњу Крајину*, *Боснійскую Крајину*, *Крбаву* и *Лику*. Правда, и раньше, послѣ перваго взятія *Смедерева* (1459), переправилось немало сербскихъ семействъ на лѣвый берегъ Дуная, но теперь, послѣ окончательнаго уничтоженія сербской самостоятельности, они такъ и нахлынули сюда съ юга. Переселенія совершались, въ различныхъ размѣрахъ, почти непрерывно и, такимъ образомъ, усиливали сербскій элементъ, уже издревле находившійся въ этихъ странахъ. Родовитыя семейства сербскихъ властелей (дворянъ) Якшичей и Бранковичей уже въ началѣ второй половины XV в. поселились въ Банатѣ, вмѣстѣ съ массой

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

дѣйствительности, *екавскій* и *икавскій* штокавскіе діалекты представляютъ *теперь* только разновидности одного и того же діалекта, употребляющагося на одной и той же территоріи. Только такимъ образомъ можно понять, почему сербскіе діалекты обыкновенно раздѣляются соотвѣтственно замѣнѣ *ѣтя* (ѣ) въ нихъ, ибо онъ — т. е. сербскій литературный языкъ въ Бѣлградѣ и въ Босніи и Герцеговинѣ — этимъ и отличается, и почему основные сербскіе діалекты носятъ названія — *восточный*, *южный* и *западный*, ибо указанныя разновидности на самомъ дѣлѣ одна по отношенію къ другой, приблизительно, и занимаютъ такое мѣстоположеніе.

Это — все тотъ же, извѣстный, Вуковскій, такъ трудно и постепенно вошедшій въ сербскую литературу народный языкъ, за торжество котораго въ сербской литературѣ сербская наука поплатилась остальными сербскими діалектами, столь важными для изслѣдованія и прошлаго и настоящаго сербскаго языка. Поэтому, если мы хотимъ дать полную научную группировку сербскихъ говоровъ, намъ придется порвать съ прошлымъ, обратить одинаковое вниманіе на всѣ сербскіе говоры, какіе только можно отмѣтить на Балканскомъ полуостровѣ. Но, къ сожалѣнію, какъ указано, для этого имѣется очень мало хорошаго матеріала, ибо болѣе основательныя изслѣдованія только начинаются.

На прилагаемой діалектической картѣ мнѣ хотѣлось представить настоящее положеніе сербскихъ діалектовъ, и поэтому я ихъ раздѣляю на группы такъ, какъ они сами сформировались съ теченіемъ времени. Другое дѣло, какъ эти группы относятся одна къ другой по сходству или различію своихъ чертъ, по ихъ историческому прошлому и способу образованія; степень близости и примѣненія этихъ условій въ различныхъ діалектахъ можетъ и не совпадать вполнѣ съ отдѣленіемъ каждой группы особо, отдѣльно отъ другихъ, но это въ данномъ случаѣ совершенно посторонній моментъ, который я въ карту вносить не могъ. Самымъ существеннымъ для меня было — констатировать, чтò представляютъ теперь въ сербскомъ языкѣ отдѣльные діалекты, и каково ихъ размѣщеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не хотѣлъ, чтобы и ихъ теоретическая сторона осталась невыясненной. Поэтому я въ отдѣлахъ, ниже приводимыхъ, указалъ на всѣ моменты, имѣющіе значеніе для ихъ прошлаго въ томъ или другомъ направленіи, насколько это можно представить въ такой статьѣ, какъ настоящая, и насколько мнѣ это позволяетъ сдѣлать матеріалъ, имѣющійся у меня подъ руками. Теперь же я укажу на взаимное отношеніе діалектовъ и охарактеризую, въ общихъ чертахъ, ходъ ихъ совокупнаго историческаго развитія.

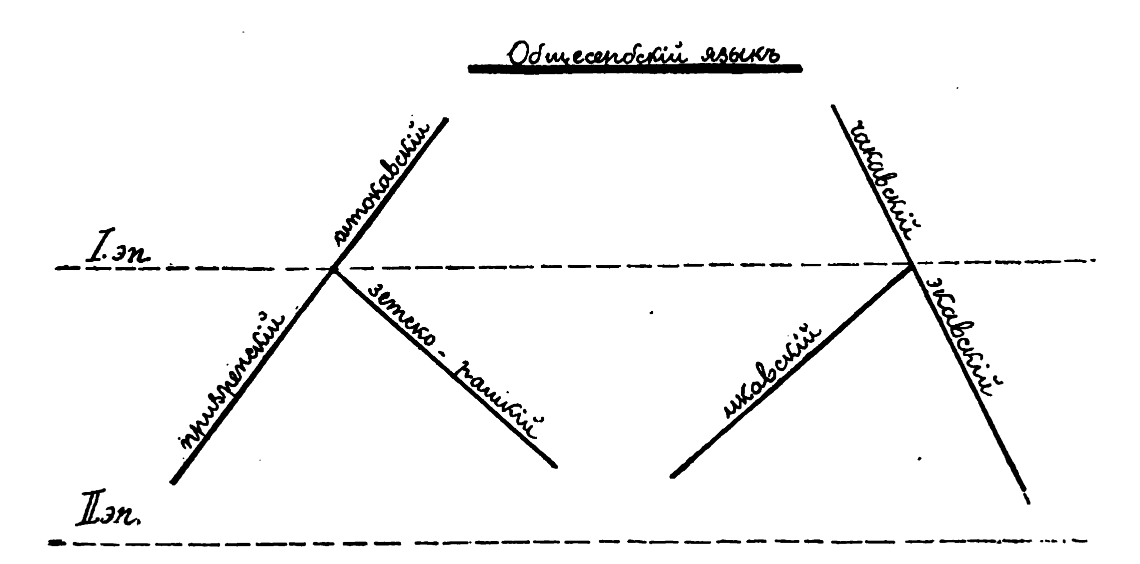
Если направляться съ востока на западъ, можно различить въ сербскомъ языкѣ слѣдующія діалектическія группы:

1. *Призренско-тимочскую;*
2. *Косовско-ресавскую;*
3. *Центральную (шумадійско-сремскую);*
4. *Зетско-боснійскую;*
5. *Островско-истрійскую;*
6. *Хорватскую.*

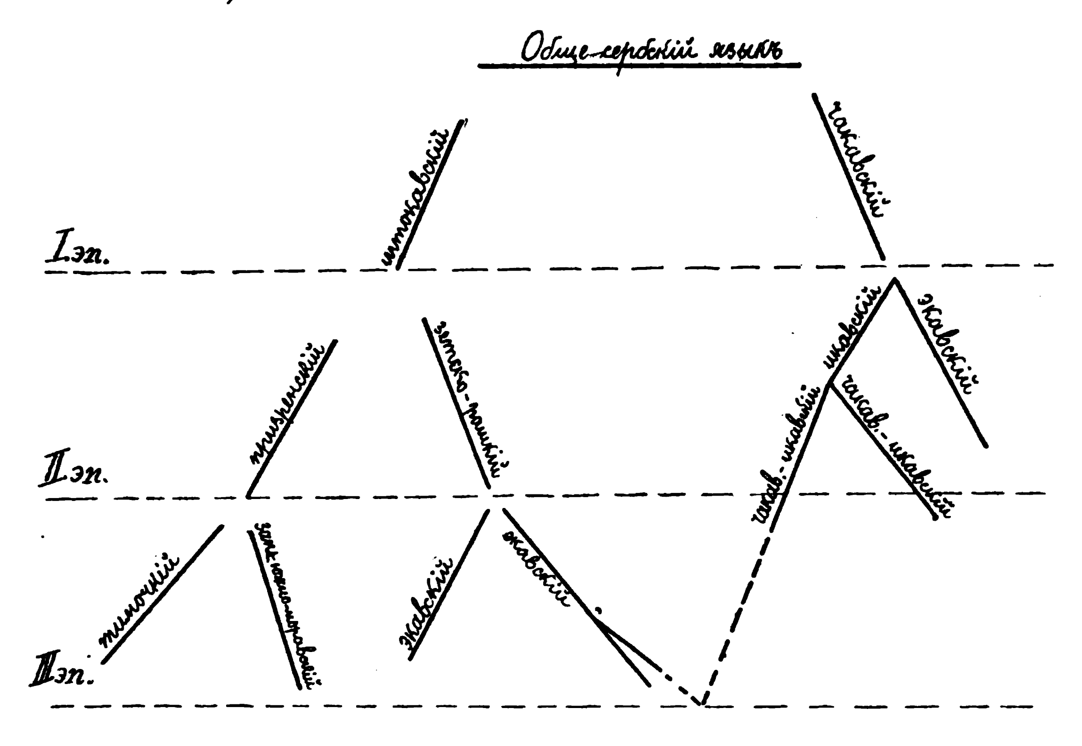
Кайкавскій діалектъ представляетъ смѣшанный говоръ, словенско-сербскій, въ основѣ котораго заключается словенскій діалектъ. Не желая умалять значеніе этого діалекта для развитія сербо-хорватской литературы, я тѣмъ не менѣе не включилъ его въ свою карту просто потому, что онъ не даетъ ничего для развитія и пониманія судебъ сербскаго языка, какъ таковаго.

Въ своемъ развитіи сербскій языкъ постепенно пришелъ къ такой группировкѣ своихъ говоровъ; въ движеніи отъ первоначальнаго единства сербскаго языка до нынѣшнихъ многочисленныхъ діалектовъ, на которые онъ разбитъ, можно констатировать, главнымъ образомъ, четыре эпохи, въ каждую изъ которыхъ развились или продолжали развиваться черты, легшія въ основаніе первыхъ сербскихъ говоровъ..

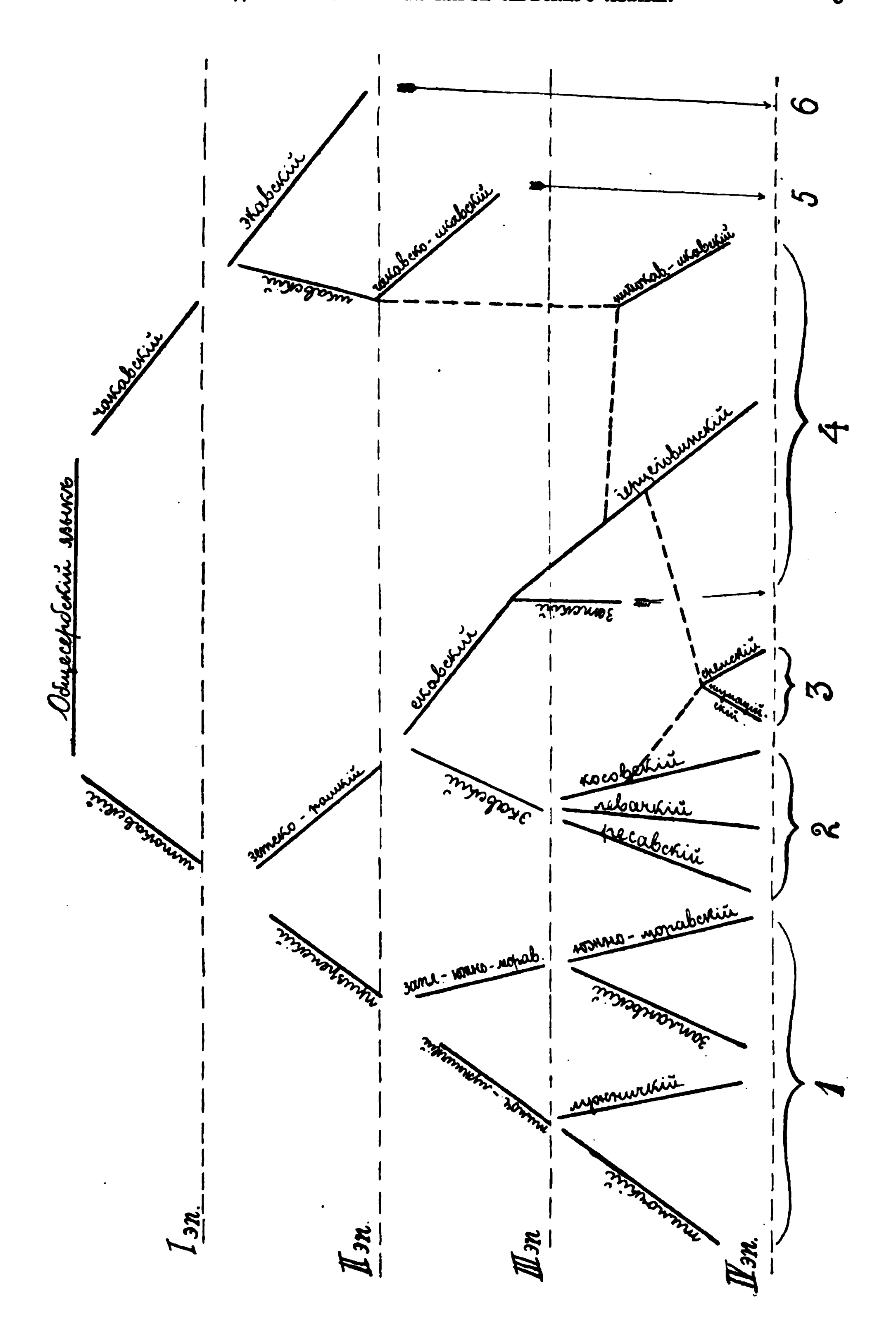
Съ самаго ранняго времени мы застаемъ сербскій языкъ раздѣленнымъ на два основныхъ говора, сходящихся гдѣ-то далеко въ древности, *чакавскій* и *штокавскій* (*первая* эпоха ихъ развитія). Когда-то они располагались на территоріи Балканскаго полуострова иначе, чѣмъ теперь, но одно несомнѣнно, что средоточіе одного, штокавскаго говора, было на востокѣ, а другого — на западѣ и островахъ.

Вторая эпоха ихъ развитія начинается съ незапамятныхъ временъ и продолжается до конца XIII вѣка. Тогда уже опредѣлились главные типы сербскихъ говоровъ слѣдующимъ образомъ. Чакавскій діалектъ, повидимому, раздѣлился на два основныхъ говора: *чакавскій-материковый* (икавскій), который можно, соотвѣтственно географическому распространенію, назвать *хорватскимъ* и *островно-истрійскимъ* (*экавскимъ*); штокавскій же также раздѣлился на два основныхъ говора: *призренскій* и *рашскій* (*зетско-косовскій*).

Третья эпоха ихъ развитія — и самая интересная, и самая важная — начинается приблизительно съ XIII в., а оканчивается — опять, конечно, только приблизительно — къ XVI вѣку. Одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ этой эпохи — образованіе екавскаго говора. Оно принадлежитъ вполнѣ этой эпохѣ. Такимъ образомъ, зетско-косовскій діалектъ раздѣлился на двѣ группы говоровъ, группу экавскихъ (косовскихъ) и группу екавскихъ (зетскихъ и другихъ) говоровъ. Чакавскій діалектъ въ эту эпоху былъ пассивнымъ; приходя въ соприкосновеніе съ штокавскимъ говоромъ, онъ постепенно ассимилировалъ себѣ его черты. Призренскій діалектъ распространился далеко на сѣверо-востокъ, образовавши въ Сербіи двѣ группы говоровъ: тимочско-лужничскую и запланьско-южноморавскую, къ которой примыкаютъ и діалекты Старой Сербіи (*новопризренскій*) и Македоніи (*кумановскій* и *кратовскій*).

Общесербский языкъ
штокавский
чакавский
I эп.
II эп.
III эп.
IV эп.
зетско-рашкий
экавский
чакавско-икавский
екавский
экавский
зап.-южно-морав.
южно-моравский
ресавский
левачкий
косовский
зетский
герцеговинский
штокав.-икавский
1
2
3
4
5
6

Четвертая эпоха. Уже въ третью эпоху косовскій діалектъ распространился далеко на сѣверъ и сѣверо-востокъ: онъ занялъ *Жупу*, *Левачъ*, *Темнить*, *Мораву*, *Ресаву*, и, несомнѣнно, болѣе западныя части Сербіи. Но тутъ онъ пришелъ въ столкновеніе съ екавскимъ говоромъ и, благодаря тому, что его сношенія съ нимъ въ различныхъ мѣстностяхъ были очень оживленныя, съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ, съ XVI по XVIII в., образовался смѣшанный языкъ, который является литературнымъ и административнымъ языкомъ королевства Сербскаго. Это, именно, *срединный* или *центральный* говоръ, по отношенію къ остальнымъ, или *шумадійско-сремскій* по отношенію къ мѣстности, которую занимаетъ. Къ нему примыкаютъ и говоры *Баната* и *Бачки*.

Въ этотъ промежутокъ времени, а также еще и раньше, чакавскій діалектъ потерпѣлъ большія потери въ пользу штокавскихъ діалектовъ. Правда, благодаря ихъ смѣшенію, получился новый штокавскій говоръ, или, лучше, его разновидность (ср. ниже); но чакавскій діалектъ, тѣмъ не менѣе, исчезъ, ограничившись только окраинами своей первоначальной территоріи. Въ это ли время или ранѣе совершилось и обособленіе островныхъ діалектовъ по отношенію къ истрійскому, и образованіе трехъ группъ островныхъ говоровъ, южной, средней и сѣверной,—за неимѣніемъ данныхъ, сказать невозможно. И чакавскій островной діалектъ, на крайнемъ югѣ, пришелъ въ болѣе близкія сношенія съ екавскимъ говоромъ, что дало въ результатѣ смѣшанный ластовскій говоръ, находящійся на ихъ границѣ.

Екавскіе говоры, захватившіе громадныя пространства на сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ своего первоначальнаго мѣстоположенія, раздѣлились на двѣ группы говоровъ: одну, удержавшую болѣе архаичныя черты говора, *зетско-сѣничскую* и другую, болѣе прогрессивную въ этомъ отношеніи, *герцеговинскую*, самую передовую въ измѣненіи старыхъ чертъ. Именно эти говоры, распространившіеся далеко за границы своей первоначальной территоріи, пришли въ соприкосновеніе съ косовскими говорами въ западной Сербіи и дали въ результатѣ своего развитія срединный говоръ, который, благодаря новымъ смѣшеніямъ съ различными косовскими говорами, развилъ изъ себя ту разновидность, которую обыкновенно называютъ ка-новачскимъ говоромъ, но которую, какъ увидимъ, единственно справедливо назвать *шумадійскимъ* говоромъ.

Въ этой, четвертой, эпохѣ развитія сербскихъ говоровъ находимся мы и теперь; она все еще не закончена. Я говорилъ объ эпохѣ съ XVI по конецъ XVIII вѣка, какъ-бы законченной, только потому, что въ это время черты указанныхъ діалектовъ всетаки настолько опредѣлились, что о говорахъ, которымъ онѣ принадлежали, можно говорить, какъ объ отдѣльныхъ единицахъ.

Такимъ образомъ, отчасти органическимъ развитіемъ сербскихъ говоровъ, отчасти искусственнымъ способомъ, взаимнымъ смѣшеніемъ ихъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, получены тѣ теперешнія группы діалектовъ, о которыхъ упомянуто выше. О томъ, какое географическое положеніе занимаютъ эти группы сербскихъ говоровъ, что является ихъ характерными чертами, и почему я сгруппировалъ ихъ именно такимъ образомъ, о всемъ этомъ ниже скажу подробнѣе.

II.

Чакавскіе діалекты. Такъ какъ чакавскіе діалекты больше всего сохранили въ себѣ старины, то мы съ нихъ и начнемъ свое изложеніе. Объ этихъ діалектахъ въ послѣднее время писано больше всего: нѣтъ почти ни одного болѣе значительнаго острова, говоръ котораго не описанъ. Но, несмотря на это, мы все еще не имѣемъ настоящаго представленія объ этихъ говорахъ, мы все еще не знаемъ, какъ ихъ слѣдуетъ сгруппировать. Всѣ описанія очень блѣдны: въ нихъ нѣтъ ни полной физіологической характеристики звуковъ, ни хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго собранія морфологическаго и синтактическаго матеріала. Всѣ изслѣдованія, очень напоминающія польскія описанія говоровъ, дѣлаемыя по образцу диссертаціи Малиновскаго, шаблонны, составлены какъ бы по описанію дубровницкаго говора *Будмани* (Rad LXV). Но то, что представляетъ достоинство работы Будмани, описаніе тѣхъ чертъ, которыми дубровницкій діалектъ отличается отъ остальныхъ *штокавскихъ* говоровъ — это, будучи воспроизведено въ описаніи какого-нибудь чакавскаго говора, является недостаточнымъ. Всетаки лучшее описаніе этихъ говоровъ — работка *Милчетича* о говорахъ кварнерскихъ островов (Rad CXXI 92 и д.).

Раньше, чѣмъ обратиться къ отдѣльнымъ чакавскимъ говорамъ, укажу на теперешнія границы чакавскихъ діалектовъ вообще.

Граница ихъ по отношенію къ штокавцамъ будетъ указана ниже (VI отдѣлъ), а тутъ мнѣ придется остановиться только на границѣ его по отношенію къ кайкавскому нарѣчію, его распространеніи въ Истріи и на островахъ. Для этого воспользуюсь, въ особенности, работами проф. Решетара.

Въ *Карловацѣ* говорятъ смѣшаннымъ говоромъ[1]), чакавско-кайкав-

1) Ср. безполезный споръ *Милчетича* и *Строхала* (*Nast. Vjestnik* I 266 и сл., II 94—96) о говорѣ Карловаца и окрестностей. Въ этомъ городѣ говорятъ теперь преимущественно по штокавски и по кайкавски съ слѣдами чак. говора. На границѣ различныхъ

скимъ. Такимъ смѣшаннымъ говоромъ говорятъ и западнѣе отъ Карловаца на правомъ берегу Купы, на изгибѣ, ею тутъ дѣлаемомъ. Линія Карловац — Драганиħ — Крашиħ — Сошице представляетъ южную границу кайкавскаго говора. Собственно, кайкавское нарѣчіе начинается съ *Речицы* и другихъ мѣстъ на лѣвомъ берегу Купы[1]). Діалектъ, который тутъ въ употребленіи, называется обыкновенно переходнымъ отъ чакавскаго къ кайкавскому; на дѣлѣ же онъ — смѣшанный говоръ. Его описалъ *Строхалъ* въ своемъ изслѣдованіи о говорѣ Стативъ (*Стативе*), одного мѣстечка на указанной территоріи[2]), и всѣхъ остальныхъ мѣстностей *Карловачкаго* уѣзда[3]). Въ предварительныхъ замѣткахъ къ изложенію чертъ діалекта, который употребляется въ упомянуомъ уѣздѣ, указывается на то обстоятельство, что чакавскій діалектъ лучше сохранился въ южной и юго-западной части указаннаго уѣзда (напр. въ *Ладешиħ-драгѣ*, *Нетретиħ-ѣ*, *Брайковѣ брдѣ*, *Стативахъ*, *Елсѣ*, *Дубовац-ѣ*, *Шварчѣ*, *Туран-ѣ*, *Мрзломъ полѣ* и *Дугойресѣ*, а кайкавскій въ *Эряваи-ѣ*, *Озаљ-ѣ*, *Покупљ-ѣ*, *Махично*, *Драганиħ-ѣ* и *Шишљавиħ-ѣ*. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ діалектамъ едва ли возможно сказать что-нибудь опредѣленнѣе того, что *Купа* все-таки приблизительная граница между чакавцами и кайкавцами вплоть до мѣстечка *Прибањци-Босанци*. Оттуда граница идетъ приблизительно въ *Врбовско*[4]), *Равну гору*, *Делнице*, *Локве*[5]), *Хомер*, откуда она направляется къ западу и идетъ горными цѣпями: *Тисовац*, *Ришњак*, *Снежник*, *Црни Врх*, *Сухи Врх* и *Обруч*, дающими воду рѣкѣ *Купѣ*.

На указанномъ пространствѣ, къ югу отъ кайкавскаго говора, и къ западу отъ штокавскаго (ср. ниже), говорятъ еще по чакавски. Конечно, это только жалкіе остатки болѣе широкаго употребленія этого діалекта въ прежнія времена.

Чакавскій діалектъ еще употребляется въ извѣстныхъ частяхъ Истріи, на островахъ и отчасти въ Далмаціи.

діалектовъ, какъ тутъ, совершенно невозможно съ точностью опредѣлить процентъ одного и процентъ другого говора. Можно только сказать, что тутъ первоначально былъ въ употребленіи чакавскій діалектъ, который въ теченіе времени былъ вытѣсненъ кайкавскимъ. Объ этомъ говорѣ ср. изслѣдованіе *Строхала Jezične osobine u kotaru karlovačkom* (Rad 146, 78 sqq.; 148, 1 sqq).

1) Ср. *Vorl. Berichte* der Balk. Comm. IX 66—67.

2) Godišnje izvješće kr. velike realne gymnasije u Rakovcu u Hrvatskoj za šk. god. 1886/7—1890/91.

3) Ср. выше.

4) Въ окрестныхъ мѣстахъ, *Прилиħ-ѣ*, *Вуковѣ*, *Горицѣ* и *Огулинѣ*, говорятъ по чакавски, но съ штокавскимъ удареніемъ. Въ *Мркопаљ-ѣ* говорятъ по штокавски потому, что этотъ городъ заселенъ штокавскими католиками, колонистами. Ср. Решетара о. с. 67—68.

5) Интересное *локварское* нарѣчіе описалъ *Строхалъ* (*Osobine današnjega lokvarskoga narječia* Rad 152, 162 и д.

Въ Истріи[1]) находимъ его далеко не на всемъ протяженіи этого полуострова. Если раздѣлить Истрію, отправляясь отъ устья рѣки *Мирны*, ея теченіемъ и линіей, представляющей южную границу кайкавцевъ *Футьковъ* (потокъ Battonega и мѣстечка: Драгуħ, Хум и Барнобиħ), на двѣ части, то найдемъ *чакавцевъ* въ сѣверной части въ слѣдующихъ мѣстностяхъ. Въ западной половинѣ находимъ ихъ между рѣками *Драгонь-ей* и *Мирной*, хотя и тутъ можно уже констатировать вторженіе италіанскаго элемента, съ одной (нѣкоторыя мѣстности совсѣмъ италіанскія, напр. *Опрталъ*), и кайкавско-словенскаго, съ другой стороны. Все-таки въ церковныхъ приходахъ *Св. Лаврентія* въ *Даль-ѣ*, *Carsette*, *Штерны*, *Здрень-а* и отчасти *Грижньан-а* говорятъ все еще по-чакавски. Въ восточной половинѣ говорятъ по чакавски въ области *Тьитьенъ*, граничащей слѣдующими деревнями: *Слум*, *Брест*, *Іеловице*, *Голац*, *Пољане*, *Муне*, *Даниħше*, *Бргудац*, *Подгаħе* и *Прапроħе*. Съ сѣвера и запада пробирается и сюда кайкавско-словенскій языкъ. Первоначально жители *Тьитьена* пришли изъ Босніи (въ 1532 г.). Къ сѣверу отъ этой области говорятъ смѣшаннымъ кайкавско-чакавскимъ говоромъ, хотя и тутъ когда-то говорили только по чакавски. Къ юго-западу отъ этой области (*Семиħ*, *Лежишħине*, *Горења Вас* и *Долења Вас*) говорятъ также по чакавски, хотя и эти мѣстности населены выходцами изъ Далмаціи (вѣроятно 1557 г., изъ *Клиса*). Къ востоку отъ *Тьитьена* и *Учки* до полосы смѣшаннаго кайкавско-чакавскаго говора, отдѣляющей Тьитьенъ и эту мѣстность отъ словенскаго яз. на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, и заключающей въ себѣ слѣдующія мѣстности: *Скаданчину*, *Обров*, *Подград*, *Рачице*, *Вело Брдо*, *Іелшане*, *Мало Брце*, *Рупу*, *Лисац*, *Сушак*[2]) и *Клану* — говорятъ чисто по чакавски. Особенно хорошо по чакавски говорятъ въ Каставѣ. Думаютъ, что жители этой мѣстности представляютъ первоначальныхъ жителей Истріи, чакавцевъ.

Во второй части Истріи, южной, слѣдуетъ различать двѣ группы жителей: старыхъ колонистовъ, занявшихъ эту страну съ самаго начала поселенія сербовъ и хорватовъ — это настоящіе чакавцы (*истряне*, *безяки*), и новыхъ колонистовъ, поселявшихся тутъ съ XV вѣка — это отчасти штокавцы, отчасти почакавленные штокавцы (*влахи*, *морлаки*). Первые занимаютъ восточную часть — судебные округа *Пазинъ* (Pisino) и *Лабинъ*

1) Ср. объ этомъ Решетара *Čakavština* etc. *XIII Archiv* 166 и д., въ особенности 172—176.

2) Этотъ діалектъ описалъ *Строхалъ* въ своемъ изслѣдованіи *Osebine današnjega riečkoga* narječja (Jzvješće kraljevske vel. gymnazije na Rieci 1882—1883), которое вполнѣ достаточно для того, чтобы констатировать указанное смѣшеніе. Это видно и изъ работы проф. *Лескина* Ueber den Dialekt. der «Narodne pripovietke iz hrvatskoga primorja» ges. von Fr. Mikuličič *Archiv Ягича* V 181 и д. Разсказы собраны въ деревнѣ *Красицахъ* (*Красице*), сюда принадлежащей, и представляютъ по отношенію къ языку смѣшеніе двухъ указанныхъ діалектовъ.

и нѣкоторыя деревни уѣзда *Бузетъ* (Pingvente). Вторые же занимаютъ судебный округъ *Мотовунъ* (*Montona*), за исключеніемъ нѣсколькихъ деревень (см. у *Решетара* 170, 174), *Пореч*, *Ровињ*, *Водњанъ* (Dignano), *Пуљ* и нѣсколькихъ деревень въ *Пазинскомъ* уѣздѣ (Гринтавица, Стамполићи, Кринга, Св. Петар у шуми и Св. Иванац). Новые колонисты пришли изъ Далмаціи и Черногоріи.

Чакавскій діалектъ сѣверо-восточной Истріи, хорватскаго прибрежья и острова *Крка* описалъ отчасти *Неманић* въ своихъ *Čakavisch-kroatische Studien* I (три выпуска Sitzungsberichte вѣнской Академіи CIV B. I Hft. стр. 363, CV B. II Hft. стр. 505, CVIII B. I Hft. стр. 167). Онъ далъ, собственно, только парадигмы склоняемыхъ словъ и партикулы, при чемъ ихъ ударенія онъ отмѣчаетъ только по отношенію къ количеству. Онъ не отмѣчаетъ точно мѣстности, въ которой записалъ ту или другую форму, и опредѣляетъ ихъ звуковую сторону неполно. У него довольно много лексикальнаго матеріала, хотя нельзя не замѣтить, что кое-гдѣ видны и признаки вліянія кайкавскаго говора на эти діалекты, не отмѣченные имъ.

На островахъ говорится по-чакавски до островов *Хвара* и *Виса* включительно; но кое-гдѣ и на островахъ сѣвернѣе только что указанныхъ говорятъ по штокавски: на *Пашмањ-ѣ* (около Задара), на *Вргадѣ* и *Крапањ-ѣ* (въ окрестностяхъ Шибеника), потомъ — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на различныхъ другихъ островахъ: въ *Масленицѣ* на Шолтѣ, *Сумартинѣ*, отчасти *Повљѣ*, на остр. *Брачѣ*, въ *Суђурај-ѣ*, *Богомољ-ѣ*, *Гдињ-ѣ* и *Застражишћ-ѣ* на *Хварѣ*. На Стонскомъ полуостровѣ (*Стонски рт*), собственно въ его западной половинѣ до мѣстн. *Јањина*, на островахъ *Корчулѣ* и *Ластовѣ*, которые находятся южнѣе островов *Хвара* и *Виса*, не находимъ уже мѣстоименія *ча*, такъ что ихъ говоры не имѣютъ права на названіе «чакавскихъ» діалектовъ. Но не смотря на это, указанная часть *Стонскаго рта* и островъ *Корчула* принадлежатъ все-таки чакавскому діалекту, чего по отношенію къ ластовскому діалекту сказать нельзя (ср. ниже). На островахъ южнѣе *Ластова* (на *Мљет-ѣ* и др.) находимъ уже штокавскій діалектъ. Всѣ штокавцы на указанныхъ, собственно чакавскихъ, островахъ — съ материка.

О чакавскомъ діалектѣ на материкѣ едва можно говорить. Кое-какіе остатки стараго чакавскаго говора находимъ еще въ мѣстахъ около городовъ: *Задара*, *Шибеника* и *Сплита*, при чемъ около *Задара* теперь уже не слышится *ча*[1]).

1) Мѣстности, въ которыхъ это находимъ по указаніямъ проф. Решетара: около *Задара*: *Новиградъ*, *Врси*, *Привлака*, *Затон*, *Петрчане*, *Кожино*, *Дикло*, *Бибиње*, *Сукошан*, *Турањ*, *Біоград*, *Пакоштане*; около *Шибеника*: *Варош*, *Злосела*, *Трибун*, *Водице*, *Затон*, *Заблатье*, *Долац*, *Примоштен*, *Рогозница*; около *Сплита*: *Рачице*, *Севид*, *Винишће*, *Оріовица*, *Марина*, *Трогир*, *Коштел*, городъ *Сплитъ*, область старой республики *Пољице*.

Но несмотря на то, что отъ чакавскаго материковаго діалекта остались очень скудные слѣды, все-таки между нимъ и теперешнимъ островнымъ діалектомъ существуетъ разница, которую нельзя оставить не отмѣченной. Она заключается въ томъ, что на материкѣ *ѣ* переходитъ *всегда* (гдѣ нѣтъ смѣшенія діалектовъ) въ *и*, тогда какъ на островахъ оно сохраняется и какъ *е* (э). Правда, и на островахъ употребляется вмѣсто *ѣ* иногда *и*, но такъ какъ на островахъ нѣтъ послѣдовательно проведеннаго замѣщенія одного изъ этихъ звуковъ другимъ, то въ употребленіи *и* слѣдуетъ видѣть нефонетическое явленіе. Въ виду того, что на материкѣ употреблялось и употребляется только *и* (і), а *е* (э) островнымъ діалектамъ, въ большинствѣ случаевъ, было неоткуда взять, совершенно ясно, что *и* принесено на острова, а такъ какъ извѣстно (ср. выше), что съ материка выселялись колонисты на острова, то, несомнѣнно, оно и принесено оттуда. Такимъ образомъ, чакавскіе діалекты дѣлятся на двѣ группы:

1) икавскую (далматинско-хорватскую) и
2) экавскую, занимающую острова и Истрію.

Конечно, любопытно знать, насколько такая группировка чакавскихъ діалектовъ оправдывается чакавскими древними памятниками, исторіей этого діалекта. Этотъ вопросъ я попытаюсь рѣшить на другомъ мѣстѣ и пока только замѣчу, что въ общемъ болѣе старыя эпохи развитія этихъ діалектовъ не противорѣчатъ сказанному, хотя и тамъ, какъ и тутъ, очень существенъ вопросъ, насколько материкъ вліялъ на острова, и, отчасти, обратно. При этомъ, если принять въ соображеніе, что *и* вм. *ѣ* употреблялось очень послѣдовательно и въ чакавскихъ діалектахъ далеко отъ моря, на материкѣ, конечно въ прежнія времена, а на островахъ оно не употреблялось, то можно придти къ заключенію, что это явленіе началось именно въ тѣхъ чакавскихъ діалектахъ, которые находились дальше вглубь материка, и что оно оттуда быстро распространилось и во всѣхъ другихъ материковыхъ діалектахъ[1]), переходя, отчасти, и на острова.

Ближайшей нашей задачей было бы опредѣленіе дальнѣйшаго развитія чакавскихъ говоровъ и икавскихъ и экавскихъ. Эта задача трудно выполнима по многимъ причинамъ. Самая главная та, что нѣтъ изслѣдованій, касающихся чакавскихъ діалектовъ на всемъ ихъ протяженіи. Поэтому то, что я скажу, укажетъ только на пробѣлы этихъ изслѣдованій и когонибудь, быть можетъ, побудитъ къ детальному и всестороннему изслѣдованію этихъ говоровъ.

---

1) Такое мнѣніе по отношенію только къ *кварнерскимъ островамъ* высказалъ и ихъ лучшій изслѣдователь *Милчетичъ* (Rad CXXI 103—104).

Объ *икавскихъ* діалектахъ *чакавскихъ говоровъ* я не могу ничего положительнаго сказать, во-первыхъ, потому, что отъ этихъ діалектовъ очень мало осталось, что старыя границы ихъ стерлись и, наконецъ, что и то, что осталось, не изслѣдовано удовлетворительно. Но несомнѣнно, что и тутъ есть различія между отдѣльными говорами (ср. употребленіе *ja* въ part. praet. act. или напр. c, z, s, вм. č, ž, š въ *Рѣкѣ, Омишѣ* и *Трогирѣ*).

По отношенію къ *экавскимъ* чакавскимъ говорамъ у насъ больше изслѣдованій, но и тутъ невозможно установить взаимныя отношенія между различными діалектами. Во-первыхъ, невозможно сказать, въ какомъ отношеніи находятся сѣверо-далматинскіе (кварнерскіе) острова по отношенію къ діалекту въ Истріи; образуютъ ли они одно цѣлое или нѣтъ. По описанію *Неманича* казалось бы, что не образуютъ; но его описаніе такъ неполно и неточно по отношенію къ передачѣ звуковыхъ явленій, что на него въ этомъ отношеніи положиться невозможно. Даже на вопросы, какъ относятся другъ къ другу кварнерскіе острова, трудно отвѣтить, ибо описаніе діалекта, напр., острова *Раба* Кушара (Rad CXVIII 1 и д.) даетъ такъ мало матеріала для сравненія съ тѣмъ, что находимъ въ изслѣдованіи объ остальныхъ кварнерскихъ островахъ, что даже объ ихъ главнѣйшихъ особенностяхъ невозможно говорить, какъ слѣдуетъ. О діалектѣ же острова *Пага*, который немного южнѣе *Раба*, намъ уже ничего неизвѣстно, ибо о немъ не говорятъ ни *Кушаръ*, ни *Милчетичъ*, — еще менѣе другіе.

Но все-таки и на основаніи этихъ описаній можно съ увѣренностью сказать, что діалектъ сѣверно-далматинскихъ острововъ отличается отъ діалекта южно-далматинскихъ острововъ, которые и по описаніямъ нѣкоторыхъ ученыхъ (*Облака, Лескина*), и по ихъ утвержденіямъ, образуютъ одно цѣлое. *Лескинъ* (*Zur Kroatischen Dialectologie Dalmatiens*, Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesell. d. Wissenschaften Ph. H. Cl. 1888 III—IV, 203—208) указалъ на то, что *Висъ* и *Хваръ* образуютъ одинъ діалектъ; *Облакъ* же (Archiv XVI 426 sq.) прибавляетъ, что сюда входитъ и островъ *Корчула* съ своимъ діалектомъ. И, дѣйствительно, уже по фонетическимъ особенностямъ, которыя описалъ Лескинъ[2]), можно ихъ выдѣлить въ особую группу. Слѣдовательно для того, чтобы

---

1) О діалектѣ на *Стонскомъ ртѣ* ср. работу *Миласа Današńi trpański dijalekat* (Rad CIII 68 и д.). Мѣстечко *Трпанъ* находится на зап. сторонѣ полуострова. На полуостровѣ при самомъ материкѣ находится *Стонская волость* (община). Въ ней говорятъ уже по штокавски; въ первой за ней (на полуостровѣ), *Яньинской* общинѣ говорятъ смѣшанно (чакавско-штокавски), въ *Куноской* говорятъ уже по чакавски, а за ней находится мѣстечко говора, который описалъ *Миласъ*. Описаніе его неудовлетворительно. О чакавскомъ въ *Рѣкѣ* ср. *Строхала Osobine današnjega riječkoga narječja* (Rad CXXIV 103 и д.) и изслѣдованіе о немъ, упомянутое выше.

2) Кое-что можно найти и у Аранцы (Ягичевы *Berichte* III 17—18).

дать, хотя бы приблизительную, группировку всѣхъ далматинскихъ діалектовъ, слѣдовало бы опредѣлить еще отношеніе средне-далматинскихъ островов [*Зларин*, *Каприје*, *Жирја*, *Муртер*, *Уљан*, *Сеструњ*, *Ижула грошa* (*Jšula grȍša* — *Jnsula longa*) и т. д.] къ сѣверно- и южно-далматинскимъ. А языкъ этихъ островов какъ разъ хуже всего описанъ, ибо о немъ имѣются кое-какія замѣтки, во всякомъ случаѣ недостаточныя, только у *Араницы* (op. cit. 60—68). Кажется, что онъ ближе южно-далматинскимъ островнымъ діалектамъ, чѣмъ сѣверно-далматинскимъ, хотя въ немъ есть и кое-какія свои черты, напр. *ја* въ part., если оно только не принесено съ материка. Указанное обстоятельство, а именно, что все-таки можно отмѣтить черты общія, съ одной стороны, сѣверно-далматинскимъ островнымъ діалектамъ, и всѣмъ южно-далматинскимъ, съ другой, заставляетъ насъ сгруппировать всѣ чакавскіе экавскіе островные діалекты въ три группы, при чемъ тутъ еще не предрѣшается вопросъ, что̀ представляютъ средне-далматинскіе островные діалекты, отдѣльное ли цѣлое или смѣшанный діалектъ изъ указанныхъ двухъ.

I. Сѣверно-далматинскіе діалекты островов, находящихся противъ далматинскаго берега отъ *Рѣки* до *Задар-а*.

II. Средне-далматинскіе — отъ *Задар*-а до *Шибеника*.

III. Южно-далматинскіе — отъ *Шибеника* до *Стонскаго рта*.

Дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ состоятельность или несостоятельность такого дѣленія этихъ діалектовъ. Они покажутъ, можно ли ихъ и болѣе точно, не такъ неопредѣленно, сгруппировать, раздѣлить на болѣе мелкія единицы. Тогда будетъ ясно, было ли достаточное основаніе у Милчетича, когда онъ только на основаніи замѣны ъ (и то краткаго) въ сѣверно-далматинскихъ говорахъ посредствомъ *а*, *е* или *о* раздѣлилъ ихъ на три группы:

1) *Врбник* и *Омишаљ* на *Кркъ* съ островомъ *Црес-омъ* и, отчасти, *Лошињ-емъ*,

2) *Добрињ* на Кркѣ,

3) *Дубашница*, *Башка*, *Пунат* и *Пољица* опять на Кркѣ[1]),

и если это вѣрно, какіе изъ окрестныхъ островов примыкаютъ къ той или другой группѣ говоровъ.

III.

Самое архаичное экавское нарѣчіе, именно, то, которое занимаетъ пространство, въ общихъ чертахъ, между Моравой, съ западной стороны, въ

1) Rad CXXI 102.

Сербіи, и среднимъ теченіемъ рѣки Искра, съ восточной стороны, въ Болгаріи. Этотъ діалектъ называется обыкновенно сербско-болгарскимъ, и ученые, соотвѣтственно степени своего ознакомленія съ нимъ и, повидимому, своимъ южно-славянскимъ симпатіямъ, приписываютъ его то сербскому языку, то болгарскому, не стараясь, впрочемъ, изучить его черты, какъ слѣдуетъ. Въ виду этого я предпринималъ нѣсколько поѣздокъ въ различные концы восточной и южной Сербіи для основательнаго изслѣдованія его и поэтому, надѣюсь, буду въ состояніи дать точную границу его распространенія и его развѣтвленія въ Сербіи[1]); по отношенію же къ Болгаріи и восточной Старой Сербіи и Македоніи я буду полагаться отчасти на сводную статью проф. *Цонева* (*Уводъ* въ историята на българский езикъ Сб. Мин. XVIII, отд. оттискъ; ср. и *Къмъ историята не български езикъ* Сб. XIX, отд. отт., въ особенности, приложенную карту), а отчасти на свѣдѣнія, полученныя мною частнымъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Цоневъ считаетъ этотъ діалектъ болгарскимъ, несмотря на многочисленныя противорѣчія, въ которыя онъ изъ-за этого впадаетъ, отчасти ихъ и упоминаетъ, но не пытается нисколько разрѣшить ихъ. Остальныя описанія этихъ говоровъ, даже такихъ изслѣдователей какъ Теодоровъ (Пер. Сп. XIX—XX 146. sqq.), не имѣютъ для насъ, да и вообще, большого значенія. Труднѣе всего опредѣлить южную границу этого говора потому, что въ Македоніи вообще, а, въ особенности, въ средней, такое смѣшеніе говоровъ и въ столь различныхъ размѣрахъ, что положительно невозможно, безъ точныхъ изслѣдованій, которыхъ у насъ теперь вовсе нѣтъ, указать, гдѣ прекращается этотъ говоръ, и гдѣ начинается *средне-македонскій*. Тѣмъ болѣе, что средне-македонскій діалектъ, занимающій большую часть Македоніи и имѣющій претензіи сдѣлаться македонскимъ литературнымъ языкомъ, представляетъ и самъ по себѣ смѣшеніе *сербскихъ* сѣверо-македонскихъ (восточно-старо-сербскихъ) говоровъ и южно-македонскихъ или собственно македонскихъ. Степень смѣшенія не вездѣ одинаковая; оно представляетъ процессъ, совершающійся уже много вѣковъ и не успѣвшій еще закончиться. Поэтому я и обозначу эту южную границу гипотетическимъ поясомъ, полосой, въ которой она приблизительно должна находиться.

Восточная часть этихъ діалектовъ занимаетъ западную часть Болга-

1) О нѣкоторыхъ говорахъ, принадлежащихъ указанной территоріи, писалъ въ недавнее время *Olaf Broch* (*Die Dialekte des südlichsten Serbiens* въ Schriften der Balkancommission, linguistische Abtheilung III). Онъ даетъ только матеріалъ, который у него переданъ въ общемъ хорошо. Его группировка указанныхъ говоровъ, по моему, не вѣрна. Объ историческомъ моментѣ указанныхъ говоровъ, его отношеніяхъ къ сербскому и болгарскому языкамъ у него или вовсе не говорится, или очень поверхностно. Онъ описалъ, главнымъ образомъ, тотъ діалектъ, который я называю южно-моравскимъ; то, что онъ говоритъ о запланьскомъ, лужничскомъ и тимочскомъ діалектахъ, которые онъ называетъ названіями мѣстностей, гдѣ онъ впервые узналъ о нихъ, — недостаточно.

ріи, охватывающую приблизительно области (самыя восточныя): *Брьгова*, *Кулы*, *Бѣлоградчика*, *Берковицы*, *Искреца*, *Брѣзника* и *Босилограда*. Ломаная линія, составляющая верхнее теченіе *Струмы*, среднее теченіе *Искра* у *Искреца* и *Кулу* и *Брьгово* представляла бы до нѣкоторой степени эту границу. Какія деревни говорятъ этимъ говоромъ, указано у *Цонева* (l. c. 52); ихъ границу отодвигаетъ *Милетичъ* болѣе на востокъ (ср. *Das Ostbulgarische* 5. sqq. Schriften der Balk. comm. ling. Abth. II; ср. и *Цонева Диалектни студии*, отд. отт. изъ Сб. М. XX). Въ Македоніи и Старой Сербіи этому говору принадлежатъ несомнѣнно діалекты *Призрена*, *Скопской Черногоріи*, *Куманова*, *Кратова*, *Кривой-Паланки* и ихъ окрестностей, причемъ діалекты *Призрена*, *Куманова* и *Скопской Черногоріи* примыкаютъ къ *южноморавскому діалекту*, тогда какъ говоръ *Кратова* и *Кр. Паланки* ближе къ запланьскому говору, хотя, съ другой стороны, онъ имѣетъ и свои особенности, не роднящія его ни съ однимъ изъ этихъ говоровъ; впрочемъ, этотъ говоръ больше, чѣмъ всѣ другіе, подвергся вліянію средне-македонскаго говора.

Какъ далеко эти говоры распространяются на западъ въ Старой Сербіи — это очень трудно сказать, но что они захватываютъ и Призренъ, въ этомъ я самъ убѣдился. Такимъ образомъ, Шаръ-гора не отдѣляетъ ихъ отъ Македоніи, точно такъ же какъ и *Црна Гора* (Кара-дагъ). Они занимаютъ отчасти пространство между Шаръ-горой, Качаникомъ и Црной Горой съ одной стороны, и приблизительно линіей, соединяющей *Призренъ* и *Яньево* по направленію къ сербской границѣ, съ другой стороны. Отчасти эти діалекты идутъ еще дальше на западъ по направленію отъ Яньева къ Приштинѣ, но до какихъ поръ, съ точностью сказать не могу.

Въ Сербіи можно уже точно опредѣлить границу его распространенія. Онъ занимаетъ всю восточную половину Сербіи, недоходя до *Заечара*, а до *Малаго Извора*. По направленію къ сѣверной Сербіи и срединной онъ граничитъ дальше горами: *Тупижницей*, *Ртаньемъ*, *Буковикомъ*, спускаясь въ долину *Моравы* у города *Сталаћ-а*. Отсюда направляется онъ на югъ и юго-западъ, главнымъ образомъ, долиной Моравы и только у Дьюниса переправляется на лѣвый берегъ ея, занимая все пространство до горныхъ хребтовъ, вверхъ теченія *дьюнисской* и *рибарской* рѣкъ. Отсюда направляется къ городу *Прокупљ-у*, между горами *Јастребац* и *Мали Јастребац*. Изъ Прокупљ-а граница его направляется къ сербско-турецкой границѣ въ направленіи къ *Приштинѣ*, хотя тутъ трудно опредѣлить, что, собственно, принадлежитъ этому говору, и что окрестному *Косовскому* нарѣчію. Но одно несомнѣнно, что всѣ болѣе или менѣе древнія поселенія къ востоку отъ указанной линіи принадлежатъ къ этому говору, а между новѣйшими есть и таковыя, которыя принадлежатъ и другимъ говорамъ. Дѣло

въ томъ, что колонизація этихъ частей Сербіи еще далеко не закончена и, сравнительно, очень новая. Тутъ жили когда-то албанцы, которые, послѣ успѣшной освободительной войны, покинули Сербію и перешли въ Старую Сербію, оставивши за собой пустыя мѣстности, которыя были потомъ заселяемы сербами изъ Черногоріи, Старой Сербіи и Герцеговины. Это относится, главнымъ образомъ, къ мѣстностямъ между *Прокупье* и *Лебане*, въ мѣстностяхъ же къ востоку отъ этой линіи, дальше, на всемъ теченіи *южной (Бинчъ) Моравы* и во всей южной Сербіи (въ *Польаницѣ*, *Иньошти* и *Пчинь-ѣ*) діалекты тимочско-южно-моравскаго говора. Весь этотъ діалектъ я называю, изслѣдуя его только въ Сербіи, *тимочско-южно-моравскимъ*, опредѣляя такимъ названіемъ и его географическое распространеніе и, въ то же время, его главнѣйшіе діалекты; имѣя же въ виду и его продолженіе въ Македоніи и Старой Сербіи, и его движеніе съ юга на сѣверъ, можно его назвать и *призренско-тимочскимъ*.

Всѣ діалекты Сербіи, которые я понимаю подъ указаннымъ названіемъ, образовывали когда-то съ упомянутыми діалектами западной Болгаріи и восточной Старой Сербіи (сѣв. Македоніи) одно цѣлое, одинъ языкъ. Этотъ діалектъ теперь трудно возстановить потому, что на него вліяли многіе другіе діалекты Старой Сербіи и Македоніи и, быть можетъ, и совершенно другіе, неславянскіе языки, такъ что задача выдѣленія позднѣйшихъ наслоеній на первоначальную основу становится, за неимѣніемъ старыхъ памятниковъ его, трудно выполнимой. Но если все-таки изъ массы чертъ этого діалекта выдѣлить всѣ тѣ, которыя не могли принадлежать ему съ самаго начала, *какъ славянскому*, *сербскому діалекту вообще*, если остановиться только на его славянскихъ чертахъ, то придется смотрѣть на него слѣдующимъ образомъ.

Всѣ фонетическія черты этого діалекта, *за исключеніемъ*, *конечно*, *нѣкоторыхъ его говоровъ въ Македоніи*, *совпадаютъ съ чертами сербскаго языка* въ эпоху его развитія въ XIII вѣкѣ. При этомъ слѣдуетъ имѣть еще то въ виду, что эти черты не только тѣ, которыя можно приписать обще-сербскому языку, но и такія, которыя получились *въ штокавскомъ діалектѣ*, и то какъ результатъ самостоятельнаго развитія этого діалекта въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ его отдѣльной жизни. Это же относится и ко всѣмъ морфологическимъ чертамъ этихъ діалектовъ, насколько онѣ вообще сохранились. Такимъ образомъ, этотъ діалектъ представляетъ собой одинъ изъ штокавскихъ говоровъ, который, какъ кажется, послѣ XIII вѣка не образовывалъ больше съ ними цѣлаго и развивался самостоятельно.

Къ такому взгляду долженъ придти всякій, кто изслѣдуетъ этотъ діалектъ съ положительной стороны, съ точки зрѣнія того матеріала, который

въ немъ сохранился. Ибо не всегда такъ дѣлаютъ. Очень часто опредѣляютъ его принадлежность къ тому или другому балканскому говору на основаніи того, что въ немъ не сохранилось, а что также не сохранилось и въ нѣкоторыхъ другихъ балканскихъ языкахъ. Такой пріемъ ошибоченъ. Руководствуясь имъ, изслѣдователь забываетъ, что этотъ діалектъ и не былъ бы вполнѣ отдѣльнымъ говоромъ, если бы не отдѣлился рано отъ другихъ сербскихъ говоровъ, и что его черты, въ которыхъ онъ совпадаетъ съ другими говорами, были бы положительно непонятны, если бы на нихъ мы не смотрѣли, какъ на таковыя, которыя появились до его отдѣленія отъ другихъ говоровъ. Что совпаденіе почти *всѣхъ его чертъ*, которыя сохранились, съ *однимъ* только балканскимъ говоромъ, несомнѣнно показываетъ его родство съ нимъ — это внѣ сомнѣнія, а что совпаденіе извѣстныхъ утратъ въ данномъ діалектѣ и въ другомъ балканскомъ говорѣ, которыя они оба, впрочемъ, раздѣляютъ еще со многими другими балканскими языками, съ которыми они оба приходили въ близкое соприкосновеніе, не должно еще обозначать ихъ (двухъ) взаимныя вліянія, если нѣтъ какихъ-нибудь другихъ положительныхъ признаковъ такихъ отношеній ихъ, — это также не менѣе ясно. На этихъ вопросахъ я въ другомъ мѣстѣ останавливаюсь очень детально, и поэтому не буду здѣсь этого дѣлать. Только укажу на діалектическія черты, подтверждающія указанныя положенія.

Въ этомъ діалектѣ, какъ указано, сохранились черты и сербской фонетики и морфологіи на той ступени развитія, на какой онѣ находились въ XIII в. Разумѣется, что онѣ позже, въ теченіе времени, подверглись различнымъ измѣненіямъ, но для насъ важно лишь то обстоятельство, что, если и направленіе этого развитія не общее съ тѣмъ, которое наблюдается въ другихъ сербскихъ говорахъ, исходный пунктъ для тѣхъ и другихъ тотъ же.

Фонетическія черты:

ь и *ъ* даютъ одинъ глухой ь (ряда *а*); *ъл*, *лъ*, *ър*, *ръ* между согласными даютъ ḷ, ṳ; ѫ переходитъ всегда въ *у*; ѧ—всегда въ *е*; ѣ даетъ только *е*; *ы*—*и*; *tj* и *dj*, общеславянскія, даютъ всегда ћ и ђ, которыя отчасти переходятъ въ ч́ и џ́ (ср. ниже); *пj*, *вj*, *мj*, *бj*, общеславянскія, даютъ во всѣхъ положеніяхъ, и въ начальныхъ и въ конечныхъ слогахъ, только *пљ*, *вљ*, *мљ*, *бљ*; если и есть какія-нибудь отступленія — эти отступленія *морфологическаго характера*; *dl*, *tl* общеслав. даютъ всегда только *l*, отступленія и тутъ морфологическаго характера; *въ* въ открытыхъ слогахъ (*вънук*, *въдова* и т. д.) переходитъ всегда въ *у*.

Всѣ эти основныя явленія фонетики этихъ говоровъ совпадаютъ *вполнѣ съ сербской фонетикой*.

Морфологическія черты.

Вліяніе мягкихъ основъ на твердыя (*руке*, *ноге*); творительный падежъ на *ом* у существ. жен. рода (*силом*); родит. пад. у мѣстоименій и прилагательныхъ на *а*: *тога*, *овога* и т. д.; употребленіе мѣстоименій, какъ въ серб. яз. (*ја*, *ти*, *он*; *овиј*, *онај*, *тиј* и т. д.); употребленіе окончанія *м* въ перв. л. наст. врем. у всѣхъ глаголовъ; употребленіе въ 3 plur. imperf. *ху*, въ 3 plur. aor. *ше* и т. под.

Все это опять-таки черты *сербскаго языка* и всѣ онѣ появились въ немъ до XIII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ есть черты, которыя отдѣляютъ эти говоры отъ остальныхъ сербскихъ діалектовъ и показываютъ, что они развивались въ совершенно другой средѣ, чѣмъ всѣ другіе сербскіе говоры. Эти черты или принадлежатъ этимъ діалектамъ, какъ отдѣльнымъ единицамъ, слѣдовательно представляютъ результатъ ихъ самостоятельнаго развитія, или же общи имъ съ другими балканскими языками.

Послѣднія заключаются въ слѣдующемъ:

а) въ потерѣ падежей, за исключеніемъ именительнаго, винительнаго и звательнаго;

б) въ пріобрѣтеніи этими діалектами, впрочемъ не всѣми, члена;

в) въ употребленіи двойного личнаго мѣстоименія;

г) въ исчезновеніи неопредѣленнаго наклоненія.

Большинство этихъ чертъ находимъ и въ болгарскомъ языкѣ, и самымъ естественнымъ было бы, кажется, предположить, что онѣ и появились подъ вліяніемъ такъ близкаго сербскому языку болгарскаго языка.

Такое предположеніе, если дѣло немного лучше разсмотрѣть, *немыслимо* по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Если бы болгарскій языкъ вліялъ на эти діалекты, то необходимо было бы предположить смѣшеніе, гдѣ бы то ни было, этихъ двухъ языковъ. Однако, такого смѣшенія нѣтъ, да его и не могло быть потому, что всѣ діалекты восточной Сербіи подвигаются съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Вообще, эти діалекты получились отъ колонизаціи съ юга, изъ восточной Старой Сербіи (сѣверной Македоніи). И теперь всѣ новыя явленія возникающія, напримѣръ, въ южно-моравскомъ говорѣ, являются первоначально на крайнемъ югѣ и медленно подвигаются долиной рѣки Моравы на сѣверъ.

2) Для того, чтобы выяснить себѣ происхожденіе указанныхъ чертъ въ этомъ діалектѣ, я очень внимательно искалъ во всей восточной Сербіи чертъ болгарскаго языка для того, чтобы теперешней теоріи о «переходности» этихъ діалектовъ отъ сербскаго языка къ болгарскому придать хотя тѣнь вѣроятія, *но всѣ мои попытки были напрасны*: *такихъ слѣдовъ въ этихъ діалектахъ*, *въ большихъ размѣрахъ*, *нѣтъ*.

Даже если бы такіе слѣды оказались въ дѣйствительности существующими, и въ большомъ количествѣ примѣровъ, указанная гипотеза могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, быть можетъ, только по отношенію къ сѣверо-восточнымъ и вообще восточнымъ говорамъ, по отношенію же къ южнымъ и восточно-старосербскимъ — наврядъ ли. Если же обратить вниманіе на то обстоятельство, что всѣ эти діалекты движутся съ юга на сѣверъ, и что указанныя черты принадлежатъ *почти всѣ одинаково* и самымъ южнымъ, и самымъ сѣвернымъ говорамъ на указанной территоріи, то ясно, что эти діалекты принесли ихъ изъ своей прародины, съ юга. Вѣдь, въ коренныхъ македонскихъ говорахъ наблюдаемъ тѣ же явленія, а они помѣщаются рядомъ съ сербскими говорами, даже есть такъ называемый среднемакедонскій говоръ, *представляющій въ дѣйствительности смѣшеніе сербскаго языка съ южно-македонскимъ*, такъ что предположеніе объ общемъ постороннемъ вліяніи на тотъ и другой языкъ или о вліяніи македонскихъ говоровъ на сербскіе напрашивается само собой. Впрочемъ, вопросъ о способѣ этого вліянія такой сложный и запутанный, что я здѣсь и не стану его разрѣшать; мнѣ хотѣлось указать только на возможность полученія этими діалектами указанныхъ чертъ въ Старой Сербіи или Македоніи. Извѣстно, что эти черты находятся и въ албанскомъ, румынскомъ и новогреческомъ языкахъ. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что всѣ упомянутыя черты, находящіяся въ языкахъ, занимающихъ восточную половину Балканскаго Полуострова, образовались у всѣхъ ихъ одинаково, переданы нѣкоторыми изъ указанныхъ неславянскихъ языковъ всѣмъ другимъ языкамъ, славянскимъ (македонскому, сербскому и болгарскому) и неславянскимъ. Конечно, сначала могъ подвергнуться такому вліянію лишь одинъ славянскій діалектъ въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ своей территоріи и съ своей стороны повліять на другіе славянскіе говоры; но для насъ это здѣсь посторонній вопросъ (впрочемъ, ср. ниже). Естественная граница для распространенія указанныхъ чертъ на Балканскомъ полуостровѣ Шаръгора, Ка́ра-дагъ и горы на берегахъ Южной и Великой Моравы.

Указанные діалекты въ границахъ Сербіи образуютъ нѣсколько отдѣльныхъ говоровъ:

a) группу тимочско-лужничскихъ говоровъ и

b) группу запланьско-южно-моравскую.

Главное отличіе первой группы отъ второй заключается въ томъ, что звуки ћ и ђ выговариваются въ первой, какъ ч и џ (дж), а во второй, какъ ћ' и ђ', съ различными оттѣнками. Конечно, это не единственное различіе между ними; есть еще масса явленій, присущихъ только одной изъ этихъ группъ: въ тимочско-лужничскомъ діалектѣ развита, напр., палатализація согласныхъ *к* и *г* предъ палатальными гласными (*е* и *и*); въ томъ же діалектѣ упо-

требляется преимущественно членъ и под., но на нихъ я здѣсь останавливаться не буду, а укажу только на границы ихъ въ Сербіи.

Самый южный пунктъ употребленія указанныхъ чертъ это *Крива Феја*. Оттуда идетъ граница къ горѣ *Стрешару*, охватывая всѣ мѣстности, отгороженныя горнымъ хребтомъ, назыв. *Варденикъ*. Оттуда, мимо *Дюрковичскаго рида*, направляется граница къ *Врлой рѣкѣ*, переправляется на ея правый берегъ и идетъ по направленію къ *Власинѣ*, забирая также и ее. Оттуда идетъ граница на сѣверъ *Власинской рѣкой* до мѣстечка, гдѣ она сходится съ *Пустой рѣкой*. Всѣ мѣста на лѣвомъ берегу ея принадлежатъ *запланьскому* діалекту, на правомъ же—*лужничскому*. Дальше идетъ граница *Пустой рекой* до мѣста, гдѣ въ нее впадаютъ рѣчонки Млака и Ропотъ. Оттуда идетъ граница этими потоками до *Сухой Планины*. Потомъ она идетъ этой горой на сѣверъ по направленію къ мѣстечку *Облику* на берегу рѣки *Нишавы*. Направляясь дальше на сѣверъ, она обходитъ *Сиħевачку клисуру* (ущелье) и гору *Вишеградъ*, идетъ мимо *Сврлига* и доходитъ на сѣверѣ до мѣстечка *Бели Поток*; оттуда на сѣверъ идетъ она къ горамъ *Слеме* и *Тупижница*. Все съ правой (восточной) стороны отъ этой линіи принадлежитъ *тимочско-лужничскому діалекту*, а съ лѣвой (западной) — *запланьско-южно-моравскому*.

И эти группы успѣли уже образовать изъ себя отдѣльныя нарѣчія. Не всегда одинаковы пути, которыми получилось это, но несомнѣнно, что извѣстныя различія существуютъ, по отношенію и къ фонетикѣ и морфологіи, въ различныхъ частяхъ территоріи этихъ говоровъ.

Первый изъ нихъ, *тимочско-лужничскій*, дѣлится на двѣ группы говоровъ: *тимочскіе* и *лужничскіе говоры*. Главная разница между ними заключается въ выговорѣ ḷ. Въ тимочскомъ говорѣ оно выговаривается и теперь еще какъ *l гласная* (ḷ), тогда какъ въ лужничскомъ оно произносится какъ *лъ* (*сḷзá* и *слъзá*). Главная граница между обоими говорами рѣка *Нишава*, при чемъ *лужничскій* діалектъ распространяется къ югу отъ Нишавы, *тимочскій* же—къ сѣверу отъ нея. При этомъ слѣдуетъ имѣть еще то въ виду, что весь *пиротскій край* вплоть до *Церева дела* и отъ *Церева дела* на сѣверъ, обходя гору *Стол* и недоходя до *Нишавы* (у мѣстечка *Расница*), принадлежитъ тимочскому діалекту; отъ указаннаго мѣстечка поворачиваетъ граница на сѣверо-западъ и идетъ все время *лѣвымъ берегомъ Нишавы* до *Плеша* и *Гульянской планины*, гдѣ эта граница сходится съ западной границей всего этого говора.

Запланьско-южно-моравскій діалектъ дѣлится на двѣ группы говоровъ: а) *запланьско-сврлишскую* и б) *южно-моравскую*. Главныя различія между этими говорами заключаются въ пріобрѣтеніи южно-моравскимъ діалектомъ

нѣкоторыхъ чертъ, не имѣющихся въ запланьскомъ, или, лучше, не успѣвшихъ охватить и запланьско-сврлишскій говоръ.

Южно-моравскій говоръ занимаетъ, главнымъ образомъ, долину южной (*Бинчъ*) *Моравы* и ея лѣвый берегъ вплоть до линіи, отдѣляющей съ западной стороны эти діалекты отъ остальныхъ сербскихъ говоровъ. По отношенію къ своимъ чертамъ, южно-моравскій діалектъ показываетъ меньше древности, чѣмъ всѣ остальные восточно-сербскіе говоры; его новыя черты невозможно свести къ его основнымъ, старымъ чертамъ, а слѣдуетъ объяснять ихъ вліяніемъ со стороны. При этомъ можно усмотрѣть и различныя эпохи постороннихъ вліяній, направляющихся съ юга на сѣверъ, и, конечно, различные центры, изъ которыхъ они исходили. Этому соотвѣтствуетъ и распространеніе различныхъ чертъ. Волны новыхъ діалектическихъ процессовъ очень не одинаково захватываютъ моравскую долину: то уносятъ ихъ на сѣверъ до *Сталаћ-а* и еще дальше, то довольствуются *Враньской* равниной до *Стубал-а* и *Прибој-а*.

О тѣхъ центрахъ, которые въ томъ или другомъ направленіи вліяли на южно-моравскій діалектъ, трудно мнѣ говорить потому, что діалекты *Старой Сербіи* вовсе не изслѣдованы, такъ что кое-что изъ того, что я теперь скажу, покажется голословнымъ, а мнѣ здѣсь невозможно детально распространяться объ этомъ. Я предполагаю, что обще тимочско-южно-моравскій діалектъ отдѣлился отъ обще-штокавскаго діалекта еще въ то время, когда въ немъ не было значительныхъ діалектическихъ развѣтвленій. Но послѣ этого времени штокавскій діалектъ въ старой Рашкѣ раздѣлился, приблизительно, на двѣ группы діалектовъ: *призренскую*, болѣе южную, и *косовопольскую*, болѣе сѣверную. Въ теченіе времени эти группы разошлись въ своихъ чертахъ, развиваясь болѣе или менѣе самостоятельно. Раньше всѣхъ другихъ діалектовъ именно *призренскій штокавскій* діалектъ началъ вліять на часть первоначально отдѣлившагося тимочско-южно-моравскаго діалекта, оставшагося въ долинѣ Моравы и на лѣвомъ ея берегу. Онъ далъ этому діалекту тотъ спеціальный характеръ, который позволяетъ намъ смотрѣть на него, какъ на отдѣльный діалектъ ($\underset{\circ}{l}$=лу, part. praet. на *ја* и под.). Эти черты доходятъ до мѣстъ, до которыхъ вообще этотъ діалектъ достигаетъ. Потомъ на немъ сказалось сильное вліяніе косовопольскаго діалекта, при томъ въ нѣсколько пріемовъ. Сюда относится употребленіе *ђ* вм. *—јд* — въ случаяхъ, какъ *пођем* (=појдем въ тимочско-лужничскомъ и запланьскомъ), довольно частое употребленіе дат. пад. вм. предлога *на* съ винит. и под. Специфически — македонское вліяніе тоже новѣйшаго происхожденія. Оно ограничено Враньской равниной между горными берегами Южной Моравы до *Стубал-а* и *Прибоя* и только извѣстными грамматическими категоріями (*паднáла*, *седнáло* вм. *паднýло*, *сед-*

нýло, перенесеніе ударенія въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., *вóда*, *свúла*, *жéна*, *сéло* и под.).

Въ запланьскомъ діалектѣ наблюдается недостатокъ, неизвѣстность этихъ чертъ. Но въ немъ есть всетаки кое-что, соединяющее его именно съ этимъ діалектомъ: это — употребленіе *ћ* и *ђ* (= тј, дј общеслав.). Отъ тимочско-лужничскаго же діалекта отдѣляютъ его всѣ черты его спеціальнаго развитія. Съ другой стороны, благодаря такому положенію этого діалекта, въ немъ, само собой, масса чертъ общихъ съ тимочско-лужничскимъ говоромъ: это все тѣ черты обще-тимочско-южно-моравскаго говора, которыя не потерпѣли тутъ никакихъ измѣненій, а въ южно-моравскомъ діалектѣ подверглись отчасти чужому вліянію, а отчасти и полному вытѣсненію новыми чертами. Сходство этихъ говоровъ поэтому относительнаго характера. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть, что запланьскій діалектъ представляетъ узкую полосу между тимочско-лужничскими и южноморавскими говорами, такъ что ихъ вліянія скрещиваются въ немъ. Но, несмотря на это, онъ все-таки представляетъ самостоятельное цѣлое.

Восточная граница запланьскаго діалекта — это западная граница тимочско-лужничскаго говора. Западная же его граница, на югѣ, начинается съ *Власины*, поворачиваетъ на СЗ., идетъ горными хребтами параллельно Моравѣ мимо *Црной Травы* и *Гузевья* и, оставляя на западѣ *Лютежъ* и *Предеянье*, направляется къ *Рупью*. Оттуда она идетъ прямо на сѣверъ, спускаясь *Козарской рѣчицей* въ *Лопушню*. Проходя черезъ *Рамни дел*, идетъ въ *Ломницу*, *Липовицу* и *Пискупово*, потомъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ и идетъ горой *Гариной* (выше деревни *Горња Купиновица*) къ *Селичевицѣ* и дальше на сѣверъ, оставляя *Ниш* на западѣ. Оттуда она идетъ на сѣверъ между *Церье-мъ* съ западной и *Грбавчей* съ восточной стороны, спускаясь въ *Пирковацъ*. Изъ Пирковац-а черезъ *Іезеро* направляется граница къ горѣ *Лесковику*, поворачиваетъ на востокъ, обходя *Озрен*, и идетъ дальше на сѣверо-востокъ къ горѣ *Крстатац* и *Олеме*. Тутъ она сходится съ тимочско-лужничскимъ діалектомъ. Къ востоку отъ этой границы — *запланьско-сврлишкій* діалектъ, западно же — *южноморавскій*.

Что касается Болгаріи и отраженій указанныхъ діалектическихъ различій въ ней, то на ея территоріи, за исключеніемъ небольшой части на самомъ югѣ, распространенъ діалектъ, сходящійся въ употребленіи ч и џ (= тј, дј) съ *тимочско-лужничскимъ* діалектомъ. Южнѣе находимъ уже *ћ* (*ќ*) и *ђ* (*ѓ*). Несомнѣнно, что въ сѣв. Македоніи и южной Старой Сербіи существуетъ нѣсколько діалектическихъ группъ, но я, за неимѣніемъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній, не берусь группировать ихъ. Замѣчу только, что въ нихъ, какъ въ запланьско-южно-моравскомъ діалектѣ, упо-

требляется ћ (ќ) и ђ (ѓ), какъ замѣстители звук. комплексовъ общесл. *tj* и *dj*, и что *призренскій* (собственно *ново-призренскій*) и *кумановскій* діалекты примыкаютъ къ *южно-моравскому* говору, тогда какъ *кратовскій діалектъ* ближе къ запланьскому говору, но всетаки теперь не образуетъ съ нимъ одного цѣлаго.

IV.

Мною указаны выше сѣверныя и западныя границы тимочско-южно-моравскаго діалекта. Къ западу отъ послѣднихъ границъ и къ сѣверу отъ *Сталаћ-а*, въ моравской долинѣ далеко на сѣверъ до *Смедерева* (*Семендріи*), на востокъ до *Црной рѣки*, потомъ въ *Кучаѣ*, *Ресавѣ*, *Млавѣ*, *Стигѣ* и *Звиждѣ* вплоть до Дуная, гдѣ начинаются банатскіе говоры, распространяется главнымъ образомъ *косовско-ресавскій* говоръ, который, соотвѣтственно мѣстностямъ, называется *косовскимъ*, *жупскимъ*, *левачскимъ*, *темнитьскимъ*, *паратьинскимъ*, *ягодинскимъ*, *моравскимъ* и *ресавскимъ*. Этотъ говоръ переходитъ и на лѣвый берегъ *Моравы* и тутъ приходитъ въ соприкосновеніе съ шумадійско-сремскимъ говоромъ. Линія, соединяющая *Смедерево*, *Паланку*, *Рачу*, направляющаяся дальше къ Црному Врху противъ *Ягодины* (собственно *Ягодны*) и оттуда идущая горами, съ которыхъ сливаются притоки *Лепеницѣ* и *Гружѣ*, вплоть до устья *Гружи* въ западную Мораву, опредѣляетъ западную границу левачско-моравскихъ діалектовъ косовско-ресавскаго говора по отношенію къ шумадійскому говору и смѣшанному шумадійско-екавскому говору въ среднемъ и нижнемъ теченіи Гружи. Дальше его граница въ Сербіи идетъ рѣкой *Ибар*, вверхъ по его теченію (*Ибар-Ибра* по сербски), до сербско-турецкой границы.

Этотъ говоръ и въ Сербіи не вездѣ тождественный: на окраинахъ, при столкновеніи его съ другими діалектами, получаются, конечно, видоизмѣненія его, которыя не могутъ быть названы еще отдѣльными діалектами, но все-таки отличаются отъ чистаго типа левачскаго говора, сохранившагося лучше всего въ *Жупѣ* и *Левачѣ*. Такой діалектъ представляетъ говоръ, занимающій рѣку Мораву отъ *Сталаћ-а* на сѣверъ до *Параћина* на обѣихъ сторонахъ ея; на востокъ онъ распространяется до *Бољевац-а*, а на западъ—до горы *Юхоръ*. На лѣвомъ берегу Моравы этотъ діалектъ называется *темнитьскимъ* (Темнить = Темнић). Онъ представляетъ смѣшеніе южно-моравскаго діалекта съ левачскимъ, при чемъ это смѣшеніе въ долинѣ Моравы и на ея правомъ берегу сильнѣе, чѣмъ на лѣвомъ. У горы *Юхоръ* почти исчезаютъ и послѣдніе слѣды вліянія южно-моравскаго діалекта на этотъ говоръ, тогда какъ на востокѣ, чѣмъ больше приближаемся къ *Бањевац-у*,

тѣмъ чувствительнѣе становится и вліяніе тимочско-лужничскаго діалекта. Подобныя смѣшенія находимъ и сѣвернѣе Паратьина, что вполнѣ зависитъ отъ количества колонизаторовъ, приходившихъ и приходящихъ сюда съ юга. Но несомнѣнно, что въ основѣ всѣхъ этихъ мелкихъ діалектическихъ дробленій одного первоначальнаго діалекта лежитъ все-таки *левачскій говоръ*.

Какъ будетъ ниже указано, граница по отношенію къ екавскому говору идетъ отъ устья рѣки Гружи до устья *Ибар-а* въ западную Мораву; оттуда вверхъ по теченію Ибар-а въ юго-восточной Сербіи и ново-пазарскомъ санджакѣ до *Митровицы*. Отъ *Митровицы* границу можно опредѣлить лишь приблизительно. Она идетъ и дальше правымъ берегомъ Ибар-а, потомъ горами *Мокра гора* и *Проклетія*. Самая южная граница направляется, приблизительно, отъ *Призрена* на западъ къ югу отъ *Ђакова*, а сѣвернѣе арнаутскихъ племенъ *Хаса* и др., по направленію къ *Враницѣ*, одному изъ самыхъ высокихъ утесовъ Проклетіи. Соотвѣтственно мѣстности, которую занимаетъ этотъ діалектъ, мы и дали ему различныя названія: *косовскій* на *Косовомъ полѣ*, *жупскій* въ *Жупѣ*, приблизительно между Ибар-омъ (рѣкой) и горами *Копаоник* и *Мали* и *Велики Іастребац*, *левачскій* въ *Левач-ѣ* (*Лѐвач* — *Лѐвча* по сербски), между горами на лѣвомъ берегу *Гружи*, горами *Црни Врх*, *Іухор* и Западной Моравой, *темнитьскій* ср. выше, *моравскій* ср. выше, *ресавскій* ср. выше, хотя всѣ эти діалекты представляютъ одинъ и тотъ же основной говоръ, неодинаково сохранившійся въ различныхъ мѣстностяхъ и въ различныхъ направленіяхъ измѣнившійся подъ вліяніемъ различныхъ окрестныхъ говоровъ. Самымъ чистымъ, и поэтому и самымъ интереснымъ, какъ указано, является *жупско-левачскій* говоръ; менѣе интересенъ ресавско-моравскій говоръ. *Левачскій* говоръ тѣмъ интереснѣе другихъ, что не подвергался такъ много чужому вліянію, какъ другіе говоры; но онъ въ то же время, быть можетъ, и самый прогрессивный говоръ этого типа въ измѣненіи старыхъ чертъ; это, конечно, съ нашей точки зрѣнія, его слабая сторона, и въ этомъ отношеніи его далеко оставляетъ за собой *косовскій* говоръ. Онъ, хотя въ извѣстныхъ своихъ частяхъ и довольно сильно испыталъ вліяніе южно-моравскаго говора, все-таки сохранилъ самыя старыя черты. При установленіи общихъ чертъ этихъ говоровъ съ этимъ слѣдуетъ считаться.

Для обозначенія всѣхъ этихъ діалектовъ я пользуюсь названіемъ косовскоресавскій діалектъ, опредѣляющимъ его начальный и конечный пункты. Но ресавскій діалектъ ушелъ и за предѣлы сѣв. Сербіи, въ Банатъ, хотя я и затрудняюсь назвать его и тамъ ресавскимъ говоромъ. Это тотъ діалектъ, которымъ говорятъ сербы въ деревняхъ *Крашовѣ*, *Яблчѣ*, *Нерметѣ*, *Лупакѣ*, *Рафникѣ*, *Водникѣ*, *Клокотитѣ* и кое-гдѣ въ другихъ деревняхъ (напр., въ *Липѣ* у Радны (арадскій уѣздъ), *Отвасѣ*, въ деревнѣ *Királyhegye* въ

докшанскомъ уѣздѣ, въ *Károlyfalva* въ *темишской жупаніи*, а, быть можетъ, и въ *Клоподіи* въ вершецкомъ уѣздѣ; сравни *Милетича Ueber die Sprache und die Herkunft der sog. Krašovaner in Süd-Ungarn*, Archiv XXV 161 sqq. и *Летопис Мат. Српске* 222. 84 и д.). По матеріалу, который приводитъ Милетичъ, трудно сказать что-нибудь положительное; ясно только то, что этотъ діалектъ сербскій. Но, кажется, онъ представляетъ нѣкоторое смѣшеніе съ другими говорами. Въ акцентѣ онъ, главнымъ образомъ, сходится съ ресавскимъ говоромъ, какъ это отмѣтилъ уже Милетичъ. Но я сильно сомнѣваюсь, что его представители переселились сюда въ XV вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ, этотъ діалектъ заслуживаетъ внимательнаго и толковаго изслѣдованія [1]).

Пока я указалъ только на внѣшнюю сторону этого діалекта: его распространеніе и смѣшеніе съ другими окрестными говорами. Теперь я укажу на внутреннее отношеніе самихъ косовско-ресавскихъ діалектовъ, какъ таковыхъ, съ одной, и на ихъ отношеніе ихъ къ центральному говору, съ другой стороны. Такимъ образомъ мы укажемъ и на значеніе упомянутыхъ говоровъ для сербскаго языка вообще и его діалектовъ въ частности.

Я здѣсь не буду детально останавливаться на чертахъ этого діалекта, а, къ сожалѣнію, нѣтъ вообще такого изслѣдованія, на которое можно бы было сослаться; поэтому и для того, о чемъ буду говорить, придется сообщить нѣкоторыя черты этого діалекта.

Для развитія сербскаго языка эти діалекты интересны въ томъ смыслѣ, что представляютъ очень чистый, послѣдовательный діалектическій типъ, и поэтому являются лучшими представителями всѣхъ экавскихъ говоровъ. Многіе запутанные вопросы литературнаго экавскаго говора, занимающаго часть Сербіи и засавскія и задунайскія мѣстности, получатъ очень удачное разрѣшеніе, если привлечь къ ихъ изслѣдованію матеріалъ, предлагаемый намъ этимъ говоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ иногда, какой способъ изслѣдованія слѣдуетъ примѣнить и къ другимъ говорамъ, которые съ этимъ говоромъ находились такъ или иначе въ связи или показываютъ нѣкоторую принципіальное сходство съ ними. Но значеніе этого говора — больше всего для изслѣдованія акцентологическихъ условій рѣшительно всѣхъ грамматическихъ категорій сербскаго языка. Этотъ діалектъ съ такой живучестью сохраняетъ всѣ старинныя черты сербской акцентуаціи и всѣ его отступленія отъ нихъ такъ легко устранимы, что во многихъ

1) Литература объ этихъ говорахъ очень ограничена. О *жупскомъ* говорѣ можно найти нѣсколько хорошихъ замѣчаній въ работкѣ Л. Стояновича Dialektologische Miscellen aus Serbien (*Archiv* Ягича XXV, 212 sqq.). Кое-что отмѣтили о діалектахъ, сюда принадлежащихъ, и Миличевичъ (*Кнежевина Србија; Краљевина Србија* passim), I. Живановичъ (*Особине ресавскога или косовопољског дијалекта* въ *Програм Српске православне вел. гимназије Карловачке* 1881—2 г. Ср. Карловци), Мисирковъ (*Бълг. Прегл.* VI, 121—127) и др.

случаяхъ, гдѣ Вуковскій діалектъ даетъ противорѣчивыя данныя, этотъ діалектъ поможетъ разобраться въ нихъ, и дастъ богатый матеріалъ для сравненій съ остальными сербскими говорами и возстановленія общесербскаго ударенія.

Ресавско-косовскій діалектъ, какъ сказано, отличается отъ другихъ штокавскихъ говоровъ своимъ удареніемъ. Онъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, если и не на самой старой ступени развитія сербскаго ударенія, во всякомъ случаѣ на такой, которая показываетъ много старыхъ чертъ. Основнымъ положеніемъ акцентуаціи этого діалекта является слѣдующее:

I. *Удареніе конечныхъ краткихъ слоговъ переходитъ на предшествующій слогъ.*

Тутъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что этотъ процессъ совершается и въ тѣхъ случаяхъ, когда конечный слогъ открытъ и когда онъ закрытъ, лишь бы онъ былъ краток. Конечно, при этомъ слѣдуетъ исходить изъ обще-сербскаго ударенія. Переходя на предшествующій слогъ, удареніе остается, въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ т. наз. левачскихъ говорахъ, если слогъ кратокъ, короткимъ нисходящимъ (̏), а если онъ долгъ, становится долгимъ восходящимъ (́). Этотъ непараллелизмъ является и въ болѣе сѣверныхъ говорахъ, и въ косовскомъ діалектѣ, хотя, насколько я могъ отмѣтить, иногда такого непараллелизма нѣтъ, а когда слогъ кратокъ, получается, какъ и въ другихъ штокавскихъ говорахъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, краткій восходящій (̀) акцентъ, отчасти переходящій даже и въ долгій восходящій.

Напр.: *зи́ма*, *до̏шла*, *пову́че*, *се̏лу*, *да̏ска*, *же̏на*, *ру́ка*, *но̏га*, *о̏ца*, *су̏за*, *по̏ток*, *чо̏век* и т. п. все въ левач. говорахъ.

Всѣ исключенія или, лучше, отступленія отъ этого—только кажущіяся и объясняются очень легко употребленіемъ данныхъ словъ въ связи, въ рѣчи. Но на этомъ и подобныхъ вопросахъ я тутъ останавливаться не буду.

Соотвѣтственно указанному правилу, если какое-нибудь удареніе и находится въ концѣ слова, оно не можетъ быть короткимъ или же является принесеннымъ сюда изъ иного положенія въ рѣчи. И, дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ является въ этомъ діалектѣ почти исключительно долгое нисходящее удареніе. Нисходящее долгое удареніе и въ другихъ случаяхъ, гдѣ оно новаго происхожденія или по отношенію къ мѣсту или по отношенію къ его происхожденію, сохраняется въ этомъ діалектѣ, такъ что для него несостоятельно положеніе, что долгое нисходящее удареніе находится только на первомъ слогѣ слова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ эти ударенія, за исключеніемъ первосложныхъ, сравнительно новаго происхожденія. На основаніи этого можно дать и второе положеніе:

II. *Въ косовско-ресавскомъ діалектѣ долгія нисходящія ударенія могутъ стоять на всѣхъ слогахъ.* Напр.: *стоји̑ш, држи̑м, вѐза̑, зове̑, ноже̑м, лети̑, пу̑те̑м, Ми̑то̑м, оне̑м, воде̑, жене̑, пречу̑ва, прича̑ње, спѫвуа̑нка, сара̑ни, ирешњо̑в, одре̑ши, поњу̑биш, ора̑ње, весели̑ш* и т. д. все въ левачскихъ говорахъ.

Я не стану теперь изслѣдовать вопросъ объ образованіи этого и другихъ удареній, но все-таки не премину упомянуть, что этотъ діалектъ сохранилъ несомнѣнные слѣды *обще-славянскаго переноса удареній, и краткаго и долгаго нисходящихъ, на первоначальный слогъ* гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные сербскіе говоры. Лучшей иллюстраціей этого можетъ послужить родительный падежъ множ. числа, который въ этихъ діалектахъ имѣетъ *всегда или краткое* или *долгое нисходящее удареніе на первомъ слогѣ.* Столь послѣдовательно не сохранилъ этой черты ни одинъ другой сербскій діалектъ. Напр.: *пе̑т ме̑рница, оне̑ ка̏шика, де̏сет во̏деница, пла̏нина, љу̏беница, чо̏бана, сто̏гова, о̏внова, сто̏тина, гро̏бова* и т. п. все въ левачскихъ говорахъ.

Наконецъ, послѣднее, столь же характерное, отступленіе этого діалекта отъ другихъ сербскихъ говоровъ заключается въ сокращеніи всѣхъ долготъ въ этомъ діалектѣ послѣ ударенія, слѣдовательно:

III. *Всѣ долготы за удареніемъ сокращаются.*

Полной долготы въ этихъ діалектахъ я никогда не слышалъ послѣ ударенія. Но въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, я слышалъ что-то, смахивающее на полудолготу, хотя опять-таки обыкновенно слышится полная краткость. Примѣрами этого пусть послужатъ родительные падежи множ. числа, приведенные выше.

На остальныхъ очень интересныхъ деталяхъ ударенія этого діалекта я останавливаться не буду; только упомяну, что въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе шумадійско-сремскаго говора или литературнаго языка уклоняется отъ ударенія т. н. южнаго (екавскаго) говора, оно находитъ себѣ естественное объясненіе въ удареніи левачскаго говора, такъ что несомнѣнно, что элементы этого говора вошли такъ или иначе въ составъ центральныхъ говоровъ (ср. ниже).

Вторая, очень важная особенность этого говора заключается въ томъ, что этотъ говоръ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперешній литературный языкъ имѣетъ *икавскія* или *екавскія* формы, которыя нарушаютъ систему его звуковыхъ соотвѣтствій другимъ говорамъ, имѣетъ свои экавскія формы: *старѐји, младе̏ји, млађе̏ји, крупне̏ји, ситне̏ји* и подоб.; *не̏сам, не̏је, где̏* и под. Сюда относятся и формы дат. мѣст. сущ. ж. р. *воде̑, жене̑, Мора̏ве, ку̏ће* и под., творит. ед. ч. и косв. пад. м. ч. демонстр. мѣст. *та̑ј*: *те̑м, те̑(х)* и под. Относительно послѣднихъ формъ въ литературномъ

нарѣчьи можно думать, что онѣ (съ своимъ *и*) самостоятельно явились, по аналогіи существительныхъ и мѣстоименій съ смягченной согласной корня или основы; но разъ есть въ сремско-шумадійскомъ діалектѣ несомнѣнныя свидѣтельства смѣшенія съ екавскимъ (или, впрочемъ, икавскимъ, ср. ниже) говоромъ, напр. *нисам*, *није*, *стариjи*, (*і*)*ди* и под., а этотъ его старшій братъ имѣетъ чисто экавскія особенности, то очень вѣроятно, что эти черты появились въ шумадійско-сремскимъ говорѣ подъ вліяніемъ смежныхъ съ нимъ екавскихъ, а, быть можетъ, и икавскихъ говоровъ.

Кромѣ того, и въ другихъ чертахъ, въ которыхъ шумадійско-сремскій говоръ расходится съ левачскимъ, онъ совпадаетъ съ екавскимъ діалектомъ.

Напр., теперь въ левачскомъ говорѣ постоянно и единственно употребляется *мѣстный падежъ* существительныхъ безъ конечнаго *ма*, напр., у *Коњу́ва* (= Коњуха), *Лоћика*, *по тра̑пова*, *по бр̏да* и т. п. Если обратимъ вниманіе на то, что *ма* въ мѣстномъ падежѣ и получено только въ концѣ XVII в., и что въ засавскихъ и задунайскихъ діалектахъ и теперь еще нѣтъ *ма* въ этомъ падежѣ вездѣ (ср. *на̀ коли*, *на̀ вра̑ти*, *у Бу̏ђан̑овци* и под.), то станетъ яснымъ, почему его вовсе нѣтъ и въ левачскомъ говорѣ, и почему его получили другіе, болѣе сѣверные діалекты только тогда, когда пришли въ соприкосновеніе съ екавскимъ говоромъ.

Это же относится и къ другимъ чертамъ этого говора: напр., неопредѣл. накл. оканчивается въ этомъ говорѣ всегда на *т* (напр., пи́сат, се̏тит, ӥс(т) и т. п.)., тогда какъ въ шумадійско-сремскихъ говорахъ находимъ *ти*, какъ и въ герцоговинскомъ говорѣ, насколько такія формы вообще употребляются въ нихъ и т. п.

Само собой разумѣется, что этотъ говоръ имѣетъ еще не мало *своихъ* мѣстныхъ особенностей, которыя здѣсь не зачѣмъ приводить. Мнѣ хотѣлось только показать значеніе этого говора и указать на его отношеніе къ остальнымъ сербскимъ діалектамъ.

Все это выяснило намъ, или, по крайней мѣрѣ, выдвинуло тѣ моменты, на которые при изслѣдованіи шумадійско-сремскихъ (центральныхъ) говоровъ слѣдуетъ обратить спеціальное вниманіе.

V.

Разница между этимъ говоромъ и цѣлой группой говоровъ шумадійскаго типа — относительнаго характера. Даже, собственно говоря, нельзя было бы сказать, что это вообще два отдѣльныхъ діалекта. Вѣдь, несомнѣнно, что выходцы и переселенцы изъ Старой Сербіи и южной Сербіи,

передвигаясь постепенно съ XV вѣка до нынѣшняго времени на сѣверъ, заняли и *Шумадію*, а точно такъ же и *Сремъ*, *Бачку* и *Банатъ*, такъ что въ ихъ языкѣ должны заключаться не только *основныя* черты косовскаго говора, но и его особенности, развившіяся въ историческую эпоху его существованія и, отчасти, развивающіяся понынѣ. Но въ теченіе указаннаго времени представители косовскаго діалекта приходили въ постоянныя сношенія съ представителями другихъ діалектовъ, въ особенности, екавскаго говора, приходившими сюда изо всѣхъ концовъ сербской земли, гдѣ онъ только употреблялся. Поэтому чужіе элементы, вторгшіеся въ этотъ діалектъ (косовско-левачскій), дали ему признаки особеннаго говора только по отношенію къ косовскому говору, и только явленія другихъ діалектовъ, чуждыя ему, какъ косовскому говору, охватившія и его, могли сдѣлать возможнымъ и вѣроятнымъ предположеніе о самобытномъ появленіи нѣкоторыхъ чертъ его, хотя всѣ онѣ, на самомъ дѣлѣ, сводятся на внѣшнія вліянія. Впрочемъ, нельзя сказать, что этотъ діалектъ не создалъ еще до сихъ поръ и ничего своего (ср. ниже), но это, все-таки, не является еще общей чертой, а мѣстными особенностями его. Этотъ діалектъ я называю *шумадійско-сремскимъ*, *срединнымъ* или *центральнымъ*.

При изслѣдованіи его говоровъ, которые, какъ кажется, еще не сформировались вполнѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе на слѣдующіе моменты:

1. Удареніе этихъ говоровъ — перенесенное; оно совпадаетъ съ типомъ ударенія, сказывающимся въ герцеговинскомъ и нѣкоторыхъ боснійскихъ діалектахъ, и вполнѣ отличномъ отъ косовскаго.

2. Развитіе формъ склоненія, въ которомъ косовскіе діалекты разнятся отъ екавскихъ говоровъ, тожественно съ екавскимъ.

3. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ екавскомъ діалектѣ имѣется фонетически или нефонетически *и* вм. *ѣ*, оно имѣется и въ этихъ діалектахъ, напр. *није* (ср. неје косов.), *сикира*, *милији*, *старији*, *паметнији*, *гди*, *ваших*, *добрих*, *многих* (ср. въ јекавскихъ говорахъ *ваших* и *вашијех*, *добрих* и *добријех*, *многих* и *многијех*) и под.

Конечно, нельзя и требовать того, чтобы въ этомъ діалектѣ сохранились всѣ случаи употребленія *и* вмѣсто *ѣ*, которые находимъ въ екавскомъ діалектѣ, уже потому, что отдѣльныя слова, въ которыхъ это употребленіе встрѣчалось, находились въ спеціальныхъ, особенныхъ условіяхъ, а въ другихъ случаяхъ они образовывали часть цѣлой цѣпи подобныхъ и, соотвѣтственно этимологическому происхожденію, съ ними тожественныхъ словъ, въ которыхъ *ѣ* не измѣнялось въ *и*. Такіе случаи могли вліять на первые и вносить въ нихъ снова *ѣ* вмѣсто уже получившагося *и*.

4. Одно только можетъ показаться страннымъ во всемъ этомъ: мы

предположили, что центральный діалектъ является результатомъ смѣшенія въ указанныхъ мѣстностяхъ екавскаго и косовскаго говоровъ, хотя въ немъ ни разу не встрѣчается характерное для всего южнаго діалекта *иjе*, такъ что, если со стороны смотрѣть на это предположеніе, то могло бы показаться, что этотъ діалектъ долженъ былъ сознательно и какъ бы намѣренно избѣгать этой черты, что̀, само по себѣ, находилось бы въ противорѣчіи съ основными принципами языка, по которымъ подобныя явленія совершаются всегда безсознательно. На этомъ явленіи намъ слѣдуетъ остановиться немного больше, для того, чтобы это предположеніе сдѣлалось и для другихъ столь же вѣроятнымъ, какъ для меня оно и необходимо и умѣстно. Полную параллель ему представляютъ икавскіе штокавскіе говоры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу въ *Босніи и Герцеговинѣ*. О нихъ я буду говорить ниже и прошу сравнить съ этимъ то, что̀ я тамъ говорю.

Для конечнаго рѣшенія этого вопроса, разумѣется, нужно болѣе матеріала, чѣмъ я могу дать въ настоящую минуту; и поэтому пусть это будетъ только напутственными замѣтками, которыя отмѣтитъ для себя будущій изслѣдователь этихъ діалектовъ и отвергнетъ или подтвердитъ ихъ при болѣе детальномъ изслѣдованіи этихъ говоровъ.

Географическое положеніе екавскаго діалекта въ Сербіи въ настоящее время таково, что не представляется очень древнимъ: этотъ діалектъ занимаетъ только высокія горы, отдѣляющія западную Сербію и отчасти южную отъ центральной. Было бы очень рискованно предполагать, что жители этихъ горъ никогда не сходили въ окрестныя равнины или еще не успѣли перейти ихъ рубежъ. Гораздо вѣроятнѣе думать, что они находились также и въ равнинахъ, но не могли устоять передъ натискомъ, все болѣе сильнымъ, экавскаго говора. Поэтому первоначальное смѣшеніе этихъ діалектовъ могло совершиться тутъ въ пользу экавскаго говора, но екавскій діалектъ давалъ въ немъ знать о себѣ указанными чертами, переданными ему такимъ образомъ. Эту гипотезу дѣлаетъ очень вѣроятной тотъ фактъ, что въ этомъ новомъ діалектѣ вовсе — или въ большинствѣ случаевъ — не было примѣровъ съ *иjе*, что единственно экавскими пришлецами и автохтонами (относительно) чувствовалось, какъ что-то чужое, принадлежащее другому діалекту. Всѣ другія черты чужого екавскаго діалекта они совершенно безсознательно усвоили. Для пониманія такого отношенія къ чертамъ указаннаго говора со стороны представителей этого діалекта, слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ они находились. Безъ постояннаго, хотя бы и не всегда многочисленнаго наплыва колонизаторовъ съ юга, изъ Левач-а и болѣе южныхъ мѣстностей, немыслимо образованіе этого діалекта; и даже если предположимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бралъ верхъ екавскій діалектъ, то все-

таки его одолѣвали новые, свѣжіе представители экавскаго говора и вносили въ него снова свои экавскія особенности. Судя по слѣдамъ, оставшимся отъ екавскаго вліянія, слѣдуетъ предположить, что все-таки число екавцевъ терялось въ значительномъ количествѣ экавцевъ, далеко превышавшемъ ихъ. Какъ только данъ былъ первый толчекъ къ такому искусственному разграниченію указанныхъ діалектовъ — а онъ могъ быть, какъ указано, данъ очень легко, то явилась вмѣстѣ съ тѣмъ, и возможность для обособленія его какъ отдѣльнаго цѣлаго. Не слѣдуетъ однако думать, что появленіе первоначальнаго центральнаго говора должно было совершиться на большомъ пространствѣ и у большого количества представителей этого говора; напротивъ, есть основаніе думать, что ихъ абсолютная численность была незначительна. Тутъ былъ важенъ моментъ сплоченія екавскаго и экавскаго говоровъ въ пользу — хотя бы — только съ внѣшней стороны, экавскаго говора. Позже черты этого экавскаго говора переносились и на всѣ другіе экавскіе говоры, съ которыми этотъ экавскій говоръ приходилъ въ соприкосновеніе. Только такимъ образомъ можно понять, откуда въ центральныхъ говорахъ появилось перенесенное удареніе: положительно невозможно или, по крайней мѣрѣ, крайне сомнительно предположеніе, что оно развилось самостоятельно, изъ стараго косовскаго ударенія; невѣроятно оно уже потому, что въ такомъ случаѣ мы должны были бы имѣть во многихъ случаяхъ передвиженіе ударенія на два слога къ началу, ибо передвиженіе съ конечнаго слога на одинъ слогъ къ началу получалось уже въ косовскомъ діалектѣ, а между тѣмъ здѣсь этого нѣтъ; невѣроятно же оно еще болѣе потому, что въ окрестномъ екавскомъ діалектѣ имѣется именно такая, перенесенная, акцентуація. Потомъ было бы крайне сомнительнымъ предположеніе, что въ двухъ смежныхъ говорахъ получились въ нѣкоторыхъ падежахъ склоненія существительныхъ положительно тожественныя окончанія, напр. вм. *е—и* въ дат. и мѣстн. сущ. жен. рода, *ма* въ мѣст. мн. ч. всѣхъ существительныхъ, когда извѣстно, что въ одномъ изъ этихъ діалектовъ (екавскомъ), на всемъ почти его протяженіи, далеко за границами Сербіи, эти окончанія извѣстны теперь, были извѣстны и изстари. Наконецъ, еще одно соображеніе внѣшняго характера. Что Сербія — все-таки центръ указаннаго діалекта, показываетъ и слѣдующее обстоятельство. Характерныя черты этого новаго экавскаго говора находятся въ какой-нибудь мѣстности въ степени тѣмъ бóльшей, чѣмъ она ближе къ Сербіи. Поэтому въ засавскихъ и задунайскихъ діалектахъ мы все еще и находимъ кое-какія особенности косовскаго діалекта (locat. на *х*, т. е. безъ *ма*), хотя волны центральнаго говора охватили сербскія мѣстности далеко за Савой и Дунаемъ, такъ что эти діалекты входятъ всетаки, главнымъ образомъ, въ область этого говора.

На фонѣ этого діалекта выдвигается новый говоръ, который постепенно забираетъ все большую територію, хотя его черты въ нѣкоторыхъ случаяхъ только въ зародышѣ, разумѣется, по отношенію къ ихъ распространенію. Это — такъ называемый *кáновачскій* (*кановачки*) говоръ, который я называю *шумадійскимъ*. На него обратилъ вниманіе еще Вукъ Караджичъ, а описалъ его П. Дьордьевичъ. По его описанію[1]), онъ встрѣчается въ *рудничскомъ Качерѣ*, въ большей части *Крагуевачской Лепеницы* и *Крагуевачской* и *Смедеревской Ясеницы*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернѣе *Крагуевац-а* (въ Гружанскомъ и Крагуевачскомъ уѣздахъ, (ср. карту), въ части Вальевской Колубары, въ бѣлградской Колубарѣ, вдоль горы Космая и въ нѣкоторыхъ бѣлградскихъ участкахъ (савскомъ и врачарскомъ). Дунай не представляетъ еще границы, вполнѣ задерживающей движеніе этого діалекта на сѣверъ; напротивъ, черты этого говора, правда, не всѣ, встрѣчаются и въ Банатѣ и кое-гдѣ въ Cремѣ, хотя нельзя сказать, что они вмѣстѣ съ указанной територіей образуютъ одинъ діалектъ.

Хотя и вѣрны указанія Дьордьевича по отношенію къ мѣсту употребленія указанныхъ чертъ, все-таки такое географическое представленіе объ ихъ распространеніи, по меньшей мѣрѣ странно: на небольшомъ пространствѣ нѣсколькихъ уѣздовъ черты этого говора то являются, то совсѣмъ исчезаютъ. Если онѣ одновременно и самостоятельно успѣли появиться въ нѣсколькихъ концахъ указанной територіи, то это свидѣтельствовало бы о сильной степени ихъ развитія въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ, и тогда было бы удивительно, почему онѣ не обобщились на всей ихъ територіи, которая, съ географической точки зрѣнія, довольно удобна для быстраго распространенія діалект. чертъ. Но разъ этого нѣтъ, значитъ и это новое діалектическое теченіе не такъ сильно. Какъ тогда слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что это теченіе проявилось во многихъ пунктахъ указанныхъ областей. Для того, чтобы понять это, слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, которыя при изслѣдованіи говоровъ Шумадіи, сразу бросились мнѣ, въ глаза. Шумадія, центръ молодого сербскаго королевства, не представляетъ, по отношенію къ языку и населенію, одного цѣлаго. Въ этомъ отношеніи можно констатировать нѣсколько наслоеній, которыя сильно затмили ея основу. Многія изъ нихъ сложились очень недавно, чуть-ли не въ наши дни. Если мы сравнимъ относительную древность этихъ наслоеній съ говорами, которые въ нихъ отражаются, то увидимъ, что во всей Шумадіи, занимающей область между рѣками: *Моравой*, *Колубарой*, *Савой и Дунаемъ* и горами *Рудник* и *Црни врх*, указанный діалектъ находится только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя являются самыми старинными.

1) Сравни Archiv Ягича XVI, стр. 132 и д.

Такія поселенія, которыя тоже не автохтонны, относятся, по крайней мѣрѣ, къ XVIII в., хотя многія изъ нихъ сложились и раньше этого времени. Но это здѣсь насъ не касается. Главное то, что представители этого наслоенія, которые, такимъ образомъ, являются и относительными автохтонами въ Шумадіи, говорятъ именно шумадійскимъ (кановачскимъ) говоромъ. Но такъ какъ такихъ поселеній въ теперешней Шумадіи мало, а въ теченіе прошлаго, а отчасти и позапрошлаго столѣтія, колонисты нахлынули въ Шумадію со всѣхъ сторонъ, а, въ особенности, изъ восточной Сербіи, то Шумадія утратила кановачскій типъ говора, какъ господствующій. Онъ разбитъ и разрозненъ, являясь теперь говоромъ отдѣльныхъ деревень и уступая все больше другимъ діалектическимъ типамъ, еще не вполнѣ сформировавшимся и представляющимъ смѣшеніе языка различныхъ пришлецовъ съ основнымъ, шумадійскимъ типомъ. Вотъ почему я считаю болѣе умѣстнымъ называть этотъ діалектическій типъ *шумадійскимъ*, чѣмъ кановачскимъ (соотвѣтственно выговору *као оно* = ка́но — *какъ оно* (*то*), не имѣющему ничего общаго съ другими чертами этого говора). У всего населенія старой Шумадіи есть преданіе, что оно пришло съ юга, изъ Старой Сербіи. Разборъ его чертъ, какъ увидимъ ниже, подтверждаетъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ намъ и исправить въ нѣкоторомъ отношеніи такое преданіе: колонизаторы, несомнѣнно, застали въ старой Шумадіи представителей центральнаго говора. Взаимное смѣшеніе ихъ языковъ и сдѣлало возможнымъ появленіе среди представителей центральнаго говора новыхъ діалектическихъ чертъ такого характера, какой имѣютъ черты его шумадійскаго діалектическаго типа.

Онѣ развиваются, главнымъ образомъ, какъ это указано уже у Дьорђевича, въ двухъ направленіяхъ: а) по отношенію къ ударенію и б) по отношенію къ морфологіи. И въ томъ и другомъ отношеніяхъ онѣ кажутся самобытными, хотя, на самомъ дѣлѣ, оказываются далеко не таковыми.

По отношенію къ ударенію не трудно усмотрѣть нѣкоторую связь этого говора съ левачскимъ или косовскимъ. Особенность этого говора заключается въ томъ, что *краткое восходящее удареніе во второмъ слогѣ отъ конца, когда конечный слогъ не долгій, переходитъ въ долгое восходящее*; напр.: *А́врам*, *ма́гла*, *о́тац*, *о́до*, *близи́на*, *мими́на*, *плани́на* и т. д.

Это могло бы казаться ритмическимъ явленіемъ, для котораго, быть можетъ, кто-нибудь придумалъ бы и объясненіе, но мнѣ кажется, что, если привлечь къ дѣлу косовскій діалектъ, то все это намъ представится въ совершенно другомъ свѣтѣ. Я указалъ выше, что въ косовскомъ діалектѣ перенесеніе стараго ударенія бываетъ только съ *конечнаго краткаго* слога на предшествующій, и что въ такомъ случаѣ отчасти получается (и въ краткихъ слогахъ) долгое восходящее удареніе. Если предположимъ, что при-

шельцы оттуда принесли съ собой такое явленіе, то станетъ яснымъ, отчего оно получается только тогда, когда не имѣлось долготы въ конечныхъ слогахъ, — ибо тогда въ косовско-ресавскомъ говорѣ удареніе и не переносилось, а точно такъ же, что въ данномъ случаѣ очень важно, отчего нѣтъ указаннаго удлиненія, напр., въ третьемъ слогѣ отъ конца. Такимъ образомъ, если мы положимъ въ основу этого говора (— на это, вѣдь, мы имѣемъ полное право) центральный діалектическій типъ и если согласимся, что колонизаторы съ юга принесли съ собой перенесенное удареніе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлось удлиненіе, то связь между этими явленіями будетъ несомнѣнна даже въ томъ случаѣ, если предположимъ, что указанное перенесенное удареніе само по себѣ и не было полудолгимъ. Вѣдь, нужно имѣть въ виду, что во всѣхъ другихъ случаяхъ краткое удареніе говора этихъ колонизаторовъ по мѣсту отличалось отъ ударенія туземнаго говора, и только въ этомъ случаѣ оно совпадало по мѣсту, и такъ какъ въ языкѣ туземцевъ оно могло показаться этимъ пришельцамъ болѣе долгимъ, чѣмъ ихъ собственное удареніе, то они, при безсознательномъ, конечно, воспроизведеніи его, могли начать произносить его болѣе протяжно, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Новыя морфологическія черты заключаются въ слѣдующемъ: въ мѣстоименномъ и сложномъ склоненіи въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ ед. ч. имѣется окончаніе *им* вм. *ом*, *ем*: *мо̀ӣм си̏ну*, *о̀вим чове́ку*, *у на̏шим о̀кругу*, *у је̏днӣм ду̏кату*, *на сло̀ве̄нским је̏зику* и т. д. И это явленіе, появившееся на территоріи центральнаго говора, знавшаго уже въ это время и вм. е (ѣ) во многихъ окончаніяхъ, будетъ намъ вполнѣ понятно и ясно только тогда, когда мы предположимъ косовско-ресавскую *основу* для развитія *этихъ чертъ*. Правда, можно было бы сказать, что *и* изъ формъ какъ *ваших*, *вашима*, *вашим* (род. дат. тв. мн. тв. ед.) проникло и въ формы *вашему*, *вашем* (дат. мѣст. ед.) по аналогіи множеств. числа, въ которомъ оно (*и*) имѣется въ указанныхъ падежахъ; но, хотя это и возможно, всетаки непонятно, отчего это не совершилось и въ другихъ подобныхъ говорахъ. Если же предположимъ, что новые переселенцы съ юга приносили формы съ е (ѣ), то въ ихъ говорѣ могло получиться сначала: *тех—тих*, (форма центральнаго говора), *тем — тим*, *тема — тима*; соотвѣтственно этому и въ формахъ *вашем(у)*, *мојем(у)* и т. д. получилось и *вашим*, *мојим*. Разъ *и* получилось въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоимѣній, такъ что дательный падежъ равнялся творительному, а во всѣхъ падежахъ множ. числа и у другихъ мѣст. имѣлось *и*, какъ и у тѣхъ, то и у мѣстоимѣній и прилагательныхъ, которыя въ указанныхъ падежахъ единст. числа имѣли *ом*, а въ множественномъ *и* получено и въ этихъ падежахъ: *тим*, *добрим* вм. *том*, *добром* въ дат. и мѣст. п. единств. ч. Подъ вліяніемъ тожества формъ дат. и

творит. ед. и мн. чиселъ мѣст. и прилаг. муж. рода и дат. и творит. мн. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій жен. рода (собственно въ этихъ падежахъ прил. и мѣстоим. имѣютъ всего одну форму) получилось и уравненіе формы дательн. (мѣстн.) и творительнаго падежей женскаго рода: *том жени*, *мојом сестри*, *у том кући*, *том женом*, *мојом сестром* и под. Это явленіе входитъ, правда, въ характерныя черты этого говора, но для насъ большого значенія не имѣетъ. *Шумадійскій* говоръ, такимъ образомъ, еще разъ доказываетъ, что колонизація съ юга или, скорѣе съ востока постоянно продолжалась, и еще разъ подтверждаетъ нашу гипотезу о происхожденіи и центральныхъ говоровъ. Не слѣдуетъ только думать, что я считаю этотъ діалектъ (шумадійскій) чѣмъ-то древнимъ[1]), явившимся чуть ли не подъ вліяніемъ первыхъ колонизаторовъ съ юга; напротивъ, мнѣ кажется, что онъ образовался въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ получился центральный говоръ подъ вліяніемъ новыхъ переселенцевъ оттуда. Какъ центральный говоръ былъ полученъ, благодаря встрѣчѣ, столкновенію екавско-икавскихъ говоровъ съ экавскими (замѣтимъ, что все, что̀ выше сказано объ отношеніяхъ екавскаго говора въ Сербіи къ экавскому, относится и къ икавскимъ діалектамъ), точно такъ же полученъ и шумадійскій говоръ, благодаря смѣшенію ресавско-косовскаго діалекта съ центральнымъ. Это всего лучше видно на картѣ. Какъ левачскій діалектъ окружаетъ шумадійскій съ востока и отчасти съ юга, точно такъ же съ другой стороны его окружаетъ екавско-икавскій говоръ. Такъ какъ оба этихъ говора (и косовскій и екавско-икавскій) представляютъ чистые, послѣдовательные діалектическіе типы, а шумадійско-сремскій діалектъ раздѣляетъ свои черты и съ тѣмъ и съ другимъ говоромъ, находясь на ихъ границѣ, то ясно, что онъ и появился, благодаря только ихъ смѣшенію. То же самое, только по отношенію къ косовскому и центральному говорамъ, слѣдуетъ сказать и о шумадійскомъ діалектическомъ типѣ.

Такимъ образомъ, являются двѣ полосы въ центральномъ говорѣ Сербіи: одна — крагуевачско-дунайская и другая — вальевско-савская, занимающая пространство между Савой и Дриной. По отношенію къ послѣдней замѣчаются нѣкоторыя архаическія черты, напр., сохраненіе долготы (или, по крайней мѣрѣ, полудолготы) въ конечныхъ слогахъ, слѣды икавскаго произношенія ѣ, и при томъ не только вдоль Дрины, какъ это отмѣтилъ Гиртъ въ своемъ отчетѣ[2]), что̀, впрочемъ, было извѣстно и рань-

1) Какъ, по видимому, П. Дьордьевичъ, op. cit. Черты, на основаніи которыхъ онъ думаетъ это доказать, слѣдуетъ иначе объяснять, чѣмъ онъ.

2) Vorl. Berichte der Balkan-Commission (Wien 1900), 55 sq. Теперь вышло въ свѣтъ и небольшое изслѣдованіе Гирта (*Der ikavische Dialekt im Königreich Serbien* въ Sitzungsberichte der K. K. Akad. d. Wiss. in Wien Phil. Hist. Kl. B. CXLVI), въ которомъ, немного новаго, освѣщающаго вопросъ объ употребленіи этихъ чертъ съ научной точки зрѣнія.

ше его поѣздки туда, но и на правомъ берегу Савы, въ деревняхъ, удаленныхъ отъ Бѣлграда на 2—3 часа ѣзды (Баричъ, Моштаница, Мислодьинъ и др.). Эта полоса, въ общемъ, захватила и Сремъ, хотя небольшія различія между ихъ говорами все-таки существуютъ. Остаются еще діалекты Бачки и Баната[1]). Діалекты Бачки и Баната заключаютъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ чертъ; ихъ вокализмъ очень разнообразенъ и отличается отъ вокализма всѣхъ другихъ сербскихъ діалектовъ, который представляетъ очень простые и легко опредѣлимые звуки. Какъ бы они ни были интересны, я все таки на нихъ не буду останавливаться: изслѣдованій о нихъ все еще нѣтъ, а я самъ еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, познакомиться съ ними. Несомнѣнно, что они отличаются отъ сремскаго діалекта; но есть ли въ нихъ что-нибудь такое, что̀ ихъ объединяетъ въ одно цѣлое, или нѣтъ, — объ этомъ я также ничего не могу сказать. Во всякомъ случаѣ въ нихъ тоже сказывается центральный діалектъ, хотя въ немъ остались кое-какія и старыя черты, роднящія ихъ съ косовско-ресавскимъ діалектомъ и указывающихъ на ихъ происхожденіе съ юга.

Такимъ образомъ, мы установили слѣдующіе типы центральныхъ говоровъ: *шумадійскій и сремскій.*

VI.

Зетско-боснійскіе говоры. Екавскіе говоры изслѣдованы меньше остальныхъ потому, что языкъ Вука Караджича служилъ образцомъ и какъ бы лучшимъ описаніемъ этихъ говоровъ. Только въ послѣднее время, благодаря нѣкоторымъ разногласіямъ (Маретичъ, Решетаръ), начали изслѣдовать ихъ въ ихъ совокупности, при чемъ эта работа еще далеко не закончена и не дала большихъ результатовъ. Решетаръ, правда, попытался свести всѣ екавскіе говоры въ нѣсколько группъ, соотвѣтственно ихъ ударенію (Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, 13 sqq), но я думаю, что эта его попытка преждевременна. Вѣдь, для того, чтобы различныя эпохи (полосы) развитія «сербо-хорватскаго» ударенія привести въ

1) Здѣсь я не говорю о сѣверныхъ границахъ шумадійско-сремскаго говора въ Бачкѣ и Банатѣ потому, что онѣ не являются естественными, и что я тутъ не могу ничего больше сказать, чѣмъ это показано на картѣ. Ибо я работалъ по указаніямъ, которыя даетъ *Павелъ Балогъ* въ своемъ изслѣдованіи о національностяхъ въ Венгріи, составленномъ на основаніи статистическихъ данныхъ и по графическимъ представленіямъ, которыя онъ прилагаетъ къ своей работѣ (A népfajok Magyarországon, irta Balogh Pál-mellékletekkel: ket szinezett tábla, hét térkép és tizenhárom vázlat. Budapest, kiadja a m. kir. vallás—és közoktatásügyi ministerium 1902; срав. объ этой работѣ и о неточностяхъ, которыя въ картѣ исправлены, *Лет. Мат. Српске* кн. 222, 75 и д.). На основаніи этихъ данныхъ представлено мною и сербское народонаселеніе въ *Барань*. Кромѣ того, всѣ эти данныя провѣрены и дополнены мною матеріаломъ, заключающимся въ *Шематизам источно-православне српске митрополије Карловачке за 1900 год.* приредио Протојереј *Димитрије Руварац* (Ср. Карловци 1900).

причинную или временную связь, для этого нужно, чтобы эти діалекты представляли *однородное, органическое цѣлое*. Слѣдовательно, раньше сопоставленія ударенія различныхъ говоровъ Босніи, Герцеговины и Далмаціи для установленія ихъ внутреннихъ отношеній, слѣдовало изслѣдовать представителей различныхъ говоровъ этихъ земель, какъ отдѣльныя единицы по отношенію ко всѣмъ чертамъ ихъ говора, по отношенію къ ихъ происхожденію и осѣдлости въ данной мѣстности; ибо зная, что въ западной Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи скрещивались когда-то два различныхъ сербскихъ діалекта—чакавско-икавскій и штокавско-екавскій, можно было ожидать слѣды ихъ смѣшенія въ различныхъ мѣстностяхъ этихъ территорій. *Решетаръ*, предчувствуя, быть можетъ, такого рода замѣчаніе, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія (стр. 24), что народонаселеніе сѣверной части сербской земли (около Савы), съ старымъ удареніемъ, представляетъ старое населеніе. Но не въ этомъ вопросъ. Можетъ быть, населеніе и очень старое и опять-таки не представляетъ ничего, находящагося въ органической связи съ населеніемъ, которое тамъ теперь говоритъ екавскимъ нарѣчіемъ. По отношенію къ населенію Босніи и Герцеговины онъ не задается и этимъ вопросомъ. Поэтому я сначала намѣчу границы екавскихъ говоровъ, потомъ укажу на ихъ главнѣйшія проблеммы и снова вернусь къ очень интересной и поучительной работѣ Решетара. Впрочемъ, и то, что̀ мы теперь знаемъ о черногорскихъ говорахъ и діалектическихъ границахъ ихъ — знаемъ изъ діалектическихъ замѣтокъ того же Решетара. (Ср. Vorl. Ber. der Balkan-Commission, 10 sqq., 50 sqq. и op. cit. 21 sqq.).

И въ екавскомъ діалектѣ, точно такъ же какъ и въ экавскомъ, мы должны различать два діалекта, которые, впрочемъ, такъ мало отличаются одинъ отъ другого, что едва заслуживаютъ названіе діалекта. Они представляютъ, собственно, двѣ эпохи въ развитіи этихъ діалектовъ, такъ что разница между ними ни по времени ни по діалектическимъ чертамъ не такова, какой она является въ различныхъ экавскихъ діалектахъ.

По тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя у насъ подъ руками[1]), можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать указанныя діалектическія группы.

I. Болѣе архаическая часть екавскихъ діалектовъ занимаетъ пространство, которое съ восточной стороны отдѣляетъ отъ косовскаго говора рѣка *Ибар* всѣмъ своимъ теченіемъ до *Мокрой Горы* и города *Пеħ*. Оттуда граница идетъ горой *Проклетія*, насколько между ней и Черногоріей сохранилось сербское народонаселеніе; затѣмъ она направляется къ *Скадарскому озеру* мѣстностями, прилегающими къ черногорской границѣ. На сѣ-

1) Ср. то, что о нихъ говоритъ Вукъ Караджичъ (Скупљени гр. и пол. сп. III 8 sqq.), И. Брозъ (Nast. Vjest. I 64—68), Решетаръ (l. c.), Л. Зоре (*Slovinac* 1879, 199).

верѣ она достигаетъ границы Сербіи, собственно, горъ, на ней находящихся. Западную границу не такъ легко опредѣлить. Въ Новопазарскомъ санджакѣ она, приблизительно, доходитъ до линіи, связывающей *Сјеницу* съ *Брсково-мъ* на черногорской границѣ. Въ Черногоріи эта граница проходитъ мимо *Колашина*, *Морачи*, занимаетъ *Пјешивци* и направляется къ *Никшић-у*. Оттуда мимо *Рудине* и *Грахово* спускается въ *Боку которскую* по направленію къ *Котору*. Все, что находится на востокъ отъ этой границы, принадлежитъ къ первой группѣ екавскихъ говоровъ. Ихъ всего лучше назвать *зетско-сѣничскими* или, проще, *зетскими*. Если согласимся въ томъ, что характерная черта ихъ — архаичность, то въ такомъ случаѣ самыми типичными говорами являются тѣ, которые находятся въ древней Зетѣ. Вообще, чѣмъ какой-нибудь діалектъ изъ этой группы говоровъ восточнѣе и южнѣе, тѣмъ онъ и архаичнѣе. Самыми интересными въ этомъ отношеніи являются говоры *Краины*, *Црмницы*, *Рѣчской нахіи*, *Катунской* нах. и др., находящихся на самомъ югѣ. Въ нихъ находимъ глухой гласный, который ученые описываютъ различно, находимъ *ӕ* и др. Самыя же древнія черты удареній находимъ въ плем. *Васојевићи*, одномъ изъ самыхъ восточныхъ племенъ черногорскихъ. Черта, связывающая всѣ эти говоры, — удареніе. Оно или сохраняетъ всегда свое старое мѣсто (Васојевићи) или же переносится съ конечнаго слога на предшествующій, если оно краткое. Если оно не краткое, оно никогда не переносится. Въ этомъ указанные діалекты сходятся съ діалектами косовско-ресавскими, хотя способъ,которымъ совершается указанное перенесеніе ударенія и качество перенесенныхъ удареній не совпадаетъ у нихъ вполнѣ съ тѣмъ, что̀ мы находимъ въ подобныхъ случаяхъ въ другихъ говорахъ. Тутъ замѣчается стремленіе замѣщать всѣ восходящія ударенія нисходящими, а такъ какъ всѣ восходящія ударенія по происхожденію новыя, то, значитъ, есть стремленіе всѣ новыя ударенія замѣнять старыми. Этотъ принципъ Решетаръ кладетъ въ основу дѣленія зетскихъ діалектовъ на болѣе мелкія группы. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ (*Кучи*, *Братоножићи*, *Пипери*) сохраняются оба типа удареній, въ особенности, на долгихъ слогахъ, а по отношенію къ краинскому и др. діалектамъ къ указанному принципу примѣшивается и другой, морфологическій (перенесеніе нисходящаго ударенія на случаи, въ которыхъ оно фонетически не должно было бы находиться), и такъ какъ намъ пока неизвѣстны внутреннія отношенія самихъ представителей этихъ діалектовъ однихъ къ другимъ, то мы пока должны довольствоваться констатированіемъ факта, что параллельно съ употребленіемъ глухого идетъ и указанное измѣненіе качества ударенія.

Въ группѣ діалектовъ, распространяющейся отъ плем. Васојевићи по направленію къ Сѣницѣ, мы уже не находимъ указаннаго стремленія, сказы-

вающагося въ измѣненіи качества ударенія, и уже вовсе нѣтъ глухихъ и другихъ особенностей, хотя все-таки указанное передвиженіе краткаго ударенія съ конечнаго гласнаго на предшествующій слогъ можно констатировать и тутъ.

Но всѣ эти діалекты тѣмъ не менѣе діалекты екавскіе. Эта ихъ особенность (судьба ѣ) показываетъ, что отношенія между различными діалектами Черногоріи не были всегда таковыми, каковы они теперь или какими были нѣсколько раньше. Уже и то обстоятельство, что нѣкоторыя части современной Черногоріи только съ 1878 года начали образовывать одно политическое цѣлое съ ней, а въ этихъ краяхъ Черногоріи говорятъ исключительно младшимъ екавскимъ говоромъ, показываетъ, что между различными діалектами Черногоріи долгое время могли быть и искусственныя границы, которыя также, съ своей стороны, могли способствовать тому, чтобы мѣнялись связи и сношенія между различными частями теперешней черногорской территоріи, а въ зависимости отъ нихъ — и распространеніе различныхъ діалектическихъ чертъ. Поэтому и по отношенію къ народонаселенію и распространенію старыхъ племенъ могли быть въ XIII—XV вѣкахъ другія условія, которыя сдѣлали возможнымъ распространеніе екавизма въ это время во всѣхъ этихъ діалектахъ.

Къ черногорскимъ діалектамъ очень близко примыкаютъ діалекты Боки Которской (Bocca di Cattaro). Бухта которская самая типичная и до нѣкоторой степени самостоятельная въ этомъ отношеніи, хотя и она, тѣмъ не менѣе, не представляетъ органическаго цѣлаго, ибо въ нѣкоторыхъ ея поселеніяхъ живутъ издревле католики, которые на территоріи зетско-боснійскаго діалекта по говору обыкновенно различаются отъ православныхъ. Поэтому и здѣсь одна, сѣверо-западная, часть (бухты) принадлежитъ младшему екавскому говору, другая же, юго-восточная, старшему (зетскому). Удареніе и нѣкоторыя другія особенности которскаго діалекта отличаются отъ подобныхъ особенностей сосѣднихъ екавскихъ говоровъ, такъ что его архаичность объясняли происхожденіемъ самихъ представителей бухты и ихъ болѣе или менѣе замкнутой жизнью, благодаря ихъ принадлежности къ другому вѣроисповѣданію.

Быть можетъ, это и на самомъ дѣлѣ послѣдніе остатки давно вымершихъ, первоначальныхъ жителей Боки, медленно вытѣсненныхъ и выродившихся поселянъ морского прибрежія, благодаря наплыву колонизаторовъ съ герцеговинскихъ и черногорскихъ горъ.

Ихъ удареніе старое, въ общемъ, не знающее перемѣны мѣста, такъ что Решетаръ и называетъ его самымъ древнимъ штокавскимъ удареніемъ, совпадающимъ съ чакавскимъ, и сопоставляетъ его, какъ таковое, съ удареніемъ остальныхъ штокавскихъ діалектовъ. Впрочемъ, объ этомъ см. ниже.

II. Остальная часть болѣе новыхъ, прогрессивныхъ екавскихъ говоровъ является лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ совершенно чистомъ видѣ: они очень часто смѣшиваются съ діалектами, въ которыхъ *ѣ* выговаривается, какъ *и*. Сначала я укажу границу, общую и икавскимъ и екавскимъ штокавскимъ говорамъ, потому что они часто находятся въ смѣшеніи не только на небольшомъ пространствѣ одной области, но и въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а потомъ я буду говорить объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи штокавскихъ икавскихъ говоровъ вообще.

Восточной границей екавскаго діалекта въ юго-западной части Сербіи является рѣка *Ибаръ (Ибар)* вплоть до *Краљева* (Краљево). Оттуда она идетъ хребтами горъ, отдѣляющихъ притоки *западной Моравы*, съ одной, а *Гружи*, съ другой стороны. Этимъ опредѣляется граница указаннаго говора вплоть до горы *Рудникъ*. Оттуда она поворачиваетъ на западъ и охватываетъ всю горную западную Сербію, граничащую слѣдующими горами: Сувобор, Маљен, Медведник, Влашић, Цер и Видојевица. Тутъ граница спускается къ рѣкѣ Дрину и направляется вдоль ея теченія до р. Савы[1]).

Дальше на сѣверъ слѣдуетъ опредѣлить границу этого говора въ Сремѣ и Славоніи, что не очень трудно сдѣлать, ибо она опредѣляется приблизительно ихъ политическо-административной границей. Она идетъ, опять-таки въ общихъ чертахъ, по рѣкѣ *Босуту* отъ впаденія Дрины въ Саву до гор. *Винковци* и по линіи между Винковцами и *Осѣкомъ* (Осјек). Насколько граница идетъ сѣвернѣе Дравы, это опредѣляется границами сербскаго яз. въ *Баранѣ*, находящейся между Дунаемъ и Дравой. Эту границу съ точностью опредѣлить трудно потому, что въ первоначальную, сплошную массу жителей Бараньи вошло много чужихъ (мадьярскихъ) элементовъ, разбившихъ ее на мелкія части, сохраняющія кое-гдѣ еще довольно хорошо родной языкъ. Онѣ обозначены на картѣ большими и меньшими окрашенными полями, причемъ католики не отдѣлены отъ православныхъ. Все, что ниже говорится о діалектѣ восточной части Славоніи и Босніи и Герцеговины вообще — относится и къ здѣшнему народонаселенію.

Граница идетъ дальше Дравой прямо на западъ вплоть до мѣстности, въ которой сходятся кайкавскіе говоры съ штокавскими. Эту границу проф. Решетаръ[2]) опредѣляетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ Балканской коммиссіи слѣдующимъ образомъ. Приблизительно около мѣстечка *Базья*

1) Эту границу далъ впервые Милићевић (*Кнежевина Србија* у Беогр. 1876, стр. 571). Она точна только въ общихъ чертахъ.

2) Vorl. Berichte der Balkan-Commission. IX. Vorläufiger Bericht über eine zur Erforschung der Dialectgrenzen in Kroatien und Slavonien unternommene Reise von D-r Milan Rešetar, s. 61 sqq.

(Базье) уже начинается кайкавскій діалектъ. Оттуда граница идетъ чрезъ Вировитницу, Даруваръ въ Пакрацъ. Изъ Пакраца она идетъ ломанной линіей прямо на западъ по направленію къ мѣстечку *Лоњњ* на рѣкѣ Савѣ, при чемъ во многихъ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ этой границы находятся оштокавленные кайкавцы. Граница идетъ и дальше прямо на западъ рѣкой Савой до гор. *Сисак*, а оттуда рѣкой *Купой* до *Карловаца*. Карловацъ—одна изъ послѣднихъ точекъ, въ которой штокавскій діалектъ соприкасается съ кайкавскимъ. Дальше на западъ можно говорить только о границѣ кайкавскаго и чакавскаго говоровъ, о чемъ уже была рѣчь. Территорія къ западу и сѣверу отъ обозначенной линіи въ общихъ чертахъ кайкавская, хотя есть и цѣлые уѣзды, которые теперь уже не представляютъ кайкавскаго діалекта, а штокавскій. Таковъ почти весь, напр., *беловарскій уѣздъ*, таковъ и *вараждинскій*, хотя и по отношенію къ тому и другому несомнѣнно, что штокавское народонаселеніе новое, а старымъ, основнымъ населеніемъ было кайкавское. Западная граница штокавскихъ діалектовъ опредѣляется восточной границей чакавскаго діалекта въ средней и южной Хорватіи. Діалектическая граница тутъ еще менѣе устойчива, чѣмъ по отношенію къ кайкавцамъ, но все-таки и тутъ можно въ общихъ чертахъ опредѣлить ее ломанной линіей *Карловац*, *Генералски сто*, *Тржић*, *Плашки*, *Синац*, *Лешће* и *Оењ*. Правда, и къ западу отъ этой линіи есть мѣстности, въ которыхъ живутъ штокавскіе колонисты: *Мркопаљ*, *Лич* и *Загон*, совершенно теряющіеся въ значительномъ большинствѣ остальныхъ нештокавцевъ, которые, какъ извѣстно, отнюдь не принадлежатъ къ кайкавцамъ, которые также и тутъ встрѣчаются, чакавцы.

Такимъ образомъ, терретоторія икавско-екавскаго нарѣчія или, какъ я называю, зетско-боснійскаго представляетъ ограниченное пространство. На далматинскомъ прибрежіи, прилегающемъ непосредственно къ морю, около самыхъ большихъ далматинскихъ городовъ Сплита, Шибеника и Задара на сѣверъ до подошвы горы Велебитъ, какъ мною указано выше, не мало мѣстностей (деревень), въ которыхъ говорятъ по-чакавски.

Остальная часть народонаселенія указаннаго пространства говоритъ по-*екавско-икавски*, т. е. екавски или икавски, при чемъ тутъ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что представители этого говора не представляютъ сплошной массы, говорящей то по икавски, то по екавски, а что *икавцы* всегда *католики* и *магометане*, а *екавцы* преимущественно *православные*. Преимущественно потому, что въ нѣкоторыхъ концахъ Босніи и Герцеговины и ма-

1) Ср. въ этомъ отношеніи все еще лучшее изслѣдованіе М. Решетара Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen Ягичевъ *Archiv* XIII 93 и д. 161 sq. 361 sq. Для этого вопроса ср. стр. 176 и д. и выше гл. II.

гометане-екавцы, что въ Хорватіи и католики къ востоку отъ указанной границы, а въ Славоніи около Бѣловара, говорятъ также по-екавски и под.

Поэтому указанное отношеніе различныхъ вѣроисповѣданій къ употребленію *и* или *е* вм. *ѣ* не вездѣ одинаково. Оно сказывается особенно ярко въ ниже очерченной полосѣ, которая охватываетъ часть Далмаціи, большую часть Босніи и Герцеговины и восточную половину Славоніи. Конечно, оно находится, только въ меньшихъ размѣрахъ, и въ Хорватіи, Ликѣ и Крбавѣ.

Восточная граница ея на самомъ югѣ начинается съ устья Неретвы, идетъ вверхъ по теченію этой рѣки вплоть до мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ *Трстеница*, оттуда идетъ *Трстеницей* до мѣстечка *Брзани*; потомъ, мимо горъ *Бјелашица* и *Игман* съ правой и *Витовња* съ лѣвой стороны, направляется прямо къ Сараеву. Оттуда продолжаетъ идти въ томъ же направленіи между *Романіей* (горой) съ восточной, и *Озреномъ* съ западной стороны, до рѣчки *Біоштицы*, затѣмъ ея теченіемъ до мѣстечка *Олова*. Оттуда идетъ мимо вѣтвей слѣдующихъ горъ: *Звијезда*, *Јежевац* и *Коњух* съ западной и *Височник*, *Явор* и *Яворник* съ восточной стороны. Оттуда идетъ мимо *Спречко поље*, поворачивая къ сѣверо-западу въ нижнюю Тузлу (*Доња Тузла*). Оттуда направляется также на сѣверъ и сѣв.-западъ, обходя гору *Маевицу* и *Вјетерник* до рѣки *Брки*. Теченіемъ этой рѣчки спускается въ Брку на берегу Савы.

Болѣе естественною является западная граница. Въ Далмаціи она опредѣляется теченіемъ рѣки Цетины отъ *Сињ-а* до Адріатическаго моря. Отъ Сињ-а граница пробирается сквозь Динарскія горы по направленію къ *Ливно*. Оттуда она идетъ между горами *Кругъ* и *Чинчеръ*, съ восточной, и *Гламочскимъ полемъ* и горой *Крбљина*, съ западной стороны. Потомъ она направляется къ горѣ *Круњац*, откуда поворачиваетъ на сѣверо-западъ хребтами слѣдующихъ горъ: *Витороі*, *Чардак* и *Црна Гора*. Тутъ она измѣняетъ свое направленіе, слѣдуя на сѣверо-востокъ по изгибу горъ, занимающихъ *Рибникъ* до мѣстечка *Ключъ*. Оттуда граница идетъ къ подошвѣ — съ восточной стороны — горы Грметь (Грмеħ). Потомъ направляется на сѣверо-западъ ломанной линіей, проходя, приблизительно, чрезъ слѣдующія мѣстности: *Саницу*, *Іелашиновци*, *Дабар*, *Напреље* до горы *Црквина*. Оттуда идетъ, мимо горы Майданъ, верхнимъ и среднимъ теченіемъ р. Япры и переходитъ оттуда къ городу *Нови*. Изъ г. *Нови* идетъ *Уной* до мѣста, гдѣ она впадаетъ въ *Купу*.

На территоріи, приблизительно отмѣченной выше, можно въ дѣйствительности усмотрѣть указанное различіе: православные — екавцы, остальные — икавцы. Къ востоку отъ этой территоріи въ Босніи

и Герцеговинѣ всѣ — екавцы [1]), къ западу же — преимущественно икавцы.

По отношенію къ Славоніи несомнѣнно то, что и тамъ католики — главнымъ образомъ икавцы, а православные — екавцы. Это же самое относится и къ той части Хорватіи, которая находится между западной политической границей Босніи и указанной линіей, отдѣляющей чакавцевъ отъ штокавцевъ. Такъ какъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, я не могъ графически хорошо представить на картѣ, гдѣ здѣсь и въ указанной полосѣ Босніи и Герцеговинѣ находятся православные, то для того, чтобы дать хотя-бы самое общее представленіе объ ихъ численномъ отношеніи, приведу по *окружьямъ* [2]) статистическія данныя, на которыя, въ общемъ, можно положиться. Въ 1895 году въ Босніи и Герцеговинѣ было всего 673,246 православныхъ, 548,632 магометанъ и 334,142 католиковъ. Всѣ главныя боснійско-герцеговинскія окружья занимаютъ различныя части указанной полосы, такъ что большинство католиковъ и магометанъ и помѣщается тутъ. Получаются слѣдующія процентныя отношенія: въ *сараевскомъ* окружьѣ: 49.09% магом., 31.96% прав., 16.70 католиковъ; въ *баньялучскомъ*: 22.16% — 59.79% — 18.06%; въ *бихачскомъ*: 42.62% — 52.72% — 4.54%; въ *доньотузланскомъ*: 43.39% — 42.02% — 13.68%; въ *травничскомъ*: 29.14% — 32.68% — 37.71%; въ *мостарскомъ*: 25.57% — 34.12% — 40.18% (ср. op. cit. стр. XXVI—XXVIII). По отношенію къ Славоніи, Бараньѣ, Ликѣ, Крбавѣ, Приморью и Хорватской краинѣ у насъ имѣются еще менѣе точныя свѣдѣнія. Намъ придется довольствоваться здѣсь тѣмъ опредѣленіемъ, которое даютъ оффиціальныя данныя хорватской статистики. Конечно, онѣ далеко не всегда точны. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что жупаніи въ Славоніи не совпадаютъ съ той границей, которую мы отвели штокавскому діалекту въ Славоніи. Въ Бараньѣ 12,739 сербовъ (немного больше хорватовъ), въ *вировитничской*

---

1) Правда, по замѣчаніямъ Д. Шурмина о герцеговинскихъ говорахъ (Nast. Vjestnik III 164 sqq.), казалось бы, что и на востокъ отъ указанной границы кое-гдѣ говорятъ поикавски (отъ *Фочи* до *Гацкаю поля* и т. д.), но его матеріалъ не надеженъ, ибо онъ изслѣдовалъ только народныя произведенія, нпр. пѣсни, сказки, и т. подобн. Кромѣ того, наличность *и* вм. *ѣ* констатирована и въ предѣлахъ нынѣшней Сербіи, а именно, въ непосредственной близости съ екавскимъ діалектомъ, на правомъ берегу Дрины, въ деревняхъ около Любовіи (ср. *Миличевича* Кнежевина Србија 571 стр.). Гиртъ, который было задался спеціальной цѣлью изслѣдовать икавизмъ западной Сербіи, понялъ свою задачу (какъ это видно по его отчету V. B. III и указанному труду) слишкомъ узко, такъ что и послѣ его работы это явленіе остается невыясненнымъ. Мнѣ извѣстно, что остатки отъ икавизма доходятъ, въ особенности вдоль Савы, до р. Колубары. Пока трудно сказать объ этомъ что-нибудь болѣе достовѣрное. Ср. выше.

2) Для Босніи и Герцеговины я воспользовался данными *Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22 Априла* 1895 г. Сарајево 1896, для остальныхъ областей *Ungarisches statistisches Jahrbuch*. Neue Folge IX 1901. Budapest 1902.

жупаніи 39,978 сербовъ и 106,241 хорватовъ, при чемъ тутъ, кромѣ кайкавцевъ, къ хорватамъ причислены и всѣ икавцы (католики); въ *бѣловарской* жупаніи отмѣчено 44,154 серба, а въ *вараждинской*—только 2,219. Въ *Ликѣ* и *Крбавѣ*, въ болѣе широкомъ смыслѣ ихъ географическихъ названій, отмѣчено 107,173 серба и 100,648 хорватовъ, но тутъ включены и икавцы-штокавцы католики и икавцы-чакавцы, которыхъ тутъ также немало. Если эти цифры и не даютъ настоящаго представленія о размѣщеніи указанныхъ разновидностей екавско-икавскаго діалекта, онѣ все-таки даютъ намъ хоть нѣкоторое представленіе о численности екавскаго говора въ указанныхъ странахъ и его отношеніи къ икавскому штокавскому говору.

Первый вопросъ, который можетъ представиться при разсмотрѣніи этихъ діалектовъ, это именно вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти діалекты другъ къ другу; два ли это различныхъ діалекта или двѣ разновидности одного и того же говора? Какимъ образомъ сложилось такое, на первый взглядъ, искусственное различіе между близкими представителями, несомнѣнно, одной національности, еще болѣе искусственно связанное съ различными вѣроисповѣданіями? Несомнѣнно, что эти вѣроисповѣданія не создали его, а что ихъ связь съ нимъ не случайная — это также внѣ всякаго сомнѣнія.

Обыкновенно разница между икавскимъ и екавскимъ діалектомъ въ Босніи и Герцеговинѣ обозначается очень поверхностно[1]), общими замѣчаніями о томъ, гдѣ ставится вм. *ѣ*—*и*. Кажется, что большинство болѣе или менѣе серьезныхъ изслѣдователей считаетъ эти діалекты собственно видоизмѣненіями одного и того же говора. Даже и такой изслѣдователь сербскихъ діалектовъ, какъ Решетаръ въ введеніи[2]) къ изложенію акцентологическихъ особенностей юго-западныхъ сербско-хорватскихъ діалектовъ не считается съ вопросами о внутреннемъ взаимоотношеніи ихъ. На основаніи того, что онъ приводитъ ихъ въ причинную связь, кажется, будто онъ считаетъ ихъ однородными[3]). Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ онъ задавался цѣлью разобрать вопросы о нихъ и посвятилъ имъ цѣлую главу въ своемъ изслѣдованіи о чакавскомъ діалектѣ[4]). Оспаривая мнѣнія Миклошича (Vergl. Gram. I² 392) и Вука о томъ, что штокавцы-икавцы — оштокавленные чакавцы, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. «По моему, рискованно считать всѣхъ икавцевъ оштокавленными чакавцами;

1) Ср., напримѣръ, обозначеніе разницы между говорами магометанъ и православныхъ у Шурмина по отношенію къ сараевскому говору. Rad. CXXI 186 и д.

2) Op. cit. 1—40.

3) Такой взглядъ имъ отчасти уже былъ высказанъ. Arch. XIII 164.

4) Archiv XIII 161 и д., въ особенности, 164 и 165.

тѣмъ не менѣе мнѣ хочется выставить, хотя бы пока въ видѣ предположенія, положенія, что изъ штокавцевъ только тѣ икавцы были когда-то чакавцами, которые употребляютъ въ своемъ языкѣ вм. *št* — *šć*. Къ такому заключенію привело меня то обстоятельство, что, насколько мнѣ извѣстно, только такіе штокавцы употребляютъ *šć*, которые живутъ въ тѣхъ краяхъ, относительно которыхъ можно съ вѣроятностью сказать или и доказать, что въ нихъ когда-то говорили по-чакавски, и, наконецъ, тотъ фактъ, что изо всѣхъ чакавскихъ особенностей *šć* послѣднею уступаетъ свое мѣсто чертамъ штокавскаго діалекта (op. cit. 165)».

Врядъ ли можно здѣсь согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ сербскихъ діалектовъ, и врядъ ли такого рода взглядъ на діалектъ, напримѣръ, между *Цетиной* и *Неретвой* (о немъ тутъ и идетъ рѣчь) можетъ доказывать что бы то ни было по отношенію къ діалектамъ между нижнимъ теченіемъ рѣкъ *Босны* и *Врбаса*. Напротивъ, онъ могъ бы свидѣтельствовать лишь о томъ, что и между р.р. Босной и Врбасомъ былъ когда-то чакавскій діалектъ! Ибо, если мы согласимся съ тѣмъ, что чакавскій діалектъ и въ собственно чакавскихъ краяхъ настолько поддался вліянію штокавскаго, что утратилъ всѣ свои старыя особенности, за исключеніемъ и=ѣ и *šć* вм. št, то съ несомнѣнно большей увѣренностью можемъ мы утверждать это и относительно тѣхъ діалектовъ, которые, правда, утратили и столь характерное *šć*, но которые искони находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ штокавскими говорами и, быть можетъ, находятся и теперь не на своемъ старомъ мѣстѣ.

Повидимому, такими оговорками ничего доказать невозможно, и правильнаго рѣшенія вопроса мы не добьемся, пока кто-нибудь не изслѣдуетъ эти діалекты въ ихъ совокупности, отмѣчая внимательно положительно всѣ ихъ черты.

Но, какъ бы мы ни смотрѣли на историческое прошлое этихъ діалектовъ, теперь уже можно установить слѣдующія два положенія:

1. ***Икавскіе діалекты указанной полосы представляютъ теперь штокавскіе діалекты, съ главнымъ, хотя и не единственнымъ отличіемъ отъ нихъ въ видѣ замѣны ѣ посредствомъ и.*** Когда я такъ говорю, то имѣю въ виду не только замѣну чакавскаго *ча* или *j* посредствомъ *што* или *ђ* или замѣну столь устойчиваго *šć* посредствомъ *št*, но и параллельное развитіе чертъ склоненія и спряженія екавскихъ и икавскихъ говоровъ. Вѣдь извѣстно, что чакавскіе діалекты отличаются, помимо всего другого, и очень архаичными чертами склоненія и спряженія, которыя въ другихъ діалектахъ или вовсе не сохранились или сохранились въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, совпаденіе фонетическихъ чертъ этихъ діалектовъ съ подобными особенностями штокавскихъ говоровъ, положительно одинаковое направле-

ніе чертъ флексіи у обѣихъ діалектическихъ группъ, *въ большинствѣ случаевъ тождественное удареніе* — все это дѣлаетъ иллюзорнымъ всякій иной взглядъ на эти діалекты, кромѣ того, по которому они — діалекты одного діалектическаго типа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ утаить и другую сторону этихъ, въ высшей степени, интересныхъ діалектовъ, которая могла бы отчасти говорить противъ такого утвержденія, но значеніе которой заключается еще больше въ томъ, что она вскрываетъ передъ нами совершенно другія отношенія указанныхъ діалектовъ въ прошломъ.

2. *Всѣ икавскіе діалекты не совпадаютъ между собой вполнѣ.* Между ними можно установить цѣлую цѣпь переходныхъ ступеней, изъ которыхъ каждая отличается отъ другой или лучшимъ сохраненіемъ или утратой хотя бы и самыхъ незначительныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ чертъ, приводящихъ всѣ эти діалекты, *гдѣ-то далеко въ древности*, въ связь съ чакавскими діалектами, и *при томъ не островными, а материковыми* (ср. выше).

Всѣ должны согласиться въ томъ, что, гдѣ бы ни находились и теперь икавскіе діалекты, они все-же представляютъ нѣкоторыя отступленія отъ смежныхъ съ ними екавскихъ говоровъ. И почти всѣ эти отступленія не что иное, какъ чакавизмы. Я не спорю, что эти отступленія часто очень незначительны, но тѣмъ не менѣе они интересны для насъ, ибо напоминаютъ намъ каждый разъ чакавскій діалектъ. Поэтому въ различныхъ мѣстныхъ діалектахъ можно усмотрѣть различную степень сплоченія стараго икавскаго-чакавскаго діалекта съ штокавскимъ. Разъ это можно утверждать по отношенію къ различнымъ чертамъ фонетики (ср. ниже), то это относится и къ ударенію. Слѣдовательно, если въ какомъ-нибудь икавскомъ діалектѣ, рядомъ съ многими штокавскими чертами, сохранилось старое неперенесенное удареніе, то это еще никоимъ образомъ не значитъ, что это удареніе штокавское; ибо только въ томъ случаѣ, если намъ удастся указать на тотъ штокавскій-екавскій діалектъ, который могъ повліять въ такомъ направленіи на данный икавскій, и можно будетъ считать это удареніе равносильнымъ съ тѣмъ, которое находимъ въ настоящихъ туземныхъ екавскихъ діалектахъ, и приводить новое удареніе штокавскихъ говоровъ въ непосредственную связь съ этимъ удареніемъ, какъ старымъ штокавскимъ. Соотвѣтственно этому, я и думаю, что Решетаръ былъ не правъ, когда устанавливалъ различныя полосы (зоны) штокавскихъ удареній, пользуясь матеріаломъ и икавскихъ боснійско-герцеговинскихъ діалектовъ. Онъ имѣлъ право на это развѣ только внѣшнимъ образомъ, поскольку эти діалекты теперь на самомъ дѣлѣ діалекты штокавскіе; но на основаніи ихъ внутреннихъ отношеній, которыми ему единственно и слѣдовало руководствоваться, онъ этого дѣлать не могъ. Конечно, и такой фактъ слѣдовало констатировать, и мы ему благодарны за это; но такой матеріалъ показы-

ваетъ только, какъ слабо было вліяніе въ этомъ отношеніи штокавскихъ говоровъ на нѣкоторые икавскіе говоры, или, лучше, какъ иногда икавскій діалектъ рѣшительно отстаивалъ свои старыя черты. Детальное же изученіе происхожденія представителей такихъ говоровъ могло бы выяснить и причины такихъ явленій, могло бы показать, созданы ли такія отношенія между ними новыми переселеніями, или же они болѣе стары.

Остатки, о которыхъ я говорилъ, иногда ничтожны. Но разъ относительно ихъ можно констатировать, что они — чакавскаго происхожденія, отчего тогда, спрашиваю я, не сказать то же самое и объ *и*=*ѣ*, которое всегда сопровождается такими чертами; отчего не сознаться, что оно, чакавское *и*, *искусственно* сохранилось до настоящаго времени въ говорѣ, который теперь является уже вполнѣ штокавскимъ-икавскимъ.

Вопросъ теперь, какъ создалась такая искусственная связь. Этотъ вопросъ сопряженъ съ многими другими: о колонизаціи этой территоріи, о различныхъ передвиженіяхъ, частичныхъ и массовыхъ, о туземномъ народонаселеніи и под. Я укажу только на нѣкоторые моменты, которые мнѣ кажутся самыми важными и нуждающимися больше другихъ въ изслѣдованіи, о которыхъ отчасти была рѣчь въ самомъ началѣ этой статьи.

Восточная граница, которую мы выше отмѣтили, не представляетъ, повидимому, границы распространенія сербовъ-магометанъ съ самыхъ начальныхъ временъ. Скорѣе можно по всему, что̀ намъ извѣстно объ историческомъ прошломъ жителей этой страны, утверждать, что западная граница икавскаго діалекта передвинулась къ востоку, а что екавцы къ востоку отъ восточной границы икавцевъ и вообще между ихъ границами заняли въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ территорію къ западу отъ указанной западной границы. Это совершилось, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, сложившимся въ это время въ Босніи и Герцеговинѣ: сербы-магометане занимали все большую и большую территорію, находившуюся въ рукахъ турокъ, ибо они жили, какъ вѣрноподданные солдаты, на особыхъ правахъ, между тѣмъ какъ православные (т. е. остающіеся таковыми), становясь извѣстнаго рода крѣпостными, выселялись изъ своихъ родныхъ мѣстъ за предѣлы турецкаго господства. Такимъ образомъ, они заселяли *Славонію*, *Крбаву*, *Лику* и другія области, занимая отчасти и мѣстности, совершенно опустѣвшія, благодаря турецкимъ нашествіямъ [1]). Слѣдовательно, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, *сербы-магометане* распро-

---

1) Мѣстность за Уной въ то время въ администрат. языкѣ, точно также какъ и Банія, (мѣстность между Уной и Купой) назывались пустынями. О турецкихъ опустошеніяхъ въ этихъ краяхъ и переселеніяхъ мѣстныхъ жителей ср. М. Грбић Карловачко владичанство I кн. 1891. Г. Карловац; Tade Smičiklas Dvijestagodišńica oslobodeńa Slavonije 1901. Zagreb; R. Lopašić Spomenici hrvatske krajine. I—III Zagreb. 1884—1889.

странялись все больше въ глубь страны, православные же и католики занимали периферію ея. Такимъ образомъ сложились тѣ географическія отношенія, которыя можно теперь констатировать; хотя въ это время различіе въ употребленіи различныхъ звуковъ вмѣсто ѣ уже существовало у сербовъ-магометанъ, однако этимъ нисколько не предрѣшается вопросъ о немъ, являющійся для насъ самымъ важнымъ.

Условія, сюда относящіяся, повидимому, слѣдуетъ себѣ представить слѣдующимъ образомъ. Раньше турецкаго погрома отношеніе между представителями различныхъ діалектовъ было иное, чѣмъ позже, послѣ этого погрома. Несомнѣнно однако, что въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ старой Зетѣ и Рашкѣ, самостоятельнымъ сербскимъ государствамъ, населеніе было православнымъ, на западѣ же, въ областяхъ, прилегающихъ къ католической Хорватіи и на югѣ — къ Далмаціи — католическимъ. Совершенно случайно, что соотвѣтственно этому размѣстились и діалектическіе центры — екавскій на востокѣ и чакавско-икавскій на западѣ и юго-западѣ. Такимъ образомъ, уже первоначальное народонаселеніе Босніи и Герцеговины было католическо-икавское (чакавское) и православно-екавское. Третья часть народонаселенія боснійско-герцеговинскаго была богомильскою; но какова была роль богомильскаго вѣроисповѣданія въ распространеніи того или другого діалекта, трудно сказать, потому что это зависитъ отъ отношенія, въ которомъ представители этого вѣроисповѣданія находились къ остальнымъ двумъ вѣроисповѣданіямъ, — отъ того, въ какое изъ нихъ они съ теченіемъ времени больше обращались. А этотъ вопросъ историки не только не разрѣшили: по отношенію къ нему какъ разъ существуютъ большія разногласія. Поэтому пока я не буду съ ними считаться, имѣя все-таки въ виду, что богомилы могли увеличить число тѣхъ или другихъ.

Кромѣ того, я не говорю о населеніи серединной Босніи и Герцеговины. Я не говорю о немъ только потому, что я не желаю вносить въ свою гипотезу то, что̀ мнѣ кажется мало надежнымъ.

Но это не значитъ еще, что всѣ католики Босніи были икавцами. Напротивъ, я думаю, что значительная часть ихъ, жившая не на западѣ Босніи, говорила по *штокавски*, и это не только въ Босніи, но и въ Герцеговинѣ, а отчасти и въ Далмаціи. Въ Далмаціи и теперь къ югу отъ Неретвы католики не икавцы. Вѣдь, и весь Дубровникъ таковъ! Такіе католики-штокавцы находились, несомнѣнно, восточнѣе указанныхъ католиковъ-чакавцевъ; но сколько ихъ было, это очень трудно сказать. Къ указанному предположенію приводитъ меня и то обстоятельство, что икавскіе діалекты стали очень рано штокавскими, еще въ то время, когда чакавскій діалектъ еще очень немногимъ отличался отъ штокавскаго; а для того, чтобы предположеніе о быстромъ все-таки сплоченіи *икавцевъ*-

католиковъ и сосѣднихъ *штокавцевъ* было вѣроятнымъ, слѣдуетъ предположить, что и католики могли быть штокавцами. Ибо разъ мы видимъ, что религія и теперь еще раздѣляетъ жителей Босны, что все еще между однородными уже теперь жителями не сглажена разница въ употребленіи замѣстителей ѣ, то тѣмъ больше можно предположить для того стараго времени, что такіе католики очень скоро примкнули къ остальной массѣ ихъ, внесши въ ихъ діалектъ свои штокавскія черты, и принявши отъ нихъ икавизмъ. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ Босніи создался и сохранился штокавскій икавскій діалектъ. Изъ такого смѣшенія указанныхъ діалектовъ вышелъ діалектъ, который, имѣя черты штокавскихъ говоровъ, сохранилъ нѣкоторыя черты, связывающія его съ чакавскими діалектами, а именно, икавизмъ. Это было или, по крайней мѣрѣ, должно была казаться католикамъ-штокавцамъ чертой, которая ихъ и внѣшнимъ образомъ отдѣляла отъ православныхъ, съ которыми они все-таки приходили въ соприкосновеніе. Они это, конечно, чувствовали какъ бы инстинктивно, принимали эту черту и позже сохраняли ее вмѣстѣ съ своей религіей. Съ теченіемъ времени то, что сначала было только, быть можетъ, смутнымъ, неопредѣленно сознаемымъ фактомъ, стало какъ бы внѣшнимъ признакомъ, какимъ-то знаменемъ извѣстнаго рода религіозной національности, «католической національности» въ западной Босніи и Герцеговинѣ. Оно оттуда распространялось и дальше, не только въ Босніи, но вездѣ, куда переселялись представители этой новой національности. Въ извѣстное время своего развитія икавцы занимали не только западную, но и серединную, отчасти и восточную Боснію (Ср. указанныя мѣстности).

Другая случайность въ развитіи этихъ діалектовъ та, что туркамъ удалось обратить въ магометанство преимущественно жителей западной половины Босніи и Герцеговины. О причинахъ этого, равно и о томъ, почему этого не случилось съ жителями восточной половины этихъ земель, я здѣсь говорить не могу, предоставляя это историкамъ; но могу замѣтить, что это дало въ результатѣ тотъ фактъ, что главная масса сербовъ-магометанъ стала икавской. Такимъ образомъ, я думаю, можно объяснить три явленія въ развитіи этихъ нашихъ діалектовъ:

1) Отчего только католики и магометане икавцы?

2) Откуда въ икавскомъ діалектѣ очень старые штокавскіе элементы и утрата чакавизмовъ, за исключеніемъ икавизма и еще нѣкоторыхъ другихъ чертъ чак. говора? и, наконецъ,

3) Почему разница между икавскими и екавскими діалектами такъ сильно и такъ цѣпко удерживается до настоящаго времени?

Детальное изученіе этихъ діалектовъ, быть можетъ, дастъ иное освѣщеніе тому или другому факту, но, думаю, врядъ ли заставитъ насъ измѣ-

нить основной взглядъ на эти діалекты. Вмѣсто изначальныхъ католиковъ-штокавцевъ, которыхъ мы выше предположили, быть можетъ, можно будетъ доказать фактъ предварительнаго существованія и православныхъ штокавцевъ, только потомъ, при смѣшеніи съ икавскими жителями, обратившихся въ католиковъ; такія и под. представленія, все-таки, не измѣняютъ главнаго нашего положенія. Я не буду больше останавливаться на различныхъ сторонахъ и условіяхъ указаннаго процесса — это увлекло бы меня слишкомъ далеко отъ моей темы — и вернусь ко второму положенію, замѣтивъ еще только, что икавцы, о которыхъ мы говорили, конечно, отчасти населяли всю сѣверную Боснію и даже часть Сербіи, приходя и тутъ въ столкновеніе съ православн. екав. населеніемъ. Въ массѣ православныхъ жителей Сербіи они утратили свое католичество, если только они первоначально принадлежали къ ему, и сплотились съ сербскимъ народонаселеніемъ и въ языкѣ, оставивши слѣды, напоминающіе ихъ старую родину и, быть можетъ, вѣроисповѣданіе, въ икавскихъ примѣтахъ, разсѣянныхъ по западной Сербіи[1]).

Я сказалъ выше, что въ каждомъ икавскомъ говорѣ, помимо самого икавизма, есть черты, хотя бы и самыя незначительныя, наприм. въ морфологіи или лексикѣ, напоминающія намъ чакавскіе діалекты. Но это нисколько не рѣшаетъ вопроса, какъ эти чакавскія особенности проникли въ эти діалекты. На основаніи одного этого нельзя еще утверждать, что основу этихъ діалектовъ образовали чакавскіе говоры, и что это — остатки, быть можетъ, послѣдніе, того діалекта, который, послѣ сплоченія указанныхъ двухъ діалектовъ, разошелся по штокавскимъ икавскимъ говорамъ. Сколько въ этомъ смѣшеніи дѣйствовалъ штокавскій діалектъ, сколько икавскій, сколько было первоначально представителей одного діалекта, сколько другого, — обо всемъ этомъ невозможно ничего положительнаго сказать; тотъ фактъ, что все-таки штокавскій элементъ восторжествовалъ въ икавскомъ говорѣ, позволяетъ намъ думать, что все-же штокавцевъ было больше, чѣмъ чакавцевъ.

Такія обстоятельства, сложившіяся при постепенномъ, естественномъ смѣшеніи указанныхъ діалектовъ, бывали нарушаемы новыми выходцами изъ Далмаціи и Хорватіи, гдѣ уже, несомнѣнно, родина чакавскаго-икавскаго діалекта, такъ что многія свѣжія чакавскія черты въ старыхъ отчасти икавскихъ діалектахъ получались снова. Мнѣ самому пришлось констатировать въ сѣверной Босніи свѣжія икавскія поселенія изъ Далмаціи. Что и на территоріи икавскаго діалекта были различныя «икавскія» передвиженія — это несомнѣнно; поэтому для вполнѣ удовлетвори-

1) Ср. выше.

тельнаго изслѣдованія указанныхъ діалектовъ и *различныхъ штокавскихъ и чакавскихъ наслоеній*, отражающихся въ нихъ, слѣдуетъ точно установить всѣ моменты, повліявшіе на нихъ въ различныхъ направленіяхъ.

Для того, чтобы доказать указанное положеніе объ икавскихъ діалектахъ, приведу нѣсколько примѣровъ, отмѣченныхъ мною въ икавскихъ діалектахъ Герцеговины и средней и сѣверной Босніи. Икавскія формы я не буду отмѣчать потому, что онѣ сами по себѣ въ этомъ случаѣ не характерны.

Напримѣръ, въ діалектѣ города *Любушки* въ западной Герцеговинѣ находимъ, помимо примѣровъ, приводящихъ эти діалекты въ связь съ штокавскими, еще и слѣдующіе: *же̏ја* (жажда); *Ју̀бушкӣ* (= *Љубушки*), *зѐмја*, *зѐмјē*, *ју́дӣ* (љу́ди), *ко̏јē* (*коље*); *наре́сле*, *одре́сле*, *гре̏бје*; *ја̑мӣ*, *ја̑мља̄* (ꙗти, — ъмж: *јамити*: *јамљати*); *нѐдељо̄н* (instrum.), *сѐбо̄н*; (instr.), *ро̏дја̄ка* (родиjака); *по̏чмē*; *ч́у̑вј*, *ч́е̂сто*, *ч́о̂че* и под.; *о̀тека* (= отекао), *ѝша*, *о̀тиша*, *ѝзаша*, *ре̏ка̄*, *до̀ша̄*, *да̑*, *про̀па̄*, *о̑ја*, *пи̏ја*[1]) и под.

Въ *Езерѣ* (Іезеро) около Яйца: (магомет.): *по̑јдеш*, *до̑јдē*, *до̑јдоше*; *ју̑рјев* да̑н; *ѝспашишће*, *пу̑шћа̄ј*; *јѐдно̄ч*, *воза́ча*; *у млини* (loc.); *би̏ја* и под.

Въ *Яйцѣ*: *по̑јдē* (маг.), *про́јде* (маг.), *на́јди га* (маг.), *до́јде* (кат.); *ч́ла́н* (маг.), *нѐчисто* (маг.), *у̏теће* (кат.), *могу̀чан* (кат.), *сри̏ча* (маг. кат.), *ч́и̏сто* (кат.); *но̀мишћена*, *пу́шћало* (кат.); *гре̏бнē* (кат.), *пома̏кнē* (кат.) и др.

1) Хотя и въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ подобныя participia, напр. въ черногорскихъ діалектахъ или въ діалектахъ юго-восточной Сербіи, однако я ихъ здѣсь считаю характерными для чакавскихъ діалектовъ. Эти, на первый взглядъ, очень сходныя образованія произошли въ различныхъ концахъ сербской территоріи различнымъ способомъ и вполнѣ независимо другъ отъ друга. Тутъ я остановлюсь только на тѣхъ, которыя насъ интересуютъ. Я отмѣтилъ такія формы и въ Шибеникѣ, напр. *би̏ја*, *но̀сија*, а точно такъ же и на остр. *Мортерѣ*, прилегающемъ къ Шибеничской набережной, напр. *одне̏ја*, *да̏ја*, *доша̏ја*, *има̑*, *ваља̏ја*, *оста̏вија*, *ре̏кај*, *ће̏а*, *мога̄ би на́ћи*, *бија̏*, *желе̏ а би*, *ре̏ка̄* и под. Это явленіе въ Шибеникѣ не ново. Оно находится въ далмат. памятникахъ XV в. Ср. примѣры у Решетара, Rad. CXXXVI 106—107.

Эти діалекты (въ Любушки) сохранили болѣе старую ступень развитія этого процесса. Если имѣть въ виду то явленіе мѣстныхъ чакавскихъ говоровъ, что *l* въ концѣ словъ исчезаетъ съ удлиненіемъ предшествующаго ему слога, то получится слѣдующее: *dal* 7 да̑, *ви̏del* 7 ви̏дē и под., только въ такихъ случаяхъ, какъ *могl*, получалось *мога* съ краткимъ или долгимъ *a* соотвѣтственно тому, что̀ непосредственно предшествовало исчезновенію конечнаго *l*: *могl* или *могаl*. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ получилось чередованіе слѣдующихъ окончаній въ указанныхъ причастіяхъ: ӑ или ā: *la*: *lo*. Когда начали сознательно употреблять гласн. ӑ̄, какъ окончаніе для причастій мужескаго рода въ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно чередовалось съ окончаніемъ *ла*, *ло* для жен. и ср. рода, то и обратно, тамъ, гдѣ не было специфическаго окончанія для мужскаго рода, а въ формахъ остальныхъ родовъ имѣлись окончанія *ла*, *ло*, могло начаться употребляться окончаніе *a* для муж. рода, не смотря на то, что предшествующая ему основа могла кончаться гласной. Поэтому соотвѣтственно *била*: *било*, *носила*: *носило*, *видила*: *видило*, могло получиться и **би̏ а*, **носи̏ а*, **види̏ а* и др., что давало въ результатѣ *би̏ја* etc. Разъ получилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ја*, оно начало переноситься и въ формы глаголовъ на *a*, какъ *даја* и под. Это окончаніе употребляется и въ нѣкоторыхъ діалектахъ хорватской «границы». И тутъ оно, по всей вѣроятности, получено изъ окрестныхъ икавскихъ діалектовъ.

Въ *Врбанѣ* (около *Бања-Луки*): *кӯћūшћа* (маг.), *дōјдēм* (маг.); *испрūча* (маг.), *ћуо* (маг.); грêбље (маг.), *дūвјū* (маг.), *ӯмр̄* (= *умро*) (маг.); *кад би ја научити* (маг.) и под.

Само собой разумѣется, что и въ екавскихъ діалектахъ, смежныхъ съ икавскимъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ между ними, не мало чертъ собственно икавско-штокавскихъ, напр., въ *Кола-хъ* около гор. *Бања-Лука* (гдѣ православные) находимъ *дōјђēм*, *пӯшћāјте да*, 100 *крӯнū*, *објати*, *двисте* и под., или въ *Грбавицѣ* около *Яйца*: *пȉвāј*, *дōјдē* и под. Иногда даже трудно сказать, какою слѣдуетъ считать какую-нибудь черту: икавскою или екавскою. Наприм., въ дат. мн. ч. находимъ иногда *ом*, *тежáком* въ *Колахъ*, что, впрочемъ, встрѣчается и въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ и считается обыкновенно архаизмомъ, застрявшимъ въ нихъ; но мнѣ кажется, что это не вѣрно, а что эти формы представляютъ архаизмы нашихъ икавскихъ штокавскихъ діалектовъ, несмотря на то, что онѣ встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ. Ибо, разъ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ формы съ замѣной *ѣ* посредствомъ *и* могутъ чередоваться съ тѣми, въ которыхъ находимъ *ије*, соотвѣтственно числу слоговъ, то тѣмъ болѣе и легче можно понять указанныя уединенныя формы, если особенно имѣть въ виду то обстоятельство, что народныя пѣсни поются икавцами, равно какъ и екавцами.

Что касается самого екавскаго діалекта, какъ таковового, то, несомнѣнно, въ немъ уже можно отмѣтить и стремленіе къ раздробленію на болѣе мелкія единицы; но благодаря тому, что онѣ еще очень мало изслѣдованы, трудно сказать что-нибудь положительное. Пока можно только замѣтить, что самымъ прогрессивнымъ екавскимъ діалектомъ является екавскій говоръ восточной Герцеговины и части западной Черногоріи (ср. выше). Въ немъ заключается новѣйшій фазисъ екавскихъ говоровъ: появленіе окончанія *ма* въ мѣстномъ падежѣ, утрата или склонность къ утратѣ всѣхъ конечныхъ долготъ, переходъ cons. + ј отъ ѣ (ie) въ палатальный согласный и т. д. Этотъ фазисъ его развитія отражается отчасти — но не вполнѣ — и въ дубровницкомъ говорѣ, екавскомъ говорѣ Сербіи и восточной Босніи. Въ екавскихъ говорахъ западной Босніи всего этого не находимъ, напр., тамъ встрѣчается еще мѣстный падежъ на *ѣ* (*х*), *и* (*х*) и под.

Наконецъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о дубровницкомъ говорѣ. О немъ много толковали, но серьезными работами въ этомъ отношеніи являются только работы Будмани [1]) и Решетара [2]). Положеніе, которое

1) Dubrovački dijalekat, kako se sada govori. Rad LXV. 155 sqq.

2) Die ragusanischen Urkunden des XIII—XV Jahrhunderts. Archiv XVI—XVII. О соврем. удареніи въ Дубровн. говорѣ ср. у Решетара Die Betonung etc. 40 и д.; объ удареніи и другихъ его особенностяхъ срав. Будмани Grammatica della lingua serbo-croata. Вѣна. 1867.

занимаетъ этотъ діалектъ по отношенію къ остальнымъ, далеко не самостоятельно. О немъ можно сказать, что онъ пережилъ всѣ эпохи развитія екавскихъ діалектовъ, развивая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свои черты (по отношенію къ *ѣ*, къ ударенію, долготѣ). Значитъ, отношеніе дубровницкаго говора къ герцеговинскому тѣмъ отличается отъ діалекта, представляющаго часть одного цѣлаго съ нимъ, что дубровницкій діалектъ испытывалъ на себѣ вліяніе герцеговинскаго діалекта, но, обратно, съ своей стороны, не вліялъ на него. Это можно объяснить происхожденіемъ славянскаго Дубровника. Романская Рагуза обратилась въ Дубровникъ, только благодаря постоянной славянской колонизаціи. Конечно, колонизація могла совершаться въ двухъ направленіяхъ: могли приходить выходцы изъ чакавскихъ странъ и штокавскихъ. Сколько приходило изъ однѣхъ, сколько изъ другихъ — это должны установить историки, но уже то обстоятельство, что ближайшія окрестности — штокавскія, и что съ самыхъ древнихъ временъ, съ XIII вѣка, развитіе дубровницкаго говора идетъ рука объ руку съ екавскими говорами, свидѣтельствуетъ о томъ, что колонисты, большей частью, были штокавцами. Нельзя умолчать и о томъ, что и въ нынѣшнемъ дубровницкомъ діалектѣ все-таки имѣются кое-какіе, хотя бы и самые незначительные, слѣды икавизма и другихъ чертъ преимущественно чакавскихъ говоровъ. Въ виду того, что основа дубровницкаго говора штокавская, никоимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что указанные икавизмы — слѣды стараго икавскаго говора, господствовавшаго въ Дубровникѣ: несомнѣнно, что эти черты остались отчасти какъ слѣды отъ икавцевъ, которые также населяли Дубровникъ и исчезали въ его населеніи, а отчасти появились подъ вліяніемъ писателей икавцевъ, которые писали и жили въ Дубровникѣ, или читались въ немъ и входили вообще въ литературный оборотъ. Извѣстно, что такіе писатели являются въ самомъ началѣ дубровницкой письменности.

Нѣкоторыя спеціальныя черты дубровницкаго говора можно объяснять замкнутой жизнью маленькой республики и, до нѣкоторой степени, обособленнымъ литературнымъ развитіемъ ея. Впрочемъ, эти черты очень незначительны, и, въ большинствѣ случаевъ, являются извѣстнаго рода штокавскими архаизмами.

Кромѣ этихъ, собственно екавскихъ говоровъ, не лишне упомянуть еще объ одномъ, который только испыталъ вліяніе екавскихъ говоровъ. Это — *ластовскій* діалектъ. Онъ считается обыкновенно чакавскимъ діалектомъ[1]), какимъ отчасти представляется и въ дѣйствительности. Нахо-

1) Лучшее изслѣдованіе о немъ *Облака* Der Dialect von Lastovo (Archiv XVI, 426 sqq.), хотя и оно не удовлетворяетъ вполнѣ (по отношенію къ ударенію и др.). Срав. еще и *Кушара Glavne osobine lastovskoga narječja*. Nast. Vjest I, 319 sqq.

дясь на островѣ Ластовѣ (Lagosta), онъ въ то же время такъ сильно разнится отъ чакавскихъ островныхъ діалектовъ вообще, что едва можно отдѣлять его отъ говоровъ на материкѣ. Но всетаки онъ представляетъ иной типъ говора, чѣмъ материковые штокавскіе говоры: онъ не представляетъ постепеннаго исчезновенія чакавскихъ особенностей подъ вліяніемъ штокавскихъ говоровъ; это такой говоръ, который, какъ кажется, въ извѣстную эпоху своего развитія принялъ въ себя черты штокавскія (ļ>o, ѣ = je, пад. оконч. во множеств. числѣ на *ми*, *ма* и под.), при чемъ его развитіе, какъ штокавскаго говора, и остановилось на этомъ. Конечно, вопросъ еще въ томъ, какимъ образомъ совершилось это смѣшеніе: или такъ, что представители штокавскихъ говоровъ пришли на Ластово тогда, когда въ ихъ языкѣ были, главнымъ образомъ, развиты тѣ діалектическія особенности, которыя теперь находимъ въ ластовскомъ говорѣ, какъ штокавскія особенности? или же штокавцы населяли этотъ островъ въ различныя времена, и обобщеніе одной или другой штокавской особенности въ ластовскомъ говорѣ не стоитъ ни въ какой связи съ одновременнымъ развитіемъ подобныхъ особенностей въ другихъ штокавскихъ говорахъ? Это — вопросы, на которыхъ я тутъ останавливаться не могу, и довольствуюсь упоминаніемъ ихъ.

Группировку сербско-хорватскихъ діалектовъ я сдѣлалъ на основаніи развитія діалектическихъ чертъ ихъ въ настоящее время, на основаніи того, какіе изъ сербскихъ говоровъ представляютъ общія черты и развиваются болѣе или менѣе въ одномъ направленіи. Само собою понятно, что разница между ними не всегда одинакова, и что многіе изъ нихъ стоятъ ближе къ однимъ діалектамъ, чѣмъ къ другимъ. Поэтому мнѣ хочется теперь бросить еще разъ взглядъ на ихъ совокупное развитіе, для того, чтобы выдвинуть, подчеркнуть то, что̀ является господствующимъ въ совокупномъ развитіи ихъ, что даетъ ему свой, особенный отпечатокъ.

Многіе діалекты, благодаря своей архаичности, имѣютъ большое значеніе для исторіи сербскаго языка (напр. чакавскіе говоры); но для будущаго сербскаго языка они имѣютъ значеніе только по стольку, по скольку они видоизмѣняютъ его общій видъ, даютъ ему другой оттѣнокъ.

Съ этой точки зрѣнія можно различить въ современномъ развитіи сербскаго языка три теченія, не равносильныя, правда, но въ различныхъ частяхъ сербской земли несомнѣнно господствующія. Всѣ они исходятъ изъ смежныхъ областей, старой Рашки (теперешней Старой Сербіи), старой Зеты и прилегающей къ ней южной Герцеговины (теперешней Черногоріи и части Герцеговины). Самымъ восточнымъ является діалектическое теченіе, направляющееся отъ Призрена къ Софіи и Видину. Оно представляетъ въ основѣ сербскій говоръ, измѣнившійся, правда, подъ чужимъ вліяніемъ,

но еще далеко не утратившій своихъ сербскихъ особенностей, являющихся все-таки господствующими въ его грамматическомъ строѣ.

Второе теченіе, сказывающееся и въ литературномъ языкѣ королевства, направляется отъ Косова поля на сѣверъ въ Сербію, пробирается узкой полосой сквозь горы ея юго-западной и срединной части, видоизмѣняясь до нѣкоторой степени, занимаетъ всю сѣверную Сербію и переходитъ на сѣверъ за ея предѣлы, до послѣднихъ границъ сербскихъ говоровъ въ этомъ направленіи.

Наконецъ, самое сильное и широкое теченіе является у черногорскихъ горъ, съ силой и быстротой многоводнаго горнаго потока пробивающее себѣ путь сквозь Герцеговину и захватывающее собой все, что въ ней и въ Босніи застаетъ на своемъ пути. Оно переходитъ и въ Славонію, Далмацію и Хорватію, останавливаясь только у берега Адріатическаго моря.

Тамъ, гдѣ сербскій языкъ соприкасается съ другими славянскими языками Балканскаго полуострова, являются смѣшанные говоры: кайкавскій на сѣверо-западѣ и средне-македонскій на юго-востокѣ. Какую роль они сыграютъ въ судьбахъ сербскаго языка, трудно сказать даже на основаніи того матеріала, который у насъ теперь имѣется; трудно говорить и о признакахъ, предвѣщающихъ ихъ будущее.

А. Беличъ.

---

ceni, part. praes. *robjaci*, *chodzaci*, *pachňeca* (páchnoucí, vonící), *vandrujuci*, *suca*, *koruca*, verba iter. *viplacac*, *roskrucac*, *vracac*, *vodu pomucuje* — *serdeňko zarmucuje*, a jiné doklady; podobně jeví se *dz*, ač slov takových vůbec není mnoho: *medzi*, *sedza* (z pův. žęd-ja, stslov. žężda), *rdza* (z pův. rъd-ja): *šabľočku zardzavenu*, imperat. *povec* (povedz), plur. *povecce* (povedzte), partic. praet. *odredzeni* (od kmene ręd-), *ukrivdzena*, iterat. *viprovadzala*, *schadzali*, zvláště zřetelně v podst. jméně *na prechacku* (na prechádzku) a j. Pravidelnými střídnicemi jsou tedy *c*, *dz*. Vedle nich však vyskytují se v textech p. Hnaťjukových i jiné střídnice, ač jen ojediněle. Některé jsou církévne-slovanské, jako ve slovech *nužda*, *meždu*, *od naroždeňa*, *roždestvo*, *osuždenije*, iterat. *prechaždaju* 3. plur., též part. praes. *suščaja* (jsoucí), jež nalézám v jedné duchovní písni (Етн. мат. 126), a j. Původ těchto odchylných střídnic jest jasný; tato slova jsou knižného původu a nemohou býti doklady pro lidové nářečí. Jiného rázu jsou střídnice ruské, které se ojediněle též objevují. Některá z těchto slov činí dojem tvarů knižných, jako partic. *iduči*, *kujuči* v písni (Етн. мат. 145), která jest původu ruského a končí se těmito třemi řádky:

За ócмiм пóлком голову схiльęл.
Зазýльа льęтáла над ным куйýчi,
Дзiвóчкi плакáлыi зá ным iдýчi.

Tu máme též zcela ojedinělé *holovu*, dále *polkom*, tvary rusínské, tak že ruský pramen této písně (ovšem nikoli bezprostřední) nemůže býti pochybný. Nicméně i v této písni čteme tvary, jako *vivedla* (vyvedla), *naimladša*, *zlatne piro*, *viprovadzala* a j., které jsou čistě slovenské.

Podobně prozrazuje knižný původ tvar partic. *patrajuči* v jedné duchovní písni (Етн. мат. 122); v jiné duch. písni čteme však *plačuci*, *lamajuci* (124).

Jinde (148) nalézáme popěvek o těchto dvou verších:

Мачóхi, мачóхi вiшайце на cóxi,
А мойу мачóху на найвiшу cóxy.

Tu máme tedy tvar *mačocha*, s ruským *č*, kdežto bychom jinak předpokládali, že lidový tvar jest *macocha*, s hláskou *c*.

Dosti často se vyskytuje adverbium *choč* a *hoč*, opět s ruským *č*, kdežto slovenský tvar zní *choc*, *hoc* (ačkoliv, — koli). Není lze rozhodnouti, je-li tvar s *č* čerpaný z lidové řeči či spíše z řeči knižné.

Ojedinělé jest *medži*, s rusínským *dž*, též v duchovních písních (121, 123); lidový ráz tohoto *dž* v nářečí kerestúrském (kocurském) není tím nik-

terak dosvědčen, neboť jinak nalézáme, jak již připomenuto, též tvar círk.-slov. *meždu* a lidový *medzi*.

Konečně připomenouti sluší srbsko-chrv. *opština* (obec).

S těmito střídnicemi v ukázkách p. Hnaťjukových srovnejme ještě stav v písničkách od M. Vrabelja (Русскій Соловей, Унгваръ 1890) se jevící. Co tu nalézáme? Opět *c*, *dz* nejčastěji: *cudzim* 119, *vecej* 122, 159, *pleco* 122, *slabu moc* 156, *prenocujem* 153, *ne chcem* 153, *chce* 122, *chceli* 106, *povracala* 157, *ne zarmucaj* 156, *povedz* 119, 123, *provadza* 151, *vyprovadzaj* 160. Vedle toho církevně-slovanské tvary *došteru* 158, *došteri* 121, *vedzeme ci pomoštnicu* 160, a dále tvary ruské: *do čužiny* 131, *do čužej čužiny* 164, *mačochu* 113, aderb. *choč* 130. Nalézame tudiž opět trojí střídnice: západoslovanské *c*, *dz*, církevně-slovanské *št*, ruské *č*, *ž*. Nepochybuji o tom, že lidové střídnice jsou *c*, *dz*, druhé pak že jsou původu knižného. O střídnicích ruských není lze tak určitě se vyjádřiti. Příslovce *choč* dokládá O. Broch též v ukázce Falkušovské (Studien 42), podobně předložku *meži* (44).

2. Druhá důležitá vlastnost nářečí kerestúrských Rusínů jest, že nemají t. zv. vkladného *l'*. Proto čteme v ukázkách p. Hnaťjukových inf. *odrabjac*, *zarabjac*, 3. pl. *zarabjaju*, *stavjaju*, praet. *naochabjali* (ponechali), *poochabjali* (přestali), *oblapjala*, *opravjala*, imper. *opravjajce* a j. Jen v duchovních písních nalézáme takové tvary, jako *na zemlju*, imper. *ńe sochabl'aj*, ale variant téže písně má *ńe ochabjaj*, dále 3. sg. *prijimljajet*, ale vedle toho též *podmovjajet*. Tyto ojedinělé tvary jsou tedy původu knižného. Podobně tvar jména srbského: sg. instr. *zos Serbl'ínom*, akk. *Serbl'ina*, vedle pl. nom. *Servijańi*, *na Servijancoch*, *Serbi*, *Servija*. Není tedy pochybnosti o tom, že v lidové řeči kerestúrských Rusínů t. zv. *l'* epentheticum vůbec není. Pan V. Hnaťjuk ovšem namítá, že to jest zjev, který se vyskytuje v mnohých a mnohých nářečích haličských, ba i v jazyce literarním, avšak dokladů pro takové tvrzení neuvádí, domnívaje se zajisté, že věc jest obecně známa. V tom jest malé nedorozumění, zaviněné ostatně mluvnicemi, jež nečiní rozdílu mezi: a) starým, ať tak dím, historickým *l'* epenth. a b) pozdějším vývojem. Tak na př. uvádí M. Osadca (Грам. рускогo яз., 3. изд., 1876, str. 24) mezi náležitými doklady pro *l'* ep., jako земля, ловлю, любленый, též pozdější здоровлье a dodává v poznámce, že v haličském nářečí se *l'* epenth. «vynechává»: 1) pravidelně v 3. os. množ. č. робять, 2) často též v 1. os.: робю, 3) v slovech: здоровье. Ale v prvním a druhém případě neběží o původní stav, nýbrž o pozdější vývoj, zajisté obmezený na určité tvary a určitá nářečí, a jen v druhém případě (робю, любю, ловю) máme před sebou zánik starého, historického *l'* epenth., jehož příčiny a rozsah by náleželo správně vyložiti. Podobně obmezuje se Miklosich (Vergl. Gram. I, 1879, 449) na

ceni, part. praes. *robjaci*, *chodzaci*, *pachňeca* (páchnoucí, vonící), *vandrujuci*, *suca*, *koruca*, verba iter. *viplacac*, *roskrucac*, *vracac*, *vodu pomucuje — serdeňko zarmucuje*, a jiné doklady; podobně jeví se *dz*, ač slov takových vůbec není mnoho: *medzi*, *šedza* (z pův. žęd-ja, stslov. žęžda), *rdza* (z pův. rъd-ja): *šabľočku zardzavenu*, imperat. *povec* (povedz), plur. *povecce* (povedzte), partic. praet. *odredzeni* (od kmene ręd-), *ukrivdzena*, iterat. *viprovadzala*, *schadzali*, zvláště zřetelně v podst. jméně *na prechacku* (na prechádzku) a j. Pravidelnými střídnicemi jsou tedy *c*, *dz*. Vedle nich však vyskytují se v textech p. Hnatjukových i jiné střídnice, ač jen ojediněle. Některé jsou církevne-slovanské, jako ve slovech *nužda*, *meždu*, *od naroždeňa*, *roždestvo*, *osuždenije*, iterat. *prechaždaju* 3. plur., též part. praes. *suščaja* (jsoucí), jež nalézám v jedné duchovní písni (Етн. мат. 126), a j. Původ těchto odchylných střídnic jest jasný; tato slova jsou knižného původu a nemohou býti doklady pro lidové nářečí. Jiného rázu jsou střídnice ruské, které se ojediněle též objevují. Některá z těchto slov činí dojem tvarů knižných, jako partic. *iduči*, *kujuči* v písni (Етн. мат. 145), která jest původu ruského a končí se těmito třemi řádky:

За óсмім пóлком голову схільęл.
Зазýльа льęтáла над ньім куйýчі,
Дзівóчкі плакáльі зá ньім ідýчі.

Tu máme též zcela ojedinělé *holovu*, dále *polkom*, tvary rusínské, tak že ruský pramen této písně (ovšem nikoli bezprostřední) nemůže býti pochybný. Nicméně i v této písni čteme tvary, jako *vivedla* (vyvedla), *naimladša*, *zlatne piro*, *viprovadzala* a j., které jsou čistě slovenské.

Podobně prozrazuje knižný původ tvar partic. *patrajuči* v jedné duchovní písni (Етн. мат. 122); v jiné duch. písni čteme však *plačuci*, *lamajuci* (124).

Jinde (148) nalézáme popěvek o těchto dvou verších:

Мачóхі, мачóхі вішайце на cóхі,
А мойу мачóху на найвішу cóху.

Tu máme tedy tvar *mačocha*, s ruským *č*, kdežto bychom jinak předpokládali, že lidový tvar jest *macocha*, s hláskou *c*.

Dosti často se vyskytuje adverbium *choč* a *hoč*, opět s ruským *č*, kdežto slovenský tvar zní *choc*, *hoc* (ačkoliv, — koli). Není lze rozhodnouti, je-li tvar s *č* čerpaný z lidové řeči či spíše z řeči knižné.

Ojedinělé jest *medži*, s rusínským *dž*, též v duchovních písních (121, 123); lidový ráz tohoto *dž* v nářečí kerestúrském (kocurském) není

terak dosvědčen, neboť jinak nalézáme, jak již připomenuto, též tvar círk.-slov. *meždu* a lidový *medzi*.

Konečně připomenouti sluší srbsko-chrv. *opština* (obec).

S těmito střídnicemi v ukázkách p. Hnatjukových srovnejme ještě stav v písničkách od M. Vrabelja (Русскій Соловей, Унгваръ 1890) se jevící. Co tu nalézáme? Opět *c*, *dz* nejčastěji: *cudzim* 119, *vecej* 122, 159, *pleco* 122, *slabu moc* 156, *prenocujem* 153, *ne chcem* 153, *chce* 122, *chceli* 106, *povracala* 157, *ne zarmucaj* 156, *povedz* 119, 123, *provadza* 151, *vyprovadzaj* 160. Vedle toho církevně-slovanské tvary *dšteru* 158, *dšteri* 121, *vedzeme ci pomoštnicu* 160, a dále tvary ruské: *do čužiny* 131, *do čužej čužiny* 164, *mačochu* 113, aderb. *choč* 130. Nalézame tudiž opět trojí střídnice: západoslovanské *c*, *dz*, církevně-slovanské *št*, ruské *č*, *ž*. Nepochybuji o tom, že lidové střídnice jsou *c*, *dz*, druhé pak že jsou původu knižného. O střídnicích ruských není lze tak určitě se vyjádřiti. Příslovce *choč* dokládá O. Broch též v ukázce Falkušovské (Studien 42), podobně předložku *meži* (44).

2. Druhá důležitá vlastnost nářečí kerestúrských Rusínů jest, že nemají t. zv. vkladného *l'*. Proto čteme v ukázkách p. Hnatjukových inf. *odrabjac*, *zarabjac*, 3. pl. *zarabjaju*, *stavjaju*, praet. *naochabjali* (ponechali), *poochabjali* (přestali), *oblapjala*, *opravjala*, imper. *opravjajce* a j. Jen v duchovních písních nalézáme takové tvary, jako *na zemlju*, imper. *ňe zochabl'aj*, ale variant téže písně má *ňe ochabjaj*, dále 3. sg. *prijimljajet*, ale vedle toho téř *podmovjajet*. Tyto ojedinělé tvary jsou tedy původu knižného. Podobně tvar jména srbského: sg. instr. *zos Serbl'ínom*, akk. *Serbl'ina*, vedle pl. nom. *Servijaňi*, *na Servijancoch*, *Serbi*, *Servija*. Není tedy pochybnosti o tom, že v lidové řeči kerestúrských Rusínů t. zv. *l'* epentheticum vůbec není. Pan V. Hnatjuk ovšem namítá, že to jest zjev, který se vyskytuje v mnohých a mnohých nářečích haličských, ba i v jazyce literarním, avšak dokladů pro takové tvrzení neuvádí, domnívaje se zajisté, že věc jest obecně známa. V tom jest malé nedorozumění, zaviněné ostatně mluvnicemi, jež nečiní rozdílu mezi: a) starým, ať tak dím, historickým *l'* epenth. a b) pozdějším vývojem. Tak na př. uvádí M. Osadca (Грам. рускогo яз., 3. изд., 1876, str. 24) mezi náležitými doklady pro *l'* ep., jako земля, ловлю, люблений, též pozdější здоровлье a dodává v poznámce, že v haličském nářečí se *l'* epenth. «vynechává»: 1) pravidelně v 3. os. množ. č. робятъ, 2) často též v 1. os.: робю, 3) v slovech: здоровье. Ale v prvním a druhém případě neběží o původní stav, nýbrž o pozdější vývoj, zajisté obmezený na určité tvary a určitá nářečí, a jen v druhém případě (робю, любю, ловю) máme před sebou zánik starého, historického *l'* epenth., jehož příčiny a rozsah by náleželo správně vyložiti. Podobně obmezuje se Miklosich (Vergl. Gram. I, 1879, 449) na

některé doklady odchylné, aniž by jich náležitě třídil. Víme, že hlavním pramenem byla Miklosichovi právě mluvnice Osadcova. Ale ani výklady E. Ogonowského (Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880, str. 79) neposkytují správného obrazu o vsutém *l'* v rusínštině, tím méně ovšem V. Naumenkův přehled (Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи, Кіевъ, 1889, str. 41), ač jinak skutečný stav dobře jest tu vystižen. V mluvnici Smal-Stockého a Gartnera (Руска граматика, Львів, 1893, str. 22) správně se sice poukazuje na to, že jest úkolem historické čili porovnávací mluvnice, vyložiti zdánlivé nesrovnalosti v užívání *l* epenth., ale výklad vlastní se nepodává, ač po mém mínění snadno by podán býti mohl. V nářečí kerestúrských Rusínů není vůbec žádného *l'* epenth. — oněch dokladů knižných, jako *na zemlju*, mohu tuším právem nedbati — ani původního (historického) ani pozdějšího; a to jest stav, jakého nenalézáme v žádném rusínském nářečí. Pan V. Hnatjuk poukazuje na některá nářečí, v nichž *l'* epenth. prý se mezi retnice a samohlásky praejotované nevkládá. Jest zapotřebí povšimnouti si těchto nářečí blíže. Na prvním místě uvádí se tu nářečí haličských «Zamišanců», které popsal Jv. Verchratskij (Зап. наук. товар. ім. Шевч., III, 1894, 153 sl.), jenž skutečně praví (p. 168), že v tomto nářečí *l'* se nevsouvá, dokládaje: робю, любю, любят, копю, копят, сыпю, сыпют, любеный, зробеный. Avšak touto poznámkou p. Verchratského věc není odbavena. V připojených ukázkách nalézám: під землю 184 a v slovníčku nacházím: граблы 192, коноплы 196, коноплячок 196, скопленый баран 205, ovšem čtu též v ukázkách 1 sg. любю 187, утопю ся 187. Z toho je viděti, že v nářečí Zamišanců nevymizelo *l'* epenth., nýbrž jen částečně zaniklo, vlivem tvaroslovné analogie a též nářečí polských, které Zamišance obklopuje. Verchratskij sám připomíná, že nářečí Zamišanců náleží do skupiny Łemkův, jichž mluvu popsal obšírněji v Jagićově Archivu XIV (1892), 587 sl., XV (1892), 46 sl. a XVI (1894), 1 sl. Tu praví správněji (XV, 64—65), že *l'* se někdy nevsouvá, jindy však vsouvá; z uvedených dokladů vychází na jevo, že opomenuté *l'* epenth. obmezuje se na 1 sg., na př. терпю, любю, a na part. praet., na př. любеный, tedy na tvary, v nichž tvaroslovná analogie i v jiných slovanských jazycích způsobila zánik původních změn souhláskových. Také při popise nářečí «dolivského» (Зап. Шевч. XXXV—XXXVI) praví Iv. Verchratskij (p. 46), že po retnicích nevyskytuje se *l'* epenth., dokládaje tvary 1 sg. робю a partic. praet. зроб'ено; nicméně i zde nalézám zachované tvary, jako земле 25, зо землы 29, по-під землю 93, кроплы 23, коноплы 44, конопля 52, притрефлее сьі (= притрафляе ся) 15, na důkaz, že zánik epenth. *l'* ani v tomto nářečí není všeobecným. Uhersko-ruská nářečí s pohyblivým přízvukem z okolí Munkačeva, které popsal Iv. Verchratskij (Зап.

Шевч. XXVII—XXX, ve Lvově, 1899), uvádí tu p. Hnaťjuk neprávem; v těchto nářečích je *l'* epenth. velmi důsledně zachováno a značně rozšířeno: здорóвля, вéрбля, жеребля́, Словля́к plur. Словлякы (str. 39). Jinak je tomu v uh.-ruských nářečích s přízvukem stálým, které popisuje Jv. Verchratskij v druhé části svých Знадiб для пiзнаня угорско-русских говорiв (Зап. Шевч. XL—XLV, у Львовi, 1901). To jsou nářečí severních částí stolic šaryšské a zemplínské. Iv. Verchratskij (str. 11 a 47) praví sice, že *l'* epenth. v mnohých obcích se nevyskytuje, nýbrž že se vyslovuje: робю, выробеный a pod. Nicméně máme tu opět důkazy, že obce s nářečím rusínským zachovaly *l'* epenth. a pokud nastala změna, že jest pozdější a způsobena tvaroslovnou analogií a sousedním vlivem jazyka slovenského. Takové důkazy poskytují hojné ukázky nářeční. Vezměme na př. obec Чертыжне (mad. Csertész), snad nejseverněji ve stolici zemplínské. Máme odtud ukázky prosaické dvojí: jedny ve sbírce p. Hnaťjukově (Етнограф. матер., 3—21), druhé v rozpravě Iv. Verchratského (Знад. II, 158—164), tedy velmi hojné. Nářečí jest dosti čisté, vlivy slovenské jsou poměrně slabé. Pročetl jsem tyto texty pozorně a vidím, že jest tu *l'* epenth. vždy na svém místě: *zeml'a* (Етн. мат. 17), *na zeml'u* (7, 14, 19), *po zeml'i* (3), *zo zeml'i* (6, 8, 19), *do zeml'i* (18, 19), dále z pozdějšího vývoje: *sklepl'iňa* (14, 15), 3 pl. *ne robl'at* (10), *zhubl'at* (16), kdežto v 1 os. není ve slově *potrafju* (19). Podobně v ukázkách Iv. Verchratského: *na zemlju* (II, 152, 157, 162), *po zemlju* (152), *zhublene* (157), 3 pl. *lamljut* (149), a pozdější *zrobljat* (152, 153), *robljat* (155).

Z toho všeho vysvítá, že *l'* epenth., jmenovitě staré či historické, jest dosud charakteristickou známkou rusínských nářečí; částečný jeho zánik, jenž vyskytuje se tuším v nářečích západních, v sousedství polského a slovenského jazyka, postupuje podle tvaroslovné analogie a jeví se zvláště v partic. praeteriti, dále v 1 osobě sing., též v iterativních slovesech.

Do nářečí slovenských *l'* epenth. nikde nepronikło.

3. Všem veliko-ruským, bělo-ruským a malo-ruským nářečím společny jsou útvary hláskoslovné *torot*, *teret* za praslov. *tort*, *tert*, kdežto v nářečích česko-slovenských s touže důsledností se jeví útvary *trat*, *trět*. Také uhersko-rusínská nářečí drží se vesměs «plnohlasných» útvarů, jak jsem vytkl již v Jagićově Archivu XVI, 501. (Srv. O. Broch, Weitere Studien, Kristiania, 1899, p. 57). V textech kerestúrských a kocurských není žádných «plnohlasných» tvarů. Ojedinělé *holovu* (Етногр. мат. p. 145) v písni vysvětluje se vzorem ruským, právě tak jako ojedinělé tvary *mloda* (161) a všeobecné *chlop*, *chlopci* vlivem polským. Pravidelné tvary v textech kerestúrských a kocurských jsou *trat*, *trět*: *mladi*, *slama*, *chlapci*, *drevo* a t. d. Dokladů tuším uváděti není třeba. Pan Hnaťjuk nepopírá, že takový

jest stav v nářečí kerestúrském a kocurském. Nicméně snaží se jej vysvětliti jinak, totiž jako «zbytek jazyka staroruského». Než to jest výklad poněkud mylný. Domnělé «staroruské» tvary jsou vlastně církevně-slovanské, tedy původem jiho-slovanské. Do nejzápadnějších nářečí rusínských, zvláště uhersko-ruských, vnikla některá slova takového tvaru z téhož církevně-slovanského a zároveň knižného jazyka; jiná však jsou tu původu slovenského. Není nesnadno ustanoviti v každém jednotlivém případě, odkud slovo pochází. Nalézáme-li na př. v nářečí marmarošském (Iv. Verchratskij, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen, Stanislau, 1883, p. 17) rčení: побы́то вóрогув на прах (die Feinde wurden gänzlich aufgerieben), je to zajisté původu literárního (прах tudíž tvar círk.-slov.), kdežto lidový útvar se jeví ve rčení розтéр довгáн (тютюн) на пóрох (er zerrieb seinen Rauchtabak zu Staub). A podobně ukazuje zvláštní význam a způsob užívání, že druhotvary toho nářečí: враг, глава, глас, предок jsou literární, kdežto lidové tvary jsou ворог, голова, голос, передок. Při popise jiných nářečí Iv. Verchratskij nepodal takových poučných výkladů; nicméně není pochybnosti, že v nářečí západo-haličských Lemků (srv. Archiv XV, 50), dále v západních nářečích uhersko-ruských (srv. Знадоби I, 24; II, 35) tvary *trat*, *trět* jsou více původu slovenského.

4. Změna původní slovanské skupiny *dl* v *l* je zajisté znakem nářečí rusínských vůči slovenským, které skupinu *dl* zachovávají. Některé rusínské mluvnice neuvádějí žádných odchylek (srv. Osadca, str. 27; Naumenko, str. 81; Smal-Stockij — Gartner str. 15), v jiných nalézáme též odchylky, na př. jidлó (Speise), падлó (Aas), сыдлó (Sattel) ve Studiích Ogonowského (str. 92), *jidło*, *bodło* (Spiess), *bodłyna* (Stachel), *bodłyvyj*, *midłenje* (Flachsbrechen), *padło*, *padłyśko* (Aas), *śidło* (Sattel), gen. *jadłôvća* (jalovce), *pavydło*, *povydła*, temné *kódło* (Gezücht) v mluvnici Miklosichově (V Gr. I² 448). Tu jest tedy uvedeno odchylek poměrně hojně, ovšem dialektických, ale není vždy přesně udáno, z kterého nářečí tyto doklady jsou. Podobně počíná si p. Hnaťjuk; řada jeho dokladů pro *dl* jest ještě delší: ковáдло, кодло, жрідло, підло, падло, падлина, згірдливо, сїдло, сїдлати a t. d., ale odkud, z kterého nářečí tyto odchylné doklady čerpány jsou, to se nám neprozrazuje. A přece všechno záleží na otázce, nejen v kterých slovech, ale hlavně v kterých nářečích skupina *dl* se objevuje. Některá slova jmenují se zde neprávem, zvláště **sedьlo*, snad i **padьlo*, jiná jsou temná, jako *kodło* (Geschlecht, Gezücht), jiná jsou utvořena později, jako *povydła* (= *pověd-la* za starší *po-vědě-la*), jiná konečně jsou přejata z polštiny (srv. *midłenje* pol. *międlenie*), po případě ze slovenštiny, což někdy není lze rozhodnouti. Do této skupiny náleží slova, která p. Hnaťjuk uvádí z rozprav Iv. Verchratského, tykajících se nářečí uhersko-ruských, jmeno-

vitě: ядловиц (Wachholder Iuniperus communis podle pol. *jodła* čsl. *jedla jedle* = Tanne), ядлівчак (Wachholderdrossel Turdus pilaris), мыдло (Seife čsl. *mýdlo mydlo*) мыдліті (čsl. *mydliti* seifen), srv. Знадоби II, str. 51. Takových dokladů uvádí ostatně Iv. Verchratskij z uhersko-ruských nářečí mnohem více: быдля (Vieh, pol. *bydlę*), джвірадло (Spiegel, pol. *zwierciadło*) a j. Знадоби II, 227, 236 a t. d. Některá slova uvádí p. Hnatjuk neprávem. Tak jmenovitě: sg. рудель pl. рудльі (Röthling Ruticilla, z Krempachu v severní Spiši) — to bude slovo cizí, asi německé; adj бодливый je z **bodьlivyj*; дудла (Baumhöhle) bude snad jen dialektickou obměnou slova *duplja* a pod. (Знадоби II, 56, 64, 76). Ale jakkoliv se tato jednotlivá slova nářečí uhersko-ruských vysvětlí, o tom nemůže býti pochybnosti, že původně skupení souhláskové *dl* v jazyce ruském podléhalo změně v *l*. Tak na př. neuvádí Verchratskij z nářečí Lemků žádné odchylky; naopak tvar сьiўо za obecné сідло, pol. *siodło*, č. *sedlo* Sattel, dodávaje, že łemkovský tvar jest tudíž vlastně rusínský (Arch. XV, 72). Z nářečí Zamišanců nepřipomíná Verchratskij žádné odchylky (Записки III, 170 sl.), ani z nářečí dolivského (Зап. XXXV), ani z nářečí marmarošského (Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 24). V nářečí kerestúrsko-kocurském máme naopak vždy *dl*: *kridlo*, *s jadlovoho dreva*, *do bradla*, *źverkadlo* (zrcadlo), partic. *pojidl'i*, *źedli* (свн-ěd-li), *privedli*, *ukradli*, *spadla*, *spredla* (съ-pręd-la), *ohl'adla*, *povedli*, *otpovedli* (po-věd-ě-li), též ve slově *modl'ic*, *modl'il* (= prosil, ve významu srbsko-chorv.), *vimodlili* a j. Životní síla skupiny *dl* jeví se zvláště ve slově *źedl'arski* = žel'arský (srv. slovenské *želiar* Inwohner, Häusler): *źedl'arski dzivki*, *v źedl'arskej chiži*. Odchylná slova jsou ojedinělá: *mol'ba* podle církevního jazyka, *nasel'ic* snad z původní zásoby rusínské.

5. Významná vlastnost východních nářečí uhersko-slovenských jest mladší palatalisace zubných *t*, *d*. Je to změna, která zasáhla nářečí československá tam, kde bezprostředně sousedí s polštinou, v severovýchodní Moravě, ve Slezsku a v severních částech stolic uhersko-slovenských. V nářečích slovenských ve Spiši, Šaryši a Zemplíně jeví se táto změna v tom, že každé *ť* a *ď* t. j. každé *t* a *d* před úzkými čili palatalními samohláskami ь, *e*, *ė*, *ę*, *i* přechází v *c* a *dz*. V lidovém jazyce kerestúrsko-kocurském máme tudíž důsledně: inf. *vožic* (voziť), *bivac* (bývať), *isc* (jíť), *pojsc* (pojíť), *prisc*, *dojsc* a t. d., *pejc* (pět), *dvacec*, *dosc* (dosť), *mac* (máti), *ocec* (otec), *ceńše* (tenší), *dojce* (dajte), *ceplota*, *ceško* (těžko), *cahali* (ťahali), *vicahli* (vytiahli), *ucali* (uťali), *pricisli* (pritiskli), *treci* (tretí), *cicho* (ticho), *z vel'ku radoscu* a t. d.; *dzeń* (deň), *hodzen* (hoden), *l'udze*, *pejdzešat* (padesát), *dzešatok*, *pojdze*, *u vodze* (ve vodě), *s dzecmi*, *dzecko*, *dze* (kde), *hodzina*, *vodzelo* (vodilo), *dzirki* (dírky), *nadzala kudzel'* (nadiela kúdel), *dzijakovi*, *čel'adz* a t. d. Odchylky nejsou četné a vysvětlují se snadno rozmanitým vlivem knižným:

tercha (ťercha, ťarcha), *uterchovana chudoba*, *pan učiteľ*, *ďabol*, *prijateľ*, *Maďare*, *zvoditeľ* (svůdce), *na ohňanej ladi* (na parníku), *na ohňanu laďu* (na parník) a j. Zvláště v duchovních písních je odchylek více: *najdete*, *ďiti* a j. Vlastní rusínská nářečí této proměny neznají. Pan Hnaťjuk sám uznával dříve (srv. rozpravu jeho Русини Пряшівської епархії і їх говори, Зап. Шевч. XXXV), že toto «dzekání» a inf. na —*c* jsou charakteristickými známkami jazyka uherských «Slovjaků» t. j. takových Rusínů, kteří mluví dialektem «slovenským». Tito «Slovjaci», mluvící «slovensky», liší se sice od vlastních «Slováků», kteří mluví «slovácky», avšak příčinou toho rozlišování není různost nářeční (ač i po té stránce jsou některé zvláštnosti), nýbrž spíše povědomí, jež se prýští z různosti náboženského vyznání. «Slovjaci» jsou vlastně, což uznává v této rozpravě též p. Hnaťjuk, poslovenštělí Rusíni, vyznáním «uniaté». Od tohoto, podle mého přesvědčení zcela správného stanoviska, odchyluje se poněkud pan Hnaťjuk v rozpravě «Словаки чи Русини?», chtěje váhu oné různosti oslabiti poukazem, že změna měkkého *ť* v *c*, velmi žřídka prý i *ď* v *dz* se vyskytuje i v jiných rusínských nářečích. Všimněme si oněch nářečí, na které p. Hnaťjuk poukazuje. Tu jest především nářečí «dolivské» v Haliči, v kterém se objevují tvary; цьóта (teta) — pol. *ciotka*, по хребцьí — pol. *po grzbiecie*, цьма — pol. *ćma*, цьмук (Nachtfalter, phalaena) — pol. *ćmuk* (Karłowicz, Sł.-gw. pol. I), srv. Verchratskij p. 42—43; kdož by o tom pochyboval, že jsou to slova z polštiny převzatá? Podobně nalézáme v nářečí «łemkovském» v Haliči: цьма, цма, plur. госцьі, adv. хоц, хоц-де (irgendwo), рыц — pol. *rzyć* (Verchratskij, Arch. f. slav. Phil. XV, 61), v nářečí haličských «Zamišanců» opět хоц, dále дзецко (Зап. Щевч. III, 167, 171). To jsou vesměs ojedinělé zjevy, jakési cizí živly, které obecným stykem vzájemně do lidové řeči vnikají. A tak je tomu též v rusínských nářečích na území uherském. Ta, která se stýkají bezprostředně s polskými a slovenskými, mají tu opět: цма, хоц, рыц, мацери думка (Quendel), též цанистра (Tornister, lat. canistrum), счина (murus) z původního сціна — pol. *ściana* (Verchratskij, Знадоби II, 45); ona však, která jsou vzdálenější, dále na východ položena, neznají těchto proměn, z těch Verchratskij žádných dokladů neuvádí (srv. Знадоби I, 35; Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 22). Není lze tušim pochybovati o tom, že tyto ojedinělé případy z pohraničných nářečí neruší obecného pravidla, jež se jeví v zachování měkkých *ť*, *ď*. Důsledná proměna v *c*, *dz* v nářečí kerestúrsko-kocurském, ve spojení s ostatními mluvnickými jevy, jest tudíž znakem východo-slovenským.

V této souvislosti náleží mi ještě vysloviti se o běloruštině. Pan Hnaťjuk obrací totiž pozornost — ovšem na jiném místě (str. 22) — na zřejmou prý podobu nářečí bačvansko-ruských s běloruskými a otiskuje též

ukázku běloruskou, anižby blíže naznačil, v čem tato do očí prý bijící podoba se projevuje. Snad pomýšlí v první řadě na důsledné *c*, *dz* za měkké *ť*, *ď*. V té příčině se obojí nářečí shodují, právě tak, jako na př. největší část nářečí slezských, která přece náleží ke skupině československé. Tato podružná změna nerozhoduje sama o sobě o příslušnosti k západoslovanským, po případě ruským nářečím, jelikož jest obmezena na určitý kruh nářečí pohraničných a nemůže vyvážiti oněch zakladních znaků, které pronikají celou soustavu jednotlivých jazyků. Běloruština, částečně ukazuje to též krátký text od p. Hnaťjuka uvedený (str. 23), má důsledné *ć*, *ź*: ў нóче (v noci), не хóчу (str. 23), чужбинà (Nosovič, Словарь); *l'* epenth.: subst. кýпля, inf. купляць, partic. кýпленый (Nosovič); *ere*, *oro*, *olo*: на перóд, дорóга, прапалóхаўсе (str. 23). Tyto tři znaky stačí úplně, aby rozhodly o příslušnosti běloruského nářečí ke skupině ruské, a není třeba uváděti znaků dalších. Na této příslušnosti nemění podružné *c*, *dz* nic, tak jak nemění nic na příslušnosti určitých nářečí k celku československému.

6. Podobný relativní význam v nářečí kerestúrsko-kocurském má změna souhlásck *s*, *z* v *š*, *ž* před úzkými čili palatalnými samohláskami a souhláskami: *paše* (pase), *šedňu* (sednou), *šeno* (seno), *košic* (kosiť), *u jišeňi* (v jeseni), *še* (se), *žaš* (zase), *mešac* (měsíc), *šľibodno* (svobodno), *krašňi*, *na švece* (na světě), *ošmejana*, *zašpevali*, *poštred* (prostřed) a t. d.; *u žeme* (v zemi), *žemička*, *na draže* (na dráze), *voželi* (vozili), *vožic* (voziť), *užal* (vzal), *žedli* (sъn-ědli), *vežňu* (vezmou), *zamaržňi* (zamrzne), *hrožňe* (hrozně), *vežme* (vezme) a t. d. Odchylek je tu málo: *kositba*, *do dnes* a pod. Pan Hnaťjuk nenamítá nic, ale uvádí doklady z jiných nářečí rusínských, chtěje patrně říci, že tato změna není neznáma v rusínštině. Vizme, jak se věc má. V nářečí haličských Zamišanců nalézáme několik případů na př. шклянка — pol. *šklanka*, шрібуо, шрібный — pol. *srebro* z pův. *śrebro*, dial. *strzybuo* a j., лишівка (Cantharellus cibarius Eierpilz), коштур (železem okovaná hůl) (Verchratskij, Зап. Шевч. III, 166); podobně v nářečí haličských Lemků: шкўо (pol. dial. szkło), гушлі (pol. gęśli), шадыӣ (pol. szady) a j. (Verchatskij, Arch. XV, 56—57); ojediněle též v nářečí haličských «Dolů»: шпиник a шпоник (sъ-pin-, sъ-pon-), шараньчé (Oedipoda migratoria, Wanderheuschrecke) a шкарупа (v tomto slově jest *š* i v jiných slovanských jazycích, srv. čes. dial. škařupa, Verchratskij, 38); ojediněle též ve východnějších nářečích uhersko-ruských (ve stolici Berežské): шерсть (pol. *sierść* *szerść*), зашпінкати (häfteln), шкíра (skora), шкрéбати (srv. čes. škrábati), шалáта (Verchatskij, Знадоби I, 33); ojediněle i dále ve stolici Marmarošské: зашкалиты (mit einem Splitter verwunden), шерсть vedle серсть, шерстяный vedle серстяный (Verchratskij, Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 22); hojněji však jen v oněch uhersko-ruských nářečích ve stol.

Spišské a zvláště Šaryšské, které se stýkají bezprostředně s živly polsko-slovenskými: шершень, шерце, гушениця, reflex. ша a t. d., dále шьіно (sěno), шьміяти, шьпівати, шьніг, шьвіт, гушьлі a t. d. (Verchratskij, Знад. II, 40). Změna v *š*, *ž* jeví obdobný obraz podružné změny v *c*, *dz*, tím že se obmezuje na některá slova (шкло a шерсть jako obecná uvádí na př. Osadca, str. 28, 29) a na sousedství polskoslovenské, anižby se kdekoliv byla stala obecným pravidlem, jak ve východních nářečích uherskoslovenských. Verchratskij uvádí na př. (Знадоби II, 128 sl. a 142 sl.) ukázky z obcí saryšských Kružl'ové a Bodrudžalu, které L. Niederle na mapě označuje za čisto slovenské (Národnostná mapa uh. Slováků, Praha 1903), připomínaje (str. 127, pozn.), že jsou to obce poslovenštěné. Podle ukázek p. Verchratského jest však nářečí obou těchto obcí dosti čistě rusínské, nemajíc ani *c*, *dz*, ani *š*, *ž*, než toliko v málo případech, jako: шьвятый a шьятый (svatý), шьміял ся, жьвідал ся, дожьвідувал ся — z Kružl'ové, kdežto v ukázce z Bodrudžalu žádného dokladu nenalézám. Z toho je viděti, že změna v *š*, ž není v žádném nářečí rusínském vyvinutým jevem hláskoslovným, nýbrž že se vyskytuje jen ve slovech, ze sousedních nářečí polských a slovenských přejatých.

7. Také střídnicemi za praslovanskou nosovku ѧ liší se nářečí ruská a československá. V nářečí kerestúrsko-kocurském jeví se týž stav, jako ve východní uherské slovenštině:

a) *žatva*, *ohl'adame še*, *dva mešaci*, *naj praha*, *cahali*, *vicahli*, *uvjažem*, *uvjažce*, *najčašše*, *pjatoho*, *na pamjatku*, *s počatku*, *dzešatok*, *vžac*, *vžal'i*, *zacal'i*, *prijati* (přijatý), *prijal'i*, *počal'i*, *dzivčata*, *ňebožatko*, 3. pl. *muša*, *pokoša*, *kriča*, *oddzel'a*, *chodza*, *šedza*, *viplaca*, *skupja še*, *robja*, *hutorja* a t. d.;

b) *vec*, *vece*, *vecka*, *najvecej*, *najvekšu*, *ceško*, *najcešše*, *meso*, *odredzeni*, *spredzeš*, *predla*, *opet*, *dzešec*, *dzevec*, *dzevecero*, *pecero*, *dvacec*, *tricec*, pron. *me*, *ce*, *še a t. d.;*

c) *pejc* (pět), *pejtnac*, *pejdzešat;*

d) *l'ihnul* (od lęg- ?).

Takový stav střídnic za praslovanské ę jest příznačným pro východní uhersko-slovenská nářečí a jeví se na př. též v ukázkách p. Hnatjukových ze vsi Mal'cova ve stolici šaryšské (Етногр. матер. 103—116; L. Niederle zaznamenává Mal'cov na mapě jako ves poloslovenskou, uváděje že má 17% obyvatelstva slovenského a 13. 4% obyv. rusínského). V ukázkách skutečně rusínských takový stav střídnic za psl. ę se nejeví. Vezměme na př. ukázky p. Hnatjukovy ze vsi Krempachu ve Spiši (Етногр. матер. 93—101; na mapě Niederlově jest Krempach zaznamenán jako obec čistě slovenská, mající 96% slovenského obyvatelstva, srv. o tom pozn. na str. 88). Tu čteme pravidelné *'a:* піньазі, пйасть (pęstь), 3 pl. відьат, летьат, мусьат, ўлапйат,

хибйат, смотрйат, a t. d., тісьачку (tisícku, tisícovou bankovku), reflex. сьа a ша, мйа, нещасливий a t. d.; jen několik slov se odchyluje: найвекший (srv. pol. *większy*, vých.-slovensky *najvekši*), двацеть, дванацеть, (též дванац), což jeví vliv slovenský. Poukazuje-li p. Hnaťjuk na některé doklady ze studií Iv. Verchratského, není pochyby, že jsou to vesměs podobné vlivy polsko-slovenské. Tak v nářečí haličských Zamišanců: счестя, девет, десет, єденайце (Зап. Шевч. III, 162); v nářečí uhersko-ruském v severním Šaryši: месо, щестя, говедо, єденадцет, дванадцет (Знадоби II, 26—27); v nářečí haličských Lemků: говедо («als Schimpfwort gebraucht», tedy patrně slovo přejaté), счестя, єденацет, двацет, трицет (Arch. XIV, 608) a t. d. Jsou to vždy cizí živly v těchto pohraničných nářečích, právě takové jako венцей, зайонц a j. v nářečí haličských Dolů (Про говор дол. 26). Dále na východ těchto přejatých slov jest méně. Z okolí Munkáče ve stolici Berežské uvádí Verchratskij jen ojedinělé doklady (Знад. II, 20): витезь (patrně maď. *vitez*), клегиня, кегиня (= кнѧгыни) a z nář. Marmarošského žádné.

8. Znakem maloruských nářečí jest změna tvrdého koncového — *ł* v partic. praet. v souhláskové—*u̯*, kdežto východní uhersko-slovenská nářečí—*l* zachovávají. V nářečí kerestúrsko-kocurském máme vždy — *l: kupel sebe, rucel* (rutil), *cigaňil* a t. d. Rozdíl je tak zřejmý, že nemůže býti v odpor brán. Pan Hnaťjuk nicméně uvádí některé doklady z popisu uhersko-ruských nářečí stolice Šaryšské (Iv. Verchratskij, Знадоби II). Přihlédneme-li blíže k ukázkám, nalézáme, že — *ł* trvá v obcích: Lukově, Lvově, Becherově, Varadce, Vyšním Mirošově, Kečkovcích, Vápeníku, Kružl'ové, Vyšním Svidníku, Bodružalu (Знадоби II, 113 sl.). Je to tudíž zjev pozoruhodný, a může vzniknouti otázka, není-li v těchto severo-šaryšských obcích zachováno původní — *ł*. Majíce zřetel na ostatní nářečí maloruská, spíše připustíme, že toto — *ł* jest následkem silného vlivu slovenského.

9. Z tvarů slovesných v nářečí kerestúrsko-kocurském uvedu tyto: 1 sg. *budzem*, *pojdzem*, *pridzem*, *ňi možem*, *privjažem*, *zaprem* (zavru), *odňišem*; 1 pl. vždy — *me: pridzeme*, *pojdeme*, *tu sme*, *že mušime*; 3 pl. *šedňu*, *pašu*, *vežňu*, *co su* a t. d., *hoňa, visluža*, *ňi jidza*, *robja*, *skupja še* a t. d.; inf. vždy — *c: bivac*, *vožic*, *isc* (jíti), *pojsc, dojsc* a t. d. Není tuším třeba dokazovati, že souhrn těchto tvarů jest zřejmým svědectvím pro slovenskou povahu nářečí kerestúrsko-kocurského a že doplňuje řadu dokladů s vrchu uvedených, jichž dále rozmnožovati není potřeba. Zvláštnosti nářečí kerestúrsko-kocurského tím ovšem jsou jen naznačeny, daleko ne vyčerpány. Pan Hnaťjuk sám uvádí (str. 17—20) dlouhou řadu hláskoslovných odchylek, doložených v rusínských nářečích západo-haličských a uherských. Než takové všeobecné doklady nestačí. Třeba v každém jednotlivém případě ustanoviti nejen hláskoslovný ráz, nýbrž i zeměpisné rozšíření, z čehož vyjde na

jevo, pokud uvedené odchylky jsou způsobeny vývojem vnitřním a pokud se v nich zračí vliv sousedního živlu, polského a slovenského.

II.

Nářečí kerestúrsko-kocurských Rusínů náleží tedy podle kriterií filologických do skupiny východních, spišsko-šaryšsko-zemplinských, nářečí uhersko-slovenských. Jest všeobecná tradice, dosud ovšem dokumentárně nedoložená, že ruští osadníci kerestúrsko-kocurští přistěhovali se do svých sídel asi před 150 lety ze stolic zemplínské a šaryšské. Rusíni těchto stolic nazývají se nyní «Slovjáci» a mluví «po slovensky». Bačvanští kolonisté těchto názvů neznají, nazývajíce sebe «Rusnak», pl. «Rusnaci» a mluvíce «po rusky». Správně soudí z toho jeden z dopisovatelů p. Hnaťjukových, Jurij Bindas, že název «Slovják» jest novějšího původu (Слов. чи Рус., 29), kterého ještě nebylo, když kolonisté bačvanští rodný svůj kraj opustili. Tento závěr platí též o jazyce. *Nářečí kerestúrsko-kocurské jest živou ukázkou poslovenštěného nářečí rusnáckého před 150 lety.* Tím stává se toto nářečí nemálo důležitým předmětem studia filologického a bylo by si přáti, aby co nejzevrubněji popsáno a zaznamenáno bylo. Běží o podrobné vyložení, co v nářečí bačvanských Rusnáků jest slovenským a co ruským. Věc je dosud nesnadná, protože nemáme náležité dialektologie ani slovenské ani rusínské, nýbrž jen jednotlivé popisy a ukázky nářeční. Obtíže vznikají při každé jednotlivé střídnici hláskové, při každém tvaru, při každé syntaktické vazbě.

Vezměme na př. střídnice za praslovanské ъ. V ukázkách p. Hnaťjukových nalézáme:

a) *zo*, *zoz*: *zo sobu*, *zoml'ic* (sъ-mlěti), *zoz hl'inom*, *zoz macerami*, *zos chotara*; podobně se jeví *o* ve slovech: *vonka*, *tot* (ten), *na zadok*, *mohol*, *odvezol*, *vidzel som* a t. d.;

b) vedle toho *e*: *kreu̯* (krъvь), *teraz*, *tedi*, *ked*, *vešňu* (vъzьmątь);

c) jiné střídnice: *raš* (rъzь), *zadišdžena chvil'a* (dъždь), *gu poledňu*, *gu vichodu*. Co jest v těchto střídnicích slovenským, co ruským majetkem? Odpověď není snadná. V ukázkách falkušovských (O. Broch, Studien) nalézáme též: *zo sobu*, *voš* (vъšь), *vonka*, *zohrac še*, *vojs* (vъ-jíti), *z desok*, *zamok*, *l'ubou̯* (ljubъvь), ale vedle toho *kreu̯*, *cerkeu̯*, *nochec* (nogъtь), *kedi*. Z toho vysvítá, že všechny kerestursko-kocurské střídnice za praslov. ъ mohou býti slovenské, některé však že mohou býti též ruské.

Jiný příklad poskytuje skloňování jmen přídavných; v ukázkach p. Hnaťjukových čteme vždy sing. gen — *oho*, sing. dat. — *omu*, tedy tvary ruské, které mají též «cotáci» falkušovští (Broch, Studien 36). O těchto tva-

rech možno určitě říci, že jsou původu ruského, tedy v nářečí bačvanských Rusnáků zbytky vlastního nářečí ruského. Koncovky *-oho -omu* jsou též v nářečí «sotáckém» (srv. Broch, Weitere Studien 32), doloženy již ve zpěvníku z r. 1752 (srv. mé Beiträge zur Lautlehre der slovak. Spr. 123), ba sahají dále až do stolice gemerské (t., 123). Vůbec možno říci, že Slováci sice poslovenštili valnou část svých sousedů rusínských, že však tento živel nezanikl beze stopy, nýbrž že vliv svůj zřetelně uplatnil v nářečích slovenských.

Nemálo zajímavé jsou též tvary plur. gen. na *-och*, které v nářečí kerestúrsko-kocurském, jak se podobá, jsou obecné: *nam ňi treba katonacoch* (nám netřeba vojáků), *Rusnacoch*, *barz l'udzoch*, *do putoch*, *kolo tich hňizdoch*, *do magazinoch*, syntakticky též za akkus. pl.: *dobijice katonacoch* (obdržíte vojáky), *poslal dvoch banduroch*, *hoňil'i l'udzoch*, ba i za dat. pl.: *gu peňižoch*. Původní lok. plur. je též doložen: *v tich dzirkoch*, *vajcoch*, *v pivňicoch*, *u vodzoch*, *na voloch*. Jakého původu jest tento gen. pluralis? St. Smal-Stockij (Arch. VIII, 1885, 239) nalezl takové tvary u I. Holovackého (Нар. пѣсни III, 262 a IV, 294), doložené v písních haličských Lemků a uherských Rusínů, tedy v sousedství slovenském, a proto soudil, že se vysvětlují též vlivem slovenským. Jinak O. Broch (Weitere Studien, 1899, p. 21) jenž časté užívání gen. plur. tvarů *-och* v nářečí «sotáckém» (v Korumlji) považuje spíše za příznak rusínský. Na které straně jest správný výklad? V uhersko-slovenských nářečích spišských, šaryšskych a zemplínských jest skutečně tento gen. pl. *-och* obecný. (Srv. mé Beiträge, 98). Jak je tomu v sousedních nářečích rusínských? Z nářečí haličských Lemků neuvádí Iv. Verchratskij žádného dokladu (Arch. XVI, 1894, 19 sl.), z nářečí haličských Zamišanců taktéž žádného dokladu (Зап. Шевч. III, 177), z nářečí haličských Dolů jen вдовы́х (Про говор дол. 67), z nářečí marmarošského žádného (Ueber die Mundart der Marm. Ruth., 28), z nářečí berežského žádného dokladů (Знадоби I, 63 sl.). Teprvé při popise nářečí rusínského ze stolic: spišské, šaryšské a zemplínské praví Iv. Verchratskij (Знадоби II, 73 sl.), že tvar gen. pl. *-och* jest všeobecný u všech kmenů, a uvádí hojně dokladů. O. Broch z nářečí «cotáků» falkušovských a dubravských dokládá gen. pl. nach *-och* jen ojediněle, jako tvary výjimečné: *dňoch* (Studien 54), *maceroch* (55). Na základě tohoto, poměrně kusého materialu není lze řešiti otázku, v kterém nářečí tento novotvar vznikl, ač rozšířenost na straně slovenské jest patrně větší.

Je-li nesnadno, určovati ethnický původ hláskových a tvarových změn, oč obtižnější jest při nynějším stavu slovanské dialektologie stanoviti příslušnost vazeb syntaktických! V ukázkách kerestúrských čteme na př. takovou vazbu: *išpan še pita bandurovi*, *birovovi*, tedy sloveso *pytati* s dati-

vem. Očekáváme při slovese *pъtati pytati* genitiv, který je tu skutečně doložěn z mnohých slovanských (srv. Miklosich, Vergl. Gr. IV, 493 sl.) i neslovanských jazyků (funkce ablativní), anebo aspoň akkusativ; avšak odkud vazba dativní? Snad vznikla podle vzoru *modliti sę komu*, podle níž se spojuje i *prositi sę* s dativem. Tak slovensky: *on sa nikomu neklaňal*, *nikomu sa neprosil* (Hattala) a polsky: *nie prośmy się nikomu* Linde (Miklosich, V, Gr. IV, 597). Takto by se uvedená vazba vysvětlila, ale zbývá otázka, v kterém nářečí se vyvinula, v slovenském či v ruském?

Zůstává tedy při náležitém rozboru nářečí kerestúrsko-kocurského mnoho otázek nerozřešených; nicméně tolik s jistotou říci se může, že jest to nářečí, které nyní, v tom stavu, jenž známe z ukázek páně Hnaťjukových, náleží do skupiny slovenských nářečí šaryšsko-zemplínských. A jelikož není o tom pochybnosti, že lid, tímto nářečím mluvící, podle ethnického původu jest rusínský, máme před sebou nářečí, které si tento rusínský lid osvojil, dokud ještě byl v rodném kraji šaryšsko-zemplínském, pod kulturním a hospodářským vlivem slovenským. K takové základní změně jazykové bylo zajisté zapotřebí dlouhé doby, snad několik století. Mnohé vysvětlení by tu mohly poskytnouti hospodářské dějiny oněch krajů. Podobá se zajisté, že slovenská vrstva, snad zemanská, byla panující, kdežto obyvatelstvo ruské bylo poddané. Ovšem je to pouhá domněnka, která se při této úvaze mimoděk namanuje. Snad bude vůbec lze, vysvětliti vznik východního nářečí uhersko-slovenského — spišsko-šaryšsko-zemplínského — jako výsledek výbojného postupu živlu slovenského na úkor živlu polského a rusínského.

III.

Tyto výklady byly již vysázeny, když mně pan *Gabor Kostelnik Homsov* poslal sbírku svých básní, vydaných pod názvem: *З мойою валала.* Идилски веньец. Жовква, Печатня ОО. Василіян. 1904. 43 str. Obsahem této knihy jest poetické vylíčení krásného a šťastného života vesnického, jak se jeví po celý rok v rodné obci spisovatelově, v Báč-Kerestúře, při čemž zachováno v celé básni *velmi věrně domácí nářečí.* Pan spisovatel byl tak laskav a zaslal mi na mé požádání celou báseň též v transkripci latinské.

Maje takto po ruce nový pramen lidové řeči kerestúrské, připojuji zde, na základě tohoto pramene, krátký popis hláskoslovný a tvaroslovný, drže se celkem téhož pořádku.

1. Západoslovanské ц, дз jest obecným pravidlem: a) kompar. вец, вецей, вецка; subst. ноц, вноци, полноц; около пеца, pl. пеци; gen. помоци,

adj. моцни, komp. моцньейшим; на плецу; плаца; part. indecl. na — ци: трешаци (trešaci), прериваюци, одглашуюци, указуюци, шпиваюци, льецаци a j.; adj. od těchto participií utvořená: на швицацо (= skvěle), пишацо (= pyšně); 3. pl. мецу (mecu = metají); partic. наквицену (kvítím ozdobenou); verba iterat. врацали, врацаю (3. pl.), наруцали, руца (3 sg.), з окруцаньом a j. Není tu žádné odchylky. b) praep. медзи, медз собу, помедзи, медзитим; subst. на медзу; adj. цудзи; partic. утрудзени (upracovaný), родзеней, зачудзени (udivený); verba iterat. прехадзало, 3. sg. випровадза, схадза; 3 pl. посхадзаю, позихадзаю; zvláště zřetelně v 3 pl. похоцкую. Jediná odchylka jest ve slovech církevně-slovanských: «День божого нарожденя» (str. 34). Jinak odchylky není žádné. Z toho plyne, že v lidové řeči kerestúrské není jiných střídnic, než toliko slovenské ц, дз.

Poznámka. Několikkrát doloženo jest též дз za obecné slovanské з: дзвони задзвоньели, дзвоном одзвоньели, дзвонко, дзвонковим гласом, задзвинѣ (zadzviňi 3 sg.).

2. Vkladné л — epentheticum — se naprosto nevyskytuje, ani starší ani pozdější. Čteme tedy: sg. nom. жем, dat. жеми, instr. жему; partic. облюбене, ньевиробени, схабеней, виставени; verba iter. поставяли, охабяли, 3. pl. схабя, сподабя, наздравяю, též охабаю; podobně i tvary 3. pl. направя, поздравя, трубя a též люба; part. охабя, любяци. Všeobecně slovenské *hrable* nalézáme i zde: з граблями. Jediná odchylka jest církevněslovanský tvar: вибавленю (vybavl'eňu) na str. 31.

3. Obecným pravidlem jsou tvary *trat* a *trět*. Jediné odchylky jsou: хлопи (10, 16, 41) vedle náležitého хлапец, dále jednou млода (29) vedle obvyklého млада.

4. Obecná jest skupina дл: sg. nom. кридло, plur. gen. кридлох, instr. кридлами, adj. кридлати, pl. брадла («kupi žita l'ebo inšakoho zarna»), зубадла (na koních); видлами; verb. 3 sg. модлѣ (modl'i), 3 pl. помодля ше, part. модльели,модляци; спадла. Odchylné jest *harlo* = hardlo, hrdlo: гарла, гарлом; dále *selo* ve slovese одсельела (vystěhovala), ше одселѣм (= odsel'im).

5. Povšimnutí zasluhuje též zachovaná skupina souhlásková кв a гв: з квета, зоc кветами, квиток, на квиткох, квеце (kvítí) виквитало, розквитла, заквицени (kvítím ozdobený), наквицену гвиздочками (hvězdičkami jako kvítím ozdobenou), з гвизду (s hvězdu), гвиздами, на гвиздочку. Vždy zůstává кв, гв, bez výjimky.

6. Střídnice za ъ a ь jsou o a e: вонка, на предок, на задок, статок (statek), сон (sen), пошол (pošel), зоc дому (z domu), зоc поля (z pole), зоc любову (instr.), сом (jsem) a j.; пес (pes), овес (oves), у чести (u cti). Od-

chylně nalézáme e též za ъ ve slově: деском (od «deska»), з дескох (z desek), на дещички (na deščički = na deštičce).

7. Pozoruhodna jest rozmanitost střídnic za původní slabičné р a л: a) шерцо (srdce), церпиц (trpěti), до верху (do vrchu), верхом (vrchem), завершели (završili = dokončili), завершуе (3 sg. završuje = končí), сцернянка (strniště), на сцерньох (na strništích), перши (první), мертви (mrtvý), верца (3 pl. vrťá, vrtí), змерканье (smrkání, soumrak), též черпаю (3 pl. črpajú); b) зарно (zrno), гарсц (hrsť), на гарсцох (na hrstích obilí), чарни (černý), барз (brzo = velmi), тварде (tvrdé), змарзнуте (zmrznuté), позамарзовала (pozamrzovala), претаргнье (3 sg. pretrhne), витаргнуц (vytrhnúť), гарню ше (3 pl. hrnou se); c) городосци (sg. gen. hrdosti), зморщени (smrštěný); d) кирвави (krvavý), вистирчени (vystrčený); e) брииѣ (3 sg. brní, totiž kosa). Podobně při л: a) слунко (slunko), длуги (dlouhý), яблука (jablka); b) слиза (slza), глѣбоки (hluboký); c) полни (plný), наполнюе (3 sg. naplňuje), наполньела (naplnila); d) жовци ше (3 sg. žlutá se, totiž med), жовца ше (3 pl. žlutají se, totiž «hušatka»), забовчуе (3 sg. zablčuje, oheň), разбовчани (rozblčený, plamen). V posledních střídnicích je patrný vliv maloruského jazyka.

8. Také za ѣ máme trojí střídnice: a) чловек (člověk), дзецко (děcko), место (místo), хльеба (chleba), хльебик (chlebík), ньевеста (nevěsta), до мехох (do měchů), зос мехом (s měchem), шедзели (seděli), льетали (lítali), греє (hřeje 3 sg.), завеє (zavěje 3 sg.), одбера (odbírá 3 sg.), пресцера (prostírá 3 sg.) a j.; b) писма (píseň), вира (víra), шнѣх (sníh), шнѣгови (sněhový), дзивче (děvče), дзивки (dívky), до хлѣва (do chléva), цивки (cívky), била (bílá), билостриберни (bělostříbrný), зашпивал (zaspíval), ale též витрик (větřík), повишала (pověšela), предвичного (předvěčného, totiž světla, výraz církevní, str. 30), inf. видзиц (viděti), церпиц (trpěti) a j. c) цали (celý), цала (celá), цале (celé), шаце (setí, subst. verb.), сцадзуе (3 sg. scezuje, totiž zrno), вицадзели (vycedili), бляди (bledý), блядих (bledých).

9. Střídnice za ѧ jsou dvojí: a) вецей (více), чешки (těžký), гльеда (3 sg. hledá), гльедали (hledali), клъекаю (3 pl. klekají), треше (3 sg. třese), akk. це (tě), refl. ше (se), дзивче (děvče), čistě ruské jest ся (str. 32); b) вяжу (3 pl. vážou), повязане (považané), оглядаю (3 pl. ohlédají), шяту (svatou), шястоц (svatost), пратки (přadky, přástky), прагали (přahali), спрагнули (spřáhnuli), жадали (žádali), щашлѣвосц (ščašl'ivosc = štěstí), започала (započala), на початку (na počátku), мешачком (měsíčkem), шущаце (šuščace = šustící, totiž žito), дзивчата (děvčata), 3 pl. коша (kosí), льеца (letí), наваря (navaří) a j.

10. Mladší palatalisace zubnic *ť* a *ď* jest všeobecným pravidlem: a) inf. описац, слухац a t. d. (vždy), досц (dosť), мац (mať, máti), понѣзносц

(poňiznost, pokora), цма (tma), цмасте (temné), цемни (temný), оцец (otec), сцернь (strniště), цепли (teplý), ценючки (teňučký), нье гоньце (ne hoňte), сце (jste), пацерки (páterky, růženec), запльецени (zapletený), мацер (máteř), на месце (na místě), у прикльеце (v příkletě), на посцелку (na postelku), уцешуе (utěšuje 3 sg.), пресцера (prestiera 3 sg.), сцели (chtěli), плаци (3 sg. platí), сцигнье (stihne), циньом (tínem, stínem), цихе (tiché), уцих (tichl), у чесци (u cti), ци (ti), сцагнье (stáhne), нацагали (natáhali), вицагнули (vytáhnuli), 3 pl. льеца (letí), прехваца (přechvátí), kollekt. лѣсца (lístí), квеца (kvítí) a t. d. Odchylky obvyklé jsou: тераз, тебе, истей (sg. gen. fem.); z církevního jazyka: дате (32), откупитель (35); b) челядз (čeleď), з людзми (s lidmi), прездзень (přes den), свадзба a звадзба (svatba), будзе (3 sg.), идзе (3 sg.), дзвери (dvéře), кудзель (koudel), ньедзеля (neděle), дзеци (děti), видзел (viděl), дзе (kde), дзегдзе (kdekde, kdekoliv), 3 sg. родзи, ходзи a j., дзивей (divé), од дзивчатка (od děvčátka), подзвигнье (3 sg.), вшадзи (všude), шедзаци (šedzaci, seděci), 3 pl. шадза (sedí), видза (vidí), заедза (zajedí), пребудза (probudí) a j. Obvyklé odchylky: еден (jeden); кед (keď); z církevního jazyka: дѣва (30), народил (32), едина (30), дѣдове (dědové, starci).

11. S touže důsledností mění se *s* a *ś* v *š* a *ś*: a) ньеше (3 sg. nese), ешень, до ешенѣ (do ješeňi, do jeseně), шестрички (sestřičky), пошедаю (3 pl.), нашмее (3 sg.), яшньее (3 sg.), жалошнье (adv.), у шветлье (ve světle), шнѣгови (sněhový), жалошлѣви (žalostlivý), швет (svět), ошльепнье (3 sg. ošl'epňe), у сушеда (u souseda), нье шме (3 sg. ne smí), нашмеяци (part.), крашнье (krásně), клаше (klásí, kollekt.), зашпивал (zazpíval), шиви (sivý), 3 sg. глаши (hlásí), коши (kosí) a j., швички (svíčky), щашлѣвосц (ščašl'ivosc = štěstí), зашвици (3 pl. zasvítí), мешац (měsíc), оштри (ostrý), ошлѣк (oslík), 3 pl. коша (kosí), по кошачкох (po kosačkách), по клашу (po klásí), у яшелькох (u jesliček), dále tvary: reflex. ше a prototéž заш (zase), кед биш (ked bys), якуш (jakousi), 2 sg. ши (jsi), dále ньешка (dneska) a j. Odchylek jest velmi málo. Nalézám jen dvě: весело (veselo), веселе (veselé), весели (veselí, pl.), ale vedle toho вешельме ше (veselme se), вешелѣ (3 sg. veselí), dále jednou на висини (35). b) жем (země), споза жеми, за жему, з жему, жельени (zelený), зжельеньели (zžel'eňeli), жима (zima), жимно жимну, на драже (na dráze), бояжлѣви (bázlivý), любежлѣво (l'ubežl'ivo), привеже (3 sg.), вожи (3 sg.), звожуе (3 sg.), позвожело (po-zvozilo), 3 sg. пражньее (prázdní), 3 pl. вежню (vezmou), a j.

12. Zvláště připomenouti sluší zachované starobylé západoslovanské ш v zájmenných tvarech: вше (vždy), шицок (všecek), шицки (všecky), вшадзи (všude) a j.

13. Skupina шч je starší a mladší: ище (ješče), кущик (kúščik), ку-

щичко, блещаци (bleščaci), щашлѣвосц (ščašl'ivosc), спущуе (spuščuje, 3. sg.); ale vedle toho čteme též витрик шущи (3 sg. šušči = šustí) a класок засущи (zasušči = zasuští), podobně пущи (3 sg. pustí) a пущел (pustil); konečně i вщас (v čas).

14. Z tvarů časovacích uvádím: 1 sg. берем, пишем; 3 sg. нье да, запатри, розльетуе a t. d., vždy bez т; 1 pl. радуйме ше и вешельме, даме; 3 pl. су (jsou), цу (chtí), иду (jdou), пошедаю (posedají), коша (kosí), льеца (letí) a t. d., vždy bez т; inf. vždy — ц: исц (jíti), зисц (sjíti), jen jednou církevní tvar навеселити (32); dále буц (býti), jako partic. бул (byl); partic. *i* — kmenů: бавели, зноели, мушел, робел a t. d.; partic. zavřených kmenů odsouvají л: вильет (vyletl), розльет (rozlétl), приньес (přinésl), вес (vézl), уцих (utichl), зарип (zarýpl), розбег (rozběhl), обумар (obumrl), též повед бим (pověděl bys).

15. Několik tvarů skloňovacích: a) pron. цо (podle této výslovnosti patří Keresturští mezi «Cotáky»); gen. з нього (z ňoho), його (joho), ale též нанього (naňho), -oгo je též koncovka všech přídavných: малого, жадного a t. d.; dat. — ому: младому (vždy); instr. пред ню (pred ňú); nom. pl. дзеци мойо мили; b) subst.: sg. gen. до волѣ (do vol'i), podle kmenů tvrdých; lok. по заграду (po zahradě), по води, на лавки a t. d.; instr. под тополю, з мацеру; pl. gen. u všech kmenů — ох: рукох, власох, людзох a t. d., jako lok: о часох, о шарканьох, на квиткох; syntakticky tento tvar má též význam akkusativu: орехох там сипаю (ořechy tam sypají).

Rozbor ukazuje, že lidový jazyk kerestúrský, jak se jeví v písních p. Gabora Kostelnika, člena řecko — katolického semináře v Záhřebě, rovná se úplně uhersko-slovenskému nářečí, jež je obecné ve stolicích zemplinské a šaryšské.

Additamenta

ad Miklosichii «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» (a. 1862—1865) et Daničićii «Рјечник из књижевних старина српских» (a. 1863—1864).

E serbico codice chartaceo scripto saec. XIV exeunte aut XV—ineunte.

Collegit *M. P.*

А.

Аронь, n. pr. Ἀαρών — Aaron.

Авирить, v. **Вирить**.

Агиополить, m. ἁγιοπολίτης — hagiopolita (hierosolymitanus).

Амаликь, m. geogr. ἀμαλήκ — amalecita.

Антиωχїа, n. geogr. Ἀντιόχεια — Antiochia.

Аполоние, n. pr. Ἀπολλώνιος—Apollonius.

Арсакие, n. pr. Ἀρσάκιος — Arsacius.

Архїерархь, m. ἀρχιεράρχης — patriarcha.

Арьнонь, geogr. Ἀρνών — Arnon.

Б.

Багрѣновидьнь, adj. πορφυροειδής — purpurae speciem gerens.

Басновение, n. μυθοπλαστία — fabulosum figmentum.

Безвиньнь, adj. ἄοινος — vino carens.

Безьпредѣльнь, adj. ἀόριστος — indefinitus.

Безьчловѣчныи, adj. ἀνάνθρωπος — inhumanus.

Бесчедьнь, adj. ἄγονος — sterilis.

Бесѣменьно, adv. ἀσπόρως — sine semine.

Благодарьствьно, adv. εὐχαρίστως — animo grato (lepide, feliciter).

Благодрьзостьнѣ, adv. εὐθαρσῶς — confidenter.

Благодѣıатель, m. εὐεργέτης — beneficus.

Благомастие, n. εὔχροια — nitidus color.

Благомислие, n. εὔνοια — benevolentia.

Благонаслѣдие, n. εὐκληρία — bona haereditas (bona sors).

Благопочьтеныи, adj. θεοτίμητος —

deo honorabilis (verisimilius — богопочьтеныи).

Благоприꙗзниꙗ, n. εὐμένεια — felicitas, benevolentia.

Благорасоудьнъ, adj. εὐκρινής — clarus, distinctus.

Благоспѣшиꙗ, n. εὐοδία — expeditum, planum prosperum iter. (Apud Mikl. благоспѣꙗти εὐοδεῖν — prosperum reddere).

Богатьнѣи, adj. comp. ἁβρότερος — clarior.

Богоглаголивьць, m. θεοφάντωρ — divino afflatu canens (sacerdos, theologus).

Богожрьтьвнаꙗ, n. τῶν θεῶν θυσία — sacrificia deorum.

Богозарьнъ, adj. θεαυγής — divina claritate fulgidus.

Боголѣпьнѣ, adv. θεοπρεπῶς — Deo convenienter.

Богоприкътьница, f. θεοδόχος — Deum excipiens.

Богоприкътьнъ, adj. θεόληπτος — divinitus locutus.

Богорождьствьнъ, adj. θεογένητος — a Deo genitus.

Богословиꙗ, n. θεολογία — theologia in potestate *loquendi de Deo.*

Богосоудительно, adv. θεοχρίτως — ex Dei judicio.

Братооубииствиꙗ, n. ἀδελφοκτονία — fratricidium.

Бѣдыи, f. pl. ἔνεδρα — insidiae.

Бѣсованиꙗ, n. λύσσα — rabies.

Бѣсоначельникъ, m. δαιμονιάρχης — daemoniacae artis praefectus ac princeps.

В.

Валакъ, m. propr. Βαλάκ — Balak.

Валаамъ, n. pr. Βαλαάμ — Balaam.

Великославьнъ, adj. μεγαλόδοξος — magnam habens gloriam.

Видитель, m. θεατής — spectator.

Виритъ, n. geogr. Βηρυτός — Berytus.

Виритьскъ, adj. a geogr. Βηρυτός — berytensis.

Волоуꙗ жилы, f. pl. βούνευρα — nervi boum (flagella e nervis bubulis).

Вѡдинъ, m. βόθυνος — bothynos (meteorum).

Бореи, m. βορέας — boreas.

Вьзыграниꙗ, n. σκίρτημα — saltus (lascivia).

Вьконьць, adv. ἄκρως — omnino (eximie).

Вькоупочьстьнъ, adj. ὁμότιμος — qui in pari honore habetur.

Вьѡбражениꙗ, n. μόρφωσις — formatio; ἐκτύπωμα — origo (effigies expressa).

Вьседобръ, adj. πάγκαλος — perpulcher (honestissimus).

Вьсельникъ, m. ἔνοικος — inhabitans, incola, inquilinus.

Вьсесвещеньнъ, adj. πανίερος — sacrosanctus.

Вьсесьчиниеньныи, adj. παναρμόνιος — suavissimus.

Вьсиꙗниꙗ, n. ἀνατολή — ortus, oriens.

Вьсхотѣниꙗ, n. δόκησις — opinio (existimatio).

Высокотворьнъ, adj. ὑψοποιός — magnificus.

Вѣмь, adv. πάντως — omnino.

Г.

Галаадовъ, adj. a geogr. Γαλαάδ — Galaad (Galhed, Gilhad).

Гаризиньскъ, adj. a geogr. Γαρίζειν — Garizin.

Гевальскъ, adj. a geogr. Γηβάλ — Gebal.

Гельвоуинскыи, adj. a geogr. Γελβὀέ — Gelboë.

Гиваль, m. geogr. Γαιβάλ — Hebal

Гивальскыи, adj. a geogr. **Гиваль**.

Гогощоущїи, part. pr. ἀρασσόμενος — impingens.

Господа велика, coll. μεγιστᾶνες — magnates.

Гостьба, f. ἄριστον — prandium. (Ap. Mikl. — convivium).

Гребенари, pl. κτεναρίαι — ctenariae, portae regiae, portae aedissophianae (Sanctae Sophiae).

Д.

Databodatель

Дародатель, m. δωτήρ — largitor (donator).

Десетословьнь, adj. δεκαλογικός, a v. δεκάλογος — decalogus (decem praecepta Dei).

Дидрагьма, f. δίδραχμον — didrachmum.

Диаволкгоубительнь, adj. τοῦ διαβόλου ὀλέθριον — diabolice perniciosus.

Доблкстьвнь, adj. γενναῖος — generosus (Ap. Mikl. ἀνδρεῖος — fortis).

Докидь, f. δοκίς — (trabecula) stella quaedam, meteora.

Доминиште, n. οἰκία — domus (domicilium).

Дроугарь, m. δρουγγάριος — drungarius (qui drungo seu turmae militari praeest).

Доушегоубныи, adj. χαλεπός — crudelis (ψυχοφθόρος — animam perdens).

Дѣлательство, n. γεωργία — agricultura.

Є.

Nonnulla vocabula ab є incipientia v. sub к.

Ж.

Живописатель, m. ζωγράφος — pictor.

З.

Завоулонь, adj. a pr. Ζαβὀλών — Zabulon.

Законоприкмьць, m. νομοδόχος — legem excipiens.

Законьники, pl. τὰ νόμιμα — leges.

Запечатлѣник, n. ἐπισφράγισμα — sigillum.

Зарити, vb. διαυγάζειν — perlucere, illucescere.

Звѣроборьць, m. θηριομάχος — bestiarius (qui cum feris decertat).

Звѣрквобразьнь, adj. θηριώδης — ferus, beluinus, saevus.

Златокрасьнь, adj. χρυσεόστολος — auro exornatus.

Злодѣистьвьнѣ, adv. κακούργως — maligne.

Злолютьствик, n. δυσκολία — difficultas morum, morositas.

Злосьвѣтьно, adv. κακοβὀλως — temere, imprudenter.

Злоѹгодьникъ, m. κάκιστος θεραπευτής — pessimus administer.

И.

Изливати, vb. διαχεῖν — diffundere.

Изнеманиѥ (срьдцемь, очесемь), n. ἀνατομή, ἐξόρυξις — effossio.

Изьωбраженниѥ, n. πίναξ — tabula.

Изьравнꙗти се, vb. ἐξισȣ̃σθαι — adaequari.

Изращениѥ, n. κίνησις — motus, inceptus.

Изьстоупльнь, adj. ἐκστατικός — attonitus.

Исповѣдательно, adv. ὁμολογουμένως — sine controversia.

Истрьзаниѥ, n. ἐκρίζωσις — excussio (evulsio).

Исхльставати, vb. ἀφεῖναι — dimisisse.

К.

Каникліѥ, m. κανίκλιος — caniclio praefectus.

Кармиловь, adj. a geogr. Καρμήλ — Carmelus.

Квесторнквь, adj. a κοιαίστωρ — quaestor.

Комить, f. κομήτης — stella comata, cometa.

Конктичьнь, adj. ἱππήλατος — equitabilis.

Красьноωбразьнь, adj. ὡραιόμορφος — forma speciosus (lucidissimus).

Крьстоподобьнѣ, adv. σταυροειδῶς — in formam crucis.

Кьзнь, f. μηχανή — machinatio, consilium.

Кьзньство, n. ἐπιβȣλή — insidiae.

Кьснительнѣ, adv. διαρκῶς — prope, sufficienter.

Л.

Лихоимьчьскь, adj. πλεονεκτικός — avarus.

Лишитель, m. ἀποστερητής — fraudator, infitiator, qui privat.

Лоуча, (люча), f. μαρμαρυγή — splendor, fulgor.

Льгьконьравьни, adj. κουφογνώμων — levi animo (vir).

Льжесложьнь, adj. ψευδεπίπλαστος — fictus, simulatus.

Лѣчьба, f. φάρμακον — medicamentum.

Любоживотьнь, adj. φιλόζωος — vitae cupidus.

Любовь, f. πόθος — amor.

Любоимѣньство, n. φιλοχρηματία — avaritia.

Любопраздьствьнѣ, adv. φιλεόρτως, ab adj. φιλέορτος — qui amat dies festos.

Любопрѣти се, vb. φιλονεικεῖν — rixari.

Любочьстивьно, adv. φιλοτίμως — studio honoris, ambitiose, comiter.

М.

Магистръ, m. μάγιστρος — magister (officiorum — in palatiis imperatorum).

Малословъ, m. μικρολόγος — breviloquus.

Марнамь, f. propr. Μαριάμ — Maria.

Маріиньи, adj. a pr. Μαρία — marianus.

Матероградьникъ, m. μητροπολίτης— qui metropoli praeest.

Мерьра, f. geogr. Μερρᾶ — Mara.

Мимотечение, n. παραδρομή — cursus, transitus.

Многопитание (вм. многопытание); n. πολυπραγμοσύνη — curiositas, inquisitio.

Многопитати (вм. многопытати), vb. πολυπραγμονεῖν — sollicite inquirere.

Многооусоугоубити, vb. πολυπλασιάζειν — multiplicare.

Многосоугоубьствовати, vb. πολυπλασιάζειν — multiplicare.

Молитель, m. ἱκέτης — supplex.

Мольць, m. σής — tinea.

Мωѵсѡвь, adj. a pr. **Мωѵси**—Μωϋσῆς — Moyses.

Мьсть, f. ἀντίδοσις — retributio.

Н.

Навоухωдоносорь, n. pr. Ναβουχοδονόσωρ — Nabuchodonosor.

Надьдржати, vb. καταχρατεῖν — dominari.

Назаресѡвь, adj. a ναζωραῖος — nazoraeus.

Насилиевати, vb. ἐνδυναστεύειν — regnare, auctoritate obtinere.

Неблазньнѣ, adv. ἀπλανῶς — sine errore.

Небоголюбие, n. ἀφιλοθεία — impietas.

Невьзрадити, vb. καταφρονεῖν — contemnere.

Невѣрьникь, m. δυσσεβέστατος — impiissimus.

Невѣрьствие, n. ἀσέβεια — impietas.

Недобитьнь, adj. ἀνόνητος — inutilis.

Недобль, adj. ἀνενής — ignavus.

Незлопомнѣние, n. ἀμνησικακία — injuriae oblivio.

Некористьнь, adj. ἀνόνητος — inanis, inutilis.

Нелѣпотьнь, adj. ἀπρεπής — indecens, indecorus.

Несложьнь, adj. ἀσυντελής — imperfectus, qui non conferat.

Неѡбрѣзание, n. ἀκροβυστία — praeputium.

Неѡразоумѣти, vb. ἀγνοεῖν — ignorare.

Непосредьствьнѣ, adv. ἀμέσως — sine medio, immediate.

Непостоянньнь, adj. ἀνύποιστος — intolerabilis, non ferendus.

Неприкосьнь, adj. ἄψαυστος — intactus.

Несмѣреньнь, adj. ἀταπείνωτος—sublimis.

Несоупротивьно, adv. ἀναντιῤῥήτως— citra controversiam.

Несьсоудьно, adv. ἀσυγκρίτως — sine ulla comparatione.

Несьсоужденьно, adv. ἀσυγκρίτως — singulariter, sine comparatione, citra comparationem.

Неоудовьподатьнь, adj. δυσμετάδοτος — qui aegre impertit, in dando parcissimus.

Неоуклоньно, adv. ἀτενῶς — assidue.

Неоутькмень, adj. ἄστατος — instabilis.

Нефдалимль, adj. a pr. Νεφθαλείμ — Nephthalim.

Нефдалимь, m. pr. Νεφθαλείμ — Nephthalim.

Никифоръ, m. pr. Νικηφόρος — Nicephorus.

Ношениѥ, n. Ψορά — munificentia.

Ньговъ, pron. poss. αὐτοῦ — ejus.

О et Ѡ.

Обесьмрьтити се, vb. ἀπαθανατισθῆναι — immortalis fieri.

Ѡбидѣнти, vb. ἀδικεῖν—nocere (injuriam facere).

Ѡблагодѣтованъ, adj. κεχαριτωμένος — gratiosus.

Ѡбитѣль, f. καταγώγιον — habitaculum.

Облиставати, vb. ἀστράπτειν — splendores emittere.

Ѡбраженниѥ, n. σχηματισμός — schematismus, figuratio.

Ѡбьвинновениѥ, n. ἔγκλημα — crimen.

Обьщеполызнъ, adj. κοινωφελής — omnibus utilis.

Ѡбьѥмьнѣ, adv. συλλήβδην — comprehensim, summatim.

Ѡкрстныѥ острови, m. pl. κυκλάδες νῆσοι — cyclades insulae.

Ѡкринновльшениѥ, n. λεκανομάντεια— divinatio e pelvi.

Онебесити, vb. οὐρανοῦν — terram in coelum mutare.

Ѡпалениѥ, n. φλογισμός — combustio.

Ѡпсикинискъ, adj. a geogr. Ὀψίκιον— Opsicium.

Ѡтпоущениѥ мильно, n. συμπάθεια— compassio (Adj. **милынъ**—ἐλεεινός— miserabilis).

Ѿсвечера, adv. ἀπὸ ἑσπέρας — a vespere.

Ѡтсѣчениѥ, n. ἀποκοπή — abscissio.

Ѡчрьнıавати, vb. μελαίνειν — nigrare.

П.

Патриıарьхъ, m. ἀρχιερεύς — pontifex maximus.

Паѥстьствьнъ, adj. ὑπερφυής — naturae modum excedens.

Писанъ, adj. γραπτός et γραφείς — scriptus (facie inscriptus).

Плиндь, m. πλίνθος — later.

Плытню раждаѥмоѥ — κυοφορȣμενον, a vb. κυοφορέω — in utero fero.

Плытоѡбразьнъ, adj. σαρκομοιόμορφος — in carne similis.

Плытоносьць, m. σαρκοφόρος — carne indutus.

Повелии, adj. μείζων — major, amplior.

Повелительнѣ, adv. προστακτικῶς — imperative, imperando.

Повеще, adv. περισσῶς — abunde.

Повсегда, adv. καθ' ἑκάστην — quotidie.

Повыше, adv. μειζόνως — magis.

Погорше, adv. χαλεπώτερον — miserabilius.

Погребь, m. κατόρυξις — defossus.

Подвижьнъ, adj. ἐναγώριος — militans, certaminum studiosus.

Подьложениѥ, n. ὑποθήκη — consilium.

Погребательнаıа, adj. pl. τὰ ἐντάφια— lintea (funeralia).

Пожитиѥ, n. τὸ βιώσιμον — vitale (vivendum).

Пожьдательнъ, adj. καρτερικός — patientia praeditus, patiens.

Поземльнъ, adj. ἐπίγειος — terrestris.

Поклоньнъ, adj. προσκυνητός—adorabilis, adorandus.

Помилованије, n. συμπάθεια — compassio.

Помного, adv. πλεῖον et πλεῖστον — magis et plurimum.

Попреславьно, adv. παραδοξότερον — mirabilius.

Пороучевати, vb. μηνύειν — nuntiare.

Постъ, m. τεσσαραχοστή — quadragesima (quadragesimale jejunium).

Постьничьство, n. ἄσκησις — exercitia (et νηστεία).

Потрѣбленије, n. ἐξαφάνισις — eversio.

Пооутврьждати, vb. ἐπιβεβαιοῦν — confirmare.

Празногласије, n. κενοφωνία — garrulitas, sermo vanus.

Пращати, vb. συμπαθεῖν — compati.

Приближь, adv. πλησίον — prope, juxta.

Прикладнѣ, adv. καταλλήλως — convenienter.

Прикладьство, n. ἀναλογία — proportio (comparatio).

Прилогъ, m. μόλυσμα — macula.

Приωбьщьныкь, m. κοινωνός — socius (particeps).

Припрокь, m. ἀφορμή — argumentum, auxilium, opportunitas.

Прирокь, m. ἀναβολή — tergiversatio (cognomen).

Присьноживотьнь, adj. ἀείζωος — vitae perennis, semper vivens.

Присьноненавистьникь, m. ἀεὶ φθονῶν — qui semper invidet.

Приктилище, n. δίσχος — receptaculum, vas.

Продавьница, f. πρατήριον — forum.

Прозрачьство, n. ὑμήν — membrana (pellicula).

Происходь, m. πρόοδος — processio (exitus).

Простираније, n. ἀνάτασις — extensio.

Противоωбразије, n. ἀντιτυπία — durities.

Прьвозлоначельный, adj. ἀρχέκακος — auctor seu origo malorum.

Прьвопастырь, m. ἀρχιποιμήν — primarius pastor.

Прѣдьбыти, vb. προϋπάρχειν — praevenire.

Прѣдьградникь, m. πρωτοπολίτης — princeps (civitatis).

Прѣдьназнаменати, vb. προσημαίνειν — ante significare, portendere.

Прѣднарицати се, vb. προαναγορεύεσθαι — praenominari.

Прѣдповелѣвати, vb. προτρέπειν — provocare.

Прѣдрьжевати (кзыкы), vb. κρατεῖν — subjugare (imperio).

Прѣдьпосовникь, m. πρόμαχος — propugnator.

Прѣдьприкти, vb. προκαταλαμβάνειν — anticipare, praeoccupare.

Прѣдьприктије, n. πρόληψις — praeoccupatio.

Прѣдьсьгрѣшати, vb. προαμαρτάνειν — antepeccare.

Прѣдтеченије, n. προδρομή — praecursus.

Прѣдьоудрьжати, vb. προκατέχειν — praeoccupare.

Прѣдьхраненије, n. προφυλακή — excubiae.

Прѣзираније, n. παράβασις — transgressio.

Прѣизлити, vb. ὑπερχεῖν — redundare, superfundere.

Прѣимѣньство, n. ὑπεροχή — excellentia.

Прѣнмѣти, vb. ὑπερέχειν — superare.

Прѣличити се, vb. μεταβάλλειν—mutari.

Прѣωтьць, m. πάππος — avus.

Прѣпослоушати, vb. καταφρονεῖν — spernere, contemnere.

Прѣсказати, vb. μεθερμηνεύειν — interpretari.

Прѣходнѣ, adv. μεταβατικῶς — transitive.

Прѣподаниѥ, n. μετάδοσις — communicatio.

Прѣсьврьшень, adj. ὑπερτελής — plus quam perfectus (exoriens super).

Прѣсьвѣтовати се, vb. μεταβȣλεύεσθαι — consilium mutare.

Прѣкманиѥ, n. διάλειμμα — interstitium.

Пьшеницолишиѥ, n. σιτοδεία — penuria rei frumentariae.

Пьшеницопродавьць, m. σιτοπώλης— renditor frumenti.

Пьшеницоприѥтиѥ, n. σιτοδοχεῖον — horreum.

Пѣшехождениѥ, n. πεζοπορία — pedestre iter.

Р.

Рабьнь, adj. οἰκετικός — famularis, servilis.

Раньно, adv. μάστιξι — verberatione.

Распорениѥ, n. ἀνατομή — sectio.

Растакати, vb. σκορπίζειν—dissipare.

Ризообнажитель, m. λωποδύτης — fur vestium (qui vestimentis exuit et spoliat).

Роуковьзложениѥ, n. χειροτονία — ordinatio.

С.

Самовитьнѣ, adv. αὐτομάτως—sponte.

Своєродьнь, adj. ὁμογενής — ejusdem generis.

Свѣтловати се, — vb. φαιδρύνεσθαι— exhilarari et λαμπρύνεσθαι — illustrari, clarescere.

Свѣтлостьнѣ, adv. τηλαυγῶς—clare, splendorem late spargendo.

Свьтѣниѥ, n. λαμπτήριον — lux.

Свѧщеноначелиѥ, n. ἱεραρχία — gubernatio sanctorum.

Седекиꙗ, n. pr. Σεδεκία — Sedecia.

Сигель, m. σύγκελλος — syncellus.

Сидоньскь, adj. a geogr. Σίδων — Sidon.

Сикелиꙗ, f. geogr. Σικελία — Sicilia.

Словесьнь, adj. λογικός — ratione praeditus.

Словоу прикм'ници, plur. ἀκροατήριον — auditorium.

Сложениѥ, n. σύνθημα — symbolum, (compositum, signum, sigillum).

Сповѣсть, f. διήγημα, ἱστορία — narratio, historia.

Сповѣстьнь, adj. ἱστορικός — historicus.

Стадо, n. κλῆρος — haereditas (collegium eorum, qui sacris funguntur).

Страдальчьство, n. ἄθλησις — certamen.

Стражьнъ, adj. τῆς βίγλας — vigil.

Страна, f. χώρα — dignitas, honos (locus et regio).

Стрьжити, vb. ἐπιζεῖν — exulcerare.

Стькмлꙗти, vb. παρισȣν — aequiparare.

Стѣна, f. πύργος—turris (=**пирьгъ**).

Соудь, m. δίκη — jus, judicium.
Соулица, f. πλῆκτρον — flagellum.
Супротивоборьць, m. ἀντίπαλος — hostis.
Соупротивоwбратьнь, adj. ἀντίστροφος — eversus.
Соупротивострастиѥ, n. ἀντιπάθεια— dissensio.
Соукгласиѥ, n. εἰκαιομυθία — vaniloquentia.
Съвьзраштати, vb. προσαυξάνειν — adaugere.
Съвьзыграти, vb. συνασκιρτᾶν — salire.
Съвьнесениѥ, n. συνεισφορά — collatio.
Съвьнити, vb. συνεισιέναι — introire, simul ingredi.
Съвьсельникь, m. σύσκηνος — contubernalis.
Съвьсельница, f. σύσκηνος — contubernalis.
Съвьскрьсати, vb. συνανίστασθαι — surgere, una surgere.
Съвьскрѣсити, vb. συνανιστάναι — consurgere, resurgere.
Съвьспѣвати, vb. συνᾴδειν — concinere.
Съгнивати се, vb. κατασήπεσθαι — computrescere.
Съдоушьство, n. σύμπνοια — conspiratio.
Съкровиште, n. ἀποθήκη — arca.
Съкровиштехранитель, m. ταμιοῦχος— dispensator.
Съмѣжати, vb. νύσσειν — compungere.
Съwбразиѥ, n. συμμορφία — conformatio (similitudo).
Съоружникь, m. συνασπιστής — commilito.
Съповѣдовати, vb. ἀπαγγέλλειν—confiteri, narrare.
Съпоспѣваниѥ, n. συνεργία — auxilium, cooperatio.
Съпривлачити, vb. συνέλκειν — contrahere.
Съпризвати, vb. συγκαλεῖν — convocare, congregare.
Съпримѣсити се, vb. ἐγκαταμιγνύναι— se admiscere.
Съприпадениѥ, n. σύμπτωμα — eventus, casus.
Съпросвѣтлити, vb. συμφωτίζειν — collustrare, simul illuminare.
Съпрославлюти, vb. συνδοξάζειν — concelebrare.
Съпротивоподобьнь, adj. ἐναντιωματικός — adversativus.
Сьраздѣлитель, m. συμμεριστής — particeps.
Сьраздѣлюти, vb. συμμερίζειν — participare.
Сьсирати се, vb. μεταπήγνυσθαι — concrescere.
Сьслагати, vb. συγκροτεῖν — componere.
Сьставлениѥ, n. σύστημα — agmen.
Сьставьнь, adj. ἐνυπόστατος — substantialis.
Сьтеченьно, adv. συνδρόμως — una currendo.
Сьтѣскыюти, vb. στενοχωρεῖν—angustare.
Сѣменьство, n. σπορά — sementis.

T.

Таив'никъ, m. συμμύστης — initiatus.
Таино, adv. μυστικῶς — mystice.

Таиньнь, adj. μυστηριώδης — mysticus, arcanus.

Таяти, vb. τήκειν — conficere, liquefacere.

Тежьбити, vb. ἐρίζειν — contendere.

ТиверІадьскъ, adj. a geogr. Τιβεριάς—Tiberias.

Тимбаньствовати, vb. τυμπανίζειν — tympanum pulsare.

Тирьскъ, adj. a geogr. Τύρος—Tyrus.

Трижнениѥ, n. ἆθλον — certamen (aerumna).

Тр҄оухлитьство, n. σηπεδών—caries.

Оу.

Оубѣжденниѥ, n. προτροπή — auxilium (exhortatio).

Оудица, f. ἀρθρέμβολα — tormenta, equuleus.

Оудобрениѥ, n. ἐγκαλλώπισμα — ornamentum.

Оукротѣвати, vb. ἐξημεροῦν — conciliare.

Оулишитель, m. ἀποστερητής — fraudator, infitiator (qui privat).

Оумьнивати се, vb. ἐλαττοῦσθαι — diminui.

Оумьнкньнѣ, adv. ἐλάττων — minus.

Оустворити, vb. οἰκονομεῖν — gubernare, constituere.

Оутварьнѣиши, adj. comp. κοσμιώτερος — speciosior (elegantior).

Оухыщрениѥ, n. ῥᾳδιούργημα — vafritia.

Ф.

Фарань, m. geogr. Φαράν — Pharan.

Х.

Харањьскъ, adj. a geogr. Χαῤῥάν — Haran (Charan).

Хоривъ, m. geogr. Χωρήβ — Oreb (Horeb, Choreb).

Хранити, vb. ἐπιμελεῖσθαι — curare.

Хоудъ, adj. ἀμυδρός (de oratione) — obscurus.

Хоудожьнь, adj. ἐπιτήδειος — aptus, idoneus.

Ч.

Чародѣнствиѥ, n. ἐπαοιδία — incantatio.

Чловѣколюбьно, adv. φιλανθρώπως — humaniter, clementer.

Чловѣконенавистиѥ, n. μισανθρωπία— odium hominum.

Чрѣвоболѣзньнь недоугъ, m. δυσεντερία — dysenteria (intestinorum tormina).

Чрѣвобѣсивъ, adj. γαστρίμαργος — gulosus, cibi avidus.

Чьстословиѥ, n. σεμνολόγημα — dictum grave, ac magnificum.

Ш.

Шьсть'никъ, m. ὁδοιπόρος — viator.

Ꙗ.

Ꙗвьстьвьнѣ, adv. σαφῶς — manifeste.

Ꙗрость, f. μανία — vesania.

Ѥ et Є.

Ѥвхаитьскъ, adj. a geogr. Εὐχάΐα — Euchaita.

Ѥдиноименьство, n. ὁμωνυμία — nominis communitas.

Ѥдиноколѣн'ныи, adj. ὁμόφυλος — ejusdem gentis.

Ѥдиноравьнь, adj. ὁμόδουλος — conservus.

Ѥдиночьстьнь, adj. ὁμότιμος — pari dignitate.

Єл'лад'скыи, adj. a geogr. Ἑλλάς — Hellas.

Ѥньгорьфъ, m. ἐγκόλπιος — theca sanctorum reliquias aut vivificae crucis particulas continens.

Ѥроусалимовъ, adj. a geogr. Ἱερουσαλήμ — Hierosolyma.

Єрьмоньскъ, adj. a geogr. Ἀερμών — Hermon.

Єдерьскъ, adj. αἰθέριος — aetherius.

Θ.

Θавwрьскъ, adj. a geogr. Θαβώρ — Thabor.

Θезвитѣнинъ, m. θεσβίτης — thesbites.

Θеодwра, f. pr. Θεοδώρα — Theodora.

Θеwктисть, m. pr. Θεόκτιστος — Theoctistus.

Θеофанъ, m. pr. Θεοφάνης — Theophanes.

Θеофиловъ, adj. a pr. Θεόφιλος — Theophilus.

Θеофиль, m. v. s.

Славянскія глоссы у Исаака-бенъ-Моисея изъ Вѣны въ его сочиненіи Оръ-Заруа.

Средневѣковая еврейская литература, увидѣвшая свѣтъ въ различныхъ концахъ Азіи, Африки и Европы, даетъ обильный матеріалъ для исторіи культуры всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ появились различныя произведенія. Конечно, всѣ эти историческія, географическія, бытовыя и т. п. свѣдѣнія даются не спеціально, а большею частью совершенно вскользь, мимоходомъ. Такъ, у нашего автора Исаака Оръ-Заруа мы находимъ тамъ и сямъ свѣдѣнія о крестовыхъ походахъ, о различныхъ способахъ приготовленія сыра въ Нарбоннѣ и въ Богеміи, о приготовленіи консервовъ, о различныхъ мѣрахъ вѣса, о путяхъ сообщенія, о цѣнахъ и способахъ купли и продажи мяса, овощей и другихъ продуктовъ въ Вѣнѣ, Богеміи, о способѣ постройки домовъ въ Вѣнѣ и т. д.

На ряду съ подобными свѣдѣніями, имѣющими интересъ для исторіи культуры, мы находимъ у средневѣковыхъ еврейскихъ авторовъ обильный филологическій матеріалъ.

Дѣло въ томъ, что различные еврейскіе средневѣковые комментаторы Библіи и еще больше кодификаторы, комментаторы и суперъ-комментаторы Талмуда, объясняя какое-либо трудное слово, прибѣгаютъ къ языку той страны, гдѣ они живутъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ массу французскихъ и нѣмецкихъ глоссъ у еврейскихъ авторовъ XI, XII и XIII вѣковъ[1]).

Что касается славянскихъ глоссъ, то мы ихъ иногда встрѣчаемъ не только у авторовъ, жившихъ въ славянскихъ странахъ или нѣмецкихъ странахъ со славянскимъ населеніемъ, но и у такихъ, которые жили въ Италіи, Франціи или Германіи [какъ, напр., р. Гершомъ-б.-Іегуда Маоръ га-Гола, р. Соломонъ-б.-Исаакъ (или Раши), р. Натанъ-б.-Іехіель изъ Рима, р. Эліэзеръ-б.-Натанъ, р. Іосифъ-бенъ-Шимонъ Кара]. Это объясняется торговыми сношеніями евреевъ Восточной и Западной Европы и еще въ большей степени тѣмъ, что къ вышеупомянутымъ великимъ

1) Европейскіе ученые новѣйшаго времени много занимались собираніемъ и объясненіемъ этихъ французскихъ и нѣмецкихъ глоссъ, представляющихъ очень важный матеріалъ для исторіи французскаго и нѣмецкаго языковъ. По разработкѣ французскихъ глоссъ очень много сдѣлалъ членъ Парижской академіи наукъ Арсенъ Дарместетеръ.

еврейскимъ ученымъ и авторитетамъ стекались ученики со всѣхъ странъ и концовъ Европы, въ томъ числѣ и изъ славянскихъ странъ.

Болѣе чѣмъ у другихъ, мы находимъ славянскихъ[1]) глоссъ у Исаака-бенъ-Моисея изъ Вѣны (приблизительно 1200—1270 года) въ его сочиненіи Оръ-Заруа.

Біографическія данныя о нашемъ авторѣ[2]) довольно скудны; они черпаются главнымъ образомъ изъ самого его произведенія «Оръ-Заруа», представляющаго собой родъ комментарія или компендіума къ Талмуду.

Вспоминая свое дѣтство, Исаакъ-бенъ-Моисей говоритъ:

«Помню, когда былъ ребенкомъ, я видѣлъ изображенія различныхъ птицъ на стѣнахъ синагоги въ Мейссенѣ (Meissen)». Значитъ, дѣтство свое онъ провелъ въ Мейссенѣ. Говоря о Саксоніи, онъ прибавляетъ «въ нашемъ государствѣ». По обычаю того времени, еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ изъ жажды къ знанію отправляется въ различные города учиться у тогдашнихъ знаменитостей. Такъ какъ въ то время Богемія уже славилась знаменитостями въ области еврейской науки, то нашъ авторъ остается тамъ нѣкоторое время, и въ своемъ сочиненіи онъ съ большимъ уваженіемъ упоминаетъ своихъ учителей въ Богеміи (Яковъ-бенъ-Исаакъ га-Лабанъ въ Прагѣ, Эліэзеръ-бенъ-Исаакъ, Авраамъ-бенъ-Азріель[3]) и Исаакъ-бенъ-Мардехай въ Прагѣ). Далѣе мы его видимъ въ Регенсбургѣ, Шпейерѣ, Боннѣ, Вюрцбургѣ и во Франціи: въ Парижѣ и Провансѣ. Въ своемъ произведеніи Оръ-Заруа онъ упоминаетъ и ссылается при рѣшеніи различныхъ религіозныхъ вопросовъ на многочисленныхъ своихъ учителей и другихъ ученыхъ въ вышеупомянутыхъ городахъ.

Время посѣщенія или пребыванія его въ этихъ городахъ въ хронологическомъ порядкѣ еще не установлено[4]).

Дольше всего нашъ авторъ жилъ въ Вѣнѣ, отчего и называется «р. Исаакъ изъ Вѣны» или же по имени своего сочиненія «р. Исаакъ Оръ-

1) Въ средневѣковой еврейской литературѣ славянскій языкъ носитъ названіе «ханаанскаго», а славянскія страны — «страна Ханаанъ». На это впервые обратилъ вниманіе извѣстный еврейскій ученый Цунцъ, положившій основаніе научной разработкѣ еврейской исторіи и исторіи еврейской литературы. См. его примѣчанія къ Itinerary of Benjamin of Tudela» ed. Asher. London. 1840. T. II-ой, стр. 226—229. и Zunz, Gesammelte Schriften III, 83 и его же Die Ritus, стр. 72.

2) H. Gross. «R. Isaak b. Mose Or Sarua aus Wien» въ «Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums» 1871 годъ, 248 сл. и I. Wellesz «Isaak ben Mose Or Sarua» въ этомъ же журналѣ за 1904 годъ.

3) У Авраама-бенъ-Азріеля имѣются также славянскія глоссы. См. I. Perles «Das Buch Arûgath hà-bosem des Abraham ben Asriel» (Anhang II: Altböhmische Glossen) въ «Monatschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenth». 1877 годъ и Prof. Kaufmann въ «Magazin für Jüdische Geschichte und Litteratur» за 1886 годъ (Томъ XIII), стр. 129—160.

4) Извѣстный еврейскій ученый р. Меиръ изъ Ротенбурга называетъ нашего автора своимъ учителемъ въ Вюрцбургѣ; а это могло быть около 1240-го года. Въ Парижѣ онъ былъ около 1215—1217 года.

Заруа». Относительно своего пребыванія въ Венгріи онъ говоритъ (стр. 101а I-го тома Оръ-Заруа): «я авторъ отправился въ землю агарянъ[1]) въ Буданъ и Остригомъ (אוסטריגום), гдѣ имѣются теплые источники»... Буданъ означаетъ Будапештъ, а Остригомъ — славянское названіе венгерскаго города Гранъ.

Говоря о славянскихъ странахъ, онъ иногда выражается: «.... *мы во всѣхъ нашихъ мѣстахъ въ странѣ Ханаанъ*»... Приводя славянское слово, онъ обыкновенно прибавляетъ «*на языкѣ ханаанскомъ*», но изрѣдка встрѣчаемъ вмѣсто этого: «*то, что мы называемъ*» или «*на нашемъ языкѣ, языкѣ ханаанскомъ*». Это указываетъ на то, что нашъ авторъ, будучи родомъ изъ Богеміи или Саксоніи, населеніе которой было въ то время славянское, считалъ своимъ роднымъ языкомъ славянскій, который у него, какъ и у всѣхъ евреевъ тѣхъ странъ, былъ разговорнымъ языкомъ. Наконецъ, Вѣна, гдѣ онъ долго прожилъ, была также издревле населена славянскими племенами *Вендами*, на что еще указываетъ латинское названіе Вѣны *Vindobona*.

Что касается его сочиненія «Оръ-Заруа», то оно все время оставалось въ рукописи и издано лишь въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія: I и II томы въ Житомірѣ въ 1862 году, III-ій томъ въ Іерусалимѣ въ 1887 году и IV-ый въ Іерусалимѣ въ 1890 году.

По выходѣ въ свѣтъ первыхъ 2-хъ томовъ Цунцъ помѣстилъ по этому поводу библіографическую замѣтку въ «Hebräische Bibliographie» Steinschneider'а, томъ VIII (1865 годъ, стр. 3), гдѣ онъ, между прочимъ, указалъ, что тамъ имѣется болѣе 25-ти славянскихъ словъ.

Славянскія глоссы первыхъ двухъ томовъ приведены въ статьѣ А. Я. Гаркави «Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей», напечатанной[2]) въ «Трудахъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества» за 1865 годъ. Гаркави приводитъ 28 славянскихъ глоссъ изъ первыхъ 2-хъ томовъ Оръ-Заруа. Ниже мы даемъ 7 славянскихъ глоссъ изъ первыхъ 2-хъ томовъ, которыя у А. Я. Гаркави не имѣются, затѣмъ славянскія глоссы III-го и IV-го тома Оръ-Заруа и, наконецъ, пытаемся объяснить нѣкоторыя глоссы, которыя у А. Я. Гаркави отмѣчены вопросительнымъ знакомъ.

---

1) Въ средневѣковой еврейской литературѣ Венгрія часто называется «страна агарянъ» (ארץ הגר), хотя у нашего автора мы встрѣчаемъ также названіе «Унгарія (Унгрія)»:..... «а тѣ соленыя рыбы, которыхъ привозятъ изъ Унгаріи (מאונגריאה)».... (Оръ-Заруа т. I, стр. 141а).

2) Вышло также отдѣльной книжкой на еврейскомъ языкѣ: «Die Juden und die slavischen Sprachen». Wilna 1867.

I. גליזט = глезт, голезт чешск. holeń, польск. goleń, русск. голень, церковн.-славянс. голѣнь, глєзнъ.

На страницѣ 185а I-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово иствира (אסתוירא) объясняется слѣдующимъ образомъ: «..... а сапогъ этотъ долженъ быть настолько высокъ, чтобы покрывать иствира, что̀ называется на ханаанскомъ языкѣ глезт». Слово иствира означаетъ голень. Извѣстный комментаторъ Талмуда р. Соломонъ Ицхаки, или Раши (1040—1105) переводитъ иствира французскимъ словомъ cheville, которое означаетъ голень. Такимъ образомъ, приведенная глосса глезт или голезт представляетъ собою или испорченное церковно-славянское слово глєзнъ, или въ XIII вѣкѣ на какомъ-либо славянскомъ нарѣчіи существовало слово голезт [1]).

II. פטא = пта, чешск. pata, польск. pięta, русск. пята.

Тамъ же (на той же стран.): «...... а башмакъ (сапогъ), который не имѣетъ 'акеб (еврейск. עקב), — на иностранномъ языкѣ шола (sole), а на ханаанскомъ языкѣ пта, — и только противъ конца пальцевъ имѣетъ кусочекъ кожи, о которую опираются при ходьбѣ»..... —

III. במוילנא = бмвилна (бамвелна), чешск. bavlna, польск. bawełna, нѣмецк. Baumwolle.

На страницѣ 18а II-го тома Оръ-Заруа: «...... мы дѣлаемъ нити для субботнихъ свѣчей изъ хлопчатой бумаги, что̀ называется на иностранномъ языкѣ котон (coton), а на нашемъ языкѣ, языкѣ ханаанскомъ — бмвилна».

IV. קויטני ויצץ = квитни вицц (кветни вецц), чешск. květný věnec, польск. kwietny (kwiatny) wieniec.

На страницѣ 18б II-го тома Оръ-Заруа читаемъ: «....... Я зналъ одного еврея изъ Вормса, старика могильщика, по имени рабби Бунимъ, отъ котораго я слышалъ, что онъ, идя однажды рано утромъ въ синагогу, увидѣлъ сидящаго предъ синагогой человѣка, на головѣ у котораго вѣнецъ изъ травъ, что̀ называютъ цпл (цфл)?, а на ханаанскомъ языкѣ — квитни вицц (кветни вецц)»...... Слово квитни (кветни) существуетъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ и означаетъ *цвѣтной*. Что же касается слова вицц (вецц), то это, какъ мы полагаемъ, испорченное винц (венц), т. е. вѣнецъ, по-чешски věnec, по-польски wieniec.

V. לוד = лод, чешск. led, польск. lód, русск. ледъ.

На стран. 30а II-го тома Оръ-Заруа объясняется еврейское слово барад (ברד): «что̀ на иностранномъ языкѣ называется глца (glace), а на ханаанскомъ языкѣ — лод».

VI. שטולצי = штолци (столци), Чеш. stolice? польск. stolce?

1) Въ древн. чешск. яз. hlezno, а и hlezen, zna см. Gebauer Slovn. Stč. I. 1903. *Ред.*

На стр. 42 а. перваго тома Оръ-Заруа: «..... если отняты (отрѣзаны) обѣ ноги, то соединяютъ два костыля, — что называется штолци (столци), а на иностранномъ языкѣ инкш (испорчен. французск. échasses) — которые человѣкъ кладетъ подъ мышки и привязываетъ къ бедрамъ», и тамъ же, нѣсколько дальше, читаемъ: «..... ишкина (échasses), съ которыми ходятъ въ глинистомъ мѣстѣ, это то, что мы называемъ штолци (столци)».

VII. נוגביצי = ногвици, чешск. nohavice, польск. nogawica (nogawka), срб. nogavica.

На стран. 127а II-го тома Оръ-Заруа объясняется талмудическое слово анфилья (אנפילא), передается ханаанскимъ словомъ ногвици. Анфилья означаетъ туфли.

VIII. אִישְׁנַפֵּנִי = ишнапени (иснапени).

Въ Талмудѣ, трактатъ Баба-Меціа на страницѣ 61б читаемъ: «не творите кривды въ законѣ, въ мѣрѣ (длины), въ вѣсѣ и въ мѣрѣ жидкостей». Комментируя это мѣсто Талмуда, авторъ Оръ-Заруа говоритъ (стран. 48а трактата Баба-Меціа III-го тома): «...... въ мѣрѣ жидкостей, это значитъ, чтобы не наливать жидкость вспѣнивъ (вскипятивъ), — т. е. ишкума (éscume, écume) на иностранномъ языкѣ, ишнапени (иснапени) на ханаанскомъ языкѣ, — что наполняетъ мѣру, когда наливаешь, а спустя нѣкоторое время (мѣра) оказывается неполной». Слово ишнапени (иснапени), очевидно, отъ корня пѣна, но намъ не ясна форма этимологически. Ниже встрѣчается также слово пѣна (пени).

IX. מוטיקא = мотика, чешск. motyka, польск. motyka, русск. мотыка.

На стран. 92б трактата Баба-Меція III-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово мара (מרא, греческ. μάῤῥον, латин. marra, сирійское ܡܪܐ) переводится французскимъ словомъ фишіур (современное франц. pioche) и ханаанскимъ мотика.

X. לופטא = лопта, чешск. lopata, польск. łopata, русск. лопата.

Тамъ же (на той же страницѣ) талмудическое слово збила (זבילא) переводится — «пала (франц. pelle, итальянск. pala), а на ханаанскомъ языкѣ — лопта».

XI. כלדא = клда, чешск. kláda, польск. kłoda, церк.-слав. клада, русск. колода.

На стран. 38а IV-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово садан (סדן) переводится нѣмецкимъ шток и ханаанскимъ клда.

XII. רושקי = рошки, русск. рожки, чешск.? польск.? בנקי = бнки чешск. baňka, польск. bańka, русск. банки (баньки).

На стран. 41б IV-го тома Оръ-Заруа: «...... инструментъ, который пускаетъ кровь между плечами, а на ханаанскомъ языкѣ рошки или бнки».

XIII. קונפיצי (קופיצי) = кунпици (купици) קונביצי (קוביצי) = кунбици (кубици).

На стран. 47а, б, IV-го тома Оръ-Заруа вышеуказанныя слова приведены въ шести мѣстахъ какъ названія (деревянныхъ) сосудовъ для вина; каждый разъ приводятся и французскія названія этихъ сосудовъ юштш и кнш (т. е. jattes и channés) и затѣмъ «а на ханаанскомъ языкѣ кунпици и кунбици» или «кубици и кунфици» или купици и кунбици. Вѣроятно, эти слова тождественны съ церк.-слав. кѹпица, словин. kupica, можетъ быть, съ русск. кубъ? кубышка?

XIV. גלווטיצי = главтици, чешск. hlavatice.

На стр. 53а IV-го тома Оръ-Заруа говорится о «компошт»; латинскимъ словомъ composita (итальянск. composta) обозначаются всевозможные фрукты и овощи въ консервахъ: соленые, маринованные, засахаренные, прессованные и т. д. Нашъ авторъ говоритъ: «..... компошт, напримѣръ, тѣ главтици, въ которые не льютъ ни вина ни уксуса, какъ въ этомъ государствѣ, гдѣ ихъ варятъ и привозятъ на телѣгѣ продавать»...... Чешское hlavatice означаетъ капусту.

XV. פֶּינִי = пени, чешск. pěna, польск. piana, русск. пѣна.

На стр. 64б IV-го тома Оръ-Заруа талмудическое слово уфъя (אופיא) передается ханаанскимъ пени, т. е. пѣна, что̀ оно, въ дѣйствительности, и означаетъ.

XVI. מיטלא = митла, чеш. metla, польск. miotła, рус. метла.

На стр. 65 b IV-го тома Оръ-Заруа: «..... на ханаанскомъ языкѣ митла, которою подметаютъ.....».

XVII. סרובדקא = сровдка, чешск. syrovátka, польск. syrowatka, русск. сыворотка.

На стр. 71б IV-го тома Оръ-Заруа: «вода отъ (кислаго) молока — сровдка на ханаанскомъ языкѣ».

XVIII. אשקרובדא = ишкровда (искровда), церк.-славянск. скврада, русск. сковорода.

На стр. 76а IV-го тома Оръ-Заруа «...... желѣзная посудина, которою покрываютъ хлѣбъ, когда его пекутъ, — что̀ называютъ ишкудра (échaudoir? chaudière?), а на ханаанскомъ языкѣ ишкровда (искровда)......» Здѣсь, надо полагать, имѣется въ виду нѣчто въ родѣ сковороды.

XIX. קוקליקי = кукдики משיתקין = мшиткин (мишиткин).

На страницѣ 51а I-го тома Оръ-Заруа: «...... хлѣбъ, приправленный пряностями, напримѣръ, то, что называютъ на ханаанскомъ языкѣ кукдики или что называется на ханаанскомъ языкѣ мшиткин (мишиткин)»..... Эти оба слова у А. Я. Гаркави въ русскомъ и еврейск. изданіи оставлены

безъ объясненія и обозначены вопросительнымъ знакомъ. Намъ кажется, что слово куклики находится въ связи съ польскимъ словомъ kukiełka, которое обозначаетъ родъ булки; слово мшиткин (мишиткин), вѣроятно, обозначаетъ также родъ булочекъ или печенья въ видѣ мышекъ, которыя еще и въ настоящее время называются мышки. Слово мшиткин (мишиткин), конечно, испорченная форма. Видно только, что въ основѣ лежитъ слово мышка (чешск. myška, польск. myszka).

XX. זפונא = зпона, запона, чешск. zápona (záponka), польск. zapona (zaponka), русск. запонка.

На стр. 39a II-го тома Оръ-Заруа: «не дозволяется носить (везти) въ субботу батъ-нефешъ, что̀ называютъ на ханаанскомъ языкѣ зпона, а на нѣмецкомъ вршпн». Это слово у А. Я. Гаркави не объяснено. Намъ кажется, что это слово вполнѣ правильно объяснено у проф. А. Берлинера[1]) нѣмецкимъ словомъ «Fürspan».

Надо замѣтить, что трудное еврейское слово батъ-нефешъ, которое встрѣчается у пророка Исаіи гл. III, переводится извѣстнымъ комментаторомъ р. Соломономъ Ицхаки (1040—1105) въ его комментаріяхъ къ Библіи и Талмуду словомъ нушка, которое означаетъ [2]) застежку, или запонку. Очевидно, нашъ авторъ Исаакъ-бенъ-Моисей Оръ-Заруа объясняетъ еврейское слово батъ-нефешъ двумя словами (нѣмецкимъ и славянскимъ), которыя тождественны съ вышеупомянутымъ нушка. Слѣдовательно, приведенная имъ нѣмецкая глосса вршпан есть не что иное, какъ «Fürspan», а славянская зпона означаетъ запона или запонка, т. е. застежка.

XXI. אושג = ушг (ошг), чеш. ożeg, польск. ożog, ożeg, рус. очагъ.

На стр. 152 b. II-го тома Оръ-Заруа переводится ханаанскимъ словомъ ушг (ошг) еврейское אוד (а не תנור = тануръ, т. е. печь), означающее головень, или нѣчто въ родѣ кочерги или помела, чему вполнѣ соотвѣтствуютъ чеш. ożeg и польск. ożog, ożeg.

И. Ю. Марконъ.

Берлинъ.
Январь 1905 г.

---

1) Prof. A. Berliner. «Aus dem Leben der deutschen Juden im Mittelalter». Berlin 1900. Стр. 67-ая: «Der Frauenmantel wurde oben an Halssaume durch einen Furspan» oder «Nuschke» (nusca im Althochdeutschen), zusammengehalten. Es war dies eine Vorstecknadel, zuweilen auch ein grosser, verzierter Ring, hinter welchem eine Nadel befestigt war. Den heutigen Brochen gleich, dienten solche Haftnadeln zuweilen auch als Schmuckstück; häufig waren sie so eingerichtet, dass man sie vermittels eines kleinen, aus Gold oder Silber gefertigten Schlüssels öffnet».

2) См. M. Landau «Marpe laschon» Odessa 1865, стр. 188—190, гдѣ слово нушка подробно объяснено.

Сверлижскіе отрывки.

I. ВВЕДЕНІЕ.

Сверлижскіе отрывки хранятся въ библіотекѣ Сербской Королевской Академіи (подъ № 63), куда они перешли изъ собранія рукописей Сербскаго Ученаго Дружства. Послѣднее получило ихъ въ даръ отъ извѣстнаго сербскаго этнографа М. Миличевича, который, путешествуя въ 1866 г. по восточной Сербіи, между прочимъ, посѣтилъ городъ (или точнѣе: его развалины) Сверлигъ (въ Княжевацкомъ окр., на правомъ берегу «Сверлижскаго» Тимока между селомъ Нишевцемъ и Варошью). Тамъ были ему переданы, по распоряженію окружного начальника Николаевича, нѣсколько пергаментныхъ листовъ Евангелія, найденныхъ при перестройкѣ одной старой церкви (въ $2^1/_2$ часахъ пути отъ города), въ тронѣ епископа («у владичину столу»). Какъ видно изъ записи на одномъ изъ отрывковъ, по крайней мѣрѣ, 2 листа рукописи были написаны въ 1279 г. грамматикомъ Воисиломъ (онъ же Константинъ чтецъ), въ городѣ Сверлигѣ, гдѣ (или въ его окрестностяхъ) рукопись и пролежала до путешествія Миличевича почти шесть столѣтій.

Первое печатное извѣстіе о замѣчательномъ открытіи сдѣлалъ Миличевичъ же, въ предисловіи къ изданію памятника Янка Шафарика въ XX (1866 г.) томѣ «Гласника» первой серіи (стр. 244—264). Въ этомъ предисловіи, занимающемъ всего три странички (244—246), Миличевичъ сначала описываетъ мѣстоположеніе Сверлига, потомъ разсказываетъ исторію открытія отрывковъ и, въ заключеніе, разъясняетъ историческое и палеографическое значеніе рукописи. Далѣе слѣдуютъ тексты, приготовленные къ изданію, какъ сказано, Янко Шафарикомъ. Къ сожалѣнію, это изданіе во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, оно не можетъ назваться полнымъ: издатель почему-то выпустилъ весь 2 листъ, кромѣ первой строчки, и 12 первыхъ строчекъ л. 2б (т. е. отъ слова **фарѣсь** до

матдан же); сверхъ того, Я. Шафарикъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя замѣтки писца на поляхъ, напр. на л. 6а внизу имъ выпущена отмѣтка писца: В ѿ приде ис҃ь ѡ галилеѥ ⁘ Во-вторыхъ, изданіе Шафарика не точно, такъ какъ сдѣлано по господствовавшей тогда системѣ, т. е. съ раскрытіемъ титлъ и безъ вниманія къ надстрочнымъ знакамъ и другимъ мелкимъ аксессуарамъ рукописи. Наконецъ, въ третьихъ, изданіе не свободно и отъ печатныхъ погрѣшностей. Такъ,

на	стр.	248	напечатано	христость	слѣд.	х҃ъ
»	»	»	»	сьбудеть	»	сьбоудеть
»	»	»	»	реченоѥ	»	рченоѥ
»	»	249	»	нымь	»	нимь
»	»	»	»	мое	»	моѥ
»	»	»	»	ѡ	»	ѿ
»	»	»	»	вьꙁрадоваше	»	вьꙁ҇радаваше
»	»	»	»	велеѥю	»	велкю
»	»	250	»	е	»	се
»	»	»	»	ꙁемьлоу	»	ꙁемлоу
»	»	»	»	изьмрѣше	»	измр҇ѣше
»	»	251	»	исхожьдаше	»	исхож҇даше
»	»	»	»	ѥго	»	его
»	»	»	»	имами	»	имамы
»	»	»	»	чед	»	чеда
»	»	»	»	Ѡвещав	»	Ѡвѣщав
»	»	252	»	искоуша ки	»	искоушаѥ и
»	»	254	»	ѡшли	»	ѿшли
»	»	»	»	даждъ	»	даж҃
»	»	255	»	разоумеѥше	»	разоумеаше
»	»	»	»	ѥсмь	»	ѥсмъ
»	»	258	»	рьци	»	рци
»	»	»	»	възвѣщающе	»	възвѣщаюци
»	»	259	»	ѡгьнь	»	ѡгнь

Вслѣдъ за каждымъ отрывкомъ, Я. Шафарикъ напечаталъ сравнительную таблицу его разночтеній и евангелій Ассеманова и Остромирова. Въ концѣ статьи сообщается краткое описаніе всѣхъ трехъ отрывковъ, причемъ, въ противоположность Миличевичу, Я. Шафарикъ считаетъ II-й и III-й принадлежащими различнымъ писцамъ. Въ заключеніе, издатель, резюмируя свои наблюденія надъ текстомъ Сверлижскаго Евангелія, приходитъ къ выводу объ его большемъ сходствѣ съ глаголическимъ тек-

стомъ Ассеманова Евангелія, чѣмъ съ кирилловскимъ Остромирова. Къ статьѣ приложены литографированные снимки записи Евангелія и нѣсколькихъ строчекъ изъ каждаго отрывка.

Запись Евангелія перепечаталъ въ 1879 г. И. И. Срезневскій въ LXXXI № своихъ «Свѣдѣній и замѣтокъ», стр. 22—23. Изъ неточностей самая важная Родословоу вм. Радославоу. Въ небольшомъ примѣчаніи Срезневскій удачно отожествляетъ царя Ивайлу съ Лаханасомъ византійцевъ.

Маленькую замѣтку о нашемъ памятникѣ помѣстилъ въ 1883 г. Г. А. Воскресенскій въ своихъ «Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ заграничныхъ библіотекахъ: берлинской, пражской, вѣнской, люблянской, загребской и двухъ бѣлградскихъ» (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Спб., 1883 г., XXXI т., стр. 50). Сравнительно со статьей Я. Шафарика, эта замѣтка не представляетъ ничего новаго.

Наконецъ, въ 1901 г. нѣсколько свѣдѣній о Сверлижскихъ отрывкахъ сообщилъ ак. Люб. Стояновичъ въ своемъ «Каталогѣ рукописа и старих штампаних књига. Збирка српске краљевске академије Беогр. 1901» (стр. 4). Всѣ три отрывка сербскій ученый относитъ къ XIII в., причемъ самымъ древнимъ считаетъ II. Въ слѣд. году онъ издалъ запись рукописи въ своемъ собраніи «Старих српских записа» (Кн. I, стр. 12).

Этими замѣтками и ограничивается «литература» о Сверлижскихъ отрывкахъ. Во время нашего пребыванія въ Бѣлградѣ въ апрѣлѣ м. 1903 г., намъ удалось списать ихъ текстъ цѣликомъ. Издавая его теперь, мы слѣдуемъ тѣмъ пріемамъ, которые были примѣнены нами къ изданію грамоты Іоанна Асѣня II (Изв. Русск. Арх. Инст., т. VII, вып. 1).

II. ТЕКСТЫ.

I.

1 л. а л҃д : ѿ прѣѿбраженнӥ ісв҃ѣ:
л҃е : ѿ мѣсечьствоующиимь се: —
л҃ѕ : ѿ просещихь андрагьмь: —
л҃з : ѿ глаголющихь кто ѥсть болии: —
л҃и : ѿ сьтницѣ притьча: —
л҃ѳ : ѿ дльжнѣмь тьмою таланьть: —
м҃ : ѿ вьпрошьшихь ѿ ѿпоущеннӥ женъ: —
м҃а : ѿ вьпрошьшиимь бг҃атѣмь і҃са: —
м҃в : ѿ наѥмныхь дѣлателиихь: —
м҃г : ѿ сн҃оу зеведеѡвоу: —
м҃д : ѿ двою слѣпцоу : м҃е : ѿ ослети и жрѣ
вети : м҃ѕ : ѿ слѣпыхь и хромыхь
м҃з : ѿ исьхьши смоковници: —
м҃и : ѿ вьпрошьшихь г҃а архиѥрѣихь
и старцихь : м҃ѳ : ѿ двою сн҃оу
притьча : н҃ : ѿ виноградѣ: —
н҃а : ѿ званьныхь на бракь: —
н҃в : ѿ вьпрошьшиихь ѿ киньсоньнѣхь
н҃г : ѿ садоукеихь ·.· н҃д : ѿ вьпрошьши
имь законьницѣ ·.·
б н҃е : ѿ томь ѥже кь г҃оу вьпрошенниѥ:
н҃ѕ : ѿкаѧнии фарисѣи и книжнікь:
н҃з : ѿ коньчинѣ : н҃и ѿ дн҃и и часѣ: —
н҃ѳ : ѿ десети дв҃хь : ѯ҃ : ѿ приѥмлоущі
хь таланти : ѯ҃а : ѿ сьшествиі хв҃ѣ: —
ѯ҃в : ѿ помазавши г҃а мурomь: —
ѯ҃г : ѿ пасцѣ : ѯ҃д : ѿ обpaзѣ таинѣмь: —
ѯ҃е : ѿ прѣданнӥ ісв҃ѣ : ѯ҃ѕ : ѿ ѿмѣта
нии петровѣ : ѯ҃з : ѿ июдинѣ раскаѧнии:
ѯ҃и : ѿ испрошеннӥ тѣлесе гн҃ѣ:

тєтро҃ѥ вн҃гль ѡ бг҃мь

почниаѥмь: ѿ матдєꙗ: —

Мтѳ. I. 1 Книги рождьства Іс хв҃а: сн҃а
дв҃два: сн҃а авраамлꙗ: 2 а
враамь роди ӥсаака: ӥса
акь же роди ӥꙗкова: ӥꙗ
ковь же роди ӥюдоу ӥ
братию ѥго: 3 ӥюда же
2 а роди фареса: ӥ ҙара ѿ дамары:
фарєсь же роди ѥсрома: ѥсромь
же роди арама: 4 арам же роди а
минадава: амидав же роди на
асона: наасон же роди салмона:
5 салмонь же роди воѿҙа ѿ раха
вы: воѿҙь же роди ѿвида ѿ роу
ды: ѿвидь же роди ӥѥсеꙗ: 6 ӥѥ
сей же роди дв҃да цр҃а: дв҃дь цр҃ь
роди соломона: ѿ оуриниѥ: 7 со
ломон же роди ровоама: ровоа
м же роди: авию: авиꙗ же роді
аса: 8 ась же роди: ӥѡсафата: ӥѡ
асафать же роди ӥѡрама: ӥѡ
арамь же роди ѡҙию: 9 ӥѡҙиꙗ
же роди ӥѡдама: ӥѡда
м же роди ахаҙа: ахаҙ же роди
ѥҙекию: 10 ѥҙекиꙗ же роди ма
насию: манасиꙗ же роди амо
на: амон же ро҃ ӥѡсию: 11 ӥѡсиꙗ же
л. б роди ӥѥхонию ӥ братию ѥго:
вь прѣселениѥ вавулоньскоѥ:
12 по прѣселени же вавулоньсцѣ
мь: ӥѥхониꙗ роди саладилꙗ:
саладиль же роди ҙоровавелѣ:
13 ҙоровавель же роди авиоуда: а
виоудь же роди ѥлиакима: ѥли
акимь же роди аҙора: 14 аҙорь же
роди садока: садок же роди аха
ма: ахам же роди ѥлиоуда: 15 ѥ
лиоудь же роди ѥлиаҙара: ѥли
аҙарь же роди матдана: матда
н же роди ӥꙗкова: 16 ӥꙗков же роди
ӥѡсифа моужа мариина: ӥҙ не
ѥ же роди се іс҃ь: гл҃емы хс҃ь: 17 Всѣхь
оубо родь ѿ авраама до дв҃да
родь: ді҃: ӥ ѿ дв҃да: до прѣселени
ꙗ вавилоньскаго ро҃: ді҃: ӥ ѿ прѣ
селениꙗ вавулоньскаго до хс҃а ро҃:
ді҃: 18 Іс хв҃о рожьство сицє бѣ: ѡ
л. 3 а вроученѣ оубо соущи матери ѥ
го марии ӥѡсифови: прѣжде да
же не снеста се: ѡбрѣте се ӥмоу
щии вь чрѣвѣ ѿ дх҃а ст҃а: 19 ӥѡсифь
же моужь ѥє праведень сый: ӥ не
хотѣ ѡбличити ѥє: вьсхотѣ та
ӥ поустити ю 20 сице же ѥмоу сьмꙑ
сльшоу: се ан҃гль гн҃ь вь снѣ ꙗвисе
ѥмоу гл҃е: ӥѡсифе сн҃е дв҃дь: не оу
бой се приѥти мариѥ жени своѥ
е: соущеѥ во рожденоѥ в ней ѿ дх҃а
ст҃а ѥсть: 21 родить же сн҃ь ӥ наречеш҃
ӥме ѥмоу ӥс҃ь: ть во сп҃сеть лоуди
своѥ ѿ грѣхь ӥхь: 22 Сеже все вꙑ҃ да
сьбоудеть се рченоѥ ѿ г҃а пррко
мь гл҃щемь: 23 се дв҃аꙗ приѥмлеть
вь чрѣвѣ ӥ родить сн҃ь: и нарекꙋ
ть ӥме ѥмоу ѥнманоуиль: ѥ
же ѥсть скаҙаѥмо с нами б҃ь: 24 вь
став же ӥѡсифь ѿ сна створи ꙗ
л. б. коже повелѣ ѥмоу ан҃гль гн҃ь: ӥ
приѥть женоу своѭ: 25 ӥ не ҙна
ше ѥє доньдеже роди сн҃ь свой
прьвѣньць: ӥ нарче ӥме ѥмоу
іс҃ь: II 1 Ісоу же рождьшоу се вь ви
длѣѡмѣ ӥюдѣисцѣмь вь дн҃и

иꙋрода цр҃а : Се вльсви ѿ вьстокь
прийдоу вь ѥрл҃мь глаголюще : 2 где
ѥсть рождей се црь иꙋюдѣйскь : ви
дѣхомь бо ꙁвѣꙁдоу ѥго на вьсто
цѣ : и придохомь поклонити се ѥ
моу : 3 слышав же иꙋродь црь смете
се : и весь ѥрл҃мь с нимь : 4 и сьбра
все архиѥрѣѥ и книжьникы
людьскиѥ : вьпрашаше ѥ где хсъ
раждаѥть се : 5 Ѡни же рѣше ѥ
моу вь видлѣѡмѣ иꙋюдѣисцѣ
мь : тако бо писано ѥсть прркомь :
6 и тиі видлеѡме ꙁемле иꙋюдова ни
чимже меньша ѥси вь влкахь и...
л. 4 а довахь : ис тебе бо иꙁидеть влка ⁖
иже оупасеть люди моѥ иꙁлѣ :
7 Тогда иꙋродь таи приꙁвавь вль
хви : и испита ѿ нихь врѣме ꙗ
вльшеѥ се ꙁвѣꙁды : 8 и посла ѥ вь вид-
леѡ
мь рче : шьше испитайте иꙁвѣсть
но ѡ отрочети : ѥгда же ѡбрещете
вьꙁвѣстите ми ꙗко да и азь шьд
поклоню се ѥмоу : 9 ѡни же послоу
шавше цра идоше : и се ꙁвѣꙁда ю
же видѣше на вьстоцѣ идѣше прѣ
д ними : доньдѣже пришьши ста
врьхоу идѣже бѣ ѡтроче : 10 видѣвь
ше же ꙁвѣꙁдоу вьꙁрадаваше се ра
стию велиѥю ꙁѣло : 11 и вьшьше вь хра
миноу видѣше ѡтроче : сь мариѥ
ю материю ѥго : и падше покло
нише се ѥмоу : и ѿврьꙁьше скрови
ща своꙗ принесоше ѥмоу дари :
ꙁлато и ливань и ꙁмирноу : 12 и ѿвѣ
л. 6 ть приѥмьше вь снѣ : не вьꙁвра
тити се кь иꙋродоу : инѣмь поуте
мь ѡтидоу вь страноу свою : 13 ѿ
ꙁач. ⊙ шьшимь же имь се англъ гнь вь
снѣ ꙗви се иѡсифоу глѥ : вьста

вь поими ѡтроче и матерь ѥго :
и бѣжи вь ѥгупеть : и боуди тоу
доньдеже ти рекоу : хощеть бо и
родь искати ѡтрочете да погоуби
ть ѥ : 14 ѡн же вьставь поѥть ѡтроче
и матерь ѥго нощию : и ѡтиде вь ѥ
гупеть : 15 и бѣ тоу до оумртвиꙗ иꙋро
дова : да сьбоудеть се рченьноѥ ѿ га
прркомь глщемь : ѿ ѥгупта вьꙁва
хь снъ мой : 16 Тогда иꙋродь видѣ ꙗко
пороугань бы ѿ вльхвь : раꙁгнѣ
вавь се ꙁѣло пославь иꙁби все ѡтро
кы соущеѥ вь видлеѡмѣ : и вь всѣ
хь прѣдѣлѣхь ѥго : ѿ двою лѣтоу :
и ниже по врѣмени ѥже испита ѿ
л. 5 а вльхвь: 17 тогда сьбы се рченоѥ ѥре
миѥмь прркомь глющемь : 18 гла ва
рама слышань бы : плачь и рыданиѥ
ѥ и вьпль многь : рахиль плачоу
щи се чедь своихь : и не хотѣше
оутѣшити се ꙗко не соуть : 19 ко
ꙋмершоу же иꙋродоу : се англь гнь
вь снѣ ꙗви се иѡсифоу вь ѥгупь
тѣ глѥ : 20 вьставь поими ѡтроче
и матерь ѥго : и иди вь ꙁемлоу и
ꙁлвоу : иꙁмрѣше бо искоущеи
дше ѡтрочете : 21 ѡн же вьставь по
ѥть ѡтроче и матерь ѥго : и вни
де вь ꙁемлоу иꙁлвоу : 22 слышав же
ꙗко арьхелла цртвоуѥть вь иꙋюдеи
вь иꙋрода мѣсто. ѡца своѥго : оу
боꙗ се тамо ити : вѣсть же приѥ
мь вь снѣ : ѡтиде вь страноу га
лилейскоу : 23 и пришь вьсели се вь
градѣ нарицаѥмѣмь наꙁаредь :
л. 6 ꙗко да сьбоудеть се рченоѥ прки :
ꙗко наꙁарей нарчеть се : III 1 Вь ти же
дни
приде иѡань кртль проповѣдаѥ вь
поустыни иꙋюдѣисцѣй 2 глѥ : покаи

те се : приближи бо се цр҃тво нб҃ноѥ :
3 Сии оубо ѥсть рченыи исаиѥмь пррко
мь гл҃юштемь : гла҃ вьпиюштаго вь поу
стыни : оуготоваите поуть гн҃ь : пра
вѥ творите стьзы ѥго : 4 Самь же и
ѡа҃ имѣше ризоу свою Ѿ влась вельблю
ждь : и поись оусниѣнь ѡ чрѣслѣхь ѥ
го : пишта же ѥго бѣ акриди и медь
дивии : 5 тога҃ исхожа҃ше к немоу иѥ
рлмь и вса июдѣꙗ : и вса страна иѡ
рданьскаꙗ : 6 и крьштахоу се вь иѡрда
нѣ Ѿ него : исповѣдаюште грѣхы сво
ѥ : 7 Видѣв же многи фарисѣѥ и садоу
кеи гредоуште на кр҃штениѥ его : рче и
мь порож҃енниꙗ ѥхиднова кто показа
вамь бѣжати Ѿ гредоуштаго гнѣва :
л. 6 а 8 створите оубо плодь достоинь пока
ꙗниꙗ : 9 и не мните гл҃ати в себѣ : ѡц҃а
имамы авраама : гл҃ю бо вамь ꙗко
можеть б҃ь Ѿ камениꙗ сего вьзв҃и
гноути чеда авраамови : 10 се юже се
кира при корѣнѣ дрѣва лежить :
всако оубо дрѣво нетвореште плода
добра посѣкаѥть се : и вь ѡгнь вьмѣ
таѥть се : 11 Азь бо кр҃штаю ви водою вь
покаꙗниѥ : греды же по мнѣ крѣпли
мене ѥсть : ѥмоу же нѣсмь досто
ѥнь сапогы понести : ть вы кр҃тить
дх҃омь ст҃ымь и ѡгнемь : 12 Ѥмоу же ло
пата вь роуцѣ ѥго : и потрѣбить гоу
мно своѥ : и сьберетъ пшеницоу в жї
тьницоу свою : плѣви же сьжежеть
ѡгнемь негасештимь : 13 Тога҃ приде
Іс҃ь Ѿ галилѣѥ на иѡрдань кь иѡа҃у :
кр҃тити се Ѿ него : 14 иѡа҃ же вьзбранѣ
ше ѥмоу гл҃е : азь трѣбоую Ѿ тебе
В ѿ приде ис҃ь ѡ галилеи :·
л. 6 кр҃титисе : ѥли ты гредеши кь мнѣ :
15 Ѿвѣштав же іс҃ь рче к немоу : ѡстани
нн҃ѣ тако бо пѡбно ѥсть намь испль
нити всакоу правдоу : тогда ѡста
ви и : 16 И кр҃шть се Іс҃ь. вьзиде абиѥ Ѿ
води : и се Ѿврьзоше се ѥмоу нб҃са :
и видѣ дх҃ь бж҃ии сьходешть ꙗко го
лоубь : и гредоуштъ на нь : 17 и се гла҃ сь
нб҃се гл҃е : сьи ѥсть сн҃ь мои вьзлоубе
ныи : ѡ немь же бл҃говолихь : IV 1 Тога҃
Іс҃ь вьзведень бы҃ дх҃омь вь поустыноу
искоусити се Ѿ диꙗвола : 2 и пошть се
дниї : м҃ : и ноштиї : м҃ : послѣдь же
вьзаалка (sic.) : 3 и пристоупи искоуша
ѥ и рче ѥмоу : аште сн҃ь ѥси бж҃ии рь
ци да камениѥ се хлѣби боудоуть :
4 ѡнь же Ѿвѣштавь рче : писано ѥсть
не ѡ хлѣбѣ ѥдиномь живь боуде
ть чл҃кь : нь ѡ всакомь гл҃ѣ исходе
штимь изь оусть бж҃ии : 5 тога҃ по .....
В ѿ вьзвѣнь бы҃ ис҃ь ·:·

II.

л. 1 а ѡшли бѣхоу въ градъ · да брашна
Іоанн. IV коупетъ · 9 гл҃а кмоу жена сама
ренинъı · како тъı июдеи съи Ѿ
мене пити просиши · женъı сама
ренини соуще · не прикасаютъ
бо се июдеи самарѣнехъ · 10 Ѿвѣ
шта ис҃ъ и ре҃ кеи · аще въı вѣдѣла да
ръ бж҃ии · кто ѥстъ гл҃еи ти даж҃ мї
пити · тъı въı просила оу него : и
далъ ти въı водоу живоу · 11 гл҃а кмоу
жена г҃и ни почръпалника има
ши · и стоуденъцъ ѥстъ глъбокъ
Ѿкоудоу оубо имаши водоу жи
воу · 12 кда тъı болъı ѥси ѡц҃а нш҃его
ꙗкова · иже да҃ намъ стоуденъ
цъ съ · и тъ из него питъ · и сн҃ове
кго · и скоти ѥго · 13 Ѿвѣшта ис҃ъ и ре҃
кеи. всакъ пиѥи Ѿ водъı сеѥ · въ
зъжеждетсе пакъı · 14 а иже пиѥ

тъ ѿ водꙑ юже азъ дамъ ѥмоу :
не иматъ въжъждедати се въ вѣ
кꙑ · нъ вода юже азъ дамъ ѥмоу :
л. б боудетъ въ немъ источникъ
водꙑ · въсхлеплющъ въ живо
тъ вѣчнꙑ : [15] гла ѥмоу жена ги
даж ми сию водоу · да не жежду
ни прихожоу почръпати · гла
ѥи исъ · иди и пригласи моужа
своѥго · и приди сѣмо · [17] ѿвѣща же
на и ре ѥмоу · не имамъ моужа :
гла ѥи исъ добрѣ ре · ꙗко моужа
не имамъ · [18] е. бо моужи имѣла
ѥси · и нн҃ѣ иже имаши нѣ ти му
жъ · се въ истиноу ре · [19] гла ѥмоу
жена · ги виждоу ꙗко пррк҃ъ ѥси :
оци нши въ горѣ сей поклониша
се · и вꙑ глете ꙗко въ ѥрлмѣ ѥстъ
мѣсто · идѣ же покланѣти се по
ваѥтъ · [21] гла ѥи исъ · вѣроу ими ми
жено · ꙗко градетъ година · егда
ни въ горѣ се и ни въ ѥрлмѣхъ
поклонетъ се · ѻцоу [22] вꙑ же кла-
нѣѥте
се ѥгоже не вѣсте · ми же кланѣ
ѥмъ се ѥгоже вѣмꙑ : ꙗко спсе
л. 2 а [1] ѥтъ по имени · и изгонитъ ѥ : и [4] ѥ
Иоанн. X гда своѥ ѡвце иждещетъ · прѣдъ
ними ходитъ · и ѡвце по немъ и
доутъ · ꙗко вѣдетъ гла ѥго · [5] по
тоуждемъ же не идоутъ · нъ бѣ
жетъ ѿ него ꙗко не знаютъ тоу
ждаго гласа · [6] си притчю ре имъ
исъ · ѡни же не разоумеаше что
бꙑстъ ꙗже ре имъ · [7] гла имъ пакꙑ
исъ · амнъ амнъ глю вамъ · азъ
ѥсмъ дверь ѡвцамъ · [8] вси ѥлико и
хъ приде прѣжде мене · татие су
тъ и разбоинници · нъ не послоу
шаше ихъ ѡвце · [9] азъ ѥсмъ двръ

мноѭ аще кто вънидетъ спсетъ
се · вънидетъ и изидетъ · и пажи
тъ ѡбрещетъ ·:· <Вп е · нд ѿ иѡа ·:·
Ре гъ къ пришъшимъ к немоу
июдеѡмъ · [17] сего ради ме любитъ
ѡцъ · ꙗко азъ полагаѭ дшоу мою :
да пакꙑ приимоу ю · [18] никто же ѿ
иметъ ѥ . . . . . ѿ мене · нъ азъ
л. б же полагаѭ ю ѡ себѣ · ѡвластъ и
мамъ положити ю · и ѡвластъ и
мамъ пакꙑ приѥти ю · сиѭ запо
вѣдъ приѥхъ ѿ ѡца моѥго · [19] распъ
ра же пакꙑ бꙑ въ июдеихъ · за сло
веса сꙑ · [20] глахоу же мнози ѿ нихъ.
ꙗко бѣсъ иматъ и неистовъ ѥстъ
что ѥго п. . . слоушаѥте · [21] ини глаху
ꙗко сиѥ глы нѣ соутъ бѣсноующа
го се · еда бѣсъ можетъ слѣпимъ
ѡчи ѿврѣсти ·:· за
[22] Бꙑше же тогда ѡбновлениꙗ въ ѥ
рлмѣхъ · и зима бѣ · [23] и хождаше исъ
въ цркв · въ притворѣ соломони
[24] ѡбидоу же и июдеи и глахоу ему :
доколѣ : ше нше въземлеши · аще
тꙑ ѥси хъ ръци намъ не ѡбиноу
ѥ се · [25] ѿвѣща имъ исъ · рѣхъ
вамъ и
не вѣроуѥте · дѣла ꙗже азъ творю
въ име ѡца моѥго та свѣдѣтелъ
ствоютъ ѡ мнѣ · [26] нъ вꙑ не вѣроу
ѥте · нѣсте бо ѿ ѡвьць моимъ · ꙗк

III.

л. 1 а [9] ѥмоу ѿ мрьтвыхъ вьскрьсноу
Иоанн. XX ти [10] идета же пакꙑ оученика
диве.....е кь себѣ : ку и ѿ иѡа
Бѡ мариꙗ стоꙗше оу гроба : вь
нѣ плачющи се · ꙗко же плака
ше с...приниче вь гробь [12] и видѣ
два агла вь ризахь бѣлахь : сѣ

дєща ѥдиного оӱ главы и̇ ѥ́ди
ного оу ногоу идєжє бѣ лєжа
ло тѣло и҃сово 13 ӥ гласта ѥ҃и жєно
что плачєши сє · и̇ гл҃а има...
вьзєшє га моѥ҆го · и̋ нє вѣмь...
гдє положишє и 14 и си рєкьши
ѡбратн сє вьсп... и̇ видѣ иса
стоѥ҆ща и̇ нє вѣ.... ѥ̈ко и҃сь
ѥсть · 15 гл҃а ѥи исьѣ... ...но что пла
чєши сє · кого ли ищєши ѡна
жє мнєщи ѥ̇ко врьтограда
рь ѥ́сть гл҃а ѥмоу г҃и аще ты
ѥ́си вьзєль. повѣждь мнѣ гдє
ѥ̈си положиль · и азь вьзмоу и :
16 гл҃а ѥи і҃сь мариѥ̈ ѡбращь
ши жє сє ѡ̈на гл҃а ѥ̈моу ѥврѣ
ѝскы · равві : ѥжє нарицає
ть сє оӱчителю : 17 гл҃а ѥи і҃сь
нє прикасаи сє мнѣ : нєѹ̆бо
л. 6 вьзидь кь ѡ҃цоу моѥ̈моу · и̇ди
жє кь брати моѥи и̇ рци имь · вь
сходоу кь ѡ҃цоу моѥмоу · и ѿ
ц҃оу вашємоу · и б҃оу моѥмоу и
б҃оу вашємоу · 18 придє жє марїа
магдалины · вьзвѣщаю̇щи оӱ
чєникомь · ѥ̇ко видѣ г҃а и си рє
чє ѥи ⁘ ѥ҃у : д : ѿ іѡ҃а ⁖
Єоущи поздѣ вь ѥдиноу соуботѹ
Ищи вь н҃є новоу ⁘ ѥ҃у : і ѿ іѡ҃а
XXI 1 Б... ѥви сє и҃сь оучєникомь свои
мь · вьставь ѿ мрьтвыхь · на
мори тивєриӓдьсцѣмь · ѥ̇ви
жє сє имь сицє · 2 бѣхоу вькоу
пѣ симонь пєтрь · и̇ тома на
рицаѥми близньць · и ната
наиль ижє бѣ ѿ кань галилѣ
искыѥ̈ · и̇ ѡ̇ба с҃ны зєвєдєѡва :
и ина два ѿ оӱчєникь · 3 гл҃а и̇
мь симонь пєтрь · идоу ры
бы ловити · и рѣшє ѥмоу и̇

дємь и мы с тобоѫ и̇ и̇дѫ и̇
вьлѣзѫ вь корабь · и в тѫ но
щь нє ѧсѧ ничєсожє · 4 оӱтрю
жє бывшю абӹѥ̇ · ста и҃сь при
брѣзѣ · и нє познашє жє оучє
л. 2 а ници ѥ̈ко и҃сь ѥ̈сть · 5 и̇ р҃є имь и҃сь
дѣти · иматє ли что снѣдно здє :
ѿвѣщашє нии̇ · ѡ̇нь жє р҃є вьврь
зѣтє ѡ дєсноую̇ странoу мрѣ
жоу · и̇ ѡ̇брєщєтє · вьврьгоу жє :
и к томоу нє можахоу привлѣ
.... ѥ̇ѥ ѿ множьства рыбь · 7 гл҃а
... оӱчєникь ѥ̇го жє люблѣшє
и҃сь · пєтрови г҃ь ѥсть · симонь
жє пєтрь слышавь ѥко г҃ь ѥ̇сть
пєндитомь прѣпоѥ̇са сє · бѣ
бо нагь · и вьврьжє сє вь морє ·
8 а дроузи оучєници корабицє
мь придоу нє бѣшє бо далє
чє ѿ зємлє · нь ѥ̈ко двѣстѣ
лакоть · влѣкоущє мрѣжоу
рыбь · 9 ѥ̇ко жє излѣзоу на зє
млю · видѣшє ѡ̈гнь горєщь
и рӹбоу на нємь лєжєщоу · и̇
хлѣбь · 10 и̇ р҃є и҃сь принєсѣтє ѿ
рӹбь ѥ̈жє ѥстє н҃нѣ : 11 вьлѣзь
жє симонь пєтрь · извлѣчє мрѣ
жоу на зємлю пльноу вєликӹ
хь рыбь · р҃ · н҃ · г҃ · и̇ толикоу соу
л. 6 щоу нє протрьжє сє мрѣжа · 12 гл҃а
и̇мь и҃сь придѣтє ѡбѣдоунтє
и̇ никто жє ѿ оучєникь нє смѣ
шє и̇стєзати ѥго · ты кто ѥси :
вѣдєщє ѥко г҃ь ѥсть · 13 придє жє
и҃сь и приѥ̇ть хлѣбь и̇ д҃а имь ·
и рыбоу такождє · 14 сє оӱжє трєти
цєю̇ ѥ̇ви сє и҃сь оучєникомь свои:
мь вьставь ѿ мртвыхь ⁘
Ѥ҃у аі ѿ іѡ҃а В ѡ̑ вскр҃ь и҃сь ѡ мр҃
вихь · гл҃а симоноу пєтрю Ищи

Соуботоу Петикостноу ·:·
Чт҃е ʒа мрьтвы҃ Ищи · а҃ · вь ср҃ѣ · в · н҃е
Ищи в҃ в ч҃е · в҃ · н҃е · Ищи г҃ · в ср҃ѣ · г҃ ·
н҃е
Ищи · д҃ в ч҃е · г҃ · н҃е · Ищи е҃ · в п҃е г н҃е
На па҃ Ве҃ Єу҃ д҃ · Вь по҃ ʒау҃ Єу҃ д҃
Вь вт҃р ʒа҃у ʒ҃ · Вь ср҃ѣ ʒау҃ · и҃ Вь ч҃е
ʒау҃ і҃
Вь п҃е ʒа҃у аі҃ · Вь су҃ ʒау҃ · в҃ ·
На антипа҃ ѥу҃ а҃ · мироноси
цамь ѥу҃ д҃ · ѡ расслабле҃ ѥу҃ ʒ ·
Ѿ самаре҃ ѥу҃ · и҃ · Ѿ слѣпци ѥу҃ · г҃ ·
На вʒнесение ѥу҃ · г҃ · На сты҃ ѡць · в҃ :
петико҃ ѥу҃ . . . . н҃е вс҃ѣ
сты҃ ѥу҃ а҃ · Ѿ тоу дрьжи по редоу :

л. 3 Вь име ѿца и сн҃а и ст҃аго дх҃а · аʒь рабь
бж҃и
костандинь ч҃ьць · а ʒовомь воисиль
граматикь · написахь книгы сиѥ ·
презвитерю геѡргию · а ʒовомь п҃пу
радославоу · вь градѣ скрьлиʒѣ · вь
дн҃и цр҃ѣ иваила · и при еп҃пѣ нише
вьсцѣмь никодимѣ в лѣ҃ ѕ҃ · ѱ҃ · п҃ · ʒ҃ ·
инд҃и · ʒ҃ · ѥги стоꙗхоу грьци подь
градомь трьновомь · да м҃лю ви се
ѡ҃ци и братие · до кого доидоуть кни
ги сиѥ · чт҃ѣте исправлѣюще · а ме
не грѣшнаго не ʒлословите · нь па
че бл҃вте · да и ва҃ б҃ь простить · и прѣ
ст҃а ѥго мт҃и ам҃нь ам҃нь ам҃нь:

Примѣчанія.

I. Л. 1 а 7. въпрошьшиіхъ: є какъ-будто исправлено изъ какой-то другой буквы. — 10. ʒєндєѡ҃коу: первое є какъ будто исправлено изъ другой буквы (а ?). — 12. слѣпыхъ и хромыхъ: ок. -ыхъ здѣсь исправлено изъ ихъ.—17. ʒванныхъ: первоначально на мѣстѣ ь было н, которое своимъ правымъ бокомъ находилось въ лигатурѣ съ лѣвымъ бокомъ н.

1 б тетро҃євигль: н и г и л и ь находятся въ лигатурѣ.

Л. 2 а 16 строка нѣсколько отступаетъ отъ начала, такъ какъ пергаменъ въ этомъ мѣстѣ подрѣзанъ.

Л. 2 б 6: аснйуда — sic. — 20: і киноварное.

Л. 3 б 20 й : послѣ этой буквы оставлено пустое мѣсто, вѣроятно, для буквы ю.

Л. 4 а 3 тогда : т- киноварное — 7. ѡ҃брещете : головка т сильно выдвинута вверхъ.

Л. 4 б 4. за҃ и очное о окрашены въ киноварь. 14. глщемь : є можно читать и какъ ь. 15. т окрашено въ киноварь.

Л. 5 а 6. соуть : дальше слѣдовало оу, но соскоблено; противъ на поляхъ поставлено киноварное ко҃ц. — 6. ѹмершоу : ѹ находится на поляхъ и окрашено въ киноварь.

Л. 5 б 2. Вь : в- киноварное. — 6. сии : с- киноварное. 9. самь : с- киноварное. 14—15. йѡ҃рданьскай : точка надъ р едва замѣтна. — На поляхъ въ вертик. напр. записаны слова: у҃ а҃ ѡ҃ приде Іѡа҃ кр҃тль.

Л. 6 а 9. азь : а- киноварное. — 12. сапогы : ы переправлено изъ н. — 17. то҃га : т- киноварное.

Л. 6 б 10. то҃га : т- киноварное.

II. Л. 1 а 1. ѡ҃шли: нижняя часть титла надъ ѡ стерлась.

Л. 2 а 8. разоумѣаше : первое є сильно придвинуто къ а; въ нижней части имѣетъ маленькій отросточекъ. — 16. изидетъ : отъ ъ остался только верхній крючокъ; остальная часть буквы пропала благодаря дыркѣ. — 22. На мѣстѣ многоточія находилась стертая (вѣроятно писцомъ же) фраза Ѡметъ (sic.) ю, представляющая механическое повтореніе предыдущей.

Л. 2 б 8. п... слоушаюте : отъ п осталась только лѣвая палочка; слѣдовавшее за нимъ о стерлось или стерто. — 9. сию нынѣ : буквы ю ны... можно различить только съ большимъ трудомъ. — 16. дш҃е : вслѣдствіе дырки, отъ д сохранилась только лѣвая ножка.

III. Л. 1 а 3: днешна се : а можно различить только съ величайшимъ трудомъ.—4. марни́ : буквы арн едва различимы.—6. се едва различимо.—11. Послѣ нма слѣдовало мк҃, отъ котораго осталась (вслѣдствіе дырки) только лѣвая палочка и слѣды титла и часть буквы к.—12. вѣмь часть буквы ь пострадала вслѣдствіе дырки.—13. си : с можно читать и какъ є.—14. въспють ю можно читать и какъ є. — 16—15. вѣдюше : юше читается съ трудомъ.

Л. 1 б Е....: слѣдовавшее за этой буквой ѡ҃ пропало вслѣдствіе дырки.

Л. 2 а 3. вьврьзѣте : ь имѣетъ форму ъ. — 6—7. привлѣ.... слѣдовавшія двѣ буквы щи стерты. — 11. пендитомь : лѣвая сторона буквы п стерлась.

Л. 2 б 23. ю҃у : дальше нѣсколько словъ стерто. — Большія буквы въ печатномъ текстѣ = киноварнымъ подлинника.

III. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

Сверлижское евангеліе состоитъ изъ трехъ отрывковъ, различныхъ по составу своего содержанія и не вполнѣ одинаковыхъ по почерку. Впрочемъ, второй и третій отрывки обнаруживаютъ такое удивительное сходство письма и языка, что, *быть можетъ*, они написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Первый отрывокъ, напротивъ, рѣзко отличается отъ двухъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по составу относится къ нимъ такъ, какъ тетроевангеліе относится къ апракосу. Послѣднее обстоятельство не можетъ, однако, служить доказательствомъ того, что Сверлижскіе отрывки — остатки, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ кодексовъ.

Первый отрывокъ состоитъ изъ 6 листовъ первой тетрадки какой-то, вѣроятно, навсегда погибшей рукописи безъ 1-го и 8-го листа. На каждомъ листѣ находится по 20 строкъ текста, писаннаго мелкимъ, четкимъ, довольно красивымъ уставомъ. Весь первый листъ и большую часть второго занимаетъ указатель главамъ, причемъ цифры и начертаніе пр. ѡ окрашены въ киноварь. Въ киноварь окрашено и заглавіе евангелія на 12 стр. сверху второго листа,—высотою въ 2 строки. По обѣимъ сторонамъ его изображены два небольшихъ орнамента. Далѣе слѣдуетъ орнаментированный инициалъ к высотою въ шесть строкъ. Сравнительно крупныя киноварныя буквы находятся еще на 3 л. б 5, 4 а 3, 4 б 15, 5 б 2, 6, 9, 17, 6 а 9, 17, 6 б 5 и 10. Встрѣчающійся на 4 б 4 инициалъ ⊙=ѾD и на 5 а 7 ⊙̆, повидимому, написаны другимъ почеркомъ, причемъ киноварь ихъ нѣсколько выцвѣла. Тѣмъ же почеркомъ отличаются записи на поляхъ л. 4 б 4, 6 б 11 ꙁ҃а, на 5 а 6, 6 б 10—к҃ѕ, также какъ и записи на поляхъ лл. 5 б (чернилами) и 6 а и б (киноварью).

Кромѣ киноварныхъ инициаловъ, въ рукописи часто встрѣчаются и обыкновенные черные.

Изъ надстрочныхъ знаковъ чаще всего употребляется двоеточіе, и именно надъ а, ѥ, ѥ, і, и (преимущественно въ началѣ словъ и срединѣ послѣ гласныхъ), ю, ѵ, оѵ, ꙑ, ѡ. Надъ а нерѣдко ставится только одна

точка: авраамь 1 б 16, исаакь 1 б 17 и т. д. Весьма возможно, что другая точка здѣсь просто не дописана. Это можно съ увѣренностью утверждать, по крайней мѣрѣ, про два случая ѥсть 1 а 4 и ѡ 1 а 8, гдѣ для другой точки оставлено мѣсто. Двоеточіе употребляется также надъ пропущеннымъ глухимъ, ср. арам̈же 2 а 3, амидав̈же 2 а 4, асон̈же 2 а 5, соломон̈же 2 а 11, ровоам̈же 2 а 12 и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти двѣ точки очень походятъ на черточки. Наконецъ, тѣже два знака ставятся надъ извѣстными группами согласныхъ въ греческихъ словахъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ употребляется графическое или неорганическое ь: ѥм̈-маноуилъ 3 а 18; ар̈хиѥрѣѥ 2 б 7 и т. д.

Удареній нѣтъ.

Изъ строчныхъ знаковъ употребляется : Въ концѣ строки иногда пишется : —

Относительно употребленія и формы отдѣльныхъ буквъ слѣдуетъ замѣтить слѣд.

ѡ употребляется, кромѣ предлоговъ ѡ и ѿ, въ началѣ словъ и серединѣ послѣ гласныхъ: прѣѡбраженнии 1 а 1; ҳеведеѡвоу 1 а 10; воѡҳа 2 а 6; воѡҳь 2 а 7; ѡвида 2 а 7; ѡвидь 2 а 8; иѡас̈фата 2 а 13; иѡасафать 2 а 13; иѡрама 2 а 14; иѡарамь 2 а 14; ѡҳию 2 а 15; иѡҳиѧ 2 а 15; иѡдама 2 а 16; иѡдам̈же 2 а 16; иѡсию 2 а 20; иѡсиѧ 2 а 20; иѡсифа 2 б 14; иѡсифови 3 а 2; иѡсифь 2 б 4; ѡбличити 3 а 6; иѡсифе 3 а 9; иѡсифь 3 а 20; видлеѡмѣ 3 б 6, 17; ѡни же 3 б 16; видлеѡме 3 б 19; видлеѡмь 4 а 5; ѡни 4 а 9; ѡтроче 4 а 13, 16; иѡсифоу 4 б 5; ѡтроче 4 б 6, 10; ѡтрочете 4 б 9; ѡнже 4 б 10; ѡтрокы 4 б 17; видлеѡмѣ 4 б 18; иѡсифоу 5 а 8; ѡтроче 5 а 9, 13; ѡтрочете 5 а 12; ѡн̈же 5 а 12; ѡца 5 а 16; иѡань 5 б 3; иѡа 5 б 10; иѡр'даньскаѧ 5 б 14; иѡрданѣ 5 б 15; ѡца 6 а 2; ѡгнь 6 а 8; ѡгнемь 6 а 13, 17; иѡрдань 6 а 18; иѡаѵ 6 а 18; иѡа 6 а 19; ѿ 6 а и б 21; ѡнь 6 б 17. Рѣдко встрѣчаются исключенія: ослѣти 1 а 11; отрочети 4 а 7.

Буква ȣ встрѣчается только однажды и притомъ въ концѣ строки: нарекȣ | ть 3 а 17—18. Одинъ разъ въ концѣ строки читаемъ ѵ вм. оу: иѡаѵ 6 а 18.—Греческое υ передается обыкновенно ѵ: мѵромь 1 б 6; вавѵлоньскоѥ 2 б 2; вавѵлоньсцѣ 2 б 3; вавѵлоньскаго 2 б 19; ѥгѵпеть 4 б 7, 11—12; ѥгѵпта 4 б 14; ѥгѵпьтѣ 5 а 8—9.—Вѣроятно, простую описку представляетъ авиѵда 2 б 6 при авиоудь 2 б 7.

Буква і (всегда перечеркнутая), кромѣ слова іс҃ь и производныхъ отъ него, встрѣчается: а) въ концѣ строки: приѥмлоущі | хь 1 а 4; роді 2 а 12; наречеші 3 а 12; рыданї | ѥ 5 а 3; июдеї 5 а 15; жї | тьницоу 6 а 15; б) въ поправкахъ: вьпрошьшин'хь 1 а 7; в) изрѣдка въ серединѣ строки: книжнікь 1 б 2; сьшествиї 1 б 5.

Изъ знаковъ для глухихъ звуковъ употребляется только ь. Буква ꙑ имѣетъ форму ы.

ѕ, кромѣ какъ въ цифрѣ 6, не встрѣчается.

Изъ іотированныхъ знаковъ употребляются ꙗ, ѥ, ю. Не вполнѣ выдержанно только послѣдній.

Буква ч имѣетъ видъ чаши съ очень маленькой ножкой.

У буквы ꙁ хвостикъ опущенъ внизъ вертикальной линіей.

У буквы ж недостаетъ обыкновенно верхней срединной черточки.

* * *

Второй отрывокъ состоитъ изъ 2 листовъ, рѣзко отличающихся отъ первыхъ палеографическими особенностями. Общій колоритъ его несомнѣнно болѣе архаическаго характера: наклонъ письма скорѣе вправо, чѣмъ влѣво; буквы сравнительно крупнаго размѣра и, по первому впечатлѣнію, очень напоминаютъ письмо Саввина евангелія или Слѣпченскаго Апостола; контуры буквъ нѣсколько толще.

Число строкъ 22.

Изъ украшеній сохранилось только два иниціала: желтая съ киноварной каймой буква р (л. 1 а 17) и такая же, но нѣсколько меньшаго объема буква ѥ (л. 1 б 12). На 2 а 17 киноварью записано Б пѣ ѥ не ѿ Іѡа, на 2 а 11 окрашена въ киноварь буква ꙁ слова ꙁа.

Большія буквы въ текстѣ не встрѣчаются.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребляется чаще всего точка: ꙇюдеи 1 а 3, 1 а 6; ись 1 а 7; ѥи 1 а 7; бжии 1 а 8; и 1 а 12; ѥсть 1 а 12; имаши 1 а 13; иже 1 а 16; иꙁ 1 а 16; и 1 а 17; ѥи 1 а 18; пиѥи 1 а 18; а 1 а 19; иже 1 а 19; юже 1 а 20; аꙁъ 1 а 20; ѥмоу 1 б 8; ꙗко 1 б 9; ѥси 1 б 13; побѣдѣтъ 1 б 17; ꙗко 1 б 18; сеи 1 б 19; и 2 а 1; иꙁгонитъ 2 а 1; и 2 а 1; ѥгда 2 а 1—2; ꙁнаютъ 2 а 6; мною 2 а 15; и 2 а 16; иꙁидетъ 2 а 16; полагаю 2 а 20; ю 2 а 21; ѥ 2 а 22; полагаю 2 б 1; ю 2 б 1; сию 2 б 3; июдеихъ 2 б 5; ѥсть 2 б 7; и 2 б 13; июдеи 2 б 15; моѥго 2 б 20. Примѣры двоеточія (иногда ″): äще 1 а 7; оӱбо 1 а 13; ї 1 а 17; пиѥтъ 1 а 19; ймѣла 1 б 10; ѿвце 2 а 2; ӥдоутъ 2 а 3—4; ꙁнаютъ 2 а 6, ѿни же 2 а 8; ѿвце 2 а 14; июдеѿмъ 2 а 19; ѿбновлениꙗ 2 б 12; ѿвьць 2 б 22. Очень часто употребляется двоеточіе надъ ї въ ꙑ.

Удареній нѣтъ.

Изъ строчныхъ знаковъ чаще всего употребляется точка. Въ концѣ строкъ нерѣдко видимъ :· Изрѣдка употребляется двоеточіе. Ср. ѥго: 1 а 9; нѥго: 1 а 14; ѥмоу: 1 а 20; ѥмоу: 1 а 22; вѣчны: 1 б 3; моужа: 1 б 8; ѥ: 2 а 1; мою: 2 а 19; ѥмоу: 2 б 15.

Ѡ, кромѣ предлога Ѿ, извѣстно еще въ слѣдующихъ случаяхъ: ѡца 1 а 14; ѡци 1 б 14; ѡвце 2 а 2, 3; ѡни 2 а 8; ѡвцамъ 2 а 11; ѡвце 2 а 14; ѡбрещетъ 2 а 17; июдеѡмъ 2 а 19; ѡцъ 2 а 20; ѡбластъ 2б 1, 2; ѡца 2 б 4; ѡчи 2 б 11; ѡбновлениѡ 2 б 12; ѡбидоу 2 б 15; ѡбиноук се 2 б 17; ѡца 2 б 20; ѡвьцъ 2 б 22.

Одинъ разъ встрѣчается о, и то въ поправкѣ: оцоу 1 б 20.

Знакъ ү вм. оу употребляется только въ концѣ строки, именно въ лигатурѣ кмү 1 а 10; жеждү 1 б 4; мү | жъ 1 б 11; сү | тъ 2 а 13; гла | хү 2 б 8.

Точно также только въ концѣ строки употребляется ї: мї 1 а 8. Въ словѣ Ἰησοῦς четыре раза написано і: ісъ 1 б 6, 9, 17, 2 б 13 и четыре раза и: исъ 1 а 17, 2 а 8, 10, 2 б 18.

ѕ не встрѣчается.

Чрезвычайно рѣдкую въ сербскихъ рукописяхъ черту представляетъ исключительное употребленіе знаковъ ъ и ъı, указывающее на болгарскій оригиналъ отрывка. Знакъ ь написанъ только однажды въ концѣ строки: нихь 2 б 6.

Неіотированное є встрѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ: єси 1 а 14; своєго 1 б 7; єси 1 б 13; єгда 1 б 18; татиє 2 а 12; ємоу 2 б 15.

Буква ч имѣетъ видъ чаши съ очень низенькой подставкой, у ꙁ хвостикъ отличается довольно широкимъ загибомъ, у ж отъ верхней части остался только небольшой рудиментъ.

* * *

Мы сказали, что третій и второй отрывки удивительно схожи между собой по почерку. И дѣйствительно, если сличать въ обоихъ отрывкахъ букву за буквой, то мы не найдемъ ни въ одной изъ нихъ никакихъ существенныхъ отличій; полное сходство между обоими отрывками наблюдается и въ отношеніи интерпункціи и надстрочныхъ знаковъ. Почеркъ третьяго отрывка отличается отъ почерка второго только большею сжатостью, такъ ск., сдавленностью, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что писецъ, подходя къ концу рукописи, не располагалъ достаточнымъ количествомъ пергамена. Поэтому, онъ и сталъ расходывать его бережнѣе. Если эта гипотеза справедлива, то ее объяснилось бы также: 1) большее число строчекъ въ III отр. сравнительно со II (именно 26—24, а не 22) и 2) исключительное употребленіе знака ь, который занимаетъ меньше мѣста въ рукописи, чѣмъ ъ. Не будь этой послѣдней черты, можно было бы смѣло считать оба отрывка принадлежащими одному и тому же писцу.

Единственнымъ украшеніемъ рукописи является употребленіе киновари въ отдѣльныхъ буквахъ: к 1 а 3, ѡ 1 а 3, Б 1 а 4, к 1 б 8, Ѿ 1 б 8,

ѳ 1 б 9, в 1 б 10, и 1 б 10, и 1 б 10, к 1 б 10, ѿ 1 б 10, Ѥ 2 б 10, Е 2 б 10, и 2 б 11, ѳ 2 б 12, п 2 б 12, ч 2 б 13 и т. д.

Большія буквы не встрѣчаются.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребляется преимущественно точка: марнѣ 1 а 4; стоꙗше 1 а 4; и 1 а 8; ѥдиного 1 а 8—10; и 1 а 11; моѥго 1 а 12; стоѥща 1 а 15; и 1 а 15; ѡна 17; ꙗко 1 а 18; ѥсть 1 а 19; ѥси 1 а 20; ки 1 а 22; моѥи 1 б 2; и 1 б 2; моѥмоу 1 б 3; въꙁвѣщаюѩи 1 б 6; ꙗко 1 б 7; ки 1 б 8; и 1 б 18; ѡва 18; идемь 1 б 21—22; и 1 б 22; идж 1 б 22; ѡнь 2 а 3; ѡ десноую 2 а 4; и 2 а 5; ѡбрещете 2 а 5; ѥго же 2 а 8; и 2 а 24; і 2 б 6; третицеѭ 2 б 7—8; ꙗви 2 б 8; ищи 2 б 13, 14, 15; и 3 а 1; сиѥ 3 а 3; братиѥ 3 а 10. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недописаннымъ двоеточіемъ, которое также нерѣдко въ рукописи: оучєника 1 а 2; ꙗкоже 1 а 5; оу 1 а 8; и 1 а 12; ꙗко 1 а 15; ѥси 1 а 21; мариѥ 1 а 22; ѡна 1 а 23; ѥмоу 1 а 23; кврѣискы 1 а 23—24; оучителю 1 а 25; прикасаю се 1 а 26; моѥмоу 1 б 2; иди 1 б 1; марнѣ 1 б 5; магдалины 1 б 6; оученикомь 1 б 6—7; тивериадьсцѣмь 1 б 13; ꙗви 1 б 13; и 1 б 15; галилѣискыи 1 б 17—18; оученикь 1 б 19; имь 1 б 19—20; оутрю 1 б 24; авиѥ 1 б 25; ꙗко 2 а 1; ѥсть 2 а 1; нии 2 а 3; оученикь 2 а 8; ѥсть 2 а 10; ꙗко 2 а 15; ꙗко 2 а 17; ѡгнь 2 а 18; рыбоу 2 а 19; рыбь 2 а 21; ѥже 2 а 21; великыхь 2 а 23—24; имь 2 б 2; и 2 б 3; истеꙁати 2 б 4; ты 2 б 4; приѥть 2 б 6; оуже 2 б 7; име 3 а 1; геѡргию 3 а 4; а 3 а 4; и 3 а 13. Какъ и во II-мъ отрывкѣ, двоеточіе иногда имѣетъ видъ ″; какъ и во II-мъ, двоеточіе ставится почти всегда надъ ьі, у котораго і, опять таки, какъ и во II-мъ, перечеркнуто.

Ударенія отсутствуютъ.

Изъ строчныхъ знаковъ обыкновенно употребляется точка. Иногда встрѣчается и двоеточіе: севѣ: 1 а 3; грова: 1 а 4; бѣлахь: 1 а 7; и: 1 а 21; раввы: 1 а 24; оучителю: 1 а 25; мнѣ: 1 а 26; ꙁеведеѡва: 1 б 18; же: 2 а 5; нинѣ 2 а 21; ѥси: 2 б 4; свои: | мь 2 б 8—9. Изрѣдка пишется ⁘ (преимущественно въ концѣ строки).

Знакъ ѡ, кромѣ предлога ѿ, встрѣчается въ слѣд. случаяхъ: іѡа 1 а 3; ѡ 1 а 4; ѡбрати се 1 а 14; ѡна 1 а 17; ѡбращьши 1 а 22—23; ѡна 1 а 23; ѡцоу 1 б 1; 1 б 3, 3—4; іѡа 1 б 8, 10; ѡва 1 б 18; ꙁеведеѡва 1 б 18; ѡнь 2 а 3; ѡбрещете 2 а 5; ѡгнь 2 а 18; ѡбѣдоуите 2 б 2; іѡа 2 б 10; ѡ 2 б 10; ѡца 3 а 1; геѡргию 3 а 4; ѡци 3 а 10.

Буква ȣ (или ѵ) два раза встрѣчается въ концѣ строки: соувотȣ 1 б 9 и ппу 3 а 4 и одинъ разъ въ серединѣ неȣбо 1 а 26.

Буква і (всегда перечеркнутая) два раза встрѣчается въ словѣ ісь 1 а 22, 25 (при иса 1 а 14, исъ 1 а 15, исъ 1 а 16, исъ 1 б 11, исъ 1 б 25,

ис҃ь 2 а 1 bis, ис҃ь 2 б 2, 6, 8, 10). Постоянно і въ словѣ іωа́ 1 а 3, б 8, 10, 2 б 10.

Очень рѣдкую въ памятникахъ сербской редакціи особенность представляетъ употребленіе въ четырехъ случаяхъ ж: товож 1 б 22; йдж 1 б 22; вьлѣꙁж 1 б 23; тж 1 б 23 и въ двухъ случаяхъ ѧ: ѧсѧ 1 б 24. Безъ сомнѣнія, юсы проникли сюда изъ болгарскаго оригинала. Довольно странно, что всѣ они сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Неіотированное є употреблено только однажды: нарицає | ть се 1 а 24—25. Интересна замѣна ѣ поср. ѥ: вѣдѥшє 1 а 15.

Только графическое значеніе можетъ имѣть ю вм. оу въ оутрю 1 б 24, петрю 2 б 11 и преꙁвитерю 3 а 4.

IV. ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

И въ лингвистическомъ отношеніи замѣчается между вторымъ и третьимъ отрывкомъ полное сходство, тогда какъ первый рѣзко отличается и отъ того, и отъ другого. Болѣе подробное разсмотрѣніе языка каждаго отрывка подтвердитъ это положеніе.

Въ первомъ отрывкѣ глухіе звуки сохраняются въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ: I. Въ коренныхъ слогахъ: притьча N^1 1 а 5, 16; сьтницѣ L^1 1 а 5; вьпль N^1 5 а 4; исьхьши L^1_f 1 а 13; II. Въ суффиксахъ: ѿврьꙁьше N^3 4 а 18; видѣвьше N^3 4 а 13—14. III. Въ префиксахъ: сьбра Aor^1_3 3 б 13; сьвоудеть 3 а 15, 4 б 13, 5 б 1; сьвѣ̑ 5 а 1; сьжежеть 6 а 16; сьмысльшоу D^1_m 3 а 7—8; сьшествиі L^1 1 б 5; вьꙁаалка Aor^1_3 6 б 14; вьꙁбранѣше Imf^1_3 6 а 19—20; вьꙁвахь Aor^1_3 4 б 14—15; вьꙁведень N^1_m 6 б 11; вьꙁвратити Inf 4 б 1—2; вьꙁвѣстите 4 а 8; вьꙁ҃вигноути 6 а 4—5; вьꙁ҃радаваше се Aor^3_3 4 а 14; вьꙁиде 6 б 5; вьꙁлоувеныи 6 б 9—10; вьпиющаго G^1_m 5 б 7; вьпрашаше Imf^1_3 3 б 15; вьпрошениѥ N^1 1 б 1; вьпрошьшиіхь L_m^3 1 а 7; вьпрошьшиихь L^3_m 1 а 18; вьпрошьшиимь L^1_m 1 а 8, 19—20; вьставь N^1_m 4 б 5—6, 10, 5 а 9, 12; вьстав... 3 а 19—20; вьстокь G^3 3 б 7; вьстоцѣ L^1 3 б 10—11, 4 а 11; вьсели се Aor^1_3 5 а 19; вьсхотѣ Aor^1_3 3 а 6; вьш҃ше N_m^3 4 а 15.

ь = дблг. неорганическому ъ: вльхвь G^3 4 б 16, 5 а 1 при вльхви Ac^3 4 а 3—4; арьхѣла 5 а 15; таланьть G^3 1 а 6; дидрагьмь G^3 1 а 3; киньсоньнѣхь L^3 1 а 18. Ср. также ѥгупь | тѣ L^1 5 а 8—9 (въ переносѣ) при ѥгупта G^1 4 б 14, ѥгупеть 4 б 7, 11—12.

ь = прасл. ь: I. Въ корняхъ: тьмою 1 а 6; стьꙁы Ac^3 5 б 9; рьци 6 б 15—16; доньдеже 3 б 3, 4 б 8; доньдѣже 4 а 12; сьй 6 б 9; приш҃ши 4 а 12. II. Въ суффиксахъ: киньсоньнѣхь L^3 1 а 18; коньчинѣ 1 б 3; книжьникы Ac^3 3 б 14; рож҃ство N^1 2 б 20; рождьства G^1 1 б 14; ꙁаконьницѣ L^1 1 а 20; иꙁвѣстьно 4 а 6—7; иѡрданьскаи N^1_f 5 б 14—15;

вавулоньскаго G^1_n 2 б 19; вавилоньскаго G^1_n 2 б 18; вавулоньское Ac^1_n 2 б 2; вавулоньсцѣмь L^1_n 2 б 3—4; меньша N^1_f 3 б 20; людьский Ac_m^3 3 б 15; мѣсечьствоующиимь L^1 1 а 2; рождьшоу D^1_m 3 б 5; рченьной 4 б 13; ювльшей се G^1_f 4 а 4—5; сьмысльшоу D^1_m 3 а 7—8; вьпрошьшиимь L^1_m 1 а 8, 19—20; вьпрошьшиихь 1 а 18; ѕваньныхь L^3 1 а 17.

Исчезновеніе глухихъ наблюдается въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ. I. Въ корняхъ: книги N^3 1 б 11; книжьникы Ac^3 3 б 14; книжнікь G^3 1 б 2; вьѕаалка Aor^1_s 6 б 14; сна G^1 3 а 20; снѣ L^1 3 а 8, 4 б 1, 5; 5 а 8, 18; пославь N^1 4 б 17; посла Aor^1_s 4 а 5; многь N^1_m 5 а 4; многи Ac^3 5 б 17; двою L^2_m 1 а 11, 15; кто 1 а 4, 5 б 19; где 3 б 8, 15; вьѕвахь 4 б 14—15; приѕвавь N^1 4 а 3; ѕваньныхь L^3 1 а 17. II. Въ суффиксахъ: шьше N^3 4 а 6; ошьшимь D^3_m 4 б 3—4; падше N^3 4 а 17; послоушавше 4 а 9—10; помаѕавши L^1_f 1 б 6. III. Въ префиксахъ: вниде Aor^1_s 5 а 14; сказаемо 3 а 19; створи Aor^1_s 3 а 20; створите 6 а 1; смете се 3 б 12—13; скровища Ac^3 4 а 18—19; снеста Aor^3_s 3 а 3.

Въ концѣ словъ ь=ъ опускается передъ же: онже 4 б 10, 5 а 12; видѣвже N^1 5 б 17; Ѡвѣщавже 6 б 2; слышавже N^1 3 б 12; амонже 2 а 20; наасонже 2 а 5; садок"же 2 б 9; ахам"же 2 б 10; йоаковже 2 б 13; йюдже 6 а 19; ахаѕже 2 а 17; йюдам"же 2 а 16—17; соломонже 2 а 10—11.

Изрѣдка выпадаетъ ь=ъ послѣ предлоговъ: с нами 3 а 19; с нимь 3 б 13; прѣд ними 4 а 11—12.

ь = прасл. ь выпадаетъ: I. Въ корняхъ: нарчеть се F^1_s 5 б 2; нарче Aor^1_s 3 б 4; рче Aor^1_s 4 а 6; 5 б 18; 6 б 2; 15, 17; рченой N^1_n 3 а 15, 5 а 1, 6 1; рченьной 4 б 13; рченый 5 б 6; вcь N^1_m 3 б 13; все N^1_n 3 а 14; вcа N^1_f 5 б 14; все Ac^3_m 3 б 14; всѣхь G^3 2 б 15; L^3 4 б 18—19; всако N^1_n 6 а 7; всакоу Ac^1_f 6 б 4; всакомь L^1_m 6 б 19; мнѣ D^1 6 а 10, 6 1; мните Imp^3_s 6 а 2; II. Въ суфф.: дльжнѣмь L^1_n 1 а 6; книжнікь G^3 1 б 2; слѣпцоу L^2 1 а 11; старцихь L^3 1 а 15; правдоу Ac^1 6 б 4; гоумно Ac^1 6 а 14—15; пѡвно 6 б 3; смоковници L^1 1 а 13.

Передъ же ь выпущено только въ словѣ ничимже I^1 3 б 19—20.

ь = ъ переходитъ въ о только въ словѣ смоковници L^1 1 а 13; чаще наблюдается переходъ ь въ е: праведень N^1_m 3 а 5; ѹмершоу D^1_m 5 а 7; поутемь I^1 4 б 2—3; ше N^1_m 4 а 8; сьшествиї L^1 1 б 5.

Примѣры ва рама 5 а 2—3 и вьѕаалка Aor^1_s 6 б 14 не могутъ считаться доказательствомъ перехода ъ въ говорѣ писца, такъ какъ они могли произойти опиской подъ вліяніемъ слѣдующаго а.

ж и ѧ послѣдовательно переходятъ въ оу и е.

ѣ вм. е встрѣчается въ словѣ корѣнѣ L^1 6 а 6. Обратнаго явленія — перехода ѣ въ е не наблюдается.

Иногда ѣ, конечно, только графически замѣняетъ ꙗ: гнѣ G^1_n 1 б 11; ҳоровавелѣ G^1 2 б 5; иҳлѣ 4 а 2; вьзбранѣше Imf^1_s 6 а 19—20.

Греческій дифтонгъ αι передается черезъ ѣ: галилѣѥ G^1 6 а 18; июдѣисцѣмь L^1_m 3 б 6, 17—18; июдѣи N^1 5 б 14; июдѣисцѣи L^1_f 5 б 4; фарисѣи G^3 1 б 2; фарисѣѥ Ac^3 5 б 17; однако, садоукеи Ac^3 5 б 17—18; садоукеиҳ L^3 1 а 20. Греч. дифтонгу ευ также соотвѣтствуетъ ѣ: арҳиѥрѣѥ Ac^3 3 б 14; арҳиѥрѣиҳь L^3 1 а 14, но и здѣсь попадаются исключенія: наҳареи 5 б 2. Однажды греч. ε замѣнено ѣ: арьҳѣла N^1 5 а 15.

Звуки ы и и иногда смѣшиваются:

ы вм. и: роуды G^1 2 а 7—8;

и вм. ы: води G^1 6 б 6; правиѥ Ac^3_f 5 б 8—9; дари Ac^3 4 а 19; таланти Ac^3 1 б 5; книги N^3 1 б 11; людьскиѥ A^3_m 3 б 15; многи Ac^3 5 б 17; испита Aor^1_s 4 а 4; ти же Ac^3_m 5 б 2; пррки I^3 5 б 1; плѣви Ac^3 6 а 16; секира N^1 6 а 5—6; ви Ac^3 6 а 9; тии 3 б 19.

Въ словахъ: слѣпыҳь, ҳромыҳь 1 а 12 и ҳваньныҳь L^3_m 1 а 17 ы, повидимому, переправлено изъ и. Тоже слѣдуетъ сказать и объ ы въ словѣ сапогы 6 а 12. Переходный звукъ между ы и и писецъ, вѣроятно, пытался выразить въ сыице 2 б 20.

Въ греч. словѣ βεθλεέμ наша рукопись вмѣсто третьяго ε постоянно пишетъ ω: виндлеѡме 3 б 19; виндлеѡмь Ac^1 4 а 5—6; виндлеѡмѣ L^1 3 б 5—6, 17.

Нарѣчія юже 4 а 10—11 и идѣже 4 а 13, вѣроятно, представляютъ самостоятельныя образованія къ оуже и идеже. Ср. наши Сложныя мѣстоименія[2], стр. 23, 80.

Интересно удвоеніе и въ словѣ тии (= ты) 3 б 19.

Ассимиляція и стяженіе гласныхъ очень часты: прѣселени L^1 2 б 3; крѣпли N^1_m 6 а 10; глѥмы N^1_m 2 б 15; ҳромыҳь L^3 1 а 12; слѣпыҳь L^3 1 а 12; наѥтыҳь L^3 1 а 9; ҳваньныҳь L^3 1 а 17; вьпиющаго G^1_m 5 б 7; вавулоньскаго G^1_n 2 б 19; вавилоньскаго 2 б 18; грѧдоущаго 5 б 20; дльжнѣмь L^1_m 1 а 6; таинѣмь L^1_m 1 б 7; крьщаҳоу Imf^3_s 5 б 15; исҳоꙁаше Imf^1_s 5 б 13; идоше Aor^1_s 4 а 11; имѣше Imf^1_s 5 б 10; негасещимь I^1_m 6 а 17; исҳодещимь L^1_m 6 б 19—20; приде Aor^1_s 5 б 3, 6 а 17, 21; придоҳомь 3 б 11 (при приидоу Aor^3_s 3 б 8).

Ассимиляцію гласныхъ безъ стяженія имѣемъ въ вьпрошьшиимь L^1_m 1 а 8, 19—20; мѣсечьствоующиимь L^1_m 1 а 2.

Вѣроятно, только графическое значеніе имѣютъ слѣдующія написанія: приѥмлоущиҳь 1 б 4—5; авраамлꙗ G^1_m 1 б 15; глоуще 3 б 8; лоуди Ac^3 3 а 13; ҳемлоу 5 а 10, 14; вьҳлоувеныи 6 б 9—10; цра G^1 3 б 7, 2 а 9, 4 а 10; плачоущи се N^1_f 5 а 4—5.

L epentheticum отсутствуетъ только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: възлоубеный 6 б 9—10; приѥмь N^1_m 5 а 17—18; приѥмьше N^3_m 4 б 1.

Группа ск переходитъ въ сц: июдѣисцѣмь L^1_m 3 б 6, 17—18; июдѣисцѣи L^1_f 5 б 4.

Ассимиляція согласныхъ наблюдается въ гдє 3 б 8, 15; ис тєбє 4 а 1; испита 4 а 4; испрошении L^1 1 б 11.

Греческимъ произношеніемъ слова обусловлено, вѣроятно, написаніе ѥмманоуилъ 3 а 18.

Изъ морфологическихъ особенностей обращаютъ на себя вниманіе только слѣдующія немногія:

D^1 на -ови въ именахъ на -о: иѡсифови 3 а 2; авраамови 6 а 5.

L^1 на -і отъ именъ на согл.: дни 1 б 3; жрѣбєти 1 а 11—12; отрочєти 4 а 7; ослєти 1 а 11.

L^3 на -ііchъ (подъ вліяніемъ склоненія прилаг. им.?) слова дѣлатєлиихъ 1 а 9.

Ac^3: садоукеи 5 б 17—18.

N^1_f имоущии 3 а 3—4.

Окончаніе ы въ Pr^3_1: имамы 6 а 3.

Сильный аористъ: приидоу 3 б 8; ѿтидоу 4 б 3.

Изъ особенностей словообразованія укажемъ на чередованіе суффикса -инь и ьнь въ одномъ и томъ же прил.: достоинь 6 а 1 и достоѥнь 6 а 11—12. Интересно употребленіе прилаг. въ функціи сущ.: дблй N^1 3 а 16. Описку представляетъ, вѣроятно, ѿ отрочьти 4 а 7.

* * *

Во второмъ отрывкѣ глухіе звуки сохранены въ слѣдующихъ случаяхъ:

ъ = прасл. ъ: вънидетъ F^1_3 2 а15, 16; въсхлєплюшръ N^1_m 1 б 2; възъждєдати сє 1 а 21; възъжеждєтсє 1 а 18—19; въземлєши 2 б 16.

ъ = прасл. ь: I. въ корняхъ: распъра N^1 2 б 4—5; съи N^1_m 1 а 3; ръци I^1_2 2 б 17; пришъшимъ D^3_m 2 а 18 и II. въ суффиксахъ: двъръ N^1 2 а 11; стоудєнъцъ N^1 1 а 12; ѡвьцъ G^3 2 б 22; свѣдѣтєлъствоютъ 2 б 20—21.

Напротивъ, исчезли глухіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

Прасл. ъ: притчю Ac^1 2 а 7; кто N^1 1 а 8, 2 а 15, 21; мною 2 а 15.

Прасл. ь: ѡвцє N^3 2 а 3, 14; ѡвцамъ D^3 2 а 11; ѡвцє Ac^3 2 а 2; почръпалника G^1 1 а 11; источникъ 1 б 1; вѣчны Ac^1_m 1 б 3; мнѣ L^1 2 б 21; вси 2 а 11; всакъ N^1 1 а 18; Ѿшли 1 а 1; брашна G^1 1 а 1.

Вокализируются глухіе звуки только по одному разу: црк°въ 2 б 14 и самарѣнєхъ L^3 1 а 6.

Носовые звуки послѣдовательно переходятъ въ оу и є.

Звукъ ѣ только два раза замѣненъ є: разоумѣаше 2 а 8; самарениньı N^1_f 1 а 2—3 при самарѣнехъ 1 а 6.

Примѣры: июдеи N^3 1 а 6, 2 б 16, июдеюмъ D^3 2 а 19 и июдеихъ L^3 2 б 5 недостовѣрны, вслѣдствіе греческаго происхожденія слова.

Изрѣдка ю замѣняется ѣ: кр҃млѣхъ 2 б 12—13; кланѣємъ сє 1 б 21—22; кланѣєтє 1 б 20—21; покланѣти 1 б 16; самарѣнехъ 1 а 6. Явленіе это, конечно, имѣетъ только графическое значеніе.

Звуки ъı и и смѣшиваются довольно часто:

ъı вм. и: съı Ac^3_n 2 б 6; мнозъı N^3 2 б 6; волъı N^1_m 1 а 14.

и вм. ъı: слѣпимъ D^3_m 2 б 10; самаренини G^1_f 1 а 4—5.

Ассимиляція и стяженіе гласныхъ наблюдаются въ слѣд. случаяхъ: вѣчнъı Ac^1_m 1 б 3; волъı N^1 1 а 14; тоуждаго G^1_m 2 а 6—7; хождаше Imf^1_s 2 б 13; вѣхоу 1 а 1.

Группа зж переходитъ въ жд: възъждедати сє 1 а 21 при възъжеждетсє 1 а 18—19; иждenетъ 2 а 2.

Изъ морфологическихъ особенностей достойно упоминанія:

Ок. ъı въ Pr^3_1: вѣмъı 1 б 22;

Aor^3_s ωвидоу 2 б 15;

Смѣшеніе падежей, именно D^3 съ G^3_f: ѿ ωвьцъ моимъ (или описка?).

Изъ лексическихъ особенностей отмѣтимъ прил. глъбокъ 1 а 12 (ср. серб. дубоки).

* * *

Въ третьемъ отрывкѣ глухіе звуки сохраняются въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ: I. въ суффиксахъ: рекьши D^1_f 1 а 13; II. въ префиксахъ: вьспкть 1 а 14; вькоупѣ 1 б 14—15; вьзмоу F^1_1 1 а 21; вьставь N^1_m 1 б 12, 2 б 9; вьврьже Aor^1_s 2 а 12; вьврьгоу Aor^3_s 2 а 5; вьврьзѣтє 2 а 3—4; вьзидь N^1_m 1 б 1; вьлѣзь N^1_m 2 а 21; вьлѣзж Aor^3_s 1 б 23; вьзидь Aor^1_1 1 б 1; вьзель 1 а 20; вьсхождоу Pr^1_1 1 б 2—3; вьзвѣщающи N^1_f 1 б 6; вьскрѣ Aor^1_s 2 б 10; вьскрьсноути 1 а 1—2. Въ корнѣ, можетъ быть, только въ вьнѣ 1 а 4—5.

ь = прасл. ь только въ суффиксахъ: чл҃ць N^1 3 а 2; близньць N^1 1 б 16; множьства G^1 2 а 7; нишевьсцѣмь L^1_n 3 а 6—7; тивериадьсцѣмь L^1_n 1 б 13; ωврацьши N^1_f 1 а 22—23.

Исчезновеніе глухихъ наблюдается въ слѣдующихъ случаяхъ:

ь = прасл. ъ: I. въ корняхъ: множьства G^1 2 а 7; книги N^3 3 а 10—11; книгы Ac^3 3 а 3; злословите 3 а 12; кто 2 б 3, 4; где 1 а 13, 20; два 1 а 7; втр 2 б 17; II. въ суффиксѣ: бывшю D^1 1 б 25; III. въ префиксѣ взнѣние Ac^1_n 2 б 22.

ь = прасл. ь: I. въ корняхъ: чтѣте 3 а 11; чтѣ 2 б 13; мнѣ D[1] 1 а 20; всѣ G^3_m 2 б 24; мнещи N^1_f 1 а 18; рци Γ^1_s 1 б 2; что 1 а 11, 16; ꙃде 2 а 2; поꙃдѣ 1 б 9; II. въ суффиксахъ: снѣдно Ac^1_n 2 а 2; грѣшнаго. 3 а 12; слѣпци L[1] 2 б 21.

Самую оригинальную особенность языка рукописи составляетъ сохраненіе въ нѣсколькихъ случаяхъ носовыхъ звуковъ, которые, вѣроятно, сюда проникли изъ среднеболгарскаго подлинника. Мы говоримъ «вѣроятно», а не «несомнѣнно» потому, что отсутствіе въ текстѣ какихъ-бы то ни было слѣдовъ мѣны юсовъ не исключаетъ возможности *древнеболгарскаго* происхожденія оригинала. Объ этихъ случаяхъ мы уже говорили въ III главѣ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, юсы переходятъ послѣдовательно въ оу и е.

Два раза ѣ замѣняется е: вѣдкше Imf^1_s 1 а 15; самарѣ L[1] 2 б 21.

Звукъ ѥ, конечно, только графически замѣняется ѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: исправлѣюще N^3_m 3 а 11; црѣ G[1] 3 а 5; любл ѣше Imf^1_s 2 а 8.

Звукъ ы смѣшивается съ и:

ы вм. и: рыꙃахь L[3] 1 а 7; равны 1 а 24; авые 1 б 25.

и вм. ы: ви Ac^3 3 а 9; нарицакми N^1_m 1 б 15—16; книги N[3] 3 а 10 при книгы Ac^3 3 а 3; кги нар. 3 а 8.

Стяженія гласныхъ довольно часты: брати D[1] 1 б 2; приде Aor^1_s 1 б 5, 2 б 5; придѣте Imf^3_s 2 б 2; нарицакми N^1_m 1 б 15—16; мртвыхь G[3] 2 б 9; великыхь G^1_f 2 а 23—24; грѣшнаго G[1] 3 а 12; стоюше Imf^1_s 1 а 4; стоюхоу Imf^3_s 3 а 8; можахоу Imf^3_s 2 а 6; бѣхоу Imf^3_s 1 б 14.

Интересно удвоеніе гласной и въ отрицаніи: ниі 2 а 3.

На мягкость палатальныхъ гласныхъ указываетъ плачющи се N^1_f 1 а 5; вышню D^1_n 1 б 25. Напротивъ, только графическое значеніе, вѣроятно, имѣютъ оутрю D[1] 1 б 24; петрю D[1] 2 б 11; преꙃвитерю D[1] 3 а 4.

Группа ск передъ ѣ изъ дифтонга переходитъ въ сц: тиверіадьсцѣмь L^1_n 1 б 13; нишевьсцѣмь L^1_m 3 а 6—7.

Ассимиляція согласныхъ наблюдается въ где 1 а 13, 20; ꙃде 2 а 2; поꙃдѣ 1 б 9; исправлѣюще 3 а 11.

L epentheticum употребляется очень выдержанно. Единственное исключеніе, — имена корабь 1 б 23, корабицемь Г[1] 2 а 13—14, — неславянскаго происхожденія.

Изъ морфологическихъ особенностей мы можемъ отмѣтить только форму D[1] петрови 2 а 9, форму сигматическаго Aor^3_s ьаса 1 б 24 и сильные аористы: идета 1 а 2; вьꙃидь 1 б 1.

Изъ лексическихъ особенностей очень интересно нар. кги (ср. наши Сложныя мѣстоименія[2], стр. 112).

V. ТЕКСТУАЛЬНЫЯ ОСОБЕННОСТИ.

Какъ мы уже знаемъ, Сверлижскіе отрывки не однородны по своему составу: въ то время какъ второй и третій фрагменты представляютъ собой евангеліе-апракосъ, первый представляетъ четвероевангеліе. Это обстоятельство, однако, не можетъ приводиться въ доказательство, что обѣ части происходятъ отъ разныхъ рукописей: въ славянской письменности имѣется другой памятникъ, первая часть (точнѣе: три первыя книги) котораго представляетъ четвероевангеліе, а вторая (точнѣе: послѣдняя книга) — евангеліе — апракосъ. Этотъ памятникъ — знаменитое Добромирово евангеліе, подробно изслѣдованное Ягичемъ (Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, Band CXXXVIII und CXL).

Незначительный объемъ нашихъ отрывковъ не даетъ возможности изслѣдовать ихъ текстъ съ такою же систематичностью, съ какою сдѣлалъ это Ягичъ относительно Добромирова Евангелія. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя особенности текста Сверлижскаго евангелія достаточно рельефны, чтобы, по крайней мѣрѣ, *приблизительно* опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ старыхъ евангельскихъ текстовъ.

Первый вопросъ, который является при изслѣдованіи состава Сверлижскаго евангелія, — это вопросъ объ его отношеніи къ двумъ древнѣйшимъ сербскимъ евангельскимъ текстамъ, — Мирославову и Вуканову. Чтобы хоть отчасти отвѣтить на него, составимъ таблицу главнѣйшихъ разночтеній всѣхъ трехъ евангелій.

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Свержижское.*
		Іоанна IV 8—22.	
1	бѣахѫ	бѣхоу	бѣхоу
2	вь инь	вь	вь
3	гл҃а жѧ	гл҃а	гл҃а
4	самарѣнынь	самарѣныни	самаренины

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
5	самарѣныне	самарѣныни	самаренини
6	бж҃ен	бжнї	бж҃ни
7	ѿкоудоу	ѿкоудю	ѿкоудоу оубо
8	сиє	сиѥ	сеѥ
9	вьжеждеть се	вьжеждеть се	възъжеждетсе
10	ѿ воды	водю	ѿ воды
11	вьждедати се	вьждедати се	възъждедати се
12	вода	водю	вода
13	вьслѣплюще	вьслѣплеще	въсхлеплющъ
14	кь немоу	кь немоу	ѥмоу
15	прихож҃дꙋ сѣмо	прихож҃дꙋ сѣмо	прихож҃оу
16	єи	и	ѥи
17	ѿвѣща	и ѿвѣща	ѿвѣща
18	дмю	кь немоу	ѥмоу
19	гл҃а єи	гл҃а	гл҃а ѥи
20	петь бо єси ихъ имѣла	петь бо єси моужь имѣла	е҃. бо моужи имѣла ѥси
21	кланѣти се	кланати се	покланѣти се
22	гл҃а єи	и гл҃а	гла ѥи
23	жено вѣроу ми ими	жено вѣроу ми ими	вѣроу ими ми жено
24	гредеть	ꙗко гредеть	ꙗко гредетъ
25	ѥгда ни	ѥгда	єгда ни
26	єрл҃имѣ	ѥроусл҃имѣхъ	ѥрл҃мѣхъ
27	поклоните се	поклонеть се	поклонетъ се
28	кланѣсте са	кланаѥте се	кланѣѥте се
29	вѣмь	вѣмь	вѣмъı
		Іоанна X, 3—9, 17—26.	
30	вѣдеть	ꙁнають	ꙁнаютъ
31	тоуждихъ гласа	тоуждихъ гл҃с	тоуждаго гласа
32	соуть єже	соуть ѥже	бъıстъ ꙗже
33	гл҃аше	гл҃аше	р҃е
34	р҃е же имь іс҃ь паки	р҃е же нимь іс҃ь паки	гл҃а имъ пакъı іс҃ъ
35	амн҃ амн҃	амн҃	амн҃ъ амн҃ъ
36	все	вьсї	вси
37	єликоже	ѥлико	ѥлико
38	прѣжде мене придеть	прѣжде мене прїде	приде прѣжде мене
39	спс҃еть се	спс҃ень боудеть	спс҃етъ се
40	и вьнидеть иꙁидеть	и вьнидеть и иꙁидеть	вънидетъ и иꙁидетъ
41	ѿць любить	ѿць любить	любитъ ѡц҃ь

	Мирославово.	Вуканово.	Сверлижское.
42	вьѕметь	ѹѕьметь	ѿиметъ
43	себѣ	себѣ	ѡ себѣ
44	приети	приети	пакꙑ приѥти
45	принесь	принесь	приѥхъ
46	расьпра же паки	расьпра же	распъра же пакꙑ
47	гл҃аху же ємю	гл҃аху же	гл҃аху же
48	вѣсь имать	нѣтъ	ꙗко бѣсъ иматъ
49	слѣпымь	слѣпомь	слѣпимъ
50	очи дати	очи дати	очи ѿврѣсти
51	ѕнаменiѣ	сщ҃енїꙗ	ѡбновлениꙗ
52	ерл҃мѣ	ерл҃имѣхь	ѥрмлѣхъ
53	црк҃ве	црк҃ве	црк҃въ
54	соломѹни	соломѹни	соломони
55	обидю и	и обидю же	ѡбидоу же
56	приемлеши	приемлеши	въѕемлеши
57	та	да	та
		Іоанна XX, 9—18.	
58	идѣахю	идеста	идета
59	бѣлахь риѕахь	бѣлахь риѕахь	рꙑѕахь бѣлахь
60	вь	оу	оу
61	ѥи она	ѥи ѡна	ѥи
62	и положише	и положише	положише и
63	рекьши	си рекьши	си рекьши
64	вьѕврати се	ѡбрати се	ѡбрати се
65	кого	кого	кого ли
66	мнѣ	и мнѣ	мнѣ
67	вьѕидь	вьѕидохь	вьѕидь
68	оученикомь	оученикомь ѥго	оученикомь
		Іоанна XXI, 1—14.	
69	нѣтъ	вьставь ѿ мрьтвыхь	вьставь ѿ мрьтвыхь
70	тивериадьсцѣмь	тивериꙗтьстѣмь	тивериадьсцѣмь
71	сн҃а	сн҃а	ѡба сн҃ы
72	гл҃аше	гл҃аше	и рѣше
73	и иѕидоше и вьсѣдоу	и иѕидоше и вьсѣдоше	и идѫ и вьлѣѕѫ
74	ѧсе	ѥше	ѧсѧ
75	и не поѕнаше	не поѕнаше	и не поѕнаше
76	гл҃а же	гл҃а же	и рѣ
77	ѥда чьто сьнѣдьно имате	ѥда чьто сн҃ѣдьно имате	имате ли что снѣдно ѕде

	Мирославово.	*Вуканово.*	*Сверлижское.*
78	Ѿвѣщаше же кмоу нии	Ѿвѣщаше же кмоу нии	Ѿвѣщаше нии
79	страноу кораблѣ	страноу	страноу
80	мрѣже	мрѣжоу	мрѣжоу
81	епендитомь	епеньтитомь	пендитомь
82	прѣпоѣса се	прѣпоꙗсавь се	прѣпоꙗса се
83	а дроузи	дроузи же	а дроузи
84	кораблицемь	корабицемь	корабицемь
85	придоу	придоше	придоу
86	бѣше	бѣхоу	бѣше
87	ꙁемле	Ѿ ꙁемле	Ѿ ꙁемле
88	нь	ноу	нь
89	иꙁлѣꙁю	иꙁвлѣкоше	иꙁлѣꙁоу
90	нѣтъ	горещь	горещь
91	рыбы на немь лежеще	рибоу на мь лежещь	рывоу на немь лежещоу
92	р҃. н҃. г҃.	н҃. н҃. г҃.	р҃. н҃. г҃.
93	рыбы	рывоу	рывоу

Итакъ, изъ 93 разночтеній въ 37 случаяхъ Сверлижское евангеліе не совпадаетъ ни съ Мирославовымъ, ни съ Вукановымъ евангеліемъ, въ 28 оно совпадаетъ только съ первымъ и въ 28 только со вторымъ.

Анализируя первые случаи, не трудно замѣтить, что Сверлижское евангеліе лучше сохраняетъ первоначальный переводъ въ слѣдующихъ 15 случаяхъ:

7) Ѿкоудоу оубо. — Ср. Зогр. отъкждоу оубо; Мар. отъкждѫ оубо; Ассем. отъкждѣ оубо.

9) въꙁъжеждетсе. — Зогр. и Ассем. въждаждетъсѧ; Мар. вьжаждетъ сѧ.

11) вьждедати сѧ. — Зогр. и Ассем. въждадати сѧ; Мар. вьждадаатъ сѧ.

20) е҃ бо моужи имѣла кси. Зогр. пѧть бо імѣла еси; Мар. пѧть бо мѫжь имѣла еси; Ассем. пѧть бо мѫжь имѣла еси.

31) тоуждаго гласа. Ср. Зогр. штюждего гласа; Ассем. тоуждаага гласа. Однако, Мар. тоуждиихъ гласа.

32) бъистъ ꙗже. — Зогр. бѣашѧ ѣже; Мар. бѣшѧ ѣже. Однако, Ассем. сѫтъ ѣже.

38) приде прѣжде мене. — Зогр. и Мар. приде прѣжде мене; Ассем. приде ихъ прѣжде мене.

43) ѡ себѣ. — Зогр., Мар., Ассем. о себѣ.

44) пакы прияти. — Зогр., Мар. пакъı прияти; Ассем. прияти.

50) очи ѿврѣсти. — Зогр., Мар., Ассем. очи отврѣсти.

55) ѡбидоу же. — Зогр. и Мар. ѡбидѫ же и; Ассем. обидѫ же и.

56) въземлеши. — Зогр. и Ассем. въземлеши; Ассем. иземлеши.

58) идета. — Мар. и Ассем. идете. Въ Зогр. нѣтъ.

62) положише и. — Мар. и Ассем. положиша и. Въ Зогр. нѣтъ.

71) сны. — Зогр. сына; Мар. сна; Ассем. сына.

Напротивъ, въ 22 чтеніяхъ Сверлижское евангеліе менѣе консервативно, чѣмъ Вуканово или Мирославово.

14) емоу. — Зогр. и Ассем. къ немоу; Мар. къ немоу.

15) прихожоу. — Зогр., Мар. и Ассем. прихождѫ сѣмо.

21) покланѣти сѧ. — Зогр., Мар. и Ассем. кланѣти сѧ.

23) вѣрѫ ими ми жено. — Зогр. жено вѣрѫ ми ими; Мар. жено вѣрѫ ими ми; Ассем. жено вѣрѫ ми ими.

29) вѣмы. — Зогр., Мар. и Ассем. вѣмь.

33) рє. — Зогр. глаша (?); Мар. глаше; Ассем. глаголааше.

34) гла имъ пакы исъ. — Зогр. рече же имъ пакъı ис; Мар. рече имъ пакъı ис. Ассем. рече имъ исоусъ пакъı.

40) вънидетъ и изидетъ. — Зогр., Мар. и Ассем. и вьнидетъ и изидетъ.

41) любитъ ѡцъ. — Зогр. оць любить; Мар. отцъ любитъ; Ассем. отьць любитъ.

42) ѿиметъ. — Зогр. възъметъ; Мар. вьзьметъ; Ассем. възьметъ.

45) приехъ. — Мар. и Ассем. приѩсъ; Зогр. приѩхъ.

51) ѡбновлениꙗ. — Зогр. свѧщние; Мар. енкение; Ассем. свѧщение.

53) цркъ. — Зогр. цръкъве; Мар. цркь; Ассем. црквы.

54) соломони. — Мар. и Ассем. соломони. — Однако, Зогр.: соломѹни.

59) ръızахь бѣлахь. — Мар. бѣлахъ. . . . Ассем. бѣлахъ ризахъ.

61) ки. — Мар. еи она; Ассем., однако, ки.

65) кого ли. — Мар. и Ассем. кого.

72) и рѣше. — Зогр., Мар., Ассем. глаша.

73) и идѫ и вьлѣзѫ. — Зогр. и идѫ и вьсѣдѫ. — Мар. и изидѫ и вьсѣдѫ; Ассем. и изидѫ и въсѣдѫ.

76) и рє. — Зогр., Мар., Ассем. гла же.

77) имате ли что снѣдно. — Зогр. еда чьто сънѣдьно имате; Мар. еда что сънѣдъно имате; однако, Ассем. имате ли чьто снѣдьно.

78) ѿвѣщаше нии.—Зогр. и Мар. отъвѣшташа же емоу ни; Ассем. ѡтъвѣшташа емоу: ни.

Изъ варіантовъ, общихъ Сверлижскому ев. и Мирославову, слѣдующіе, повидимому, архаическіе:

10) ѿ водꙑ.—Зогр., Мар. и Ассем. ѿ водъı.

12) вода.—Зогр., Мар. и Ассем. вода.

16) ки.—Зогр., Мар. и Ассем. еи.

17) ѿвѣща.—Зогр., Мар. и Ассем. отъвѣшта.

18) кмоу.—Зогр., Мар. и Ассем. емоу.

19 и 22) гл҃а ки.—Зогр., Мар. и Ассем. гл҃а еи.

25) егда ни.—Зогр., Мар. и Ассем. егда ни.

35) ам҃нъ ам҃нъ.—Зогр. а҃мин. а҃мин.; Мар. аминь амин; Ассем. аминъ, аминъ.

39) сп҃сетъ се.—Зогр. сп҃етъ ся, Мар. съп҃стъ, Ассем. съпасетъ.

46) распъра же пакꙑ.—Зогр. распьрѣ же пакы; Мар. распьрѣ же бъıстъ пакъı. Однако, Ассем. распьрѣ же бъıстъ.

48) ѩко вѣсъ иматъ.—Зогр., Мар. и Ассем. вѣсъ иматъ.

57) та.—Зогр., Мар. и Ассем. та.

66) мнѣ.—Мар. мьнѣ и Ассем. мнѣ.

67) вьꙁидь.—Мар. вьꙁидъ; Ассем. въꙁидъ.

68) оученикомь.—Мар. и Ассем. оученикомъ.

70) тиверияадьсцѣмь.—Зогр. тиверьѣдьсцѣмь; Мар. таворьѣдьсцѣмь. Однако, Ассем. тивериадьстѣмь.

74) ѧсѧ.—Мар. ѩсѧ; однако, Зогр. и Ассем. ѩшѧ.

81) пендитомь.—Зогр. епен'дитомь, Мар. и Ассем. епендитомъ.

82) прѣпоѩса се.—Зогр., Мар. и Ассем. прѣпоѩса сѧ.

83) а дроуꙁи.—Зогр. а дроуꙁи; Мар. а дроуѕии и Ассем. а дроуѕи.

85) придоу.—Зогр., Мар. и Ассем. придѫ.

86) бѣше.—Зогр., Мар. и Ассем. бѣшѧ.

88) нь.—Зогр., Мар. и Ассем. нь.

89) иꙁлѣꙁоу.—Зогр. и Мар. иꙁлѣꙁѫ. Однако, Ассем. иꙁвлѣшѧ.

92) р҃. н҃. г҃.—Зогр., Мар. и Ассем. р҃. н҃. г҃.

Разночтенія, общія Сверлижскому и Мирославову евангеліямъ, чужды, по крайней мѣрѣ, двумъ глаголическимъ текстамъ.

49) слѣпымь.—Зогр. и Мар. слѣпомъ; Ассем. слѣпъıмъ.

75) и не поꙁнаше.—Зогр., Мар. и Ассем. не поꙁнашѧ.

Варіанты Сверлижскаго и Вуканова Евангелія совпадаютъ съ глаголическимъ текстомъ:

2) вь.—Зогр., Мар. и Ассем. въ.

4) самарениньі. — Зогр., Мар. и Ассем. самарѣнъıни.

6) вж҃ии. — Зогр. вж҃и, Мар. и Ассем. вж҃ии.

8) сеи. — Зогр., Мар. и Ассем. сеѩ.

24) ıако грeдеть. — Зогр., Мар. и Ассем. ѣко градетъ.

26) кр҃лмѣхъ. — Зогр. и Ассем. ер҃лмѣхъ; Мар. и҃лмѣхъ.

27) кланѣкте се. — Мар. кланѣате сѧ; Ассем. кланѣте сѧ.

30) ꙁнаютъ. — Зогр., Мар. и Ассем. ꙁнаѭтъ.

36) вси. — Зогр. и Мар. вьси; Ассем. въси.

47) гл҃хоу же. — Зогр. гл҃хѫ же, Мар. глаг҃хѫ же, Ассем. глаголаахѫ же.

52) кр҃млѣхъ. — Зогр. ил҃мѣхъ; Мар. ерсл҃мѣхь; Ассем. ир҃лмѣ.

60) оу. — Мар. и Ассем. оу.

63) си рекьши. — Ассем. си рекъши; Мар. се рекъши.

64) ѡбрати се. — Мар. и Ассем. обрати сѧ.

69) вьставь ѿ мрьтвыхь. — Ассем. въставъ отъ мрътвъıхъ. Въ Зогр. и Мар. нѣтъ.

79) страноу. — Зогр. и Ассем. странѫ. Однако, Мар. странѫ кораблѣ.

84) корабицемь. — Мар. корабицьмь; Ассем. корабицемь.

87) ѿ ꙁемле. — Зогр. и Мар. отъ ꙁемлѧ; Ассем. отъ ꙁемѧ.

91) рыбоу на немь лежещоу. — Зогр., Мар. и Ассем. рыбѫ на немь лежаштѫ.

93) рыбоу. — Зогр. и Мар. рыбѫ. — Ассем. ръıбъı.

Варіанты Сверлижскаго и Вуканова евангелій, расходящіеся съ глаголическими текстами:

1) бѣхоу. — Зогр., Мар. и Ассем. бѣахѫ.

3) гл҃а. — Зогр. и Мар. гл҃а же. Ассем., однако, глагола.

4) самаренини. — Зогр., Мар. и Ассем. самарѣнына.

13) въсхлеплющъ. — Зогр. вьслѣплѫштѫѭ; Ассем. въслѣплѭштаѩ; Мар. въходѧшта.

27) поклонетъ се. — Зогр., Мар. и Ассем. поклоните сѧ.

36) клико. — Зогр., Мар. и Ассем. еликоже.

80) мрѣжоу. — Зогр. и Ассем. мрѣжѧ; Мар. мрѣжѫ.

90) горещь. — Зогр., Мар. и Ассем. лежащь.

Изъ этого статистическаго обзора варіантовъ ясно, что Вуканово и Сверлижское евангелія немногимъ чаще отступаютъ отъ глаголическихъ рукописей, чѣмъ Мирославово, и потому составъ ихъ текста слѣдуетъ признать только немного моложе, чѣмъ составъ послѣдняго евангелія. Въ частности, Сверлижское ев. ближе, повидимому, къ послѣднему, чѣмъ къ первому.

Подобнымъ же способомъ, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть текстуальныя особенности и перваго отрывка Сверлижскаго евангелія. Но такъ какъ соотвѣтствующаго текста Зографскаго и Маріинскаго евангелія не сохранилось, то результатъ такого анализа былъ бы еще болѣе шаткій и условный, чѣмъ предыдущій. Поэтому, мы совсѣмъ воздержимся отъ какихъ бы то ни было сопоставленій.

VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СВЕРЛИЖСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ.

Это значеніе заключается, конечно, не въ евангельскихъ текстахъ, а въ записи, сохранившей нѣсколько драгоцѣнныхъ историческихъ указаній. Безъ этой записи мы, во-первыхъ, не знали бы имени того смѣлаго гайдука[1]), который поднялъ знамя возстанія противъ болгарскаго царя Константина Асѣня (1258—1277) и, разбивъ его на-голову въ сраженіи (1277), овладѣлъ тырновскимъ престоломъ, женился на вдовѣ Константина Маріи и довольно долго защищалъ Тырново отъ грековъ и ихъ кандидата въ болгарскіе цари Іоанна Асѣня III. Сверлижскіе отрывки даютъ дату (1 сент. 1278 — 1 сент. 1279 г.) этой осады Тырнова, и въ этомъ состоитъ другая сторона ихъ историческаго значенія. Наконецъ, въ третьихъ, изъ Сверлижскихъ отрывковъ узнаемъ, что нишскимъ епископомъ былъ въ это время нѣкто Никодимъ.

Кто былъ Константинъ чтецъ, онъ же Воисилъ грамматикъ? Проф. Карскій, Славяно-русская палеографія, 311 спрашиваетъ, не представляетъ-ли Воисилъ грамматикъ одно лицо съ Васѣ грамматикомъ, писцомъ Апостола 1277 г. Но не говоря уже о томъ, что имя послѣдняго довольно мало напоминаетъ имя Воисила, противъ этого предположенія говоритъ и средне-болгарскій языкъ Апостола...[2])

Г. Ильинскій.

---

1) Византійцы (Пахимеръ, Никифоръ Григора) передаютъ только его прозвище «латукъ», да и то въ греческомъ переводѣ лаханасъ. Срезневскій (Р. Бесѣда 1857, II, 16) полагаетъ, что Пахимерово (I. 431) Κορδοκούβας есть искаженное слав. кръдокъва. Объ этомъ см. Иречка, Исторія болгаръ, 366.

2) Въ заключеніе статьи считаемъ долгомъ принести сердечную благодарность проф. Александру Бѣличу въ Бѣлградѣ за любезную свѣрку третьей корректуры текста съ подлинникомъ.

ци ни ꙗкони ѥсть · и рече имъ и
ѣти · имате ли что снѣдно · ѧде
вѣ ꙗшщенни · ѡ ньже рече вьвръ
зѣте ѡ деснѹю странѹ мрѣ
жѹ · и ѡбрещете · вьврьгоуше
и томоу не можахоу привлѣ
щи ѥѥ ѿ множьства рыбъ · гл(аго)ла
оученикъ ѥгоже люблѣше
ис петрови · г(оспод)ь ѥсть · симонь
же петрь слышавъ ꙗко г(оспод)ь ѥсть
рендитомь прѣпоꙗса сѧ бѣ
бо нагъ · и вьврьже се вь море ·
а дроузи оученици кораблице
мь приидоу · не бѣше бо далече
ѿ земле · нъ ꙗко дв(ѣ)ма с(ъ)тѣ
лакотъ влѣкоуще мрѣжоу
рыбъ · ꙗко же излѣзоу на зе
млю · видѣше ѡгнь горещь
и рыбоу на немь лежещоу · и
хлѣбъ · и рече имъ принесѣте ѿ
рыбъ ѥже ѥсте ѧли нꙑнѣ · вьлѣ
же симонь петрь и извлѣче мрѣ
жоу на землю пльноу велик
хъ рыбъ · р · н · и г · и толикоу

III, л. 2а.

Притча про слїпця і хромця.

(Причинок до історії лїтературних взаємин старої Руси).

Не вважаючи на значне число важних і замітних праць про поодинокі появи староруського письменства лишило ся ще богато тôчок невияснених. Можѐмо сказати навіть, що цїлі течії староруського духового житя відомі нам лиш уривками, частками і ждуть іще компетентних робітників. До таких течій належить вплив жидівства на наші віруваня й традиції та на наше старе письменство. Розбираючи ріжні памятки того письменства найчільнїйші російські дослїдники все натикають ся на слїди жидівського впливу. Глухі відгуки жидівської місії бачимо вже в нашій першій лїтописи; про жвавість антижидівської полеміки сьвідчить Толковая Палея, яка разом із тим і з конечности подає масу жидівських традицій, жидівських етимольоґій, жидівських апокріфів і т. и. Нема сумнїву, що й у инших памятках нашого старого письменства, де доси шукано лише греко-византийських взірцїв, при уважних пошукуванях та порівнанях з жидівськими жерелами, головно з Талмудом, вияснить ся не одно таке, що дóси лишаєть ся загадковим. Звернути дослїди в той бік тим цїкавійше, що жидівство X—XIII віків було одним із найважнїйших посередників передачі оріентальних культурних елементів на захід, так само як у самім оріентї відіграло важну ролю посередника між старинною цівілїзацією і Арабами та Персами.

В отсїй розвідцї я бажав би прослїдити на однім невеличкім староруськім творі дуже інтересні лїтературні та культурно-історичні взаємини між сходом і заходом і посередництво жидівства в тім процесї в середнїх віках. Коли мої висновки не всюди може покажуть ся переконуючими, то все таки я осягну свою цїль, коли ними побуджу инших, компетентнїйших на сьому полї, до дальших пошукувань і студій.

I. Три редакції притчі.

Ще при кінцї XVII в. автор замітної працї «Оглавленіе книгъ кто ихъ сложилъ» — чи був ним Сильвестр Медведев (ум. 1691 р.), чи — що

мені бачить ся близшим до правди, учений Київлянин Епіфаній Славинецький — вказуючи деякі звісні йому писаня Кирила Турівського, вичислює між ними також твір «О души и тѣлѣ и преступленіи заповѣди, о воскресеніи тѣлесъ и о судѣ будущемъ и муцѣ». Се очевидно той сам твір, який у рукописах має титул «Притча о человѣчестѣй души и о тѣлеси, и о преступленіи божіихъ заповѣдей и о воскресеніи тѣлесъ человѣчь, и о будущемъ судѣ и муцѣ». Сей твір маємо в старих рукописах у кількох формах, а найкоротша з них, що містить ся в Прологах, має звичайно титул «Притча о слѣпци и о хромци».

Дивна була історія сего твору в дотеперішній науці. Перший видавець, якому по справедливому вислову пок. Сухомлінова належить ся честь властивого відкритя Кирила Турівського для науки, Калайдович, помістив сю притчу в ряді творів Кирилових (Памятники Россійской словесности XII в. Москва 1821, стор. 132—152). Натомісь Сухомлінов у своїй капітальній доси книжці «Рукописи графа А. С. Уварова, томъ второй. Санктпетербургъ 1858» помістив лише в передмові «Притчу Кирилла Туровскаго» (стор. XLVII—LI), а між писанями Кириловими надрукував по трьом копіям проложний текст «О тѣлѣ чл҃чстѣ и о д҃ши и о въскр҃ніи мр҃твыхъ», твір, який сам Сухомлінов признає неналежним Кириловому перу (op. cit. стор. XLVI). Се пропущене досить просторого Кирилового твору тим тяжше зрозуміти, що проф. Сухомлінов очевидно не сумнівав ся в тому, що весь твір, не менше як і покладена в його основу притча справді твори Кирила Турівського. Митроп. Евгеній у передмові до свого виданя Кирилових творів (Творенія св. о. Кирилла еп. Туровскаго, изданіе преосв. Евгенія. Кіевъ 1880, стор. LXXXIII) пояснює се тим, що проф. Сухомлінов був по троха звязаний пляном виданя, який мав на меті публікацію лише таких текстів, що містили ся в рукописах ґр. Уварова. Але сему перечить увага самого Сухомлінова, що для уставленя поправного тексту творів Кирилових він користував ся 83 рукописами, з яких значна часть належить до Імп. Публ. Бібліотеки в Петербурзі, до Румянцівського музея в Москві, до Троіцко-Сергієвої Лаври і т. и. (тамже ст. 155).

Та ще перед виходом праці Сухомлінова, 1857 р. митроп. Макарій у третім томі своєї «Исторіи русской церкви» не то що висловив сумніви що до Кирилового авторства сеї притчі, а радше поминув її якось мовчки при перечисленю його автентичних творів. Те саме кілька літ пізнійше бачимо і в книзі другого російського єрарха, преосьв. Філарета «Обзоръ писателей духовнаго чина». Аж 1880 р. надрукував знов «Притчу о слѣпомъ и хромомъ» та «Притчу о человѣческой душѣ и о тѣлѣ» в перекладі на сучасну російську мову преосьв. Евгеній у свойому київському виданю творів Кирила Турівського (стор. 69—89).

Одинока звісна нам проба діскусії над тим, на скілько й яку редакцію притчі про сліпця і хромця можна вважати дійсно Кириловим твором, містить ся в капітальній праці проф. Голубінського «Исторія русской церкви» (друге видане першого тому, Москва 1901, стр. 808). По думці проф. Голубінського сама притча «есть собственно переводъ съ греческаго, но трудъ ея русскаго автора состоялъ въ томъ, что вмѣсто краткаго объясненія, которымъ она сопровождается въ подлинникѣ, онъ написалъ къ ней пространное нравоучительное толкованіе. Это послѣднее по манерѣ и по характеру и вообще по всему напоминаетъ намъ сказаніе о черноризчестѣмъ чину... которое есть вся вѣроятность усвоять Кириллу; а потому мы склоняемся къ тому, чтобы видѣть его подлинное сочиненіе и въ настоящемъ случаѣ. Толкованіе съ одной стороны заключаетъ много очень хорошаго — назидательнаго и остроумнаго, а съ другой стороны есть въ немъ перехитренное, натянутое и неудоборазумѣваемое. Впрочемъ, достоинства несомнительно преобладаютъ въ немъ въ значительной степени надъ недостатками». Знаючи, як остро судить проф. Голубінський Кирила Турівського як оратора (див. op. cit. стр. 803), ми мусимо надати тим більшу ціну похвалї притчі чи властиво її викладу в устах так острого судії.

Одно лише мусимо завважити. Проф. Голубінський говорить як про річ безсумнївну і сконстатовану про те, що сама притча—переклад із грецького, що в грецькім оріґіналї вона має короткий виклад, який Кирило Турівський заступив своїм ширшим. Се останне о стілько невірно, що виклад короткої, проложної притчі повторяєть ся дословно і в тій, якої авторство проф. Голубінський признає Кирилови. При твердженю про грецький оріґінал притчі проф. Голубінський покликаєть ся на Сухомлїнова стор. XLVII і далї, а тим часом у Сухомлїнова анї на вказаній сторонї і далї до LII, де кінчить ся розмова про сю притчу, анї на попереднїй XLVI стор. нічогісінько не говорить ся про грецький оріґінал сеї притчі. Навпаки, Сухомлїнов каже виразно, що «в Прольоґах XIII, XIV, XV і XVI в. під д. 28 вересня знаходимо короткий опис житя і мук чеського князя Вячеслава і инших сьвятих, а потім притчу про людське тїло, душу і воскресене мертвих[1]); а в деяких Прольоґах, що не мають руських додатків, нема й Притчі» (op. cit. ст. XLVI).

А коли зважимо, що грецькі Синаксарії, з разу часткові, були зредаґовані супільно уперве аж у X віцї в так званий Менольоґій Василия, а

1) Сього не треба брати зовсім катеґорично, особливо що до пізнїйшого часу. В рукописнім Прольозї XVI в. бібліотеки клирошанського собора в Перемишлї (sign. LII, B. 5) під 28 сент. маємо тільки мучене «сꙋ҃ых мч҃никъ Калитійскихъ Альфіа Алеѯандра, Зосима, Никонеана, Илиодора и Марка» і зараз потім нашу притчу. Та здаєть ся, що тут перед сею статею бракує одної картки рукопису.

Перша ред.	Друга ред.
А яже посади оу вратъ, чл҃коу оубо *предасть въ область вся земная.*	А иже ихъ посади оу вратъ—человѣку оубо предасть въ область всю землю.

З порівнаня сих чотирьох форм реченя мусимо догадувати ся, що слова анальоґічні до викладу 1-ої ред. «предасть въ область вся земная» чи «внѣшная» мусїли бути і в початковім уступі першої редакції притчі, так як вони єсть у відповіднім місцї другої редакції. Ще виразнїйше видно се з ось якого реченя:

Перша ред.	Друга ред.
Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца, дондеже призоветъ хромца.	Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца въ оукромнѣ мѣстѣ, *идѣже самъ вѣсть*, дондеже приидеть самъ къ винограду.

Анальоґічне речене в викладї в обох редакціях виглядає ось як:

Перша ред.	Друга ред.
И того ради нѣсть мученья душамъ до втораго пришествія, но блюдомы суть *идеже Богъ вѣсть.* Егда же прииде обновити землю і т. д.	И того ради нѣсть мученія душамъ до втораго пришествія, но блюдомы суть, *идѣже Богъ вѣсть.* Егда же пріидетъ обновити землю і т. д.

І тут очевидно авторъ проложної притчі (1-ої ред.), складаючи своє оповіданє, мав перед очима ширший текст, у якому були слова «идѣже самъ вѣсть»; дбаючи про лякоиїзм, він вичеркнув їх, та в викладї, бачучи їх важність для доґматичної мети притчі, полишив їх згідно з оріґіналом.

За тим, що скороченя доконував якийсь чоловік не дуже тямучий у Письмі сьвятім, промовляє ще й та обставина, що репродукуючи з тексту другої ред. цитат «тогда вси сущіи въ гробѣхъ» аж до «въ въскресеніе суда» і бажаючи заступити загальну інтродукцію свого оріґінала до сего цитата «якоже самъ Христосъ преже гл҃а» якоюсь специяльнїйшою вказівкою, зовсїм невдатно покликав ся на сьв. Павла, хоча цитат узято з евангелія сьв. Івана. Учений грек, або й сам Кирило Турівський був би певне не зробив такої помилки. Отсе головні мотиви, за для яких я схиляю ся до думки, що текст притчі в другій редакції був оріґіналом, а про-

ложний текст (перша ред.)—скороченем із нього, пізнїйшою, правдоподібно руською роботою.

Тепер у значній мірі упрощуеть ся нам питане що до відносин другої й третьої редакції нашої притчі. Ми можемо без дальших доказів приняти, що третя редакція, а власне передмова і інтерпольовані виклади та упімненя, звернені головно до монахів, епископів та духовних, вийшли з під пера Кирила Турівського. Про се впевняють нас і зверхнї і внутрішнї сьвідоцтва, а головно те, що власне сю форму притчі многі старі рукописи признають Кирилови Турівському; далї замилуване її автора до алеґоричного викладу, чого зрештою a priori домагала ся сама основа притчі; доказують часті анальоґії в текстї притчі до уступів инших безсумнївних писанях Кирилових, часті запевненя автора про свою грубість та невченість, про те, що він говорить не зі свого вигаду, а з писанія, натяки на те, що його цьвітистого говореня слухали нерадо, а дехто й докоряв йому за се, і скромне відсуване від себе титула церковного вчителя.

Та зовсїм инакше стоїть дїло з самим текстом притчі, який, як уже було сказано, в другій редакції майже тотожний з третьою ред., коли вилучити з неї моралїзаційні вставки та приставки. Сам автор тих приставок трактує притчу як річ окрему, чужу, інтродукує її по своїх перервах звичайно словом «рече», подає, що бере її «отъ божественныхъ писаній» і просить своїх слухачів чи читачів (в однім місцї він каже, що «бувши негідним говорити про се я пишу для пожитку тих, що слухають мене») не ремствувати на його неотесаність і на те, що він «неблаголїпно представляє образ писанія». А в передмові до притчі, заохочуючи до пильного читаня «божественныхъ писаній» додає, що «коли би хто знайшов тут земний скарб — правдиве розумне вияснене пророцьких і апостольських писань, то се було би не лише йому самому на спасеніє, але й многим иншим його слухачам». Значить, він і отсю притчу та її виклад уважає частиною такого скарбу, свого рода ключем до кращого зрозуміня апостольських і пророцьких писань. Правда, все те не досить ясно і не вказує жерела, з якого взяв наш автор свою притчу; одно тільки видно, що він відносив ся до того жерела з великою пошаною і клав його мало що не на рівнї з самим сьвятим письмом. Лишаючи на далї пошукуване за сим жерелом і вертаючи ся до питаня про обопільні відносини редакцій другої й третьої, ми мусимо сказати, що яке-б собі не було те жерело, при його обробленю були можливі ріжні евентуальности. Або наш автор знайшов притчу вже готову в староруськім чи навіть болгарськім перекладї, і тілько доробив до неї свій коментарій, і в такім разї друга редакція була би твором первісним, неналежним Кирилови Турівському, а третя редакція пізнїйшим; можливо, що Кирило й сам доконав перекладу притчі з якогось оріґінала, в якому вона

докладно відповідала теперішньому руському текстови, — і в такім разї все таки друга редакція була би твором первісним, що до якого Кирило Турівський мав би право хиба простого перекладника. Та можлива й така евентуальність, що Кирило Турівський знайшов у своїм жерелї лиш основу сеї притчі і користуючи ся нею більш або менше свобідно, від разу з тою перерібкою писав і свій коментарій, і тільки пізнїйше чи то він сам (при якійсь иншій нагодї), чи то хтось инший вилучив із того коментарія саму епічну основу — притчу, і що таким способом наша третя редакція була твором первісним, а друга редакція його пізнїйшим скороченем. За тою остатньою евентуальністю промовляє на мою думку одна важна обставина: в притчі другої редакції лишив ся один уступ, що зовсїм не належить до епічної основи, а тільки до моралїзаційного коментарія, і в її текстї виглядає як якась зайва парантеза або як ґльоса написана посторонньою рукою з разу на полї рукопису, а лише пізнїйшим копістом втягнена в текст. Цитуючи промову слїпця друга редакція говорить: «Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ и силенъ есмь могій носити тебе и бремя». І тут до сего остатнього слова дочеплено пояснене — преосьв. Евгеній справдї бере його в скобки: «Виждь, душевное бремя — грѣхъ; того ради глаголетъ пророкъ, яко «бремя тяжко отяготѣше на мнѣ». І далї йде знов перервана промова слїпця з новою інтродукцією: «Рече же слѣпець: возми кошъ и всяди на мя» і т. д. Читаючи другу редакцію притчі можна би справдї думати, що маємо тут якусь пізнїйшу ґльосу вложену в текст; але заглянувши до тексту інтерпольованої третьої редакції переконуємо ся, що ся вставка містить ся дословно й там як одна частина коментарія, яким отак скрізь поперериваний текст притчі. Значить, той, хто писав чи редаґував текст другої редакції, мав очевидно перед очима ширший текст, поперериваний коментаріями; вичеркуючи скрізь ті коментарії, він полишив сю одиноку вставку, зовсїм зайву для його редакції, і тим самим дав нам доказ, що не друга, а третя редакція була твором первісним, із якого ступнево повставали через вичеркнене Кирилових коментаріїв друга, а через дальше скорочене відповідно до форми й обему проложних статей перша редакція.

II. Жерело Кирилової притчі.

В писанях Кирила Турівського оповідане про слїпця і хромця — не одинока притча. Навпаки, він незгірше від тогочасних західно-европейських проповідників любить пересипати свою проповідь притчами, барвистими порівнанями, приповідками та загадками, залюбки вживає у всїх своїх писанях матеріялу, сказати б так, фолькльорного, беручи його і з сьвятого

письма, і з отців церкви і з иньших, не все для нас видних жерел. Придивімо ся, як він поступає при сьому, — може се дасть нам деяку вказівку при шуканю жерел нашої притчі.

Вже в передмові до просторого оброблення (3-ої ред.) нашої притчі маємо один інтересний уступ; говорячи про важність навчання автор каже: «Про се стрічаємо в евангелії притчу, де сказано: всякий книжник, що навчив ся царства небесного, подібний до домовитого мужа, що зі своїх скарбів виносить старе й нове. Коли-ж — говорить (хто?) — догоджуючи зі славолюбства великим нехтує з гордощів богатьома меншими, насьміхаєть ся над ними, ховаючи дар Господній, не даючи його правдивим торговцям, щоб подвоїти царське срібло, т. є. душу людську, то Господь, бачучи його гордий ум, відбере від нього талант, бо Він сам гордим противить ся, а покірним дає благодать». Отжеж у евангеліях ми маємо дві редакції притчі про таланти (Луки XIX, 11—27; Матв. XXV, 14—30), і обі вони зовсім неподібні до притчі нашого автора ані формою, ані змістом. У Луки чоловік «домовитий» вибираєть ся в дорогу до далекого міста, де має одержати царську корону, і дає своїм слугам по талантови, щоб вони заробляли, а по повороті надгороджує двох із них в міру їх заробітка, а карає третього, що не заробив нічого, і надто велить постинати тих, що не хотіли, аби він став царем; а у Матвія про царську корону нема мови, і чоловік відходячи в дорогу дає слугам неоднакові капітали: одному 10 талантів, другому 5, а третьому 1. І значіне притчі у обох евангелистів не те, що у нашого автора; вона має ілюструвати вартість змагання кождого поодинокого чоловіка до досконалости в міру даних йому сил, а не спеціяльно обовязок книжника — навчати неосьвічених людий і не ховати свойого сьвітла для догоди могутнім темнолюбцям. Відки взяв наш автор отсю окрему редакцію притчі про таланти? Можливо, що з якого византийського коментарія на евангеліє, прим. хоч би з того самого Теофілякта Болгарського, у якого пок. Сухомлінов віднайшов прототип викладу Кирилового до притчі про сліпця і хромця (op. cit. LII), а можливо, що й сам, цитуючи з памяти і покладаючи ся на свій белетристичний талант, навмисно перемінив евангельську притчу відповідно до своєї спеціяльної цїли.

Далеко інтереснїйший другий приклад, на який звернув увагу пок. Сухомлїнов (op. cit. LIV—LVII), хоча й не присьвятив йому спеціяльнїйшого дослїду. Се приведена у Кирила Турівського в Посланію до Василія игумена Печерського притча про царя і бідарів у ямі. Прототип сеї притчі походить із звісної духовної повісти про Варлаама і Йосафа, але Кирило Турівський подає її в такій формі і з таким відмінним толкованєм, що конечно мусимо шукати якогось иншого орігінала, ніж грецький і перекла-

дений із нього церковно-славянський текст повісти, або допустити, що наш письменник власним дотепом доконав так значної перерібки. Проф. Сухомлінов, надрукувавши обі притчі, Варлаамову в грецькім і славянськім тексті й Кирилову en regard (op. cit. LIV—LVI), говорить з приводу Кирилових відмін: «Измѣненье притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти также подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія» і додає, що в індийськім письменстві звісно немало повістий про царів, які не дбають про оруже (так як царь у Кириловій версії), або навіть боять ся його (се вже до Кирилової версії зовсім не йде), і на доказ наводить одно таке оповідане, де власне царь — боягуз, боїть ся оружя і в часї розруху тратить корону й жите — значить, річ до Кирилової версії нічим не паралельну.

Менї здаеть ся, що найблизше до Кирилової версії притчї про царя і бідарів підходить та її версія, якої арабський витяг опублїкував проф. Фріц Гоммель у працях VII-го міжнародного конґресу орієнталїстів у Віднї 1887 р.[1]), і якої перерібкою був твір іспанського жида Ібн Хісдая (род. коло 1180, ум. 1240) пз. «Царевич і дервіш», виданий 1890 р. в скороченім нїмецькім перекладї дром Натаном Вайсловіцом з послїсловієм проф. Ф. Гоммеля[2]). Читаемо там (стор. 100) про одного короля, який одної ночи не міг спати, головно тому, бо кілька день перед тим над містом стрясла ся велика і довга злива. І ось «у тій части ночи, коли люди заживають спокою, мовив король до свого вірного везиря: «Чи не любо тобі, щоб ми пішли по містї і поглянули, що дїють люди, а також на слїди дощу, який упав на нас сими днями?» Сей уступ виясняе нам той загадковий «мятежь» у версії Кирила Турівського, в часї якого царь зі своїм слугою пускаеть ся ходити по містї і не може побачити нїчого, «но точию движеніе градоу». Очевидно не можна тут під словом «мятежь» розуміти бунту або взагалї якогось збіговища, а «движеніе градоу» вказувало би скорше на землетрясене, хоча весь змиз притчі й її дальше толковане говорить против того. Видно, що Кирило Турівський не зовсім добре порозумів свій оріґінал, де говорило ся про турботу, яку причинила міщанам довга злива і повінь.

Надто з Ібн-Хісдаевої версії притчі про царя й бідарів у ямі можемо вияснити ще одну відміну Кирилової версії сеї притчі від грецької. В грецькій версії говорить ся, що царь зі своїм дорадником, ходячи по містї, «видѣста свѣта зарю отъ нѣкоего оконца сіяющоу, и на сію зарю зряще

1) Видана також окремо пз. Die älteste arabische Barlaam-Version, von Frtz Hommel. Wien 1888.

2) Dr. Nathan Weisslowits, Prinz und Derwisch. Ein indischer Roman, enthaltend die Jugendgeschte Buddha's, in hebräischer Darstellung aus dem Mittelalter. München 1890.

пріидоша и видѣста подъ землею нѣкое яко пещероу жилище» (Сухом. Рукоп. гр. Уварова стор. LV); натомісь у Кириловій версії дорадник провадить царя «и съ дщерію его, и приведе къ велицѣ горѣ, имоущи многа и различна оружія, въ нейже оузрѣста зарю свѣтлоу, оконце изъ пещеры исходящоу». Ібн-Хісдай на основі арабського взірця оповідає, що царь і його везир ходячи по місті дійшли до місця, яке називано гноєвою площею, бо там міщани звикли були викидати свій гній. Наближаючи ся до тої гноєвої купи вони побачили, що з її нутра било сьвітло. Надійшовши близше знайшли маленький отвір, що позволяв їм заглянути до середини гноєвої купи; в ній була печера» і т. д. (Weisslowitz, op. cit. 96). Будь що будь, образ гноєвої купи жидівського автора далеко близший до образа гори повної оружя у нашого Кирила (і реальніїший від нього!), ніж образ підземної яскині в грецькім тексті. А дальші зміни в Кириловій притчі, що царь не дбає про оруже, що в печері бачить богато оружя і сьвітлу постать, яка подає бідарям напій і страву, виясняють ся не жадним чужим жерелом, а дальшим викладом притчі, тенденцією, яку в данім випадку мав автор і яку за всяку ціну хотів вияснити при помочи сеї притчі, хоч і з ущербом її внутрішньої правдоподібности.

На підставі сеї аналізи може не занадто сьмілою буде думка, що притчу про царя і бідарів у ямі Кирило Турівський пізнав не з грецького, а з жидівського жерела, в версії девчому зближеній до Ібн-Хісдаевої, і то пізнав правдоподібно не в писанім тексті, а в устній переповідці, і користуючи ся нею для ілюстрованя головних тез свого посланія переробив її будову відповідно до своеї спеціяльної ціли.

До сих двох прикладів, як Кирило Турівський свобідно користував ся своїми жерелами і з яких рук брав мотиви до своїх писань, можна би без сумніву підшукати більше анальоґій у иньших його писанях. Та се на разї зайве, бож новим, можна сказати, клясичним прикладом сього служить власне притча про сліпця і хромця. Шо й ся притча взята з жидівського жерела, на се вказав іще 1873 р. той сам проф. Сухомлінов, що загалом поклав найбільші заслуги кого студій над сим нашим старим письменником. На засїданю Відділу рус. язика і словесности Імп. Академії Наук у Петербурзї в цьвітні 1873 сей учений звернув увагу на статю гебраїста Перлеса, поміщену в Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums у випуску за лютий 1873 р. пз. «Rabbinische Agada's in 1001 Nacht, ein Beitrag zur Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen». Проф. Сухомлінов подав із тої статї текст притчі поміщеної в 1001 ночи (на жаль, без близшого поясненя, в якій редакції, в якім виданю, в якім томі?) і в скороченю повторив оповідане жидівської Гаґадди, що мабуть послужило жерелом арабської притчі. Повний текст сеї жидів-

ської Гаґадди, з Вавилонського Талмуда гл. II (якої книги? якого виданя?)[1]) був поміщений проф. Сухомлїновим при кінцї його майстерної розвідки «Повѣсть о судѣ Шемяки» (Сборникъ отд. р. яз. и слов. т. X, № 6). Надто в комунїкатї «Два семитическія сказанія, встрѣчающихся въ памятникахъ русской литературы» обізгаданих виписок із статї Перлеса додано ще виписку з Gesta Romanorum і повторено думку тогож Перлеса, що леґенда про слїпця і хромця дуже розширена (Сборникъ т. X, стор. LIX—CXI).

Проф. Сухомлїнов не вдавав ся анї в збиране дальших варіянтів притчі, анї в аналїзу тих, що були вказані Перлесом, щоб рішити питане, з яких жерел і якою дорогою дійшов до нашого письменника XII в. прототип його притчі. Щоб по змозї посунути на перед його працю, придивімо ся на сам перед тим трьом версіям, які вказав німецький гебраіст.

Отже Талмудова Гаґадда оповідає: «Одного разу Антонїн Пій, що часто розмовляв з раббі Єгудою сьвятим, сказав йому між иншим, що на його думку тїло й душа можуть увільнити ся від загробового засуду. — А то як? — запитав раббі. — А так, — відповів Антонїн, — що тїло може оправдувати себе мовлячи: «Душа винна, бо від коли вона відлучила ся від мене, я лежу в могилї як мертвий камінь». А душа так само може твердити, що тїло нагрішило, бо «від коли я покинула його, лїтаю в повітрі вільна як пташка». Раббі відповів: «Я наведу тобі приклад, що виясняє справу. Жив собі царь, у якого був препишний сад з прегарним виноградником. В ньому він посадив двох сторожів, хромого і слїпого. Раз хромий говорить слїпому: «Бачу в саду прегарний виноград; ану візьми мене на плечі і разом вирушимо на ласощі». Слїпий послухав, хромий сїв на слїпого, а діставши виноград з'їли його. По якімось часї прибув до них господарь саду. На питане господаря, де подів ся прегарний виноград, що був у саду, хромий відпирав ся мовлячи: «Адже я без ніг, то як же я міг зайти до нього?» Тай слїпий так само відпекував ся мовлячи: «Адже я без очий, як же я міг побачити його?» Але що зробив господарь? Він посадив хромого на слїпого і покарав їх обох разом. Подібно до сего господаря поступає Бог з нами: він бере душу, поміщує її на ново в тїло і карає їх обоє разом».

Як бачимо, в отсїй Талмудовій версії маємо всї основні точки Кирилової притчі, епічні й доктрінальні: слїпець і хромець стережуть саду, ласкомлять ся на плоди, добирють ся до них так, що слїпець несе хромця на плечах, вибріхують ся заслоняючи ся кождий своїм калїцтвом, і разом приймають кару так як разом крали; а доктріна покладена в основу притчі та, що в загробному житю суд і кара впаде не на душу окремо від тїла анї на

1) Від львівського гебраіста дра Ґріллера я довідав ся, що се оповідане містить ся в трактатї Sanhedrin, 91, гл. 2, зач. 11.

тіло окремо від душі, але на обоє разом. Заховуючи сю саму епічну основу Кирило Турівський декуди развиває її: сліпець і хромець перед доконанем крадіжи змовляють ся і укладають собі плян, як одурити господаря, і ся розмова зложена очевидно під впливом ремінїсценції розмови рабіна з Антоніном. Сліпець оказує ся гіршим від хромця; від нього виходить ініціятива до гріха, він перший відпирает ся злочину і сам же звертає підозріне на хромця. І в доктрінальнім викладі Кирило приймає головні тези Гаґадди, але підчеркує дещо виразнійше, головно-ж те, що душу по смерти Бог держить у окрімному місці «сам знає де», поки не зійде на землю, не покличе й тіла на свій суд і не сконфронтує його з душею.

В оповіданю Тисячі й одної ночи хромець і сліпець жебрають разом; один добрий пан наймає їх за сторожів до саду, сам дає їм плодів, але заказує рвати їх більше. Плоди засмакували хромому й сліпому, і вони жалують ся перед третім, сторожем, що не можуть нарвати їх. Сторож остерігає їх і лякає гнївом пана, але вони не дбають про се, певні, що пан не буде підозрівати їх, і просять сторожа, щоб порадив їм, як дістати плодів. Сторож бачучи, що вони не хочуть слухати доброї ради, дає їм злу і говорить сліпому: «Візьми хромого на плечі; він буде вести тебе своїми очима, а ти своїми ногами донесеш його до дерева; я піду геть, а ви робіть собі, що вам хочеть ся». Вони й зробили так, обірвали дерево і наломали чиляк. Перед паном вони відпирають ся, та сей вкидає їх обох у темницю, де вони й гинуть... Значіне сеї притчі ось яке: господарь саду—Бог і Творець, дерево значить житеві пориви, сліпий представляє тіло, хромий душу, а сторож розум, що остерігає від злого, а наводить на добре. Оттому душа й тіло підпадають спільній надгороді і спільній карі.

За першим позирком, навіть при зовсім поверховім порівнаню бачимо, що отсе арабське (чи турецьке?) оповідане пішло з жидівського, що се копія, декуди яркійше підмальована, але декуди схиблена в контурах. Перерібник силкуеть ся ніби оживити оповідане, вводячи ще третього, сторожа, але його ролю малює не дуже вдатно і неконсеквентно. І доктріна в основі та сама, що в жидівському оповіданю, хоча й виказана менше виразно. Що Кирило Турівський не міг користувати ся сею версією, се зовсім ясно, бо поминаючи вже питане віддаленя і язика та не менше важне питане, чи в XII в. Тисяча й одна ніч була вже готова в тій редакції, що містить отсе оповідане, ми бачимо поперед усього, що наш автор не має власне того додатка, який характеризує сю версію, не має зовсім фіґури й ролї третього сторожа.

Оповідане в Gesta Romanorum має будову значно відмінну від старо-руської притчі й отсих обох семітських, тай зложене воно для ілюстрації зовсім иншої доктріни. В однім царстві заповіджено царський бенкет, на

який трубачі закликають усякого, хто схоче прийти, з обіцянкою не лише богатої гостини, але й цінних дарунків. Один сліпець чуючи се говорить до хромого: «Яка шкода, що ми не можемо дістати ся на сей бенкет, бо я не бачу дороги, а ти хоч бачиш, не можеш іти.» Тоді хромець радить сліпому взяти його на плечі і йти за його вказівками; таким робом оба вони таки дібрали ся на бенкет. Проф. Сухомлїнов не подає дальшого викладу сеї притчі; беремо його з латинського тексту. «Король, що дає бенкет — Христос; сліпець-богач, а хромець-монах, хромий на обі ноги, бо не має нїчого свойого власного, але ясно бачить дорогу до вічного бенкету». І кінчить ся наукою: коли ви богачі хочете доступити царства небесного, повинні ви монахів і бідарів носити на своїх плечах, давати їм милостинї. А трубачі, що заповідають бенкет, се вчителї сьвятого письма, проповідники та сповідальники [1]).

Сей перегляд трьох версій притчі, звісних пок. Сухомлїнову, показує нам, що з них лиш одна жидівська могла бути жерелом версії Кирила Турівського. Коли-ж надто зважимо, що не вважаючи на згідність у будові й доктрінї версія Кирила Турівського значно ріжнить ся від жидівської і стилїзацією й дякими деталями; коли зважимо далї, що початок своєї притчі Кирило Турівський майже дословно узяв із евангельської притчі про домовитого чоловіка і його невірних виноградарів (Матв. XXI, 33—34 і Марка XII, 1—2), а виклад притчі, який своєю чергою спричинив деякі відступленя від прототипу, взятий майже дословно з викладу Теофілакта Болгарського на сю евангельську притчу (пор. Сухомлиновъ, Рукоп. Уварова II, ст. LII), то дійдемо до погляду, що основу своєї притчі Кирило Турівський мав по всякій правдоподібности з устної передачі, від жидівських рабінів, і обробив її своїм звичаєм держачи ся старших церковних взірцїв і черпаючи, де було можна, з готових лїтературних шабльонів, зміняючи при тім і саму конструкцію притчі відповідно до моралїзаційної мети, яку поклав собі при писаню свого твору.

Та не лиш епічна основа Кирилової притчі вказує на її близькість до жидівської традиції. Ще докладнїйше переконує про се розбір доктрін та поглядів висловлених у його коментарії до сеї притчі. Обік річий принятих православною церквою бачимо тут не мало такого, що хоч і не відкинене тою церквою виразно, все таки не належить до річий принятих нею, та за те живо нагадує погляди, що були широко розвинені в пізнїйшім жидівськім письменстві.

До таких річий треба зачислити поперед усього основну, провідну думку притчі, а власне ту, що «до другого приходу Христового нема суду

1) Gesta Romanorum von Hermann Oesterley. Berlin 1872, стор. 386.

анї муки для душі всякого чоловіка», що ті душі бережуть ся окремо десь Бог знае де аж до часу, коли Бог на страшнім судї злучить знов душу з тілом і надгородить або покарае їх разом. Ми бачили, що в жидівській Гаґадї властне вся притча виголошуеть ся рабіном Єгудою на доказ того, що по смерти Бог аж тодї карае грішника, коли злучить душу з тілом. Ся доктріна, зовсїм відмінна від православної доктріни про митарства, не була розвинена христіянською церквою; натомісь у жидів доктріна про перемежний стан між смертю одиницї і загальним судом по приходї Месії та відновленю землї вироблена дуже докладно і перейшла значну еволюцію вже в перших віках нашої ери[1]). З разу у жидів панував погляд, що всї душі померших, без ріжницї, чи добрі чи злі, по смерти тїла йдуть у шеоль і пробувають там в ожиданю суду[2]); пізнїйше бачимо такий погляд, що для добрих душ у підземнім сьвітї устроені окремі поміщеня (promptuaria), а для злих окремі; дехто твердив, що й тут уже одні зазнавали деякої радости, а инші мучили ся трівогою; одначе аж по кінцевім судї одних ждала надгорода в небі, а других кара в пеклї. Дуже часто одначе признаеть ся безсмертність лише душам праведних, які по смерти ждуть своеї вічної надгороди або в підземному сьвітї в схованках, або загалом у царстві померших душ, або під землею, в мирних сховищах бережені ангелами або нарештї під Божим престолом, у «вязанцї житя» аж до остатнього суду[3]). Що до Кирилового погляду, то можна би сказати, що в тій катеґоричній формі він противний напр. поглядови висловленому в евангельській притчі про богача й Лазаря, де сказано, що Лазаря зараз по смерти ангели понесли «на лоно Авраама», се б то до раю, а богача вкинено в огонь на муку і що між обома місцями їх пробутку «пропасть велія утвердися».

Слїди жидівського впливу можна добачити у нашого автора в чисторабінськім розріжненю раю від едема (пор. Schürer, op. cit. II, 553) та мабуть і в толкованю слова едем словом «пища». Се толковане, що стрічаеть ся також у напоеній жидівськими елементами Толковій Палеї[4]), не перейшло до нас від Греків, які назву раю — παράδεισος (слово перського

1) Див. про се D. Emil Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Zweiter Band, Leipzig 1898, стор. 547, 548; пор. також Schwally, Das Leben nach dem Tode nach den Vorstellungen des alten Israel und des Judenthums einschliesslich des Volksglaubens im Zeitalter Christi, 1872.

2) Такий погляд висловлюеть ся прим. у трактакї Bereschit rabba, гл. 12 і Jalkut Schimon Bereschit 19, менше виразно в трактатї Erubin 54 a, див. Dr. Ferdinand Weber, System der altsynagogalen palästinischen Theologie aus Targum, Midrasch und Talmud. Leipzig 1880, стор. 323.

3) Див. Paul Volz, Jüdische Eschatologie von Daniel bis Akiba. Tübingen und Leipzig 1903, стор. 140—144, особливо 145.

4) Пор. Палея Толковая, Москва 1892, стор. 62, а також мої Памятки українсько-руської мови й лїтератури, т. I. Апокріфи старозавітні. У Львові 1896, стор. 16.

походженя) толкують звичайно словом ἡ τρυφή — роскіш. У жидів був вироблений погляд про горішній і долїшній рай; про те, що власне в тім долїшнїм раю пробувають душі по смерти; сей погляд принагідно відбиваеть ся і в новозавітних книгах сьв. Письма (Христові слова до розбійника: «Днесь со мною будеши въ раи») і у Отцїв церкви, та з часом уступае місця чисто спірітуальному толкованю[1]).

Інтересний для нас особливо погляд Кирила Турівського, що Бог з разу творить у лонї матери тїло чоловіка з сїмени, а потім по пятьох мїсяцях творить йому душу (Преосв. Евгенiй, Творенія Кирилла Туровскаго, стор. 87). У коментарії до Псальмів у Талмудовій книзї Берахот (гл. I, лист 10а) читаемо: «Пять раз повторене «борші нафші» (хвали душе моя) у Давидових Псальмах відностить ся до Бога і до душі, що творить ся в пятім місяци». І далї йде проведених пять анальоґій між душею і Богом: «1. Як Бог наповняе сьвіт, так душа наповняе все тїло; 2. як Бог невидимий, так само й душа; 3. як Бог оживлюе сьвіт, так душа тїло; 4. як Бог чистий, так само й душа; 5. як Бог живе в найтайнїйшім тайнику храма (в Сьвятая сьвятих), так і душа в найтайнїйшій скритцї тїла»[2]).

Розумієть ся, я не думаю, тай як не спеціяліст у сїй справі не маю змоги вичерпувати сю тему. Я певний, що відгуків жидівських вірувань і поглядів у Кирила Турівського знайшлось би значно більше і що ними далась би пояснити значна часть того, що проф. Голубінський називае «неудобовразумительным». І так відгуком жидівської полеміки між фарисеями й саддукеями в перших віках нашої ери можна пояснити Кирилове твердженє, що Авель був сьвященником, а Каін згрішив головно тим, що як непосьвячений вдирав ся до сьвященицького дїйства. На жидівський вплив указуе, здаеть ся менї, навіть таке образове реченє нашого автора, як «покаянем ударяти в божі двері» (Преосв. Евгенiй, op. cit. 84). Сюди належить алле́горичне толкованє Адамового гріха в раю, який буцїм то «прежде повелѣнія вошелъ въ святое мѣсто» (ibid.) «изъ едема вошелъ въ рай» (стор. 80). Думаю, що запозикою з жидівських Мідрашів пояснять ся й такі Кирилові цитати, як сей: Бог сказав Каінови: «Будеш стогнати й трясти ся» — таких слів у книзї Битія не знаходимо. Все се, думаю, підпирае той погляд, що Кирило Турівський, пишучи отсю притчу — тай певно не сей один раз — підлягав сильному жидівському впливови, був під живим вражием якихось добре очитаних жидівських місіонерів.

---

1) Для жидівських поглядів див. Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, стор. 297, 317, 388; пор. також Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, dritte Sektion, Bd. XI, Leipzig 1838, стаття Paradies, стор. 310—311.

2) Сей цитат завдячую ласкавій ввічливости львівського рабіна дра Каро.

III. Літературна історія притчі.

Притча про сліпця і хромця, яку ми доси роздивляли головно з огляду на її староруську форму та її безпосереднє жерело, має одначе й по за сими тісними межами інтересну літературну історію, яку нехай буде мені вільно подати тут хоч у неповному нарисї.

Ми вже зазначили істноване двох паростий нашої притчі, а власне жидівської, яка в XII. віці правдоподібно в устній передачі перейшла на Русь, і рівночасно, або пізнїйше, перейшла також до Арабів і дізнавши тут нової перерібки війшла з часом у склад славної збірки «Тисяча й одна ніч», — і західно-европейської, яка в XIV віці війшла в склад збірки «Gesta Romanorum». Порівнане тих обох паростий показує, що вони дуже далекі одна від одної не лиш епічною канвою, але особливо основною ідеєю, сьвітоглядом, що лежить у їх основі. Бо коли в основі жидівської притчі і її староруського та арабо-турецького відгалужень лежить думка про долю душі по смерти, про суд, відплату за земні дїла, то в основі західно-европейської притчі лежить ідея солїдарної дїяльности для осягненя певної цїли, ідея обопільної помочи двох нещасних. Иншими словами — мета оріентальної притчі наскрізь спірітуальна та трансцендентальна, а мета західно-европейської наскрізь реальна та соціяльна.

Оповідане в Gesta Romanorum було, як і більшість оповідань зведених до купи в тій збірцї, остатнїм виплимом досить довгої й інтересної течії — середньовікової проповіди. Вже від X віку, від часу сьв. Домініка, основника звісного ордена «praedicatorum», Домінїканцїв, у західно-европейскім проповідництві вкоренила ся мода (перенята також мб. від жидівських рабінів) переплїтати проповіди веселими або страшними притчами та повістками, так званими exempla, якими при помочи більш або менше дотепного викладу ілюстровано певні догматичні тези або моральні поучення. Один із пізнїйших проповідників, Герольт (Herolt, Promptuarium exemplorum, перше вид. 1476 в.) ось як говорить про се: Legimus enim principem nostrum Dominicum, ordinis praedicatorum fundatorem hoc fecisse... quod ubicumque conversabatur, edificatoriis effluebat sermonibus, abundabat exemplis, quibus ad amorem Christi saeculique contemptum audientium animos provocabat»[1]). Проповіди Домінїка з прикладами не дійшли до нас, та за те у пізнїйших проповідників, починаючи від Якова з Вітрі (Jacobus Vitriacensis, род. в другій половинї XII в., ум. 1240) дійшла до нас значна купа таких прикладів. З часом почали деякі тодїшні

1) Див. T. F. Crane, Mediaeval Sermon-Books and Stories (Proceedings of the American Philosophical Society, 1888, t. XXI), стор. 55.

книжники в інтересї розвою проповідництва складати підручники та вказівки для проповідників (прим. J. Bromyard, Summa praedicantium) та збірки прикладів, так звані Promptuaria exemplorum, із яких деякі, як ось згаданого вже Герольта та Пельбарта Темешварського, повстали вже й по зложеню «Gesta Romanorum». Отжеж учений видавець сеї збірки Герман Естерляй виказує цїлий ряд тих проповідницьких книг, де містить ся притча про слїпця й хромця, як ось: Stephanus de Borbone, Liber de septem Donis, Hubertus de Romanis, Liber de abundantia exemplorum 48, Bromyard, Summa praedicantium A, 21, 27; C, 2, 9; Vincentius Bellovacensis, Speculum morale III, 2, 19, стор. 971; Johannes Junior, Scala celi, Ulm, 1480, 23 b., 74 в.; Martinus Polonus, Sermones cum promptuario exemplorum, 6; Pelbartus de Temesvar, Pomerium sermonum de sanctis, pars aestivalis 4, C.; Johannes Gritsch, Quadragesimale 5, G. Не маючи під рукою анї одного з сих видань я не можу сказати рішучо, чи наша притча була в них поміщена в тій самій формі, в якій маємо її в Gesta Romanorum, хоч се й видаєть ся менї дуже правдоподібним. Отже варто зазначити, що деякі сучасні вчені, які звернули пильну увагу на ті exemla середньовікових проповідників, головно Лекуа де ля Марш[1]) та Т. Крен у цитованій статї, згідно підносять їх велике культурно-історичне значіне головно за для того, що в них ішли мотиви й елементи східнїх, індийських, перських та арабських оповідань і доктрін на захід Европи[2]). Шляхи та слїди тої мандрівки не всі ще гаразд вияснені не вважаючи на многоважні працї Бенфея, Лїбрехта, Кляустона, Коскена, Веселовского та цїлої фалянґи молодших робітників. І власне наша притча подає нам дуже навчаючий приклад того, як у західно-европейській версії заховала ся старша форма, яка в оріентальних версіях склеєна з иньшою темою і немов придушена нею в значній мірі заникла, затемнила ся, дійшла до такого рудіментарного стану, що навіть бистре око такого специялїста, яким був Бенфей, могло не добачити її.

В пятій книзї звісної індийської збірки «Паньчатантра» під ч. 12 містить ся оповідане ось якого змісту: У одного царя вродила ся дочка з трьома грудьми; таке калїцтво вважало ся в Індії віщуном великого нещастя, оттим то царь велить викинути дитину в лїс. Та за радою вірного слуги він лишає її при житю, виховує її оддалїк від себе, а коли доросла, велить викликати по всьому царстві, що хто схоче взяти за жінку царівну

---

1) A. Lecoy de la Marche, La Chaire française du Moyen âge, spécialement au treizième siècle, d'après les manuscrits contemporains, Paris 1868. друге вид. 1886.

2) Пор. про се надто W. A. Clouston, Popular tales and fictions, their migrations and transformations. Edinburgh and London 1887, vol. I, introduction, стор. 11 і далї, а також український переклад доконаний А. Кримським, Львів, 1896, стор. 41—48

з трьома грудьми, дістане сто тисяч червінців. Довго ніхто не похочує сватати її. «Та був у тім самім місті сліпець, і сей мав горбатого поводиря на імя Мантарака, який водив його за наставлену на перед паличку. Коли оба вони почули гуркіт барабана, почали радити ся між собою. «Ходімо, доторкнімо ся барабана. Коли з ласки долї одержимо дївчину і гроші, то за ті гроші проводитимемо час радісно; а коли через сю дївчину й постигне нас смерть, то вона закінчить нашу недолю». Коли оттак нарадили ся, пішов слїпець, доторкнув ся до барабана і сказав: «Я візьму сю дівчину за жінку, коли царь дасть її менї». Царь віддає йому дочку, але велить відвезти його з нею і з горбатим далеко в чужину за велику ріку. Слїпець живе за царські гроші в повній вигоді, горбатий хозяйнує у нього, та царівна вподобала собі його і бажає згладити слїпця зі сьвіта, щоб одружити ся з горбатим. Горбатий знайшов одного дня неживу чорну гадюку і дав її царівні з тим, щоб вона зварила її та дала слїпому замісь риби, і він умре від гадючої отрути. Царівна крає гадюку, складає в горнецъ, підливає маслянкою і ставить до огню, а маючи сама деяку роботу заставляє слїпого мішати сю нїби то смачну страву. Слїпий мішає нахиливши ся над горшком, а отруйні випари з гадюки розгризають полуди на його очах, так що він відзискує зір. Та тут він бачить, як горбатий цїлує ся з його жінкою. «Бачучи се слїпець і не маючи під рукою ножа, засліплений гнївом прискочив до них, підняв Мантараку за ноги в гору, а що був чоловік дуже сильний, закрутив ним довкола по над своєю головою і шпурнув ним царівнї на груди». Сим способом нехотячи він уздоровлює горбатого, якому від удару простуєть ся хребеті, вздоровлює царівну, якій від удару третя грудь ховаєть ся в тїло[1]).

Бенфей у своїм епохальнім вступі до Паньчатантри (op. cit. I, 510—534) розбирає детально елементи сеї повелї, віднаходить мотив царівни з трьома грудьми та мотив уздоровленя горбатого в старших буддийських леґендах, і прослїджує далї новелїстичну тему чудесного вздоровленя слїпого мужа з приводу невірної жінки зі сходу на захід. На мотив співдїланя слїпця й хромця Бенфей не звернув зовсїм уваги, і так само полишив без уваги комбінацію вздоровленя слїпця і чорної гадюки. Стоячи на тім, що основа новелї була первісно буддийська, Бенфей признає одначе, що в тій редакції Паньчатантри, яка дійшла до нас і якій власне він присьвятив свою працю, первісний поважний тон перемінено на гумористичний—«може якимось ворогом буддизму» (op. cit. 511). Що повеля про слїпця женатого на царівнї з трьома грудьми—справдї пізнїйше складане, на се маємо хоч не вповнї, а все таки значний доказ у збірцї Кшемендри пз. Брігат-

1) Theodor Benfey, Pantschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig 1859. Zweiter Theil, стор. 355—359.

катаманджарі, в якій між иньшими містить ся також витяг із Паньчатантри в такій формі, як вона читала ся більше менше в першім віці нашої ери. Власне в тім витязї нашої новелї нема[1]). Натомісь у иньшій парости Паньчатантри, редакції старшої від тої, яка заховала ся доси в санскритї, і то заховала ся в турецькім перекладі перської версії, що пішла з пеглевійського перекладу санскритського (затраченого) орігіналу, в так званім Гумаюн-наме маємо між иньшим апольоґ нз. «Слїпий і видючий», де оповідаєть ся, що слїпий мандрував з видючим женучи перед собою осла, що служив йому за поводиря. Мандрували холодним ранком, і ось слїпий випустив із руки палицю, якою підгоняв свого осла. Тодї він схилив ся на землю і мацаючи руками за палицею намацав гадюку, що закостенїла від холоду і була зовсїм «похожа на Мойсееву палицю». Слїпий узяв миниму палицю і почав підгоняти нею осла; видючий бачучи се говорить йому, щоб кинув сю палицю, бо се страшна гадюка. Але слїпий не слухає ради, ще й сердить ся на видючого за те, що сей радить йому покинути таку гарну підпору дану йому самим Богом. Та нарештї гадюка ожила від сонячного тепла і вкусила слїпого в руку, так що він тут же вмер[2]).

Досить приглянути ся близше обом сим наростям, щоб переконати ся, що не вважаючи на всю відмінність їх будови у них є дещо спільне між собою. Се неначе disjecta membra якоїсь старшої цїлости, а характер і нарис тої цїлости буде ще зрозумілїйший, коли присунемо до порівнаня ще й західно-европейську версію з Промптуаріїв та з Gesta Romanorum. Співдїлане слїпця і хромця — в Паньчатантрі його зроблено горбатим, а в Гумаюн-наме його ролю роздїлено між неозначеного близше «видючого» і осла ж; їх подорож до великої цїли — в західно-европейській версії детальнїйше говорить ся про подорож, так само в Гумаюн-наме, натомісь Паньчатантра докладнїйше означує цїль — руку царівни. Найбільше змінила ся роля гадюки: в західно-европейській версії вона зовсїм щезла, в Гумаюн-наме вона погубляє, а в Паньчатантрі вздоровлює слїпця. Що думати про ті фраґменти? Чи есть який ґенетичний звязок між ними й жидівсько-арабсько-руською притчою про слїпця і хромця? Не вдаючи ся нї в які апріорні мудрованя можна сказати лиш одно, що вже сам той факт, що на такім широчезнім просторі і на великім протязї часу, а ще до того на старім історичнім шляху, куди від правіків ішла мандрівка ріжнородного культурного добра зі сходу на захід і з заходу на схід, стрічають ся нам такі досить загадкові фраґменти якоїсь очевидно здавна затемненої цїлости,

1) Див. Leo von Mańkowski, Der Auszug aus Pañcatantra in Kshemendras Brihatkathâmañjari. Leipzig 1892, стор. 60—62.

2) Див. Fabeln und Parabeln des Orients, der türkischen Sammlung Humajun-Name entnommen und ins Deutsche übertragen von Souby Bey. Berlin 1903. стор. 28—29.

велить нам догадувати ся, що ся цїлість мусїла колись істнувати і то в такій формі, що робила зрозумілою її мандрівку та її переміни.

Значно далї в давнину, і то в клясичну греко-римську давнину ведуть нас деякі вказівки Естерляя зібрані в примітках до його видання Gesta Romanorum. Бачимо з тих вказівок, що у Греків і Римлян у перших віках нашої ери був досить популярний мотив: слїпий несе хромого і так оба помагаючи собі осягають цїль, якої сам один із них жаден не міг би осягнути. І так у грецькій Антолоґії маємо епіґрам якогось Филипа або як хочуть инші, Ісідора:

Πηρὸς ὁ μὲν γυιὸς, ὁ δ᾽ ἄρ᾽ ὄμμασιν· ἀμφότεροι δὲ
εἰς αὐτοὺς τὸ τύχης ἔνδεες ἠράνισαν.
τυφλὸς γὰρ λιπόγυιον ἐπωμάδιον βάρος αἴρων,
ταῖς κείνου φωναῖς ἀτραπὸν ὠρθοβάτει.
πάντα δὲ ταῦτ᾽ ἐδίδαξε πικρὴ πάντολμος ἀνάγκη
ἀλλήλοις μερίσαι τοὔλλιπὲς εἰς τέλεον[1]).

Сю саму думку обопільної запомоги в нещастю переповідають на різні лади й иньші епіґрами. Ретор Леонїдон пише:

Τυφλὸς ἀλητεύων χωλὸν πόδας ἠέρταζεν
ὄμμασιν ἀλλοτρίοις ἀντερανιζόμενος.
ἄμφω δ᾽ ἠριτελεῖς πρὸς ἑνὸς φύσιν ἡρμόσθησαν
τοὔλλιπὲς ἀλλήλοις ἀντιπαρασχόμενοι[2]).

Довкола сеї самої думки обертають ся також латинські епіґрами Авзонїя, християнського письменника IV. віку.

Insidens caeco graditur pede claudus utroque:
Quo caret alteruter, sumit ab alterutro.
Caecus namque pedes claudo gressumque ministrat,
At claudus caeco lumina pro pedibus[3]).

---

1) Anthologia graeca, ed. Fr. Jacobs, 1814, т. II, стор. 8. В дословнім перекладї значить: Один немічний на ноги, а другий на очи; оба-ж вони зустрівши ся припадком збирали милостиню. Слїпий, узявши безногого як клунок на плечі, повертаючи ся за його вказівками (досл. голосами) йде просто. Всього того навчила їх прикра і на все відважна потреба — подїляти одному з одним недостаток до кінця.

2) Anthologia Palatina, ed. Becker, VIII, 1, 12; пор. II, 13. В перекладї епіграм Леонїдона виглядає так: Слїпий а простоногий узяв на плечі кривоногого, користуючи ся за се навзаїм його очима; оттак оба калїки злучили ся на здорову єдність, ратуючи один одного в недостатку.

3) Monumenta Germaniae historica, auctores antiquissimi, T. V, ed. Schenkl. Berolini 1883, pars secunda, p. 254.

Щоб показати свою зручність у віршованю той сам автор переробляє зараз сей сам мотив троха иншими словами:

Ambulat insidens caeco pede captus utroque,
atque alterna nihil munia debilitas:
nam caecus claudo pede commodat, ille vicissim
mutua dat caeco lumina pro pedibus.

Перший із тих Авзонієвих епіґрамів передрукував з доданем власного перекладу німецький фацеціоніст XVI. в. Генріх Кірхгоф у своїй збірці Wendunmuth, що вийшла першим виданем без місця др. 1563, другим також 1565, потім у Франкфурті 1573, 1581, 1589, 1598, 1602[3]). Із сього можемо зміркувати популярність сеї книги. Чи то черпаючи з сеї книги, чи просто з Авзонія взяли байкописиці та моралісти XVII—XVIII в. сю тему. Стрічаємо її в Alciatus, Emblemata 1661, Desbillons, Fabulae aesopicae 1768; Burkhard Waldis, Aesopus redivivus; Melander, Jocoseria 1617 і в инших подібних виданях уже в формі байки. Для прикладу трактованя теми наведу лише версію популярного в XVIII. в. німецького байкописа Геллерта.

Der Blinde und der Lahme.

Von ungefähr muss einen Blinden
Ein Lahmer auf der Strasse finden,
Und Jener hofft schon freudenvoll,
Dass ihn der Andre leiten soll.
«Dir — spricht der Lahme — beizustehen?
Ich armer Mann kann selbst nicht gehen;
Doch scheints, dass du zu einer Last
Noch sehr gesunde Schultern hast.
Entschliesse dich mich fortzutragen,
So will ich dir die Stege sagen:
So wird dein starker Fuss mein Bein,
Mein heller Auge deines sein».
Der Lahme hängt mit seinen Krücken
Sich auf des Blinden breiten Rücken;
Vereint wirkt also dieses Paar,
Was einzeln keinem möglich war.

3) Її видано на ново в серії Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgard томи XCV—XCVIII. Видане зробив Естерлей (Wendunmuth von Hans Wilhelm Kirchhof, herausg. von Hermann Oesterley. Tübingen 1869), який надто в окремім томі IC подав паралелі до Кірхгофових історій.

Додана до сеї байки моралїзація захвалює в трьох строфах користї солїдарности. Як бачимо, і Геллерт не вибіг по за круг ідей старих грецьких та латинських епїґраматистів. Польський байкопис еп. Красїцкий стягнув сей мотив усього в один рядок: Niósł ślepy kulawego, dobrze im się działo, а далї, мабуть під живими вражіннями розгардіяшу серед власного народа, показує, як слїпому навкучило ся слухати рад хромця, як він пробує йти наперекір його вказівкам і як оба пропадають. Байки Красїцкого вийшли 1790 року. Ще й у XIX. віцї француський поет Делявінь пробував обробити сю тему в драматичній формі (Moralité de l'aveugle et du boiteux par A. de la Vigne, Paris 1831).

Не вдаючи ся в детальне слїджене розвою та перемін нашої притчі в західно-европейській лїтературі від XVI. в. ми вернемо ще до Кірхгофового Wendunmuth'а. Знаючи, що сей автор не був учений, але по просту працьовитий компілятор, ми цікаві знати, відки він узяв Авзонїєву епіґраму. На се дає нам вказівку вчена увага, якою він попередив її текст. «Solchs haben die Griechen in einer feinen pictur und bildnus gantz artig vorgestellet, als dass ein blinder einen Krüppel auffgefasset und, dahin er begehret, tragen wollte, dieweil aber dem blinden der weg unkäntlich, understund sich der lahme ihm den weg anzuzeigen, und tet ein ieglicher soviel er vormöchte» (Kirchhofs Wendunmuth, ed. Oesterley, III, 361). Дуже правдоподібно, що Кірхгоф узяв сю відомість і заразом епіґрам із книжечки вченого гуманїста Люсцінїя «Joci ac sales», виданої 1524 р. Ся вказівка цінна о стілько, що виявляє звязок грецьких та латинських епіґрамів з тим старинним малюнком, про який між иншими згадує Люкіян. Тепер відомо, що сей малюнок представляв стародавнїй міт про Оріона, який ослїплений хіосським королем Ойнопіоном, одержав від Гефайста малого хлопця Кедалїона за поводатора, а взявши його на плечі пішов із ним на схід аж туди, де сходить сонце, і там від соняшного жару відзискав назад свій зір[1]). Звісний грецький компілятор Аполльодор оповідає в своїй «Мітольоґічній біблїотецї», що Оріон, який від свойого батька Позейдона мав дар ходити по водї, прибувши до Хіоса почав старати ся о руку Меропи, дочки тамошнього царя Ойнопіона. «Та Ойнопіон підпоїв його, ослїпив сонного і викинув над море. Оріон підняв ся і зайшов на Лемнос до Гефайстової кузнї, вхопив там одного челядника, посадив його собі на плечі і велїв йому показувати дорогу на схід. Коли зайшов туди, впав на нього промінь сонця і привернув йому зір» (Кн. I, гл. 5, уст. 3—5).

Докладнїйше оповідає сей міт старий схолїяст до Аратових Φαινόμενα, на основі якоїсь затраченої Гезіодової поеми. Кажеть ся тут, що Оріон

1) Див. L. Preller, Griechische Mythologie, Bd. I, 4-te Auflage Berlin 1894, стор. 451.

гостячи у Ойнопіона, в пянім стані хотів знасилувати дочку свойого господаря і за се був осліплений; що Гефайст добровільно дав йому поводаря Кедаліона, ὃν λαβὼν ἐπὶ τῶν ὤμων ἔφερε τὰς ὁδοὺς αὐτῷ σημαίνοντα· ἐλθὼν δὲ εἰς ἀνατολὰς καὶ ἡλίῳ συμμύξας ὑγιάσθη [1]).

Отся стара леґенда в пізнійших часах мабуть вигасла в народній памяти; Овідій у своїх Fasti не згадує про неї, а малюнки по храмах, що виображували Оріона з хлопцем поводарем на плечах, могли бути для маси незрозумілими і толкувати ся як ілюстрація морального припису — помагати один одному в нужді. Виразом такого толкованя були грецькі та латинські епіґрами цитовані висше. Та були инші толкованя. По всякій правдоподібности власне на основі такого малюнка полягає жидівська притча про душу й тіло, і не даром Талмуд переносить її в сферу римської суспільности: вчений рабін розмовляє з римським цісарем, очевидно в Римі. До Риму переносить нас і инше талмудичне оповідане (в трактаті Aboda-Zara 11 b), де знаходимо немов пародію нашої теми. Равві Єгуда оповідає там іменем р. Самуіла (жив у III. в. по Хр.) про великий празник, який звичайно обходжено в Римі раз на 70 літ ось яким способом: добре вирослого чоловіка саджали на плечі хромця, який мав на собі «стрій Адама» і шкіру здерту з голови Танаіта Ізмаіла (був покараний смертю під кесарем Гадріяном). Вулиці, якими вони переходили, були мощені дорогим камінем, а коли йшли вулицями, кликали герольди, йдучи перед ними, ось як: «Пора, яку хромець (Яков патріарх) напророчив як пору тріумфу Ізраеля, оказала ся брехнею. Брат нашого пана (Исава, добре вирослого) був брехуном. Хто се бачить тепер, той бачив се, а хто не бачив сего тепер, той більше сего не побачить». А при кінці додавали: «Горе добре і просто вирослому, коли хромець випростуеть ся» [2]). Се очевидно кумедне перенесене жидівських вірувань (антаґонїзм між Яковом-хромцем і Исавом, нїби то предком усїх невірних, а тим самим і Римлян) на опис римського сьвята Сатурналїй. Для нас важна тут симболїзація боротьби між двома расами, двома сьвітоглядами в формі двох людий, із яких один двигає другого на плечах.

Знаючи, що сей образ конець кінцем має своє жерело в мітичній леґендї про Оріона, ми від разу опиняємо ся на ґрунтї, з якого роблять ся нам зрозумілими мандрівки й парости нашої теми. Міт про Оріона належить до тзв. астральних мітів, про які тепер майже напевно можемо сказати, що всї вони прийшли до Греків зі сходу, спеціяльно з Вавилона. Що до нашої леґенди, то її виразні слїди маємо у Жидів. Сузіре Оріона називаєть ся у них Велетнем, а головні елементи самої леґенди заховали ся в

1) H. Düntzer, Die Fragmente der epischen Poesie der Griechen bis zur Zeit Alexanders des Grossen gesammelt. Köln 1870, стор. 49.

2) Сей цитат завдячую молодому гебраістови дру ґріллеру у Львові.

оповіданях про Самсона, що також у Талмуді називає ся сліпцем і йде з поводирем до палати, де відбуваєть ся бенкет Филистимлян. Самсон має перед Филистимлянами грати ролю блазня; жидівська назва сузіря Оріона значить також «блазень» або безбожник; се саме слово як постійний епітет прикладаєть ся також до мітичного вавилонського велетня Німрода[1]). На вавилонське походжене грецької леґенди про Оріона вказує також роля, яку в тій леґенді грає скорпіон, вавилонський символ моря (бога Еа). Греки оповідали, що Оріон полюючи разом з Артемідою хотів знасилувати її і за се Артеміда послала скорпіона, який укусив його в ногу і він від сього вмер[2]). Що сей мотив належав до первісного складу леґенди, а властиво, що в ній грав кевну ролю скорпіон, про се сьвідчать бліді її відгуки, які знаходимо в Індії вже в початку нашої ери в формі апольоґів (Гумаюн-наме) або новель (Паньчатантра) — найліпший доказ, що Індийці не запозичили їх від Греків. Місце скорпіона заступила тут гадюка, яка в апольогу спричинює смерть сліпця (як у Греків), а в новелї за посередництвом огню (соняшний промінь!) вертає йому зір.

Та навіть мітичне толковане Оріонової леґенди не вигасло з упадком поганства, а перейшло в християнську леґенду — правдоподібно на сирийськім або египетськім ґрунті. Маю тут на думці леґенду про сьв. Христофора, яка дійшла до нас у кількох версіях і якої найстарші сліди сягають VI. віку нашої ери (Acta Sanctorum Julii, t. VI, 134). Західні парості сеї леґенди надають сему Христофорови велетенський ріст (у Legenda Aurea — 12 ліктів) і велять йому переносити людий через глубоку ріку, поки одної ночи йому не довело ся переносити малого хлопчика, який оказав ся так тяжким, що зігнув хребет велетня так, що його лице доторкнуло ся поверхні води; хлопець оказав ся самим Христом, який тут же й об'явив ся йому і охрестив його. Велетень, що первісно називав ся Offerus, від тепер назвав ся Christophorus і зробив ся горячим проповідником Христової віри. І коли новійші дослідники, такі як Морі (Al. Maury, Essai sur les légendes pieuses du Moyen âge, Paris, 1843, 53—57) та Децель (Heinrich Detzel, Christliche Ikonographie, zweiter Band, Freiburg i. B. 1896, стор. 250 — 257) не можуть дійти, відки взяла леґенда відомість про велетенський ріст сьв. Христофора, про який нічого не знають найстарші мартірольоґії, то менї здаєть ся, що поставивши обік себе сю леґенду й клясичну леґенду про Оріона, ми матимемо від разу пояснений і велетенський ріст Христофора, і дитину на його

1) Пор. Heinrich Ehrenfried Warnekros, Entwurf der Hebräischen Alterthümer, Weimar 1794, стор. 535.

2) Albert Rehm, Mythographische Untersuchungen über griechische Sternsagen. München 1896, стор. 20, цитат із Евфоріона.

плечех, і розбурхану воду (море), по якій він іде грузнучи ледво по колїна. Ще цікавійші деталї подають грецькі та перекладені з них церковно-славянські тексти, які роблять Христофора песиголовцем. І так у рукописнім Пролозї з XVI. в., який я одержав із місточка Комарна недалеко Львова, читаємо під д. 9 мая: ѡ҆ том ст҃ом Христофорѣ гл҃етъ дивнаа и҆ преславнаа, ꙗ҆ко песѣю главоу имѣꙗше и҆ ч҃лки ꙗ҆дѧше, послѣдї повѣдают ѿ песѣх глав пришедша. страшен же бѣ ѡ҆браз и҆ дивен и҆ не разоумей ꙗ҆зык. бѣ же при Декїи цр҃и ꙗ҆т бы҃ Нани (?) комитом, и не могый гл҃ати греческы. и помл҃и сѧ Бꙋ҃, и҆ послан бы҃ къ немꙋ аггл҃ъ Гн҃ъ, и҆ гл҃а ѐмꙋ: «Мꙋжай сѧ и҆ крѣпи҃». и҆ прикоснꙋ оу҆стнꙋ ѐго, и҆ сътвори ѐго гл҃ати греческы. посланы быша ѿ цр҃ѧ въйни ꙗ҆тї ѐго, и҆ жезлꙋ ѐго прозѧбши, и҆ вѣроваша Хв҃ы и҆ съ ним кр҃щена быша въ Антиѡ҆хїи ѿ ст҃го Вавѵлы, ѿ того҃ Христофор наречен бы҃, а прежде бѣ и҆мѧ ѐмꙋ Репревъ». Далї оповідаєть ся коротко про мучеництво сьвятого. Як бачимо, тут нема згадки про велетенський ріст анї не вияснено, чому сей песиголовець був названий Христофором — очевидно леґенда в сих точках неповна. Та маємо тут цікаві вказівки на її египетське походжене: Христофор являєть ся в Сирії (в Антіохії) «ѿ песѣх глав», із країни, яку й инші леґенди кладуть десь у глубині Африки, а то й у горішнім Єгипті; його песя голова і додаток, що він їв людий, найлекше поясняють ся тим, що в ньому ми повинні бачити одну з постатий египетського пантеону, чи то Анубіса, бога смерти, що власне як такий поїдав людий та проводив у підземний сьвіт, і малював ся в видї чоловіка з песячою або шакальовою головою, або може одну з незлїчених ріжностатий бога Горуса, сина Ізиди, що мав бути по смерти Озіріса королем Єгипту і в якого культї, особливо пізнїйше, коли культ Ізиди перейшов і до Греків, пес грав визначну ролю [1]). Що сей Горус мав якийсь узвязок з мітом про Оріона, доказує египетська леґенда про те, що бувши малим хлопцем і живучи в містї Буто по серед багон Дельти, де мати Ізида заховала його перед Сетом, убійцем Озіріса, він був укушений скорпіоном і вмер; на просьбу Ізиди бог Ра зупинив соняшний човен на небі, з нього вийшов бог Тот і своєю чародїйською силою оживив дитину (Wiedemann, op. cit. 114). Чи не повстала й леґенда про Христофора власне зі спарованя того пізно-египетського круга понять з христіянством? Чи велетень Горус-песиголовець, слїпий духом, бо неосьвічений сьвітлом правдивої віри, який іде по розбурханім морі і гне ся під вагою малої дитини-Христа, не був символом побіди христіянства над поганством, тай сама назва χριστόφορος чи не була людово-етимольоґічною перерібкою спарованя імен Χριστός і Ὧρος?

1) Див. Dr. A. Wiedemann, Die Religion der alten Ägypter. Münster i. W. 1890, стор. 121.

Як бачимо, наша староруська притча завела нас на великий культурно-історичний шлях і показала нам, хоч у досить іще неясних нарисах, один із тих каналів релїґійного синкретизму, що тягнуть ся тисячолїтями і мов той мітичний Океанос величезним перстенем обіймають усї головні парости культурного людства, раз у раз нагадуючи їм, що вони культурно, духово, своїми найкрасшими віруванями і найвисшими ідеями не менше близько посвоячені, як і вузлами раси й фізичної будови.

Др. Іван Франко.

Львів д. 5 лютого 1904.

Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Ивана-Александра.

Вопросъ о происхожденіи болгарскаго царя Ивана-Александра является весьма важнымъ въ болгарской исторіи, такъ какъ съ нимъ непосредственно связаны два другихъ не менѣе важныхъ вопроса: 1) объ обстоятельствахъ, при которыхъ этотъ болгарскій царь вступилъ на престолъ, и 2) о политическихъ отношеніяхъ его къ сербскому кралю. Отъ разрѣшенія перваго вопроса прямо зависитъ и разрѣшеніе этихъ послѣднихъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ настоящемъ экскурсѣ мы попытаемся указать сперва, насколько этотъ вопросъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два другихъ, правильно разрѣшенъ въ исторической литературѣ, а потомъ, какъ бы могъ быть онъ разрѣшенъ по существующимъ въ настоящее время историческимъ даннымъ.

I.

По принятому въ настоящее время мнѣнію, высказанному болѣе сорока лѣтъ тому назадъ сербскимъ ученымъ Константиномъ Николаевичемъ въ его трудѣ «Српски Комнени», именно въ главѣ: «Александеръ царъ бугарскій и нѣгова династія»[1]), родителями Ив.-Александра были сербскій властель кесарь Воихна, сынъ знаменитаго сербскаго воеводы Новака Гребострека, и Керица, дочь бдинскаго князя Шишмана Стараго, или сестра убитаго при Вельбуждѣ болгарскаго царя Михаила III, откуда выводится заключеніе, что Ив.-Александръ происходилъ изъ знатнаго сербскаго рода, выросъ и воспитывался въ Сербіи, другими словами, онъ былъ сербомъ. Такъ какъ это мнѣніе, хотя уже устарѣло, принимается также и новѣйшими историками-славистами, которые занимались этимъ вопросомъ, такъ что оно стало какъ бы безспорною истиною, то мы считаемъ нужнымъ разсмотрѣть его подробнѣе.

Главныя положенія этого мнѣнія слѣдующія.

1) Елена, жена Стефана Душана, которая, по Кантакузину[2]), была сестра Ив.-Александра, была сербка, такъ какъ происходила изъ сербскаго

1) Гласник, кн. XII (1860), стр. 454—472.

2) Cantacuzenus, Historia Byzantina, ed. Bonn., II, 338.

рода, слѣдовательно, Ив.-Александръ былъ также изъ сербскаго рода. Это положеніе Николаевичъ доказываетъ, во 1-хъ, на основаніи извѣстія Троношкой лѣтописи, по которой Стефанъ Душанъ женился два раза: первый разъ, еще когда былъ въ заточеніи съ отцомъ въ Константинополѣ, на внукѣ Кантакузина, дщерою же брата краля ишеганскагѡ, дѣвицею прекрасною, богатѣйшею. но сѹщѹ бракѹ безъ времене недорослѣй ѹже дѣвицы, испортилъ ложесна ея; сего ради не имѣлъ съ нею никаква порода; второй разъ — на сестрѣ вѹкашиновѣ, ни ѿ каковіа высокіа фамиліи, но ради красоти ея сопряже ю себы[1]), и, во 2-хъ, на основаніи одного народнаго преданія, записаннаго А. Гильфердингомъ во время его путешествія по Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Это преданіе Гильфердингъ передаетъ намъ такъ: «Стефанъ (Дечанскій) далъ ему (Душану) княженіе въ Скадрѣ (Скутари); молодой князь случайно увидѣлъ дочь стараго воеводы Гребострека, который жилъ въ селѣ Зерзевѣ у Прилѣпа, и влюбился въ нее; они обвѣнчались въ Зерзевской церкви, которая, какъ говорятъ, существуетъ еще. Королева же, мачеха Душана, узнавъ объ этомъ, сказала въ себѣ: «вотъ, сынъ мой хочетъ жениться; я буду ничто передъ его молодою женою, а пожалуй онъ захочетъ самъ царствовать», и послала какого-то француза Балдуина убить Душана. Молодые только что вышли изъ церкви и сидѣли на паперти, когда Балдуинъ, подъѣхавъ, пустилъ въ нихъ стрѣлу; но онъ попалъ не въ королевича, а въ его молодую жену, которая тутъ же испустила духъ. Не помня себя отъ гнѣва, Душанъ пошелъ на своего отца, ни о чемъ не знавшаго, свергнулъ его съ престола и убилъ»[2]). На этихъ двухъ данныхъ собственно Николаевичъ и строитъ свою теорію о сербскомъ происхожденіи Елены, сестры Ив.-Александра. Мы разсмотримъ, насколько эти извѣстія заслуживаютъ довѣрія.

Троношкая лѣтопись, которая дошла до насъ въ спискѣ, сдѣланномъ и пополненномъ іеромонахомъ Іосифомъ (кон. XVIII ст.), по изслѣдованіямъ В. Качановскаго, относится къ XVII и XVIII столѣтію и представляетъ собою документъ, который составленъ какъ по старымъ сербскимъ историческимъ памятникамъ и другимъ документамъ (житіямъ сербскихъ кралей, родословіямъ, хрисовуламъ, надгробнымъ надписямъ), такъ и по народнымъ преданіямъ, еще и по чужимъ источникамъ, какъ-то по исторіи М. Орбини и другимъ, которыхъ авторъ не называетъ по имени. Составитель этой лѣтописи, при всемъ видимомъ стараніи критически относиться къ своимъ разнообразнымъ источникамъ, все-таки привнесъ въ свой трудъ много *невѣрнаго*, что̀ не встрѣчается ни въ одной изъ краткихъ сербскихъ

---

1) **Гласник**, V (1853), 65—66 и 69.
2) **Гильфердингъ**, Собр. соч., т. III, 99—100.

лѣтописей. Поэтому Качановскій и замѣчаетъ, что, «несмотря на позднее происхожденіе этой лѣтописи, ее должно имѣть въ виду при составленіи исторіи Сербскаго государства, *хотя пользоваться ея данными слѣдуетъ чрезвычайно осторожно*. Въ этой лѣтописи можно найти много подробностей, заимствованныхъ изъ народнаго преданія, нерѣдко съ признаками легенды, и за недостаткомъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ, иногда приходится ограничиваться ими однѣми»[1]). При такой исторической цѣнности Троношкой лѣтописи, если теперь обратимся къ приведенному выше мѣсту, то не трудно убѣдиться, что оно принадлежитъ къ тѣмъ многимъ невѣрностямъ, которыя встрѣчаются въ ней. Прежде всего никоимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ невѣрности извѣстія о первомъ бракѣ Душана[2]), потому что Кантакузинъ, который лучше могъ знать о случаѣ, нигдѣ не упоминаетъ, что Душанъ, будучи еще мальчикомъ, вступалъ въ бракъ съ его внукой, да и это было бы настоящимъ анахронизмомъ, такъ какъ Душанъ и Кантакузинъ были современниками и сверстниками. Не большую историческую цѣнность представляетъ и другое извѣстіе о второмъ бракѣ Душана съ сестрою Вукашина, потому что и оно не содержитъ никакого правдоподобія въ сравненіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о женѣ Душана изъ современныхъ источниковъ. Не такъ однако посмотрѣлъ на него Николаевичъ. Онъ, признавая невѣрность троношкаго извѣстія о первомъ бракѣ Душана, принимаетъ второе, которое онъ считаетъ «најистинитіе», и поправляетъ его такъ, что подъ этимъ Вукашиномъ нужно подразумѣвать Оливера, перваго брата Елены, не указывая при этомъ, на какомъ основаніи можно сдѣлать такую замѣну. Принимая такимъ образомъ извѣстіе Троношкой лѣтописи съ этою поправкою, Николаевичъ далѣе пополняетъ его вышеизложеннымъ народнымъ преданіемъ.

Это преданіе собственно не содержитъ въ себѣ ничего исторически вѣрнаго: оно—плодъ фантазіи народа, который хотѣлъ какъ-нибудь объяснить себѣ причину отцеубійства своего любимаго и славнаго краля — Душана. Даже если допустить, что цѣлый разсказъ исторически вѣренъ, т. е. что подобный эпизодъ въ жизни Душана былъ, все-таки онъ не можетъ быть отнесенъ къ царицѣ Еленѣ, такъ какъ героиня разсказа падаетъ мертвою отъ стрѣлы француза Балдуина, а Елена, какъ извѣстно, пережила самого Душана, не говоря уже о томъ, что бракъ Душана съ нею совершился, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. Какъ бы то ни было, но если бы безпристрастный изслѣдователь и захотѣлъ видѣть въ этомъ преданіи хоть долю историчности, онъ бы не могъ

1) В. В. Качановскій, Исторія Сербіи и пр. Кіевъ, 1899, т. I, стр. 179.

2) Ср. Т. Д. Флоринскій, Южные славяне и Византія въ XIV вѣка, С.-Петербургъ, 1882, вып. 2, стр. 211, примѣчаніе.

ея найти. Не такъ однако поступилъ Николаевичъ. Не оцѣнивъ критически исторической цѣнности вопроснаго преданія и не указывая на несообразность цѣлаго разсказа съ тѣмъ, что̀ исторически вѣрно, онъ, принимая, что преданіе какъ разъ говоритъ объ Еленѣ, вспоминаетъ Гребострека и утверждаетъ, что Елена ведетъ свое происхожденіе именно отъ рода извѣстнаго стараго сербскаго воеводы Новака Гребострека, современника Драгутина и Милутина. Но Николаевичъ не ограничился этимъ. Онъ ставитъ другой вопросъ, въ какомъ родствѣ приходится Елена Новаку Гребостреку, и разрѣшаетъ его по чисто хронологическимъ соображеніямъ въ томъ смыслѣ, что жена Душана могла быть не дочерью этого стараго воеводы, а только его внукою, или же дочерью князя и кесаря Воихны, дѣйствовавшаго еще при Милутинѣ и пережившаго самого Душана (ум. 1357—1360). Но и это отождествленіе Воихны съ отцомъ Елены не можетъ быть принято, потому что оно основывается опять на предположеніи, и то неправдоподобномъ, какъ увидимъ изъ слѣдующаго положенія.

2) Второе положеніе Николаевича можно формулировать такъ: Душановъ деспотъ Оливеръ, въ сербскомъ происхожденіи котораго нельзя сомнѣваться, былъ братомъ царицы Елены, а слѣдовательно и Ив.-Александра. — Тутъ Николаевичъ за главную основу беретъ свидѣтельство Пшинскаго помянника, который гласитъ:

Помѣни, господи, благо цара Стѣфана (царь срьпскыи)
Еленоу царицꙋ
Сына его Оуроша цара
Семшоу, брата царева
Ѳеѡдорꙋ, сестрꙋ царичинꙋ
раба божїа Михаила [1]).

По этому свидѣтельству, у царицы Елены была сестра Ѳеодора, что̀ очень возможно, да и неоспоримо. Но тутъ не это важно, а то, что Николаевичъ отождествляетъ эту Ѳеодору съ другою личностью и на основаніи этого отождествленія доказываетъ свое положеніе. Онъ начинаетъ тѣмъ, что указываетъ на находящуюся въ Дечанскомъ монастырѣ надгробную надпись съ слѣдующимъ содержаніемъ: Въ лѣто ·҂ѕ·ѿ·п҃·в҃· мѣсеца ꙗноуара ·л҃а҃· престави се раба божїа Драгина, ꙁов(о)мь Витослава, дьщи Ѹглеше Ненадикꙑ, и сестрична Ѡливере деспота, а жена Бранка Їекпала, и ꙁде еи ѥсть гробь, да кто прочте рече: ѝ богь да прости вь вѣки,

1) Споменикъ, XXIX (1895), стр. 9. — Интересно то, что послѣднія двѣ строки не находятся ни въ одномъ изъ другихъ, извѣстныхъ пока, сербскихъ памятниковъ. Ср. Ст. Новаковичъ, Српски поменици, въ Гласник, кн. XLII (1875), стр. 29 и 31.

аминь[1]). Николаевичъ останавливаетъ тутъ свое вниманіе главнымъ образомъ на томъ, что эта Драгина-Витослава была дочерью Углеши Ненадича и сестра деспота Оливера. «И этотъ Углеша, пишетъ онъ, безъ сомнѣнія братъ Вукашина, хотя и называется Ненадичемъ, потому что ихъ болѣе извѣстное прозвище Мрнявчевичи, вѣроятно, произошло отъ ихъ родного села Мʼрнѧка, чегѡ ради и ꙁовахѹсѧ Мрнѧвчевиѣи, прямо говоритъ Троношкій лѣтописецъ»[2]). Каковы основанія Николаевича въ этомъ отождествленіи Углеши Ненадича надписи съ Углешею Мрнявчевичемъ, не видно изъ его словъ; онъ только замѣчаетъ, что «иначе *деспотъ* Оливеръ, *севастократоръ* Деанъ, а особенно *царь* Александръ и *царица* Елена навѣрное не выдали бы своей сестры за кого-нибудь другого Углеши, человѣка ниже и незнатнѣе Углеши *кесаря* и позже *деспота*, брата Вукашинова. Доказательствомъ того, что этотъ самый Углеша былъ свойкомъ (пашеногомъ) Душана, служитъ важность и возвышеніе, до котораго достигли Мрнявчевичи въ его царствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ошибку, въ которую впалъ троношкій лѣтописецъ, смѣшавъ ихъ съ братьями царицы Елены»[3]). Однако всѣми этими разсужденіями Николаевича нисколько не доказывается, что Углеша Ненадичъ та же самая личность, что и Углеша Мрнявчевичъ, братъ Вукашиновъ, потому что приведенная выше надгробная надпись относится къ 1374 г., когда Углеша, братъ Вукашиновъ, не только былъ уже кесаремъ и деспотомъ, но даже не былъ уже въ живыхъ (ум. 1371 г.); если бы Углеша Ненадичъ надписи былъ одно и то же лицо съ Углешею, Вукашиновымъ братомъ, то, навѣрное, авторъ надписи не пропустилъ бы отмѣтить и его титулъ, какъ онъ дѣлаетъ съ Оливеромъ, и вообще отмѣтить точнѣе эту столь извѣстную въ Сербіи личность. Итакъ, отождествленіе Углеши Ненадича надписи съ Углешею Мрнявчевичемъ оказывается не только ни на чемъ не основаннымъ, но и совсѣмъ произвольнымъ, а отсюда и всѣ дальнѣйшія догадки Николаевича, основанныя на немъ, не могутъ считаться допустимыми, какъ это увидимъ сейчасъ.

«Но мать Драгины-Витославы, продолжаетъ Николаевичъ, и жена Углеши, по-позже монахиня Ефимія, сама говоритъ на хиландарской завѣсѣ, что была дьщи господина ми кесара Воихне лежащаго ꙁдѣ, нѣкогда же деспотица[4]). Слѣдовательно, Воихна могъ быть настоящимъ отцомъ и всѣхъ другихъ личностей, о которыхъ было-бы доказано, что они

1) Гильфердингъ, Собр. соч. III, стр. 132.—Л. Стояновичъ, Стари српски записи и натписи, Београд, 1902, кн. I, № 143, стр. 46—47, читаетъ Пекпала вм. ʼІекпала.

2) Гласник, V, 69.

3) Гласник, XII, 441.

4) Л. Стояновичъ, указ. соч. № 197, стр. 61.

братья и сестры этой Ефиміи. Объ Оливерѣ говоритъ уже та же самая надгробная надпись ея дочери, называя ее сестричина Оливере деспота; .....Оливеръ, по Епирской хроникѣ, братъ Александра и Елены; а эти двое, по Кантакузину, братъ и сестра и имѣютъ еще одну сестру, которая по одному помяннику Өеѡдора сестра царичина (Єлены), а послѣ, вѣроятно, та же самая Ефимія монахиня»[1]). Тутъ, прежде всего, должно указать на то, что Ефимія, дочь Воихны и жена деспота Углеши, брата Вукашина, не можетъ быть и сестрою Оливера, потому что, какъ мы уже видѣли, Углеша Ненадичъ надгробной надписи не то же лицо, что̀ и деспотъ Углеша Мрнявчевичъ, а отсюда Воихна не могъ быть отцомъ ни Оливера, ни Өеодоры. Точно также нельзя считать доказаннымъ и то, что Оливеръ былъ братомъ царицы Елены. Николаевичъ въ этомъ случаѣ ссылается на Епирскую хронику, именно на слѣдующее мѣсто[2]):

«Брата своего Симеона, рожденнаго отъ троюродной сестры императора Палеолога, почтилъ Стефанъ (Душанъ) титломъ деспота и, отправивъ въ Этолію, назначилъ воеводою этой области. Симеонъ, прибывъ на мѣсто, женился на Өомаидѣ, дочери покойнаго деспота Іоанна, которая, потерявъ отца, возложила всю надежду на мать и на юнаго брата. Этого брата ея, по имени Никифора, ромейскій императоръ взялъ себѣ заложникомъ и отвелъ въ Константинополь, гдѣ и назначилъ ему мѣстопребываніе, женивъ его на дочери Кантакузина. Мать же этихъ молодыхъ, Өомаиды и Никифора, а *наша царица Анна, вышла замужъ за одного князя отъ болгарскаго рода*[3]), *именуемаго деспотомъ Комниномъ, брата болгарскаго царя Александра и шурина означеннаго выше Стефана*, и поѣхала далеко къ Канинамъ и Бѣлграду, оставивъ Симеона съ женою его Өомаидою одного во всемъ деспотствѣ этольскомъ, такъ какъ оно было наслѣдственнымъ удѣломъ ея вмѣстѣ съ братомъ».

Николаевичъ тутъ ссылается главнымъ образомъ на то, что упомянутый здѣсь деспотъ Комнинъ ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους, который былъ братъ Ив.-Александра и шуринъ Душана, т. е. братъ царицы Елены, и женился на деспотицѣ Аннѣ, женѣ деспота Іоанна Кефалонійскаго, былъ несомнѣнно самъ Оливеръ. Этотъ выводъ онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Онъ собралъ всѣ извѣстныя историческія данныя, упоми-

---

1) Гласник, XII, 441—442.

2) Гласник, XI (1859), 297—298. — Г. Дестунисъ, Историческое сказаніе инока Комнина и Прокла о разныхъ деспотахъ епирскихъ, С.-Петербургъ, 1858, стр. 4—5.

3) Въ текстѣ читается: ἄρχοντά τινα ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους. Дестунисъ переводитъ эту фразу: «одного боярина болгарскаго», что, намъ кажется, не совсѣмъ точно, такъ какъ, если бы авторъ хроники хотѣлъ указать только на его боярство, употребилъ бы тутъ δυνατόν или μεγαδυνάμενον вм. ἄρχοντα: очевидно, что онъ, поставивъ ἄρχοντα, имѣлъ въ виду указать на его высшее чѣмъ боярское, происхожденіе, т. е. изъ царскаго или же, по крайней мѣрѣ, владѣтельнаго болгарскаго рода, поэтому ἄρχοντα мы переводимъ «князя».

нающія имя Оливера и касающіяся его дѣятельности, и останавливается главнымъ образомъ на имени и титулѣ его жены[1]). Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ тамъ, гдѣ упоминается его жена, она называется двояко: 1) Анною-Марою въ славянской надписи Лѣсновскаго монастыря 1341 г. и въ приписке Минеи церкви того же монастыря 1342 г.[2]) и 2) Маріею въ греческой надписи 1349 г., въ греческой надписи на ея изображеніи въ томъ же монастырѣ и въ Лѣсновскомъ помянникѣ[3]), а во всѣхъ славянскихъ извѣстіяхъ она титулуется подроужие єго госпогю или же просто подроужиꙗ єго, подроужїє, и только въ греческихъ надписяхъ она называется βασιλίσσα. На основаніи того, что въ лѣсновской славянской надписи и припискѣ Минеи жена Оливера носитъ имя Анна-Мара, а въ Епирской хроникѣ жена деспота Комнина называется Ἄννα, и также на основаніи того, что въ греческихъ надписяхъ первая титулуется βασιλίσσα, а вторая въ Епирской хроникѣ — βασιλίς, Николаевичъ заключаетъ, что Анна-Мара, жена Оливера, одна и та же личность съ Анной, деспотицей Епирской, а такъ какъ самъ Оливеръ въ извѣстіяхъ послѣ 1346 г. носитъ титулъ деспота, и Комнинъ Епирской хроники также титулуется деспотомъ, то ясно, что Оливеръ тотъ же самый Комнинъ, братъ царя Ив.-Александра и царицы Елены[4]).

Эта догадка Николаевича могла бы быть принята за правдоподобную, если бы не помѣшалъ анахронизмъ, который выступаетъ здѣсь съ полной очевидностью. Отравленіе мужа деспотицей Анной, чтобы стать регентшей своего сына Никифора, какъ и удаленіе ея съ регентства императоромъ Андроникомъ III относятся ко времени не ранѣе 1336 г., а она вышла замужъ за деспота Комнина, по Епирской хроникѣ, послѣ завладѣнія сербовъ Этоліей и Акарнаніей, которое относится ко времени послѣ 1346 г.[5]); слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя принять ни того, что Комнинъ то же самое, что̀ Оливеръ, ни того, что деспотица Анна то же самое, что̀ Анна-Мара, потому что, по надписи и припискѣ Минеи Лѣсновскаго монастыря, Оливеръ еще въ 1341 г. былъ женатъ на Аннѣ-Маріи и имѣлъ уже сына Краика, а по лѣсновскому помяннику, и дочь Дьницу, старше Краика, которую въ 1342 г. Оливеръ предлагалъ Кантакузину выдать за его сына Мануила[6]). Итакъ, если мы не имѣемъ никакого основанія отождествлять деспотицу Анну Епирскую съ Анной-Марой, женою Оливера, то

1) Гласник, XIII (1861), 293—299.

2) Ibidem XIII, 293—296.—Л. Стояновичъ, указ. сочин. № 71, стр. 30 и № 76, стр. 31.

3) Ibidem XIII, 293, 294 и 295.

4) Ibidem, XIII, 299—300.

5) Флоринскій, указ. сочин. II, стр. 169, примѣчаніе, относитъ это событіе къ 1347 г.—Ср. *его же*, Памятники законодательной дѣятельности Душана, Кіевъ, 1888, стр. 85.

6) Cant. II, 290. — Флоринскій, Южн. слав., стр. 86.

и сходство ихъ титуловъ — βασιλίς и βασιλίσσα остается безъ всякаго значенія. Намъ кажется, что женѣ Оливера, равно и самой Аннѣ Епирской, которая была дочерью протовестіарія Андроника Палеолога, присвоенъ титулъ βασιλίσσα потому что она, вѣроятно, была одна изъ византійскихъ принцессъ, что̀ доказывается тѣмъ, во 1-хъ, что этотъ титулъ находится на греческихъ надписяхъ, авторъ которыхъ могъ это лучше знать, а, во 2-хъ, тѣмъ радушнымъ пріемомъ, который Оливеръ оказалъ Кантакузину въ 1342 г.[1]). Кромѣ того, на основаніи свидѣтельства Епирской хроники, что Анна вмѣстѣ съ Комниномъ отправилась вверхъ къ Канинѣ и Бѣлграду (нынѣ Бератъ)[2]), допускается, что въ 1348 г. Оливеръ подъ вліяніемъ своей супруги перемѣнилъ Овчепольскую область на Среднюю Албанію съ городами Каниной и Бѣлградомъ, гдѣ онъ остался, вѣроятно, до конца своей жизни[3]). Однако, по прямому свидѣтельству записи болгарской книги «св. Ефремъ», мы узнаемъ, что Оливеръ и въ 1353 г. былъ великимъ деспотомъ и управителемъ Овчепольской области[4]), слѣдовательно онъ вовсе не перемѣнялъ ея на другую. Далѣе, Николаевичъ, признавая, что Оливеръ женился на Аннѣ Епирской по завоеваніи ея земель Душаномъ, пишетъ: «Имя Комнина, съ которымъ только онъ (Оливеръ) перешелъ въ народныя пѣсни и преданія, онъ не могъ получить отъ этой Комнины, потому что она ему была жена, а не мать. При всемъ томъ эта самая женитьба могла ему напомнить о старомъ Комнинскомъ происхожденіи его племени, а властельская суета побудить его придать себѣ первому это имя, потому что раньше его нѣтъ слѣдовъ, чтобы какіе-нибудь сербы звали себя Комнинами и Комниновичами»[5]). О неубѣдительности высказаннаго тутъ довода, намъ кажется, нечего и говорить, потому что она очевидна; должно однако замѣтить, что, насколько можно судить по существующимъ пока извѣстіямъ, Оливеръ нигдѣ не названъ именемъ Комнина, да и самъ онъ едва ли себя называлъ этимъ именемъ, а потому утверждать, будто женитьба его на Аннѣ Епирской напомнила ему о его комниновскомъ происхожденіи, нѣтъ никакого основанія. Наконецъ, нужно отмѣтить еще и то, что деспотъ Комнинъ, мужъ Анны деспотицы, никоимъ образомъ не можетъ быть отождествленъ съ деспотомъ Оливеромъ еще и потому, что въ Епирской хроникѣ буквально сказано, что Комнинъ былъ болгарскаго рода

1) Флоринскій, ibid., стр. 77 и слѣд. — П. Средковичъ («Историјске расправе, Гласник, LVII (1884), 123—128) думаетъ, что βασιλίσσα Μαρία, жена Оливера, была не кто иная, какъ Марія, жена Дечанскаго и дочь солунскаго деспота Ивана Палеолога, которая по смерти мужа была выдана Душаномъ за Оливера.

2) Изд. Г. Дестуниса, стр. 5: καὶ ἄνω ἐπὶ τὰ Κάνινα καὶ τὰ Βελλάγραδα χωρεῖ.

3) Флоринскій, Южн. слав. II, 169; Памятники, стр. 85.

4) Флоринскій, Памятники, стр. 82, примѣчаніе 2.—Л. Стояновичъ, Записи и пр. № 102, стр. 38.

5) Гласник, XIII, 300.

(ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους), тогда какъ въ сербскомъ происхожденіи Оливера едва ли можетъ быть сомнѣніе; иначе, если Николаевичъ принимаетъ это отождествленіе, то онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ, усвоившіе его мнѣніе, должны признать болгарское происхожденіе не только Ив.-Александра и Елены, но и самого Оливера, чего, конечно, они никогда бы не допустили. — Изъ всего выше изложеннаго ясно становится, что свидѣтельство Епирской хроники не даетъ намъ никакого основанія утверждать, что Оливеръ былъ то же самое лицо, что̀ и деспотъ Комнинъ, а слѣдовательно онъ не могъ быть и братомъ Елены и Ив.-Александра.

Наконецъ, изъ словъ Николаевича не видно, какъ монахиня Ефимія, жена Углеши, метаморфизировалась въ Ѳеодору, сестру Елены и Ив.-Александра, и потому мы не имѣемъ никакого основанія, считать послѣднюю женою Углеши, брата Вукашинова и тѣмъ болѣе женою Углеши Ненадича, такъ какъ мы уже выше видѣли, что этотъ не могъ быть отождествленъ съ деспотомъ Углешею; а разъ нельзя принять, что Ефимія и Ѳеодора — одна и та же личность, то и утвержденіе Николаевича, что кесарь Воихна былъ ея отцомъ, а отсюда и отцомъ Оливера, Елены и Ив.-Александра, остается не только недоказаннымъ, но и недопустимымъ. Изъ того, что намъ даетъ Пшинскій помянникъ, можно заключить, что Ѳеодора въ самомъ дѣлѣ была сестрою Елены, а слѣдовательно и Ив.-Александра, а ея мужемъ могъ быть скорѣе названный послѣ ея въ помянникѣ рабъ божїи Михаилъ, неизвѣстная пока личность, которая могла бы попасть въ среду членовъ царскаго семейства только ради своихъ супружескихъ связей съ Ѳеодорой.

Итакъ, оба разсмотрѣнныя выше положенія Николаевича о сербскомъ происхожденіи царицы Елены изъ рода Новака Гребострека, а еще болѣе, что она была дочерью кесаря Воихны и сестрой деспота Оливера (впрочемъ, Николаевичъ доказываетъ, что у нея были и другіе братья, о которыхъ мы тутъ не будемъ говорить), основаны или на произвольномъ толкованіи историческихъ извѣстій, или же на предположеніяхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ; поэтому должно навсегда отвергнуть ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе о сербскомъ происхожденіи Ив.-Александра.

3) Николаевичъ, однако, не ограничился только доказательствомъ сербскаго происхожденія Ив.-Александра: онъ попробовалъ опредѣлить и родство его съ болгарской династіей. Родство это онъ опредѣляетъ въ двухъ мѣстахъ различно. Въ одномъ мѣстѣ, понимая греч. ἀδελφιδοῦς, которымъ и Кантакузинъ и Григора опредѣляютъ родственныя связи Ив.-Александра съ царемъ Михаиломъ III, т. е. что Ив.-Александръ приходится Михаилу ἀδελφιδοῦς, въ смыслѣ *двоюроднаго брата* (по отцу), и допуская, что Белауръ, дядя Ив.-Александра и Елены, который былъ сербскаго происхож-

денія, потому что Μπελαῦρος = Bela-Uros = Бѣлый Урошъ, происходилъ отъ сербскаго рода жупана Драгоша, тестя Страшимира (= Шишмана) видинскаго, на дочери котораго Шишманъ былъ женатъ уже послѣ побѣды Милутина надъ послѣднимъ, Николаевичъ дѣлаетъ такое произвольное предположеніе: у Драгоша была непоименованная дочь, выданная за Шишмана стараго, а ея братья были: Белауръ и непоименованный отецъ Ив.-Александра, Канинскаго Комнина и царицы Елены. «Такъ трое послѣдніе и ихъ отецъ съ Бѣлымъ-Урошемъ, пишетъ Николаевичъ, были скорѣе quasi, нежели родные ἀδελφιδοῦς и θεῖοι Михаилу Страшимировичу болгарскому, потому что они были ему *двоюродные братья* и *дядья* только по мачехѣ. И это quasi-родство объясняетъ очень хорошо извѣстные раздоры въ той же фамиліи, потому что Драгошевичи, и сыны и внуки, преслѣдовали и истребляли лозу Страшимировича съ корня, а Неманичи въ этомъ очень охотно имъ помогали, навѣрное по политическимъ разсчетамъ, чтобы скорѣе утвердить свое сюзеренство надъ Болгаріей посредствомъ вассаловъ сербскаго происхожденія и втрое имъ обязанныхъ, чѣмъ оставлять на болгарскомъ престолѣ лозу, которая два раза покушалась забить ножъ въ сердце Сербіи»[1]).

На другомъ мѣстѣ Николаевичъ даетъ другое родство. Понимая ἀδελφιδοῦς, которому соотвѣтствуетъ славянское нѣтїа, въ смыслѣ *сынъ брата* или *сестры*, Николаевичъ пишетъ: «Они (Михаилъ и Александръ) не были родственниками *по крови*, а самъ Михаилъ былъ Александру *дядей* (по матери). Оба могли имѣть *по крови* различное происхожденіе, и что касается Александра, изъ Халкокондилы можно понять, что этотъ до сраженія при Землинѣ (Вельбуждѣ) жилъ въ Сербіи, и Дечанскій, говоритъ, водилъ его съ собою въ этотъ самый бой противъ болгаръ. Далѣе, наша царица Елена, его сестра по ясному свидѣтельству Кантакузина, была, по Троношкому лѣтописцу, сербка и домашняя властеличка, только не сестра Вукашинова, а Оливера и Богдана..... Эти ея и Александра братья были опять первые «достоянственници» сербскіе при Душанѣ и устроены въ Сербіи: отсюда и Александръ можетъ быть вмѣстѣ съ ними по происхожденію *сербомъ*»[2]). Родственныя связи бдинскихъ Шишмановичей съ сербской династіей, по Николаевичу, произошли такъ: какъ Милутинъ послѣ своей побѣды надъ Шишманомъ заставилъ послѣдняго взять въ жены дочь его жупана и воеводы Драгоша и женить сына своего Михаила на его дочери Аннѣ или Недѣ, такъ и бракъ Воихны Гребострека съ одною изъ дочерей Шишмана, т. е. съ сестрою Михаила, могъ совершиться на тѣхъ же основаніяхъ, если не тогда еще, то позднѣе. Возможность этого

1) Гласник, XI, 299—301.
2) Гласник, XII, 456.

брака Николаевичъ основываетъ на личномъ пріятельствѣ Шишмана съ Новакомъ Гребострекомъ. «Изъ нашего Троношкаго лѣтописца, пишетъ онъ, можно понять, что Шишманъ и Новакъ Гребострекъ были впослѣдствіи ратными товарищами, потому что, говоритъ, и Шишманъ (навѣрное, по обязанности своего *послушанія* Милутину) участвовалъ въ сербскихъ экспедиціяхъ, подъ командою Новака Гребострека, противъ турокъ и каталонцевъ въ Греціи, и при этомъ, вѣроятнѣе всего, оба товарища и подружились»[1]).

Оба эти опредѣленія Николаевича рѣзко отличаются другъ отъ друга. Однако Николаевичъ въ свое время еще отказался отъ перваго, да оно и не можетъ быть принятымъ потому, во 1-хъ, что оно представляетъ собою простое, ни на чемъ не основанное предположеніе, натянутость и неправдоподобіе котораго и самъ онъ замѣтилъ[2]), и, во 2-хъ, потому что въ житіи Дечанскаго[3]), какъ и въ предисловіи Законника Стефана Душана[4]) прямо сказано, что Белауръ былъ братъ царя Михаила Шишмана. Поэтому мы здѣсь разсмотримъ только второе опредѣленіе.

Прежде всего, если Николаевичъ принялъ, что греческое ἀδελφιδοῦς и славянское нѣтїа означаетъ какъ *сынъ брата*, такъ и *сынъ сестры*, то изъ его словъ вовсе не видно, почему, при опредѣленіи родственныхъ отношеній между Михаиломъ и Ив.-Александромъ, непремѣнно должно взять второе значеніе ἀδελφιδοῦς, а какъ разъ это и составляетъ его основное положеніе; а такъ какъ оно является произвольнымъ и недоказаннымъ, то, конечно, и построенія родственныхъ связей между Михаиломъ и Ив.-Александромъ будутъ такими же. Такъ, мѣсто изъ Халкондилы, на которое Николаевичъ ссылается для того, чтобы доказать, что Ив.-Александръ жилъ до Вельбуждской битвы въ Сербіи, слѣдующее: ὅθεν ὁ Τριβαλλῶν ἡγεμὼν ἐπ᾽ αὐτόν (Μιχαῆλον) τε ὥρμητο στρατεύεσθαι, ἔχων μεθ᾽ ἑαυτοῦ τοῦ Μιχαήλου ἀδελφιδοῦν Ἀλέξανδρον· τόν τε Μιχαῆλον μάχῃ ἐκράτησε, καὶ Ἀλέξανδρον τὸν ἀδελφιδοῦν αὐτοῦ ἐς τὴν βασιλείαν καταστησάμενος[5]). Откуда Халкондила взялъ это извѣстіе, мы не знаемъ; однако, если сравнить его съ

1) Гласник, V, 59. — Тамъ же, XII, 457.

2) Въ Гласникѣ, XII, 454—455 Николаевичъ пишетъ: Што се тиче сродства Александровогъ съ Бугарскомъ династіомъ Страшимировића, ... навели смо већъ у првомъ делу овога чланка (Гласн. XI, 299—301) неке основе, по коима бы се то сродство пређе имало сматрати као са женске стране, него ли по племену. Само новоизданый еданъ изворъ нашъ и исправніи преводъ грчке речи ἀδελφιδοῦς, у свези са Зерзевскимъ преданіемъ, *обарају хипотезу тамо изражену*, да бы Милутиновъ великій воевода Драгошъ, на место Новака Гребострека, био дедъ Александровъ и нѣгове браће и сестара, аови по кћери тога Драгоша у сродству са Бугарскимъ Страшимировићима».

3) Даничичъ, Животи краљева и архиепископа српских, Загреб, 1866, стр. 193.

4) Изданіе Ст. Новаковича 1898 года, стр. 3.

5) Chalkondylas, ed. Bonn. p. 22.

извѣстіемъ Григорія Цамблака, который въ житіи Дечанскаго говоритъ: и҆ того Михаила възьмше мрътвое и҆ подобающа о немь съвршивше, обычними въ еже прѣоудовлѣвати оустроивше мрътваго. и҆ Алеѯандра того нетїа цара поставльше въ своа ѿтьлоучишесе[1]), то не трудно замѣтить, что есть сходство въ послѣднихъ фразахъ у обоихъ, что даетъ намъ достаточно основанія думать, что и Халкондила заимствовалъ свое извѣстіе изъ сербскаго источника, который, по всей вѣроятности, онъ самъ пополнилъ по личнымъ соображеніямъ, а именно: если Александръ былъ поставленъ сербскимъ кралемъ на престолъ, то, естественно, онъ долженъ былъ быть на сторонѣ сербовъ въ Вельбуждскомъ бою. Вообще, по замѣчанію Качановскаго, «къ свѣдѣніямъ его (Халкондила) по исторіи южныхъ славянъ можно и должно относиться съ довѣріемъ, провѣряя ихъ свидѣтельствами другихъ византійскихъ лѣтописцевъ и сербскихъ лѣтописей. Основаніемъ для этого довѣрія можетъ отчасти служить его собственное заявленіе въ началѣ его «Исторіи», что онъ записалъ многое, какъ современникъ и очевидецъ, а многое также по разсказамъ другихъ»[2]). Намъ кажется, что и настоящее извѣстіе онъ отмѣтилъ по разсказамъ другихъ, тѣмъ болѣе, что Халкондила жилъ почти на полтора столѣтія позже данной эпохи, и потому къ нему нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, а еще болѣе потому, что оно не согласуется ни со свидѣтельствами современныхъ историковъ, Кантакузина и Григоры, какъ увидимъ ниже, ни съ извѣстіями сербскихъ источниковъ, даже съ извѣстіемъ Григорія Цамблака, которые едва ли бы пропустили отмѣтить, что Ив.-Александръ въ Вельбуждскомъ сраженіи участвовалъ на сербской сторонѣ. Итакъ, вышеозначенное извѣстіе Халкондилы теряетъ свое значеніе при ясныхъ свидѣтельствахъ современниковъ, а отсюда предполагать, будто Ив.-Александръ до Вельбуждскаго сраженія жилъ въ Сербіи, нѣтъ никакихъ основаній.—Далѣе, Николаевичъ видитъ доказательство того, что Ив.-Александръ, братъ Елены, не могъ быть кровнымъ родственникомъ Михаила, еще въ его сербскомъ происхожденіи, что также невозможно принять, такъ какъ Елена, какъ мы уже видѣли, не была ни сербскаго происхожденія, ни сестрою Оливера. Также недоказанными и произвольными являются: 1) отождествленіе Николаевичемъ Шишмана Видинскаго, отца Михаила, съ Страцимиромъ, отцомъ Ив.-Александра, потому что, какъ будетъ показано ниже, это двѣ совсѣмъ отдѣльныя личности, и 2) предположеніе Николаевича—на основаніи словъ житія Стеф. Деч., что Стефанъ Дечанскій, по реставраціи Анны съ сыномъ въ Терновѣ, «посьла нѣкоѥ ѥдины отъ вельмоужь своихь сь нѣко-

1) Гласник, XI, 74—75.
2) В. В. Качановскій, назв. соч. стр. 300.

торою честию воискы своѥѥ вь помошть ѥй[1]), и сопоставленія ихъ съ приведеннымъ выше извѣстіемъ Халкондилы (которое, впрочемъ, Николаевичъ перефразируетъ такъ, будто Дечанскій уважилъ просьбу болгаръ только подъ условіемъ, что они примутъ Ив.-Александра, котораго онъ велъ съ собою, чтобы управлять царствомъ и быть опекуномъ молодого Шишмана до его совершеннолѣтія — о чемъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго намека), — будто «Александръ навѣрное былъ тотъ «поглавитый» вельможа Стефана, который отвелъ это оккупаціонное сербское войско въ Болгарію и имѣлъ надъ нею верховное владычество». — Все это сходится, оканчиваетъ Николаевичъ, и съ извѣстіемъ Лукарича, что болгары впослѣдствіи смотрѣли на Александра, какъ на сербскаго губернатора и на совершенно чужого имъ, что̀ также подтверждаетъ его сербское происхожденіе»[2]). Насколько вѣрны эти заключенія Николаевича объ отношеніяхъ Ив.-Александра, уже какъ болгарскаго царя, къ сербскому кралю, мы увидимъ ниже.

Таковы выводы Николаевича о происхожденіи Ив.-Александра, восшествіи его на болгарскій престолъ и политическихъ отношеніяхъ къ сербскому кралю — выводы, которые вполнѣ усвоили новѣйшіе историки-славянисты, или только перефразировавъ ихъ, или же въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣнивъ новыми соображеніями, не отнесшись однако критически къ нимъ[3]).

---

1) Даничичъ, Животи и пр., стр. 195.

2) Гласник, XII, 457—459.

3) Изъ новѣйшихъ историковъ послѣ Николаевича приняли его мнѣніе Ил. Руварацъ, Краљице и царице српске, см. «Матица», издав. А. Хаджичемъ, за 1868 годъ стр. 459, хотя онъ относится съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ мнѣнію Николаевича, и проф. Флоринскій, Южн. славяне, II, стр. 210 и сл. Впрочемъ, взглядъ г. Флоринскаго на политическія отношенія Ив.-Александра къ Стефану Душану представленъ иначе, какъ увидимъ ниже, чѣмъ у Николаевича. — Довольно существенно отъ мнѣнія Николаевича о происхожденіи Ив.-Александра отличается мнѣніе П. Средковича, высказанное имъ въ его статьѣ «Историјске расправе», гдѣ онъ пытается дать новый отвѣтъ на вопросъ: «Ко је била Августија Іелена, прва српска императорица или царица»? (Гласник, LVII, стр. 104 и сл.). Выражаясь о мнѣніи Николаевича, что оно «супротно, како оригиналним и безусловно верним историјским најстаријим документима, тако и народном предању т. ј. песмама», и указывая на то, что главная его цѣль «да пронађем истину, а не и да пишем историју овога питања», Средковичъ, не оговаривая, почему онъ несогласенъ съ мнѣніемъ Николаевича, приступаетъ прямо къ изложенію своего мнѣнія. Онъ начинаетъ утвержденіемъ, что цѣлая область Зеты не представляла одного государства, а два — нижнее и верхнее: нижнее было владѣніемъ Воислава, а верхнимъ управлялъ Гюргъ, и на основаніи разныхъ документовъ устанавливаетъ, что этотъ Гюргъ имѣлъ троихъ сыновей: Страцимира, Гюрга и Балшу, и потому его считаетъ родоначальникомъ зетскихъ владѣтелей. Одинъ изъ Балшичей, именно Гюргъ, сынъ Страцимира, въ одномъ документѣ 1386 г. 27. I называетъ Симеона Неманю своимъ прародителемъ, слѣдов., заключаетъ Средковичъ, Гюргъ I велъ свое происхожденіе изъ рода Немани, именно отъ Вукашина, сына Немани и брата Стефана Первовѣнчаннаго. Далѣе, Средковичъ по нѣкоторымъ дубровницкимъ документамъ признаетъ Гюрга I (однако, не совсѣмъ убѣдительно, потому что едва ли можно принять, что латинское имя Gregorius все равно, что сербское Гюргъ = Georgius) сыномъ князя Вратислава или Вратка, который, по помѣщенной Средковичемъ генеалогической таблицѣ (стр. 107—108), былъ внукъ Вукашина Неманича. Этотъ Вратко въ разныхъ сербскихъ памятникахъ 1333 года назы-

Уже изъ указаннаго выше произвольнаго обращенія съ источниками и стремленія Николаевича видѣть и читать то, чего нѣтъ въ источникахъ,

---

вается «жѹпанъ Братько», и въ одной грамотѣ Душана 1351 года упомянутъ подъ именемъ «кнезь Братько», что̀, по мнѣнію Средковича, соотвѣтствуетъ comes Vratichus дубровницкаго документа 1334 года, у котораго былъ сынъ Gregorius de Vrach, то есть Гюргъ I. На основаніи этихъ данныхъ, Средковичъ не сомнѣвается, что Вратко до 1333 г. былъ въ меньшемъ чинѣ, именно былъ «челникомъ». Предположеніе это нужно было ему для того, чтобы приспособить къ раньше задуманной мысли другое извѣстіе. Онъ пишетъ: «Овај пак Вратко челник имао је по пшинском поменику децу: Гюрю, Іована, Іелену, Теодору, Марѹ и Шанна». Мѣсто, которое здѣсь Средковичъ имѣетъ въ виду, слѣдующее (Споменик, XXIX, стр. 9):

помѣни, господи, благочьстивѹ господоу
рака божіа ѡлиѣра (деспотъ)
и т. д., а съ 12-ой строки читаемъ:
рака божіа Гюроу (челниковики)
рака божіа Іѡанна
рабоу божію Єлѣноу
рабоу божію Тодорѹ
рабоу божію (име неко избрисао), однако Средковичъ тутъ читаетъ Марѹ, какъ у Николаевича (Гласн. XII, 450)
рака божіа Шанна (. . . аниини).

Въ цѣломъ этомъ ряду именъ нигдѣ не означено, что приведенныя тутъ лица были дѣти Вратка; видно, что поставленное въ скобкахъ слово челниковики, вѣроятно, дало Средковичу право быть такъ смѣлымъ въ своихъ предположеніяхъ, или же считать свои предположенія дѣйствительнымъ фактомъ. Но еще болѣе курьезнымъ является онъ въ объясненіи приведенныхъ выше именъ, гдѣ онъ сопоставляетъ имена членовъ Душанова семейства, поставленныя немного выше въ томъ же помянникѣ. «Гюра или Гюргъ, пишетъ онъ, је отац Страцимира, Гюргя и Балше. Іован је цар бѫгарски Александар, као што се у својим актима и потписује: «Іоаннь Александерь»; Іелена је српска *јрва* царица; о судбини Теодоре овде нећемо да говоримо, а Мара је календарско име «царице» Милице . . . . Кнез Лазар и Душан, то су пашенози . . . И тако млади краљ Душан (1331) препрапраунук Немањин, узео је за жену Немањину прапраунуку . . . . —по Вукану, кћер Враткову, а сестру Гюрга родоначелника зетских господара и Іоанна (Александра) бѫгарскога цара, ког је Душан и попео на бѫгарски престо», при чемъ Средковичъ замѣчаетъ, что «и вероватно је сестра Михаила цара бѫгарскога била удата за Вратка» (110—111). Лучшій примѣръ неразсудительнаго ученаго произвола и отсутствія всякой исторической критики едва ли можно найти! Прежде всего, на чемъ основываетъ Средковичъ свое отождествленіе Гюра помянника со своимъ Гюргомъ Вратковичемъ, не указано; потомъ, если упомянутыя въ поменикѣ рака божіа Єлѣна и рака божіа Тодора были царица Елена и ея сестра Θеодора, имена которыхъ написаны немного выше въ томъ же помяникѣ, то зачѣмъ нужно было составителю помянника приводить въ двухъ мѣстахъ одного и того же документа однѣ и тѣ же личности? да и если бы были онѣ однѣ и тѣ же личности, не отмѣтилъ ли бы онъ этого? На какомъ основаніи Средковичъ отождествляетъ эту рабоу божію безъ имени съ Марой (Мара будто было календарное имя Милицы, жены князя Лазаря), или же рака божіа Іоанна съ Ив.-Александромъ, болгарскимъ царемъ, или же рака божіа Шанна (. . . . аниини) съ рабомъ божіемъ Михаила? На всѣ эти вопросы, по нашему мнѣнію, отвѣтъ слѣдующій: Средковичъ принялъ простое совпаденіе собственныхъ именъ въ означенныхъ мѣстахъ Пшинскаго помянника, какъ историческое данное, и на немъ строитъ цѣлую произвольную и ни на чемъ не основанную теорію; и если онъ находитъ, что мнѣніе Николаевича по этому вопросу «противно какъ оригинальнымъ и безусловно вѣрнымъ историческимъ старымъ документамъ, такъ и народному преданію», то мы должны признать, что мнѣніе Средковича противно самой логикѣ и требованіямъ исторической критики.

можно легко убѣдиться, что никоимъ образомъ нельзя принять его мнѣнія, въ которомъ явно проглядываетъ извѣстная тенденція его сербскаго автора. Поэтому является необходимость вновь пересмотрѣть всѣ извѣстія и данныя, которыя мы имѣемъ въ настоящее время о происхожденіи Ив.-Александра и о связанныхъ съ нимъ двухъ вопросахъ: о возшествіи его на престолъ и отношеніяхъ къ сербскому кралю.

II.

Свѣдѣнія о родителяхъ Ив.-Александра пока имѣемъ слѣдующія. Въ Синодикѣ царя Борила въ спискѣ болгарскихъ царицъ читаемъ слѣдующее:

> **Кераци бл҃гочьстивѣи деспотици**
> **матери великаго цр҃ѣ іѡанна**
> **(ѡ҆лезда)н҃дра: въсприемшои на сѧ**
> **а҆ггелскыи ѡ҆бразъ нареченнои**
> **Өеофана, вѣчнаа памѧть: ∼[1]).**

Кантакузинъ же отмѣчаетъ, что болгарскіе бояре ἀδελφιδοῦν τοῦ προβεβασιλευκότος Μιχαήλ, Ἀλέξανδρον τὸν Στρεαντζιμήρου ἀπέδειξαν βασιλέα ἑαυτῶν [2]). Изъ этихъ двухъ извѣстій ясно видно, что родители Ив.-Александра были Страцимиръ и деспотица Кераца. Впрочемъ, имя Страцимира мы встрѣчаемъ у Кантакузина и на другомъ мѣстѣ, именно, гдѣ онъ разсказываетъ, что болгарскіе бояре, по смерти бездѣтнаго Тертерія II, τὸν τῆς Βιδύνης ἄρχοντα Μιχαὴλ τὸν παρ' αὐτοῖς δεσπότου τοῦ Στρεαντζιμήρου υἱὸν ἐκ τῶν Μυσῶν καὶ Κομάνων τὰς τοῦ γένους ἕλκοντα σειράς, προσκαλεσάμενοι ἀπέδειξαν βασιλέα ἑαυτῶν [3]). Изъ сопоставленія этихъ двухъ извѣстій Кантакузина не трудно замѣтить ихъ несогласіе, такъ какъ по первому Ив.-Александръ является *племянникомъ* царя Михаила III, а по второму — его *братомъ*. Очевидно, у Кантакузина тутъ есть—именно во второй цитатѣ—недоразумѣніе, которое, впрочемъ, легко можно исправить по другимъ извѣстіямъ. Никифоръ Григора[4]) и Григорій Цамблакъ[5]) называютъ Ив.-Александра также племянникомъ (ἀδελφιδοῦς, нетїа) Михаила; кромѣ того, изъ житія Милутина узнаемъ, что Михаилъ, **иже послѣди бысть царь всеи**

1) Изданіе Картографическаго института въ Софіи, 1896, стр. 63—64. — Изданіе М. Попруженко, Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополѣ, т. V, текстъ, стр. 72.
2) Cantac. I, 459.
3) Ibidem, I, 175.
4) Niceph. Gregora's, Historia Byzantina, ed. Bon. 457.
5) Гласникъ, XI, 75.

ꙁемли блъгарьсцѣи, былъ сыномъ Шишмана, въ ꙁемли блъгарьсцѣи кнеꙁь, живы въ градѣ рекомѣмь Бьдини[1]), а въ грамотѣ Дечанскаго 1330 г. онъ прямо названъ Михаиль Шишьманикь[2]), изъ чего ясно видно, что во второмъ изъ приведенныхъ выше мѣстъ у Кантакузина вмѣсто Στρεαντζιμήρου должно стоять Σισμάνου. Это свидѣтельство житія и грамоты, сопоставленное съ послѣднимъ мѣстомъ изъ Кантакузина, также не даетъ намъ права предполагать, какъ это дѣлаетъ Николаевичъ, что Страцимиръ и Шишманъ одно и то же лицо. Это яснѣе всего будетъ видно изъ ниже приведеннаго ряда болгарскихъ царей, начиная съ Георгія Тертерія I Стараго, который мы находимъ въ другомъ спискѣ Синодика, принадлежащемъ проф. М. С. Дринову, которому тутъ высказываемъ свою глубокую благодарность за его любезное сообщеніе подлиннаго текста. Вотъ что мы здѣсь читаемъ:

.......положившоу[3]) дш҃ꙋ свою ꙁа
славеснаго стада х҃а б҃а и҆ сп҃а нашего и҆ свою
кровь проліавшаго ꙁа ро҃ блъгарьскаго цр҃тва
и҆ прѣмѣнившꙋ на нб҃нѣмь ꙁемльное цр҃тво
вѣчнаа память: георгію тертерію старомꙋ
бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна́а памет:
шишманꙋ бл҃говѣрномꙋ цр҃ꙋ вѣчна̀ пам҃е:
деодорꙋ с҃веславꙋ бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна̀ па҃:
георгію терте́рію бл҃гочьстивомꙋ цр҃ꙋ вѣчна́а:
страцими́рꙋ деспотꙋ. и҆ радославꙋ. и҆ димітрꙋ
братіа҃ е҆го̀ вѣчнаа пам҃е: михаи́лꙋ бл҃гочь
стівомꙋ цр҃ꙋ вѣчнаа паме: і҆ѡа́ннꙋ степанꙋ
црꙋ сн҃ꙋ бл҃гочьстиваго цр҃ѣ михаи́ла вѣчнаа:
Єимь ꙋбо правовѣрни҃и и҆ бл҃гочьстивіи҃ при
снопаметни҃и православни҃и цр҃е бг҃охранимаго
стола блъгарьскаго цр҃тва мимошъши҃и
и҆ по редꙋ въсѣ ꙋ҆страшающи҃и[4]). и҆ попеченіе и҆мꙋ
щи҃и ѡ христоименитих людѣ҃ порꙋчені҃и и҆м бо҃г
е҆лико по силѣ, е҆дино нѣкое небрѣженію
прѣдано бы҃. а҆ще и҆ начи́наемо̀ и҆ми нъ не до
конца съвръшаемо и ·е҆же и҆ не и҆справлено и҆....

---

1) Даничичъ, Животи, 117 и 119.

2) Miklosich, Monum. Serbica, 1858, стр. 100.

3) Передъ этимъ словомъ въ изданіи г. Попруженко (стр. 68) стоитъ а҆ и҆же, которыя, по мнѣнію г. Дринова не на своемъ мѣстѣ и нужно выбросить.

4) По предположенію г. Дринова, это слово ошибочно написано вм. ꙋ҆страающи҃и.

На этомъ словѣ, находящемся въ концѣ страницы, обрывается списокъ г. Дринова, дальнѣйшіе листы котораго кѣмъ-то уничтожены. Быть можетъ, вслѣдъ за этимъ общимъ славословіемъ слѣдовало славословіе Ив.-Александра и членовъ его семейства. Какъ бы то ни было, но приведенное мѣсто Синодика ясно свидѣтельствуетъ, что Шишманъ, который здѣсь названъ царемъ, вѣроятно, потому что во время гражданскихъ войнъ въ Болгаріи во второй половинѣ XIII вѣка онъ провозгласилъ себя самостоятельнымъ княземъ Бдина, не одна и та же личность, что и Страцимиръ. Уже то, что имя Страцимира вписано въ ряду болгарскихъ царей, показываетъ, что онъ былъ также членомъ царской фамиліи, какъ и Керaца, мать Ив.-Александра; кромѣ того, если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что и у Кантакузина отецъ Ив.-Александра называется также Страцимиромъ (Στρεαντζιμῆρος), а съ другой — то, что Страцимиръ въ Дриновскомъ спискѣ носитъ титулъ *деспота*, такъ же какъ въ Софійскомъ Керaца титулуется *деспотица*, то мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что этотъ Страцимиръ былъ мужемъ Керaцы и отцомъ Ив.-Александра. Доказательствомъ того, что отецъ Ив.-Александра носилъ имя Страцимира, служитъ еще и тогдашній обычай царской фамиліи Шишмановичей подновлять въ потомствѣ имена своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Такъ, сынъ царя Михаила отъ Неды или Анны носилъ, какъ видно изъ Синодика, имя Іоанна-Степана[1]), а также и Шишмана, т. е. ему было дано имя дѣда его (Ивана?) Шишмана Стараго, отца Михаила, и вмѣстѣ съ тѣмъ и имя другого его дѣда Стефана Уроша II Милутина, отца Анны[2]); Иванъ Шишманъ, послѣдній болгарскій царь, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій назывался Александромъ[3]), очевидно, по имени дѣда своего Ив.-Александра; нѣтъ сомнѣнія, что и старшій сынъ Ив.-Александра отъ пер-

1) Въ житіи Дечанскаго онъ названъ просто Стефаномъ, Даничичъ, Животи, стр. 196.

2) По Кантакузину (II, 19—20), Михаилъ отъ Анны или Неды имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ назывался Іоанномъ, съ которымъ Анна послѣ терновскаго переворота убѣжала къ Стефану Дечанскому, а другой, старшій, Шишманъ, который искалъ убѣжища у скиѳовъ (татаръ). Очевидно, тутъ у Кантакузина есть опять недоразумѣніе. Онъ, вѣроятно, принялъ двойное имя сына Михаила за имена двухъ отдѣльныхъ личностей, тогда какъ изъ житія Дечанскаго (Даничичъ, Животи, стр. 195) легко можно понять, что Анна была отправлена въ Болгарію съ однимъ сыномъ, а изъ Синодика прямо видно, что у Михаила отъ Анны былъ только одинъ сынъ. Кромѣ того, сообщеніе Кантакузина, что Іоаннъ-Степанъ (= Шишманъ) убѣжалъ послѣ терновскаго переворота къ скиѳамъ, едва ли можно признать правдоподобнымъ, такъ какъ изъ дубровницкихъ историковъ знаемъ, что Анна вмѣстѣ съ сыномъ Шишманомъ уже въ 1332 г. находилась въ Дубровникѣ (Флоринскій, Южн. слав., 215); неправдоподобнымъ покажется оно еще и потому, что если Шишманъ убѣжалъ къ скиѳамъ, т. е. къ татарамъ, то едва ли бы онъ могъ убѣжать изъ рукъ Ив.-Александра, который еще въ 1331 г., въ первомъ году своего царствованія, находился съ татарами въ дружественныхъ отношеніяхъ.

3) Иречекъ, Исторія болгаръ, одес. изд. стр. 454.

вой его жены, Иванъ Страцимиръ, носилъ имя своего дѣда, деспота Страцимира, отца Ив.-Александра.

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находился деспотъ Страцимиръ къ бдинскимъ Шишмановичамъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, если рѣшимъ, въ какомъ родствѣ находился Ив.-Александръ съ царемъ Михаиломъ. Оба современные историки, Кантакузинъ[1]) и Григора[2]), называютъ Ив.-Александра ἀδελφιδοῦς Михаила; а Григорій Цамблакъ, какъ мы уже видѣли, называетъ его нетїа цара того, что̀ однозначуще съ греческимъ ἀδελφιδοῦς, слѣдовательно, въ вѣрности этого извѣстія не можетъ быть никакого сомнѣнія[3]). Вопросъ, который при этомъ является, слѣдующій: въ какомъ смыслѣ должно понимать ἀδελφιδοῦς — въ смыслѣ ли *сына брата* или же *сына сестры*, такъ какъ это слово означаетъ то и другое. По свидѣтельству Синодика, Страцимиръ имѣлъ двухъ братьевъ, Радослава и Димитрія, а по другимъ извѣстіямъ у Михаила было также двое братьевъ, Белауръ и Синадинъ[4]). Допустить, что Радославъ и Димитрій были тѣ же лица, что̀ и Белауръ и Синадинъ, нельзя уже потому, что, кромѣ яснаго различія въ именахъ, Белауръ, который былъ врагомъ Ив.-Александра, никоимъ образомъ не могъ попасть въ списокъ болгарскихъ царей Синодика, а потому заключать, что Страцимиръ былъ братомъ Михаила, и понимать ἀδελφιδοῦς въ смыслѣ сына брата дѣло невозможное. Слѣдовательно, остается принять, что Ив.-Александръ былъ сыномъ сестры царя Михаила, а отсюда деспотица Керацa, мать Ив.-Александра, была сестрою царя Михаила, а Страцимиръ деспотъ зятемъ его, чѣмъ и объясняется, что Иванъ

1) Cantac. I, 459.

2) Gregoras, 457.

3) Тутъ слѣдуетъ указать еще на одно извѣстіе о родственныхъ связяхъ Ив.-Александра къ Михаилу, которое встрѣчаемъ въ Дечанскомъ помянникѣ. Здѣсь читаемъ: благочьстивааго и приснопоминаего цара Оуроша и Єленоу монахїю: кралꙗ Михаила блъгарскаго, Недоу кралицоу, Єленоу монахїю, и҆ сынь моу Александарь краль и младомь кралѣ Шишманѣ (Ст. Новаковичъ, Српски поменици XV—XVIII века, Гласник, XLII, 31). Однако, едва ли слѣдуетъ придавать этому свидѣтельству особенное значеніе, во 1-хъ, потому что оно не согласуется съ другими современными извѣстіями, и, во 2-хъ, потому что оно носитъ на себѣ характеръ позднѣйшей прибавки. Вѣроятно, на этомъ свидѣтельствѣ основано и мнѣніе проф. Иречка о томъ, что Ив.-Александръ былъ сыномъ Михаила, высказанное имъ въ статьѣ: «Българский царь Срацимиръ Видинский» СПС. кн. I (1882), стр. 36.

4) Cantac. I, 464 и 468. — Даничичъ, Животи, 193. — Предисловіе Законника Ст. Душана, изд. Ст. Новаковича, стр. 3. — Слѣдуетъ ли въ этомъ Синадинѣ видѣть извѣстнаго византійскаго протостратора Θеодора Синадина, который игралъ важную роль при Андроникѣ III и въ борьбѣ Кантакузина съ Апокавкомъ (ср. Cant. I, 504, 509, 512, II, 77, 191; Greg. 623, 626, 634, 635), трудно сказать. По г. Иречку (Княжество Болгарія, болгар. перев. II, 301), который отождествляетъ упомянутаго въ надписи месемврійской иконы Божіей Матери (Сбм. IV, 108) дяди Ив.-Александра съ этимъ протостраторомъ, мы могли бы принять, что дѣйствительно Θеодоръ Синадинъ былъ дядей Ив.-Александра, если бы не помѣшало то обстоятельство, что какъ разъ въ 1342 г., къ которому относится месемврійская надпись, Θеодоръ Синадинъ не жилъ въ Месемвріи, а дѣйствовалъ въ Македоніи (Gregr. 635).

Шишманъ, сынъ Ив.-Александра отъ второй его жены, носилъ имя своего прадѣда (по матери) Шишмана Стараго.

Что же касается происхожденія Страцимира, то едва ли можно отрицать его болгарскій родъ. Кантакузинъ сообщаетъ, что царь Михаилъ велъ свой родъ отъ болгаръ и клановъ (ἐκ τῶν Μυσῶν καὶ Κομάνων τὰς τοῦ γένους ἕλκοντα σειρὰς), слѣдовательно, или отецъ Михаила, Шишманъ, былъ куманомъ, а мать его болгаркой, или же наоборотъ. Выходъ изъ этой альтернативы открываетъ намъ до извѣстной степени какъ имя Шишмана, такъ и имена его сыновей, Белаура и Синадина, которыя ясно указываютъ на ихъ куманское происхожденіе, а это даетъ намъ достаточное основаніе думать, что первая жена Шишмана Стараго была болгарка, при томъ, конечно, изъ царскаго рода, потому что только этимъ можно объяснить права Михаила на терновскій престолъ и мирное его избраніе на царство послѣ смерти бездѣтнаго Георгія Тертерія II. Это стремленіе Шишмана породниться съ болгарскимъ царскимъ домомъ и избѣгать всякаго родства съ сербскимъ указываетъ на то, что онъ выдалъ свою дочь за знатнаго болгарскаго боярина, какъ это показываетъ и титулъ Страцимира. Правда, Шишманъ самъ былъ женатъ на дочери сербскаго воеводы Драгоша, а сынъ его Михаилъ — на дочери краля Милутина, но эти браки были принужденные, силою устроенные, а потому при первомъ случаѣ расторгались, какъ это сдѣлалъ Михаилъ съ Анной, вступивши на болгарскій престолъ. Если къ этимъ соображеніямъ прибавимъ и то, что въ данное время не находимъ въ Сербіи ни одного изъ тогдашнихъ государственныхъ мужей съ именемъ Страцимира, то болгарское происхожденіе отца Ив.-Александра остается внѣ всякаго сомнѣнія.

Изъ другихъ членовъ семейства Ив.-Александра намъ извѣстны Елена, жена Душана, и Өеодора, ея сестра, о которыхъ мы имѣемъ, какъ уже видѣли, прямыя свидѣтельства, что онѣ были сестрами Александра. Что же касается его брата, прозваннаго Комниномъ, о которомъ мы узнаемъ изъ Епирской хроники, то, не имѣя пока достаточныхъ данныхъ, трудно сказать, кто онъ былъ и какимъ образомъ могъ жениться на деспотицѣ епирской Аннѣ. Конечно, если бы мы рѣшились слѣдовать пріему Николаевича и Средковича, могли бы сдѣлать массу предположеній[1]), но они всегда останутся простыми предположеніями и не только не будутъ шагомъ къ истинѣ, а, напротивъ, еще болѣе затемнятъ ее.

---

1) Если, напр., предположить, что въ Епирской хроникѣ ошибочно опредѣлено родство деспота Комнина съ Ив.-Александромъ, т. е. что онъ былъ дядей, а не братомъ Ив.-Александра, то было бы возможно съ извѣстной достовѣрностью видѣть въ немъ дядю Ив.-Александра Белаура, которому вполнѣ соотвѣтствовало бы выраженіе ἄρχοντά τινα ἐκ τοῦ Βουλγάρων γένους. Какъ увидимъ ниже, послѣ потушенія его возстанія въ 1332 г. Белауръ убѣжалъ въ Сербію, а оттуда, вѣроятно, послѣ брака Душана съ Еленой, удалился

Итакъ, на основаніи домашнихъ, сербскихъ и византійскихъ свидѣтельствъ ясно доказывается, что Ив.-Александръ не происходилъ ни отъ знатнаго сербскаго рода и даже не могъ расти и воспитываться въ Сербіи, а велъ свой родъ отъ тѣхъ же самыхъ бдинскихъ Шишмановичей, какъ и его предшественникъ, царь Михаилъ, только по женской линіи; а почему, по смерти Михаила, на терновскій престолъ вступила женская линія Шишмановичей, когда еще были представители ихъ рода по мужской линіи, увидимъ ниже. Точно такъ же то, что Ив.-Александръ не могъ жить въ Сербіи до восшествія своего на престолъ и не могъ провожать Стефана Дечанскаго и Душана въ Вельбуждскій бой противъ Михаила, доказывается словами самого Душана, который вотъ что пишетъ въ предисловіи своего «Законника»: **а позавидевь злоненавист'никь діаволь нашемоу благомоу житію и злон'равіемь вьзд'виже на нась ·з҃· царевь вь лѣтѣ ·ѕ҃ѡ҃л҃и҃· мѣсеца іоуніа ·д҃і· день, рекоуж' и цара грчаскаго** (?), ***Михаила* и брата его Белаоура, и Алексен'дра цара Бльгаромь, и Басарабоу Иван'ка, таста Алексен'дра цара, соумегь живоуштих чрьныхь Татарь и господство ꙗшко и прочіимь сь-ш-нимь господа. Сіимь вьсѣмь пришьдшимь на нась, хотешти, по неразоумію своемоу, ꙗко нѣчто сладко, пожрѣти нась, и землю отьчьствіа нашего разделити себе, вь рабство нима предати**[1]). Не можетъ и быть лучшаго и болѣе надежнаго доказательства не только того, что Ив.-Александръ не жилъ въ Сербіи до Вельбуждскаго сраженія и въ немъ не участвовалъ на сторонѣ сербовъ, но и того, что онъ былъ даже союзникомъ и соратникомъ Михаила противъ Дечанскаго и Душана.

во владѣнія Анны епирской, на которой впослѣдствіи, когда ея владѣнія были завоеваны сербами, онъ и могъ жениться по настоянію Душана, который хотѣлъ, вѣроятно, избавиться отъ этой опасной женщины. — Вообще о личности этого деспота Комнина, по нашему мнѣнію, можно сказать то, что Комнинъ было не первоначальнымъ его собственнымъ именемъ, а только его прозвищемъ, какъ это ясно видно изъ самого текста хроники: δεσπότην Κομνηνὸν καλούμενον. Г. Дестунисъ вмѣстѣ съ Мустоксидіемъ предполагаетъ, что этотъ Комнинъ получилъ свое имя «отъ какой-либо изъ своихъ праматерей» (Ср. его изд. Епирской хроники, стр. 5, примѣчаніе 11). Но намъ кажется, что какъ титулъ деспота, такъ и само имя Комнина были даны этому болгарскому князю послѣ его брака съ Анной, которая, лишившись своихъ наслѣдственныхъ владѣній и сдѣлавшись владѣтельницей Канины и Бѣлграда, захотѣла, вѣроятно, сохранить титулъ и родовое имя старыхъ епиро-ѳессалійскихъ владѣтелей. Должно при этомъ замѣтить, что имя «Комнинъ» въ исторіи Епира играетъ ту же самую роль, что и имя «Асѣнь» въ исторіи Болгаріи, т. е. всѣ владѣтели епиро-ѳессалійскіе прибавляли къ своему имени прозвище Комнинъ, чтобы показать свою связь со старой фамиліей знаменитаго епирскаго деспота, а послѣ и солунскаго императора Ѳеодора Ангела Комнина, современника болгарскаго царя Ивана Асѣня II. Этотъ обычай поддерживался даже послѣ присоединенія Епира къ сербскому царству. Такъ, кесарь Прилупъ означенъ въ заглавіи Епирской хроники подъ именемъ Κομνηνός, что ему было дано авторомъ хроники, потому что онъ по смерти Ивана Ангела въ 1349 г. сталъ непосредственнымъ наслѣдникомъ владѣній старыхъ епирскихъ Комниновъ. Это подтверждается и тѣмъ, что нигдѣ на другомъ мѣстѣ Прилупъ не названъ этимъ именемъ, да и самъ онъ едва ли такъ называлъ себя.

1) Изд. Ст. Новаковича, стр. 3.

Отсюда и всякое мнѣніе, что Ив.-Александръ будто бы былъ посланъ въ Болгарію Дечанскимъ съ войскомъ на помощь царицѣ Аннѣ и ея сыну, какъ это думаетъ Николаевичъ, а съ нимъ и всѣ, принявшіе его мнѣніе, остается простымъ предположеніемъ, не подтвержденнымъ никакими доказательствами. Впрочемъ, оба эти мнѣнія Николаевича лучше всего опровергаются обстоятельствами, при которыхъ произошло избраніе Ив.-Александра болгарскимъ царемъ.

Послѣ Вельбуждской битвы 28-го іюля 1330 г., въ которой палъ мертвымъ царь Михаилъ III, Стефанъ Дечанскій, побѣдитель болгаръ, не воспользовался своей блестящей побѣдой такъ, какъ можно было-бы ожидать. Вмѣсто того, чтобы уничтожить независимость Болгаріи и присоединить ее къ сербскому королевству, какъ ему предлагали, по свидѣтельству житія того же краля, болгарскіе бояре, во главѣ съ Михаиловымъ братомъ Белауромъ, онъ ограничился только однимъ желаніемъ—возвратить болгарскій престолъ сестрѣ своей Аннѣ и ея сыну Іоанну-Степану[1]). Каковы были причины, внушившія Дечанскому мысль ограничиться только этимъ желаніемъ, не мѣсто здѣсь говорить. Мы только констатируемъ, что это желаніе Дечанскаго пришлось по сердцу нѣкоторымъ болгарскимъ боярамъ, во-1-хъ, потому, что этимъ актомъ охранялась внутренняя независимость Болгаріи, которая теперь находилась бы только подъ внѣшнимъ вліяніемъ сербскаго короля, и, во 2-хъ, потому, что имъ предоставлялась возможность при слабомъ управленіи женщины съ малолѣтнимъ сыномъ захватить власть въ свои руки и стать господами положенія въ странѣ[2]). Однако прошло не много времени, послѣ того какъ опасность со стороны Сербіи исчезла и царица Анна прибыла въ Терново съ сыномъ и нѣсколькими сербскими вельможами — и между болгарскими боярами не замедлилъ проявиться раздоръ.

По свидѣтельству Никифора Григоры, въ это время въ Терновѣ шла борьба между первой женой убитаго царя Михаила — сербкой Анной и родственниками Михаила, которые держали сторону его второй жены Ѳеодоры, вдовы царя Святослава и сестры императора Андроника III, которая, по прибытіи Анны въ Терново, должна была спасаться бѣгствомъ. Слѣдовательно, здѣсь шла борьба между двумя партіями — сербской и болгарской, которыя оспаривали другъ у друга верховную власть[3]). Борьба

1) Даничичъ, Животи, стр. 193—195.

2) Cantac. I, 430 прямо указываетъ на заинтересованность болгарскихъ бояръ въ этомъ дѣлѣ, говоря: οἱ δυνατοὶ παρὰ Μυσοῖς, τοῦ σφετέρου βασιλέως Μιχαὴλ ἀποθανόντος, εἴτε Στέφανον θεραπεύοντος τὸν Κράλην, εἴθ' ὅ, τι ἕτερον διανοούμενοι, τὴν μὲν βασιλέως ἀδελφὴν ἀπήλασαν μετὰ τῶν τέκνων, τῇ δὲ ἀδελφῇ Στεφάνου, ᾗ πρότερον συνῴκει Μιχαὴλ, ἅμα τέκνοις τά τε βασίλεια παρέδοσαν τῶν Μυσῶν καὶ τὴν ἀρχήν.

3) Gregoras, 457: Ἐς δὲ τοὐπιὸν ἔτος ἀκούων ὁ βασιλεὺς διασπωμένην τὴν τῶν Βουλγά-

эта нашла сильную опору въ сербскихъ междоусобицахъ, когда какъ Деченскій, такъ и сынъ его Душанъ, занятые своей кровавой борьбой, мало обращали вниманія на то, что̀ творилось въ Терновѣ съ ихъ ставленниками[1]). Еще болѣе обострилась эта борьба, когда императоръ Андроникъ, желая воспользоваться смутнымъ временемъ въ Болгаріи, началъ неожиданную войну съ намѣреніемъ отвоевать обратно занятыя царемъ Михаиломъ южно-болгарскія области, подъ предлогомъ, будто желаетъ отомстить болгарамъ за то, что они изгнали его сестру, царицу Ѳеодору. Въ короткое время Андроникъ успѣлъ завладѣть всѣми укрѣпленными городами къ югу отъ восточныхъ Балканъ, отъ р. Тунджи до Чернаго моря[2]). Это неожиданное нападеніе и завоеваніе византійцевъ, которымъ правительство Анны не было въ состояніи оказать никакого сопротивленія, и потеря стольких болгарскихъ городовъ были достаточными причинами для того, чтобы въ Терновѣ вспыхнулъ открытый бунтъ недовольныхъ правленіемъ царицы-сербки. Послѣ долгой борьбы[3]) весною 1331 г. терновскіе бояре, протовестіарій Раксина и логоѳетъ Филиппъ, которые, судя по всему, были руководителями противной правительству партіи, свергли съ престола Анну, которая вмѣстѣ съ сыномъ убѣжала къ своему племяннику Душану, и, успѣвъ убѣдить и другихъ болгарскихъ бояръ, провозгласили царемъ Ив.-Александра, племянника убитаго царя Михаила[4]). Съ низверженіемъ и изгнаніемъ Анны и ея сына изъ Болгаріи, пала сила и значеніе приверженцевъ сербской партіи и прежде всѣхъ дяди Ив.-Александра, Белаура, который въ самомъ дѣлѣ стоялъ во главѣ этой партіи.

Изъ житія Дечанскаго мы узнаемъ, что этотъ Белауръ, братъ Михаила, стоялъ во главѣ тѣхъ болгарскихъ вельможъ, которые отправили къ сербскому кралю, когда онъ стоялъ лагеремъ у с. Извора, пословъ съ предложеніемъ присоединить Болгарію къ сербскому королевству[5]). Въ этомъ поступкѣ Белаура ясно проглядываетъ и его цѣль и стремленіе. Мы не знаемъ, было ли заранѣе извѣстно желаніе Дечанскаго Белауру и его соумышленникамъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Белауръ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ въ правительствѣ Анны, когда она была возвращена на болгарскій престолъ, такъ какъ онъ явно стремился извлечь пользу для себя изъ желанія Дечанскаго, чтобы если не захватить власть

ρων ἀρχὴν ὑπό τε τῆς προτέρας τοῦ Μιχαήλου γυναικὸς ὑπό τε τῶν τοῦ Μιχαήλου συγγενῶν (ἡ γὰρ τοῦ βασιλέως ἀδελφὴ μόλις ἐκεῖθεν φυγοῦσα τὸ ζῆν ἐπορίσατο), πολλῶν οὖν ἐκεῖ μαχουμένων καὶ ὑπὲρ τῆς ἀρχῆς ἀντιποιουμένων.

1) Флоринскій, Южн. слав. II, 59 и сл.

2) Cantac., I, 431. — Gregoras, 458. — К. Радченко, Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ, Кіевъ, 1898, стр. 3 и 4.

3) Gregor. 458: μετὰ πολλοὺς τοὺς περὶ τῆς ἀρχῆς ἀγῶνας.

4) Cantac. I, 458.

5) Даничичъ, Животи, 193.

въ свои руки, то, по крайней мѣрѣ, стать во главѣ управленія отъ имени своего племянника, и какъ дядя — опекунъ молодого царя[1]). Однако его расчеты оказались не вѣрными. Послѣ сверженія и изгнанія царицы Анны и Іоанна-Степана, Белауръ былъ принужденъ покинуть Болгарію вмѣстѣ съ ними и искать защиты у сербскаго краля. Этимъ и объясняется, почему терновскіе бояре выдвинули не Белаура, которому по праву старшинства въ родѣ и по мужской линіи принадлежалъ бы болгарскій престолъ, а его племянника Ив.-Александра, стоявшаго, очевидно, далеко отъ всякаго сербскаго вліянія, которое въ данный моментъ было совсѣмъ непопулярно въ Болгаріи. Это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ, что Ив.-Александръ вступилъ на престолъ не только безъ содѣйствія Дечанскаго или Душана, но даже вопреки интересамъ ихъ приверженцевъ въ Болгаріи.

Белауръ однако все еще не терялъ надежды свергнуть своего племянника и возвратить себѣ высокое положеніе съ реставраціей Іоанна-Степана на болгарскомъ престолѣ. Онъ ждалъ только удобнаго момента, каковой ему и представился въ византійской войнѣ. Эту войну Ив.-Александръ началъ скоро по восшествіи своемъ на престолъ, еще въ томъ же 1331 г. Пользуясь тѣмъ, что императоръ Андроникъ былъ занятъ войною съ турками въ Малой Азіи, онъ вторгся въ предѣлы имперіи и, достигнувъ Орестіады, успѣлъ отнять у византійцевъ всѣ утраченные въ предыдущемъ году города и крѣпости, за исключеніемъ Месемвріи, которая осталась въ рукахъ византійцевъ. Такъ удачно совершилъ Ив.-Александръ первый свой походъ и, по словамъ Григоры, съ радостью и большою добычею возвратился въ Терново[2]). Однако этотъ успѣхъ болгарскаго царя не былъ оставленъ безъ вниманія въ Византіи. Какъ только Андроникъ обезпечилъ себя со стороны турокъ, которые отступили отъ Никомидіи, онъ

---

1) Быть можетъ, какъ привязанность Белаура къ Аннѣ и ея сыну, такъ и его притязаніе на власть слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что онъ былъ сыномъ Шишмана Стараго отъ второй его жены, дочери сербскаго воеводы Драгоша, что очень можетъ быть, если только бракъ Шишмана съ дочерью Драгоша должно отнести ко времени вскорѣ послѣ 1292 г., къ которому Шафарикъ относитъ войну Шишмана съ Милутиномъ (Иречекъ, Исторія болгаръ, одес. изд. 373).

2) Gregoras, 458. — Cantac. I, 459, говоритъ объ этомъ походѣ очень кратко и даже не отмѣчаетъ, чѣмъ онъ кончился; онъ какъ будто ставитъ его въ непосредственную связь со вторымъ походомъ Ив.-Александра, вызваннымъ нападеніемъ Андроника. Но по всему видно, что Григора въ изложеніи событій 1331 г. является болѣе послѣдовательнымъ и точнымъ. Вторженіе Ив.-Александра у него представлено одновременнымъ съ нападеніемъ турокъ на Никею, что весьма вѣроятно, такъ какъ имъ объясняется свободное шествіе болгарскаго царя на югъ и мирное возвращеніе южно-болгарскихъ городовъ, потому что всѣ силы и вниманіе Андроника были поглощены дѣйствіями противъ турокъ. Въ такомъ же стѣсненномъ положеніи находился Андроникъ и въ концѣ 1331 г., такъ какъ возобновленное Душаномъ завоеваніе Македоніи въ это время шло также безъ всякаго сопротивленія (Флоринскій, Южн. сл. II, 67 и сл.).

въ началѣ слѣдующаго 1332 года обратился противъ болгаръ. Собравши сильное войско, Андроникъ неожиданно вторгся во владѣнія болгаръ и, производя страшныя опустошенія, въ скоромъ времени занялъ вновь южноболгарскіе города, за исключеніемъ Анхіала, который охранялся болгарскимъ гарнизономъ. Ив.-Александръ, узнавъ о неожиданномъ нападеніи Андроника, собралъ наскоро все свое войско и выступилъ къ Айтосу, гдѣ и расположился лагеремъ въ виду византійскаго войска, расположеннаго у Русокастра. Однако вмѣсто немедленныхъ дѣйствій противъ императора, который напрасно вызывалъ болгаръ на сраженіе, Ив.-Александръ, не медля долго, вступилъ съ Андроникомъ въ переговоры о мирѣ[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что это миролюбіе Ив.-Александра должно объяснить нестолько сознаніемъ своего безсилія, сколько тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился въ данный моментъ: къ этому времени именно относится возстаніе его дяди Белаура, потому что, во 1-хъ, исходъ византійской войны зависѣлъ отъ него и, во 2-хъ, потому что какъ разъ въ то время, когда шли переговоры, по разсказу Кантакузина, между Ив.-Александромъ и Андроникомъ, возстаніе уже было поднято, и Белауръ успѣлъ оторвать часть отъ владѣній Ив.-Александра, ограбивъ страну и причинивъ ей много вреда[2]). Въ какомъ соотношеніи находились возстаніе Белаура и нападеніе Андроника, у Кантакузина не показано; но имѣя въ виду, что Ив.-Александръ немедленно, по прибытіи къ Айтосу, вступилъ въ переговоры, должно полагать, что возстаніе вспыхнуло или одновременно съ нападеніемъ Андроника, или же вскорѣ послѣ него. Во всякомъ случаѣ едва ли можно отрицать связь возстанія Белаура съ нападеніемъ Андроника, на которое дядя Ив.-Александра, вѣроятно, очень много разсчитывалъ для того, чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ въ борьбѣ съ племянникомъ, а потому и возстаніе нужно отнести къ первой половинѣ 1332 года. Какъ бы то ни было, извѣстіе Кантакузина объ этомъ возстаніи достаточно для того, чтобъ объяснить въ связи съ предшествовавшими событіями, какова была цѣль этого возстанія и вообще какую роль игралъ Белауръ по изгнаніи Анны и Іоанна-Степана изъ Тернова. Положеніе Ив.-Александра было очень затруднительно, но онъ не потерялъ присутствія духа. Онъ послалъ союзные отряды татаръ противъ Белаура, а самъ при Айтосѣ употребилъ всѣ средства для того, чтобъ отвлечь вниманіе императора разными предложеніями о мирѣ, пока снова соберетъ свои силы, и уже тогда ударить на византійцевъ. Его планъ оказался вполнѣ удачнымъ. Насколько можно судить по словамъ Кантакузина, бунтъ Белаура былъ потушенъ; а по возвращеніи татарскихъ отрядовъ, Ив.-Александръ напалъ на визан-

1) Cantac. I, 460 и сл. — Радченко, указ. сочин., стр. 6 и слѣд.
2) Cantac. I, 464.

тійцевъ совсѣмъ неожиданно, и война окончилась знаменитымъ сраженіемъ и миромъ при Русокастрѣ 18-го іюля 1332 года.—Итакъ ту роль, которая приписывается сербскими историками Ив.-Александру, игралъ скорѣе Белауръ, ставшій въ самомъ дѣлѣ во главѣ сербской партіи въ Болгаріи изъ-за своихъ властолюбивыхъ стремленій; и ясно, что избраніе и утвержденіе Ив.-Александра на болгарскомъ престолѣ совершилось только потому, что онъ былъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ сербскому кралю. Что это такъ, показываютъ и самыя политическія отношенія, въ которыхъ Болгарія стала по отношенію къ Сербіи еще въ самомъ началѣ царствованія Ив.-Александра.

Обыкновенно историки, принявшіе мнѣніе о сербскомъ происхожденіи Ив.-Александра, указываютъ на хронологическое совпаденіе терновскаго переворота съ возстаніемъ Душана противъ своего отца, а также на послѣдовавшій вскорѣ бракъ Душана съ сестрою Ив.-Александра, какъ на событія, которыя заставляютъ предполагать какую-то тѣсную внутреннюю связь между ними и считать безспорнымъ тотъ фактъ, что Душанъ и Ив.-Александръ, взаимно обязанные другъ другу въ достиженіи престола, съ самаго начала ихъ государственной дѣятельности оказываются связанными между собою столько же узами близкаго родства, сколько извѣстною солидарностью цѣлей и стремленій[1]). Однако, если принять во вниманіе, что Ив.-Александръ вовсе не происходилъ изъ сербскаго рода, и если ближе всмотрѣться въ событія первыхъ годовъ царствованія этихъ двухъ государей, то легко убѣдиться, что близкія и мирныя ихъ отношенія основывались совсѣмъ на другихъ началахъ.

Прежде всего государственный переворотъ, произведенный противной правительству Анны партіей въ Болгаріи, не совпадаетъ такъ пунктуально съ переворотомъ Душана въ Сербіи: первый произошелъ въ началѣ весны 1331 г., а второй — въ началѣ осени, въ первыхъ числахъ сентября того же года, слѣдовательно, тутъ былъ довольно продолжительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго междоусобіе въ Сербіи могло дать возможность болгарамъ успокоиться послѣ новыхъ перемѣнъ и дать уже извѣстное направленіе ходу событій. Когда Душанъ свергнулъ и убилъ своего отца, провозгласивъ себя самодержавнымъ государемъ Сербіи, избраніе и восшествіе Ив.-Александра на болгарскій престолъ было уже фактомъ совершившимся, къ которому Душанъ не могъ имѣть никакого отношенія, тѣмъ болѣе принять участіе въ немъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить и то, что партія протовестіарія Раксины и логоѳета Филиппа не стремилась только къ тому, чтобы свергнуть Анну и ея сына съ болгарскаго

---

1) Флоринскій, Южн. сл. II, 213—214.

престола; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это дѣйствіе было только внѣшней формы, за которой скрывалась другая цѣль, другое болѣе важное стремленіе — парализировать сербское вліяніе, водворенное въ Болгаріи послѣ Вельбуждскаго сраженія, уничтоженіемъ противной сербской партіи, во главѣ которой стоялъ, какъ мы уже видѣли, дядя Ив.-Александра, Белауръ. Само собою разумѣется, что при такомъ стремленіи немыслимо утверждать, что терновскіе бояре выставили бы кандидатомъ болгарскаго престола лицо, которое было бы ставленикомъ сербскаго краля или находилось бы съ нимъ въ какихъ-нибудь близкихъ отношеніяхъ, слѣдовательно, и тутъ видимъ, что Ив.-Александръ не могъ имѣть какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ Душану, такъ какъ его избраніе на царство было дѣломъ чисто внутреннимъ, дѣломъ терновскихъ бояръ. Воцареніе Ив.-Александра скорѣе можно считать неожиданнымъ сюрпризомъ, сдѣланнымъ Душану со стороны болгаръ; и если послѣдній въ первое время еще не оказалъ извѣстнаго сопротивленія новому болгарскому правительству, то къ такому бездѣйствію онъ былъ принужденъ потому, что онъ самъ весь былъ поглощенъ тѣмъ, какъ бы упрочить за собою сербскій престолъ, а позже, когда онъ сталъ уже самодержавнымъ государемъ Сербіи, положеніе дѣлъ было совсѣмъ другое. Едва ли можно утверждать, что Душанъ съ самаго начала уже почувствовалъ себя достаточно укрѣпленнымъ на престолѣ для того, чтобы принять спокойно какія то ни было мѣропріятія для противодѣйствія болгарамъ. Несомнѣнно, у него было много враговъ въ лицѣ властелей его отца, которыхъ онъ немало опасался. Кромѣ того, Вельбуждское сраженіе было еще свѣжо въ памяти болгаръ, которые рано или поздно думали отомстить сербамъ за жестокое пораженіе, такъ что, при такихъ условіяхъ извнѣ и внутри государства, Душанъ не могъ расчитывать на положительный успѣхъ въ случаѣ войны съ болгарами. Наконецъ, сербскій краль не могъ считать себя гарантированнымъ безопасностью и со стороны Византіи, такъ какъ его жестокій поступокъ съ Маріей Палеологъ, женою Дечанскаго, произвелъ въ Константинополѣ не особенно выгодное для него впечатлѣніе: отсюда онъ долженъ былъ ожидать также отомщенія, которому онъ не былъ въ состояніи противостоять, если бы на первыхъ порахъ сталъ во враждебныя отношенія къ болгарамъ. Всѣ эти обстоятельства, окружавшія Душана при восшествіи его на престолъ, и заставили его примириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ сосѣдней Болгаріи. Но и этого было мало. Когда онъ еще въ качествѣ соправителя своего отца объявилъ себя продолжателемъ завоевательной политики своего дѣда Милутина насчетъ Византійской имперіи и когда, быть можетъ, уже зародилась у него идея занять престолъ восточныхъ императоровъ, Душанъ прекрасно сознавалъ, что для осуществленія этой идеи онъ долженъ

былъ бы поддерживать дружественныя отношенія съ болгарами, которые все же могли ему помѣшать. Вотъ почему онъ не только примирился съ избраніемъ и провозглашеніемъ Ив.-Александра болгарскимъ царемъ, но еще долженъ былъ искать средствъ для сближенія съ нимъ, чтò дѣйствительно и случилось.

Мы не знаемъ, кто изъ двухъ государей сдѣлалъ первый шагъ къ тому; но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что мирныя сношенія между Душаномъ и Ив.-Александромъ послѣдовали еще въ первомъ году ихъ воцаренія, вѣроятно тотчасъ же по восшествіи Душана на престолъ и послѣ перваго удачнаго похода Ив.-Александра противъ византійцевъ, въ концѣ 1331 г. Каковы были условія этого соглашенія, также неизвѣстно; однако, на основаніи дальнѣйшихъ отношеній между ними, можно предположить, что Душанъ согласился отказаться отъ всякихъ притязаній на Болгарію и признать полную политическую независимость болгарскаго царя; а Ив.-Александръ съ своей стороны обѣщался быть навсегда его другомъ и не мѣшать ему въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Византіи, такъ какъ онъ отлично сознавалъ политическое превосходство Сербіи въ данную эпоху. Къ этимъ условіямъ, вѣроятно, нужно отнести и оговорку, что изгнанная царица Анна и ея сынъ Іоаннъ-Степанъ покинутъ Сербію, чтò и случилось, потому что въ слѣдующемъ 1332 году, вѣроятно, послѣ потушенія бунта Белаура, эти изгнанники уже жили въ Дубровникѣ. Но этимъ не опредѣлялись окончательно отношенія между Ив.-Александромъ и Душаномъ. Хотя возстаніе Белаура было потушено и Іоаннъ-Степанъ удалился въ Дубровникъ, однако Ив.-Александръ не могъ считать себя гарантированнымъ въ томъ, что этимъ положенъ конецъ всякимъ другимъ попыткамъ со стороны враждебныхъ ему бояръ, какимъ былъ его дядя Белауръ, поднять снова династическій вопросъ. Изгнанный сынъ Михаила, Іоаннъ-Степанъ, жилъ еще съ своей матерью въ Дубровникѣ, откуда онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, могъ, подъ покровительствомъ и съ помощью самихъ сербовъ, выступить при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ законный претендентъ на болгарскій престолъ. Чтобы предупредить всѣ эти возможности, Ив.-Александръ, по заключеніи Русокастринскаго мира лѣтомъ 1332 г., обратился къ Душану съ просьбой выдать ему царицу Анну и ея сына. Душанъ въ силу существовавшихъ уже мирныхъ отношеній между Болгаріей и Сербіей обѣщалъ исполнить просьбу Ив.-Александра, но не могъ сдержать обѣщанія, потому что дубровчане отказали категорически выдать ех-царя и его мать. Это обстоятельство немало встревожило болгарскаго царя и заставило его искать другихъ средствъ, чтобъ устранить всякую возможность угрозы со стороны молодого Іоанна-Степана при содѣйствіи сербовъ. Тогда былъ поднятъ вопросъ

о бракѣ Душана съ сестрой Ив.-Александра, Еленою, который и въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ въ концѣ того же 1332 г. или же въ началѣ 1333 года.

Хотя до насъ не дошло подробностей о заключеніи этого брака, все-таки мы не можемъ отрицать его политическаго характера, какъ и всѣхъ тогдашнихъ царскихъ браковъ. Для Душана этотъ бракъ имѣлъ то значеніе, что имъ онъ могъ если не сдѣлать Ив.-Александра своимъ союзникомъ, то, по крайней мѣрѣ, еще тверже укрѣпить дружественныя отношенія съ нимъ и устранить всякую помѣху съ стороны болгарскаго царя въ погонѣ за достиженіемъ своихъ властолюбивыхъ и завоевательныхъ стремленій насчетъ Византіи; съ другой же стороны, этимъ бракомъ Ив.-Александръ могъ считать себя обезпеченнымъ въ томъ, что Душанъ никогда не будетъ поддерживать Іоанна-Степана въ его попыткахъ возвратить себѣ престолъ своего отца. Поэтому очень вѣроятнымъ является и то, что при заключеніи этого брака было уговорено, что Душанъ навсегда не только отказывается поддерживать болгарскаго ех-царя въ его домогательствахъ на болгарскій престолъ, но и избавитъ Ив.-Александра отъ этого претендента. Оно подтверждается тѣмъ, что въ 1334 г. сербскій краль предпринялъ цѣлый походъ противъ Дубровника за его отказъ выдать Анну и ея сына— съ одной стороны[1]), а съ другой и тѣмъ, что самъ Іоаннъ-Степанъ послѣ этого былъ принужденъ покинуть Дубровникъ и искать убѣжище сначала въ Византіи, съ помощью которой онъ надѣялся, можетъ быть, возвратить себѣ отцовскій престолъ[2]), а потомъ въ Неаполѣ, у своего родственника по матери, короля Роберта, гдѣ онъ остался на службѣ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Людовика[3]).

Что же касается показанія дубровницкихъ историковъ Ристича и особенно Лукарича, которое находится въ связи съ вопросомъ о выдачѣ изгнанниковъ, будто Ив.-Александръ обязался быть въ какихъ-то васальныхъ отношеніяхъ къ Душану, выражавшихся въ какихъ-то подаркахъ и обязанности доставлять военную помощь Сербіи, то мы здѣсь не будемъ останавливаться на немъ, потому что профессоръ Т. Д. Флоринскій превосходно выставилъ его несостоятельность и обстоятельно изложилъ вообще дальнѣйшія политическія отношенія между Болгаріей и Сербіей при Ив.-Александрѣ и Стефанѣ Душанѣ[4]), которыя, по его изслѣдованіямъ, г. К. Радченко формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Факти-

---

1) Флоринскій, Южн. слав. II, 215, 269.

2) Cantac., II, 19—24.

3) Макушевъ, Исторія болгаръ въ трудѣ К. Иречка въ Ж. М. Н. Пр., 1878, май 72—78.

4) Флоринскій, ibidem, 214—228.

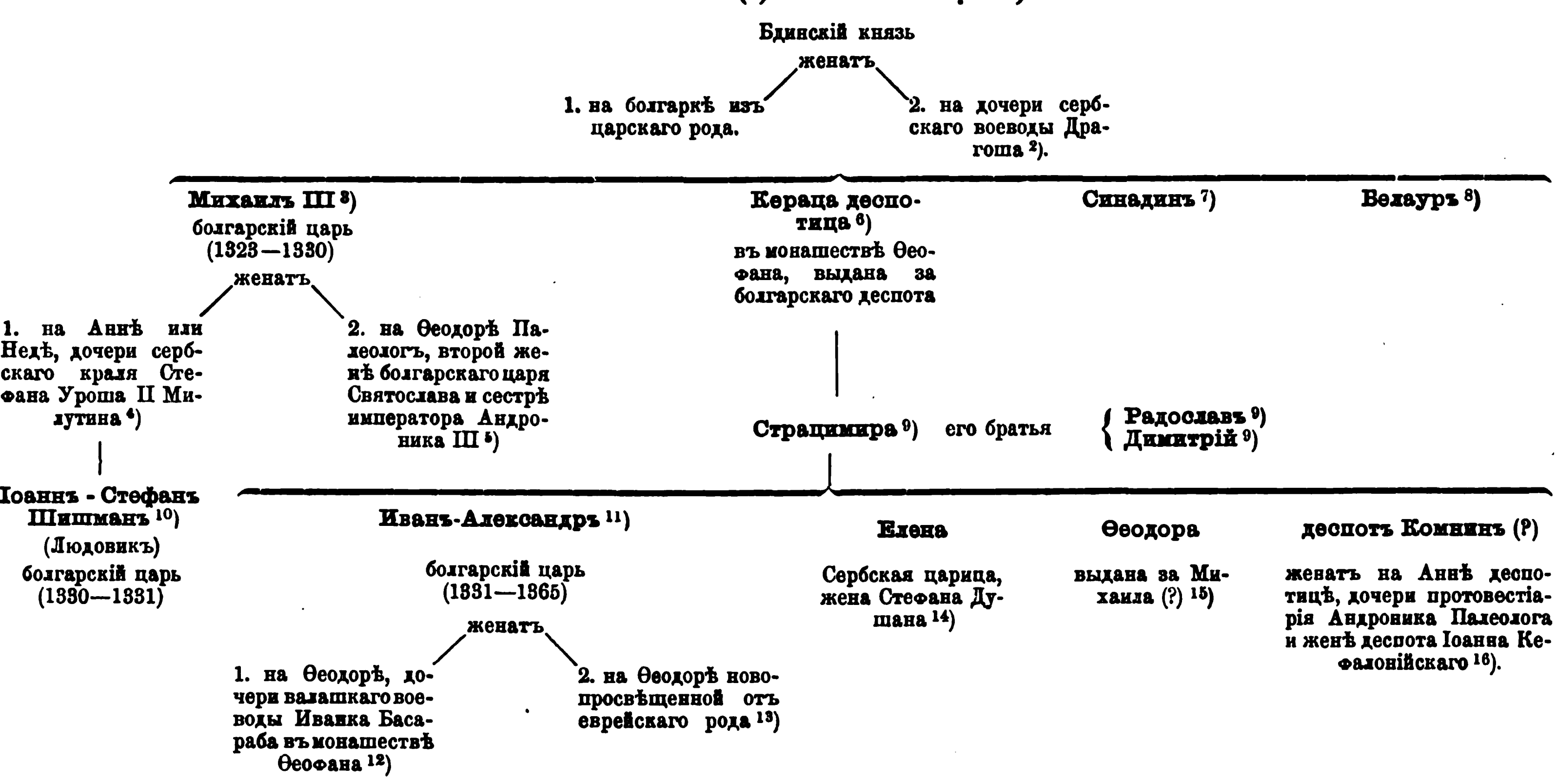
ческая независимось внѣшней политики Болгаріи отъ Сербіи поставлена внѣ всякаго сомнѣнія извѣстіями современниковъ, византійскихъ историковъ Кантакузина и Григоры. Не только оба государя дѣйствуютъ въ своей внѣшней политикѣ вполнѣ самостоятельно, но перѣдко ихъ интересы расходятся. Иногда Александръ вступаетъ въ союзъ съ одной изъ враждующихъ партій въ Византіи, Душанъ — съ другой. Стефанъ провозгласилъ себя царемъ сербовъ и *грековъ*, Ив.-Александръ все время титулуется царемъ болгаръ и *грековъ*. Византійцы смотрятъ на нихъ не только какъ на совершенно независимыхъ другъ отъ друга владѣтелей, но и какъ на равноправныхъ и почти въ одинаковой мѣрѣ опасныхъ для имперіи»[1]). Мы же къ этому прибавимъ, что только на основѣ взаимнаго признанія этой политической независимости другъ отъ друга могли возникнуть тѣ дружественныя отношенія между Ив.-Александромъ и Стефаномъ Душаномъ, для укрѣпленія которыхъ и состоялся бракъ Душана съ сестрою Ив.-Александра, и которыми ознаменованы ихъ царствованія въ Болгаріи и Сербіи.

В. Н. Златарскій.

Софія, 24 Марта 1904 г.

1) Радченко, указ. сочин. стр. 5.

Родословная болгарскаго царя Ив. Александра.

1) Даничичъ, Животи и пр., стр. 117. В. Григоровичъ, Путеш. по европ. Турціи, изд. 2-ое, стр. 39. — 2) Даничичъ, тамъ же, стр. 119, В. Григоровичъ, тамъ же, стр. 39. — 3) Даничичъ, тамъ же, стр. 119, В. Григоровичъ, тамъ же, 39. Miklosich, Monum. serb. стр. 100. — 4) Даничичъ, тамъ же, стр. 195. Дечанскій помянникъ, Гласник, XLII, стр. 31. — 5) Niceph. Gregoras, ed. Bonn. p. 390—391. Cantacuzenus, ed. Bonn. t. I, p. 430. — 6) Софійскій Синодикъ царя Борила, изд. Картограф. института, стр. 68. — 7) Cantac, t. I, 468. — 8) Даничичъ, тамъ же, стр. 193. Законникъ Душана, изд. Новаковича (1898), стр. 3. Cantac., t. I, p. 464. — 9) Дриновскій Синодикъ. — 10) Тамъ же. Даничичъ, тамъ же, стр. 196. Cantac., t. II, p. 19 и сл. — 11) Cantac., t. I, 459. — 12) Закон. Душана, того же изд., стр. 3. Софійскій Синодикъ, того же изд., стр. 64. — 13) Софійскій Синодикъ, тоже изд., стр. 64. Курзоново евангеліе, Сбм. кн. VII, картина 1. — 14) Cantac., t. II, 269 и 338. — 15) Пшинскій помянникъ, Споменик, XXIX (1895), стр. 9. — 16) Епирская хроника, изд. Дестуниса, 1858, стр. 5.

Слѣды среднеболгарской замѣны носовыхъ въ новоболгарскихъ нарѣчіяхъ.

Нынѣ уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ среднеболгарской замѣнѣ носовыхъ отразилось особенное произношеніе современнаго болгарскаго языка. Теперь задача болгарской діалектологіи состоитъ въ томъ, чтобы окончательно выяснить фонетическую стоимость этой замѣны въ связи съ фонетикой теперешнихъ болгарскихъ нарѣчій. Эта задача касается не только обыкновенной, правильной замѣны носовыхъ, которая встрѣчается послѣ палатальныхъ согласныхъ, но и нерѣдкихъ случаевъ замѣны послѣ твердыхъ согласныхъ, понынѣ обыкновенно относимыхъ въ особую категорію «неправильнаго» смѣшенія носовыхъ. Когда профессоръ Лескинъ первый сдѣлалъ серіозную попытку объяснить законы «правильной» замѣны[1]), то не могъ не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ среднеболгарскихъ памятникахъ существуетъ замѣчательная группа примѣровъ совершенно «неправильной» замѣны носовыхъ, а въ сущности замѣны ѧ черезъ ѫ послѣ непалатальныхъ согласныхъ. Этою замѣной особенно отличался въ ряду тогда извѣстныхъ среднеболгарскихъ памятниковъ такъ называемый Охридскій апостолъ, а именно та его часть, которая напечатана въ «Древнихъ памятникахъ юсоваго письма» Срезневскаго на стр. 269—276. Лескинъ высказалъ мнѣніе, что въ упомянутой части памятника относительно правописанія буквъ ѫ и ѧ нѣтъ никакихъ установленныхъ правилъ («keine feste Regeln»), потому что встрѣчаются примѣры, какъ: **сѫ=сѧ, ходѫ=ходѧ, грѫдѫще=грѧд—, имѫ=имѧ** (nomen), **врѣмѫ=врѣмѧ, мѫ=мѧ**, на ряду съ **сѧ, мѧ, оутѣшишѧ сѧ** и пр. Одновременно у Лескина указаны подобные примѣры неправильной замѣны изъ Болонской псалтыри (**обиджи, пасжи, сжи, кнжзи, сѫ=сѧ**, ор. с. 270), а также изъ Слѣпченской книги (**тѫгота, имѫтъ, имѫще**, ор. с. 272). Несмотря на исключенія этого рода «неправильной» замѣны, оставалось ненарушимымъ главное и общее правило Лескина, а именно, что староболгарское состояніе носовыхъ только

---

1) См. «Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler», въ Archiv f. sl. Philologie, II. 275.

тогда измѣняется, когда предшествуетъ палатальный вокалъ[1]). Все-таки тогда не удалось Лескину удовлетворительно объяснить фонетическое значеніе и этого «правила», провозгласивъ знакъ ѫ въ замѣнѣ знака ѧ произвольнымъ графическимъ знакомъ смягченнаго ѧ[2]). Теперь уже никто не станетъ отрицать и у знака ѫ самостоятельнаго значенія въ «правильной» замѣнѣ носовыхъ, не отождествляя его съ знакомъ ѧ. Въ этомъ то и состоитъ самая существенная поправка, которую изслѣдованія этого вопроса до сихъ поръ внесли въ объясненіе, предложенное тогда Лескинымъ. Наоборотъ, по вопросу о значеніи помянутой «неправильной» замѣны носовыхъ нисколько не измѣнилось положеніе Лескина, который, считая ее графическою «путаницею», рѣшительно отказывался найти для нея основанія въ какомъ-либо соотвѣтственномъ состояніи болгарскаго языка[3]). Согласно съ этимъ взглядомъ высказался въ послѣднее время и С. М. Кульбакинъ по поводу «неправильной» замѣны носовыхъ въ этомъ же самомъ Охридскомъ апостолѣ, назвавъ прямо замѣну ѧ черезъ ѫ послѣ твердыхъ согласныхъ простымъ «графическимъ смѣшеніемъ ѫ и ѧ», хотя, и по его признанію, примѣры такого смѣшенія многочисленны[4]). Дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ количество подобныхъ примѣровъ не имѣло бы важнаго значенія, если бы въ теперешнихъ болгарскихъ нарѣчіяхъ не было никакихъ слѣдовъ этой загадочной замѣны носовыхъ, которая въ послѣднее время стала намъ больше извѣстной и изъ нѣкоторыхъ новооткрытыхъ памятниковъ среднеболгарской письменности XII и XIII вѣка, одинаково важныхъ по этому вопросу съ вышеупомянутыми. Но такъ какъ, наоборотъ, въ болгарскихъ нарѣчіяхъ уже нашлись доказательства, которыя внѣ всякаго сомнѣнія выясняютъ эту замѣну, какъ прямой рефлексъ фонетики среднеболгарскаго языка, respective одного его нарѣчія, то я рѣшаюсь въ нижеслѣдующемъ изложеніи использовать и эти

---

1) «Das ursprüngliche Verhältniss von ѫ und ѧ war ungestört in allen Fällen, wo kein palataler Laut voranging oder gegangen war... Veränderung des Verhältnisses dagegen war eingetreten nach Palatalen», Leskien op. c. 278.

2) «Dass er (der Schreiber) dabei gerade ѫ vorzog, ist Sache der Willkür, ebensogut hätte ѧ genommen werden können. Jedenfalls ist es aber consequent, dass ѫ nun auch auf die Wurzelsilben, in denen ursprünglich Nasalvocal auf Palatal folgte, übertragen ist» (op. c. 280).

3) «... Wo gänzliche Verwirrung in dem Gebrauche von ѫ und ѧ herrscht, kann diese, wie ein Blick auf das heutige Bulgarisch zeigt, nicht auf einem entsprechenden Zustande in der Sprache beruhen; man kann hier nur annehmen, dass die Gleichgiltigkeit gegen ѫ und ѧ, die nach Palatalen in den Endsilben für die Schreiber vorhanden war, sie auch gleichgiltig gegen die ursprüngliche Schreibung nach anderen Lauten und in Wurzelsilben gemacht hat» (op. c. 281).

4) «Первый почеркъ (л. 1—15 и 39 б—40 а) не различаетъ вообще ѫ и ѧ, замѣняя ѧ черезъ ѫ тамъ, гдѣ этой замѣны фонетически не могло быть — послѣ твердыхъ издревле согласныхъ; въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ графическимъ смѣшеніемъ ѫ и ѧ. Примѣры этого графическаго смѣшенія многочисленны» (см. «Матеріалы для характеристики среднеболгарскаго языка. III. Охридскій апостолъ XII вѣка», въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. 1901, I. 217 ff.).

новыя данныя для окончательнаго разрѣшенія нашего вопроса, послѣ чего уже легче будетъ объяснить и главный вопросъ о причинахъ возникновенія цѣлаго явленія — среднеболгарской замѣны носовыхъ.

I.

Прежде всего намъ нужно обстоятельнѣе перечислить всѣ примѣры неправильной замѣны ѧ черезъ ѫ въ Охридскомъ апостолѣ по изданію Срезневскаго (ор. с. 269—276) и описанію Кульбакина (ор. с. 217—221). Эти примѣры находятся, какъ уже сказано, на листахъ 1—15 и 39 б—40 а рукописи, писанныхъ однимъ почеркомъ, а въ остальной части рукописи, писанной другимъ почеркомъ, замѣна носовыхъ правильно является послѣ палатальныхъ согласныхъ, а именно ѫ вм. ѧ послѣ j (respect. гласныхъ), *ш*, *ж*, *щ*, *ч*, *ц*, — и ѧ вм. ѫ послѣ л', р', н', ц', б', в', м'.

Вотъ всѣ примѣры неправильной замѣны ѧ черезъ ѫ, распредѣленные морфологически[1]):

1) Существительныя: имѫ вм. имѧ (5 разъ); вънмѫ вм. въ имѧ; рѫдоу вм. рѧдоу: «прѣходе по рѫдоу Галатъскѫѧ странѫ» (274); въ памѫт; кнѫѕемъ (271).

2) Числительныя: десѫти.

3) Мѣстоименія: сѫ вм. сѧ (всегда пишется такъ); мѫ вм. мѧ (3 раза), напр. «г҃ъ посла мѫ» (270); вьсѫ вм. вьсѧ (acc. pl.; 3 раза).

4) Глаголы (verba finita): обрѫщѫтъ (3 pl., 269); творѫтъ (3 pl., 273).

5) Инфинитивъ: свѫзати (270).

6) Причастія наст. вр. д. зал.: ходѫ (269), грѫдѫще (270), грѫдѫщаго (275), видѫ, видѫще, дивѫще сѫ (270), творѫща; стѫзаѫ сѫ (271, 275); творѫщоумоу (280), съглѫдаѫ (273); хотѫщю (274); осѫзаѫ, висѫщѫ, говѫщемъ, въводѫща, хотѫ.

7) Причастія пр. вр. стр. зал.: свѫзанъ (2 раза); свѫзанъı; помѫновенъı.

Кто смотритъ на эти примѣры замѣны ѧ черезъ ѫ, какъ на простое «графическое смѣшеніе» носовыхъ, тотъ въ правѣ ожидать и примѣровъ съ обратною замѣной ѫ черезъ ѧ при подобныхъ условіяхъ; но въ сущности этого не оказывается: за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ случаевъ, гдѣ ѧ является на своемъ мѣстѣ (ходѧще 3 а, тѧ 3 б, вьсѧ 3 б)[2]), вообще — и по словамъ Кульбакина — «ѫ является въ первомъ почеркѣ и послѣ смягченныхъ согласныхъ, послѣ которыхъ во всѣхъ среднеболгар-

---

1) Цифры въ скобахъ относятся къ изданію Срезневскаго, а примѣры, не означенные цифрами, см. у Кульбакина ор. с.

2) Оставляемъ теперь въ сторонѣ глаголическія строки въ этой части рукописи.

скихъ памятникахъ ѧ сохранялось, а ѫ измѣнялось въ ѧ: мънѫ (вм. мьнѧ, прич. 13 а), г҃лѫ (вм. глаголѧ, 7 б, 4 б)» (op. с. 217).

Итакъ, въ сущности на основаніи этого памятника можно говорить только о «неправильной замѣнѣ» ѧ черезъ ѫ. Во второмъ почеркѣ уже являются обѣ замѣны согласно съ правиломъ Лескина; только и здѣсь замѣчательно то, что и послѣ *j* и ч всюду ѧ замѣнено черезъ ѫ: срав., напр., сѥѫ (gen. sg.), ѥѫ (gen. sg.), даѫ, имѣѫ, пиѫи, милоуѫ (причастія), приѫти (inf.), приѫхъ, приѫстѥ, приѫтиѥ и пр. и пр.; ѥдиночѫдааго, чѫдо (19 разъ!), чѫдъ, чѫстъ, чѫсти, причѫстници, причѫстити сѧ, причѫстиѥ, начѫло, начѫхъ, начѫшѫ, начѫтокъ, зачѫтиѥ, зачѫлъника и пр. (см. Кульбакинъ, op. с. 218—220). Точно такъ же ѫ исключительно замѣняетъ ѧ въ подобныхъ примѣрахъ послѣ *ш*, *ж*, *щ* и *ц*, срав.: вишѫ, бъішѫ, рѣшѫ, приѫшѫ и пр. (3. pl. aor); съдръжѫщѥ, лежѫщааго, лежѫтъ, слоужѫтъ, (3. pl. н вр.), слоужѫщѥ, слоужѫ (причаст.), жѫжди; — нищѫ (acc. pl.), богородицѫ (gen. sg.), старцѫ (acc. pl.) и пр. (op. с. 218—219).

На основаніи этихъ примѣровъ столь послѣдовательно проведенной какъ «правильной», такъ и «неправильной» замѣны ѧ черезъ ѫ, даже и въ томъ случаѣ, если-бы этотъ памятникъ въ ряду всѣхъ другихъ до сихъ поръ извѣстныхъ оставался съ данною особенностью совершенно одинокимъ, опять не такъ легко различить, въ какихъ случаяхъ ѫ имѣетъ специальное фонетическое значеніе, и въ какихъ — графическое. Но, какъ уже сказано, намъ теперь извѣстны и другіе среднеболгарскіе памятники, въ коихъ эта неправильная замѣна ѧ черезъ ѫ занимаетъ очень важное мѣсто. Для своей цѣли я ссылаюсь пока только на «Добромирово» евангеліе» и на «Среднеболгарскій Златоустъ» — оба описанные Ягичемъ[1]).

Добромирово евангеліе, которое безъ сомнѣнія принадлежитъ XII вѣку, при томъ по всей вѣроятности первой половинѣ его, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ правильная замѣна ѫ черезъ ѧ почти что не существуетъ (всего 5 примѣровъ: любѧ, възлюбѧ, изьгонѧ — 1. sg. н. вр., притьчѧ — acc. sg.; на землѧ — acc. sg., op. с. 26), тогда какъ наоборотъ примѣры замѣны ѧ черезъ ѫ многочисленны. Надо замѣтить, что и въ этой рукописи — два почерка, которые не одинаково относятся къ замѣнѣ юсовъ: первый почеркъ (у Ягича «die Hand A») пишетъ ѫ вм. ѧ предпочтительно послѣ палатальныхъ согласныхъ, а второй почеркъ (B) — и послѣ твердыхъ согласныхъ (op. с. 29). Примѣры — большею частью причастія, формы 3 pl. наст. времени и 3 pl. сложнаго аориста (см. у Ягича, op. с. 27—35).

1) V. Jagić, *Evangelium Dobromiri*, ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrh., Wien, 1898, Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der K. Ak. d. Wiss. Bd. 133; — *Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust* des 13—14 Jahrhunderts, Wien, 1898, Sitzungsber. Bd. 139.

1) ѫ вм. ѧ послѣ твердыхъ согласныхъ.

а) *Причастія н. вр. д. з.*: **славѫ, славѫи, ходѫи, исходѫ, творѫ, творѫи, хотѫ, хотѫи, хотѭи, крьстѫ, просѫ, сѣдѫи, сѣдѭи, дивѫсѧ, носѫ, ѥмѫи** и пр. — **ходѫща, сѣдѫща, творѫще, любѫщиихъ, хотѫщиихъ, сѫдѫще, благословѫще, водѫще** и пр.

б) *Формы наст. вр. 3 pl.*: **творѫтъ, ѥвѫтьсѧ, оузрѫть, женѫть сѧ, оставѫть, исходѫть, выходѫть, видѫть, вѣдѫть, досадѫть, въсхытѫть, хотѫть** и пр.

2) ѫ вм. ѧ послѣ палатальныхъ согласныхъ.

а) *Причастія наст. вр. д. зал.*: **грѣѭсѧ, пиѭи, сѣѭи, стоѭи, не боѭ сѧ, крьщаѭ, имѣѭ, радоуѭ сѧ; глаголѭ** (40 разъ!), **глаголѭи; оучѫ** (12 разъ), **слоужѫи, возлежѫ, мльчѫ, ищѫи** и пр. — **стоѭща, стоѭщоу, лежѫщь, лежѫще, лежѫща, дрьжѫщоу, оучѫщȣ, хоулѭще** и пр.

б) *Формы наст. вр. 3 pl.*: **оустоѭть, бѣжѫть, обложѫть, възложѫть, блажѫть, оутѣшѫть сѧ, слышѫть, разлѫчѫть** и пр.

в) *Формы слож. аор. 3 pl.*: **рѣшѫ, рекошѫ, начѧшѫ, идошѫ, прѣдашѫ. могошѫ, имѣшѫ** и пр.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что всѣ случаи смѣшенія носовыхъ въ Добромировомъ евангеліи находятся исключительно въ конечныхъ слогахъ. Этотъ фактъ указываетъ, что процессъ смѣшенія носовыхъ былъ еще въ своемъ началѣ; это согласуется съ большой древностью памятника. Именно въ виду этого обстоятельства я думаю, что нашъ памятникъ надо отнести къ первой половинѣ XII вѣка. Хотя замѣна носовыхъ тогда была, по свидѣтельству этого памятника, еще въ своемъ зародышѣ, все-таки она уже распространилась и въ такихъ конечныхъ слогахъ, гдѣ вопреки «правилу» первоначально не предшествовала палатальная согласная. Это важно для установленія хронологіи занимающаго насъ процесса. Для опредѣленія фонетическаго характера звука, который писецъ означалъ знакомъ **ѫ**, важны тѣ примѣры въ нашемъ памятникѣ, въ которыхъ **ѫ** является замѣною **ы**, а именно въ причастіяхъ н. вр. д. зал., какъ: **ѣдѫи** и даже **ѣдѭи**, на ряду съ правильными **ѣды, ѣдыи; чьтѫи; идѫ** (тоже: **иды**); **грѣдѫ, грѣдѫи**, даже **грѣдѭи** (на ряду съ **грѣды**); **сѫ, сѫи**, и **сѭи**, даже одинъ разъ и **сеи** вм. **сы** (ор. с. 32). Здѣсь опять умѣстенъ вопросъ: имѣемъ ли мы основанія въ виду всего сказаннаго предполагать, что знакъ **ѫ** имѣлъ специальное фонетическое значеніе, различное отъ значенія знака **ѧ**, только въ примѣрахъ второй категоріи, а именно послѣ палатальной согласной? Я долженъ сказать, что не нахожу въ графикѣ нашего памятника ни малѣйшаго основанія для утвердительнаго отвѣта на заданный вопросъ.

Посмотримъ теперь, каково состояніе юсовой замѣны въ третьемъ памятникѣ — Среднеболгарскомъ Златоустѣ, который не менѣе какъ на 100 лѣтъ моложе Добромирова евангелія. Въ Златоустѣ, дѣйствительно, находимъ, что замѣна ѧ черезъ ѫ уже участилась и внутри словъ безотносительно къ качеству предыдущаго согласнаго. Примѣры этой замѣны въ Златоустѣ, какъ ниже увидимъ, совсѣмъ похожи и по качеству и по количеству на примѣры Охридскаго апостола перваго почерка. Съ другой стороны, сходство Златоуста съ Добромировымъ евангеліемъ замѣчательно тѣмъ, что и въ немъ совсѣмъ ничтожно количество примѣровъ замѣны ѫ черезъ ѧ. Пользуюсь только текстомъ изданнаго Ягичемъ слова («Слѡвѡ стго Иѡана Златоустаго по погребеније тѣлоу гоу бoу ісоу хоу Иѡсифоу ѿ аримадеѫ и Никодимоу на снѫтие гоу нашемоу по спсени мѫцѣ дивноу бывшоу» ор. с. 13—56). Весь памятникъ содержитъ 31 слово, такъ что пока можно только приблизительно судить о цѣломъ памятникѣ по нашему вопросу. Въ напечатанной части нашего Златоуста встрѣчаются лишь слѣд. примѣры замѣны ѧ вм. ѫ: на землѧ; ѿ землѧ подъ землѧ бь приходить (с. 15) на ряду съ «заиде слнце подъ землѫ» (15); придохь на землѧ и подь землѧ (51) на ряду съ: «на землѫ приде» (33); глаголѧ (1 sg. 18); глаголѧть (3 pl.), глѧщоу (50), глаголѧще (44, 46, 47 и пр.); молѧ (1 sg. 27; возлѣ молѫ 27 bis), оустроѧ (1 sg. 53); разлѧчи сѧ (21), чѣшѧ (acc. sg. 53); душевнѧ (acc. sg. f. 37).

Какъ доказываютъ приведенные примѣры, не можетъ быть и рѣчи о какой-то законности этой замѣны ѧ вм. ѫ. Болѣе развитою оказывается другая замѣна, ѫ вм. ѧ. Опять раздѣлимъ примѣры на двѣ категоріи въ зависимости отъ качества предыдущей согласной.

1. ѫ вм. ѧ послѣ непалатальныхъ согласныхъ.

а) Существительныя: врѣмѫ («вь мало врѣмѫ» 25); врѣмѫ («да разметаѫ врѣмѫ» 52); клѫтва (40); кнѫзи (43, 44, 45; рядомъ: кнѧзи 43, кнѧземь 45); снѫтие (31).

б) Числительное: десѫть («девѧть десѫть и девѧть» 54).

в) Мѣстоименія: сѫ-сѧ («іави сѫ 19; сами сѫ ськроушишѫ, 14 и пр.);

г) Глаголы (verba finita): вѫжеши (30), свѫзашѫ (14; рядомъ: «ѫзами свѧза мѫчителѣ» 14; вѧзахѫ 49); ходѫтъ (3 pl. 17); снѫть (3 sg. «и снѫть ба» 28).

д) Инфинитивъ: вьзѫти сѧ (46).

е) Страд. причастія: свѫзань (16, 51, но и: свѧзанъ 37; свѧзана 35, свѧзаньныимь 49, свѧзаньны 49).

ж) Прошед. д. причастіе 1-вое: стѫжавъ (23); осѫгьши (31), потрѫсьшоу (25), освѫщьши («и весь миръ освѫщьши» 30).

з) Причастія наст. вр. д. зал.: приносѫща («ѥва въ себѣ носаща и приносѫща», 32); носѫщаго (133); приносѫще (42); сѣдѫ (38), сѣдѫщимь (39), сѣдѫщихъ (35), сѣдѫщеи (15); творѫи (47, но и «творѧ» 47); спѫи (50); спѫщеи (15, 51), спѫщихъ (13, возлѣ: спащимь 15, спащихъ, 43); видѫще (33); висѫщаго (27 рядомъ висаща, 27); глаголѫ (41, 45, 50); велѫщимь (45); мнѫщим сѧ (45).

2. ѫ вм. ѧ послѣ палатальныхъ согласныхъ.

а) Существительныя и прилагательныя: ишѫтаниѥ (14); землѫ (gen. sg. 18, 54); каплѫ (gen. sg. 22); овцѫ (acc. pl. 54) тємницѫ (gen. sg. 54); доушѫ (g. sg. 38); свѣщѫ (acc. pl. 30); ѫдро (38), ѫдри (42) братиѫ (g. sg. 27), сѫдиѫ (nom. pl. 14), безмѫжныѫ (g. sg. fem.), вѣчныѫ (acc. pl. 35), непобѣдимыѫ (acc. pl. 41); странныѫ (acc. pl. 25), вчерашныѫ (nom. pl. f. 13), моѫ (acc. pl. 27; g. sg. 38); кыѫ (acc. pl. 30, 31); недвижимыѫ; своѫ (acc. pl. 47), ѫже (acc. pl. 52); агльскыѫ (acc. pl. 54); своѫ (g. sg. f. 27); твоѫ (g. sg. f. 38); осѫжденыѫ (nom. pl. 14).

б) Глаголы: бѣшѫ (3 pl. imperf. 46); вышѫ, вьзнесошѫ, свѧзашѫ, поучишѫ сѫ, ськроушишѫ, потѫкошѫ сѫ, потыкошѫ сѫ, привръгошѫ (3 pl. aor. 14); приѫхъ (1 sg. 51, 52, 53); приѫть (3 sg. 20, 29); приѫ (3 sg. 21); ѫшѧ («вѣгоу сѧ ѫшѧ» 46); прѣстоѫть (3 pl. 33).

в) Инфинитивъ: приѫти (22, 23).

г) Причастія наст. вр. д. з. лежѫ (19), лежѫща (28), лежѫщимь (52), лежѫщеи (51); дрьжѫ (50), дрьжѫщаго (39), оучѫща (24), бѣжѫщаго (26), бѣжѫще (49)—даѫ (23), крыѫ сѧ (23), ѥвлаѫ сѧ; ѥвлѣѫ сѧ (19); ѿметаѫ (41), сьдрьжаѫ (29), испльнѣѫ (33), повелѣѫ (51), поѫще (42), настоѫщеи (19).

Для опредѣленія звука, означаемаго въ этомъ памятникѣ знакомъ ѫ, имѣютъ значеніе примѣры: потѫкошѫ сѧ (14), вьстѫче (40), гдѣ ѫ замѣняетъ ъ, а также и примѣры: ѿ земѧ раискѫѧ (53), ѿ работѫ (54)— гдѣ ѫ вм. ы.

Сравнивъ всѣ указанные примѣры замѣны носовыхъ въ нашихъ памятникахъ, мы убѣдимся, что дѣйствительно, говоря о правильности или неправильности смѣшенія носовыхъ, надо подразумѣвать только замѣну ѫ вм. ѧ. Эта замѣна, какъ мы видѣли, вообще сильнѣе развита, чѣмъ замѣна ѧ вм. ѫ. Кромѣ того, условія первоначальнаго возникновенія и дальнѣйшаго развитія той и другой замѣны очевидно совершенно различны, почему въ сущности и явились на первый взглядъ неправильныя колебанія въ замѣнѣ ѫ вм. ѧ, какихъ вообще нѣтъ при другой замѣнѣ—ѧ вм. ѫ, и не только въ избранныхъ нами, но и вообще во всѣхъ среднеболгарскихъ па-

мятникахъ. Первоначальныя условія возникновенія замѣны ѧ вм. ѫ очень ясны: эта замѣна всегда является послѣ палатальныхъ согласныхъ и, по своей физіологической природѣ, просто относится къ явленіямъ звуковой ассимиляціи или такъ называемой перегласовки (Umlaut). Слѣды этой замѣны, насколько она уцѣлѣла въ болгарскихъ нарѣчіяхъ, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ воздѣйствій морфологической аналогіи, легко опознаются, такъ какъ уцѣлѣвшее чистое ѧ вм. ѫ прямо перешло въ большинствѣ болгарскихъ говоровъ въ є и раздѣлило съ нимъ потомъ одинаковую судьбу. Теперь же, оставивъ въ сторонѣ замѣну ѧ вм. ѫ, обратимъ все вниманіе на замѣну ѫ вм. ѧ, что̀ представляетъ главную задачу настоящей статьи.

Не входя еще въ разборъ вопроса о томъ, каково было произношеніе звука ѫ во время появленія вышеупомянутыхъ памятниковъ, можно покамѣстъ остановиться на предположеніи, что это ѫ въ нашихъ памятникахъ, замѣнявшее ѧ, имѣло ту же фонетическую стоимость, каковую оно имѣло во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ оно стояло на своемъ этимологическомъ мѣстѣ. Держась этого предположенія, приступимъ къ сравнительному обзору нынѣшнихъ болгарскихъ говоровъ, дабы отыскать въ нихъ прямые рефлексы занимающей насъ среднеболгарской замѣны носовыхъ; но тутъ намъ нужно прежде всего для сравненія отобрать изъ среднеболгарскихъ памятниковъ только тѣ категоріи именныхъ и глагольныхъ формъ съ этой замѣной носовыхъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ въ новоболгарской морфологіи, благодаря особенности своего развитія. Извѣстно, что всѣ окончанія косвенныхъ именныхъ и мѣстоименныхъ формъ въ новоболгарскомъ языкѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектическихъ архаизмовъ) уже исчезли, уступивъ мѣсто общимъ формамъ именительно-винительныхъ падежей. Такимъ образомъ понятно, какой значительный процентъ занимающихъ насъ среднеболгарскихъ именныхъ и мѣстоименныхъ падежныхъ формъ долженъ былъ отпасть изъ нашего сравнительнаго подсчета. Большинство же случаевъ правильной замѣны ѧ черезъ ѫ находится именно въ падежныхъ окончаніяхъ, особенно въ области сложнаго склоненія прилагательныхъ. Точно такъ же и причастія представляютъ наибольшій процентъ примѣровъ съ правильной и неправильной замѣною ѧ черезъ ѫ, ибо вообще причастія, а также и инфинитивъ совершенно вышли изъ употребленія въ новоболгарскомъ языкѣ. Для нашей цѣли слѣдовательно сохраняютъ свое значеніе лишь примѣры съ носовою замѣною въ окончаніяхъ генеральныхъ падежныхъ формъ, затѣмъ примѣры глагольныхъ формъ 3 л. мн. ч. настоящаго времени и сложнаго аориста и всѣ остальные примѣры, которые содержатъ ту же носовую замѣну въ коренныхъ слогахъ. Согласно съ этимъ, изъ всѣхъ примѣровъ Добромирова евангелія, состоящихъ большею частью изъ причастій, для насъ имѣютъ значеніе только глагольныя формы 3 л. мн. ч. наст. вр. и аориста.

Итакъ, по устраненіи негодныхъ для сравненія формъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ съ замѣною ѫ вм. ѧ, остаются годными лишь слѣдующіе примѣры изъ Охридскаго апостола и среднеболгарскаго Златоуста.

а) Неправильная замѣна ѫ вм. ѧ.

Охридскій апостолъ.

1. имѫ (-имѧ, nomen).
2. врѣмѫ.
3. рѫдъ («по рѫдоу»).
4. памѫт(ь).
5. кнѫѕємъ.
6. дєсѫти.
7. сѫ (=сѧ).
8. мѫ (=мѧ).
9. свѫзанъ, свѫзаны.
10. помѫновєнъı.
11. обрѫщѫтъ.
12. творѫт(ъ).
13. свѫза («свѫзати»).
14. грѫд- (грѫдѫщє и пр.) вм. грѧд-
15. стѫѕа- («стѫѕаѫ сѫ) вм. стѧѕа-
16. съглѫда- («съглѫдаѫ») вм. съглѧда-
17. осѫѕа-(«осѫѕаѫ») вм. осѧѕа-

Среднеболгарскій Златоустъ.

1. врѣмѫ.
2. врѣмѫ.
3. клѫтва.
4. кнѫзи.
5. дєсѫть.
6. сѫ (=сѧ).
7. свѫзань.
8. свѫзашѫ.
9. вѫжєши
10. ходѫть.
11. снѫть (3 sg.).
12. снѫтиє.
13. вьзѫ- («вьзѫши») вм. вьзѧ-
14. стѫжа- («стѫжавъ») вм. стѧжа-
15. осѫг- («осѫгьши») вм. осѧг-
16. потрѫс- («потрѫсьшоу») вм. потрѧс-
17. освѫщ- («освѫщьшоу» вм. освѧт-

Хотя причастія наст. вр. д. зал. въ болгарскомъ языкѣ исчезли, все-таки, въ виду тѣсной морфологической связи основы настоящаго дѣйств. прич. съ формою 3 л. множ. настоящаго времени, можно заключить на основаніи формъ причастій: видѫщє, дивѫщє сѫ, хотѫщю, висѫщѫ, говѫщємъ, творѫщоумоу (Охридск. апост.) и приносѫща, носѫща, сѣдѫщимь, спѫщихь, видѫщє, висѫщаго, вєлѫщимь, мнѫщим сѧ (Среднеболг. Златоустъ), что рядомъ съ этими формами, по всей вѣроятности, въ говорѣ, отразившемся въ нашихъ памятникахъ, имѣлись и подобныя же формы наст. времени 3 pl. видѫтъ, дивѫть сѫ, хотѫтъ, висѫтъ, говѫтъ, носѫтъ, сѣдѫтъ, спѫтъ, творѫтъ и пр.

И въ самомъ дѣлѣ, одна изъ этихъ предполагаемыхъ формъ, а именно 3 pl. «творжтъ» фактически встрѣчается въ Охридскомъ апостолѣ (см. выше ч. 12).

Это наше предположеніе подтверждается и многочисленными примѣрами въ Доброміровомъ евангеліи, гдѣ не только имѣются причастія въ родѣ указанныхъ, а именно: ходжща, сѣджща, творжще, любжщиихъ, хотжщиихъ, сѧджще и пр., но рядомъ съ ними встрѣчается еще большее количество соотвѣтствующихъ формъ наст. времени 3 pl. тоже съ ж вм. ѧ: творжтъ, ѣвжтъ сѧ, оузржтъ, оставжтъ, исходжтъ, виджтъ, вѣджтъ, досаджтъ, хотжтъ и пр. и пр. (см. выше указ. примѣры у Ягича ор. с. 27—35).

Большаго сходства между нашими памятниками въ этомъ отношеніи и желать нельзя.

Насколько господствуетъ единообразіе въ распространеніи неправильной замѣны ѧ черезъ ж даже и по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ, видно изъ приведенныхъ примѣровъ изъ Болоньской псалтыри, гдѣ тоже встрѣчается слово кнжзи.

б) Правильная замѣна ж вм. ѧ.

Примѣры «правильной» замѣны ж вм. ѧ, какъ уже сказано, не такъ многочисленны въ нашемъ Златоустѣ, какъ въ Охридскомъ апостолѣ, потому что мы знакомы только съ одной малой частью содержанія Златоуста, а именно лишь со словомъ, напечатаннымъ у Ягича. Все-таки нѣтъ сомнѣнія, что наши памятники и относительно этой замѣны одинаково сходны между собою, какъ они сходны и примѣрами т. наз. неправильной замѣны. Въ томъ отношеніи и Болоньская псалтырь весьма сходится съ ними. Срав.:

1. Охридскій апостолъ: чждо, чждъ, чжстъ, чжсти, начжло, начжтокъ, зачжтие, зачжлъника, причжстници, причжститисѧ, жжжди, слоужжтъ, лежжтъ, жзыкъ, прижхъ, прижсте, прижтие, прижшж, вышж, придошж.

2. Среднеболгарскій Златоустъ: шжтанию, прижхъ, прия (3 sg. аор.), прижтъ (3 sg.), въшж, нотжкошж сж, прикръгошж и пр.

3. Доброміровое евангеліе: оустожтъ, бѣжжтъ, обложжтъ, возложжтъ, слышжтъ, разлжчжтъ и пр.

4. Болонская псалтырь: шжтаниа, начжло, овчж (-овьча, sg. diminutiv.), чжстъ, жжждж, возложжтъ, жзыкъ, вышж, прѣсташж и пр. (см. Arch. f. sl. Ph. II. 271).

И въ Слѣпченской книгѣ тѣже самые примѣры правильной замѣны: жзыки, прижшж, штждиши, слоужжтъ, бѣжашж и пр. (ib.).

Подобныхъ примѣровъ правильной замѣны ж вм. ѧ можно привести и изъ многихъ другихъ среднеболгарскихъ памятниковъ; но этого пока не нужно, такъ какъ и безъ того достаточно ясно въ этомъ отношеніи согласіе упомянутыхъ памятниковъ, столь различныхъ по мѣсту и по времени своего происхожденія. Если на основаніи этого согласія можно предполагать въ самомъ живомъ языкѣ реальную причину появленія правильной графической замѣны ж вм. ѧ, то съ неменьшимъ правомъ можно то же самое предполагать и насчетъ «неправильной» замѣны, и именно на основаніи такого же согласія упомянутыхъ памятниковъ. Все-таки предположеніе, хотя и оправдываемое въ этомъ случаѣ, оставалось бы только предположеніемъ, не имѣющимъ большой убѣдительной силы, если-бы въ теперешнемъ болгарскомъ языкѣ, какъ было сказано въ началѣ этой статьи, не оказалось прямыхъ слѣдовъ той и другой замѣны. Лишь это послѣднее доказательство въ состояніи окончательно освѣтить обѣ данныя замѣны носовыхъ, какъ реальные факты въ среднеболгарскомъ языкѣ.

II.

Теперь перехожу къ упомянутымъ доказательствамъ изъ области болгарской діалектологіи. Надо отвѣтить на вопросъ, насколько оказываются уцѣлѣвшими хотя въ одномъ болгарскомъ нарѣчіи указанныя выше категоріи формъ съ рефлексами правильной и неправильной юсовой замѣны.

Изучая непосредственно болгарскія нарѣчія и имѣя притомъ въ виду и этотъ важный вопросъ нашей исторической фонетики, я наконецъ успѣлъ найти для его разрѣшенія достаточно данныхъ въ болгарскихъ говорахъ рупскаго нарѣчія, преимущественно употребительныхъ въ области Родопскихъ горъ. Одинъ говоръ этого нарѣчія—ахърчелебійскій, уже десять лѣтъ тому назадъ обратилъ на себя особенное вниманіе славистовъ, между прочимъ, и той особенностью, что въ немъ является произношеніе стб. ѧ какъ 'о, когда оно находится подъ удареніемъ. Извѣстно, что это явленіе, которое тѣсно связано съ подобнымъ же произношеніемъ акцентованнаго старблг. ѣ, объяснялъ нѣсколько разъ и Облакъ, но все-таки не могъ привести данное явленіе въ генетическую связь съ среднеболгарскимъ смѣшеніемъ носовыхъ, хотя оно—самый прямой рефлексъ этого смѣшенія [1]). Сознавая неудовлетворительность своихъ объясненій, самъ Облакъ не разъ указывалъ на необходимость новыхъ изслѣдованій болгарскихъ нарѣчій по

1) См. Archiv f. sl. Philologie, XVII. 143, 149—151, 152, 154, 155; Сборникъ Минист. XI. 540, 543, 545. Наконецъ, Облакъ отказался на стр. 580—581 отъ своего толкованія и принялъ мое мнѣніе объ этомъ самомъ вопросѣ, высказанное въ Мин. Сбор. IX. 288 и сл.; см. еще у меня М. Сбор. XIII. 104 и сл.

этому вопросу[1]). Особенно неясною казалась ему замѣна ѧ черезъ *а*—*'ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ восточноболгарскихъ нарѣчій, напр. *тъ*, *съ* (тѧ, сѧ), *деѣат* (десѧть), *колѣда* (колѧда) и др., что въ сущности опять прямой рефлексъ неправильной среднеболгарской замѣны ѧ черезъ ѫ. По поводу этихъ формъ Облакъ замѣтилъ: «Пока не будетъ собрано большое количество подобной замѣны стб. ѧ, невозможно дать и удовлетворительное объясненіе этой замѣны» (Минист. Сборникъ т. XI, 543). Когда я познакомился съ говоромъ болгарскихъ павликіянъ, который представляетъ одинъ изъ говоровъ рупскаго нарѣчія и который отличается, между прочимъ, и произношеніемъ *'ъ* вм. ѧ въ ударяемыхъ слогахъ, я успѣлъ дать на основаніи данныхъ этого говора болѣе удовлетворительное объясненіе указанной замѣны, занимавшей и Облака (см. у меня Минист. Сбор. XVI—XVII, 411—415). Послѣ того я продолжалъ свои изслѣдованія рупскихъ говоровъ и съ этой цѣлью предпринялъ лѣтомъ 1902 года двухмѣсячную поѣздку въ Родопскія горы, гдѣ на мѣстѣ изучалъ говоры области Чепино и Рупчосъ, посѣтивъ лично всѣ тамошнія болгарскія и помакскія деревни. Матеріалы, собранные мною въ эту поѣздку, послужатъ мнѣ для спеціальной монографіи о Рупскомъ нарѣчіи, которая въ скоромъ времени выйдетъ, какъ дополненіе къ моей восточноболгарской діалектологіи («Das Ostbulgarische», Wien, 1903); въ послѣдней описана только часть рупскихъ говоровъ (см. «Die rupcischen Mundarten», стр. 207—276). На основаніи упомянутыхъ новыхъ матеріаловъ теперь мнѣ совершенно уяснился вопросъ о рефлексахъ среднеболгарской замѣны носовыхъ въ новоболгарскомъ языкѣ. Въ рупскихъ говорахъ центральныхъ и западныхъ Родопскихъ горъ лучше всѣхъ другихъ болгарскихъ говоровъ уцѣлѣли ясные остатки и «правильной» и «неправильной» носовой замѣны. Особенно касательно послѣдней очень цѣненъ для насъ говоръ чепинскихъ помаковъ въ деревнѣ Костандово. Въ этомъ говорѣ я нашелъ именно больше слѣдовъ занимающей насъ неправильной среднеболгарской замѣны ѧ черезъ ѫ въ окончаніяхъ, какъ напр. въ приведенныхъ среднеболгарскихъ формахъ врѣмѫ, имѫ и пр. Съ помощью этого говора въ связи со всѣми сосѣдними въ Родопской области легко можно догадаться о причинахъ возникновенія среднеболгарской носовой замѣны, о чемъ скажу въ другомъ мѣстѣ.

Населеніе деревни Костандово чисто помакское. Эта деревня находится въ Чепинской долинѣ, въ 8 километрахъ отъ деревни Ложене (Лужане) и деревни Баня (Чепинска Баня), которыя считаются центромъ этой маленькой гористой области. Донынѣ были извѣстны особенности

1) См. Arch. f. sl. Phil. XVII. 152: «Zur richtigen Beurtheilung des in mittelbulgarischen Denkmälern vorkommenden Wechsels der beiden Nasalvocale können uns nur die heutigen Dialecte im Zusammenhang mit einigen anderen sprachlichen Eigenschaften der Denkmäler verhelfen».

говора лишь этихъ двухъ деревень и еще сосѣдней къ Ложене болгарской деревни Каменица[1]), такъ что когда въ наукѣ упоминалось «Чепинское нарѣчіе», въ сущности подразумѣвался говоръ упомянутыхъ трехъ деревень, хотя и было небезызвѣстно, что въ сосѣдствѣ съ ними находятся еще другія четыре деревни, а именно: Костандово, Корово, Дорково и Ракитово. При отсутствіи какихъ-либо свѣдѣній о говорѣ этихъ деревень, въ наукѣ установилось мнѣніе, будто и въ нихъ то же самое «нарѣчіе». Я первый открылъ, что дѣло совсѣмъ не такъ, что, напротивъ, въ этихъ сосѣднихъ деревняхъ имѣются еще два, если не три, особенные говора, а именно одинъ, представляемый деревнею Костандово, другой—деревнею Дорково. Говоръ деревни Ракитово больше примыкаетъ къ Костандовскому, такъ что можно его считать только варіантомъ послѣдняго.

Въ Костандовскомъ говорѣ староболгарскія ъ, ь и ѫ совпали въ одно произношеніе, которое первоначально равнялось произношенію ъ, скажемъ въ одинъ секундарный $ъ_2$. Мягкій характеръ согласной передъ стб. ь сохранился и послѣ случившагося измѣненія ь въ $ъ_2$, такъ что въ сущности вмѣсто стб. ъ и ѫ произносилось $ъ_2$, а вм. ь—$'ъ_2$. Уже въ новоболгарскомъ періодѣ этого говора секундарный $ъ_2$ постепенно прояснился въ одинъ широкій *о*-вокалъ, который учленяется при *о*-базисѣ, какъ *а*, т. е. звукъ занимающій середину между *о* и *а*. Этотъ *о*-вокалъ не дифтонгъ. Для болѣе яснаго пониманія широкаго характера этого *о*, я его означалъ знакомъ $о^а$; но для избѣжанія всякаго недоразумѣнія относительно его недифтонговаго характера, на которомъ я рѣшительно настаиваю, можно его означать и знакомъ *ó*. Этотъ вокалъ всегда подъ удареніемъ, такъ что излишне будетъ означать его и съ знакомъ ударенія т. е. *ȯ*.

Въ большинствѣ рупскихъ говоровъ секундарный еръ ($ъ_2$) является полнымъ гласнымъ лишь въ слогахъ съ удареніемъ; когда же въ слогахъ безъ ударенія секундарный *еръ* остается не вполнѣ выясненнымъ, съ характеромъ слаботемнаго *а*, этотъ слаботемный еръ я означаю съ знакомъ *а̥*. Такъ случилось, напр., въ говорѣ деревень Баня, Ложене, Каменица, гдѣ произносится, напр., «*дóш*» (стб. дъждь), но *да̥ждóт*» (*дъждът*), *зóп* (стб. зѫбъ), но *за̥бóт* (=*зъбът*), *ʼóн* (стб. льнъ), но *ʼа̥нóт*. Отъ этого рупскаго фонетическаго правила Костандовскій говоръ отличается важною особенностью, а именно въ немъ секундарный еръ и безъ ударенія перешелъ въ *о*, которое далѣе, вслѣдствіе безакцентности, лабіализировалось, измѣнившись въ болѣе узкое *о* и наконецъ въ *у*. Итакъ, въ Костандовскомъ говорѣ теперь произносятъ подъ удареніемъ *ó*, безъ ударенія *у*:

1) вм. стб. ъ, кост. *дóш дуждóт*; *дускó*—pl. *дóски* (стб. дъска); *лáкут* (стб. лакъть);

2) вм. стб. ь: *л́оснȯ—л́уснинȧ* (льсно); *мъгла̀*—pl. *мȯгли* (мьгла).

3) вм. стб. ж: *зȯп* (зжбъ)—*зубȯт* (зжбътъ), pl. *зȯби*; *мȯш—мужȯт*, pl. *мȯже* и пр.

То самое *ȯ* учленяется тѣснѣе, какъ обыкновенное, первичное *о* въ этомъ говорѣ, когда безъ ударенія занимаетъ положеніе въ концѣ словъ, срав. напр. *плѐтȯ*, *пѐкȯ* (1 sg. наст. вр. = плетж, пекж).

Какъ и въ другихъ рупскихъ говорахъ, такъ и въ Костандовскомъ является въ слогахъ подъ удареніемъ стб. ѧ замѣненнымъ этимъ самымъ звукомъ, который заступаетъ и ж. Мягкость предшествующей согласной сохранилась и послѣ этого процесса смѣшенія, какъ это случилось и передъ ь. Но замѣчательно въ этомъ говорѣ и то, что ѧ *не во всѣхъ слогахъ, имѣющихъ удареніе, перешло въ* ж respective посредствомъ ъ₂ въ *ȯ*: тутъ есть колебаніе, кажется, не совсѣмъ безъ правильности. Оно достаточно указываетъ на то, что удареніе въ этомъ замѣнительномъ процессѣ не могло быть первою причиной его появленія. Въ слогахъ безъ ударенія стб. ѧ правильно замѣняется вокаломъ *е*; но и здѣсь есть важное исключеніе, а именно въ конечныхъ слогахъ, гдѣ вм. ѧ въ нѣкоторыхъ грамматическихъ случаяхъ опять произносится *о*, а именно *ŏ*. Очень вѣроятно, что и тутъ первоначально ѧ перешло въ ж съ удареніемъ, при чемъ, вѣроятно, это удареніе затѣмъ перемѣстилось на одинъ слогъ влѣво; такъ, напр., говорится *тѐл́ŏ* (стб. тѣлѧ), срав. книж. болг. *телѐ*.

Итакъ, въ Костандовскомъ говорѣ, согласно съ вышеуказанными правилами, произносится:

1. *ȯ* respective *ŏ* вм. ѧ̀, или другими словами ѧ̀ замѣнено рефлексомъ ж въ коренныхъ слогахъ съ удареніемъ, какъ оно вообще произошло въ большинствѣ остальныхъ рупскихъ говоровъ:

а) *Послѣ первоначально непалатальныхъ согласныхъ*: *м́ȯсо* (мѧсо), *кл́ȯтва* (клѧтва), *з́ȯт́* (зѧть), *м́ȯко* (мѧкъко), *т́ȯшко* (тѧжько), *т́ȯшки* (pl.), *р́ȯт* (рѧдъ), *нар́ȯт*, *вр́ȯт* (всюду=въ рѧдъ), *тр́ȯска* (трѧска, Fieber); *пр́ȯдена вȯлна* (прѧдена влъна); *пр́ȯла* (прѧла); *пр́ȯгни* (imperat.): «*пр́ȯгни волдвето*» (прѧг-); *п́ȯтук* (пѧтъкъ); *гл́ȯдам* (глѧдаѧ), *пос́ȯгно* (посѧгнж); *т́ȯгло* (тѧглѧ, 1 sg.).

б) *Послѣ первоначально палатальныхъ согласныхъ: ч́ȯдо* (чѧдо), *ч́ȯсто* (часто), *шȯпа* (шѧпа), *жȯтва* (жѧтва); *ш́ȯтам* (шѧтаѧ), *жȯх* (-жѧхъ), съ значеніемъ «възѧхъ» срав. жȯми (imperativ 2. sg. = жьми).

2. *ĕ* и *ȯ* вм. ѧ̆ и ѧ̀: *петȧ* (пѧта), pl. *п́ȯќи*; «*пȯкажи си петȯто*»; «*фтр́ȯса го*»; «*ч́ȯсто ли го тресѐ*» (трѧсетъ); *і́ѐвет* (девѧть)—*дев́ȯќи* (девѧты); *і́ѐсет* (десѧть)—*дес́ȯќи* (десѧты); *петнȧсеќ* (пѧтьнадесѧть)—*петнас́ȯки* и пр.—Срав. еще *пѐќ* (пѧть)—*п́ȯќи* (пѧты).

3. *о* вм. ж (-ѧ) въ окончаніи имен. вин. формы ед. ч. *н*- и *т*- основъ:

врѐм'о (врѣмѧ)—pl. временà; *ùм'о* (имѧ)—pl. *именà; ѝе́н'о* (дѣтѧ), pl. *деца; ѐгн'о*, (въ д. Ракитово *јегн'о*), (агнѧ); pl. *ѐгн'ета; тѐл'о* (телѧ) pl. *тѐл'ета; пùл'о* (пилѧ) pl. *пùл'ета; кỳч'о* (коучѧ, собака), pl. *кучета.*

4. *о* вм. ж (-ѧ) въ вин. пад. ед. ч. личныхъ мѣстоименій: *мо* (мѧ): «*тоі мо бо̀хте*» (онъ меня біетъ); *то* (тѧ): «*тоі то бо̀хте*»; *со* (сѧ): «*к'и* (=*ты*) *мùјеш ли со?*».

5. *ó* вм. ж (=ѧ) въ оконч. 3 л. мн. ч. наст. времени: *гур'о́т* (горѧтъ), *сп'о́т* (съпѧтъ); *вурт'о́т* (врътѧтъ; 1 л. sg.: *во̀рт'о*); *вурв'о́т* (вървѧтъ = ходятъ), *сед'о́т* (сѣдѧтъ), *гост'о́т* (гостѧтъ) *вис'о́т* (висѧтъ) и пр.

Когда удареніе не падаетъ на личное окончаніе, *ó* правильно замѣняется звукомъ *у*: *но̀с'ут* (носѧтъ), *во̀д'ут* (водѧтъ), *хо̀д'ут* (ходѧтъ), *то̀рп'ут* (тръпѧтъ), *мо̀л'ут* (молѧтъ) *бо̀хт'ут* (бъхтѧтъ) и пр.

Совершенно такъ же оканчиваются и глаголы, имѣвшіе въ староболгарскомъ окончаніе -жтъ:

а) съ удареніемъ, напр.: *плето́т, пеко́т, мро́т.*

б) безъ ударенія, напр.: *ỳмрут, бùјут, пùјут, зàкол'ут, пùшут* и пр.

6. Въ окончаніи 3 мн. ч. аориста среднеболгарское окончаніе -шѧ и въ рупскомъ нарѣчіи, какъ и во всемъ болгарскомъ языкѣ, измѣнилось въ -хж—именно подъ вліяніемъ аналогіи соотвѣтственнаго окончанія имперфекта. Потому и въ Костандовскомъ говорѣ окончаніе 3 л. мн. аориста произносится -*хо*: «*л'едувѐте со стопùхо*».

7. Въ аористныхъ формахъ ед. ч. глаголовъ наѩти, напѧти и пр. уцѣлѣлъ рефлексъ того же самаго среднеболгарскаго ж, которое является замѣной ѧ въ этихъ глаголахъ: срав. 1 sg. *нај'о̀х* (наѩхъ), *зај'о̀х* 2 л. sg. *зај'о́* (заѩхъ, заѩ), 1 л. *нап'о̀х*, 2. *нап'о̀х* (напѧхъ, напѧ).

Приведенные примѣры, думаю, достаточно убѣждаютъ, что всѣ среднеболгарскіе типы какъ «правильной», такъ и «неправильной» замѣны ѧ черезъ ж, насколько ихъ существованіе возможно въ новоболгарскомъ языкѣ, дѣйствительно, имѣются въ Костандовскомъ говорѣ. Нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, гдѣ эта носовая замѣна встрѣчается въ среднеболгарскихъ памятникахъ, можно и не найти въ нашемъ говорѣ, но все-таки они найдутся уцѣлѣвшими въ одномъ изъ сосѣднихъ рупскихъ говоровъ. Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ реальномъ существованіи всѣхъ этихъ примѣровъ носовой замѣны и въ среднеболгарскомъ языкѣ. Мнѣнія же, будто эта замѣна носовыхъ противорѣчитъ правилу о «необходимости» палатальнаго согласнаго передъ замѣнившимся носовымъ гласнымъ, нельзя уже всецѣло отстаивать.

Изъ перечисленныхъ случаевъ рефлексовъ носовой замѣны въ нашихъ говорахъ видно, что количество примѣровъ съ первоначально непалатальнымъ согласнымъ передъ бывшимъ носовымъ даже превышаетъ число дру-

гихъ—съ палатальнымъ согласнымъ. Итакъ, ясно, что процессъ смѣшенія ѧ съ ж, хотя повидимому и начался въ словахъ, гдѣ предшествовалъ палаталъ, съ теченіемъ времени однако продолжалъ распространяться, и несмотря на качество предыдущаго согласнаго; а изъ этого слѣдуетъ, что положеніе палатала передъ носовымъ не было самымъ главнымъ и единственнымъ условіемъ замѣны носовыхъ. Мы видѣли, что въ рупскомъ нарѣчіи вообще замѣна ѧ черезъ ж является правильно въ акцентованныхъ слогахъ, и что это—единственное условіе, безъ котораго эта замѣна вообще не выступаетъ. Исключенія, при объясненіи которыхъ можно допустить перемѣщеніе ударенія, какъ было указано выше, не нарушаютъ этого правила. Повидимому, нельзя сомнѣваться, что это условіе—необходимость ударенія—не можетъ быть совершенно новымъ, если въ приведенныхъ примѣрахъ несомнѣнна генетическая связь новоболгарскихъ рефлексовъ носовыхъ съ соотвѣтствующею среднеболгарскою замѣною носовыхъ. Но такъ какъ эта связь очевидна, то мы должны допустить, что и среднеболгарская замѣна носовыхъ управлялась какимъ то факторомъ, который долженъ былъ имѣть какое-нибудь соотношеніе съ удареніемъ.

Такимъ факторомъ могло быть только слоговое количество. Первоначально, когда появились первые типы замѣны ѧ черезъ ж, количество еще могло и совсѣмъ не зависѣть отъ ударенія; но впослѣдствіи, при постепенномъ исчезаніи въ языкѣ,—оно временно нашло себѣ въ удареніи союзника-охранителя. И въ этотъ лишь періодъ акцентованной долготы совершилось смѣшеніе ѧ съ ж въ акцентованныхъ долгихъ слогахъ безотносительно къ качеству предыдущей согласной.

Тогда именно и создались всѣ эти примѣры такъ называемой «неправильной» замѣны носовыхъ. Первоначально этотъ процессъ замѣны начался во всѣхъ болгарскихъ, особенно же въ восточноболгарскихъ нарѣчіяхъ; но дальнѣйшее развитіе этого процесса въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ зависѣло отъ болѣе быстраго или болѣе медленнаго развитія процесса совершеннаго исчезновенія слоговой долготы. На основаніи новыхъ данныхъ изъ области восточноболгарской діалектологіи (см. у меня Das Ostbulgarische с. 152, 216; Мин. Сбор. XVI—XVII, 409, 413), очень вѣроятно, что количество ранѣе исчезло въ сѣверовосточныхъ, чѣмъ въ юговосточныхъ говорахъ; всего же консервативнѣе оказались по отношенію къ количеству именно рупскіе говоры. Поэтому не удивительно, если уже въ среднеболгарскую эпоху языка «неправильная» замѣна ѧ черезъ ж была сильнѣе всего развита въ областяхъ пространнаго рупскаго нарѣчія, достигавшаго на югъ отъ Родопскихъ горъ до Эгейскаго моря. Поэтому и состояніе носовыхъ не одинаково отражалось въ письменныхъ памятникахъ. На этомъ основаніи, независимо отъ другихъ соображеній, можно относить «Среднеболгарскій Златоустъ»

къ памятникамъ, въ коихъ отразилось вліяніе рупскаго нарѣчія среднеболгарской эпохи. Насколько же занимающая насъ носовая замѣна дѣйствительно развилась подъ вліяніемъ слоговой долготы, этотъ спеціальный вопросъ составитъ предметъ особой статьи (см. объ этомъ у меня Мин. Сбор. XVI—XVII, 411—413).

Но какова бы и ни была первая и главная причина замѣны ѧ черезъ ж, несомнѣнно то, что и теперь начала ея развитія очевидны во всѣхъ восточноболгарскихъ говорахъ; во-первыхъ, произношеніе личныхъ мѣстоименій мѧ, тѧ, сѧ, какъ *мъ*, *тъ*, *съ*, respective *ма̥*, *та̥*, *са̥* и даже *ма*, *та*, *са* въ восточноболгарскомъ всѣмъ извѣстно. Извѣстно также сильное распространеніе случаевъ съ рефлексомъ ж вм. ѧ послѣ палатальныхъ, какъ напр. въ словахъ *шъпа*, *жътва*, *жъден*, *жаден* и пр.; кромѣ того, и произношеніе 'ъ, resp. 'а̥ и 'а вм. ѧ напр. въ *дев'ат*, *дес'ат* и пр. опять то же самое явленіе, какъ и въ Костандовскихъ примѣрахъ 'о вм. ѧ.: *дес'оки*, *дев'оки* и пр. Какъ было уже сказано, Облакъ тщетно старался объяснить особое произношеніе вм. стб. ѧ въ этихъ примѣрахъ, хотя и былъ недалеко отъ истины (см. Минист. Сбор. XI, 543, 581). Въ суффиксныхъ слогахъ замѣна ѧ черезъ ж, насколько ея начала были развиты въ другихъ болгарскихъ говорахъ, не могла надолго удержаться вслѣдствіе наступившаго, послѣ изсчезновенія количества, аналогичнаго уравненія окончаній формъ подъ вліяніемъ синтактически сродныхъ и болѣе сильныхъ категорій. Вопреки тому въ 3 л. мн. ч. наст. времени слѣды занимающей насъ замѣны и теперь во всѣхъ восточноболгарскихъ говорахъ вполнѣ ясны: даже и въ книжномъ болгарскомъ языкѣ говорятся и пишутся формы: *ход'ът* (3 pl.), *нос'ът*, *търп'ът*, *върт'ът*, *сп'ът* и пр. Разумѣется, что возникновеніе этихъ формъ можно объяснять и иначе—путемъ обыкновенной аналогіи, и потому до сихъ поръ ихъ не брали въ расчетъ, объясняя формы какъ девять и пр.

Очевидно, первыя начала замѣны ѧ черезъ ж должно искать въ формахъ, гдѣ ѧ произносилось непосредственно послѣ палатальнаго согласнаго, и лабіализующее воздѣйствіе послѣдняго, поддержанное и количествомъ, привело къ первымъ типамъ занимающей насъ носовой замѣны. Согласный передъ ѧ, если и не бывалъ всегда чисто палатальнымъ, все-таки подъ вліяніемъ ѧ всегда былъ настолько палатализованъ, что уже принадлежалъ къ разряду передне-палатальныхъ. Еще въ концѣ староболгарскаго періода первоначально твердый согласный передъ ѧ является уже значительно смягченнымъ, такъ что слоги: тѧ, пѧ, рѧ, нѧ, сѧ и пр. въ сущности произносились т́ѧ, ѓѧ, ṕѧ, и пр., на что намекаетъ и правописаніе съ ѩ вм. ѧ въ такихъ слогахъ, напр. въ Ассеман. ев.: грѩдѫ, кнѩзь, сѩ, сѩди, въспѩть, отрочѩ и пр., въ Зограф. ев.: десѩть; въ Супрас. мин.: кънѩзи, тѩ, сѩ, протѩгъше и под.

Эта секундарная палатальность предыдущаго согласнаго держалась въ большинствѣ случаевъ въ теченіе всѣхъ стадій, черезъ которыя прошло фонетическое развитіе замѣны ѫ черезъ ж до нынѣшняго времени, какъ видно особенно въ примѣрахъ изъ рупскихъ говоровъ, гдѣ акцентованное ѫ правильно является замѣненнымъ черезъ *'ó*. Оттого, по справедливости, нельзя ни въ коемъ случаѣ называть замѣну ѫ черезъ ж *«неправильною»*, даже и съ точки зрѣнія главнаго правила носовой замѣны, по которому всегда предполагается палатальный согласный передъ замѣнившеюся носовою.

Въ сосѣдствѣ съ говоромъ деревень Костандово и Ракитово, изъ котораго я бралъ приведенные примѣры замѣны ѫ черезъ *ó*, существуютъ говоры, въ коихъ вмѣсто *ó* еще слышится *ъ*; изъ этого именно *ъ* впослѣдствіи развилось *ó* въ большинствѣ рупскихъ говоровъ. И передъ этимъ *ъ* согласная въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилась мягкою (*'ъ*). Я уже указалъ на одинъ такой говоръ, въ которомъ произносится *ъ* (*'ъ*), какъ рефлексъ ж, замѣнившаго ѫ,—всегда подъ удареніемъ.

Это говоръ болгарскихъ павликіанъ около города Пловдива и ихъ сродниковъ въ Подунайской Болгаріи—около г. Свищова и Никополя, и въ Венгріи—въ Банатѣ (см. Мин. Сборн. XVI—XVII. 410, XIX. 228 и сл.; Das Ostbulgarische 212). Къ говору павликіянъ можно теперь, по отношенію къ замѣнѣ ѫ черезъ *ъ*, еще причислить говоръ деревни Батакъ (сосѣдней съ деревнею Ракитово и Костандово) и говоры деревень Дѣдово, Хвойна и Павелско въ области Рупчосъ; эти говоры я изучалъ лично и собралъ немало примѣровъ изъ народнаго говора. Въ павликіанскомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ уже исчезла мягкость согласнаго передъ *ъ* (=ѫ), срав. *кл'ѣтва* (клѫтва), *гл'ѣдам* (глѫдалѫ), *т'ѣшко* (тѫжько), но и: *тѣшко, дутѣна, тѣли* (тѫг-), *пусѣна* (сѫг-), *упрѣна* (прѫг-), *стѣна* (стѫг-), *лѣна* (лѫг-), *зъл* (възѧлъ), *зъх* (възѧхъ), *зъ* (възѧ, 2, 3 sg:), *зът* (зѧть) и пр. *пѣди* (пѫди), *чѣдо* (чѧдо), *чѣсто* (чѧсто) и пр. (Das Ostbulg. 212, 220).— Срав. еще: *сѣдни «ше сѣдна»* (1 praes.сѧд-); *сѣднах* (imperf.): «кат *сѣднаа* та да си јадът»; «бѣше *пѣтък*» (пѫтькъ); *срѣща* ще *срѣщна* (сърѧт-); *гувѣда* (говѧда); *пугл'ѣдам* (1. sg., глѧд-) и др. (гов. дерев. Батакъ); *оп'ѣва* (-пѧ-, 3 sg.), *гл'ѣдам* (гов. дерев. Павелско); *з'ѣха* (=възѧшѧ; гов. дерев. Дѣдово).

Послѣ сказаннаго мы имѣемъ право предположить, что въ среднеболгарскихъ памятникахъ вслѣдствіе неточности графики палатальность согласнаго передъ ж вм. ѫ хотя и существовала, не была передана традиціональнымъ правописаніемъ носовыхъ слоговъ. Иначе нельзя понять, какимъ образомъ отъ ржд, спжтъ (3 pl.), глжда-, десжти, кжтва, имж и пр. (см. выше), если эти среднеболгарскія слова не произносились, какъ р'ждъ, сп'жтъ, гл'жда, дес'жти, кл'жтва, им'ж и пр., могли развиться теперешнія новоболгарскія (рупскія) формы: *р'от, сп'от, гл'ода, дес'от, кл'отва*,

им́о respective *гл́ъда-*, *кл́ътва* и пр. А что предполагаемое произношеніе данныхъ формъ, именно съ мягкостью предыдущаго согласнаго, дѣйствительно должно было существовать, въ этомъ, думаю, послѣ всего сказаннаго трудно сомнѣваться.

Наконецъ, мы не совсѣмъ лишены и примѣровъ фактическаго проявленія предполагаемой мягкости въ самой графикѣ среднеболгарскихъ памятниковъ, хотя и очень рѣдкихъ, срав., напр., въ Добромировомъ евангеліи: «хотѫи» (прич. наст. вр.) и «хотѭи»; «сѣдѫи» и «сѣдѭи» (ор. с. 29); «болѫщихъ» и «хвалѭщє» (с. 30). Сюда принадлежатъ и примѣры: «сѫи» на ряду съ сѭи; ѣдѫи — ѣдѭи, грѣдѫи — грѣдѭи (с. 32). Впрочемъ, условное значеніе знака ѫ, равняющагося и знаку ѭ, въ среднеболгарскихъ памятникахъ такъ обыкновенно, что даже и послѣ гласнаго большею частью ѫ замѣщаетъ ѭ, какъ, напр., и въ упомянутыхъ нашихъ памятникахъ, Охрид. Апостолѣ и Среднеболг. Златоустѣ, гдѣ пишутся: приѫхь, пиѫи, даѫ и пр. вм. приѭхь, пиѭи, даѭ и пр.

До сихъ поръ мы почти исключительно касались только замѣны ѧ черезъ ѫ, стараясь установить границы ея фактическаго распространенія въ среднеболгарскомъ языкѣ. Мы наконецъ пришли къ заключенію, что только начала этой замѣны надо искать въ лабіализующемъ вліяніи предшествующихъ палатальныхъ согласныхъ, предполагая однако необходимымъ и второе условіе — а именно акцентованную долготу носового гласнаго. Самую важную опору для предположенія этого второго условія, ставшаго потомъ, съ развитіемъ процесса, единственнымъ факторомъ, обусловливающимъ эту замѣну, мы находимъ въ новоболгарскихъ ея рефлексахъ рупскаго нарѣчія, гдѣ всегда удареніе сопровождаетъ рефлексъ ѫ = ѧ. Будущія изслѣдованія вопроса о роли количества въ этомъ фонетическомъ процессѣ, вѣроятно, подтвердятъ наши предположенія.

Совсѣмъ не тождественнымъ путемъ двигалось развитіе другой замѣны — ѫ черезъ ѧ. Главнымъ внѣшнимъ условіемъ этой замѣны, какъ извѣстно, всегда является присутствіе одного изъ среднепалатальныхъ согласныхъ *л́*, *р́*, *н́*, respective *п́*, *б́*, *в́* *м́* передъ носовымъ ѫ для замѣны этого послѣдняго носовымъ ѧ. Рѣдкія исключенія этого правила вообще встрѣчаются въ такихъ грамматическихъ случаяхъ, гдѣ вообще возможна была и замѣна ѧ черезъ ѫ. Мы видѣли уже, что ѫ вм. ѧ всего чаще является въ окончаніи дѣйствительнаго причастія наст. врем., даже и послѣ *л́ р́ н́*, которые передъ ѧ были среднепалатальными, напр. мьнѫ (прич. ед. ч.), глаголѫ, творѫи, велѫщимь, мнѫщимь сѧ и пр. (см. у Кульбакина ор. с. 218, Среднеболг. Златоустъ 45, 47). Очевидно, что законы замѣны ѫ черезъ ѧ не тѣ же, что̀ законы обратной замѣны ѧ черезъ ѫ. Во всякомъ случаѣ, въ развитіи первой никакъ нельзя предполагать участія количества respective

ударенія. И дѣйствительно, замѣна ѫ черезъ ѧ въ среднеболгарскихъ памятникахъ правильно является въ окончаніи формы настоящаго времени 1 л. ед. ч., въ которомъ, какъ извѣстно изъ исторіи славянскаго количества, ѫ не было долгимъ. Итакъ, замѣну ѫ черезъ ѧ можно причислить къ обыкновеннымъ явленіямъ прогрессивной ассимиляціи. Для измѣненія ѫ въ ѧ подъ вліяніемъ предыдущаго согласнаго очень помогалъ и первоначальный фонетическій характеръ носового ѧ, который произносился, какъ широкое *е*, т. е. *ä*—съ предыдущимъ мягкимъ консонантомъ, какъ сказано выше (см. объ этомъ у меня Мин. Сборн. IX. 288—290. XIII. 104, 107, XVI—XVII. 413—415; у Облака, Сбор. XI. 581). Результаты среднеболгарской замѣны ѫ черезъ ѧ впослѣдствіи были по большей части уничтожены новымъ уравнительнымъ процессомъ аналогіи, вновь установившимъ старинное однообразіе флексивныхъ окончаній (нѣсколько такихъ уцѣлѣло въ болгарскомъ языкѣ, напр. въ окончаніи 1 л. ед. ч. наст. времени). Не будь этого процесса, въ новоболгарскихъ говорахъ и понынѣ было бы много слѣдовъ упомянутой замѣны. Въ самомъ дѣлѣ, такіе слѣды немногочисленны; наприм. форма 1 л. ед. ч. наст. времени должна оканчиваться, согласно съ фонетикой большинства восточноболгарскихъ говоровъ, рефлексомъ ѫ—именно *ъ* тамъ, гдѣ не предшествуетъ палатальный согласный *л'*, *р'*, *н'*, *п'*, *б'*, *в'*, *м'*, а въ противномъ случаѣ—рефлексомъ ѧ, т. е. *е*. Извѣстно, что этого правила до сихъ поръ ни одинъ изъ болгарскихъ говоровъ строго не придерживается, хотя разница между *ъ* (=ѫ) и *é* (= средненеб. ѧ) во многихъ говорахъ еще существуетъ (см. у меня Das Ostbulgarische, напр. 132, 128 и др.). Въ нарѣчіи деревни Банско (въ Разлогѣ), дѣйствительно, находимъ чистое окончаніе -*е* вм. среднеболг. -ѧ въ той же формѣ, напр. мол*е*, гор*е*, гон*е*, но по аналогіи то же самое окончаніе -*е* замѣнило въ этомъ нарѣчіи и среднеб. ѫ, такъ что говорятъ и *плѐте* (1 sg.).

Въ виду сказаннаго очень замѣчателенъ говоръ упомянутой деревни Ракитово (сосѣдней съ деревнею Костандово), потому что въ немъ лучше всѣхъ сохранилась среднеболгарская замѣна ѫ черезъ ѧ въ окончаніи настоящ. времени 1 л. ед. ч. Въ говорѣ Костандова глаголы въ 1 л. ед. ч. наст. вр. оканчиваются на *ó* или *о* (безъ ударенія), напр. *пекó*, *плѐто*, *бѝjо*, *ѓдр'о*, *вóрв'о*, *зàкол'о* и пр. И въ говорѣ д. Ракитово то же самое окончаніе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуетъ согласный *л'*, *р'*, *н'*; въ послѣднемъ случаѣ вм. оконч. *о* является *е*, напр. *мдго*, *нòс'о*, но: *мòле*, *отвдре*, *ѓòне*. Это *е*, несомнѣнно, прямой рефлексъ среднеболгарскаго ѧ=ѫ. Замѣчательно еще, что въ 3 pl. уже слышится полутемное *е*, т. е. *ẹ*: *ѓон'ẹт*, *мол'ẹт*.

Проф. Л. Милетичъ.

Софія 20/xi. 1904.

Придъ (агырлыкъ) — болгарская кладка.

С. С. Бобчевъ.

Придъ—болгарская кладка—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ обычаевъ въ Болгаріи. Это вовсе не провинціализмъ, бытовой или юридическій. Во всѣхъ отвѣтахъ, которые получены мною по вопросамъ моей спеціальной программы объ изученіи болгарскаго юридическаго быта [1]), говорится о существованіи прида въ той или иной формѣ.

«Придъ» живетъ и на гремящихъ берегахъ Вардара и въ живописной Розовой долинѣ, подъ Шипкинскимъ Балканомъ и въ грозныхъ ущельяхъ Родопъ, и въ богатыхъ поляхъ Пловдива, Софіи, Старой-Загоры и Рущука. Вездѣ—въ деревняхъ, селахъ, городахъ—онъ живъ, если не въ чистой своей формѣ, то, по меньшей мѣрѣ, въ фазѣ вымирающихъ символовъ и обрядностей во время свадьбы.

Но, прежде всего, познакомимся съ тѣмъ, что̀ такое «придъ». Въ жизни, а именно въ предбрачныхъ и брачныхъ отношеніяхъ, придъ не только проявляетъ свою живучесть, но игралъ и, по мѣстамъ, играетъ и до сихъ поръ довольно важную роль. «Годежу» (помолвкѣ) и «свадьбѣ» безъ «даровъ» («безъ тънки дари») не бывать; бѣднѣйшіе парень и дѣвушка должны приготовить подарки, насколько дозволяетъ ихъ состояніе, и обмѣняться ими. Если мы остановимся на описаніи обычаевъ и обрядовъ около и во время болгарской свадьбы, то увидимъ, что центральный пунктъ всего—подарки и пирушки [2]). Несмотря на это, народъ говоритъ: «свадба безъ даръ не се връща».

Если, однако, вѣрно, что «свадьба безъ дара не возвращается», тѣмъ болѣе вѣрно, что свадьба безъ прида отмѣняется, помолвка считается уничтоженной. Свадьба во многихъ мѣстахъ не можетъ состояться, если не

1) С. С. Бобчевъ,—За събирането и изучването на българскитѣ юридически обичаи. Пловдивъ, 1883 г.

2) Ср. Сборники памятниковъ народнаго творчества Чолакова, бр. Миладиновыхъ, Шапкарева, Иліева, Министерства Народнаго Просвѣщенія, мой «Сборникъ на бълг. юридич. обичаи», т. I, стр. 179—187.

будетъ договорена, и, обыкновенно, если не будетъ уплачена извѣстная сумма денегъ отцу невѣсты со стороны парня или его родителей-представителей.

Обычай этой платы денегъ носитъ не одинаковое названіе, но содержаніе его всеобще и одинаково. Въ Западной Болгаріи, гдѣ лексическое богатство староболгарскаго языка сохраняется очень упорно, обычай называется «придъ», что̀ означаетъ прибавленіе. Въ Южной Болгаріи эта сумма денегъ названа турецкимъ словомъ *агърлыкъ, аарлъкъ, агърлъкъ* (особенно въ Хасковскомъ и Пловдивскомъ округахъ и въ селахъ Родопъ)[1]; въ «павликенскихъ» (болгаро-католическихъ) селахъ употребляется другое турецкое названіе—баба-хакѫ, т. е. отцовское право. Впрочемъ баба-хакѫ слышится и въ другихъ краяхъ Болгаріи—Сѣверной и Южной,—гдѣ сожительство съ турками не оставило безъ извѣстнаго вліянія народную терминологію[2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи это—*вѣнчанина*[3]). Въ Демиръ-Хисарскомъ округѣ (Македонія) говорятъ, что необходимо заранѣе *«да спвать дъска»*, т. е. договориться о томъ, что̀ родители невѣсты въ правѣ получить, какъ выкупъ ея, невѣсты[4]). Въ Панагюрище—это «бащина правдина»[5]). Говорятъ также—«спапь» и «обуща»[6]).

При помолвкѣ первое и самое важное, о чемъ должны договориться, относится къ тому: сколько парень или его родители должны дать отцу невѣсты. Было время, когда придъ былъ весьма большихъ размѣровъ; парню было даже нелегко найти средства для уплаты прида. Въ настоящемъ ко-

---

1) Нѣкоторые изслѣдователи юридическаго быта дѣлаютъ смѣшеніе въ употребленіи слова *агърлъкъ* (произносится — агырлыкъ) съ турецкими же словами *аалыкъ, агалыкъ, алыкъ* и *ялыкъ*. Тутъ большая ошибка. Если агырлыкъ, *придъ, баба-хакѫ*,—цѣна, такъ сказать, невѣсты, или «отцовскаго права», второе — самый обыкновенный даръ, подарокъ, обыкновенно состоящій въ платкѣ — по турецки *алыкъ, ялыкъ*. Это смѣшеніе встрѣчается и у Богишича (Zbornik, стр. 255—256), гдѣ два раза встрѣчается слово «агырлыкъ»: разъ оно приносится новобрачными на другой день послѣ свадьбы и дается невѣстинымъ родителямъ, другой разъ — въ первый годъ свадьбы, въ день Ивана Купалы, «деверъ» (шаферъ) ведетъ невѣсту на замерзшую воду, дабы она выкупалась, послѣ чего она даетъ ему «агырлыкъ». Богишичъ толкуетъ, что это дѣлается якобы по подобію дара (agirlik), который паша давалъ, когда женился на султанкѣ (Замѣтка Богишича подъ чертой, стр. 256). Но это очевидная ошибка. И, вѣроятно, при переписываніи слово аглыкъ (aglik) или агалыкъ (agalik) сдѣлалось agirlik'омъ. Мы тѣмъ болѣе готовы утверждать это въ виду того обстоятельства, что покойный учитель Стефанъ Захаріевъ, авторъ извѣстнаго важнаго труда «Статистическое описаніе Т. Пазарджикской каазы», давшій эти свѣдѣнія Богишичу изъ Т. Пазарджика, не могъ сдѣлать такой грубой ошибки, зная порядочно турецкій языкъ.

2) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ и пр., т. I, стр. 179—183.

3) Братія Миладинови, Български народни пѣсни. Загребъ.

Дювернуа толкуетъ это слово такъ: *Вѣнчанина*, т. е. вѣно, что дается женихомъ, предъ обрядомъ вѣнчанія, отцу невѣсты; цѣна невѣсты.

4) Сборникъ за нар. умотв. IV, 85.

5) Чолаковъ, — Сборникъ и пр. 22.

6) Сборникъ Минист. н. пр. за нар. умотв. II, 2 ч. н. 7. 219 стр. Ср. С. С. Бобчевъ,— Сборникъ на български юрид. обичаи, т. I, 179.

роткомъ сообщеніи я намѣренъ изложить нѣкоторыя данныя о болгарскомъ придѣ, объ его сущности, характерныхъ чертахъ, о происхожденіи и развитіи его, а также и о послѣдней фазѣ его жизни.

I.

Прежде всего приведемъ нѣкоторыя изъ собранныхъ мною данныхъ о томъ, когда и какъ въ Болгаріи договаривается и платится «придъ».

Вотъ что сообщилъ мнѣ уроженецъ Тырна, адвокатъ и народный представитель Петръ Важаровъ о Трынскомъ краѣ[1]).

«Придъ—продажная цѣна невѣсты, которой ея родители располагаютъ свободно (съ небольшими исключеніями), какъ вещью, «товаромъ-скотомъ». Не очень давно въ Трынскомъ округѣ не могло быть свадьбы безъ прида, какъ самой обыкновенной купли-продажи безъ «крычмы» (магарыча).

«Родители парня, особенно отецъ, разъ ему понравилась невѣста, устраиваютъ встрѣчу съ отцомъ или матерью ея. При первыхъ еще переговорахъ рѣчь заходитъ о *придѣ*. Если дѣло не пойдетъ на ладъ, то переговоры откладываютъ до другого раза, «кага му дойде врѣмето». А самое удобное время, это *огледъ* (смотрины), когда есть и другіе люди—посредники, называемые наваладжіи[2]). Тогда, случается, спросятъ и самое невѣсту, которая на вопросъ отца: «Нравится ли тебѣ парень, котораго я тебѣ выбралъ?» отвѣчаетъ: Е, па я знамъ ли, како ти речешъ.... *гледай ти за тебе*, тате, я съмъ си читаво кандисало», т. е. «Ну, такъ почему знать мнѣ, какъ ты скажешь.... *ты смотри про себя*, батюшка, я вполнѣ согласна».—«Ты смотри про себя» значитъ: обрати ты вниманіе на свой придъ.

«Тогда посланецъ парня—отецъ, хозяинъ «задруги» (большой семьи), или другой изъ его близкихъ—спрашиваетъ отца невѣсты:

— Прио (собственное имя), сколько..... хочешь прида отъ парня, моего Тошу[3])?... Знаешь, онъ хорошъ, смирный, умѣетъ денежку копить, «за све га бива» (на всѣ руки мастеръ): бросать камень, бороться—никто не можетъ стать противъ него; да и красавецъ онъ.... не хуже твоей Божурки[4])».

---

1) Трынскій край — одинъ изъ тѣхъ, который составляетъ часть *шоплук*'а, гдѣ болгарскій бытъ и языкъ сохранились въ довольно большой чистотѣ. Трынскій край — называется *Знеполе*.

2) Слово *навалджіи* характерно тѣмъ, что оно болгарскаго происхожденія съ турецкимъ окончаніемъ. Навалджія отъ *навалямъ*, т. е. наступаю, а въ фигуративномъ смыслѣ — убѣждаю, ускоряю. Въ Зап. Болгаріи свадьбы безъ «навалджіевъ» не бываетъ; зато противъ навалджіевъ всегда найдутся и «кудачеи»; кудачъ имѣетъ задачу, противоположную «навалджію»; онъ *кудитъ*, т. е. укоряетъ, портитъ дѣло.

3) Названіе парня; уменьшительное отъ Тодоръ.

4) Названіе невѣсты; уменьшительное отъ «Божура». «Божуръ» — это красный цвѣтокъ — растенія Peonia officinalis,— піонъ, Марьинъ корень.

Присутствующіе начинаютъ убѣждать отца невѣсты, что это, молъ, на самомъ дѣлѣ такъ и есть: «Ей Богу, все это совершенная правда.... Парень не стоитъ больше двухъ паръ.... Видно, что дѣло должно быть. Только давайте *«по скоро да прекинемо придъ»* (скорѣе опредѣлить придъ), «покончить съ торгомъ» и «переломить ноги у черта, которой такъ сильно препятствуетъ».

— Ну, такъ и я вовсе не много запрашиваю: 500 піастровъ, для меня кожухъ» (шуба), для бабы—кожухче (маленькая шуба), снохамъ и дѣтямъ въ домѣ—башмаки.

— О, о, о,... такъ ты запрашиваешь и молоко матери твоей; да поменьше, поменьше. Какъ оно *«редно, да не е освенъ свѣтъ»* (порядочно, не будь внѣ принятаго всѣми). Твой сосѣдъ получилъ только 200 піастровъ, а мы тебѣ даемъ, ну, 300, такъ какъ знаемъ, что твоя Божурка ничего себѣ, стоитъ своихъ денегъ.

— Хорошо! такъ давайте хоть 400 піастровъ.

— Нѣтъ, нельзя такъ, круглымъ числомъ не хорошо; грошомъ больше, грошомъ меньше[1]).

— *Хайде, хайде, честито да е!...* 350 грошей; это ужь справедливо.

— *Честито, честито!* 350! 350! Хаирлія нека е (т. е. счастливо, счастливо! 350, 350! Будь благополучнымъ).

— *Хаирлія, хаирлія*[2])! 350, 350! Гдѣ ты, Божурка, поди цѣловать руки.

«И Божурка приходитъ, цѣлуетъ руки всѣмъ; гости и домашніе пожимаютъ другъ другу руки, и начинается разговоръ о томъ, когда будетъ уплаченъ придъ. Обыкновенно его даютъ въ день «помолвки» (тъкмежъ, годежъ, главежъ), или въ день свадьбы. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, «когда родители невѣсты и парня имѣютъ другъ къ другу большое довѣріе», возможно отложить уплату «прида» на 1—2 недѣли послѣ свадьбы, и тогда «придъ» приносится съ большей церемоніей.

«Придъ» дается деньгами, вещами, разными подарками, назначенными для отца и матери невѣсты, снохъ, дѣтей и пр. Старшимъ даютъ «кожухи» (шубы), младшимъ обувь, платки или иные мелкіе предметы, невѣстѣ же обязательно — «верхнюю одежу», или какую-либо старую желтицу: пендара, махмудія и пр.[3]).

1) *Грошъ* — старинная монета, названіе которой принято турками для обозначенія 40 паръ. Грошъ или піастръ стоитъ приблизительно 20 сантимовъ, около семи копеекъ.

2) Слово *хаирлия* (турецкое) означаетъ благополучный, отъ хаиръ—благополучіе. *Да е хаирлия* употребляется весьма часто во всѣхъ благопожеланіяхъ и напутствованіяхъ.

3) Первый даръ невѣстѣ долженъ быть «желтицей» (червонецъ). Только весьма бѣдные могутъ замѣнить его серебряной монетой, опять-таки стариннаго типа и происхожденія.

«Всѣ стараются возможно скорѣе и легче покончить съ договоромъ «прида», такъ какъ, если парень и невѣста другъ друга полюбили, имъ извѣстенъ способъ «ускорить дѣло» и безъ прида: невѣста можетъ бѣжать къ парню; а бываетъ и такъ, что парень насильственно можетъ похитить ее, «какъ волкъ овцу».

«Рѣдко случается разстроить «дѣло» вслѣдствіе неуплаты прида; но все-таки это бываетъ. Всѣ озабочены тѣмъ, чтобы какъ нибудь удовлетворить требованіямъ обычая.

«Нынѣ «придъ» начинаетъ исчезать. Причина тому: бѣдность родителей парня, добровольное бѣгство невѣсты, насильственная кража и умыканіе. Въ 1898 г. Софійская митрополія отправила окружное посланіе противъ «прида», «торга» и «продажи невѣстъ», однако оно, это посланіе, не могло воздѣйствовать для прекращенія обычая. Ни одинъ священникъ, знающій о придѣ, не посмѣлъ возстать противъ него[1]).

«У насъ нѣсколько пословицъ, въ которыхъ вполнѣ выражены правила продажи невѣсты и прида: «Убава мома, како убава стока, сама се продава.—Кой се жени, онъ си кьесу гледа.—Чедо се бадеява не дава.—Споредъ девойкьу и придъ»[2]).

Радню Адырски, видный старикъ-селянинъ изъ Брѣзова, въ Пловдивскомъ Округѣ, 27 лѣтъ, мнѣ разсказалъ о придѣ слѣдующее: «Безъ «агырлыкъ» и безъ большого агырлыка въ турецкое время никто не выдавалъ свою дочь. Пусть заботится объ этомъ самъ женихъ. Отцы невѣстъ запрашивали и до 1000 грошей. А въ то время 1000 грошей были значительный капиталъ не только для бѣдныхъ, но и для каждаго. О размѣрѣ прида говорили во время помолвки. Прежде всего придъ, и потомъ ужъ другое. Если парень почему либо не согласится или же онъ бѣденъ и не можетъ дать, сколько захочетъ отецъ невѣсты, помолвка не состоится. «Моя дѣвушка не для тебя», скажетъ отецъ парню, и послѣдній уходитъ. Приходитъ другой «мющерія» (кліентъ, охотникъ, покупатель), даетъ извѣстную сумму прида и беретъ невѣсту. Если у невѣсты нѣтъ отца, придъ все же дается. Если отецъ умеръ, отцовское право не умерло. Получаетъ придъ представитель дома, старшій въ домѣ; получаетъ его мать, въ ея отсутствіи — дядя, старшій братъ, словомъ — представитель дома или семьи».

Тодорица Гочева (50—55 лѣтъ) изъ с. Калековецъ (близъ Пловдива) отвѣтила мнѣ: «Какъ не быть агырлыку! есть онъ у насъ, во всѣхъ нашихъ деревняхъ и селахъ. Существовалъ когда-то, есть и теперь. Вѣдь я тоже

---

1) Свѣдѣнія эти даны въ 1899 г.

2) Въ переводѣ: Хорошая дѣвушка, какъ хорошій товаръ, сама продаетъ себя. — Кто женится, смотритъ на свой кошелекъ. — Дочь не дается даромъ. — По дѣвушкѣ и «придъ».

женила парня три года тому назадъ. Мы бѣдны, понадобилось продать не много пшеницы, не много кукурузы, собрали сто-двѣсти грошей и *выкупились*. Слава богу, отецъ невѣсты, хотя тоже бѣдный, оказался разумнымъ человѣкомъ и не запросилъ много. Въ старину запрашивали по 1000 и больше грошей. Не дать, нѣтъ и невѣсты; хорошо—не хорошо, такъ было; и много бѣдняковъ разорялись на этомъ агырлыкѣ; возьмутъ у какого либо торгаша деньги съ «фаизомъ» (проценты) по 25—50%, не могутъ ихъ заплатить своевременно—и вотъ молодая супружеская пара пошла по турецкимъ «чифликамъ» (хуторамъ) закабаляться. Но нечего было дѣлать: такъ пошло отъ дѣдовъ и отцовъ».

По словамъ Лачо Каранфилова изъ с. Маркова, близъ Пловдива, у подошвы Среднихъ Родопъ агырлыкъ продолжаетъ существовать въ весьма малыхъ размѣрахъ и переживаніяхъ—въ дареніяхъ обуви и шубы для семьи невѣсты. Турки этого края называютъ агырлыкъ — словомъ *баба-хакы*, т. е. отцовскимъ правомъ. Во время помолвки только ведутъ переговоры объ агырлыкѣ, а рѣшаютъ его размѣръ въ спеціально для этого назначенный день, когда собираются у невѣсты *на отсѣкъ*. Тогда договариваются о днѣ свадьбы и о количествѣ башмаковъ, которые парень принесетъ въ домъ невѣсты. Торгъ объ «обуви» бываетъ послѣ угощенія. Отецъ невѣсты скажетъ: «Я хочу 40—50 паръ башмаковъ». Послѣ же соглашенія объ обуви отецъ невѣсты спроситъ: «Ами агырлыкъ?» Этотъ обычай обыкновенно сохраняется въ с. Шайтанкюй. Самъ Лачо далъ для своей первой супруги только одинъ червонецъ, для второй же — лишь — обувь. «Но, говорилъ онъ, агырлыкъ сохраняется въ польскихъ краяхъ. Тамъ онъ *законъ*[1]».

«Весьма распространенъ агырлыкъ у цыганъ. Они запрашиваютъ по 3000—4000 грошей (піастровъ). Цыганъ — отецъ невѣсты говоритъ парню: «Я тебѣ даю, Хальо, невѣсту—вмѣстѣ съ парой воловъ, съ плугомъ и принадлежностями и съ житницей. Что же ты еще думаешь и не даешь настоящей цѣны?» Цыгану-парню нечего дѣлать. Онъ выбивается изъ силъ, продаетъ, что у него есть, и платитъ, лишь бы получить цыганку-невѣсту, которая въ самомъ дѣлѣ приноситъ ему «въ своемъ мѣшкѣ» не только пару воловъ съ плугомъ, но и настоящій «чифликъ» (хуторъ — ферму)».

Замѣчательно, что агырлыкъ или баба-хакы сохранился у помаковъ — болгарскихъ мусульманъ. Обыкновенно въ этихъ мѣстностяхъ

1) Здѣсь слово «законъ» народъ употребляетъ въ смыслѣ обычая. Какъ у сербовъ, такъ и у болгаръ, слово «законъ» имѣетъ троякій смыслъ: 1) обычая, consuetudo, coutume; 2) вѣры, religio и 3) закона, lex. Объ этомъ см. *мою статью*: «Обычай и законъ» въ «Лѣтопись на Бълг. Книжовно Дружество» за 1903 г. Ср. Вук Караџић, — Рјечник, слово «законъ»; Ѳ. Зигель, — Законникъ Стефана Душана, Спб. 1872, стр. 115.

агырлыкъ переродился въ обувь, одежу, главнымъ же образомъ въ «кожухи» (шубы).

Въ моемъ «Сборникѣ на бълг. юр. обичаи» напечатаны данныя объ агырлыкѣ изъ Сѣверной Болгаріи (Елена, Лѣсковецъ, Рущукскій Округъ), изъ Южной Болгаріи (Казанлыкъ, Копривщица, Стара-Загора, Хасково) и изъ Македоніи (Струга, Скопье, Ахы-Челеби и пр.)[1]).

По этимъ даннымъ агырлыкъ существуетъ во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ. Въ Ахы-Челеби[2]) агырлыкъ—это «пары за спапъ», т. е. деньги на одежду, отъ 20 до 500 піастровъ. Это какъ бы вознагражденіе отцу невѣсты за расходы по приготовленію одежи невѣсты[3]). Въ Стругѣ[4]) парень даетъ отцу невѣсты 10 піастровъ, а этотъ ему возвращаетъ одинъ піастръ, «хаиръ-парасѫ»—турецкій терминъ, означающій «деньги на счастье». Во всѣхъ селахъ Стругскаго уѣзда парень даетъ еще 200—300 піастровъ *баба-хакѫ* (отцовское право). Въ Скопскихъ (Ускюбскихъ) селахъ во время «яблоки» («на ябалка»), день формальной помолвки, договариваются, сколько піастровъ отецъ парня даетъ невѣстинымъ родителямъ, сколько паръ «обуви» (башмаковъ) ея братьямъ, кромѣ того по «кожуху»—отцу и матери ея. Агырлыкъ по общему правилу дается за 10—15 дней до свадьбы, между тѣмъ какъ дары приносятся, когда родственники парня придутъ за невѣстой[5]).

Въ Хасковскихъ селахъ, напр. въ Добричѣ, даютъ *баба-хакѫ* отъ 300 до 800 піастровъ. Независимо отъ этого, обмѣниваются подарками, и парень обязанъ дать братьямъ невѣсты «ботуши» (сапоги), сестрамъ—«обуща» (башмаки), остальнымъ родственникамъ — маленькіе подарки.

Въ Демиръ-Хисарскихъ селахъ (Македонія), въ четвергъ до свадьбы, происходитъ «сѣчѐне на дъскàта», т. е. договариваются о томъ, что̀ долженъ заплатить парень за дѣвушку. Во время торга отецъ дѣвушки говоритъ: «*Ну, такъ, ставьте, вѣдь знаете старый обычай*». Отецъ парня поставитъ: а) 50 піастровъ *баба-хакѫ* — за то, что вырастили дѣвушку, б) 30 піастровъ за сундукъ, т. е. выкупъ невѣсти-

---

1) См. С. С. Бобчевъ, — Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи, ч. I, отд. 1. Семейно право. Пловдивъ, 1897 г., стр. 302. — Второй томъ этого «Сборника», содержащій «Вещи; — Наслѣдованіе; Обязательства» вышелъ въ Софіи въ 1902 г., стр. 320.

2) Ахы-Челеби — это край южнаго склона Среднихъ Родопъ, въ бассейнѣ р. Арды, гдѣ живутъ болгары неотуреченные и ахряне—болгары отуреченные. Обычаи у тѣхъ и другихъ — общіе, съ незначительными исключеніями.

3) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ на бълг. юр. обичаи, ч. I, стр.

4) Струга — въ Македоніи, на сѣв. берегу Охридскаго озера; весьма красивый городъ. Ея обитатели говорятъ: «Као Струга нема друга», т. е. «какъ городъ Струга, нѣтъ другого».

5) К. А. Шапкаревъ, — Сборникъ за народни умотворения, III, 50—59. Ср. мой «Сборникъ», I, стр. 181.

наго приданаго, в) 10 піастровъ, если отецъ парня не привезъ жаренаго овна для угощенія[1]).

Въ *Хисаръ* (Карловскій уѣздъ) агырлыкъ—до 300—400 піастровъ. Здѣсь принято, что отецъ невѣсты на эти деньги покупаетъ «обувь» для своей родни[2]). Въ Панагюрище и окрестныхъ селахъ «бащинска правдиня» договаривается во время «зáпива», когда отецъ дѣвушки запрашиваетъ 300—500 піастровъ, кромѣ того для помолвки.

Половина договореннаго агырлыка вносится, немного спустя, вмѣстѣ съ привозомъ обѣщанныхъ для помолвки предметовъ. Другая половина платится на другой день послѣ свадьбы, въ понедѣльникъ, если невѣста окажется дѣвственницей[3]).

Въ Хаджи-Елесскомъ уѣздѣ въ агырлыкъ взимается до 800 піастровъ. Если агырлыкъ не будетъ уплаченъ заранѣе, то, когда пойдутъ за невѣстой, ее не пускаютъ, пока не уплатятъ все, что̀ слѣдуетъ и что̀ условлено[4]).

Въ Казанлыкѣ даютъ *баба-хакы* въ размѣрѣ, зависящемъ отъ состоянія парня или его родителей. Обычай имѣетъ цѣлью помочь отцу невѣсты докончить приготовленіе «чеиза» (приданаго) своей дочери. Въ Старой-Загорѣ отцу невѣсты приносили *заранѣе обувь и овна*. Кромѣ того, давали *баба-хакы*: богатые — до 1000 піастровъ, средніе — до 800, болѣе бѣдные—до 500—600. Эти деньги должно было перечесть *на доскѣ* и только послѣ этого соглашались «отступить» невѣсту[5]).

Въ нѣкоторыхъ селахъ Тырнова, Елены, Рущука даютъ тоже баба-хакѫ, но обыкновенно въ формѣ подарковъ. Въ Лѣсковцѣ названіе это не употребляется, а говорятъ «деньги на обувь» (обуща)[6]).

Въ Радомирскихъ селахъ, спустя нѣсколько дней послѣ помолвки, отецъ парня съ нѣкоторыми изъ своихъ близкихъ отправляется къ отцу невѣсты для «уговора» или для «прѣдавание». Оно состоитъ въ слѣдующемъ: отецъ парня обязуется по мѣстному обычаю заплатить отъ 100 до 1000 піастровъ, смотря по тому 1) каково его состояніе и 2) каково приданое, которое невѣста принесетъ парню. Поэтому и отецъ невѣсты долженъ сказать,

---

1) Сборникъ болг. минист. нар. просв., IV, 35.

2) С. С. Бобчевъ, — Материалы за българското обичайно право. Наука, 1883, I стр. 36.

3) Этотъ обычай описанъ такъ только у Чолакова. Я не могъ его провѣрить. На мои запросы никто не подтвердилъ сообщеннаго Чолаковымъ (См. Сборникъ, 22). Во всякомъ случаѣ, этотъ двукратный вносъ «агырлыка» напоминаетъ китайскую «куплю невѣсты», гдѣ во время сговора платится половина суммы, другая — въ день свадьбы (Letourneau, L'évolution du mariage, 145).

4) Сборникъ мин. за нар. ум., II. 46.

5) Свѣдѣнія доставлены мнѣ старымъ народнымъ учителемъ Г. П. Русескимъ.

6) С. С. Бобчевъ, — Сборникъ, стр. 130, 136, 182.

сколько и какіе предметы, одежды, башмаки онъ намѣренъ дать дочери и родственникамъ парня [1]).

Вообще придъ жизненнѣе всего проявлялся и проявляется въ Западной Болгаріи, т. е. въ уѣздахъ Видинскомъ, Ломскомъ, Бѣлоградчикскомъ, Кулскомъ, Царибродскомъ, Вратченскомъ, Трынскомъ и Софійскомъ. Въ этихъ мѣстностяхъ во время «огледа» (смотрины) творится именно настоящій торгъ. Переговоры открываетъ отецъ парня.

— Ну, сватъ! мы видѣли, говоритъ онъ, «юницу» (телицу); она намъ понравилась: теперь очередь за тобой; чтò захочешъ за нее, посмотримъ.

— Чтò дашь, не увидишь, отвѣчаетъ отецъ дѣвушки. Скажи, чтò ты даешь.

Тогда отецъ парня вынимаетъ свою «кесію» (кошелекъ) и начинаетъ ставить по одной монетѣ, а отецъ дѣвушки говоритъ постоянно: «еще, свате, еще». Это «еще» продолжается до тѣхъ поръ, пока и присутствующіе вмѣшаются и скажутъ: «Ну, будетъ же; достаточно! Больше — отъ Бога».

— Это вовсе немного, объясняетъ отецъ дѣвушки; вѣдь, вѣдь моя юница словно левъ.

Этотъ выкупъ доходитъ отъ 100—500 піастровъ. Если гдѣ-либо не даютъ денегъ, то тамъ торгуются о «дарахъ»: сколько мужской и женской обуви, сколько кожуховъ (шубъ), сколько съѣстныхъ припасовъ долженъ привезти отецъ парня, когда придетъ за молодою, и т. д.

По словамъ Д. Маринова, собиравшаго данныя о народномъ бытѣ въ западномъ краѣ Болгаріи [2]), «этотъ торгъ вовсе не переговоры между родственниками и будущими близкими; это скорѣе тотъ торгъ, тотъ цыганскій споръ, который встрѣчается развѣ только по базарамъ, гдѣ продаютъ коней, воловъ или буйволовъ».

Народныя пѣсни болгаръ также содержатъ нѣкоторые слѣды этого прида. Мы приведемъ здѣсь одну, касающуюся Маріи, внучки Марка Кралевича, которую Мурадъ-бедже просилъ въ жены. Она не знала, чтò ему отвѣтить, и вотъ обращается къ своему дядѣ Кралевичу Марку и объясняетъ ему:

Ево иматъ три години дена
Ка ме проситъ, бедже, Мурадъ бедже,
Той ме проситъ, та я го не зе'амъ

. . .

Но, наконецъ, онъ сталъ очень и очень много настаивать и еще требовалъ, чтобы она сдѣлалась турчанкой.

1) Свящ. Либеновъ, — Сборникъ Нар. Умотворенія. Софія. 1896. Стр. 75—76.
2) Д. Мариновъ, — Жива старина. III. Стр. 62—64.

Говореше Марко Кралевике:
«А е гиди киръ бѣла Марио!
А Марио, моя мила мнуко,
Аль то'а тебе брига нашла?
Посакай му *скжпа вѣнчанина*,
Вѣнчанина на три бѣли градо'и,
Посакай му три руди планинье,
Три планинье со сѐ руди овци,
Съ руди овци, со млади овчари»[1]).

II.

Насколько мнѣ удалось сдѣлать нѣкоторыя сравнительныя изслѣдованія въ области народныхъ обычаевъ южныхъ и другихъ славянъ по отношенію къ «приду», я позволяю себѣ думать, что агырлыкъ, т.-е. плата за невѣсту ея отцу какого-либо вознагражденія въ такой рѣзкой и весьма распространенной формѣ едва ли существуетъ въ другой славянской странѣ. Слѣды обычая, подобнаго агырлыку, существуютъ у многихъ народовъ, и славянскихъ и не славянскихъ, арійскихъ и не арійскихъ; но только у болѣе первобытныхъ племенъ эта видоизмѣненная форма старинной купли невѣсты сохранилась въ такой рѣзкой формѣ.

Я не стану заниматься здѣсь подробнымъ изложеніемъ данныхъ объ «агырлыкѣ» у другихъ народовъ. Для цѣли моего сообщенія достаточно только замѣтить, во-первыхъ, что *придъ* не можетъ считаться исключительно болгарскимъ или славянскимъ обычаемъ, во вторыхъ, что онъ сравнительно больше сохранился среди болгаръ, да главнымъ образомъ потому, что во многихъ мѣстностяхъ народный бытъ менѣе всего затронутъ внѣшними культурными или иными вліяніями.

Болгарскій придъ имѣетъ свое подобіе въ сербскомъ такъ названномъ «братскомъ» и «дѣвичьемъ дарѣ», или «ябукѣ»[2]), въ украинской и вообще русской кладкѣ, въ «калымѣ» и «ирадѣ», у нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, главнымъ образомъ татаръ[3]). Этотъ обычай не далекъ даже отъ ирландскаго loglonamnais и средневѣковаго maritagium'a[4]). Придъ однако живетъ и проявляетъ свое существованіе какъ-то выпуклѣе, рѣзче и напоминаетъ

---

1) Бр. Миладинови,—Пѣсни. № 123.—Выше объяснено, что въ Македоніи *вѣнчанина*, и до сихъ поръ,—деньги, которыя парень даетъ для выкупа невѣсты.

2) Д-ръ Смиљанић, Глас српском ак. № 40, стр. 234.

3) М. М. Ковалевскій, Первобытное право, выпускъ II. Семья. М. 1886. См. на стр. 123 и слѣд. II. 100; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, стр. 170; Θ. К. Волковъ, Свадбарски обряди (въ Сборникъ на Минист. на Народн. Просвѣщение за нар. ум. III, 146).

4) М. М. Ковалевскій, О. с. II, 41 и 128.

яснѣе плату за невѣсту, по мѣстамъ же это настоящая плата, выкупъ родителями парня невѣсты у ея отца.

Какъ ни близки и сосѣдни Болгарія и Сербія, особенно, какъ ни близки тѣ округи, которые пограничны между собою, однако сербскіе изслѣдователи еще не дали намъ данныхъ, дабы судить, что названіе *придъ*, или «бащина правдина» существуетъ среди сербовъ. Тѣмъ не менѣе, по моимъ личнымъ изслѣдованіямъ въ Пиротскомъ округѣ и Зайчарскомъ уѣздѣ, слово придъ извѣстно. Въ студіи д-ра Смилянича «Отмице» и пр.[1]) помѣщены довольно обстоятельственныя данныя о томъ, что въ Сербіи съ давнихъ временъ извѣстно существованіе платы денегъ со стороны парня невѣстѣ. Въ Сербіи эта плата носитъ разныя названія. Таковы: *братинско*, *братски дар*, *девојачки дар*, *капар*, *јабука*, *аманет*, *обележје*. Но, какъ сообщаетъ и самъ Смилянычъ, «ябука, обележје, въ юго-западной Сербіи— *обилежје* или *капар*,—это деньги, которыя парень и его отецъ даютъ невѣстѣ, когда она даетъ слово, что пойдетъ за парня». Съ этого момента дѣвушка отмѣчена, или «капаросана»[2]).

Однако это еще не настоящій «придъ», къ которому скорѣе приближается *братинско*, обычай, согласно которому отцу невѣсты дается сумма денегъ «для дома» (у кућу) и нѣкоторыя вещи для его родственниковъ[3]). Этотъ обычай особенно распространенъ въ Шумадіи. Вокругъ да около «братскаго дара» или «новаца у кукьу» водятся почти такіе же переговоры, какъ объ агырлыкѣ. Отецъ невѣсты старается по возможности больше сорвать, а отецъ парня—меньше дать. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Сербіи «чизме» (сапоги) замѣстили деньги, а въ восточныхъ мѣстностяхъ эту роль сыграла «шуба»[4]).

Въ Босніи и Герцеговинѣ для невѣсты даютъ 10—15 талеровъ. Объ этой суммѣ дѣлаютъ уговоръ до свадьбы. Тотъ же настоящій торгъ, который мы видѣли раньше. Во всякомъ случаѣ, до свадьбы отецъ парня долженъ дать какую-либо сумму въ видѣ задатка (*капаръ*). Въ противномъ случаѣ, у него отбираютъ напр. ружье, что̀ считается очень обиднымъ, и поэтому отецъ парня самъ ищетъ и скорѣе находитъ возможность внести необходимый задатокъ[5]).

Въ южной Далмаціи, недѣля до свадьбы, отцы парня и невѣсты идутъ на базаръ съ своими знакомыми. Отецъ парня служитъ водкой. Онъ первый беретъ «боцу» (сосудъ) съ водкой, на которой яблоко, а на немъ заткнутъ

1) D-г Смиљанић, Отмице (Глас Српској Кр. Ак. № 40).
2) Глас, № 40. 284.
3) Вл. Радоевић, въ ж. Караџић'а за мѣс. мартъ 1901. Стр. 60.
4) Д-ръ Смилянић, Отмице, 286.
5) Л Гругеђ-Бјелокосић, Из народа и о народу.

червонецъ, названный *секинъ*; эту «боцу» онъ подаетъ отцу невѣсты, который беретъ червонецъ и кладетъ себѣ въ карманъ, а боцу даетъ старшему изъ присутствующихъ. Этотъ червонецъ отецъ невѣсты задерживаетъ для дома («у кукьу»). Этотъ обрядъ—давать «секинъ» на яблоко—вызвалъ возникновеніе особаго летучаго слова, поговорки: «продалъ дочь за секинъ» [1]).

Переходя къ восточнымъ славянамъ, можно указать на то, что «кладка», о которой даютъ намъ достаточно свѣдѣній Ефименко, Пахманъ и М. М. Ковалевскій, въ дѣйствительности подходитъ къ болгарскому приду. Пахманъ, въ своемъ трудѣ «Обычное гр. право въ Россіи», сообщаетъ, какъ сами крестьяне заявляли, что у нихъ принято, чтобы женихъ платилъ за невѣсту отцу ея деньги, кладку, что женихъ покупаетъ невѣсту, платя за псе выводъ [2]). Кладка встрѣчается и въ Россіи довольно часто въ различныхъ, даже весьма отдаленныхъ, одна отъ другой, мѣстностяхъ. Для этого предбрачнаго взноса, идущаго со стороны жениха и передаваемаго его отцомъ родителямъ невѣсты, существуютъ и довольно распространены многія другія названія кромѣ кладки, какъ-то: «вкладъ», «столовыя деньги», «выводныя деньги», «выводъ», «выговоръ», «выходъ», «рощеное» [3]). И въ Россіи бываетъ такъ, что иногда кладка идетъ на справку невѣстѣ приданаго; иногда же кладка—это награда невѣстѣ [4]). Пахманъ заключаетъ, что обычай давать кладку не только извѣстенъ на Руси, но и весьма распространенъ въ русскомъ крестьянскомъ быту [5]). Относительно же юридическаго значенія кладки, тотъ же авторъ заключаетъ, что «это плата за самую невѣсту, какъ за работную силу, которой съ выходомъ дѣвушки замужъ лишается семья». Такимъ образомъ, и сопоставляя кладку съ калымомъ [6]), можно смотрѣть на обычай давать кладку, какъ на продолжающую существовать въ народѣ древнюю форму заключенія брака посредствомъ покупки невѣсты. Пахманъ однако спѣшитъ оговориться, что съ «выраженіемъ плата за невѣсту», по

---

1) М. М. Ковалевскій (Первобытное право. II. 1901) передаетъ съ нѣкоторыми ошибками этотъ обычай. Онъ сообщаетъ, что яблоко кладется на стаканъ съ водкой (а это не на стаканъ, а на «боцу»), что на яблоко положена «мелкая монета»—секинь, а секинь или цехинъ—настоящій золотой червонецъ стоимостью въ 9 рубл. серебромъ. Кромѣ того, М. М. сообщаетъ, какъ будто этотъ обычай происходилъ въ Болгаріи, въ Рисан . . , а это настоящій сербскій обычай, происходящій въ южной Далмаціи. Рисан — городокъ въ южной Далмаціи.

2) Пахманъ, Обычное гр. право въ Россіи, стр. 61.

3) Это названіе употребляется, какъ свидѣтельствуетъ Пахманъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи и означаетъ, что платится родителямъ невѣсты за то, что воспитали дочь, вырастили. Об. гр. право въ Россіи. 60.

4) Ibid. 61.

5) Ibid.

6) Въ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ русское населеніе живетъ вмѣстѣ съ татарами, крестьяне заявили, что кладка есть тотъ же татарскій калымъ, т. е. плата за невѣсту. Ср. «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (1873—1874). V I. 48—49. 195—196.

крайней мѣрѣ, въ настоящее время, у самихъ крестьянъ едва ли соединяется представленіе о покупкѣ въ такомъ же смыслѣ, какъ это слово примѣняется къ куплѣ вещей; въ немъ сохранилось лишь стародавнее воззрѣніе безъ прежняго содержанія. Теперь и размѣры кладки невелики, а дается она обыкновенно на свадебные расходы и наряды для невѣсты[1]). Наконецъ, Пахманъ заключаетъ, что «съ точки зрѣнія юридической, подъ кладкою слѣдуетъ разумѣть не плату за невѣсту, а дареніе, дѣлаемое со стороны жениха подъ условіемъ заключенія брака»[2]). Размѣръ кладки различенъ съ трехъ до триста рублей[3]). Обычай кладки, по Пахману, неизвѣстенъ, между прочимъ, въ Малороссіи, въ Харьковской губерніи. Въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ кладки замѣняются свадебными подарками, хотя и послѣдніе бываютъ предметомъ особаго соглашенія[4]).

Я не стану входить въ подробныя изслѣдованія глубокой старины, дабы отыскивать происхожденіе прида и излагать исторію его эволюціи. Кажется, приведенныя данныя достаточны для того, чтобы заключить съ положительностью, что придъ не что иное, какъ продолженіе въ болѣе или менѣе смягченной формѣ древняго обычая покупать невѣстъ. Купля же невѣстъ въ глубокую старину была одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ заключенія брака.

Объ всеобщей же распространенности прида въ Болгаріи едва ли можетъ быть сомнѣніе послѣ обстоятельственнаго изложенія данныхъ, собранныхъ со всѣхъ мѣстностей. Также ясно и то, что агырлыкъ не очень далекъ отъ купли невѣстъ.

Какъ извѣстно, существованіе этого способа заключенія брачнаго союза—купли невѣсты—идетъ рядомъ съ умычкой или хищеніемъ невѣстъ; но во всякомъ случаѣ существуетъ много данныхъ, чтобы заключить о позднѣйшемъ по времени появленіи обычая купли невѣстъ.

Умычка или хищеніе невѣстъ обыкновенно приводила къ вооруженному столкновенію двухъ родовъ — парня и невѣсты. Происходили драки, происходили настоящія сраженія, кровопролитія, убійства. Это положеніе вещей не могло наконецъ не вызвать реакцію и пріостановленіе ею путемъ хотя бы помиренія двухъ сторонъ. А извѣстно, что въ старину, при каждомъ миреніи, наказанія замѣщались всевозможными «вирами», «вергелдами», штрафами и денежными уплатами за нанесенный вредъ. Первый денежный выкупъ со стороны парня, совершившаго хищеніе невѣсты, былъ ея же вергелдъ, который впослѣдствіи сдѣлался платой за невѣсту.

1) Пахманъ, Об. русское право, 62.
2) Ibid.
3) Ibid. 64.
4) Ibid. 64. См. и замѣтка № 8.

Это объясненіе мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Оно поддерживается такимъ знающимъ соціологомъ, каковъ былъ покойный D-r Charles Letourneau[1]), такимъ юристомъ, каковъ Raul de la Grasserie[2]), русскими профессорами Сергѣевичемъ[3]) и М. М. Ковалевскимъ[4]).

Въ болгарскихъ памятникахъ встрѣчается наказаніе въ видѣ виры за похищеніе невѣсты, спеціальное названіе которой «дѣвичій разбой». Постепенно дѣвичій разбой, кажется, сдѣлался добровольнымъ вознагражденіемъ или платой за невѣсту ея родителямъ со стороны парня или его отца.

Существованіе купли невѣсты у болгаръ и вообще у южныхъ славянъ доказывается цѣлымъ рядомъ данныхъ, переживаній и обломковъ, заключающихся въ богатомъ фольклорномъ сокровищѣ: въ пѣсняхъ, обрядахъ и обычаяхъ, совершаемыхъ особенно при свадьбѣ. Въ Болгаріи и до сихъ поръ говорятъ: «Бу̀лка се купу̀ва, чѐдо не мо̀же», «женà съ парѝ се купува» (въ Прилѣпскомъ округѣ[5]). Есть пѣсенка: «Валѝ валѝ дъждъ, да се родѝ ченѝца, да си ку̀пя женѝца». Впрочемъ, я не стану приводить цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ видно, что «невѣсты» покупались[6]), что дѣвушка не можетъ дѣлать выбора: вѣдь она продана[7]), что много разъ задатку даютъ за ней, какъ за какое-то животное[8]). Самая помолвка въ Болгаріи носитъ наименованія: *годежъ*, *главежъ*, *мѣна*, *мѣнка*, *сговоръ*,—слова, означающія *торгъ*, *договоръ*, *условіе* и свидѣтельствующіе, что это—актъ, при которомъ дѣлаются такіе же переговоры, какъ при продажѣ животнаго: тутъ дается «равунъ» (задатокъ)[8]), или «нишанъ», «аманетъ», состоящій въ нѣсколькихъ золотыхъ или—у самыхъ бѣдныхъ—серебряныхъ грошахъ.

«Агырлыкъ», какъ мы замѣтили, немногимъ отмѣнилъ старѣйшую форму заключенія брачнаго союза. Онъ только низвелъ одной ступенью, но не очень удалилъ заключеніе брака отъ его формы—купли-продажи.

III.

Изъ сравнительно-историческаго изученія болгарскихъ юридическихъ обычаевъ и, вообще, фольклорныхъ данныхъ можно придти къ заключенію,

1) D-r Ch. Letourneau, L'évol. du mariage, 127, 188.
2) Raul de la Grasserie, Des regimes matrimoniaux (Rev. gen. du droit 1903).
3) Сергѣевичъ, Лекціи, 375.
4) М. М. Ковалевскій, Первобытное право.
5) Сборникъ (на Министерството на Нар. Просв.) за народни умотвор. I ч. 210 стр. №772.
6) Скрий ме, брайно, въ сиво стадо
— Не мога, сестро, ни да те погледна,
Че си скъпо прѣкупена —
Всѣка сплитка—и дукато (См. Стоиловъ, Нар. Умотв. № 257).
7) Отъ сега си продадена
Продадена, заложена (См. П. Безсоновъ, Болг. п. М. 1855, стр. 21).
8) Сб. за Нар. Ум. IV. 1 ч. № 772.—4. 161 д.

что *придъ* (агырлыкъ)—видоизмѣненіе столь распространенной старинной формы брака—купли невѣстъ. Дѣйствительное, впрочемъ, значеніе прида, съ точки зрѣнія историко-юридической, не что иное какъ этапъ, ступень по пути эволюціи платы за невѣсту. Придъ смягченная или обрядовая форма этой платы; по мѣстамъ все дѣлаютъ такъ, чтобы старинная купля невѣсты проявилась во всѣхъ своихъ рѣзкихъ чертахъ и подробностяхъ; по мѣстамъ это чуть ли не настоящая купля, при которой иногда творится и такой самый торгъ, какъ на рынкѣ скота.

Впрочемъ и народъ не особенно стѣсняется въ своихъ объясненіяхъ представить истинный характеръ, настоящее внутреннее значеніе прида. Какъ ни трудно добиться точныхъ отвѣтовъ у народной массы по какому бы то ни было вопросу, касающемуся его быта, я старался собрать данныя по интересующему насъ предмету. Изъ этихъ данныхъ легко можно сдѣлать выводъ, что народъ смотритъ на придъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія экономическаго, трудового начала. Ты даешь готовую рабочую силу, лишаешь себя одной работницы; справедливость требуетъ, по народному понятію, чтобы тотъ, который пріобрѣлъ эту силу, тебя, лишившагося ея, вознаградилъ. Вотъ почему «агырлыкъ» считается и толкуется нѣкоторыми какъ вознагражденіе за уступленную работницу. Придъ, такимъ образомъ,—плата этой рабочей силы, ея эквивалентъ.

Есть однако и иное объясненіе, кажется, имѣющее цѣлью до нѣкоторой степени прикрыть или смягчить настоящую куплю-продажу невѣсты. Агырлыкъ, по этому объясненію, дается какъ выкупъ отцовскаго права; это, какъ говорятъ, *баба-хакы*, *бащина правдина*. Подобное толкованіе замѣтно и въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, между прочимъ—въ всеизвѣстной въ Болгаріи исторической пѣснѣ о женитьбѣ сестры послѣдняго болгарскаго царя Иоанна Шишмана — Тамары или Мары за султана Мурада[1]). Исторія разсказываетъ, что Мара, послѣ того какъ вышла замужъ за турецкаго султана, сохранила свою православную вѣру[2]). Народное преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, твердитъ, что султанъ Мурадъ предложилъ Марѣ, «бѣлой болгаркѣ, потурчиться» и сдѣлаться «бѣлой ханымой», «дабы сидѣть на высокомъ чердакѣ» (кіоскѣ) и «низать бѣлыхъ маргаритовъ». Народная концепція о положеніи Мары такова, что она могла бы пойти замужъ за султана, но на то необходимо было согласіе ея

1) Иречекъ, — Исторія болгаръ (русск. перев.; Одесское изданіе 1878). Стр. 420.

2) Въ болгарскомъ «поменикѣ» читается: «Кирѣ Тамаръ, дочери великаго царя Іоанна Александра, великой госпожѣ, которая была отдана Амиру Амурату за болгарскій народъ» и, будучи его супругой, сохранила христіанскую вѣру и спасла свой народъ, «хорошо и благочестиво провела жизнь и въ мирѣ скончалась, вѣчная ей память!» См. Иречекъ, Истор. 428;—Раковски, Нѣсколько рѣчи о Асѣню, 52; С. С. Бобчевъ, Агърлъкъ (придъ), стр. 73.

матери (отецъ ея — въ то время царь Іоаннъ Александръ — не былъ въ живыхъ)[1]). И вотъ Мара обращается къ своей матери и спрашиваетъ ее:

«Струва ли халалъ кърмата,
Кърмата дѣтъ я й кърмила
Шетнята дѣтъ й й шетала»[2]).

Мать Мары даетъ свое согласіе и отпускаетъ ей какъ право за кормленіе грудью, такъ и право за присмотръ, но лишь подъ условіемъ:

«Ако ти парятъ харижe
Цариградъ половината
И Султанъ Селимъ джамия,
Черкова да я направишъ[3]).

Такимъ образомъ народное понятіе обосновываетъ родительское право «прида» заботами «уходомъ», кормленіемъ грудью ребенка и дальнѣйшимъ «служеніемъ» около вскормленія дѣвушки. Нужно было выкупить это «кормленіе» и «служеніе».

Подобное толкованіе находится еще въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ отвѣтахъ, полученныхъ нами при изслѣдованіяхъ объ «агырлыкѣ». Въ Добричѣ «на моминъ баща се плаща баба-хакъ по причина че отхранилъ момата»[4]). Въ Брѣзовѣ (Абрашлари) и въ другихъ мѣстностяхъ, если отецъ умеръ, агырлыкъ получаетъ его замѣститель, его, такъ сказать, ayant droit, старшій въ домѣ.

Это толкованіе сближаетъ болгарское народное правовоззрѣніе на придъ съ германскимъ, согласно которому мужъ обязанъ платить выкупъ mundium'а у лица, которому право это принадлежитъ до брака. Мужъ долженъ былъ уплатить цѣну невѣсты, «pretium», которая обыкновенно равнялась ея вергелду. Подобные браки по Zoepfl'у, считались connubia venalia, и считались болѣе обезпечивающими право мужа надъ женой[5]).

Въ дальнѣйшей эволюціи самого прида мы встрѣчаемъ его, какъ бы выкупъ того приданаго, которое начинаютъ приготовлять для невѣсты и ко-

1) Отецъ Тамары, Иоанъ Александръ, умеръ въ 1365 г., а Мара вышла замужъ въ 1366 г. вслѣдствіе союзнаго договора, заключеннаго между ея братомъ, царемъ И. Шишманомъ, и Мурадомъ (Иречекъ, стр. 424).

2) Т.-е. «Даруетъ ли ей кормленіе грудью, кормленіе которымъ она ее питала, и уходъ за ней, служеніе, которымъ она ее окружала».

3) «Если султанъ тебѣ подаритъ половину Царьграда и мечеть султана Селима, чтобы ты ее превратила въ церковь».

4) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I. 179. Въ Добричѣ отцу невѣсты платится агырлыкъ за то, что онъ вскормилъ невѣсту.

5) Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte, 314 стр. и слѣд.

торое отвозится въ домъ мужа. «Агырлыкъ платится для «спапа» (чеизъ, дрѣхи), т.-е. приданаго—сообщаютъ изъ Ахы-Гелеби[1]). Но это объясненіе получается уже въ мѣстностяхъ, гдѣ агырлыкъ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ уже употребляться хотя бы отчасти для приготовленія самаго приданаго невѣсты.

Разсматривая эволюцію самого прида въ Болгаріи, мы можемъ прослѣдить очевидные фазисы его замѣненія иными формами и постепеннаго его вымиранія. Наконецъ, мы можемъ замѣтить, какъ онъ остается жить только въ нѣкоторыхъ переживаніяхъ и обломкахъ, или же—въ символахъ и обрядахъ.

Дѣло наконецъ доходитъ до того, что агырлыкъ поглощается тѣми подарками, которые родители невѣсты даютъ своей дочери, и, наконецъ, исчезаетъ.

Причины же исчезновенія кроются въ самой эволюціи, которую претерпѣли брачные обычаи и обрядности подъ вліяніемъ, съ одной стороны, новыхъ культурныхъ вѣяній, а съ другой,—новыхъ экономическихъ условій и соображеній.

Нѣкоторые отцы семейства, которые не нуждались въ выкупѣ своихъ дочерей и относились съ любовью къ судьбѣ ихъ, начали суммы этого выкупа употреблять на приготовленіе всевозможнаго одѣянія и снабжать возможно большимъ приданымъ невѣсту. Вообще въ самую глубокую старину замѣтно, что слово «вѣно», которое означало плату за невѣсту, начинаетъ означать приданое. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библіи слово «вѣно» употреблено вмѣсто слово «приданое». Въ переводѣ славянской Библіи «вѣно» употреблено какъ приданое, хотя оно обозначаетъ тамъ же плату за невѣсту: «И даде его (градъ Газеръ) Фараонъ въ вѣно дщери своей»[2]).

Если «вѣно» отъ значенія платы за невѣсту, вмѣстѣ съ эволюціей этой платы и превращеніемъ ея въ приданое, стало употребляться вмѣсто названія самого приданаго[3]), то болѣе всего ясно это положеніе доказывается на почвѣ болгарскаго обычнаго права о придѣ.

Въ Старозагорскихъ селахъ родители невѣсты, кромѣ «чеиза», приготовленнаго ими къ свадьбѣ, возвращаютъ невѣстѣ и половину *баба-хакы*. Эта возвращенная часть называется *кебинь*, что собственно означаетъ приданое. «Кебинь» дается мужу, чтобы онъ охранялъ ее и умножалъ съ года въ годъ, но онъ всегда оставался peculium жены. Всѣ другіе предметы, одежды, платье, посуды и др. вещи, уносимыя невѣстой въ своемъ «сун-

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 179—180.
2) Іисусъ Навинъ, 16, 10.
3) Шпилевскій, Семейн. власти. 36.

дукѣ», называются «чеизъ». Деньги только—кебинь. Такимъ образомъ «кебинь» и «чеизъ», хотя и равнозначущіе почти по смыслу и содержанію, различаются по своему происхожденію[1]). Въ Евджилери «бабы-хакы дается для невѣстинаго платья». При этомъ, обращаетъ вниманіе обстоятельство, которое констатируется во всѣхъ полученныхъ мною отвѣтахъ при собираніи матеріаловъ по данному вопросу: *размѣръ «баба-хакы» всегда ставился въ зависимость отъ размѣра «чеиза»* (приданаго), т.-е., если невѣста приготовила побольше «чеиза», то и размѣръ требуемаго «баба-хакы» больше. Въ Евджилери если дѣвушка приготовила 8—9 комплектовъ платья, даютъ «баба-хакы» до 800—900 піастровъ. Въ Ахы-Челеби отцу невѣсты даютъ деньги для «спапа» (платья)[2]). Въ Казанлыкѣ «агырлыкъ» даютъ для «чеиза». Въ селахъ Скопскаго округа (Македонія), послѣ полученія подарковъ, которые нужно дать родственникамъ невѣсты, и прежде чѣмъ «передать» (теслимить—турецкое слово, означающее—traditio), рѣшаютъ о *капарѣ*—это «зестра» (приданое), которую парень даетъ не другому кому, а самой невѣстѣ и, въ случаѣ развода, эту сумму, какъ peculium жены, мужъ обязанъ заплатить сполна разведенной. Во время уговора «кебиня» опять происходитъ какъ бы настоящій торгъ о лошади. Родители невѣсты запрашиваютъ 1000 или 500 піастровъ, родители или представители парня даютъ одну пару ($^1/_{40}$ піастра) и потомъ одни уступаютъ по парѣ, и дѣло кончается иногда 15—20 піастрами[3]).

Я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ придъ началъ вымирать, а въ другихъ—совсѣмъ исчезъ; но собственно онъ нигдѣ не исчезъ окончательно, а все-таки сохранился въ новыхъ формахъ или низведенъ къ одному лишь символическому обряду. При болгарской свадьбѣ сохранилась масса примѣровъ переживанія агырлыка. Укажемъ прежде всего на то, что въ нѣкоторыхъ «павликянскихъ» (болгаро-католическихъ) селахъ Филиппопольскаго округа парень долженъ дать отцу невѣсты установленную сумму—14 піастровъ—ни больше ни меньше.

Хотя и трудно было мнѣ добраться до причины этой строго опредѣленной нормы павликянскаго «баба-хакы», но, судя по другимъ даннымъ, можно смѣло поддерживать, что объясненіе кроется въ запрещеніи взимать и давать «агырлыкъ», наложенное со стороны павликянскаго духовенства. Не только духовенство въ Болгаріи, но и другіе видные и передовые факторы заботились отмѣнить агырлыкъ въ виду нѣкоторыхъ его опасныхъ вліяній на экономическое и моральное положеніе молодыхъ брачущихся.

---

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 186.
2) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I, 179.
3) Шапкаревъ, Сборникъ, III, 98, 99.
4) Ibid.

Если въ Сербіи Карагеоргій издалъ указъ, которымъ воспретилъ продажу невѣсты и куплю ея за сумму больше 12 піастровъ и, такимъ образомъ, уничтожилъ почти значеніе обычая[1]), то въ Болгаріи еще во время турецкаго владычества появилось нѣсколько Карагеоргіевцевъ, и они, хотя и не съ формальными указами, содѣйствовали вымиранію и исчезновенію агырлыка.

Для селъ Брѣзовскаго уѣзда вотъ что сдѣлалъ мѣстный «чорбаджи» дѣдушка Радньо: около сорока лѣтъ тому назадъ онъ пригласилъ къ себѣ священника и сказалъ ему, что «впередъ агырлыкъ будетъ только сто (100) піастровъ; если кѣмъ-нибудь будетъ уговоренъ больше этого размѣра, священникъ не долженъ благословлять бракъ. Замѣчательное распоряженіе Брѣзовскаго законодателя нашло послушныхъ исполнителей. Причины тому не очень замысловаты. Вотъ какъ мнѣ ихъ объяснилъ внукъ дѣдушки Радню, который носитъ его же имя и имѣетъ 72 года отъ роду: «Агырлыкъ, хотя и исконный обычай, сталъ было ненавистенъ поселянамъ. У кого было кое какое имущество, тотъ выплачивалъ агырлыкъ, но зато лишался средствъ для дальнѣйшаго обработыванія своихъ нивъ, ливадъ, виноградниковъ; онъ вынуждался продать какое-либо изъ своихъ имуществъ. У котораго не было имущества для продажи, онъ долженъ былъ найти денегъ «за большой фаизъ (процентъ)». Но «фаизъ» растетъ быстро; годъ, два послѣ свадьбы, занятые 100 піастровъ удвоились и утроились. Для того чтобы платить ихъ, молодой мужъ долженъ былъ, не одинъ, а съ своей женой, отправляться работать по турецкимъ чифликамъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, молодое хозяйство разорялось, и честь супруговъ подвергалась тяжелому испытанію....»[2]).

Такія же воспретительныя мѣры были приняты въ многихъ краяхъ Болгаріи. Особенно священники вмѣшались и на первыхъ порахъ установили меньшія нормы, до 100 піастровъ maximum, а въ иныхъ мѣстахъ— Добралыкѣ (въ Средней Родопѣ)—и совсѣмъ запретили агырлыкъ, какъ что-то весьма «грѣхотное» (грѣшное). Это случилось, впрочемъ, недавно, послѣ освобожденія, когда было предписано Пловдивской Митрополіей, что если кто желаетъ считать «годежь» (помолвку) нерасторгаемымъ или—по меньшей мѣрѣ—имѣть основанія для иска проторь и убытковъ вслѣдствіе расторженія помолвки, то необходимо при заключеніи помолвки—«годежа» присутствовать священнику[3]).

1) По сербскимъ источникамъ, Карагеоргій «забрањуе оцу који удаје девојку да узме у кућу више 12 гроша. Ко буде више узео, изгубиће све, па потом још кажњен бити» (Глас, свезка LXIV); Други разред, № 40, стр. 232.

2) Подробности см. въ моей обширной студіи на болгарскомъ языкѣ «Агырлыкъ» (придъ) въ изданіи Болг. Книж. Дружества «Періодическое Списаніе», кн. LXIV.

3) Ibid.

Такимъ образомъ ускорялось все болѣе и болѣе вымираніе агырлыка. Однако это вымираніе не происходило сразу. Агырлыкъ начиналъ въ иныхъ мѣстностяхъ новую жизнь въ формѣ «обуща» (обуви), «спапа» (платья), «шуби» и другихъ обязательныхъ подарковъ. Во многихъ мѣстностяхъ даже не слышно слова «агырлыкъ», «придъ», «баба-хакы»; ихъ мѣсто занимаютъ «папуци», «обуща», «кожухи», «спапъ» и др. Если въ Ахы-Челеби парень или его родители даютъ на «спапъ», въ Тырновскомъ округѣ молодой даетъ для «обувы» или для «кожуху». Въ нѣкоторыхъ селахъ Родопъ парень обязанъ дать безусловно «обувь», «кожухъ»[1]).

У марваковъ (въ Македоніи) договариваются, что родители парня принесутъ безусловно въ домъ невѣсты для свадьбы 50 окъ винограднаго вина, 25 окъ мяса, 10 окъ капусты, 10 окъ риса, 5 свѣчей. Если они этого не принесутъ, то не бывать свадьбѣ[2]). Тотъ же самый обычай сохраняется въ Ускюпскихъ селахъ относительно заранѣе договоренныхъ подарковъ[3]).

Между обрядностями при помолвкѣ и свадьбѣ сохранился и до сихъ поръ обычай давать какую-либо монету—золотую или хоть серебряную со стороны парня обыкновенно самой невѣстѣ. Помолвка безъ такой монеты, называемой «нишанъ» (знакъ), невозможна; со стороны невѣсты никакихъ монетъ не надо; она даетъ платки. Такимъ образомъ послѣднее проявленіе агырлыка нашло себѣ мѣсто въ этихъ и иныхъ символахъ[4]).

Съ другой стороны, придъ послужилъ источникомъ приданаго. Это становится ясно, когда вникнешь въ описанные нами выше обычаи. Изъ обычая въ Старой-Загорѣ, называемаго *кебинъ*, половина агырлыка, выдѣляемаго, какъ часть для невѣсты, и изъ другого обычая въ Евджилери, гдѣ агырлыкъ дѣлится между невѣстой и ея отцомъ, легко заключить о дальнѣйшемъ развитіи приданаго. Даже въ послѣдней формѣ агырлыка, когда онъ дается, какъ обязательная «обувь», платье и пр., парень или его родители являются пособниками въ приготовленіи невѣстинаго приданаго. Да и самое слово «придъ», которое ничто иное, какъ эквивалентъ приданаго, не напоминаетъ ли тоже возникновеніе приданаго отъ прида? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи приданое носитъ названіе «придань».

Впрочемъ, это другая область изслѣдованія, въ которую мы не намѣрены здѣсь входить. Наша задача имѣла болѣе скромные предѣлы: кон-

1) С. С. Бобчевъ, Сборникъ, I.

2) С. Верковичъ, Описаніе быта македонскихъ болгаръ. Москва, стр. 31.

3) Шапкаревъ, Сборникъ на нар. умотв. II, стр. 126, 129.

4) Въ моемъ «Сборникѣ на нар. юрид. обычаи» читатель найдетъ цѣлый рядъ описанныхъ символовъ при помолвкѣ и свадьбѣ. См. стр. 125—139. Ср. В. Чолаковъ, Сборникъ;—много подробностей и интересныхъ данныхъ о символахъ при свадьбѣ, напоминающихъ агырлыкъ, напечатаны въ осьмнадцати томахъ «Сборника за Нар. Умотв.», изданнаго болг. министерствомъ народнаго просвѣщенія.

статировать, что въ Болгаріи больше, кажется, чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ земляхъ сохраненъ, распространенъ и продолжаетъ жить старинный обычай «прида», и что онъ, хотя и вымираетъ постепенно, не исчезъ окончательно, а продолжаетъ жить въ разныхъ новыхъ формахъ, переживаніяхъ и обрядныхъ символахъ.

С. С. Бобчевъ.

Софія, 15 августа 1904 г.

Рефлексъ словъ вида **трът-трьт** и **тлът-тльт** въ мадьярскихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго языка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пытался доказать, что наблюдаемое нынѣ въ мадьярскомъ языкѣ славянское вліяніе явилось не на прежней родинѣ этого языка, въ южной Руси, а лишь на нынѣшней его родинѣ.— Тогда же я кратко указалъ и на то, что это вліяніе прежде всего слѣдуетъ приписать тѣмъ славянамъ, которые говорили однимъ изъ болгарскихъ нарѣчій, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, и обѣщалъ при случаѣ доказать, что болгарскій характеръ этого языка подтверждается не только немногими случаями рефлекса болгарскихъ шт, жд, но и многими такими словами, которымъ въ старо-славянскомъ соотвѣтствуютъ слова съ **-ръ-рь**, **лъ-ль** (см. Archiv f. slav. Phil. XXII, стр. 486). Съ тѣхъ поръ я часто касался этого вопроса, но очень кратко (*Magyar Nyelvőr* XXIX, 1900, стр. 563—566; *Nyelvtudományi Közlemények* XXXIII, 1903, стр. 217; *Magyar Nyelvőr* XXXIII, 1904, стр. 93). Мнѣ не приходилось еще въ связи обсудить относящіеся сюда случаи.

Чтобы понять рефлексы **трът-трьт** и **тлът-тльт** и отсюда заключить относительно лежащей въ основѣ ихъ славянской звуковой группы, для этого нужно прежде всего уяснить себѣ, какъ рефлектируется **ъ**, **ь** въ мадьярскихъ словахъ, помимо этой группировки, при чемъ, понятно, насъ интересуютъ только *сильные* **ъ**, **ь**, не исчезающіе въ славянскихъ языкахъ. Особенно важной для правильнаго пониманія вопроса является замѣна свободно стоящаго **ъ**; къ счастью, мы имѣемъ здѣсь какъ разъ нѣсколько совершенно ясныхъ и надежныхъ случаевъ: мъхъ—*moh*—Moos, ръжь—*rozs*—Roggen: бъръ—milii genus: *bor* въ *bor*köles [köles=просо]—panicum=гречиха, а, быть можетъ, и *doh*—dumpfer Geruch—болг. дъхъ, серб. дах—срв. русск. *дох*лецъ въ значеніи «протухлое яйцо» и русск. за*дх*лый, что можно перевести мад. *dohos*[1]). Если же мы противопоставимъ этимъ слу-

1) Сопоставленіе дъхъ-*doh* не вполнѣ надежно, потому что мадьярское *o* можетъ соотвѣтствовать также и славянскому ѹ, какъ напр. *csoda* (рѣже *csuda*) произошло изъ чоудо, такъ можно было бы объяснить и мад. *doh* изъ слав. доухъ (срв. русс. духъ и словен. duh въ подобномъ значеніи).

чаямъ льнъ—*len*—Flachs, то мы въ правѣ предположить, что имѣемъ дѣло съ такимъ славянскимъ языкомъ, который точно различаетъ **ъ** и **ь**, какъ это далѣе подтверждается и такими случаями, какъ: остьнъ—stimulus—*össtön* и оцьтъ-ecet-Essig; ибо *össtön* и *ecet* находятъ себѣ объясненіе проще всего закономъ мадьярской звуковой гармоніи (срв. мое разсужденіе въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. VII, стр. 279, кн. IV, прим. 1, отдѣльный оттискъ «Нѣсколько замѣчаній» на 34 стр.), изъ **osstén*, **océt* съ закрытымъ *é*.—Что эти рефлексы **ъ** и **ь** превосходно разъясняются предположеніемъ болгарскаго вліянія, это не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ; предполагать русское вліяніе препятствуетъ намъ весь habitus языка, насколько можно конструировать его на основаніи заимствованныхъ славянскихъ словъ въ мадьярскомъ языкѣ (срв. мое разсужденіе въ «Archiv f. slav. Phil.» XXII, особ. стр. 477 и 486).

Если теперь мы предположимъ то же болгарское вліяніе и въ словахъ съ звуковой группой **трът-трьт**, то намъ тотчасъ же станетъ ясно, что съ однимъ болгарскимъ языкомъ, какъ онъ можетъ быть конструированъ нами на основаніи старо-славянскихъ источниковъ, съ сохранившимся, по крайности, еще тамъ и сямъ различіемъ **трът** и **трьт** и съ столь строго выдержаннымъ послѣдованіемъ звуковъ (**ъ** и **ь** постоянно *послѣ* **р**), мы обойтись не можемъ. Мадьярскія слова совершенно ясно показываютъ, что **трът** и **трьт** вполнѣ слились, и кромѣ того, уполномочиваютъ насъ предположить, что глухой гласный звукъ, сопровождавшій **р**, звучалъ гораздо чаще *передъ* **р**, чѣмъ послѣ него. То обстоятельство, однако, что этотъ глухой звукъ въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдовалъ за **р**, и притомъ совершенно такъ же, какъ это мы знаемъ въ цѣломъ рядѣ болгарскихъ нарѣчій, по моему мнѣнію, ясно указываетъ на то, что тотъ языкъ, которому принадлежитъ большинство славянскихъ словъ въ мадьярщинѣ, слѣдуетъ считать языкомъ болгарскимъ. Прежде всего я постараюсь показать совершенное совпаденіе **трът** и **трьт** на нѣсколькихъ ясныхъ примѣрахъ, которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и первоначальному **ъ** звуковой группы **трът** соотвѣтствовалъ въ мадьярскомъ языкѣ всегда только палатальный гласный.

Такъ какъ до открытія этого звукового закона сомнѣвались въ славянскомъ происхожденіи *görcs*—«Krampf» и *görbe*—«krumm», то я начну со слова, которое, благодаря своему большому объему, носитъ на себѣ столь явный славянскій отпечатокъ, что никогда нельзя было сомнѣваться въ его славянскомъ происхожденіи. «Гончаръ»—въ старомъ мадьярскомъ языкѣ, а по ту сторону Дуная еще и теперь—géréncsér, göröncsér, т.-е. не что иное, какъ гръньчарь. Мадьярское слово возникло, посредствомъ присущаго мадьярскому языку уподобленія палатальныхъ и гортанныхъ глас-

ныхъ, изъ *gérëncsár*, а послѣднее—изъ болѣе древняго **grëncsár* путемъ разрѣшенія необычной въ началѣ словъ группы согласныхъ. Еще нынѣ часто встрѣчающееся названіе мѣстности *Gerencsér* дошло до насъ въ одномъ случаѣ и въ формѣ *Girinchar* (г. Gérëncsár[1]): Item dedit Sanctus rex villam *Girinchar* въ 1109 г., между тѣмъ какъ обыкновенно мы находимъ это слово болѣе новымъ *é* въ старыхъ документахъ и какъ мѣстное названіе (1251. de villa *Gerunchér* — г. Gërëncsér — vocata; 1388. In possessione Gerencher vocata), и какъ личное имя (1389. Mathe *Gherencher* и Petrus *Gerencher*, 1402. Georgium dictum *Gerencher* — срв. русскую фамилію Гончаровъ!)—см. Magyar Oklevél-Szótár 1902—1906,—Мадьярскій словарь грамотъ. Мадьярское слово, въ началѣ имѣющее форму **grëncsár*, не можетъ быть объяснено иначе, какъ только изъ формы *гр*ъ*нчарь*, въ которой ръ обозначаетъ такое *р*, за которымъ слѣдуетъ глухой гласный звукъ, *отличный* отъ свободно стоящаго ъ. По моему мнѣнію, это *гр*ъ*нчарь*, согласно съ прочими явленіями, слѣдуетъ считать болгарскимъ, и въ широкой области славянскихъ языковъ ничто не стоитъ столь близко къ нему, какъ нынѣшнее болгарское *грънчарь* (срв. грънчарь у Цонева—Программа за изучване българскитѣ народни говори, Софія 1900, стр. 10; *грънчар(ин)ъ* въ нѣмецко-болгарскомъ словарѣ Миладинова подъ «Töpfer»; *грънчáр* въ придонскомъ нарѣчьѣ у Лаврова—Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особ. болгарскаго яз. Москва 1893, стр. 45.—Дювернуа приводитъ въ своемъ словарѣ только *грънчяринъ*, съ чѣмъ слѣдуетъ сравнить *грънчерин* изъ Ловеча у Цонева—За источнобългарски вокализмъ, стр. 59).— Какъ извѣстно, положеніе гласной послѣ *р* въ болгарскомъ *грънчарь* объясняется стеченіемъ согласныхъ, образовавшимся отъ ранняго исчезновенія стоящаго внутри словъ ъ (срв. *гърне* у Цонева въ другомъ мѣстѣ), и я безъ колебанія отношу исчезновеніе ъ внутри слова къ особенностямъ болгарскаго нарѣчья, воздѣйствовавшаго на мадьярскій языкъ, уже для того времени, когда въ мадьярскій языкъ проникло большинство славянскихъ словъ[2]).—Положеніе гласнаго *послѣ р* (gérëncsér, болѣе древн. Gérëncsár, которое надо производить отъ *grëncsár) находитъ себѣ подтвержденіе въ мадьярскомъ словѣ, и кромѣ того, ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло

---

1) Закрытое *ė* часто передается въ старыхъ документахъ посредствомъ *i*; *ch* употреблялось когда-то вмѣсто нынѣшняго *cs* (срв. и нынѣ еще древнія названія фамилій *Zichy*, *Forgách*, *Szechényi*); послѣдовательное обозначеніе долгихъ гласныхъ развилось очень поздно. Наконецъ отмѣчу разъ навсегда, что въ обыкновенномъ письмѣ не отличаютъ открытаго *e* отъ закрытаго *ė* (означаемаго въ мадьярскихъ лингвистическихъ сочиненіяхъ обыкновенно знакомъ *ë*).

2) Сравни мадьярскія *roncsika* и *rocska*, происходящія, по моему мнѣнію, отъ болгарскаго ржчька, съ исчезнувшимъ ь. См. Извѣстія отд. русск. яз. и слов. VII. 1902, кн. IV, стр. 265 (Отдѣльный оттискъ, стр. 20), гдѣ я еще не высказался такъ категорически.

не съ обычнымъ рефлексомъ ɜ (которому соотвѣтствуетъ о); и такъ какъ, сверхъ того, по сосѣдству съ Угорщиной мы нигдѣ болѣе не находимъ славянской формы, на основаніи которой можно было бы объяснять это слово, а грᵊнчарь болѣе всего подходитъ къ явленіямъ, извѣстнымъ намъ иначе изъ болгарскаго языка, то я и считаю мадьярское *gérëncsér* самой вѣрной исходной точкой нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Если же мы въ **grëncsár*>*gérëncsér*, *göröncsér*, вмѣсто никогда не бывшаго палатальнымъ ръ, находимъ—*ré rö*, то мы нисколько не удивимся, что въ мадьярскомъ языкѣ находимъ и *görcs*—судорога «Krampf» и *görbe*—кривой, несмотря на то, что въ соотвѣтствующихъ славянскихъ словахъ могъ находиться первоначально только ъ (а не ь). При объясненіи современнаго положенія гласнаго въ мадьярскомъ языкѣ *передъ r* мы должны исходить не изъ того произношенія, на которое указываетъ манера письма въ древнѣйшихъ болгарскихъ, такъ называемыхъ цер.-славянскихъ памятникахъ, а изъ предположенія о такомъ измѣненіи гласнаго элемента, какое столь хорошо извѣстно намъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ: ᵊр предъ простымъ согласнымъ, рᵊ предъ группами согласныхъ. При такомъ предположеніи *görcs* объясняется очень просто изъ болг. гᵊрчь, съ той же самой звуковой послѣдовательностью, которую мы находимъ въ болг. *гърчи се*—«корчится»; срв. румынскій глаголъ а *sgărci*<болг. *сгърчи*—между тѣмъ, какъ въ упоминаемомъ Дювернуа *грѫчка*—«корча» гласный элементъ находится *послѣ* р[1]). Хотя и нельзя со всей достовѣрностью доказать въ болгарскомъ языкѣ первоначальное *гърчъ*—упоминаемое Милетичемъ *гърч* можно отнести къ сербскому вліянію,—все-таки мадьярское слово можетъ быть болгарскаго происхожденія. Если мы производимъ м.-русск. корчити отъ корчь, польск. kurczyć отъ kurcz, словац. krčit' отъ krč, словен. krčiti отъ krč, серб. *грчити* отъ *грч*, то мы въ правѣ и подлинно народное болгарское *гърчи*, о древности котораго свидѣтельствуетъ его переходъ въ румынскій языкъ, произвести отъ *гърчъ*. Если бы даже кто-нибудь пожелалъ высказать утвержденіе, что Болгары въ Болгаріи никогда не могли имѣть этого слова, ибо иначе оно должно было бы оказаться въ вост.-болгарскомъ нарѣчіи или найтись въ церк.-славянскихъ источникахъ, то все же было бы вполнѣ основательно предположеніе, что Болгары въ Венгріи могли знать это слово.

Послѣднее замѣчаніе, могущее кому-нибудь показаться слишкомъ осмотрительнымъ, я сдѣлалъ для того, чтобы предостеречь отъ очень опаснаго направленія, которое представлено у насъ молодымъ изслѣдователемъ,

---

1) Милетичъ пишетъ мнѣ изъ Софіи: «форма «грѫчка» (Krampf) азъ не зная, но зная *гърчей* [срв. рум. *cărceй*) и *гърч* (Запад. Бълг.) и скреч (Krampf) повече въ источ. Бълг.

г. Мелихомъ. Слово, котораго онъ не находитъ въ древнихъ болгарскихъ памятникахъ, по возможности же на томъ самомъ мѣстѣ перевода евангелія, на которомъ находится соотвѣтствующее мадьярское слово, является уже очень подозрительнымъ. Если же вдобавокъ нельзя найти этого слова въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ или, если и можно найти, то только въ дальнѣйшемъ образованіи или съ нѣсколько другимъ значеніемъ,—то у Мелиха готовъ приговоръ: данное мадьярское слово не можетъ происходить изъ болгарскаго. За этими, очень часто поверхностными, выводами слѣдуютъ небольшія картограммы, долженствующія сдѣлать очевидной невозможность болгарскаго вліянія въ данномъ случаѣ, на самомъ же дѣлѣ являющіяся чистѣйшей забавой, тѣмъ болѣе, что онѣ очень часто представляютъ намъ нынѣшнее фактическое положеніе — а никакъ не положеніе въ IX и X вв.—и то въ предѣлахъ *нынѣшней* Болгаріи, между тѣмъ какъ мадьяры подверглись этому вліянію, признаваемому и Мелихомъ очень значительнымъ, несомнѣнно не въ этихъ областяхъ.

Такимъ образомъ небольшія карты Мелиха, долженствующія наглядно представить процессъ заимствованія, заключаютъ въ себѣ всегда очень значительный falsum, falsum loci, и къ тому же еще и другую, хронологическую ложь. Ниже я еще буду имѣть случай показать на нѣкоторыхъ примѣрахъ, какъ Мелихъ пытается обосновать свою исходную точку, пока же я не позволю ему ввести меня своими указаніями въ заблужденіе. Я исхожу изъ того предположенія, что въ виду лишь очень побудительныхъ основаній можно отказаться отъ мысли объяснять мадьярскія слова изъ болгарскаго языка; этой точки зрѣнія я твердо держусь и здѣсь. Я прибавлю еще, что мадьяр. *görcs* въ чисто звуковомъ отношеніи можно объяснить и изъ хорватско-сербскаго *грч*, такъ какъ гласный элементъ въ $\underset{\circ}{r}$ заключается въ первой части этого слова; я не согласенъ, однако, съ тѣмъ, что *всю совокупность* явленій можно объяснить изъ другого языка, кромѣ болгарскаго.—Правда, *görcs* и цѣлый рядъ другихъ словъ, въ которыхъ гласный—съ самаго начала—является *передъ r*, можно, нужды ради, объяснить и на основаніи другихъ южнославянскихъ языковъ; но всѣ случаи, гдѣ гласный стоялъ въ мадьярскомъ языкѣ первоначально послѣ *r*, исключаютъ возможность вліянія другихъ южно-славянскихъ языковъ: вышеупомянутое *géréncsér* (< **grén-csár*), или, напр., *kérészt (krészt)* и др., болгарское происхожденіе которыхъ можно очень легко доказать, пришлось бы безъ всякой причины отдѣлить отъ прочихъ словъ.

Послѣ этого отступленія я перехожу къ слову *görbe*. Звуковая сторона этого слова не представляетъ уже никакихъ трудностей: это слово, согласно съ вышесказаннымъ, совершенно соотвѣтствуетъ болгарскому *ѣ̊рба*, которое опять ближе всего подходитъ къ современному болгарскому *гърба*—горбъ

(срв. Цоневъ—За източнобълг. вокализъмъ, стр. 59, *гърбъ*, т.-е. по его правописанію *гърба*; и письмо Милетича отъ 22 ноября 1900 г.[1]): «*Гърб* значитъ Rücken, а *гърбица* и *гърба*—Buckel»). Мадьярское слово значитъ первоначально—«горбатый», о чемъ свидѣтельствуютъ кодексы. Значеніе слова, слѣдовательно, вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ болгарскаго слова, если только обратить вниманіе на то, что въ мадьярскомъ языкѣ существительныя часто употребляются вмѣсто прилагательныхъ (*ezüst* — серебро, *ezüst óra*—серебряные часы, *arany*—золото, *arany óra*—золотые часы,—*vitéz*<витѧзь, храбрый—употребляется какъ существительное и какъ прилагательное, напр. говорятъ: *vitéz férfiú*, *vitéz katona* — храбрый мужъ, храбрый солдатъ). Нѣкоторыя же славянскія существительныя употребляются вообще, какъ прилагательныя (*bolond* < блѫдъ, глупый; *gonosz* < гноусъ, злой; *kondor* < кѫдрь, кудрявый; *izgága* употребляется нынѣ исключительно, какъ прилагательное, въ значеніи—сварливый, хотя древній языкъ употреблялъ еще это слово въ значеніи существительныхъ — rixa, ссора, брань < изгага—πυρῶσις στομάχου). Въ виду этого употребленіе *görbe* въ значеніи—кривой—прилагательнаго не можетъ удивлять насъ и не нуждается въ дальнѣйшемъ оправданіи при производствѣ этого слова отъ существительнаго гърба. Мнѣніе же, будто въ мадьярскомъ скорѣе слѣдовало бы ожидать * gorba, какъ думали прежде, основывается на ошибочномъ предположеніи, что ъ и въ соединеніи съ р долженъ рефлектироваться мадьярскимъ *o*; вмѣсто церк.-слав. ръ мы должны, напротивъ того, ожидать какъ разъ рефлексъ съ палатальнымъ гласнымъ: гърба <**gőrba*, а затѣмъ, въ силу обычнаго въ мадьярскомъ языкѣ уподобленія гласныхъ, *görbe*.

Я обращалъ особенное вниманіе на то, чтобъ основаніе всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ построеній было прочно: поэтому я и началъ съ самаго очевиднаго и не подлежащаго никакому сомнѣнію случая, съ gérencsér<грънчарь, отсюда перешелъ къ *görcs*, прямой рефлексъ котораго гърчь и теперь еще существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ западно-болгарскомъ и съ большой достовѣрностью можетъ быть предположенъ въ качествѣ обще-болгарскаго; наконецъ я дошелъ до *görbe*<гърба, не признаннаго до сихъ поръ безспорно славянскимъ только потому, что нельзя было объяснить себѣ, отчего здѣсь старо-слав. ъ соотвѣтствуетъ не *o*, а *ő*. Именно въ виду того, что для меня очень важно, чтобы тотчасъ же съ начала изслѣдованія не вкралось неправильнаго предположенія, я и считаю необходимымъ вкратцѣ упомянуть о томъ, что пока Simonyi (Шимони), еще до появленія моего вышеизложеннаго рѣшенія звуковой проблемы, призналъ очень вѣроятнымъ сла-

---

1) Прочія письменныя сообщенія, полученныя мной, благодаря любезности моего многоуважаемаго друга въ Софіи, относятся къ новѣйшему времени (4 марта 1904 г.); только еще при словѣ bürü воспользуюсь я сообщеніями вышеупомянутаго письма.

вянское происхожденіе слова *görbe* (см. Magyar. Nyelv, B. Pest 1889, II, стр. 214), Munkácsi (Мункачи), почти одновременно съ появленіемъ моихъ первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, и, повидимому, еще прежде, чѣмъ могъ узнать о нихъ, пытался совсѣмъ иначе объяснить это мадьярское слово. Этотъ опытъ объясненія можно прочитать въ его большомъ трудѣ объ арійскихъ и кавказскихъ элементахъ мадьярскаго языка (*Árja és Kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben* I, B. Pest, 1901, VII, 672). Совершенно причудливый способъ объясненія мадьярскихъ словъ этимъ, впрочемъ очень заслуженнымъ въ другихъ областяхъ изслѣдователемъ, на основаніи его поверхностныхъ знаній арійскихъ и мало обслѣдованныхъ спеціалистами кавказскихъ языковъ, ниже всякой критики. Не желая терять слишкомъ много мѣста, я для иллюстраціи упомянутаго сочиненія укажу только на то, что авторъ видитъ въ *görbe* кавказское прилагательное образованіе къ мадьярскому *kör*—коло, находя между прочимъ необходимый для того кавказскій образовательный слогъ—*b* въ грузинскомъ *partho—b*, что̀ мы находимъ въ совершенно ненадежномъ трудѣ Еркерта (*Die Sprachen des kaukasischen Stammes*, Wien 1895), наряду съ *fartho*, въ статьѣ «breit». Между тѣмъ это *partho — b*, оказывается, не что иное, какъ явная *опечатка*, вмѣсто *p̔ art̔ od*, обычнаго нарѣчія отъ *p̔ art̔ o* («*fartho*» и вообще *f* въ грузинскомъ нѣтъ!). Той же цѣны и всѣ другія доказательства существованія образовательнаго слога—*b* въ кавказскихъ языкахъ, какъ я это подробно доказалъ въ *Nyelvtudományi Közlemények* XXXIII, 216—223; опытъ объясненія г. Мункачи вообще можно упомянуть только, какъ курьезъ.

Разъ намъ удалось на основаніи *gérёncsér—görёncsér*, *görcs*, *görbe* придти къ предположенію, что для старо-славянскаго *рь* мы должны въ мадьярскомъ ожидать постоянно такой рефлексъ, въ которомъ *r* сопровождается палатальнымъ звукомъ (*ё* или *ö*), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ славянскомъ не можетъ быть даже и рѣчи о первоначальной палатализаціи этой группы, то намъ нельзя уже видѣть въ мадьярскомъ *kérёszt* (древ. *krёszt*)—«крестъ» вѣрное отраженіе старо-слав. крьстъ съ рь. Мадьярское *kérёszt* звучало бы съ *ё* (а не *о*) и въ томъ случаѣ, если бы въ старо-славянскомъ постоянно находилось кръстъ, и если бы таково было единственное оправдываемое этимологіей написаніе слова. Столь же случайнымъ считаю я совпаденіе послѣдовательности звуковъ въ старо-мадьярскомъ и старо-славянскомъ: въ мадьярскомъ появляется первоначально *krёszt*[1] не потому, что въ старо-славянскомъ ь или ъ стоитъ *послѣ* р—да мадьяры

1) 1256. In divisione duarum viarum que vulgo dicitur *cryst ut* (читай krészt út—нынѣ kereszt út—перекрёстокъ); 1268/1422. Ad conpitum quod vulgo *Kristuth* dicitur, см. *Oklevél—Szótár* подъ *kereszt-út*.

заимствовали это слово не отъ болгаръ въ окрестностяхъ Солуни, языкомъ которыхъ, должно быть, воспользовался Кириллъ въ своемъ переводѣ библіи, а отъ болгаръ, найденныхъ ими въ своей новой родинѣ и произносившихъ, судя по такимъ доселѣ обслѣдованнымъ случаямъ, какъ *gérèncsér*<**grèncsár*, *görcs* и *görbe*, слабый гласный то *передъ*, то *послѣ* г, смотря по конфигураціи слова. Мадьярское *krésst*, ставшее въ силу мадьярскаго звукового закона *kérésst*, соотвѣтствуетъ такимъ образомъ слову кр*стъ, прекрасно согласующемуся съ нынѣшнимъ болгарскимъ *кръстъ*; такъ же точно объясняется самостоятельно заимствованное *kérésztel*—«крестить» словомъ кр*стити, а kérésztyén—kérésztény — «христіанинъ» словомъ кр*стіанъ. — И подобно тому, какъ мы нынѣ еще встрѣчаемъ въ говорѣ с. Сухо произношеніе, напоминающее правописаніе древне-славянскихъ памятниковъ съ ихъ неподвижной послѣдовательностью звуковъ, въ то время какъ на несравненно болѣе широкомъ пространствѣ наблюдается колебаніе между ър и ръ, въ зависимости отъ одного или нѣсколькихъ послѣдующихъ согласныхъ, точно такъ же намъ ничто не мѣшаетъ предположить, что уже въ IX стол. существовало такого же рода различіе между тѣмъ нарѣчіемъ, которымъ говорилъ Кириллъ, и которое въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ фиксировано въ ръ, рь, и тѣмъ, которые слышали Мадьяры въ области, лежавшей далеко отъ родины Кирилла. И дѣйствительно, если не желать насилія надъ тѣми фактами, которые выступаютъ передъ нами въ мадьярщинѣ, то эти-то самые факты и побуждаютъ насъ къ вышеизложенному предположенію. Посмотримъ теперь, насколько оно подтверждается тѣми случаями, которые и далѣе предстанутъ передъ нами.

Кто объясняетъ мадьярское *kérésst* старо-болгарскимъ крьстъ, съ ясно еще отличимымъ отъ ъ произношеніемъ ь, тотъ ради объясненія одного слова лишаетъ себя возможности просто объяснить другіе подобные случаи: онъ вообще не будетъ знать, что сдѣлать съ *gérèncsér* = грънчарь, а *görcs* и *görbe* ему придется совсѣмъ отдѣлить отъ старыхъ, заимствованныхъ изъ болгарскаго элементовъ.—Вмѣсто того, чтобы сразу отказаться отъ одного способа объясненія для всѣхъ случаевъ, я постараюсь лучше изслѣдовать, въ какой степени можно понять эти явленія на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ болгарской фонетики. Поэтому я и перехожу къ ряду новыхъ примѣровъ: *pérzsél*, *borda*, *kormány*, *csorba*, *gérlice*, *vörse*—*varsa (hörcsök)*.

Миклошичъ, ставитъ *përzsël (pörzsöl)*—«обжигаетъ» въ Slav. Elemente im Magyarischen подъ пражити, съ которымъ, однако, это слово не стоитъ въ—прямой, по крайней мѣрѣ—связи, соотвѣтствуя, какъ это правильно признается въ Этимологическомъ словарѣ, старо-слав. пръжити, и позволяя заключать о выговорѣ п*ржити (срв. болгарское ържи).

Borda—*бёрдо*, Weberkamm, въ противоположность старо-славянскому

връдо, объясняется очень просто словомъ бърдо (срв. болг. бърдо), которому въ мадьярскомъ яз. ближайшимъ образомъ могло бы соотвѣтствовать „*bérda, *börda: o возникло здѣсь совершенно такъ же, какъ въ *kormány*, *csorba* и др., т. е. отъ ассимиляціи съ слѣдующимъ гортаннымъ звукомъ. Мадьярскій языкъ примѣняетъ и въ заимствованныхъ словахъ звуковую гармонію: изъ челѧдь возникли *család* и *cseléd!*

Kormány—корма[1]), Steuerruder происходятъ отъ **korma*, которое, согласно нашимъ вышеприведеннымъ выводамъ, образовалось изъ древняго **kérma *körma*. Оканчивающееся на *ma* слово примкнуло къ туземнымъ образованіямъ на *mány*, подобно тому, какъ хозяинъ (трактирщикъ)—не **korcsmár*, а съ дальнѣйшимъ мадьярскимъ образованіемъ — *korcsmáros*, какъ мясникъ—*meszáros*, а не **mészár*, такъ какъ въ мадьярскомъ яз. тотъ, кто чѣмъ-нибудь занимается, какъ напр. *lakatos*—слесарь (lakat—замóкъ), *asztalos* — столяръ (asztal — столъ) и др., часто обозначается именно такого рода образованіемъ.—Предполагаемое **kérma* — **körma* я объясняю изъ кърма (срв. болг. кърма).

Csorba—«брешь, щербатый», тоже не представляетъ никакой трудности, если только примемъ, что мадьяры встрѣтили въ своей новой родинѣ болгаръ, которые, произнося пешть, маштеха—о чемъ свидѣтельствуютъ мадьярскія *Pest-pest* и *mostoha*—не диссимилировали, однако, начальнаго шч- въ шт, или же, до наступленія этой диссимиляціи, уже упростили его въ ч—о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, *csuka*—болг. щука (извѣстно, что болг. щ звучитъ, какъ шт) и *csáva*—болг. щава, дубильная кислота (Дювер.). Объ этихъ словахъ я говорилъ въ своей статьѣ, п. з. «*Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе В. И. Ягича объ исторіи происхожденія церк.-слав. языка*» (стр. 14—16). Извѣстія 1902 г. кн. 4, стр. 259—261. Тамъ же указалъ я на старослав. чоуждь рядомъ съ штоуждь, далѣе, на болг. и серб. четка: русск. щетка, на серб. четина рядомъ съ рѣже встрѣчаемымъ штетина—русск. щетина. На основаніи высказаннаго тамъ мною, я не вижу никакихъ препятствій къ объясненію *csorba* изъ того же нарѣчія, изъ котораго произошли мадьярскія *Pest-pest* и *mostoha*—почему я и предполагаю существованіе формъ *шчърба* или *чърба*, изъ которыхъ явилось ближайшимъ образомъ csérba, діалектически живущее еще и нынѣ. Въ мадьярскомъ csorba слились 2 славянскихъ слова, прилагательное и существительное. Прилагательное *csorba* соотвѣтствуетъ болгарскому прилагательному (щърбъ), щърба, щърбо[2]), а въ Историческомъ словарѣ мадьярскаго языка объ-

1) *Kormány* въ переносномъ значеніи значитъ «правительство», а производный глаголъ kormányoz значитъ править и управлять, какъ итал. governare.

2) Мадьярскій языкъ, не зная грамматическаго рода, не имѣетъ и различія, которое существуетъ въ болгарскомъ языкѣ между щърбъ—щърба—щърбо; оттого и произошло, что

ясняется слѣдующимъ образомъ: 1) mancus, mutilus—выщербленный, зазубренный, и 2) edentulus, беззубый. Послѣднее значеніе заимствовано изъ одного стараго словаря, но и нынѣ употребляется еще народомъ: *csorba* означаетъ человѣка, у котораго нѣтъ одного или нѣсколькихъ переднихъ зубовъ. Именно, благодаря этому значенію, csorba употребляется въ старыхъ грамотахъ въ качествѣ личнаго названія: Stephano dicto *chorba*, Nicolai dicti *chorba*, Andream dictum *chorba* и т. д.—и т. д. срв. Oklevél-Szótár [1]).

Существительное *csorba*, въ литературѣ чаще употребляемое, чѣмъ прилагательное (срв. между прочимъ Историческій словарь, опредѣляющій значеніе слова, такъ: lacuna, hiatus—M. A. [2]) [defectus-mangel, lücke, fehler]), я производжу также отъ болгарскаго *шчъ рба—*чъ рба, несмотря на то, что знаю соотвѣтствующее болгарское существительное только по нѣмецко-болгарскому словарю Миладинова: Scharte—щърба, щърбина. Дюверну а упоминаетъ только прилагательное, такъ же и Цоневъ въ своей Программѣ стр. 11. Существованіе слова «Щърбина», (имѣющагося въ френско-болгарскомъ рѣчникѣ Маркова подъ «brêche») удостовѣрено однако уже румынскимъ ştirbínă—«Lücke»; объ очень же вѣроятномъ существованіи слова щърба въ томъ же значеніи свидѣтельствуютъ двойныя формы прочихъ славянскихъ языковъ: русск. *щерба—щербина*, польск. *szczerba—szczerbina*, луж. серб. *šćérba—šćérbina*, чеш. *štérba—štérbina*, слов. *štrba—štrbina*, словен. *šćrba—šćrbina*.

Gérlice—жаворонокъ, объясняю изъ болгарскаго *гъ рлица > *gérlica*, посредствомъ ассимиляціи конечнаго—*a* съ предыдущими палатальными гласными. Въ виду этого очень трудно понять, какимъ образомъ могъ Мелихъ *(Melich)* отрицать даже возможность болгарскаго происхожденія этого слова (см. *Nyelvtudományi Közlemenyek* XXXII, 1902 г., стр. 402—406). Мелихъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Значеніе, фонетика и географическое распространеніе слова свидѣтельствуютъ прежде всего о словенскомъ вліяніи». Чтобы Мелихъ могъ найти что-нибудь словенское въ

въ его языкѣ обыкновенно отражаются однѣ формы женскаго и средняго рода славянскихъ прилагательныхъ, долженствующія въ мадьярскомъ языкѣ слиться въ звуковомъ отношеніи [срв. бразда > barázd*a* и чоуdo > csod*a*]: (драгъ) драга—драго > *drága*, (нѣмъ) нѣма—нѣмо > néma, (чистъ) чиста—чисто > tiszta, (тѫпъ) тѫпа-тѫпо > *tompa*, (грѫбъ) грѫба-грѫбо > *goromba*.

1) Немного иначе объясняетъ происхожденіе соотвѣтствующаго словацкаго имени Josef Holuby въ своей прекрасной небольшой статьѣ п. з. *O rodinných menách Bošáckej doliny:* «Štrba by nebol nikdy k tomu menu prišiel, keby bol mal všetky zuby zdravé; ale že mu ich viac chýbalo, pre tu štrbinu, ked'už mal v hube hodnú tmu, dostal to priezvisko»—см. Slovenské Pohl'ady XIX, стр. 197.

2) M. A. = Molnár Albert—Dictionarium Ungarico-latinum. Norimberga 1604, изъ котораго и было взято въ историч. словарь значеніе «edentulus»—csorba.

«значенія» слова—совершенно невозможно; источникомъ того, что Мелихъ все-таки обращаетъ вниманіе на это значеніе, является болгарское слово *grъlica*, упоминаемое въ этимологическомъ словарѣ Миклошича. Мнѣ неизвѣстно, гдѣ Миклошичъ нашелъ это болгарское слово въ значеніи «горлица—Turteltaube»; Мелихъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, предположить, что Миклошичъ ошибся въ обозначеніи болгарскаго *grъlica*, только не долженъ былъ онъ заставлять читателя думать, будто Миклошичъ привелъ болг. слово grъlica въ совершенно иномъ значеніи, а между тѣмъ Мелихъ пишетъ: «Въ этимологическомъ словарѣ— (scil. Миклошича—авт.)—находимъ [bulg.] *grъlica*, только безъ опредѣленнаго значенія. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ *grъlica* обозначаетъ не «горлицу», а только *болѣзнь горла* (срв. Дювернуа)».—Это рѣшительное извращеніе того, что находимъ у Миклошича, у котораго говорится: 2) gerdla: *asl.* grъlica turteltaube. grъličistь; kagrъličistь, *nsl.* grlica. *b* grъlica: daneben grъgъlica, grъlъbica [sic!] gurguvica. *s.* grlica. č. hrdlice. *p.* gardlica, garlica». см. Etym. Wörtb. стр. 63, внизу.—Мелихъ затѣмъ продолжаетъ: «Для обозначенія горлицы имѣются въ нынѣшнемъ болгарскомъ слѣдующія названія: *grъlovica*, *grъgurica*, *gurgurica*, *grъgъlica*, *grъlъvica*, *gurguvica*, *trъtъrъ*, *gѫrlička* (срв. Mikl. Etym. Wb. Dict. abr., переводъ свят. письма, Duvernois, Rylec), ib. стр. 404.—Можно бы подумать, что Мелихъ въ этой путаницѣ болгарскихъ горлицъ просмотрѣлъ напослѣдокъ упомянутое *gѫrlička*, являющееся ничѣмъ инымъ, какъ уменьшительнымъ существительнымъ отъ слова *гърлица*, существованіе котораго можно предположить съ аподиктической достовѣрностью; но нѣтъ! Мелихъ начинаетъ все это диковинное мѣсто особенно настойчивымъ указаніемъ на то, что горлица называется въ Рылецкомъ переводѣ библіи *gѫrlička* (ib. стр. 403), однако онъ придерживается буквы и не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, хотя они сами напрашиваются: «Не въ томъ вопросъ, продолжаетъ онъ на 405 стр., возможна ли въ болгарскомъ языкѣ форма *gъrlica, grъlica*, такъ какъ объ ея существованіи можно бы заключать на основаніи и Рылецкой фор. *gѫrlička*; мы должны держаться факта, а онъ таковъ, что въ данномъ случаѣ горлица не называется *gъrlica*». Оспаривать подобнаго рода пониманіе языковыхъ явленій доводами разума нѣтъ никакой возможности, да—къ счастью—и не нужно. Такъ какъ Мелихъ счелъ нужнымъ и въ этомъ случаѣ изобразить выводы своего изслѣдованія на картѣ, гдѣ на болгарской территоріи можно читать: «trъtъr, gъrlička, gъrgorica [sic!]», то я прежде всего тоже беру карту въ руки и спрашиваю, получила ли мѣстность *Gъrlica*, на самой болгарской границѣ въ Добруджѣ (см. карту въ сочиненіи Милетича Das Ostbulgarische въ Schriften der Balkankommission linguist. Abt. II) свое названіе отъ «болѣзни горла», или же, подобно боснійской *Grlica*, слѣдуетъ объяснять его названіемъ птицы?

Наконецъ я позволю себѣ привести одно мѣсто изъ письма Милетича отъ 4 марта 1904 г., окончательно посрамляющее всѣ хитросплетенія Мелиха: «*Гърлица* се употрѣбява често въ значение на Turteltaube»!!

Чтобы не пропустить ни единаго момента, я выпишу еще одно мѣсто изъ сочиненія Мелиха, могущее очень легко ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто не знаетъ ближе исторіи мадьярскаго языка: «Если мы примемъ во вниманіе, говоритъ Мелихъ на 405 стр., что рядомъ съ *gërlice* существуетъ въ мадьярскомъ языкѣ и форма *gerle* (срв. Діалект. Словарь *gille, gelle*) и, что только въ словенскомъ языкѣ рядомъ съ *grlica* находится *grla* (срв. Miklosich-Slav. Elem., Pleteršnik), то мы еще болѣе укрѣпимся во мнѣніи, что наше *gërle*, *gërlice* словенскаго происхожденія». Но спрашиваю я, знаетъ ли вообще болѣе старый мадьярскій языкъ это *gerle*? Не будетъ ли скорѣе это слово сравнительно недавнимъ новообразованіемъ отъ *gerlice*, появившимся въ смѣшанной области, гдѣ—*ice* еще живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могло чувствоваться въ качествѣ уменьшительнаго суффикса, такъ какъ рядомъ съ мадьярскимъ языкомъ слышалась славянская рѣчь съ окончаніями *-ica*, *-ca*, *-ce* въ ея словахъ? Въ Историческомъ словарѣ мадьярскаго языка находимъ множество доказательствъ въ пользу *gerlice*: два раза произведенную отъ этой формы ласкательную форму *gerlicécske*, прилагательное *gerlicényi* «instar turturis, wie eine Turteltaube», однажды вмѣсто простого *gerlice* находимъ образованное по образцу нѣмецкаго *Turteltaube* *gerlice-galamb* [galamb = Taube], на другомъ мѣстѣ опять сложное *gerlice-madár* [madár = птица], но нѣтъ и слѣда *gerle!* Даже и въ открытыхъ впослѣдствіи старыхъ словаряхъ не обрѣтается *gerle*, латинское turtur переводится *gerlice!* Знающій исторію слова врядъ ли рѣшится доискиваться въ *gerle* чего-то словенскаго, соединять его съ заимствованіемъ слова *gérlice*. Видѣть въ *gerle* указанія на происхожденіе *gërlice*—грубое заблужденіе: *gerle* не вошло вмѣстѣ съ *gerlice* въ мадьярскій языкъ; его можно объяснять, какъ угодно—только, объясняя слово *gérlice*, о немъ не стоитъ и упоминать. Szily (Сили—съ нѣмец. l), авторитетный знатокъ древнихъ мадьярскихъ памятниковъ говоритъ въ своемъ словарѣ неологизмовъ при *gerle* слѣдующее: «Палоци[1]) сократили *gerlice* въ *gerle*, отсюда это слово перешло въ литературный языкъ. Оно находится уже въ Tzs. (1835)» Итакъ мы встрѣчаемъ слово *gerle*—*уже* 1835 (!) въ небольшомъ карманномъ словарѣ тогдашняго мадьярскаго ученаго общества!!

Мы видѣли, что «значеніе» слова совсѣмъ не можетъ свидѣтельствовать въ пользу словенскаго происхожденія слова *gerlice*; мы находимъ, что

---

1) Палоци живутъ далеко отъ словенъ въ сосѣдствѣ съ словаками въ столицахъ Borsod, Gömör, Heves и Nógrád.

краткая форма *gerle* вообще не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о томъ, какой славянскій языкъ далъ мадьярскому слово *gerlice*; «географическаго распространенія слова» славянскаго слова Мелихъ совсѣмъ не зналъ и уже поэтому не могъ придти къ какому-нибудь положительному выводу; остается еще «фонетика». Все мое разсужденіе должно дать отчетъ въ томъ, что *gërlice* по звуковымъ основаніямъ можетъ быть болгарскимъ. Мелихъ обѣщается въ своемъ широко задуманномъ изслѣдованіи о славянскомъ элементѣ въ мадьярскомъ языкѣ заняться и этимъ вопросомъ; однако пройдутъ еще годы, пока онъ такъ далеко подвинется; пока же онъ довольствуется утвержденіемъ: «въ мадьярскомъ языкѣ *gërlice* не можетъ произойти отъ **grъlica*, а только отъ *grlica*» (стр. 405)». Можетъ ли происходить мадьяр. *gërlice* отъ грълица или нѣтъ, это насъ вовсе не интересуетъ; Мелихъ могъ уже тогда знать изъ различныхъ намековъ, что я исхожу изъ болгарскаго произношенія гърлица respect. гᵊрлица, съ помощью котораго мадьярское *gërlice* объясняется очень легко; существованія же гърлица нельзя отрицать и въ древне-болгарскомъ, напротивъ, оно дѣлается очень вѣроятнымъ, благодаря свидѣтельству соотвѣтствующаго мадьярскаго слова.

Перехожу къ слову *varsa* «верша». Рядомъ съ *varsa*, вмѣсто котораго мы въ древнихъ памятникахъ многократно находимъ *vorsa*, нынѣшній языкъ знаетъ еще *verse* и *vörse*, формы съ палатальной вокализаціей. Первоначальную форму слѣдуетъ видѣть въ **vërsa*, изъ которой, благодаря ассимиляціи въ разныхъ направленіяхъ, возникли *vorsa* и *vërse*; путемъ обычнаго уподобленія непосредственно другъ за другомъ слѣдующихъ гласныхъ получились формы *varsa* и *verse*, между тѣмъ какъ *vörse* образовалось посредствомъ усиленной губной артикуляціи—все совсѣмъ обыкновенныя явленія въ мадьярскомъ языкѣ. Это слово можно бы, слѣдовательно, вполнѣ спокойно объяснить болгарскимъ *върша; а такъ какъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствующее слово было извѣстно всѣмъ славянамъ, слѣдовательно, разумѣется, и предкамъ нынѣшнихъ болгаръ, то можно спокойно предположить, что дѣйствительно было такое болгарское слово. Мелихъ, который, повидимому, думаетъ, что слова не могутъ исчезать въ языкѣ, отрицаетъ и здѣсь болгарское происхожденіе слова и заключаетъ свое наблюденіе такъ: «На основаніи приведенныхъ мной доказательствъ, я считаю слово *varsa* не болгарскимъ, а словомъ, заимствованнымъ изъ словенскаго языка на территоріи Венгріи, о чемъ свидѣтельствуетъ и приведенное географическое распространеніе» (Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, 1903, стр. 68). И затѣмъ слѣдуетъ чертежъ, на основаніи котораго кто-нибудь другой врядъ ли рѣшился бы придти къ такому выводу, къ какому пришелъ Мелихъ. Правда, судя по чертежу, мадьярское *varsa* стоитъ всего ближе къ отмѣченному между Муромъ и Дравой (слѣдовательно угорско-словинскому) *vrša*; теперь

однако я спрашиваю, по какому праву во всей странѣ извѣстное мадьярское слово занесено именно на территорію по ту сторону Дуная, выше Блатнаго озера? Почему оно искусственно помѣщено вблизи словенской области, т. е. почему извращены факты на этой картѣ? И потомъ не видимъ ли мы повсюду вокругъ насъ одно и то же слово: срв.—серб. *vrša*, чеш. *vrše*, польс. *wiersza*, русск. *верша*? Можетъ ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общеславянскимъ словомъ, которое принесено изъ прародины, и которое, слѣдовательно, болгары могли утерять въ своей нынѣшней родинѣ, хотя и должны были нѣкогда имѣть его?—Мы утверждаемся еще больше въ нашемъ предположеніи въ виду того, что и не внесенное на карту луж. серб. *wjerša* означаетъ то же самое, подобно тому, какъ и отмѣченное на картѣ словацкое уменьшительное *vrška* (рядомъ съ которымъ Bernolák знаетъ и *vrša*, между тѣмъ какъ Loos и Fančovič приводятъ только fem. *vrš*). Отмѣченное же на самой болгарской границѣ румынское *vuršo* дѣлаетъ предположеніе достовѣрностью, такъ какъ румынское *virşa* можетъ быть только болгарскаго происхожденія. Мелихъ не въ состояніи признать этого только по своему ослѣпленію. «Въ валашскомъ, говоритъ онъ, встрѣчается, правда, именно въ пунктѣ соприкосновенія съ болгарами, слово *vúršo*, и такимъ образомъ можно было бы заключать, что это слово существуетъ можетъ быть и въ болгарскомъ языкѣ. Но ни Миклошичъ, ни Дювернуа, ни Цанковъ не знаютъ въ болгарскомъ языкѣ слова *vrša*, **vъrša*, **vrьša*, нȩ нашелъ я его и въ народныхъ текстахъ». ib. стр. 67. и сл.—Очень странно, что Мелихъ изъ существованія румынскаго *virşa* не заключилъ о необходимости существованія этого слова въ древнемъ болгарскомъ языкѣ, что онъ такъ упрямо держится нынѣшняго запаса словъ болгарскаго языка, хотя вопросъ въ томъ, могли ли болгары имѣть это слово за много сотъ лѣтъ.— Человѣкъ можетъ быть различнаго мнѣнія о цѣнности положительныхъ указаній на то, что болгары должны были знать это слово; одно, однако, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: нельзя защищать никакими научными доводами утвержденія, будто болгары вообще не могли знать этого слова.

Въ остальной части статьи Мелихъ старается объяснить происхожденіе славянскаго выраженія слова, первоначальное воззрѣніе, на которомъ основывается оно. Онъ признаетъ совсѣмъ правильно, что **връша* основывается на *врьхъ* — верхъ; но когда онъ говоритъ: «мы легко поймемъ это названіе, если взглянемъ на рыболовныя снасти, изображенныя въ книгѣ Отто Германа (МНК. стр. 159)», то едва ли онъ оказывается на правильномъ пути. Изображенная на соотвѣтствующей страницѣ извѣстнаго сочиненія Германа объ угорскомъ рыболовствѣ (*A magyar halászat könyve*) рыболовная снасть дѣйствительно имѣетъ въ нижней части острый, ворон-

кообразный видъ, но все-таки трудно понять, какимъ образомъ эта сложная плетенка могла получить свое названіе отъ слова «верхъ», въ его первоначальномъ значеніи. По моему мнѣнію, болгарское слово указываетъ намъ на болѣе вѣрный путь. Мелихъ, правда, увѣряетъ насъ, что «въ болгарскихъ словаряхъ не встрѣчается близкаго къ мад. *varsa* слова» ib. стр. 67; дѣло, однако, обстоитъ не совсѣмъ такъ. У Дювернуа я нахожу одно, въ звуковомъ отношеніи очень близкое слово, образованное, навѣрно, тоже отъ врьхъ (болг. върхъ), а именно «*връши* с. мн. вѣтви (ср. русск. овершье)». Что это слово является собирательнымъ существительнымъ и должно писаться *връше* или *върше*, явствуетъ уже изъ цитатъ Дювернуа; ибо послѣдній примѣръ гласитъ: «как' га фатѝ отъ *врьшито*» (а не *врьшитѣ!*); кромѣ того вѣрное правописаніе слова приводится въ «Выпускѣ III, стр. XXV»: «Врѣши (е) Врѣше». У Дювернуа имѣется еще и единственное число «Връшь ж. ж. овершье, вѣтвь», что̀, однако, будетъ ошибкой, такъ какъ въ единственномъ примѣрѣ къ этому слову мы не находимъ ничего другого, какъ только тождественное, по формѣ и значенію, съ только что упомянутымъ *връши* слово *върши*: «кършѫтъ имъ *върши* два три пѫти». Это болгарское *върше*, произносимое часто, по причинѣ неударяемаго *-е*, какъ върши, произошло такъ же отъ върхъ, какъ и русское сучье отъ сукъ; что̀ же касается значенія, то множественное число слова върхъ: *върхове* «вершина (горы), холмъ, верхушка (дерева)» въ своемъ значеніи очень близко къ значенію слова *върше*, срв. напр.: «Найде дре'о кипаро'о; Во корен-отъ змехъ му лежитъ, на вѫрво'и же славей пеитъ». Если теперь мы примемъ во вниманіе, что верша—плетушка, то намъ естественнѣе всего предположить, что славянская врьша была первоначально менѣе сложной плетенкой изъ тонкихъ вѣтокъ — ежегодно срѣзываемыхъ «верхушекъ» вѣтвей, подобно тому, какъ нѣмецкая (Fisch-) *Reuse*, въ своемъ происхожденіи, связана съ словомъ *Rohr*, и первоначально обозначаетъ, слѣдовательно, подобное плетеніе изъ камыша.

Въ ряду столь многихъ ошибокъ мы находимъ наконецъ у Мелиха, въ самомъ концѣ его наблюденій, одно тонкое замѣчаніе, стоющее того, чтобы быть отмѣченнымъ: «Части *varsa*, говоритъ онъ, именно *vörcsök (verseg, versek)* и *tömlöcz* во всякомъ случаѣ славянскаго происхожденія», ib. стр. 68. *Tömlöc* «тюрьма»—славянскимъ «тьмница» и произошло отъ болѣе древняго *tömnöc* путемъ диссимиляціи—въ древнѣйшемъ памятникѣ мадьярскаго языка это слово пишется *timnuc* (читай *témnöc*). Не такъ просто обстоитъ дѣло съ *vörsök (vörcsök)*, *versek*, *verseg*. Обычное значеніе слова «узкое отверстіе верши» не можетъ быть объяснено, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, изъ славянскаго *вършькъ; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что — исключая небольшую изолированную область, гдѣ *vörsök*

обозначаетъ курятникъ изъ прутьевъ—это слово соединено по всей странѣ съ *varsa (verse, vörse)*, какъ названіе части верши. Вопросъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что можно бы, пожалуй, видѣть въ этомъ словѣ мадьярское образованіе отъ *verse—vörse*, хотя образовательный суффиксъ *-k* нынѣ уже не употребляется.

Сюда же отношу я и древнее *esztergár*—токарь, объясняемое мною болгарскимъ *ст^{ъ}ргарь. Это слово, какъ и упомянутыя при словѣ *kormány—korcsmáros* (< *кр^{ъ}чмарь) и *mészáros* (< мѧсарь), приняло рано мадьярскій образовательный суффиксъ, и такимъ образомъ возникло извѣстное изъ древнѣйшихъ памятниковъ слово *esztergáros*, давшее затѣмъ, посредствомъ диссимиляціи, нынѣ единственно извѣстное *esztergályos*. *Esztergа*—«токарный станокъ», которое Миклошичъ ошибочно производитъ отъ строугъ, не славянское, а мадьярское отвлеченное слово. Примѣняя въ объясненіи слова такое узкое пониманіе, какое сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мы у Мелиха, намъ дѣйствительно было бы очень трудно объяснить мадьярское слово славянскимъ. Въ звуковомъ отношеніи, правда, можно было бы очень легко объяснить это слово словенскимъ *strgár*, что̀ и дѣлаетъ Simonyi-Elvonás 1904 г. 16 стр.; Мелихъ, однако, постоянно строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы и значеніе подходило точнѣйшимъ образомъ, а въ этомъ отношеніи словенское слово уже не подходитъ къ мадьярскому, такъ какъ слов. *strgár* значитъ: 1) *Schaber, Kratzer*; 2) трубочистъ; 3) мастеръ ложки; 4) коростель. «Токарь» же называется въ словенскомъ *strugár*, что̀ опять въ звуковомъ отношеніи не совпадаетъ съ мадьярскимъ словомъ. Но въ виду того, что словенскіе *strgár* и *strugár* скрещиваются (*strugár* употребляется и какъ *strgár* въ значеніи 2) «трубочистъ»), я не вижу ни малѣйшаго препятствія для предположенія, что въ болгарскомъ языкѣ существуютъ рядомъ *ст^{ъ}гарь* и *стругарь* въ значеніи «токарь»; первое, какъ примитивное образованіе отъ глагола ст^{ъ}ргати, второе же, какъ вторичное образованіе отъ существ. стругъ—и насколько могли быть здѣсь шатки границы, ясно и изъ того, что въ болгарскомъ яз. стъргъ употребляется и вмѣсто стругъ!

Я перехожу теперь къ слову *hörcsök—hörcsög* «хомякъ», которое я не могу оставить безъ упоминанія, такъ какъ оно въ высокой степени интересно со славянской точки зрѣнія. Такъ какъ Будмани въ Словарѣ хорватской Академіи при словѣ *hr̀čak* говоритъ: «Biće stara riječ, isporedi slovač. *chrček*», то является на сцену и мадьярское *hörcsök* и требуетъ себѣ мѣста. Мелихъ еще не высказался объ этомъ словѣ; я однако убѣжденъ въ томъ, что онъ счелъ бы чудовищнымъ мнѣніе о возможности болгарскаго происхожденія мадьярскаго слова въ виду его распространенности по всей странѣ и, слѣдовательно, вѣроятно, древняго заимствованія. Вѣроятно, онъ приложилъ бы сюда и двѣ карты: на одной онъ изобразилъ бы распростра-

неніе славянскихъ названій, на другой—распространеніе самого животнаго. Первая карта показала бы, что названіе, близкое къ *hörcsök*, встрѣчается, кромѣ хорвато-сербскаго и словацкаго языка, только еще въ словенскомъ (hrček), но тамъ оно не родное, такъ какъ и само животное неизвѣстно народу; что болгарскіе зоологи называютъ животное или хамстеръ—какъ нѣмцы, или же хомякъ—какъ русскіе. Изъ другой карты явствовало бы, что въ Болгаріи *вообще нѣтъ никакого хомяка*, что такимъ образомъ, понятно, не можетъ существовать и никакого туземнаго, народнаго названія для этого животнаго. Но и 10 картъ, начерченныхъ по методу Мелиха, ничего не доказали-бы. Основой для моихъ выводовъ является то соображеніе, что и болгарскіе славяне вышли изъ той страны, гдѣ были извѣстны хомяки, что слѣдовательно они несомнѣнно имѣли и названіе для нихъ, и что это названіе могло быть, конечно, такое же, какое мы находимъ у хорватовъ и сербовъ. Мадьяры могли, слѣдовательно, слышать отъ встрѣченныхъ ими въ Венгріи болгаръ и слово хърчькъ, которому точно могло бы соотвѣтствовать отмѣченное въ двухъ старыхъ словаряхъ мадьярское *herchek* (чит. hèrcsèk)—форма съ конечнымъ *-g* (*hörcsög* рядомъ съ *hörcsök*) возникла позднѣе въ мадьярскомъ языкѣ въ силу извѣстнаго звукового стремленія. А даже если бы болгары, утвердившіеся во Венгріи, уже ранѣе, во время своихъ передвиженій, утратили названіе хомяка, такъ намъ ничто не мѣшаетъ предположить, что они въ самой Венгріи, гдѣ имъ столь часто попадалось это животное, заимствовали названіе хърчькъ отъ славянскихъ сосѣдей и затѣмъ сообщили его мадьярамъ съ множествомъ другихъ словъ. Въ доказательство существованія этого слова у болгаръ нельзя указывать на румынское *hîrciog* (произноси—хырчогъ), такъ какъ это слово указываетъ на мад. *hörcsög*, какъ свой источникъ.

Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ общеславянскимъ словомъ, такъ какъ для меня совершенно неясны и старыя его отношенія къ очень похоже звучащему чешскому *křeček*[1]), то я и поставилъ это слово, при сопоставленіи трактуемой группы, лишь въ концѣ и въ скобкахъ. Я перехожу къ новой, произвольно составленной группѣ словъ *csötörtök*, *csötört*, *szömörcsök*, *berena*, *bürü*, *gerezna*, *morotva*, которыя всѣ подтверждаютъ предыдущіе результаты и вновь даютъ имъ опору.

Не приходится терять лишнихъ словъ для доказательства звукового соотвѣтствія *csötörtök*—*csütörtök* слову четвъртъкъ (болг. четвъртъкъ); все дѣло въ томъ, какъ представить себѣ распространеніе общеславянскихъ на-

---

1) Gebauer объясняетъ *křeček* синонимомъ *skřeček*=польск. *skrzeczek* чрезъ отпаденіе *s* (Historická mluvnice jazyka česk. I, стр. 489, § 408). Здѣсь слѣдуетъ указать еще на латинское неклассическое названіе *cricetus*—римляне не знали хомяка.

16*

званій дней недѣли, и можетъ ли кто-нибудь установить, при помощи подходящихъ доводовъ, вѣроятность того, что болгары, жившіе въ Венгріи, не знали этихъ названій до прибытія мадьяръ въ страну. Я считаю это невозможнымъ—и потому произвожу *csötörtök*,—какъ и *szerda—szereda*, *péntek*, *szombat*, изъ того славянскаго языка, который вообще оказалъ сильнѣйшее вліяніе на мадьярскій языкъ.

Къ *csötörtök*, вмѣсто котораго въ литературномъ языкѣ употребляется *csütörtök*, а діалектически говорится и *csétérték*, примыкаетъ и устарѣлое *csétért—csötört* =четврть въ значеніи «modius, мѣра хлѣба» (срв. Словарь документовъ 1470. Una metreta pisi vulgo *chethewrt*—чит. csétört;—1519. De tritico quartus vulgo *chethert*; 1528. Farine *cheterth* quinque; 1593/1628. csötőrt; 1643. csötert; также безъ *-t*: 1524. Trituratorum frugum *cheter* XVI. На другомъ мѣстѣ подъ 1665 г. говорится о *csetert* баранины; въ Седмиградьѣ слова *csétért*, *csütört*, *csetertk*, *csétér*, *csetér*, *cseter* еще и нынѣ очень распространены въ значеніи длиннаго куска бревна (первоначально—четвертая часть расколотаго пня).

Мадьярское *szömörcsök* «сморчокъ» отвѣчаетъ «*смърчькъ» (= болг. *смърчъкъ), котораго я, правда, не могу доказать для болгарскаго языка, но которое мы, въ силу созвучія русск. *сморчокъ*, чеш.-слов. *smrček*, серб.-хорв. *smrčak* и словен. smrček, въ правѣ считать общеславянскимъ.

Я намѣренно разсмотрѣлъ послѣ *kérészt* > крстъ цѣлый рядъ словъ, которыя не могутъ быть поставлены ни въ какую связь съ *kérészt*, если мы хотимъ объяснить это слово изъ старославянскаго крьстъ, со строгимъ соблюденіемъ церковнаго правописанія: *perzsel* < пържити, *borda* < бърдо, *kormány* < кърма, *csorba* < *шчърба, *gérlice* < гърлица, vérse < вършa, *észtérgár* < *стъргарь; *hörcsök* < *хърчькъ, *csötörtök* < четвъртъкъ, *csötört* < четвърть, *szömörcsök* < смърчькъ—всѣ эти слова, подобно разсмотрѣннымъ нами передъ *kérészt* словамъ *görcs* < гърчь и *görbe* < гърба, свидѣтельствуютъ противъ предположенія, будто бы мадьяры слышали болгарское произношеніе, съ неподвижной звуковой послѣдовательностью ръ — рь. По моему мнѣнію, намъ нельзя производить всѣ эти слова прямо изъ другого славянскаго языка, въ которомъ трът-трьт дали *tr̥t*, то есть произвольно отрывать ихъ отъ такихъ словъ, какъ *krészt—kérészt* < кръстъ и **gréncsár—gérëncsér* < гръничарь, если имѣется возможность соединить обѣ группы и совсѣмъ просто объяснить ихъ изъ общаго источника. Кромѣ болгарскаго, я не знаю другого славянскаго языка, звуковые законы котораго дали бы намъ болѣе прочную основу для объясненія обѣихъ группъ, т. е. всѣхъ относящихся сюда словъ—и я нахожу, что все это вполнѣ отвѣчаетъ цѣлому Habitus воспринятыхъ мадьярскимъ языкомъ славянскихъ словъ.—Даже самъ Мелихъ, стремясь, въ силу не всегда понятныхъ мнѣ

причинъ, доказать словенское вліяніе, все-таки соглашается съ тѣмъ, что «въ мадьярскомъ языкѣ имѣется значительное число болгарскихъ элементовъ» (Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, стр. 71). Правда, онъ думаетъ, не успѣвъ, однако, своими неудачными попытками убѣдить меня въ этомъ, что «это болгарское наслоеніе можно очень легко доказать не только въ звуковомъ отношеніи, но и съ помощью географическаго распространенія словъ» (ibid.). Если твердо стоять на томъ — и, повидимому, Мелихъ твердо стоитъ на этомъ, — что старославянскому ръ и рь должны соотвѣтствовать въ мадьярскомъ языкѣ — съ одной стороны *ro*, съ другой же *-rė*, то рефлексы словъ вида трът-трьт остаются запечатанной семью печатями загадкой; если же, напротивъ, исходить изъ живого болгарскаго языка и рѣшиться предположить для языка IX и X столѣтія то, что теперь слышно въ Болгаріи на каждомъ шагу, то сразу станетъ все ясно. — Насъ не можетъ сбивать съ толку то обстоятельство, что до сихъ поръ мы болѣе находили такіе случаи, гдѣ гласный въ мадьярскомъ языкѣ стоитъ *передъ r*: эти случаи преобладаютъ въ простыхъ словахъ и живого болгарскаго языка. Кромѣ того, для меня было важно настойчиво указать на то, что даже въ такихъ случаяхъ, какъ *krėszt-kėrėszt*, гдѣ само собой напрашивается объясненіе изъ дошедшей до насъ формы старославянскаго слова (крьстъ), мы должны обращать болѣе вниманія на живой разговорный языкъ, чѣмъ на письменный. Поэтому-то я упомянулъ до сихъ поръ рядомъ съ *kėrėszt* < ст. мад. *krėszt* только *одно* слово, гдѣ гласный звукъ первоначально слѣдовалъ за *r* (*gėréncsér* < **grėncsár*) — существуютъ, однако, и другіе того же рода случаи, какъ напр. *bėréna*, *bürü*, *gerezna*, *morotva*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Bėréna — бревно, не общеизвѣстное слово въ мадьярскомъ языкѣ; въ старательно обработанномъ Словарѣ документовъ (*Oklevél-Szótár*), заключающемъ столь много интереснаго и для насъ славистовъ, оно не отдѣлено надлежащимъ образомъ отъ общеизвѣстнаго *borona* «борона» и устарѣвшаго *borona*, *barana* — плетень, которыя возводятся къ *брана* и не имѣютъ ничего общаго съ *bėréna*. Въ этомъ Словарѣ мы читаемъ подъ *Borona*: «s. trabs, lignum; balken... 1406: Duodecim ligna edificio domus apta vulgo *Berena* dicta»; форма *berena* упоминается еще въ 1601 г., а рядомъ съ ней въ 1638 г. ф. *barona* — съ тѣмъ же значеніемъ — образованная посредствомъ ассимиляціи. Діалектически это слово живетъ еще и теперь въ различныхъ формахъ: *bėréna*, *berena*, *borona* и, съ потерей второго гласнаго, *borna*. Звуковое развитіе изъ бръвно (ст.-слав. бръвьно, болг. *бръвно) представляется нѣсколько затруднительнымъ въ виду того, что слѣдовало бы прежде всего ожидать **brėvna*, *bėrėvna* и что трудно объяснить безслѣдное

исчезновеніе *v*[1]). Въ виду этой звуковой сомнительности—впрочемъ, не столь важной, чтобы отдѣлять мад. *béréna* отъ однозначущихъ славянскихъ словъ—представляется маловажнымъ то обстоятельство, что нельзя доказать существованія этого слова спеціально въ болгарскомъ языкѣ («b. (*brъvno*)» въ Этим. Слов. Миклошича мнѣ непонятно), ибо остальные славянскіе языки не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общеславянскимъ выраженіемъ (срв. ст.-слав. *бръвьно*, рус. *бервено* и пр., польс. *bierzwiono*, чеш. *břevno*, словац. *brvna*, серб.-хорв. *брвно*), а румынское *bîrnă* окончательно подтверждаетъ, что это слово не могло отсутствовать въ болгарскомъ языкѣ.

На ряду съ *béréna* я упомяну и *bürü*, которое побудило меня впервые разсмотрѣть рефлексы славянскихъ трът-трьт въ мадьярскомъ языкѣ (срв. Magyar-Nyelvőr XXIX, 1900, стр. 560—566). Въ предыдущемъ выпускѣ упомянутаго журнала Мелихъ пытался объяснить изъ словенскаго языка діалектическое сл. *bürü*, употребляемое только по ту сторону Дуная и обозначающее «мостикъ» черезъ ровъ, ручей. Мелихъ смѣшиваетъ *брьвь* (изъ bьrvь)—ponticulus (см. Archiv. f. sl. Phil. XI, стр. 124) съ *бръвь* (изъ brъvь)—supercilium, изъясняя первое старой основой на *ū*, и конструируетъ, по аналогіи со словенскимъ kri = ст.-слав. *кры*, угро-словенское **bri*, которому въ мадьярскомъ діалектѣ, ближайшемъ къ словенской территоріи, соотвѣтствуетъ яко-бы слово **brü*, какъ тамъ, дѣйствительно, вмѣсто общемадьярскихъ словъ *mi*, *ti*, *ki*, говорятъ *mü*, *tü*, *kü*, съ округленіемъ губъ. Путемъ Мелиха, конечно, не захочетъ пойти ни одинъ славистъ—да и нѣтъ ни малѣйшей къ тому причины: мы можемъ очень хорошо объяснить это слово, какъ и другія похожія слова.

Обслѣдованное выше слово бръвьно можетъ быть объяснено, какъ дальнѣйшее образованіе слова бръвь (resp. брьвь), которое въ своемъ значеніи превосходно подходитъ сюда; Миклошичъ и переводитъ его совершенно правильно словомъ «δόκος», trabs и «ponticulus», но ставитъ его ошибочно подъ словомъ «бръвь «ὀφρύς» supercilium», съ которымъ оно не имѣетъ ничего общаго; подобнымъ образомъ Востоковъ бръвь 1. бревно 2 бровь.

Напротивъ совершенно обособленно стоятъ эти слова въ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка»: слово, которое здѣсь интересуетъ насъ, мы находимъ подъ *брьвь* «бревно, δόκος, trabs, asser» и *берв*, «плотъ, береговая плотина, ratis». Этому брьвь соотвѣтствуетъ малорусское берва «Stegbrücke», которое такъ же перешло въ группу основъ на *a*, какъ и соотвѣтствующее слову бръвь «supercilium» слово брова. Различіе обоихъ

1) Не слѣдуетъ ли предположить въ болгарскомъ языкѣ еще и форму *бърно рядомъ съ бръвно? срв. русск. берно и бревно! и рум. bîrnă, очень легко объясняемое болгарскимъ *бърно.

словъ обнаруживаетъ столь же рѣзко, какъ малорусскій языкъ, и чешскій языкъ: břev gen. břvi, «ponticulus» и brv или brva «supercilium, въ то время какъ въ хорвато-сербскомъ языкѣ эти слова, естественно, должны совпадать, такъ что въ Словарѣ хорватской Академіи подъ Brv f. palpebra, ponticulus мы читаемъ непосредственно рядомъ другъ съ другомъ оба значенія. Второе значеніе обозначено здѣсь такъ:

Daska ili greda, što se metne preko vode, da samo ļudi mogu prelaziti. Въ словенскомъ языкѣ *brv* значитъ только 1. мостикъ. 2. лавка въ (доска) лодкѣ — бровь же называется *obrv*, *obrva*. На основаніи этихъ данныхъ, я въ своей вышеупомянутой статьѣ пришелъ къ заключенію о болгарскомъ словѣ *бръвъ*, въ которомъ гласный звучитъ, какъ въ словахъ кръвь, връвь, стръвь (срв. Цоневъ—За источнобългарскій вокализмъ, стр. 60[1]), не передъ, а *послѣ* *р*. Любезное сообщеніе Милетича подтвердило мое предположеніе; онъ сообщилъ мнѣ письмомъ отъ 22 ноября 1900 г. изъ Софіи; «Думата *бръв*, *бръвта*.е извѣстна по нашитѣ диалекти (по цѣла източна Болгария) въ смисълъ на греда (дъска, пънь) която служи мостъ прѣко нѣкой язъ, потокъ и прч.». Слѣдовательно, въ болгарскомъ языкѣ существуетъ *бръвъ* точно въ такомъ же значеніи, какъ мад. *bürü*, которое въ звуковомъ отношеніи можно легко объяснить изъ болг. брꙿвь. Если болгарскому *ръ* соотвѣтствуетъ въ мадьярскомъ *ré*—*rö*, какъ мы это до сихъ поръ наблюдали, то слѣдовало бы ожидать вмѣсто *брꙿвь* — *brév, *brӧv, съ разрѣшеніемъ трудной группы согласныхъ въ началѣ слова bérév—bérӧv.

Закрытый же слогъ *év*-*öv* переходитъ, послѣ вокализаціи *v*, въ *ő*: *köv*- (acc. sing. *köv-et*, plur *köv-ek*, прилаг. *köv-es*—каменистый) даетъ въ nom. sing. *kő*—камень; совершенно такъ же, какъ *av*, *ov* превращаются въ закрытомъ слогѣ въ *ó* (поставъ > posztó — сукно, подковъ > patkó — подкова)—слѣдовательно **béröv* должно было дать **berő*. Это *bérő* мы имѣемъ, м. б., въ словѣ *berw* грамотъ: Ad quendam fluvium parvulum ubi pedites possunt per lignum transire vulgo Serynа*berw* vocatum; 1462. Ad lucum ubi pedites per lignum possunt pertransire vulgo zeryna *berw* (см. Словарь документовъ подъ словомъ *bürü*). Такъ какъ однако *w* можно читать одинаково, какъ *ő*, *ű* и какъ *ü*,—то редакторъ Словаря документовъ имѣлъ основаніе

---

1) Само собой понятно, что предположеніе о произношеніи брꙿвь въ тѣ древнія времена было бы очень мало вѣроятнымъ, если бы объясненіе Цонева относительно нынѣшняго произношенія было основательнымъ. «Въ думитѣ, говоритъ онъ, *кръв*, *вְръв*, *стръв* (чети: кръф и пр.) трѣба да се мисли едно *т* на края, което да е причинило неправилното произношеніе на ъ (слѣдъ *р*), защото въ мн. ч. се говори наистина покрай *връвй* и *връфти*, а може и членната форма (кръфтѣ) да е причинила такова произношеніе. Общепринятое произношеніе *кръв* рядомъ съ *кърви* (срв. Цоневъ—Программа стр. 11: пръвъ, първенъ, първенци, пръвница) ясно свидѣтельствуетъ, однако, о томъ, что не послѣдующее *т*, вызвало произношеніе кръвь и пр., а только стремленіе избѣжать въ окончаніи соединенія—*рв*.

прочитать это слово, какъ *berü*. Это конечное—*ü*, въ живыхъ до сихъ поръ формахъ *börü* и *bürü*, возникло здѣсь благодаря звуковой тенденціи, обнаруживающейся въ той области, гдѣ это слово извѣстно теперь, и состоящей въ томъ, что долгое *ő*, возникшее изъ *eu*—*öu*, переходитъ въ *ű*, гевр. въ *ü*, благодаря принятому по ту сторону Дуная сокращенію гласной *ű*. Такимъ образомъ изъ древняго **bërő*, **börő* возникло прежде всего *börü*, засвидѣтельствованное дважды въ Историч. словарѣ по переводу Коменскаго, а въ силу ассимиляціи слѣдующихъ другъ за другомъ гласныхъ—*bürü*.

Интересно слово *gérézna*[1])—косматая матерія, косматое платье—которое легко можно объяснить сл. кръзно—такъ какъ въ мадьярскомъ языкѣ переходъ *k* въ *g* не рѣдкость, и можетъ быть доказанъ и въ иностранныхъ словахъ (напр. старослав. кѫдрь соотвѣтствуютъ *kondor* и *göndör*—кудрявый): *gérézna* произошло отъ болѣе древняго **grézna*—**krézna*, соотвѣтствующаго сл. кръзно. Какъ въ Венгріи вмѣстѣ съ измѣняющеюся модой пришло въ забвеніе и названіе одѣянія, такъ точно исчезло это слово и изъ большинства славянскихъ языковъ. Сербскій языкъ не знаетъ уже больше никакого **крзно*, хотя въ старославянскомъ Словарѣ (Lexicon Palaeoslov.) Миклошича *крьзно*, «vestis pellicea» приведено изъ сербскаго источника (3 раза); производное *крзнар* Караджичъ отмѣчаетъ только въ Хорватіи—въ Сербіи употребляется *кожухар* или турецкое ћурчија. То же самое и въ русскомъ языкѣ, срв. *Матеріалы для словаря древнерусскаго языка:* кързно = корьзно = крьзно = корозно — плащъ. Устарѣлымъ является и чеш. krzno—plašť kožešinou podšívaný (*Gebauer*—Historická mluvnice jazyka českého, I, 67). Только въ словенскомъ языкѣ, повидимому, живетъ еще это слово krzno—косматая шкура, кожухъ; krznár—мѣховщикъ, krznáš—волосатое животное, krznína—сырье, шкура и пр.

Изъ этого никто, однако, не захочетъ заключать, что мад. *gérézna*, которое должно возникнуть изъ **grézna* и въ звуковомъ отношеніи, конечно, не можетъ быть объяснено словенскимъ словомъ, должно быть словенскаго происхожденія и никакъ не можетъ быть болгарскимъ, хотя его, съ звуковой точки зрѣнія, безъ труда можно произвести изъ болгарскаго языка. Въ жизни языковъ имѣются болѣе надежныя указанія, чѣмъ случайное сохраненіе слова! Наконецъ, можно еще упомянуть словац. grznár—мѣховщикъ, которое *Bernolák* обозначилъ звѣздочкой, какъ «vulgare, i. e. culinare et bar-

---

1) Чтобы опредѣлить значеніе этого устарѣлаго слова срв. въ Словарѣ документовъ: 1471. *Gerezna* proprium de pellibus kralyk factum; Unam mastrucam vulgo *gerezna* (тотъ же годъ); 1516. Pro pellibus vel *gerezna* hermellina; 1556. Una *gerezna* sub veste. Еще больше данныхъ находимъ мы въ Историческомъ словарѣ. Въ обоихъ словаряхъ приводится и цѣлый рядъ сложныхъ словъ.

barum vocabulum». *Loos* приводитъ еще и *grsna*, переводимое имъ мадьярскимъ gerezna, szűcsbőr и нѣм. Pelzwerk. Я не могъ твердо установить[1]), извѣстно ли народу это слово, приводимое и Янчовичемъ; напротивъ, вполнѣ достовѣрнымъ является слово grznár—мѣховщикъ; но какъ обозначеніе ремесленника, обработывающаго мѣха, съ тѣхъ поръ, какъ мѣховое платье вышло изъ моды, устарѣло и это слово. Миклошичъ не приводитъ словац. слова, остальныя же данныя мы находимъ въ Этимологическомъ словарѣ вмѣстѣ, хотя и безъ всякой исторической перспективы: kürzno: asl. *krъzno* pelz; nsl. *krzno*, *krznar*; s. *krznar*; č. *krzno;* r. *korzno*».

Точно такъ же непонятнымъ уже словомъ является *morotva*; Словарь нарѣчій приводитъ только остатки этого слова въ значеніи: «todtes Wasser, todter Flussarm, wässriges Röhricht». Древніе источники знаютъ очень хорошо это слово, особенно ясно выступающее въ значеніи «рыбный прудъ»; Molnár Albert объясняетъ его вотъ какъ: Marotva: «locus vel piscina cum claustro», а при существительномъ *Gyalmostó*, *marotva*: «piscina cum claustro piscaturae»; въ Словарѣ документовъ мы читаемъ: «1337. Quadam piscina *Muruthwa* vocata in qua novem tracciones piscium volgo Tanya vocate; 1344. Piscinam nostram *Moruthwa* vocatam; 1437. Piscinam wlgariter *Morothwa* nuncupatam; 1489 Quandam piscinam *Morothwa* vocatam; 1499. Piscine *Morothwa* alio nomine Holtthyza[2]) vocate, и т. д.». Слово это употребляется и для обозначенія большихъ стоячихъ водъ, прудовъ; основнымъ понятіемъ, очевидно, является понятіе стоячей, «мертвой воды», и такимъ образомъ это слово, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ ст.-слав. мрътва. Это слово отлично входитъ въ рядъ уже разсмотрѣнныхъ словъ. Мы исходимъ изъ болгарскаго произношенія *мр*ъ*тва* (срв. болг. мрътва), которое первоначально даетъ мад. **mrétva*—**mérétva*,—ставшее потомъ въ силу ассимиляціи *morotva*. Объясненію этого слова прямо изъ встрѣчающейся намъ въ др.-слав. источникахъ формы мрътва, съ яснымъ ъ и правильной замѣной его мадьярскимъ *o*, препятствуютъ доселѣ извѣстные факты; не только множество словъ въ родѣ г*ъ*рба, > *görbe*, г*ъ*рчь > *görcs*, гдѣ гласный стоитъ передъ *r* и притомъ всегда въ согласіи съ распространеннѣйшимъ произношеніемъ современныхъ болгаръ, показываютъ, что такого рода объясненіе прямо недопустимо, это обнаруживаютъ и слова въ родѣ göröncsér, gérézna, въ которыхъ первоначально гласный стоялъ лишь *послѣ r* (*gréncsár и *grézna), и которыя не могли произойти изъ грънчарь, кръзно, съ обычнымъ, яснымъ ъ, которому въ мадьяр. соотвѣтствуетъ *o*.

Я перехожу теперь къ слову, наблюденія надъ которымъ рѣшительно

---

1) *Kott*, знающій *grsna* только по словарю Loos-a, приводитъ рядомъ и *grsno*, a n. = grsna, kožešina, kůže ovčí s vlnou na ní. Baranica, kučma ušitá z grsna. Slov. Dbš. Obyč. 10.

2) *Holtthyza* = holt Tisza значитъ «Мертвая Тиса».

доказываютъ, какое цѣнное разъясненіе исторіи мадьярскаго языка заключается въ туземныхъ, по-латыни написанныхъ документахъ. Это богатство только теперь стало вполнѣ доступнымъ, когда мадьярская Академія Наукъ образцово издала богатый матеріалъ, собранный въ различныхъ архивахъ преждевременно умершимъ Szamota[1]). Чтобы познакомить славистовъ съ характеромъ этого столь важнаго и для нихъ труда, я привожу изъ него дословно статью *barlang*, напередъ замѣчая, что в Историческій словарь знаетъ только форму *barlang* и полученную отсюда посредствомъ ассимиляціи форму *ballang*.—«*Barlang*, *barlag*: antrum, lustrum, latebra, caverna, cavea, specus, spelunca, spelaeum, tumba, latibulum; höhle, grotte. Ny Sz.[2]) 1248: In Watka Pobor et *Borlogv* [a. m.[3]) barlang?] fecit introduci (Veszpr. 109, Szántó 1). 1310: Possessionem *Barlag* vocatam (Veszpr. 2, Barlag). 1313: Paulum de *Borlog* (Veszpr. 108, Vámos 1). 1357: Ad speluncam Bohomil *porloga* dictam (Akad. 3). Ad quendam montem *Borloghyg* vocatum (u o.[4]). 1463: Attigissent siluam Medwe *Barlaga* vocatam (Lelesz Prot. IV, 110). 1467: Venissent ad montem *Barlanghege* (Lelesz Met. Bereg 21)».

Итакъ, предъ нами множество данныхъ, въ которыхъ это слово является еще въ древнейшей формѣ. Прежде всего, несомнѣнно, что *n* передъ *g* развилось лишь позже; не столь достовѣрно, слѣдуетъ ли *o*, употребляемое въ старыхъ документахъ вмѣсто *o* и вмѣсто сильно закрытаго мадьярскаго *a*, читать всегда, какъ *a*, какъ это полагаетъ редакторъ словаря *Zolnai*. Написанія въ родѣ *Borlog* можно читать одинаково хорошо, и какъ *Borlag*; если же это слово произошло многократно разъясненнымъ способомъ изъ болгарскаго бърлогъ, такъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать прежде всего **bèrlag*, а затѣмъ, въ силу происшедшей ассимиляціи, *borlag*.—*Barlag* я считаю болѣе позднеѣ формой, возникшей изъ болѣе древняго *borlag* посредствомъ не рѣдкаго вообще въ мадьярскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ языкахъ, уподобленія двухъ сосѣднихъ гласныхъ, встрѣтившагося намъ уже въ словѣ *vorsa* > *varsa*. Нынѣшнее значеніе «пещера» вполнѣ ясно выступаетъ въ двухъ мѣстахъ: Ad speluncam Bohomil *porloga* dictam»—и Attigissent siluam Medwe *Barlaga* vocatam; находящееся въ обоихъ случаяхъ конечное *-a* есть суффиксъ, обозначающій владѣніе: *barlang* = пещера, *barlanga* = его пещера, *medve barlanga* = медвѣжья пещера. Въ латин-

---

1) На заглавномъ листѣ, подъ главнымъ заглавіемъ *Magyar Oklevél-Szotár* (= Венгерскій словарь документовъ) мы читаемъ: «Собраніе мадьярскихъ словъ, встрѣчающихся въ старыхъ документахъ и другихъ сочиненіяхъ, въ большей своей части составленное г. Szamota István, по порученію Имп. Акад. Наукъ редактированное въ видѣ словаря г-омъ Zolnai Gyula, Budapest 1902—1906.

2) Ny Sz. = *Nyelvtörténeti Szótár*, т. е. «Историческій словарь», 3 тома, Будапештъ 1890—1893.

3) a. m. *annyi mint*, т. е. «столько, что».

4) u o. = *ugyanott*, т. е. ibidem.

скихъ документахъ мадьярскія слова и вообще часто являются въ расширенной формѣ: такая же конструкція, какъ *medve barlang-a* и *Barlanghege* (чит. Barlanghegye), рядомъ съ *Borloghyg* (чит. Borlag- или Barlaghegy) — *hegy* = гора, *hegy-e* = его гора. То обстоятельство, что лѣсъ называется медвѣжьей пещерой, приводитъ намъ на память, что въ «Матеріалахъ для словаря древне-русск. яз.» находимъ рядомъ съ *бърлогъ* = latibulum и *берлога* = *берлогъ* въ значеніи «лѣсъ, sylva, ὕλη, и что рум. *bîrlog* значитъ въ особенности «медвѣжья пещера»[1]) Это румынское *bîrlog* является болѣе надежнымъ доказательствомъ, чѣмъ значительное распространеніе слова въ славянскомъ языкѣ, что это слово нѣкогда многократно употреблялось и въ болгарскомъ языкѣ. Словарь Дювернуа, правда, не знаетъ этого слова, и Милетичъ не имѣлъ подъ рукой ни одного подтверждающаго свидѣтельства «Бърлог-имало го въ Прилѣпско, но не зная да ли въ значението на сръб. хърв. *brlog*») — мнѣ же, при чтеніи болгарскихъ текстовъ это слово встрѣтилось только однажды: «Да ли затуй ти прѣдадохъ прѣстолътъ, да то направишъ *бърлога* на грѣховетѣ» Болг. Прѣгледъ I, XI—XII. кн. 141. стр. [послѣднія три слова мадьяръ передалъ бы сложнымъ *bűnbarlang* — *bűn* = грѣхъ].

Перехожу теперь къ слову *morva*—*murva*, неупотребляемому въ литературномъ языкѣ—только ботаники употребляютъ выраженіе *morva*-levelek (levél листъ) для обозначенія прицвѣтнаго листка (bractea)—помимо того, очень извѣстному, хотя бы въ часто измѣняющейся формѣ. Кромѣ приведенныхъ у Миклошича формъ *morva*, *murva*, *murha*, *murgya*, *murugya*, *murugy*, *murnya*, мы находимъ въ словарѣ нарѣчій еще *murja* и *muruggya*,—напротивъ формы *murugy* не обозначено въ немъ, и поэтому мы не считаемъ ее доказанной. Всѣ эти различныя формы встрѣчаются въ значеніи: «отруби (полусотлѣвшаго) сѣна, соломы, скотной кормы, камыша»; наряду съ этимъ выступаютъ и другія значенія такъ напр.: *murva*, *murnya* приводится въ значеніи—«песокъ, известковая пыль, щебень при проведеніи дорогъ». Пока насъ интересуетъ только форма *morva*, которая въ Историческомъ словарѣ подтверждена свидѣтельствами 3 источниковъ, а въ Діалектическомъ словарѣ встрѣчается только однажды въ видѣ *morvajja* [murva-alja?], и форма *murva*. Выраженіе *morva*, очевидно, древнѣе и соотвѣтствуетъ сл. мърва, давшему первоначально **mérva*, а затѣмъ, въ силу ассимиляціи закрытаго *é* съ гортаннымъ *-a*, *morva*. Въ формѣ *murva* заключается дальнѣйшее перегласованіе *o* подъ вліяніемъ окружающихъ его звуковъ—какъ напримѣръ, вмѣсто обычнаго *morszol*—

1) Dr. *H. Tiktin*—Rumänisch—deutsches Wörterbuch: «bîrlog—1. Höhle grosser Raubtiere.—Bes. des Bären. 2. Lager des Schweines».

дробить и *morzsa*—крошка діалектически употребляется *murzsol*, *murzsa*, срв. и широкораспространенное *mustoha* рядомъ съ обычнымъ *mostoha* < маштеха.

Значеніе мадьярсьаго слова превосходно совпадаетъ съ значеніемъ славянскаго, какъ оно представляется намъ въ польскомъ, малорусскомъ, словацкомъ, словенскомъ, чешскомъ и сербскомъ языкахъ. Польское *mierzwa* передается посредствомъ «смятая солома, постилка, навозъ изъ соломы»; то же значитъ малорус. *мерва*; словац. *mrva* Бернолакъ разъясняетъ такъ—«stramentum comminutum, frustilla (segmenta) straminis; die Bröcklein, Bröcklinge von Stroh; слов. *mrva* Миклошичу въ Этимолог. слов. значитъ schlechtes Viehfutter (по Плетершнику мн. ч. *mrve* между прочимъ=senen drobir); по словарю Ранка мор.-чеш. *mrva* = «Wirrstroh» (впрочемъ, онъ переводитъ чешское слово и какъ Splitter, Schiefer, Dünger, Mist, Düngungsmittel); со всѣмъ этимъ въ согласіи и луж. серб. *mjerwa*—«смятая солома». Это согласіе въ различныхъ славянскихъ языкахъ приводитъ къ мысли о томъ, что значеніе, найденное нами въ мадьярскомъ словѣ, было общеславянскимъ, что слѣдовательно и болгары могли употреблять свое м̌рва въ подобномъ же значеніи.—Дювернуа переводитъ мръва, мръвка—«кусокъ мяса», Миклошичъ же приводитъ это слово, какъ въ Старославянскомъ Лексиконѣ, такъ и въ Этимологическомъ Слов. со значеніемъ «glutasche»; но первоначально это слово, очевидно, обозначало вообще все мелкое, раздробленное, что̀ явствуетъ и изъ дружески сообщенныхъ мнѣ проф. Милетичемъ данныхъ: *мърва* значи горещя жерова (glutasche), означава и ситни вѫглища («ситенъ кюмуръ»)—напр. въ Ловечь. Сѫщата дума значи и «троха» («дай ми *мърва* хлѣбъ») у рупцитѣ напр. въ планина Странджа».

Я пе думаю здѣсь далѣе изслѣдовать, насколько прочія формы, встрѣчаемыя нами въ Діалектическомъ словарѣ подъ *murva*, могутъ быть цѣликомъ или отчасти возведены къ слову *м̌рва* или не заключается-ли въ одной части ихъ славянское производное *м̌рвина* (ср. словен. *mrvina*=drobtina): такого рода изслѣдованіе было бы слишкомъ обширнымъ, не давая притомъ ничего новаго для рѣшенія главнаго вопроса.

Съ *morva-murva* я соединяю созвучное *morvány*, которое употребляется исключительно мадьярами живущими среди словаковъ—и уже потому должно быть явно признано заимствованіемъ изъ *словацкаго* языка. Значеніе слова въ обоихъ языкахъ одинаково: завитой калачъ, играющій большую роль при свадебныхъ обрядахъ. Интересныиъ является это слово потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ діалектическимъ словомъ, которое, благодаря своему географическому распространенію, несомнѣнно указываетъ на свой источникъ. Отсюда мы узнаемъ, что звуковое r̥ (въ словацкомъ это слово звучитъ *mrváň*) одинаково могло дать какъ *ér*, такъ—передъ гортан-

нымъ согласнымъ слѣдующаго слога—и *or*, точно такъ, какъ болгарское *ър*. Кромѣ этого, мы узнаемъ еще нѣчто, что очень цѣнно для насъ именно теперь, когда о древности словацко-мадьярскаго соприкосновенія въ верхней части Венгріи спорятъ не всегда съ научными аргументами въ рукахъ [1]). Мы находимъ мадьярское слово въ двухъ старыхъ Глоссаріяхъ 1-ой полов. XV столѣтія, въ совершенно нынѣшней формѣ (*moruan* слѣдуетъ во всякомъ случаѣ читать *morvány*). Писецъ одного Глоссарія называетъ себя въ послѣсловіи Георгіемъ «De regno dicto Sclavonÿe»!—Отъ этого *morvány* слѣдуетъ отличать *murvány*, употребляемое на верхней Тисѣ въ сложномъ словѣ *murvány-hal* [hal = рыба]—«мелкая рыба» и являющееся новообразованіемъ *morva* — *murva* съ мадьярскимъ окончаніемъ, ср. кърма > *kormány*, см. выше стр. 1235.

Прежде чѣмъ перейти къ словамъ *murok*, *korcsma*, *görög*, которыми я думаю заключить разсмотрѣніе принадлежащихъ сюда случаевъ, я хочу вкратцѣ разсмотрѣть еще остальныя слова, упоминаніе о которыхъ слѣдовало бы ожидать здѣсь послѣ статьи Миклошича о славянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ.

Принимая во вниманіе пеструю смѣсь, представляемую часто формами какого-нибудь одного славянскаго языка (какъ напр. *Šulek* приводитъ въ своемъ *Imenik*-ѣ *brstan*, *brstran*, *bršljan*, *bršta*, *brštan*, какъ наименованіе Hedera helix), я не рѣшаюсь вводить въ кругъ своихъ розысканій венг. *borostyán* и діалектическое *borosslán*. *Borostyán*, встрѣчающееся въ значеніи «плющъ, лауръ, сирень», повидимому, предполагаетъ слово **бръштянъ*; однако, я знаю только болгарское *бръшлянъ*, въ звуковомъ отношеніи скорѣе подходящее къ діалектическому *borosslán* — сирень, причемъ, однако бросается въ глаза появленіе *ss* вм. *s* = *š*.

Мадьярскому *korcsolya* — спуски «Schrotleiter» (въ новѣйшее время и «конекъ») Миклошичъ противопоставляетъ только соотвѣтствующее словацкое слово; ибо хорвато-сербс. *krčalo*, по его справедливому позднѣйшему замѣчанію въ Этимологическомъ словарѣ, не имѣетъ съ мадьярскимъ словомъ ничего общаго. Повидимому въ самомъ словацкомъ языкѣ это слово совсѣмъ новое; ибо по Loos-у (знающему впрочемъ, только форму *korčul'a*), оно имѣетъ совсѣмъ модерное значеніе — «конекъ». *Kott* совершенно правильно замѣчаетъ въ Dodatky, т. VI, при сл. *korčula*—«der Schlittschuh» «Slov. z mad'» и разсматриваетъ здѣсь только эту форму, въ то время какъ въ I. т. онъ приводитъ изъ Палковича сомнительную форму *krčula* líha» — ословаченную форму *krčula* я нахожу еще только у Янчовича въ словацко-мадьярской части его словаря, въ мад. словац. мы читаемъ только форму

1) Я это писалъ въ началѣ 1904 г.

kőrčula. Вполнѣ вѣроятно, что Янчовичъ зналъ это слово только въ значеніи «Schlittschuh», но нельзя съ аподиктической достовѣрностью утверждатѣ это, такъ какъ онъ противопоставляетъ это слово мадьярскому *korcsolya*, слову съ двойнымъ значеніемъ.

Точно такъ же словац. *trnác*, угро-словен. *trnac*, и употребляемое угроруссами *торнацъ*—atrium, не что иное, какъ заимствованіе изъ мадьярскаго *tornác*—«дворъ, Vorhof, Flur, Hausflur», что̀ Миклошичъ правильно отмѣтилъ въ «Fremdwörter»...

Тюркскими, а не славянскими оказываются *korsó*—«кувшинъ» и *tarhonya*—«сухое тертое тѣсто», на что̀ я уже указалъ въ моей статьѣ «Нѣсколько замѣчаній» стр. 54 (= Извѣстія отд. русск. яз. VII, кн. 4, стр. 299); напротивъ, *mormol*—murmeln и, очевидно, также *marha*—скотъ оказывается *нѣмецкаго* происхожденія.

Въ «Этимологическомъ словарѣ» Миклошичъ уже не повторяетъ (подъ *ter*—и *berdo*) фантастическаго объясненія *tilos*—«запрещенный» и *bérc*—«горы»; ровно и *tilo* «Hanfbreche», объясненное имъ съ помощью *trlo*, было иначе объяснено, какъ онъ вспоминаетъ въ «Этимолог. Слов.» 353 в.

Сопоставленіе *görgicse* «Gründling» въ серб. *гргеч* «perca fluvialis» самъ Миклошичъ отмѣчаетъ, какъ сомнительное; очевидно сербское слово происходитъ отъ мадьярскаго.

Перейду теперь къ словамъ *murok*, *korcsma*, *görög*, объясненіе которыхъ сопряжено съ затрудненіями.

Murok—морковь, *Möhre*, съ корнемъ *murk-* (acc. sing. murkot, срв. и прилагат. *murkos* въ «Историч. слов.»), можно по-просту считать позднимъ производнымъ отъ незасвидѣтельственнаго **morok* (acc. **morkot*), какъ это показываютъ приведенные подъ *morva*—*murva* факты. Судя по наблюдаемому вообще въ мадьярскомъ языкѣ развитію, можно предположить 2 случая: гласный второго слога въ словѣ *murok* могъ появиться позже, или *o* второго слога было тамъ издревле. При первомъ предположеніи, слово представляется мнѣ загадкой, такъ какъ принимаемое Миклошичемъ слово **мръкы*, гевр. болгар. *м'ркы*, могло бы дать по моимъ изслѣдованіямъ, пожалуй, мадьярское **mérk*—**mörk*[1]), но никакъ не **mork (murk)*. Нельзя было бы объяснить это слово и звуковымъ *r̥*, т. е. предположеніемъ происхожденія изъ другого славянскаго языка, ибо и тогда слѣдовало бы ожидать появленія *é* или *ő*, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и діалектическое *merkőce* въ Бараньскомъ комитатѣ, соотвѣтствующее хорв.-серб. мрквица. Только тотъ можетъ производить *murok* отъ **мръкы*, кто упорно придерживается письменнаго преданія нашихъ старослав.

---

1) Отъ отпаденія -ы, срв. тыквы > tök, «тыква».

памятниковъ и кто имѣетъ мужество утверждать, что въ мадьярскомъ языкѣ мы должны вмѣсто *рѣ* ожидать *ro*, какъ вмѣсто одиноко стоящаго яснаго ѣ—o (мъхъ > moh). Но, думается, я достаточно уже показалъ, что не далеко уйдешь, держась такъ буквы: на такомъ основанiи можно было бы еще объяснить *kereszt* изъ *крьстъ*, *morotva* < *mrotva изъ мрътва и, можетъ быть, еще одно или другое слово. Но для насъ осталось бы совсѣмъ непонятно, почему изъ *грьчь, грьба, крьзно, грьньчарь получилось *görcs*, *görbe*, *gérézna*, *gröncsér*; цѣлый рядъ формъ, отлично согласующихся съ извѣстнымъ намъ изъ современнаго болгарскаго языка колеблющимся положенiемъ гласнаго элемента—то передъ *р*, то послѣ него, получилъ бы натянутое объясненiе. Поэтому я и считаю неизбѣжно ошибочнымъ каждое объясненiе, основанное на этомъ предположенiи, но и я самъ не рѣшаюсь браться за объясненiе слова, особенно когда свидѣтельства о мадьярскомъ словѣ столь новы (данныя въ Историческомъ словарѣ мадьяр. яз. начинаются лишь съ XVII стол.), что нѣтъ возможности правильно возсоздать по нимъ исторiю слова въ мадьярскомъ языкѣ.

При объясненiи *korcsma*, *korcsmáros* мы наталкиваемся не на столь непреодолимыя затрудненiя. Предполагая, что мадьяры не слышали уже больше слабаго произношенiя ь у славянъ, которыхъ они застали въ своей новой родинѣ, можно было бы, по нашимъ прежнимъ соображенiямъ, ожидать вмѣсто старослав. кръчьма форму кр̊чма (срв. болг. кръчма). На основанiи же выше разсмотрѣнныхъ аналогическихъ случаевъ слѣдовало бы предположить прежде всего **korocsma*, возникшее изъ **krécsma*—**krocsma*, что, однако, еще ничѣмъ не засвидѣтельствовано. Но такъ какъ въ мадьярскомъ языкѣ гласный второго слога очень часто позже исчезаетъ (срв. мои изслѣдованiя о томъ въ Archiv-ѣ f. slav. Phil. XXII, стр. 464—468), то не исключена возможность, что когда-то въ развитiи слова была и форма **korocsma*. Правда въ трехсложныхъ словахъ средній гласный обыкновенно исчезаетъ только въ такихъ случаяхъ, если передъ и за нимъ стоялъ простой согласный; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы изъ **korocsma* не могло произойти возможное для произношенiя и дѣйствительно употребляемое въ нынѣшнемъ мадьярскомъ языкѣ *korcsma*. Воевода—войвода > *vajda* и господа > *gazda* вполнѣ наглядно показываютъ, что полное исчезновенiе средняго гласнаго иногда имѣетъ мѣсто даже и въ томъ случаѣ, когда отъ этого получалась не произносимая, по нашимъ нынѣшнимъ понятiямъ, комбинацiя: *vajvda и **gazpda*, resp. **gazbda*. То же явленiе наблюдаемъ и въ корнѣ слова *korcsmáros*—трактирщикъ, которое соотвѣтствовало бы слову кр̊чмарь—*os* мадьярскiй суффиксъ, встрѣчаемый напр. и въ сущ. *mészáros* < масарь.

Здѣсь кто-нибудь могъ бы спросить, не исчезъ ли гласный второго

слога въ цѣломъ рядѣ словъ, какъ это возможно оказалось, по моему, въ словѣ *korcsma*, такъ, что мы могли бы исходить изъ такого произношенія, которое, повидимому, указывается старо-церк.-славянскими источниками? Не могъ ли въ словахъ *görcs*, *görbe*, *perzsel*, *borda*, *kormány*, *csorba*, *gerlice*, *verse—varsa (hörcsök)*, *csütörtök*, *csötört*, *szömörcsök*, *barlang*, *morva—murva* повсюду исчезнуть гласный второго слова, и не могутъ ли всѣ эти слова быть объяснены такими формами, гдѣ гласный элементъ въ славянскомъ словѣ выговаривался *послѣ р*, т. е. формами въ родѣ: *гръчь, гръба, пръжити, *бръдо (Weberkamm), кръма, щръба, *грълица, *врьша, (*хръчькъ), четврьтъкъ, четврьть, *сиръчькъ, бръгогъ, мръва? Подобное предположеніе было бы, по моему твердому убѣжденію, крайне насильственнымъ; ибо, если исходный пунктъ всегда и повсюду былъ одинаковъ, т. е. первоначально гласный постоянно находился послѣ *р*, то было бы удивительной игрой случая то обстоятельство, что въ мадьярскомъ языкѣ мы находимъ ту же звуковую послѣдовательность, что и въ современномъ болгарскомъ, т. е. находимъ гласный передъ *r* только въ томъ случаѣ, если и въ болгарскомъ эта звуковая послѣдовательность является обычной. Можетъ быть, кто-нибудь предположитъ, что гласный второго слова въ родѣ *görönesér*, *kereszt*, *morotva* сохранился, благодаря послѣдующей группѣ согласныхъ, между тѣмъ какъ передъ простымъ согласнымъ онъ исчезъ, что такимъ образомъ совпаденія мадьярскаго языка съ современнымъ болгарскимъ, въ случаяхъ въ родѣ *görbe*: гърба—принадлежатъ къ вторичнымъ новообразованіямъ и потому совершенно случайны. Имѣя здѣсь дѣло только съ незначительнымъ числомъ словъ, мы могли бы принять подобное объясненіе; но для цѣлаго ряда словъ это предположеніе явилось бы извращеніемъ исторіи мадьярскаго языка. Исторія мадьярскаго языка вовсе не позволяетъ намъ утверждать, будто краткій гласный второго слога долженъ исчезать въ словахъ, имѣющихъ болѣе двухъ слоговъ. Я не хочу ссылаться на *szolga*, происшедшее изъ славянскаго слоуга черезъ вполнѣ завѣренную промежуточную форму *szuluga*, resp. *szologa* (см. Archiv f. slav. Phil. XXII, стр. 467), хотя среди нашихъ словъ имѣются и такія, которыя относятся къ тому старому времени, когда мы встрѣчаемъ еще *Zuluga* (читай *szuluga*, или *szologa*); и все-таки нѣтъ и слѣда гласнаго послѣ *r* въ тѣхъ словахъ, которыя и въ болгарскомъ яз. имѣютъ теперь гласный передъ *r*; я довольствуюсь указаніемъ на то, что въ многихъ случаяхъ краткій гласный второго слога трехсложныхъ словъ сохранился до сихъ поръ, хотя передъ и за нимъ стоялъ лишь одинъ согласный: вечеры > *vacsora*, гобино > *gabona* (рѣже *gabna*), гомила > *gomolya*, кобыла > *kabala*, комора > *kamara* > *kamra*, лобода > *laboda*, мочило > *mocsolya*, неволя > *nyavolya*, носило > *nyoszolya*, оужина > *ozsonna*, *рокыта > *rakottya* и *rekettye*. Сюда же слѣ-

дуетъ присоединить и (вноукъ) вноука > *unoka*, такъ какъ вокализація начальнаго *v* во всякомъ случаѣ произошла въ очень древнее время. Изъ этихъ примѣровъ, далеко не исчерпывающихъ всего круга явленій, можно усмотрѣть, что предположеніе, будто бы *borda*, *kormány* и имъ подобныя слова звучали первоначально **broda* < бръдо, *kromány < кръма и т. д., будто изъ нихъ затѣмъ образовались **boroda*, **koromány* и др., и будто только позже исчезъ средній гласный, построено на очень ненадежномъ основаніи.—Невѣроятность подобнаго предположенія видна еще и изъ слѣдующаго соображенія. Начальныя группы согласныхъ разрѣшаются въ мадьярскомъ яз. не тотчасъ же: (драгъ) драга, драго звучитъ еще нынѣ *drága;* славянское братъ еще въ древнѣйшемъ мадьярскомъ памятникѣ писано *brat* (чит. *brát*) и только позднѣе становится *barát; kereszt*, какъ мы это видѣли ранѣе, можно очень часто встрѣтить въ видѣ болѣе древняго и болѣе близкаго къ славянскому *kreszt;*; трудно понять, почему какъ разъ ни одно изъ этихъ словъ не дошло въ такого рода формѣ или, по крайней мѣрѣ, въ какой-нибудь развившейся отсюда переходной формѣ (съ *éré-*, *-oro-*), хотя нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются довольно часто и уже довольно рано въ латинскихъ грамотахъ. Нѣкоторыя слова, въ родѣ, напр., *görcs*, представляли бы непреодолимыя трудности для такого предположенія: слѣдовало бы предположить, что изъ **grőcs* произошло **görőcs*, и что, вопреки всякой аналогіи, *ő* второго слога исчезло. Однимъ словомъ, что̀, по нашему мнѣнію, возможно при объясненіи *korcsma*, то не можетъ считаться нами за общій принципъ объясненія прочихъ словъ, если только мы не желаемъ на каждомъ шагу натолкнуться на противорѣчія съ явленіями, извѣстными намъ изъ историческаго развитія мадьярскаго языка.

Перехожу къ слову *görög*—«грекъ» и «греческій» (существительное и прилагательное). *Мелихъ* совсѣмъ недавно разсматривалъ это слово и пришелъ къ заключенію, что оно происходитъ изъ одного изъ югославянскихъ языковъ: «югославянское» грькъ дало, по его мнѣнію, **grék*, **grők* > *görék* (такъ слѣдуетъ произносить одинъ разъ встрѣчаемое *gevrek*»), **görők*, *görög* (см. Nyelvtudományi Közlemények XXXIII, 1903 г., 236—239 стр.). Я не знаю, къ какому другому югославянскому языку, кромѣ болгарскаго, можемъ мы отнести слово *грькъ*—съ гласнымъ *ь послѣ р*, или съ другимъ гласнымъ элементомъ — во время прибытія мадьяръ на ихъ нынѣшнюю родину; не придаю я также особеннаго значенія тому, что намъ слѣдовало бы отправляться отъ написанія *грькъ*, а не *гръкъ*, а на основаніи выше сказаннаго я скорѣе думаю, что мадьярскую форму слова было бы очень легко объяснить и изъ первоначальнаго *гръкъ*, если бы только гласный элементъ, вопреки общему правилу, дѣйствительно произносился и въ болгарскомъ яз. послѣ *р*, если-бы т. е. слово, согласно нашему обозначенію, зву-

чало гр҄къ. Что касается нынѣшняго произношенія, то Мелихъ, повидимому, не сомнѣвается въ томъ, что дѣйствительно существуетъ такое болгарское *грък*, но онъ ссылается только на Дювернуа и Цанкова, на которыхъ въ данномъ случаѣ нельзя положиться, такъ что болгарскія «*grъk*, *gъrk*, *grük*, *gürk*» Мелиха ни на шагъ не подвигаютъ рѣшенія вопроса. У Цонева, въ его изслѣдованіи о болг. вокализмѣ, мы встрѣчаемъ рядомъ съ «гърк» («гъркин'ъ») прилагательное «грълци» (стр. 59), а въ его *Программи* «гъркъ, гъркиня» стоитъ рядомъ съ «грълци» (стр. 10). Милетичъ однако пишетъ мнѣ, что употребительно и произношеніе «грькъ» («*грък* и *гърк* и двѣтѣ форми ги има»)—а мад. *görög* даетъ намъ право предположить, что это произношеніе, вѣроятно, опираясь на прилагательное (срв. у Цонева—гърк: грълци), очень рано развилось и въ тѣхъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ, при данной конфигураціи слова, слѣдовало бы ожидать произношеніе гъркъ. Въ словѣ *görög ö* второго слога не исчезаетъ въ склоненіи (acc. sing. *görögöt*, nom. plur. *görögök*), принадлежитъ, слѣдовательно, къ основѣ—слѣдовательно, мы имѣемъ всѣ причины считать это *ö* болѣе древнимъ, чѣмъ *ö* перваго слога и вмѣстѣ съ Мелихомъ предполагать болѣе древнюю мадьяр. форму **grëk*—**grök*. Въ остальномъ мое мнѣніе существенно отлично отъ мнѣнія Мелиха, придающаго большое значеніе тому, что въ Зографскомъ кодексѣ стои́тъ грькъ, а не гръкъ, и что форма съ ь является первоначальной; въ своемъ увлеченіи доказательствомъ изначальности ь въ этомъ словѣ Мелихъ идетъ такъ далеко, что ссылается даже на написаніе Vita Methodii!

Говоря о *görög*, можно мимоходомъ упомянуть и народныя названія *szerb* и *horvát*. Въ звуковомъ отношеніи оба слова столь же легко могутъ быть объяснены болгарскими *с҄рбъ* и *х҄рватъ*, какъ и хорвато-сербскимъ *срб* и *хрват*; рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону — если вообще оно возможно и мыслимо—должно опереться на историческія данныя.

Заканчивая разсужденіе о группѣ трът-трьт, я считаю не лишнимъ затронуть одинъ вопросъ, рѣшеніе котораго, м. б., возможно найти въ связи съ указанной группой: можно ли намъ предположить для слова кѫдрь произношеніе кѫдър и такимъ образомъ конструировать первоначальное мад. **kondör*, изъ котораго посредствомъ ассимиляціи въ двухъ различныхъ направленіяхъ образовались — *kondor* и *(*köndör) göndör?* Слова *kondor* и *göndör* имѣютъ въ мадьяр. языкѣ одно и то же значеніе, притомъ превосходно подходящее къ значенію славянскаго слова: «кудрявый, курчавый». Употребленіе славянскаго существительнаго въ мадьярскомъ яз. въ качествѣ прилагательнаго оказывается, какъ мы видѣли при обсужденіи görbe, совершенно обычнымъ явленіемъ: такъ *görög* обозначаетъ и грека и «греческій»; и только-что упомянутыя *szerb*, *horvát* означаютъ существительное и

прилагательное; *német* = нѣмецъ и нѣмецкій; *angol* = англичанинъ и англійскій; такъ же точно *francia*, *spanyol* и т. д.—однимъ словомъ, мадьярскій языкъ не разграничиваетъ рѣзко существительнаго отъ прилагательнаго.

Переходя теперь къ группѣ тлът-тльт, для которой, имѣется уже гораздо менѣе значительный матеріалъ, мы принуждены отчасти опереться на выводы, относящіеся къ группѣ трът-трьт, лишь бы такимъ способомъ прійти къ результатамъ, наполовину надежнымъ. Поэтому я и считаю краткое обозрѣніе относящихся сюда случаевъ только прибавленіемъ къ 1-ой части, которая и явится главнымъ основаніемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса.

Какъ бы незначительно ни было число относящихся сюда случаевъ, все же, думается, найдутся въ мадьярскомъ яз. указанія, которыя уполномочиваютъ насъ предположить, что въ словахъ вида тлът-тльт гласный элементъ звучалъ то *передъ*, то *за* согласнымъ. Правда, звуковой оттѣнокъ этого слабаго гласнаго элемента, кажется, былъ въ этихъ соединеніяхъ иной, чѣмъ въ ъ*р-р*ъ, что въ достаточной степени объясняется физіологическимъ различіемъ того согласнаго, къ которому примыкалъ гласный звукъ—тамъ *r*, здѣсь *l*. Объясняя *görcs* изъ гърчь, а *dolg-* (nom. sg. *dolog*, acc. *dolg*-ot, nom. pl. *dolg*-ok) изъ слова дългъ, я прошу всегда имѣть въ виду звуковую окраску слабаго гласнаго элемента, обусловленную различіемъ слѣдующаго (въ другихъ случаяхъ и предшествующаго звуку ъ) согласнаго, какъ явленіе, само собою разумѣющееся или, по крайней мѣрѣ, легко понятное.

Мое предположеніе, что, примыкающій къ согласному *l*, гласный звукъ отличался отъ гласнаго звука въ ъ*р-р*ъ, основываю на слѣдующихъ трехъ случаяхъ: дългъ > *dolg-* (*dolog*); хълмъ > ст.-мад. *holm* (нынѣ *halom*) и стлъпъ > *osslop*; остальные случаи *bolha* < бълха, *bolgár* < българе, *kolbász* < кълбаса и *csolnak* (обыкн. *csónak*) < чълнъкъ «челнокъ» не даютъ никакого указанія на звуковой оттѣнокъ гласнаго элемента, сопровождающаго *l*, такъ какъ мадьярское *o* вполнѣ могло бы возникнуть путемъ ассимиляціи съ слѣдующимъ гортаннымъ гласнымъ и такъ основываться на *é*. Уже въ этомъ случаѣ мы видимъ, какъ, при всемъ томъ, что можемъ сказать о рефлексѣ тлът-тльт въ венгер. яз., мы въ сильной степени должны основываться на результатахъ, полученныхъ при изслѣдованіи формы трът-трьт. И перемѣна положенія гласнаго [въ *osslop послѣ l*, а въ *dolg-* (*dolog*), *holm* (*halom*, acc. *halm*-ot), *bolha*, *bolgár*, *kolbász*, *csolnak передъ l*] не находитъ себѣ подтвержденія въ большомъ количествѣ примѣровъ, какъ это было при ранѣе обслѣдованной группѣ словъ; только посредствомъ ссылки на аналогію случаевъ съ ъ*р-р*ъ обособленное, въ виду случаевъ съ *-ol*, слово *osslop*, получаетъ своеобразное значеніе, и мы такимъ образомъ по-

лучаемъ право выставить, по крайней мѣрѣ, предположеніе о соотвѣтствующемъ болгарскомъ произношеніи.—Однако прежде всего я думаю разсмотрѣть въ отдѣльности тѣ слова, о которыхъ можно кое-что замѣтить, чтобы такимъ образомъ возможно яснѣе представить читателю тотъ матеріалъ, на которомъ я строю свой заключительный выводъ.

Нѣтъ причины останавливаться дольше на *bolha* < б^ълха (срв. болг. бълха) и *bolgár* < б^ългаре (болг. българе); относительно *kolbász* < к^ълбаса слѣдуетъ замѣтить, что, хотя это слово нынѣ совсѣмъ неизвѣстно въ болгарскомъ языкѣ, однако, въ виду существованія его во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, не можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ предположеніе о существованіи его когда-то и въ болгарскомъ языкѣ. Поэтому я займусь только существительными *dolog*, *oszlop*, *holm*—*halom* и *csolnak*—*csónak*.

Dolog въ звуковомъ отношеніи превосходно соотвѣтствуетъ предположенному мной *д^ългъ*; именно, основа этого слова звучитъ *dolg-* (acc. sing. *dolg*-ot, nom. pl. *dolg*-ok), и *o* второго слога въ nom. sing. *dolog* развилось лишь позже, что̀, какъ мы увидимъ ниже при *holm*—*halom*, является совсѣмъ обычнымъ явленіемъ въ мадьярскомъ языкѣ. Очень легко можно понять развитіе значенія слова, если исходить изъ оборотовъ рѣчи, въ родѣ: ez nem az én dolgom = это не мое дѣло»; такъ какъ «исполненіе долга» въ многихъ случаяхъ выражается въ исполненіи какой-нибудь работы, то изъ первоначальнаго значенія слова «долгъ», наряду съ простымъ «дѣло», развилось и значеніе «работа»: глаголъ *dolgozni* значитъ просто «работать», прилагат. *dolgos* — «работящій», въ то время какъ *dolog* значитъ «дѣло, вещь, работа». У Цонева нѣтъ соотвѣтствующаго болг. слова «дългъ» какъ въ его работѣ о восточноболгарскомъ вокализмѣ стр. 60, такъ и въ Программѣ стр. 11; поэтому я привожу соотвѣтствующій примѣръ изъ хорошей школьной книги: «Читанка за четвърто отдѣленіе. Составилъ Д. Ивановъ—второе изданіе. Търново 1897», стр. 8: «Тамъ намѣрилъ затворенъ единъ човѣкъ за *дългъ*. *Дългътъ* му билъ хиляда лева». На той же страницѣ мы читаемъ дальше и «длъжникъ»,— съ иной звуковой послѣдовательностью, въ виду слѣдующихъ двухъ согласныхъ, съ чѣмъ можно сравнить часто употребляемыя производныя: дължж — «я долженъ» и длъжен, длъжна, длъжно—«должный».

Мадьярское *oszlop*—столпъ я произвожу отъ стл^ъпъ. Правда я не могу указать на соотвѣтствующее «стлъпъ» въ болгарскомъ языкѣ; но у насъ есть надежные опорные пункты для предположенія о такомъ произношеніи. Во первыхъ, мы замѣчаемъ въ односложныхъ словахъ типа тлът рѣшительную наклонность къ звуковой послѣдовательности лъ, такъ что Цоневъ въ своей статьѣ о восточноболгарскомъ вокализмѣ указалъ только одно

слово вълк, какъ исключеніе[1]) изъ этого правила. Правда, онъ не приводитъ нашего слова, должно быть, потому, что въ говорѣ Ловеча, служившемъ для него исходнымъ пунктомъ, этого слова нѣтъ — мы только-что видѣли, что и дългъ не отмѣчено здѣсь.

Въ своей «Програмѣ» стр. 11, Цоневъ пишетъ стълпъ, но и здѣсь явно выступаетъ тенденція слѣдованія гласнаго элемента за л и передъ простыми согласными въ словахъ односложныхъ: рядомъ съ вълкъ и жълтъ Цоневъ пишетъ тутъ же глъчъ, жлъчъ. млъкъ (imperat къ praes. «мълчишъ»!), плътъ, плъхъ; кромѣ того, вслѣдъ за стълпъ идетъ этимологически связанное съ нимъ с(т)ълба»—лѣстница, въ которомъ т могло исчезнуть только въ положеніи передъ л. Если стълба чередуется съ сълба, какъ это ясно изъ примѣровъ у Дювернуа, то послѣднее можетъ быть объяснено лишь произношеніемъ *стлъба, изъ котораго ближайшимъ образомъ развилось употребляемое въ восточно-болгарскомъ—какъ пишетъ мнѣ Милетичъ — слово слъба.—Въ виду этого я не вижу никакой необходимости объяснять мадьярское *oszlop* старославянскимъ стлъпъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *dolg-* (*dolog*), *holm* (*halom*), *bolgár*, *bolha*, kolbász и csolnak (csónak) производить отъ длъгъ, хлъмъ, блъгаре, блъха, клъбаса, чльнъкъ; такое рабское слѣдованіе правописанію нашихъ старо-слав. памятниковъ не приводитъ насъ кратчайшимъ и простѣйшимъ путемъ къ пониманію мадьярскихъ формъ: всѣ основанія, приведенныя мною противъ этого уже при трът-трьт, и здѣсь говорятъ противъ такого пониманія.

Съ той поры, какъ Словарь грамотъ далъ намъ цѣлый рядъ указаній на болѣе древнюю форму *holm*, намъ представляется очень простымъ положеніе дѣла при словѣ *halom* (основа: *halm-*, acc. *halm*-ot. nom. pl. *halm*-ok). Это *holm* соотвѣтствовало бы вполнѣ—какъ въ звукахъ, такъ и въ значеніи—слову х̑лмъ, въ виду чего легкое сомнѣніе, высказанное когда-то мной насчетъ возможности сопоставленія мадьярскаго слова со славянскимъ, совершенно исчезаетъ при новомъ пониманіи звуковаго развитія. Мелихъ, правда, отвергаетъ мнѣніе Миклошича о славянскомъ происхожденіи слова *halom*, забывая въ своемъ увлеченіи представить намъ и свои основанія для этого; тѣмъ болѣе поражаетъ насъ та увѣренность, съ которой онъ предлагаетъ свои измышленныя данныя: «Dass wir es in unserem

---

1) Цоневъ—«За источнобългарския вокализъмъ», стр. 60: «Само едносложнитѣ думи, колкото ги има, като че не вървятъ подъ никакво правило, защото се говори отъ една страна споредъ правилото: *вълк*, *кълст* (тлъстъ), но отъ друга: *плъх*, *плът*, *глъч*, *злъч*, *млъч* или *млък* (импер. отъ мълчѣ) и *длъж* (präpos. на дльж)—повече едносложни нѣма». Цоневъ, какъ извѣстно, опирается на ловечское нарѣчіе. Милетичъ же упоминаетъ, какъ разъ въ статьѣ п. з. «Die Mundarten von Loveč, Trojan und Gabrovo», и произношеніе влък: «In einsilbigen Worten bleibt öfters der Halbvocal auch gegen die Regel nach den Liquiden, z. B. *vlък*, aber vълкъ, pl. vълci. См. *Das Ostbulgarische*, стр. 187, § 8.

Falle mit einer alten deutschen Entlehnung zu thun haben, liegt auf der Hand.» см. *Lumtzer* u. *Melich — Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter*, Innsbruck 1900, стр. 125. Мадьярское *halom* является якобы нижненѣмецкимъ holm и такимъ образомъ открываетъ будто бы далекія перспективы въ древнія колонизаціонныя отношенія Венгріи: «Man wird das Wort mit einer ungarländischen von Niederdeutschland ausgegangenen Colonisation in Zusammenhang bringen müssen» ib. 126 стр. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны сдѣлать это и почему мы обязаны слѣдовать за авторомъ въ его слишкомъ смѣлыхъ умозрѣніяхъ, если у насъ имѣется столь простое объясненіе, въ связи съ несомнѣнно мощнымъ вліяніемъ славянскихъ языковъ. Не считаясь такимъ образомъ больше съ объясненіемъ Мелиха, я попытаюсь показать, что это слово, по крайней мѣрѣ, *можетъ* быть и славянскимъ.

Послѣ предыдущихъ разсужденій я считаю лишнимъ доказывать, что часто встрѣчаемое въ старыхъ грамотахъ мад. *holm* вполнѣ соотвѣтствуетъ фонетически слову хълмъ. Какъ изъ древняго holm образовалось нынѣшнее *halm*- (именит. п. звучитъ *halom*—съ гласнымъ вторичнаго образованія между конечными согласными; acc. однако *halmot*, nom. pl. *halmok*, прилагат. *halmos*=холмистый), на это указываетъ уже Мелихъ ib. стр. 124: это слово подверглось вліянію аналогіи мадьярскихъ образованій на—*alom* (корень—*alm*), въ силу чего древніе *holm*, *holmot*, *holmok* дали нынѣшніе *halom*, *halmot*, *halmok*; срв. hatalom (раньше еще hatalm) — сила, hatalmat, adj. hatalmas — сильный; *uralom* — господство, *uralmat; lakodalom* — «свадьба», *lakodalmat* и т. д. Съ этимъ словомъ случилось тоже самое, что и съ неразъясненнымъ еще надлежаще словомъ malom = мельница[1]), которое въ старыхъ грамотахъ пишется *molun* (съ *n*!)[2]) и—съ присоединеніемъ притяжательнаго суффикса 3 лица—mol*n*a (= нынѣшнему *malma* «его мельница») см. Словарь грамотъ подъ словомъ *malom*], нынѣ, однако, является въ той же совершенно формѣ, какъ и только-что упомянутая группа словъ: *malom*, *malmot*, *malmok*. Если бы кто сталъ сомнѣваться въ болгарскомъ происхожденіи слова *halom*, потому только, что оно не упоминается не только Цанковымъ, но и Дюверну а и Цоневымъ (въ ряду односложныхъ словъ типа тлът- Вокал. стр. 60), а у Миклошича приводится только въ скобкахъ и съ другимъ значеніемъ: «(b. *hlъm* thal)», то эти сомнѣнія могутъ легко разсѣяться. Списокъ словъ Цанкова — безъ притязаній на полноту; Цоневъ же исходитъ изъ своего родного нарѣчія, въ которомъ слово хълмъ возможно и неизвѣстно; у Дюверну а хълмъ, въ дѣйствительности, приве-

1) Szinnyei повторяетъ старое объясненіе изъ *mlin* (*Nyelvtudományi Közlemények* XXIII, 1903, стр. 148, не объясняя, однако, перехода слова въ рядъ гортанныхъ гласныхъ.

2) Мельникъ называется еще нынѣ molnár!

дено, только не на надлежащемъ мѣстѣ, при томъ именно въ такомъ значеніи, какое имѣетъ мадьярское *halom* и русское «холмъ»: «при подножіето на одинъ хълмъ»—см. въ Дополненіяхъ къ Словарю стр. 23; и въ нѣмецко-болгарскомъ словарѣ Миладинова мы находимъ подъ словомъ «Hügel» на первомъ мѣстѣ—хълмъ, а Милетичъ подтверждаетъ это: *хълмъ*—има и у народа, въ источна България; «хълмисто мѣсто» и пр.

Намъ остается еще сказать о словѣ *csónak*—лодка, челнокъ, древнѣйшей формой котораго слѣдуетъ считать *csolnok*, встрѣчаемое нѣсколько разъ въ Историческомъ словарѣ мад. языка[1]) и подтверждаемое снова Словаремъ грамотъ. Принимая во вниманіе полученные доселѣ результаты, я склоненъ производить это *csolnok* отъ чълнъкъ, не отрицая, разумѣется, и того, что *csolnok* могло возникнуть путемъ ассимиляціи и изъ *csél-nok*. Только у насъ нѣтъ надежныхъ поводовъ предполагать, что рефлексъ формы тльт долженъ былъ отличаться отъ рефлекса формы тлът; а такъ какъ формы тրът и трьт, какъ мы уже видѣли, совпали, или, по крайней мѣрѣ, были восприняты мадьярами, какъ одна звуковая группа, то я предполагаю, что и *чльнъкъ перешло въ *чълнъкъ, а отъ прежней палатальной окраски не осталось никакого слѣда. Именно при словахъ типа тлът—тльт намъ приходится обратиться къ заключеніямъ по аналогіи, которыя намъ слѣдуетъ строить на основаніи несравненно болѣе богатаго количества фактовъ другой группы, словъ типа трът—трьт. Въ болгарскомъ языкѣ, впрочемъ, отсутствуютъ *чълнъкъ, и *чълнъ; вмѣсто послѣдняго мы находимъ чунъ (срв. серб. чŷн). По сообщенію мнѣ Милетича, есть еще чо̀лнецъ: «Въ Охридско се назва чо̀лнец (kleiner Kahn)». Едва ли кто-нибудь на этомъ основаніи рѣшится утверждать, что въ болгарскомъ языкѣ совсѣмъ не было выраженія *чълнъ, рефлексы котораго оказываются во всѣхъ, безъ исключенія, славянскихъ языкахъ. Совсѣмъ другой вопросъ, можемъ ли мы предполагать, что въ болгарскомъ языкѣ существовало когда-то и уменьшительное *чълнъкъ. По моему, мы можемъ предполагать и это, ибо и названное уменьшительное — общеславянское: рус. челнокъ, польс. czółnek. чшск. člunek, слц. člnok, хорв-серб. чŷнак, словен. čolnek. Итакъ, оба слова—и коренное и уменьшительное, проходятъ по всѣмъ славянскимъ языкамъ, не исключая даже и не упомянутаго до сихъ поръ луж. сербскаго, въ которомъ čolnk—«ткацкій челнокъ» какъ по своему образованію, такъ и по первоначальному значенію тождественно съ приведенными словами остальныхъ славянскихъ языковъ, только употребляется въ настоящее время въ примѣненіи къ орудію ткацкаго дѣла (челнокъ), въ то время какъ въ прочихъ

1) Въ словарѣ слѣдуетъ пропустить турецкое «*csanak* М. А.» = лодкообразный сосудъ, scaphium, а не «лодка»—срв. серб. чанак. *Csónak* произошло, кажется, путемъ диссимиляціи изъ *csónok* въ такихъ формахъ, какъ csónokot (acc. sing) > *csónakot*.

языкахъ обозначаетъ и лодку для плаванья (челнокъ, челнъ). И этотъ примѣръ лучше всякаго другого прямо обнаруживаетъ то, какъ ничего не доказываютъ въ наукѣ объ языкѣ карты, начерченныя à la Мелихъ. Несмотря на то, что языковой составъ болгарскаго языка пока еще не достаточно извѣстенъ намъ, и что мы, вслѣдствіе очень своеобразнаго прошлаго болгарскаго литературнаго языка, съ большимъ трудомъ можемъ уяснить себѣ историческую жизнь болгарскихъ словъ — вообще часто очень сложныя отношенія, съ которыми приходится имѣть дѣло при представленіи изначальнаго языковаго запаса какого-нибудь народа, не могутъ быть представлены съ помощью нѣсколькихъ грубыхъ линій съ такой наглядностью, чтобы и профанъ могъ овладѣть ими.

Мадьярское *péle* «glis esculentus, glis quercinus, glis avellanarius, glis шуоха» (Діалектическій словарь), кажется, говоритъ противъ моего предположенія, что болгарскому *лъ—ъл* въ мадьярскомъ языкѣ должно соотвѣтствовать *lo—ol*. Болѣе древняя форма этого слова—*pélëh;* въ болгарскомъ ему соотвѣтствуетъ *плъхъ* (Цоневъ—Вокализъмъ, стр. 60, и Програма, стр. 12), а для болѣе стараго времени—если только мое предположеніе правильно—слѣдовало бы ожидать *ploh > poloh. Въ этомъ *pélëh* кто-нибудь могъ бы, пожалуй, усмотрѣть явный признакъ того, что первоначальная палатальная група тльт (въ польскомъ наше слово звучитъ pilch) должна была звучать какъ разъ иначе и восприниматься слухомъ мадьяръ тоже иначе, чѣмъ тлът;—у насъ, однако, есть нѣсколько основаній не соглашаться съ этимъ. Сарвашъ (Szarvas) объяснилъ слово *pélëh* посредствомъ его перехода изъ ряда гортанныхъ гласныхъ въ рядъ палатальныхъ, — явленія, не совсѣмъ рѣдкаго въ мадьярскомъ языкѣ: славянское (тѫпъ) тѫпа-тѫпо дало въ мадьярскомъ языкѣ *tompa*, а въ діалектахъ имѣется и *tömpe*. Это явленіе было разсмотрѣно мною очень подробно въ статьѣ п. з. *Ung. csésse «Schale zum Trinken»*, Revue Orientale II. Budapest 1901, стр. 293 и сл:, гдѣ я, между прочимъ, объяснилъ происхожденіе мад. *csésze*—отъ слав. чаша, *köszméte* «Stachelbeere» — отъ слав. *космата переходомъ въ рядъ палатальныхъ гласныхъ; тамъ же упомянулъ я и о діалектическомъ *tömpe*, говоря на той же страницѣ слѣдующее: «обращаю вниманіе спеціалистовъ еще на *colop-cölöp* «Pfahl», особенно интересное, если именно удастся доказать тожество его съ *oszlop* «Säule = старослав. стлъпъ». Другое объясненіе слова дано Мелихомъ, который произвелъ *péle* отъ нѣмецкаго тожественнаго по значенію слова *billich, bilch* (*Magyar Nyelvőr* XXIV. 1895, стр. 351), не повторивъ, однако, этого объясненія въ нѣмецкой переработкѣ 1900 г. Lumtzer und Melich — *Deutsche Ortsnamen und Lehnwörter*).

Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что *pélëh* нельзя считать доказательствомъ того, будто тльт—въ мадьяр. яз. рефлектируется иначе, чѣмъ

тлът; въ виду недостатка данныхъ, намъ нельзя рѣшить здѣсь съ полной достовѣрностью вопроса о звуковомъ оттѣнкѣ гласнаго. Что же касается вопроса о положеніи гласнаго, передъ—или послѣ *л*, такъ онъ или вовсе не затрагивается словомъ *pèlèh*, если считать его *нѣмецкаго*, а не славянскаго происхожденія, или же придется отвѣтить на него въ духѣ нашихъ предыдущихъ результатовъ, т. е. произвести слова—*pèlèh* отъ болѣе древняго **plèh*, если только оно, дѣйствительно, славянскаго происхожденія и соотвѣтствуетъ слову пл҄хъ.

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: I. Группы **трът-трьт** совершенно совпали въ томъ языкѣ, изъ котораго проникло въ мадьярскій языкъ большинство славянскихъ заимствованій; гласный звукъ приближался къ мадьярскому звуку *ė—ŏ* или, по крайней мѣрѣ, передавался этимъ звукомъ; мѣсто гласнаго элемента измѣнялось такъ же, какъ мы видимъ это въ современныхъ восточноболгарскихъ діалектахъ. II. **тлът-тльт**, *можетъ быть*, также совсѣмъ совпали, чего, однако, въ виду недостатка данныхъ, нельзя утверждать съ полной достовѣрностью; всячески гласный элементъ группы **тлът** звучалъ иначе, чѣмъ въ группѣ **трът**, рефлектируясь мадьярскимъ звукомъ *o*; положеніе этого гласнаго элемента, передъ л или послѣ него, колебалось такъ же, какъ и въ группахъ **трът-трьт**.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что гласный элементъ въ мадьяр. рефлексахъ группъ **трът** и **трьт** былъ совершенно тождественъ: старо-слав. *гръчь, грън҄чарь, гръба, кръзно соотвѣтствуютъ мадьярскіе *görcs*, *gėrėncsėr-görӧncsėr*, *görbe*, *gėrėsna* точно такъ какъ, и старо-слав. кръстъ—мадьяр. *kėrėszt* (діалект. *körӧszt*); совпаденіе гласнаго элемента и въ группахъ **плът** и **пльт**, въ томъ именно смыслѣ, что этотъ элементъ въ виду сосѣдняго *l* принялъ другую звуковую окраску, чѣмъ въ группахъ **трът-трьт**—только мое предположеніе. Не думаю, чтобы мнѣ слѣдовало ожидать сильнаго противорѣчія въ этомъ пунктѣ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о томъ, достаточно ли убѣдительны мои разсужденія о вѣроятности перемѣны положенія гласнаго элемента — то передъ р, то послѣ него—уже въ столь древнее время. Быть можетъ, тотъ или другой изслѣдователь, имѣя въ виду старославянскую традицію, найдетъ, что я слишкомъ модернизирую тотъ болгарскій языкъ, который мадьяры нашли въ своей нынѣшней родинѣ. Въ пользу, однако, древности этого явленія въ болгарскомъ языкѣ и рѣзкости его развитія уже въ ту пору говорятъ, повидимому, и славянскія заимствованія румынскаго языка[1]). Къ сожалѣ-

1) Что подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ, по существу дѣла, ничего невозможнаго, доказываютъ и слова лучшаго болгарскаго языковѣда, Милетича: «Trotz der traditionellen Einförmigkeit, könnte man annehmen, dass schon zu der Zeit, als unsere ältesten

нію, я могу только указать на этотъ вопросъ, котораго до сихъ поръ еще не пробовали рѣшить научнымъ образомъ. Тиктинъ хотя и довольно близокъ къ правильному рѣшенію этого вопроса, очевидно не знаетъ болгарскаго звукового закона, который далъ бы ему въ руки ключъ къ надлежащему рѣшенію вопроса. Обратимся къ его изложенію, имѣя въ виду болгарскій звуковой законъ:

«*lŭ*, *rŭ* zwischen Konsonanten—nach Mikl.'s Ansicht als silbenbildendes *l*, *r* zu fassen (Gr. I, 210), während die Mehrzahl der übrigen Slavisten dem *ŭ* auch hier vokalischen Wert beimisst—gilt im Rum. *îl*, *îr*: *stîlp* stlŭpŭ, **gîlt gît* *glŭtŭ (№ 73), *cîrpă* krŭpa, *tîlmăciŭ* tlŭmačĭ, *bîrlóg* brŭlogŭ; mit *i* für *î* nach № 85: **cîln cîn* člŭnŭ, *cîrtă* črŭta, *ștîrb* štrŭbŭ. Doppelt—durch Lautfolge und â für î—abweichend *îndrăzni* neben dem regelrechten Stammwort *dîrz* drŭzŭ.

Im Mold. pflegt für *rŭ* vor mehrfacher Konsonanz nicht *îr*, sondern das bequemere *rî* zu stehen: *crîcîmă crîșmă* krŭčĭma, *vrîstă* vrŭsta, *crîcni* krŭknati, *(s)crîșc*, und *(s)crîșni* vgl. skrŭžĭtati gegenüber wal. *cîrcîmă cîrcîumă*, *vîrstă*, *cîrcni*, *(s)cîrșc*, *(s)cîrșni*. Hierher gehört wahrscheinlich auch *crîsnic* mold. 'Art Fischnetz' und *cîrsnic* Poen., *crâsnic* Ptb. 'Küster', beide wohl krŭstŭnikŭ.

Die ursprüngliche Lautfolge scheint im Rumänischen allgemein *lî*, *rî* gewesen zu sein, so dass das Mold. in den letztgenannten Fällen die ältere Stufe bewahrt haben dürfte. Wenigstens finden sich keine Beispiele der Umstellung von *îr* zu rî (etwa crîpă f. cîrpă), wohl aber solche des umgekehrten Verfahrens». Gröber Zeitschrift f. rom. Phil. XII, 1888, 240.

Если въ Молдавіи предъ группами согласныхъ стоитъ rî, а не îr, какъ въ другихъ областяхъ, и если, по увѣренію такого тонкаго наблюдателя румынскаго языка, какъ Тиктинъ, rî древнѣе îr, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія развитія звуковъ рум. языка, то мы поймемъ это на основаніи болгарскаго языка, давшаго румынскому языку бóльшую часть славянскихъ реченій. Конечно Тиктинъ поспѣшно заключаетъ отсюда, что вообще *lî*, *rî* было первоначальной звуковой послѣдовательностью въ рум. яз., даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовалъ одинъ согласный, и это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что онъ не-знаетъ болгарской живой рѣчи. Предъ нами одинъ случай, упомянутый Тиктинымъ, въ которомъ болгарская перемѣна гласнаго сохранилась всецѣло; это—*dîrz* «dreist, kühn» < болг. дързъ (ст.-слав. дрьзъ—audax) и *îndrăzni* (infin.) «wagen» < în (= лат. in) + бол. дръзнж. Трудность детальнаго изслѣдованія даннаго случая заключается въ томъ, что ходячіе румынскіе словари не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній о діалек-

Denkmäler geschrieben wurden, rъ (lъ) in einigen Dialecten nach der besagten Regel auch schon ър(ъл) gesprochen wurde». Arch. f. slav. Phil. XX, стр. 597.

тическихъ формахъ, а древніе кирилловскіе источники часто пишутъ ръ тамъ, гдѣ живой звукъ слѣдовало бы передавать при помощи ър. Я приведу нѣсколько примѣровъ подобнаго условнаго правописанія изъ Воронецскаго кодекса и такимъ образомъ покажу, чего стóятъ ссылки на подобнаго рода написанія[1]).

Старославянскому кръма, болг. кърма въ румынскомъ соотвѣтствуетъ *cărmă*—корма. Это слово встрѣчаемъ два раза въ Cod. Vor., разъ, какъ nom. sg. кърма, другой разъ, какъ gen. pl. кърмелорꙋ; румын. производное отсюда *cărmitoare* передается, согласно произношенію, какъ кърмитоаре, но вмѣсто нынѣшняго *cărmáciŭ* = болг. *кърмачъ* «кормчій» мы находимъ тамъ же кръмачіи, хотя нельзя, разумѣется, предположить никакого различія въ произношеніи перваго слога.

Болгарскому свършѫ—«окончу» вполнѣ соотвѣтствуетъ румынское *sfîrşésc*, infin. (a) *sfîrşí* отражаетъ въ себѣ даже окончательный гласный болгарской основы; у насъ нѣтъ ни малѣйшаго права и основанія предполагать, что когда-то въ рум. яз. глухой звукъ î (приблизительно = русс. ы) звучалъ *послѣ r*, хотя въ нашемъ кодексѣ послѣдовательно встрѣчаемъ написанія сфръшеску, а сфръши и т. д. во всѣхъ формахъ и производныхъ (особенно часто ptc. praet. pass. сфръшитꙋ). Если бы на основаніи этого кто-нибудь захотѣлъ сдѣлать иное заключеніе, помимо того, что правописаніе церковно-славянскихъ памятниковъ въ значительной степени повліяло на писца кодекса, то онъ могъ бы придти къ очень страннымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, онъ долженъ былъ бы предположить, что рум. *vîrtós*—«сильный», происшедшее отъ латинскаго virtuosus, первоначально звучало **vrîtos*, о чемъ не можетъ быть и рѣчи (въ Cod. Vor. мы встрѣчаемъ четыре раза написаніе врътосу, гевре вртъо̂ и только одинъ разъ соотвѣтствующее дѣйствительному произношенію вѣрто̂).

Изъ этого видимъ, что изслѣдователь этого вопроса въ румынскомъ языкѣ наталкивается на препятствія, которыя можетъ устранить только тотъ, кто точно знаетъ нынѣшніе діалекты и не ограниченъ обычными словарями; такой изслѣдователь сможетъ пролить свѣтъ и на пестрое правописаніе древнихъ, кириллицей написанныхъ, памятниковъ и, несмотря на условное, до извѣстной степени, правописаніе—собрать разбросанные тамъ и сямъ слѣды дѣйствительнаго произношенія звука для научнаго ихъ использованія. Вообще, основательное изученіе румынскаго языка дастъ очень много новаго для славистики; оно внесетъ новый свѣтъ и въ тотъ вопросъ, который занимаетъ насъ здѣсь[2]).

1) Соотвѣтствующія мѣста очень легко найти по обстоятельному указателю въ изданіи Сбіеры: *Codicele Voronețean*, Cernăuț 1885.

2) Послѣ того, какъ эти строки были уже написаны, мнѣ попала въ руки только что

Я заканчиваю мое изслѣдованіе.— Желая избѣжать недоразумѣній, настойчиво заявляю, что это изслѣдованіе является лишь первымъ опытомъ научнаго объясненія мадьярскихъ рефлексовъ группъ трът-трьт и тлът-тльт, въ которомъ, кромѣ того, я вовсе не стремился доказать относительно того или другого отдѣльнаго слова, что оно *должно* быть болгарскаго происхожденія и вовсе *не можетъ* быть объяснено изъ другого славянскаго языка. Я только пытался показать, что большинство случаевъ удается просто и безъ натяжекъ объяснить изъ болгарскаго языка, признавая, конечно, и то, что не удается болѣе простое объясненіе всѣхъ случаевъ въ ихъ совокупности. Это обстоятельство утверждаетъ меня въ мнѣніи, что большинство славянскихъ заимствованій въ мадьярскомъ языкѣ происходитъ изъ болгарскаго діалекта. Что я далекъ отъ желанія объяснять все болгарскимъ языкомъ, объ этомъ я высказывался уже нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ въ своей статьѣ п. з. «Нѣсколько замѣчаній на сочиненіе В. И. Ягича», стр. 16. (= Извѣстія VII, 1902, кн. IV, стр. 261), а еще рѣшительнѣе въ написанной болѣе 10 лѣтъ тому назадъ статьѣ, *A szláv szók a magyar nyelvben* Budapest 1893 г., гдѣ я говорю: «Если мы обратимъ вниманіе на нѣсколько словъ *megye, ragya, parittya, gatya* [*kútya*] и противопоставимъ ихъ раньше разсмотрѣннымъ, съ *zsd* и *st: mesgye, rozsda, pest, mostoha* и вспомнимъ, какъ рѣдко можно найти въ заимствованныхъ славянскихъ словахъ характеристическія звуковыя явленія, по которымъ можно рѣшительно опредѣлить ихъ происхожденіе изъ того или другого слав. языка— такъ мы убѣдимся въ невозможности точно опредѣлить границу, между областями тѣхъ славянскихъ языковъ, которые вліяли на мадьярскій языкъ. Особенно трудно, почти и невозможно опредѣлить хотя бы только въ общихъ чертахъ ту область, за которой мы должны, по свидѣтельству только-что приведенныхъ словъ, особенно же по чрезвычайно важному, въ данномъ случаѣ, свидѣтельству слова *megye*, признать хорвато-сербскій характеръ. Для возможности хотя бы частичнаго выдѣленія другъ отъ друга словъ, идущихъ изъ разныхъ источниковъ, мы должны принимать во вниманіе каждое звуковое явленіе, которое обѣщаетъ дать намъ болѣе или менѣе надежное хотя бы до извѣстной степени, основаніе для нашего изслѣдованія». (стр. 18).

Я еще и нынѣ считаю очень труднымъ дѣломъ осуществить въ подробностяхъ распредѣленіе заимствованій на основаніи того, какому славян-

---

вышедшая книжка, правда, по своему плану, не содержащая детальной разработки нашего вопроса, но довольно ясно указывающая на то, что болгарское правописаніе группъ трът-трьт и тлът-тльт совершенно условно и что оно перешло и въ написанные кириллицей румынскіе памятники см. Ilie Barbulescu Fonetica alfabetului cirilic în textele române. Bucuresci. 1904, стр. 408—432.

скому языку обязаны мы тѣмъ или другимъ словомъ, и я нахожу тщетной надежду пріобрѣсти твердое руководство къ тому, наряду съ звуковыми моментами, въ географическомъ распространеніи среди славянскихъ языковъ отдѣльныхъ словъ. По крайней мѣрѣ, попытки Мелиха въ этомъ направленіи, не могли убѣдить меня въ томъ, будто «болгарскія наслоенія можно отлично доказать не только на основаніи фонетическихъ законовъ, но и на основаніи географическаго распространенія (славянскихъ) словъ», см. Nyelvtudományi *Közlemények* XXXIII (1903) стр. 71. Поэтому-то я и признаю болѣе важнымъ именно точный анализъ звуковыхъ вопросовъ, хотя и не думаю, чтобы намъ удалось при помощи этого анализа пойти далѣе установленія довольно общихъ точекъ зрѣнія—при сотняхъ и сотняхъ отдѣльныхъ словъ мы не находимъ никакой прочной опоры для опредѣленія происхожденія даннаго слова изъ того или другого славянскаго языка. Мы можемъ только набросать въ общихъ чертахъ исторію славянскаго вліянія, связывая немногочисленные случаи, гдѣ предъ нами выступаютъ исключительно характеристическія черты, съ оцѣнкой общихъ явленій, позволяющихъ угадывать весь Habitus того языка, изъ котораго, повидимому, пришло въ мадьярскій языкъ большинство славянскихъ словъ. Само собой разумѣется, что изслѣдователь обязанъ принимать во вниманіе всѣ возможные моменты, которые могутъ пролить хотя какой-нибудь свѣтъ на вопросъ. Такимъ образомъ я, вмѣстѣ съ другими, обратилъ вниманіе на культурно-историческіе моменты и охотно признаю, что и географическое распространеніе слова часто является единственнымъ вѣрнымъ путеводителемъ, напримѣръ, при діалектическихъ выраженіяхъ мадьярскаго языка, употребленіе которыхъ ограничивается очень опредѣленной небольшой областью; только мы находимъ въ такихъ случаяхъ ключъ къ рѣшенію вопроса въ географическомъ распространеніи мадьярскаго слова, а не въ географическомъ распространеніи слова славянскаго, о чемъ Мелихъ исключительно говоритъ. Мое изслѣдованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что мы находимся лишь въ самомъ началѣ нашей задачи; но изъ него же, надѣюсь, явствуетъ и то, какъ настоятельно приходится желать, чтобы славянскіе элементы въ мадьярскомъ языкѣ, равно и въ румынскомъ, были основательно изслѣдованы не только нами мадьярами (и румынами), но и болгарами, которые, конечно, совершенно иначе, чѣмъ, мы, могутъ располагать всѣмъ словарнымъ богатствомъ болгарскаго языка.

Д-ръ Оскаръ Ашботъ.

О подложности грамоты князя Өеодора Коріатовича 1360 г.

> **Es ist unleugbar, dass selbst die hervorragendsten Männer der Kirche, Geistliche, deren Frömmigkeit und rechtschaffener Lebenswandel hochgepriesen wird— — zu Fälschung und Betrug ihre Zuflucht nahmen, wenn es galt den Besitzstand, die Rechte, das Ansehen ihrer Kirchen zu mehren oder zu vertheidigen.**
>
> **(Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre. 1889. стр. 11).**
>
> **Używano ich (Korjatowiczów) nazwiska do podrabiania dokumentów.**
>
> **(K. Stadnicki, Synowie Gedymina. 1881. I, стр. 139, пр. 24).**

Подлинность грамоты 1360 г., которою князь Өеодоръ Коріатовичъ основалъ монастырь св. Николая близъ Мукачева въ Бережской столицѣ сѣверо-восточной Угріи и назначилъ ему опредѣленные доходы, со времени «Notitia Fundationis Koriathovitsianae» Базиловича [1])—значитъ, болѣе 100 лѣтъ—не подвергалась никакому сомнѣнію [2]). Во всѣхъ сочиненіяхъ, такъ или иначе касающихся угорской Руси, а также литовскихъ князей XIV в. (Коріатовичей), упоминается объ основаніи Өеодоромъ Мукачевскаго монастыря, какъ о непреложномъ фактѣ. Этотъ монастырь сталъ впослѣдствіи каѳедрой угрорусскихъ епископовъ, сначала православныхъ, потомъ уніатскихъ, былъ нѣсколько столѣтій центромъ не только церковной, но и вообще всей духовной жизни угрорусскаго народа. Понятно, что каждому, интересующемуся прошлымъ угроруссовъ, приходится непремѣнно остановиться на судьбахъ монастыря св. Николая.

Оригиналъ грамоты хранится въ архивѣ Прессбургскаго капитула [3]).

---

1) I. Basilovits (ordinis s. Basilii Magni in monasterio de monte Csernek ad Munkacs protohegumenus), Brevis notitia Fundationis Theodori, olim Ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis ordinis S. Basilii Magni. Cassoviae. Pp. I, II, III — 1799; p. IV — 1804; pp. V, VI—1805.

2) Ранѣе Базиловича графъ Баттьяни въ Leges ecclesiasticae Regni Hungariae 1785 г. доказывалъ ея подложность, основываясь на грамотѣ Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г. См. ниже приложеніе I.

3) О внѣшнемъ видѣ грамоты см. ниже «Этюдъ» И. И. Холодняка. На оборотѣ грамоты написано: A⁰ 1634. Athanasius Krupecky, Episcopus Premisliensis et Samboriensis.

Доселѣ грамота была извѣстна лишь по изданію Базиловича, перепечатавшаго текстъ ея изъ «Episcopi Agrienses» Шмиттá [1]). Въ этомъ изданіи оригиналъ далеко не точно передан, исправлены ошибки, стерта характерная для XIV в. ороографія [2]). Поэтому мы надѣемся, что facsimile фотографическаго снимка, сдѣланнаго по нашему заказу въ натуральную величину съ оригинала однимъ прессбургскимъ фотографомъ, не будетъ признано излишнимъ [3]).

Стрыйковскій надолго внесъ путаницу въ біографію Ѳеодора Коріатовича. Съ его словъ повторялось, что Ѳеодоръ, сынъ Коріата Гедиминовича, былъ княземъ Подолья во время Ольгерда, возсталъ противъ него и долженъ былъ въ 1339 г. удалиться въ Угрію, гдѣ и скончался. Въ концѣ же XIV в. владѣлъ Подольемъ какой-то другой Ѳеодоръ Коріатовичъ, не желавшій признать власть Витовта, около 1394 г. побѣжденный послѣднимъ и умершій въ Вильнѣ въ заточеніи.

Конечно, были вносимы разныя поправки и измѣненія въ разсказъ Стрыйковскаго: одни (Нарушевичъ, Энгель) [4]) отодвигали прибытіе Ѳеодора въ Угрію къ 1352—1354 г., другіе (Легоцкій) [5]) считали, что и въ половинѣ XIV в. и въ концѣ его является въ Угрію одинъ и тотъ же Ѳеодоръ Коріатовичъ. Но борьба его съ Ольгердомъ за Подолье и переселеніе въ половинѣ XIV в. въ Угрію, гдѣ ему были дарованы угорскими королями Мукачевскій замокъ и Мукачевская доминія,—все это считалось исторически достовѣрнымъ.

К. Стадницкій [6]) доказалъ несостоятельность соображеній Стрыйковскаго и выяснилъ причины недоразумѣнія. Намъ остается только повторить выводы Стадницкаго.

Въ дѣйствительности существовалъ только *одинъ* Ѳеодоръ Коріатовичъ, 4-й сынъ Коріата. Ѳеодоръ наслѣдовалъ отъ отца Новгородъ Литовскій. По смерти трехъ старшихъ братьевъ [7]) онъ переселился въ Подолье, гдѣ и сталъ княжить. Вступивъ въ столкновеніе съ Витовтомъ, онъ въ 1393 г. долженъ былъ покинуть Подолье и удалиться въ Угрію, гдѣ владѣлъ Мука-

---

1) N. Schmitth, Episcopi Agrienses. 1768. (Basilovits, Praefatio ad Lectorem.) Сочиненія Шмитта мы не могли найти въ С.-Петербургѣ.

2) См. Приложеніе IV.

3) Табл. I.

4) Engel, Geschichte von Halitsch und Wladimir. II, 1792.

5) I, 157. См. ниже.

6) K. Stadnicki, Synowie Gedymina. Wyd. nowe. Lwów. 1881. I, 159—181.

7) Юрій † послѣ 1374 г.; Александръ † послѣ 1380; Константинъ † послѣ 1389 г. Ср. Wolff, Kniaziowe litewsko-ruscy. Warszawa. 1895, стр. 177.

чевомъ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Ссылаясь на Шараневича[1]), Стадницкій передаетъ, что въ Лелесскомъ аббатствѣ (Земплинской столицы) хранится нѣсколько грамотъ Өеодора и въ одной изъ нихъ 1408 г. онъ именуется: Princeps Theodorius, dux Podoliae et comes comitatus Beregh. По его смерти остались двѣ дочери, Анна и Марія[2]).

Иные считаютъ, что не Витовтъ, а Ягайло въ 1393 г. захватилъ Өеодора въ плѣнъ, освободившись изъ котораго, послѣдній удалился въ Угрію[3]).

Здѣсь конечно не мѣсто разбираться въ этихъ противорѣчіяхъ.

Мы имѣемъ возможность значительно пополнить свѣдѣнія о пребываніи Өеодора Коріатовича въ Угріи. Занимаясь въ архивѣ упомянутаго Лелесскаго конвента—къ сожалѣнію, слишкомъ короткое время—мы, между прочимъ, сдѣлали выписки и изъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся Өеодора. Впослѣдствіи мы ознакомились съ монографіей «Бережская столица» г. Т. Легоцкаго[4]), мѣстнаго Мукачевскаго ученаго, страстнаго археолога, крайне добросовѣстнаго и неутомимаго труженика, изучившаго мѣстные архивы и добывшаго изъ нихъ множество матеріаловъ. Оказалось, что въ его монографіи значительная часть документовъ уже отмѣчена, и передано вкратцѣ ихъ содержаніе[5])—къ сожалѣнію большею частію только по-мадьярски, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важно было бы знать подлинный латинскій текстъ. Кое-что однако въ нашихъ выпискахъ нашлось такое, чего нѣтъ у Легоцкаго, но также и наоборотъ. Печатая въ приложеніи II вкратцѣ содержаніе документовъ, отмѣченныхъ и Легоцкимъ и нами, сообщаемъ здѣсь добытые результаты.

Князь Өеодоръ явился въ Угрію, конечно, не одинокимъ. Кромѣ семьи, съ нимъ переселились и братъ его, князь Василій[6]) (родной ли братъ, или только близкій родственникъ, рѣшить не беремся), и родственники (?) ихъ: Станиславъ, сынъ Іоанна, Іоаннъ, Петръ, Георгій и Богданъ. Въ другомъ мѣстѣ Легоцкій называетъ еще въ числѣ родственниковъ Андрея Пана Kaffai (Kaffai Pán Endre)[7]) и Helele Kaffai.

---

1) J. Szaraniewicz, Rządy Władysława xięcia Opolskiego na Rusi. Bibl. Ossol. IV. 1864, стр. 287. Шараневичу сообщены были эти свѣдѣнія И. Бидерманомъ, тогда проф. въ Инсбрукѣ.

2) Шараневичъ, l. c.: Его вдовѣ и дочерямъ Аннѣ и Маріи Сигизмундъ даровалъ доходы въ Мараморошѣ.

3) A. Prochaska, Podole lennem korony 1352—1340. Kraków. 1895, стр. 7 и пр. Годъ освобожденія Өеодора — 1403, разумѣется, не вѣренъ.

4) T. Lehoczky, Beregvármegye monographiája. Ungvár. I (459 стр.) и II—(501 стр.)—1881; III (860 стр.) 1882.

5) I, 138—140.

6) Стадницкій, стр. 180—181, упоминаетъ о Василіи Коріатовичѣ, выдавшемъ на себя запись Ягайлѣ въ 1403 г., но считаетъ его происходящимъ изъ другаго рода. Очевидно Стадницкій ошибся. Ср. Wolff, Ród Gedymina. Kraków. 1886, стр. 71.

7) I, 138 и III, 534. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen. Innsbruck. 1862, стр. 8, пр. 2.

Прямо ли изъ Подолья прибылъ Ѳеодоръ въ Угрію, или же, можетъ быть, справедливо извѣстіе Стрыйковскаго, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ Витовтомъ (или Ягайломъ—см. выше) и потомъ освобожденъ, не знаемъ. Но въ 1398 г. Ѳеодоръ уже владѣетъ Мукачевомъ и жалуетъ, съ согласія короля Сигизмунда, Станиславу и др. лицамъ село Sarkad, входившее въ составъ Мукачевской доминіи[1]).

Ѳеодоръ титулуется первый разъ, какъ dux Podoliae et dominus de Munkács, въ 1401 г.. Мукачевская доминія остается за нимъ до смерти[2]).

Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимаетъ должность наджупана (comes, főispán) Бережской столицы, а именно въ 1404, 1406, 1407, 1408 гг., при чемъ въ 1404 г. именуется наджупаномъ не только Бережскимъ, но и Уйварскимъ. Въ составленномъ Легоцкимъ по архивнымъ даннымъ спискѣ Бережскихъ наджупановъ онъ упоминается еще въ 1400 и 1411 гг.[3]). Въ 1412 г. эту должность занимаетъ уже другое лицо—палатинъ Николай Garai[3]). Скончался Ѳеодоръ въ 1414 г., повидимому въ Угріи.

Вдова его, Walha[4]), носитъ титулъ ducissa de Munkács, слѣдовательно за ней сохранена была Мукачевская доминія (вся или нѣтъ, не знаемъ): въ 1417 г. упоминается о принадлежности ей села Мукачевской доминіи[5]), Макарьева (Makaria, Бережской ст.). Въ 1416 и 1417 гг. комендантами Мукачевскаго замка названы вышеупомянутые родственники Ѳеодора Kaffai Андрей Панъ и Helele[6]). Послѣдній въ 1415 и 1418 г. именуется officialis ducissae de Munkács.

Кромѣ того вдовѣ Ѳеодора и дочерямъ Аннѣ и Маріи принадлежали значительныя владѣнія въ Марамрошѣ, доходы съ которыхъ за два года исчислялись въ 500 золотыхъ флориновъ.

Послѣдній разъ ducissa de Munkács упоминается въ 1418 г.

Послѣ нея владѣлъ Мукачевомъ Матвѣй Pálóczy, вскорѣ послѣ него извѣстный Стефанъ Лазаревичъ († 1427 г.), а въ 1428 г. Юрій Бранковичъ[7]).

Такимъ образомъ всѣ достовѣрныя документальныя данныя свидѣтель-

---

ссылаясь на Szirmay, Not. com. Ugocs. p. 138 сообщаетъ, что въ одной грамотѣ 1416 г. упоминается Ondrej Pan de Kaffa (Andreas, Herr v. Kaffa).

1) Опись Мукачевскихъ владѣній 1731 г. Leh. III, 596.

2) Можетъ быть онъ владѣлъ также и Маковицей? (См. Приложеніе III, стр. 294).

3) Leh. I, 353.

4) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. 1729, называетъ ее Доминикой, Дулишковичъ, Историч. черты Угрорусскихъ (II, 14), замѣняетъ это имя соотвѣтствующимъ греческимъ—Киріака.

5) Опись 1731 г. Leh. III, 596.

6) Leh. I, 140 и III, 354.

7) Leh. III, 543.

ствуютъ о *пребываніи Θеодора Коріатовича въ Угріи съ конца XIV в. до 2-го десятилѣтія XV в.*

Тѣмъ не менѣе Стадницкій, Легоцкій[1]) и др.[2]) считаютъ несомнѣннымъ, что Θеодоръ и ранѣе, именно въ половинѣ XIV в., былъ уже въ Угріи и владѣлъ Мукачевомъ.

Основаніемъ для такого ихъ мнѣнія служатъ: во-первыхъ, извѣстія позднѣйшихъ мадьярскихъ историковъ о слѣдахъ дѣятельности Коріатовича въ Угріи и во-вторыхъ—грамота 1360 г.

Въ приложеніи III вкратцѣ излагаемъ помѣщенныя у Стадницкаго извѣстія мадьярскихъ историковъ, дополнивъ ихъ изъ другихъ источниковъ.

Всѣ эти извѣстія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что среди угрорусскаго населенія сохранилось много преданій о Θеодорѣ Коріатовичѣ[3]), и что съ его именемъ связывали различныя полезныя начинанія, но исторической достовѣрности эти, поздно записанныя и неизвѣстно когда возникшія, преданія имѣть, конечно, не могутъ. Время дѣятельности Θеодора Коріатовича по бóльшей части въ нихъ не опредѣляется, какъ это и слѣдуетъ ожидать отъ народныхъ воспоминаній. Только у Иштванфи и Туроци мы находимъ болѣе точныя даты: «въ царствованіе Карла и Людовика, въ 1370(1360) г. при Людовикѣ I», но онѣ далеко не могутъ имѣть значенія непреложнаго свидѣтельства и въ виду ихъ поздняго происхожденія и въ виду того, что оба автора (а ужъ Туроци—непремѣнно) могли быть прямо или косвенно знакомы какъ съ выводами Стрыйковскаго, такъ и съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ *единственнымъ* доказательствомъ того, что Θеодоръ Коріатовичъ былъ въ Угріи въ половинѣ XIV в., остается грамота 1360 г., и это уже само по себѣ заставляетъ отнестись къ ней не съ особымъ довѣріемъ.

Но мало того: *до конца XVII в. наша грамота скрыта какъ бы подъ спудомъ.*

---

1) Легоцкій (I, 137) полагаетъ, что пребываніе его здѣсь было непродолжительнымъ, Стадницкій же—многолѣтнимъ: Taka czynność, takie fundacye, jeżeli, jak kroniki węgierskie mówią, (т. е. собственно только Туроци), twierdza Munkacs stanęła dopiero w r. 1370., wskazują na długoletni pobyt T. na ziemi węgierskiej». О фундаціяхъ скажемъ ниже; что же касается 1370 г., то тутъ, повидимому, вкралась ошибка. Цитаты изъ мадьярскихъ хроникъ взяты Стадницкимъ, кажется, изъ Notitia Базиловича, а у послѣдняго стоитъ въ выдержкѣ изъ Туроци: ad annum MCCCLX, а не MCCCLXX, какъ напечатано Стадницкимъ. Самаго сочиненія Туроци у насъ, къ сожалѣнію, подъ руками не было.

Wolff, Kniaziowie litewsko-ruscy, стр. 177 ссылается на Стадницкаго.

Тоже и Грушевский, История Украïни—Руси. Львôвъ, 1903, т. IV, стр. 148.

2) Литературу предмета см. Леонтовичъ, Очеркъ исторіи литовско-русскаго права; стр. 347, 359 и сл.; Prochaska, Podole lennem korony, passim.

3) Возможно, конечно, что нѣкоторыя изъ преданій не были чисто народными, а возникли, такъ сказать, искусственно, книжнымъ путемъ, имѣя точку опоры въ преданіи объ основаніи Коріатовичемъ Мукачевскаго монастыря, считавшемся въ XVII, XVIII вв. неоспоримымъ фактомъ.

У Базиловича въ 1-ой части напечатано около 40 разнаго рода документовъ[1]), относящихся ко времени до 1690 г. Изъ этихъ документовъ только въ *девяти*[2]) (два—XV в., остальные—XVII в.) идетъ вполнѣ или отчасти рѣчь о владѣніяхъ и доходахъ монастырскихъ и, слѣдовательно, естественно ожидать найти именно въ нихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на грамоту 1360 г.[3]).

Разсмотримъ же эти документы.

1) Матвѣя Корвина 1458 г. въ пользу пресвитера Луки, котораго ad plebaniam ruthenicalem S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocatam— —auctoritate nostra Regia, qua hujusmodi plebania more praedecessorum nostrorum regum Hungariae ad nostram collationem pertinere dignoscitur, duximus eligendum et nominandum eandemque eidem simul cum duabus possessionibus, puta Bubowisthye et Lauka vocatis, ad eandem plebaniam ab antiquo spectantibus, pariterque cunctis ipsarum plebaniae et possessionum utilitatibus, proventibus и т. д. duximus denuo et ex novo dandam et conferendam— —.

2) Его же 1488 г. въ пользу того же Луки. Король приказываетъ разобрать дѣло о насиліяхъ, нанесенныхъ Бенедиктомъ, плебаномъ de Iwany, монахамъ Луки, собиравшимъ десятину вина.

Въ этихъ ближайшихъ по времени къ Өеодору Коріатовичу грамотахъ нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на грамоту 1360 г., ничего не говорится объ основаніи монастыря Өеодоромъ, и даже имя его не упоминается. Изъ всѣхъ дарованныхъ по грамотѣ 1360 г. доходовъ упоминается только о сборѣ десятины вина (вѣроятно въ Jwany-hegg); Бобовиште и Лавка оказываются принадлежащими монастырю не по дарованію Өеодоромъ, а ab antiquo (съ незапамятныхъ временъ). Наконецъ вмѣсто monasterium, claustrum S. Nicolai, говорится въ первой грамотѣ о какой-то plebania ruthenicalis S. Nicolai prope possessionem Munkacs, Monostor vocata.

Полное молчаніе 1-ой грамоты о Өеодорѣ Коріатовичѣ особенно странно въ виду того, что *только за семь лѣтъ до ея изданія* отецъ Матвѣя Корвина, Янъ Гуньядъ, въ грамотѣ отъ 10-го января 1451 г. подтвердилъ горожанамъ Мукачева право пользованія тѣми лѣсами, которыми они

---

1) Мы не касаемся вопроса о подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Замѣтимъ только, что будущему историку угрорусскаго народа слѣдуетъ отнестись къ нимъ съ крайней осторожностью.

2) Грамота императора Фердинанда I 1552 г. должна быть оставлена въ сторонѣ. Въ ней императоръ разрѣшаетъ епископу Ладиславу возстановить мельницу на р. Латорицѣ близъ самаго монастыря, quod molendinum tempore desolationis— —claustri perierat. Въ грамотѣ 1360 г. упоминается мельница, но не у монастыря, а при селѣ Бобовище.

3) Въ остальныхъ 30 и подавно нѣтъ ничего ни о Өеодорѣ Коріатовичѣ, ни о нашей грамотѣ.

пользовались *при князѣ Өеодорѣ*, Матвѣѣ (т. е. Pálóczy) и сербскомъ деспотѣ[1]).

Перейдемъ къ XVII в.

Въ 1640 г. комендантъ находившагося въ рукахъ Георгія I Ракоци Мукачевскаго замка I. Балингъ арестовалъ принявшаго унію епископа Василія Тарасовича и захватилъ монастырь и принадлежащее ему имущество и доходы. Императоръ Фердинандъ III употребилъ всѣ усилія къ освобожденію епископа и къ возвращенію захваченнаго Балингомъ. Сохранилась цѣлая переписка (1641 г.) по этому дѣлу. Для насъ имѣютъ значеніе:

3) Письмо Фердинанда III къ Балингу: арестъ епископа былъ произведенъ nulla habita Ecclesiasticae praerogativae et Privilegiorum a divis condam Hungariae Regibus, Praedecessoribus nostris Monasterio illius loci attributorum. Арестъ епископа и конфискація имуществъ etiam *primaevae fundationi illius monasterii* plurimum derogare videretur— —.

4) Въ инструкціи Фердинанда III S. Eorsy, отправленному имъ къ Ракоци, повторяется почти буквально: quod factum— —*primaevae insuper fundationi illius beneficii* plurimum derogare manifestum est.

5) Протестъ Гевешскаго архидьякона S. Varro отъ имени Тарасовича передъ Ягерскимъ капитуломъ: Балингъ—арестовалъ епископа, bona quoque universa— —*ex vi fundationis* ad idem monasterium spectantia— —occupasset— —.

6) Протестъ протопопа Іоанна Маринца отъ имени того же Тарасовича передъ графомъ I. Другетомъ, наджупаномъ Бережскимъ и Земплинскимъ: Балингъ арестовалъ епископа, bona insuper universa— —ad idem monasterium *ex antiqua fundatione* spectantia— —occupasset.

Такимъ образомъ и въ этихъ документахъ нѣтъ ничего о грамотѣ 1360 г. и о Өеодорѣ Коріатовичѣ. Говорится только о какой-то antiqua fundatio и о привилегіяхъ, данныхъ монастырю предшественниками Фердинанда III, угорскими королями.

7) Столь же неопредѣленныя выраженія находимъ мы въ декретѣ императора Леопольда I 1659 г., которымъ онъ назначаетъ Петра Парөенія Мукачевскимъ епископомъ: повелѣваемъ omnia,— —ad dictum episcopatum *ex fundatione* vel quolibet modo pertinentia,— —manibus dicti episcopi assignare— —.

8) Въ 1660 г. Мукачевъ находился въ рукахъ вдовы Георгія II Ракоци, Софіи Батори. Императоръ Леопольдъ I поручаетъ Прессбургской королевской камерѣ отправить кого-нибудь изъ совѣтниковъ камеры къ Софіи, чтобъ убѣдить ее дозволить Петру Парөенію вступить въ дѣйствительное

1) Leh. III, 481—изъ Мукачевскаго городского архива.

обладаніе каѳедрой и монастыремъ со всѣми его владѣніями и доходами. Между прочимъ въ декретѣ говорится: Ex relatione— —Archiepiscopi Strigoniensis intelligimus in comitatu de Beregh— —in Munkács— —exstare monasterium Ordinis s. Basilii, *a piis principibus et regibus Hungariae ante aliquos centenos annos fundatum*, decimis, colonis и т. д. dotatum ita, ut ibi *episcopus Gr. R.* ex ordine Basilianorum *Catholicae Romanae Ecclesiae unitorum* resideret, episcopum ageret и т. д.; de quibus omnibus *literae fundationales et originales ac donationales haberentur de facto*.— — Quare— —mandamus, ut— —quempiam ex consiliariis camerae nostrae— —ad— —Principissam viduam *cum donationalibus ipsis literis ac eorum paribus* expedire non intermittatis, qui— —Parthenium installare— —debeat— —.

9) Прессбургская камера въ исполненіе повелѣнія императора въ томъ же году постановляетъ, чтобы одинъ изъ совѣтниковъ acceptis ad se literis Suae Majestatis— — ad eandem— —Principissam— —proficiscatur, praesentatisque— —iisdem literis Suae Majestatis— —eandem omnibus modis et argumentis tam *ex ipsis donationalibus Regiis*, quam mandato Suae Majestatis— —disponat, ut se— —Suae Majestatis voluntati— —accomodet— —.

Такимъ образомъ, по словамъ Леопольда, монастырь *основанъ угорскими королями*, сохранилась и грамота—*literae fundationales* (очевидно, данная кѣмъ-нибудь изъ *королей угорскихъ*—Прессбургская камера называетъ ее *donationales regiae*), которая въ *оригиналѣ и копіи* и должна быть представлена Софіи. Въ этой грамотѣ, будто бы, говорится не только объ основаніи монастыря, но и объ *учрежденіи* въ немъ *каѳедры уніатскаго епископа*.

Очевидно, если такая грамота и была *(никакихъ слѣдовъ подобной грамоты мы потомъ не находимъ)*, она ничего общаго не имѣетъ съ грамотой 1360 г.

Такимъ образомъ, *въ теченіе 330 лѣтъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни о грамотѣ 1360 г., ни о Өеодорѣ Коріатовичѣ*, и если въ XVII в. и говорится о какой-то fundatio, litterae fundationales, то разумѣется, очевидно, не наша грамота, хотя она въ 1634 г. уже существовала и находилась въ рукахъ у Аѳанасія Крупецкаго[1]).

Только когда примасъ Угріи, кардиналъ Леопольдъ Колоничъ, для фактическаго осуществленія бывшей до него лишь номинальной уніи призвалъ на Мукачевскую каѳедру Іосифа де-Камелисъ и позаботился о лучшемъ матеріальномъ его обезпеченіи, *только тогда въ первый разъ* появляется на свѣтъ грамота 1360 г.

---

1) См. выше стр. 270, пр. 3.

Въ 1690 г., по просьбѣ Іосифа де-Камелисъ, Прессбургскій капитулъ выдалъ ему транссумптъ хранившихся въ Прессбургѣ грамотъ: Коріатовича 1360 г., Матвѣя Корвина 1458 и 1488 гг. На основаніи грамоты 1360 г. Колоничъ, бывшій въ то же время опекуномъ малолѣтнихъ Франца и Юліаны Ракоци, приказалъ администратору всѣхъ Ракоціевскихъ имѣній, Ф. Клобушицкому, торжественно передать Іосифу де-Камелисъ какъ Бобовиште и Лавку, такъ и другіе, упомянутые въ грамотѣ, доходы монастыря. Для приданія бóльшаго авторитета этому акту императоръ Леопольдъ I въ 1693 г. своимъ декретомъ подтвердилъ грамоту 1360 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами о вводѣ Іосифа де-Камелисъ во владѣніе монастыремъ. Іосифъ де-Камелисъ передалъ въ 1694 г. декретъ Леопольда на храненіе въ архивъ Ягерскаго капитула[1]). Съ этихъ поръ грамота 1360 г. пріобрѣтаетъ незыблемый авторитетъ.

Такова загадочная исторія нашей грамоты.

Остановимся теперь на закрѣпленномъ грамотой фактѣ: *въ половинѣ XIV в. Мукачевомъ владѣлъ князь Θеодоръ Коріатовичъ.* Намъ этотъ фактъ кажется весьма сомнительнымъ, именно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Во-первыхъ, мало вѣроятно, чтобы очень молодому человѣку—вѣдь послѣ 1360 г. Θеодоръ жилъ еще 54 года, а Мукачевъ получилъ, очевидно, ранѣе 1360 г. — притомъ одному изъ второстепенныхъ литовскихъ князей (4-му сыну 4-го сына Гедимина), который врядъ ли успѣлъ уже оказать серьезныя услуги Угріи и отъ котораго врядъ ли угорскіе короли могли разсчитывать извлечь особыя для себя выгоды, вручена была такая важная пограничная крѣпость, какъ Мукачевъ[2]), такое громадное имѣніе, какъ Мукачевская доминія. Въ доминіи онъ пользуется столь широкою властью, что, не обращаясь за разрѣшеніемъ или подтвержденіемъ къ королю, основываетъ монастырь, да еще православный[3]), даетъ ему населенныя земли и другіе доходы, между тѣмъ какъ въ 1398 г. для пожалованія приближеннымъ одного только села требуется подтвержденіе короля.

Во-вторыхъ, Легоцкій приводитъ рядъ архивныхъ данныхъ, доказывающихъ, повидимому, что съ 1353 г. въ Мукачевской доминіи распоряжалась королева Елизавета, а послѣ нея—жена Сигизмунда, Марія. Только по смерти Маріи въ 1395 г. доминія перешла къ Сигизмунду[4]).

---

1) Basil. II, 1—5.

2) Уже въ 1332 г. Мукачевъ называется castrum. Leh. III, 548.

3) Во время ревностныхъ къ католичеству Анжуйцевъ.

4) Въ 1353 г. Елизавета даетъ жителямъ Берегсаса, а въ 1354 городу Вари право рубить дрова in silvis reginalibus. Въ 1364 г. издаетъ распоряженіе противъ Бережскаго

Обратимся наконецъ къ самой грамотѣ.

1) *Nos Teodorus Keriatovich, Dei gracia dux de Munkach.* Конечно, въ 1360 г. Ѳеодоръ не былъ еще dux Podoliae и, значитъ, не могъ такъ и титуловаться, но во всякомъ случаѣ малообычно употребленіе *отчества* въ титулѣ владѣтельнаго лица, да еще въ латинской грамотѣ—не по латыни (въ родѣ напр. filius Koriat или скорѣе filius Michaelis, alias Koriat)[1]), а на народномъ языкѣ, въ данномъ случаѣ на русскомъ[2]). Особенно это неумѣстно въ грамотѣ, назначенной не для родины, а для чуждой страны, гдѣ имя отца Ѳеодора врядъ ли могло вызвать какое-нибудь опредѣленное представленіе. Сомнительна и форма Keriatovich вм. Koriatovich[3]).

2) *De proventibus eiusdem castri nostri Munkach teneantur dare— — centum florenos longos.*

Florenus longus, мад. vonás forint, по Чапловичу еще въ концѣ XVIII в. употреблялся въ сдѣлкахъ, какъ воображаемая денежная единица[4]), и равнялся 3 маріашамъ или 51 кр. Какъ монета, florenus longus = 57 кр. и его антитезъ, florenus brevis, kurta forint = 50 кр., употреблялись, по словамъ Симончича[5]), до 1723 г. Въ XVII в. florenus longus приравнивался къ florenus Rhenensis = 60 кр. Такъ въ письмѣ Л. Колонича къ С. Красная[6]) по дѣлу о передачѣ Іосифу де-Камелисъ доходовъ, опредѣленныхъ грамотой 1360 г.: centum florenos longos, id est Rhenenses. Въ діаріи Камелиса[7]): Pro anno 1692 accepi— —pecuniarum Rhen. flor. centum.

Когда вошли въ употребленіе floreni longi, мы сказать не умѣемъ. Въ словарѣ Бартала подъ florenus longus указано: см. vonás forintones. Подъ

поджупана Іоанна за его насилія въ Eszény (Саболчской стóлицы на границѣ Бережской). Въ 1376 г. даруетъ городу Мукачеву право имѣть свою печать; въ 1378 г. подтверждаетъ валахамъ и князамъ (kenézek) Бережской Крайны ихъ привилегіи. Въ томъ же году даетъ причисленнымъ къ Бережской стóлицѣ valachi reginales привилегій и учреждаетъ должность князя (kenézség). Leh. I, 188.

Послѣдняя грамота подтверждена королевой Маріей въ 1383 г. Ср. Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen, II, 48: Im J. 1383 übertrug die Königin Maria im Einverständnisse mit der Königin—Wittwe Elisabeth das Keneziat über alle in den Komitaten Beregh und Szathmár befindlichen Rumänen den drei Söhnen des weiland Stanislo, welcher Wajda der rumänischen Ortschaft Kereczke in der Marmaros gewesen war. (Szirmay, Szathmár Vármegye. Ofen. 1809. I, 8).

1) Стадницкій I, 141, пр. 27.

2) Хотя такія титулованія и встрѣчаются. См. Radzimiński, Arch. ks. Lubartowiczów Sanguszków. 1887 г. I, № XXVII, s. 1420: Nos Boleslaus alias Swidrigaill D. gr. dux Olgarthowicz.

3) Отмѣтимъ, кстати, что буква К написана позднѣе всего текста. См. снимокъ.

4) Gibt es auch eingebildete Münzen, zum Beispiel: Vonás Gulden. Csaplovics, Gemälde von Ungern. Pest. 1829. II, 108.

5) I. Simonchicz, Dissertatio de Numismatica Hungariae Diplomaticae accomodata. Vienna. 1794. См. Bartal, Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae. Budapest. 1901. подъ словомъ: kurta forint.

6) Basil. II, 13.

7) Ib. II, 14.

vonás forintones помѣщена выдержка изъ Нумизматики Симончича, гдѣ дѣлается ссылка *только* на нашу грамоту 1360 г. Далѣе Симончичъ пишетъ: Hos florenos longos censet esse vonás forintones = 51 kr. Cl. Pray; ego vero— —inquam esse auri florenos majores; nihil enim facilius commutatur, quam magnus et longus. То же самое повторяетъ Симончичъ въ своей Dissertatio epistolica, адресованной Базиловичу и напечатанной послѣднимъ IV, 245—250.

Симончичъ такимъ образомъ считалъ florenus longus *необычнымъ* для XIV в. и не соглашался съ Праемъ, отождествлявшимъ floreni longi грамоты 1360 съ позднѣйшими floreni longi—vonás forintones. Но такъ какъ Симончичъ не имѣлъ никакихъ сомнѣній въ подлинности нашей грамоты, то ему естественно было предположить, что этотъ необычный терминъ есть лишь не вполнѣ точное обозначеніе какой-нибудь дѣйствительно тогда употреблявшейся монеты, и, конечно, auri floreni majores ближе всего подходятъ по смыслу къ floreni longi.

Намъ лично тоже помнится, что въ угорскихъ историческихъ документахъ XIII, XIV вв. не встрѣчается florenus longus. Во время пребыванія нашего въ 1890 или 1891 г. въ Будапештѣ (кажется) мы бесѣдовали между прочимъ объ этомъ съ извѣстнымъ мадьярскимъ историкомъ, каноникомъ Поромъ (Pór), и онъ подтвердилъ наше наблюденіе, высказавъ, что въ XIV в. florenus longus въ Угріи еще не былъ въ ходу. Слова его тогда же были нами записаны.

Итакъ, florenus longus служитъ, повидимому, сильнымъ аргументомъ противъ подлинности грамоты.

3) Грубыя ошибки въ латинскомъ языкѣ[1]), хотя и являются очень странными, не могутъ, однако, служить доказательствомъ подложности. Въ далекой окраинѣ Угріи у Ѳеодора Коріатовича могло не найтись подъ рукою достаточно знающаго латинскій языкъ человѣка для составленія концепта грамоты.

4) Палеографическая сторона имѣетъ, конечно, особо важное значеніе. По нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ соображеній грамота 1360 г. давно казалась намъ подозрительной. Когда же мы въ Пресбургѣ ознакомились съ оригиналомъ ея, эти подозрѣнія перешли почти что въ увѣренность. Намъ бросился въ глаза характеръ буквъ, не только рѣзко отличающійся

---

1) Monasterium— —*quem*; ad *eundem* (monasterium); de monte, *que* vocatur; de campo illius ville, *qua* vocatur; quatuor vasa *vina*; claustro— —*quem* nos fundavimus; quicunque— —istam donacionem nostram non *obstaret* (Bas.—observaret) vel contradiceret; cum anima nostra *litem* habeat *protrahendi*; literas nostras sigili nostri appensione roboratas eidem claustro nostro duximus *roboratas*.

отъ обычнаго въ XIV в. письма грамотъ[1]), но сравнительно мало напоминающій и письмо книгъ того времени. И самый почеркъ показался намъ нѣсколько неестественнымъ, напряженнымъ: писецъ точно скорѣе вырисовывалъ непривычныя для него начертанія.

Будучи однако, такъ сказать, начетчикомъ, а не палеографомъ-спеціалистомъ, мы могли только высказать въ общихъ чертахъ наши сомнѣнія, но не чувствовали себя способными доказать ихъ. Поэтому мы обратились къ многоуважаемому проф. И. И. Холодняку съ просьбой принять на себя трудъ оцѣнки грамоты съ палеографической точки зрѣнія. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ печатаемомъ ниже «Палеографическомъ этюдѣ», за который приносимъ ему глубокую благодарность. Его выводъ: *«XIV в. во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ»*—дѣлаетъ уже окончательно несомнѣнной *подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г.*

Но съ установленіемъ ея подложности возбуждаются дальнѣйшіе вопросы:

1) Кѣмъ была поддѣлана грамота?

Опредѣленныхъ лицъ, конечно, назвать нѣтъ возможности, но, очевидно, is fecit, cui prodest, т.-е. виновниками подлога могли быть только лица, судьба которыхъ такъ или иначе была связана съ судьбой монастыря — какой-нибудь выдающійся членъ монашеской братіи, игуменъ, или Мукачевскій епископъ или, наконецъ, можетъ быть, и посторонняя вообще монастырю личность, но по какимъ либо своимъ особымъ цѣлямъ или ad majorem Dei gloriam считавшая нужнымъ лучше обезпечить Мукачевскую каѳедру или монастырь.

2-й и 3-й вопросы: въ какое время совершенъ подлогъ, и почему грамота помѣчена именно 1360 г.?

На нихъ врядъ ли возможно дать сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты за полнымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ.

Судя по датѣ грамоты, она могла быть составлена лишь тогда, когда было забыто дѣйствительное время жизни и дѣятельности Ѳеодора Коріатовича въ Угріи — значитъ, много лѣтъ спустя по его смерти. Если грамота Іоанна Корвина 1493 г. подлинна—намъ, по крайней мѣрѣ, она скорѣе кажется таковой—то наша грамота является уже вторичнымъ подлогомъ[2]), послѣ того какъ первая подложная грамота не достигла своей цѣли и была

1) На табл. III и IV предлагаемъ образцы письма грамотъ XIII и XIV вв. изъ ближайшихъ къ восточной Угріи мѣстностей—Польши и Трансильваніи. Снимки №№ 1, 2, 3 и 6 были любезно предоставлены въ наше распоряженіе С. Л. Пташицкимъ, остальные собраны нами въ Угріи.

2) Грамота 1493 г. признана подложной не наша 1360 г. грамота, а какая-то иная. См. приложеніе I, стр. 290.

кассирована, и, слѣдовательно, время ея возникновенія лежитъ между 1493 и 1634 годами.

Еще одно соображеніе.

Выборъ для датировки года изъ половины XIV в. не можетъ ли быть объясненъ вліяніемъ Стрыйковскаго? Тогда подлогъ пришлось бы отнести къ концу XVI и къ началу XVII в., когда православной церкви угрожала опасность не только отъ католичества, но и отъ мадьяръ кальвинистовъ, отнимавшихъ имущества и доходы у православныхъ, и когда православные дѣятели (хотя бы нѣкоторые), видя въ принятіи уніи исходъ изъ своего тяжелаго положенія, могли разсчитывать, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство не будетъ особенно строго относиться къ предъявляемымъ грамотамъ [1]).

Отвергая подлинность грамоты 1360 г., мы, однако, вовсе не думаемъ также рѣшительно отвергать достовѣрность мѣстнаго преданія объ основаніи Мукачевскаго монастыря Ѳеодоромъ Коріатовичемъ. Весьма возможно, что монастырь дѣйствительно имъ былъ основанъ, но, конечно, не въ 1360 г., а между 1393—1398 и 1414 годами. Но возможно (и даже вѣроятнѣе) и то, что монастырь существовалъ уже до Ѳеодора и, можетъ быть, задолго; Ѳеодоръ же принялъ на себя заботы о монастырѣ, улучшилъ его матеріальное положеніе, а въ народной памяти превратился въ основателя его.

Точно также мы не рѣшились бы доказывать, что монастырь не по праву пользовался упомянутыми въ грамотѣ владѣніями и доходами.

Монастырь могъ получить или дѣйствительно отъ князя Ѳеодора или отъ другихъ лицъ раньше его или даже послѣ него все, что упомянуто въ грамотѣ, но только—или не было сдѣлано письменнаго акта или, хотя таковой и былъ сдѣланъ, но со временемъ былъ утраченъ, и монастырь продолжалъ antiqua consuetudine пользоваться дарованнымъ. Когда же у монастыря стали отбирать имущество или когда стала угрожать хоть опасность этого, естественно могла явиться мысль подкрѣпить свое право по давности фактическаго владѣнія формальнымъ доказательствомъ.

Этимъ кончаемъ наши замѣчанія, уступая слово И. И. Холодняку.

А. Петровъ.

Лѣто 1905 г.

---

1) Простой ли случайностью можно считать то, что помѣтка на оборотѣ грамоты (см. выше стр. 270, пр. 3) сдѣлана именно дѣятельнымъ пропагандистомъ уніи, епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ?

Палеографическій этюдъ.

(Посвящается В. И. Ламанскому).

Предложенный нашему разсмотрѣнію документъ—грамота князя Ѳеодора Коріатовича монастырю св. Николая близъ гор. Мукачева на владѣніе доходами съ нѣсколькихъ поименованныхъ въ текстѣ угодій, т.-е. частная donatio весьма обыкновеннаго типа. Актъ писанъ на пергаменѣ, $3\frac{1}{2} \times 8$ вершковъ, въ 21 строку *вдоль* листа; печати въ настоящее время не имѣетъ, но слѣды проколовъ для шнура еще видны. Объ этой сторонѣ внѣшности документа нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ она никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываетъ; зато полное право на наше вниманіе имѣетъ *письмо*, къ анализу котораго и переходимъ.

Документъ датированъ «anno D(omi)ni (M)CCCLX», т.-е. 1360-мъ годомъ, съ пропускомъ цифры М, что уже само по себѣ является не совсѣмъ обычнымъ; во всякомъ случаѣ составитель документа желалъ пріурочить его къ XIV вѣку.

Для начертанія текста онъ избралъ однако не обиходный *курсивъ* или *полукурсивъ* XIV вѣка, который, особенно во 2-й половинѣ столѣтія въ своихъ болѣе округлыхъ и разгонистыхъ разновидностяхъ составляетъ прямой переходъ къ обиходному же письму XV вѣка, и для мало-мальски опытнаго писца не долженъ составлять никакой особой трудности,—а избралъ *книжный минускулъ*, т. е. письмо, хотя и употреблявшееся для документовъ, но не бывшее для нихъ обиходнымъ, и значительно болѣе трудное для исполненія.

Но здѣсь и начинается рядъ крупныхъ палеографическихъ недоразумѣній.

Мы видимъ прежде всего, уже на первый взглядъ, и чѣмъ внимательнѣе вглядываемся, тѣмъ въ большей степени, какую-то шаткость, неувѣренность почерка, которая можетъ происходить отъ двухъ, главнымъ образомъ, причинъ: или отъ неопытности писавшаго вообще, или отъ малой привычки его именно къ тому почерку, которымъ онъ пишетъ данный текстъ; но тщательный анализъ ductus'овъ писца нашей рукописи долженъ, думается намъ, убѣдить всякаго въ томъ, что хотя его латынь и оставляетъ желать бо̀льшей правильности, хотя бы даже въ предѣлахъ знанія языка въ то̀ время и въ той мѣстности, но рука его неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ: *нажимы* пера выдержаны вездѣ довольно ровно,

нижніе *срѣзы* литеръ даютъ вездѣ почти тотъ же уголъ, *круглоты* ведены увѣренно, наконецъ литеры, за которыя писецъ, такъ сказать, не опасается, напр. круглое s, начертаны довольно смѣло и привычно; но иное дѣло, если мы представимъ себѣ писца *опытнаго вообще*, но не набившаго себѣ руку именно въ *воспроизводимомъ* имъ въ данный моментъ почеркѣ, который онъ *копируетъ*, но не которымъ онъ самъ *пишетъ* обыкновенно,—тогда и получится именно та картина, которая представлена на нашей таблицѣ[1]) въ 1-мъ столбцѣ: особенно характерны начертанія a, b, d, f, h, n, p(ro), s (longa), t и u; нельзя ни минуты допустить предположенія, что такое разнообразіе ductus'овъ происходитъ изъ неопытности *вообще*, а не изъ неопытности именно *въ этомъ минускулѣ*, воспроизвести который понадобилось нашему писцу для извѣстной цѣли; видно притомъ, что *послѣднія* строки документа писаны нѣсколько тверже и увѣреннѣе *начальныхъ*, какъ будто къ концу пишущій въ извѣстной степени *овладѣлъ* своимъ письмомъ.

Какого же времени письмена онъ пытается воспроизвесть? Что это вообще говоря *не есть минускулъ* половины XIV вѣка—говорить нѣтъ надобности: если въ частностяхъ начертаній кое-гдѣ замѣтны типичные изломы и развилинки этой эпохи, то несходства гораздо больше.

Для сравненія мы сопоставили на нашей таблицѣ нѣсколько типичныхъ образчиковъ обычнаго книжнаго и отчасти документальнаго минускула ближайшихъ періодовъ, т.-е. XIII и XIV вѣковъ, воспользовавшись для XIII вѣка—1) cod. Monac. Chroust, IX, 9—10; 2) id. IX, 8; 3) id. IV, 7; 4) id. IV, 10; 5) cod. Vindob. Staatsarch. n. 341, id. VIII, 10; для XIV в. 1) cod. Berol. theol. fol. n. 136 (Arndt 59) и 2) cod. Berol. lat. Q. n. 291 (Arndt 58).

Изъ этого сопоставленія ясно видно, что наиболѣе близки начертанія нашего документа не къ XIV, *а именно къ XIII вѣку*, хотя грамота датирована XIV-мъ: таже фигура *a* (въ XIV в. оно въ минускулѣ обыкновенно закрытое, въ курсивѣ и полукурсивѣ—открытое), d (большого и малаго), f, h (особенно строчнаго), n (прописное и строчное писаны въ нашемъ документѣ одной фигурой), o (большого и малаго), q, r, s, t (прописное t документа—изъ ранней эпохи), u; за XIII в. говоритъ также и сильное преобладаніе округлостей надъ изломами. Надстрочные знаки—обычнаго минускульнаго типа, только въ словѣ po[r]cos (стрк. 8 сверх.) допущенъ надстрочный знакъ для r довольно мало употребительной формы.

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) что писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка; это *не могъ быть* конечно *оригиналъ* документа, такъ какъ онъ долженъ былъ относиться къ XIV-му; желая *создать* такой

---

1) Табл. II.

оригиналъ и не имѣя для этого подъ руками хорошихъ образцовъ письма *надлежащей* эпохи, писецъ взялъ «scripturam antiquiorem» *ближайшей*, но до нѣкоторой степени невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку; 2) что подделка эта совершена или съ цѣлью возсоздать утраченный оригиналъ, или (что̀ вѣроятнѣе)—составить *подложный* документъ для какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, установить которыя можетъ историческій анализъ нашей рукописи.

XIV-му вѣку во всякомъ случаѣ она принадлежать не можетъ.

И. Холоднякъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Грамота Іоанна Корвина Гуньяда отъ 1493 г.

Архіепископъ Трансильваніи графъ И. Баттьяни въ «Leges ecclesiasticae Regni Hungariae». Albae Carolinae. 1785. I, 514—516 рѣшительно доказывалъ подложность грамоты Ѳеодора Коріатовича 1360 г., опираясь на грамоту Іоанна Корвина Гуньяда 1493 г., хранящуюся въ архивѣ Ягерскаго капитула. Баттьяни издалъ ее въ своемъ трудѣ, списавъ, по его словамъ, ex ipso originali, verum mendose exarato, summa integritate. Еще ранѣе Баттьяни въ 1725 г. Мукачевскій католическій плебанъ Фердинандъ Левъ (Lew) представилъ эту грамоту Ягерскому капитулу, прося выдать засвидѣтельствованную съ нея копію [1]), что̀ и было сдѣлано капитуломъ съ замѣткой: печати у грамоты нѣтъ, хотя и видны ея слѣды [2]). Оригиналъ, вѣроятно, оставленъ былъ въ архивѣ капитула, гдѣ и могъ имъ впослѣдствіи воспользоваться гр. Баттьяни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что оба списка съ оригинала не вполнѣ тождественны, хотя Баттьяни, какъ онъ заявляетъ, списывалъ summa integritate, капитулъ—de verbo ad verbum, diminutione et augmento absque omni, но, повидимому, одинаково неточно.

Приводимъ, по изданію Баттьяни [3]), мѣста грамоты, имѣющія отношенія

---

1) Nos Capitulum Ecclesiae Agriensis, и т. д. quod— —Ferdinandus Lew, Plebanus Munkacsiensis— —exhibuerit— —nobis— —quasdam literas— —Ioannis Corvini de Hunyad— — confirmationales seu collationales ratione certarum Decimarum ad plebaniam Munkacsiensem spectantium (Basil. II, 49—50).

2) Ib.: literas, licet quidem absque sigillo pendente, nihilominus tamen sigilli loco (!) apparentes.

3) Отмѣчаемъ въ скобкахъ отступленія Ягерскаго транссумпта (Basil. II, 50—54).

къ оцѣнкѣ подлинности предъявленной епископомъ Іоанномъ грамоты Өеодора Коріатовича.

Commissio propria dominis Ducis. (Яг. Commissio— —Ducis-нѣтъ). Nos Iohannes Corvinus de Hunyad, Sclavoniae, Opaviae, Liptoviaeque Dux etc.— —Cum nos aestate proxima in castro nostro Soklos (Szoklos) constituti fuissemus, venit coram nobis— —Iohannes episcopus Ruthenus ritum Graecorum tenens, in claustro s. Nicolai supra oppidum nostrum Muvvkách (Munkács) fundati (fundato) degens, exhibuitque nobis quasdam sex litteras, unas— —condam Theodorici, Ducis Godoliae (Podoliae) assertas (conscriptas), alias (alteras) Despoti Magni, Rascianorum idiomate confectas, tertias avi nostri Iohannis de Hunyad, gubernatoris olim regni Hungariae, quartas et quintas genitoris nostri— —Mathiae, Hungariae Bohemiae etc. regis, sextas autem conventus ecclesiae s. Crucis de Lelesz, penes quas idem Iohannes episcopus Rutenus curavit nobis supplicari, ut quasdam decimas vinorum de promontorio Levathka (Levaska) ac (Яг.-нѣтъ) item frugum et bladorum de medio jobagionum (jobbadiorum) nostrorum, in Oroszwég et oppido Munkáth (Munkács и далѣе) comoran(tium), proven(ientes) ac septem porcos de incolis Oroszwég eidem faceremus reddere et restituere. Ad cujus supplicationem animum nostrum cum inclinassemus et litteras praenotatas perspicacius intuiti fuissemus fecissemusque cum secretario et consiliariis perspicere, visum nobis fuit una cum eisdem originales litteras— —Theoderici (Theodorici) ducis false et inique fuisse confectas; proinde, quia animus noster erat castrum nostrum Munkách proxime visitare, distulimus in adventum nostrum ad castrum— —Munkách negotium hoc terminandum. Ubi cum jamjam adventassemus, rursum denuo— —Iohannes, episcopus Rutenus, praesentiam nostram adiens (adveniens), supplicavit nobis, quatenus litteras memoratas eidem confirmare et proventus annotatos eidem administrari facere dignaremur. Ex opposito adstitit coram nobis— —Dionisius, artium liberalium magister, ecclesiae s. Martini episcopi et confessoris in oppido Munkách fundatae plebanus, proponens, qualiter— —Iohannes, episcopus Ruhtenus (Ruthenus), falsis litteris mediantibus jura plebaniae suae diruere molitus sit, quodque (quomodoque) praedecessor ejusdem episcopi Lucas, presbyter Ruthenus, in dicto claustro s. Nicolai olim commorans, ab avo et genitore nostro— —false et inique semper (Яг.-нѣтъ) litteras impetrasset, allegans semper (insuper), quoniam indignum et ss. Patrum sancitis contrarium foret, ut christiani suas decimas schismaticis dare debeant. Advenerunt (advenientes) praeterea coram nobis populi et jobagiones— —christiani,— —exorantes (exorando), quatenus dignaremur annuere, ut decimas eorum non schismaticis, sed plebano ipsorum darent, prout— —Elisabeth, avia nostra, et genitor noster

jam prius statuissent. Itaque — — vires litterarum perspicacius nos intendere volentes, cum his doctis viris, qui ad latus nostrum tunc adhaerebant, litteras adnotatas (praenotatas), per — — Iohannem episcopum exhibitas, diligentissime cum cura et studio jussimus perspicere et pro evidentiori causa fecimus inquirere veteres litteras — — ducis Theodorici investigan(do), si his litteris, quas — — Iohannes episcopus exhibuit, responderent. Cumque unae litterae dicti — — ducis per rectorem hospitalis, Dominicum de Thúr in Zar (Szasz) commorantem, oblatae fuissent, vidimus et cognovimus nulla ex parte litteris his, per episcopum exhibitis, respondere, et titulum, et sigillum longe diversum fore. Insuper per alia plura documenta cognovimus eas ipsas litteras nomine — — Theoderici (Theodorici) ducis, saepedicto claustro confectas et per Iohannem episcopum exhibitas, falsas, iniquas et viribus carituras esse, quia etiam cognovimus apertissime pargamenum pollitum et priorem scripturam de eo deletam esse, et, per consequens, alias omnes litteras ratione ejusdem a (et) — — Despoto, Ioanne gubernatore avo et rege Matthia, genitore nostro (nostris), — — ac conventu (conventus) s. Crucis de Lelesz ac etiam per nos datas indebite et injuste fuisse confectas; quas quidem sex litteras similiter et nostras, prius praetextu rei hujusce (hujuscemodi) datas, suadente justicia et juris aequitate cassavimus cassamusque et viribus destitutas esse censemus praesentium per vigorem. Cumque — — Ioannes episcopus Ruthenus cognovisset litteras suas falsas et iniquas esse, ultro sponte (et sponte) renunciavit decimis vinorum, bladorum et frugum de promontorio Lewathka (Levaska) et jobbagionibus (a jobbadionibus) oppidi nostri Munkács et Oroszvég, christianis scilicet, claustro suo provenien(tibus) et pervenire (provenire) debentibus, profitens, quod — — Dionisius plebanus et sui successores perpetuo recipere possent, nec hoc pareteremittens (! — praetermittendo), ut de ceteris et ab his, qui ritum colunt Graecum, decimas vinorum et bladorum de promontorio Lewathka (Levaska) . . . . (въ Яг. этотъ пропускъ оригинала не отмѣченъ) et idem ratione septem porcorum de medio nostrorum jobagionum, in Oroszvég commorantium, praefato claustro s. Nicolai ante tempora dari solitorum — — Dionisius plebanus et Iohannes episcopus in hujusmodi devenerunt ordinationem et (ordinem) unionem — —. In cujus rei testimonium (memoriam) — — praesentes litteras nostras majoris sigilli nostri appensione (appressione) communitas — — Dionisio plebano suisque successoribus universis duximus concedendas. Datum in castro nostro Munkách in festo b. Dorotheae — — anno 1493. Lecta et correcta in decimatione bladorum.

Отрицательное отношеніе гр. Баттьяни къ грамотѣ 1360 г. было однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ Базиловича приняться за

свой трудъ[1]). Базиловичъ въ свою очередь объявляетъ грамоту Іоанна Корвина подложной[2]).

Дулишковичъ II, 12 (т.-е. собственно Лучкаи, Historia Carpatho-Ruthenorum)[3]), ссылаясь на какія-то рукописи, указываетъ и предполагаемыхъ виновниковъ подделки: «Рукопись—Archiepiscopi—подъ заглавіемъ Munkács, гдѣ пишется: quod opus hoc sit productum Martini Rosznyák de ordine Eremitarum s. Augustini, qui opus suum continuationi Conciliorum Péterfyanorum deserviens a 600 fl. vendidit memorato comiti de Battyány. Въ той рукописи еще и то стоитъ, какъ бы то Берегсаскій органистъ имѣлъ быти сочинителемъ той мнимой Іоанно-Корвиновой грамоты, хотя въ рукописи иной Мукачейскій порохъ Левъ Фердинандъ сочинителемъ пишется быти ея и то про взору, ut 1725 tempore resignationis a comite Schönborn large dotetur»[4]).

Эти, неизвѣстно какія, кѣмъ и когда составленныя рукописи передаютъ, очевидно, ходившіе между тогдашнимъ угро-русскимъ духовенствомъ противорѣчивые слухи, не имѣющіе, конечно, силы доказательства. Первый варіантъ обвиняетъ гр. Баттьяни прямо во лжи.

Полемизируя съ Баттьяни, Базиловичъ приводитъ и аргументы въ защиту грамоты 1360 г. и противъ грамоты Іоанна Корвина, но аргументы его весьма слабы и часто наивны[5]).

1) «Почему съ 1493 до 1725 г., т.-е. 232 г. грамота Іоанна Корвина не появлялась на свѣтъ»?

Но это само по себѣ не доказываетъ еще ея подложности. И грамота Өеодора Коріатовича 330 лѣтъ, — значитъ, еще долѣе, — не появлялась на свѣтъ.

2) «У грамоты Іоанна Корвина нѣтъ печати».

Но слѣды ея видны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что къ XVIII в. печать могла утратиться, особенно если грамота хранилась при плебаніи, а не въ какомъ-нибудь locus publicus, въ родѣ Лелесскаго конвента. На грамотѣ 1360 г. печати теперь тоже нѣтъ, да и въ транссумптѣ 1690 г. хотя, правда, не сказано объ отсутствіи печати, но не подчеркнута и ея наличность, между тѣмъ при томъ существенномъ значеніи, которое получила тогда грамота 1360 г., мы въ правѣ были бы ожидать, что *о печати будетъ* упомянуто.

---

1) Praefatio.

2) II, 55: qui eas (litteras) confinxit, non tam facile etiam sigillum ducis eisdem appendendum effingere et effabricare poterat.

3) См. нашу статью: Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII вв. (Новый сборникъ славянов. учен. Лам. стр. 203).

4) Въ 1726 г. Мукачевская доминія передана гр. Францу Лотарю Шёнборну.

5) II, 55—72.

3) «Объявленная Іоанномъ Корвиномъ подложной грамота начинается: Nos Theodoricus dux Podoliae. Quid opus fingere fuit quemdam Theodoricum ducem Podoliae? inauditum, discutiantur Archiva Regni, Prothocola, Historici, nullibi tamen nomen Theodorici ducis Podoliae nullibi ejusdem memoriam, aut vestigium reperire quisquam poterit. *Ѳеодоръ Коріатовичъ*, вотъ кто основатель монастыря!»

Но именно *подлинныя грамоты* только и знаютъ Theodorum, ducem Podoliae[1]).

4) «Если грамота, которую представилъ епископъ Іоаннъ, признана подлогомъ, почему же Іоаннъ Корвинъ не наказалъ обманщика, не лишилъ его монастыря, не отнялъ Бобовиште, Лавку и другіе доходы, дозволилъ ему вступить съ плебаномъ Діонисіемъ въ полюбовную сдѣлку».

Но, во-первыхъ, епископъ Іоаннъ не былъ и обвиненъ въ подлогѣ. Онъ представилъ подложную грамоту, составленную задолго до него, вмѣстѣ съ пятью подлинными, ее подтверждавшими, и могъ быть bona fide увѣренъ въ ея подлинности. Когда же ему было объявлено рѣшеніе, онъ тотчасъ же ultro et sponte отказался отъ своихъ притязаній, такъ что подвергать его наказанію было бы совершенно несправедливымъ. Во-вторыхъ, о Бобовиштѣ и Лавкѣ не было, очевидно, и рѣчи въ грамотѣ. Въ третьихъ, добровольная сдѣлка могла быть допущена потому, что и при подложности грамоты монастырь могъ имѣть на нѣкоторые доходы просто право давности.

5) Когда Швартнеръ, авторъ «Introductio in rem diplomaticam— — praecipue hungaricam». Budae. 1802 г., отнесся скептически къ возраженіямъ Базиловича[2]), послѣдній, въ доказательство подлинности грамоты 1360 г., беретъ изъ того же Швартнера четыре слѣдующіе признака, свойственные, де, подлиннымъ грамотамъ XIII и XIV вв. и отличающіе ихъ отъ подложныхъ: «а) надъ і рѣдко ставится точка, чаще акцентъ, а еще чаще и то и другое отсутствуютъ; б) вм. ae постоянно пишется е; в) много встрѣчается сокращеній; г) длина пергамента больше ширины, и продолжаетъ: In questionato diplomate litera *i* rarius puncto notatur, *e* pro *ae* ponitur, in voce Koriatovits litera *k* cum *o* coarctata ac conjuncta apparet (!),— —denique in membrana magis longa illud descriptum— —asservatur— —; genuinum proinde est et authenticum, nullique suspicioni obnoxium»[3]).

1) Theodoricus, можетъ быть, просто невѣрно прочтено вм. Theodorius, Theodorus.

2) Praeluserunt illi (quarto bello diplomatico) jamjam comes I. Battyani et I. Basilovits: ille explodendo diploma, *quod defensoribus omnino opus habet*, hic tuendo illud, *dubiis attamen criticorum etiam post haec adhuc obnoxium* (Basil. VI, 21).

3) Ib. VI, 22.

Что эти послѣднія доказательства Базиловича не имѣютъ никакого значенія, распространяться, конечно, не стоитъ.

Не ознакомившись съ оригиналомъ грамоты Іоанна Корвина, мы не можемъ категорически высказаться о ея подлинности или подложности. Но все-таки она производитъ на насъ впечатлѣніе скорѣе *подлинной* грамоты, чѣмъ поддѣлки, и *менѣе всего*—поддѣлки XVIII в.

1) Титулъ Θеодора—dux Podoliae, какъ уже сказано, *дѣйствительно* употреблялся, чего въ XVIII в., какъ видно изъ словъ Базиловича, совершенно не знали.

2) Первая грамота, подтверждавшая грамоту Θеодора, была выдана *Великимъ Деспотомъ по-сербски*, и, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, послѣ Θеодора короткое время владѣли Мукачевомъ Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Бранковичъ[1]). Врядъ ли память о нихъ долго хранилась, а въ XVIII в. и подавно ничего о нихъ не было извѣстно.

3) Пять грамотъ, подтверждавшихъ грамоту 1360 г., были, какъ можно судить по контексту, кассированы не потому, чтобы и онѣ были подложны, а потому, что онѣ подтверждали подложную. Кассированныя грамоты, конечно, были перечеркнуты или уничтожены и, во всякомъ случаѣ, изъяты изъ рукъ епископа Іоанна. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ документовъ, напечатанныхъ у Базиловича, нѣтъ ни одного, который бы подтверждалъ (litterae confirmationales) какую-нибудь грамоту Θеодора Коріатовича.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе на обстоятельство, ускользнувшее и отъ Баттьяни и отъ Базиловича. Объявленная въ 1493 г. подложной грамота Θеодора, князя Подолья, *вовсе не есть извѣстная намъ грамота 1360 г., а какая-то другая, до насъ не дошедшая.*

Во-первыхъ, выдаватель ея именовалъ себя не Teodorus Keriatovich, а Theodor<ic>us dux Podoliae; во-вторыхъ, она—палимпсестъ, чего совсѣмъ нельзя сказать о грамотѣ 1360 г., въ третьихъ—содержаніе ея гораздо уже, чѣмъ грамоты 1360 г. Ее Ягерскій капитулъ опредѣляетъ, какъ litterae confirmationales seu collationales ratione certarum *decimarum*, ad plebaniam Munkacsiensem spectantium[2]) и, дѣйствительно, въ грамотѣ Іоанна Корвина объ этихъ decimae (да еще о sedem porci) только и идетъ споръ, а обо всемъ остальномъ, что̀ пожаловано по грамотѣ 1360 г., и рѣчи нѣтъ.

Наконецъ, въ грамотѣ Іоанна Корвина нѣтъ и намека на то, чтобы Θеодоръ былъ основателемъ монастыря.

1) См. выше стр. 273.
2) Basil. II, 50.

Эта неизвѣстная подложная грамота—если, конечно, подлинность Корвиновой будетъ признана доказанной—составлена была скоро по смерти Ѳеодора Коріатовича. *Великій деспотъ сербскій*, очевидно, или Стефанъ Лазаревичъ или Юрій Бранковичъ. Послѣдній владѣлъ Мукачевомъ въ 1428 г., и, слѣдовательно, подложная грамота возникла между 1414 и 1428 годами[1]).

II.

Документы, относящіеся къ пребыванію Ѳеодора Коріатовича въ Угріи[2]).

*1) 1398 г. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Ввести во владѣніе помѣстьемъ Sarkad Станислава, сына Іоанна, Іоанна, Петра, Георгія и Богдана, родственниковъ (rokonait) Ѳеодора и его брата (testvér—собств. кровнаго) Василія, тоже князя (herczeg) Подолья; помѣстье это пожаловано съ утвержденія короля за вѣрную службу Станислава.

2) 1401 г., acta № 2[3]). То же:— —Illustris princeps dominus Theodorus, dux Podoliae et dominus de Monkacs, жаловался намъ, что Georgius et Cosma, filii Nicolai, Michael et Iohannes, filii Emerici de Kirsanow— — напали на его jobbagiones ad silvam ipsius domini ducis, ad castrum suum Munkacs praedictum pertinentem— —.

Конвентъ отвѣчаетъ: произведенное слѣдствіе подтвердило справедливость жалобы.

*3) 1404 г. Король Сигизмундъ за вѣрную службу князя Подолья, наджупана Бережскаго и Уйварскаго, жалуетъ ему 300 золотыхъ флориновъ, изъ тѣхъ 20.000 фл., которые долженъ въ это время уплатить городъ Кошицы. Деньги получены Ѳеодоромъ въ день Рождества Богородицы, какъ это видно изъ его подлинной росписки, находящейся въ Кошицкомъ городскомъ архивѣ. На ней еще сохранился поврежденный отпечатокъ круглой въ 3 сент. діаметромъ печати зеленаго воска, изображающей всад-

---

1) У Легоцкаго (III, 178) сообщено—безъ указанія источника—слѣдующее извѣстіе: «въ XV в. Бобовиште и Лавка были возвращены Мукачевской доминіи; вѣроятно потому, что въ 1458 г. Іоаннъ Hollós поставилъ подъ сомнѣніе подлинность грамоты Коріатовича 1360 г.». Важно было бы знать, дѣйствительно ли въ документѣ, содержаніе котораго здѣсь передается, точно обозначено, что выражено было сомнѣніе въ подлинности грамоты *именно 1360 г.*, или же 1360-й годъ добавленъ Легоцкимъ? Во всякомъ случаѣ любопытно, что уже такъ рано казались подозрительными грамоты Ѳеодора Коріатовича. Какъ, однако, согласовать извѣстіе Легоцкаго съ грамотой М. Корвина 1458 г.? Оставляемъ вопросъ открытымъ.

2) №№ 1—2 и 4—15 взяты изъ Лелесскаго, № 3 изъ Кошицкаго городского архива. Только у Легоцкаго (*) отмѣчены №№ 1, 3, 8, 10, 11, 14, только у насъ (**)—5, 6, 7, 12, 13; №№ 2, 4, 9, 15 отмѣчены обоими.

3) Акты Лелесскаго архива расположены по годамъ въ отдѣльныхъ связкахъ, и въ каждой связкѣ особая нумерація. До 1553 г. они заново переписаны въ Protocolla и составленъ подробный Elenchus.

ника съ обнаженнымъ мечемъ, ѣдущаго налѣво; уцѣлѣла и часть изображенія коня, покрытаго одеждой.

4) 1406 г., acta № 15 [1]). Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Gregorius, filius Benedicti, Stephanus, filius Dominici, Georgius, filius Andreae, Ladislaus, filius Ioannis, alius Ladislaus, filius Daba de Kerepecz жаловались, что Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh, давно уже чинилъ имъ насилія, нападалъ на ихъ territorium Kerepecz и наконецъ завладѣлъ послѣднимъ.

Конвентъ: Жалоба справедлива, но не вполнѣ. Конвентъ вызвалъ dominum Theodorum ducem in possessione sua Chomonya явиться къ такому-то сроку Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem de praemissis redditurum efficacem.

**5) 1407 г., acta № 7. То же: Жаловался princeps Theodorus, dux Podoliae, comes comitatus de Beregh, avunculus noster carissimus, на Paulum de Atya. Упоминается possessio Θеодора Chomonya.

**6) 1408 г., № 5. То же: Жаловались Ugrinus et Egidius, filii Michaelis, ac Nicolaus et Ioannes, filii ejusdem Ugrini, et Simon, filius Egidii de Komlós, на Theodorum ducem de Mutasch (!), что тотъ годъ держалъ въ заточеніи Николая, захватилъ ихъ помѣстья Komlós и Kövesd.

Конвентъ: Жалоба справедлива; Θеодоръ вызванъ in possessione sua Déda явиться Vestrae Sublimitatis in praesentiam, rationem de praemissis redditurus.

**7) 1408, № 13. То же: Dicitur nobis in persona illustris principis ducis Podoliae et comitis de Beregh, quod ipse Paulum, filium Petri de Senethe, jobagionem suum alias, in certis legationibus suis— —ad Ladislaum archidiaconum et canonicum in ecclesia Agriensi destinasset, qui— —ipsum nullis culpis suis exigentibus diris verberum et vulnerum plagis sauciasset, semivivum relinquendo— —.

*8) 1409 г. Князь Θеодоръ ведетъ процессъ съ Теобальдомъ (?—у Легоцкаго—Tiba) и Іоанномъ, сыновьями Петра Salánki, изъ-за земли, принадлежавшей къ Бережскимъ владѣніямъ князя и ими захваченной.

9) 1412 г. № 10. Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Ex querela— —principis— —Theodori, ducis Podoliae, avunculi nostri,— —percepimus, quomodo Nicolaus, filius Ugrini de Komlós, et alii nobiles de eadem possessionem Komlós— —et Kövesd— —, ad castrum nostrum Munkach spectantes, eorum fore asserendo, in congregatione generali Universitatis nobilium et alterius status comitatus de Beregh hominum, per— —comitem Symonem de Rozgon pridem celebrata, litteras affirmatorias pro se ipsos emanari procu-

---

1) Цѣликомъ напечатано у Fejér, Cod. dipl. Hung. Budae. 1841. X_4, №№ 269, 270.

rassent, quarum vigore idem nobiles de Komlós, ipsum Theodorum ducem in causam attrahendo,— —novissime eandem possessionem reobtinuissent et nunc in dominium ejusdem vigore litterarum praefati comitis Symonis adjudicatoriarum se statui facere conarentur in praejudicium juris nostri valde magnum — —. Вызовите ихъ къ намъ со всѣми ихъ документами.

*10) 1414 г. Постановлено привести князя Өеодора къ присягѣ по процессу его съ Петромъ Salánki.

*11) Въ томъ же 1414 г. въ указѣ королевскомъ, данномъ въ Вышеградѣ, относительно процесса Salánki съ княземъ Өеодоромъ, о послѣднемъ говорится, какъ уже о покойномъ.

**12) 1415 г. № 73. Король Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Dicitur nobis in personis Georgii et Jacobi, filiorum Galli de Zeech, quomodo ......)[1]) Theodori, ducis Podoliae, temporibus jam praeteritis, possessionem ipsorum Chesfalu,— —in comitatu de(...)[1]) existentem, omni sine lege fuisset depraedatus ac universas res et bona ipsius possessionis non modici valoris abstulisset et spoliasset. Вызовите въ судъ praefatum Helele и произведите слѣдствіе.

Конвентъ: Слѣдствіе произведено. Helele, familiaris dicti condam Theodori ducis, вызванъ in possessione, Vari vocata, officiolatu videlicet suo.

**13) 1416 г. № 11. То же: Dicitur nobis in personis— —dominae relictae condam Theodori ducis ac— —Annuska et Maria— —filiarum suarum, quod Stanislaus de Dolha in anno, cujus secunda instaret revolutio, contra voluntatem et absque consensu ipsarum collectam et proventus, ipsis in Marmarusio provenire debentes, pro se recipiendo, eisdem quingentorum florenorum auri dampna intulisset potentia mediante. Произведите слѣдствіе.

*14) 1417 г. Вдова князя Өеодора Walha и дочь Annus ведутъ процессъ противъ Георгія и Станислава Dolhai изъ-за насильственныхъ дѣйствій послѣднихъ въ ихъ владѣніяхъ въ Марамороші и Макарьевѣ.

15) 1418 г., № 63. Сигизмундъ Лелесскому конвенту: Жалуются Jacobus, filius Galli de Zeech, ac Georgius, filius Jacobi de eadem, quod Helele, officialis ducissae de Munkach, temporibus proxime praeteritis ad possessionem eorundem Chedfalva veniendo, quemdam jobagionem ipsorum— —non recepta licentia nec justo terragio[2]) deposito ac aliis debitis minime persolutis unacum universis rebus et bonis ejusdem ad possessionem Váry̆, officiolatum suum, traduxisset moraturum— —lite tamen inter ipsos pendente.

---

1) Точки въ оригиналѣ.
2) Terragium = census agrarius (Bartal).

III.

Преданія о дѣятельности Θеодора Коріатовича въ Угріи.

К. Стадницкій 1, 174—177, и пр. 73, 74, 80, 81.

1) N. Istvanffi Pannonus, Regni Hungariae Historiae. Coloniae Agrippinae. 1622: Мукачевскій замокъ выстроенъ Θеодоромъ Коріатовичемъ (Queriatovicsius) съ согласія королей Карла и Людовика.

2) M. Szent-Ivany, Curiosiora— —Miscellanea. Tyrnaviae. 1689—то же самое (почти буквально выписано изъ Иштванфи).

3) L. Thuróczi, Hungaria suis cum regibus. Tyrnaviae. 1729: Мукачевскій замокъ построилъ Θеодоръ Коріатовичъ (Kierathoviensis) при Людовикѣ I въ 1370 г. (у Базиловича—1360 г.). Онъ же близъ Мукачева основалъ мужской монастырь св. Николая, а жена его Доминика—женскій; послѣдній теперь въ развалинахъ.

4) S. Katona, Historia critica Regum Hungariae Stirpis Mixtae. Budae. 1788—1790: Катона въ 1779 г. видѣлъ вырѣзанное на главныхъ воротахъ Мукачевскаго замка имя Θеодора Коріатовича.

5) I. Basilovits, Notitia и т. д.: Θеодоръ Коріатовичъ построилъ въ Берегсасѣ костелъ и госпиталь для католиковъ (Praefatio и II, 65).

Наши дополненія.

6) I. Дулишковичъ, Историческія черты угро-русскихъ. Унгваръ. 1877 г. сообщаетъ (III, 164, 165 прим.) письмо Берната, чиновника гр. Аспермонта, къ епископу Мануилу отъ 22-го января 1762 г.: § 4. In dominii Makovicza pagis parochias Gr. R. suas excisas habere appertinentias, easque determinatas transactio Quiriatkovicsiana usu a saeculis continuato ac urbariis antiquissimis firmata testatur, ex qua ad cassam publicam comitatensem nil contribuunt— —. § 5. Juxta transactionem Quiriatkovichianam cum dominis dominii Makovicza jus patronatus dominis comitibus ab Aspermont tanquam stipulatum competere, quali, transactionali jure, usu ac praxi continuis firmato, privari non possunt.

7) Korabinsky, Geogr. Lex. 1786, p. 794: Θеодоръ Коріатовичъ построилъ русскую церковь въ Шаторъ-алья-Уйгель (Дул. II, 13 пр.).

8) Basilovits, Notitia и т. д.: Епископъ Іоанникій (Зейканъ) въ 1661 г. на средства Константина, валашскаго воеводы, выстроилъ въ Мукачевскомъ монастырѣ каменную церковь вмѣсто старинной деревянной и помѣстилъ съ

правой стороны церкви каменную доску съ кирилловской (Ruthenicis litteris) надписью, такъ переданной Базиловичемъ латинскими буквами:

Theodor Keriatovics Knyazem bil,
Za otpuszcsenie hrichov Manastir zrobil.
Drevjana czerkov ot viku zostavala,
A terazneissaho Roku 1661 kamennaja sztala и т. д. (I, 100—101).

По словамъ Дулишковича (II, 122), эта каменная церковь была въ 1826 г. уничтожена протоигуменомъ Іоанникіемъ (Schem. Munk, ad. an. 1876—Бонифацій) Строменцкимъ.

9) I. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen. Innsbruck. 1862 г. I, 8: въ Марамороши существуетъ преданіе, что Ѳеодоръ Коріатовичъ заселилъ русскими долину р. Талабора.

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ оригиналѣ [1]).

Nos Teodorus Keriatovich dei gr*aci*a dux de munkach Vniuerſis *et* ſingulis tam preſentib*us* q*uam* futuris

preſentes viſuris harum ſerie pate facimus Quod Nos *pro* ſalute *anime* n*oſt*re fecimus co*n*ſtrue*re* *et* edifica*re*

monaſteriu*m* S*ancti* Nicolai ep*iſco*pi et *con*feſſoris *pro*pe opidu*m* n*oſt*r*um* munkach q*uem* ad ritu*m* et more*m* greco*rum* uel

rutheno*rum* *con*ſecrare: Et ad eunde*m* monachos ruthenos conſtituim*us* qui in p*er*petuu*m* ibi d*e*o ſeruia*n*t

Et ad ſuſtentac*ionem* eo*run*de*m* monacho*rum* rutheno*rum* de n*oſt*ris *pro*prijs bonis dedim*us* et donauim*us* duas poſſ*eſſ*iones

villas Bobouijſche et lauca cu*m* om*n*ib*us* *pro*ue*n*tib*us* et contribucionib*us* ab antiquis *tem*p*or*ib*us* ad eaſde*m* de iure pro

uenire debe*n*tib*us* ſimulcu*m* decimis frugu*m* et vino*rum* ac Bobouijſche cu*m* fluuio et mole*n*dino. Ita q*uo*d de eade*m*

Bobouijſche om*n*i anno Tenea*n*tur dare ſex p*or*cos eiſde*m* monachis et de lauca om*n*i anno quatuo*r* porcos

Deinde v*er*o decimas vino*rum* de mo*n*te Juanijheg. Et ſimiliter de mo*n*te q*ue* voc*a*tur lelijechoka in metis ei*us*

Opidi n*os*tri munkach cu*m* alijs mo*n*ticulis a mo*n*te lelijechoka. vſq*ue* monaſterium adiace*n*tib*us* decimas vino*rum*

conceſſim*us* eide*m* claustro. Et eciam decimas frugum et alio*rum* de campo illi*us* ville qua vocatur

Orozvijg in eade*m* munkach exiſten*te* verſus monaſteriu*m* om*n*i*no* *con*ceſſim*us* *pre*dicto claustro: Et ecia*m*

de eade*m* Orozvijg om*n*ib*us* annis Teneantur dare eiſde*m* monachis ſeptem porcos: Ite*m* de *pro*uentib*us*

eiuſde*m* caſtri n*oſt*ri munkach Tenea*n*tur dare fruges dece*m* cubulos et totide*m* siligines et quatuor vaſa

vina et centu*m* sales et centu*m* florenos longos: Ite*m* iſta om*n*ia *pre*ſcripta dedim*us* donauim*us* *et* *con*tulim*us*

---

1) Курсивомъ напечатаны буквы, скрытыя подъ знакомъ сокращеній. Вмѣсто ί, ι въ оригиналѣ напечатаны вездѣ i.

IV.

Текстъ грамоты 1360 г. въ изданіи Базиловича (I, 11–13)[1].

Nos Theodorus Keriatovich, Dei gratia Dux de Munkács Universis et Singulis, tam praesentibus, quam futuris,

praesentes visuris. Harum serie patefacimus. Quod nos pro salute animae nostrae fecimus construere, et aedificare

Monasterium Sancti Nicolai Episcopi et Confessoris, prope Oppidum nostrum Munkács, quod ad Ritum, et morem Graecorum, vel

Ruthenorum consecrare: et ad idem Monachos Ruthenos constituimus, qui in perpetuum ibi Domino serviant,

et ad sustentationem eorundem Monachorum Ruthenorum de Nostris propriis Bonis dedimus, et donavimus duas Possessiones

Villas, Bobovische et Lauka, cum omnibus Proventibus et Contributionibus, ab antiquis temporibus ad easdem de Jure pro-

venire debentibus, simul cum decimis frugum, et vinorum, ac Bobovysche cum fluvio, et molendino. Ita quod de eadem

Bobovysche omni Anno teneantur dare sex porcos eisdem Monachis, et de Lauka omni Anno quatuor porcos.

Deinde vero decimas vinorum de monte Ivány-hegy, et similiter de monte, qui vocatur Lelyechoka, in metis ejus

Oppidi nostri Munkács, cum aliis monticulis; a monte Lelyechoka usque ad Monasterium adjacentibus decimas vinorum

concessimus eidem Claustro: et etiam decimas frugum et aliorum de campo illius Villae, quae vocatur

Orozvig in eadem Munkács existentis versus Monasterium omnino concessimus praedicto Claustro: et etiam

de eadem Oroszvig omnibus annis teneantur dare eisdem Monachis septem porcos: Item de proventibus

ejusdem castri nostri Munkách teneantur dare fruges decem cubulos, et totidem siliginis, et quatuor vasa

vini, et centum sales, et centum florenos longos. Item ista omnia praescripta dedimus, donavimus, et contulimus

1) Разрядкой отмѣчены важнѣйшія отступленія отъ оригинала.

p*er*petue et irreuocabil*iter* tene*n*du*m* poſſide*n*du*m* p*ar*iter et habe*n*du*m* p*re*dicto clauſtro no*ſt*ro p*ro* refrigerio a*nim*e no*ſt*re

que*m* nos fundauimu*s* vbi ecia*m* ſepulcru*m* no*ſtr*um collocar*e* feci-mu*s*: Ita eciam *con*firmauimu*s* Q*uod* quicu*n*q*ue* ex

filijs aut *generacion*ibu*s* uel poſteritati*bus* no*ſt*ris uel aliqui alij iſta*m* donac*ionem* no*ſt*ra*m* non obſtaret uel *con*tradiceret

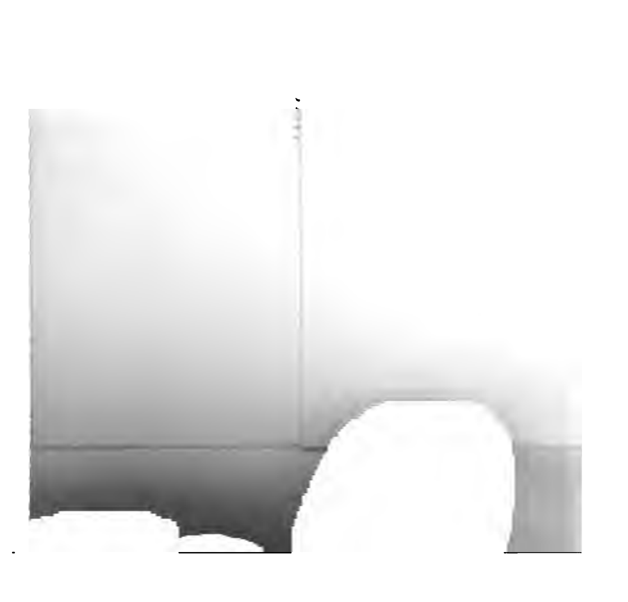
a*ut* p*re*dicto clauſtro p*er*ſolue*re* nollet extu*n*c ip*ſ*e cora*m* o*mn*ipotenti d*e*o cum a*nim*a no*ſt*ra litem habeat p*ro*trahendi: In cuiu*s*

rei firmitate*m* et p*er*petuitate*m* p*reſ*entes l*it*eras no*ſt*ras sigili no*ſt*ri appe*n*ſione roboratas eide*m* clauſro no*ſt*ro duxi*mus*

roboratas: Dat*um* in munkach octauo die menſis marcij Anno d*omi*ni. C. C. C. L. X.

Nos tam presentib⁹ q̄ futuris
pre nr̄e fecimus cōstrue' ⁊ edificar
me ad vitū et morē grecoꝝ uel
ru [illegible] in ꝑpetuū ibi dō seruiat
[illegible] cōmi⁹ et donauim⁹ duas poss[illegible]
et ntiquis tp̄ib⁹ ad easdē d̄ vine [illegible]
vill o et molēdino Ita q̄d de ea[illegible]
iur [illegible] om̄i anno quatuor [illegible]
Bo [illegible] [illegible] in [illegible]
Den uz adiacētib⁹ decimas vino[illegible]
Opi no illi⁹ ville qua vocatur
con [illegible]⁹ ꝑdicto claustro : et [illegible]
de e n porcos : Itē de ꝓuentib[illegible]
enus ez siligines et quatuor [illegible]
vna pta dedim⁹ donauim⁹ ⁊ [illegible]
ppe tuo mō ꝓ refrigerio aīe nr̄e
que ꝯfirmauim⁹ Q quicūq ex
filiis non obstaret ul' [illegible]
x ꝑdictē habeat ꝯtrahendi : [illegible]
[illegible] tatis eidē claustro meo [illegible]
robor L x·

Грамота 1360 г.	XIII в.	XIV в.

= et

= pro

Письмо грамоты и минускулы XIII и XIV вв.

perpetue, et irrevocabiliter tenenda, possidenda, pariter et habenda praedicto Claustro nostro, pro refrigerio animae nostrae,

quod nos fundavimus, ubi etiam sepulchrum nostrum collocari fecimus. Ita etiam confirmavimus: quod quicunque ex

filiis, aut generationibus, vel Posteritatibus nostris, vel aliqui alii istam donationem nostram non observaret, vel contradiceret,

aut praedicto Claustro persolvere nollet, ex tunc ipse coram Omnipotenti Deo cum anima nostra litem habeat protrahendi. In cujus

rei firmitatem et perpetuitatem praesentes Literas nostras Sigilli nostri appensione roboratas eidem Claustro nostro duximus

roboratas. Datum in Munkacs octavo die Mensis Martii, Anno Domini M. CCC. LX.

Введеніе въ науку о славянскомъ стихосложеніи.

Wczorajsza, wcale nowa Słowiańska nauka,
Lecz Bóg zasiał ją w ziarnach szeroko przed wieki.
Józef B. Zaleski, Pyłki.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ «Шлейхеровскую» пору языкознанія, когда «индо-европейскій языкъ» представлялся умамъ ученыхъ величиною дѣйствительною въ такой степени, что, по крайней мѣрѣ, самъ Шлейхеръ пытался даже сочинять на немъ басни, также будто-бы «индо-европейскія», нѣкоторые языковѣды помышляли и объ «индо-европейскомъ» стихосложеніи, къ которому стихосложеніе отдѣльныхъ языковъ индо-европейской семьи должно относиться такъ-же, какъ сами эти языки относятся къ общему индо-европейскому языку. Мысль о первоначальномъ единствѣ индо-европейскихъ языковъ между прочимъ и въ стихосложеніи принадлежитъ извѣстному знатоку греческаго стихосложенія и языковѣду-любителю Рудольфу Вестфалю, человѣку необыкновенно способному и даровитому, но чрезмѣрно быстрому и смѣлому на выводы и обобщенія. Онъ еще въ 50-ыхъ годахъ, изучая Зендавесту по изданію Вестергорда (Westergaard), наткнулся по мѣстамъ на размѣренную рѣчь и скоро убѣдился въ наличности строкъ изъ одинаковаго числа слоговъ, въ которыхъ однако онъ не могъ отъискать никакого признака ритма. Отсюда онъ вывелъ, что древніе Иранцы строили свои стихи только на основаніи счета слоговъ, и что таково было нѣкогда индо-европейское стихосложеніе вообще. Уже и первое изъ этихъ заключеній было поспѣшно, такъ какъ 1) онъ изслѣдовалъ въ Авестѣ не всѣ мѣста, содержащія въ себѣ стихи, 2) при разъискиваніи основы авестійскаго стихосложенія онъ безсознательно руководился тѣми понятіями о стихѣ, какія онъ составилъ себѣ по количественнымъ (квантитативнымъ) стихамъ греческимъ и по качественнымъ (тоническимъ) нѣмецкимъ, 3) слоговое (силлабическое) стихосложеніе онъ понималъ съ одной стороны слишкомъ отвлеченно, не приписывая въ немъ ударенію ровно никакого значенія, съ другой — слишкомъ узко, соединяя его, опять-таки безсознательно, съ такимъ звуковымъ строемъ, при которомъ стихи стопные возможны лишь на качественной основѣ, какъ

напр. во французскомъ языкѣ, пригодномъ не только для чисто слоговыхъ стиховъ, подобныхъ слѣдующему (Boileau, Art Poétique, chant III):

Mais en vain le public,   prompt à le mépriser,

но и для качественно-стопныхъ, каковъ идущій за выше приведеннымъ:

De son mérite faux   le veut désabuser,

или въ польскомъ, гдѣ на ряду со слоговымъ стихомъ въ родѣ:

Ostrzegam tylko wcześnie,   niech brat Tadeusza

возможенъ построенный въ правильныхъ стопахъ по удареніямъ:

Nie namawia, kochać się   w Zosie nie przymusza

(Mickiewicz, Pan Tadeusz III),

тогда какъ слоговые стихи бываютъ и на количественной основѣ, напр. въ ведійскихъ размѣрахъ и въ шлокѣ, да и въ Авестѣ нерѣдки стихи въ родѣ:

āϑ mę a(i̯)ęm pa'ti aoxta   Haomō ašaua, dūraošō:
«azem ahmi, Zaratuštra,   Haomō, ašaua, dūraošō»

съ некратными (ирраціональными) анапестами и спондеями, какъ у Индѣйцевъ (см. мой «Опытъ ритмическаго объясненія древне-индѣйскаго эпико-дидактическаго размѣра çlokas» во II томѣ «Трудовъ Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества»). Если такъ, что-же сказать о поспѣшности перенесенія приписаннаго Иранцамъ слогового стихосложенія въ индо-европейскій праязыкъ? Послѣ этого неудивительно, что и стихи русскихъ народныхъ пѣсенъ Вестфаль свелъ на простой счетъ слоговъ, прославляя при томъ Русскихъ за сохраненіе древнѣйшаго стихотворнаго склада (Русскій Вѣстникъ, 1879 г.). И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ немногихъ русскихъ пѣсенъ, ему извѣстныхъ, при сравненіи ихъ словъ съ напѣвами оказываются слоговыми, какъ и многіе стихи въ Авестѣ; но и тамъ и здѣсь такой складъ представляетъ собою позднѣйшее явленіе. Слоговое стихосложеніе вообще возникаетъ на развалинахъ какого-нибудь иного, но всегда стопнаго или, пожалуй, тактоваго, въ которомъ сильныя и слабыя единицы слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, хотя-бы число слоговъ, составляющихъ стопу, не было постоянно

и одинаково во всей пѣснѣ, слабыя единицы кое-гдѣ даже совсѣмъ отсутствовали и взаимное равенство стопъ устанавливалось посредствомъ передышекъ (паузъ) или растяженія сильныхъ единицъ свыше ихъ обычной длительности, чтò возможно только при пѣніи. Но вѣдь народная поэзія и не знаетъ стиховъ помимо пѣнія, почему и не нуждается въ словесномъ выраженіи всѣхъ ритмическихъ единицъ.

Такое стихосложеніе во всей его дикой неправильности мы находимъ у Нѣмцевъ даже въ письменности до Отѳрида Вейссенбургскаго (IX в.) или, точнѣе, до того времени, когда его стихотворная сводка Евангелій распространилась и ея складъ, воспринимаемый слухомъ и безъ помощи пѣнія, укоренился, по крайней мѣрѣ, между пишущими стихотворцами. Однако и въ этихъ новыхъ стихахъ, не смотря на то, что въ основаніи ихъ лежало подражаніе осьмисложнымъ стихамъ ямбическаго склада, употребительнымъ въ латинскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ «Veni creator Spiritus» Амвросія Медіоланскаго, слабыя части стопъ нерѣдко выпускались и потому были возможны не только такіе стихи, какъ

Thû mohtis, quad siu, einan ruam
Joh ein gifuari mir giduan,

но и

Einan kuninc weiz ih,
Heizit hêr Hludwîc[1]),

т. е. число слоговъ колебалось между осмью и пятью — колебаніе ничтожное сравнительно съ тѣмъ, чтò мы видимъ напр. въ Muspilli, но все-таки отсюда еще далеко до слогового равенства стиховъ, къ какому привыкли не только Французы и Поляки, но и мы, Русскіе, хотя, когда слагаемъ свои стихи, обращаемъ вниманіе не на число слоговъ, а на ихъ относительную силу. Отѳридово стихосложеніе, какъ возникло, такъ и утвердилось у верхнихъ Нѣмцевъ и перешло цѣликомъ изъ древне-верхне-нѣмецкаго языка въ средне-верхне-нѣмецкій, въ которомъ однако оно стало самобытнѣе и разнообразнѣе вслѣдствіе допущенія не только другихъ размѣровъ, но и двухъ короткихъ слоговъ на мѣстѣ сильнаго времени стопы даже безъ

1) Знакомъ долготы обозначены въ нѣмецкихъ стихахъ здѣсь и ниже слоги долгіе по природѣ или по положенію внутри слова (чѣмъ обусловливается возможность второстепеннаго ударенія на слѣдующемъ слогѣ того-же слова) и также всѣ закрытые подъ удареніемъ. Знакомъ ≍ въ скобкахъ изображены передышки, иногда едва слышныя, на мѣстѣ ритмическихъ единицъ, не наполненныхъ рѣчью, знакомъ ‿ — растяженіе долгой гласной или короткой съ послѣдующею длительной согласной свыше обычной мѣры.

пропуска слабой (что̀ Лахманъ пытался устранять, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ исключеніемъ одной изъ гласныхъ), откуда напр. въ Der Nibelunge Nôt:

Gunthêr und Hagne, die reken vil balt,
Lobeten mit untriuwen ein pirsen in den walt,

гдѣ въ первомъ стихѣ десять слоговъ, во второмъ — тринадцать; но такъ какъ въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихосложеніи былъ разрѣшенъ двусложный безударный приступъ (анакруза), какъ напр. въ томъ-же Der Nibelunge Nôt:

Nû wer was, der ûfem schilde vor dem Wasgensteine saz?,

длина того-же стиха могла доходить до пятнадцати—шестнадцати слоговъ. Нижніе Нѣмцы, усвоивъ себѣ стопное стихосложеніе, никогда не отказывались отъ выраженія слабой части стопы двумя слогами, и вотъ, путемъ все возроставшаго общенія между двумя вѣтвями нѣмецкаго племени, приблизительно въ XIV в. образовалось обще-нѣмецкое стихосложеніе, ставшее вскорѣ обще-германскимъ, — стихосложеніе стопное, но какое?[2])

Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp,
Zu tauchen in diesen Schlund?
Einen goldnen Becher werf' ich hinab;
Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund

(Schiller)

или:

Farewell, ye odours of earth, that die,
Passing away like a lover's sigh;

2) Во всѣхъ примѣрахъ изъ языковъ со стихосложеніемъ качественнымъ, т. е. основаннымъ на разговорномъ удареніи и принимающимъ въ расчетъ долготу (въ языкахъ, ея не утратившихъ) лишь какъ замѣну разговорнаго ударенія въ сильной части стопы, знаки долготы и краткости разставлены здѣсь не по дѣйствительной длительности слоговъ въ обычной рѣчи, а сообразно съ тою продолжительностью каждаго слога, какая слышится при строго размѣренномъ чтеніи или, еще болѣе, въ напѣвѣ, точно соотвѣтствующемъ строю стиха. То-же относится — mutatis mutandis — къ слоговымъ примѣрамъ французскимъ и польскимъ.

My feast is now of the tooba tree,
Whose scent is a breath of eternity

(Thomas Moor)

или, нѣсколько иначе:

Ved Syriens mörkeblaa Middelhavs-Strand,
Hvar Pinjeskover ender i Bejruts gule Sand,
Hvor Franker og Tyrk deres Lystridt ride,
Der holde to Ryttere Side om Side

(Christian Richardt)[3])

и еще смѣлѣе, совсѣмъ по-старинному:

Han stirrer og han stirrer;
Kun Luft og kun Vand!
«Pinta» forude, —
Men ak — ikke Land!

(онъ-же).

У Нѣмцевъ переняли пѣсенный складъ Лужичане[4]), напр.:

Tsi molje keŕchow wón wobrajtowa,
Na jeje rówčku wón pozasta.
«Stawaj ty horje, holečo!
Daj mi te moje zawdanki zas'»

---

3) Тотъ-же размѣръ въ шведской народной пѣснѣ:

Dina svartbruna sköna ögon, din rosenröda mun
Hava lagt uppå mitt hjerta en börda så tung.
Halsbandet uppå halsen det glimmar som rödan guld,
Derföra vill jag vara lilla vännen så huld.

4) Отчасти и самыя пѣсни; ср. напр. пѣсню Ja stejach horkach na gori съ нѣмецкою Ich stand auf hohem Berge и въ особенности съ датскою Jeg gik mig op paa höie Bierg, которая впрочемъ сама, вѣроятно, заимствована у Нѣмцевъ, только съ извода, болѣе близкаго къ лужицкому. Ср. также Štrekelj, Slovenske narodne pesmi 1285—1293.

и даже съ сильнѣйшими стяженіями:

Bez nimaj sedźeła holička,
Rjana, bjeła, čerwena,[5])

но и съ болѣе смѣлыми разложеніями:

Štyrjo jej hercy piskachu,
Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Wy, štyrjo hercy, nepiskajće,
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće

или

Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće.

Отъ Нѣмцевъ-же вольные стихи у Словѣнцевъ, напр.

Zvêdel sem nêkaj nóvega
Od svójga dekléta zaljúbljenga:
Ona si zbîra drûzega
In zâme ne mâra nìč vèč (у Штрекля 2173—2178 по пяти изводамъ).

И такъ въ лужицкихъ стихахъ одного и того-же размѣра, состоящаго въ совершенно правильномъ видѣ изъ десяти слоговъ, мы находимъ разницу въ пять слоговъ — отъ двѣнадцати до семи. Впрочемъ почти такова-же она и во второмъ скандинавскомъ (датскомъ) примѣрѣ — отъ семи до пяти. Какъ бы то ни было, германское стихосложеніе, отчасти перешедшее и къ Славянамъ, сохранило въ значительной мѣрѣ свой древній

5) Приблизительно такъ въ пѣснѣ «Wosredźa wulkeho Wóseka», но въ сходной съ нею по началу «Wóše mi horńeho Wujezda» два стиха, соотвѣтствующіе приведеннымъ здѣсь, поются народомъ такъ (L. Haupt i L. Smoleŕ I, VIII):

Ha, pod lipu sydała holička
Rjana, bjeła, čerwena —

одинъ изъ примѣровъ того, какъ различна можетъ быть ритмика стиха съ одной стороны — въ чтеніи и съ другой — въ напѣвѣ.

строй, не имѣющій ничего общаго со счетомъ слоговъ. О самобытныхъ остаткахъ того-же строя у Славянъ рѣчь впереди. Есть они и въ языкахъ количественныхъ, каковъ греческій. Такъ называемый пентаметръ слылъ у позднѣйшихъ Грековъ изобрѣтеніемъ Мимнерма (VI в. до Р. X.), о чемъ древнѣйшее свидѣтельство принадлежитъ Гермесіанакту (IV в. до Р. X.):

Μίμνερμος δέ, τὸν ἡδὺν ὃς εὕρετο πολλὸν ἀνατλάς
ἦχον καὶ μαλακοῦ πνεῦμ' ἀπὸ πενταμέτρου.

Здѣсь-же мы встрѣчаемъ впервые и названіе «пентаметръ», а на столѣтіе раньше Критій выражается еще такъ:

Οὐ γάρ πως ἦν τοὔνομ' ἐφαρμόζειν ἐλεγείῳ,

откуда позже, когда ἐλέγειος, прилагательное отъ древняго существительнаго ἔλεγος, употреблялось уже только въ видѣ существительнаго ἐλεγεία, образовано другое названіе того-же размѣра — ἐλεγειακός. Какъ извѣстно, онъ является во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ только въ соединеніи съ гексаметромъ, и оба эти стиха вмѣстѣ назывались нѣкогда просто ἔπη, т. е. такъ-же, какъ и одни гексаметры. И въ самомъ дѣлѣ — элегическій стихъ есть по своему строю, ужь конечно, не «пентаметръ», не пятистопный стихъ, а тотъ-же гексаметръ, стихъ изъ шести дактилей, только съ передышками, равными слабой части дактиля, или растяженіями сильной части до длительности цѣлой стопы. Въ двустишіи, каково напр. Тиртеево

⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⊥| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑(⏑)|
Τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐνὶ προμάχοισι πεσόντα
⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥(–)| ⊥ ⏑ ⏑| ⊥ ⏑ ⏑| ⏓ (–)|
ἄνδρ' ἀγαθὸν περὶ ᾗ πατρίδι μαρνάμενον,

второй стихъ, очевидно, равенъ первому и представляетъ собою лишь его видоизмѣненіе. Однообразное сочетаніе обоихъ видовъ того-же стиха, т. е. дактилическаго шестистопнаго, поочередно то полнаго (или почти полнаго, какъ въ приведенномъ примѣрѣ), то съ передышками или растяженіями въ серединѣ и въ концѣ, есть уже дѣло сознательнаго искусства, а въ народномъ пѣснопѣніи эти два вида употреблялись, по всей вѣроятности, безразлично, какъ величины вполнѣ равныя, и даже, можетъ быть, различно видоизмѣнялись, хоть-бы напр. такъ:

–⏖|–⏖|–⏖|–⏖|–⏖|–(–)

или такъ:

–⏖|–⏖|–(–)|–⏖|–⏖|–⏓

Мало того: мыслимо и

–⏖|–(–)|–⏖|–(–)|–⏖|–⏓

и т. п., которыя могутъ, пожалуй, встрѣтиться отчасти въ безграмотныхъ надгробныхъ надписяхъ, но скорѣе въ видѣ случайныхъ искаженій, чѣмъ остатковъ сѣдой старины, какими ихъ считалъ Узенеръ (Altgriechischer Versbau. Bonn 1887). Что въ письменности изо всѣхъ этихъ видовъ удержалось только два, тому причины 1) ихъ ритмическая ясность, 2) ихъ безусловная противоположность, а что утвердилось сочетаніе полнаго стиха впереди съ урѣзаннымъ послѣ него, а не наоборотъ, какъ хотѣлъ въ V в. до Р. Х. Діонисій «Мѣдный» (Χαλκοῦς), это зависѣло отъ соображенія музыкальнаго, выраженнаго Шиллеромъ въ извѣстной эпиграммѣ:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab,

а именно: полное завершеніе (каденція) легче дается на сильномъ или хоть полусильномъ звукѣ, чѣмъ на слабомъ, который годится скорѣе для половиннаго завершенія. Потому-же напр. у Анакреонта въ трохеяхъ:

Πῶλε Θρῃκίη, τί δή με   λοξὸν ὄμμασιν βλέπουσα
νηλεῶς φεύγεις, δοκεῖς δέ μ'   οὐδὲν εἰδέναι σοφόν

и въ подражаніи Пушкина:

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,

а не наоборотъ. Слѣдъ первоначальной свободы въ составленіи стопъ можно подозрѣвать между прочимъ и въ Анакреонтовыхъ логаэдахъ (съ дактилями, равными трохею):

Πολλὰ μὲν ἐν δουρὶ τιθεὶς   αὐχένα, πολλὰ δ' ἐν τροχῷ,
πολλὰ δὲ νῶτον σκυτίνῃ   μάστιγι θωμιχθείς, κόμην
πώγωνά τ' ἐκτετιλμένος,

какъ и вообще въ такъ называемыхъ хоріамбахъ, т. е. стихахъ изъ ускоренныхъ дактилей съ усѣченными или стянутыми трохеями, хотя въ такихъ стихахъ почти вездѣ соблюдается одинаковое число слоговъ, что̀ естественно при стихосложеніи строго стопномъ. Уклоненіе отъ начала равносложности особенно удивительно въ древне-индѣйскихъ количественно-слоговыхъ шлокахъ, напр. во второмъ стихѣ 10-аго двустишія 6-ой книги законовъ Ману:

ṛkṣeṣṭyagrâyaṇaṃ caiva — câturmasyâni câharet
uttarâyaṇaṃ ca kramaço — dâkṣasyâyanam êva ca.

Такой удлинненный на одинъ слогъ приступъ вообще рѣдокъ и встрѣчается по большей части въ шлокахъ не особенно древнихъ, но едва-ли можно видѣть въ этой неправильности одно изъ позднихъ явленій, знаменующихъ собою разложеніе этого стариннаго размѣра, такъ какъ именно число слоговъ есть такой внѣшній признакъ, который легче всего соблюсти даже послѣ того, какъ первоначальная основа размѣра уже утратила свою жизненность, сдѣлавшись недоступна непосредственному воспріятію слухомъ вслѣдствіе измѣненій въ звуковомъ строѣ языка. Естественнѣе, кажется, предположить, что это нарушеніе законнаго числа слоговъ есть черта древняя, но сохранившаяся только въ стихахъ необразованныхъ или полуобразованныхъ людей и забравшаяся въ письменность одновременно съ другими заносами изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, долго остававшихся въ сторонѣ отъ умственнаго движенія, а впослѣдствіи, по мѣрѣ вымиранія санскрита, повліявшихъ и на письменный языкъ и на его стихосложеніе.

Примѣровъ, доказывающихъ древность стихосложенія, основаннаго на смѣнѣ сильныхъ и слабыхъ слоговъ у разныхъ народовъ, можно было-бы привести много, но главнымъ доказательствомъ останется все-таки соображеніе, опирающееся не на сборъ данныхъ изъ словеснаго творчества отдѣльныхъ племенныхъ единицъ, который никогда не можетъ быть полонъ, а на самое существо дѣла: такъ какъ стихотворный складъ рѣчи возникъ несомнѣнно въ тѣснѣйшей связи съ напѣвомъ и съ пляской, а напѣвъ и пляска немыслимы безъ ритма, т. е. правильнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ звуковъ голоса и ударовъ ноги, въ соотвѣтствующей имъ рѣчи долженъ быть осуществленъ прежде всего ритмъ, т. е., примѣнительно къ слову, правильное, хоть по возможности, чередованіе сильныхъ и слабыхъ слоговъ. Понятно, что сильный слогъ есть слогъ ударяемый. А что значитъ «ударяемый слогъ» въ ритмѣ? Очевидно — ударяемый такъ, чтобы его удареніе могло опредѣлять ритмическое движеніе рѣчи. Такимъ слогомъ можетъ быть только ударяемый напорно, выдыхательно (экспираторно), а не пѣвуче (хроматически). Оба эти рода ударенія едва-ли гдѣ встрѣчаются въ чистомъ видѣ: выдыхательное удареніе обыкновенно соединяется съ нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, а пѣвучее — съ нѣкоторымъ усиленіемъ дыханія. Такъ напр. по-русски ударяемый средній слогъ въ словѣ собáка звучитъ приблизительно на двѣ ступени (терцію) выше перваго и на три ступени (кварту) выше послѣдняго. По-сербски рѣзко-выдыхательное

короткое нисходящее удареніе ‵‵ — отличается, хоть и не во всѣхъ говорахъ, отъ пѣвучаго короткаго-же восходящаго такъ явственно и опредѣленно, что ихъ нельзя смѣшать даже въ однословныхъ словахъ, какъ вит «гибокъ» и вѝт, вѝт! «гуля, гуля!» (крикъ для призыва голубей); однако напр. въ словахъ «бра̏те, опро̀сти» ударяемый слогъ перваго слова звучитъ не только сильнѣе послѣдняго, но и выше на три ступени, а такой-же слогъ второго не только выше перваго слога на три ступени и послѣдняго — на двѣ ступени (опять-таки приблизительно), но и сильнѣе обоихъ, почему такое удареніе безусловно годится для установленія ритма, напр. у Йована Илича:

У̏било је мо̀је у̏здиса̑ње.

Въ нѣмецкомъ Sónnàbend слогъ подъ главнымъ удареніемъ не только сильнѣе, чѣмъ слѣдующіе за нимъ слогъ подъ второстепеннымъ удареніемъ и слогъ безъ ударенія, но и выше обоихъ на три ступени.

Но такія смѣшенія двухъ началъ въ удареніяхъ не мѣшаютъ ударенію въ однихъ языкахъ имѣть первенствующее или даже исключительное значеніе для ритма, а въ другихъ — быть для него совершенно безразличнымъ. Эта разница зависитъ, конечно, отъ преобладанія того или другого начала въ удареніи даннаго языка, однако непремѣнно въ связи съ количественными отношеніями слоговъ, а именно: гдѣ нѣтъ постояннаго различія между долготою и краткостью, т. е. гдѣ всѣ слоги количественно безразличны, какъ напр. въ русскомъ языкѣ, въ польскомъ, лужицкомъ, болгарскомъ, тамъ и полу-выдыхательное, полу-пѣвучее удареніе служитъ ритму достаточной, да и единственной опорой; гдѣ слышится только естественная долгота, т. е. обусловленная количествомъ однихъ гласныхъ, и при томъ лишь подъ удареніемъ, какъ у Словѣнцевъ и у современныхъ германскихъ народовъ, ритмъ основывается на удареніи; гдѣ помимо долготы гласныхъ есть и долгота слоговъ съ короткой гласной и послѣдующимъ сочетаніемъ согласныхъ (долгота по положенію, позиціонная), но то и другое слышно лишь подъ удареніемъ, хотя-бы второстепеннымъ, какъ въ древнихъ германскихъ языкахъ, тамъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, однако съ условіемъ, чтобы сильная часть стопы состояла или изъ долгаго слога или изъ двухъ слоговъ, короткихъ или короткаго и долгаго; гдѣ ощутительны обѣ причины долготы слоговъ независимо отъ ударенія, но отношеніе между долгими и короткими слогами не кратно (не раціонально), т. е. долгота не равняется двумъ краткостямъ, какъ въ языкахъ сербо-хорватскомъ, чехословацкомъ, мадярскомъ, главной основой ритма служитъ удареніе, но на ряду съ нимъ и долгота можетъ сама по себѣ занимать сильную часть стопы; гдѣ при наличности обоихъ родовъ долготы долгота, по крайней мѣрѣ,

въ извѣстномъ положеніи между краткостями, равняется двумъ краткостямъ, а удареніе выдыхательное или пѣвуче-выдыхательное, какъ въ языкахъ арабскомъ (древнемъ), персидскомъ, афганскомъ и сѣверныхъ индѣйскихъ (hінді и урду), тамъ удареніе непригодно для ритма; въ языкахъ съ тѣми-же свойствами, но съ удареніемъ существенно пѣвучимъ, какъ у древнихъ Индѣйцевъ, Грековъ и Латинянъ, возможенъ ритмъ исключительно на основѣ разницы между долготой и краткостью, и при томъ въ такомъ разнообразіи, какое недоступно языкамъ, хотя-бы и не менѣе чувствительнымъ къ количественности, но сильнѣе напирающимъ на ударяемые слоги.

Въ первыхъ четырехъ разрядахъ языковъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, нѣкоторая примѣсь пѣвучести къ ударенію, въ основѣ выдыхательному, тѣмъ менѣе способна помѣшать его ритмическому значенію, что высота не связана съ ихъ удареніемъ неразрывно; напр. въ томъ-же русскомъ словѣ «собáка», если оно произносится въ смыслѣ вопроса, выражающаго удивленіе, ударяемый слогъ можетъ быть или одной высоты съ первымъ или ниже его на одну ступень и ниже послѣдняго на пять ступеней (сексту); по-нѣмецки главное удареніе бываетъ не только выше второстепеннаго и неударяемаго на три ступени, но при говорѣ на распѣвъ, какъ у Саксонцевъ, понижается сравнительно съ прочими слогами на пять ступеней; по-шведски (не въ Финляндіи) главное удареніе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ вторая, содержится-ли она въ томъ-же слогѣ или въ слѣдующихъ, ниже первой на одну ступень, а второстепенное удареніе выше второй части главнаго на четыре. И такъ языки по свойству ударенія, по наличности или отсутствію количественности слоговъ и по отношенію долготы къ краткости распадаются съ точки зрѣнія ритма на количественные, качественные и смѣшанные. Такъ какъ для ритма нужны сильныя и слабыя части подлежащаго ему вещества (τοῦ ῥυθμιζομένου), въ словѣ должны соотвѣтствовать сильнымъ частямъ ритма сильные слоги, т. е. тѣ, которые могутъ имѣть значеніе слоговъ ритмически ударяемыхъ. Въ языкахъ качественныхъ такими являются слоги разговорно-ударяемые, потому что удареніе этихъ языковъ и обусловлено силою выдыханія, а въ языкахъ количественныхъ ритмическое удареніе принимаютъ на себя слоги долгіе, поставленные въ опредѣленное соотношеніе съ короткими, или короткіе, соединенные по-два и такимъ-же образомъ сопоставленные съ другими короткими (послѣднее невозможно не только въ такихъ языкахъ, какъ сербскій и чешскій, но и въ такихъ, какъ арабскій или персидскій). Въ языкахъ смѣшанныхъ можно было-бы, разсуждая отвлеченно, ожидать дѣленія на преимущественно качественные и на преимущественно количественные, но въ дѣйствительности языки второго рода едва-ли встрѣчаются,

потому что преобладаніе числа ритмическихъ удареній на долгихъ слогахъ надъ числомъ ритмическихъ удареній на слогахъ разговорно ударяемыхъ такъ пріучаетъ слухъ къ различію сильныхъ и слабыхъ частей стопы по длительности, т. е. напр. къ чередованію ⏊⏑⏊⏑⏊⏑⏊⏑ и т. д., и такъ ослабляетъ въ ощущеніи ритмическое значеніе разговорно-ударяемыхъ короткихъ слоговъ, что ритмическая строка ⏊⏑⏊⏑́⏑⏑⏊⏑ или ⏊⏑́⏑⏑⏊⏑⏊⏑ (гдѣ | ритмическое удареніе, а ′ — разговорное) не можетъ показаться правильной. Другое дѣло языки преимущественно качественные, привыкшіе къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, однако не утратившіе чутья и къ долготѣ, которая, задерживая на себѣ голосъ, производитъ впечатлѣніе если не сильнаго времени, то и не такого слабаго, какъ неударяемая краткость: въ нихъ строка въ родѣ ⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑⏊⏑ или ⏑́⏑⏑́⏑⏊⏑⏑́⏑ не приводитъ слушателя въ недоумѣніе относительно ритма.

Каково было стихосложеніе Индоевропейцевъ до распаденія ихъ на племена, мы не знаемъ, но можно поручиться за то, что основой ему служилъ не отвлеченный счетъ слоговъ, а ритмическія средства языка, каковы-бы ни были они и какъ-бы несовершенно ни примѣнялись. Во всякомъ случаѣ, если это доисторическое стихосложеніе перешло въ отдѣльные индоевропейскіе языки, оно оставалось въ каждомъ изъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока данный языкъ сохранялъ праязычныя ритмическія средства, но какъ только длительность, высота и сила его звуковъ подвергались измѣненіямъ въ степени и въ распредѣленіи, онъ неизбѣжно бывалъ вынужденъ усвоить себѣ другой складъ стиховъ, какъ уже въ историческія времена греческій языкъ, утративъ опредѣленное различіе длительности слоговъ и замѣнивъ свое нѣкогда пѣвучее удареніе выдыхательнымъ, перешелъ отъ количественнаго стихосложенія къ качественному и еще позже въ романскихъ языкахъ, въ основѣ своей качественныхъ, происшедшихъ изъ латинскаго, существенно количественнаго, водворился качественно-слоговой складъ. Потому нечего и думать о какой-то наукѣ сравнительнаго стихосложенія индоевропейскихъ языковъ. Если такая наука мыслима, то съ точки зрѣнія не исторіи, обусловленной взаимнымъ родствомъ, а физіологіи рѣчи и отчасти въ цѣляхъ изслѣдованія культурныхъ вліяній. Но такому сравнительному изученію разныхъ видовъ стихотворнаго склада не за чѣмъ ограничиваться индоевропейскими языками.

Иначе обстоитъ дѣло съ доисторическимъ стихосложеніемъ одного какого-нибудь отдѣла языковъ до его распаденія. Нельзя сомнѣваться напр. въ томъ, что стихосложеніе общегерманскаго праязыка было въ главныхъ чертахъ таково-же, какъ древне-нѣмецкое и древне-скандинавское, т. е. вольное качественное. Съ меньшей увѣренностью, однако не

безъ значительной вѣроятности можно предположить, что стихосложеніе индо-иранскаго праязыка походило на то, которое мы находимъ въ Ведахъ, въ Магабхаратѣ и въ другихъ повѣствовательныхъ и учительныхъ памятникахъ санскрита, т. е. вольное количественное съ долготами то кратными, то некратными, гдѣ одна и та-же стопа могла быть представлена слогами ⊥◡ $(2+1=3)$, ◡́◡◡ $(1+1+1=3)$, ⊥ – $(1\frac{1}{2}+1\frac{1}{2}=3)$, ⊥◡◡ $(1\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}=$ $=3)$, ◡́◡– $(\frac{3}{9}+\frac{3}{9}+1\frac{1}{2}=3)$, а въ приступѣ передъ ритмически ударяемой долготой — даже ⊥◡– $(1\frac{1}{3}+\frac{1}{3}+1\frac{1}{3}=3$, если не съ излишкомъ)[6]). О праславянскомъ стихосложеніи можно сказать рѣшительно лишь одно — что въ основѣ его лежала не количественность. Заключить это позволительно 1) изъ полнаго отсутствія количественнаго стихосложенія въ славянскихъ языкахъ и 2) изъ уже сильно развитой наклонности общеславянскаго языка къ сокращенію долгихъ гласныхъ (см. А. А. Шахматовъ, Къ исторіи звуковъ русскаго языка стр. 48—56, откуда, по видимому, можно вывести, что у Славянъ во время ихъ единства долгота удерживалась фонетически только въ тѣхъ слогахъ, гдѣ двѣ ея части различались по высотѣ или по силѣ, напр. — если изобразимъ долготу двойной буквой — *дýу̀шѫ, *виѝнó, *нóсии̂ть, *носии̂те и т. п., да и то не въ конечномъ открытомъ слогѣ, какъ водá изъ древнѣйшаго *водàá ср. греч. χαρά = kharàá). Что въ тѣхъ изъ славянскихъ языковъ, которые различаютъ долготу и краткость, число долготъ увеличилось вслѣдствіе стяженій, утраты слогового значенія глухими, положенія передъ нѣкоторыми сочетаніями согласныхъ, переноса ударенія назадъ, доказано изслѣдованіями Лескина, Ягича, Чернаго и др., къ которымъ въ новѣйшее время присоединился С. М. Кульбакинъ со своимъ трудомъ «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». И не смотря на очень значительное число долготъ въ языкахъ чешскомъ и сербо-хорватскомъ, опыты сложенія стиховъ по древне-греческимъ образцамъ остались и тамъ и здѣсь доказательствами того, что при учености и терпѣніи нѣкоторымъ, самымъ простымъ греческимъ размѣрамъ подражать — по крайней мѣрѣ, по-чешски — возможно, но для того, чтобы наслаждаться этими подражаніями, нужны со стороны читателя тѣ-же ученость и терпѣніе, которыя еще въ добавокъ далеко не всегда бываютъ вознаграждены: то онъ сбитъ съ толку короткимъ ударяе-

6) Ср. древнѣйшее латинское стихосложеніе, допускавшее напр. такіе стихи (Ter. Eun. 692):

Respondeat. Roga. Venisti hodie ad nos? negat,

т. е. по приблизительному подсчету длительности слоговъ въ этой связи

$$\frac{3}{2}+|2+1+\frac{3}{2}+\frac{1}{2}+1+|\frac{3}{2}+\frac{3}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}+\frac{3}{2}+|2+1+2.$$

мымъ слогомъ, поставленнымъ на мѣсто законной долготы, то недоумѣваетъ, принять-ли ему сочетаніе согласныхъ за достаточную причину для долготы или пренебречь имъ, то не знаетъ, какъ измѣрить односложное слово, то сомнѣвается, сохранить-ли за слоговыми r и l ихъ слоговое значеніе или приравнять ихъ къ прочимъ согласнымъ, то колеблется передъ ě послѣ губной, не сразу догадываясь, долженъ-ли онъ признать предшествующій слогъ за долгій, какъ училъ Нидерле, или за короткій (ср. Král, o prosodii české въ Listy filologické за 1892 и 1893 г.). Это и понятно при шаткости отношенія между долготою и краткостью въ чешскомъ языкѣ (см. J. Král a F. Mareš, Trvání hlásek a slabik dle objektivné míry тамъ-же 1893 г.). Въ сербо-хорватскомъ языкѣ это отношеніе при точныхъ изслѣдованіяхъ, можетъ быть, оказалось-бы устойчивѣе, особенно въ слогахъ ударяемыхъ, напр. вра̑н и вра̏на, гла̑с и гла̀сни̑к, гла́ва и гла̀вица. Веберъ (Ткальчичъ) утверждаетъ даже, что, какъ пишетъ онъ, mnogo vȍjnīkāh, dōsta dȁsākah (по Вуку: мно̏го војни́ка̄, до̏ста даса́ка̄) и т. п. звучатъ «въ естественномъ говорѣ» такъ, что слоги ni и sa превосходятъ силою остальные (Rad XL стр. 41); но, если это вѣрно, трудно понять, какъ можетъ онъ одобрять напр. такой гексаметръ (тамъ-же стр. 40):

Около гле̏дни и сву̑д а̀х ја̏ук чу̑т ће̑ш и ле̏ле̄к,

въ которомъ ритмическое удареніе трижды основано только на разговорномъ, а долгота въ пятой стопѣ идетъ за краткость. Правда, все это какъ-то согласуется съ его ученіемъ о сербскомъ гексаметрѣ, но оно не менѣе отзывается личнымъ вкусомъ и личнымъ выговоромъ, нежели правила Трнскаго или Суботича (Наука о србском стихотворству). А личный или мѣстный выговоръ много значитъ: кто ⸗ произноситъ пѣвуче, тому легче отнять у него ритмическое значеніе, чѣмъ другому, кто отличаетъ ⸗ отъ ⸗ только меньшимъ напоромъ выдыханія, не говоря уже о тѣхъ Сербахъ, которые смѣшиваютъ эти ударенія; а если мы при этомъ примемъ въ расчетъ сокращеніе конечныхъ слоговъ, сильно распространенное въ Сербіи, то должны будемъ допустить, что напр. кра̀љице̄ можно употребить и за анапестъ и за дактиль или, пожалуй, и за кретикъ (по Веберу чуть-ли не именно такъ). Произвольнымъ кажется непризнаніе долготы по̀ положенію: кр̑ст, ужъ конечно, дольше, чѣмъ кр̑т, а пр̑ст едва-ли короче, нежели пр̑т, и по-чешски milostivý звучитъ такъ, что человѣку, привыкшему только къ неколичественному языку, ударенія слышатся не на первомъ и третьемъ слогахъ, гдѣ ихъ произноситъ Чехъ, а на второмъ и на четвертомъ[7]). Что сербскіе и хорватскіе гексаметры суть лишь трудная и не-

7) Чешскаго музыканта Ба́бушку (Babuška) въ Москвѣ звали Бабу́шкой, утверждая, что онъ самъ такъ выговариваетъ свое имя.

удачная ученая выдумка, ясно изъ самой ихъ рѣдкости. У Чеховъ количественные гексаметры и другіе греческіе размѣры встрѣчаются гораздо чаще и выходятъ понятнѣе, однако человѣкъ не предупрежденный и не предубѣжденный даже въ такомъ образцевомъ гексаметрѣ, какъ

⊥ ◡ ◡| ⊥ ◡ ◡| ⊥|| ◡ ◡| ⊥ ◡ ◡| ⊥ ◡ ◡| ⊥ –
Louka kosou sečená voňavé tady zápachy dává

Винаржицкаго прочтетъ первую половину такъ-же, какъ

Šly tři hezké silnicí,

по ритму, опредѣляемому разговорнымъ удареніемъ. Нѣсколько понятнѣе строй количественныхъ стиховъ у Мадяръ, обладающихъ не только весьма значительными долготами, но и подчеркивающихъ ихъ отличіе отъ краткостей качественною разницей, особенно рѣзкой въ a (=å) и á (=ā), e (=e открытому) и é (=ē сильно закрытому). Однако нѣкоторая неясность и неустойчивость ритма есть общій удѣлъ такихъ языковъ, которые обладаютъ выдыхательнымъ или хоть полу-выдыхательнымъ удареніемъ и количественностью, независимой отъ него, но неопредѣленной и шаткой: въ нихъ удареніе разговорное, тождественное по своей природѣ съ ритмическимъ, мѣшаетъ основать ритмъ на количественности, а долгота, привлекая на себя ритмическое ударение, затрудняетъ теченіе ритма, опредѣляемаго удареніемъ разговорнымъ. Потому такимъ языкамъ, оснуютъ-ли они свое стихосложеніе на одномъ разговорномъ удареніи или, въ случайной смѣнѣ съ нимъ, и на долготѣ, приходится ограничить свой стихотворный складъ лишь простѣйшими видами ритма, а именно состоящими изъ двусложныхъ или, пожалуй, четырехсложныхъ стопъ, но непремѣнно съ удареніемъ черезъ слогъ, т. е. трохеями и ямбами. Народное творчество такъ и поступаетъ, уклоняясь отъ этого правила только при подражаніи иноязычнымъ образцамъ. Въ двусложныхъ стопахъ и разница между долготою и краткостью на столько слышнѣе, чѣмъ въ трехсложныхъ, что чисто-количественные трохеи и ямбы удаются Чехамъ и Мадярамъ очень недурно (Сербы и Хорваты, кажется, не производили такихъ опытовъ).

И такъ обще-славянское стихосложеніе не было количественнымъ, а должно было для осуществленія ритма, по которому слагались тогдашнія пѣсни, пользоваться разговорнымъ удареніемъ, хотя, можетъ быть, и допускало тамъ и сямъ долгіе слоги въ качествѣ носителей ритмическаго ударенія. Простѣйшій изо всѣхъ мыслимыхъ стиховъ есть ◡́◡◡◡|◡́◡◡◡, т. е. двѣ стопы въ $\frac{4}{8}$ или, что̀ то-же, въ $\frac{2}{4}$. Такіе стихи есть чуть-ли не у всѣхъ народовъ земного шара, говорящихъ съ выдыхательнымъ удареніемъ, а у перво-

бытныхъ Славянъ ихъ можно предполагать тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются въ народной поэзіи всѣхъ нынѣ существующихъ славянскихъ племенъ, напр. по-великорусски:

Пóлно, дрёмушка, дремáти,

по-малорусски:

У сусíда хáта бíла,

по-бѣлорусски:

Сѣю, вѣю конопéльки,

по-сербски:

Кȍњ јунáка ȍставио,

по-болгарски:

Пáсалъ ќ Стоя́нъ телци́-тѣ,

по-словѣнски:

Tȏ s' je vóščil túrški bȃša,

по-чешски:

Kdo to chodí po hřbitově,

по-словацки:

Seděla pod borovičkú[8]),

по-польски:

Na podołu biały kamień,

по-лужицки:

Wšitcy panja z wójny ća'nu.

Послѣдній слогъ можетъ быть откинутъ и въ пѣніи замѣненъ соотвѣтственной передышкой или протяженіемъ предшествующаго слога:

в. р. Я постáвила кисéль.

м. р. Вийшли в пóле косарí.

б. р. Ой ты, гáлинькій цвятóкъ!

---

8) Впрочемъ поется въ иномъ ритмѣ:

⊥ ◡ | ⊥ ◡ | ◡ ◡ ◡ ◡ .

Пользованіе такими примѣрами вызывается иногда просто случайнымъ отсутствіемъ лучшихъ, но въ подобномъ примѣненіи не есть такой подлогъ, какъ это кажется: ритмъ, указанный въ текстѣ, данъ разговорнымъ удареніемъ и потому естественъ до такой степени, что при стихахъ того-же склада всегда можно его ожидать въ другихъ такихъ пѣсняхъ. Недостатокъ въ подручныхъ примѣрахъ былъ одною изъ причинъ и того, что ниже различные размѣры подтверждены не изо всѣхъ славянскихъ языковъ; но такое подтвержденіе едва-ли и нужно.

срб. Ста̏де сла̀вӯј пѐвати.
слов.[9]) V čr̂ni góri bêli grâd.
луж. Dobry wečor, maćerka

и т. п. Отпасть можетъ и еще одинъ изъ послѣднихъ слоговъ, но въ пѣніи первоначальная продолжительность двустопнаго стиха возстановляется продолженіемъ или передышкой такъ:

⏑́⏑⏑̀⏑|—́—

или такъ:

⏑́⏑⏑̀⏑|⏑́—(⏑),

напр.

в. р. Зва́ли, зазыва́ли.
м. р. Го́ре-ж миниї, го́ре.
срб. Кра̑љу, свѐтлӣ кра̑љу.
слов. Čȇla je letéla.
чеш. Za našima humny.
пол. Śpiéwa słowik, śpiéwa.
луж. Wujeŕoveskej zemi.

Усѣченія такого осьмисложнаго, ритмически двустопнаго стиха о четырехъ удареніяхъ — двухъ главныхъ и двухъ второстепенныхъ — могутъ идти и далѣе, т. е. до ⏑́⏑⏑̀⏑|—́(⏑) и даже ⏑́⏑̀|—́(⏑), но это уже не самостоятельные стихи, а лишь вторыя части стиховъ, употребительныя только у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и потому, можетъ быть, и чуждыя общеславянскому стихосложенію (ср. вообще L. Zima, Nacrt naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda o osobito Slavenâ въ Rad XLVIII 170—221 и XLIX 1—64 и его-же I opet o metrici narodnich pjesama тамъ-же XCIII 197—235). А что стихи состояли у Славянъ искони, по малой мѣрѣ, изъ двухъ частей или соединялись въ пѣніи по-два и по-три, слѣдуетъ не только изъ наличности этого явленія въ народномъ творчествѣ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но также изъ музыкальной необходимости: самый напѣвъ слагается не менѣе чѣмъ изъ двухъ такъ называемыхъ предложеній (у Грековъ κῶλον) — повышенія и пониженія, вопроса и отвѣта. Эти части составляютъ вмѣстѣ музыкальную фразу (у Грековъ περίοδος), которая иногда исчерпываетъ собою напѣвъ, иногда связывается съ другою фразой, въ которой разработывается и развивается тотъ-же напѣвъ, и это соединеніе у насъ по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ

9) Т. е. по-словѣнски (а не по-словацки), какъ и ниже.

принятаго музыкантами изъ грамматики слова «предложеніе», называется періодомъ (у Грековъ στροφή или, какъ часть строфы, σύστημα). Соединенію двухъ стиховъ въ одно музыкальное цѣлое нѣмецкіе писатели по стихосложенію придали названіе Langvers или Langzeile. Связанные такимъ образомъ два стиха часто, но далеко не всегда снабжаются примѣтами, указывающими на ихъ сопринадлежность къ одному цѣлому. Таковы различное число слоговъ, а иногда и стопъ, присутствіе безударнаго приступа въ одномъ стихѣ и отсутствіе этой прибавки въ другомъ, въ позднѣйшія времена — созвучіе концевъ (ассонансъ и риѳма). Можно догадываться, что нѣкоторыя изъ такихъ соединеній, со внѣшними примѣтами или безъ нихъ, были извѣстны Славянамъ еще въ пору ихъ нераздѣльности, напр. полный стихъ ⏑⏑⏑|⏑⏑⏑ дважды:

в. р.	Изъ-подъ ду́ба, изъ-подъ вя́за,	изъ-подъ вя́зова коре́нья,
м. р.	Танцюва́ла ри́ба з ра́ком,	а петру́шка з пустерна́ком.
срб.	Нӥт ȍн о̏рē, нӥт ȍн плу̏жи̅,	вȅћ за дра̑го̄м мӥло ту̑жӣ.
слов.	Àl 'me bȏš kaj ráda 'mêla,	ko bȏm nósil sȗknjo bélo.
чеш.	Uliánka, čistá panna,	u Dunaja šaty prala

и т. п. Такъ-же и урѣзанный ⏑⏑⏑|⏑⏑(⏑) или, въ пѣніи, ⏑⏑⏑|⏑⏑:

в. р.	Дру́женька хоро́шенькій,	дру́женька приго́женькій.
м. р.	Ой, к в ме́не ча́роньки:	бі́ле ли́чко, бро́воньки.
срб.	Нѐмōјте ме стре́љати:	ја̑ ћу ва̏ма пе̏вати.
слов.	Mója lánjska ljȗbica,	ki me nóčeš ljúbit vèč.
чеш.	A já jednu miluju,	a druhé zas slibuju.
луж.	Teptana jo šćažcycka;	chtóga ju jo huteptał?

Вдвойнѣ урѣзанный или, ритмически, стянутый въ концѣ ⏑⏑⏑ | ⏑⏑ или ⏑⏑⏑ | ⏑⏑:

в. р.	До́бры ко́ни то́нуть,	мо́лодцы томя́тся (XVII в.).
м. р.	Ой, за га́км, га́км,	га́км зелене́ньким.
б. р.	А ци до́ма, до́ма,	па́не господа́ру?
срб.	Цва̏ла јѐси, ро́жа,	ли̏по јѐси цва̏ла.
болг.	Ка́звай, До́нке, ка́звай,	що́ си съгрѣши́ла.
слов.	Kítica zelêna,	rȏžica rumêna.
чеш.	Já ji koupil pentli	barvy proměňavé.

пол. Świeci miesiąc, świeci i nie długo zgaśnie.
луж. We tej našej bróžni šjere móšje pišča.

Соединятся и стихи разной длины: ◡◡◡ | ◡◡◡ + ◡◡◡ | ◡◡, напр.:

в. р. Ѣхалъ поваръ на чумичкѣ, двѣ кастрюли впереди.
слов. Dávi pà je slánca pála na zelêne trávnike.
луж. Hólčik jjedže pó -wsy delje, holčo džeše po wodu[10]).

и т. п., но все въ пѣсняхъ новыхъ и отчасти искусственныхъ, потому что послѣдовательное чередованіе стиховъ одного и того-же ритма и отличающихся другъ отъ друга только присутствіемъ или отсутствіемъ одного безударнаго слога въ концѣ чуждо старой народной пѣснѣ. Другое дѣло — сокращеніе большее, слога на-два, при которомъ стихъ, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ произношеніи теряетъ свое послѣднее удареніе, напр.

в. р. Во саду-ли, въ огородѣ дѣвица гуляла.
м. р. Шли корови из дуброви, а овечки з поля.
срб. Бо̏сиоче, бо̏сиоче, у̏ ширину расти.
слов. Žôlta vtíca lépo póje dòl pod bêlim grâdom.
пол. Otóż tobie, moja córko, na pamiątkę daję

или:

м. р. Ой летіла зозуленька через поле, гай.
срб. Jào, же̏но, жи̏вâ же̏љо, дȁ што ћу̏ ти jâ? [11]).
слов. Rôža cvéla, rôža cvéla blízu Dúnaja.
пол. Ożenił się stary z młodą, razem poszli spać[12])

или:

м. р. Ой, у полї криниченька — видно дно.
словацк. Ešče sa vás, mámušečko, spytat mám.

Такъ-же съ урѣзаннымъ на слогъ первымъ стихомъ или, точнѣе, полустишіемъ, за которымъ слѣдуетъ передышка:

---

10) Въ пѣніи размѣръ ⊥◡–⊥ | ⊥◡–⊥ | ⊥◡–⊥ | ⊥◡⊥ (Smoleŕ i Haupt I, LXV).

11) Ср. Hektorović, Ribanje, ст. 229—232.

12) Въ языкахъ, пользующихся слоговымъ стихосложеніемъ, не всегда было возможно пріискать примѣры безукоризненно ритмическія. Впрочемъ ниже будетъ выяснена зависимость слогового стихосложенія отъ стопнаго.

в. р. Ой, спасúбо-же тебѣ́,	сúнему кувшúну [13]).
м. р. Чú я мýжу не женá,	чú не господúня?
срб. Дȁрове је спрéмила	за свȁког јунáка.
слов. Kádar bôš ti vândrat šèl,	prídi mén' povéjdat.
пол. Musiał księdzu grzywnę dać,	marmurową swiécę.

Должно впрочемъ замѣтить, что въ пѣсняхъ чисто народныхъ число слоговъ перваго полустишія рѣдко выдерживается не только при разницѣ между полустишіями всего на одинъ слогъ, о чемъ сказано выше, но и при болѣе значительной, а именно первое полустишіе одной и той-же пѣсни можетъ являться въ видѣ то ◡◡◡ | ◡◡◡, то ◡◡◡ | ◡◡–, то ◡◡◡ | ⊥– безо всякаго порядка. Поучительно сравнить первые стихи двухъ сходныхъ между собою галицкихъ пѣсенъ — польской:

Jasia konia poił,	Kasia wodę brała.
Jaś sobie zaśpiéwał,	Kasia zapłakała.
«Nie płacz, Kasio, nie płacz,	dosyć tego płaczu:
Pójdziesz do Jasiunia	gdyby do pałacu

и малорусской:

Козáк кони́ наповáв,	Дзю́ба вóду брáла.
Козáк собí заспївáв,	Дзю́ба заплакáла.
«Не плáч, Дзю́бо моя́ лю́ба,	дóкiль я з тобóю;
Як поíду на Вкраíну,	заплáчеш за мнóю,

которыя допускаютъ одинъ и тотъ-же напѣвъ. Попадается такое разнообразіе и во второмъ полустишіи, напр. у Малорусовъ-же, но несравненно рѣже. Тѣмъ замѣчательнѣе выдержанность очень употребительной строфы, которой первый, второй и четвертый стихи усѣчены, а третій сохраняетъ всѣ восемь слоговъ:

13) Этотъ размѣръ, какъ и предъидущій, по видимому, зашелъ въ Великую Россію изъ Малой, почему они и являются часто въ слоговомъ строѣ, напр. въ пѣснѣ (Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 110):

Какъ со вéчера рябúну дóждичкомъ мочúло

далѣе поется:

Танцýй, дѣвка, танцýй, крáсна, танцýй веселенько,

чтò похоже на простой переводъ съ малорусскаго

Танцюй, дівко, танцюй, серце, танцюй веселенько.

Пусти́ менѐ ма́ти,	в поле жи́то жа́ти;
Бу́ду, ма́ти, жи́то жа́ти,	до́леньки шука́ти.
Czysta woda, czysta,	tam koniki piją,
Tam si stoi ładna panna,	tam się chłopcy biją[14])

или:

Na té louce zelení	pásou se tam jeleni;
Páse jich tam mysliveček	v kamizolce zelení,

также посредствомъ повторенія стиха:

Teče voda studená,	teče voda studená
K nejmilejší do dvorečka,	k nejmilejší do dvora.

Первая изъ этихъ строфъ есть и у Литовцевъ;

Аугино мочiутė	трис jаунас дукрялės.
Оj ку̑ варду дуктерėлės,	мочiутės дукрялės?

и т. д. — пѣсня изъ 12 строфъ, въ сборникѣ Ф. Θ. Фортунатова и Вс. Θ. Миллера № XXVIII. Причина такого неравенства стиховъ можетъ заключаться въ какихъ-нибудь особенностяхъ соотвѣтствующей имъ пляски. Впрочемъ основа такого построенія строфы не только не славяно-балтійская, но и не славянская, какъ видно напр. изъ того, что оно встрѣчается въ стихотвореніи англійской королевы Елисаветы, состоящемъ изъ своеобразнаго сочетанія стиховъ обыкновенной англійской балладной строфы:

The doubt of future foes
Exiles my present joy;
And wit me warnes to shun such snares,
As threaten mine annoy

---

14) Но во второй строфѣ того-же краковяка всѣ стихи равны:

«Nie bijcie się, chłopcy,	dla Boga świętego:
Nie pójdę za wzystkich,	tylko za jednego.

То-же явленіе въ другомъ краковякѣ:

Siwy konik, siwy,	malowane sanki,
A ja siadę i pojadę	do swojéj kochanki.
Cztery mili lasu	jadę bez popasu,
Piąta mila — pola,	gdzie kochanka moja.

Оба эти краковяка сообщены мнѣ А. Е. Крымскимъ при слѣдующей припискѣ: «Обідві пісні відомі міні з дитячих літ. Чи були вони де оголошені друком, не знаю».

и т. д. (Thomas Percy, Reliques of ancient english poetry. Vol. 2 p. 169 Tauchn.).

Число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ (временъ, χρόνοι), составляющихъ стопы, возможно не только въ концѣ стиховъ, но и внутри ихъ. Примѣры тому мы видѣли выше у Германцевъ и Грековъ, также у Лужичанъ и Словѣнцевъ; но есть ихъ не мало и у другихъ Славянъ, особенно у Русскихъ. Первоначальный стихъ ◡◡◡ | ◡◡◡ и даже ◡◡◡ | ◡◡– рѣдко является у Великорусовъ и Бѣлорусовъ въ чистомъ видѣ, а по большей части со стяженіями, напр. въ общей обоимъ веснянкѣ:

А мы прóсо сѣяли, сѣяли,

которой у Малорусовъ соотвѣтствуетъ (А. Метлинскій, Народныя южнорусскія пѣсни, стр. 296):

Ой, ми пóле бремо, бремо,

и таковъ-же обыкновенно этотъ сложный стихъ у Малорусовъ и въ другихъ пѣсняхъ, напр.

Кукурíку, пíвнику, на токý.

Кромѣ того для пониманія строя русскихъ стиховъ необходимо замѣтить, что въ нихъ 1) ритмическіе ряды ◡◡◡ | ◡◡◡ соединяются по-два такъ тѣсно, что граница между двумя такими рядами, составляющими одинъ сложный стихъ (Langvers, περίοδος), не совпадаетъ обязательно съ концемъ первой стопы, напр. (А. И. Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, VII, 67):

Ши́ла, вышивáла тóнки бѣлы рукавá

и ниже въ той-же пѣснѣ:

Хвáсталъ онъ, нахвáстывалъ богáчествомъ своúмъ;

2) такой-же двусложный или односложный безударный приступъ, какой вслѣдствіе неточнаго разграниченія двухъ членовъ сложнаго стиха образуется передъ вторымъ членомъ, часто прибавляется и къ началу перваго, напр.

Ахъ, ýсыньки, усы́ да удалы́е молодцы́.
А хозя́йка-то божи́тся: «Ни полýшки за душéй»;

3) стихъ ◡◡◡ | ◡◡◡ подводится подъ одно главное удареніе и образуетъ одну стопу ◡◡◡◡◡◡, напр.

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, 'сѣни нóвыя мои.

Соединеніе этихъ трехъ условій даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію строя такихъ вольныхъ, но ритмически правильныхъ сложныхъ стиховъ, каковы слѣдующіе:

Во стóльномъ гóродѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Было пировáнье, почéстный пиръ,
Было столовáнье, почéстный стóлъ
На мнóги князи, бóяра
И русски могучи богáтыри.

Особый видъ этого стиха допускаетъ въ концѣ еще большее стяженіе:

Сплáчется мáла птичка,
Бѣлая пелепѣлка:
«Охте, мнѣ, молоды, горевáти:
Хотятъ сырый дубъ зажигáти»

и т. д. (XVII в.). Возможенъ тотъ-же конецъ и съ постоянной передышкой: ⊥⊥(◡). Отсюда сильно урѣзанный стихъ ◡◡ | ◡◡◡◡◡◡ | ⊥, который впрочемъ измѣряется чуть-ли не всегда вдвое болѣе короткими стопами, вѣроятно, во избѣжаніе черезчуръ долгой передышки, и лишенъ сѣченія (цезуры) по серединѣ:

Ты поди, моя корóвушка, домóй [15]).

Тамъ-же со стяженіями:

Ужь какъ всѣ мужья до жёнъ добры.
Онъ купилъ мнѣ коровушку.

15) Издатель, акад. А. И. Соболевскій, замѣчаетъ (VII стр. 187): «Пѣсня, можетъ быть, искусственная». Почему? Складомъ и напѣвомъ она совершенно сходна съ величальною «Ужь и нé было такóго молодцá», а въ языкѣ не содержитъ ничего хоть сколько-нибудь подозрительнаго.

Въ другой пѣснѣ (XVII—XVIII в.):

У Спа́са къ обѣднѣ звоня́тъ.
Тѣща къ обѣднѣ спѣши́тъ.

И въ тѣхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ примѣры приведены выше, гораздо больше стиховъ со стяженіями или, въ сѣченіи, съ передышками, чѣмъ полныхъ, напр. въ «Ахъ вы, сѣни»:

Сѣни но́выя, клено́выя, рѣшётчатыя.
Зову́тъ Ва́нюшкою пивова́рушкою,

въ «Шила, вышивала»:

За́мужъ-ли идти́, во вдова́хъ-ли мнѣ сидѣ́ть?
За́мужъ не ходи́ и во вдова́хъ не сиди́.

Тамъ-же съ безударнымъ приступомъ:

Пойди́, дитя́ милое, въ дѣви́чій монасты́рь.
Посидѣ́нки соберу́ и весе́лье заведу́.

Первоначальный стихъ ◡◡◡ | ◡◡⏓ часто стягивается уже въ самомъ началѣ:

За́инька, попляши́! сѣ́ренькій, поскачи́!

Въ пѣсняхъ протяжныхъ или, иначе, проголосныхъ растяженіе слоговъ доходитъ до того, что напр. изъ стиха

Внизъ по ма́тушкѣ по Во́лгѣ,

въ разговорномъ произношеніи ничѣмъ не отличающагося отъ

А хозяйка-то божится

или отъ

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,

возникаетъ въ напѣвѣ четырех-членный сложный стихъ (περίοδος τετράκωλος)

Вниизъ по маатуш- кѣѣ по Воо- оооооол- гѣ,

а изъ слѣдующаго за нимъ

По ширóкому раздóлью —

трех-членный (περίοδος τρίκωλος):

По широоко- муу раздооо- ооооль-ю.

Стихъ обычнаго эпическаго размѣра

Вдоль по мóрю, мóрю сúнему

въ хороводной пѣснѣ развертывается посредствомъ протяженія и повтореній въ два стиха:

Вдоль по-о морю (дважды),
Вдоль по морю, морю си- инему

и т. п. вплоть до повторенія отдѣльныхъ слоговъ или частей словъ. Такое отношеніе къ рѣчи словно къ подставкѣ для напѣва или къ руслу, по которому онъ течетъ, отличающее также персидское пѣніе, стало возможно лишь тогда, когда не только произошло полное отдѣленіе пѣсни отъ пляски, отъ которой нѣкогда, вѣроятно, зависѣлъ ея строй, но и напѣвъ получилъ на столько самостоятельное значеніе, что, хотя пѣніе не могло обходиться безъ словъ, что̀ свойственно лишь инструментальной музыкѣ, однако пѣвецъ уже считалъ дозволеннымъ свободно пользоваться словами пѣсни для показанія своего искусства во всей его широтѣ. Такое обращеніе съ пѣсенной рѣчью, свидѣтельствующее о высокомъ развитіи пѣнія, не можетъ быть принадлежностью отдаленной, безъискусственной старины, а потому при догадкахъ о временахъ славянскаго единства безопаснѣе придерживаться пѣсенъ, наиболѣе простыхъ и упорядоченныхъ въ своемъ ритмическомъ движеніи, т. е. преимущественно эпическихъ, исполненіе которыхъ по самому ихъ содержанію должно бережно относиться къ словамъ, и плясовыхъ, отличающихся рѣзкой опредѣленностью ритма. Указанными выше стихотворными размѣрами далеко не исчерпывается ритмическое богатство великорусской старинной пѣсни, но для выясненія ея внѣшняго строя въ общихъ чертахъ довольно и сказаннаго. Старинная пѣсня Бѣлорусовъ складывается такъ-же до мелочей; есть въ ней напр. и широко распространенная въ великорусскомъ пѣснопѣніи энклиза:

Изъ подъ лѣсу, лѣсу цёмнаго
Ишлá тýчка волочóбная

и т. п. У Малорусовъ пѣсни такого склада встрѣчаются гораздо рѣже, но все-таки встрѣчаются, и при томъ — а это очень знаменательно — особенно между обрядовыми, какова «Петрівочна» (Метлинскій, стр. 312):

Мáла нíчка Петрíвочка,
Що не вйспалась нáша дíвочка

или «зажнівна» (тамъ-же, стр. 322):

Розгорйся, вечéрняя зóря,
перед рáннёю стóя;
Приберйся, нáша господйнька,
перед нáми жнíями,

изъ «заплачки» (тамъ-же, стр. 292):

Ой, колй нам тебé сподíвáться,
Щоб нам ик тобí прибрáться?,

изъ другой (тамъ-же, стр. 293):

Не чýкш, моя́ родйтелько,
Не чýкш ти менé, моя рíднéсенька?
Одходйли твоí нíженьки,
Одробйли твоí рýченьки,
Оддивйлись твоí óченьки

и т. д. съ безпорядочной смѣной двустопныхъ стиховъ въ $^4/_4$ (или четырехстопныхъ въ $^2/_4$) и трехстопныхъ въ $^3/_4$, какъ и въ слѣдующей свадебной (Метл., стр. 211):

Зажурйлась перепéлочка:
«Бíдна моя́ та голóвочка,
Що я рáно из вирíю вйлетíла!
Нíгде минí гнíздá звйти

(съ энклизою) и т. д.

И такъ стихосложеніе этого рода, т. е. качественное, но не стопное въ новѣйшемъ смыслѣ, предполагающемъ выраженіе каждаго ритмическаго времени внутри стиха особымъ слогомъ, мы можемъ смѣло признать общерусскимъ. Слѣды такого стихосложенія попадаются, по видимому, и у Болгаръ; по крайней мѣрѣ, можно такъ прочесть напр. слѣдующую хороводную (К. А. Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. Часть третя, стр. 106):

Ми се пóболи невéшче-то, jác, сúромах!
А од-ошчо? — Ни óд-нишчо! —
Ми се нáпило три гќрнина благó-вино, дó-Бога!

и т. д. (ср. также Auguste Dozon, Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites №№ 3, 37, 62, 63, 66, 67, 83, Supplément 5, 6, 11). При такомъ чтеніи, хоть оно, можетъ быть, и не совпадаетъ съ современнымъ намъ напѣвомъ, получается даже тотъ самый размѣръ, который намъ хорошо знакомъ изъ эпическихъ и многихъ плясовыхъ и лирическихъ русскихъ пѣсенъ. Тотъ-же складъ слышится иногда у Болгаръ изъ-подъ излюбленнаго ими осьмисложнаго слогового стиха, напр. (Dozon, № 39):

Дáне бáне целéпине,
Дáн ми бáн ми винó пиќ
Со сéляне, сос кмéтове.
Сéляне му говóрѣха

и т. д., почти такъ-же, какъ напр. въ великорусской пѣсенкѣ

Скáчетъ гáлка по éльничку,
Машетъ хвостóмъ по берéзничку.

У другихъ Славянъ нечего искать и слѣдовъ такого стихосложенія: одни изъ нихъ сходный съ этимъ въ основѣ складъ стиховъ переняли у Нѣмцевъ, другіе не признаютъ стиха внѣ счета слоговъ. Но каково было ихъ стихосложеніе до иноязычнаго вліянія и до перемѣнъ въ удареніи? какъ слагали свои стихи Сербы и Хорваты ранѣе распространенія штокавскаго выговора и Поляки, Чехи, Лужичане въ то время, когда ихъ удареніе еще не было прикрѣплено однообразно къ такимъ-то мѣстамъ въ словѣ? Можетъ быть — за исключеніемъ равносложности — напр. такъ:

Соколъ гнѣздо вије у јеловој гори,
У јеловој гори, на јеловој грани.
Соколу долазе из горе јунаци...

Производить такіе опыты съ другими изъ названныхъ выше языковъ, древнѣйшее удареніе которыхъ не засвидѣтельствовано памятниками, было-бы ужь совсѣмъ не научно; относительно этихъ языковъ можно лишь на всякій случай, не принимая на себя никакой отвѣтственности за такое указаніе, упомянуть о томъ, какъ легко даже въ ихъ настоящемъ видѣ примѣняется къ нимъ иногда древне-русское стихосложеніе, напр. въ нижне-лужицкой пѣснѣ:

Šłej stej dwje rjednej tam pši wjazoře,
Pši tom mje wjazoře pši dłymokem.
Nikogo ńejstej tam nadejšłoj,
Ak tog' jadnego pśewjadnika

и т. д., между прочимъ

Posreź teje dłyme tam pšijježeštej.

И такъ очень часто именно у Лужичанъ. Случайность-ли это? Правда, стихотворный складъ лужицкихъ пѣсенъ вообще и этотъ размѣръ носятъ на себѣ несомнѣнную печать нѣмецкаго вліянія, но съ другой стороны нельзя не отмѣтить того, что Нѣмецъ слагаетъ стопу такого ритма обыкновенно изъ двухъ или трехъ слоговъ, а Лужичанинъ нисколько не затрудняется четырьмя и кромѣ того гораздо менѣе Нѣмца гоняется за риѳмой и даже за простымъ созвучіемъ гласныхъ. Вообще у Нѣмца, какъ и у всѣхъ Германцевъ, больше наклонности къ куплетному построенію, которое перешло и къ Словѣнцамъ даже въ сравнительно старыя пѣсни, допускающія русское ритмическое измѣреніе, какова въ Водниковомъ сборникѣ пѣсня Brašno:

Mója mêhka čŕna rútica
Pólna bélih je solzâ,
Šópek lôša bôm narédila,
Svój'ga šáplja svítlega [16]).

---

16) Здѣсь приведена вторая строфа, потому что въ первой есть два сомнительныхъ ударенія.

А складъ рѣчи или, говоря иначе, пѣсенная реторика? У Смолеря и Гаупта лужицкія пѣсни переведены нѣмецкими стихами, но даже въ этомъ превосходномъ переводѣ то та, то другая выдаютъ свое славянское происхожденіе. Да и за только-что приведеннымъ примѣромъ слышится что-то въ родѣ

Проходили двѣ дѣвицы, двѣ красныя
У того-ли у озера глубокаго.
Никого онѣ тамъ не примѣтили,
Только одного перевозничка.

Есть у Лужичанъ размѣры и не нѣмецкіе, напр. краковякъ, восходящій, по видимому, къ общеславянской порѣ. Почему же не допустить, что изъ нѣмецкихъ стиховъ именно вольные такъ сильно привились на лужицкой почвѣ вслѣдствіе своего сходства съ вольными-же стихами славянскими, сохранившимися у Лужичанъ издревле? Такое предположеніе едва-ли можно опровергнуть указаніемъ на то, что у Лужичанъ, какъ и у Нѣмцевъ, эти стихи трехдольны, а у насъ — по крайней мѣрѣ, какъ кажется, первоначально — двухдольны: и нашъ эпическій стихъ поется иногда трехдольно, напр.

Ты прости, прощай, весь вольный свѣтъ

или въ той-же пѣснѣ:

Въ зеленыхъ-то лугахъ тамъ ростётъ трава[17]).

Этотъ ритмъ могъ развиться у Лужичанъ постепенно путемъ превращенія первоначальнаго двухдольнаго стиха въ трехдольный, какъ

Hólčik jjedže po -wsy delje,
Holčo dzješe po wodu.

Такой стихъ мы находимъ въ польской мазуркѣ, напр.

Jeszcze Polska nie zginęła.

---

17) У Пальчикова (Крестьянскія пѣсни № 65) въ этой пѣснѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, приступъ не выдѣленъ.

Отсюда путемъ разложеній, какія встрѣчаются и въ той-же лужицкой пѣснѣ, напр.

Z tymaj nowymaj khanamaj [18]),

и потомъ посредствомъ новыхъ стяженій легко получить четыре четверти въ чистомъ видѣ, какъ у Шопена въ одной изъ мазурокъ:

Но какъ-бы слабы или спорны ни были остатки славянской старины въ лужицкихъ пѣсняхъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что старинное русское стихосложеніе возникло не позже поры единства всѣхъ русскихъ племенъ, а такъ какъ оно представляетъ собою стихотворный складъ гораздо болѣе древній, чѣмъ стихи прочихъ Славянъ, отчасти чуждые по происхожденію, отчасти заключенные въ опредѣленное число слоговъ, древность его, по всей вѣроятности, заходитъ за предѣлы обще-русскаго языка. Однако для того, чтобы признать его обще-славянскимъ, нужно доказать, что всѣ роды славянскаго стихосложенія, не носящіе на себѣ явныхъ признаковъ чужого вліянія, могутъ быть выведены изъ того склада, который лежитъ въ основѣ древне-русскаго стихосложенія.

Всѣ Славяне, кромѣ Великорусовъ, Бѣлорусовъ, Словѣнцевъ и Лужичанъ, пользуются такъ называемымъ слоговымъ (силлабическимъ) стихосложеніемъ, т. е. основаннымъ на счетѣ слоговъ. Это не значитъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было необходимо совершенно одинаковое число слоговъ; такое условіе исполнимо только въ искусственной поэзіи, а въ народной, неизмѣнно сопровождаемой пѣніемъ, оно и ненужно, и въ самомъ дѣлѣ мы могли убѣдиться хотя-бы изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ, что народъ соблюдаетъ его далеко не всегда. Но отмѣченные тамъ случаи неравенства стиховъ сводятся къ пропуску или прибавкѣ слоговъ не внутри стиха, а въ концѣ, гдѣ возможна передышка. Помимо этого мѣста, допускающаго и другія вольности, напр. въ количественныхъ стихахъ—безразличный слогъ, число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ времени встрѣчается развѣ лишь въ общеизвѣстныхъ и прочно утвердившихся видахъ стиховъ, напр. въ томъ, къ которому относится польскій краковякъ, но, конечно, предназначенномъ не для сопровожденія пляской, напр. въ малорусской пѣснѣ:

Хоча́ я убо́га, не ма́ю гро́шей [19]),
Не піду́ за те́бе, бо ти нехоро́ший.

18) У Смолеря и Гаупта (I, LXV), кажется, опечатка въ нотахъ.

19) Такъ у Метл. стр. 113; но поютъ, вѣроятно, и «хоч не маю грошей». Для размѣра сравни впрочемъ Радомысльскую стр. 361—362 (послѣдній стихъ строфы).

и т. д. съ разными измѣненіями, между прочимъ

Я ж тобі доріженьку   перегорóжу,

въ болгарской:

Посадил ми дéдо   три леи цфекье

и въ той-же пѣснѣ (Шапкаревъ III, стр. 111):

Да му го кóрнат   кóрен по кóрен,

въ польской:

Już miesiąc zeszedł,   gwiazda się zaćmiła,

въ чешской:

Hezké je to město,   to město Praha,

въ лужицкой:

Zady našej pecy   kuntworki 'raja,
Čerwene, zelene   suknički maja

и въ той-же пѣснѣ (Smolér i Haupt I, LXII) даже

Kup mi lik, kup mi lik,   Juračko, woła[20]).

20) Ср. Малорусскую:

Сіявъ мужик жито,   жінка каже: «Мáк, мáк».
Нехай тáк, нехай тáк: нехай жито буде мáк

и латышскую (Э. А. Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи I, стр. 12, № 17):

Ceiruls olu dora   iz to mita gola.
Wel nă tai, wel nă tai,   soksim wel no gola.

То-же съ нѣсколько болѣе длиннымъ основнымъ стихомъ во второй части строфы чешскаго страшака (strašák—родъ польки):

A já jednu miluju   a druhé zas slibuju.
Já sem tak, jako pták: pomiluju, nechám tak.

Такъ-же въ пятой строфѣ старо-польской Богородичной пѣсни:

Nas dla wstał z martwych syn Boży —   wierzyż w to, czlowiecze zbożny,
Iż przez trud Bóg swój lud   odjął djablej stróży,

Свободно употреблены стянутые виды стиха въ примѣрахъ болгарскомъ и лужицкомъ, а въ польскомъ и въ чешскомъ стяженія пріурочены однообразно къ опредѣленнымъ мѣстамъ строфы съ не меньшею искусственностью, чѣмъ у Франциска Карпинскаго (Pieśni, księga II, XXXI Szczęście przy Dorydzie):

Kiedy ja usiądę koło méy Dorydy,
Oczy w nię wlepię i zapomnę biédy,
A ona mi jeszcze powie, jak mawiała:
Day mi twe serce: jam ci moje dała

и т. д. съ Wtenczas, Jeszcze, Dla jéy, Zorzę въ началѣ каждаго второго стиха, очевидно, ради ритма, который довольно исправно соблюденъ въ этомъ стихотвореніи (см. однако ст. 3). И такъ стяженія помимо конца мы находимъ въ совершенно опредѣленномъ стихотворномъ размѣрѣ, до такой степени ясномъ не только слушателю, но и читателю, что ихъ рѣшился употребить въ немъ, хоть и съ предосторожностями, такой ужь совсѣмъ не народный поэтъ, какъ Карпинскій. Возможно, что и сербскій десятисложный стихъ стянутъ изъ двѣнадцати-сложнаго и т. д. (ср. мое изслѣ-

---

если третье полустишіе ритмически не одинаково съ четвертымъ. Такъ-же въ мадярской пѣснѣ того-же склада:

Kinek van, kinek van karika gyűrűje,
Annak van, annak van barna szeretője

и т. д. и даже въ искусственномъ Családi kör Ивана Арани (Arany Jánoš):

Este van, este van: kiki nyugalomba!
Feketén bólingat az eperfa lombja,
Zug az éji bogár, neki megy a falnak,
Nagyot koppan akkor, azután elhallgat

и т. д. Изъ одной чешской (ганацкой) пѣсни мнѣ вспоминается припѣвъ, приблизительно такой:

Budeš má, budeš má,
Byť chťula, byť nechťula.

Есть и въ одной великорусской пѣсенкѣ не то нѣмецкаго, не то чешскаго происхожденія такіе стихи, распѣваемые на голосъ такихъ-же стиховъ страшака:

Хи, хи, хи! ха, ха, ха!
Какъ намъ жалко пѣтуха!

дованіе «Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ» въ «Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго»).

Но вообще числовое начало въ этомъ родѣ стихосложенія сохраняетъ свою существенность тѣмъ болѣе, что такіе стихи слагаются безъ опредѣленнаго, выдержаннаго ритма. Однако и послѣднее правило требуетъ оговорки. Во первыхъ оно касается слоговыхъ стиховъ лишь въ разговорномъ произношеніи, а пѣніе вноситъ въ нихъ ритмъ, не менѣе строгій, чѣмъ во всякіе иные, хотя въ тѣхъ языкахъ, которые не сохранили никакихъ остатковъ древнѣйшаго стихосложенія, этотъ ритмъ состоитъ изъ двусложныхъ и четырехсложныхъ стопъ, т. е. бываетъ всегда двухдольный, а если и трехдольный, то все-таки въ четырехъ слогахъ: ◡́◡–◡, напр. въ мазуркѣ. Во вторыхъ должно замѣтить, что относительно единственнаго въ качественныхъ (тоническихъ) языкахъ способа осуществленія ритма, а именно— посредствомъ совпаденія двухъ удареній, ритмическаго и разговорнаго, въ одномъ и томъ-же слогѣ, языки, пользующіеся слоговымъ стихосложеніемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: языки, ищущіе указаннаго совпаденія, по крайней мѣрѣ, въ концѣ стиха[21]) или ритмическаго ряда, передъ сѣченіемъ, и языки, равнодушные къ этому совпаденію. Къ первому разряду принадлежатъ языки романскіе (кромѣ румынскаго, въ искусственной поэзіи усвоившаго себѣ стопное стихосложеніе), а изъ славянскихъ — польскій, ко второму — сербо-хорватскій, болгарскій (не въ письменности), чехо-словацкій (также, но не всегда) и отчасти малорусскій. Возможно впрочемъ, что и у Поляковъ совпаденіе разговорнаго ударенія съ ритмическимъ въ концѣ стиха или полустишія или, по напѣву, музыкальнаго предложенія зависитъ не отъ какого-либо правила, хотя и безсознательнаго, а просто отъ того, что разговорное удареніе падаетъ по-польски на предпослѣдній слогъ слова, что̀ въ свою очередь обусловливаетъ женское окончаніе ритмическихъ рядовъ за исключеніемъ лишь того случая, если въ концѣ окажется односложное ударяемое слово. Но такихъ словъ сравнительно мало, и народъ не станетъ ихъ подъискивать такъ, какъ напр. Асныкъ въ чрезвычайно искусно сложенномъ стихотвореніи Różowa chwilka:

Pięknym jest ten gaj, Piękną jezior toń,
Pięknym świeży maj, Co roznosi woń

и т. д. Потому совершенно естественно дается упомянутое совпаденіе въ народномъ двѣнадцати-сложномъ стихѣ (краковякъ):

Opuszczę te kráje, pojadę w te strónу,

21) Ср. въ количественно-слоговыхъ древне-санскритскихъ gâyatrî и anuṣṭu̒b почти обязательное окончаніе ◡ — и въ возникшемъ изъ anuṣṭu̒b классическомъ çloka безусловно обязательное въ концѣ ◡ — ◡—.

въ искусственномъ соотвѣтствующемъ нашему пяти-стопному ямбу одиннадцатисложномъ:

Śniła się zima, ja biegłem w szeregu,

и т. п., хотя, при встрѣчѣ удареній обоихъ родовъ лишь передъ остановками, только-что приведенные примѣры съ точки зрѣнія качественно-стопнаго склада кажутся не трохаическимъ и ямбическимъ, какъ они должны слышаться въ пѣніи, а амфибрахическимъ и дактилическимъ. Но Полякъ объ этомъ не думаетъ, обращая вниманіе лишь на послѣднія ударенія. Однако въ самомъ обычномъ и распространенномъ размѣрѣ, который или остался изъ тѣхъ временъ, когда польское удареніе еще не было закрѣплено за предпослѣднимъ слогомъ, или заимствованъ Поляками у Малоруссовъ, въ тринадцати-сложномъ стихѣ совпаденіе обоихъ удареній на исходѣ перваго полустишія представило имъ, по малой мѣрѣ, съ XVI в., первой извѣстной намъ поры его появленія, такую трудность, что они не успѣли вполнѣ справиться съ нею и въ XIX в. Ритмъ этого стиха въ напѣвѣ тотъ-же, что въ уже приведенномъ малорусскомъ примѣрѣ

Чи я мужу не жона́, чи не господи́ня?

Такъ и у Рея (Rozdzyał piąty):

Widzisz iáko marny swiát ná tym sie zásádził

съ односложнымъ словомъ въ сѣченіи. Но, чѣмъ болѣе этотъ размѣръ былъ употребителенъ, тѣмъ чаще слагатели стиховъ должны бывали разрѣшать себѣ въ этомъ мѣстѣ болѣе длинныя слова, а при нихъ разговорное удареніе падало на предпослѣдній слогъ полустишія, что̀ по требованіямъ стопнаго стихосложенія давало такой ритмъ, какой мы находимъ у Рея въ стихѣ, слѣдующемъ за выписаннымъ:

A iáko dzyeći czáczkiem, ták nas wszytki zdrádził,

т. е. тотъ-же, что — mutatis mutandis — въ латинскомъ Сатурновскомъ[22]).

22) Разумѣется, если мы будемъ читать versus, quos olim Fauni vatesque canebant, такъ, какъ ихъ читалъ Теренціанъ Мавръ, разбирая въ видѣ примѣра угрозу Метелловъ Невію:

«Malum dabunt Metelli» claude pars dimetrist;
Post «Naevio poetae» — tres vides trochaeos,

Но Полякамъ нѣтъ дѣла до разговорныхъ удареній ни въ началѣ, ни въ серединѣ полустишія, и потому при чтеніи они довольствуются блѣднымъ и шаткимъ подобіемъ случайнаго ритма, основаннымъ лишь на двухъ удареніяхъ, изъ которыхъ только одно связано опредѣленнымъ мѣстомъ:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie.
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Но въ той-же первой книгѣ «Пана Тадеуша» черезъ какихъ-нибудь три страницы мы натыкаемся на стихъ

Wyszedł zmieszany i czuł, że mu serce biło,

на слѣдующей страницѣ:

Od dni kilku zbiera się na sądy graniczne

и т. п. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ перваго полустишія, въ томъ числѣ и

He. Ojczyzna! Ja nie szpieg, a po polsku umiem,

что̀ въ пѣніи дастъ тотъ самый ритмъ, въ который отлился идеальный съ этой стороны стихъ Кохановскаго въ «Сатирѣ» (Satyr):

W różnych głowach muszą być różne obyczaje,

а не такъ, какъ вздумалось читать этотъ стихъ Турнейзену будто-бы по древнѣйшему разговорному ударенію:

Malum dabunt Metelli Naevio poetae

безъ вниманія къ количественности. Но если мы вообразимъ себѣ хоть славянскія строки съ такимъ-же распорядкомъ долготъ и краткостей, напр. — да не посѣтуютъ сербскіе и чешскіе читатели на эту нескладицу! —

У тōм тӣхōм зàхлāђу млâд слâвӯј жӳбōркā.
Kdež dub stojí tajemný, tam stená holoubek,

количественный ритмъ едва-ли ускользнетъ и отъ славянскаго уха, не пріученнаго къ такому строю стиховъ; а могъ-ли его не замѣтить Римлянинъ, да еще въ стихахъ латинскихъ? Ср. Fr. Leo, Der Saturnische Vers. Berlin. 1905.

т. е. основной качественно-стопный. Не даромъ и нашъ Кантемиръ, писавшій свои тринадцатисложные стихи по польскому образцу, въ позднѣйшихъ своихъ сатирахъ сталъ склоняться къ мужескому окончанію перваго полустишія, напр.

Тотъ лишь въ жизни сей блаженъ, кто малымъ доволенъ.

Въ старину такіе стихи попадались у Поляковъ сплошь да рядомъ и даже не въ одиночку, напр. у Рея Do Boga:

Day słyszeć on wdzięczny głos pospołu z onemi,
Które będziesz raczył zwać przyjacioły swemi.

Но, какъ мы видѣли, не вывелись они и у позднѣйшихъ стихотворцевъ. И хорошо дѣлаютъ Поляки, что, хоть изрѣдка и безсознательно, вспоминаютъ стопный первообразъ, потому что только съ его помощью и можно слѣдить непосредственно и постоянно за правильнымъ строемъ такого громоздкаго стиха. Иначе, отвлекшись отъ образца, легко сбиться съ вѣрнаго расчлененія, какъ въ «Іудиномъ мѣшкѣ» (Worek Judaszow):

Za sprawedliwe się i za nabożne stawią

или тамъ-же:

Przyczynę kładą i na potrzebę zawitą

и еще хуже у стихотворца XIX в., Люціана Семенскаго (Fraszki, Przesada):

Czemu? bo i pomysł zwy- czajny i obrazy.

Можно запутаться и въ счетѣ слоговъ, что̀ случилось съ Мицкевичемъ въ первой книгѣ «Пана Тадеуша»:

Z palcami swemi zabiegał aż do drugiej strony,

если только не правъ Р. Ѳ. Брандтъ, подозрѣвая, что самъ Мицкевичъ написалъ Z palcy. Допустимо впрочемъ, что это слишкомъ длинное полустишіе вырвалось у Мицкевича въ силу воспоминанія о такихъ народныхъ стихахъ, какъ

Oj, a gdzież ten krzywy Jan, co chodził z toporem,
Kijanką się opasywał, podpierał się worem?

И лучше было-бы Полякамъ усвоить себѣ въ письменности полный видъ полустишія, не требующій ни особыхъ усилій со стороны стихотворца,

ни противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ тамъ, гдѣ они должны сходиться. Та-же борьба замѣчается на первыхъ порахъ и въ одиннадцатисложномъ стихѣ, котораго стопный строй можно найти кое-гдѣ уже у Рея, напр. въ Pokoy z walką:

Jednego walka zniszczy tak i z domem,

но тамъ-же:

Dziwnato jest rzecz, kiedy się dwa zwadzą,

гдѣ впрочемъ вслѣдствіе долготы закрытаго *a* въ dziwna, да еще при энклизѣ, ритмъ могъ быть лучше, нежели намъ кажется; но несомнѣнно рѣзкое противорѣчіе въ стихѣ

Lać niewinną krew prze uporną chciwość.

Янъ Кохановскій уже рѣшительно избѣгаетъ такого ритма даже въ сапфинской строфѣ, гдѣ онъ могъ-бы найти себѣ оправданіе въ древнемъ первообразѣ, особенно латинскомъ у Горація. Впрочемъ у Карпинскаго (Pieśni, księga II, XIII = Przeciwko Fanatyzmowi):

Kiedy ktoś ręce równo ze mną wznosi,
Nie potępiać go, on je wzniósł do góry,

если онъ не имѣлъ въ виду какого-нибудь особеннаго мѣстнаго выговора. Таковы исключенія изъ правила о согласованіи послѣдняго въ стихѣ или полустишіи ритмическаго ударенія съ разговорнымъ; но правило остается.

Въ языкахъ, не ищущихъ этого совпаденія, вопросъ объ удареніяхъ отчасти сложнѣе, отчасти проще. Обратимся прежде всего къ племени, стихосложеніе котораго кажется особенно загадочнымъ даже въ рукахъ писателей, пользующихся чужими размѣрами, — къ Сербамъ и Хорватамъ, слагающимъ стихи, помимо разницы въ удареніяхъ ихъ нарѣчій, совершенно одинаково. Оговоримся, что здѣсь рѣчь идетъ только о Штокавцахъ, такъ какъ въ тѣхъ немногихъ образчикахъ пѣсеннаго творчества Чакавцевъ, которые до сихъ поръ извѣстны, слѣды чакавскаго ударенія, если и есть, то во всякомъ случаѣ незначительны вслѣдствіе очевиднаго подражанія штокавскому складу. Чтобы выяснить себѣ понятія самихъ Сербовъ и Хорватовъ о средствахъ ихъ языка для осуществленія ритма, разсмотримъ въ видѣ примѣра стихотвореніе, по намѣренію сочинителя, стопное—«Іуначки одговор» Миты Поповича, поэта новаго, родомъ изъ города Баи (Ба̑ја)

въ Бачкѣ, что̀ важно въ томъ смыслѣ, что говоръ австрійскихъ Сербовъ занимаетъ какъ-бы середину между говорами балканскихъ и хорватскихъ Штокавцевъ (не Кайкавцевъ, склоняющихся отчасти къ чакавщинѣ, отчасти къ словѣнщинѣ). Кромѣ того это стихотвореніе написано трохеями, болѣе свойственными сербо-хорватскому языку, чѣмъ какая-бы то ни была стопа, и потому наиболѣе привычными слуху сербскаго или хорватскаго стихотворца изъ народныхъ пѣсенъ:[23])

Пру̏жило се по̏ље ра̑вно,
    По̏ље ду̏го, зѐлено,
А на њѐму кне̑з Дани́ло
    Пи̏је ви́но цр̏вено.

Према њѐму О̏мер-па̀ша
    Ра̏запео ша̏торе,
Па он ша̏ље по̀сланика,
    Да му с' ла̏ви по̀коре.

Сви̏ се гро̑том насмѐјаше,
    Кне̑з Дани́ло на̑јвише,
Па о̏дговор О̏мер-па̀ши
    На фи̏шеку он пи̏ше:

«Ро̀дио си с', да кр̏ст бра̑ниш,
    А са̏д си му ти зло̀твор;
По̀турице О̏мер-па̀ша,
    Фи̏шек ти је о̏дговор!»[24])

---

23) Ударенія размѣчены въ этомъ стихотвореніи преподавателемъ Бѣлградской Великой Школы Радованомъ Ивановичемъ Кошутичемъ изъ Срема, гдѣ говорятъ нарѣчіемъ очень сходнымъ, если не тождественнымъ, съ бачванскимъ. Въ этомъ нарѣчіи конечныя открытыя гласныя, по видимому, вездѣ сокращаются, а закрытыя — тамъ, гдѣ имъ предшествуетъ неударяемый слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, или долгота, хотя и ударяемая, или короткое нисходящее удареніе; и такъ *во̀де*, *го̀вори*, *го̀ворим*, *и̏нговор*, *гла́вом*, *ри̏бом*. Но *ка̏ме̄н* (= камень, а *ка̏мен* = каменный) съ явственной долготой, а *чи̏нӣм*, *во̀до̄м*, *го̀спо̀да̄р*, *стру̏га̄ч* даже съ такимъ преобладаніемъ долготы надъ удареніемъ, что слышится почти *чини̑м*, *водо̑м* и т. п., если же за долготой съ предшествующимъ короткимъ восходящимъ удареніемъ слѣдуютъ еще одинъ или два слога, удареніе падаетъ на эту долготу: *чини̑мо*, *чини̑те*, также *пије̑мо*, *пије̑те*, потому что тамъ говорятъ не *пи̏је̄м*, *пи̏је̄ш*, *пи̏је̄*, а *пи̏је̄м*, *пи̏је̄ш*, *пи̏је* (однако *би̏јем*, *кри̏јем* и т. п.). Иногда, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ, короткое восходящее удареніе уступаетъ въ Litremѣ свое мѣсто короткому нисходящему, примѣры чему ниже.

24) По Вуку и Даничичу *ра̑вно̄*, *ду̏го̄*, *зѐлено̄*, *пи̏је̄*, *цр̀вено̄*, *раза̀пео*, *шато̀ре* (? *ша̀тор* род. *шато̀ра*), *па̑*, *ша̏ље̄*, *по̀сланӣка*, *по̀коре̄*, *пи̑ше̄*, *бра̑нӣш*, *о̏дгово̄р*.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые случаи противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ. Въ стихѣ 9 *насмѐјаше* и въ ст. 12 *на фѝшеку* въ значеніи двухъ трохеевъ — оба случая съ восходящимъ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое, очевидно, не только звучитъ слабо, съ относительно ничтожнымъ напоромъ, но и захватываетъ въ предѣлы своего дѣйствія, согласно съ наблюденіями проф. Мазинга, послѣдующій слогъ достаточно сильно для того, чтобы онъ могъ при нуждѣ сойти за ритмически ударяемый и даже распространить свою ритмическую силу назадъ черезъ непосредственно предшествующій ему слогъ, какъ въ стихѣ Пушкина

На бѐрегу́ пусты́нныхъ вȯлнъ

ударяемый слогъ *гу́*, подавляя слогъ *ре*, усиливаетъ слогъ *бе*. Въ ст. 11 сочетаніе *Па ȍдговор* представляетъ собою два трохея, въ ст. 12 *он пӣше* и въ ст. 14 *ти злȍтвор* — кретики, въ ст. 13 *да кр̑ст* и въ ст. 14 *А сад* — трохеи, гдѣ ритмомъ обойдено уже нисходящее удареніе, сильное, но лишь на одно мгновеніе[25]), и во всѣхъ пяти случаяхъ оно ритмически пропадаетъ послѣ односложныхъ словъ. Всѣ эти сочетанія словъ можно признать кретиками и трохеями больше въ умозрѣніи, чѣмъ на дѣлѣ. И все-таки Сербъ принимаетъ такія сочетанія съ односложнымъ впереди, особенно двухъ односложныхъ, когда нужно, за трохеи и другія нисходящія стопы, если не по слуху, то по привычкѣ къ подавляющему дѣйствію односложнаго слова на слѣдующее удареніе, — привычкѣ, глубоко укоренившейся въ ритмическомъ сознаніи сербо-хорватскаго племени и, конечно, имѣющей физіологическое основаніе.

Разберемъ еще одинъ примѣръ личнаго, искусственнаго творчества, менѣе стройный въ ритмическомъ отношеніи, — изъ Аріостова Orlando furioso въ переводѣ Драгиши Станоевича, замѣчательномъ между прочимъ тою особенностью, что переводчикъ, подобно недавно скончавшемуся словѣнскому ученому и поэту, Ва́лявцу, признаетъ риөмы только съ безусловно одинакими удареніями, которыя онъ и размѣтилъ на всѣхъ риөмующихся словахъ. Возьмемъ строфу семидесятую двадцать-пятой пѣсни, разставивъ однако ударенія не на однихъ послѣднихъ словахъ каждаго стиха и вообще на помѣченныхъ самимъ переводчикомъ, а на всѣхъ ударяемыхъ и замѣ-

25) Такъ и на долготѣ, потому что напр. а̑ звучитъ приблизительно какъ ȁа, а не какъ а̀а, и напрасно я склонялся къ смѣшенію сербскаго ̑ съ греческимъ ͂ («Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія» примѣч. 6 — въ «Сборникѣ статей» въ честь Ф. Ө. Фортунатова). Къ упомянутому тамъ *двȁа* вмѣсто *два̑* прибавь изъ Вука-же *тȁобора* вмѣсто *тȁбора* въ стихѣ

Усред тȕрског сѝлна тȁобора.

нивъ знакъ ⩦ на долгихъ неударяемыхъ гласныхъ обыкновеннымъ знакомъ долготы. Размѣръ — такъ называемый дванаестéрац, уже извѣстный намъ ◡◡◡ | ⊥ ⩦ | ◡◡◡ | ⊥ ⩦.

Родманну[26]) да̏ти — дјéву у за̏мену
За о̀тēту, сми̏сли — Та̀тарин[27]) пра̀ктички̅,
Марфи̏зу, ви̏тēштвом — своjијем зна̏мену,
Хтје̏де употрéбит' — при тра̏мпи фа̀ктички̅!
К'о да А́мор не̑ма̄ — во̀љицу ста̏мену,
Нит' опѐрисати — у̏мије̄ та̀ктички̅!
К'о да би̑ва̄ да̏ се — и о̀н прила̀годи̅
О̀нōм, што Та̀тарин — jѐдан му на̀годи̅.

Ст. 1: *Роддману*, ст. 3: *Марфи̏зу*, ст. 7: *прилáгоди̅*, ст. 8: *Та̀тарин* и *на̀годи̅* — ср. замѣченное выше къ ст. 8, а въ ст. 2 *За о̀тēту* ритмическое усиленіе слога *тē* облегчается долготою и предшествующимъ односложнымъ словомъ, въ ст. 2 *пра̀ктички̅*, въ ст. 4 *фа̀ктички̅*, въ ст. 6 *та̀ктички̅* предпослѣдніе слоги также долги по положенію. Въ ст. 3 *ви̏тēштвом* съ амфибрахическимъ измѣреніемъ извиняется долготою середняго слога. Труднѣе объяснить возможность такой постановки словъ *за̏мену*, *зна̏мену*, *ста̏мену* въ концѣ стиховъ 1, 3 и 5. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ еще можно допустить вліяніе предшествующаго *у* какъ односложнаго, а въ двухъ остальныхъ мыслимо лишь одно — такое-же вліяніе предшествующихъ *своjијем* и *во̀љицу*, дактилей съ ритмическимъ значеніемъ кретиковъ. Что риѳма въ этихъ стихахъ составлена изъ трехъ слоговъ, а не изъ двухъ, какъ требуетъ размѣръ, зависитъ только отъ щепетильно-добросовѣстнаго отношенія переводчика къ разговорному ударенію помимо его связи съ удареніемъ ритмическимъ. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ стиховъ, которыхъ риѳма состоитъ изъ неравныхъ словъ, двусложнаго и болѣе длиннаго, напр. XXIV 53 ст. 7—8:

И̏зра̏жена бје̏ше — неизмјерна[28]) бо̀љка
На лицу дјѐвичнōг — о̀вōга пу̏пōљка

или тамъ-же 61 ст. 7—8:

На Дуринда́нино — сијѐва̑ње стра̑шнō
Јури̏шати бо̀гме — дје̏ло је за̏ма̄шно,

26) Или *Родома́ну?*

27) По выговору Р. И. Кошутича *Та̏тарин*.

28) По выговору Р. И. Кошутича *бéше неи̏змјерна*. Впрочемъ простое прошедшее несовершенное въ сремскомъ нарѣчіи почти пропало.

чтѝ Станоевичъ со своей точки зрѣнія могъ разрѣшить себѣ только потому, что писалъ по Вукову способу *пу̏по̂љка*, *за̏ма̂шно*, обозначая долготу за удареніемъ той-же дугой, какою въ *бо̄љка* и *стра̑шно̄* отмѣчено самое удареніе. Та-же забота, отчасти зрительная, о полномъ взаимномъ сходствѣ риѳмующихся словъ, начиная съ ударяемаго слога, не менѣе явствуетъ изъ риѳмъ, захватывающихъ цѣлыхъ два трохея, какъ тамъ-же въ строфѣ 85:

Уза́луд по̀током су̏зе про̀лијева̄,
Го̀лемо̄ме ја̏ду не одо̀лијева̄.

Правда, въ послѣднемъ примѣрѣ созвучіе доведено до такого совершенства, дальше котораго можетъ завлечь только шутка, подобная Пушкинской въ «Графѣ Нулинѣ»:

Но что-же дѣлаетъ супруга
Одна, въ отсутствіи супруга?

А Серьбы не раздѣляютъ такой взыскательности къ созвучіямъ и довольствуются риѳмами напр. Йована Илича, у котораго среди стиховъ того-же размѣра нетрудно найти такіе (Космај):

Од ту̏тњаве̄ пу̑сте̄ и̏гре̄ и пје̏са̄ма̄
Чѝнӣ ти се, по̂бро, го̀ра се про̀ла̄ма̄!
Ти̏це џа̂гор ди̏гле по го̀ри зѐлено̄ј,
Да прѐотмӯ жу̏бер во̀дици сту̀дено̄ј [29]),
Прѐлијећӯ ле̂том ви̏лино ко̀рито,
Гдје’но ви́ла ку̑па̄ чѐдо по̀носито̄.
О̀да̄вно је би́ло, ал’ се и̏ сад па̂мтӣ,
Кад но гњѐвом Ма̂рко на ви́лу за̏пламти.
И ко̏л’ко се, по̂бро, за̏нио би̏ја̂ше,
У ко̀риту си̑на по̀сјећи јој шћа̂ше!
Ври̑сну б’је̂ла̄ ви́ла, и Бо̂г јој по̏може:
У ко̀риту Ма̂рко сало̀мио но́же.
Но је ју̀на̄к ди̑ван спо̏ме̄н о̀ставио,
Те се и̏ сад па̂мтӣ, ко̏ је Ма̂рко би̏о.

Цѣль этой довольно длинной выписки состоитъ въ томъ, чтобы 1) показать, какія условія Сербъ считаетъ достаточными для ясности двуслож-

29) Въ Сремѣ *сту̏деној* (ср. у Вука *сту̏де̄н* ж. р. = стужа), ниже *гњéвом* (ср. у Вука *гње̂ван*, *гњéвити*), *бија̂ше*. О сокращеніи конечныхъ гласныхъ уже было сказано въ примѣчаніи 23.

наго созвучія, которое — что важно для этого изслѣдованія — содержитъ въ себѣ слогъ ритмически ударяемый, и 2) провѣрить на примѣрѣ, по замыслу стопномъ, но довольно безъискусственномъ, тѣ соображенія о ритмическихъ средствахъ сербскаго языка, которыя изложены выше по поводу другихъ двухъ примѣровъ. И эти соображенія подтвердились на столько, что теперь, кажется, можно выразить ихъ въ видѣ правилъ, хотя-бы только предварительныхъ, ожидающихъ дальнѣйшей провѣрки со стороны самихъ Сербовъ и Хорватовъ, изъ которыхъ внимательно разсматривалъ этотъ вопросъ чуть-ли не одинъ Миливой Шрепелъ въ своей книгѣ Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama (Zagreb 1886). И такъ: 1) ритмическое удареніе можетъ падать не только на разговорно ударяемые слоги, но и на непосредственно сосѣдніе съ восходящимъ удареніемъ, которое въ такихъ случаяхъ лишается своего ритмическаго значенія, напр. *набàцати* — не только ◡◡́◡◡́, но и ◡́◡◡́◡, и такъ-же *загáсити*, не смотря на долготу; 2) односложное слово, въ разговорѣ даже неударяемое, можетъ считаться ритмически ударяемымъ со всѣми послѣдствіями этого усиленія для послѣдующаго слова, напр. *у р̏ибама* — не только ◡◡́◡◡́, но и ◡́◡◡́◡; 3) такое-же дѣйствіе имѣютъ иногда слова и сочетанія по разговорному ударенію дактилическія, напр. *г̏издава к̏итица* = ◡́◡◡́◡◡́◡, *ȍд злāта ја̏бука* = ⊥–◡́◡◡́◡; 4) всѣ эти условія значительно поддерживаются долготою въ качествѣ ритмически ударяемаго слога, напр. 1) *набàцāмо* = ◡́◡⊥◡, *загáсӣмо* = ◡́–⊥◡, 2) *да в̏идӣмо* = ◡́◡⊥◡, *злòпогле̄ђа* (только внѣшнее сложеніе, Zusammenrückung) = ◡́◡⊥◡, 3) *злâћенōм ја̏букōм* = ⊥◡⊥◡́◡, *т̏урскōга кòњӣка* = ⊥–◡́◡⊥◡, еще лучше *злâћенӣх ја̏бӯкā* = ⊥◡⊥◡⊥–, и, повидимому, уже вполнѣ правильно *из гдрȇ дје̏вōјка* = ⊥◡⊥◡⊥◡, годное для риѳмы напр. съ *ȍде ỳсред бòјка* или *с њȏме óвца Гȍјка* или *врӣшта̄ лŷда̄ сȍјка*. Ритмическое значеніе долготы давно признано самими Сербами, но, говоря о немъ, они обыкновенно разумѣютъ долготу естественную, а между тѣмъ едва-ли можно отрицать ритмическую силу и въ долготѣ по положенію, производимой двумя согласными двухъ разныхъ слоговъ, какъ *картàшица* = –◡́◡◡́, но и = ⊥◡◡́◡, *јàсак чѝнӣ* = ◡́–◡́– или ◡⊥◡⊥. Какъ-бы то ни было, всѣ или почти всѣ эти способы, такъ сказать, обхода разговорнаго ударенія, особенно энклиза многосложнаго слова послѣ слова дактилическаго или такого-же соединенія словъ, представляются вольностями довольно условнаго свойства, и чѣмъ искусственнѣе размѣръ — т. е., говоря попросту, если онъ не состоитъ изъ трохеевъ —, тѣмъ болѣе насильственнымъ кажется примѣненіе этихъ сдѣлокъ съ естественнымъ ходомъ рѣчи, а потому и стихи тѣмъ менѣе производятъ впечатлѣніе плавности, напр. въ стихотвореніи Станка Враза «Лијепа Анка», написанное будто-бы четырехстопнымъ ямбомъ:

Ала̀ је л'је́па на̏ша А̑нка!
Да л' је и̏стина? да л' је са̏н?
Тре́су̑ се бо̑р и је̏ла та́нка̄,
Зави́ђајӯћ јој стру̑к та̏нан

и т. д. Изъ этихъ четырехъ стиховъ только въ первомъ ясно слышится предположенный стихотворцемъ ритмъ, во второмъ приходится пустить въ дѣло сомнительную силу односложнаго неударяемаго слова, въ третьемъ — пѣвучесть восходящаго ударенія и тяжесть долготы, а четвертый держится также силою односложнаго слова, впрочемъ съ долгой ударяемой гласной. Это впрочемъ еще не значитъ, что Сербы и Хорваты должны довольствоваться одними трохеями, отказавшись даже отъ ямбовъ: не отъ ямбовъ, а только отъ спорныхъ вольностей, особенно въ началѣ стихотворенія, пока читатель еще не усвоилъ себѣ его ритма. Справедливость этого замѣчанія показываютъ такіе примѣры, какъ посланіе «Људевити» Хорвата Юрія (Ђуро) Арнольда:

Ти пи̏та̄ш, ли́ца за̏што су̑ ми бл'је́да,
Хладо̀вит по̏гле̄д по̀пу̑т кр̏хка ле̏да,
И пи̑та̄ш, о̀ткуд сдво̑јне ми̑сли ни̏чӯ,
Па ко̀ја̄ ли ме мо̏рӣ вј'е̑ком бј'е́да,
На чѐлу да се ту́ге̄ зна̑ци сти̏чӯ.
А̏х, нѐмо̑ј пи́тат — слу̏ша̄ј ту̑жнӯ при̏чу

и т. д. Но такіе стихи достаются не легко и потому обыкновенно отзываются искусственностью. Всѣ исчисленныя выше вольности и даже связанныя съ ними неправильности такъ въѣлись въ понятія Серба о стихосложеніи, что безъ нихъ онъ не можетъ сочинять стихи непосредственно и остается равнодушенъ къ сочиненнымъ иначе. И это понятно: таковъ строй его народныхъ пѣсенъ. А если такъ, всѣ эти замѣны разговорнаго ударенія въ качествѣ ритмическаго и вообще невзыскательность по части ритма должны имѣть естественное основаніе, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ. Выше уже было сказано, что подъ Сербами или Хорватами здѣсь разумѣются только Штокавцы, оттянувшіе, какъ извѣстно, древнее восходящее удареніе на одинъ слогъ ближе къ началу слова и потому говорящіе *во̀да* вмѣсто *вода̀*, *гла́ва* (= *гладва*) вмѣсто *гла̄ва̀*, *ко̀ва̄ч* съ род. пад. *кова́ча* вмѣсто *кова́ч* съ род. *кова̄ча̀*, какъ до сихъ поръ произносятъ Чакавцы. Переходъ отъ ударенія чакавскаго къ штокавскому совершился, конечно, не сразу и даже не вездѣ послѣдовательно (ср. напр. А. А. Шахматова «Къ исторіи удареній въ славянскихъ

языкахъ» въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ III, стр. 31—34 и особенно изслѣдованіе Милана Решетара Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten въ Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I), и, если еще въ наши дни Штокавцы различаютъ ударенія въ *вȍда*, *гла́ва* и въ *вȏду*, *глȃву*, то, чѣмъ болѣе отдаленную пору штокавщины мы себѣ представимъ, тѣмъ яснѣе должна была въ то время слышаться эта разница. Древнѣйшіе Штокавцы произносили *вȍда*, вѣроятно, такъ, что оба слога были приблизительно одинаковы по силѣ и по высотѣ, и при такомъ выговорѣ имъ было все равно, который изъ этихъ слоговъ поставить подъ ритмическое удареніе. Въ такое время ясно слышалась риѳма напр. въ пословицѣ «Цȁревац је цȁревац, ако нȇ ћȇ ѝмати и нȍвац, а мȁгарац је мȁгарац, ако ћȇ ѝмати и зла́тан покрȍвац (или пȍкровац)», откуда эпиграмма «Човјек» Дубровчанина XVI в., Николы Димитрича:

Чȍвјек ћȇ бȉт чȍвјек, да нȇима ни нȍвац,
А ȍсо̄ ȍсо̄ вјек, да ѝма̄ злȃт покрȍвац.[30])

Впослѣдствіи такое колебаніе стало возможно только въ словахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, какъ *вȍдица*, гдѣ возможно сравненіе нѣкогда ударяемаго слога съ искони безударнымъ. Вотъ начало постановки словъ, подобныхъ разобраннымъ выше *насмѣјаше*, *на фишеку* и т. д., въ такихъ мѣстахъ стиха, гдѣ ритмическое удареніе должно падать не на разговорно ударяемый слогъ, а на предшествующій и на послѣдующій, однако именно въ такихъ словахъ, въ которыхъ за разговорно ударяемымъ слогомъ слѣдуетъ не менѣе двухъ слоговъ. Но въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ

---

30) Въ выпискахъ изъ старинныхъ сербохорватскихъ стихотвореній я размѣчаю ударенія согласно съ общепринятымъ штокавскимъ выговоромъ, на сколько онъ мнѣ извѣстенъ, хотя несомнѣнно, что ударенія этихъ памятниковъ, различныхъ по времени и мѣсту, были иныя. О древнемъ дубровницкомъ удареніи можно сказать навѣрное лишь то, что оно было не таково, какое отмѣчено Решетаромъ въ нынѣшнемъ Дубровникѣ. Едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что оно было штокавское, по крайней мѣрѣ, относительно конечнаго слога, почему напр. *ту́га* риѳмуется съ *дру́га* и съ *дрȕга*, *ви́ла*—съ *сȉла* и т. п. Изъ такихъ риѳмъ, какъ *ндје̄*—*мнȍге*, *ѝма̄*—*прȉма̄*, *гдрӣ*—*створӣ*, по видимому, слѣдуетъ, что Дубровчане шли въ штокавскомъ удареніи дальше тѣхъ Штокавцевъ, которые сохраняютъ древнее удареніе на конечной долготѣ, напр. *водȇ*, *водȏм* (при *вȍда*, *вȍди*, *вȍдама*), и дальше Кайкавцевъ, съ которыми у Дубровчанъ есть какъ-будто нѣкоторая связь, между прочимъ въ томъ, что старое удареніе въ серединѣ слова звучало у нихъ, кажется, слабѣе и пѣвучѣе, нежели у Чакавцевъ — не *водȉца*, а *води́ца* (ср. Vatroslav Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju—Rad XXXVIII, XXXIX и XL) или, точнѣе, *вȍди́ца*, какъ въ черногорскомъ говорѣ, изслѣдованномъ А. А. Шахматовымъ (см. его указанную выше статью). Впрочемъ, кто хоть касается этого вопроса, тотъ

incedit per ignes
Suppositos cineri doloso.

Лѣ̑по пѐва̄ славу̑јак
У зѐленō̑ј шу̏мици

или тѣмъ-же размѣромъ

Сòкō лѐти̅ висòко
Кри́ла нòси̅ ширòко,

и т. п., какъ въ XVI в.:

По̏д нѐбом лје̏пше̄ пти̏це̄ ни̑,
Нѐго ли сòкō сивòпер.
Да би м' се њи̑ме створити,
Лѐтнуо си бих висòко,
Висòко сòкō по̏д обла̄к,
А па̏днуо бих[31]) низòко,
Низòко сòкō на òрах.
А под òрахом ви́ла спи̑.
А̏ли је ви́ла а̏ли ни̑,
А̏ли је кòја̄ и̏на звиер,
Бо̏же, лие́по т' је створе́ње,
Ље̏пше нѐго ли љѐтни̅ да̑н.

Пѣсня эта выписана здѣсь цѣликомъ не только какъ образчикъ народнаго или, во всякомъ случаѣ, полународнаго и при томъ стараго стихосложенія, но и какъ примѣръ рѣдкихъ въ то время четырехстопныхъ ямбовъ, сближающій старинное хорватское пѣсенное творчество со словѣнскимъ, гдѣ этотъ размѣръ особенно употребителенъ въ пѣсняхъ повѣствовательныхъ, какова обнародованная Валентиномъ Водникомъ Pegam ino Lambergar:

Molî tâm k vîšku Dúnaj bél,
Na Dúnaji káj Pegam jèl,
Vam bôm junáško pêsen pèl

и т. д. — пѣсня не новая, однако уже съ риѳмой, вездѣ на три стиха, совсѣмъ какъ въ Прешерновомъ Judovsko deklè; такъ-же сложена сохраненная Водникомъ пѣсня Nevésta kralja Matijáža, но съ риѳмой на два стиха, и многія лирическія, съ риѳмой или на два стиха или въ четырех-

31) Записано padnuo si bih.

строчныхъ строфахъ съ вольностями, звучащими по-нѣмецки, напр. у Штрекля 2070 (но ср. и 2071—2076):

Nicój je pàč éna lȕštna nȏč,
Ker mêsec svéti célo nȏč

и т. д. Но что четырехстопныя ямбы явились у южныхъ Славянъ не отъ Нѣмцевъ, видно напр. изъ стихотворенія «На лову» Георгія (Ђоре) Држича, дубровницкаго поэта XV в.:

Лòвац лòвеħи, дѝклице,
С крагу̑јцем дрȍбне птѝчице,
Бјȅше т' ми гòрко су̑на̄чце
Тер ѝскаx хла́дне̄ вòдице̄

и т. д. совершенно въ духѣ народной пѣсни. Ср. великорусскую пѣсню:

На у́лицѣ то до́ждь, то снѣ́гъ,
То до́ждь, то снѣ́гъ, то вья́лица,
То вья́лица, то мете́лица

и пр. съ тѣми колебаніями въ числѣ слоговъ, которыя ясно показываютъ, что этотъ размѣръ тождественъ съ разобраннымъ выше общерусскимъ эпико-лирическимъ стихомъ. Впрочемъ тотъ-же размѣръ есть и у позднѣйшихъ Грековъ, напр. въ колыбельной пѣснѣ Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CCLXXXI:

Νανὰ, νανὰ τὸ γιοῦδι μου
Καὶ τὸ παλληκαροῦδι μου

и т. д., см. также Legrand, Recueil de chansons populaires grecques № 23 (визант.), 73 (1826 г.), 79, 99, 120.

Вторая особенность сербо-хорватскаго стихосложенія состоитъ, какъ мы видѣли, въ подавляющемъ дѣйствіи односложнаго слова на слѣдующее за нимъ удареніе, почему напр. въ пѣснѣ у Кухача 48 (вторая строфа):

А̏к на мѐне нȅ гледа̄ш, вȅħ ти̅ дру̑го̄г љу̑би̅ш.
У кȍга се ти̑ у̑зда̄ш, ка̏д ти̅ та̏ко су̑ди̅ш?

и даже помимо напѣва въ приговоркѣ, приведенной Вукомъ въ словарѣ подъ *Ототòлити*:

Ототòли дебѐло, као мòје кòљено;
Ȁко ли ћȅш и дȅбље, као мòје и бȅдре!

Исходной точкой этого явленія могли быть предлоги передъ словами съ исконнымъ нисходящимъ удареніемъ и передъ энклитиками, какъ *нȁ воду*, союзы передъ односложными-же служебными словами, какъ *ȉ сад*, *ȁ кад*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицаніе. Могли вліять предлоги и отрицанія даже въ сложеніяхъ, именно такихъ, гдѣ вторая часть имѣетъ значеніе сама по себѣ, какъ исконныя *пȍдāвно, нȅвријеме*, и штокавскія, какъ *пò-пӯт*, *нèвјера*. Въ штокавщинѣ нѣкоторое усиленіе односложнаго слова на счетъ силы послѣдующаго, особенно односложнаго-же или даже двусложнаго, тѣмъ естественнѣе, что оно совпадаетъ съ общимъ строемъ штокавской рѣчи, трохаическо-дактилическимъ. То-же и у Поляковъ съ ихъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, но, конечно, только въ примѣненіи къ двумъ односложнымъ, напр. у Семенскаго въ переводѣ «Забоя» изъ пресловутой Краледворской рукописи:

Jaki zwyczaj w obcej stronie Od mroku do świtu,
Taki zwyczaj dziecku, żonie Narzucił i tu

и въ переводѣ «Збыгоня» оттуда-же:

«Gołąbka-ż to czyja?». «Od zdrajcy Zbigona
Więziona, jak i ja, na zamku więziona».

Такъ иногда и по-чешски, напр. въ сонетѣ строгаго къ стихосложенію Ярослава Врхлицкаго (Portréty básníkův, XXII. Parini):

Chceš, jak on, pravdu, právo, volnost všech.

Но такъ какъ чешскій языкъ отодвинулъ удареніе не на предпослѣдній, а на первый слогъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ послѣдующихъ слоговъ черезъ одинъ, напоръ на односложное слово возможенъ въ немъ и въ ущербъ ударенію слова болѣе длиннаго, какъ въ томъ-же сонетѣ выше:

Dĕl jiný druh tvůj, pln svatého hnĕvu,

что̀ можно было-бы приписать долготѣ слога -té-, если-бы Врхлицкій не исключилъ изъ своихъ стиховъ, кромѣ первой стопы, долготу въ качествѣ

составной части ритма безъ какихъ-либо привходящихъ условій. Гораздо рѣшительнѣе въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Včera mně skázala jeho panimáma,

а такой-же переносъ ударенія въ томъ случаѣ, какой представляется въ стихѣ, непосредственно слѣдующемъ за только-что выписаннымъ,

Bych si ne myslila na jejího syna,

обыченъ и въ разговорѣ. Англичане, какъ и всѣ Германцы, въ своихъ, не заимствованныхъ, словахъ ударяютъ первый слогъ; такъ, разумѣется, и въ словахъ сложныхъ, вторая часть которыхъ должна довольствоваться у нихъ второстепеннымъ удареніемъ. Но если первая часть сложенія состоитъ изъ одного слога, вторая легко становится безударной и потому въ концѣ ямбическаго или трохаическаго стиха — даже ямбической, напр. у Шекспира въ «Венеціанскомъ купцѣ» I, 1:

And laugh, like parrots, at a bag-piper,

II, 4:

We have not spoke us yet of torch-bearers

и такъ то-же слово еще два раза въ той-же сценѣ и одинъ разъ въ II, 6; тамъ-же V, 1:

I'll have the doctor for my bed-fellow

и такъ-же ниже. Близко къ сложному тамъ-же IV, 1:

And if your wife be not a mad woman,

и отсюда дальнѣйшая ступень въ старинной балладѣ[31]), которую поетъ Офелія (Гамлетъ IV, 5):

He is dead and gone, lady,

какъ этотъ стихъ измѣряется въ напѣвѣ (см. В. Шекспиръ. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. III, стр. 206). И такое обращеніе съ двусложными послѣ односложныхъ въ концѣ стиха встрѣчается очень часто, даже въ искусственныхъ стихотвореніяхъ, но написанныхъ болѣе или менѣе по-народному, напр. у Шотландца Вилльяма Миллера:

31) Ср. первый стихъ съ Percy II стр. 78, ст. 5.

O, dinna look sae kind, Willie,
Or else wi' joy I'll dee,
An' dinna read my heart, Willie,
Wi' thae lang lucks o' your ee.

Еще чаще предлоги уничтожають удареніе мѣстоименій, хоть и не обязательно, и въ слѣдующемъ стихѣ изъ «Венеціанскаго купца» (IV, 1) мы видимъ и то и другое:

For giving it to me. Well, peace be with you,

за то въ другомъ оттуда-же (V, 1) — полное подавленіе второго односложнаго (it):

I'll die for 't, but some woman had the ring.

То-же попадается и у Нѣмцевъ, напр. въ Wehmuth Гёте:

Als ich, Engel, an dir hing,

и у Скандинавовъ, напр. въ Stellurímur[32]) Исландца Сигурда Петурссона:

Ef mig styrkja eitt-hvað fer,
Á þig skal eg trúa.

Въ тѣснѣйшей связи съ общимъ ритмомъ языка состоитъ и дѣйствіе дактилическаго или кретическаго сочетанія слоговъ (качественно, иногда количественно, т. е. ́◡◡, ́◡́ или ⊥◡◡, ⊥◡⊥) на послѣдующее слово въ концѣ стиха, какъ въ народной пѣснѣ (по разговорному съ ◡◡ впереди):

А и пе̄тӯ ибрйшим - ткӑницу.

То-же и въ чешскихъ стихахъ, по крайней мѣрѣ, народныхъ, откуда и у Челаковскаго въ Ohlas písní českých XXII:

Holubička s dubu Letěla k holubu,

и такъ-же въ старинныхъ искусственныхъ стихахъ, напр. въ пѣснѣ XIII в., открытой Патерою (см. Časopis Musea kral. českého 1878 seš. 2):

(Z)lovo dozveta ztworene vbostui zhowano
ieſ pro euíno zreſſeníe nazuet pozlano

32) Знакъ ударенія показываетъ въ исландскомъ письмѣ то-же, что въ чешскомъ и мадярскомъ, — долготу.

и пр. У Лужичанъ подъ вліяніемъ ритма подчиняется двусложное слово въ концѣ стиха предшествующему двусложному-же (ср. серб. *ми̏мо гору*), напр.

Seduj mi, bratsiko, konika,
Seduj mi, přeco wobej' dweju

и въ той-же пѣснѣ (Mi je so dźens zejdźało):

Wone je dźensa mi rune lěto,
Zo smy ju na keřchow dowjezli,

также трохаическому сочетанію двухъ односложныхъ, которое впрочемъ поется не такъ въ другой пѣснѣ съ инымъ распредѣленіемъ тактовыхъ величинъ:

Syrotka hobešła   tři raz kjarchob —

не безъ насилія надъ естественнымъ ритмомъ, что̀ особенно сказывается дальше:

Stawajśo wy górej,   mója maśi

и т. п.

Въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ послѣднее въ полустишіи или стихѣ двусложное трохаическое слово теряетъ свое удареніе послѣ другого ударенія, напр.

Онъ кида́лъ пе́рья   по чисту́ по́лю.

Въ искусственныхъ, но неискусно построенныхъ стихахъ безъ обязательнаго сѣченія попадается то-же, напр. у Державина въ стихотвореніи «Стрѣлокъ»:

Ахъ, бере́чь было   моне́ту
Бѣлую   на чёрный де́нь

или въ малорусской Энеидѣ Котляревскаго (п. II):

Коли́-б, каже,   твоя́ здоро́ва
Була́, Непту́не,   голова́.

Впрочемъ и у Англичанъ на трохаическое слово дѣйствуетъ обыкновенно односложное только потому, что чисто-англійскихъ словъ съ удареніемъ на концѣ довольно мало, но вотъ примѣръ изъ шотландской пѣсни

съ кельтскимъ словомъ (у Вальтеръ-Скотта въ предисловіи къ роману Rob Roy):

I am as bold, I am as bold,
I am as bold and more, lady;
Any man that doubts my word,
May try my gude claymore[33]), lady.

Въ ново-греческихъ старинныхъ и народныхъ стихахъ трохаическое слово передъ сѣченіемъ становится безударнымъ подъ вліяніемъ предшествующиго ямбическаго или односложнаго, на которое въ такомъ случаѣ кладется сильное удареніе, хотя-бы это слово и не имѣло его въ обыкновенной рѣчи, напр. Passow CLXI ст. 4:

Καὶ ὁ Μήτρος μάνα δὲν ἔχει   νὰ τὸν χουμανταρίσῃ.

То-же и внутри полустишій; но тамъ допускаются всякія вольности. Какъ бы то ни было, удареніе въ родѣ δέν ἐχει или, въ болѣе раннюю пору, οὐδέν ἐχει, а еще раньше — οὐκ ἐχει основано не на одномъ ритмѣ, а также на отвлеченіи отъ такихъ случаевъ, какъ LX ст. 26:

Γυφτάκι μ', τί κακό 'καμες   καὶ σ' ἔχουνε κομμένο;,

гдѣ ударяемая гласная слова ἔκαμες поглощена ударяемою конечною гласною предшествующаго слова, а этотъ остатокъ въ самостоятельномъ видѣ получитъ удареніе, конечно, на первомъ слогѣ — κάμες, какъ κάμε, κάμνω, νὰ κάμω, θέλω κάμει. Отсюда, если хотя-бы только призрачное κακὸ κάμες можетъ превратиться въ κακό καμες, то и вмѣсто δὲν ἔχει можно сказать δέν ἐχει. Поддерживалось такое представленіе безсознательнымъ воспоминаніемъ съ одной стороны о древнихъ энклитикахъ, какъ οὐδέν ἐστι, а съ другой—унаслѣдованными изъ древности сліяніями, подобными соединенію словъ ποῦ ἔκαμες въ ποὔκαμες (ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» въ одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» вып. II къ стихамъ 639—641, «Критическія замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου по тексту Вагнера» въ «Византійскомъ Временникѣ» 1896, № 3 и 4 къ стихамъ 389—393, «О русскомъ народномъ стихосложеніи» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и сл.

33) Шотландскій палашъ — изъ clay (др.-ир. claideb=лат. gladius, др.-сканд. hjalt) мечъ и mōr (др.-ир. mār) большой — въ отличіе отъ короткаго римскаго меча. Ср. кабард. *сӑ' шхуа*, дословно «ножъ длинный» = шашка.

Импер. Академія Наукъ» II, стр. 434—456, гдѣ это явленіе прослѣжено также въ языкахъ англійскомъ и — особенно — великорусскомъ). Нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, подобіе грамматическаго основанія для ритмическаго подчиненія послѣдующаго слова предшествующему мы видѣли и у Англичанъ. Есть такое основаніе, и при томъ общее, также у Русскихъ и у Сербовъ — въ сохраненной ими праславянской наклонности къ отдачѣ нисходящаго ударенія прѐдшествующему слогу: *бѣлы́ руки*, *рѣзвы́ ноги*, какъ *добӑр вечё(р)*, *добро̏ јутро* (или даже — *итро*) при соединеніи двухъ словъ не менѣе тѣсномъ, чѣмъ *на́ воду*, *на̏ воду*. Правда, что сербскій языкъ почти не знаетъ такой энклизы помимо соединеній съ предлогами, но такъ какъ такіе примѣры, подобные малорусскому *добри́й день* (вмѣсто **добръ́ дьнь*), польскому dobranoc, восходятъ къ общеславянскому языку, а число энклитическихъ сочетаній во всѣхъ языкахъ убавляется, слѣдуетъ предполагать, что нѣкогда Сербы обладали значительно бо́льшимъ числомъ энклитикъ. У Штокавцевъ-же явились новыя соединенія этого рода, отличающіяся отъ древнихъ только качествомъ ударенія, какъ *једа̀н пут* или *једа̀(н) рēд*, *два́ пут*, *по́ ноћи*, *онома́дне* (изъ **ономь́ дьне*), *два́десет* или *два́дест* и др., которыя впрочемъ отчасти лишь заняли мѣсто подобныхъ имъ старыхъ: ср. русскія *два́ раза*, *по́лночь*, *наме́дни*, *два́дцать*. Такимъ путемъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ развилась привычка къ энклизѣ, которая въ стихосложеніи отразилась ритмическимъ подчиненіемъ послѣдующихъ словъ предъидущимъ односложнымъ или трехсложнымъ словамъ или сочетаніямъ словъ. Согласно съ только-что высказанными соображеніями можно ожидать, что лѣтъ за 400 тому назадъ эта привычка сказывалась еще сильнѣе; и въ самомъ дѣлѣ у старыхъ дубровницкихъ стихотворцевъ есть и энклиза односложныхъ словъ послѣ двусложныхъ или трехсложныхъ, которая изрѣдка попадается въ народныхъ пѣсняхъ до нашего времени, напр. у Кухача 981:

Гдо̏ те бу̏дē, дѐвче, љу́бил, ка̏д ја̄ бу̏дēм Франціо́зе би̏л?
Гдо̏ ћē, лу̏ла, тво̑ј га̏зда би̏т, ка̏д ја̄ бу̏дēм мо́рал у̏мри̅т? 34)

Любопытны здѣсь и односложныя созвучія при ритмическомъ удареніи на предшествующемъ слогѣ, какъ у тѣхъ-же Дубровчанъ, напр. въ «Дервишѣ» Степана Дёрдича (Стијепо Ђорђић), написанномъ тѣмъ-же размѣромъ:

---

34) Ударенія разставлены по Вуку и Даничичу; но безъ непосредственнаго знакомства съ говоромъ, на которомъ сложена эта пѣсня, ручаться трудно за вѣрность такой разметки. Впрочемъ эта оговорка едва-ли нужна относительно конечныхъ словъ полустишій.

Jа̂ сам Дéдо а̀шик дѐрвӣш,
Кӣ ти израњен па̏да̄м при̏д дво̄р;
Изи́д', ца̏нум, да ме ви̏дӣш,
И да чу̏јēш мо̄ј ра̏зговōр —
Је ли сла̏дак, а̏ што вѐлӣш? —
Jа̂ сам Дéдо стра̂вљен дѐрвӣш!

Риѳмы *љу̀бил — би̏л, дѐрвӣш — ви̏дӣш* и т. п. даются непосредственно только при такомъ растяженіи предпослѣдняго слога, которымъ на слѣдующемъ слогѣ вызывалось-бы ритмическое удареніе, т. е. напр. *љубил — Францозе бил*, и напѣвы четырехъ пѣсенъ въ Гекторовичевой драмѣ «Св. Ловринац», сложенной этимъ размѣромъ (ст. 147—168, 773—780, 799—809 и 1203—1214), построены именно такъ, но въ приведенной народной пѣснѣ такого растяженія нѣтъ. Слѣдовательно такія риѳмы болѣе или менѣе условны; а такъ какъ все условное въ жизни имѣло нѣкогда свое основаніе, мы въ правѣ искать какого-нибудь основанія и для такихъ неестественныхъ созвучій. Находится оно, вѣроятно, въ любимомъ Дубровчанами двѣнадцатисложномъ стихѣ, дванаестéрац или, какъ его называетъ Суботичъ, кра̀љичкӣ вѐћӣ, который соотвѣтствуетъ польскому краковяку:

или по-польски:

синкопически, съ отчетливымъ выбиваньемъ послѣдняго слога въ каждомъ полустишіи. Отсюда можно объяснить и у Чеховъ напр. такія риѳмы:

Syna na provázku, na hedbávné šňůrce,
Aby nechodíval k chudobné panence

или въ словацкой пѣснѣ:

Já som se nazdala, že sa pole mračí,
A to sa milému začerneli oči,

откуда и въ другомъ размѣрѣ, въ томъ-же осьмисложномъ, который мы только-что видѣли въ хорватской пѣснѣ и въ первой строфѣ «Дервиша»:

Donesla mu tvrdý kameň: «Ostávaj tu s Panem Bohem!»

То-же въ такомъ-же стихѣ у Мадяръ, которые обходятся съ концемъ стиха совсѣмъ по-сербски, напр. въ пѣснѣ:

A kit az én szivem szeret,
Nem ir az nekem levelet;
De a szive, tudom, szeret,
Mert az régen az enyém lett,

при чемъ слѣдуетъ помнить, что разговорное удареніе падаетъ по-мадярски всегда на первый слогъ. У Дубровчанъ односложная риѳма вмѣсто двусложной встрѣчается особенно часто, именно въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507):

Бла́жени̅ ча̏с и хи̏п,	**на̑јпрво кад сам ја̑**
Ви̏дил тво̑ј о̀браз ли̏п,	**од ко́га сла̀ва сја̑,**
Бла́жена сва̏ ми̏ста,	**ка̀да те гди ви̏ди̅х,**
Дни̏, но̏ћи, го̀ди̅шта,	**ко̀ја те ја̄ сли́ди̅х.**
Бла́жен ча̏с иври́ме,	**на̑јпрво ка̀да чу̏х**
Љѐпости тве̑ и̏ме,	**ко̀јо̄ј да̏х ва̏с по̏слу̅х.**
Бла́жене бо̀љēзни,	**ке̑ па̏ти̅х но̏ћ и да̑н**
Ци̏ћ тво̀јē љу̏бēзни,	**за ко̀ју̅ гу̏бља̄х са̏н.**
Бла́жени ја̏д и ва̑ј,	**ки̏ ство̀рих доса̀дē,**
Жѐљēћи о̀браз та̑ј	**све̏ мо̀је дни̏ мла̑дē.**
Бла́жено ва̀пи̅ње,	**кад и̏ме тве̑ зо̀ви̅х,**
И го̑рко̄ тр̑пи̅ње,	**у жѐљах кад пло̀ви̅х.**
Бла́жен тра̑к од у̏зē	**љу̏венē, у ко̀јо̄ј**
Ство̀рих пла̏ч и су̏зе,	**жѐљēћи да сам тво̑ј.**
Бла́жена љѐпо̄с тва̑,	**бла́жена тва̑ мла̀до̄с,**
По̏кли се мѐни сва̏	**да̏рова̄ за ра̏до̄с.**

Здѣсь мы видимъ уже знакомую энклизу односложнаго не только послѣ другого односложнаго, какъ *и хи̏п* или можетъ быть, *и̏ хи̅п* и т. п., но и послѣ двусложнаго, какъ *о̀браз ли̏п* и даже *сла̀ва сја̑*. Слѣдуетъ однако замѣтить, что полустишіе сербскаго двѣнадцатисложнаго стиха обыкновенно дѣлится концами словъ на двѣ части такъ: –⏑⏑ | ⏑–⏑, т. е. на дактиль или кретикъ и на амфибрахій, а ритмическое дѣйствіе двухъ первыхъ изъ этихъ стопъ на послѣдующую намъ уже извѣстно. Такое дѣленіе ритмическаго ряда –⏑⏑⏑–⏑ именно въ этомъ стихѣ достойно тѣмъ большаго вниманія, что въ другихъ соединеніяхъ, напр. съ осьмисложнымъ стихомъ впереди, этотъ рядъ дѣлится произвольно, а въ хороводныхъ пѣсняхъ (пјесни од кола) Динка Ранины третій слогъ даже рѣдко отдѣляется, напр. 335:

Ȁх, дјѐвōјко, дŷшо мȍја, кâ ми с' смр́цу | да́ла,
Кад за́гōрјем грѐду с тобōм стȁдо мȍје | па́се,
Тȅре вр̏гу на́ те ȍко и тâ глѐдāш | на́ ме,
Ствâр, кȍјā ми ср̏це жѐжē ȍгњенōм | жѐљōме

и т. д. приблизительно съ тѣмъ-же отношеніемъ между мужескимъ и женскимъ дѣленіями. То-же и во второй части десятисложнаго стиха. Исключенія найдутся и въ двѣнадцатисложномъ, особенно при обиліи риѳмъ, которымъ сильно затрудняли себѣ свою задачу напр. Маруличъ («Дјевици Марији»), Луцичъ[36]) и Бараковичъ, однако они рѣдки даже въ сложенныхъ этимъ размѣромъ сонетахъ Георгія Држича и Динка Ранины, а Менчетичъ и совсѣмъ воздержался отъ такихъ уклоненій въ своей «Пјесни о Исусу», не смотря на четверную риѳму. Что̀ до окончаній на двусложное слово съ односложнымъ, то въ этихъ случаяхъ сѣченіе послѣ третьяго слога обусловлено самымъ числомъ слоговъ. Риѳма въ двѣнадцатисложномъ стихѣ охватываетъ по большей части два слога, но при односложномъ словѣ въ концѣ двухъ стиховъ или полустишій или хоть одного изъ двухъ она можетъ ограничиться однимъ послѣднимъ слогомъ, какъ въ ст. 1—2 (такъ-же 7—8, 9—10, 15—16) и 5—6 (такъ-же 13—14). Созвучіе только послѣднихъ слоговъ помимо односложныхъ словъ попадается гораздо рѣже, напр. въ стихотвореніи Ранины «У злорека завидника» (368) ст. 7—8:

При́личан ти јѐси у свȅму к звŷри ȍнōј,
Кâ вŷдēћ сȉнове прѝтиле толѝкōј .

и съ той-же риѳмой тамъ-же въ ст. 55—56:

Кŷ кȁми нŷ кȁми, кâ ли се звŷр ȍнōј
Нѐ рāђā с јѐзиком пȍтребнӣм толѝкōј?

Но за то ст. 19—20 двусложная риѳма даже при односложномъ:

Ткȍ хȍћē ту́ђӯ ствâр, кӯ пȁмēт пȍдāјē,
Ра́зложно хȕлити, пр̏ие тȍга три́ба је

и пр. Ср. И. В. Ягичъ, «Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербо-хорватскихъ) въ Далмаціи» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ» т. I, стр.

36) Впрочемъ и безъ того грѣшившій въ этомъ отношеніи, какъ и Гекторовичъ, что̀ можетъ быть и не случайностью, такъ какъ оба они родомъ съ острова Хвара, т. е. чакавцы.

439—466. Но вообще женское окончаніе на двусложное или трехсложное слово съ односложнымъ встрѣчается почти только въ этомъ размѣрѣ и при томъ чуть-ли не исключительно въ дубровницкой письменности, да еще кое въ какихъ далматинскихъ и хорватскихъ пѣсняхъ, отчасти продолжающихъ старыя дубровницкія преданія, а впрочемъ старинныя народныя, по видимому, не знаютъ этой вольности. Но въ самомъ обычномъ и вмѣстѣ самомъ свободномъ стихѣ позднѣйшей сербской народной поэзіи, десятисложномъ, она иногда попадается, напр. въ пѣснѣ о Бановичѣ Страхинѣ:

Кáжи, зѐте, штȁ је и кȁко је,

совсѣмъ какъ у Ветранича въ двѣнадцатисложномъ стихѣ:

Тȅр не вие̑м зȁчēти, пȍдобно кȁко је,
Пје̏сāнцу пȍчēти бȅз помōћи твȍјē.

Вѣрнымъ кажется, по крайней мѣрѣ то, что такихъ концевъ нѣтъ въ тѣхъ образчикахъ народнаго пѣснопѣнія, которые такъ или иначе сохранены дубровницкими стихотворцами. Между этими примѣрами особое вниманіе заслуживаютъ такъ называемыя «бугарштице» (вѣроятно, отъ *Бу̏гарин* = Болгаринъ, но въ смыслѣ пастуха, иначе—«влȁх», что по-албански *бугарч*). Онѣ дошли до насъ, по видимому, безъ передѣлокъ, между прочимъ — и безъ риѳмы, безъ которой не обходятся Дубровчане. Ко второй и третьей изъ тѣхъ бугарштицъ, которыя Гекторовичъ вставилъ въ свою идиллію «Рибање» (ст. 523—592, 595—685 и 698—718) сохранились ноты, важныя не только въ музыкальномъ отношеніи, но и для установки тогдашняго ударенія и даже количественности, такъ какъ исполненіе бугарштицы можно назвать, очевидно, не столько пѣніемъ, сколько пѣвучимъ произношеніемъ стиховъ, которые къ тому-же не одинаковы по длинѣ и по строю и соединены въ строфы, также не равныя между собою. Вотъ начало второй бугарштицы по ритму напѣва (съ ⏑ = $1/4$ подлинника въ видахъ упрощенія ритмическихъ знаковъ, для чего и вмѣсто $^3/_8 + {}^1/_8$ вездѣ отмѣчено ⏑):

Кȁда ми се Ра̏досаве во̏јевода одиља̏ше
Од сво̏јēга гра̑да ди̏внōга, ди̏внōга Сиверѝна,
Чȅсто ми се Радȍсав на Сиверѝн ȍбзираше
Тȅре тō ми овȁкō биèлу гра̑ду бȅсидја̑ше.

Начало третьей:

И кличē дѐвōјка, пòкличē дѐвōјка,
јōш кличē дѐвōјка млáда ми тȅре гйздава,
Млáда тȅре гйздава, сȁ бриг, бéла дѐвōјка, Дунаја.

Изъ удареній можетъ показаться чакавскимъ развѣ только *одйьāше* и *овáкō*, которыя болѣе согласовались-бы съ размѣромъ при удареніи *одйьāше* и *овакȍ*; но ни то, ни другое не доказательно вслѣдствіе уже упомянутой ритмической неустойчивости восходящаго ударенія. За то въ пользу штокавскаго ударенія въ обоихъ образчикахъ свидѣтельствуютъ *када*, *обзираше*, *бесидјаше*, *девојка* или *девојка* (при которомъ *девојка* и *девојка* теряютъ свое значеніе), *млада* или *млада*, *бела*, *Дунаја* и также, съ замѣной разговорнаго ударенія долготою, *Сиверина*, *Сиверин* и *Радосав*, такъ какъ, по свидѣтельству Р. И. Кошутича, вопреки Вуку, дающему въ словарѣ *Рȁдосав* (вѣроятно изъ звательнаго *Рȁдосаве*), это имя произносится обыкновенно *Радòсав*. Протяженіе разговорно-ударяемаго, но ритмически безударнаго слога въ пѣніи напоминаетъ повышеніе такого слога въ великорусскихъ пѣсняхъ, напр.:

Разовьёмъ мы берёзу, Разовьёмъ мы кудряву,

гдѣ слоги *-рё-* и *-дря-* поются на четыре степени выше предшествующихъ и на двѣ выше послѣдующихъ.

Если эти замѣтки о сербскомъ стихосложеніи мы дополнимъ двумя предположеніями, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ лишенными основанія, а именно — что дубровницкіе стихотворцы подобно тому, какъ они употребляли *мйјеп* (*мйеп*) и *лйп*, *грèду* и *грèдēм*, *штȍ* и *чȁ* и т. п., могли прибѣгать иногда и прямо къ чакавскому ударенію, и что самая ихъ штокавщина извѣстна намъ не вполнѣ, то едва-ли согласимся безусловно съ увѣреніемъ Решетара, что у этихъ стихотворцевъ «удареніе точно такъ-же свободно и въ риѳмѣ и внѣ ея, какъ у нашихъ нынѣшнихъ поэтовъ» («Антологија дубровачке лирике стр. XXVII примѣч.): ни въ старыхъ, ни въ новыхъ сербскихъ и хорватскихъ стихахъ дѣло не ограничивается однимъ счетомъ слоговъ, а во всякомъ стихѣ, народномъ-ли или искусственномъ, какъ-бы онъ ни былъ неровенъ или шероховатъ (храпав, какъ говорятъ Сербы), по большей части есть хоть намеки на лежащій въ его основѣ ритмъ, которые состоятъ именно въ пользованіи выше изложенными правилами,

и хорошій чтецъ не только замѣчаетъ эти указанія на разумѣемый строй стиха — при чемъ дѣло облегчается простотою ритма, — но и находитъ возможнымъ осуществлять ихъ, по крайней мѣрѣ, до такой степени, что слушатель, хотя и замѣчаетъ то тамъ, то сямъ погрѣшности противъ плавности ритмическаго движенія, все-таки получаетъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то благозвучно-стройнаго. Несомнѣнно, что этому впечатлѣнію сильно содѣйствуетъ, какъ и въ итальянскихъ стихахъ, благозвучіе самаго языка. Но сербскій стихъ течетъ и развертывается отлично отъ итальянскаго: второй открываетъ свободой своего построенія полный просторъ выразительному разнообразному чтенію, которое заставило-бы забыть, что слышишь размѣренную, а не вольно льющуюся рѣчь, если-бы сила послѣдняго ударенія не указывала границъ стиховъ и тѣмъ не пріучала-бы слухъ къ воспріятію взаимнаго равенства этихъ отдѣловъ, а первый, нѣсколько стѣсняющій чтеца требованіемъ бо̀льшей равномѣрности во времени, то въ началѣ, то въ серединѣ, то ближе къ концу даетъ чувствовать основной ритмъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего хода все чаще и чаще исправляя свои прежнія неровности, мало по малу какъ-бы гипнотизируетъ слушателя и внушаетъ ему безсознательную вѣру въ полную, хоть и своеобразную, ритмичность этихъ строчекъ, изъ которыхъ лишь немногія даютъ ритмъ во всей его чистотѣ, но каждая стремится къ нему по-своему, пользуясь обильными ритмическими средствами сербскаго языка. Въ сербскомъ стихосложеніи, какъ чуть-ли не во всякомъ иномъ, есть кое-что такое, что̀ держится больше преданіемъ, чѣмъ дѣйствительными свойствами языка; но это преданіе самобытно. Произведенія старыхъ Дубровчанъ кишатъ всяческой итальянщиной, но лишь въ языкѣ, да и то кромѣ словаря, а стихосложеніе ихъ несомнѣнно перенесено изъ народной пѣсни, можетъ быть, за исключеніемъ риѳмы. Въ этомъ отношеніи Дубровчане болѣе объитальянились во времена позднѣйшія, когда стали распѣвать пѣсенки въ родѣ

С Бо̑гом, не̏ха̄рна̄ ду̑шо!
Тре̏ба̄ се ве̏ћ дје̏лити.
А̏х, што̀ ћу учи̏нити,
Ка̀да ме ти̑ мр́зӣш?

дословно съ итальянскаго:

Anima ingrata, addio!
Lasciarti ormai conviene.
Oimè, chè far degg' io,
Se sono in odio a te?

и т. д.—то и другое по напѣву ⊥◡◡|⊥ ∸|⊥◡|⊥◡| (трижды) + ⊥◡◡|⊥ ∸|⊥◡. Но, какъ-бы сербо-хорватское стихосложеніе ни отличалось отъ итальянскаго своею ритмичностью и потому близостью къ стопному, оно все-таки должно быть признано слоговымъ не только по своей свободѣ относительно удареній, но и на томъ основаніи, что ритмическимъ образцемъ ему служатъ стопы двусложныя, изъ которыхъ ни одинъ слогъ не можетъ быть выпущенъ внутри стиха.

Очень близко къ сербскому стихосложенію стоитъ чешское народное; близость эта такова, что его особенности изложены выше въ связи съ особенностями сербскаго стихотворнаго строя. И здѣсь сильно сказывается ритмъ языка, у Чеховъ еще рѣшительнѣе двухдольный, чѣмъ у Сербовъ: какъ въ разговорѣ dorozuměti, ne-pamatovala и dorozuměti se, такъ въ стихахъ s půlnoci byla, by pamatovala, pomoci hledati и nech svítí komu chce. Въ послѣднемъ примѣрѣ уже значительно помогаетъ долгота естественная и по положенію. Для того, чтобы показать, какъ сильно долгота обоихъ родовъ притягиваетъ къ себѣ ритмическое удареніе въ чешскихъ стихахъ (но лишь въ двухдольныхъ), довольно привести вторую строфу изъ правильно-ямбическаго стихотворенія Челаковскаго Společná píseň, при чемъ гласныя, ударяемыя ритмически только вслѣдствіе долготы, какъ и производящія ее согласныя, отмѣчены курсивомъ:

Kdo předků zápasy hrd*insk*é
Zpěv*em* *p*ot*omk*ům zvěstuješ
A, v sady nehledě ciz*insk*é,
Dom*á*cí krásy pěstuješ,
Rad*ost* a žel a sladkou tíseň
Kdo znáš vyl*í*ti v českou píseň,
Tys bratr náš, tys bratr náš,
Prav*ý* ty poklad v duši máš.

Трехсложныя стопы, именно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, очень обыкновенны въ пѣсняхъ, напр.

Ach, není, tu není, co by mne těšilo,

но исполняются такъ только въ пѣніи, а безъ знанія напѣва легко принять такой стихъ за извѣстный ⊥◡◡|⊥ ∸| ⊥◡◡|⊥ ∸.

Одно изъ замѣтныхъ, но внѣшнихъ отличій чешскаго стиха отъ сербскаго есть и въ народныхъ пѣсняхъ риѳма, хоть часто и сомнительная. Эта черта, не древняя и не славянская, ясно показываетъ, что чешская пѣсня

ближе къ западной, нежели сербская. Рифма часто мужеская. Разговорныя ударенія главныя и побочныя въ рифмѣ не различаются, напр. у Челаковскаго въ трохеяхъ (Růže stolistá XXV):

I to sobě vážím mnoho,
Tak žití že anděl přál,
Až i města do jednoho
Byt náš zemský uchystal.

Слоговыя плавныя въ началѣ и въ концѣ словъ иногда лишаются своей длительности, напр. у него-же въ четвертомъ стихѣ количественной Алкеевской строфы (Na smělost):

Sílil a vedl hrdinných mužův krok,

что впрочемъ странно въ виду двухъ другихъ его также количественныхъ стиховъ, переведенныхъ изъ Марціала, съ одной стороны — пентаметра:

Div že mi, jak jsi otcem státi se, Fauste, mohl,

и съ другой — гексаметра:

Uchránit přez léto ryby kde beze škody bys moh'? [36])

Въ Краледворской рукописи есть почему-то — быть можетъ, plzně-dle veršovníka — нѣсколько такихъ примѣровъ, какъ

Počechu trsti spolu vojevati (Jaroslav)

(даже внутри слова) или

By sě lsknula braň jich v zrace vrahóm
(Čestmír a Vlaslav),

но и

Srst črvená po něj sě lskněše (тамъ-же).

---

36) Съ сѣченіемъ κατὰ τρίτον τροχαῖον; но возможно также съ τριθημιμερής и ἑφθημιμερής:

Uchránit přez léto ryby kde beze škody bys moh',

но первое лучше, потому что позволяетъ дѣлить rybyk de, безъ чего нѣтъ долготы по положенію.

Со вторымъ изъ этихъ трехъ примѣровъ (гдѣ начальное неслоговое *l* послѣ гласной) сходно у Верхлицкаго (Portréty básníkův, Shakespeare III, ст. 6):

Kde Caliban řve, lkají elfův stíny,

но послѣ сѣченія (цезуры). Впрочемъ и помимо этихъ условій (тамъ-же L. Göthe), ст. 9:

Kde Byron lkal a zoufal, sok všem lidem.

Бываетъ и другая крайность, напр. въ стихотворномъ возраженіи Вячеслава Стаха противъ силы разговорнаго ударенія, tona (Starý veršovec pro rozumnou kratochvíli):

Ten jest neskrotitedlný?
V slovích nesměnitedlný?,

гдѣ на слоговое l подъ третьестепеннымъ разговорнымъ удареніемъ падаетъ удареніе ритмическое. Впрочемъ здѣсь виноваты прежде всего sesquipedalia verba. Какъ-бы то ни было, ритмъ здѣсь выраженъ разговорными удареніями; но это уже искусственное стихосложеніе, въ которомъ возможны даже трехсложныя стопы, напр. въ переводахъ Борецкаго изъ Прешерна, хотя такіе стихи, по признанію самого переводчика, стоили ему большого труда и все-таки не вполнѣ удались вслѣдствіе двусложности чешскаго ударенія. А народное чешское стихосложеніе приходится признать слоговымъ почти въ томъ-же смыслѣ и по тѣмъ-же причинамъ, какъ сербо-хорватское.

Но еще болѣе слоговое, — можно сказать, даже безусловно слоговое стихосложеніе мы находимъ въ болгарскихъ народныхъ стихахъ съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ, напр. въ излюбленномъ у Болгаръ осьмисложномъ (Dozon 5):

Са́мси се Го́спод подка́ни
Че́ркова да си загради́
Между́ двѣ ви́ти планини́
И под два тъ́нки о́блаци

и т. д. Здѣсь размѣренность рѣчи обнаруживается только ариѳметически, т. е., какъ выражаются о такихъ стихахъ Турки, счетомъ по пальцамъ (пармак һысаб-ы), а ритмъ слышится только въ пѣніи, такъ какъ при разговорномъ произношеніи въ строчкахъ, подобныхъ приведеннымъ, нѣтъ ничего ритмическаго. Такъ-же или почти такъ-же строятъ Болгаре и тож-

дественный съ сербскимъ десятисложный стихъ и другой десятисложный, соотвѣтствующій сербскому и чешскому ⊥⊥⏑ | ⏑⊥⏑ (или ⊥⊥ или ⊥⊥⏑ дважды), напр. у Дозона 37 (со вставкой припѣва между полустишіями):

Ту́рчин ми ка́ра	(джа́нъм)	клета́ роби́ня,
Лю́то ѩ ка́ра	(джа́нъм)	по лю́та слана́,
Биѥ́м ѩ би́ѥ	(джа́нъм)	по бѣ́ло лице́:
«Ма́ри хвъ̀рли си	(джа́нъм)	мъ́жко-то дѣте́

и т. д. съ полнымъ равнодушіемъ къ основному ритму, который появляется въ этой пѣснѣ лишь случайно, какъ ст. 13 (не считая припѣва):

Би́лѣ за гла́ва, би́лѣ за ро́жба.

Немудрено, что пѣвцы часто сбиваются въ счетѣ слоговъ, напр. тамъ-же 7 ст. 5—9, 21 ст. 1 и 24, 38 ст. 47, 54 ст. 7. Откуда это равнодушіе? Причина, вѣроятно, скрывается въ тѣхъ смѣшеніяхъ съ иноплеменниками, которымъ подвергались Болгаре, и въ переворотахъ, пережитыхъ вслѣдствіе этого болгарскимъ языкомъ, который давно уже разбился на нѣсколько нарѣчій, отличающихся одно отъ другого между прочимъ удареніями. Стихъ 38 той-же пѣсни:

Духа́ ке вѣтре́ц, та ке го люля́

былъ-бы правиленъ по двуслоговому ударенію (считая отъ конца), ст. 8:

Ка́то сам я́зе попо́ва снаха́ —

по трехслоговому, ст. 21:

Та го отне́се на планина́-та

вѣренъ только съ такимъ, т. е. свободнымъ, удареніемъ. При этомъ положеніи дѣла не удивительно, что попадаются и такіе стихи, какъ 35:

Ти не́мой гри́жа за мъ́жко дѣте́,

который не будетъ, кажется, безукоризненъ ни при одномъ изъ болгарскихъ распорядковъ ударенія. Ложно представленіе, будто народная пѣсня такъ-таки совсѣмъ безъискусственна: въ ней всегда есть доля условности вслѣдствіе того, что, зародившись въ одной мѣстности, она переходитъ въ другую, въ третью и такъ далѣе, откуда и слагается у народа свой пѣсенный языкъ и свое пѣсенное стихосложеніе, которые, правда, не такъ строго установлены, какъ въ поэзіи грамотныхъ людей, но не соотвѣтствуютъ

точно особенностямъ ни одного говора. Въ полной мѣрѣ примѣняется это наблюденіе къ стихотворнымъ размѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ народовъ, а такихъ размѣровъ у Болгаръ много, въ томъ числѣ и разобранные выше: десятисложный съ сѣченіемъ послѣ четвертаго слога пришелъ къ нимъ отъ Сербовъ отчасти съ самыми пѣснями (какова, по видимому, 38 у Дозона); онъ-же съ сѣченіемъ послѣ пятаго — отъ Грековъ, напр. въ пѣснѣ

Κάτω 'ς τὸν κάμπον, 'ς τὸ ῥημονήσι
'βγῆκ' ὁ σουλτάνος νὰ κυνηγήσῃ

и пр.; осьмисложный — отъ Грековъ-же, у которыхъ онъ такъ распространенъ, по малой мѣрѣ, съ XIV в., что вошелъ даже въ пословицы, какъ

Ὁ τρελὸς τὸν ζουρλισμένον 'σὰν τά 'μάτια του τὸν ἔχει[37]).

Стихотворные размѣры переходятъ изъ одного мѣста въ другое, конечно, не въ видѣ отвлеченныхъ образцевъ, а вмѣстѣ съ напѣвами, и вотъ именно такой готовый напѣвъ и вызываетъ на своей новой почвѣ пѣсни соотвѣтствующаго склада, но соотвѣтствующаго лишь приблизительно, хотя-бы только въ числѣ слоговъ, потому что безъ послѣдняго условія нельзя и примѣнить заносный напѣвъ къ самодѣльнымъ словамъ. Такъ возникаютъ пѣсенки, подобныя извѣстной нѣкогда Москвичамъ съ напѣвомъ, перенятымъ у Нѣмцевъ или у Чеховъ:

На у́лицѣ двѣ ку́рицы
Съ пѣтухо́мъ деру́тся.

и пр. — см. примѣч. 20. То-же дѣйствіе оказываютъ иногда и свои напѣвы, отличающіеся рѣзкой определенностью ритма и при томъ широко распространенные, каковы нѣкоторые плясовые; и они способны породить стишки въ родѣ

Одна́ нога́ коро́че,

т. е., по звукамъ въ пѣніи,

А́дна на́га ка́рочé,

37) Впрочемъ можно замѣтить на всякій случай, что этотъ размѣръ извѣстенъ также Вогуламъ и Остякамъ, предполагаемымъ родичамъ или предкамъ Болгаръ Камскихъ Аспаруховыхъ, и Финнамъ, особенно Суоми.

впрочемъ съ ясными *а* на мѣстѣ бывшихъ ударяемыми. Но Великорусы такъ привыкли къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, что послѣ такихъ неправильныхъ стиховъ, каковы только-что приведенные, тутъ-же воспроизводятъ надлежащій ритмъ, какъ уже во второмъ стихѣ перваго примѣра, а дальше — еще полнѣе и точнѣе:

Изъ свѣтлúцы двѣ́ дѣвúцы
Смóтрятъ да смѣю́тся,

во второмъ примѣрѣ слѣдуетъ если не изящный, то хоть ритмическій стихъ:

А другáя длúньше.

Вообще Великорусъ плохо мирится со слоговымъ строемъ въ качествѣ самой основы стихосложенія, потому что 1) онъ и до сихъ поръ не утратилъ вполнѣ свой исконный пѣсенный складъ, которымъ онъ невольно провѣряетъ свои новыя произведенія, 2) письменные образцы его позднѣйшаго пѣснотворчества могутъ только поддержать въ немъ потребность въ соотвѣтствіи между обоими родами ударенія, 3) онъ никогда не испытывалъ на себѣ непосредственнаго чужого вліянія. Положеніе Болгарина совсѣмъ иное. Какъ уже было замѣчено выше, онъ еще не окончательно потерялъ свой старый пѣсенный складъ, но между пѣснями этого склада и сложенными по новому, все умножающимися на счетъ первыхъ, лежитъ пропасть, сказывающаяся и въ пріемахъ пѣнія, не говоря уже о самыхъ напѣвахъ: одни напоминаютъ не только голосомъ, но и свойствомъ исполненія старинныя русскія пѣсни, а другія поются съ какими-то похожими на вой переливами и громкими передышками, очевидно, не славянскими. Можетъ быть, эти своеобразныя черты чуть-ли не большинства болгарскихъ пѣсенъ представляютъ собою также наслѣдіе старины, но во всякомъ случаѣ не славянской, а той, которая превратила славянскую рѣчь нынѣшнихъ Болгаръ въ нѣчто единственное въ своемъ родѣ среди славянскихъ языковъ, подобное армянскому языку среди индоевропейскихъ или чувашскому и якутскому среди турецкихъ. Это, конечно, возможно, но несомнѣнно и позднѣйшее восточное вліяніе, именно персидское черезъ Турокъ, распространившееся тѣмъ-же путемъ и среди Грековъ и Арнаутовъ. Турецкому вліянію предшествовали другія, почти такія-же чуждыя,— тѣ, которыя создали обще-балканское словосочиненіе, въѣвшееся въ болгарскій языкъ не менѣе, нежели въ ново-греческій и въ румынскій, откуда оно впрочемъ, кажется, и расползлось по всему полуострову еще до прихода Сербовъ. Съ этими вліяніями или, по крайней мѣрѣ, съ древне-романскимъ былъ неразрывно связанъ если не слоговой, то полу-слоговой, полу-стопный пѣсенный складъ,

выросшій на останкахъ разлагавшагося количественнаго стихосложенія и заявившій о своемъ зарожденіи уже въ томъ будто-бы количественномъ надгробіи, которымъ, можетъ быть, самъ императоръ Гадріанъ почтилъ память своего коня, гдѣ есть не только

Caesăreus verēdus

и

Per tŭmulōs et rŭscos

и т. п., но и

Spársĭt ab ōre caŭdam.

Или, если этотъ примѣръ, какъ рукописный (см. Anthologia latina rec. A. Riese I. 903), можетъ показаться недостаточно надежнымъ, то вотъ другой, съ камня изъ римскаго колумбарія (тамъ-же II. Carmina epigraphica conl. Fr. Buecheler 134):

Píus et sănctus vĭxi quam diu pŏtui

или слѣдующій, изъ окрестностей Кордовы (тамъ-же 223) — правда, вѣка VII или VIII, когда латинская рѣчь уже смолкла, но за то яркій:

Hic Theudefrēdi cŏndita
Mémbră quiēscunt ărida,
Cúiŭs orĭgo fŭlgida
Brébĕ[37]) refŭlsit ĭnclita

уже съ подобіемъ риѳмы, которая въ западной Европѣ является гораздо раньше, чѣмъ въ восточной (у Грековъ она извѣстна съ XV в.).

Таково-же приблизительно было положеніе и малорусскаго народнаго творчества, хотя чужія вліянія на него менѣе сложны. Юго-западная часть русскаго племени была долго почти отрѣзана исторіей отъ сѣверо-восточной части и гораздо раньше ея попала въ круговоротъ западно-европейской жизни. Потому тотъ переломъ, который великорусская пѣсня еще переживаетъ, совершился въ малорусской такъ давно, что отъ обще-русской пѣсенной старины въ ней сохранились лишь кое-какіе слѣды, которые не входятъ въ разсчетъ при опредѣленіи отличительныхъ чертъ малорусской народной пѣсни. При сопоставленіи съ великорусской она кажется похожею

37) Т. е. breve = breviter, in breve tempus. Первыя двѣ буквы утрачены, но возстановлены по догадкѣ Берлангою.

на романсъ, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ среди Великорусовъ, даже далекихъ отъ любви къ народному творчеству. Таковы и всѣ западныя пѣсни — романскія, германскія и славянскія кромѣ сербскихъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и болгарскихъ. Внѣшніе признаки этого, можно сказать, обще-европейскаго пѣсеннаго строя — риѳма и куплетъ, т. е. строфа, по большей части изъ четырехъ или болѣе полустишій (которыя, если риѳмуются между собою, слывутъ обыкновенно за стихи), часто съ припѣвомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха, полустишія или конца его. Къ Малорусамъ такое построеніе проникло черезъ Поляковъ, столкнувшихся съ Западомъ лицемъ къ лицу еще въ то время, когда они, судя по чертамъ ихъ быта, общимъ съ балтійскими Славянами, съ Новгородцами и съ казаками, жили почти такъ-же, какъ ихъ обще-славянскіе предки. Потому у нихъ, какъ и у чехо-словацкаго племени и у Словѣнцевъ, старинный пѣсенный складъ пропалъ въ незапамятныя времена, чтò однако не значитъ, чтобы съ нимъ утратилась и всякая память о древнихъ размѣрахъ: противъ этого свидѣтельствуетъ уже кра́ковякъ, не только сохраненный Поляками, но и получившій у нихъ преобладаніе надъ всѣми иными родами пѣсни. Приписывать такой переворотъ въ южно-русскомъ стихосложеніи именно польскому вліянію можно между прочимъ потому, что онъ проявляется чуть-ли не исключительно въ стихахъ, начинающихся прямо съ сильнаго ритмическаго ударенія, какъ у Поляковъ, и по большей части похожихъ на стихи мазурки и краковяка, а малорусскіе стихи другого склада, съ безударнымъ приступомъ впереди, напр. въ черниговской пѣснѣ:

Ой, у недѣ́лю ра́но, по ранéньку ясна зо́ря зіхо́дила;
Збіра́лася крéвная роди́на, менé въ вíйсько випрово́дила

и пр., слагаются обыкновенно по разговорному ударенію. Польское вліяніе на западныхъ Малорусовъ началось давно и подвигалось мало по малу на востокъ вмѣстѣ съ ними до крайнихъ предѣловъ Слободской Украйны. Въ XV и XVI в. оно возобновилось и усилилось въ Заднѣпровьѣ, откуда отозвалось отчасти и дальше. Въ этотъ разъ оно, чтò касается народной пѣсни, пало на почву, болѣе податливую, чѣмъ прежде, потому что къ тому времени южная вѣтвь малорусскаго племени, еще раньше обособившаяся отъ сѣверной, уже успѣла окончательно подѣлиться на нарѣчія галицкое, заднѣпровское, полтавское и слободское, распадшіяся въ свою очередь на говоры. Эти нарѣчія, цѣликомъ или по говорамъ, различались между прочимъ и удареніями: въ то время, какъ на востокѣ сохранялось по бо́льшей части обще-русское или, по крайней мѣрѣ, южно-русское удареніе, до древней энклизы включительно, на западѣ началась уже кое-гдѣ закрѣпка уда-

ренія, по-польски, на предпослѣднемъ слогѣ. Малорусская пѣсня двигалась, какъ отчасти и до сихъ поръ, съ запада на востокъ и, попавъ напр. въ Запорожскую Сѣчь, собиравшую въ себѣ всякую вольницу, но и распускавшую ее по всей южной Руси, перекочевывала въ разные углы малорусскаго міра и въ концѣ XVIII в. вмѣстѣ съ Запорожцами дошла до сѣверо-западнаго Кавказа, гдѣ поютъ до нашихъ дней (Метл. стр. 172):

Ой, дівчина сіни мела́ та й засміялася;
Вийшла ма́ти води бра́ти та й догада́лася,

чтò даетъ правильный ритмъ только при двуслоговомъ, польскомъ удареніи: *дівчи́на* (впрочемъ такъ не на одномъ западѣ), *ме́ла*, *во́ды*. Чтò до *засміяла́ся* и *догадала́ся*, то въ нихъ родной говоръ этой пѣсни виноватъ лишь косвенно, такъ какъ по его грамматикѣ слѣдуетъ *ся засмія́ла* и *ся догада́ла*. Такъ въ Галичинѣ поютъ:

Ой, ти, го́ро ка́мінная, чо́м ся не лупа́еш?
Скажи мені́, ді́вко, пра́вду: в кі́м ти ся коха́еш?,

а на Украйнѣ — *лупає́ся* и *кохає́ся*. По-галицки эти стихи — съ точки зрѣнія слогового склада — совершенно правильны, но по-украински для того, чтобы въ концѣ стиховъ получилось совпаденіе ритма разговорнаго съ пѣсеннымъ, пришлось просто переставить удареніе. Послѣ такихъ передѣлокъ легко уже было пѣть и

Котилися во́зи з гори та в долині ста́ли.
Любилися, коха́лися та вже переста́ли,

гдѣ нельзя сваливать вину на галицкій подлинникъ. Къ нѣкоторымъ изъ крайне-западныхъ удареній Малорусы такъ привыкли, что скажутъ напр. *спа́ла*, *вдо́ва*, *серде́нько*, *коза́ка* вмѣсто *спала́*, *вдова́*, *се́рденько*, *козака́* даже и тогда, когда не поютъ, а передаютъ пѣсню обыкновеннымъ голосомъ, потому что считаютъ эти ударенія законной принадлежностью пѣсенной рѣчи; но судятъ они такъ не по наукѣ, а по тому, какъ сами неоднократно слыхали эти слова въ пѣніи. Можно-ли при этомъ ожидать соблюденія надлежащихъ границъ? Но все-же эти границы были окончательно забыты лишь въ искусственныхъ стихахъ, предназначенныхъ для чтенія и потому не провѣряемыхъ напѣвомъ. Въ этомъ отношеніи любопытны такія личныя произведенія, какъ «Стихи умилительные» монаха Михаила изъ Нямецкаго монастыря, находящіеся въ хранилищѣ рукописей монастыря

Агапія (см. А. И. Яцимирскій, Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 72—73). Вотъ ихъ начало:

Умилйся, прослезйся, дўше моя грѣ́шна,
Бўди къ Бóгу по премнóгу въ молитвахъ поспѣ́шна.
Смéрть приходитъ, сўдъ навóдитъ и тягчáйшу мўку:
Чтó сотворйшь, кáмо збѣжйшь тáмошняго звўку?
Дóбрыхъ дѣ́лъ нѣ́сть, Бóгъ же вся́ вѣ́сть, чтó содѣ́яхъ злáя.
Не оутáйся, но покáйся и начни благáя.
Увы́, дўше, мѣ́ры вы́ше есй согрѣшйла,
Отъ ю́ныхъ лѣ́тъ колйкій свѣ́тъ страстмй погубйла.
«Гóре, оувы́!» всегдá зовй отны́нѣ до вѣ́ка,
Занé смéрть близъ, потрéбно слéзъ, якȯ (ч. якъ) рѣкá велйка.
Исповѣ́ждся и покáйся, дóндеже въ сéмъ мірѣ,
Бóга бóйся, подвизáйся зáповѣдми въ вѣ́рѣ.

Въ этомъ примѣрѣ обращаютъ на себя вниманіе первыя полустишія тѣмъ, что каждое изъ нихъ раздѣлено ровно пополамъ сѣченіемъ, которое отмѣчено болѣе или менѣе полнымъ созвучіемъ съ концемъ полустишія (между прочимъ *оувы́ — зовй* и *близъ — слéзъ*, такъ какъ Михаилъ былъ, очевидно, Малорусъ, откуда и риѳмы *вѣ́ка — велйка*, *мíрѣ — вѣ́рѣ*), а эти созвучія, то женскія (двусложныя), то мужескія (односложныя), показываютъ, что стихотворецъ склонялся то къ трохаическому ритму (который и свойственъ такому стиху при пѣніи), то къ ямбическому, не отдавая предпочтенія ни тому, ни другому. Есть мѣстныя ударенія и у Великорусовъ, и у нихъ они точно такъ-же вошли въ пѣсенный языкъ, признающій *ширóко*, *высóко*, *далёко*, *глубóко* и *широкó*, *высокó*, *далекó*, *глубокó*, *мóлодецъ* и *молодéцъ*, *удáлый* и *удалóй*, *дѣ́вица* и *дѣвица*, *сйдючи* и *сидючй* и т. п., и возможно, что такая свобода въ постановкѣ разговорнаго ударенія, принимаемая поющимъ народомъ исключительно за стихотворную вольность, въ связи съ относительною слабостью ритмическаго ударенія въ самой короткой изъ стопъ, двухдольной ($^2/_4$), способствовала и у Великорусовъ развитію пѣсенъ особаго склада, изъ вольныхъ стиховъ осьмисложныхъ или семисложныхъ, по напѣвному ритму — трохаическихъ, которые все болѣе вытѣсняютъ другіе, древніе размѣры, состоящіе изъ стопъ качественныхъ, но не одинаковыхъ по числу слоговъ и выравнивающихся только при напѣвѣ. Такому распространенію стиховъ слогового склада могло отчасти содѣйствовать въ свою очередь малорусское вліяніе, напр. въ слѣдующей пѣснѣ, извѣстной и въ Московской губерніи:

На горѣ-то малина,
Подъ горою калина.
Тамъ гуляла дѣвчина,
Калинушку ломала,
Во пучечки вязала

и т. д. (съ повтореніемъ каждаго стиха, а въ третій разъ со вставкой слова «сиротина» передъ послѣднимъ словомъ): помимо малорусскаго *дѣвчина* сравни напр.

Чи я у лузї не калина була?
Чи я у темнім не червоная цвїла?
Взяли ж мене, поламали и в пучечки повьязали

и т. д. Нѣкоторая доля польщизны могла зайти къ Великорусамъ и черезъ литовскій рубежъ, который въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ существовалъ не столько для двухъ сосѣднихъ и родственныхъ, хотя и недружныхъ народовъ, сколько для ихъ правителей. Но среди Великорусовъ такое стихосложеніе распространялось туго вслѣдствіе привычки къ другому строю, въ теченіе многихъ вѣковъ не нарушаемой никакими посторонними вліяніями, пока изъ города не нахлынули въ деревню романсы и самодѣльныя подражанія имъ. Малорусы стояли, такъ сказать, болѣе на юру и потому легче подвергались дѣйствію западныхъ вѣяній. Но, какъ ни сильно было воздѣйствіе со стороны Поляковъ — сильно тѣмъ болѣе, что и они, по видимому, позаимствовались кое-чѣмъ отъ Малорусовъ и Бѣлорусовъ—, малорусское стихосложеніе сохранило въ себѣ нѣчто отличное отъ польскаго и вообще отъ западнаго: слоговой складъ его сказывается въ равнодушіи къ разговорному ударенію, но не въ числѣ слоговъ, которое осталось почти такъ-же свободно, какъ было въ обще-русскомъ стихосложеніи. Есть, правда, и у Малорусовъ пѣсни, построенныя въ числовомъ отношеніи не менѣе правильно, чѣмъ польскія, напр. мазурочнаго склада, какова:

Ой, колй-б я, зозуленько, та крилечки мала,
То я-б свою Украïну кругом облїтала,

но больше такихъ, какъ напр.

Ой, уж вечір та повечорїло,
Та вже моє серденько та повеселїло.

Съ другой стороны попадаются, какъ мы видѣли, и у Поляковъ пѣсни со стихами различной мѣры, при чемъ иногда нарушается вообще соблюдаемое согласованіе послѣдняго разговорнаго ударенія съ ритмическимъ, напр. въ шуточномъ краковякѣ:

Wisła nam się zajęła, ryby pogorzały,
Osmalone szczupaki do lasu leciały,

но то и другое только въ концѣ ритмическаго ряда, а кромѣ того здѣсь могло сказаться малорусское или бѣлорусское вліяніе. Въ свободѣ стяженій у Малорусовъ древность выражается еще тѣмъ, что въ стяженныхъ словахъ замѣтно болѣе бережное обращеніе съ разговорными удареніями, чѣмъ въ тѣхъ, которыхъ слоги соотвѣтствуютъ основнымъ ритмическимъ единицамъ стопъ — осьмушкамъ или шестнадцатымъ. Древняя свобода въ числѣ слоговъ свойственна особенно пѣснямъ двухдольнымъ или четырехдольнымъ (γένους ἴσου κατὰ πόδα или κατὰ διποδίαν). Къ нимъ относятся, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ называемыя думы, напр. о смерти Богдана Хмельницкаго:

Эй, зажу́риться, захлопо́четься
Хмельни́цького ста́рая голова́,
Що при ѐму-то не було́ ні со́тників,
нї полко́вників нема́.
Тілкі пробува́в при ѐму Ива́н Лугѻвський,
Писарь військо́вий, коза́к лейстро́вий

и т. д., если только ритмъ тамъ и сямъ не мѣняется ради точнѣйшаго воспроизведенія словъ со всѣми ихъ разговорными особенностями. Жаль, что эта дума напечатана безъ нотъ даже въ превосходномъ трудѣ проф. М. Н. Сперанскаго «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (Кіевъ, 1904), гдѣ большинство пѣсенъ снабжено напѣвами съ голоса бандуриста Т. М. Пархоменка. За то вотъ начало другой, «VIII. Про Федора Безроднаго», болѣе упорядоченной и, вѣроятно, поэтому имѣющей при себѣ ноты:

Ге́й, по потре́бї, по потре́бї ба́рзо ца́рськії,
гей у грома́дї коза́цькії,

Ой, да там-то мнóго вíйська понаджéно
да через мечу полóжено
Да й не кдиного тíла козáцького молодéцького
живóго й не остáвлено[38]).

Трудность нотной записи думъ зависитъ отъ того, что стихи ихъ не столько поются, сколько произносятся на распѣвъ, какъ и сербскія юнацкія пѣсни, потому что въ тѣхъ и другихъ главное есть содержаніе, а пѣніе — лишь прикраса, предназначенная къ поддержкѣ того настроенія, которое дается повѣствуемыми событіями. Но по своему стихотворному складу настоящая, старинная дума не имѣетъ пичего общаго со слоговыми стихами, къ которымъ принадлежитъ и сербскій «јуначки» десятисложный; въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ближе къ бугарштицѣ. И въ обѣихъ слышится отзвукъ далекой, общеславянской старины, къ которой восходятъ съ одной стороны общерусское стихосложеніе, съ другой — польскій краковякъ. Впослѣдствіи за думу принялась бурса, и на многихъ образчикахъ этого рода пѣсни чувствуется школьный налетъ, доходящій кое-гдѣ, напр. въ Мазепиной думѣ «Всї покою щиро прагнуть», почти до полнаго истребленія пароднаго духа.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ слоговое стихосложеніе у Славянъ, мы набрали достаточное количество данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи этого стихотворнаго склада вообще, что̀, какъ мы видѣли выше, не лишено важности для рѣшенія другого вопроса — объ общеславянскомъ стихосложеніи. Пробѣгая приведенные выше образчики слоговыхъ стиховъ, читатель, можетъ быть, спрашивалъ себя не разъ: «Да что-же это за особое стихосложеніе? Просто, человѣкъ хотѣлъ сложить правильный стихъ, да полѣнился или не сумѣлъ». Такое объясненіе очень близко къ истинѣ, чтобы не сказать: есть сама истина. Стихотворецъ изъ образованныхъ, пишущій стихи только для чтенія, руководится уже однимъ преданіемъ, но стихотворецъ народный, слагая стихъ по числу слоговъ, неизбѣжно представляетъ себѣ тотъ ритмъ, который соотвѣтствуетъ воображаемому имъ напѣву, и тѣмъ болѣе старается осуществить его, чѣмъ менѣе, на оборотъ, связанъ преданіемъ, часто влекущимъ его въ другую сторону. Строго выдержанные, правильно-стопные первообразы найдутся въ стихосложеніи

38) У проф. Сперанскаго:

—‿‿‿‿ | —‿— | ‿‿—‿‿‿ | ‿‿—‿‿—— | ‿‿‿‿‿—— | ‿‿——‿ | ‿‿‿—‿ | —‿—‿ | ‿‿‿——‿‿ | ———‿‿ |
——‿—(‿)‿ | ‿‿‿——‿

съ призрачнымъ тактомъ 5/4 и возможнымъ только на бумагѣ 6/4.

не всѣхъ тѣхъ народовъ, которые привыкли къ слоговымъ стихамъ; но такіе стихи могутъ зайти къ одному народу, не имѣвшему стопныхъ образцевъ, отъ другого, который ихъ имѣлъ. Такъ напр. къ западнымъ Славянамъ основы слогового стихосложенія могли проникнуть отъ Романцевъ, древнѣйшій стихъ которыхъ, соотвѣтствующій качественнымъ пятистопнымъ ямбамъ десятисложный или, при женскомъ окончаніи, одинадцатисложный, происходитъ, по видимому, отъ латинскаго количественнаго ямбическаго триметра (сенарія), оставившаго ему въ наслѣдство и свое сѣченіе послѣ перваго двустопія (или второй стопы)[39].

Тотъ-же количественный размѣръ отразился у новыхъ Грековъ въ двѣнадцатисложномъ слоговомъ, напр. Passow CCCCLXXX:

Ὅσα καστριὰ κι ἂν εἶδα κι ὅσα λόγιασα

или тамъ-же:

Οὐδὲ τ' ἄσπρα σου θέλω οὐδὲ τὰ φλωριά.

Древній количественный трохаическій урѣзанный тетраметръ перешелъ у новыхъ Грековъ въ такой-же стихъ качественный, отчасти стопный, отчасти слоговой, напр. Passow DLXXXV:

Μία εὔμορφη κοπέλα εἰς τὸ σπίτ' ἑνὸς παπᾶ,

но тамъ-же:

Ἂν ἀπὸ τὄνα καὶ 'πάνω, ἔστωσαν συγχωρητά

и ниже:

Αἴ, παιδί μου, εἶναι πρᾶγμα ποῦ τὄχω ἀπὸ παιδί.

Новогреческій такъ называемый политическій (т. е. житейскій) пятнадцатисложный стихъ (8+7 слоговъ), въ народныхъ произведеніяхъ —

39) Едва-ли кто согласится съ Тенъ-Бринкомъ, будто этотъ романскій стихъ образовался изъ размѣра старофранцузской пѣсни объ Эвлаліи:

Bona pulcella fut Eulalia,
Bel auret corps, bellezour anima

и т. д. по латинскому количественному образцу, введенному, кажется, Септиміемъ Сереномъ въ III в. по Р. X. (Inquit amicus ager domino и т. д.) и усвоенному латинскими стихотворцами изъ христіанъ, но не романскими. Скорѣе ужь можно было-бы подумать о Phalaecius hendecasyllabus, который въ самомъ дѣлѣ вошелъ въ народную поэзію, по крайней мѣрѣ, у позднѣйшихъ Римлянъ, напр. въ стихахъ на Александра Севера, очень похожихъ при чтеніи по разговорнымъ удареніямъ на одиннадцатисложные романскіе:

Quod púlcrum vídes ésse nóstrum régem,
Quem Sýrum súa détulit propágo

и т. д.

слоговой, въ древнѣйшихъ своихъ образчикахъ является стопнымъ, съ вольностями только въ первой стопѣ каждаго двустишія, а впрочемъ качественнымъ ямбическимъ, какъ у Ѳеодора Продрома:

Ἀπὸ μικρόθεν μ' ἔλεγεν ὁ γέρων ὁ πατήρ μου·
Τέκνον μου, μάθε γράμματα, ἂν θέλῃς νὰ 'φελέσῃς,

и таковъ онъ остался въ искусственной поэзіи до нашихъ дней, а восходитъ онъ, по видимому, къ количественному образцу, употреблявшемуся и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τὰ ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα;

Отъ Грековъ этотъ размѣръ въ своемъ качественномъ видѣ перешелъ къ Итальянцамъ, у которыхъ находимъ его въ слоговомъ строѣ, напр.

Rosa fresca, aulentissima ch' appari inver l' estate.

Пути его распространенія изъ Италіи къ сѣверу прослѣдить трудно, но, какъ-бы то ни было, сходство англійскаго балладнаго стиха съ греческимъ пятнадцатисложнымъ такъ очевидно, что Байронъ, объясняя послѣдній своимъ соотечественникамъ, ограничился выпиской одного домашняго примѣра:

The captain bold of Halifax, who lived in country quarters.

И въ самомъ дѣлѣ обращеніе съ этимъ стихомъ у Англичанъ то-же, что у Грековъ: то онъ у нихъ стопный, то слоговой. Число такихъ примѣровъ можно было-бы значительно увеличить, но довольно и приведенныхъ для того, чтобы показать, какъ стихи стопные переходятъ въ слоговые, можно сказать, по неумѣнью или по небрежности. Нѣтъ такого языка, который-бы не допускалъ стопнаго стихосложенія, не исключая и языковъ съ неподвижнымъ удареніемъ, каковы французскій и польскій. Такъ у Альфреда Мюссе въ Nuit d'Octobre встрѣчается безукоризненная трохаическая строфа

Honte à toi qui la première
M' as appris la trahison
Et d' horreur et de colère
M' as fait perdre la raison.

На склонность Богдана Залѣсскаго къ стопному построенію стиховъ обратилъ вниманіе въ особомъ изслѣдованіи профессоръ Львовскаго университета Колесса; и въ самомъ дѣлѣ этотъ поэтъ писалъ такимъ образомъ

цѣлыя стихотворенія, напр. въ четырехстопныхъ трохеяхъ Księżna Hanka (небольшая поэма), Dumy (не всѣ), Milica (Wiośnianki), Serb junak (тамъ-же), Mętny Dunaj (тамъ-же), Rozmowa kochanków (тамъ-же), Najmilsza woń, Czy kwiatki czy dziewczę, Myśliwy, I wy tu, Matki winne, Samochwał dziewczyna, Tak czy owak zawsześ moja (даже безъ риѳмы кромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ), Aż strach, Urodziwa, Sokół i dziewczyna, Dziewczę na uwięzi, въ двустопныхъ трохеяхъ Rada junaczka, въ четырехстопныхъ амфибрахіяхъ Król dziadek (Der Erlkönig Гёте), въ трехстопныхъ анапестахъ Z mogiły Sawor (Dumy), въ двустопныхъ Bożur i róża, Sokół i chłopiec и др. Въ двустопныхъ и трехстопныхъ анапестахъ написаны Мицкевичемъ Trzech Budrysów и Czaty. Много стопныхъ стиховъ у Асныка, напр. четырехстопные трохеи въ Napad na Parnas, Szkoda!, Krąg przemian, Róża, Między nami nic nie było, Powrót piosenki, Rada, Na początku, Huczy woda po kamieniach, Słonko, четырехстопные и трехстопные трохеи въ Siwy koniu, двустопные и трехстопные ямбы въ Choć pól i łąk, четырехстопные и трехстопные ямбы въ Szczęśliwa młodość!, Daremne żale (кромѣ начала девятаго стиха), трехстопные амфибрахіи въ Idź dalej!, двустопные анапесты въ Szumi w gaju brzezina. Отдѣльные совершенно правильные стопные стихи попадаются чуть не въ любомъ слоговомъ стихотвореніи, и ихъ, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ ближе предносящійся стихотворцу ритмъ къ распорядку удареній въ данномъ языкѣ. И такъ слоговое стихосложеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ языкахъ, гдѣ одновременно съ возникновеніемъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ или ихъ первообразовъ не происходили перемѣны въ удареніяхъ, какъ у Сербовъ, или гдѣ оно не встрѣчается и не перекрещивается со стихосложеніемъ напѣвно-стопнымъ, какъ у Малорусовъ, есть въ сущности лишь искаженное ритмическими вольностями стопное стихосложеніе. Эти вольности являются, какъ уже было сказано, вслѣдствіе неумѣлаго или небрежнаго присочиненія словъ къ уже готовымъ напѣвамъ, и непремѣнно такимъ, которые разсчитаны на однообразно текущую рѣчь, расчлененную по одинаковымъ сочетаніямъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Отсюда слѣдуетъ, что до появленія слоговыхъ стиховъ должны быть напѣвы съ однообразной постановкой ритмическихъ удареній черезъ опредѣленное число нотъ, а такая постановка могла выработаться только объ-руку съ построяемой такимъ-же образомъ рѣчью, что̀ возможно лишь тогда, когда напѣвъ пріобрѣтаетъ такое значеніе самъ по себѣ, что подчиняетъ себѣ строй сопровождающей его пѣсенной рѣчи на столько, на сколько это нужно для отчетливаго оттѣненія всѣхъ особенностей задуманнаго ритма. Такая самостоятельность напѣва предполагаетъ уже высокую степень развитія пѣснотворчества. Весьма вѣроятно, что чисто-народное стихосложеніе нигдѣ не достигло этой сте-

пени, которая соединяетъ въ себѣ оба стихотворныхъ начала — ритмическое и слоговое, такъ какъ равномѣрное выраженіе ритма въ языкѣ требуетъ опредѣленнаго числа слоговъ: нигдѣ и никогда безъискусственное творчество не шло въ усовершенствованіи своей ритмической стороны дальше нѣкотораго приближенія къ стопности и даже по рѣшительномъ вступленіи на этотъ путь, совершившемся не безъ содѣйствія сознательнаго искусства, сохраняло въ себѣ слѣды предшествующей ступени, на которой равномѣрность ритма осуществлялась въ словѣ только при помощи напѣва, что̀ мы видимъ напр. у Германцевъ до нашихъ дней, однако и въ переходномъ состояніи между равномѣрностью лишь напѣвной и равномѣрностью словесной народное стихосложеніе, особенно для нѣкоторыхъ родовъ пѣсни, можетъ уже такъ значительно развить въ себѣ стремленіе къ соотвѣтствію не только силы слоговъ, но и ихъ числа ритмическимъ единицамъ напѣва, что отдѣльные стихи, по старой памяти требующіе нѣкотораго восполненія при посредствѣ напѣва, являются какъ-бы исключеніемъ изъ правила, сознаваемаго всѣмъ народомъ. Такой равномѣрности въ стихосложеніи, хотя не исключительной, но господствующей, совершенно достаточно для того, чтобы по выработкѣ или занесеніи извнѣ напѣвовъ, состоящихъ изъ постояннаго числа нотъ, стихосложеніе напѣвно-стопное уступило свое мѣсто слоговому, сначала также въ видѣ отдѣльныхъ и случайныхъ вольностей, но уже относительно не числа слоговъ, а мѣста разговорнаго ударенія, впослѣдствіи иногда до потемнѣнія чутья къ первоначальному ритму, какъ въ первой части польскаго тринадцатисложнаго стиха. И, не смотря на существенность числа слоговъ для слогового стихосложенія, все-таки не только у Малорусовъ, еще не безслѣдно утратившихъ пѣсенную старину, но даже у Поляковъ то тамъ, то здѣсь мы наталкиваемся на пережитки древнѣйшаго стихосложенія, сказывающіеся въ нарушеніи числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ первой половины двойного стиха.

Изо всего, сказаннаго здѣсь о слоговомъ стихосложеніи, слѣдуетъ съ полной очевидностью, что это стихосложеніе, какъ въ значительной мѣрѣ условное, появляется вездѣ сравнительно поздно.

Подводя итоги этому изслѣдованію, возвратимся къ вопросу объ обще-славянскомъ стихосложеніи и его судьбахъ по раздѣленіи Славянъ.

Едва-ли возможно. какое сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшее славянское стихосложеніе было основано на разговорномъ удареніи, можетъ быть, съ такимъ-же приблизительно участіемъ долготы, какое замѣчается въ стихахъ сербо-хорватскихъ и чехо-словацкихъ. Обще-славянскіе стихи могли быть троякаго рода по степени ихъ приближенія къ равномѣрности: 1) такіе-же или почти такіе-же, какъ германскіе до Отфрида или какъ малорусскія въ думахъ, свободныхъ отъ вліянія бурсы и лирическихъ пѣ-

сенъ, т. е. то длинные, то болѣе короткіе въ одномъ и томъ-же стихотвореніи и состоящіе изъ разнообразныхъ стопъ, выравниваемыхъ только въ напѣвѣ, однако едва-ли допускающихъ обычное у Германцевъ стяженіе нѣсколькихъ ритмическихъ единицъ въ одинъ слогъ; 2) сходные со старинными русскими, т. е. состоящіе изъ такихъ-же стопъ, но въ опредѣленномъ числѣ — по три или по четыре стопы на стихъ послѣдовательно съ начала до конца пѣсни, хотя, конечно, мыслимо случайное появленіе напр. четырехстопнаго стиха между трехстопными, какъ и въ англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ искусственныхъ драмахъ между пятистопными ямбами попадаются иногда шестистопные; 3) равномѣрно-стопные со случайными стяженіями тамъ и сямъ въ видѣ вольности. Первый родъ, самый безъискусственный, есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и самый древній; второй, уже значительно позднѣйшій, появился сначала, вѣроятно, въ лирическихъ пѣсняхъ, а впослѣдствіи проникъ и въ эпическія; третій, самый новый, могъ развиться, по видимому, только въ связи съ инструментальной музыкой и на почвѣ упорядоченной пляски, въ которой личная изобрѣтательность плясуновъ была уже значительно стѣснена установившимися правилами, какъ напр. въ краковякѣ. Можно допустить, что всѣ эти три рода стиховъ, хотя и зародились въ разныя времена, однако существовали долго вмѣстѣ, распредѣлившись по различнымъ родамъ пѣснотворчества. Позже, у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ произведеніяхъ искусственныхъ и сложныхъ они могли уживаться рядомъ, напр. въ Словѣ о Пълку Игоревѣ, гдѣ есть и

Дрéмлеть[40]) въ поли Ольгово хорóбьрое гнѣздó,
далéче залетѣло

и

Не лѣпо-ли ны бяшеть, брáтие

и, можетъ быть,

Побарáя за христьяны на погáныѣ пълкы.

Къ стихамъ перваго рода примыкаютъ стихи старѣйшихъ малорусскихъ думъ, если только не произошли путемъ одичанія одного изъ позднѣйшихъ видовъ; къ стихамъ второго рода относятся чуть не всѣ старинные великорусскіе и бѣлорусскіе размѣры и нѣкоторые остатки древнѣйшаго стихосложенія у Малорусовъ и у Болгаръ; отъ стиховъ третьяго рода ведутъ

40) На сохраненіе слоговой длительности за конечными ъ и ь въ Словѣ о Пълку Игоревѣ слѣдуетъ смотрѣть, вѣроятно, такъ-же, какъ на счетъ «нѣмого» *e* за слогъ въ новыхъ французскихъ стихахъ.

свое начало краковякъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе размѣры съ постояннымъ числомъ слоговъ, напр. старыхъ сербо-хорватскихъ хороводныхъ пѣсенъ. При этихъ родахъ были виды переходные, какъ напр. между первымъ и вторымъ, можетъ быть, занималъ мѣсто первообразъ великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ (въ $^3/_4$, но съ колеблющимся числомъ слоговъ, съ растяженіями и повтореніями словъ и слоговъ, распространяющими стихъ изъ четырехъ — шести стопъ на четыре или на пять напѣвныхъ членовъ); между первымъ и третьимъ — длинные краковяки произвольнаго числа слоговъ, каковъ слѣдующій:

Karazyja wyszywana, haftowana
Petliczkami, sznureczkami, kułeczkami, hafteczkami,
złocistemi klapeczkami
Do kolusieneczka, moja kochaneczka,

и бугарштицы; между вторымъ и третьимъ—великорусскія веселыя пѣсни (удалыя, хороводныя, величальныя, шуточныя и т. п.), стихи которыхъ въ напѣвѣ сходны съ древнегреческими анапестами, напр.

Ужь и пó мосту, мосту́, по кали́новому
Какъ и шёлъ, прошёлъ дѣти́нка, голубóй на нёмъ кафта́нъ

или знаменитая «Камаринская»:

Ахъ ты, сукинъ сынъ Камаринскій мужикъ!
Ты зачѣмъ не хочешь барину служить?

Говоря строго, между вторымъ и третьимъ родами можно провести только такую границу, что стопными стихами въ собственномъ смыслѣ этого слова мы условимся признавать лишь тѣ, которые при полномъ согласованіи удареній ритмическаго и разговорнаго содержатъ въ себѣ ровно столько слоговъ, сколько нужно для полнаго выраженія ритма. Во многихъ другихъ случаяхъ разграниченіе родовъ затруднено ихъ взаимнодѣйствіемъ, продолжающимся отчасти до сихъ поръ. Выше было сказано о среднемъ положеніи великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ между первымъ и вторымъ родомъ; но помимо такого положенія по самому существу этого пѣсеннаго

склада нерѣдка передѣлка пѣсни второго рода на ладъ перваго, какъ напр. пѣсня первоначально такая:

Ужь я вздýмаю про дѣ́вичье своё житьё

и пр. поется такъ (Пальчиковъ 74):

Охъ, да ужь я вздумаю, охъ, я про дѣвичье,
охъ, да я про дѣвичье своё житьё.

Впрочемъ отъ чистаго перваго рода самыя протяжныя и ритмически запутанныя пѣсни отличаются постояннымъ числомъ стопъ. Въ только-что приведенномъ примѣрѣ мы видѣли растяженіе первоначальнаго стиха посредствомъ напѣва до потери его ритмическаго образа. Но то-же и въ еще большей степени происходитъ вслѣдствіе ускоренія, сопровождаемаго переносомъ главнаго ударенія къ самому началу стиха, на безударный приступъ. Такъ напр. стихъ, сложенный, очевидно, по-старинному,

Шлá ýтушка бережóчкомъ

поется теперь

Шла утушка бережочкомъ,

а это почти уже слоговой стихъ, такъ какъ въ немъ ясно слышится при пѣніи не правильное *ýтушка*, а вызванное ритмомъ *утýшка*. Такой переходъ качественнаго стиха въ слоговой со всѣми послѣдствіями этой перемѣны для отношенія разговорныхъ удареній къ ритмическимъ совершается незамѣтно, помимо сознанія пѣвцевъ, потому что хотя-бы то-же самое *утýшка* было-бы правильно съ точки зрѣнія стариннаго склада напр. въ такомъ положеніи:

Какъ и шла утушка сѣрая по бережку,

т. е. подъ третьестепеннымъ удареніемъ. Но стóитъ лишь сильно ударить первый слогъ и разбить напѣвныя стопы пополамъ, напр. такъ:

Какъ и шла утушка полемъ, —

и получится уже такая погрѣшность противъ разговорнаго ударенія, какая возможна только при счетѣ слоговъ безъ вниманія къ ихъ относительной силѣ. Въ словахъ двусложныхъ удареніе перемѣщается ради ритма не-

сравненно чаще, и потому въ двухдольныхъ пѣсняхъ безъ слабаго приступа стихи слогового строя—кромѣ послѣдней стопы, какъ у Поляковъ—нерѣдки уже давно, напр. въ пѣснѣ отнюдь не новой:

Пряди́, моя́ пря́ха, пряди́, не лѣни́ся

и пр. или въ присказкѣ при игрѣ, также не новой:

Гори́, гори́ жа́рко:
Пріѣ́халъ Заха́рка,
Дѣ́ти на телѣ́жкѣ,
Щѣ́лкаютъ орѣ́шки —

то и другое размѣромъ краковяка.

Но чѣмъ легче и неуловимѣе такіе переходы, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе вопросъ о происхожденіи того или другого рода стиховъ у того или другого изъ племенъ, связанныхъ между собою языкомъ, бытомъ или хотя-бы только сосѣдствомъ и сношеніями. Возможно, что въ разрѣшеніи такихъ задачъ наукѣ о стихосложеніи могла-бы оказать содѣйствіе наука о музыкѣ; но о такой «наукѣ» приходится пока еще только мечтать.

Ѳ. Коршъ.

K slovanské kolonisaci M. Asie a Syrie

v VII — X. století.

Podává L. Niederle.

СЪ КАРТОЮ.

O staré slovanské kolonisaci Malé Asie a Syrie psal už před téměř 50 lety — odmyslímeli stručné nástiny v dílech Šafaříka, Rambauda, Kunika, Uspenského[1]) — Vl. I. Lamanskij[2]). Nově tuto práci doplnil zajímavým dokladem ze VII stol. B. A. Pančenko, připojiv k němu opětně přehled celé kolonisace a zejména velmi cenný rozbor o slovanských sídlech v thematu Opsikijském a o poměru v němž opsikijští Slované byli k vojenské organisaci říše byzantské[3]). Přišel jsem při čtení pramenů ještě na řadu jiných dat, které v pracích jmenovaných nejsou. Doplňuji proto jimi obě zmíněné záslužné práce.

Se Slovany v Malé Asii setkáváme se poprve v dobách Justinianových. Starší stopy, nehledímeli ani k theoriím o slavismu paflagonských Henetů, jsou příliš nepravděpodobné přez zdánlivý slovanský ráz[4]). Za Justiniana vystupují však už určitě, zprvu jen v plucích vojsk vysílaných proti Peršanům a jiným východním nepřátelům. Tak čteme jména slovanských jednotlivců,

---

1) Stať. Uspenského «Къ исторіи крестянскаго землевладѣнія въ Византіи» je však důležita rozborem oekonom. poměrů asijských Slovanů (Ж. М. Н. П. 1883. № 225). Druhé stati viz u Šafaříka SS. II. 247 sl., Kunika Зап. Акад. Н. 1874. Т. 24., A. Rambauda L'empire grec au X siècle. (Paris 1870) 249.

2) Lamanskij Vl. O Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи (Зап. II Отд. И. Акад. Наукъ. V. 1859).

3) B. A. Pančenko. Памятникъ Славянъ въ Виѳиніи VII вѣка (Изв. р. арх. Инст. въ Констант. 1902. VII. 15 сл.).

4) Sem patří jména Ζάγωρα, Ζάγωρον, Κίος, Λίβυσσα, Μόδρα (srv. o nich Lamanského l. c. 152. sl.).

prostých vojáků (Σουαρούνας) i vůdců (Δαβραγέζας, 'Ουσίγαρδος). Je pravdě podobno, že při tom zůstali jednotlivci nebo i větší tlupy sěděti v různých pevnostech už v VII století, ale první zprávu o skutečném osídlení poskytuje nám teprve vzácná pečeť z poloviny VII stol., kterou mezi sbírkami ruského archaeologického ústavu v Cařihradě našel a publikoval B. A. Pančenko. Je to doklad kolonisace vzešlé patrně ze služeb vojenských. Pečet nesoucí na líci obraz císaře, kol něhož je legenda porušena a těžko čitelná (nečitelno jméno majitele, u něhož stojí označení «ἀπὸ ὑπάτων) a na rubu nápis:

ΤѠΝ ΑΝΔΡΑΠΟΔΟΝ ΤѠΝ CΚΛΑΒΟѠΝ ΤΗC ΒΙΘΥΝѠΝ ЄΠΑΡΧΙΑC [1])

náleží patrně organisovaným slovanským foederatům oblasti opsikijské z doby kolem r. 650. Na toto vročení svědčí nejen označení eparchie Bithynské, jež se po VII. století nevyskytuje, paleografický ráz legendy a podoba imperatorova, ale zejména přímo značky na líci I H, označující osmý indikt, jenž v VII. století spadal na r. 650 do doby vlády Konstantovy [2]). Druhou zprávu o osídlení a to na území arabském máme k r. 664 u Theofana a jeho excerptora Anastasia [3]). Roku toho 5000 Slovanů přešlo k Abderrachmanovi, jenž vpadl do asijské Romanie (Ρωμανία), a bylo jim usídleno v Syrii blíže Apameje, hlavně v osadě Seleukobolu [4]). Z toho je viděti, že už musily v Malé Asii existovati bud větší osady nebo výbojné hordy slovanské, ale odkud se vzalo těchto pět tisíc, blíže nevíme.

Třetí zpráva o osídlení Slovanů padá do doby Justiniana II. U Theofana čteme k r. 688, že Justinian, poraziv Bulhary, podnikl výpravu do krajin slovanských v okolí Soluně a odvedl odsud množství slovanských rodů (γένη), které zajal nebo které se mu bez boje podaly; dal je přes Abydos přepraviti do Asie a usadil v oblasti opsikijské, rozkládající se hned za Hellespontem. Slovanů těch musilo býti mnoho [5]), poněvadž už za 4 leta r. 692 vybral z nich pod vůdcem Nebulem (Νεβοῦλος) Justinian 30,000 vojínů, kterým dal titul «περιούσιος λαός», (gardové?, vybrané? vojsko) a vyslal je směrem na Se-

---

1) Pančenko, l. c. 25 četl τῶν ἄνδρας δόντων Σχλαβόων, což G. Schlumberger opravil ve čtení výše uvedené (Sceau des esclaves slaves de l'éparchie de Bithynie. Byz. Zs. XII. 277).

2) Pančenko, 17, 22, 26.

3) Theofanes ed Boor I. 348, Anast. Bibl. Hist. trip. ed. Boor 219. O významu slova προρρυῆναι viz Pančenko l. c. 30.

4) Σελευχόβολος (srv. Hieroclis. Synecd. 712,9 Σελευχόβηλος v eparchii syrské). Nyní nejspíše ves Ṣaḳálibije. srv. Pančenko l. c. 28. Chybně pojímal a datoval tento styk Slovanů s Abderrachmanem Rambaud l. c.

5) Uspenskij čítá 250,000 (l. c. 319).

bastopolis proti Arabům[1]). Ale Slované zradili císaře, přešedše k nepříteli, načež prý císař rozkázal všechny ostatní slovanské kolonisty pobíti i s ženami a dětmi a těla jejich z mysu Leukata naházeti do moře[2]). Vidíme z toho, že osady slovanské nalézati se musily někde v nejbližším okolí tohoto mysu a Nikomedie. Ostatně zpráva tato sotva bude v plném obsahu správna. Pančenko se právem domnívá, že vojsko opsikijské (στρατὸς τοῦ 'Οψικίου), s nímž spojil Justinian pomocné vojsko bulharsko-slovanské na výpravě do Asie r. 710[3]), bylo slovanské[4]).

Kam se poděli a usadili Slované přešlí k Arabům? Pančenko a Rambaud nevědí. První se jen domnívá, že zprávy o slovanských přebělících ve vojsku Mohamedově r. 694[5]) a o množství Slovanů ve vojsku Abu Muslimově r. 754[6]) vztahují se na zbytky opsikijských Slovanů, jimž asi náleželo i osídlení několika pevností na hranici Syrie a Kappadokie (srv. dále).

Ale Pančenko ve své stati nepoužil současných zpráv orientálních, a v nich nalézáme další odpověď na svrchu položenou otázku. Kronika Michala Syrského v líčení vlády Justiniana II, zmiňuje se o výpravě Abd-Allaha (směrem k Caesareji) proti Řekům, kteří si najali množtví Slovanů (Sglav). Ale tito byli poraženi a kteří zbyli, v počtu 70,000 jezdců připojili se k Arabům, načež byli, dostavše zásoby a ženy, usazeni v městech «Andak» a «Guris» zvaných[7]). Zpráva ta očividně doplňuje, přes odchylné detaily, vypravování Theofanovo. Spadá i u Michala Syrského krátce před r. 694 a přejata je dodatečně i Barhaebreem[8]). Z toho vidíme, že množství Slovanů

1) Theof. ed. Boor 364, 365; Nikeph. Brev. 41 B (Boor 36); Leo Gramm. Chron. 163. ed. Bonn. Pančenko l. c. 33 překládá «опричное ополченie», Uspenskij l. c. 320 «опричный, отборный отрядъ». Výklad je nesnadný. Leon Grammatikos perifrasuje: λαβὼν τὸν περιούσιον ἢ μᾶλλον ἀνόσιον (bezbožný) εἰπεῖν λαὸν (l. c.). Srv. i Georg. Monachos ed. Boor. 729, Hist. misc. 1059, 1060, Ephr. 69.

2) Theof. 366 (Boor), Zonaras (XIV. 22) ed. Pinder III. 229, Kedrenos ed. Bekker I. 773. Leo Gramm. l. c. Nikeforos o tom zprávy nemá. Leon Gramm. čítá, že 20,000 Slovanů přešlo k Arabům a zbylých 10,000 bylo pobito; zajímavé zprávy o pozdější nevěrnosti opsikijského vojska za vlády Artemisiovy viz u Theof. ad. a. 6207 (715).

3) Srv. Nikephoros Patr. ed. Boor 47 a Theof. 374 (Boor).

4) Pančenko l. c. 33.

5) Theof. 367 (Boor).

6) Theof. 428 (Boor) ἦσαν γὰρ οἱ πλείους Σκλάβοι καὶ Ἀντιοχεῖς.

7) Kronika Michala Syrského přel. Dulaurier (Journ. Asiat. 1849 Avril—Mai 340). Podobně čte Langlois ve svém překladě (srv. E. Oberhammer. Die Insel Cypern. München 1903, 36. Ve vyd. Chabotově viz zprávu Michalovu v kn. XI. kap. 15 (II. 470).

8) Barhebraeus ed. Bruns II. 118 o vpádu Mohammedově do Kappadokie: «Impetum in eum fecerunt Romani et Slavi. Romani victi sunt iuxta Caesaream, Sclavi cum Arabibus pace composita, cum iis in Syriam profecti sunt, circiter 7000, quibus domicilia Antiochiae et in Cypro ab Arabibus concessa sunt. Dererunt etiam mulieres et stipendia». U Barhaebraea čteme «Cyprus», což by ukazovalo na kolonie Slovanů na Kypru. Dulaurier ve svém překladě zase město Guris klade na Kypr, patrně podle Barhebraea. Je však zjevno, že jak v textu Michalově pod formou «Guris», tak i v textu Barhaebraeově, kde překladatelé čtli «Cyprus», dlužno rozuměti jen starý Cyrrhus, ležící severovýchodně od Antiochie, Araby zvaný Chorus.

přešlých k Arabům bylo jimi usazeno v Syrii a to v Antiochii a v městě Chorusu. Andak (arab. Antâkieh je zde zkomolená forma jména Antiochie (srv. text Barhebraeův), Guris pak starý Cyrrhus (Κύρρος), ležící severovýchodně[1]). U něho připomínají i pozdější arabské prameny Slovany.

Čtvrté historicky známé přesídlení Slovanů do M. Asie událo se v polovici VIII stol. R. 762 podle Theofana množství Slovanů, opustivši oblast bulharskou, přešlo k císaři Konstantinu V., který je přesídlil do Malé Asie na řeku Artanu[2]). Podle Nikefora patriarchy bylo těchto Slovanů 208,000, tedy velké množství. Nová sídla jejich už Šafařík klade správně na Bithynii[3]), kde při moři nedaleko od ústí Bosporu tekla k severu řeka Ἀρτάνης[4]). Tak i Boor a Pančenko; Rambaud (l. c.) ji hledá někde na hranici themy Paflagonské i arménské.

Po této době máme ještě jednu zprávu o stěhování Slovanů u Niketa Akominata, podle níž Jan Komnenos (císař 1118—1143) přesídlil část Triballů—Srbů opětně do kraje nikomedského, podarovav je štědře územím[5]). Jinak o slovanských plucích, které ještě v Asii bojovali, srv. další zmínky u Pančenka a Lamanského (l. c.).

Že však těchto pět historicky doložených přesídlení nevyčerpává všechnu slovanskou kolonisaci Orientu, je zřejmé z výroku pokračovatele Theofanova při r. 821, podle něhož přesídlení před tou dobou byla už četná[6]); dole uvidíme, že slovanská vojska pevně usídlená vystupují i na jiných místech, než byla ta, o nichž jsme dosud slyšeli. Topografie slovanských kolonií na východě je bohatší a po té stránce můžeme dnes opětně stať Pančenkovu i starou práci Lamanského doplniti řadou nových dokladů.

Hlavním střediskem maloasijských Slovanů byla vždy, jak už z uvedených zpráv vidno, západní končina starověké Bithynie, zvaná později Opsikiem a rozdělená v X. století na thema Optimaton a Opsikion (θέμα Ὀπτίματον, θέμα Ὀψίκιον). Iméno Opsikia pošlo od zvláštního druhu císařského vojska (gardy), konajícího pod velením komita službu zv. obsequium (τὸ θεο-

1) O Cyrrhu srv. Itin· Anton. 189, 193, 194 (ed. Parthey) Tab. Peut. (XI. 1). V I. stol. po Kr ležela zde X. legie (Tac. Ann. II. 57), pak byla pevnost pobořena ale od Justiniana opět zřízena (Prokop. de aed. II. 11).

2) Theof. 432 (Boor), Anastas. 284 (Boor). Nikef. Brev. 68—69 (Boor) k r. 764.

3) Šafařík SS. II. 248. Tam ji umísťuje též prof. W. Ramsay The historical geography of Asia Minor (London 1890) 162, 438.

4) Arrian Periplus (ed. Müller) c. 3. U Nikephora u Theophana l. c. ὁ Ἀρτάνας.

5) Niketas Chon. 23 (ed. Bonn). Srv. Kinnamos 8 ed. Bonn. (Pančenko l. c. 35, Lamanskij l. c. 9, 13). Lamanskij má dále i obšírný výklad o pozdějších slov. koloniích až do konce novověku (str. 7—37).

6) Theof. Continuatus (ed. Bekker) II c. 10: Σκλαβογενῶν τῶν πολλάκις ἐγκισσευθέντων κατὰ τὴν Ἀνατολήν. Srv. také, že v Žití sv. Demetria Soluňského připomínají se výboje slovanských kmenů od Soluně do M. Asie už v VII století. (Migne PG. 116 str. 1355, 1362 sl., 1368 B).

φύλακτον βασιλικὸν Ὀψίκιον)[1]. K hranicím těchto them, jakož i těch, o nichž dále mluvím, srv. připojenou mapu, na níž hranice them zakresleny jsou tečkovanými čarami podle poslední práce Gelzerovy[2]) Zde, v Opsikiu bylo usazeno nejvíce Slovanů, a kteří zde zůstali přes pohromu, jež je stihla r. 692, zváni byli Σθλαβησιάνοι (viz konec stati). Odtud se ještě v X. stol. sestavují čety slovanské proti kretským Arabům[3]), při nichž vojáci brali mzdu po 3 nomismech a tři jejich náčelníci po 5[4]). V kterých osadách Opsikia Slované seděli, přesně nevíme,—patrně nejvíce v okolí Nikomedie a Nikaie. Vedle toho však biskupství a osada Γορδόσερβα na cestě z Malaginy k Doryleiu, připomenutá už v nejstarším seznamu biskupství «Notitiae episcopatuum» pocházejícím od sv. Epifania ze VII stol.[5]) a patrně totožná s pozdějším označením «Servochoria»[6]),—označuje asi přímo osadu slovanskou předpokládámeli ovšem v ní kolonisty srbské, jako činí Pančenko[7]). Ramsay residenci biskupa Gordoserbů umísťuje k dnešnímu Sugutu[8]), Pančenko ji mimoto ztotožnuje s osadou κωμόπολις Σαγουδάοι ἐγχωρίω καλουμένη u Anny Komneny (Alex. XV. 2). což bych nečinil; zato ji správně spojuje se jménem slov. Sagudatů z okolí Soluně. Jeli však jméno Modrina (Μωδρινή), uvedené už u Nikefora Patriarchy jakožto název domácího lidu[9]), slovanského původu, dlužno velmi pochybovati vzhledem k tomu, že je zná zde už Strabon (τὰ Μόδρα XII. 3. 7).

Další osady Slovanů v M. Asii a Syrii, mimo srvchu již uvedené okolí Nikaie, Nikomedie, Apameje, Antiochie, Seleukobola a Chorusu znám z pramenů jestě tyto:

V letech 873/4—6/7 připomínají některé arabské prameny, z nichž nově přeložil výňatky A. Vasiljev, že Slované měli obsazenu pevnost Lulu na hranicích Kappadokie a Syrie[10]).

1) Srv. Kulakovskij. Къ вопросу объ имени и исторіи ѳемы Опсикій. Виз. Врем. XI 409 str.).

2) H. Gelzer. Die Genesis der byz. Themenverfassung (Abh. sächs. Ges. Wiss. XLI. № 5). Hranice them nejsou ovšem na základě kusých zpráv Konstantina Porfyrogenneta a Ibn Churdádbiha vždy jisté; také se měnily (srv. Konst. Porfyr. Deadm. imp. 50); pro to se mapa Gelzerova dosti liší od současně vydané mapy Buryho (R. Lane Poole. Historical Atlas of Modern Europe. Map. 72. Oxford 1897).

3) Konst. Pofyr. de cerem. II. 44: οἱ Σθλαβησιάνοι οἱ καθιστθέντες εἰς τὸ οψίκιον ἐγορεύθησαν οὕτως. II. 45: ἀπὸ τῶν Σθλαβησιάνων τῶν καθημένων εἰς τὸ οψίκιον.

4) Srv. blíže u Pančenka 39, 50, kde je vůbec obšírný výklad o tom, jaké postavení v státni administrativě měli opsikijští Slované.

5) Gelzer Abh. d. bayr. Akad. I. Cl. Bd. XXI. 538, 545: Επαρχία τῆς αὐτῆς Μητρόπολις Νικαίας ἔχει ὑπ' αὐτὴν πόλεις ἤτοι ἐπισκοπὰς τρεῖς οἷον τὸν Μοδρινῆς ἤτοι Μελίτου τὸν Λινώης, τὸν Γορδοσέρβων. Doklady z jiných pramenů viz u Pančenka 58.

6) Fontes rerum austr. XII. 475, 491, 494.

7) Pančenko 57 sl. Srv. i mé Slov. Star. II. 279.

8) Ramsay l. c. 183. Sr. mapu na str. 179.

9) Nikef. 61 (Boor): πρός τι χώριον... Μωδρινὴν τῇ ἐπιχωρίῳ φωνῇ προσαγορευόμενον.

10) Původní tvar jména byl Halala; od Aurelia přezvána byla osada jménem Faustino-

V IX. a X století byly stálé boje na této hranici arabsko-řecké, zejména o Malatyji (Melitene), Samosatu, Amidu, Edessu, Tars a jiná města. Důležitou pevností, jež tvořila klíč při výpravách do Syrie, byla právě Lulu, jež ležela při vojenské silnici, přecházející Taurus[1]) mezi Tarsem a Tyanou, du. Kizli-Hissarem (srv. mapu). Podle itineráře Chordádbihova ten, kdo cestoval z Tarsu do řecké Malé Asie, přišel na cestě nejdříve v průsmyk Darb-as-Salám (Pylae Ciliciae), pak vedle pevnůstek Al-Ollaik, Ar-Rahva, Al-Džauzát, Al-Džardakúb, Hisn-as-Sákáliba («pevnost Slovanů) k Badhandúnu (ř. Podandos) a dále k teplým pramenům, poblíže nichž se nalézala Lulua[2]). Slované měli v IX. stol. tuto pevnost v rukou, ale pro Araby, kteří ji dobyli r. 832[3]) a kteří jim odváděli za to příslušný poplatek. R. 876/7 nebo podle jiné verse r. 873/4, když místodržitel v Tarsu Archúz-ibn-Jáil-ibn-Tarchán poplatek odpíral, ba docela si sumu 15,000 dinarů sebranou od obyvatelů tarských, ponechal, Slované nad tím rozhněvaní, předali pevnost a tím klíč ku Tarsu císaři[4]).

Tabarí a Ibn Vadich zv. al-Ja'kúbí mají ještě zajímavou zprávu k r. 716/7, podle níž Arabové pod Maslamou a Omarem okupovali celé území od Bosporu až po Kustantinyi a dobyli «města Slovanů»[5]). Kde bylo toto město Slovanů, ze zpráv není zřejmo. Jest možno, že je to pevnost Lulu, ale také se může jednati, jak Broocks dobře podotýká, o nějakou osadu položenou na západě Malé Asie. Snad docela o některou osadu opsikijskou, neboť Arabové okupovali tehdy i končiny západní.

Ale Lulu nebyla jedinou pevností slovanskou na hranici syrské. Právě

---

polis. V pramenech řeckých čte se obyčejně φρούριον Λοῦλον (tak Konst. Porfyr. de them. I. 2 Theof. ed. Bonu 197, 277; Zonaras XVI. 5) ale i φρούριον Λουλοῦ (Anna Komnena XIII. 12). Chordádbih (podle edice Goejovy str. 82, 85, 86) píše Lulua. Vasiljev ve výňatcích z Al-Asira a jiných dále uvedených užívá nominativu Lulu.

1) O strategické důležitosti tohoto průsmyku srv. výklad u R. Oberhummera a. H. Zimmerera v knize «Durch Syrien und Kleinasien». Berlin 1899. 111.

2) Chordá dbih ed. Goeje. (Bibl. geogr. arab. VI) str. 82. K poloze a další historii pevnosti Lulu srv. Ramsay l. c. 353 sl., Murray Handbook for travellers in Asia Minor 160, a Vasiljev Виз. и Арабы I. 97. Murray klade ji na mapce k cestě Gülek-Boghaz—Eregli, ne na Kizli-Hissarskou.

3) Vasiljev l. c. I. 98. Srv. Michal Syr. XII. 16.

4) Srv. výňatek z Tabarího k r. 877, a ještě obšírnější líčení v kronice Ibn-al-Asira (+ 1233) и Vasiljeva Виз. и Арабы II přílož. 7, 87, 93, a výklad tamže I 97 a II. 61. Udaj roku se rozchází. Tabarí uvádí, že byla Lulu dvakrát vzata od Řeků r. 873/4 a 876/7, ale patrně chybně (Vasiljev II. Прилож. 6), neboť se to událo jen jednou. Rok 873/4 uvádí i Ab-ul-Mahásin (+ 1469) ve své historii, pak Sujútí (+ 1505) v histori chalifů a 'Ainí (+ 1451). Srv. výňatky и Vasiljeva II, прил. 174, 180, 184. Proti tomu vzetí pevnosti r: 876/6 potvrzují vedle Asira ještě historikóvé Džauzi (1257), Ibn Chaldún (1406) a též 'Ainí (Vasiljev II прил. 123, 170, 174).

5) Srv. výňatky z obou chronistů u Brooksa «The Arabs in Asia Minor 641—750 from Arabic sources». Journ of Hell. Stud. 1898. 194, 196. O výpravách arabských té doby srv. i Theof. ad a. 6208 (Boor 386); ale o dobytí pevnosti slovanské není tu zmínky.

jsem uvedl citát z Chordádbiha, z něhož vysvítá, že na cestě z Tarsu do Tyany před Podandem byla ještě jiná pevnůstka v rukou slovanských, zvaná prostě «tvrzí Slovanů», Hiṣn-aṣ-Ṣákáliba. Nelze ji na tomto základě ztotožňovati v jedno s Lulu, jako činí Ramsay[1]). Al Beladzorí připomíná zase, jak čtu ve výňatku Harkavim uveřejněném[2]), jakéhosi vůdce Salmána «ze Slovanů», po němž — jedna pevnůstka poblíže Chorusu v kraji Halepském zvána byla Salmánovou — Hiṣn-Salmán. Patrně se tu jedná opět ne sice o vůdce Slovana ale o tvrz Slovany osazenou (odtud označení «ze Slovanů») a tím spíše, že, jak víme ze zpráv nahoře uvedených, Chorus byl Slovany kolonisován. Jiný vůdce «ze Slovanů» Zijád, také dal jméno tvrzi — Hiṣn-Zijád[3]), položené mezi Amidou a Malatyjí, jež snad také byla slovanská. Baladzorí připomíná ještě, že Marvan v městě zv. Chúsús nedaleko Kufy nad Eufratem usídlil vedle jiných i Slovany[4]) a že později, poraziv Slovany ruské v zemi Chazarů, usídlil z nich 20,000 zajatých v Chachitě, kde však brzy potom byli pobiti[5]).

Konečně bych uvedl, že Anna Komnena připomíná v XII. stol. (psala r. 1148) v thematě syrském Λαπάρα osadu pod jménem τὸ Σθλαβοτίλιν— patrně slovanskou[6]). Ležela kdesi v záp. Syrii.

Tito syrští Slované připomínají se v dějinách vícekráte. Některé zprávy uvedli jsme již výše. Připomněl bych ještě, že Slované, sedící v pohraniční části Syrie byli, jak Barhebraeus sděluje[7]), znovu podmaněni Tiberiem Apsimarem (698—705), že vystupují v bojích r. 716 a r. 754 a 757/8 u Theofana, Tabarího, a Al-Jakúbího[8]) a že podle Mas'udího r. 838 Slované (asi zdejší) pod Theofilem synem císaře Michala dobývali Zibatru v Mesopotamii a Malatyji[9]).

Nakonec zajímavo podotknouti, že byzantští historikové, mluvíce o potomcích Slovanů do M. Asie přestěhovaných, nenazývají jich více Slo-

1. Ramsay l. c. 353.

2) Harkavi Сказ. мусульман. пис. о Славянахъ etc. Спб. 1870 35, 37. («Сальманъ и Зіадъ суть тѣхъ Славянъ, которыхъ Марванъ ибнъ-Мухаммедъ поставилъ на границѣ») Srv. Vasiljev Виз. и Арабы I. 97 sl.

3) Srv. Harkavi 40. Jinak zvána byla tato pevnost Khartabirt. Défrémery (Journal asiat. VI. sér. VII 259) udává vzdálenost její od Podandu na 7 mil.

4) Harkavi l. c. 37. Odtud je chalif Mansúr přesídlil zpět do Syrie (tamže 40).

5) Harkavi 38. 41. Jméno této kolonie vykládá Harkavi na Kachetii v Grusii, ale jinak právem celé této zprávě nepřikládá mnoho víry.

6) Alex. XIII. 12. Jiný rk. má Α(σ)θλαβοτίλιν.

7) Barhebreus ed. Bruns. II. 118: Tiberius ille Sclavos subjecit, qui a Romanis defecerant. In regionem Samosatenam profecti occiderunt 5000 Arabum. Direptione facta, redierunt.

8) Theof. 386, 428 (Boor). Al Jakúbí u Harkaviho l. c. 63, Al-Tabarí u Broocksa l. c. 196. (útok Bulharů a Slovanů na Maslamu).

9) Srv. výňatek u Vasiljeva Виз. и Арабы I. 114. Прилож. 67.

vany ale jen «lidmi pocházejícími ze Slovanů» tady ne Σκλάβοι ale Σκλαβησιανοί[1]) nebo Σθλαβογενεῖς[2]). Dva vysocí úředníci slovanského původu za císaře Alexandra Basilia označeni jsou slovy Γαβριηλόπουλος καὶ Βασιλίτζης ἀπὸ Σκλαβισίας»[3]).

---

1) Σκλαβησιανοί nebo Σθλαβησιάνοι (Konst. Porfyr. De adm. 50. o vtržení Slavisianů do Peloponnésu, jež odlišuje od tamějších Slovanů «Σκλάβοι»; de cerem. II. 44, 46 (srv. výše). K tvaru srv. analogické θέμα Ἀρμενιάκων, Θρακησίων.

2) Σθλαβογενεῖς (Theofanes Cont. II. 10).

3) Theof. Cont. VI. (ed Bonn.), Leon Gramm. ed. Bonn. 286.

Sur l'initiale des mots vieux slaves есе et а.

Tout mot slave commun commençant par *e* a développé la yodisation initiale de l'*e* slave assez pour que la prononciation soit notée *je-* dans tous les dialectes qui ont une notation quelconque du yod. Tout *e* initial est donc représenté par *e* dans l'alphabet glagolitique, qui ne distingue pas entre *e* et *je*, mais par ѥ dans l'alphabet cyrillique tel que le présente le Suprasliensis: le dictionnaire de Miklosich ne renferme aucun mot sous la lettre е. Toutefois, à l'article ѥсе «voici», on rencontre cités quelques exemples de есе, avec е initial: Supr. 17, 22 Сев.=27, 16 M.; 476, 10 Сев.=362, 17 M.; 478, 10 Сев.=364, 22 M.; 486, 25 Сев.=372, 7 M.; 504, 11 Сев.=387 28 M. Ce mot *ese* «voici» doit être coupé *e-se*. Le premier élément *e-* se retrouve dans les dialectes modernes, par exemple dans r. это, экой; s. *ȅvo*, *èno*, *ȅto*; tch. *ej*; pol. *edyć*; etc.; il est donc slave commun (cf. Ильинскій, О нѣкоторыхъ архаизмахъ, p. 90). Cet élément *e* était un mot isolé, et encore considéré comme tel en russe au XVIIe siècle (voir Соболевскій, Лекціи[3], p. 128).

Dans des mots empruntés du grec, ou, plus exactement, transcrits du grec, comme ересь «αἵρεσις», Supr. 188, 79 et 189, 6 Сев.=140, 12 et 16 M; 191, 10 Сев.=141, 27 M., ou епитимиꙗ «ἐπιτιμία», Supr. 188, 17 Сев.= 140, 5 M., ce е-, qui répond exactement à la prononciation grecque, n'a rien que de naturel; mais, dans un mot slave original, un *e-* initial constitue une anomalie, et la difficulté que pose l'absence du *j-* ordinairement préposé semble si insoluble qu'elle a conduit M. Fortunatov à supposer l'existence d'un **h-* indo-européen qui ne serait attesté par aucun autre témoignage (*Arch. f. slav. phil.*, XII, 96 et suiv.). Sur l'étymologie du mot slave commun *e-* on peut lire en dernier lieu, Brugmann, *Kurze vergl. Grammat.*, § 495, Anm. 3, p. 401 et § 828, p. 615. L'hypothèse de l'existence d'un i.-e. **h*, ne trouvant hors du slave aucun appui, a semblé gratuite et n'a pas été admise par la plupart des linguistes. Mais la difficulté subsiste, et la théorie de M. Fortunatov, si peu prouvée et si peu probable qu'elle soit en elle-même, ne sera définitivement écartée que si le problème est résolu par un autre moyen.

Or, quand on examine les exemples de єсє, cités ci-dessus, on constate que tous commencent une phrase, ou du moins un membre de phrase isolé; en revanche, Miklosich cite deux exemples de ѥсє Supr. 88, 23 Сев. = 66, 8 M., et 369, 25 Сев. = 273, 21 M., et, dans tous les deux, ѥсє est précédé d'un autre mot et ne commence pas la phrase; ainsi по божиї жє любьви ѥсє мы Supr. 88, 23 Сев. Cette circonstance semble indiquer que la forme phonétique était єсє au début de la phrase, et ѥсє après un autre mot; on sait d'autre part que tout mot vieux slave se termine par une voyelle et que tel était déjà l'état slave commun. En d'autres termes, pour donner à ce fait particulier sa formule générale, *e* initial de phrase subsiste en slave commun; mais le même *e* devient *je* à l'intérieur de la phrase, c'est-à-dire quand une voyelle précède. Comme il arrive souvent en cas de différences de ce genre dues à la phonétique syntactique, celle des deux formes qui est possible en toutes positions a été généralisée, tandis que la forme admise seulement en certaines situations est éliminée: de là le fait que tout mot slave ayant eu autrefois *e-* initial a à l'époque historique *je-*. Mais le mot *e-*, qui se trouvait être particulièrement fréquent à l'initiale de la phrase a, par une exception unique, conservé dans la plupart des cas sa forme phonétique. Le vieux russe a осє, qui représente **jese*, à côté de єто et fournit ainsi *je-* et *e-* simultanément; mais la répartition ancienne n'est pas conservée, comme elle l'est dans le Suprasliensis. — Le mot єда «est-ce que ne pas» renferme également la particule *e* suivie de *da*, comme le montre le synonyme єга; or, l'Evangile d'Ostromir, où ѥ est noté d'une manière presque constante, n'a jamais que єда par є initial dans tous les exemples (v. Козловскій, dans Изслѣдованія по русск. яз., I, 18); c'est que єда est, par sa nature même, un mot initial de phrase. Il n'y a dans Ostromir qu'un seul autre mot qui ait régulièrement є initial, c'est єи, «oui», aussi initial de phrase par nature. Les autres exemples de є- initial dans des mots slaves d'Ostromir sont des restes isolés de la graphie générale par є-, qui est celle du livre de Sava par exemple; ces exemples se rencontrent notamment dans des mots archaïques, inconnus du scribe, comme єтєрь, ou dans des mots dont la forme russe était très divergente, ainsi єзєро (r. озеро), etc.

L'explication qui précède est confirmée par l'examen d'un autre cas analogue que signalait déjà M. Fortunatov (loc. cit.). Dans tous les dialectes autres que les parlers bulgares (y compris le vieux slave), un *a-* initial du slave commun est représenté par *ja-*; un seul mot fait constamment exception à cette règle, et c'est la conjonction а «mais», russe *a*, serbe *a*, pol. *a*, slov. *à*, etc. (cf. lit. *õ*, véd. *ā́t*, zd *āt*). Or, il s'agit précisément d'un mot qui toujours commence la phrase.—Et en effet, tandis que l'on a v. sl. аштє «si», avec *a* initial, et de même v. r. ачє, v. tch. *ače*, *ač*, v. pol. *acz*, on rencontre aussi v. sl. ѣштє à l'intérieur de la phrase, ainsi ѣштє L. VI, 32 et да ѣштє J. VI,

22 dans le Marianus, ꙁо нъ жє дєнъ ѣште Ps. XIX, 10, dans le *Psalterium sinaïticum*, etc., et ceci a naturellement entraîné l'emploi sporadique de ꙗштє même à l'initiale de la phrase, ainsi Ps. XVIII, 14; or, si l'étymologie de аштє n'est pas sûrement connue, il est au moins probable que c'est une combinaison dont le premier terme est *a*; on a donc ici la forme qu'affecte le petit mot *a* à l'intérieur de la phrase slave.

Dès lors, on entrevoit le moyen de rendre compte en principe de l'hésitation entre а- et ꙗ- (noté en glagolitique ѣ-) que présentent les textes vieux slaves à l'initiale des mots. Il est possible que а- ait été originairement la forme employée au début de la phrase, et ꙗ- la forme employée après un autre mot; mais les manuscrits que l'on possède n'ont pas conservé ce contraste, dont on ne saurait même affirmer qu'il ait encore existé au temps où a été écrite la traduction de l'Evangile. Par exemple, on constate dans les manuscrits glagolitiques de l'Evangile slave les deux graphies авити et ѣвити (c'est-à-dire ꙗвити), mais la répartition ne concorde pas avec la formule ci-dessus relative à une différence entre l'initiale et l'intérieur de la phrase; ainsi on lit ѣвихъ J. XVII, 6 Zogr. Mar. Ass. au début d'une phrase, tandis qu'on a да бѫ сѧ авили Mt. VI, 16 Zogr. Mar. Ass. L'emploi de а- et ꙗ- diffère du reste en chaque cas d'un manuscrit à l'autre: l'un des rares emplois concordants est celui de а- après la négation нє, par exemple да нє авиши сѧ Mt. VI, 18 Zogr. Mar. Ass..; et de même Mt. VI, 18; XVI, 17; Mc IV, 22; L. VIII, 17; le fait n'est, il est vrai, contraire au principe général qu'en apparence: la négation est étroitement jointe au verbe suivant, et l'on est ici dans un cas tout particulier, très analogue à celui de l'intérieur du mot. En revanche, la graphie constante par а- de азъ «moi» peut tenir à ce que ce pronom, dont la valeur est essentiellement emphatique, a sa place normale au début de la phrase. Mais il ne reste pas moins vrai que l'on ne peut rien dire de la répartition de а- et ꙗ- initiaux dans les textes vieux slaves et qu'on doit se borner à constater la coexistence des deux formes: il y a eu dans la transmission des textes trop d'actions et de réactions entre les formes bulgares à *a*- initial et les formes des autres dialectes à *ja*- pour qu'on puisse rien tirer de documents dont aucun ne reproduit à cet égard l'état original d'une manière exacte.

Un détail vient appuyer en quelque mesure la doctrine, indiquée par M. Pedersen, que le *j* développé devant un *a*- initial slave commun serait dû au contact avec la voyelle finale d'un mot précédent. C'est que, à côté de *j*, on trouve un exemple isolé de *v* (v. Pedersen, K. Z., XXXVIII, p. 311, § 17): s. *vȁtra* «feu», pt. r. *vátra*, pol. *watra*, tch. *vatra*, cf. zd *ātar*- «feu», arm. *ayrem* «je brûle» (v. Hübschmann, Arm. Gramm. I, p. 418), irl. *áith* «fourneau» (cf. Bezzenberger, dans Fick-Stokes, *Et. wört.*, II, p. 9). Et de

plus le tchèque a *vejce* (gén. plur. *vajec*), en regard de *jajice* «oeuf» des autres dialectes. Ces deux faits sont trop isolés pour qu'on ose les invoquer avec pleine confiance; mais, comme ils admettent malaisément une autre explication, il est au moins permis de supposer, avec M. Pedersen, qu'on a ici affaire à l'influence des diverses voyelles finales de mots; on aurait eu *a-* au début des phrases, *ja-* après les finales *-i*, *-ĭ*, *-e*, *-ě*, *-a*, et enfin *va-* après les finales *-u*, *-ŭ*, et *-o*.

Le développement du *j* à l'initiale des mots à l'intérieur de la phrase s'explique par le caractère même de la prononciation de cette consonne en slave. Les transcriptions modernes du vieux slave donnent l'illusion que le *j* était un phonème normal, de pleine valeur; mais, si l'on examine les anciens alphabets slaves, on constate que le *j* n'y a en aucun cas de notation autonome. Dans l'écriture glagolitique, il n'est pas noté devant *e*, et le *ja* n'est noté que par le caractère du ѣ; le *ę* n'est pas distingué de *ję* dans le Psalterium sinaïticum et les feuilles de Kiev, et le signe commun de *ę* et *ję* paraît se composer de *e*+*n*, comme le signe de *ą* de *o*+*n*, ce qui indique que la distinction de *ę* et *ję*, faite dans Zogr., Mar., Ass., Cloz., Euch., a été inventée après coup (cf. Vondrák, *Altkirchensl. gramm.*, p. 25); c'est dire que, aux yeux du créateur de l'alphabet glagolitique dont se servait le traducteur de l'Evangile, le *j* n'était pas essentiellement distinct de la yodisation qui accompagne toute voyelle de la série prépalatale *i*, *ĭ*, *e*, *ě*; et, pour qu'un homme doué d'un sens aussi fin de la phonétique de sa langue que l'était le créateur de l'alphabet glagolitique n'ait pas institué un caractère propre pour *j* comme pour les autres consonnes, il faut que le *j* de son parler n'ait pas eu de valeur autonome à cette date dans le slave de la région de Salonique, et ceci d'autant plus que les alphabets orientaux dont il semble s'être inspiré à plusieurs égards possédaient un yod et qu'il n'avait aucune raison de ne pas créer un signe pour yod, comme il en créait pour *š*, *ž*, *c*, *č*, *ě*, *ĭ*, *ŭ*. L'alphabet cyrillique a introduit, par une voie indirecte, la notation du yod, en étendant à la notation de *je* et *ja* le procédé de ligatures donton se servait pour noter *ją* et *ju*, qui sont distingués de *ą* et *u* dans tous les textes glagolitiques: c'est sans doute que l'alphabet cyrillique est plus récent, et surtout est l'oeuvre d'un homme ou d'un groupe d'hommes parlant un dialecte différent de celui de l'auteur du glagolitique; au surplus, le *je* est encore noté є constamment dans les feuilles (cyrilliques) d'Undolskij, et le plus souvent dans le livre de Sava, où cependant on rencontre déjà quelques cas de la ligature ѥ. On sait en effet que, seule, une portion du bulgare a maintenu la yodisation slave commune, si bien conservée en russe et en polonais, et que les autres dialectes slaves du sud ont perdu de bonne heure la distinction des voyelles dures et des voyelles molles; si les lettres cyrilliques є et ѣ notaient des

voyelles sans yodisation ou faiblement yodisées, elles ne pouvaient, comme les lettres glagolitiques correspondantes, être utilisées à écrire *je* et *ja*. Mais il ressort de la comparaison du russe et du polonais que le vieux slave, sous sa forme glagolitique, représente l'état slave commun en ce qui concerne la distinction des voyelles dures et molles: le *j* que le slave commun a développé au commencement des mots à l'intérieur de la phrase n'est donc pas un *j* autonome et fort, c'est un élément accessoire de la voyelle auquel le créateur de l'alphabet glagolitique a eu raison de ne pas attribuer une notation indépendante[1]).

Les consonnes intervocaliques ont communément une débilité particulière, et c'est ce qui fait que le *j*, qui est par lui-même un phonème très faible en slave, est sujet à se réduire à zéro entre voyelles, après une longue: on sait que *dobrajego* devient *dobraago*, *dobrago* etc. (sur le fait général de la chute de *j* intervocalique, v. O. Broch, Сборникъ статей en l'honneur de M. Fortunatov, p. 134 et suiv.). C'est ce qui fait aussi que *l* mouillé qui a été complètement développé à l'initiale après labiale dans tous les dialectes slaves (v. sl. блюдо, r. блю́до, bulg. блю́до, pol. *bluda*), n'existe pas dans une partie des dialectes slaves là où le groupe labiale plus yod est intervocalique: землѣ Zogr. Mar. Ass. Cloz. etc., r. земля́, s. zèmlja, slov. *zémlja*, mais земьꙗ Supr. et Sav., bulg. земя̀, pol. *ziemia*, tch. *země*. On s'explique ainsi que, dans le cas où les mots sont le plus étroitement unis par le sens et où par suite il semblerait que le développement du *j* fût inévitable si l'hypothèse proposée ici est correcte, le *j* manque précisément: on a не авитъ сѧ, sans *j* initial (voir ci-dessus p. 389).

Le *j*, dont la débilité est ainsi constatée, a été généralisé devant tout *e* slave, et sans doute devant tout *a*; seules ont échappé à cette généralisation les particules essentiellement initiales *e*- et *a*.

A. Meillet.

---

1) Sur la valeur de є et ѣ dans l'alphabet glagolitique, on peut voir maintenant des observations analogues à celles présentées ici dans un article de M. Leskien, *Arch. f. slav. phil.*, XXVII, 164 et suiv. (Note de correction).

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

...БУРГЪ.

...ГРАФІ... ...АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ III.

подъ редакціею ординарнаго академика

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

СТАТЬИ

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Выпускъ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

СТАТЬИ

Stat'i

ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Po slavianoviedieniiu

Выпускъ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

В. И. Ламанскаго.

V. I. Lamanskago.

ИЗДАНІЕ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1910 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. *Ольденбургъ*.

Содержаніе.

Опытъ Физической характеристики древнихъ Восточныхъ Славянъ.

Палеоэтнологическій очеркъ.

(Съ картой раздѣленія головныхъ типовъ у древнихъ восточныхъ славянъ и сосѣднихъ съ ними народовъ).

I. Палеоэтнологическое изученіе древнихъ Восточныхъ Славянъ.

Славяновѣдѣніе, сдѣлавшее большіе успѣхи въ XIX столѣтіи по изученію исторіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, ихъ вѣрованій, быта, нравовъ и языка, мало еще изучило древніе ихъ памятники, оставленные въ курганахъ и кладбищахъ, по которымъ можно было бы по обрядамъ погребенія оріентироваться въ ихъ разселеніи; къ сожалѣнію, это сдѣлано лишь для нѣкоторыхъ только племенъ. Еще болѣе трудную задачу, требующую значительнаго количества научныхъ матеріаловъ, представляетъ антропологическое изученіе типа древнихъ славянъ для отличія таковаго отъ типа другихъ народностей, жившихъ до нихъ или одновременно съ ними на одной территоріи, съ которыми славяне смѣшались, впослѣдствіи, въ меньшей или большей степени. Самыя первыя свѣдѣнія о славянахъ даютъ греческіе авторы, а потомъ—первоначальныя славянскія лѣтописи. Къ сожалѣнію, всѣ эти свѣдѣнія черезчуръ поверхностны, неполны и невсегда заслуживаютъ довѣрія, ибо авторы описываютъ лишь то, что̀ особенно обратило на себя ихъ вниманіе, а при недостаткѣ вѣрныхъ методовъ изслѣдованія главную роль играла лишь личная наблюдательность авторовъ, которая могла остановиться на тѣхъ или другихъ признакахъ въ зависимости отъ субъективныхъ ихъ впечатлѣній. Болѣе надежнымъ признакомъ, но тоже не всегда могущимъ представить вымершій или смѣшавшійся во многомъ типъ древнихъ славянъ,—какъ это дѣлается при изслѣдованіяхъ живыхъ людей,—являются человѣческіе могильные остатки, происходящіе изъ славянскихъ кургановъ и кладбищъ, какъ кости и волосы. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма мало и изслѣдовано немного, такъ какъ антропологіей, какъ наукою, стали заниматься лишь въ послѣднее время. Большинство археологовъ, не говоря уже о профанахъ, стали относиться сравнительно недавно съ большимъ уваженіемъ къ находимому ими въ могилахъ остеологическому матеріалу, хотя и нынѣ если таковой не попадаетъ сразу въ руки антрополога, то теряетъ потомъ всякое значеніе для науки, ибо

дѣлается неизвѣстнымъ какъ мѣсто его происхожденія, такъ и обрядъ могильнаго погребенія, въ которомъ онъ найденъ. Если бы прежде весь добываемый изъ могилъ остеологическій матеріалъ не былъ уничтожаемъ и не погибалъ безвозвратно, мы имѣли бы нынѣ въ общей сложности болѣе точныя свѣдѣнія о физическомъ обликѣ нашихъ предковъ. Тѣ немногія данныя, которыя имѣются по антропологіи восточныхъ славянъ, мы взяли на себя смѣлость собрать и представить въ настоящей работѣ, какъ опытъ изученія типовъ отдѣльныхъ племенъ. Сознавая всю трудность задачи, при нашихъ весьма ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, мы однако же надѣемся, что пробѣлы и недостатки въ нашей работѣ будутъ съ успѣхомъ восполнены въ текущемъ столѣтіи другими антропологами при болѣе распространяющихся археологическихъ изслѣдованіяхъ, съ болѣе широкимъ взглядомъ на предметъ, а увеличивающееся число работниковъ въ области антропологіи не дастъ безвозвратно погибать научному матеріалу.

Прежде, нежели перейти къ результатамъ, полученнымъ отъ современныхъ антропологическихъ изслѣдованій, какъ равно къ физическому типу восточныхъ славянъ, переданному намъ лѣтописцами, мы въ краткости приводимъ тѣ этнологическія данныя, какія намъ извѣстны о разселеніи, образѣ жизни и нравахъ древнихъ славянъ.

Среднюю полосу Европы къ сѣверу отъ римскихъ владѣній, покрытую дремучими лѣсами, многочисленными рѣками, озерами и болотами, еще въ V вѣкѣ до Р. Х. занимали славяне. Есть данныя, что въ то время граница славянъ на западѣ доходила до р. Рейна, на сѣверѣ до Балтійскаго моря, на югѣ до Чернаго, а на востокѣ до Днѣпра и Дона. Тѣснимые съ юга римскими легіонами, съ сѣвера и запада народами скандинаво-германской расы, славяне должны были подвигаться все дальше на востокъ и сѣверовостокъ, покидая Дунай, этотъ центръ первыхъ стоянокъ славянъ, о которомъ сложились легенды, перешедшія въ народныя преданія, такъ свѣжо сохранившіяся понынѣ у восточныхъ славянъ.

Древніе писатели, какъ Тацитъ, не знали, къ какому племени причислить славянъ-венедовъ, къ Германскому или Сарматскому. Іорнандъ въ VI в. говоритъ, что многочисленное племя венедовъ распадается на славянъ, живущихъ отъ верховьевъ Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, сильнѣе первыхъ, жившихъ въ странахъ Припонтійскихъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій различаетъ славянъ и антовъ и называетъ послѣднихъ спорами (въ этомъ названіи нѣкоторые изъ современныхъ писателей хотѣли видѣть сербовъ). Константинъ Порфирородный перечисляетъ еще много мелкихъ подраздѣленій славянскихъ племенъ. Неизвѣстно, въ какое время первые славянскіе выходцы удалились изъ первыхъ своихъ стоянокъ на сѣверъ и востокъ. Вѣроятно, что это переселеніе происходило въ разное

время, и что они шли тремя путями. Первый изъ нихъ шелъ съ юга, съ Днѣпра, другой съ Вислы и Карпатъ и третій изъ Поморья. Болѣе ранними выходцами считаются Бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане, которые, будучи тѣснимы врагами, двинулись на СВ и, поселившись на Днѣпрѣ, назвались Полянами, а ушедшіе далѣе въ лѣса — Древлянами. Расположившіеся между рр. Припетью и Двиною — Дреговичанами, по р. Двинѣ и ея притоку Полотѣ — Полочанами, а выше на сѣверъ около озера Ильменя — Словѣнами, гдѣ они построили городъ Новгородъ, — по рр. Деснѣ, Семи и Сулѣ — Сѣверянами, отдѣлившіяся отъ нихъ особыя вѣтви, жившія по Бугу — Волыняне, Хорваты и Дулебы; Угличи и Тиверцы по Днѣстру до самаго моря и Дуная. Болѣе поздними выходцами изъ Ляховъ считаются Радимичи, поселившіеся по Сожѣ и Вятичи по Окѣ. Какъ видно изъ лѣтописныхъ данныхъ, лишь въ послѣдствіи отъ Полочанъ отдѣлились Кривичи, живущіе по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра, а на югъ отъ послѣднихъ живущіе по Днѣпру и его притокамъ — Сѣверяне. По С. М. Соловьеву, славянское населеніе двигалось по правой сторонѣ Днѣпра на сѣверъ, а потомъ спускалось на югъ по восточному берегу этой рѣки. Такъ какъ въ древнихъ лѣтописяхъ не упомянуты нѣкоторыя изъ племенъ, то это служитъ, по этому автору, подтвержденіемъ того, что они пришли особо и позже другихъ съ запада. Еще позже, на отдаленномъ отъ центра славянства сѣверо-востокѣ, сложилась лишь въ XII вѣкѣ въ отдѣльное цѣлое славяно-русская народность, гдѣ меньшинство славянскихъ выходцевъ съ сѣвера, юга и изъ земли кривичей, ассимилировало въ пользу русской народности массы тюркскихъ и финскихъ племенъ.

По даннымъ современныхъ византійскихъ сказаній, Нестора и другихъ лѣтописцевъ, славяне вообще изображаются бодрыми, сильными и неутомимыми. Презирая климатическіе невзгоды сѣвернаго климата, они легко переносили голодъ и всякую нужду; питаясь грубою и сырою пищею, они легко восходили на крутизны, смѣло бросались въ опасныя болота и глубокія рѣки и быстротою въ движеніяхъ удивляли грековъ. Зато послѣдніе упрекали славянъ въ неряшествѣ, ибо, придавая главное значеніе физической силѣ, они совершенно не обращали вниманія на свою наружность, ибо умывались, какъ говорятъ, только три раза во всю жизнь[1]). По характеру славяне были кроткими и миролюбивыми. Занимаясь земледѣліемъ и не имѣя воинственныхъ наклонностей, преслѣдуемые врагами, они лишь для самозащиты должны были взяться за оружіе и воспитать въ себѣ

1) О такомъ рѣдкомъ умываньи ничего не говорятъ ни Прокопій, ни т. наз. Маврикій, писатели VI в., ни тѣмъ болѣе значительно позднѣйшіе—Левъ Мудрый († 911) и Константинъ Багрянородный († 959), когда южные Славяне, наиболѣе грекамъ знакомые, уже приняли христіанство и имѣли свою письменность. Византійскіе Греки VI—X в. по Р. Х. полу-

военный духъ, особенно начиная съ IV вѣка, со временъ покоренія ихъ готскимъ царемъ Эрманарихомъ, послѣ чего они должны были выдерживать нападенія римскихъ легіоновъ, готовъ, гунновъ и другихъ народовъ, что ихъ закалило въ борьбѣ и пріучило ради легкой наживы, съ цѣлью грабежа нападать на сосѣдей и своею хищностью не уступать въ послѣдствіи другимъ варварамъ.

Всѣ лѣтописцы хвалятъ гостепріимство славянъ и мягкость ихъ нравовъ. Хотя рабство существовало у славянъ, но рабъ былъ какъ бы членомъ семьи. Скотоводство и земледѣліе они восприняли отъ западныхъ сосѣдей германцевъ, скифовъ и сарматовъ. Въ VI вѣкѣ они разводили хлѣбныя растенія, питаясь просомъ, гречихою и молокомъ; въ лѣсахъ разводили дикихъ пчелъ, дававшихъ имъ любимый напитокъ медъ. По характеру веселые, они любили игры и увеселенія. Дѣвушки ихъ отличались цѣломудріемъ, а жены вѣрностью мужьямъ, и не умереть вмѣстѣ съ ними вдовамъ считалось позоромъ. Восточные славяне и большинство народовъ не знали ограниченнаго значенія слова «семья», ибо у нихъ первое мѣсто занималъ родъ, жили они родами, подчиняясь родоначальнику.

Благодаря тому, что восточные славяне пришли въ разное время и изъ разныхъ мѣстностей своей первоначальной обители, они жили разъединенно на огромныхъ восточныхъ пространствахъ, при разныхъ климатическихъ условіяхъ, смѣшиваясь въ разныхъ степеняхъ съ мѣстными автохтонами, почему складывалась у нихъ различно и жизнь, какъ равно бытовыя и этнографическія особенности, привычки и преданія, и, наконецъ, вырабатывался особый антропологическій типъ въ каждой отдѣльной мѣстности—какъ физическій, такъ и духовный. Разница эта между отдѣльными племенами восточныхъ славянъ не могла исчезнуть ни послѣ объединенія многихъ изъ нихъ подъ вліяніемъ даже единаго княжескаго рода, ни послѣ смягченія нравовъ и обращенія въ христіанство; языческія привычки и отдѣльныя вѣрованія въ каждой изъ земель удержались надолго, а географическія и историческія особенности каждаго изъ племенъ не могли нивелировать искусственныя внѣшнія вліянія.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ по лѣтописнымъ даннымъ отдѣльныхъ племенъ восточныхъ славянъ. Древніе Поляне занимали два княженья, въ Переяславлѣ и въ Кіевѣ, составлявшія одно цѣлое. Поляне, занимая плодородныя надднѣпровскія земли, открытыя для нападенія непріятелей, раньше другихъ своихъ соплеменниковъ развили въ себѣ воин-

---

чили въ наслѣдье отъ древнихъ эллинскихъ и старыхъ эллинистическихъ предковъ—много ясныхъ понятій и болѣе или менѣе важныхъ наблюденій и свѣдѣній по медицинѣ—наукѣ и искусству,—и потому не могли ни въ коемъ случаѣ приписывать физическую силу и крѣпость такимъ поколѣніямъ, которыя будто бы мылись лишь три раза въ своей жизни или на своемъ вѣку. *Ред.*

ственныя доблести. Они были образованнѣе других восточныхъ славянъ. Женщины ихъ отличались особенными нравственными качествами, а семьи— примѣрною жизнью. Они были воинственны, по характеру веселые, вели беззаботную, веселую жизнь. Лѣтописецъ характеризуетъ ихъ такъ: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и родителямъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приходяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче». Въ землѣ полянъ, у современныхъ украинцевъ, по Соловьеву, сохранились преданія о томъ, что тамъ жили нѣкогда люди великаны, ходившіе съ сосной въ рукѣ, но они были потоплены за свои грѣхи, и послѣ нихъ жило другое великорослое племя; а когда и то погибло, родъ человѣческій сталъ мельчать. Намъ приходилось слышать на Украйнѣ очень распространенное преданіе о происхожденіи мѣстныхъ кургановъ, а именно, что побѣжденный народъ, жившій тамъ нѣкогда, не желая сдаться заживо непріятелю, построилъ курганы и въ нихъ себя добровольно похоронилъ. Не только на Украйнѣ, но и во многихъ другихъ странахъ распространено убѣжденіе, что люди, похороненные въ могилахъ, были атлетическаго роста и сложенія. Въ славянскихъ преданіяхъ эти великаны извѣстны подъ именемъ «велынянъ» (obr у чеховъ, olbrzym у поляковъ) и являются врагами и мучителями славянъ. По другимъ, слово «велыняне» обозначаетъ связь мелкихъ славянскихъ народовъ въ одинъ великій и обозначало то же, что «анты». Поляне на своей землѣ построили древній княжескій городъ Кіевъ, который въ исторіи восточныхъ славянъ, особенно юго-восточныхъ, достигъ выдающагося значенія. Наибольшаго развитія достигаетъ Кіевъ во время княженія Владиміра и его наслѣдниковъ. Въ правленіе этихъ князей заселяется лѣвый берегъ Днѣпра пришельцами изъ Бѣлоруссіи, изъ средней Россіи, Новгородской земли и Финской Чуди. Высшій классъ, привилегированный, состоялъ изъ вызванныхъ чужеземцевъ, способныхъ носить оружіе, не связанныхъ съ массой народа. На помѣсь населенія не могли не вліять временные переходы Кіева къ чужеземцамъ. Первыми[1]) водворившимися въ немъ были Поляки, явившіеся здѣсь съ Болеславомъ, послѣ изгнанія которыхъ Великій Князь Ярославъ окружилъ себя, вмѣсто высшаго польскаго сословія, шведскимъ. Со второй половины XI в. начинаются набѣги Половцевъ, и послѣ смерти Ярослава, раздѣлившаго свое государство на мелкіе удѣлы, начинаются распри и междоусобія среди князей, часто обращавшихъ оружіе противъ своихъ одноплеменниковъ и при-

1) Изъ чужеземцевъ первыми были Хозары, затѣмъ Норманны, они господствовали цѣлыя десятилѣтія; Поляки же Болеслава Хр. продержались въ Кіевѣ, какъ извѣстно, очень недолго. *Ред.*

зывавшихъ на помощь Половцевъ. Съ конца XI в. въ составъ южнорусскаго населенія стали входить Торки, Берендѣи — Печенѣги и Черные Клобуки[1]). Въ 1224 г. появляются впервые Татары, и ихъ послѣдующія нашествія и разоренія края не могли не отозваться на судьбѣ населенія полянъ, частью разсѣянныхъ, частью истребленныхъ, пока не потянуло свѣжею колонизаціонною струею съ запада[2]).

Такъ же какъ Поляне получили названіе отъ мѣста ихъ разселенія въ открытой мѣстности, другіе ихъ единоплеменники, поселившіеся въ лѣсахъ, прозвались Древлянами. Отдѣленные особенными географическими преградами отъ остальныхъ, они не могли достичь того развитія, какъ Поляне, и не обособились въ отдѣльную самобытность. Среди Древлянъ выдѣлились, какъ особая единица, Волыняне, жившіе самостоятельною жизнью. Они жили бѣдно и представлялись полудикими, браковъ не заключали. Лѣтописецъ говоритъ о нихъ такъ: «А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядаху вся не чисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы».

Въ недоступныхъ болотахъ поселились Дреговичи, мало отличавшіеся отъ Древлянъ. Радимичи и Вятичи, какъ было сказано выше, считавшіеся потомками Ляховъ, выводили себя отъ двухъ родоначальниковъ: первые— отъ Радима, вторые—отъ Вятка. Хотя они и подчинялись вмѣстѣ съ другими Полянами, однако сохранили свои особенности и преданія, отличающія ихъ отъ другихъ восточныхъ славянъ. Землю вятичей въ этнографическомъ отношеніи раздѣляютъ на восточную, или Рязанскую, и западную, занимающую берега Оки съ ея притоками. Къ ЮЗ. отъ вятичей земля Сѣверская распадалась на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую, населеніе которыхъ стремилось болѣе къ югу, нежели къ сѣвернымъ славянамъ. О послѣднихъ племенахъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «И радимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы: сложахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимѣ и по семъ творяху кладу велику и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, а по семъ собравши кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ, на путехъ, еже творятъ вятичи и нынѣ. Сиже творяху обычая кривичи, прочія поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ».

1) И Половцы. *Ред.*

2) Въ XIII в. Татарами была опустошена не одна зап. Русь, но и М. Польша (въ 1241—1259 и 1288 г.), которая подвергалась не разъ грознымъ налетамъ Крымскихъ Татаръ и въ к. XV в. и въ XVI в. *Ред.*

О южно-русскихъ народахъ извѣстія очень скудны, и хотя и нѣтъ указаній въ лѣтописяхъ, однако, по мнѣнію историковъ и этнографовъ, южно-русское населеніе значительно перемѣнялось. Подъ словомъ «анты»[1]) понимаютъ это же населеніе, къ которому по лѣтописямъ принадлежали: улучи, бужане и тиверцы, имѣвшіе много городовъ по Бугу и Днѣстру до устья Дуная и моря.

Кривичи жили отдѣльно отъ сѣверной и южной Руси и не платили дани кіевскимъ князьямъ. Одна изъ вѣтвей кривичанъ, полочане, жила самостоятельно подъ властью Рогволода, а потомъ раздробилась на части между его потомками. Другая половина Кривской земли распалась тоже на мелкіе удѣлы. Псковская земля, составляя переходъ отъ Кривичей къ Новгородскимъ славянамъ, жила особенною жизнью. Изъ всѣхъ владѣній Кривичей Смоленскъ имѣлъ больше всего связи съ остальною Русью, нежели другіе, болѣе западные, тяготѣвшіе къ Прусско-литовскому религіозному центру. Жизнь Кривичей сосредоточивалась около двухъ городовъ Смоленска и Полоцка. Въ то время, когда Южная Русь сплотилась въ одно общее цѣлое и, какъ таковое, вошла въ составъ Литвы и Польши, Кривская земля жила отдѣльною жизнью. На ея мѣстѣ создалась потомъ бѣлорусская народность, обнимающая старыя границы поселенія кривичей.

На сѣверѣ независимо отъ юга выдѣляются въ самостоятельное отдѣльное цѣлое сѣверные новгородскіе славяне, выступившіе первыми на самостоятельную политическую арену, но потомъ, вслѣдствіе возникшихъ междуусобій, подпавшіе чужеземной власти. Какъ извѣстно, новгородскіе славяне по характеру, стремленіямъ и даже языку имѣли много общаго съ полянами. Помимо столькихъ возраженій за и противъ, и въ настоящее время трудно доказать, кто были варяги, первые основатели русской гражданственности, — скандинаво-германскаго ли происхожденія, какъ это за Шлецеромъ повторяетъ большинство русскихъ историковъ, или же славянскаго — поморяне, выходцы съ береговъ Балтійскаго моря, какъ это доказываетъ Забѣлинъ, отъ которыхъ восточные славяне получили названіе русскихъ. Если бы гдѣ, говоритъ Забѣлинъ[2]), то всего ближе вліяніе норманъ-варяговъ должно было отозваться на Новгородѣ, между тѣмъ никто въ русской землѣ, какъ именно Новгородъ, не остался вѣрнымъ наслѣдникомъ того городского и политическаго устройства, какое только существовало въ славянскихъ городахъ при устьяхъ Одера. Но духъ самобытности у новгородскихъ славянъ не выступалъ такъ сильно, какъ въ южной Руси,

1) Слово «антъ» въ старо-нѣмецкомъ языкѣ означало великанъ и имѣло тоже значеніе, что у грековъ «Великая скуфь».

2) Забѣлинъ—великолѣпный знатокъ быта Московской Руси XVI—XVII в., но его положенія о Варягахъ-Руси не имѣютъ никакого значенія въ наукѣ. *Ред.*

и они не могли подчинить себѣ сосѣднихъ племенъ, какъ это сдѣлали поляне; однако подчиненіе верховной власти Кіева не стѣсняло южныхъ племенъ, такъ какъ каждое изъ нихъ управлялось отдѣльно. Но впослѣдствіи только мелкіе княжескіе роды падаютъ, и ихъ мѣсто занимаютъ князья, происходящіе изъ кіевскаго дома.

Не малое вліяніе на характеръ, обычаи и, наконецъ, на типъ восточныхъ славянъ оказали какъ тѣ народы, среди которыхъ они поселились, такъ равно и сосѣди, съ которыми они вели безпрестанныя войны. Наибольшее вліяніе, безспорно, оказали племена, самыя многочисленныя, съ которыми имъ приходилось сталкиваться — это финскія, о которыхъ упоминаютъ еще Тацитъ и Птоломей. По начальной русской лѣтописи этими финскими племенами, платящими дань Руси, были: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Въ половинѣ IX в., по Соловьеву, южная граница финскаго племени, отдѣлявшая его отъ славянскаго, лежала въ области Москвы-рѣки, гдѣ финны сталкивались съ вятичами, и въ Броницкомъ уѣздѣ московской губерніи, гдѣ находится р. Мерская или Нерская, протекающая черезъ старинную землю Мери, окруженная съ трехъ сторонъ народами славянскаго, германскаго и турецкаго[1]) племени. Финны, тѣснимые славянами, съуживаютъ постепенно свои этнографическія границы, принимаютъ ихъ культуру и смѣшиваются съ ними. Западную границу восточныхъ славянъ составляло литовское племя, кровь котораго не могла не приливать какъ къ ближайшимъ кривичамъ, такъ и къ другимъ болѣе отдаленнымъ восточно-славянскимъ племенамъ, такъ равно и ятвягамъ, народу неизвѣстнаго происхожденія, жившимъ въ западной части современнаго Подлѣсія и во всемъ Подляшьѣ и въ части Мазовіи. Ятвяги были отчасти истреблены какъ русскими, такъ и польскими князьями, а отчасти ассимилированы двумя вышеупомянутыми народностями. И нынѣ еще между населеніемъ области ятвяговъ встрѣчаются типы, значительно отличающіеся отъ пограничнаго съ нею населенія меньшимъ ростомъ, болѣе темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ и длинноголовостью.

Но кромѣ сосѣдей, не могли не вліять на славянъ частыя нашествія какъ въ первоначальную эпоху до ихъ раздѣленія, такъ и въ болѣе позднюю, то скандинаво-германскихъ, то разныхъ азіатскихъ племенъ. Во II и III вѣкахъ послѣ Р. Х. норманско-германскія дружины, расположившіяся отъ Балтійскаго до Чернаго моря, въ IV в. кладутъ основу Готскому государству, подчинившему себѣ много разноплеменныхъ народовъ, а въ томъ числѣ и венедовъ, и тѣснившему славянъ, тогда какъ на востокѣ, на берегахъ Дона, появляются Гунны, жившіе раньше на Азовскомъ морѣ и дѣлав-

1) Правильнѣе — тюркскаго. *Ред.*

шіе безпрестанныя нападенія на сосѣдей. Но побѣдивши южныхъ славянъ, Гунны разорили и Готское государство—и нынѣшняя Южная Русь, носившая до тѣхъ поръ названіе Скифіи и Сарматіи, стала извѣстна подъ именемъ Гунніи. Но опять, со смертію предводителя Гунновъ страшнаго Аттилы (въ 453 г.), является новое на Европу нашествіе варваровъ, соплеменныхъ съ Гуннами, Аваровъ, жившихъ прежде на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, а въ 565 г. перешедшихъ Донъ. Ихъ притѣсненія остались въ преданіяхъ славянъ. Съ IX вѣка по Дону и Волгѣ живетъ другой степной народъ, Хозары, неизвѣстнаго происхожденія, исповѣдующій рядомъ съ іудействомъ язычество, магометанство и христіанство. Они брали дань съ полянъ, сѣверянъ, родимичей и вятичей. Славяне же, жившіе на западъ и къ сѣверу отъ Днѣпра, новгородцы и кривичи, вмѣстѣ съ финскими племенами Мери и Веси, платили дань варягамъ. Въ 862 г. сѣверные славяне хотя изгнали варяговъ за море, но вслѣдствіе междуусобій потомъ снова ихъ къ себѣ призвали.

Недостаточныя данныя о наружномъ обликѣ древнихъ славянъ, почерпнутыя изъ древнихъ записокъ и хроникъ, ограничиваютъ наши о нихъ свѣдѣнія. Греки хвалятъ высокій ростъ славянъ, ихъ стройность и красоту лица, загорѣвшаго отъ солнца; русыми волосами, по ихъ мнѣнію, они не отличались отъ другихъ европейскихъ народовъ. Болтинъ, вопреки византійскимъ историкамъ, называетъ славянъ черноволосыми и на этомъ основаніи утверждаетъ о ихъ азіатскомъ происхожденіи. Новѣйшія изслѣдованія волосъ изъ древнихъ славянскихъ могилъ показываютъ однако, что они были темнаго цвѣта. Въ общемъ можно полагать, что не только нравами, но и антропологическимъ типомъ древніе славяне мало отличались, по первому взгляду, отъ германцевъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ различіи умалчиваютъ древніе авторы. Въ виду недостатка болѣе детальныхъ описаній физическаго облика древнихъ восточныхъ славянъ, я позволю себѣ повторить за лѣтописью характеристику нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ князей, хотя, къ сожалѣнію, весьма не точную и не полную, тѣмъ болѣе, что и многіе изъ князей могли отличаться отъ народной массы. Такъ, напримѣръ, по греческимъ преданіямъ, кн. Святослава († 973 г.) изображаютъ слѣдующимъ образомъ: Былъ средняго роста, довольно строенъ, мраченъ и дикъ видомъ, имѣлъ широкую грудь и шею толстую, голубые глаза, густыя брови, носъ плоскій, длинные усы, рѣдкую бороду, а на головѣ одинъ клочекъ волосъ. Кн. кіевскаго Святополка, племянника св. Владиміра († 1113 г.) лѣтопись описываетъ такъ: Онъ былъ высокаго роста, сухъ, имѣлъ черноватые прямые волосы, длинную бороду, острое зрѣніе и хорошую память; читалъ книги, ѣлъ мало по слабости здоровья и пилъ рѣдко, развѣ въ угожденіе другимъ; не любилъ войны, былъ вспыльчивымъ, но

скоро забывалъ оскорбленіе; слушался во всемъ наложницы своей и никогда безъ слезъ не разставался съ нею. Его представляютъ неблагодарнымъ за сдѣланное ему добро и подозрительнымъ, а въ счастіи высокомѣрнымъ. Владиміра Мономаха († 1125 г.) лѣтопись изображаетъ человѣкомъ отзывчивымъ къ чужому горю, мягкимъ по характеру, снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ, милосерднымъ, щедрымъ и незлобивымъ, при чемъ онъ творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ ихъ отпускать съ дарами. Лицомъ былъ красивъ, ростомъ невеликъ, но крѣпокъ и силенъ; имѣлъ большіе глаза, волосы рыжеватые и кудрявые, лобъ высокій, бороду широкую. Великій кн. кіевскій Всеволодъ Ольговичъ († 1146 г.) былъ толстъ и плѣшивъ, имѣлъ широкую бороду, немалые глаза и долгій носъ. Игорь Ольговичъ, умерщвленный кіевлянами, былъ средняго роста, сухъ, смуглъ лицомъ, волосы носилъ, какъ «попъ», долгіе, бороду же узкую и малую. Кіевскій кн. Изяславъ Мстиславовичъ († 1151 г.) былъ ростомъ малъ, но лицомъ хорошъ, волосы имѣлъ кудрявые, бороду круглую. Великій кн. кіевскій Георгій или Юрій Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ († 1157 г.), организаторъ восточной части русскихъ славянъ, былъ немалаго роста, толстъ, лицомъ бѣлъ, глаза имѣлъ небольшіе, носъ длинный и кривой, бороду малую. Кіевскій кн. Мстиславъ Изяславовичъ († 1170 г.) былъ средняго роста, но широкъ въ плечахъ, лицомъ красенъ и столь крѣпокъ, что никто не могъ натянуть его лукъ, имѣлъ кудрявые, но длинные волосы, любилъ правду, веселье и женщинъ, но безъ слабости. Романъ Мстиславовичъ Галицкій († 1205 г.) былъ невеликъ ростомъ, но широкъ и силенъ, лицомъ красенъ; имѣлъ глаза и волосы черные, носъ длинный съ горбомъ, нравъ горячій и въ гнѣвѣ заикался; любилъ веселиться съ боярами, но никогда не пилъ чрезмѣрно; любилъ женъ, но не слушался ихъ; славился храбростью, искусствомъ воинскимъ и т. д.

Желая охарактеризовать личность первыхъ князей по первоначальной русской лѣтописи, можно предположить, что въ общемъ они были чаще средняго роста, хорошаго сложенія, съ крѣпко развитою мышечной системой, красивой наружности, съ волосами на головѣ темными, иногда кудрявыми, съ бѣлой кожей, покрытой значительной растительностью на лицѣ, глазами чаще голубыми; помимо жестокихъ современныхъ нравовъ, мягкаго, легко увлекающагося, но вспыльчиваго характера, веселаго и горячаго темперамента, воинственные.

Что же касается духовной стороны славянъ, то, кромѣ общаго характера народнаго темперамента, проявляющагося въ его вѣрованіяхъ, сказкахъ и пѣсняхъ, народное творчество иначе выражалось у отдѣльныхъ группъ восточныхъ славянъ, иначе у южныхъ и сѣверныхъ, на что намъ указываютъ двѣ лѣтописи: сѣверная—Новгородская и Суздальская—и

южная—Кіевская и Волынская. Новгородская лѣтопись бѣдна и суха по содержанію, хотя въ рѣчахъ новгородцевъ, внесенныхъ въ лѣтопись, слышится особая сила при сжатости слога, въ которомъ часто не досказывается то, что̀ слѣдовало бы высказать. Напротивъ южныя лѣтописи растянуты и подробно передаютъ разные факты, пріукрашенные живостью и образностью разсказа. Изъ нихъ Волынская отличается особенною поэтичностью и даже художественностью, въ чемъ антропологъ можетъ усматривать вліяніе южной природы и особенный характеръ населенія. Характеристикой духовной стороны восточныхъ славянъ мы и заканчиваемъ описательную часть нашей работы и переходимъ къ краткому описанію погребенія, кургановъ и кладбищъ древнихъ восточныхъ славянъ, обозначая границы разселенія нѣкоторыхъ изъ нихъ по обрядамъ погребенія, какъ равно и народовъ, рядомъ съ ними живущихъ. Мы начнемъ съ собственно славянскихъ племенъ.

Курганы полянъ, по проф. В. Б. Антоновичу, занимаютъ небольшую территорію, составляющую рѣчной треугольникъ, граничащій съ запада р. Днѣпромъ, съ сѣвера р. Ирпенемъ, а съ юга р. Росью и занимающій такимъ образомъ середину Кіевской губерніи. Курганы полянъ нѣсколько больше, о нихъ мы скажемъ ниже. Они отличаются большимъ богатствомъ находокъ и обрядомъ погребенія. Въ полянскихъ могилахъ находили обыкновенно рыцаря съ конемъ, копья, стрѣлы и лошадиную сбрую.

Курганы и кладбища сѣверянъ распространены въ губерніяхъ Черниговской, Курской и Харьковской. Въ тѣхъ курганахъ, гдѣ погребеніе безъ сожженія, при покойномъ находятъ серебряныя и бронзовыя вещи, шелковую ткань и изрѣдка золото.

Курганы древлянъ, по даннымъ проф. В. Б. Антоновича, лежатъ на востокъ отъ устья рр. Припети и Ирпени до Днѣпра. По правой сторонѣ этихъ рѣкъ лежатъ курганы древлянъ, а по лѣвой курганы съ сожженіями сѣверянъ. Южная граница поселенія древлянъ идетъ по р. Ирпени до мѣстечка Корнина, а отъ него опускается на югъ до р. Раставицы, притока Роси, до мѣстечка Паволочи (Сквирскаго уѣзда), по верхнему теченію р. Раставицы до ея устья (Бердичевскаго уѣзда). На сѣверъ отъ южной границы идутъ древлянскія могилы, а на югъ—скифскія и полянскія. По мнѣнію заслуженнаго историка южной Руси, любезно высказанному мнѣ въ 1891 г., древляне занимали современные уѣзды Волынской губерніи: Житомірскій, Владимирскій, Овручскій и часть Ровинскаго до р. Горыни, часть уѣздовъ Кіевской: Кіевскаго, Сквирскаго и Бердичевскаго и южную часть уѣздовъ Мозырскаго и Рѣчицкаго Минской губерніи. По проф. Завитневичу, если провести линію на югъ отъ р. Припети до р. Случи, то на сѣверъ отъ нея жили древляне, а на югъ—дреговичи. Курганы древлянъ

имѣютъ въ высоту отъ ½ до 2½ м., находками бѣдны. Въ могилахъ встрѣчаются сгнившія доски, иногда березовая кора, частицы глиняныхъ горшковъ, желѣзные гвозди, изрѣдка на пальцѣ бронзовое или серебряное кольцо, у женщинъ иногда на шеѣ бусы изъ стекла или янтаря. Покойникъ лежитъ всегда съ вытянутыми ногами.

Курганы кривичей занимаютъ приблизительно территорію, лежащую по верховьямъ рѣкъ Волги, Днѣпра, Западной Двины и ея теченію, южную часть системы озеръ и бассейна Нѣмана. Соединившись на западѣ съ дреговичами, занимающими пространство отъ р. Березины до р. Припети и болотъ Полѣсья, кривскіе могильники расположены на мѣстахъ, занимаемыхъ современнымъ бѣлорусскимъ населеніемъ. Курганы ихъ невысокіе, выложены изъ камней, располагаются группами по нѣсколько десятковъ, или нѣсколько десятковъ въ каждомъ могильникѣ. Покойника обыкновенно хоронили въ почвѣ на глубинѣ отъ 0.6—1,65 м., головой на Ю.-З. или С.-З., съ вытянутыми ногами. Передъ насыпаніемъ кургана раскладывали огонь, почему надъ камнями обыкновенно находятъ уголь, пепелъ и осколки сосудовъ, иногда обожженныя кости животныхъ. Въ болѣе старыхъ круглыхъ курганахъ не находятъ монетъ, въ болѣе позднихъ овальной формы, особенно въ западной Бѣлоруссіи, были находимы «денары», приписываемые Вел. кн. Литовскимъ Кейстуту и Витольду, Пражскіе гроши Вацлавовъ, полугроши Александра Ягеллона и др. [1]). Въ болѣе позднихъ могилахъ не раскладывали надъ покойникомъ огня и въ изголовьѣ помѣщали большіе камни, а въ еще болѣе позднихъ—кованные двуплечные кресты. Радимицкій типъ погребенія на берегу р. Сожа подлѣ Гомеля и Чечерска, по проф. В. Б. Антоновичу, состоялъ также въ погребеніи выше горизонта. Покойники лежали на смѣси изъ золы и песку, безъ признаковъ обугленія костей. Гробовъ нигдѣ не найдено, а лишь слѣды досокъ и брусьевъ. Въ курганѣ находимы были лишь костяки, обращенные головою на з., лежащіе на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами. Около головы или въ ногахъ были находимы горшки грубой отдѣлки. Оружіе никогда не было найдено, но зато много разныхъ украшеній, особенно въ женскихъ могилахъ. Въ мужскихъ: поясныя бронзовыя пряжки, литыя бронзовыя кольца, привѣшиваемыя къ поясу, желѣзные ножики съ деревянными или костяными рукоятками. Въ женскихъ: височныя кольца на головѣ, рѣже серьги, витыя бронзовыя гривны, ожерелья изъ крупныхъ бусъ: стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ и т. д., нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками разной формы, ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ,

1) Въ болѣе древнихъ могилахъ встрѣчалось больше оружія и меньше украшеній изъ бронзы, серебра, какъ серьги, браслеты, желѣзныя пряжки, ножи и т. д.; послѣдніе предметы были менѣе тщательной отдѣлки.

бубенчиковъ и т. д., браслеты, перстни бронзовые и серебряные. Иногда встрѣчались медальоны, сдѣланные изъ восточныхъ монетъ саманидскихъ диргеновъ и христіанскій крестикъ, указывающіе на X столѣтіе.

Гораздо меньше изученъ обрядъ погребенія самыхъ восточныхъ изъ русскихъ славянъ, новгородскихъ, какъ и выходцевъ изъ Новгорода, а отчасти изъ западной и южной Руси, занявшихъ огромныя территоріи восточной половины Европы и ассимилировавшихъ въ значительной степени финскія племена.

Хотя наши историческія свѣдѣнія о распространеніи финновъ въ древности весьма не точны и часто идутъ въ разрѣзъ съ данными лингвистическими, этнографическими и антропологическими, тѣмъ не менѣе извѣстно, что финскія племена или финская культура были распространены не только на сѣверѣ и востокѣ, но и далеко за предѣлами средней Европы еще до пришествія славянъ. Финны поэтому занимаютъ важное мѣсто въ антропологіи, и достойны болѣе тщательнаго изученія какъ финскія могилы и тѣ элементы, которые въ значительной степени вошли въ составъ современнаго славянскаго населенія, такъ и финны, нынѣ живущіе разсѣянно по восточной Европѣ и постепенно вымирающіе. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма мало сдѣлано по изученію финновъ, чтò значительно задерживаетъ и вопросъ изученія древнихъ славянъ. Лингвистическія изслѣдованія Кастрена установили связь между самой отдаленной восточной вѣтвью финновъ, затерявшейся и вымирающей на берегахъ Оби, Иртыша и Енисея, Вогуловъ и Остяковъ, съ саянскими инородцами и самоѣдами, т. е. съ урало-алтайскими финнами, ихъ европейскими соплеменниками. Въ вогулахъ и остякахъ, меньше подвергавшихся этнографической и антропологической помѣси, признаютъ наиболѣе чистый древній типъ, нежели у тѣхъ, которые перешли Уралъ, удаляясь далѣе на западъ. Такимъ образомъ объединяютъ племена по родственности языка въ одну общую финно-угорскую семью, самую восточную группу которыхъ при подобномъ дѣленіи составляютъ Вогулы и Эсты, затѣмъ заволжскіе финны: Чуваши, Пермяки, Вотяки, Мордва, Зыряне и, наконецъ, финны Прибалтійскаго края: Эсты, Ливы и др., которые такимъ образомъ имѣютъ тоже всѣ связь съ Монголами, какъ общіе нѣкогда выходцы изъ Азіи. Съ антропологической точки зрѣнія теорія эта не можетъ насъ удовлетворять, ибо не существуетъ общаго типа для финна даже такого, какимъ мы представляемъ себѣ типъ славянскій, разнящійся лишь за немногими исключеніями. Родство между финнами въ антропологическомъ отношеніи было еще опротестовано А. П. Богдановымъ, ибо разныя группы финновъ разнятся своимъ физическимъ типомъ, среди нихъ есть и темные и свѣтлые, крайне короткоголовые и длинноголовые. Чтобы разобраться въ этомъ разнообразіи фактовъ и найти под-

твержденіе для лингвистической теоріи съ антропологической точки зрѣнія, нѣкоторые стали видѣть родственную связь въ длинноголовости самыхъ восточныхъ финновъ, Вогуловъ и Остяковъ, съ длинноголовымъ курганнымъ населеніемъ средней Россіи, потомки котораго подъ напоромъ короткоголовыхъ пришельцевъ удалились на востокъ. Что финское, а не другое племя жило до пришествія въ восточную Европу славянъ, на это указываютъ весьма распространенныя угорскія названія мѣстностей въ сѣверной и средней Европѣ, и на основаніи этого полагаютъ (Европеусъ), что Финно-Венгры, т. е. древніе угры, «югра» древне-славянскихъ лѣтописей, заселяли все огромное пространство отъ р. Оки до Ледовитаго океана и отъ Уральскихъ горъ до Скандинавіи. Подтвержденіе этого видятъ въ томъ, что считающіеся предками современныхъ венгровъ древніе угры и ихъ потомки, современные вогулы и остяки, составляли нѣкогда длинноголовое населеніе Московской, Владимирской, Ярославской и Тверской губерніи, между тѣмъ какъ окрестности Ладожскаго озера носятъ не угорскія, а финскія названія, а древніе обитатели были короткоголовые, какъ и нынѣ живущіе западные финны, которымъ приписываютъ и древнее погребеніе. На этомъ основаніи проводятъ антропологическую разницу между угорскими и западно-финскими курганами. Теоріи этой не подтверждаетъ антропологическое родство между венграми и современными самыми восточными финнами, вогулами и остяками; но короткоголовость современныхъ венгровъ стараются опять объяснить ихъ значительною помѣсью съ мѣстными короткоголовыми элементами. Короткоголовыми являются, какъ извѣстно, не только западные финны, но и восточные: мордва, черемисы, зыряне, кромѣ вышеприведенныхъ, имѣющихъ быть потомками древней «югры» вогуловъ и остяковъ. Другіе доказываютъ, что земли славянъ до ихъ пришествія занимали только финны (Шифнеръ, Альквистъ), а Кеппенъ, какъ бы примиряющій обѣ теоріи, доказываетъ, по даннымъ языка, родство финноугровъ съ арійцами и видитъ ихъ общую родину не въ Азіи, а въ Европѣ, именно въ сѣверной и средней, гдѣ они проживали съ незапамятныхъ временъ. По Кастрену, ихъ поселенія тянулись съ востока до Вислы и проходили черезъ Германію, Данію, Англію, доходя до Скандинавіи. По этому писателю, первая отдѣлившаяся отъ нихъ группа была финно-угорская: древніе угры, или вогулы, остяки и мадьяры (т. н. урало-алтайская группа Кастрена), затѣмъ отдѣлились лопари и, наконецъ, распались и собственно финно-угры на восточную отрасль (пермяки и зыряне), заволжскую (мордва, чуваши, черемисы) и западно-финскую. Основываясь на данныхъ лингвистики, Кеппенъ по названіямъ мѣстностей, рѣкъ, животныхъ и растеній отыскиваетъ степень родства между этими племенами и указываетъ на среднее теченіе Волги, какъ на первоначальную ихъ родину, откуда они раз-

селились на сѣверо-востокъ и на западъ. По сходству языковъ финно-угровъ и арійцевъ онъ опредѣляетъ ихъ родство и не допускаетъ, чтобы сходство языковъ было лишь простымъ заимствованіемъ, напротивъ предполагаетъ, что сходство это раньше было еще болѣе значительнымъ. Такимъ образомъ финно-угры и арійцы составляли нѣкогда одно цѣлое и вышли изъ одной общей родины, но арійцы, по этой теоріи, раньше отдѣлились отъ финно-угровъ, поселившись первоначально на Дону, а затѣмъ распались на двѣ вѣтви—азіатскую (армяне, иранцы, индусы) и европейскую (кельты, германцы, славяне[1]).

Такое смѣшеніе не могло не оказать извѣстнаго вліянія на измѣненія первоначальнаго славянскаго типа послѣ прихода славянъ на финскую землю. Для антропологическаго объясненія этого вопроса требуются массовыя наблюденія современныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ и очень тщательная обработка собраннаго матеріала, какъ равно болѣе подробное изученіе курганныхъ костяковъ и череповъ. Хотя курганное населеніе Московской губерніи отчасти изучено антропологическими работами покойнаго проф. А. П. Богданова и другихъ, однако недостатокъ таковыхъ значительно чувствуется по отношенію другихъ губерній, какъ сѣверныхъ, такъ и центральныхъ и восточныхъ, чтобы эти матеріалы можно было сравнить съ антропологическими данными, относящимися къ современному населенію. Пока не существуетъ еще археологическихъ картъ, распредѣляющихъ размѣщеніе кургановъ, городищъ и другихъ древнихъ памятниковъ, по формѣ которыхъ и по обрядамъ погребенія и древнимъ находкамъ можно было бы выяснить эпохи и установить разницу между славянскимъ и финскимъ погребеніемъ. Недостаточно еще установлены курганныя и могильныя древности, какъ финскія, такъ и славянскія. Въ этомъ отношеніи замѣчаются два крайніе взгляда, по которымъ финскіе ученые во всѣхъ славянскихъ древностяхъ средней и сѣверной Россіи хотятъ видѣть финскія, тогда какъ нѣкоторые изъ русскихъ приписываютъ все русскимъ древностямъ, причисляя къ таковымъ даже многіе курганы и могильники Сибири. Нужно полагать, что остатки древнѣйшей культуры каменнаго и костяного вѣка, со слѣдами бронзоваго, идущіе отъ Приладожья черезъ Москву, Вятку, Пермь до Урала, принадлежатъ древнѣйшему населенію, можетъ быть угорскому. Затѣмъ слѣдуютъ финскіе могильники, насыпанные за нѣсколько вѣковъ до пришествія славянъ. Въ области исконнаго поселенія финновъ настоящіе курганы отсутствуютъ, какъ, напримѣръ, въ губ. Пермской, Вятской, Прибалтійскихъ и въ значительной части Вологодской и Архангельской. Насыпи кургановъ являются принадлежностью славянъ и тянутся по рѣкамъ,

1) Куда же относить Грековъ и Римлянъ (Эллиновъ и Латинянъ съ прочими Италиками)? *Ред.*

которыя были главными путями ихъ колонизаціи. Въ болѣе позднюю эпоху обычай погребенія въ курганахъ перешелъ и къ финнамъ. Характернымъ признакомъ для славянскаго погребенія служатъ такимъ образомъ курганы, а не могильныя насыпи, которыя принадлежатъ финскимъ племенамъ. Курганы круглые, овальные или четыреугольные встрѣчались разной величины. Покойникъ, если курганъ не съ обрядомъ сожженія, лежитъ на поверхности земли и рѣдко нѣсколько глубже материка, тогда какъ въ финскихъ — въ глубоко выкопанной ямѣ, въ родѣ колодца; покойникъ головой чаще всего обращенъ на З. или Ю.-З., лежитъ на спинѣ, рѣдко на боку, чаще съ вытянутыми руками и ногами. Иногда при костякахъ не находятъ никакихъ предметовъ, а чаще предметы указываютъ время происхожденія кургана. Въ курганѣ находятъ по одному костяку. Въ финскихъ встрѣчаются по 2 и и больше, а могилы состоятъ иногда изъ 2-хъ и 3-хъ ярусовъ. Въ славянскомъ въ ногахъ часто встрѣчаются горшки, пепелъ, пережженыя кости домашнихъ животныхъ и птицъ, бронзовыя вещи: пряжки, головныя кольца, браслеты, ожерелья, колье, бранный вѣнецъ, гривный изъ бусъ, мѣдные или серебряные витые обручи по нѣсколько штукъ въ могилѣ, ручныя кольца на пальцахъ, иногда рѣшетчатыя въ видѣ перстней, грубой отдѣлки, на поясѣ бронзовыя привѣски, иногда слѣды шерстяныхъ кистей или бахромы, которые были нанизаны или нашиты на поясѣ, серьги, обернутыя часто въ древесную кору, бусы сердоликовыя, стеклянныя, изъ особой массы, позолоченныя и т. д., желѣзные ножи, наконечники копья и стрѣлъ.

Помимо значительной разницы въ обрядахъ погребенія, находимыхъ у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, есть общіе признаки культа, которые ихъ соединяютъ. Къ таковымъ принадлежатъ особенная керамика въ славянскихъ доисторическихъ валахъ и на сосудахъ въ видѣ узоровъ, составленныхъ изъ рядовъ черточекъ и точекъ, или въ видѣ волнисто-линейнаго орнамента, прозваннаго Вирховымъ «Лужицкимъ типомъ» и встрѣчающагося въ Лужицахъ, въ Чехіи, Моравіи, въ Польшѣ и Россіи. Къ такимъ общимъ признакамъ извѣстнаго культа для многихъ славянъ служатъ находимые въ курганахъ восточныхъ славянъ въ Новгородской губерніи и центральныхъ Московской и другихъ родъ серегъ съ городками или такъ называемыя височныя кольца около ушей, подлѣ шеи; подъ нѣкоторыми изъ нихъ лежали заплетенные въ косу волосы. Каждая привѣска состояла изъ нѣсколькихъ незапаянныхъ на концахъ круглыхъ или дугообразныхъ колецъ изъ мѣди, бронзы, серебра или сплава мѣди, серебра съ нѣсколькими долями золота. Онѣ служили украшеніемъ, привязывались къ волосамъ. Такихъ привѣсокъ не находили въ финскихъ могилахъ, а лишь въ славянскихъ. Онѣ распространены въ значительномъ количествѣ въ курганахъ Познани, Силезіи, Чехіи и Моравіи и далѣе къ сѣверу и западу, въ мѣстно-

стяхъ съ вымершимъ нынѣ славянскимъ населеніемъ, между тѣмъ онѣ не встрѣчаются ни въ Галиціи, ни въ царствѣ Польскомъ, а лишь въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ Россіи. Первымъ, описавшимъ височныя кольца, найденныя въ Силезіи въ женскихъ гробахъ привязанными къ волосамъ за обоими ушами и на затылкѣ (т. н. Schläfen Hackenringe, по польски наз. «kółka metalowe z kabłączkami», прозванные Коперницкимъ прямо «kabłączki», иначе по-польски и чешски zausznice»), былъ датскій археологъ Sophus Müller[1]), который и указалъ на эту находку, какъ на исключительно славянскую, относящуюся къ XI и XII в. по Р. X., тогда какъ Вирховъ хотѣлъ видѣть въ нихъ германскую принадлежность. Однако въ послѣдніе годы своей жизни и онъ, совмѣстно съ Лиссауеромъ, ставили нахожденіе височныхъ колецъ въ связь съ распространеніемъ границъ древняго разселенія славянъ, особенно когда въ курганахъ съ этими находками стали одновременно попадаться и другіе предметы, указывающіе ихъ несомнѣнное славянское происхожденіе, какъ, напримѣръ, монеты. Болѣе тщательное изученіе распространенія височныхъ колецъ въ курганахъ русскихъ славянъ указало бы намъ границу ихъ погребенія на востокѣ.

Переходимъ теперь къ тѣмъ не славянскимъ народамъ, жившимъ нѣкогда на обширной территоріи современной Россіи, оставившимъ свои памятники въ могилахъ, культъ и кровь которыхъ въ меньшей или большей степени усвоили себѣ восточные славяне. Если, начиная съ Бѣлоруссіи, современное населеніе средней Европы между Одеромъ, Вислой, Дунаемъ и Карпатами жило съ каменнаго вѣка, то нельзя этого сказать о славянахъ, живущихъ нынѣ дальше на востокѣ, по направленію къ Волгѣ, къ Черному морю и къ области озеръ, гдѣ жили разные народы: на югѣ Россіи—Скиѳы и Сарматы, урало-алтайскіе Печенѣги, Торки, Берендѣи, а далѣе въ центральной и сѣверной Россіи—финскія племена, остатки которыхъ еще сохранились до настоящаго времени, прозванные восточными славянами «чудью», о которыхъ подробно было сказано выше. Значительное ихъ распространеніе оставило много древностей и памятниковъ въ средней Россіи, и трудно сказать, которые изъ нихъ финскаго, и которые славянскаго происхожденія. Подобно тому, какъ на западной границѣ славянства археологи затрудняются разрѣшеніемъ вопроса объ отличіи славянскихъ древностей отъ германскихъ, и на восточной съ трудомъ разбираютъ славянскія отъ финскихъ. Въ отличіе отъ славянскаго погребенія археологи указываютъ на финскіе могильники, встрѣчаемые въ Рязанской, Тамбовской, Витебской, Московской и другихъ губерніяхъ, въ которыхъ отсутствуютъ курганныя насыпи, и могилы ничѣмъ не выдаются надъ поверхностью

1) «Ueber Slavische Schäferinge»-Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. 1877. 35 Bericht.

земли и находятся большею частью на песчаныхъ берегахъ рѣкъ, въ глубокой могильной ямѣ. Покойникъ чаще обращенъ головой на В. или Ю.-В. Предметовъ въ такихъ могилахъ очень много, особенно изъ бронзы: пряжки, кольца, шейныя гривны, подвѣски разной формы, сплетенныя и скрученныя, спиральные браслеты, напоминающіе венгерскіе, а нѣкоторые—скандинавское происхожденіе, фибулы. Часто нѣкоторые предметы весьма трудны для распознаванія. Бусы и серьги въ финскихъ могилахъ почти не встрѣчаются.

Въ особую группу мы включили самые древніе курганы, какъ равно случайныя находки, добытыя вмѣстѣ съ скелетами, найденными въ юго-западной Россіи, преимущественно въ Кіевской и Волынской губерніяхъ. Къ этимъ могиламъ мы причислили какъ могилы каменной эпохи, такъ равно—и со слѣдами бронзы и даже желѣза. Мы не могли выдѣлить ихъ за недостаточностью остеологическихъ матеріаловъ, помимо того, что онѣ, быть можетъ, принадлежали разнымъ народамъ. Сюда относятся курганы и могилы съ самымъ бѣднымъ погребеніемъ, въ которыхъ, кромѣ человѣческихъ, а иногда сгнившихъ костей скота, ничего не было находимо, иногда кремневыя орудія, осколки глиняной посуды первобытной грубой отдѣлки, орудія изъ костей, ожерелья изъ волчьихъ зубовъ, часто шарики или комки изъ желѣзнаго суглинка при окрашиваніи скелетовъ въ красный цвѣтъ. Скелеты были часто находимы съ согнутыми ногами. Въ курганахъ со слѣдами бронзы и желѣза иногда могилы были устроены въ родѣ деревянныхъ склеповъ. Нерѣдко въ курганахъ встрѣчались могилы съ покойниками въ 2 или 3 этажа (особенно въ южной части кіевскаго уѣзда).

Скиѳскіе курганы гораздо выше по своему наружному виду вышеприведенныхъ и достигаютъ отъ 7 до 8 метровъ высоты. Надъ покойникомъ въ этомъ погребеніи строили иногда деревянный склепъ, иногда встрѣчались лишь слѣды дерева, а рѣже болѣе выдающихся хоронили въ катакомбахъ. Находимые скелеты были большею частью съ вытянутыми ногами. Изъ предметовъ встрѣчались глиняные горшки, иногда грубой отдѣлки, попадались и съ отдѣлкой болѣе тщательной; издѣлія изъ кости, бронзы, золота, янтаря, боевыя орудія, предметы роскоши, слѣды одежды и матерій, бронзовые наконечники, стрѣлы и зеркала; не встрѣчается почти предметовъ изъ серебра, желѣза. Въ этомъ погребеніи рядомъ съ предметами высшаго культа со временъ процвѣтанія греческихъ колоній, попадаются первобытныя издѣлія изъ глины или кремня, указывающія на помѣсь двухъ культовъ, мѣстнаго, болѣе варварскаго, съ цивилизованнымъ пришлымъ. Распространеніе скиѳскихъ могилъ находится преимущественно въ южной Россіи и, встрѣчаясь еще въ южной части Кіевской губерніи, въ сѣверныхъ ея уѣздахъ исчезаютъ. Курганы эти происходятъ со временъ VI в. до Р. Х. по VI в. по Р. Х.

Кромѣ вышеописанныхъ кургановъ выдѣляютъ еще въ Кіевской губерніи курганы Торковъ съ XI—XII в. въ бассейнѣ р. Россавы въ Каневскомъ уѣздѣ, и отчасти въ сѣверныхъ частяхъ Кіевскаго, указывающіе на кочевой бытъ похороненныхъ, съ предметами нерусскаго происхожденія. Курганныя насыпи очень высоки. Покойникъ зарытъ въ грунтовой ямѣ, которая была прикрыта деревомъ. Покойникъ лежитъ въ деревянномъ гробу изъ массивныхъ досокъ, головой на З., съ вытянутыми конечностями, въ полномъ вооруженіи, въ шишакѣ, съ саблею, лукомъ и стрѣлами, при этомъ находимы были мѣдныя пуговицы, бляхи, орудія изъ желѣза, а при женскихъ скелетахъ—золотыя и серебряныя серьги, золотыя и мѣдныя гривны и ожерелья изъ бусъ. Послѣднихъ мало, онѣ встрѣчались сердоликовыя, хрустальныя и известковыя. Кромѣ того, попадаются остатки византійской парчи, восточныя зеркала безъ орнамента и т. д. Рядомъ съ гробомъ, а иногда ниже, какъ въ мужскихъ, такъ и женскихъ и дѣтскихъ погребеніяхъ, находимы были съ лѣвой стороны черепъ или скелетъ коня съ цѣлой сбруей. Другіе курганы съ особымъ обрядомъ погребенія, встрѣчаемые ближе къ Кіеву около Бѣлой Церкви, приписываютъ другой народности, а именно Берендѣямъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись между 1097 и 1206 гг. Изъ немногихъ раскопокъ, какія были сдѣланы, извѣстно, что эти курганы отличались устройствомъ деревянныхъ склеповъ изъ бревенъ, сбитыхъ гвоздями, въ которыхъ иногда находили по два костяка. Они лежали головой на В. Скелеты лошадей были находимы внѣ срубовъ. Костяки, принадлежащіе къ этихъ двумъ погребеніямъ, не были еще никѣмъ описаны.

Отъ общей характеристики древнихъ могилъ и кургановъ, для болѣе удобнаго распредѣленія антропологическихъ данныхъ, мы переходимъ къ частной характеристикѣ встрѣчающихся погребеній, желая сгруппировать остеологическіе матеріалы по могильнымъ находкамъ и, по мѣрѣ возможности, распредѣлить ихъ по разнымъ эпохамъ или племенамъ. Напр., отличаемъ могилы каменной эпохи отъ скиѳской, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть эпоха одна, а племя другое, наприм., эпоха славянская, но племя не славянское, и т. д. Считаемъ нужнымъ въ оправданіе дѣленія матеріаловъ, принятаго въ нашемъ трудѣ, оговориться, что не всегда оно могло соотвѣтствовать этнографическимъ и историческимъ требованіямъ, вслѣдствіе того возникла извѣстная путаница въ дѣленіи: одни племена мы группировали по эпохамъ, другія по народности, третьи по территоріямъ. Принять одну систему изъ этихъ дѣленій намъ не позволяли черезчуръ недостаточныя археологическія свѣдѣнія о принадлежности тѣхъ или другихъ кургановъ къ опредѣленнымъ народностямъ, тѣмъ болѣе, что и большинство археологовъ, изъ производившихъ раскопки, не рѣшались категорически объ этомъ

высказаться и часто позволяли себѣ дѣлать лишь предположенія. Почему и мы нѣкоторые курганы относимъ прямо къ курганамъ неславянскимъ, но славянской эпохи въ разныхъ губерніяхъ; сюда причислили Мерянскіе (Владимирской и Ярославской губ.), очень возможно, родственные финскимъ, какъ и Мордовскіе и Касимовскіе (Нижегородской и Рязанской губ.) и др. Къ отдѣльной финской группѣ мы причислили костяки финскіе навѣрно современнаго происхожденія, по даннымъ, какія были въ нашемъ распоряженіи, (Эсты, Черемисы, Вогулы); въ отдѣльныя группы выдѣлили суджанскіе курганы (Курской губ.) и Московскіе VIII—X в. и др. Московскія кладбища XVI—XVIII в. уже съ русской культурой мы причислили къ славянамъ восточнымъ. Отдѣльно выступаютъ кладбища Болгарскія и Чувашскія, отдѣльно группы по нѣкоторымъ территоріямъ, какъ курганы пермскіе, тобольскіе, крымскія или кавказскія могилы, забайкальскія и т. д.

Богатѣйшіе антропологическіе матеріалы, кроющіеся въ могилахъ и курганахъ Россіи, въ значительной части безвозвратно погибли для науки, были выбрасываемы не только при расхищеніяхъ могилъ въ теченіе многихъ вѣковъ, но даже археологами—изслѣдователями. Только въ послѣднее время стали обращать при раскопкахъ вниманіе на кости, хотя и нынѣ еще лишь незначительная ихъ часть попадаетъ въ руки антропологамъ, подвергаясь приэтомъ болѣе или менѣе детальному изученію. Въ этомъ отношеніи громадная заслуга принадлежитъ антропологическому отдѣлу Импер. Обществ. любит. Естествознанія, а въ особенности первому его основателю А. П. Богданову, который не только былъ иниціаторомъ собиранія антропологическихъ матеріаловъ и ихъ изученія (съ основаніемъ антропологическаго музея въ Москвѣ), не только самъ явился представителемъ антропологическихъ знаній въ Россіи, не только собралъ кружокъ работниковъ по доисторической антропологіи, но еще внушилъ своимъ примѣромъ уваженіе къ древнимъ человѣческимъ остаткамъ, какъ среди археологовъ, такъ равно и въ болѣе широкихъ кругахъ публики. Приступивши къ настоящей работѣ и желая по болѣе главнымъ измѣреніямъ древнихъ костей представить состояніе нашихъ свѣдѣній по настоящее время о физическомъ строеніи древнихъ восточныхъ славянъ въ сравненіи съ другими народами, жившими на ихъ территоріи въ разныя эпохи ихъ существованія, или же съ ними въ сосѣдствѣ, мы должны сказать, что находимъ громадный пробѣлъ въ изслѣдованіяхъ. Хотя многіе археологи стали при раскопкахъ собирать черепа, но игнорировали другія кости скелета; поэтому, не говоря уже о томъ, что краніологическій матеріалъ весьма скуденъ, если мы его распредѣлимъ по могиламъ разныхъ эпохъ и племенъ, еще меньше мы получимъ данныхъ о строеніи туловища и объ отношеніи его отдѣльныхъ частей. Настоящую работу во время ея составленія предупредило появленіе

труда А. А. Ивановскаго «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи» (Изв. Имп. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этн. т. CV. Труды Антроп. Отд. т. XXII, Москва 1904 г.), являющагося сводомъ всего того, что до настоящаго времени сдѣлано по изслѣдованію современныхъ народовъ Россіи. Такимъ образомъ, наша работа является какъ бы ея дополненіемъ по отношенію къ племенамъ, нѣкогда жившимъ на этой же территоріи. Разсматривая антропологическіе матеріалы, по которымъ мы составили настоящую работу, сообразно условіямъ погребенія и мѣстностямъ, мы начнемъ съ древнихъ восточныхъ славянъ, а какъ сравнительный матеріалъ приводимъ современныхъ, далѣе древнихъ и современныхъ западныхъ славянъ и, наконецъ, неславянское населеніе, жившее или на территоріи восточныхъ славянъ или въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Матеріалы не упомянутые здѣсь, какъ и заглавія работъ, въ которыхъ первые помѣщены, читатель найдетъ въ литературномъ перечнѣ работъ въ концѣ настоящаго труда.

Славяне.

Восточные: 1) Древніе Новгородцы изъ раскопокъ П. Г. Богословскаго и А. Н. Волькенштейна. Они происходятъ изъ кургановъ, а многіе изъ древнихъ кладбищъ, т. н. жальниковъ Петергофскаго кладбища. Курганы вышиною отъ 3—5 арш. и отъ 2—5 арш. длиною, правильнаго очертанія. Могилы изъ камней, размѣщенныхъ въ видѣ квадрата и прямоугольника, выстланы камнями или плитами. Сверху могилъ попадались осколки горшковъ грубой отдѣлки и угли; въ могилахъ—горшки, а иногда ганзейскія монеты. Скелеты были находимы на глубинѣ отъ 40—100 сан., съ головой, лежащей на боку, и вытянутыми руками и ногами. Мы приводимъ данныя по измѣреніямъ К. Н. Икова и А. А. Тихомирова. За малочисленностью матеріаловъ мы соединяемъ курганныя и кладбищенскія кости въ одно, исключая дѣтскихъ, при чемъ получилось 59 мужск., 40 женск., итого 99 череповъ. Значеніе этихъ матеріаловъ было бы цѣннѣе, если бы извѣстно было время ихъ происхожденія и принадлежность ихъ къ извѣстной эпохѣ, хотя можно полагать, что остатки эти принадлежали славянамъ. Древніе Новгородцы, по Богданову, обыкновенно имѣли величину черепа по 3 окружностямъ малую или среднюю, въ половинѣ случаевъ они короткоголовые, а въ половинѣ средніе—и длинноголовые, однако послѣдніе нѣсколько преобладаютъ, при чемъ значительно высокіе, скулы у большинства значительно развиты, но широколицыхъ мало. По автору, наибольшее число длинноголовыхъ происходило изъ Лужскаго, отчасти Новгородскаго и Старорусскаго уѣздовъ, тогда какъ короткоголовость преобладала въ курганахъ уѣздовъ Валдайскаго, Старорусскаго, а также въ Новгородѣ. Средне-

головость, какъ признакъ смѣшенія племенъ, больше всего замѣтна подлѣ Новгорода. По Богданову, вообще, гдѣ по исторіи извѣстно, что жило Великорусское племя, черепа длинноголовые, и на этомъ основаніи, идя за Пёшемъ, онъ считалъ первыхъ славянъ длинноголовыми, а восточныхъ славянъ ближе къ первоначальному типу, чѣмъ западную ихъ вѣтвь, тѣмъ болѣе, что считалъ ихъ болѣе брахицефалами съ преобладающимъ темнымъ типомъ. Принимая короткоголовый элементъ у новгородскихъ славянъ, какъ послѣдствіе помѣси съ инородцами, весьма древнимъ, онъ приписываетъ ему причину «ранней разглаголицы» у новгородцевъ, нуждавшейся въ призваніи будто бы длинноголовыхъ Варяговъ, приведшей къ потерѣ самостоятельности Новгорода (?!).

2) Сѣверяне Черниговской губерніи.

a) Курганные изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова.

b) Кладбищенскіе Д. Я. Самоквасова и Т. Б. Кибальчича. Оба погребенія принадлежатъ, вѣроятно, славянамъ. Первое, т.-е. курганы, не распространены во всей странѣ, а лишь сплоченными группами раскинуты среди болотъ и лѣсовъ, что подтверждаютъ объ нихъ извѣстія Прокопія, Іорнанда, императора Маврикія и другихъ. Они встрѣчаются въ губерніяхъ Черниговской, Курской и Харьковской и всѣ большею частью одного типа, вышиною отъ 1—3 арш., и могилы отъ 1—2 арш. шире подошвы, нѣкоторые изъ нихъ съ сожженіемъ, другіе заключаютъ костяки, часто лежащіе въ гробу. У головы покойника серебряныя и бронзовыя кольца, рѣдко золотыя, слѣды шелковой ткани, куски сукна; костяки головой лежали на Западъ со сложенными на груди или животѣ, рѣже вытянутыми руками. Хотя по находкамъ можно предполагать, что древне-кладбищенскіе черепа немногимъ древнѣе курганныхъ, однако мы ихъ разсматриваемъ особо: а) курганные изъ кургановъ Мериновскихъ Стародубскаго уѣзда съ береговъ рр. Стрижня и Десны въ числѣ 43 (мужск. 28, женск. 15), измѣренные А. П. Богдановымъ, и в) древнекладбищенскіе изъ кладбищъ г. Чернигова и Конотопа въ числѣ 30 (муж. 21, жен. 9), измѣренные А. А. Тихомировымъ. Черепа сѣверянъ длинноголовы, но въ отдѣльности типъ длинноголовый выступаетъ преобладающимъ у курганныхъ, тогда какъ въ болѣе позднемъ кладбищенскомъ погребеніи брахи- и мезоцефалическій. Богдановъ нашелъ между ними слѣдующую разницу въ строеніи: курганные черепа высоко-узкіе, имѣютъ большое развитіе по вертикальной окружности, узко-хребетные, довольно широкоскулые, тогда какъ кладбищенскіе — широко-низкіе, средне развиты по вертикальной окружности, широко-хребетные съ большимъ процентомъ узкоскулыхъ. Скелеты поэтому въ обоихъ погребеніяхъ представляютъ типы, разнящіеся между собою.

Къ древнему населенію юго-западной Руси относятся: 3) *Поляне*, по раскопкамъ проф. В. Б. Антоновича, происходятъ изъ старокладбищенскихъ скелетовъ г. Кіева отъ IX—XI в. (Десятининскаго и Кирилловскаго кладбищъ) 6 (мужск. 3, женск. 3) и отъ XII—XIII в. (Троицкаго и Лукьяновскаго) 14 (мужск. 10, женск. 4), измѣренные А. П. Богдановымъ, изъ деревни Гатне и Вышгорода Кіевскаго уѣзда, а въ значительной части изъ найденныхъ въ Кіевѣ 21 (мужск. 16, женск. 5), измѣренные Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ. Типъ полянскихъ череповъ Богдановъ характеризуетъ такъ: окружность среднихъ размѣровъ, лобъ прямой у мужчинъ, у женщинъ отлогость лба встрѣчается чаще, темя округленное, затылокъ выпуклый, иногда очень сильно. Вертикальное очертаніе у большинства яйцеобразное, рѣдко эллиптическое, у мужчинъ встрѣчается подносовой прогнатизмъ. Въ половинѣ случаевъ выступаетъ долихоцефалія, по Талько-Грынцевичу, она у нихъ еще сильнѣе при часто встрѣчаемомъ узкомъ лбѣ и затылкѣ и при неширокомъ лицѣ.

4) *Древляне* a) изъ *раскопокъ* В. Б. Антоновича въ *Радомысльскомъ и Сквирскомъ* уѣздѣ Кіевской губ., измѣренныхъ Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ 51 (мужск. 50, женск. 1) и b) С. Гамченки *Житомірскихъ могильниковъ* въ Волынской губ. и имъ же измѣренныхъ 26.

Древляне при умѣренномъ ростѣ, по Ю. Д. Талько-Грынцевичу, имѣли незначительно развитой черепъ въ горизонтальной окружности, при длинноголовости, которая, можно сказать, являлась у нихъ исключительнымъ типомъ въ преобладающемъ субдолихоцефалическомъ, при узкомъ лбѣ и затылкѣ, малой скуластости и удлиненномъ лицѣ.

5) *Кривичи* a) западные изъ раскопокъ В. А. Шукевича кургановъ XIII—XV в. Лидскаго уѣзда Виленской губ. 16 (мужск. 9, женск. 7), измѣренные Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ, и b) восточные изъ раскопокъ В. М. Чебышевой кургановъ Дорогобужскаго уѣзда Смоленской губ. 7 (мужск. 5, женск. 2), измѣренные К. Н. Иковымъ. Обѣ группы представляютъ извѣстную разницу, указывающую на другіе антропологическіе элементы, вошедшіе въ ихъ составъ. При одинаковыхъ почти величинахъ горизонтальной окружности и при преобладаніи среднихъ величинъ, черепа восточныхъ кривичей болѣе развиты въ длину, чѣмъ у западныхъ; у первыхъ длинноголовость по головному указателю выступаетъ болѣе рѣзко; мужчины длинноголовѣе женщинъ. Восточные представляются болѣе чистыми; въ краніологическихъ типахъ у нихъ преимущественно выступаетъ длинноголовый элементъ, тогда какъ у западныхъ выступаетъ рядомъ съ длинноголовымъ и короткоголовый, а отчасти и среднеголовый. Черепа у западныхъ чаще всего бываютъ высоко-узкіе, съ узкимъ лбомъ и какъ съ узкимъ, такъ и умѣреннымъ затылкомъ. Лицо неширокое, зна-

чительно удлиненное. Послѣдняя форма болѣе выражена у западныхъ, нежели у восточныхъ.

6) *Русскіе изъ старинныхъ Московскихъ кладбищъ*: a) Боярскаго XVI в. 100, измѣренныхъ К. Н. Иковымъ; b) Московскихъ кладбищъ XV—XVIII в., собранные и измѣренные А. П. Богдановымъ, 116 (мужск. и женск. по 58). Эти матеріалы мы причислили къ славянскимъ въ отличіе отъ московскихъ курганныхъ (Богдановъ), относящихся къ VIII—X в., которые составятъ особнякомъ стоящую группу; c) Московскаго Кремля конца XV и начала XVI в. 57 череповъ, измѣренныхъ Н. Ю. Зографомъ. Всѣ эти черепа малыхъ или среднихъ размѣровъ въ окружности, съ преобладающей брахицефаліею, при чемъ выступаютъ въ значительномъ количествѣ и два другіе типа черепа; высокіе соединяются съ брахикефаліею, тогда какъ низкіе съ долихокефаліей. Лобъ у нихъ умѣренный, по ширинѣ лица больше половины среднелицыхъ, тогда какъ другая распредѣляется между коротко- и длиннолицыми. По ширинѣ скулъ они узко-скуласты, хотя съ значительнымъ процентомъ средне-скулыхъ. Всѣ признаки указываютъ на помѣсь расы, элемента короткоголоваго, болѣе многочисленнаго, съ длинноголовымъ, нѣсколько слабѣе выраженнымъ.

7) *Современные русскіе черепа,* могущіе намъ служить сравнительнымъ матеріаломъ, происходятъ — a) изъ сѣверныхъ губерній (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской и Петербургской) 189 (мужск. 165, женск. 24) по измѣреніямъ А. И. Таранецкаго; b) изъ Казанской губ. 175, измѣренные Н. И. Маліевымъ, и c) данныя по изслѣдованію череповъ I. van der Hoeven'a (15 мужск.), A. Retzius'a (2 мужск.), Коперницкаго (20 мужск.), Θ. Ландцерта (40 мужск.), Проценки (32 мужск., 2 женск.), Quatrefages (8 мужск.) и А. Волькенштейна (8 мужск., 6 женск.).

Болѣе современные намъ великорусскіе черепа преимущественно сѣверныхъ губерній, по этимъ изслѣдованіямъ, представляются, при небольшихъ размѣрахъ окружности, среднеголовыми, при чемъ значительнѣе, нежели въ кладбищенскихъ, выступаетъ короткоголовость, при меньшей длинноголовости; послѣдняя менѣе выражена у женщинъ. Казанская губ. обладаетъ вдвое большею длинноголовостью, чѣмъ сѣверо-западныя губерніи, вмѣстѣ съ тѣми же почти особенностями строенія, которыя были описаны при кладбищенскихъ московскихъ черепахъ; брахикефалію сопровождаетъ большая высота черепа, тогда какъ долихоцефалію—низко-широкость.

Западные: 8) *Курганные Плоцкіе*, Плоцкаго, Плонскаго и другихъ уѣздовъ Плоцкой губ. Курганы эти съ гробами, копанными въ рядъ, называются «рядовыми», въ народной рѣчи «жалями»—«żale»[1]) или древними клад-

1) Срав. т. н. «жальники» новгородскихъ славянъ. Прим. автора.

бищами, раскопаны Ф. Тарчинскимъ и д-ромъ Л. Рутковскимъ. Форма могилъ, выложенныхъ камнями, какъ бы вросшими въ землю, четыреугольная, овальная или круглая. Скелеты лежатъ рядами, головами на западъ, рѣже на востокъ. При нихъ находимы были желѣзныя издѣлія, какъ-то: ножики, стрѣлы, кольца, серебряные или бронзовые висячіе кружки, прикрѣпленные къ волосамъ, серебряныя кольца, бисеръ, разные горшки изъ глины, иногда монеты, какъ польскіе Казиміра I и т. д. Изъ этого погребенія мы имѣемъ 11 костяковъ, измѣренныхъ д-ромъ Рутковскимъ. Хотя число измѣренныхъ скелетовъ весьма незначительно, однако позволяетъ намъ придти къ нѣкоторымъ выводамъ объ антропологическомъ типѣ этихъ жителей. Они отличались очень высокимъ ростомъ, съ среднимъ головнымъ указателемъ крайне длинноголовымъ, который уменьшался въ скелетахъ по мѣрѣ происхожденія ихъ изъ могилъ менѣе древнихъ. Черепа довольно развиты въ горизонтальной окружности и въ длину, съ узкимъ лбомъ и довольно широкимъ затылкомъ.

9) *Краковскіе* мѣщане XVII—XVIII в. изъ стариннаго кладбища 47 череповъ (23 мужск. и 24 женск.), измѣренные И. Коперницкимъ. Въ этихъ черепахъ бросается въ глаза значительная помѣсь типовъ; при крайне длинноголовыхъ и короткоголовыхъ, являющихся преобладающими, меньшинство составляли среднеголовые. Всѣ короткоголовые черепа представляются очень широкими по отношенію къ длинѣ, нѣкоторые имѣютъ даже шарообразную форму, другіе же угловатую съ сильно выдающимися теменными буграми. Сводъ ихъ низкій и часто утолщенный. Длинноголовые черепа формы эллиптической, безъ выдающихся теменныхъ бугровъ и съ высокимъ сводомъ. Среднеголовые ближе подходятъ по строенію къ длинноголовымъ, нежели къ послѣднимъ. Черепа длинноголовые чаще встрѣчаются среди мужскихъ, тогда какъ короткоголовые среди женскихъ. По отношенію величины горизонтальной окружности они большихъ размѣровъ, довольно высокіе, особенно по отношенію къ длинѣ черепа, при довольно широкомъ лбѣ и затылкѣ, лицо круглое. Авторъ, на томъ основаніи, что въ XVII и XVIII в. нѣмцы въ значительномъ числѣ входили въ составъ мѣщанскаго населенія г. Кракова, приписываетъ имъ длинноголовый элементъ, тогда какъ мѣстному славянскому населенію—короткоголовый.

10) *Люблинскіе*, изъ которыхъ — a) найденные случайно въ помѣщичьей усадьбѣ Ключковицъ Пулавскаго уѣзда относятъ къ концу XVI и первой половинѣ XVII в., всего 21 (мужск. 16, женск. 5), и изъ старинныхъ кладбищъ города Люблина, которые относятся b) къ XVIII в. 26 (10 мужск., 16 женск.) и c) началу XIX в. 16 (3 мужск., 13 женск.), добытые д-ромъ Олехновичемъ и имъ же измѣренные, всего 63 (мужск. 29, женск. 34).

Черепа люблинскіе по среднему размѣру горизонтальной окружности принадлежатъ къ довольно большимъ, значительно развиты въ ширину и въ высоту. Средній черепной указатель подкороткоголовый, но въ мужскихъ онъ ближе къ длинноголовому, въ женскихъ же къ короткоголовому. Характерной разницы по распредѣленію въ группахъ чиселъ указателей въ каждомъ вѣкѣ не замѣчается. Однако очень часто выступающіе одновременно настоящій и подкороткоголовый типы, при довольно часто встрѣчающихся поддлинноголовомъ и среднеголовомъ, говорятъ о расовой помѣси, на что указываетъ также и форма лица: одновременно съ удлиненной и узкой встрѣчается короткая и широкая.

11) *Краковскіе современные черепа* изъ коллекціи д-ра Олехновича и изъ анатомическаго музея въ Краковѣ, измѣренные Олехновичемъ, 51 (мужск. 37, женск. 14).

Черепа эти отличаются отъ люблинскихъ и краковскихъ, болѣе давнихъ, меньшею примѣсью длинноголовости и меньшимъ развитіемъ черепа въ длину, въ остальномъ типѣ ничѣмъ почти отъ нихъ не отличаются.

Не славянъ, но славянской эпохи.

12) *Кіевскіе курганные* изъ Россавы Каневскаго уѣзда подлѣ Днѣпра изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова, который относитъ эти курганы къ періоду времени послѣ VI в. по Р. X. 16 (мужск. 12, женск. 4), измѣренные А. П. Богдановымъ.

Россавскіе черепа наполовину долихоцефалическіе, при значительномъ преобладаніи брахицефаліи надъ мезоцефаліей, при чемъ низкоголовость преобладаетъ надъ высокоголовостью; долихокефалію сопровождаетъ большею частью низкоголовость, а брахикефалію высокоголовость. Они большею частью среднескулые, хотя встрѣчаются и широкоскулые, которые въ древнѣйшихъ кіевскихъ курганахъ не встрѣчаются. Кромѣ того, они среднелицые, какъ и послѣдніе, почему Богдановъ говоритъ, что широколицость появилась здѣсь лишь въ историческую эпоху, на что могли повліять породы татарской вѣтви.

13) *Мерянскіе* племени Мерянъ, или Мери, единоплеменниковъ съ финскими народами Муромой, Мордвой, Черемисами и Весью. По собраннымъ графомъ А. С. Уваровымъ лингвистическимъ даннымъ, Мерянская земля по перечисленнымъ названіямъ, напоминающимъ Мерю, не имѣющимъ славянскаго корня, распространялась, по словамъ лѣтописца, по губерніямъ Ярославской, Владимирской, Московской, Тверской, Вологодской, Рязанской и Нижегородской, имѣя въ центрѣ Переяславское и Ростовское озера. Антропологическія данныя распространенія мерянскаго типа подтверждаютъ

данныя археологіи и лингвистики, но еще дальше находятъ распространеніе этого типа на югъ и на юго-западъ—до Черниговской и Кіевской губерніи, а на сѣверо-западъ до Минска, Новгорода и Олонецкой губерніи. Предполагаютъ, что западная граница Мерянскаго народа оставалась открытою для вторженія славянъ и варяговъ въ ихъ земли и ихъ поселенія по рѣкамъ Клязьмѣ, Москвѣ и Волгѣ, что способствовало сліянію мерянъ съ сосѣдями. Археологи предполагаютъ, что даже могилы новгородскихъ славянъ больше отличались отъ единоплеменныхъ имъ западныхъ и южныхъ славянъ, напримѣръ, древлянъ и полянъ, чѣмъ отъ пограничныхъ мерянъ. Меряне, занимаясь торговлею, были посредниками въ сношеніяхъ между Азіей и Европой, съ одной стороны, черезъ волжскихъ болгаръ, мордву и весь, съ другой—черезъ западный союзъ, въ составъ котораго входила остальная часть веси, мери, славянъ, кривичей и чуди, бывшая въ рукахъ новгородцевъ. Антропологическіе матеріалы происходятъ, по описаніямъ А. П. Богданова, изъ Ярославской и Владимирской губ., изъ раскопокъ Л. П. Сабанѣева, А. И. Кельсіева, Я. А. Ушакова и Н. Г. Керцелли, всего 76 череповъ (40 мужск., 36 женск.), измѣренные К. Н. Иковымъ.

По Богданову, мерянскіе черепа по горизонтальной окружности были небольшіе, но иногда достигали значительныхъ размѣровъ, при развитіи вертикальной и небольшой поперечной окружности. По головному указателю они настоящіе долихокефалы, при преобладающемъ числѣ длинноголоваго элемента, къ которому въ очень слабой степени примѣшанъ и короткоголовый. Длинноголовый ихъ типъ, по Бэру, сходенъ съ типомъ казанскихъ татаръ, тѣхъ, кои подверглись смѣшенію съ финскими племенами; короткоголовая же помѣсь напоминаетъ, по Богданову, тѣ черепа, которые встрѣчаются въ большомъ числѣ между великоруссами, въ землѣ Мерянъ (Владимир. и Ярослав. губ.); въ этихъ губерніяхъ, а отчасти въ Московской и Тверской, по этому автору, лежалъ центръ образованія антропологическихъ признаковъ великорусскаго племени, гдѣ онъ меньше всего утратилъ черезъ смѣшеніе свой первоначальный типъ. По высотному указателю они высокоголовые, чаще широколобные и широкозатылочные, по ширинѣ скулъ среднескулые и всего чаще среднелицые. На томъ основаніи, что длинноголовый типъ встрѣчается до Кіевской губерніи на югѣ, Минской на западѣ и Новгородской на сѣверѣ, тогда какъ съ Нижегородской и западной половины Московской все болѣе попадается курганный короткоголовый типъ, Богдановъ полагалъ, что заселеніе Мерянской земли длинноголовыми шло съ юга и запада Россіи. Границы древней длинноголовости значительно расширились на западъ, благодаря антропологическимъ изслѣдованіямъ послѣднихъ лѣтъ, такъ что доказательства заслуженнаго антропо-

лога нынѣ потеряли силу; однако достойно вниманія то наблюденіе, что чистая долихокефаличность встрѣчалась при раскопкахъ въ Московской и Тверской губерніяхъ тамъ, гдѣ могилы были проще и бѣднѣе, а преобладало смѣшеніе типовъ череповъ въ могилахъ болѣе богатыхъ. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что бѣдныя могилы или древнѣе и принадлежали пароду, жившему въ болѣе бѣдной обстановкѣ, или что одни брали себѣ женъ изъ своего племени, а болѣе богатые изъ другихъ племенъ. Мы же объяснили бы это тѣмъ, что бѣдныя могилы длинноголоваго типа принадлежатъ автохтонамъ, а болѣе богатыя смѣшаннаго типа — пришлымъ завоевателямъ, смѣшавшимся съ побѣжденными.

14) *Курганные обитатели Мордовской земли и Касимова*, по раскопкамъ П. Д. Дружкина и Ф. Д. Нефедова. Сюда относятся раскопки въ Нижегородской и Рязанской губ., костяки которыхъ мы разсматриваемъ отдѣльно. Нижегородская губ. въ X в. была еще заселена Мордвою и граничила съ Мещеряками, Черемисами и Болгарами. a) Раскопки, произведенныя въ Балахнинскомъ уѣздѣ, дали лишь 8 череповъ; b) раскопки въ Рязанской губ. происходятъ изъ Мордовскихъ кургановъ и кладбищъ. По лѣтописцу Нестору, по нижнему теченію Оки жили финскія племена: Мурома, Мордва, Меря, слѣды которыхъ сохранились донынѣ. Славяне проникли въ нынѣшнюю Рязанскую губ. во времена Нестора, слѣдуя по теченію рѣкъ, и въ X в. на берегахъ р. Оки образовали Муромо-Рязанское княжество. Рязанскіе черепа происходятъ изъ Касимовскаго уѣзда, изъ сс. Парохинскаго и Поповскаго, всего 33 (мужск. 19, женск. 14). Черепа обѣихъ группъ измѣрены Н. Ю. Зографомъ. Балахнинскіе курганы Нижегородской губ. длинноголовые (долихокеф. и субдол.), среднеголовые и высокоголовые, широколобные и узкоскулые, Касимовскіе представляютъ двѣ группы: Поповскіе сходны съ Нижегородскими, а Парохинскіе отъ нихъ отличаются. Парохинскіе суббрахикефалическіе, средне—или высокоголовые, и средне широкіе въ нижней части лба; Поповскіе—длинноголовые, высоко или среднеголовые, высокоузкіе и широколобные.

15) *Доисторическіе Тверитяне*, по раскопкамъ А. И. Кельсіева, В. А. Чагина, В. Я. Щербакова, А. Е. Гроздова и друг., въ уѣздахъ Тверскомъ, Ржевскомъ, Бѣжецкомъ и Корчевскомъ. Курганы высотою отъ 1 арш. до 1 саж., часто обложены камнями. Въ верхнихъ ихъ слояхъ—уголь и кости животныхъ или пепелъ. Въ гробахъ, гдѣ погребеніе безъ сожженія, покойниковъ часто находятъ въ сидячемъ положеніи. Изъ вещей въ этихъ могилахъ находятъ раковины, бронзовыя ручныя кольца, браслеты, бусы стеклянныя или вызолоченныя, височныя кольца, желѣзныя орудія, глиняные горшки, иногда древне-германскія монеты XI в. Предполагаютъ, что курганы эти принадлежатъ Юграмъ, предкамъ Венгровъ, Вогуловъ и

Остяковъ. Югры жили здѣсь еще въ XI столѣтіи до пришествія русскихъ. По находкамъ причисляютъ эти курганы къ мерянскимъ, однако присутствіе въ нихъ такихъ предметовъ, какъ височныя кольца, допускаетъ вліяніе славянской культуры. Костяки Тверитянъ измѣрены К. Н. Иковымъ, числомъ 45 (мужск. 24, женск. 21).

Тверскіе курганы представляютъ интересъ не только для однихъ археологовъ, ибо эта земля составляла западную границу мерянскихъ поселеній, остававшихся открытыми до вторженія по рр. Москвѣ, Клязьмѣ и Волгѣ какъ славянъ, такъ и варяговъ, почему здѣсь на границѣ начались первыя смѣшенія мерянъ съ славянами. Мѣстнымъ племенемъ въ этой землѣ является длинноголовое, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно смѣшалось съ близкимъ ему, а въ другихъ подверглось смѣшенію въ большей или меньшей степени съ чуждыми племенами, и притомъ суббрахикефалическими. Въ Тверскихъ и Бѣжецкихъ курганахъ наиболѣе чистый длинноголовый типъ Богдановъ признаетъ за болѣе древнее населеніе средней Россіи и за потомковъ первыхъ поселенцевъ. Преобладающее длинноголовое племя въ Тверской губ. характеризуется такъ: черепа особенно развиты по вертикальной, средніе по горизонтальной и малые — по поперечной окружности; значительно развиты въ высоту, высокоголовые, среднескуластые и среднелицые.

16) *Полтавцы* изъ кургановъ славянской эпохи, по раскопкамъ В. Б. Антоновича, Т. Б. Кибальчича и Д. Я. Самоквасова, Роменскихъ и Медвѣженскихъ кургановъ Полтавской губ., которые относятъ ко времени послѣ VI в. по Р. Х. Въ нихъ попадались серебро и желѣзо, стремена, сабли, наконечники стрѣлъ. Добытыя кости измѣрены А. П. Богдановымъ, всего 12 костяковъ (мужск. 9, женскихъ 3). Черепа по преимуществу длинноголовые, по горизонтальной окружности средне—и большеголовые, по вертикальной больше,—а поперечной среднеголовые, по отношенію высоты и длины черепа низкоголовые, а къ ширинѣ его средніе и высокоузкіе, узко — или среднелобые, широко — или среднескулые.

Эпохи камня и бронзы.

Сюда мы причислили такія могилы, въ которыхъ возможно было опредѣлить только эпоху, безъ опредѣленія принадлежности къ какому-нибудь племени, при чемъ мы соединили двѣ эпохи камня и бронзы, по недостатку матеріала, въ одну группу. Самый же матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, относится лишь къ тремъ юго-западнымъ губерніямъ.

17) а) Древніе обитатели юго-западной Руси, изъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова, Г. О. Оссовскаго и Ю. Д. Талько-Грынцевича въ Звениго-

родскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ Кіевской губ., гр. А. А. Бобринскаго въ Чигиринскомъ уѣздѣ той же губ., С. Гліогера и Л. Радзиминскаго Острожскаго уѣзда Волынской губ. Всѣ эти курганы по находкамъ принадлежали къ самымъ бѣднымъ, иногда ничего не заключали, кромѣ человѣческихъ и животныхъ костей, рѣже—каменныя или кремневыя орудія, обломки первобытныхъ глиняныхъ горшковъ, издѣлія изъ человѣческихъ и животныхъ костей, волчьи клыки и т. д. Иногда кости въ гробахъ были окрашены въ красный цвѣтъ. Такъ какъ часто было находимо въ одной могилѣ по нѣсколько скелетовъ, похороненныхъ какъ бы ярусами, одинъ подъ другимъ, то допускаемъ возможность, что между скелетами могли попасть въ эту группу и скелеты эпохи желѣза. Сюда относится 45 индивидуумовъ. Изъ нихъ 35 изъ раскопокъ гр. Бобринскаго измѣрены г. Никольскимъ и 10 изъ другихъ раскопокъ—Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ.

b) *Древніе Кіевляне*, по раскопкамъ В. Б. Антоновича и Д. Я. Самоквасова, Каневскаго и Кіевскаго уѣзда, 3, измѣренные А. П. Богдановымъ. Мы приводимъ общую характеристику этихъ костяковъ по даннымъ, полученнымъ Талько-Грынцевичемъ, тѣмъ болѣе, что данныя измѣренія Богданова представляютъ очень небольшое число индивидуумовъ. Ростъ ихъ былъ высокій, длинныя кости носили на себѣ всѣ признаки древней первобытной расы. По черепному указателю, они подлинноголовы; при отсутствіи среднеголовости, типъ длинноголовый выступаетъ въ два раза чаще, чѣмъ короткоголовый; черепа высокіе, сильно развиты въ длину и горизонтальную окружность, при узкомъ лбѣ и затылкѣ, узкомъ и удлиненномъ лицѣ.

Древніе Киммеріяне.

18) Киммеріяне, заселявшіе южную Русь еще до Р. Х., какъ предполагаютъ, пришли раньше скиѳовъ, приходъ которыхъ обозначаютъ въ VIII в. до Р. Х. Съ пришествіемъ скиѳовъ, преданія о Киммеріянахъ теряются, и исторія указываетъ, что послѣдніе черезъ Кавказъ переселились постепенно въ Малую Азію. Могилы этого народа, еле замѣтныя и трудно различаемыя отъ болѣе поздняго погребенія, находятся въ болѣе глубокихъ слояхъ кургана, въ верхнихъ же его частяхъ встрѣчаются болѣе позднія. Погребенія эти были изучены въ восточной половинѣ Херсонской губ., въ уѣздахъ Елизаветградскомъ и Херсонскомъ, а въ западной, въ Тираспольскомъ уѣздѣ, по раскопкамъ В. Н. Ястребова, А. А. Лукина, Г. Л. Скадовскаго, В. И. Гошкевича, І. Я. Стемпковскаго и др. Въ гробу находятъ часто слѣды огня. Могилу обставляли иногда деревомъ или камнями. Покойникъ лежитъ на бѣлой глинѣ, на камышѣ или травѣ, часто не въ выкопанной могилѣ, а поставленъ на поверхности почвы и слегка присыпанъ

землей. Покойниковъ клали въ разныхъ направленіяхъ, обращая головой въ разныя стороны свѣта; при костякахъ находятъ куски краски, а изъ предметовъ—куски кожи, войлока, глиняные горшки, ожерелья изъ зубовъ волковъ, лисицъ, изъ трубчатыхъ птичьихъ костей и т. д., разноцвѣтныя бусы, металлическія спирали, мѣдныя и серебряныя, серьги, кремневые и мѣдные ножи, метательные камни, мѣдныя стрѣлы. Къ сожалѣнію, мы можемъ воспользоваться свѣдѣніями лишь о ростѣ Киммеріянъ, измѣренныхъ при раскопкахъ г. Стемпковскаго въ Тираспольскомъ уѣздѣ, числомъ 129[1]).

Скиѳы.

19) Къ Скиѳо-сарматской эпохѣ относятся: a) обитатели Кіевской губ., по раскопкамъ гр. А. А. Бобринскаго, измѣренные г. Никольскимъ 13, Г. О. Оссовскаго и Д. Я. Самоквасова 5, измѣренные Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ; итого, послѣднимъ вычислено 18 (мужск. 16, женск. 2). b) Обитатели Полтавской губ., по раскопкамъ Д. Я. Самоквасова, Роменскаго уѣзда 13 (мужск. 8, женск. 5), измѣренные А. П. Богдановымъ и c) той же губерніи по раскопкамъ С. А. Мазараки и И. Ѳ. Огнева подлѣ г. Роменъ 9 (мужск. 6, женск. 3), измѣренные Ѳ. Ѳ. Коврайскимъ.

Приведенное строеніе скиѳскихъ череповъ нѣсколько разнится въ Кіевской губ., по Талько-Грынцевичу, и въ Полтавской, по Богданову и Коврайскому. Кіевскіе курганные въ среднемъ субдолихоцефалы, по Богданову—въ Полтавской губ. настоящіе долихокефалы. Въ Кіевской губ. долихоцефалія значительно преобладаетъ надъ брахикефаліей и мезокефаліей, въ Полтавскихъ курганахъ долихокефалія выражена сильнѣе. По горизонтальной окружности они среднеголовые, Полтавскіе по вертикальной большеголовые, а по поперечной малоголовые, довольно высокіе; черепъ хотя и широкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ длинный, въ Кіевскихъ лобъ и затылокъ узкіе, а въ Полтавскихъ болѣе широкіе, среднелицые, но не съ выдающимися скулами. Помимо нѣкоторой разницы въ строеніи обоихъ типовъ череповъ, ихъ характеризуетъ особая ширина черепа, на которую указывалъ Бэръ и по которой хотѣлъ причислить ихъ, по краніологическимъ признакамъ, къ монгольской расѣ, если бы были въ нихъ другіе признаки, какъ сильно выдающіяся скулы и далѣе отстоящія мѣста прикрѣпленія височныхъ мускуловъ отъ срединной теменной линіи. Другіе находили сходство скиѳовъ съ чудскими черепами въ Сибири, но послѣдніе болѣе короткіе и высокіе, и лица

1) Во время печатанія настоящей работы появилась статья К. Столыгво, заключающая измѣреніе трехъ череповъ Киммеріянскаго періода изъ кургановъ Яцковицкихъ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ. См. K. Stołyhwo. «Czaszki z Jackowicy». («Światowit.» VI t. 1905). *Прим. автора.*

значительно короче, но по Бэру они ближе всего къ башкирскимъ черепамъ, которые однако ниже скиѳскихъ.

Обитатели области древнихъ Сѣверянъ.

20) Обитатели области древнихъ Сѣверянъ отличаются отъ представителей славянскаго погребенія этой области и, по мнѣнію раскапывавшаго эти курганы Д. Я. Самоквасова, тянутся по уѣздамъ Курской губ.: Курскому, Путивльскому, Глуховскому, Конотопскому, Суджанскому и Черниговскому. Скелеты, которые добылъ Д. Я. Самоквасовъ изъ этой группы могилъ, происходятъ изъ Суджанскаго уѣзда, съ возвышеннаго берега р. Псла. Окружность основанія этихъ могилъ отъ 12—45 арш., высота отъ $^1/_2$—5 арш., а форма отъ правильнаго полушарія до тупого конуса, иногда онѣ до того разрушены, что представлялись въ видѣ едва замѣтнаго возвышенія. Мѣстное населеніе приписываетъ эти курганы татарамъ. Часть этихъ могилъ была раскопана впервые въ 1823 и 1830 годахъ Дмитрюковымъ, а затѣмъ Д. Я. Самоквасовымъ, который изъ 86 раскопанныхъ могилъ въ 20 нашелъ горшки съ пепломъ и человѣческія пережженыя кости, а въ 66 костяки. Онѣ были вышиною отъ 1—3 арш. На глубинѣ отъ $^1/_4$—$^3/_4$ арш. были находимы глиняные сосуды, при покойникѣ мѣдная, свитая спиралью проволока, серебряныя ленты, ушныя кольца, на головѣ мѣдные обручи, разныя бусы, привѣски къ ожерелью, мѣдные и серебряные браслеты, желѣзные ножики и пряжки и т. д. По историческимъ даннымъ, И. Е. Забѣлинъ относитъ эти могилы къ будинамъ, или къ меланхленамъ-чернокафтанникамъ, тѣмъ болѣе, что Мордва, жившая здѣсь въ большомъ количествѣ, не была длинноголовою, а Суджанское племя отличалось значительною длинноголовостью. Костяки въ могилахъ лежали не въ углубленіяхъ, а на поверхности земли, безъ гробовъ, чаще головой на западъ, рѣдко на востокъ, чаще на правой, чѣмъ на лѣвой щекѣ, съ вытянутыми руками. Индивидуумовъ изъ этого погребенія 17 (мужск. 7, женск. 10), измѣренныхъ А. П. Богдановымъ. Суджанскіе черепа имѣли значительно объемистую голову по окружностямъ и очень развитую въ длину. По головному указателю они крайне длинноголовые, по высотному указателю черепа низкіе и средніе, лицо незначительно удлиненное, при довольно выдающейся ширинѣ скулъ. Богдановъ находилъ у Суджанскихъ череповъ весьма рѣдко встрѣчающуюся однородность, указывающую на ихъ племенную чистокровность, и подводитъ ихъ по сходству къ длинноголовой угорской или Урало-Алтайской вѣтви финскаго племени, къ будинамъ или къ меланхленамъ-чернокафтанникамъ. Такъ какъ Мордва не длинноголова, то предположеніе свое онъ основывалъ на послѣднихъ.

Московское населеніе VIII—X вѣка.

21) Московское населеніе VIII—X в., по раскопкамъ А. П. Богданова и друг., въ уѣздахъ Московскомъ, Верейскомъ, Звенигородскомъ, Подольскомъ, Коломенскомъ, Можайскомъ и Богородскомъ. Многія изъ могилъ были до того разрушены, что довольно было снять на $1/2$ арш. земли, чтобы обнаружить костякъ. Обыкновенно курганы средней величины, костяки лежатъ на глубинѣ отъ 2—6 арш., чаще всего на материкѣ, головой на западъ, лицомъ впередъ или на боку. Въ курганѣ находится по одному, рѣже по два или по три скелета рядомъ. При покойникахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ угли, иногда обожженыя кости домашнихъ животныхъ, у ногъ горшки. Сохранившіеся волосы находимъ темно- или свѣтло-русые. Изъ предметовъ серьги, ожерелья изъ бусъ, серебряные или желѣзные обручи, на рукахъ спиральные браслеты, на пальцахъ кольца, ткань, парчу, остатки обуви, ножницы, гребни и т. д. Оружія не попадалось, что̀ указываетъ на невоинственность населенія, а скорѣе на то, что оно занималось скотоводствомъ и охотою. Племя это по строенію черепа отличалось единствомъ, такъ какъ черепа носили одинаковые признаки и были сходны между собой. Черепъ довольно длинный и узкій, формы эллиптической или удлиненно-яйцеобразной, со сторонъ сжатъ и не расширяется у теменныхъ бугровъ, которые мало развиты; незначительно развиты tubera frontalia, и лобъ, закругляясь, переходитъ на высокое темя. Посрединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ. Затылочная часть значительно выдается назадъ. По Богданову, выдающійся затылокъ, узкость и длина черепа составляютъ главныя особенности курганной коллекціи. Мужскіе черепа наклонны къ прогнатизму, женскіе ортогнатичны. Прогнатизмъ при этомъ соединяется съ долихокефаліей, а ортогнатизмъ съ большею или меньшею брахикефаличностью. Черепа до того высокіе, что у нихъ наибольшій поперечный и вертикальный діаметры почти равны. Размѣры череповъ значительны. Ростъ высокій, и мышечная система сильно развита. Волосы темные, глаза голубовато-сѣрые, лобъ низкій. Женщины, по Богданову, съ ортогнатичнымъ лицомъ и мелкими чертами, недурны, мужчины некрасивы, съ выдающимися прогнатическими челюстями и зубами. Курганное Московское племя, по мнѣнію однихъ, было финскимъ или русско-варяжскимъ, по другимъ, оно было неизвѣстнаго народа, жившаго до прихода славянъ; этотъ вопросъ по настоящее время остается открытымъ. Значительный антропологическій матеріалъ, добытый изъ могилъ этого погребенія, позволилъ А. П. Богданову хорошо изучить физическое строеніе этого племени, при чемъ измѣрено 139 индивидуумовъ (мужск. 78, женск. 61).

Курганное населеніе земли войска Донского.

22) Курганное населеніе земли войска Донского извѣстно по раскопкамъ А. А. Крылова, изслѣдовавшаго нѣсколько кургановъ близъ слободы Ильинки къ сѣверу отъ р. Сала. Въ нѣкоторыхъ курганахъ находилось по нѣскольку скелетовъ. Въ нихъ были находимы кости животныхъ, горшки, стрѣлки изъ кремня, вещи изъ кости и слѣды желѣза. Находки указывали, что курганы не принадлежали одному опредѣленному племени и народу, что̀ подтвердило краніологическое изслѣдованіе Богданова по измѣреніямъ, всего 6 череповъ (мужск. 5, женск. 1), произведеннымъ К. Н. Иковымъ. Черепные указатели у этихъ череповъ очень разнятся между собою, указывая на разнородность типовъ. Въ общемъ, черепа очень объемисты и велики, мужскіе—высокоголовые, лобъ съуженъ, лицо большое и длинное.

Древнее населеніе Крыма.

23) Черепа эти происходятъ преимущественно изъ древнихъ кладбищъ Херсонеса, и лишь нѣкоторые изъ крымскихъ могилъ и пещеръ Бибабаша, Керчи и Инкермана. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются лишь о 4 черепахъ изъ могилъ Инкерманской долины, доставленныхъ въ Москву на Антропологическую выставку 1879 г. Могилы были обложены осколками изъ камней и сверху покрыты каменными плитами. Покойникъ лежалъ на глубинѣ $1^1/_2$—2 саж. и былъ засыпанъ мусоромъ. Скелеты головой обращены на Ю.-З., съ вытянутыми руками. Въ мусорѣ найдены въ большомъ количествѣ осколки глиняныхъ сосудовъ, черепицы, кусковъ углей и проч. Крымскіе черепа при разсмотрѣніи мы соединяемъ въ одну общую группу, всѣхъ ихъ 43 (мужск. 25, женск. 18). Они измѣрены Н. Ю. Зографомъ и А. А. Тихомировымъ и описаны отчасти А. П. Богдановымъ. По описанію послѣдняго, долихокефалы перемѣшаны съ брахикефалами, при малой сравнительно помѣси между ними, при чемъ черепа значительно высокіе, не особенно развитые въ окружности. Въ частности, въ Херсонесѣ рядомъ съ длинноголовыми найдены и короткоголовые, тогда какъ въ Инкерманѣ и Керчи преимущественно послѣдніе.

Кавказцы.

Имѣющіяся нѣкоторыя краніологическія данныя, относящіяся какъ къ курганному, такъ и современному населенію Кавказа, могутъ имѣть не малое значеніе для выясненія славянскаго типа, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, Кавказъ со своимъ древнимъ населеніемъ былъ дорогою для переселенія восточныхъ народовъ въ Европу. Къ древнему кавказскому насе-

ленію мы относимъ: 24) населеніе кургановъ и гробницъ изъ раскопокъ Ю. Д. Филимонова, Н. Г. Керцелли, Е. Д. Фелицына и друг. Большинство череповъ (19) относилось къ курганамъ Терской области (близъ г. Пятигорска и Горячеводской станицы). Высота кургановъ отъ 1 до $2^1/_2$ арш., нѣкоторые совершенно обложены камнями. Покойникъ лежалъ на доскѣ, соприкасавшейся съ почвою, и кругомъ обложенъ брусьями, составлявшими родъ гроба. Изъ вещей были находимы: длинныя шашки, ножъ или кинжалъ, желѣзное копье, наконечники стрѣлъ, пряжки и т. д., бронзовыя колечки, серьги, ножницы, вещи изъ кости. Курганы эти не особенно древніе; изъ подобныхъ могилъ, называемыхъ Николаевскими, Владикавказскаго округа близъ станціи Ардона, добыто 4 черепа. Изъ склепа въ башнѣ въ Даргавса добыто 7 череповъ и т. д. Всѣхъ череповъ измѣрено А. А. Тихомировымъ 38 (мужск. 24, женск. 14). Кромѣ того, измѣрено г. Тихомировымъ череповъ современныхъ племенъ Кавказа: 25) Абхазцевъ 21 (мужск. 10, женск. 11), 26) Натухайцевъ 19 (мужск. 14, женск. 5) и 27) Шапсуговъ 51 (мужск. 29, женск. 22). Описывавшій кавказскіе черепа А. П. Богдановъ выводитъ по нимъ слѣдующее заключеніе: кромѣ Абхазцевъ, всѣ остальные представляютъ смѣшанное населеніе, помимо того, что матеріалъ былъ собранъ не случайно, а съ извѣстною достовѣрностью о принадлежности череповъ той или другой группѣ. Черкесское племя (Натухайцы и Шапсуги) и Абхазское представляютъ два оригинальные черепные типа — первый длинноголовый, второй короткоголовый. Одинъ черепъ изъ дольмена, который мы включили въ общую группу древнихъ курганныхъ, мезокефалическій и стоитъ ближе къ абхазской группѣ, чѣмъ къ черкесской. Терскіе черепа съ болѣе удлиненнымъ черепомъ; между Владикавказскими большинство короткоголовые и стоятъ ближе къ Абхазцамъ. Первые принадлежатъ почти чистому длинноголовому типу, тогда какъ другіе къ смѣшанному — суббрахикефалы. Между Черкесами Натухайцы представляютъ большую чистоту крови первоначальныхъ длинноголовыхъ, у Шапсуговъ процентъ помѣси значительнѣе, при одинаковомъ % длинно- и короткоголовыхъ.

Болгары и Чуваши.

Къ этой группѣ отнесено нами слѣдующее населеніе: 28) древніе волжскіе Болгары, по раскопкамъ Э. Д. Пельцама, изъ древнихъ кладбищъ въ Казанской губ., около Черной Палаты и близъ Бабьяго бугра. Не было никакихъ признаковъ могилъ снаружи, и костяки были находимы случайно на $1^1/_2$ арш. въ землѣ, имѣя положеніе съ В. на З.; кости находимы были иногда въ правильномъ положеніи, иногда въ безпорядкѣ. Вещей при раскопкахъ было находимо мало, кромѣ бусъ, иногда желѣзныхъ вещей. Череповъ

добыто изъ этихъ кладбищъ 36 (мужск. 24, жен. 12); они измѣрены А. А. Тихомировымъ. Къ какой эпохѣ принадлежали эти черепа, судить трудно, можно полагать, что не особенно отдаленной. Нѣтъ тоже указаній, по находкамъ, о культурѣ этого населенія; однако можно думать, что это были болгары, народъ, этногенетическое происхожденіе котораго является до настоящаго времени извѣстнаго рода загадкой. По описанію череповъ А. П. Богданова, населеніе болгаръ было длинноголовое—субдолихокефалическое и сравнительно чистое. Если брахикефалію (т.-е. суббрахикефалію), говоритъ этотъ авторъ, считать за краніологическій признакъ славянъ, то болгары не были славянами: черепа значительно развиты въ высоту.

29) Древніе чуваши изъ раскопокъ кладбищъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ Э. Д. Пельцама и В. Н. Абуткова. Данныхъ, сопровождающихъ эти раскопки, мы не имѣемъ; добыто 49 череповъ (мужск. 25, женск. 24), измѣренныхъ Н. Ю. Зографомъ. По вычисленію Богданова, преобладающимъ элементомъ у этихъ череповъ является длинноголовый, но съ извѣстной примѣсью короткоголоваго. Черепа мало развиты въ высоту сравнительно съ длиною.

30) Придунайскіе болгары, къ которымъ мы отнесли коллекцію (20 череповъ) Прибалканскихъ болгаръ, собранную въ Восточной Болгаріи и Румеліи В. Н. Радаковымъ изъ древнихъ кладбищъ, какъ за городомъ, такъ и въ оградахъ городскихъ церквей, и 10 череповъ собственно Придунайскихъ болгаръ, собранныхъ А. А. Коротневымъ, всего 30 череповъ (муж. 18., жен. 12). Измѣренія этихъ череповъ произведены А. А. Тихомировымъ; оказалось, что среди нихъ типъ длинноголовый преобладаетъ въ обѣихъ группахъ, что указываетъ на близость ихъ происхожденія. То же самое нашелъ и другой изслѣдователь современныхъ Придунайскихъ болгаръ, И. Коперницкій. По указателю высоты, они средне-высотные. А. П. Богдановъ, сопоставляя эти три группы, говоритъ, что чуваши и Придунайскіе болгары представляютъ болѣе помѣси, Казанскіе болгары ближе стоятъ къ Придунайскимъ болгарамъ, чѣмъ къ чувашамъ. Древніе Казанскіе болгары такіе же длинноголовые, какъ и Придунайскіе, при томъ наиболѣе длинноголовые изъ всѣхъ славянъ. Древніе болгарскіе черепа имѣютъ больше широкоскулистыхъ физіономій, чѣмъ встрѣчаемъ мы у Турецкихъ болгаръ, и ближе подходятъ къ чувашамъ, преимущественно широкоскулымъ. Эти пока весьма ограниченныя свѣдѣнія по антропологіи болгаръ, хотя и не даютъ положительныхъ данныхъ, однако позволяютъ найти кровную связь между болгарами на берегахъ Волги и Дуная.

Финно-Угры.

По краніологіи финновъ мы имѣемъ черепа, добытые изъ раскопокъ: 31) Черемисъ А. Н. Стояновымъ, изъ древнихъ могилъ Козьмодемьянскаго

уѣзда Казанской губ. (17) и 32) Вотяковъ, при раскопкѣ кладбищъ Мамадышскаго уѣзда той же губерніи Н. И. Маліевымъ (15). Обѣ коллекціи череповъ измѣрены Н. И. Маліевымъ. Черемисскіе черепа принадлежатъ подлинноголовому типу, тогда какъ вотяцкіе среднеголовы, довольно высоки и не отличаются размѣрами окружности. По Н. И. Маліеву, отъ другихъ череповъ, а въ томъ числѣ и отъ черемисскихъ, отличаются вотяцкіе черепа съ болѣе узкими, длинными, поставленными подъ очень тупымъ угломъ одна къ другой, обращенными впередъ нижнимъ концомъ носовыми костями; переносье болѣе широкое; низкій лобъ, сначала прямо, почти вертикально поднимающійся къ верху, а потомъ круто заворачивающійся по направленію къ затылку; сильно выраженъ подносовой прогнатизмъ и косо расположенные зубы обѣихъ челюстей. Черепъ коротокъ, но широкъ въ области теменныхъ бугровъ, съуженъ впередъ, лобъ узкій, плоскій, затылокъ вертикально стоящій. 33) Вогулъ современныхъ, самыхъ восточныхъ изъ финновъ, передвинувшихся подъ напоромъ новгородцевъ въ XI и въ началѣ XII в. за Уралъ, на берега Иртыша и Оби. Черепа ихъ составляютъ коллекцію Антропологическаго музея Московскаго университета и измѣрены И. П. Силиничемъ въ количествѣ 45, въ томъ числѣ 24 мужск. и 21 женск. Черепа длинноголовые по преимуществу, даже при среднихъ размѣрахъ продольнаго діаметра, низко-широкіе и платикефаличны, чѣмъ отличаются отъ западныхъ финновъ. Это наводитъ изслѣдователя на мысль, что вогулы это и есть угры—«югра» русскихъ лѣтописцевъ, имѣющіе связь съ древнимъ курганнымъ населеніемъ средней и сѣверной полосы Россіи, гдѣ часть оставшагося древняго длинноголоваго элемента угровъ впослѣдствіи примѣшалась отчасти къ короткоголовымъ финнамъ.

Татары.

34) Татары казанскіе являются потомками кипчаковъ Золотой Орды, перемѣшанными съ древними болгарами, финнами и другими народами, составлявшими нѣкогда населеніе Болгарскаго царства. Въ XIII в. оно было покорено татарами, которые, подпавши вліянію болгаро-магометанской культуры, стали жить осѣдло и положили свой отпечатокъ на самихъ болгаръ. Въ XIV в., съ упадкомъ Золотой Орды, начинается усиленное вліяніе русскихъ и борьба, которая продолжается полтораста лѣтъ, со времени основанія Казанскаго царства до покоренія Казани въ 1552 г. Казанскихъ татаръ мы разсматриваемъ по черепамъ, измѣреннымъ въ Казани Н. М. Маліевымъ, изъ нихъ 15 современныхъ и 23 изъ раскопокъ могилъ А. Н. Стоянова въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губ., всего 38 (муж. 34, женск. 4). По величинѣ окружности и по высотѣ черепа они не отличаются отъ мѣстныхъ

черемисскихъ и русскихъ, но меньше вотяцкихъ; по головному указателю они поддлинноголовые, тогда какъ вышеприведенные среднеголовы.

Древніе Хозары.

35) Хозары—народъ, обитавшій въ нынѣшней южной Россіи, неизвѣстнаго происхожденія. Одни причисляютъ его къ тюркамъ, другіе къ финнамъ. Первыя о нихъ свѣдѣнія начинаются со II в. по Р. Х., когда они жили къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ и извѣстны были по двухвѣковой борьбѣ съ Арменіей. Въ IV в., съ нашествіемъ гунновъ, извѣстія о нихъ прекращаются. Въ VI в. хозары создаютъ сильное государство, границы котораго доходятъ на югѣ до Аракса, которое на сѣверѣ граничило съ финнами, на западѣ съ болгарами, а на востокѣ съ кочующими тюркскими народами. Освободившись отъ гунновъ, они стали угрожать сосѣднимъ народамъ, Персамъ и даже Византіи. Несторъ называетъ ихъ бѣлыми. Неудачи войны въ VIII в. на югѣ вознаградили расширенія ихъ территоріи на сѣверѣ. Въ IX в. ихъ территорія простиралась отъ сѣверной части Кавказа до земель сѣверянъ и радимичей, т.-е. до береговъ рр. Десны, Сулы и Сожа; но уже въ X в. нѣкоторые изъ нихъ подпадаютъ вліянію развивающейся русской государственности во времена Олега, а затѣмъ хозары были разбиты Святославомъ Игоревичемъ, и остатокъ ихъ удержался между Каспійскимъ моремъ и Кавказскими горами. Хозары были народомъ полуосѣдлымъ. Главнымъ ихъ городомъ былъ Атель возлѣ Астрахани. Они были народомъ не только разноплеменнымъ, но и разновѣрнымъ. Нашъ антропологическій матеріалъ происходитъ изъ вышеупомянутаго хозарскаго города Ателя, измѣренъ Н. М. Маліевымъ въ числѣ 15 череповъ. Величиной окружности они не отличаются отъ татарскихъ, вотяцкихъ и черемисскихъ, по головному указателю подкороткоголовы, а по высотѣ мало отъ нихъ отличаются.

Древнее Пріуральское населеніе.

Изученіе доисторическаго населенія Пріуралья, какъ и Сибири вообще, представляетъ не малый интересъ при изученіи восточныхъ славянъ, тѣмъ болѣе, что многіе народы, какъ извѣстно, пришли въ Европу изъ Азіи, переселяясь постепенно черезъ Уральскія горы, и многія изъ племенъ вошли въ составъ населенія восточныхъ славянъ. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ напр. курганные Пермской губерніи, принадлежатъ, очень возможно, къ финнамъ; однако мы ихъ включили въ одну общую территоріальную группу Пріуральскаго населенія.

36) Курганное населеніе Пермской губерніи Шадринскаго уѣзда, близъ Тобольской губ., по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова и Н. Ю. Зографа. Кур-

ганы этого населенія по берегамъ р. Исети лежатъ отдѣльно и цѣлыми группами. Въ первомъ случаѣ они очень велики (до 150 арш. въ окружности, 8 арш. высоты), а во второмъ низки и малы. Раскопаны были какъ тѣ, такъ и другіе. Во всѣхъ курганахъ подъ самой поверхностью лежали кости лошадей, а въ нѣкоторыхъ попадались ноги скелета вдѣтыя въ стремена, что̀ указываетъ на то, что покойника хоронили верхомъ. Часто встрѣчалось въ могилѣ по два скелета. Глубина погребенія достигала отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до $1^{1}/_{2}$ метр. Подлѣ лошади были находимы принадлежности сбруи, а при покойникѣ горшки, желѣзное копье, иногда бронзовое кольцо, куски кожи, рѣже полированное зеркало изъ особаго сплава, бусы, похожія на современное украшеніе мещеряковъ, и т. д.; нѣкоторые предполагаютъ, что эти курганы относятся къ XIV или XV вѣку. Изъ этого погребенія измѣрено 21 (муж. 14, женск. 7 череповъ).

37) Курганное населеніе Тобольской губ., Тарскаго округа, по раскопкамъ Е. Н. Малахова. Курганы лежали близъ р. Иртыша; по формѣ они круглые, высотой отъ 1—3 арш. и отъ 8—12 арш. въ діаметрѣ. На глубинѣ 1—2 арш. были находимы костяки въ гробу, выдолбленномъ изъ куска дерева, или изъ досокъ. Головой покойникъ чаще обращенъ былъ на С.-З. Сверху встрѣчаются уголь и пережженая земля, въ гробу осколки глиняныхъ горшковъ, желѣзныя удила, наконечники стрѣлъ и костяныя издѣлія. Изъ этихъ могилъ добыто лишь 5 череповъ, измѣренныхъ А. П. Богдановымъ.

Къ древнему населенію Пріуралья мы относимъ также черепа изъ древнихъ кладбищъ въ Башкиріи, т.-е. въ Уфимской губерніи; мѣста, гдѣ нынѣ живутъ башкиры, прежде были заняты уграми и чудью.

38) Башкиры изъ древнихъ кладбищъ Бишиндинской волости и Белебеевскаго уѣзда, по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова. Могилы трудно различимы и лежатъ на одномъ уровнѣ съ почвой, лишь нѣкоторыя изъ могилъ возвышаются надъ поверхностью на $^{1}/_{2}$ арш. и обложены стоячими камнями. Только болѣе высокія имѣли въ длину 7 арш. и въ ширину $5^{1}/_{2}$ арш. Покойникъ лежитъ на глубинѣ 2—3 арш., не по серединѣ могилы, а въ сторонѣ, въ родѣ ниши; костякъ—съ вытянутыми руками и ногами, головой на В. Въ нѣкоторыхъ могилахъ были находимы кости лошади, остатки сѣдла, желѣзныя удила и стремена, иногда мѣдныя пуговицы, застежки, кольца. Изъ этого кладбища измѣрено Н. Ю. Зографомъ 19 череповъ (мужск. 11, женск. 8).

39) Ногайскіе ханы, по раскопкамъ Н. М. Маліева, въ Белебеевскомъ и Стерлитамацкомъ уѣздахъ Уфимской губерніи. Все то, что̀ мы сказали о предыдущемъ кладбищѣ, можетъ относиться и къ разсматриваемому. Добыто и измѣрено г. Маліевымъ изъ этого кладбища 6 череповъ.

По величинѣ длинныхъ костей и ихъ строенію, они принадлежали народу средняго роста и крѣпкаго сложенія. Проф. Богдановъ даетъ перечисленному древнему пріуральскому населенію слѣдующую характеристику: Пермское курганное племя, Ногаи и Башкиры являются чаще подкоротко-головыми, тобольское курганное—среднеголовыми. Окружность головы по 3-мъ измѣреніямъ преобладаетъ большая у тобольскихъ и ногаевъ, средняя у башкиръ и малая у пермскихъ. Низкоголовость выражена у Пермскихъ и башкиръ, а высокоголовость у тобольскихъ и ногаевъ. Всѣ широкоскулые, сильнѣе всѣхъ ногаи, слабѣе башкиры.

Древнее населеніе Забайкальской области.

Для сравненія мы еще позволяемъ себѣ привести данныя забайкальскихъ кургановъ по раскопкамъ Ю. Д. Талько-Грынцевича. Изъ двухъ приводимыхъ нами обрядовъ погребенія трудно точно установить, который изъ нихъ старше, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, высшая культура была занесена въ Сибирь изъ Китая, когда народы Сибири жили еще въ эпохѣ камня, и двѣ эти культуры могли существовать одновременно. Потомъ, когда тюркскія племена, жившія въ первые вѣка нашей эры въ южной части восточной Сибири, исчезли, отчасти, можетъ быть, ушли на западъ, а отчасти слились въ XIII в. съ выдвинувшимися вновь на арену политической жизни монголами, старая культура тюрковъ исчезла. Она выразилась здѣсь въ экстенсивномъ земледѣліи, въ находимыхъ во многихъ мѣстахъ оросительныхъ канавахъ, земледѣльческихъ орудіяхъ, желѣзныхъ и чугунныхъ, даже въ бронзовомъ сошникѣ, указывающемъ, что еще до употребленія желѣза здѣсь уже существовало земледѣліе, наконецъ, во многихъ находкахъ въ могилахъ предметовъ изъ кости, желѣза, бронзы и золота. Съ упадкомъ тюрковъ и ихъ цивилизаціи, заимствованной отъ Китая, варварскіе народы востока—кочевники—явились представителями первобытной культуры, которая до весьма недавняго времени еще существовала въ Сибири. Мы здѣсь приводимъ два обряда погребенія.

40) Каменные курганы, высотой отъ 3 до 7 м., круглые отъ 6—12 мет. въ діаметрѣ, въ видѣ кучи камней съ воронкообразнымъ углубленіемъ по серединѣ. Кругомъ они обложены камнями въ видѣ круга или четыреугольника съ наугольниками. Кругомъ часто лежатъ съ одной стороны въ одинъ или въ два ряда меньшіе курганы съ внѣдренными въ землю камнями. Могилы эти очень распространены по всей Забайкальской области и Монголіи. Обыкновенно онѣ встрѣчаются на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ нихъ ничего не находятъ, кромѣ (на глубинѣ $^1/_2$—3 метр. на почвѣ) слѣдовъ человѣческихъ или скотскихъ костей, рѣдко осколки глиняныхъ горшковъ грубой отдѣлки; лишь очень рѣдко встрѣ-

чаются черепа и осколки длинныхъ костей. Найдено было въ этомъ погребеніи и измѣрено Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ всего только 10 череповъ (мужск. 6, женск. 4). Они доказывали свою глубокую древность какъ своимъ строеніемъ, такъ и консистенціей костной ткани. Рядомъ въ однѣхъ и тѣхъ же могилахъ были найдены черепа совершенно противоположныхъ типовъ, крайне длинноголовые, два даже съ узкимъ, замѣчательно низкимъ недоразвитымъ лбомъ, сразу отклоненнымъ назадъ, и съ выпуклымъ затылкомъ, и крайне короткоголовый съ выдающимися скулами, съ челюстнымъ прогнатизмомъ, съ очень грубымъ и неуклюжимъ строеніемъ отдѣльныхъ его частей. Между этими двумя типами встрѣчались и поддлинноголовые.

41) Погребенные въ срубахъ найдены въ могилахъ, часто еле замѣтно выступающихъ надъ поверхностью земли, съ значительнымъ углубленіемъ по серединѣ, обложенныхъ кругомъ камнями, внѣдренными въ землю въ видѣ круга, или четыреугольника отъ 3—6 мет. въ діаметрѣ, или по сторонамъ. Съ южной стороны въ могилу ведетъ каменная аллея. Между такими могилами, расположенными группами, замѣчаются изрѣдка отдѣльно стоящія большія могилы изъ камней, достигающія 6—8 мет. высоты и 12—18 мет. въ діаметрѣ. На глубинѣ $1^1/_2$—4 мет. былъ находимъ лиственичный срубъ отъ 2—3 метр. длиною, часто раздѣленный на 2 камеры, въ которыхъ находимы были отдѣльно человѣческій скелетъ (иногда по 2 или по 3) и отдѣльно кости животныхъ. Однако чаще сверху гроба находимы были бараньи или скотскія, рѣже лошадиныя и оленьи кости, а въ срубѣ человѣческія. Костяки головой обращены чаще на С. и рѣже на Ю., съ вытянутыми руками и ногами. При покойникахъ находимы были разной величины и отдѣлки глиняные горшки, большое количество костяныхъ орудій, въ родѣ ножей разной формы, ложечекъ, колецъ, палочекъ и т. д., желѣзныхъ принадлежностей лошадиной сбруи, рукоятки меча съ золотою инкрустаціей и т. д., полированныя китайскія зеркала изъ бѣлой бронзы, рѣдко золотые листки, прикрѣпленные къ бревну верхней покрышки гроба, и т. д. Этотъ обрядъ погребенія, можно полагать, распространенъ не только въ южномъ Забайкальѣ, но и въ другихъ мѣстахъ южной Сибири. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ измѣрилъ изъ этихъ могилъ 36 костяковъ, изъ нихъ мужск. 22 и женск. 14. Населеніе это отличалось умѣреннымъ ростомъ, но особенно крѣпкимъ сложеніемъ какъ костной, такъ и мышечной системы. Значительный процентъ продырявленія плечевыхъ костей въ локтевыхъ сгибахъ, столбообразная форма бедра, частое уплощеніе больше-берцовой кости указываютъ на первобытность этой расы. Черепъ въ общемъ имѣетъ правильное, красивое строеніе, по черепному указателю онъ среднеголовый, довольно высокій, лицо круглое, и размѣры его соотвѣтствуютъ по стройности остальнымъ частямъ черепа. Лобъ умѣренно

высокій, постепенно переходитъ въ довольно высокій сводъ темени и затѣмъ опускается на умѣренно выпуклый затылокъ. При выступающихъ $^{2}/_{3}$ умѣреннаго роста, по равному раздѣленію чиселъ краніологическихъ типовъ между коротко-, средне- и длинноголовыми можно заключить, что населеніе это въ антропологическомъ отношеніи принадлежало къ очень смѣшанной расѣ.

Приведя выше перечень важнѣйшихъ матеріаловъ, служащихъ намъ для настоящей работы, переходимъ теперь, по имѣющимся главнымъ антропологическимъ даннымъ, путемъ сравненія въ таблицахъ, къ характеристикѣ древнихъ восточныхъ славянъ по сравненію съ сосѣдними имъ народами, могущими вліять на помѣсь съ ними тѣмъ или другимъ путемъ, а затѣмъ въ отдѣльныхъ сводныхъ таблицахъ попробуемъ сдѣлать опытъ характеристики степени ихъ родства по главнымъ антропологическимъ признакамъ, не касаясь ихъ этногенетической связи и этнографической общности.

Чисто антропологическіе матеріалы, какими мы пользовались для настоящаго труда, составляютъ изслѣдованія 20 авторовъ, изслѣдовавшихъ всего 431 экземпляръ костяковъ восточныхъ славянъ, а вмѣстѣ съ приведенными для сравненія другими народностями 2175 индивидуумовъ. Изслѣдованій череповъ было сдѣлано восточныхъ славянъ 409, а вмѣстѣ съ другими народностями — 2077.

Въ концѣ настоящаго труда, кромѣ карты размѣщенія въ древности восточныхъ славянъ и другихъ народностей по черепнымъ указателямъ въ Восточной Европѣ, приложена какъ общая литература, какой мы воспользовались для настоящаго труда, такъ и перечень костяковъ разныхъ племенъ, измѣренныхъ разными изслѣдователями, съ указаніемъ заглавія ихъ работъ.

II. Антропологическія данныя.

А) Ростъ.

Мы имѣемъ пока очень мало данныхъ относительно роста обитателей древнихъ могилъ. Средній ростъ въ большинствѣ случаевъ былъ опредѣляемъ по размѣрамъ длинныхъ костей, въ меньшинствѣ длина была измѣрена въ могилѣ. Длинныя кости, по которымъ опредѣлялся ростъ, нерѣдко были лишь одиночными, иногда поврежденными; кромѣ того, и самыя измѣренія цѣлыхъ скелетовъ въ могилѣ въ рукахъ отдѣльныхъ изслѣдователей могли давать весьма неодинаковые результаты, почему и мѣра роста при подобныхъ условіяхъ могла быть только приблизительно вѣрною.

Ростъ костяковъ восточныхъ славянъ, по сравненію съ другими народами, представляется въ такомъ видѣ:

		Мужск.		Женск.		Вообще.		Авторъ.
		Число набл.	Ростъ въ сант.	Число набл.	Ростъ въ сант.	Число набл.	Ростъ въ сант.	
Славяне. Восточные.	Древніе новгородцы	—	—	—	—	—	198—204	А. П. Богдановъ.
Славяне. Восточные.	Поляне	—	—	—	—	—	высокій	»
Славяне. Восточные.	Древляне	4	167,2	2	150	6	164,3 } (32)164,8	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.
Славяне. Восточные.	Древляне	—	—	—	—	26	165 } (32)164,8	С. Гамченко.
Славяне. Восточные.	Кривичи	3	163	2	149,5	5	157,6	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.
Славяне. Восточные.	Радимичи	—	—	—	—	22	166	В. Б. Антоновичъ.
Славяне. Западные.	Курганные Плоцкіе	—	—	—	—	8	175	Л. Рутковскій.
Славянской эпохи.	Доисторич. Тверитяне	11	171,4	4	159	15	168,1	А. И. Кельсіевъ.
Эпохи камня и бронзы.	Доисторич. обитатели Юго-западной Руси	21	173,1	9	156,1	30	168,5	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.
Древніе Киммеріяне (Херсонской губ.)		—	—	—	—	129	173,81	Стемпковскій.
Скифы		9	172,7	6	154,7	15	165,5	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.
Московское населеніе (VIII—X вѣка)		15	171,9	15	163,0	30	167,5	А. П. Богдановъ.
Пріуральск. населеніе.	Башкиры древнихъ кладбищъ	—	—	—	—	—	средній	»
Пріуральск. населеніе.	Ногайскіе ханы	—	—	—	—	—	средній	»
Древнее населеніе Забайк. Области.	Курганное населеніе эпохи камня.	7	168,6	3	152,3	10	163,7	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.
Древнее населеніе Забайк. Области.	Погребенные въ срубахъ	22	165,18	14	152,6	36	160,3	Ю.Д.Талько-Грынцевичъ.

По группамъ ростъ нашихъ народностей распредѣляется такимъ образомъ:

Размѣры роста въ сантим.	Славянъ. Восточныхъ. 32 Древлянъ. 6 (Талько-Грынцевичъ)	Славянъ. Восточныхъ. 32 Древлянъ. 26 (Гамченко)	Славянъ. Восточныхъ. Итого.	Славянъ. Восточныхъ. 5 Кривичей. (Талько-Грынцевичъ)	Славянъ. Западн. 8 Курган. Плоцкихъ. (Рутковскій)	15 Доисторическ. Тверитянъ. (Кельсіевъ)	30 Доистор. обитателей Юго-западной Руси. (Т.-Грынцевичъ)	129 Киммеріянъ. (Стемпковскій)	14 Скиѳовъ. (Талько-Грынцевичъ)	30 Московскихъ кургановъ VIII—X в. (Богдановъ)	Забайкальск. могилъ. 10 Эпохи камня и бронзы. (Талько-Грынцевичъ)	Забайкальск. могилъ. 36 Погреб. въ срубахъ. (Талько-Грынцевичъ)
	въ абсолютныхъ числахъ											
135—149	1	2	3	1	1	—	2	—	1	—	1	8
150—159	1	1	2	1	—	1	6	—	3	3	2	15
160—169	2	8	10	2	—	7	8	—	5	18	5	12
170—179	1	9	10	1	2	7	9	120	2	6	1	5
180 и выше	1	6	7	—	5	—	5	9	3	3	1	1

Размѣры роста въ сантим.	Славянъ. Восточныхъ. Древлянъ 32				Западн.	15	30	129	14	30	Забайкальск. могилъ. 10	36
	6	26		5	8							
	(Талько-Грынцевичъ)	(Гамченко)	Итого.	Кривичей. (Талько-Грынцевичъ)	Курган. плоцкихъ. (Рутковскій)	Доисторическ. Тверитянъ. (Кельсіевъ)	Доистор. обитателей Юго-западной Руси. (Т.-Грынцевичъ)	Киммеріянъ. (Стемпковскій)	Скиѳовъ. (Талько-Грынцевичъ)	Московскихъ кургановъ VIII—X в. (Богдановъ)	Эпохи камня и бронзы. (Талько-Грынцевичъ)	Погреб. въ срубахъ. (Талько-Грынцевичъ)
	въ %											
135—149	16,67	7,69	9,37	20	12,5	—	6,67	—	7,14	—	10	8,33
150—159	16,67	3,85	6,25	20	—	6,67	20,00	—	21,43	80	20	41,67
160—169	33,33	30,77	31,25	40	—	46,67	26,67	—	35,71	60	50	33,33
170—179	16,67	34,61	31,25	20	25,0	46,67	30,00	93,0	14,28	20	10	13,89
180 и выше	16,67	23,08	21,87	—	62,5	—	16,67	6,9	21,43	10	10	2,78

Теперь приводимъ мѣры роста по отдѣльнымъ категоріямъ, у мужчинъ и женщинъ:

	Восточные славяне.						Забайк. могилъ.		Восточные славяне.						Забайк. могилъ.	
	Древляне.	Кривичи.	Доисторическіе Тверитяне.	Доисторическіе обитатели Юго-западной Руси.	Скиѳы.	Московскіе курганы VIII—X вѣковъ.	Эпоха камня и бронзы.	Погреб. въ срубахъ.	Древляне.	Кривичи.	Доисторическіе Тверитяне.	Доисторическіе обитатели Юго-западной Руси.	Скиѳы.	Московскіе курганы VIII—X вѣковъ.	Эпоха камня и бронзы.	Погреб. въ срубахъ.
	МУЖСКІЕ.															
	въ абсолютныхъ числахъ.								въ %.							
140—159 низкій	—	1	—	1	1	—	—	5	—	33	—	4,8	12,5	—	—	22,7
160—169 умѣренн.	2	1	4	7	2	8	5	11	50	33	36,4	33,3	25,0	53,3	71,4	50,0
170—179 высокій.	1	1	7	8	2	4	1	5	25	33	63,6	38	25,0	26,7	14,3	22,7
180 и выше (очень высокій)	1	—	—	5	3	3	1	1	25	—	—	23,8	37,5	20,0	14,3	4,5
	ЖЕНСКІЕ.															
	въ абсолютныхъ числахъ.								въ %.							
135—144 низкій	1	1	—	—	—	—	—	—	50	50	—	—	—	—	—	—
145—154 умѣренн.	—	—	1	4	3	2	2	10	—	—	25	44,4	50	13,3	66,6	71,4
155—164 высокій.	1	1	3	4	3	6	1	4	50	50	75	44,4	50	40,0	33,3	28,5
165—178 (очень высокій)	—	—	—	1	1	7	—	—	—	—	—	11,1	—	46,7	—	—

Изъ приведеннаго видимъ, что курганные Новгородскіе славяне превосходятъ среднимъ ростомъ какъ всѣхъ славянъ, такъ и другіе сосѣдніе народы; за ними изъ славянъ слѣдуютъ, вѣроятно, Поляне, Плоцкіе курганные (175 см.), за ними Древляне и Радимичи (164,8—166 см.) и, наконецъ, наиболѣе низкіе Кривичи (157,6 см.).

Изъ неславянскихъ народовъ по росту первое мѣсто занимаютъ древніе

Киммеріяне (178,31 см.), за ними идутъ доисторическіе жители эпохи камня и бронзы Юго-Западнаго края, доисторическіе Тверитяне, Московское населеніе VIII—X в. и Скифы (168,5—165,5 см.), затѣмъ древніе башкиры и Ногайскіе ханы и, наконецъ, съ низкимъ ростомъ, населеніе Забайкальскихъ могилъ (163,7—160,3 см.).

Иногда средній ростъ современныхъ людей болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ болѣе высокому или низкому росту предковъ, или же племени, живущему на этой же самой территоріи. Такъ, напр., высокій ростъ Полянъ, населенія этой мѣстности эпохи камня и бронзы и Скифовъ соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе высокому росту современнаго населенія Украинцевъ (Кіевской губ.) (167 см.), древнихъ Новгородцевъ—новобранцамъ Новгородской губ. (съ ростомъ 167 см.); ростъ Древлянъ менѣе высокій въ г. Житомірѣ — современному росту новобранцевъ Житомірскаго уѣзда (165 см.); болѣе низкимъ Кривичамъ соотвѣтствуютъ Бѣлоруссы (163,6 см.). Ростъ курганныхъ Плоцкихъ скелетовъ соотвѣтствуетъ Плоцкому населенію (167 см.); болѣе низкій древняго населенія Забайкалья—современнымъ бурятамъ и монголамъ (161,08—163,12 см.).

По отдѣльнымъ категоріямъ роста наибольшій процентъ приходится у Древлянъ на ростъ умѣренный и высокій (по 31,25%), у Кривичей одновременно встрѣчаются разныя мѣры роста, въ славянскихъ Плоцкихъ курганахъ преобладаетъ ростъ очень высокій (62,5%), у доисторическихъ Тверитянъ какъ умѣренный, такъ и высокій (по 46,67%), у курганныхъ доисторическихъ обитателей Юго-Западной Руси (эпохи камня и бронзы) съ высокимъ (30%) встрѣчается и умѣренный (26,67%) и низкій ростъ (20%); у скифовъ чаще умѣренный (35,71%), чѣмъ низкій (21,43%) и высокій (14,28%), а у Киммеріянъ исключительно высокій (93%).

Весьма ограниченный матеріалъ, какой мы имѣемъ относительно средняго роста, позволяетъ намъ однако указать на значительную помѣсь, какую мы встрѣчаемъ въ распредѣленіи чиселъ разныхъ категорій роста, какъ у приводимыхъ славянъ, такъ и у другихъ народностей.

Еще меньше имѣется данныхъ относительно размѣровъ длинныхъ костей туловища. Г. Гамченко опредѣлилъ для древлянскихъ скелетовъ длину рукъ въ 89 см. (или 53,93% роста), а ногъ въ 93 см. (или 56,36%).

B) Строеніе черепа.

a) *Величина черепа (окружности и дуги).*

Размѣры величины черепа мы приводимъ по среднимъ головнымъ окружностямъ: горизонтальной, вертикальной и поперечной. Рядомъ съ восточными славянами мы сопоставляемъ для сравненія другія народности, какъ родственныя, такъ и сосѣднія.

НАРОДНОСТЬ.	МУЖСКІЕ. Окружности. Гориз. Число субъект.	Гориз. Среднее.	Передн. ея часть. Число субъект.	Передн. ея часть. Среднее.	Вертикальная. Число субъект.	Вертикальная. Среднее.	Попер. Число субъект.	Попер. Среднее.	ЖЕН… Окруж… Гориз. Число субъект.	Гориз. Среднее.	Передн. ея часть. Число субъект.	Передн. ея часть. Среднее.
Славяне.												
А) Восточные.												
Древніе Новгородцы	59	515	54	236	63	367	57	311	38	491	36	249
Сѣверяне: a) Курганные	26	512	—	—	25	377	25	301	7	494	—	—
» b) Кладбищенскіе	20	509	—	—	17	360	19	303	3	493	—	—
Поляне: a) г. Кіева	13	514	—	—	13	369	13	305	7	482	—	—
» b) г. Кіева и Кіевскаго уѣзда	15	515	—	—	—	—	—	—	4	503	—	—
Древляне: a) Кіевской губ.	50	504	—	—	—	—	—	—	1	495	—	—
» b) Волынской	8	504	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кривичи: a) западные	6	519	—	—	—	—	—	—	7	494	—	—
» b) восточные	4	518	4	241	5	371	4	300	—	—	1	222
Старин. Московск. кладб. XV—XVIII в.	57	507	55	236	56	363	55	306	58	496	55	232
Современн. русскіе: a) Сѣверн. губ.	160	518	—	—	—	—	—	—	24	504	—	—
» b) Казанск. губ.	53	511	—	—	—	—	—	—	6	498	—	—
Разные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Современные	40	511	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	527	—	—	—	—	—	—	11	505	—	—
Русскіе	32	517	—	—	—	—	—	—	2	493	—	—
Разные	13	518	—	—	—	—	—	—	8	493	—	—
Современные	8	519	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Русскіе	25	523	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
B) Западные.												
Курган. Плоцкіе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Краковскіе мѣщане XVII—XVIII в.	23	515	—	—	—	—	—	—	24	495	—	—
Краковскіе современные	37	513	—	—	—	—	—	—	14	484	—	—
Люблинскіе XVI—XVII в.	22	516	—	—	—	—	22	307	5	485	—	—
Г. Люблина XVIII в.	10	514	—	—	—	—	10	306	16	489	—	—
Г. Люблина XIX в.	3	515	—	—	—	—	3	305	13	490	—	—
Не славянъ, но славянской эпохи.												
Курганные Кіевск. послѣ VI в. по Р. Х.	11	522	—	—	10	367	11	307	5	499	—	—
Меряне (Яросл. и Владим. губ.)	32	521	—	—	33	377	30	307	22	492	—	—
Курганные: a) Мордовск. зем.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» b) Касимовцы	13	511	12	243	18	367	15	303	8	492	9	233
Доисторическ. Тверитяне	22	514	—	—	22	372	23	300	15	502	—	—
Доисторическ. Полтавцы	9	514	—	—	9	372	8	301	3	510	—	—
Эпохи камня и бронзы.												
a) Доисторич. Юго-западн. Руси	16	522	—	—	—	—	—	—	3	495	—	—
b) Кіевляне	6	510	—	—	6	370	6	302	—	—	—	—
Скиео-Сарматская эпоха.												
Кіевской губ.	3	540	—	—	—	—	—	—	2	513	—	—

…СКІЕ.				ИТОГО.								
…ности.				Окружности.								
Вертикальная.		Попер.		Гориз.		Передн. часть.		Вертикальная.		Попер.		Авторъ.
Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	
5	351	32	298	97	505	90	241	88	362	89	307	Иковъ и Тихомировъ.
7	358	7	288	33	508	—	—	32	370	32	298	Богдановъ.
2	365	8	296	23	507	—	—	19	361	22	302	Тихомировъ.
4	347	6	293	20	503	} 508	—	17	366	19	301	Богдановъ.
—	—	—	—	19	513		—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	51	504	} 504	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	8	504		—	—	—	—	—	Гамченко.
—	—	—	—	18	505	} 508	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
1	345	2	285	4	518	5	238	6	367	6	295	Иковъ.
56	347	56	299	115	502	110	234	111	355	111	302	Богдановъ.
—	—	—	—	184	512	—	—	—	—	—	—	Таранецкій.
—	—	—	—	59	510	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
—	—	—	—	15	509	—	—	—	—	—	—	Van der Hoeven.
—	—	—	—	2	520	—	—	—	—	—	—	Retzius.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ландцерръ.
—	—	—	—	19	514	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	34	516	—	—	—	—	—	—	Проценко.
—	—	—	—	21	508	—	—	—	—	—	—	Волькенштейнъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Quatrefages.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
—	—	—	—	9	524	—	—	—	—	—	—	Рутковскій.
—	—	—	—	47	505	—	—	—	—	—	—	Коперницкій.
—	—	—	—	51	505	—	—	—	—	—	—	Олеховичъ.
—	—	5	284	27	510	} 502	—	—	—	27	303 }	Рутковскій.
—	—	16	280	26	498	(69)	—	—	—	26	290 } 296 (6!!)	Олеховичъ.
—	—	13	292	16	495	—	—	—	—	16	294 }	Олеховичъ.
4	353	6	295	16	515	—	—	14	364	17	302	Богдановъ.
19	355	23	291	54	509	—	—	52	368	53	299	Иковъ.
—	—	—	—	6	520	6	252	7	378	8	305	Зографъ.
6	358	11	284	21	504	21	240	24	364	26	295	Зографъ.
16	360	16	285	37	509	—	—	38	367	39	294	Иковъ.
8	374	3	297	12	513	—	—	12	372	12	300	Богдановъ.
—	—	—	—	19	518	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	5	524	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.

НАРОДНОСТЬ.	МУЖСКІЕ. Окружности. Гориз. Число субъект.	Средн.	Передн. ея часть. Число субъект.	Среднее.	Вертикальная. Число субъект.	Среднее.	Попер. Число субъект.	Среднее.	Ж… О… Гориз. Число субъект.	Среднее.	Пе… ея ч… Число субъект.
Полтавской губ.	6	513	—	—	5	382	5	298	5	508	—
	4	527	8	238	3	383	4	304	—	—	1
Обитат. области древн. Сѣверянъ (Суджанское племя)	7	531	7	239	7	386	7	302	10	506	10
Московск. насел. VIII—X в.	72	523	—	—	—	—	55	307	59	504	—
Курганное населеніе Земли Войска Донского	5	518	8	237	2	366	3	312	—	—	—
Населеніе Крыма изъ пещеръ и могилъ	22	523	17	245	16	365	16	305	15	497	14
Древнее населеніе Кавказа: кургановъ и гробницъ	24	525	—	—	22	380	20	310	14	493	—
Современные Абхазцы	10	506	—	—	10	358	10	318	11	485	—
» Натухайцы	14	522	—	—	14	375	14	307	5	497	—
» Шапсуги	28	515	—	—	29	369	28	309	22	443	—
Болгары и Чуваши.											
Древніе Волжскіе Болгары	22	516	—	—	15	379	17	307	10	496	—
Современные Придунайскіе Болгары	18	515	—	—	18	374	18	305	12	495	—
Древніе Чуваши	22	513	—	—	23	363	23	293	22	491	—
Финны.											
Черемисскихъ кладбищъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вотяцкихъ кладбищъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вогулы	24	518	—	—	25	365	24	288	21	502	—
Татары.											
Соврем. Казанскіе	34	509	—	—	34	398	34	302	4	503	—
Хазары.											
Изъ развалинъ древняго города Ателя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Древнее Пріуральское населеніе.											
Башкиры древнихъ кладбищъ	7	517	—	—	8	361	8	307	7	494	—
Ногайскіе ханы	6	528	—	—	6	368	6	307	—	—	—
Курган. Пермской губ.	14	518	—	—	12	360	12	304	5	503	—
Курган. Тобольск. губ.	5	534	5	250	5	385	5	329	—	—	—
Древнее населеніе Забайкальск. обл.											
Курган. эпохи камня	2	528	2	275	2	385	1	320	2	530	2
Похорон. въ срубахъ	12	530	12	266	—	—	11	304	5	519	4
Современн.:											
Калмыки	55	530	55	227	55	363	53	303	12	507	12
Буряты	14	520	14	246	14	364	5	312	5	497	5
Монголы-Халхасцы	17	530	15	248	16	360	15	315	16	492	14

С К I Е.				И Т О Г О.								Авторъ.
н о с т и.				О к р у ж н о с т и.								
ертикаль-ная.		Попер.		Гориз.		Передн. ея часть.		Вертикаль-ная.		Попер.		
Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	
4	370	4	293	11	511	—	—	9	377	9	296	Богдановъ.
—	—	3	300	—	—	—	—	4	337	7	303	Коврайскiй.
9	373	10	291	17	516	17	232	16	379	17	295	Богдановъ.
—	—	46	298	131	514	—	—	—	—	101	303	Богдановъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
13	304	12	296	37	513	31	239	29	337	28	301	Зографъ и Богдановъ.
12	356	13	299	38	513	—	—	34	371	33	306	Богдановъ.
10	349	10	313	21	495	—	—	20	354	20	315	Богдановъ.
5	361	4	292	19	516	—	—	19	371	18	303	
22	355	22	299	50	482	—	—	51	363	50	305	
9	357	10	296	32	509	—	—	24	371	27	303	Тихомировъ.
10	363	12	298	30	507	—	—	28	370	30	302	
23	350	23	286	44	502	—	—	46	357	46	289	Зографъ.
—	—	—	—	17	510	—	—	17	397	17	298	Малiевъ.
—	—	—	—	15	513	—	—	13	402	13	316	
19	356	19	286	45	510	—	—	45	361	43	287	Силиничъ.
4	396	4	303	38	508	—	—	38	398	38	302	Малiевъ.
—	—	—	—	10	509	—	—	15	396	15	311	
7	341	7	288	14	506	—	—	15	351	15	298	Зографъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Малiевъ.
5	348	7	298	19	514	—	—	17	357	19	302	Зографъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	365	2	295	4	529	4	275	4	375	3	303	Талько-Грынцевичъ.
—	—	4	291	17	527	16	264	—	—	15	300	
12	353	12	294	67	521	67	225	67	360	65	303	Ивановскiй.
5	343	3	297	19	516	19	243	19	358	8	306	Талько-Грынцевичъ.
14	350	13	302	33	511	29	245	30	355	28	309	

Разница въ среднихъ размѣрахъ горизонтальной окружности у восточныхъ славянъ колеблется на 4 мм.; у древнихъ Новгородцевъ (505 мм.) и древлянъ (504) отъ 3—4 мм., больше у Сѣверянъ, Полянъ, Кривичей (по 508 мм.). Ихъ черепа на 2—6 мм. превышаютъ старинные черепа Московскихъ кладбищъ XV—XVIII в., Люблинскихъ XVI—XVIII вѣка и черепа древнихъ Чувашей (502 мм.) и на 13—26 мм.—Шапсуговъ (482 мм.) и современныхъ абхазцевъ (495 мм.), не отличаются величиной отъ череповъ Краковскихъ, какъ XVII—XVIII в., такъ и современныхъ (по 505 мм.), а также отъ Мерянскихъ (509 мм.), Касимовскихъ (504 мм.), Тверитянскихъ (509 мм.), Болгарскихъ (507 и 509 мм.), современныхъ татарскихъ (508 мм.), Башкирскихъ (506 мм.) и Хазарскихъ (509 мм.), уступаютъ размѣрами на 7—16 мм. не славянскимъ, но славянской эпохи черепамъ кіевскихъ кургановъ (515 мм.), Мордовскимъ (520 мм.), доисторическимъ Полтавскимъ (513 мм.), эпохи камня и бронзы Ю.-З. Руси (518 мм.), Скиѳо-Сарматск. Полтавск. губ. (511 мм.), Суджанскимъ (514 мм.), Московскимъ VIII—X в. (514 мм.), Донск. курган. (513 мм.), черепамъ Кавказск. курган. и гробницъ (513 мм.), Натухайцкимъ (516 мм.), Вотяцкихъ кладбищъ (513 мм.), Пермскимъ курганнымъ (514 мм.) и Вогульскимъ (510 мм.); еще больше уступаютъ самымъ большимъ по размѣрамъ черепамъ въ вышеприведенной таблицѣ (отъ 20 до 25 мм.), а именно курганнымъ Плоцкимъ (524 мм.), Кіевск. Скиѳо-Сарматск. (524 мм.), а въ особенности черепамъ древняго населенія Забайкальской области (527—529 мм.), современныхъ Калмыковъ (521 мм.), Монголовъ (530 мм.) и Бурятъ (520 мм.).

Разница въ размѣрахъ вертикальной дуги у восточныхъ славянъ колеблется отъ 361 до 370 мм., т.-е. въ предѣлахъ 9 мм. Ихъ черепа мало отличаются отъ череповъ Кіевск. кург. славян. эпохи (364 мм.), Мерянскихъ (368 мм.), Вогульскихъ (361 мм.), Касимовскихъ (364 мм.), Тверскихъ (367 мм.), Кавказскихъ кург. и гробницъ (371 мм.), отъ череповъ современныхъ: Натухайцевъ (371 мм.), Шапсуговъ (363 мм.), Калмыковъ (360 мм.), Халхасцевъ (360 мм.), Бурятъ (364 мм.) и Болгаръ (370—371 мм.); превышаютъ размѣрами (отъ 6—10 мм.) черепа Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. (355 мм.), Абхазцевъ (354 мм.), древнихъ Чувашей (357 мм.), Пермскихъ курган. (357 мм.), Башкировъ древнихъ кладбищъ (351 мм.); на 27—33 мм.—Скифо-Сармат. Полтавской губ. (337 мм.) и Крымскихъ могилъ и кургановъ (337 мм.); уступаютъ на 8—15 мм. Черепамъ Мордовскихъ кургановъ (378 мм.), Полтавскимъ Скифо-Сармат. (377 мм.), Суджанскимъ (379 мм.), Забайкальскимъ (375 мм.), а особенно большимъ по размѣрамъ (отъ 33—42 мм.) древнимъ черепамъ Черемисскимъ (397 мм.), Вотяцкимъ (402 мм.), Хазарскимъ (396 мм.) и современныхъ Татаръ (398 мм.).

Средніе размѣры поперечной дуги колеблются у восточныхъ Славянъ отъ 295 до 307 мм. съ разностью на 12 мм. при наибольшихъ размѣрахъ у Новгородцевъ (307 мм.) и меньшихъ (отъ 295 до 302 мм.) у Сѣверянъ, Полянъ, Кривичей. По сравненію съ другими народностями, у большинства ихъ этотъ размѣръ движется въ такихъ же почти предѣлахъ отъ 294 до 306 мм., а именно: у Люблинскихъ—XVI—XIX в. (296 мм.), у не славянъ, но славянск. эпохи Кіевскихъ кург. (302 мм.), Мерянъ (299 мм.) Мордовской земли (305 мм.), Касимовской (295 мм.), Тверитянъ (294 мм.), доисторич. Полтавцевъ (300 мм.), Скифо-Сарматской эпохи Полтавской губ. (296—303 мм.), у череповъ Крымскихъ пещеръ и могилъ (301 мм.), Кавказскихъ кургановъ и гробницъ (306 мм.), Натухайцевъ (303 мм. Шапсуговъ (305 мм.), Болгаръ (302—303 мм.), Черемисовъ (298 мм.), современныхъ Татаръ (302 мм.), у череповъ Пермскихъ курган. (302 мм.), Башкирскихъ кладбищъ (298 мм.) и Забайкальскихъ могилъ и курган. 300—303 мм.) Они превышаютъ размѣрами на 8—20 мм. лишь Чувашей (289 мм.) и Вогуловъ (287 мм.), а уступаютъ (отъ 4—23 мм.) Хазарамъ (311 мм.), Абхазцамъ (315 мм.) и черепамъ Вотяцкихъ кладбищъ (316 мм.). Въ общемъ, размѣры горизонтальной и вертикальной окружности колеблются въ бо́льшихъ предѣлахъ, нежели размѣры поперечной дуги. При болѣе приближенныхъ къ другимъ народностямъ размѣрахъ горизонтальной и вертикальной окружности (нѣсколько меньшихъ, чѣмъ у современныхъ русскихъ, разныхъ не славянскихъ Кіевскихъ, Суджанцевъ, Московскаго населенія VIII — X в., Донскихъ кург., Кавказскихъ, Натухайцевъ, Мордовск. кург., уступающихъ въ особенности курганнымъ Плоцкимъ и могиламъ и курганамъ Забайкальскимъ) восточные Славяне имѣютъ поперечную дугу нѣсколько короче. По среднимъ размѣрамъ горизонтальная окружность и вертикальная дуга у нихъ средняя, а поперечная малая.

b) *Наибольшій продольный діаметръ черепа.*

Въ предыдущей главѣ мы разсматривали три измѣренія черепа. Но собранный антропометрическій матеріалъ, какъ мы видѣли, оказался не совсѣмъ полнымъ для череповъ всѣхъ приводимыхъ нами народностей, хотя и далъ нѣкоторыя представленія о величинѣ головы. Въ настоящей главѣ, гдѣ мы разсматриваемъ размѣры продольнаго діаметра черепа, мы имѣемъ возможность пользоваться матеріалами, собранными въ большемъ количествѣ и всѣми изслѣдователями, что̀ даетъ возможность судить не только о величинѣ череповъ въ продольномъ направленіи, но также и объ ихъ формѣ. Размѣры наибольшаго продольнаго діаметра черепа мы предпосылаемъ даннымъ о головномъ указателѣ, собранными въ слѣдующей главѣ.

Наибольшій продольный діаметръ.

НАРОДНОСТЬ.	Мужскіе. Число субъект.	Мужскіе. Среднее.	Женскіе. Число субъект.	Женскіе. Среднее.	Общее. Число субъект.	Общее. Среднее.	Авторъ.
Славяне.							
A) Восточные.							
Древніе Новгородцы.	60	184	39	167	99	177	Иковъ и Тихомировъ.
Сѣверяне: a) Курганные	29 } 50	182 } 182	8 } 17	174 } 177	37 } 67	181 } 181	Богдановъ.
» b) Кладбищенскіе	21	182	9	178	30	181	Тихомировъ.
Поляне: a) Курганные Кіева и Кіевск. губ.	15 } 29	183 } 184	5 } 12	177 } 174	20 } 41	182 } 181	Талько-Грынцевичъ.
» b) Кіева: Кладбищ. IX–XI в. .	3	181	3	168	6	174	} Богдановъ.
Кладбищ. XII–XIII в.	11	187	4	176	15	184	
Древляне: a) Кіевской	50 } 57	177 } 177	1 } 2	174 } 174	51 } 59	177 } 177	Талько-Грынцевичъ.
» b) Волынской	7	177	1	174	8	177	Гамченко.
Кривичи: a) Западные	14 } 19	183 } 184	7	169	21	178	Талько-Грынцевичъ.
» b) Восточные	5	187	—	—	—	—	Иковъ.
Московск. кладбищъ XVI–XVIII в.. .	59	179	58	171	117	175	Богдановъ.
Современные русскіе: a) Сѣверн. губ. .	160	175	24	173	184	175	Таранецкій.
» » b) Казанск. губ.	53	176	8	171	61	174	Маліевъ.
» » c) Разныхъ губ. .	—	—	—	—	15	175	Van der Hoeven.
» » » » .	—	—	—	—	2	170	Retzius.
» » » » .	20	180	—	—	—	—	Коперницкій.
» » » » .	8	179	11	173	19	175	Богдановъ.
» » » » .	32	177	2	165	34	176	Проценко.
» » » » .	13	177	8	170	21	174	Волькенштейнъ.
» » » » .	8	180	—	—	—	—	Quatrefages.
» » » » .	—	—	—	—	121	168	Маліевъ.
» » » » .	40	176	—	—	—	—	Ландцертъ.
B) Западные.							
Плоцкіе курганные	—	—	—	—	11	190	Рутковскій.
Краковскіе мѣщ. XVII–XVIII в. . . .	23	180	24	167	47	173	Коперницкій.
Краковскіе современные.	37	175	14	165	51	172	Олехновичъ.
Люблинскіе XVII в.	22	178 } 177	5	166 } 167	27	176 } 175	} Олехновичъ.
Люблинскіе XVIII в.	10	177	16	168	26	171	
Люблинскіе современные.	3	177	13	168	16	170	
Не славянъ, но славянской эпохи.							
Кіевскіе курганные VI в. по Р. Х. . .	12	187	4	180	16	185	Богдановъ.
Меряне Ярославск. и Владимир. губ. .	38	186	28	175	66	181	Иковъ.
Курганн. Мордовскіе	8	187	—	—	—	—	} Зографъ.
» Касимовскіе	19	183	14	175	33	180	
Тверитяне	24	184	21	180	45	182	Иковъ.
Полтавцы	12	182	4	182	16	182	Богдановъ.
Эпохи камня и бронзы.							
Юго-Западной Руси	29 } 36	187 } 187	6	183	35	186	Талько-Грынцевичъ.
Кіевской губ..	7	186	—	—	—	—	Богдановъ.

НАРОДНОСТЬ.	Мужскіе.		Женскіе.		Общее.		Авторъ.
	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	Число субъект.	Среднее.	
Скиео-Сарматской эпохи.							
Кіевской губ.	16	185	2	178	18	183	Талько-Грынцевичъ.
Полтавской губ.	8 6 } 14	183 196 } 188	5 3 } 8	181 192 } 185	13 9 } 22	182 195 } 187	Богдановъ. Ковраискій.
Суджанское племя (Сѣверской области).	7	191	10	180	17	185	} Богдановъ.
Московск. насел. VIII—X в.	78	184	61	176	139	181	
Курганные Земли Войска Донского	5	179	1	184	6	180	Богдановъ.
Крымскихъ пещеръ и могилъ	23	180	17	172	40	177	Зографъ и Богдановъ.
Населеніе Кавказа.							
Кургановъ и гробницъ	24	186	14	172	38	181	} Богдановъ.
Современные Абхасцы	10	175	11	166	21	170	
» Натухайцы	14	188	5	178	19	185	
» Шапсуги	29	181	22	171	51	177	
Древніе Волжскіе Болгары	24	182	12	172	36	179	} Тихомировъ.
Соврем. Придунайскіе Болгары	18	185	12	176	30	181	
Древніе Чуваши	24	179	24	172	48	176	Зографъ.
Финны.							
Древнихъ кладб.: a) Черемисы	—	—	—	—	17	181	} Маліевъ.
» » b) Вотяки	—	—	—	—	15	176	
Татары Казанскіе изъ раскопокъ	—	—	—	—	23	176	} Маліевъ.
Татары Казанскіе современные	11	176	4	176	15	176	
Древніе Хазары	—	—	—	—	15	175	
Древнее Приуральское населеніе.							
Башкиры древнихъ кладбищъ	9	170	7	179	16	175	Зографъ.
Могилы Ногайскихъ хановъ	6	183	—	—	—	—	Маліевъ.
Пермскіе курган.	14	181	5	173	19	179	Зографъ.
Тобольскіе »	5	183	—	—	—	—	Богдановъ.
Населеніе Забайкалья.							
Курганн. древней каменной эпохи	6	175	3	194	9	182	} Талько-Грынцевичъ.
Могилъ съ погребен. въ срубахъ	19	187	6	179	25	185	
Современные Калмыки	—	—	—	—	70	177	Ивановскій.
» Халхасцы	18	181	18	172	36	176	} Талько-Грынцевичъ.
» Буряты	14	180	5	167	19	176	

Къ сожалѣнію, недостатокъ у большинства авторовъ одиночныхъ измѣрительныхъ данныхъ не позволилъ воспользоваться таковыми въ вышеприведенной таблицѣ и распредѣлить числа наибольшаго продольнаго діаметра по ихъ величинѣ. Дѣлаемъ это размѣщеніе, по ихъ среднимъ числамъ, на три группы, причисляя къ первой малые ихъ размѣры до 170 мм., ко второй—средніе отъ 171—185 мм. и къ большимъ—186 мм. и выше.

Къ малымъ размѣрамъ, до 170 мм., принадлежатъ преимущественно женскіе черепа древнихъ Новгородцевъ (167 мм.), Кривичей (169 мм.), въ значительной степени русскіе современные (165—170 мм.) и польскіе: Люблинскіе XVI—XIX в., Краковскіе XVII—XVIII в. и современные

(165—168 мм.). Трудно предполагать, чтобы небольшой размѣръ длины черепа у славянскихъ женщинъ былъ лишь случайнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, чешскій антропологъ Matiejka нашелъ для чешскихъ череповъ XVI в. средній размѣръ мужскихъ—179,7 мм., женскихъ—167,4 мм. Это позволяетъ намъ предположить, что малый размѣръ женскихъ череповъ въ длину—признакъ славянской расы.

Что касается другихъ народностей, то малыми размѣрами обладаютъ лишь женскіе Башкирскіе черепа древнихъ кладбищъ (170 мм.) и современные женскіе Бурятскіе (167 мм.).

Средніе размѣры черепа, отъ 171 до 185 мм., являются наиболѣе распространенными, а именно, у восточныхъ Славянъ: у Новгородцевъ мужск. (184 мм.), Сѣверянъ мужск. (182 мм.) и женск. (177 мм.), Полянъ мужск. (184 мм.) и женск. (174 мм.), Кривичей мужск. (184 мм.), Древлянъ мужск. (177 мм.) и женск. (174 мм.). Мужскіе древлянскіе черепа длиною уступаютъ на 5—7 мм. мужскимъ черепамъ другихъ восточныхъ Славянъ. Къ этой группѣ по среднимъ размѣрамъ принадлежатъ черепа Московскихъ кладбищъ—мужскіе (179 мм.) и женскіе (171 мм.), современные русскіе черепа разныхъ губерній—мужскіе (175—180 мм.) и нѣкоторыхъ губерній—женскіе (173 мм.), Польскіе черепа (Люблинскіе, Краковскіе XVI—XIX в.), мужскіе такихъ же размѣровъ, какъ и русскіе современные (175—180 мм.), не славянъ, но славянской эпохи: Кіевскіе курганные женскіе (180 мм.), Мерянскіе женскіе (175 мм.), Касимовскіе мужскіе (183 мм.) и женскіе (175 мм.), Тверскіе мужскіе (184 мм.) и женскіе (180 мм.) и Полтавскіе мужск. и женск. (по 182 мм.), эпохи камня и бронзы—Юго-Западной Руси женск. (183 мм.), Скиѳо-Сарматской эпохи Кіевск. мужск. (185 мм.) и женск. (178 мм.), Полтавскіе женск. (185 мм.), Суджанскіе женск. (180 мм.), Московское населеніе VIII—X в. мужск. (184 мм.) и женск. (176 мм.), курган. Земли Войска Донского мужск. (179 мм.) и женск. (184 мм.), Крымскихъ пещеръ и могилъ мужск. (180 мм.) и женск. (172 мм.), Кавказскихъ кургановъ и гробницъ мужск. (186 мм.), женск. (172 мм.), современныхъ Абхасцевъ мужск. (175 мм.), Натухайцевъ женск. (178 мм.), Шапсуговъ мужск. (181 мм.) и женск. (171 мм.), Волжскихъ Болгаръ мужск. (182 мм.) и женск. (172 мм.), Чувашей мужск. (179 мм.) и женск. (172 мм.), современныхъ Придунайскихъ Болгаръ мужск. (185 мм.), женск. (176 мм.), курган. Пермскихъ мужск. (181 мм.), женск. (173 мм.), курган. Тобольскихъ мужск. (183 мм.), Башкирскихъ древн. кладбищъ мужск. (179 мм.), Ногайскихъ хановъ мужск. 381)· мм.), древнихъ Забайкальскихъ курган. мужскихъ (175 мм.), Забайкальскихъ могилъ въ срубахъ женск. (179 мм.), современныхъ Калмыковъ 177 мм.), Халхасцевъ и Бурятъ мужск. (181—180 мм.) и Халхасцевъ (женск. (172 мм.).

Къ большимъ размѣрамъ, 186 мм. и выше, принадлежатъ только не славянскіе, но славянской эпохи: Кіевскіе мужск. (187 мм.), Мерянскіе мужск. (186 мм.), Мордовскіе мужскіе (187 мм.), далѣе—эпохи камня и бронзы: Юго-Западной Руси мужск. (187 мм.), Скиѳо-Сарматской эпохи: Полтавскіе мужск. (188 мм.), Суджанскіе мужск. (191 мм.), Кавказскихъ кугановъ и гробницъ мужск. (186 мм.), современныхъ Натухайцевъ мужскіе (188 мм.), древнихъ курган. Забайк. женск. (194 мм.) и Забайкальскихъ могилъ въ срубахъ мужск. (186 мм.).

Что же касается вообще средняго размѣра наибольшаго продольнаго діаметра, то у древнихъ восточныхъ славянъ онъ 177—181 мм., у Новгородцевъ 177 мм., Кривичей—178 мм. и Древлянъ 177 мм. и на 3—5 мм. больше у Сѣверянъ (181 мм.) и Полянъ (182 мм.). Среднимъ размѣромъ эти черепа превосходятъ современные русскіе черепа (174—176 мм.), черепа Московскихъ кладбищъ XV—XVIII в. (175 мм.), Польскіе черепа XVI—XIX в. (170—176 мм.).

Кромѣ Плоцкихъ (190 мм.) и современныхъ Абхасцевъ (170 мм.), не отличаются отъ Касимовскихъ (180 мм.), Мерянъ (181 мм.), Московскихъ VIII—X в. (181 мм.), Курган. Земли Войска Донского (180 мм.), Крымскихъ пещеръ и могилъ (177 мм.), современныхъ Шапсуговъ (177 мм.), Волжскихъ Болгаръ (179 мм.), Чувашей (176 мм.), соврем. Придунайскихъ Болгаръ (181 мм.), древнихъ кладбищъ Черемисскихъ (181 мм.) и Вотяцкихъ (176 мм.), древн. Хазаръ (175 мм.), Татаръ Казанскихъ (175 мм.), Пермскихъ курган. (179 мм.) и Башкирскихъ кладбищъ (175 мм.); уступаютъ не славянскимъ, но славянской эпохи черепамъ Кіевскимъ (185 мм.), Тверскимъ (182 мм.), Полтавскимъ (182 мм.), эпохи камня и бронзы Юго-Западной Руси (186 мм.), Скиѳо-Сарматской эпохи Кіевск. (183 мм.) и Полтавскимъ (187 мм.), Суджанскимъ (185 мм.), Московскаго населенія VIII—X в. (181 мм.), черепамъ соврем. Натухайцевъ (185 мм.), Забайкальскихъ древнихъ курган. (182 мм.) и могилъ въ срубахъ (184 мм.).

Изъ всего сказаннаго мы можемъ придти къ такому выводу: восточные Славяне имѣютъ наибольшій продольный діаметръ среднихъ размѣровъ, и женскіе черепа на 6 — 17 мм. короче мужскихъ. По сравненію съ другими, они небольшихъ размѣровъ и ближе всего къ современнымъ Русскимъ и Польскимъ, древнимъ Крымскимъ, Кавказскимъ, черепамъ Волжскихъ Болгаръ, Чувашей, Башкировъ, Финновъ и древняго Пріуральскаго населенія и уступаютъ черепамъ большихъ размѣровъ народовъ, жившихъ одновременно съ ними на этой же территоріи въ Кіевской губ., Мерянскимъ, Мордовскимъ, какъ и эпохи камня и бронзы и Скиѳскимъ въ Кіевской и Полтавской губ., Суджанскимъ и древнимъ Забайкальскимъ.

Г О Л О В Н О Й

	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Мужскіе.	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Женскіе.	Итого. Число наблюденій.	Итого. Среднее.	Мужскіе. Долихокефал.	Мужскіе. Наст. долихокеф. до 74.	Мужскіе. Субдолихокеф. 75—77.	Мужскіе. Мезатикефал.	Мужскіе. Суббрахикеф. 81—84.	Мужскіе. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Мужскіе. Брахикефал.	Женскіе. Долихокефал.	Женскіе. Наст. долихокеф. до 74.	Женскіе. Субдолихокеф. 75—77.	Женскіе. Мезатикефал.	Женскіе. Суббрахикеф. 81—84.	Женскіе. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Женскіе. Брахикефал.	Итого. Долихокефал.	Итого. Наст. долихокеф. до 74.	Итого. Субдолихокеф. 75—77.	Итого. Мезатикефал.	Итого. Суббрахикеф. 81—84.	Итого. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Итого. Брахи…
Славяне.																											
А) Восточные.																											
Древніе Новгородцы	60	77,7	39	83,8	99	79,1	23	6	17	16	16	5	21	8	3	5	6	16	9	25	31	9	22	22	32	14	46
Сѣверяне:																											
a) Курганные	29 } 50	75,3 } 77,5	8 } 17	76,4 } 81,9	37 } 67	75,1 } 78,4	25	11	14	1	2	—	2	5	2	3	3	—	—	—	30	13	17	4	2	—	2
b) Кладбищенскіе	21	79,7	9	88,2	30	82,3	6	3	3	4	6	5	11	1	—	1	3	3	2	5	7	3	4	7	9	7	16
Поляне:																											
a) Курганные	15 } 29	76,6 } 76,6	5 } 12	75 } 78,2	20 } 41	75,9 } 76,4	12	6	6	1	2	—	2	4	3	1	1	—	—	—	16	9	7	2	2	—	2
b) Кладбищенскіе IX–XI в.	3	81,2	3	80,9	6	77,4	1	1	—	—	1	1	2	—	—	—	1	2	—	2	1	1	—	1	3	1	4
XII–XIII в.	11	75,9	4	79,5	15	76,6	5	3	2	4	2	-	2	2	2	—	—	—	2	2	7	5	2	4	2	2	4
Древляне:																											
a) Кіевскіе	50	—	1	—	51	78,3 } 77,8	49	7	42	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	50 } 57	7 } 11	43 } 46	1 } 2	—	—	—
b) Волынскіе	—	—	—	—	7	74,8 (59)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	4	3	1	—	—	—
Кривичи:																											
a) Западные	9	77,7 } 76,3	7	79,5	16	78,5	5 } 9	4 } 7	1 } 2	1 } 1	3 } 4	—	3 } 4	2	2	—	2	3	-	3	7	6	1	3	6	—	
b) Восточные	5	73,8	—	—	—	—	4	3	1		1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московск. кладбищъ XVI–XVIII в.	59	78,8	58	81,3	117	80	12	4	8	33	10	4	14	7	1	6	21	21	9	30	19	5	14	54	31	13	44
Современные русскіе:																											
a) Сѣверн. губ.	160	81,1	24	80,3	184	81	—	—	—	55	105	—	105	2	—	2	3	19	—	19	2	—	2	58	124	—	124
b) Казанск. губ.	53	80,7	8	81,4	61	80,4	13	5	8	17	16	7	23	1	—	1	3	4	—	4	14	5	9	20	20	7	27
c) Разныхъ губ.	—	—	—	—	121	80,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33	5	28	33	39	16	55
» »	20	78,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» »	8	79	11	79	19	79	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» »	32	80,7	2	83,6	34	80,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» »	13	80,9	8	79,9	21	80,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» »	8	81,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» »	40	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	37,5	81,3	51	80,3	289	80,9																					
B) Западные.																											
Плоцкіе курганы.	—	—	—	—	11	71,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	10	1	—	—	—	—
Краковскіе XVII–XVIII в.	23	82,3	24	82,8	47	82,6	4	—	4	5	6	8	14	—	—	—	5	11	8	19	4	—	4	10	17	16	33
Современные.	37	83,0	14	83,7	51	83,2	1	1	–	5	13	18	31	—	—	—	4	4	6	10	1	1	—	9	17	24	41

У К А З А Т Е Л Ь.

В ъ п р о ц е н т а х ъ.																					
Мужскіе.							Женскіе.							Итого.							
…	Наст. долихокеф. до 74.	Субдолихокеф. 75—77.	Мезатикефал.	Суббрахикеф. 81—84.	Наст. брахикеф. 85 и выше.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф.	Субдолихокеф.	Мезатикефал.	Суббрахикеф.	Наст. брахикеф.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф.	Субдолихокеф.	Мезатикефал.	Суббрахикеф.	Наст. брахикеф.	Брахикефал.	
…,3	10	28,3	26,7	26,7	8,3	35	20,5	7,7	12,8	15,4	41	23	64,1	31,3	9,1	22,2	22,2	32,2	14,1	46,5	Иковъ и Тихомировъ.
…,3	39,8	50	3,57	7,14	—	7,14	62,5	25	37,5	37,5	—	—	—	83,3	36,1	47,2	11,1	5,5	—	5,5	Богдановъ.
…,6	14,3	14,3	19	28,6	23,8	52,4	11,1	—	11,1	33,3	33,3	22,2	55,5	23,3	10	13,8	23,3	30	23,3	53,3	Тихомировъ.
…0	40	40	6,7	13,3	—	13,3	80	60	20	20	—	—	—	80	45	35	10	10	—	10	Т.-Грынцевичъ.
…,3	33,3	—	—	33,3	33,3	66,6	—	—	—	33,3	66,6	—	66,6	16,7	16,7	—	16,7	50	16,7	66,7	} Богдановъ.
…,4	27,3	18,2	36,4	18,2	—	18,2	50	50	—	—	—	50	50	46,7	33,3	13,3	26,7	13,3	13,3	26,7	
…8	14	84	2	—	—	—	100	—	100	—	—	—	—	87,5 98 } 96,6	50 13,7 } 18,6	37,5 84,3 } 78	12,5 2 } 3,4	—	—	—	Т.-Грынцевичъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—					—	—	—	Гамченко.
} 56,2	60 44,4 } 43,7	20 11,1 } 12,5	— 11,1 } 6,2	20 33,3 } 28,6	—	20 33,3 } 28,6	28,6	28,6	—	28,6	—	42,9	42,9	43,7	37,5	6,2	18,7	37,5	—	37,5	Т.-Грынцевичъ.
					—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
…,3	6,8	13,5	55,9	16,9	6,8	23,7	12,1	1,7	10,3	36,2	36,2	15,5	51,7	16,2	4,3	12	46,1	26,5	11,1	37,6	Богдановъ.
–	—	—	34,4	65,6	—	65,6	8,3	—	8,3	12,5	79,2	—	79,2	1,1	—	1,1	31,5	67,4	—	67,4	Таранецкій.
…,5	9,4	15,1	32,1	30,2	13,2	43,4	12,5	—	12,5	37,5	50	—	50	22,9	8,2	14,7	32,8	32,8	11,5	44,3	Малiевъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27,3	4,1	23,1	27,3	32,2	13,2	45,4	Малiевъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Коперницкій.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Проценко.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Волькенштейнъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Quatrefages.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ландцертъ.
–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	90,9	9,1	—	—	—	—	Рутковскій.
…4	—	17,4	21,7	26,1	34,8	60,9	—	—	—	20,8	45,8	33,3	79,1	8,5	—	8,5	21,3	36,2	34,0	70,2	Коперницкій.
…7	2,7	—	13,5	35,1	48,6	83,7	—	—	—	28,6	28,6	42,8	71,4	2,0	2,0	—	17,6	33,3	47,0	80,3	Олеховичъ.

	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Мужскіе.	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Женскіе.	Итого. Число наблюденій.	Итого. Среднее.	Въ абсолютныхъ числахъ. Мужскіе. Долихокефал.	Мужскіе. Наст. долихокеф. до 74.	Мужскіе. Субдолихокеф. 75—77.	Мужскіе. Мезатикеф.	Мужскіе. Суббрахикеф. 81—84.	Мужскіе. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Мужскіе. Брахикефал.	Женскіе. Долихокефал.	Женскіе. Наст. долихокеф. до 74.	Женскіе. Субдолихокеф. 75—77.	Женскіе. Мезатикеф.	Женскіе. Суббрахикеф. 81—84.	Женскіе. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Женскіе. Брахикефал.	Итого. Долихокефал.	Итого. Наст. долихокеф. до 74.	Итого. Субдолихокеф. 75—77.	Итого. Мезатикеф.	Итого. Суббрахикеф. 81—84.	Итого. Наст. брахикеф. 85 и выше.
Люблинскіе XVI–XVII в.	16	81,6	5	82,2	21	81,7	2	2	—	3	6	5	11	1	—	1	1	2	1	3	3	2	1	4	8	6
XVIII в.	10 } 29	83,0 } 81,7	16 } 34	82,8 } 82,6	26 } 63	82,9 } 82,3	—	—	—	2	7	1	8	2	—	2	2	8	4	12	2	—	2	4	15	5
XIX в.	3	81,8	13	82,4	16	82,3	—	—	—	1	2	—	2	2	—	2	4	3	4	7	2	—	2	5	5	4
Не славянъ, но славянской эпохи.																										
Кіевскіе курганы.	12	78,1	4	77,5	16	77,9	7	2	5	2	2	1	3	2	1	1	1	1	—	1	9	3	6	3	3	1
Мерянскіе	29	75,5	27	77,6	56	76,5	24	15	9	3	1	1	2	13	7	6	7	6	1	7	37	22	15	10	7	2
Мордовскіе	6	76,5	—	—	—	—	4	2	2	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Касимовскіе	13	77,5	11	78,4	24	77,9	5	2	3	5	3	—	3	5	2	3	2	4	—	4	10	4	6	7	7	—
Тверитяне	24	75,3	17	74,9	41	75,1	19	12	7	1	4	—	4	11	11	—	3	3	—	3	30	23	7	4	7	—
Полтавскіе	12	76,2	4	74,5	16	75,8	9	5	4	1	2	—	2	3	2	1	1	—	—	—	12	7	5	2	2	—
Эпохи камня и бронзы.																										
Юго-Западной Руси	27	76,5	7	78,4	34	76,7	20	17	3	—	4	3	7	4	3	1	—	1	2	3	24	20	4	—	5	5
Кіевскіе	6	76,7	—	—	—	—	4	2	2	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скифо-Сарматской эпохи.																										
Кіевскіе[1]	5	76,5	2	80,9	7	77,8	3	2	1	1	1	—	1	—	—	—	1	—	1	1	5	2	1	2	1	1
Полтавскіе	8	72,1	5	72,9	13	72,4	7	6	1	—	—	1	1	5	4	1	—	—	—	—	12	10	2	—	—	1
»	3	73,3	1	76	4	74	3	3	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	4	4	—	—	—	—
Суджинское племя (Сѣверской обл.)	7	69,6	10	72,3	17	71,2	7	7	—	—	—	—	—	10	8	2	—	—	—	—	17	15	2	—	—	—
Московское населеніе VIII–X в.	69	74	61	74,4	130	74,2	61	52	9	3	5	—	5	52	32	20	7	2	—	2	113	84	29	10	7	—
Курганное населеніе Земли Войска Донского.	4	83,5	1	72	5	81,2	1	—	1	—	1	2	3	1	1	—	—	—	—	—	2	1	1	—	1	2
Крымскихъ пещеръ и могилъ.	21	81,2	16	82,2	37	81,6	6	3	3	5	5	5	10	4	2	2	—	5	7	12	10	5	5	5	10	12
Населеніе Кавказа.																										
Древнихъ кургановъ и могилъ	23	77	12	78,9	35	77,7	14	8	6	3	3	3	6	5	4	1	2	3	2	5	19	12	7	5	6	5
Современные:																										
Абхасцы	10	83,7	11	86,4	21	85,1	—	—	—	—	5	5	10	—	—	—	—	3	8	11	—	—	—	—	8	13
Натухайцы	14	75,2	5	75,6	19	75,3	12	8	4	1	1	—	1	4	3	1	1	—	—	—	16	11	5	2	1	—
Шапсуги	28	78	22	81,2	50	79,4	14	8	6	7	5	2	7	2	—	2	11	5	4	9	16	8	8	18	10	6

Въ процентахъ.

Мужскіе. Долихокефал.	Мужскіе. Наст. долихокеф. до 74.	Мужскіе. Субдолихокеф. 75—77.	Мужскіе. Мезатикеф.	Мужскіе. Суббрахикеф. 81—84.	Мужскіе. Наст. брахикеф. 85 и выше.	Мужскіе. Брахикефал.	Женскіе. Долихокефал.	Женскіе. Наст. долихокеф.	Женскіе. Субдолихокеф.	Женскіе. Мезатикеф.	Женскіе. Суббрахикеф.	Женскіе. Наст. брахикеф.	Женскіе. Брахикефал.	Итого. Долихокефал.	Итого. Наст. долихокеф.	Итого. Субдолихокеф.	Итого. Мезатикеф.	Итого. Суббрахикеф.	Итого. Наст. брахикеф.	Итого. Брахикефал.	
12,5	12,5	—	18,7	37,4	31,2	68,7	20	—	20	20	40	20	60	14,3	9,5	4,8	19,0	38,1	28,6	66,7	Олехновичъ.
—	—	—	20	70	10	80	12,5	—	12,5	12,5	50	25	75	7,7	—	7,7	15,4	57,7	19,2	76,9	
—	—	—	33,3	66,6	—	66,6	15,4	—	15,4	30,8	23,1	30,8	53,9	12,5	—	12,5	31,2	31,2	25	56,2	
58,3	16,7	41,7	16,7	16,7	8,3	25,0	50	25	25	25	25	—	25	56,2	18,7	37,5	18,7	18,7	6,2	24,9	Богдановъ.
82,7	51,7	31	10,3	3,4	3,4	6,8	48,1	25,9	22,2	25,9	22,2	3,7	25,9	66,1	39,3	26,8	17,9	12,5	3,6	16,1	Иковъ.
66,7	33,3	33,3	16,7	16,7	—	16,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
38,5	15,4	23,1	38,5	23	—	23	45,4	18,2	27,3	18,2	36,3	—	36,3	41,7	16,7	25	29,2	29,2	—	29,2	
79,2	50	29,2	4,1	16,7	—	16,7	64,8	64,8	—	17,6	17,6	—	17,6	73,2	56,1	17,1	9,7	17,1	—	17,1	Иковъ.
75	41,7	33,3	8,3	16,7	—	16,7	75	50	25	25	—	—	—	75	43,8	31,2	12,5	12,5	—	12,5	Богдановъ.
74,1	63	11,1	—	14,8	11,1	25,9	57,1	42,8	14,3	—	14,3	28,6	42,9	70,6	58,8	11,8	—	14,7	14,7	29,4	Т.-Грынцевичъ.
66,7	33,3	33,3	16,6	16,6	—	16,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
60	40	20	20	20	—	20	—	—	—	50	—	50	50	42,8	28,5	14,3	28,6	14,3	14,3	28,6	Т.-Грынцевичъ.
87,5	75	12,5	—	—	12,5	12,5	100	80	20	—	—	—	—	92,3	76,9	15,4	—	—	7,6	7,6	Богдановъ.
100	100	—	—	—	—	—	100	100	—	—	—	—	—	100	100	—	—	—	—	—	Коврайскій.
100	100	—	—	—	—	—	100	80	20	—	—	—	—	100	88,2	11,8	—	—	—	—	Богдановъ.
88,4	75,4	13,0	4,3	7,2	—	7,2	85,2	52,4	32,8	11,5	3,3	—	3,3	86,9	64,6	22,3	7,7	5,4	—	15,4	
25	—	25	—	25	50	75	100	100	—	—	—	—	—	40	20	20	—	20	40	60	Иковъ.
28,6	14,3	14,3	23,8	23,8	23,8	47,6	25	12,5	12,5	—	31,2	43,7	74,9	27	13,5	13,5	13,5	27	32,4	59,4	Зографъ и Тихомировъ.
60,9	34,8	26,1	13	13	13	26	41,7	33,3	8,3	16,7	25	16,7	41,7	54,3	34,3	20	14,3	17,1	14,3	31,4	Богдановъ.
—	—	—	—	50	50	100	—	—	—	—	27,3	72,7	100	—	—	—	—	38,1	61,9	100	
85,7	57,1	28,6	7,1	7,1	—	7,1	80	60	20	20	—	—	—	84,2	57,9	26,3	10,5	5,3	—	5,3	
50	28,6	21,4	25	17,9	7,1	25	9,1	—	9,1	50	22,7	18,2	40,9	32	16	16	36	20	12	32	

	Среднее.				Итого.		Въ абсолютныхъ числахъ.																				
							Мужскіе.							Женскіе.							Итого.						
	Число наблюденій.	Мужскіе.	Число наблюденій.	Женскіе.	Число наблюденій.	Среднее.	Долихокефал.	Наст. долихокеф. до 74.	Субдолихокеф. 75—77.	Мезатикеф.	Суббрахикеф. 81—84.	Наст. брахикеф. 85 и выше.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф. до 74.	Субдолихокеф. 75—77.	Мезатикеф.	Суббрахикеф. 81—84.	Наст. брахикеф. 85 и выше.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф. до 74.	Субдолихокеф. 75—77.	Мезатикеф.	Суббрахикеф. 81—84.	Наст. брахикеф. 85 и выше.	[illegible]
Болгары.																											
Древніе Волжскіе	24	76,5	10	79,9	34	77,5	18	10	8	3	1	2	3	3	—	3	3	3	1	4	21	10	11	6	4	3	[illegible]
Современные Придунайскіе	18	75,5	12	76,9	30	76,1	12	9	3	4	2	—	2	6	4	2	2	3	1	4	18	13	5	6	5	1	[illegible]
Финно-Угры.																											
Кладбища																											
Чуваши	24	77,3	24	77,2	48	77,3	13	4	9	10	1	—	1	13	5	8	10	1	—	1	26	9	17	20	2	—	[illegible]
Черемисы	—	—	—	—	17	70,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	6	6	3	1	1	[illegible]
Вотяки	—	—	—	—	15	81,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	1	4	5	2	[illegible]
Соврем. Вогулы	25	78,3	21	78,4	45	78,3	15	7	8	5	1	4	5	12	5	7	3	4	2	6	27	12	15	8	5	6	[illegible]
Татарск. изъ раскопокъ	—	—	—	—	23	77,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	5	9	6	3	—	[illegible]
Соврем. Казанск. татары	11	82	4	80	15	81,4	2	—	2	3	3	3	6	—	—	—	2	2	—	2	2	—	2	5	5	3	8
Хозары (развал. древняго города Ателя)	—	—	—	—	15	83,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	7	4	11
Древнее Пріуральское населеніе.																											
Башкиры древнихъ кладбищъ	9	80,5	7	81,8	16	81,1	1	1	—	4	3	1	4	1	—	1	2	1	3	4	2	1	1	6	4	4	[illegible]
Могилы Ногайск. хановъ Уфимск. губ.	6	81,3	—	—	—	—	—	—	—	2	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	[illegible]
Пермскіе курганные	14	79,8	5	80,4	19	79,6	4	—	4	5	5	—	5	—	—	—	2	3	—	3	4	—	4	7	8	—	[illegible]
Тобольскіе курганные	5	78,6	—	—	—	—	2	—	2	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	[illegible]
Древнее Забайк. населеніе.																											
Кург. эпохи камня	6	88,1	3	78,7	9	80,3	3	1	2	—	—	3	3	3	2	1	—	—	—	—	6	3	3	—	—	3	[illegible]
Могил. съ погреб. въ срубахъ	19	78,6	6	79,2	25	78,9	6	4	2	8	4	1	5	2	—	2	2	1	1	2	8	4	4	10	5	2	[illegible]
Современные Калмыки	—	—	—	—	81	82,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	2	8	13	30	26	[illegible]
Буряты	14	86,6	5	85,2	19	84,8	—	—	—	—	5	9	14	—	—	—	—	2	3	5	—	—	—	—	7	12	[illegible]
Халхасцы	18	84,3	18	84,5	36	84,4	—	—	—	4	4	10	14	—	—	—	1	5	12	17	—	—	—	5	9	22	31

Въ процентахъ.																					
Долихокефал.	Наст. долихокеф. до 74.	Субдолихокеф. 75—77.	Мезатикеф.	Суббрахикеф. 81—84.	Наст. брахикеф. 85 и выше.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф.	Субдолихокеф.	Мезатикеф.	Суббрахикеф.	Наст. брахикеф.	Брахикефал.	Долихокефал.	Наст. долихокеф.	Субдолихокеф.	Мезатикеф.	Суббрахикеф.	Наст. брахикеф.	Брахикефал.	
Мужскіе.							Женскіе.							Итого.							
75	41,7	33,3	12,5	4,2	8,3	12,5	30	—	30	30	30	10	40	61,8	29,4	32,3	17,6	11,8	8,8	20,5	Тихомировъ.
66,7	50	16,7	22,2	11,1	—	11,1	50	33,3	16,7	16,7	25	8,33	33,3	60	43,3	16,7	20	16,7	3,3	20	
54,2	16,7	37,5	41,6	4,2	—	4,2	54,1	20,8	33,3	41,7	4,2	—	4,2	54,1	18,7	35,4	41,6	4,2	—	4,2	Зографъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70,6	35,3	35,3	17,6	5,9	5,9	11,8	Маліевъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26,7	20	6,7	26,7	33,3	13,3	46,6	
60,0	28,0	32,0	20,0	4,0	16,0	20,0	57,1	23,8	33,3	14,3	19,0	9,5	28,5	60	26,7	33,3	17,8	11,1	13,3	24,4	Силиничъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60,9	21,7	39,1	26,1	13	—	13	Маліевъ.
18,2	—	18,2	27,3	27,3	27,3	54,6	—	—	—	50	50	—	50	13,3	—	13,3	33,3	33,3	20	53,3	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26,6	46,7	26,6	73,3	
11,1	11,1	—	44,4	33,3	11,1	44,4	14,3	—	14,3	28,6	14,3	42,8	57,1	12,5	6,2	6,2	37,5	25	25	50	Зографъ.
—	—	—	33,3	66,7	—	66,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
28,6	—	28,6	35,7	35,7	—	35,7	—	—	—	40	60	—	60	21	—	21	36,8	42,1	—	42,1	Зографъ.
40	—	40	40	—	20	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
50	16,7	33,3	—	—	50	50	100	66,7	33,3	—	—	—	—	66,6	33,3	33,3	—	—	33,3	33,3	Талько-Грынцевичъ.
31,6	21,0	10,5	42,1	21,0	5,3	26,3	33,3	—	33,3	33,3	16,7	16,7	33,3	32,0	16,0	16,0	40,0	20,0	8,0	28,0	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12,6	2,5	10,1	16,5	38,0	32,9	70,9	Ивановскій.
—	—	—	—	35,7	64,3	100,0	—	—	—	—	40,0	60,0	100,0	—	—	—	—	36,8	63,2	100	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	22,2	22,2	55,5	77,7	—	—	—	5,5	27,8	66,7	94,5	—	—	—	13,9	25,0	61,1	86,1	*)

*) Мы приводимъ по И. П. Силиничу (см. его «Вогулы», l. c.) распредѣленіе череп-

c) Головной указатель, или отношеніе наибольшаго поперечнаго къ наибольшему продольному діаметру.

Головной указатель указываетъ намъ не величину, какъ прежнія измѣренія, а форму, являющуюся однимъ изъ главныхъ отличительныхъ антропологическихъ признаковъ строенія черепа. На этотъ признакъ больше всего обращали вниманіе всѣ изслѣдователи, и поэтому наши данныя о немъ болѣе полны. Зная, что не меньшее значеніе имѣютъ не только среднія цифры головныхъ указателей, но и группировка отдѣльныхъ ихъ чиселъ, мы въ приводимой ниже таблицѣ, рядомъ съ числомъ изслѣдованныхъ отдѣльно мужчинъ, женщинъ и общаго числа, сопоставляемъ среднее, minimum и maximum вмѣстѣ съ краніологической группировкой отдѣльныхъ формъ черепа въ абсолютныхъ числахъ и въ процентахъ.

По среднему головному указателю древніе восточные Славяне суб-долихо—и мезокефалы. Головной указатель у нихъ колеблется отъ 76,4 до 79,1. Типъ средній мужскихъ череповъ приближается болѣе къ длинноголовому, тогда какъ женскій къ короткоголовому. Это замѣтно выступаетъ не только въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в., но и у современныхъ русскихъ разныхъ губерній. Такой разницы между полами мы не замѣчаемъ между польскими черепами, Краковскими и Люблинскими, напротивъ, она рѣзко выступаетъ въ черепахъ древнихъ народовъ, жившихъ на территоріи восточныхъ Славянъ, и у этихъ послѣднихъ.

По среднему головному указателю поддлинноголовы Поляне (76,4) и Древляне (77,8), болѣе среднеголовы Сѣверяне (78,4), Кривичи (78,5), а

ныхъ указателей интересующихъ насъ народовъ краніологической коллекціи Казанскаго университета.

	Пермяки. 22	Мордва. 25	Чуваши. 47	Черемисы. 17	Вотяки. 11	Меря. 29	Хазары. 19	Болгары. 35	Тюрки. 26	Эсты. 86	Пермяки.	Мордва.	Чуваши.	Черемисы.	Вотяки.	Меря.	Хазары.	Болгары.	Тюрки.	Эсты.
	Въ абсолютныхъ числахъ.										въ %.									
Долихокефалы	6	3	23	10	4	18	1	21	12	18	27,3	12,0	48,9	58,8	36,4	62,1	5,3	60,0	46,2	20,9
Наст. долихок.	4	2	11	6	—	15	1	12	6	—	18,2	80,0	23,4	35,3	—	51,7	5,3	34,3	23,1	—
Субдолихокеф.	2	1	12	4	4	3	—	9	6	—	9,1	40,0	25,5	23,5	36,4	10,3	—	25,7	23,1	—
Мезотикефалы	5	5	8	3	3	6	4	7	9	51	22,7	20,0	17,0	17,6	27,3	20,7	21,0	20,0	34,6	59,3
Суббрахикефалы	9	2	10	3	3	4	4	7	4	—	40,9	8,0	21,2	17,6	27,3	13,8	21,0	20,0	15,4	—
Наст. брахик.	8	15	6	1	1	1	10	—	1	—	36,4	60,0	12,8	5,9	9,1	3,4	52,6	—	38	—
Брахикефалы	17	17	16	4	4	5	14	7	5	17	77,3	68,0	34,0	23,5	36,4	17,2	73,6	20,0	19,2	19,8

въ особенности Новгородцы (79,1) и черепа Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII вѣка (80). Разница въ среднемъ указателѣ выступаетъ у одного и того же племени въ разныя эпохи его историческаго существованія. Такъ, напр., когда средній головной указатель Сѣверянъ курганныхъ—поддлинноголовый (75,1), у болѣе позднихъ кладбищенскихъ—подкороткоголовый (82,3), у Полянъ съ IX по XIII вѣкъ длинноголовость уменьшается, когда головной указатель курганныхъ череповъ 75,9, въ кладбищенскихъ онъ колеблется отъ 77,7 до 81. Не говоря уже объ эпохахъ, такая же разница замѣчается и въ черепномъ типѣ одного и того же племени; такъ, Древляне, похороненные въ Кіевской губ., среднеголовы (78,3), а въ Волынской приближаются къ поддлинноголовымъ (74,8); Кривичи западные (Виленской губ.) среднеголовы (78,5), восточные (Смоленской губ.) приближаются къ длинноголовымъ. Современные русскіе черепа по своему головному указателю среднеголовы съ наклонностью къ брахикефаліи (80,9). Польскія племена, за исключеніемъ самыхъ древнихъ Плоцкихъ курганныхъ, крайне длинноголовы (71,9); съ XVI—XIX в., какъ и современные, являются подкороткоголовыми (81,7 — 83,2), и короткоголовый типъ къ нашей эпохѣ выступаетъ болѣе рѣзко. Они своей короткоголовостью превышаютъ почти всѣ древніе народы Восточной Европы, преимущественно поддлинно—или крайне—длинноголовые, кромѣ нѣкоторыхъ народовъ юга, курган. насел. Земли Войска Донского (81,2), населенія Крымскихъ пещеръ и могилъ (81,6), Хазарскихъ череповъ (83,5), Вотяцкихъ кладбищъ (81,1), современныхъ Казанскихъ татаръ (81,4) Абхазцевъ (85,1), Калмыковъ (82,1), Халхасцевъ (84,4) и Бурятъ (84,8).

Разсматривая теперь Восточныхъ Славянъ по типамъ череповъ, распредѣленныхъ по отдѣльнымъ краніологическимъ группамъ, мы увидимъ, что это распредѣленіе весьма разнится у отдѣльныхъ племенъ. У Древлянъ выступаетъ преобладающимъ типъ длинноголовый (96,6%), какъ и у курганныхъ Полянъ (80%) и Сѣверянъ (83,3%). У другихъ выступаетъ большое смѣшеніе типовъ съ преобладаніемъ того или другого, при большемъ или меньшемъ смѣшанномъ, среднеголовомъ. У Кривичей и кладбищенскихъ Полянъ XII—XIII в. постояннѣе выступаетъ типъ длинноголовый (43,7% и 46,7%), тогда какъ у Полянъ IX—XI в. болѣе замѣтенъ короткоголовый (66,7%)[1], какъ и у кладбищенскихъ Сѣверянъ (53,3%) и Новгородцевъ (46,5%). Въ Московскихъ кладбищахъ XVI — XVIII в. вмѣсто короткоголоваго типа на первомъ планѣ встрѣчается среднеголовый (46,1%). Такое значительное количество среднеголоваго типа можно приписать лишь

1) Большую короткоголовость у Полянъ IX—XI в. въ размѣщеніи черепныхъ типовъ по сравненію съ курганными болѣе древними и XII—XIII в. нужно приписать посторонней примѣси.

свѣжему смѣшенію, на чтò указываетъ значительный процентъ типа коротко-головаго (37,6%) и небольшой длинноголоваго, не успѣвшаго еще раствориться (16,2%) въ короткоголовомъ. Современные русскіе разныхъ губерній, имѣющіе наибольшее число короткоголоваго типа (44,3%—45,4%), очень напоминаютъ Новгородцевъ; современные же русскіе сѣверныхъ губерній превосходятъ ихъ болѣе многочисленнымъ короткоголовымъ типомъ (67,4%). Въ этомъ отношеніи ихъ черепа стоятъ ближе къ польскимъ черепамъ XVI—XVIII в. съ короткоголовостью, выраженною отъ 56,2% до 80,3%, и къ чешскимъ черепамъ XVI в., по Dr. I. Matiejka, съ 70% брахикефаловъ. Исключая только курганы Земли Войска Донского, Крымскія могилы и пещеры, древнихъ Хазаръ, Вотяцкія кладбища и современныхъ Татаръ и Калмыковъ, у которыхъ короткоголовость колеблется отъ 46,6% до 73,3%, а Абхасцевъ, а въ особенности Халхасцевъ съ показателемъ отъ 86,1% до 100%, у всѣхъ остальныхъ древнихъ народностей, жившихъ на одной территоріи съ восточными Славянами или по сосѣдству съ ними, преобладающимъ является типъ длинноголовый.

Какъ же запутанными являются вопросъ о древнемъ типѣ Славянъ и тѣ разнородныя объясненія, какія имъ даютъ разные авторы по настоящее время (одни видятъ этотъ типъ въ крайней длинноголовости, другіе въ крайней короткоголовости, которая, отъ помѣси съ инородными элементами или подъ вліяніемъ даже извѣстныхъ атмосферическихъ условій пребыванія череповъ въ землѣ, перемѣнила свой первоначальный обликъ), тѣмъ не менѣе, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы постараемся въ настоящей работѣ дать болѣе объективное объясненіе. Мы видимъ, что на пространствѣ современной Россіи, какъ и территоріи, занятой нынѣ русскими племенами, жило нѣкогда по преимуществу длинноголовое племя, болѣе длинноголовое, нежели позднія осѣдлыя на тѣхъ же мѣстахъ племена восточныхъ Славянъ, у которыхъ длинноголовость постепенно исчезаетъ, замѣняясь среднеголовостью среди современнаго русскаго населенія. Однако, и среди древняго населенія къ сѣверу, у Новгородскихъ Славянъ, длинноголовость замѣняется короткоголовымъ типомъ. Если допустить историческую достовѣрность факта, что первыя поселенія Славянъ были въ долинѣ Дуная, откуда они переселились на востокъ, что подтверждается антропологическими данными: 1) значительною короткоголовостью современнаго западнаго Славянскаго населенія, имѣющаго по Weisbach'у[1]) средніе головные указатели (Хорваты 84,4, Словѣнцы 83,5, Поляки 82,9, Малорусы 82,3, Чехи 81,1, 2) преобладаніемъ среди Польскаго и Чешскаго населенія въ XVI — XIX в. по настоящее время типа

1) Zeitschr. für Ethnol. стр. 309 и прибавл. 1877—1878 гг.

короткоголовый и 3) что Карпаты понынѣ являются главнымъ очагомъ короткоголовости Восточной Европы, то изъ этого слѣдуетъ, что лишь отсюда могла итти короткоголовость на востокъ, къ восточнымъ Славянамъ. По мѣрѣ прониканія короткоголовости, процентъ длинноголовости, присущей вымирающему типу мѣстныхъ автохтоновъ, постепенно исчезаетъ, что раньше могло наступить на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; этимъ и можно объяснить болѣе значительный процентъ короткоголовости у древнихъ Новгородцевъ, тождественный почти съ процентомъ у населенія сѣверныхъ губерній и ближе стоящій къ проценту современнаго польскаго населенія, чѣмъ населенія другихъ великороссійскихъ губерній.

Этой генетической древней связи мы не замѣчаемъ въ мѣстностяхъ, болѣе позднѣе заселенныхъ Славянами, какъ, напр., въ Москвѣ, гдѣ меньшинство славянъ подчинило своему вліянію массы неславянскаго происхожденія, несмотря на вопросъ, неразрѣшенный историками, были ли это финны, татарскія или другія племена. Курганы Московскихъ автохтоновъ, напр. VIII—X в., представляютъ крайнюю длинноголовость, которая постепенно, вѣроятно, съ притокомъ сѣверныхъ выходцевъ, вымираетъ или постепенно смѣшивается съ короткоголовымъ элементомъ, имѣющимъ болѣе силъ для передачи своего типа потомкамъ. Среди череповъ Московскаго Кремля конца XVI и начала XVII в. проф. Зографъ[1]) нашелъ типъ короткоголовый (41%), немногимъ лишь превышающій длинноголовый (34%) при меньшемъ среднеголовомъ (22%). Между тѣмъ проф. Богдановъ, измѣрившій большее число череповъ Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в., нашелъ весьма поучительнымъ исчезаніе типа древнихъ автохтоновъ страны, при чемъ длинноголовость понизилась до 16,2% при короткоголовости 37,6% и среднеголовости, дошедшей до 46,1%, которая и явилась результатомъ растворенія длинноголоваго типа въ короткоголовомъ.

Наше предположеніе относительно короткоголовости первобытныхъ Славянъ не могутъ поколебать доводы проф. Нидерлэ о томъ, что въ чешскихъ земляхъ находятся тоже древнія могилы длинноголоваго типа, какъ равно и завѣренія д-ра Рутковскаго, что въ древнихъ, несомнѣнно славянскихъ по найденнымъ находкамъ, могилахъ встрѣчаются черепа длинноголовые. Очень возможно, что до пришествія Славянъ на первоначальныя свои стоянки въ Средней Европѣ, а затѣмъ на занятыхъ ими впослѣдствіи мѣстахъ Восточной Европы жили племена длинноголоваго типа, которымъ пришельцы Славяне могли навязать свою культуру и смѣшаться съ ними. Древній типъ автохтоновъ могъ постепенно вымирать съ распространеніемъ новаго. Вымирающее длинноголовое племя могло сдѣлаться по культу сла-

1) Zograf, M. V.: Ueber altrussische Schädel aus dem Kreml (Burg) von Moskau (Arch. für Anthrop., XXIV, fasc. 1, ст. II. 1896 г.

вянскимъ, но не быть имъ антропологически. Такое объясненіе для насъ является болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ объясненіе, противорѣчащее современнымъ нашимъ антропологическимъ понятіямъ о произвольной перемѣнѣ Славянами ихъ типа и переходѣ изъ коротко- въ длинноголовый, или допущеніе метаморфозы уже посмертной, подъ вліяніемъ вѣкового давленія сырой земли на костяную коробку черепа.

Соединяя у восточныхъ Славянъ форму черепа съ ростомъ, увидимъ, что Новгородцамъ, при среднеголовости и при преобладаніи короткоголовости въ отдѣльныхъ группахъ, и Полянамъ съ сильнѣе выраженною длинноголовостью соотвѣтствуетъ ростъ очень высокій; напротивъ, поддлинноголовые Древляне съ болѣе выраженною въ отдѣльныхъ группахъ длинноголовостью, и Кривичи, у которыхъ группа долихокефаловъ превышаетъ нѣсколько брахикефаловъ, имѣютъ ростъ низкій, которымъ они уступаютъ многимъ инороднымъ племенамъ, населяющимъ сосѣднія восточныя земли Восточной Европы.

Для болѣе нагляднаго объясненія размѣщенія головныхъ указателей у древнихъ Восточныхъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними племенъ, мы въ концѣ настоящаго труда прилагаемъ карту съ объяснительной при ней запиской. На картѣ особенными красками обозначены черепные типы, а особыми номерами—народы и племена. Большіе пробѣлы въ нашихъ палеоэтнологическихъ свѣдѣніяхъ мы позволили проблематично пополнить на картѣ, основываясь на мнѣніи археологовъ и историковъ, что мерянскій типъ погребенія, родственный финскому, который относимъ къ славянской эпохѣ, но не славянскій, обнимающій собою Кіевскую, Полтавскую, Владимирскую, Ярославскую, Рязанскую, Тверскую съ субдолихокефалическимъ типомъ, распространялся дальше на сѣверъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и доходилъ до Новгородской, а на югъ проходилъ, вѣроятно, черезъ Калужскую и Орловскую губерніи, гдѣ въ Черниговской, Курской и Харьковской сталкивался съ группами суббрахикефаловъ. Отдѣльныя группы длинноголовости мы замѣчаемъ разбросанными въ Курской, Полтавской, Казанской, Витебской и Смоленской (область восточныхъ Древлянъ); изъ послѣдней она проникала въ VIII—X в. въ Москву, которая съ годами постепенно растворялась въ помѣси съ короткоголовымъ элементомъ. Такіе оазисы длинноголовости встрѣчаются въ онѣмеченной Пруссіи и на сѣверѣ Польши (Познань, Плоцкъ). Въ древнемъ Новгородѣ и у западныхъ Кривичей черепа представляютъ типъ среднеголовый. Слѣдовательно, мы допускаемъ, что самые западные изъ Восточныхъ Славянъ были мезокефалами, и типъ этотъ къ востоку граничилъ съ группами долихокефаліи и лишь къ юго-западу переходилъ въ брахикефалію. Можно предположить, что древнимъ очагомъ брахикефаліи для Восточной Европы были Кар-

паты[1]) и верховья Вислы, откуда она распространялась на западъ и, вѣроятно, еще раньше XV в. была въ Польшѣ и переходила черезъ Бѣлоруссію (землю древнихъ Кривичей) въ видѣ мезокефаліи на сѣверъ въ Новгородскую землю. Намъ кажется, что это и есть тотъ естественный путь, подтверждаемый не только историческими, но и немногочисленными пока антропологическими фактами, по которому шла въ древности колонизація Славянами восточныхъ земель. Славянскій брахикефализмъ, встрѣчая на сѣверѣ и востокѣ сплошныя массы долихокефаліи, прежде всего смѣшался и поглотилъ самыхъ западныхъ изъ восточныхъ Славянъ, превращая длинноголовый типъ мѣстныхъ автохтоновъ въ среднеголовый, послѣдній только впослѣдствіи проникъ дальше черезъ Смоленскъ и Москву. Группы брахикефализма, находимыя въ древней Сѣверянской области (губерніяхъ Курской, Черниговской, Кіевской и Харьковской), могли проникнуть туда отчасти съ Вислы черезъ землю Кривичей, какъ равно и изъ другихъ отдѣльныхъ меньшихъ оазисовъ древней брахикефаліи (какъ древнія Крымскія пещеры и могилы, курганы Земли Войска Донского, курганы Хозаръ, современные Абхазцы Кавказа и друг.). Такъ какъ оазисы среднеголовости и короткоголовости Славянъ создались подъ вліяніемъ ближайшаго Востока, то далѣе причиной тому могло быть переселеніе монгольской расы далекаго Востока. Наше предположеніе о переселеніи подтверждаетъ современное сходство типовъ жителей береговъ Вислы съ бѣлоруссами и новгородцами, какъ вліяніе южнаго древняго типа на жителей бывшей Сѣверянской области, гдѣ встрѣчается значительное число лицъ крайне-брахикефаловъ, брюнетовъ. Нашу теорію не могутъ поколебать тѣ факты, что не только въ древнихъ славянскихъ могилахъ Польши, но даже Чехіи встрѣчаютъ длинноголовый типъ, такъ какъ принадлежность къ той или другой національности часто идетъ въ разрѣзъ съ антропологическимъ типомъ, какъ это и доказано на многихъ современныхъ азіатскихъ народностяхъ.

d) *Высотно-продольный указатель.*

Высотно-продольный указатель, или отношеніе высоты черепа къ наибольшему продольному діаметру, представляетъ значительно меньше данныхъ, нежели мы могли собрать для головного указателя, такъ какъ у многихъ авторовъ онъ отсутствовалъ. Приводимъ эти отношенія по изслѣдованію восточныхъ Славянъ, сравнительно съ другими народами.

1) Нѣкоторые историки утверждаютъ, что колонизація Карпатъ была позднею, и что современное крайне короткоголовое населеніе Татаръ не есть чисто славянское, а представляетъ помѣсь нѣмцевъ, молдаванъ, поляковъ и русиновъ, и что славяне заняли эти мѣста лишь во второй половинѣ XVI в. На основаніи же найденныхъ костяныхъ орудій въ пещерѣ ископаемаго медвѣдя (S. Witkiewicz, Eliasz-Radzikowski) нужно предполагать, что каменная эпоха въ Карпатахъ существовала, слѣдовательно въ доисторическое время мѣстность эта была уже населенной. (Подробн. см. статья моя «Къ вопросу происхожденія славянъ». «Wisła», ноябрь — декабрь, 1902).

Народность.	Средние.						Въ абсолютныхъ чис					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Хамэкефал. до 72. (Мужскихъ.)	Ортокефали 72,01–75. (Мужскихъ.)	Гипсикефали 75,01 и выше. (Мужскихъ.)	Хамэкефали. (Женскихъ.)	Ортокефали. (Женскихъ.)	Гипсикефали (Женскихъ.)
Славяне.												
А) Восточные.												
Древніе Новгородцы. .	51	74,8	34	76,0	85	75,1	7	17	27	4	11	19
Сѣверяне:												
a) Курганные . .	27	74,3	7	73,8	34	74,2	10	8	9	2	4	1
b) Кладбищенскіе	17	74,2	8	75,7	25	74,7	5	7	5	—	4	4
Поляне:												
a) Кіевскіе кург.	13	72,8	5	73,7	18	73,1	7	3	3	—	5	—
b) Кіевскіе IX–XI	3	75,0	1	76,0	4	75,3	—	2	1	—	—	1
Кладбищенскіе XII–XIII . . .	11	72,8	4	75,5	15	73,5	3	6	2	1	1	2
Древляне:												
a) Кіевскіе . . .	8	68,2	1	81,0	9	69,6 } 72,1	7	1	—	—	—	1
b) Волынскіе . .	—	—	—	—	8	17/77	—	—	—	—	—	—
Кривичи: a) западные .	7	72,6	7	76,2	14	74,4	2	4	1	—	2	5
b) восточные.	5	73,4	—	—	—	—	1	3	1	—	—	—
Московск. кладбищъ XVI—XVIII в. . . .	52	74,3	52	75,1	104	74,7	12	15	25	9	12	31
Современн. русские: Сѣверн. губ	160	76,0	24	73,4	184	75,6	22	42	96	8	7	9
Современн. русские: Казанск. губ. . . .	53	75,9	8	76,8	61	76,0	9	14	30	1	1	6
Современн. русские: Разныхъ губ.	—	—	—	—	121	77,3	—	—	—	—	—	—
	20	75,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	76,3	11	73,5	19	74,7	—	—	—	—	—	—
	32	75,1	2	80,6	34	75,4	—	—	—	—	—	—
	13	76,1	8	75,9	21	76,0	—	—	—	—	—	—
	8	73,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	40	77	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . .	334	75,9	53	74,6	387	75,7						
В) Западные.												
Краковскіе XVII—XVIII в.	23	76,6	24	75,1	47	75,8	2	1	20	6	6	1[illegible]
Краковскіе современные	37	77,0	14	77,4	51	77,1	—	—	—	—	—	—
Люблинскіе XVI—XVII в. . .	16	75,2	5	75,7	21	75,3	—	—	—	—	—	—
» XVIII в. .	10	76,9	16	77,8	26	77,4	—	—	—	—	—	—
» XIX в. . .	3	77,5	13	75,5	16	75,9	—	—	—	—	—	—
Не славянъ, но славянской эпохи.												
Кіевскіе	10	73,1	6	74,2	16	73,5	4	4	2	2	1	3
Мерянскіе	28	74,5	23	74,8	51	74,6	7	13	8	3	11	9
Мордовскіе	8	75,4	—	—	—	—	1	4	3	—	—	—
Касимовскіе	19	74,9	12	75,7	31	75,2	6	6	7	2	3	7
Тверскіе	20	74,9	16	73,9	36	74,5	4	7	9	4	4	8
Полтавскіе	12	74,1	4	73,7	16	74,0	7	1	4	1	2	1

лахъ.			въ %.												Авторъ.
Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
11	28	46	13,7	33,3	52,9	11,8	32,3	55,9	12,9	32,9	54,1	Иковъ и Тихомировъ.
12	12	10	37,0	29,6	33,3	28,6	57,7	14,3	35,3	35,3	29,4	Богдановъ.
5	11	9	29,4	41,2	29,4	—	50,0	50,0	20,0	44,0	36,0	Тихомировъ.
7	8	3	53,8	23,1	23,1	—	100,0	—	38,9	44,4	16,7	Талько-Грынцевичъ.
—	2	2	—	66,7	33,3	—	—	100,0	—	50,0	50,0	Богдановъ.
4	7	4	27,3	54,5	18,2	25,0	25,0	50,0	26,7	46,6	26,7	
7	1	1	87,5	12,5	—	—	—	100,0	77,8	11,1	11,1	Талько-Грынцевичъ.
—	3	5	—	—	—	—	—	—	—	37,5	62,5	Гамченко.
2	6	6	28,6	57,1	14,3	—	28,6	71,4	14,3	42,8	42,8	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	20,0	60,0	20,0	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
21	27	56	23,1	28,8	24,0	17,3	23,1	59,6	20,2	26,0	58,8	Богдановъ.
30	49	105	13,7	26,2	60,0	33,3	29,2	37,5	16,3	26,6	57,1	Таранецкій.
10	15	36	17,0	26,4	56,6	12,5	12,5	75,0	16,4	24,6	59,0	Маліевъ.
6	24	91	—	—	—	—	—	—	5,0	19,8	75,2	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Проценко.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Волькенштейнъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Quatrefages.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ландцертъ.
8	7	32	8,7	4,3	87,0	25,0	25,0	50,0	17,0	14,9	68,1	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Олехновичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
6	5	5	40,0	40,0	20,0	33,3	16,7	50,0	37,5	31,2	31,2	Богдановъ.
10	24	17	25,0	46,4	28,5	13,0	47,8	39,1	19,6	47,0	33,3	Иковъ.
—	—	—	12,5	50,0	37,5	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
8	9	14	31,6	31,6	36,8	16,7	25,0	58,3	25,0	29,0	45,2	Зографъ.
8	11	17	20,0	35,0	45,0	25,0	25,0	50,0	22,2	30,5	47,2	Иковъ.
8	3	5	58,3	8,3	33,3	25,0	50,0	25,0	50,0	18,7	31,2	Богдановъ.

Народность.	Средние.						Въ абсолютныхъ чис[ла]хъ					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Хамэкефал. до 72.	Ортокефали 72,01—75.	Гипсикефали 75,01 и выше.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.
							Мужскихъ.			Женскихъ.		
Эпохи камня и бронзы.												
Юго-западн. Руси. . .	10	73,6	2	75,9	12	74,0	3	2	5	—	1	1
Кіевскіе	6	72,5	—	—	—	—	4	1	1	—	—	—
Скиѳо-Сарматской эпохи.												
Кіевскіе	2	73,5	2	71,3	4	72,4	—	2	—	2	—	—
Полтавскіе	1	76	2	74,0	3	74,7	—	—	1	1	—	1
»	2	73,5	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Суджинское племя (Сѣверская область). . .	5	72,2	7	70,9	12	71,4	3	1	1	7	—	—
Московск. насел. VIII—X в.	57	74,1	43	73,4	100	73,8	18	18	21	16	15	12
Курган. насел. земли Войска Донского . .	2	78,5	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ	14	73,8	8	74,5	22	74,1	4	6	4	1	3	4
Населеніе Кавказа.												
Древн. кург. и могилы.	18	74,5	10	75,0	28	74,7	4	6	8	—	7	3
Современные:												
Абхазцы. . . .	9	79,2	9	80,3	18	79,8	—	—	9	—	—	9
Натухайцы . .	14	75,1	5	75,0	19	75,0	4	7	3	1	1	3
Шапсуги	28	76,3	21	77,2	49	76,7	4	9	15	3	3	15
Болгары.												
Древніе Волжскіе . . .	18	75,5	11	75,8	29	75,6	1	10	7	3	3	5
Современн. Придунайск.	18	73,4	12	74,2	30	73,7	9	4	5	2	5	5
Чуваши кладбищ. . . .	21	72,5	21	73,4	42	72,9	11	6	4	7	7	7
Финно-Угры.												
Черемисы	—	—	—	—	16	74,8	—	—	—	—	—	—
Вотяки.	—	—	—	—	13	76,5	—	—	—	—	—	—
Вогулы соврем.	24	69,4	21	71,0	45	70,2	—	—	—	—	—	—
Татары.												
Изъ раскоп. могилъ. .	—	—	—	—	23	75,1	—	—	—	—	—	—
Соврем. Казанскіе. . .	11	75,1	4	72,8	15	74,5	1	1	9	1	2	1
Древніе Хазары. . .	—	—	—	—	15	77,0	—	—	—	—	—	—
Древнее Пріуральское населеніе.												
Башкиры древн. кладб.	7	71,8	7	70,1	14	71,0	4	3	—	5	1	1
Могилы Ногайск. хановъ	6	74,4	—	—	—	—	1	2	3	—	—	—
Пермск. курганн. . . .	12	72,3	5	73,2	17	72,6	6	5	1	3	1	1
Тобольск. курганн. . .	4	74,5	—	—	—	—	1	1	2	—	—	—
Древнее Забайкальск. населеніе.												
Эпохи камня	3	78,2	2	69,0	5	74,5	—	1	2	2	—	—
Погреб. въ срубахъ. .	15	72,8	5	68,9	20	72,0	5	6	4	4	1	—
Современные:												
Калмыки.	—	—	—	—	78	71.5	—	—	—	—	—	—
Халхасцы	10	70,5	512	73,2	22	71,5	8	2	—	5	5	2
Буряты.	18	68,4	5	72,1	23	73,8	5	10	3	2	—	3

лахъ.			въ %.									Авторъ.
Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	Хамэкефали.	Ортокефали.	Гипсикефали.	
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
3	3	6	30,0	20,0	50,0	—	50,0	50,0	25,0	25,0	50,0	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	66,7	16,7	16,7	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	2	—	—	100,0	—	100,0	—	—	50,0	50,0	—	Талько-Грынцевичъ.
1	—	2	—	—	100,0	50,0	—	50,0	33,3	—	66,6	Богдановъ.
—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	Коврайскій.
10	1	1	60,0	20,0	20,0	100,0	—	—	83,3	8,3	8,3	Богдановъ.
34	33	33	31,6	31,6	36,8	37,2	34,9	27,9	34,0	33,0	33,0	
—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
5	9	8	28,6	42,8	28,6	12,5	37,5	50,0	22,7	40,9	36,4	Зографъ и Богдановъ.
4	13	11	22,2	33,3	44,4	—	70,0	30,0	14,3	46,4	39,3	Богдановъ.
—	—	18	—	—	100,0	—	—	100,0	—	—	100,0	
5	8	6	28,6	50,0	21,4	20,0	20,0	60,0	26,3	42,1	31,6	Богдановъ.
7	12	30	14,3	32,1	53,6	14,3	14,3	71,4	14,3	24,5	61,2	
4	13	12	5,5	55,5	38,9	27,3	27,3	45,4	13,8	44,8	41,4	Тихомировъ.
11	9	10	50,0	22,2	27,8	16,7	41,6	41,6	36,7	30,0	33,3	
18	13	11	52,4	28,6	19,0	33,3	33,3	33,3	42,8	30,9	26,2	Зографъ.
4	5	7	—	—	—	—	—	—	25,0	31,2	43,7	Маліевъ.
2	3	8	—	—	—	—	—	—	15,4	23,1	61,5	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Силиничъ.
2	9	12	—	—	—	—	—	—	8,7	39,1	52,2	
2	3	10	9,1	9,1	81,8	25,0	50,0	25,0	13,3	20,0	66,7	Маліевъ.
—	5	10	—	—	—	—	—	—	—	33,3	66,6	
9	4	1	57,1	42,8	—	71,4	14,3	14 3	64,3	28,6	7,1	Зографъ.
—	—	—	16,7	33,3	50,0	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
9	6	2	50,0	41,7	83,3	60,0	20,0	20,0	52,9	35,3	11,8	Зографъ.
—	—	—	25,0	25,0	50,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	1	2	—	33,3	66,6	100,0	—	—	40,0	20,0	40,0	Талько-Грынцевичъ.
9	7	4	33,3	40,0	26,7	80,0	20,0	—	45,0	35,0	20,0	
42	23	13	—	—	—	—	—	—	53,8	29,4	16,7	Ивановскій.
13	7	2	80,0	20,0	—	41,7	41,7	16,6	59,1	31,8	9,1	Талько-Грынцевичъ.
7	10	6	27,8	55,5	16,7	33,3	—	66,6	30,4	43,5	26,1	

По среднему высото-продольному указателю Восточные Славяне попреимуществу ортокефалы (73,1—75,1), кромѣ Кіевскихъ Древлянъ хамэкефаловъ (69,6) и Волынскихъ гипсикефаловъ (79). По сравненію съ другими народами, Новгородцы, Сѣверяне, Поляне, Кривичи и Московитяне XVI—XVII в. своей ортокефаліей приближаются не къ славянамъ, но къ славянской эпохѣ (73,5—75,2), каменной эпохѣ Юго-Западной Руси (72,5—74), Скиѳо-Сарматской (72,4—74,7), Московитянамъ VIII—X в. (73,8), Крымскимъ и Кавказскимъ пещерамъ и могиламъ (74,1—74,7), современнымъ Натухайцамъ (75), Придунайскимъ Болгарамъ (73,7), Чувашамъ (72,9), Черемисамъ (74,8), современнымъ Татарамъ (74,5), кург. Пермской и Тобольской губ. (72,6—74,5), Ногайскимъ ханамъ (74,4), Каменной эпохѣ въ Забайкальѣ (74,5) и Бурятамъ (73,8). Древляне Волынскіе—гипсикефалы соотвѣтствуютъ западнымъ Славянамъ (75,3—77,4), современнымъ Русскимъ (75,7), Абхазцамъ (79,8), Шапсугамъ (76,7), Волжскимъ Болгарамъ (75,6), Вотякамъ (76,5), Татарскимъ могиламъ (75,1) и древнимъ Хазарамъ (77,0). Древляне же Кіевскіе-хамэкефалы могутъ быть приравнены къ Суджанскимъ кург. (71,4), Болгарскимъ кладбищамъ (71,0), погребеннымъ въ срубахъ въ Забайкальи (72,0), современнымъ Калмыкамъ и Халхасцамъ (по 71,5) и Вогуламъ (70,2).

Если приведенныя въ отдѣльныхъ группахъ высотно-продольнаго указателя числа мы распредѣлимъ по процентамъ, причисляя къ настоящимъ низкоголовымъ черепамъ, заключающимъ не менѣе 80%, хамэкефаловъ, къ низкоголовымъ — таковыхъ отъ 55 до 79%, къ смѣшаннымъ не выше 45% ортокефаловъ, а остальной процентъ размѣстимъ между высокоголовыми черепами, заключающими отъ 55—79%, и настоящими высокоголовыми гипсикефалами не меньше 80%, то, сравнивая древнихъ восточныхъ Славянъ съ другими древними и современными народами, увидимъ, что, судя по черепамъ древнихъ Восточныхъ Славянъ, одни лишь Новгородцы и Древляне волынскіе отличались высокоголовостью, Древляне кіевскіе, напротивъ, низкоголовостью, тогда какъ у Сѣверянъ, Полянъ и Кривичей выступаетъ смѣшанный указатель, причемъ у Сѣверянъ курганныхъ замѣтнѣе выступаетъ наклонность къ высокоголовости въ сравненіи съ болѣе поздними кладбищенскими, у которыхъ является большая наклонность къ низкоголовости. То же самое находимъ между Полянскими черепами старыми и болѣе новой эпохи, за исключеніемъ нѣсколькихъ кладбищенскихъ череповъ съ IX—XI в., съ сильнѣе выступающимъ высокоголовымъ типомъ. Изъ приведеннаго нами оказывается, что наиболѣе высокоголовые черепа Новгородцевъ и Кіевскихъ Древлянъ лишь нѣсколько уступаютъ черепамъ древнихъ Хазаръ, современныхъ Казанск. Татаръ, кладбищенскихъ Вотяковъ, краковскимъ черепамъ XVII—XVIII в. и при-

ближаются къ таковымъ Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в., современныхъ русскихъ сѣверныхъ и др. губерній, современныхъ Шапсуговъ, татарскихъ могилъ, эпохи камня и бронзы Юго-Западной Руси, превышая многіе низкоголовые черепа, какъ у Касимовцевъ, Тверитянъ, Калмыковъ, Халхасцевъ, Приуральскихъ кургановъ, древнихъ Башкирскихъ кладбищъ, могилъ Ногайскихъ Хановъ, погребенныхъ въ срубахъ въ Забайкальѣ, такъ равно Волжскихъ Болгаръ, Чувашей, Придунайскихъ Болгаръ, Черемисовъ, древнихъ могилъ каменной эпохи въ Забайкальѣ и современныхъ Бурятъ.

e) *Лобно-широтный указатель.*

Переходя теперь къ строенію лба у Восточныхъ Славянъ по сравненію съ другими народностями, мы разсмотримъ вначалѣ отношеніе наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему поперечному, или такъ называемый лобно-широтный указатель, а затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія нижней наименьшей ширины лба къ верхней наибольшей, или къ такъ называемому лобному указателю. Лобно-широтный указатель представляется слѣдующимъ образомъ (табл. на слѣд. стр.).

Среднимъ лобно-широтнымъ указателемъ, т.-е. отношеніемъ наименьшаго лобнаго къ наибольшему широтному діаметру, древніе Восточные Славяне разнятся между собою. Отношенія эти среднія у Новгородцевъ (67,9), Сѣверянъ кладбищенскихъ (67,8), Древлянъ Волынскихъ (67,9) и Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII (68,0), большія же—у Сѣверянъ курганныхъ (69,2), Полянъ (70,0—74,7), Кривичей (69,3—72,5) и въ особенности у Древлянъ Кіевскихъ (79,5). Такимъ образомъ, по сравненію съ другими приведенными народами въ послѣдней таблицѣ первая группа Восточныхъ Славянъ, т. е. Новгородцы, Сѣверяне кладбищенскіе, Древляне Волынск. и Московскія кладб. XVI—XVIII в., со средними отношеніями (67,8—68,0) ближе всего стоятъ къ западнымъ Славянамъ: къ курганнымъ Плоцкимъ, Краковскимъ XVII—XVIII в. и современнымъ Люблинскимъ XVI—XIX в. (67,3—68,1), курганнымъ земли Войска Донского и Крымскихъ пещеръ и могилъ (по 67,7), современнымъ Абхазцамъ (66,9), древнимъ Чувашамъ (68,1) и Хазарамъ (68,4), курганнымъ Пермскимъ (66,7), Тобольскимъ (67,4), древнимъ Башкирскимъ кладбищенскимъ (67,4), и современнымъ Бурятамъ (68,7), превышая лишь черепа со среднимъ малымъ лобно-широтнымъ указателемъ могилъ Ногайскихъ хановъ (64,3) и Калмыковъ (65,1). Вторая же группа древнихъ Славянъ съ большимъ среднимъ лобно-широтнымъ указателемъ, какъ у Сѣверянъ курганныхъ, Полянъ, Кривичей и Древлянъ Кіевскихъ (69,2—79,5), соотвѣтствуетъ отношеніямъ большинства народовъ, а именно не славянскихъ, но славянской эпохи (губерн. Кіев-

Народность.	Среднее.						Въ абсолютныхъ чи				
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.
							Мужскихъ.			Женскихъ.	
СЛАВЯНЕ.											
А) Восточные.											
Древн. Новгородцы	57	68,0	39	67,8	96	67,9	13	20	24	10	12
Сѣверяне:											
a) Курганные	27	68,8	6	70,9	33	69,2	4	11	12	—	1
b) Кладбищенскіе	20	68,0	10	67,5	30	67,8	4	7	9	2	4
Поляне:											
a) Курганные	13	75,2	2	71,5	15	74,7	—	1	12	1	—
b) Кладбищенскіе											
IX—XI в.	4	70,4	3	73,6	7	71,8	—	1	3	—	—
XII—XIII в.	10	69,5	4	71,3	14	70,0	2	3	5	—	1
Древляне:											
a) Кіевскіе	8	80,5	1	71,5	9	79,5	—	—	8	—	—
b) Волынскіе	—	—	—	—	8	67,9	—	—	—	—	—
Кривичи:											
a) Западные	9	72,5	7	72,5	16	72,5	1	3	5	—	2
b) Восточные	4	69,3	2	69,3	6	69,3	1	—	3	—	1
Московск. кладбищ. XVI—XVIII в.	57	68,0	57	68,1	114	68,0	14	21	22	13	22
B) Западные.											
Плоцкіе курганные	—	—	—	—	9	67,9	—	—	—	—	—
Краковскіе XVII—XVIII в.	23	69,3	24	67,7	47	68,5	4	7	12	9	8
Краковскіе современн.	37	67,8	14	68,8	51	68,1	—	—	—	—	—
Люблинскіе XVIII в.	29	67,1	34	67,4	63	67,3	—	—	—	—	—
Не славянъ, но славянской эпохи:											
Кіевскіе	11	69,0	5	69,9	16	69,8	2	1	8	1	—
Мерянскіе	29	68,9	25	68,8	54	68,9	5	8	16	9	6
Мордовскіе	5	69,7	—	—	—	—	1	—	4	—	—
Косимовскіе	11	70,1	7	71,8	18	70,7	1	1	9	—	1
Тверскіе	21	71,0	15	71,2	36	71,0	2	4	15	2	2
Полтавскіе	11	69,5	4	71,5	15	70,0	2	3	6	1	—
Эпохи камня и бронзы:											
Юго-Западн. Руси	25	73,1	6	73,5	31	73,1	4	2	19	—	1
Кіевскіе	5	69,0	—	—	—	—	1	1	3	—	—
Скиео-Сарматской эпохи:											
Кіевскіе	5	72,9	2	79,6	7	74,8	—	—	5	—	—
Полтавскіе	5	71,8	5	70,7	10	71,3	—	1	4	—	1
»	3	68,4	1	69,6	4	68,7	1	—	2	—	—
Суджинскіе	7	75,0	10	73,7	17	74,2	—	—	7	—	—
Московское населеніе VIII—X в.	56	72,5	50	71,1	106	71,8	1	3	52	—	12

л а х ъ.			въ %.									Авторъ.
Средних ъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	
23	32	41	22,8	35,1	42,1	25,6	30,8	43,6	23,9	33,3	42,7	Иковъ и Тихомировъ.
4	12	17	14,8	40,7	44,4	—	16,7	83,3	12,1	36,4	51,5	Богдановъ.
6	11	13	20,0	35,0	45,0	20,0	40,0	40,0	20,0	36,6	43,3	Тихомировъ.
1	1	13	—	7,7	92,3	50,0	—	50,0	6,6	6,6	86,7	Талько-Грынцевичъ.
—	1	6	—	25,0	75,0	—	—	10,0	—	14,3	85,7	} Богдановъ.
2	4	8	20,0	30,0	50,0	—	25,0	75,0	14,3	28,6	57,1	
—	—	9	—	—	100,0	—	—	100,0	—	—	100,0	Талько-Грынцевичъ.
3	1	4	—	—	—	—	—	—	37,5	12,5	50,0	Гамченко.
1	5	10	11,1	33,3	55,5	—	28,6	71,4	6,2	31,2	62,5	Талько-Грынцевичъ.
1	1	4	25,0	—	75,0	—	50,0	50,0	16,6	16,6	66,7	Иковъ.
27	43	44	24,6	36,8	38,6	22,8	38,6	38,6	23,7	37,7	38,6	Богдановъ.
2	1	6	—	—	—	—	—	—	22,2	11,1	66,7	Рутковскій.
13	15	19	17,4	30,4	52,2	37,5	33,3	27,2	27,7	31,9	40,4	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	} Олеховичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
3	1	12	18,2	9,1	72,7	20,0	—	80,0	18,7	6,2	75,0	Богдановъ.
14	14	26	17,2	27,6	55,2	36,0	24,0	40,0	25,9	25,9	48,1	Иковъ.
—	—	—	20,0	—	80,0	—	—	—	—	—	—	} Зографъ.
1	2	15	9,1	9,1	81,8	—	14,3	85,7	5,5	11,1	83,3	
4	6	26	9,5	19,0	71,4	13,3	13,3	73,3	11,1	16,7	72,2	Иковъ.
3	3	9	18,2	27,3	54,5	25,0	—	75,0	20,0	20,0	60,0	Богдановъ.
4	3	24	16,0	8,0	76,0	—	16,7	83,3	12,9	9,7	77,4	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	20,0	20,0	60,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	7	—	—	100,0	—	—	100,0	—	—	100,0	Талько-Грынцевичъ.
—	2	8	—	20,0	80,0	—	20,0	80,0	—	20,0	80,0	Богдановъ.
1	—	3	33,3	—	66,6	—	—	100,0	25,0	—	75,0	Коврайскій.
—	—	17	—	—	100,0	—	—	100,0	—	—	100,0	} Богдановъ.
1	15	90	1,8	5,3	92,8	—	24,0	76,0	0,9	14,1	84,9	

Народность.	Среднее.						Въ абсолютныхъ чи					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. …
							Мужскихъ.			Женскихъ.		
Курган. Земли Войска Донского	4	67,2	1	69,7	5	67,7	2	—	2	—	—	1
Крымскихъ пещеръ и могилъ	20	68,9	18	66,4	38	67,7	7	3	10	6	8	4
Населеніе Кавказа.												
Древнихъ кургановъ и могилъ	24	69,7	12	68,8	36	69,4	6	6	12	1	7	4
Современные:												
Абхазцы	10	66,5	10	67,4	20	66,9	4	5	1	4	1	5
Натухайцы	14	69,9	5	70,7	19	70,1	1	4	9	—	2	3
Шапсуги	28	70,1	22	68,3	50	69,3	2	10	16	3	10	9
Болгары:												
Могилы древн. Волжскіе	24	69,3	9	68,9	33	69,2	6	4	14	3	1	5
Современные:												
Придунайскіе	18	70,7	12	69,3	30	70,1	3	2	13	3	2	7
Древніе Чуваши	24	67,8	22	68,3	46	68,1	5	12	7	5	4	13
Финскихъ кладбищъ:												
Черемисы	—	—	—	—	17	72,4	—	—	—	—	—	—
Татарск. изъ раскопокъ	—	—	—	—	23	70,9	—	—	—	—	—	—
Соврем. Татары	11	70,8	4	70,1	15	70,7	—	4	7	—	1	3
Древн. Хазары	—	—	—	—	15	68,4	—	—	—	—	—	—
Древнее Пріуральское населеніе:												
Башкиры древнихъ кладбищъ	8	67,8	9	67,1	17	67,4	1	5	2	5	3	1
Могилы Ногайскихъ хановъ	7	64,3	—	—	—	—	5	2	—	—	—	—
Пермскіе курганные	15	66,1	7	67,6	22	66,7	5	8	2	4	1	2
Тобольскіе курганные	5	67,4	—	—	—	—	1	3	1	—	—	—
Древнее Забайкальское населеніе:												
Кург. каменн. эпохи	6	74,6	2	64,6	8	72,1	—	2	4	1	—	1
Погребен. въ срубахъ	16	73,8	5	69,0	21	72,7	2	5	9	2	—	3
Современные:												
Калмыки	—	—	—	—	78	65,1	—	—	—	—	—	—
Буряты	14	69,3	6	67,1	20	68,7	—	—	—	—	—	—
Халхасцы	18	70,5	17	70,1	35	70,3	—	—	—	—	—	—

лахъ.			въ %.												Авторъ.
Средникъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.						
Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.	Малые до 65, 99.	Средн. 66—68, 99.	Больш. 69 и выше.				
2	—	3	50,0	—	50,0	—	—	100,0	40,0	—	60,0	Иковъ.			
13	11	14	35,0	15,0	50,0	33,3	44,4	22,2	34,2	28,9	36,8	Зографъ и Тихоміровъ.			
7	13	16	25,0	25,0	50,0	8,3	58,3	33,3	19,4	36,1	44,4	Богдановъ.			
8	6	6	40,0	50,0	10,0	40,0	10,0	50,0	40,0	30,0	30,0				
1	6	12	7,1	28,6	64,3	—	40,0	60,0	5,3	31,6	63,1				
5	20	25	7,1	35,7	57,1	13,0	45,4	40,9	10,0	40,0	50,0				
9	5	19	25,0	16,7	58,3	33,3	11,1	55,5	27,3	15,1	57,6	Тихоміровъ.			
6	4	20	16,7	11,1	72,2	25,0	16,7	58,3	20,0	13,3	66,6	Зографъ.			
10	16	20	20,8	50,0	29,2	22,7	18,2	59,1	21,7	34,8	43,5	Тихоміровъ.			
—	1	16	—	—	—	—	—	—	—	5,9	94,1	Маліевъ.			
3	4	16	—	—	—	—	—	—	13,0	17,4	69,6				
—	5	10	—	36,4	63,6	—	25,0	75,0	—	33,3	66,7				
3	5	7	—	—	—	—	—	—	20,0	33,3	46,7				
6	8	3	12,5	62,5	25,0	55,5	33,3	11,1	35,3	47,0	17,6	Зографъ.			
—	—	—	71,4	28,6	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.			
9	9	4	33,3	53,3	13,3	57,1	14,3	28,6	40,9	40,9	18,2	Зографъ.			
—	—	—	20,0	60,0	20,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.			
1	2	5	—	33,3	66,6	50,0	—	50,0	12,5	25,0	62,5	Талько-Грынцевичъ.			
4	5	12	12,5	31,2	56,2	40,0	—	60,0	19,0	23,8	57,1				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ивановскій.			
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.			
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				

ской, Полтавской, Тверской, Рязанской, Нижегородской (68,9—71,0), эпохи камня и бронзы Юго-Западнаго края (69,0—73,1), Скиѳо-Сарматской эпохи Кіевской и Полтавской губ. (68,7—74,8), Суджинскихъ (74,2), Московскаго населенія VIII—X в. (71,8), современныхъ Натухайцевъ (70,1) и Шапсуговъ (69,3) древнихъ Волжскихъ Болгаръ (69,2) и современныхъ Придунайскихъ (70,1), Черемисскихъ кладбищъ (72,4) Татаръ изъ старинныхъ кладбищъ (70,9) и современныхъ (70,7), Забайкальскихъ курганныхъ каменной эпохи (72,1) и погребенія въ срубахъ (72,7) и, наконецъ, современныхъ Халхасцевъ (70,3).

Что же касается распредѣленія отдѣльныхъ чиселъ лобно-широтнаго указателя, то чаще большія, чѣмъ среднія отношенія являются у Новгородцевъ (42,7%), Сѣверянъ (43,3 и 51,5%), Полянъ кладбищенскихъ XII—XIII в. (57,1%) и Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. (38,6%); у Древлянъ Волынскихъ большіе тоже преобладаютъ надъ малыми (50,0%). Преобладаніе большихъ становится еще больше и у Кривичей (62,5%—66,7%), а въ особенности же у Полянъ кладбищенскихъ IX—XI в. (85,7%), курганныхъ (86,7%) и Древлянъ Кіевскихъ (100%). Поэтому, по своему преобладанію большихъ отношеній надъ средними Новгородцы, Сѣверяне, Поляне XII—XIII в. и Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. (38,6—57,1%) большихъ надъ малыми. Древляне Волынскіе (50,0%) подходятъ къ Краковскимъ XVII—XVIII в. (40,4%) Мерянскимъ (48,1%), Крымскимъ пещерамъ и могиламъ (36,8%), Кавказскимъ курганнымъ и могиламъ (44,4%), современнымъ Шапсугамъ (50,0%), могиламъ древнихъ Волжскихъ Болгаръ (57,8%), земли Войска Донского (60,0%), древнихъ Чувашей (43,5%), древнихъ Хазаръ (46,7%) и Забайкальскихъ съ погребеніемъ въ срубахъ (57,1%).

Исключительнымъ преобладаніемъ большихъ указателей надъ другими Кривичи, Поляне кладбищенскіе IX—XI в. и курганные Древляне Кіевскіе (62,5%—100%) приближаются къ курганнымъ Плоцкимъ (66,7%), къ разнымъ не славянскимъ, но славянской эпохи, кромѣ Мерянскихъ (60—83,3%), эпохѣ камня и бронзы въ Юго-Западномъ краѣ (60%—77,4%), Скиѳо-Сарматской эпохѣ въ Кіевской и Полтавской губ. 75,0%—100%), Суджинскимъ (100%), Московскому населенію VIII—X в. (84.9%), современнымъ Натухайцамъ (63,1%) и Придунайскимъ Болгарамъ (66,6%), Татарамъ древнимъ (69,6%) и современнымъ (66,7%), Забайкальскимъ курганамъ каменной эпохи (62,5%) и, наконецъ, кладбищамъ Черемисовъ (94,1%).

Обѣ наши группы древнихъ Восточныхъ Славянъ отличаются лишь отъ народовъ съ преобладающими меньшими лобно-широтными указателями, какъ у Нагайскихъ хановъ (71,4%), съ средними, какъ у курганныхъ То-

больскихъ (60,0%) и Башкирскихъ кладбищъ (47,0%), или малыми и средними, какъ у курганныхъ Пермскихъ (по 40,9%).

f) *Лобный указатель.*

Лобный указатель, или отношеніе наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему лобному, какъ въ среднемъ, такъ и въ подраздѣленіи его на группы, у древнихъ Восточныхъ Славянъ по сравненію съ другими народами представляется слѣдующимъ образомъ (см. табл. на слѣд. стр.).

Лобный указатель древнихъ Восточныхъ Славянъ, т.-е. отношеніе наименьшаго къ наибольшему лобному въ среднемъ, представляется малыхъ размѣровъ у древнихъ Новгородцевъ (81,6), Сѣверянъ (81,5—82,0) и Древлянъ (79,6 и 82,5); малые размѣры переходятъ уже въ средніе у Полянъ разныхъ эпохъ (83,0—84,2) и въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в. (83,9) и наконецъ, представляются средними у Кривичей (85,2—86,5).

Малые средніе лобные указатели у Новгородцевъ, Сѣверянъ и Древлянъ (79,6—82,5) можно сравнить съ таковыми же Краковскими XVII—XVIII в. и современными (72,7—80,1), Люблинскими XVI—XIX в. (78,2—79,8), древними Чувашами (81,6), изъ Славянской эпохи — Мерянскими (82,1) и Полтавскими (82,4), Московскаго населенія VIII—X в. (81,9), Башкирскими кладбищами (81,0), Ногайскими ханами (78,8), Крымскими пещерами и могилами (82,2), Кавказскими курганами и могилами (82,8), Пермскими курганными (81,6), Забайкальскими каменнаго вѣка (81,6), современными Абхазцами (78,8) и Шапсугами (82,7).

Средніе лобные указатели Полянъ, Кривичей и Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. (83,0—86,5) соотвѣтствуютъ таковымъ же славянской эпохи: Кіевскимъ (83,5), Касимовскимъ (83,7) и Тверскимъ (87,7), эпохи камня и бронзы въ Юго-Западной Руси (84,2—85,2), Полтавскимъ Скиѳо-Сарматской эпохи (83,8 и 84,3), Суджинскимъ (85,2), земли Войска Донского (83,3), Древнимъ Волжскимъ Болгарамъ (83,0), современнымъ Натухайцамъ (84,1), Придунайскимъ Болгарамъ (86,4), Калмыкамъ (84,1), Халхасцамъ (87,2), Бурятамъ (84,8) и Забайкальскимъ могиламъ погребенія въ срубахъ (85,4). Поэтому наши славянскіе черепа со средними лобными указателями уступаютъ лишь большимъ лобнымъ указателямъ Тверитянъ (87,7), Кіевскимъ Скиѳо-Сарматской эпохи (89,8) и Вогуловъ (87,2).

По распредѣленію отдѣльныхъ лобныхъ указателей по группамъ у всѣхъ являются преобладающими малые размѣры; однако они являются исключительными лишь у Древлянъ (86,3—87,5%), болѣе постоянными у Новгородцевъ (63,4%), восточныхъ Кривичей (60,0%), Сѣверянъ XII—XIII в.

Народность.	Средние. Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Въ абсолютныхъ … Мужскихъ. Малые до 83,0.	Средн. 83,01–87.	Больш. 87,01 и в.	Женскихъ. Малые до 83,0.	Средн. 83,01–87.
Славяне.											
А) Восточные.											
Древніе Новгородцы. .	54	81,6	47	81,7	101	81,6	38	13	3	26	18
Сѣверяне:											
a) Курганные.	27	82,2	5	81,3	32	82,0	15	10	2	4	1
b) Кладбищенскіе. . .	22	81,1	9	82,5	31	81,5	16	5	1	6	2
Поляне:											
a) Кіевск. Курганные .	10	82,5	4	87,0	14	83,8	7	2	1	1	1
b) Кіевск. Кладбищен.											
IX–XI в.	3	84,3	2	83,9	5	84,2	1	1	1	1	1
XII–XIII в. . . .	10	82,5	4	84,3	14	83,0	7	2	1	1	2
Древляне:											
a) Кіевскіе	50	82,4	1	88,6	51	82,5	44	—	6	—	—
b) Волынскіе	—	—	—	—	8	79,6	—	—	—	—	—
Кривичи:											
a) Западные	8	87,9	7	87,3	15	86,5	3	2	3	3	—
b) Восточные.	4	86,0	1	82,3	5	85,2	2	1	1	1	—
Московск. кладбищъ XVI–XVIII в. . . .	64	84,4	52	83,2	116	83,9	28	16	20	27	15
В) Западные.											
Краков. XVII–XVIII в.	23	80,8	24	79,0	47	72,7	18	2	3	22	2
Современные.	37	79,9	14	80,8	51	80,1	—	—	—	—	—
Люблинскіе											
VI—XVII в. . . .	16	79,3	5	79,5	21	79,3	—	—	—	—	—
XVIII в.	10	78,5	16	78,1	26	78,2	—	—	—	—	—
XIX в.	3	79,2	13	80,1	16	79,8	—	—	—	—	—
Не славянъ, но славянской эпохи:											
Кіевскіе	10	83,3	5	83,8	15	83,5	5	3	2	2	2
Мерянскіе	27	81,0	19	83,5	46	82,1	17	9	1	9	8
Мордовскіе.	8	81,0	—	—	—	—	4	4	—	—	—
Касимовскіе	15	82,2	8	86,5	23	83,7	11	2	2	2	2
Тверскіе	21	89,3	17	85,8	38	87,7	4	12	5	5	9
Полтавскіе	10	81,8	3	84,6	13	82,4	6	4	—	1	1
Эпохи камня и бронзы:											
Юго-Западной Руси . .	25	85,0	6	81,1	31	84,2	8	9	8	4	—
Кіевскіе	6	85,2	—	—	—	—	1	4	1	—	—
Скиѳо-Сарматской эпохи.											
Кіевскіе	5	89,6	2	90,1	7	89,8	2	—	3	—	1
Полтавскіе.	4	85,7	5	83,1	9	84,3	1	—	3	3	1
»	4	84,8	3	82,4	7	83,8	1	3	—	2	1

лахъ.			въ %.										
Малые до 83,0.	Средн. 83, 01—87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01—87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01—87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01—87.	Больш. 87, 01 и в.	Авторъ.
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
64	31	6	70,4	24,1	5,5	55,8	38,3	6,4	63,4	30,7	5,9	Иковъ и Тихомировъ.
19	11	2	55,5	37,0	7,4	80,0	20,0	—	59,4	34,4	6,2	Богдановъ.
22	7	2	72,7	22,7	4,5	66,7	22,2	11,1	57,1	21,4	21,4	Тихомировъ.
8	3	3	70,0	20,0	10,0	25,0	25,0	50,0	57,1	21,4	21,4	Талько-Грынцевичъ.
2	2	1	33,3	33,3	33,3	50,0	50,0	—	40,0	40,0	20,0	Богдановъ.
8	4	2	70,0	20,0	10,0	25,0	50,0	25,0	57,1	28,6	14,3	
44	—	7	88,0	—	12,0	—	—	100	86,3	—	13,7	Талько-Грынцевичъ.
7	1	—	—	—	—	—	—	—	87,5	12,5	—	Гамченко.
6	2	7	37,5	25,0	37,5	42,8	—	57,1	40,0	13,3	46,7	Талько-Грынцевичъ.
3	1	1	50,0	25,0	25,0	100	—	—	60,0	20,0	20,0	Иковъ.
55	31	30	43,7	25,0	31,2	51,9	28,8	19,2	47,4	26,7	25,9	Богдановъ.
40	4	3	78,3	8,7	13,0	91,7	8,3	—	85,1	8,5	6,4	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Олехновичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
7	5	3	50,0	30,0	20,0	40,0	40,0	20,0	46,7	33,3	20,0	Богдановъ.
26	17	3	63,0	33,3	3,7	47,4	42,1	10,5	56,5	36,9	6,5	Иковъ.
—	—	—	50,0	50,0	—	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
13	4	6	73,3	13,3	13,3	25,0	25,0	50,0	56,5	17,4	26,1	
9	21	8	19,0	57,1	23,8	29,4	52,9	17,6	23,7	55,3	21,0	Иковъ.
7	5	1	60,0	40,0	—	33,3	33,3	33,3	53,8	38,5	7,7	Богдановъ.
12	9	10	32,0	36,0	32,0	66,7	—	33,3	38,7	29,0	32,2	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	16,7	66,6	16,7	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	1	4	40,0	—	60,0	—	50,0	50,0	28,6	14,3	57,1	Талько-Грынцевичъ.
4	1	4	25,0	—	75,0	60,0	20,0	20,0	44,4	11,1	44,4	Богдановъ.
3	4	—	25,0	75,0	—	66,7	33,3	—	42,8	57,1	—	Коврайскій.

Народность.	Средне.						Въ абсолютныхъ чис[illegible]					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	[illegible]
							Мужскихъ.			Женскихъ.		
Разные:												
Суджинскіе.	7	85,7	10	84,8	17	85,2	1	4	2	3	3	[illegible]
Московск. населеніе VIII—X в.	58	82,3	57	81,4	115	81,9	36	14	8	39	12	[illegible]
Земли Войска Донского.	4	83,6	1	82,1	5	83,3	2	1	1	1	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ.	23	83,4	15	80,4	38	82,2	12	4	7	12	3	—
Населеніе Кавказа.												
Древн. кург. и могилъ .	22	83,2	13	82,0	35	82,8	9	9	4	6	5	2
Современные:												
Абхазцы.	11	79,3	10	78,4	21	78,8	8	3	—	9	—	1
Натухайцы	14	84,1	5	84,2	19	84,1	4	8	2	1	3	1
Шапсуги.	28	83,0	22	82,4	50	82,7	14	9	5	12	6	4
Болгары:												
Могилы древн. Волжск.	22	82,4	9	84,5	31	83,0	14	7	1	4	3	2
Современ. Придунайск.	18	86,9	11	85,6	29	86,4	4	3	11	5	1	5
Финно-Угры:												
Древн. Чуваши	25	81,6	24	81,6	49	81,6	17	7	1	15	7	2
Современ. Вогулы. . .	23	88,0	20	86,3	43	87,2	5	4	14	7	5	8
Древнее Приуральское населеніе:												
Башкиры Оренбургск. кладбищъ.	9	80,7	8	81,5	17	81,0	8	1	—	6	—	1
Могилы Ногайскихъ хановъ.	8	78,8	—	—	—	—	6	1	1	—	—	—
Пермск. курган. . . .	14	79,8	7	83,6	21	81,6	12	2	—	5	—	2
Тобольск. курган. . .	5	82,1	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—
Забайкальское населеніе:												
Каменн. вѣка.	3	88,8	3	74,5	6	81,6	—	2	1	2	1	—
Погреб. въ срубахъ . .	16	85,2	5	85,9	21	85,4	3	7	6	1	2	2
Современные:												
Калмыки.	—	—	—	—	78	84,1	—	—	—	—	—	—
Халхасцы	18	87,0	17	87,4	35	87,2	3	8	7	2	7	8
Буряты	14	87,1	6	79,4	20	84,8	3	5	6	4	1	1

...лахъ.			въ %.									Авторъ.
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	Больш. 87, 01 и в.	Малые до 83,0.	Средн. 83, 01–87.	Больш. 87, 01 и в.	
4	7	6	14,3	57,1	28,6	30,0	30,0	40,0	23,5	41,2	35,3	Богдановъ.
75	26	14	62,1	24,1	13,8	68,4	21,1	10,5	65,2	22,5	12,2	
3	1	1	50,0	25,0	25,0	100	—	—	60,0	20,0	20,0	Иковъ.
24	7	7	52,2	17,4	30,4	80,0	20,0	—	63,2	18,4	18,4	Зографъ и Тихомировъ.
15	14	6	40,9	40,9	18,2	46,1	38,4	15,4	42,9	40,0	17,1	Богдановъ.
17	3	1	72,7	27,2	—	90,0	—	10,0	80,9	14,3	4,8	Богдановъ.
5	11	3	28,6	57,1	14,3	20,0	60,0	20,0	26,3	57,9	15,8	
26	15	9	50,0	32,1	17,8	54,5	27,3	18,2	52,0	30,0	18,0	
18	10	3	63,6	31,8	4,5	44,4	33,3	22,2	58,1	32,2	9,7	Тихомировъ.
9	4	16	22,2	16,7	61,1	45,4	9,1	45,4	31,0	13,8	55,2	
32	14	3	68,0	28,0	4,0	62,5	29,2	8,3	65,3	28,6	6,1	Зографъ.
12	9	22	21,7	17,4	60,9	35,0	25,0	40,0	27,9	20,9	51,1	Силиничъ.
14	1	2	88,8	11,1	—	75,0	—	25,0	82,3	5,9	11,7	Зографъ.
—	—	—	75,0	12,5	12,5	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
17	2	2	85,7	14,3	—	71,4	—	28,6	80,9	9,5	9,5	Зографъ.
—	—	—	80,0	20,0	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	3	1	—	66,7	33,3	66,7	33,3	—	33,3	50,0	16,7	Талько-Грынцевичъ.
4	9	8	18,7	43,7	37,5	20,0	40,0	40,0	19,0	42,8	38,1	
33	24	21	—	—	—	—	—	—	42,3	30,8	26,9	Ивановскій.
5	15	15	16,7	44,4	38,9	11,8	41,2	47,0	14,3	42,8	42,8	Талько-Грынцевичъ.
7	6	7	21,4	35,7	42,8	66,6	16,7	16,7	35,0	30,0	35,0	

(по 57,1%) и слабѣе выраженными въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVII в, (47,6%). У Полянъ кладбищенскихъ IX—XI в. выступаютъ одинаково часто какъ малые, такъ и средніе лбы (по 40%) — и лишь у западныхъ Кривичей преобладаютъ большіе (46,7%).

По преобладающей частотѣ малыхъ лобныхъ указателей Древляне наиболѣе приближаются къ черепамъ Краковскимъ XVII—XVIII в. (85,1%), древнихъ Башкирскихъ кладбищъ (82,3%), кургановъ Пермскихъ (80,9%), Тобольскихъ (80,0%) и современныхъ Абхасцевъ (80,9%).

По меньшей частотѣ малыхъ лобныхъ указателей Новгородцы, Сѣверяне, Поляне курганные и кладбищенскіе XII—XIII в. и восточные Кривичи напоминаютъ черепа Мерянскіе (56,5%), Касимовскіе (56,5%), Московскіе VIII—X в. (65,2%), земли Войска Донского (60,0%), Крымскихъ пещеръ и могилъ (63,2%), древнихъ Волжскихъ Болгаръ (58,1%) и Чувашей (65,3%). Слабо выраженные малые лобные указатели Полянъ кладбищенскихъ IX—XI в. и Московскихъ кладбищъ XVI—XVII в. приближаютъ

Народность.	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Мужскихъ.	Среднее. Число наблюденій.	Среднее. Женскихъ.	Итого. Число наблюденій.	Итого. Всего.	Мужскихъ. Узко-затыл. до 78.	Мужскихъ. Средне-широт. 78,1—78.	Мужскихъ. Широко-затыл. 78,1 и больше.	Въ абсолютныхъ… Женскихъ. Узко-затыл. до 78.	Женскихъ. Средне-затыл. 78,1—78.	Женскихъ. Широко-затыл. 78,1 и больше.
СЛАВЯНЕ.												
А) *Восточные:*												
Древніе Новгородцы	55	78,2	33	77,0	88	77,8	1	26	28	4	19	[illegible]
Сѣверяне:												
a) Курганные	25	79,4	5	80,0	30	79,5	—	7	18	—	1	[illegible]
b) Кладбищенскіе	20	77,5	6	77,1	26	77,4	2	9	9	1	3	[illegible]
Поляне:												
a) Курганные	14	86,5	2	83,1	16	86,1	—	2	12	—	—	[illegible]
b) Кладбищенскіе:												
IX—XI в.	4	75,3	2	77,7	6	76,1	1	2	1	—	1	[illegible]
XII—XIII в.	10	75,2	4	74,5	14	75,0	2	6	2	1	3	[illegible]
Древляне:												
Кіевскіе	50	89,1	1	87,2	51	89,1	—	—	50	—	—	[illegible]
Кривичи:												
a) Западные	7	85,2	8	89,2	15	87,4	—	—	7	—	—	[illegible]
b) Восточные	4	81,3	2	82,3	6	81,6	—	1	3	—	—	[illegible]
Московскихъ кладб. XVI—XVIII в.	57	77,0	54	76,2	111	76,6	8	22	27	6	36	[illegible]
В) *Западные:*												
Плоцкіе курганные	—	—	—	—	7	89,8	—	—	—	—	—	—
Краковскіе XVII—XVIII в.	23	87,5	23	86,8	46	87,1	—	—	23	—	—	[illegible]

ихъ къ черепамъ Кіевскимъ славянскимъ, но не славянской эпохи (46,7%), эпохи камня и бронзы Юго-Западнаго края (38,7%), Полтавскимъ Скиѳо-Сарматской эпохи (42,8%—44,4%), древнихъ Кавказскихъ кургановъ и могилъ (42,9%), соврем. Шапсуговъ (52,0%), Калмыковъ (42,3%), Бурятъ (35,0%) и Забайкальскимъ каменнаго вѣка (33,3%); Кривичи западные съ преобладающими большими лобными указателями подходятъ къ черепамъ Кіевскимъ Скиѳо-Сарматской эпохи (57,1%), современнымъ Придунайскимъ Болгарамъ (55,2%) и Вогуламъ (57,1%), Халхасцамъ (42,8%) и отчасти Бурятамъ (35,0%).

g) Затылочно-широтный указатель.

Чтобы покончить со строеніемъ черепа, намъ приходится еще разсмотрѣть отношеніе ширины затылка къ наибольшей ширинѣ черепа, а затѣмъ отношеніе ширины затылка къ наименьшей ширинѣ лба.

Отношеніе затылочнаго діаметра къ наибольшему широтному, или т. н. затылочно-широтный указатель, представляется слѣдующимъ образомъ:

…ислахъ.			Въ %.									Авторъ.
Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
5	45	38	1,8	47,3	50,9	12,1	57,6	18,2	5,7	51,1	43,2	Иковъ и Тихомировъ.
—	8	22	—	28,0	72,0	—	20,0	80,0	—	26,6	73,3	Богдановъ.
3	12	11	10,0	45,0	45,0	16,6	50,0	83,3	11,5	46,1	42,3	Тихомировъ.
—	2	14	—	14,3	85,7	—	—	100	—	12,5	87,5	Талько-Грынцевичъ.
1	3	2	25,0	50,0	25,0	—	50,0	50,0	16,6	50,0	33,3	Богдановъ.
3	9	2	20,0	60,0	20,0	25,0	75,0	—	21,4	64,3	14,3	Богдановъ.
—	—	51	—	—	100	—	—	100	—	—	100	Талько-Грынцевичъ.
—	—	15	—	—	100	—	—	100	—	—	100	Талько-Грынцевичъ.
—	1	5	—	25,0	75,0	—	—	100	—	16,6	83,3	Иковъ.
14	58	39	14,0	38,6	47,4	11,1	66,6	22,2	12,6	52,2	35,1	Богдановъ.
—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	100	Рутковскій.
—	—	46	—	—	100	—	—	100	—	—	100	Коперницкій.

Народность.	Среднее.						Въ абсолютныхъ					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Итого. Число наблюденій.	Итого. Всего.	Мужскихъ. Узко-затыл. до 73.	Мужскихъ. Средне-широт. 73,1—78.	Мужскихъ. Широко-затыл. 78,1 и больше.	Женскихъ. Узко-затыл. до 73.	Женскихъ. Средне-затыл. 73,1—78.	Женскихъ. Широко-затыл.
Не славянъ, но славянской эпохи:												
Кіевскіе курганные. .	11	77,4	4	78,7	15	77,8	1	7	3	—	2	2
Мерянскіе.	32	79,7	24	79,7	56	79,7	—	9	23	1	9	14
Мордовскіе	6	78,8	—	—	—	—	1	3	2	—	—	—
Касимовскіе	13	78,2	12	81,2	25	79,6	—	7	6	—	1	11
Тверитяне.	20	78,9	15	80,0	35	79,4	1	7	12	—	2	13
Полтавскіе.	11	76,9	4	78,8	15	77,4	1	5	5	—	2	2
Эпохи камня и бронзы:												
Юго-Западной Руси. .	10	86,2	2	77,2	12	84,7	—	2	8	—	1	1
Кіевскіе.	5	82,4	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—
Скиво-Сарматской эпохи:												
Кіевскіе.	2	82,7	1	80,3	3	81,9	—	1	1	—	—	1
Полтавскіе {	5	83,2	4	78,7	9	81,2	—	—	5	—	1	3
{	3	81,3	1	78,3	4	80,5	—	1	2	—	—	1
Разные:												
Суджинское племя (Сѣверская область).	7	82,9	10	82,8	17	82,8	—	—	7	—	—	10
Московское населеніе VIII—X в..	50	80,6	41	79,0	91	79,9	—	15	35	1	18	22
Курганное населеніе Земли Войска Донскаго	4	76,5	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ	15	76,4	9	78,0	24	77,0	2	6	7	—	5	4
Населеніе Кавказа:												
Древнихъ кургановъ и могилъ	20	76,8	12	77,2	32	77,0	1	11	8	2	6	4
Современные:												
Абхасцы	11	75,1	11	74,2	22	74,6	2	9	—	3	7	1
Натухайцы	14	78,8	5	77,1	19	78,4	2	1	11	1	3	1
Шапсуги	28	77,3	21	76,7	49	77,0	3	11	14	2	14	5
Болгары:												
Могилы. Древніе Волжскіе.	17	78,8	9	79,1	26	78,9	—	7	10	1	1	7
Соврем. Придунайскіе.	18	76,6	12	77,7	30	77,1	2	12	4	1	6	5
Финно-Угры:												
Древніе Чуваши . . .	23	78,9	23	77,9	46	78,4	—	10	13	1	9	13
Современные Вогулы.	22	79,6	21	78,9	43	79,3	1	7	14	—	10	11

числахъ.			Въ %.									Авторъ.
Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
1	9	5	9,1	63,6	27,3	—	50,0	50,0	6,6	60,0	33,3	Богдановъ.
1	18	37	—	28,1	71,9	4,2	37,5	58,3	1,8	32,1	66,1	Иковъ.
—	—	—	16,6	50,0	33,3	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
—	8	17	—	53,8	46,1	—	8,3	91,6	—	32,0	68,0	
1	9	25	5,0	35,0	60,0	—	13,3	86,6	2,8	25,7	71,4	Иковъ.
1	7	7	9,1	45,4	45,4	—	50,0	50,0	6,7	46,6	46,6	Богдановъ.
—	3	9	—	20,0	80,0	—	50,0	50,0	—	25,0	75,0	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	1	2	—	50,0	50,0	—	—	100	—	33,3	66,6	Талько-Грынцевичъ.
—	1	8	—	—	100	—	25,0	75,0	—	11,1	88,8	Богдановъ.
—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Коврайскій.
—	—	17	—	—	100	—	—	100	—	—	100	Богдановъ.
1	33	57	—	30,0	70,0	2,4	43,9	53,6	1,1	36,3	62,6	
—	—	—	—	75,0	25,0	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
2	11	11	13,3	40,0	46,6	—	55,5	44,4	8,3	45,8	45,8	Зографъ и Тихомировъ.
3	17	12	5,0	55,0	40,0	16,6	50,0	33,3	9,4	53,1	37,5	Богдановъ.
5	16	1	18,2	81,8	—	27,3	63,6	9,1	22,7	72,7	4,5	
3	4	12	14,3	7,1	78,6	20,0	60,0	20,0	15,8	21,0	63,2	
5	25	19	10,7	39,3	50,0	9,5	66,6	23,8	10,2	51,0	38,8	
1	8	17	—	41,2	58,8	11,1	11,1	77,7	3,8	30,8	65,4	Тихомировъ.
3	18	9	11,1	66,6	22,2	8,3	50,0	41,7	10,0	60,0	30,0	
1	19	26	—	43,5	56,5	4,3	39,1	56,5	2,1	41,3	56,5	Зографъ.
1	17	25	4,5	31,8	63,6	—	47,6	52,4	2,3	39,5	58,1	Силиничъ.

Народность.	Среднее.				Итого.		Въ абсол[illegible]					
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Всего.	Мужскихъ. Узко-затыл. до 73.	Мужскихъ. Средне-широт. 73,1—78.	Мужскихъ. Широко-затыл. 78,1 и больше.	Женскихъ. Узко-затыл. до 73.	Женскихъ. Средне-широт. 73,1—78.	[illegible]
Древнее Приуральское населеніе:												
Башкиры древнихъ кладбищъ	8	77,2	7	76,6	15	76,9	—	5	3	1	4	[illegible]
Могилы Нагайскихъ хановъ (Уфимской губ.).	7	77,7	—	—	—	—	1	3	3	—	—	[illegible]
Пермскіе курганные .	14	79,3	5	77,5	19	78,8	1	5	8	1	2	[illegible]
Тобольскіе курганные	5	80,0	—	—	—	—	—	1	4	—	—	—
Населеніе Забайкалья:												
Эпохи камня.	2	94,5	2	94,2	4	94,3	—	—	2	—	—	[illegible]
Могилы въ срубахъ .	18	91,6	5	87,0	23	90,6	—	—	18	—	—	[illegible]
Современные:												
Калмыки	—	—	—	—	68	77,2	—	—	—	—	—	—
Буряты	13	75,6	5	70,9	18	74,5	—	—	—	—	—	—
Халхасцы	17	78,0	18	75,9	35	76,9	—	—	—	—	—	—

По затылочно-широтному указателю Новгородцы — средне-широтные (77,8), Сѣверяне курганные — широтно-затылочные (79,5), а кладбищенскіе — средне-широтные (77,4), Поляне курганные — особенно широтно-затылочные (86,1), тогда какъ кладбищенскіе — средне-широтные (76,1—75,0); Древляне — особенно широтно-затылочные (89,1), какъ и Кривичи (87,4—81,6), а черепа Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. — средне-широтные (76,6). Что же касается польскихъ череповъ, то какъ Плоцкіе XVI в., такъ и Краковскіе XVII—XVIII в. — широтно-затылочные (89,8 и 87,1). Изъ сказаннаго проистекаетъ, что у Древлянъ, Кривичей, курганныхъ Сѣверянъ, Полянъ и Поляковъ черепа — широтно-затылочные, тогда какъ у Новгородцевъ, кладбищенскихъ Сѣверянъ, Полянъ и въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в. — средне-широтные. Слѣдовательно, древнимъ черепамъ Восточныхъ Славянъ присуща большая ширина затылка, которою они болѣе напоминаютъ польскіе, тогда какъ болѣе поздніе — средне-широтные.

Что же касается отношенія череповъ Восточныхъ Славянъ къ черепамъ другихъ народностей, то черепа древнихъ Новгородцевъ, Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. и кладбищенскіе Сѣверянскіе и Полянскіе средне-широтные соотвѣтствуютъ не славянскимъ, но славянской эпохи курганнымъ Кіевскимъ (77,8) и Полтавскимъ (77,4), Крымскихъ пещеръ и могилъ,

...ислахъ.			Въ %.									
Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Узко-затыл. до 73.	Средне-широт. 73,1—78.	Широко-затыл. 78,1 и больше.	Авторъ.
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
1	9	5	—	62,5	37,5	14,3	57,1	28,6	6,6	60,0	33,3	Зографъ.
—	—	—	14,3	42,8	42,8	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
2	7	10	7,1	35,7	57,1	20,0	40,0	40,0	10,5	36,8	52,6	Зографъ.
—	—	—	—	20,0	80,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	4	—	—	100	—	—	100	—	—	100	Талько-Грынцевичъ.
—	—	23	—	—	100	—	—	100	—	—	100	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ивановскій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

(Кавказскихъ кургановъ и могилъ (по 77,0), современныхъ Шапсуговъ (77,0), современныхъ Придунайскихъ Болгаръ (77,1), Башкиръ древнихъ кладбищъ (76,9), могилъ Ногайскихъ хановъ (77,7), современныхъ Калмыковъ (77,2), Халхасцевъ (76,9) и Бурятъ (74,5), тогда какъ Древлянскіе, Кривичанскіе и курганные Сѣверянскіе и Полянскіе черепа соотвѣтствуютъ болѣе широтно-затылочнымъ черепамъ эпохи камня и бронзы Юго-Западной Руси (84,7), Скиѳо-Сарматской эпохи (81,9—80,5), Суджинскихъ могилъ (82,8), Московскихъ кургановъ VIII—X в. (79,9), современныхъ Натухайцевъ (78,4), древнихъ Волжскихъ Болгаръ (78,9), древнихъ Чувашей (78,4), Вогуловъ (79,3) и Пермскихъ кургановъ (78,8) и уступаютъ черепамъ съ болѣе широкимъ затылкомъ — Забайкальскимъ эпохи камня (94,3) и погребеній въ срубахъ (90,6).

C) Строеніе лица.

a) *Лицевая линія.*

Лицевая линія, или длина лица, измѣренная отъ носовой точки до челюстной[1]), представляется слѣдующимъ образомъ:

1) По недостатку измѣреній лица многихъ народностей мы приняли одно Вирховское измѣреніе.

Народность.	Среднее.						Въ абсолют…					
					Общее.		Мужскихъ.			Женскихъ.		
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	[illegible]
СЛАВЯНЕ.												
А) *Восточные:*												
Древніе Новгородцы	41	66	26	62	67	64	4	32	5	8	17	1
Сѣверяне:												
a) Курганные	20	68	5	62	25	67	—	18	2	—	3	[illegible]
b) Кладбищенскіе	13	63	2	67	15	64	3	9	1	—	2	—
Поляне:												
a) Курганные	2	69	3	66	5	67	—	1	1	1	2	—
b) Кладбищенскіе:												
IX—XI в.	3	66	1	64	4	65	—	3	—	—	1	—
XII—XIII в.	8	66	4	66	12	66	—	7	1	1	2	1
Древляне:												
a) Кіевскіе	49	86	1	67	50	86	—	—	49	1	—	—
b) Волынскіе	—	—	—	—	7	71	—	—	—	—	—	—
Кривичи:												
a) Западные	5	73	4	73	9	73	—	2	3	—	1	[illegible]
b) Восточные	4	68	1	63	5	67	—	4	—	—	1	—
Московскихъ кладб. XVI—XVIII в.	51	62	40	64	91	63	2	39	10	7	31	[illegible]
Не славянъ, но славянской эпохи:												
Кіевскіе курганные	12	69	5	66	17	68	1	7	4	—	5	—
Мерянскіе	20	77	20	63	40	70	2	13	5	4	15	1
Мордовскіе	7	63	—	—	—	—	1	6	—	—	—	—
Касимовскіе	8	63	6	63	14	63	3	5	—	1	5	—
Тверитянскіе	18	66	4	62	22	66	2	11	5	2	2	—
Полтавскіе	7	70	3	67	10	68	—	7	—	—	3	—
Эпохи камня и бронзы:												
Юго-Западной Руси	4	85	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
Кіевскіе курганные	4	66	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—
Скиео-Сарматской эпохи:												
Кіевскіе курганные	6	88	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—
Полтавскіе {	3	67	3	67	6	67	—	2	1	—	3	—
	3	70	2	67	5	69	—	1	2	—	1	1
Разные:												
Суджинскіе	5	68	8	62	13	65	—	4	1	3	5	—
Московское населеніе VIII—X в.	52	75	36	70	88	73	—	4	48	—	23	[illegible]
Курганные Земли Войска Донского	4	71	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ	21	66	15	65	36	66	5	10	6	3	10	[illegible]

…числахъ.			Въ %.									Авторъ.
Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	
Среднее.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднее.			
12	49	6	10,0	78,0	12,0	31,0	65,0	4,0	18,0	73,0	9,0	Иковъ и Тихомировъ.
—	21	4	—	90,0	10,0	—	60,0	40,0	—	84,0	16,0	Богдановъ.
3	11	1	23,1	69,2	7,7	—	100	—	20,0	73,3	6,6	Тихомировъ.
1	3	1	—	50,0	50,0	33,3	66,6	—	20,0	60,0	20,0	Талько-Грынцевичъ.
—	4	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	Богдановъ.
1	9	2	—	87,5	12,5	25,0	50,0	25,0	8,3	75,0	16,7	
1	—	49	—	—	100	100	—	—	2,0	—	98,0	Талько-Грынцевичъ.
—	4	3	—	—	—	—	—	—	—	57,1	42,8	Гамченко.
—	3	6	—	40,0	60,0	—	25,0	75,0	—	33,3	66,7	Талько-Грынцевичъ.
—	5	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	Иковъ.
9	70	12	3,9	76,5	19,6	17,5	77,5	5,0	9,9	76,9	13,2	Богдановъ.
1	12	4	8,3	58,3	33,3	—	100	—	5,9	70,6	23,5	Богдановъ.
6	28	6	10,0	65,0	25,0	20,0	75,0	5,0	15,0	70,0	15,0	Иковъ.
—	—	—	14,3	85,7	—	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
3	6	5	37,5	62,5	—	16,6	83,3	—	21,4	42,8	35,7	
4	13	5	11,1	61,1	27,8	50,0	50,0	—	18,2	59,1	22,7	Иковъ.
—	10	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	—	75,0	25,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	5	1	—	66,6	33,3	—	100	—	—	83,3	16,7	Богдановъ.
—	2	3	—	33,0	66,0	—	50,0	50,0	—	40,0	60,0	Коврайскій.
3	9	1	—	80,0	20,0	37,5	62,5	—	23,1	69,2	7,7	Богдановъ.
—	27	61	—	7,7	92,3	—	63,9	36,1	—	30,7	69,3	
—	—	—	—	50,0	50,0	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
8	20	8	23,8	47,6	28,6	66,6	20,0	13,0	22,2	55,5	22,2	Зографъ и Тихомировъ.

Народность.	Среднее.						Въ абсолют…					
					Общее.		Мужскихъ.			Женскихъ.		
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средніе 61—70.	Больш. 71 и выше.
Населеніе Кавказа:												
Древнихъ кургановъ и могилъ	18	68	11	68	29	68	—	11	7	—	9	[illegible]
Абхасцы	8	70	8	68	16	69	—	4	4	1	5	[illegible]
Натухайцы	12	68	5	63	17	67	1	7	4	1	4	—
Шапсуги	29	68	18	63	47	66	3	18	8	5	11	[illegible]
Болгары:												
Древніе Волжскіе	13	69	8	62	21	66	—	7	6	3	5	—
Современные Придунайскіе	15	69	13	64	28	67	—	11	4	2	10	1
Финно-Угры:												
Древніе Чуваши	22	68	20	64	42	66	—	14	8	7	12	1
Приуральское населеніе:												
Башкирскихъ кладбищъ (Оренб. губ.)	7	68	7	64	14	66	—	4	3	2	4	1
Могилы Ногайскихъ хановъ	6	75	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—
Пермскіе курганные	12	70	6	64	18	68	2	5	5	2	4	—
Тобольскіе курганные	5	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Населеніе Забайкалья:												
Современные:												
Калмыки	51	73	13	69	64	72	1	17	33	—	9	4
Буряты	12	74	5	69	17	72	1	1	10	1	2	[illegible]
Халхасцы	14	81	13	76	27	78	—	2	12	—	1	12

Изъ Восточныхъ Славянъ Новгородцы, Сѣверяне, Поляне и Восточные Кривичи мало отличаются какъ средними размѣрами абсолютной длины лица (64—67 мм.), такъ и по числу распредѣленія отдѣльныхъ чиселъ размѣровъ, причемъ наибольшій процентъ приходится на средніе размѣры (60% — 100%). На 4 — 6 мм. болѣе длинное лицо имѣютъ Волынскіе Древляне и Кривичи западные (71 — 73 мм.), причемъ у первыхъ преобладающими размѣрами длины лица являются болѣе средніе (57,1%), нежели большіе (42,8%), а у вторыхъ—большіе (66,7%). Кіевскіе Древляне превышаютъ размѣрами всѣхъ другихъ Славянъ (отъ 13 — 22 мм.), какъ и многихъ народовъ (86 мм.), причемъ у нихъ выступаютъ преимущественно большіе размѣры длины лица (98%). Между нѣкоторыми группами славянъ,

…ислахъ.			Въ %.												
Малые до 60.	Средние 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средние 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средние 61—70.	Больш. 71 и выше.	Малые до 60.	Средние 61—70.	Больш. 71 и выше.	Авторъ.
Среднее.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднее.			
—	20	9	—	61,1	38,9	—	81,8	18,2	—	68,9	31,0	Богдановъ.
1	9	6	—	50,0	50,0	12,5	62,5	25,0	6,2	56,2	37,5	
2	11	4	8,3	58,3	33,3	20,0	80,0	—	11,8	64,7	23,5	
8	29	10	10,3	62,1	27,6	27,8	61,1	11,1	17,0	61,7	21,3	
3	12	6	—	53,8	46,1	37,5	62,5	—	14,3	57,1	28,6	Тихомировъ.
2	21	5	—	73,3	26,7	15,4	77,0	7,6	7,1	75,0	17,8	
7	26	9	—	63,6	36,4	35,0	60,0	5,0	16,7	61,9	21,4	Зографъ.
2	8	4	—	57,1	42,8	28,6	57,1	14,3	14,3	57,1	28,5	Зографъ.
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
4	9	5	16,7	41,6	41,6	33,3	66,6	—	22,2	50,0	27,8	Зографъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
1	26	37	2,0	33,3	64,7	—	69,2	30,8	1,6	40,6	57,8	Ивановскій.
2	3	12	8,3	8,3	83,3	20,0	40,0	40,0	11,8	17,6	70,6	Талько-Грынцевичъ.
—	3	24	—	14,3	85,7	—	7,7	92,3	—	11,1	88,9	

болѣе древними курганными и болѣе поздними кладбищенскими, намъ удалось замѣтить разницу въ томъ, что у первыхъ лица на 2 — 5 мм. длиннѣе, нежели у вторыхъ.

По сравненію съ другими народностями курганные Сѣверяне, Поляне и восточные Кривичи ближе всего стоятъ къ нѣкоторымъ народамъ не славянскимъ, но славянской эпохи: Кіевлянамъ, Мерянамъ, Тверитянамъ и Полтавцамъ (66 — 70 мм.), Кіевлянамъ каменной эпохи (66 мм.), Полтавцамъ Скиѳо-Сарматской эпохи (67 — 69 мм.), Крымскихъ пещеръ и могилъ (66 мм.), древнимъ волжскимъ и современнымъ придунайскимъ Болгарамъ и Чувашамъ (66 — 67 мм.), древнихъ Башкирскихъ кладбищъ (66 мм.), Пермскихъ кургановъ (68 мм.) и древнихъ Кавказскихъ могилъ

(68 мм.); Новгородцы, кладбищенскіе Сѣверяне, Поляне и Москвичи XVI—XVIII в. съ меньшей (на 3 — 5 мм.) длиною лица приближаются къ черепамъ славянской эпохи Мордовцевъ и Касимовцевъ (по 63 мм.); превышающіе своими размѣрами (на 5—7 мм.) первую группу Кривичи (71—73 мм.) съ болѣе значительными размѣрами лица приближаются къ Московскому населенію VIII — X в. (73 мм.), кургановъ Тобольскихъ (76 мм.) и могилъ Ногайскихъ хановъ (75 мм.), къ современнымъ Калмыкамъ, Бурятамъ (по 72 мм.) и Халхасцамъ (78 мм.).

Народность.	Среднее.						Въ абсолютныхъ					
					Общее.		Мужскихъ.			Женскихъ.		
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.
СЛАВЯНЕ.												
А) *Восточные:*												
Древніе Новгородцы	33	52	16	51	49	52	22	8	3	11	5	—
Сѣверяне:												
a) Курганные	8	52	5	49	13	51	7	1	—	4	1	—
b) Кладбищенскіе	9	46	3	51	12	47	9	—	—	2	1	—
Поляне:												
a) Курганные	2	53	2	52	4	52	1	—	1	1	1	—
b) Кладбищенскіе:												
IX—XI в.	3	48	1	50	4	49	3	—	—	1	—	—
XII—XIII в.	6	50	3	50	9	50	5	1	—	2	1	—
Древляне:												
a) Кіевскіе	49	59	1	54	50	59	—	—	49	—	1	—
b) Волынскіе	—	—	—	—	4	59	—	—	—	—	—	—
Кривичи:												
a) Западные	5	58	4	62	9	60	1	1	3	—	—	4
b) Восточные	1	47	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Московскихъ кладб. XVI—XVIII в.	39	48	21	51	60	49	31	6	2	13	5	3
Не славянъ, но славянской эпохи:												
Кіевскіе курганные	9	52	4	49	13	51	6	1	2	4	—	—
Мерянскіе (Яросл. губ.)	8	52	4	51	12	52	3	4	1	4	—	—
Мордовскіе	2	48	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Тверитянскіе	6	51	—	—	—	—	4	1	1	—	—	—
Полтавскіе	2	53	2	51	4	52	2	—	—	2	—	
Эпохи камня и бронзы:												
Курганные Юго-Западной Руси	4	66	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
Кіевскіе	3	47	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—

Древляне кіевскіе могутъ сравниться лишь съ курганными эпохи каменной Юго-Западной Руси (88 мм.) и Кіевской Скиѳо-Сарматской эпохи (88 мм.).

b) *Лицевой указатель.*

Лицевой указатель, или отношеніе лицевой линіи, т.-е. длины лица, къ наибольшей его ширинѣ, слѣдующее:

ислахъ.			Въ %.									
Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Авторъ.
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
33	13	3	66,6	24,2	9,1	68,7	31,2	—	67,3	26,5	6,1	Иковъ и Тихомировъ.
11	2	—	87,5	12,5	—	80,0	20,0	—	84,6	15,4	—	Богдановъ.
11	1	—	100	—	—	66,6	33,3	—	91,7	8,3	—	Тихомировъ.
2	1	1	50,0	—	50,0	50,0	50,0	—	50,0	25,0	25,0	Талько-Грынцевичъ.
4	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	Богдановъ.
7	2	—	83,3	16,6	—	66,6	33,3	—	77,8	22,2	—	
—	1	49	—	—	100	—	—	100	2,0	98,0	—	Талько-Грынцевичъ.
—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	25,0	75,0	Гамченко.
1	1	7	20,0	20,0	60,0	—	—	100	11,1	11,1	77,8	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
44	11	5	79,5	15,4	5,1	61,9	23,8	14,3	73,3	18,3	8,8	Богдановъ.
10	1	2	66,7	11,1	22,2	100	—	—	76,9	7,7	15,4	Богдановъ.
7	4	1	37,5	50,0	12,5	100	—	—	—	—	—	Иковъ.
—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
—	—	—	66,7	16,6	16,6	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
4	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.

Народность.	Среднее.						Въ абсолютн					
					Общее.		Мужскихъ.			Женскихъ.		
	Число наблюденій.	Мужскихъ.	Число наблюденій.	Женскихъ.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	[illegible]
Скиво-Сарматской эпохи:												
Кіевскіе курганные. .	4	67	—	—	—	—	—	—	4	—	—	-
Полтавскіе {	2	56	2	54	4	55	1	1	—	—	2	-
.	2	59	1	54	3	57	—	—	—	—	—	-
Разные:												
Суджинскіе	4	51	6	52	10	51	3	1	—	4	1	1
Московское населеніе VIII—X в.	4	51	7	51	11	51	4	—	—	6	1	-
Курганные Земли Войска Донского . .	2	51	—	—	—	—	2	—	—	—	—	-
Курганные Крымск. пещеръ и могилъ. .	10	49	7	51	17	50	9	1	—	5	—	2
Населеніе Кавказа:												
Древнихъ кургановъ и могилъ	12	51	8	54	20	53	9	2	1	1	6	1
Соврем. Абхасцы. . .	7	53	6	54	13	53	3	8	1	—	5	1
» Натухайцы. .	9	52	5	51	14	51	6	3	—	5	—	-
» Шапсуги. . .	23	52	18	51	41	52	13	6	4	10	5	3
Болгары:												
Древніе Волжскіе. . .	4	51	3	49	7	50	2	2	—	8	—	-
Соврем. Придунайскіе.	15	52	11	52	26	52	7	6	2	7	4	-
Финно-Угры:												
Древніе Чуваши . . .	18	52	11	54	29	53	9	8	1	8	6	2
Соврем. Вогулы . . .	24	51	18	52	42	52	15	7	2	11	5	2
Приуральское населеніе:												
Башкирскихъ кладб. (Оренб. губ.)	5	53	5	51	10	52	4	1	—	3	2	-
Могилъ Ногайскихъ хановъ	6	53	—	—	—	—	3	2	1	—	—	-
Пермскіе курганные .	5	49	3	54	8	52	4	—	1	—	3	-
Тобольскіе курганные.	4	54	—	—	—	—	2	2	—	—	—	-
Населеніе Забайкалья:												
Современные:												
Калмыки	43	53	10	52	53	53	19	19	5	5	5	—
Буряты	12	55	5	57	17	56	3	4	5	1	2	1
Халхасцы	14	60	14	59	28	60	1	2	11	1	3	10

По относительному размѣру лица, или лицевому указателю, кладбищенскіе Сѣверяне и Поляне (47—50), какъ и Москвичи XVI—XVIII в. (49), уступаютъ длиною лица (на 2 — 5) древнимъ Новгородцамъ, курганнымъ Сѣверянамъ и Полянамъ (51 — 52), а еще болѣе (отъ 9 — 13) —Древлянамъ (59) и западнымъ Кривичамъ (60).

…ислахъ.			Въ %.									
…	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Малые до 53.	Средніе 53,01—57.	Больш. 57,01 и бол.	Авторъ.
Среднихъ.			Мужскихъ.			Женскихъ.			Среднихъ.			
—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
1	3	—	50,0	50,0	—	—	100	—	25,0	75,0	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Коврайскій.
7	2	1	75,0	25,0	—	66,7	16,6	16,6	70,0	20,0	10,0	Богдановъ.
0	1	—	100	—	—	85,7	14,3	—	90,9	9,1	—	
—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
4	1	2	90,0	10,0	—	71,5	—	28,5	82,3	5,8	11,8	Зографъ и Тихомировъ.
0	8	2	75,0	16,7	8,3	12,5	75,0	12,5	50,0	40,0	10,0	Богдановъ.
3	8	2	42,8	42,8	14,3	—	83,3	16,7	23,1	61,5	15,4	
1	3	—	66,7	33,3	—	100	—	—	78,6	21,4	—	
23	11	7	56,5	26,1	17,4	55,5	27,8	16,7	56,1	26,8	17,1	
5	2	—	50,0	50,0	—	100	—	—	71,4	28,6	—	Тихомировъ.
14	10	2	46,7	40,0	13,3	63,6	36,3	—	53,8	38,4	7,7	
12	14	3	50,0	44,4	5,5	27,3	54,5	18,2	41,4	48,3	10,3	Зографъ.
26	12	4	62,5	29,2	8,3	61,1	27,8	11,1	61,9	28,5	9,5	Силиничъ.
7	3	—	80,0	20,0	—	60,0	40,0	—	70,0	30,0	—	Зографъ.
—	—	—	50,0	33,3	16,7	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
4	3	1	80,0	—	20,0	—	100	—	50,0	37,5	12,5	Зографъ.
—	—	—	50,0	50,0	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
24	24	5	44,2	44,2	11,6	50,0	50,0	—	45,3	45,3	9,4	Ивановскій.
4	6	7	25,0	33,3	41,6	20,0	40,0	40,0	23,5	35,3	41,2	Талько-Грынцевичъ.
2	5	21	7,1	14,3	78,6	7,1	21,4	71,4	7,1	17,8	75,0	

По отдѣльнымъ лицевымъ указателямъ малыя лица выступаютъ преимущественно у курганныхъ Сѣверянъ (84,6%) и кладбищенскихъ (91,7%), Полянъ кладбищенскихъ (77,8—100%) и въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в. (73,3%); слабѣе — у древнихъ Новгородцевъ (67,3%) и Полянъ курганныхъ (50%); у Древлянъ кіевскихъ лица преимущественно

среднія (98%), а у волынскихъ и западныхъ Кривичей—особенно большія (77,8—78%).

По сравненію съ другими народностями, по лицевымъ указателямъ, Новгородцы, Сѣверяне, Поляне и Москвичи XVI—XVIII в. малыми размѣрами лица подходятъ къ большинству изъ приведенныхъ нами разныхъ народностей, какъ-то: неславянскихъ, но славянской эпохи (51—52), Кіевлянъ каменной эпохи (47), кургановъ Суджанскихъ (51), Московскихъ VIII—X в. (51), Крымскихъ (50), Кавказскихъ могилъ (53), современнаго населенія Кавказа (51—53), древнихъ Болгаръ и Чувашей (50—53), Приуральскаго населенія (52—54), современныхъ Вогуловъ (51,6) и Калмыковъ (53).

Древляне и западные Кривичи, напротивъ, имѣютъ большіе размѣры лица и въ этомъ отношеніи подходятъ къ курганнымъ Полтавскимъ Скиѳо-

Народность.	Среднее						Въ абсолютныхъ					
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Общее. Число наблюденій.	Общее. Итого.	Мужчины. Малые до 83.	Мужчины. Средніе 83,01—89.	Мужчины. Большіе 89,01 и бол.	Женщины. Малые до 83.	Женщины. Средніе 83,01—89.	Женщины. Большіе 89,01 и бол.
СЛАВЯНЕ.												
А) *Восточные*:												
Древніе Новгородцы	44	79,77	28	82,87	72	81,27	29	14	1	15	7	[illegible]
Сѣверяне:												
а) Курганные . .	24	85,67	6	88,15	30	86,22	6	9	9	—	4	[illegible]
b) Кладбищенскіе. . .	16	80,05	8	79,30	24	79,90	12	4	—	5	3	—
Поляне:												
а) Курганные . . .	13	81,07	4	80,75	17	80,99	8	4	1	2	2	—
b) Кладбищенскіе:												
IX—XI в. . . .	4	79,80	2	82,40	6	80,70	3	1	—	1	1	—
XII—XIII в.	8	77,5	4	86,5	12	80,40	6	2	—	2	—	[illegible]
Древляне:												
а) Кіевскіе.	48	80,35	1	82,05	49	80,38	45	2	1	1	—	—
b) Волынскіе. . . .	—	—	—	—	7	75,46	—	—	—	—	—	—
Кривичи:												
а) Западные. . . .	5	84,18	5	89,08	10	86,63	2	2	1	—	4	1
b) Восточные.	4	79,73	1	89,19	5	81,62	3	1	—	—	—	1
Московскихъ кладб.												
XVI—XVIII в. . . .	54	83,03	43	82,86	97	82,99	33	15	6	13	23	7
Современные русскіе:												
Сѣверныхъ губерній .	160	82,0	24	82,0	184	82,0	78	56	26	10	8	6
Разныхъ губерній .	—	—	—	—	15	89,1	—	—	—	—	—	—
	8	84,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	13	89,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	89,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	25	82,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Сарматской эпохи (55 — 57), Бурятамъ (57), Халхасцамъ (60), уступая лишь большимъ размѣрамъ длины лица народовъ каменной эпохи Юго-Западнаго края (66) и Кіевскихъ Скиѳо-Сарматской эпохи (67).

Изъ приведенныхъ двухъ послѣднихъ таблицъ абсолютной длины лица и относительной (къ его ширинѣ) явствуетъ, что у Новгородцевъ, Сѣверянъ, Полянъ и въ Московскихъ кладбищахъ XVII—XVIII в. какъ абсолютная, такъ и относительная длина лица средняя, тогда какъ у Древлянъ и Кривичей — большая.

c) *Глазничный указатель.*

Глазничный указатель, или отношеніе высоты глазницъ къ ихъ ширинѣ, представляется у нашихъ Славянъ, по сравненію съ другими приводимыми народами, слѣдующимъ образомъ:

…числахъ.			Въ %.									Авторъ.
Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	
Среднихъ.			Мужчины.			Женщины.			Среднихъ.			
44	21	7	65,9	31,8	2,3	53,5	25,0	21,4	61,1	29,2	9,7	Иковъ и Тихомировъ.
6	13	11	25,0	37,5	37,5	—	66,7	33,3	20,0	43,3	36,7	Богдановъ.
17	7	—	75,0	25,0	—	62,5	37,5	—	70,8	29,1	—	Тихомировъ.
10	6	1	61,5	30,8	7,7	50,0	50,0	—	58,8	35,3	5,9	Талько-Грынцевичъ.
4	2	—	75,0	25,0	—	50,0	50,0	—	66,7	33,3	—	Богдановъ.
8	2	2	75,0	25,0	—	50,0	—	50,0	66,7	16,6	16,6	
46	2	1	93,7	4,2	2,1	100	—	—	93,9	4,1	2,0	Талько-Грынцевичъ.
6	1	—	—	—	—	—	—	—	85,7	14,3	—	Гамченко.
2	6	2	40,0	40,0	20,0	—	80,0	20,0	20,0	60,0	20,0	Талько-Грынцевичъ
3	1	1	75,0	25,0	—	—	—	100	60,0	20,0	20,0	Иковъ.
46	38	13	61,1	27,8	11,1	30,2	53,5	16,3	47,4	39,1	13,5	Богдановъ.
88	64	32	48,7	35,0	16,2	41,7	33,3	25,0	47,8	34,8	17,4	Таранецкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Van der Hoeven.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Волькенштейнъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Quatrefages.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.

Народность.	Средн ее.						Въ абсолютн…					
					Общее.		Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.
В) *Западные*:												
Плоцкіе курганные	—	—	—	—	4	83,0	—	—	—	—	—	—
Краковскіе XVII—XVIII в.	19	84,50	17	83,3	36	83,92	8	8	3	6	10	1
Современные	—	82,3	—	84,9	—	—	—	—	—	—	—	—
Люблинскіе XVI—XVIII в.	—	83,0	—	86,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Не славяне, но славянской эпохи:												
Кіевскіе курганные	11	82,50	7	82,0	18	81,70	8	3	—	3	4	—
Мерянскіе (Яросл. губ.)	27	79,08	14	82,78	41	80,48	22	2	3	10	4	—
Мордовскіе	9	81,64	—	—	—	—	4	5	—	—	—	—
Касимовскіе	8	85,02	5	86,87	13	85,77	3	3	2	1	3	1
Тверитянскіе	21	81,22	7	80,88	28	81,12	13	4	4	4	3	—
Полтавскіе	8	85,48	3	82,05	11	85,73	6	1	1	2	1	—
Эпохи камня и бронзы:												
Юго-Западной Руси	6	79,36	—	—	—	—	5	—	1	—	—	—
Кіевскіе	5	82,10	—	—	—	—	3	1	1	—	—	—
Скиво-Сарматской эпохи:												
Кіевскіе	1	82,93	1	78,95	2	80,94	1	—	—	1	—	—
Полтавскіе {	4	82,89	3	86,48	7	84,40	2	1	1	1	2	—
	4	79,50	2	88,75	6	83,25	4	—	—	—	1	[illegible]
Разные:												
Суджанское племя (Сѣверская обл.)	7	85,32	9	86,15	16	85,78	3	2	2	2	4	1
Московское населеніе VI—VIII в.	52	86,21	38	88,87	90	87,33	14	19	19	5	14	19
Курган. насел. Земли Войска Донского	4	81,93	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ	22	83,10	15	71,70	37	78,86	13	6	3	12	1	2
Населеніе Кавказа:												
Древнихъ кургановъ и могилъ	21	82,37	12	85,40	33	83,67	14	4	3	2	9	1
Современные:												
Абхасцы	9	84,18	11	90,74	20	87,82	4	2	3	—	4	7
Натухайцы	14	80,41	5	80,31	19	80,36	9	3	2	3	1	1
Шапсуги	29	81,84	20	85,90	49	83,43	16	12	1	6	8	6

...ислахъ. Средних. Малые до 83.	...ислахъ. Средних. Средніе 83,01—89.	...ислахъ. Средних. Большіе 89,01 и бол.	Въ %. Мужчины. Малые до 83.	Въ %. Мужчины. Средніе 83,01—89.	Въ %. Мужчины. Большіе 89,01 и бол.	Въ %. Женщины. Малые до 83.	Въ %. Женщины. Средніе 83,01—89.	Въ %. Женщины. Большіе 89,01 и бол.	Въ %. Среднихъ. Малые до 83.	Въ %. Среднихъ. Средніе 83,01—89.	Въ %. Среднихъ. Большіе 89,01 и бол.	Авторъ.
2	1	1	—	—	—	—	—	—	50,0	25,0	25,0	Рутковскій.
14	18	4	42,1	42,1	15,8	35,3	58,8	5,9	38,9	50,0	11,1	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Олехновичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
11	7	—	72,7	27,3	—	42,8	57,1	—	61,1	38,9	—	Богдановъ.
32	6	3	81,5	7,4	11,1	71,4	28,6	—	78,0	14,6	7,3	Иковъ.
—	—	—	44,4	55,5	—	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
4	6	3	37,5	37,5	25,0	20,0	60,0	20,0	30,8	46,1	23,1	
17	7	4	61,9	19,0	19,0	57,1	42,8	—	60,7	25,0	14,3	Иковъ.
8	2	1	75,0	12,5	12,5	66,7	33,3	—	72,7	18,2	9,1	Богдановъ.
—	—	—	83,3	—	16,7	—	—	—	—	—	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	60	20	20	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	Талько-Грынцевичъ.
3	3	1	50	25	25	33	66	—	42,8	42,8	14,3	Богдановъ.
4	1	1	100	—	—	—	50,0	50,0	66,7	16,7	16,6	Коврайскій.
5	6	5	42,8	28,6	28,6	22,2	44,4	33,3	31,2	37,5	31,2	Богдановъ.
19	33	38	26,9	36,5	36,5	13,1	36,8	50,0	21,1	36,7	42,2	
—	—	—	50	50	—	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
25	7	5	59,1	27,3	13,6	80,0	6,6	13,3	67,6	18,9	13,5	Зографъ и Тихомировъ.
16	13	4	66,7	19,0	14,3	16,7	75,0	8,3	48,5	39,4	12,1	Богдановъ.
4	6	10	44,4	22,2	33,3	—	36,4	63,6	20,0	30,0	50,0	
12	4	3	64,3	21,4	14,3	60,0	20,0	20,0	63,1	21,0	15,8	
22	20	7	55,2	41,4	3,4	30,0	40,0	30,0	44,9	40,8	14,3	

Народность.	Среднее.						Въ абсолют[illegible]					
					Общее.		Мужчины.			Женщины		
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	[illegible]
Болгары:												
Древнихъ Волжскихъ.	14	82,25	10	81,96	24	82,13	9	3	2	4	5	[illegible]
Соврем. Придунайскіе.	16	82,99	13	83,82	29	83,34	9	3	4	5	4	[illegible]
Финно-Угры:												
Древніе Чуваши . . .	22	85,68	21	88,42	43	87,01	7	7	8	2	10	9
Соврем. Вогулы . . .	25	86,8	20	88,2	45	87,4	7	7	11	3	7	10
Древнее Приуральское населеніе:												
Башкиры древнихъ кладбищъ	7	84,4	7	85,0	14	84,8	4	2	1	2	4	1
Могилы Ногайскихъ хановъ (Уфим. губ.).	6	80,95	—	—	—	—	5	1	—	—	—	—
Пермскіе курганные .	13	83,33	7	86,84	20	83,94	7	2	4	1	3	[illegible]
Тобольскіе курганные.	5	81,33	—	—	—	—	2	3	—	—	—	—
Населеніе Забайкалья:												
Каменнаго вѣка . .	1	83,70	2	75,77	3	78,42	—	1	—	2	—	—
Погребен. въ срубахъ.	13	89,84	5	89,08	18	89,40	3	1	9	—	2	3
Современные:												
Калмыки	55	89,32	14	93,84	69	90,21	6	19	30	1	2	11
Буряты	13	92,74	5	92,28	18	92,61	1	2	10	1	—	4
Халхасцы	13	91,61	15	94,97	28	93,45	1	2	10	—	—	15

По среднему глазничному указателю Восточные Славяне представляютъ между собою нѣкоторое различіе; онъ малыхъ размѣровъ у древнихъ Новгородцевъ (81,27), Полянъ (80,40—80,99), Древлянъ (75,46—80,38), кладбищенскихъ Сѣверянъ (79,90) и восточныхъ Кривичей (81,62), среднихъ размѣровъ въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в. (82,99), а въ особенности у курганныхъ Сѣверянъ (86,22) и западныхъ Кривичей (86,63).

По отдѣльнымъ числамъ глазничныхъ указателей, малые указатели выступаютъ въ наибольшемъ процентѣ у Древлянъ (85,7 — 93,9%), слабѣе — у Новгородцевъ (61,1%), Полянъ (58,8 — 66,7%), кладбищенскихъ Сѣверянъ (70,8) и Восточныхъ Кривичей (60%); средніе глазничные указатели являются у западныхъ Кривичей (60%); у Сѣверянъ курганныхъ, въ Московскихъ кладбищахъ XVI — XVIII в. и у современныхъ

…слахъ.			Въ %									
Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Малые до 83.	Средніе 83,01—89.	Большіе 89,01 и бол.	Авторъ.
Среднихъ.			Мужчины.			Женщины.			Среднихъ.			
13	8	3	64,3	21,4	14,2	40,0	50,0	10,0	54,2	33,3	12,5	Тихомировъ.
14	7	8	56,2	18,7	25,0	38,4	30,8	30,8	48,3	24,1	27,6	
9	17	17	31,8	31,8	36,4	9,5	47,6	42,8	20,9	39,5	39,5	Зографъ.
10	14	21	28,0	28,0	44,0	15,0	35,0	50,0	22,2	31,1	46,7	Силиничъ.
6	6	2	57,1	28,5	14,3	28,5	57,1	14,3	42,8	42,8	14,3	Зографъ.
—	—	—	83,3	16,7	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.
8	5	7	53,8	15,4	30,8	14,3	42,8	42,8	40,0	25,0	35,0	Зографъ.
—	—	—	40	60	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
2	1	—	—	100	—	100	—	—	66,6	33,3	—	Талько-Грынцевичъ.
3	3	12	23,1	7,7	69,2	—	40,0	60,0	16,7	16,7	66,6	
7	21	41	10,9	34,5	54,5	7,1	14,3	78,6	10,1	30,4	59,4	Ивановскій.
2	2	14	7,7	15,4	76,9	20,0	—	80,0	11,1	11,1	77,8	Талько-Грынцевичъ.
1	2	25	7,7	15,4	76,9	—	—	100	3,6	7,1	89,3	

русскихъ встрѣчаются малые указатели (43,3—47,8%), а нѣсколько рѣже и средніе (34,8 — 39,1%).

Древніе Новгородцы, Поляне, Древляне, кладбищенскіе Сѣверяне, восточные Кривичи и Москвичи XVI—XVIII в. по своимъ малымъ глазничнымъ указателямъ приближаются къ современнымъ русскимъ сѣверныхъ губерній (82,0), къ неславянскимъ, но славянской эпохи, народамъ Кіевской губ. (81,70), Мерянамъ (80,48), Мордовцамъ (81,64), Тверитянамъ (81,12), эпохи камня Юго-Западной Руси (79,36), Скиѳо-Сарматской эпохи Кіевской губ. (80,94), черепамъ Крымскихъ пещеръ и могилъ (78,86), черепамъ Натухайцевъ (80,36), древнихъ Волжскихъ Болгаръ (82,13), Тобольскихъ кургановъ (81,33), могилъ Ногайскихъ хановъ (80,95) и, наконецъ, каменной эпохи въ Забайкальѣ (78,42); Сѣверяне курганные и западные Кривичи приближаются къ западно-славянскимъ:

Плоцкимъ курганнымъ (83), Краковскимъ XVI—XVIII в. (83,92) и современнымъ (83,9—84,9), Люблинскимъ XVI—XVIII в. (83,0—86,1) и славянской эпохи: Касимовскимъ (85,77) и Полтавскимъ (85,73), Скиөо-Сарматской эпохи: Полтавскимъ (83,25—84,40), Суджанскимъ (85,78), Московскимъ VI—VIII вѣка (87,33), древнихъ Кавказскихъ могилъ (83,67), современнымъ Вогуламъ (87,4), Абхасцамъ (87,82), Шапсугамъ (83,43), древнимъ Чувашамъ (87,01), современнымъ Придунайскимъ Болгарамъ (83,34), Пермскимъ курганнымъ (83,94), Башкирскимъ древнихъ кладбищъ (84,8). Древнихъ восточныхъ Славянъ превосходятъ своими большими размѣрами глазничныхъ указателей современные русскіе нѣкоторыхъ губерній (89,1—89,7), азіатскіе народы, съ погребеніемъ

Народность.	Средние.						Въ абсолютныхъ					
					Общее.		Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.
СЛАВЯНЕ.												
A) *Восточные*:												
Древніе Новгородцы	37	53,43	25	50,02	62	50,81	8	14	15	8	9	8
Сѣверяне:												
a) Курганные	20	48,71	6	51,98	26	49,18	8	10	2	1	3	2
b) Кладбищенскіе	15	52,65	7	49,58	22	51,67	2	7	6	4	1	2
Поляне:												
a) Курганные	11	51,2	4	49,8	15	50,9	3	3	5	2	1	1
b) Кладбищенскіе:												
IX–XI в.	4	49,75	1	53,19	5	50,44	1	1	2	—	1	—
XII–XIII в.	7	52,0	4	49,2	11	51,0	3	4	—	2	2	—
Кіевскіе Древляне	47	44,6	1	44,9	48	44,6	44	1	2	1	—	—
Кривичи:												
a) Западные	5	52,77	5	51,67	10	52,22	—	2	3	2	2	1
b) Восточные	4	47,19	1	50,00	5	47,75	3	1	—	—	1	—
Московск. кладбищъ XVI–XVIII в.	50	47,90	40	47,05	90	47,52	29	16	5	20	15	5
Современные русскіе:												
Сѣверныхъ губерній	160	46,9	24	50,0	184	47,3	97	39	24	11	9	4
Разныхъ губ.	8	48,2	11	46,4	19	47,2	—	—	—	—	—	—
	13	47,2	8	43,3	21	45,7	—	—	—	—	—	—
	8	48,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	25	50,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
B) *Западные*:												
Плоцкіе курганные	—	—	—	—	4	48,0	3	—	1	—	—	—
Краков. XVII–XVIII в.	17	53,7	17	51,1	34	52,4	1	6	10	4	9	4
Современные	37	48,5	14	47,3	51	48,2	—	—	—	—	—	—
Люблин. XVI–XVIII в.	35	51,2	34	52,3	69	51,7	—	—	—	—	—	—

въ срубахъ (89,40) и современные Халхасцы, Буряты и Калмыки (90,21—93,45).

Изъ приведеннаго видимъ, что большинство народовъ обладаетъ малыми глазницами, меньшинство — средними, а большія глазницы встрѣчаются меньше всего (чаще среди восточныхъ народовъ).

d) *Носовой указатель.*

Носовой указатель, или отношеніе ширины носа къ его длинѣ, какъ въ среднемъ размѣрѣ, такъ и по отдѣльнымъ группамъ указателей у древнихъ Восточныхъ Славянъ, по сравненію съ другими народностями, представляетъ слѣдующая таблица:

числахъ.			Въ %.										Авторъ.
Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	
Среднихъ.			Мужчины.			Женщины.			Среднихъ.			
16	23	23	21,6	37,8	40,5	32,0	36,0	32,0	25,8	37,1	37,1	Иковъ и Тихомировъ.
9	13	4	40,0	50,0	10,0	16,6	50,0	33,3	34,6	50,0	15,4	Богдановъ.
6	8	8	13,3	46,7	40,0	57,1	14,3	28,5	27,3	36,3	36,3	Тихомировъ.
5	4	6	27,2	27,2	45,5	50	25	25	33,3	26,6	40,0	Талько-Грынцевичъ.
1	2	2	25,0	25,0	50,0	—	100	—	20,0	40,0	40,0	Богдановъ.
5	6	—	42,8	57,1	—	50,0	50,0	—	45,4	54,5	—	
45	1	2	93,6	2,1	4,2	100	—	—	93,7	2,1	4,2	Талько-Грынцевичъ.
2	4	4	—	40	60	40	40	20	20	40	40	
3	2	—	75,0	25,0	—	—	100	—	60,0	40,0	—	Иковъ.
49	31	10	58,0	32,0	10,0	50,0	37,5	12,5	54,4	34,4	11,1	Богдановъ.
108	48	28	60,6	24,4	15,0	45,8	37,5	16,7	58,7	26,1	15,2	Таранецкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Волькенштейнъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Quatrefages.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Малiевъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	75	—	25	Рутковскій.
5	15	14	5,9	35,8	58,8	23,5	52,9	23,5	14,7	44,1	41,2	Коперницкій.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Олехновичъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Народность.	Средне е.						Въ абсолютны…					
					Общее.		Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Больш…
Не славянъ, но славянской эпохи:												
Кіевскіе курганные. .	11	49,6	6	48	17	49,7	4	6	1	2	4	—
Мерянскіе » . .	24	51,33	15	53,13	39	52,86	6	12	6	2	8	5
Мордовскіе » . .	7	49,06	—	—	—	—	3	1	3	—	—	—
Касимовскіе » .	8	54,96	5	55,34	13	55,11	1	2	5	—	2	3
Тверитянскіе » .	19	50,09	5	55,17	24	51,77	2	12	5	—	2	3
Полтавскіе » . .	8	44,42	3	49,11	11	47,50	7	1	—	1	1	1
Скиео-Сарматской эпохи:												
Кіевскіе.	4	45,3	1	42,6	5	44,6	2	2	—	1	—	—
Полтавскіе.	4	46,14	3	47,64	7	46,78	4	—	—	1	1	1
»	4	48,37	2	47,66	6	48,13	2	2	—	1	1	—
Эпохи камня и бронзы:												
Юго-Западной Руси. .	15	44,8	3	47,3	18	45,3	11	4	—	2	1	—
Кіевскіе.	3	54,2	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—
Разные:												
Суджанскіе	7	46,06	8	45,10	15	45,42	4	2	1	6	1	1
Московское населеніе VIII—X в.	38	47,13	32	46,21	70	46,69	21	14	3	22	6	4
Земли Войска Донск. .	4	44,81	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—
Крымскихъ пещеръ и могилъ	20	48,45	13	49,27	33	48,67	8	10	2	5	4	4
Населеніе Кавказа:												
Древн. кург. и могилъ	20	47,78	10	46,99	30	47,58	10	8	2	6	4	—
Современные:												
Абхазцы. . . .	9	47,18	9	44,41	18	46,20	5	8	1	5	2	2
Натухайцы . .	14	47,08	5	50,68	19	48,04	3	11	—	2	—	3
Шапсуги	28	46,12	19	47,87	47	46,83	18	8	2	8	10	1
Болгары:												
Древніе Волжскіе. . .	14	47,63	8	49,62	22	48,32	8	5	1	3	3	2
Соврем. Придунайск. .	9	47,76	8	49,32	17	48,54	4	4	1	3	3	2
Финно-Угры:												
Древніе Чуваши . . .	22	51,36	21	51,33	43	51,34	4	14	4	12	3	6
Соврем. Вогулы . .	24	47,7	21	48,5	45	48,1	13	9	2	9	11	1
Древнее Приуральское населеніе:												
Башкиры древн. кладб.	7	46,41	6	48,05	13	47,17	4	2	1	4	2	—
Могилы Ногайскихъ хановъ	6	46,00	—	—	—	—	4	2	—	—	—	—

…числахъ.			Въ %.									Авторъ.
Малые до 48.	Средние 48,01—53.	Большие 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средние 48,01—53.	Большие 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средние 48,01—53.	Большие 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средние 48,01—53.	Большие 53,01 и бол.	
Среднихъ.			Мужчины.			Женщины.			Среднихъ.			
6	10	1	36,4	54,5	9,1	33,3	66,7	—	35,3	58,8	5,9	Богдановъ.
8	20	11	25,0	50,0	25,0	13,3	53,3	33,3	20,5	51,3	28,2	Иковъ.
—	—	—	42,8	14,3	42,8	—	—	—	—	—	—	Зографъ.
1	4	8	12,5	25,0	62,5	—	40,0	60,0	7,7	30,8	61,5	
2	14	8	10,5	63,1	26,3	—	40,0	60,0	8,3	58,3	33,3	Иковъ.
8	2	1	87,5	12,5	—	33,3	33,3	33,3	72,7	18,2	9,1	Богдановъ.
3	2	—	50	50	—	100	—	—	60	40	—	Талько-Грынцевичъ.
5	1	1	100	—	—	33,3	33,3	33,3	71,4	14,3	14,3	Богдановъ.
3	3	—	50	50	—	50	50	—	50	50	—	Коврайскій.
13	5	—	73,3	26,6	—	66,7	33,2	—	72,2	27,7	—	Талько-Грынцевичъ.
—	—	—	33,0	—	66,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
10	3	2	57,1	28,6	14,3	75,0	12,5	12,5	66,7	20,0	13,3	Богдановъ.
43	20	7	55,3	36,8	7,9	68,7	18,7	12,5	61,4	28,6	10,0	
—	—	—	75,0	—	25,0	—	—	—	—	—	—	Иковъ.
13	14	6	40,0	50,0	10,0	38,5	30,8	30,8	39,4	42,4	18,2	Зографъ и Тихоміровъ.
16	12	2	50,0	40,0	10,0	60,0	40,0	—	53,3	40,0	6,7	Богдановъ.
10	5	3	55,5	33,3	11,1	55,5	22,2	22,2	55,5	27,8	16,7	
5	11	3	21,4	78,6	—	40,0	—	60,0	26,3	57,9	15,8	
26	18	3	64,3	28,6	7,1	42,1	52,6	5,3	55,3	38,3	6,4	
11	8	3	57,1	35,7	7,1	37,5	37,5	25,0	50,0	36,4	13,6	Тихоміровъ.
7	7	3	44,4	44,4	11,1	37,5	37,5	25,0	41,2	41,2	17,6	
16	17	10	18,2	63,6	18,2	57,1	14,3	28,6	37,2	39,5	23,2	Зографъ.
22	20	3	54,2	37,5	8,3	42,9	52,4	4,7	48,9	44,4	6,6	Силиничъ.
8	4	1	57,1	28,5	14,3	66,7	33,3	—	61,5	30,8	7,7	Зографъ.
—	—	—	66,6	33,3	—	—	—	—	—	—	—	Маліевъ.

Народность.	Среднее.						Въ абсолютн					
					Общее.		Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюденій.	Мужчины.	Число наблюденій.	Женщины.	Число наблюденій.	Итого.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	[illegible]
Пермск. курган.	11	47,11	6	49,59	17	48,27	7	2	2	2	2	1
Тобольск. курган.	5	50,80	—	—	—	—	1	3	1	—	—	—
Населеніе Забайкалья:												
Каменнаго вѣка	1	51,8	1	57,1	2	54,4	—	1	—	—	—	1
Погребен. въ срубахъ.	12	46,88	5	51,22	17	48,16	8	2	2	1	2	2
Современные:												
Калмыки	53	48,80	13	50,38	66	48,98	25	19	9	2	7	4
Буряты	11	49,32	5	48,18	16	48,94	3	6	2	3	1	1
Халхасцы	13	49,60	14	50,28	27	49,96	3	9	1	2	8	4

Средніе носы имѣютъ Новгородцы, Сѣверяне, Поляне и западные Кривичи (49,18—52,22), а малые—Древляне (44,6), восточные Кривичи (47,75), черепа Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. (47,52), а также и современные русскіе (45,7—47,3).

По распредѣленію отдѣльныхъ чиселъ у Новгородцевъ, кладбищенскихъ Сѣверянъ и курганныхъ Полянъ почти одинаково часто встрѣчаются какъ малые носовые указатели (25,8—33,3%), такъ и средніе (26,6—37,1%) и большіе (36,3—40%); у кладбищенскихъ Полянъ IX—XI вѣка и западныхъ Кривичей они или средніе или большіе (по 40%); у Полянъ XII—XIII в. и курганныхъ Сѣверянъ средніе носы (50—54,5%) преобладаютъ надъ малыми (34,6—45,4%); у восточныхъ Кривичей, черепов̃ъ Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. и у современныхъ русскихъ Сѣверныхъ губерній малые носы (54,4—60%) преобладаютъ надъ средними (26,1—40%), а у Древлянъ являются исключительно малые носы (93,7%).

По сравненію съ другими народами, Новгородцы, Сѣверяне, Поляне и западные Кривичи со средними носами напоминаютъ Краковское и Люблинское населеніе XVI—XVIII вв. (51—52,4), Славянской эпохи Кіевскіе (49,7), Мерянскіе (52,36), Мордовскіе (49,06), Тверскіе (51,77), Крымскихъ пещеръ и могилъ (48,67), Натухайцевъ (48,04), Волжскихъ Болгаръ (48,32), Чувашей (51,34), Придунайскихъ Болгаръ (48,54), современныхъ Вогуловъ (48,1), курганныхъ Пермскихъ и Тоболь-

…ислахъ.			Въ %									Авторъ.
Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	Малые до 48.	Средніе 48,01—53.	Большіе 53,01 и бол.	
Среднихъ.			Мужчины.			Женщины.			Среднихъ.			
9	4	4	63,6	18,2	18,2	33,3	33,3	33,3	52,9	23,5	23,5	Зографъ.
—	—	—	20,0	60,0	20,0	—	—	—	—	—	—	Богдановъ.
—	1	1	—	100	—	—	—	100	—	50	50	Талько-Грынцевичъ.
9	4	4	66,7	16,6	16,6	20,0	40,0	40,0	52,9	23,5	23,5	
27	26	13	47,2	35,8	17,0	15,4	53,8	30,7	40,9	39,4	19,7	Ивановскій.
6	7	3	27,3	54,5	18,2	60,0	20,0	20,0	37,5	43,7	18,7	Талько-Грынцевичъ.
5	17	5	23,1	69,2	7,7	14,3	57,1	28,5	18,5	62,9	18,5	

скихъ (48,27 — 50,80), Забайкальскія погребенія въ срубахъ (48,16), современныхъ Бурятъ, Халхасцевъ, Калмыковъ (48,94 — 49,96).

Черепа Древлянъ, восточныхъ Кривичей, Московскихъ кладбищъ XVI — XVIII в. и современныхъ русскихъ разныхъ губерній съ малыми носами приближаются къ черепамъ курганнымъ Плоцкимъ (48,0), Полтавцевъ Славянской эпохи (47,50), эпохи камня и бронзы Юго-Западнаго края (45,3), Скиѳо-Сарматской эпохи въ Кіевской (44,6) и Полтавской губерніи (46,78—48,13), къ черепамъ Суджанскимъ (45,42), Московскимъ VIII—X в. (46,69), курганнымъ Земли Войска Донского (44,81), современныхъ Абхасцевъ (46,20), Шапсуговъ (46,83), древн. Башкирскихъ кладбищъ (47,17) и Ногайскихъ хановъ (46,0). Превышаютъ Восточныхъ Славянъ большими носами лишь черепа Касимовскіе (55,11), Кіевскіе каменной эпохи (54,2) и Забайкальскіе каменной эпохи (54,4).

III. Общіе выводы.

На основаніи вышеприведенныхъ признаковъ главная характеристика древнихъ Восточныхъ Славянъ будетъ слѣдующая:

1) Ростъ высокій у Новгородцевъ и Полянъ, средній у Древлянъ и Радимичей и низкій у Кривичей.

2) По величинѣ окружностей и дугъ черепа умѣренные, лишь поперечная дуга больше у Сѣверянъ и Кривичей. Черепа нѣсколько больше развиты въ ширину, нежели въ длину.

3) Черепа по типу подкороткоголовые у кладбищенскихъ Сѣверянъ и Полянъ IX—XI вѣка, среднеголовые у древнихъ Новгородцевъ, Древлянъ Кіевскихъ, Кривичей западныхъ, въ Московскихъ кладбищахъ XVI—XVIII в. какъ и у современныхъ русскихъ. Подлинноголовые черепа у курганныхъ Сѣверянъ и Полянъ, кладбищенскихъ XII—XIII в. и Древлянъ Волынскихъ; длинноголовые лишь Кривичи восточные. У всѣхъ преобладаетъ расположеніе къ длинноголовости съ извѣстнымъ процентомъ послѣдняго типа.

4) Черепа высокіе (hypsicephala) у Новгородцевъ, Древлянъ Волынскихъ, Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в., какъ и у современныхъ русскихъ. Умѣренные черепа (ortocephala) у Сѣверянъ, Полянъ и Кривичей и низкіе (plathycephala) — лишь у Древлянъ Кіевскихъ.

5) По лобно-широтному указателю, т.-е. отношенію наименьшей лобной ширины къ наибольшей черепной, большіе лбы преобладаютъ у Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ и Кривичей, средніе — лишь у древнихъ Новгородцевъ и въ Московскихъ кладбищахъ XVI — XVIII в.

6) По лобному указателю, или отношенію наименьшей къ наибольшей лобной ширинѣ, малые размѣры преобладаютъ у Новгородцевъ, Сѣверянъ, Полянъ курганныхъ и кладбищенскихъ XII—XIII вѣка, Древлянъ и Московскихъ XVI—XVIII в.; умѣренные — у Полянъ кладбищенскихъ IX—XI в. и Кривичей.

7) По затылочному указателю, т. е. отношенію ширины затылка къ ширинѣ чéрепа, черепá средне-широтные у Новгородцевъ, Сѣверянъ кладбищенскихъ, Полянъ кладбищенскихъ IX—XI в. и XII—XIII в. и Московскихъ XVI—XVIII в. и широтно-затылочные — у Сѣверянъ курганныхъ, Полянъ, Древлянъ и Кривичей.

8) Абсолютная длина лица умѣренная у Новгородцевъ, Сѣверянъ, Древлянъ Волынскихъ, восточныхъ Кривичей и Московскихъ XVI—XVIII в., а по лицевому указателю, или отношенію длины лица къ наибольшей ширинѣ его, малыя лица у Новгородцевъ, Сѣверянъ, Полянъ и Московскихъ XVI — XVIII в., напротивъ, большія лица у Древлянъ и Кривичей.

9) Глазничные указатели малые (мегазэмы) у Новгородцевъ, Сѣверянъ кладбищенскихъ, Полянъ, Древлянъ и Кривичей восточныхъ, умѣренные (мезозэмы) — у Сѣверянъ курганныхъ, Кривичей западныхъ и современныхъ русскихъ.

10) По носовымъ указателямъ средне-носые (мезорины): Новгородцы, Сѣверяне, Поляне и Кривичи западные, а узконосые (лепторины): Древляне Кіевскіе, Кривичи восточные, Москвичи XVI—XVIII в. и современные русскіе.

Изъ сказаннаго мы должны заключить, что типъ первобытныхъ Восточныхъ Славянъ не представлялъ антропологической цѣльности: не только отдѣльныя племена значительно разнились между собой, но и каждое изъ племенъ состояло изъ разнородной помѣси элементовъ, лишь по культу, но не по отдѣльнымъ рѣзкимъ антропологическимъ чертамъ, принадлежавшихъ тому или другому племени. Послѣ указанія общихъ антропологическихъ чертъ восточно-славянскихъ племенъ, мы постараемся подвести сходные у нихъ признаки. Такъ, напримѣръ, извѣстнымъ сходствомъ выдѣляется среди нихъ отдѣльная группа, въ которую можно включить Новгородцевъ, обладателей череповъ Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в. и современныхъ русскихъ. Они отличаются высокимъ ростомъ, умѣренною величиною черепа, среднеголовостью, высокимъ черепомъ, малымъ лбомъ, широкимъ затылкомъ, умѣренными размѣрами лица, малыми глазницами и среднимъ носомъ.

Во вторую группу входятъ кладбищенскіе Сѣверяне и Поляне XII—XIII в.: они тоже высокаго роста, съ умѣренно развитымъ черепомъ, помимо разницы въ черепныхъ типахъ, ибо первые подкороткоголовы, а вторые поддлинноголовы; всѣ остальныя черты строенія у нихъ общи, именно: умѣренная высота черепа, малый лобъ, средній затылокъ, малое лицо и умѣренный носъ.

Слѣдующую группу, смѣшанную, не только отличающуюся отъ первыхъ двухъ, но и съ отличіями между отдѣльными, составляющими ее племенами, образовываютъ Древляне и Кривичи; Древляне Кіевскіе отличаются отъ Волынскихъ и Кривичи западные — отъ восточныхъ.

Древляне Кіевскіе роста средняго, при среднихъ размѣрахъ черепа, среднеголовы, съ низкимъ черепомъ, малымъ лбомъ, широкимъ затылкомъ, большимъ лицомъ, малыми глазницами и носомъ.

Древляне Волынскіе тоже роста средняго и съ такими же размѣрами черепа, поддлинноголовы, съ высокимъ черепомъ, малымъ лбомъ, большимъ лицомъ и малыми глазницами.

Кривичи западные, при низкомъ ростѣ и умѣренномъ развитіи черепа, среднеголовы, имѣютъ умѣренно-высокій черепъ, средній лобъ, широкій затылокъ, умѣренное размѣрами лицо, малыя глазницы и носъ.

Кривичи восточные—съ умѣренно развитымъ черепомъ, длинноголовы, со среднимъ лбомъ, широкимъ затылкомъ, умѣреннымъ лицомъ, малыми глазницами и носомъ.

Между многими отличительными признаками строенія черепа у восточныхъ славянъ есть лишь нѣсколько общихъ, чаще встрѣчаемыхъ признаковъ; къ нимъ относятся: средніе размѣры черепа, малые размѣры лица (кромѣ Древлянъ и Кривичей), малыя глазницы и умѣренный носъ. Мы

уже выше сказали, что размѣры черепа и отношенія послѣднихъ, разнящіяся у различныхъ племенъ, указываютъ на большую помѣсь элементовъ, изъ которыхъ создались отдѣльныя этнографическія группы древнихъ Восточныхъ Славянъ. До сихъ поръ мы разсматривали одни лишь славянскія племена; для дальнѣйшаго выясненія тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ эти племена сложились, мы сопоставляемъ древнихъ Восточныхъ Славянъ, по отличительнымъ признакамъ, съ другими племенами — какъ древними, такъ и современными—въ одной общей сводной таблицѣ, составленной изъ всѣхъ приведенныхъ въ настоящей работѣ. Въ эту таблицу мы включили лишь такія народности, которыя были изслѣдованы въ нѣсколько большемъ числѣ индивидумовъ. Мы приводимъ всего 14 главныхъ среднихъ измѣреній и ихъ отношеній. Такъ какъ не у всѣхъ народностей всѣ рубрики могли быть заполнены, то мы включили и такія народности, у которыхъ этихъ отличительныхъ признаковъ не меньше 6, хотя такихъ оказалась лишь одна (въ огромномъ же большинствѣ такихъ признаковъ существовало 13). Отличительные признаки мы выводили изъ среднихъ чиселъ каждаго измѣренія и ихъ отношеній, принимая во вниманіе и преобладающій процентъ отдѣльныхъ чиселъ измѣреній или отношеній каждой народности. Въ таблицѣ каждое измѣреніе и отношеніе мы обозначаемъ условными литерами латинскаго алфавита; въ каждой графѣ при каждой литерѣ особыми числами 1, 2 и 3 обозначены отличительные признаки каждой народности. Итакъ, въ таблицѣ ростъ обозначенъ нами лит. *A*, при чемъ ростъ низкій — A_1, средній — A_2 и высокій — A_3; горизонтальная окружность *B*, малая — B_1, средняя — B_2 и большая — B_3; вертикальная дуга — *C*, малая — C_1, средняя — C_2 и большая — C_3; поперечная дуга *D*, малая — D_1, средняя — D_2 и большая — D_3; наибольшій продольный діаметръ *E*, малый — E_1, средній — E_2 и большой — E_3; головной указатель или отношеніе наибольшаго продольнаго къ наибольшему поперечному діаметру черепа мы обозначили литерами типа: долихокефалическій — Dl, субдолихокефалическій—SDl, мезокефалическій—MS, суббрахикефалическій—SBr, брахикефалическій — Br; высотно-продольный указатель, или высоту черепа, *F*, низкій — F_1, умѣренный — F_2, высокій — F_3; лобно-широтный указатель, или отношеніе наименьшаго лобнаго къ наибольшему широтному діаметру, *G*, малый — G_1, средній — G_2, большой — G_3; лобный указатель, или отношеніе наименьшаго къ наибольшему лобному діаметру, *H*, малый — H_1, средній — H_2 и большой — H_3; лицевая линія *K*, малая — K_1, средняя — K_2, большая — K_3; лицевой указатель *L*, малый — L_1, средній — L_2, большой — L_3; глазной указатель *M*, малый — M_1, средній — M_2, большій — M_3; носовой указатель *N*, малый — N_1, средній — N_2, большой — N_3.

Народность.	Ростъ.	Размѣры черепа.										Размѣры лица.			
			Велич. черепа.			Указатели.							Указатели.		
		Горизонтальная окружность.	Вертикальной дуги.	Поперечной дуги.	Наибол. продольн. діаметръ.	Головной.	Высотно-продол.	Лобно-широтный.	Лобный.	Затылочный.		Лицевая линія.	Лицевой.	Глазничный.	Носовой.
СЛАВЯНЕ.															
1) *Восточные:*															
Новгородцы	A_3	B_2	C_2	D_2	E_2	MS	F_3	G_2	H_1	I_2		K_2	L_1	M_1	N_2
Сѣверяне:															
Курганные	—	B_2	C_2	D_3	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_3		K_2	L_1	M_2	N_2
Кладбищенскіе. . . .	—	B_2	C_2	D_3	E_2	SBr	F_2	G_3	H_1	I_2		K_2	L_1	M_1	N_2
Поляне:															
Курганные.	A_3	B_2	—	—	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_3		K_2	L_1	M_1	N_2
Кладбищенскіе XII—XIII в.	A_3	B_2	C_2	D_2	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_2		K_2	L_1	M_1	N_2
Древляне:															
Кіевскіе.	A_2	B_2	—	—	E_2	MS	F_1	G_3	H_1	I_3		K_3	L_3	M_1	N_1
Волынскіе.	A_2	B_2	—	—	E_2	SDl	F_3	G_3	H_1	—		K_2	L_3	M_1	—
Кривичи западные . .	A_1	B_2	—	—	E_2	MS	F_2	G_3	H_2	I_3		K_3	L_3	M_2	N_2
Московскіе кладбищ. XVI—XVIII в. . .	—	B_2	C_2	—	E_2	MS	F_3	G_2	H_1	I_2		K_2	L_1	M_1	N_1
Современные Великор. разныхъ губерній .	—	B_2	—	—	E_2	MS	F_3	—	—	—		—	—	M_2	N_1
2) *Западные:*															
Курганные Плоцкіе. .	A_3	B_3	—	—	E_3	Dl	—	G_3	—	I_3		—	—	M_1	N_1
Краковскіе:															
XVII—XVIII в. . . .	—	B_2	—	—	E_2	SBr	F_3	—	H_1	I_3		—	—	M_2	N_2
Современные.	—	B_2	—	—	E_2	SBr	F_3	G_2	H_1	—		—	—	M_2	N_2
Люблинскіе:															
XVI—XVII в.	—	B_2	—	D_2	E_2	SBr	F_3	G_2	H_1	—		—	—	M_2	N_2
XVIII в.	—	B_1	—	D_3	E_2	SBr	F_3	G_2	H_1	—		—	—	M_2	N_2
XIX в.	—	B_1	—	D_3	E_1	SBr	F_3	G_2	H_1	—		—	—	M_2	N_2
Не славяне, но славянской эпохи:															
Кіевскіе курганные. .	—	B_2	C_2	D_2	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_2		K_2	L_1	M_1	N_2
Мерянскіе » . .	—	B_2	C_2	D_1	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_3		K_2	L_1	M_1	N_2
Мордовскіе » . .	—	B_2	C_3	D_2	E_3	SDl	F_2	G_3	H_1	I_2		K_2	L_1	M_2	N_2
Касимовскіе » . .	—	B_2	C_2	D_1	E_2	SDl	F_3	G_3	H_1	I_3		K_2	—	M_2	N_3
Тверитянскіе » . .	—	B_2	C_2	D_1	E_2	SDl	F_3	G_3	H_2	I_3		K_2	L_1	M_1	N_2
Полтавскіе » . .	—	B_2	C_3	D_1	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_2		K_2	L_1	M_2	N_1
Эпохи камня и бронзы:															
Юго-Западной Руси. .	A_2	B_2	—	—	E_3	SDl	F_3	G_3	H_2	I_3		K_3	L_1	M_1	N_1
Скиво-Сарматской эпохи:															
Кіевскіе.	A_2	B_3	—	—	E_2	SDl	F_2	G_3	H_3	I_3		K_3	L_1	M_1	N_1
Полтавскіе.	—	B_2	C_3	D_1	E_2	Dl	F_2	G_3	H_2	I_3		K_2	L_2	M_2	N_1

Народность.	Ростъ.	Размѣры черепа.										Размѣры лица.			
			Велич. черепа.			Указатели.						Указатели.		
		Горизонтальная окружность.	Вертикальной дуги.	Поперечной дуги.	Наибол. продольн. діаметръ.	Головной.	Высотно-продол.	Лобно-широтный.	Лобный.	Затылочный.	Лицевая линія.	Лицевой.	Глазничный.	Носовой.
Разные:														
Суджанскіе	—	B_2	C_3	D_1	E_2	Dl	F_1	G_3	H_2	I_3	K_2	L_1	M_2	N_1
Московскіе курганные VIII—X в.	A_2	B_2	—	D_2	E_2	Dl	F_2	G_3	H_1	I_3	K_3	L_1	M_2	N_1
Крымскихъ пещеръ и могилъ.	—	B_2	C_1	D_2	E_2	SBr	F_2	G_2	H_1	I_2	K_2	L_1	M_1	N_2
Населеніе Кавказа:														
Древн. кург. и могилъ.	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SDl	F_2	G_3	H_2	I_2	K_2	L_1	M_1	N_1
Современные:														
Абхасцы	—	B_1	C_2	D_2	E_1	Br	F_3	G_2	H_1	I_2	K_2	L_1	M_2	N_1
Натухайцы	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SBr	F_2	G_3	H_2	I_3	K_2	L_1	M_1	N_1
Шапсуги	—	B_1	C_2	D_2	E_2	MS	F_3	G_3	H_1	I_2	K_2	L_1	M_1	N_1
Болгары:														
Древніе Волжскіе. . .	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SDl	F_2	G_3	H_1	I_3	K_2	L_1	M_1	N_1
Соврем. Придунайскіе.	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SDl	F_2	G_3	H_2	I_2	K_2	L_1	M_1	N_2
Финны:														
Кладбищенскіе:														
Чуваши	—	B_2	C_2	D_1	E_2	SDl	F_2	G_2	H_1	I_3	K_2	L_1	M_2	N_2
Черемисы.	—	B_2	C_3	D_1	E_2	Dl	F_2	G_3	—	—	—	—	—	—
Вотяки.	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SBr	F_3	—	—	—	—	—	—	—
Современные Вогулы .	—	B_2	C_2	D_1	—	SDl	F_1	—	H_2	I_3	—	L_1	M_3	N_1
Татары:														
Соврем. Казанскіе . .	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SBr	F_3	G_3	—	—	—	—	—	—
Хазары:														
Изъ равнинъ древняго города Ателя . . .	—	B_2	C_3	D_2	E_2	SBr	F_3	G_3	—	—	—	—	—	—
Приуральское населеніе:														
Башкиры древн. кладб.	A_2	B_2	C_2	D_1	E_2	SBr	F_1	G_2	H_1	I_2	K_2	L_1	M_2	N_1
Могилы Ногайскихъ хановъ.	A_2	B_3	C_2	D_2	E_2	SBr	F_3	G_1	H_1	I_2	K_3	L_1	M_1	N_1
Пермскіе курганные .	—	B_2	C_2	D_2	E_2	MS	F_1	G_2	H_1	I_3	K_2	L_1	M_2	N_1
Забайкальское населеніе:														
Погребен. въ срубахъ.	A_2	B_3	—	D_1	E_2	MS	F_1	G_3	H_2	I_3	—	—	M_3	N_1
Современ. Калмыки. .	A_2	B_3	C_2	D_2	E_2	Br	F_1	G_1	H_2	I_2	K_3	L_1	M_3	N_2
» Буряты . .	A_2	B_2	C_2	D_2	E_2	Br	F_2	G_3	H_2	I_2	K_3	L_2	M_3	N_2
» Халхасцы .	A_2	B_2	C_2	D_2	E_2	SBr	F_1	G_3	H_2	I_2	K_3	L_3	M_3	N_2

Приведенные въ таблицѣ отличительные признаки Восточныхъ Славянъ, по сравненію съ другими народностями, мы распредѣляемъ на отдѣльныя группы и въ каждой изъ нихъ приводимъ степень антропологическаго родства каждаго изъ племенъ съ другими народностями. Это родство

выражается въ 4 степеняхъ: ближайшей, когда всѣ признаки одинаковы, слѣдующей, когда есть 1—2 отличительные признаки, и дальнѣйшей, когда оно выражается 3 или 4 отличительными признаками. Приводимъ таблицу племенъ съ степенями ихъ родства по отличительнымъ ихъ признакамъ съ разными другими народами.

Древніе Новгородцы:

Къ нимъ приближаются:

По I отличительному признаку.

Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в.
Современные русскіе (Великороссы).
Люблинскихъ кладбищъ XVI—XVII в.

По II признакамъ.

Вотяки кладбищенскіе.
Современные Краковскіе.

По III признакамъ.

Поляне курганные.
Краковскіе XVII—XVIII в.
Кіевляне славянской эпохи.
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Современные Шапсуги.
Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

По IV признакамъ.

Сѣверяне кладбищенскіе.
Меряне славянской эпохи.
Пермскіе курганные.

Сѣверяне курганные:

Къ нимъ приближаются:

По I отличительному признаку.

Поляне курганные.

По II признакамъ.

Поляне кладбищенскіе.
Чуваши кладбищенскіе.

По III признакамъ.

Сѣверяне кладбищенскіе.
Древляне Волынскіе.

Современные русскіе (Великороссы).

Кіевляне Меряне Мордовцы Касимовцы Тверитяне	Не славяне, но славянской эпохи.

По IV признакамъ.

Кривичи западные.
Люблинскіе XVI—XVIII в.
Полтавцы славянской эпохи.
Московскіе VIII—X в.
Вотяки кладбищенскіе.
Древніе Волжскіе болгары.
Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

Сѣверяне кладбищенскіе:

Къ нимъ приближаются:

По II признакамъ.

Поляне курганные.
Поляне кладбищенскіе.
Древляне Волынскіе.
Кіевляне славянской эпохи.

По III признакамъ.

Сѣверяне курганные.
Краковскіе XVII—XVIII в.
Краковскіе современные.
Люблинскіе XVI—XVII в.
Мерянскіе славянской эпохи.
Черемисы кладбищенскіе.
Вотяки кладбищенскіе.
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

По IV признакамъ.

Московскихъ кладбищъ XVI—XVIII в.
Современные русскіе (Великороссы).
Люблинскіе XVIII в.
Волжскіе древніе болгары.

Современные Придунайскiе болгары.
Древнихъ Башкирскихъ кладбищъ.

Поляне курганные:

Къ нимъ приближаются:

По всѣмъ признакамъ.

Меряне славянской эпохи.

По I отличительному признаку.

Поляне кладбищенскiе XII—XIII в.
Сѣверяне курганные.
Кiевляне славянской эпохи.
Древнiе Волжскiе болгары.
Черемисы кладбищенскiе.
Вотяки кладбищенскiе.

По II признакамъ.

Сѣверяне кладбищенскiе.
Тверитяне славянской эпохи.
Чуваши кладбищенскiе.
Современные Абхасцы.
Современные Казанскiе татары.
Древнiе Хазары.

По III признакамъ.

Древляне Волынскiе.
Краковскiе XVII—XVIII в.
Мордовцы не славяне, но славянской эпохи.
Касимовцы » » » »
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Современные Натухайцы.

По IV признакамъ.

Древнiе Новгородцы.
Современные русскiе (Великороссы).
Плоцкiе курганные.
Современные Краковскiе.
Люблинскiе XVI—XVII в.
Полтавцы славянской эпохи.
Московскихъ кургановъ VIII—X в.
Современные Вогулы.

Поляне кладбищенскіе XII—XIII вѣковъ:

Къ нимъ приближаются:

По всѣмъ признакамъ.

Кіевляне славянской эпохи.

По I признаку.

Поляне курганные.
Сѣверяне кладбищенскіе.

По II признакамъ.

Сѣверяне курганные.
Меряне не славяне, но славянской эпохи.
Мордовцы » » »
Современные Придунайскіе болгары.

По III признакамъ.

Древляне Волынскіе.
Древніе Новгородцы.
Черемисы кладбищенскіе.
Вотяки кладбищенскіе.
Древніе Волжскіе болгары.
Древніе Хазары.
Крымскія пещеры и могилы.
Кавказскіе курганы и могилы.
Современные Казанскіе татары.

По IV признакамъ.

Московскіе кладбищенскіе XVI—XVIII в.
Современные русскіе (Великороссы).
Краковскіе XVII—XVIII в.
Краковскіе современные.
Люблинскіе XVI—XVIII в.
Полтавцы славянской эпохи.
Чуваши кладбищенскіе.
Современные Шапсуги.

Древляне Кіевскіе:

Къ нимъ приближаются:

По II отличительнымъ признакамъ.

Современные русскіе (Великороссы).
Вотяки кладбищенскіе.

Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

По III признакамъ.

Люблинскіе XVI—XVIII в.
Забайкальское погребеніе въ срубахъ.

По IV признакамъ.

Московскіе курганные VIII—X в.
Краковскіе XVII—XVIII в.
Пермскіе курганные.
Современные Вогулы.

Древляне Волынскіе:

Къ нимъ приближаются:

По I признаку:

Касимовцы славянской эпохи.
Вотяки кладбищенскіе.
Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

По II признакамъ.

Современные русскіе (Великороссы).
Краковскіе XVII—XVIII в.
Тверичи, Меряне, Кіевляне, Полтавцы — Не славяне, но славянской эпохи.
Черемисы кладбищенскіе.
Древніе Волжскіе болгары.

По III признакамъ.

Московскія кладбища XVII—XVIII в.
Краковскіе современные.
Люблинскіе XVI—XVII в.
Кавказскихъ кургановъ и могилъ.
Современные Придунайскіе болгары.
Современные Шапсуги.

По IV признакамъ.

Плоцкіе курганные.
Люблинскіе XVI—XVIII в.

Мордовскіе не славянской эпохи.
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Чуваши кладбищенскіе.
Юго-Западной Руси эпохи камня и бронзы.
Современные Натухайцы.
Современные Вогулы.

Кривичи западные:

Къ нимъ приближаются:

По I признаку.

Черемисы кладбищенскіе.
Вотяки кладбищенскіе.
Современные Казанскіе татары.
Древніе Хазары.

По II признакамъ.

Современные русскіе (Великороссы).

По III признакамъ.

Краковскіе XVII—XVIII в.

По IV признакамъ.

Люблинскіе XVI—XVIII в.
Современные Краковскіе.
Московскіе курганные VIII—X в.
Полтавскіе Скиѳо-Сарматской эпохи.

Московскіе кладбищенскіе XVI—XVIII вѣковъ:

Къ нимъ приближаются:

По I признаку.

Древніе Новгородцы.
Современные русскіе (Новгородцы).

По II признакамъ.

Черемисы кладбищенскіе.
Вотяки кладбищенскіе.
Современные Шапсуги.

По III признакамъ.

Современные Краковскіе.
Люблинскіе XVI—XVII в.

Люблинскіе XVIII в.
Древнихъ Башкирскихъ кладбищъ.
Пермскіе курганные.
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Древніе Хазары.
Современные Крымскіе татары.

По IV признакамъ.

Краковскіе XVII—XVIII в.
Люблинскіе XIX в.
Кіевляне не славяне, но славянской эпохи.
Полтавцы » » »
Могилъ Ногайскихъ хановъ.
Современные Абхасцы.

Современные русскіе (Великороссы):

Къ нимъ приближаются:

По I признаку.

Древніе Новгородцы.
Вотяки кладбищенскіе.
Пермскіе курганные.
Московскіе курганные XVI—XVIII в.
Древніе Хазары.
Современные Казанскіе татары.

По II признакамъ.

Древляне Кіевскіе.
Древляне Волынскіе.
Кривичи западные.
Краковскіе XVII—XVIII в.
Современные Краковскіе.
Люблинскіе XVI—XVII в.
Люблинскіе XVIII в.
Касимовскіе славянской эпохи.
Полтавцы » »
Черемисы кладбищенскіе.
Суджанскіе.
Древнихъ Башкирскихъ кладбищъ.
Современные Шапсуги.

По III признакамъ.

Сѣверяне курганные.
Краковскіе XIX в.
Тверичи славянской эпохи.
Юго-Западной Руси эпохи камня и бронзы.
Кіевскіе Скиео-Сарматской эпохи.
Полтавскіе » »
Кавказскихъ курганъ и могилъ.
Могилъ Ногайскихъ хановъ.
Древніе Волжскіе болгары.
Современные Абхасцы.
Современные Вогулы.
Забайкальскія погребенія въ срубахъ.

По IV признакамъ.

Сѣверяне кладбищенскіе.
Поляне курганные.
Поляне кладбищенскіе.
Кіевляне, Меряне, Мордовцы — Не славяне, но славянской эпохи
Чуваши кладбищенскіе.
Крымскихъ пещеръ и могилъ.
Современные Придунайскіе болгары.
Современные Натухайцы.
Современные Буряты.
Современные Халхасцы.

Изъ обзора отличительныхъ признаковъ мы не можемъ не обратить вниманія на то, что у древнихъ Восточныхъ Славянъ помѣсь и сходство съ другими народностями меньше, чѣмъ, напр., у современныхъ великороссовъ; тѣмъ не менѣе уже и въ древности отдѣльныя племена представляли значительную помѣсь типовъ, о чемъ мы скажемъ дальше. Прежде мы хотимъ — по отличительнымъ признакамъ, приведеннымъ нами выше, и по повтореніямъ таковыхъ у тѣхъ и другихъ славянскихъ племенъ — указать на ближайшее ихъ антропологическое сходство — какъ между собою, такъ равно съ тѣми или другими народами.

Въ такомъ близкомъ антропологическомъ родствѣ между собою находятся Сѣверяне курганные и кладбищенскіе, Поляне курганные и кладбищенскіе (отчасти только Древляне Волынскіе).

Болѣе близкое съ ними родство выступаетъ у неславянскихъ народовъ, но славянской эпохи: Кіевлянъ, Мерянъ, Тверичей, Мордовцевъ, даже у Вотяковъ, Чувашей и, наконецъ, древнихъ Волжскихъ и современныхъ Дунайскихъ Болгаръ, Древнихъ Хазаръ, современныхъ Казанскихъ Татаръ и Абхасцевъ.

Вторую родственную по общимъ антропологическимъ признакамъ группу составляютъ древніе Новгородцы вмѣстѣ съ Московскими кладбищенскими XVI—XVIII в. и съ современными русскими (Великороссами). Къ нимъ по сходству признаковъ на первомъ мѣстѣ примыкаютъ Вотяки, Люблинскіе XVI—XVII в., затѣмъ современные Краковскіе, Черемисы, Пермскіе курганные, современные Казанскіе Татары, Шапсуги и древніе Хазары. Далѣе идетъ цѣлый рядъ родства въ особенности современныхъ русскихъ съ славянскими племенами — Древлянами Кіевскими и Волынскими, Кривичами западными, Краковскими XVII—XVIII в., съ неславянскими, но славянской эпохи народами: Полтавцами, Касимовцами, далѣе Черемисами, Суджанскими, Башкирскими древнихъ кладбищъ и современными Шапсугами. Въ дальнѣйшихъ рядахъ болѣе отдаленное родство съ современными русскими обнимаетъ почти всѣ народы, что указываетъ на большую помѣсь, изъ которой составилось Великорусское племя.

Довольно отличаются отъ первыхъ двухъ группъ Древляне и Кривичи, разнящіеся между собою. У Древлянъ Волынскихъ и западныхъ Кривичей выступаетъ въ первой степени близкое родство съ Вотяками, древними Хазарами и современными Казанскими Татарами, кромѣ того, у первыхъ — съ Касимовцами, а у вторыхъ — съ Черемисами кладбищенскими, далѣе у обоихъ—съ современными Русскими, а у Древлянъ Волынскихъ — еще съ Краковскими XVII—XVIII в., неславянскими, но славянской эпохи: Тверичами, Мерянами, Кіевлянами, Полтавцами, Черемисами, кладбищенскими и древними Волжскими Болгарами. У Древлянъ Кіевскихъ лишь во второй степени выступаютъ признаки сходства съ современными русскими, Вотяками кладбищенскими, древними Хазарами и современными Казанскими Татарами; этимъ они представляютъ общее сходство какъ со своими Волынскими соплеменниками, такъ и съ Кривичами.

Изъ приведеннаго антропологическаго сопоставленія мы заключаемъ, что Восточно-Славянскія племена, вѣроятно, уже въ древности имѣли не только мало общихъ всѣмъ имъ характерныхъ физическихъ чертъ, но и тогда уже представляли помѣсь расъ и племенъ. Поэтому весьма трудно по тѣмъ скуднымъ даннымъ, какія представляютъ имѣющіеся матеріалы относительно Восточныхъ Славянъ, возсоздать если не одинъ общій ихъ типъ, то хотя бы общія черты для характеристики этого типа. Среди этихъ типовъ выдѣляются нѣкоторыми особенностями, какъ мы уже ска-

зали выше, три болѣе чистые 1) Сѣверянъ и Полянъ, 2) Древлянъ и Кривичей и затѣмъ 3) смѣшанный Новгородцевъ и Москвичей XVI—XVIII в., сходныхъ съ современными Великороссами.

У Сѣверянъ и Полянъ выступаетъ ближе всего ихъ родство съ Финнами: Чувашами, Черемисами и Вотяками и другими племенами, какъ то: Мерянами, Мордовцами, Кіевлянами, которыхъ мы причислили по особой номенклатурѣ, данной археологами, къ курганамъ неславянскимъ, но славянской эпохи; но если предположить, что послѣдніе принадлежатъ къ Финнамъ, то ближайшее родство этихъ славянскихъ племенъ съ Финнами и вліяніе послѣднихъ на ихъ образованіе выступаетъ на первый планъ.

У Древлянъ и Кривичей, кромѣ сходства съ Финнами, Вотяками, Черемисами, племенами Славянской эпохи: Мерянами, Тверичами, Кіевлянами, Полтавцами, Касимовцами, выступаетъ рельефно болѣе близкое родство съ древними Хазарами и современными Казанскими Татарами, а затѣмъ у Древлянъ Волынскихъ — съ современными и Краковскими XVII—XVIII в.

Древніе Новгородцы сходны по типу съ Московскими кладбищенскими XVI—XVIII в., современными Русскими и Люблинскими XVI—XVII в. и отчасти съ современными Краковскими. При этомъ сходство у нихъ съ Финнами тоже выступаетъ довольно ясно, а именно: съ Вотяками, Черемисами, а у Московскихъ — съ современными Шапсугами.

У современныхъ русскихъ выступаетъ сходство не только съ древними Славянскими племенами, какъ восточными, такъ и западными, но также близкое родство съ финскими, современными Татарами и древними Хазарами, какъ и съ нѣкоторыми изъ Кавказскихъ современныхъ племенъ (Шапсуги). Все это указываетъ на многочисленные элементы, изъ которыхъ сложилось это племя.

Изо всего этого мы заключаемъ, что въ созданіи типа всѣхъ восточныхъ Славянъ весьма важное мѣсто нужно отвести Финнамъ, и что вліяніе ихъ отразилось сильнѣе на Сѣверянахъ, Полянахъ, Новгородцахъ и Московскихъ XVI—XVIII в., чѣмъ на Древлянахъ и Кривичахъ, на которыхъ могли вліять Татары, Хазары или близкій имъ типъ. Отчасти на сложеніе типа вліяли въ большей или меньшей степени Славяне западные (Люблинскіе и Краковскіе); это вліяніе замѣтнѣе у Новгородцевъ, Древлянъ Волынскихъ и современныхъ русскихъ.

Кромѣ вліянія посторонней примѣси на костный черепъ Славянъ, вліяніе не могло не отразиться и на покровахъ тѣла. Если допустить, что первобытный типъ Славянъ, пришедшихъ на востокъ съ береговъ Вислы, былъ темный, а то огромное большинство, которое усвоило себѣ славянскій культъ, было финское, то, благодаря этому, судя по многимъ сходствамъ

типа въ другихъ отношеніяхъ современныхъ русскихъ съ Новгородцами, Москвичами XVI—XVIII в., можно полагать, что у всѣхъ нихъ преобладающимъ былъ свѣтлый типъ, тогда какъ у Сѣверянъ и Полянъ первоначальный темный типъ сохранился лучше, въ особенности у Древлянъ и Кривичей, гдѣ, помимо первоначальнаго темнаго Славянскаго типа, не мало могли повліять на него въ древности Татары и древніе Хазары съ болѣе темнымъ типомъ. Благодаря этому вліянію и помѣси, и нынѣ жители, населяющіе территорію древнихъ Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ и Кривичей, отличаются болѣе темнымъ типомъ отъ современнаго населенія территоріи Новгорода, Москвы и разныхъ сѣверныхъ и среднихъ губерній съ современнымъ великороссійскимъ населеніемъ.

Въ нашей работѣ мы вездѣ приводили для сравненія и народы далекаго Востока; между тѣмъ, какъ видно, вліяніе Монгольской расы въ строеніи костнаго черепа было ничтожно, если не считать сходства Древлянъ и Кривичей съ Татарами, потомками Кипчаковъ Золотой Орды, перемѣшанными съ древними Болгарами, у которыхъ иногда выступаютъ монгольскія черты; однако мы не нашли никакихъ монгольскихъ чертъ у изучаемыхъ нами древнихъ Восточно-Славянскихъ племенъ.

IV. Литература.

Антоновичъ, В. Б. Погребальный типъ могилъ Радимичей. Засѣд. I. отд. IX Археол. Съѣзда въ Вильнѣ (Археолог. Извѣст. и Замѣт. изд. Имп. Москов. Археол. Общ. №№ 9—10. Москва. 1893).

Анучинъ, Д. Н. О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи (по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ Имперіи за 1874—1883 гг.) СПБ. 1889 г.

Онъ же. Славяне (стат. антропол.) (Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. т. XXX. Стр. 285—287. СПБ. 1900).

Онъ же. Великороссы (стат.) (Тамъ же. Т. V, стр. 828—843. СПБ. 1892).

Онъ же. О черепахъ изъ кургановъ и могильниковъ Изюмскаго у. Харьковской губ. (Изъ раскопокъ В. А. Городцева лѣтомъ 1901 г. Отт. изъ изданія Имп. Москов. Археол. Общ.).

Ашмаринъ, Н. А. «Болгары и Чуваши» (съ 2-мя табл.). Юбилейный сборникъ статей, посвящ. къ 350-лѣтію (1552—1902) присоединенія Казани къ Россійской державѣ (перв. полутомъ). Изв. Общ. Арх., Истор. и Этн. при Импер. Казанск. Унив. т. XVIII, вып. 1, 2 и 3, стр. 1—132).

Baer v. Nachrichten über die Etnographisch — Craniologische Sammlung. (Bullet. phys.-mathem. de l'acad. des Sciences de SP—bourg. T. XVII. 1859).

Бестужевъ-Рюминъ, К. Русская исторія т. I. СПБ. 1872.

Bloch, A. Origine turque des Bulgares (Bullet. et mém. de la Soc. d'Anthrop. № 5. 1903. Paris).

Богдановъ, А. П. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи (Антроп. Матер. ч. I. Изв. Общ. Люб. Естеств. т. IV, вып. I. Москва. 1867 г.).

Онъ же. Описаніе курганныхъ череповъ Смоленской губерн., находящихся въ краніологическомъ собраніи Общ. Люб. Естествознанія (Антропол. Выст. Т. 2, стр. 38—50. Изв. Общ. Люб. Естеств. Т. XXXI. Москва. 1878 г.).

Онъ же. Курганные черепа Тарскаго округа Тобольской губерніи (Антроп. Выст. Т. 2, стр. 263—273. Изв. Общ. Люб. Естеств. Т. II. Москва. 1878 г.).

Онъ же. Замѣтка о человѣкѣ каменнаго вѣка (Труды С.-Петерб. Съѣзда Естествоиспыт. СПБ. 1879 г.).

Онъ же. Курганные черепа области древнихъ Сѣверянъ. Суджанское длинноголовое населеніе на р. Псѣ (Антроп. Выст. 1879 г. Т. 2, стр. 181—194. Изв. Общ. Люб. Естеств. Т. XXXI. Москва. 1879 г.).

Онъ же. Черепа изъ старыхъ Московскихъ кладбищъ (Антр. Выст. Т. 2, стр. 330—333. Тамъ же).

Онъ же. О могилахъ Скиѳо-Сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краніологіи скиѳовъ (Антр. Выст. 1879 г. Т. III, ч. I, стр. 263. Тамъ же. Т. XXV, ч. I, вып. 1, 2 и 3. Москва. 1880 г.).

Онъ же. Курганы Приуральскіе по раскопкамъ гг. Зографа и Неѳедова (Антр. Выст. Т. III, стр. 279—300. Тамъ же, т. XXXV. Москва. 1880 г.).

Онъ же. Древніе Кіевляне по ихъ черепамъ и могиламъ. (Антр. Выст. Т. III. Тамъ же, стр. 305—319. Т. XXXV. Москва. 1880 г.).

Онъ же. Доисторическіе Тверитяне по раскопкамъ кургановъ (Антроп. Выст. Т. III, стр. 382—392. Тамъ же. Т. XXXV. Москва. 1882 г.).

Онъ же. Курганные жители Сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниговской губерніи (Антр. Выст. Т. III, стр. 350—361. Тамъ же. Т. XXXV. Москва. 1882 г.).

Онъ же. Жители древнихъ Болгаръ по краніологическимъ признакамъ (Антр. Выст. Т. III, стр. 365—377. Тамъ же).

Онъ же. Древніе Новгородцы въ ихъ черепахъ (Антр. Выст. Т. III, стр. 462—475. Тамъ же).

Онъ же. О курганныхъ обитателяхъ Мордовской земли и Касимова (Стр. 382—387. Тамъ же).

Богдановъ, А. П. О черепахъ изъ Кавказскихъ дольменовъ и о черепахъ изъ Кавказскихъ кургановъ и могилъ (Стр. 419—434. Тамъ же).

Онъ же. Къ краніологіи Смоленскихъ курганныхъ череповъ (Антр. Выст. Т. IV, стр. 71—74. Тамъ же. Т. XLIX. Москва. 1886).

Онъ же. О черепахъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Россіи (Тамъ же, стр. 102—108).

Онъ же. О черепахъ изъ кладбищъ сѣверной Россіи (Тамъ же, стр. 123—144).

Онъ же. Черепа изъ Крымскихъ могилъ Херсонеса и Инкермана и изъ кургановъ Войска Донского (Тамъ же, стр. 128—146).

Онъ же. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? (Congrés internat. d'Archeol. Préhist et d'Anthr. II session à Moscou. 1892 г.).

Бобринскій, А. Курганы и случайныя находки близъ мѣстечка Смѣлы. СПБ. 1887.

Бѣляевъ, И. Д. Какъ образовалось великорусское племя и какое сословіе принять представителемъ великорусскаго темнаго типа? (Изв. Антр. Отд. Общ. Люб. Естеств. Т. I. Москва. 1865 г.).

Welcker, H. Kraniologische Mittheilungen (Arch. für Anthrop. Band. I. 1886).

Weissbach. Beiträge zur Kenntniss der Schädelformen österreichischer Völker. Wien. 1864, III).

Wolkenstein, A. Recherches anthropologiques sur d'anciens cimetières du Waldai nommés «Jalnikis». Moscou. 1873.

Воробьевъ, В. В. Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи (Труды Антр. Отд., т. XIX. Изв. Общ. Люб. Ест.).

Онъ же. Великороссы. Очеркъ физическаго типа (Русск. Антр. Жур. № 1. 1900).

Гамченко, С. Житомирскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ. Житомиръ 1888 г.

Höven van der. I. Ueber die Schädel slavonischer Völker (Müller's Arch. für Anatomie ect. 1844).

Гошкевичъ, В. И. Клады и древности Херсонской губерніи. Кн. I (Безплатная премія подписч. «Юга» на 1902 г.). Херсонъ. 1903 г.

Европеусъ. О народахъ средней и сѣверной Европы (Жур. Мин. Народн. Просв. 1868, іюль).

Забѣлинъ, И. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. I—II. Москва. 1879.

Soemmering. Vom Bau des menschlichen Körpers. Knochenlehre. Frankfurt an Main. 1791.

Зографъ, Н. Ю. Антропологическія изслѣдованія мужского великорусскаго населенія. Владимірской, Ярославской и Костромской губерніи. Москва. 1892.

Онъ же. Ueber altrussische Schädel aus dem Kreml. (Burg) von Moskau. Arch. für Anthropol. XXIV, fasc I und II. 1896).

Ивановскій, А. А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды Антроп. Отд. Т. XXII. Изв. Общ. Люб. Ест. Т. CV. Москва. 1904.

Ивановскій, А. А. и Рождественскій, А. Г. Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа въ его «Антропологическихъ изслѣдованіяхъ мужского великорусскаго населенія Владимирской, Ярославской и Костромской губерній», и имѣютъ ли эти изслѣдованія какое-либо научное значеніе? Москва. 1894 г.

Иковъ, К. Н. Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико- и малоруссами (Дневн. Антроп. Отд. Общ. Люб. Ест. в. IV. Москва. 1890).

Карамзинъ, Н. М. История государства Россійскаго. Кн. I, т. I—IV съ примѣчаніями. СПБ. 1842).

Kollmann, M. S. Les races humaines de l'Europe et la question arienne. (Congr. intern. d'Arch. préhist. et d'Anthrop. T. I. Москва. 1892).

Кеппенъ. Матеріалы по вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ Индоевропейцевъ и финно-угровъ. СПБ. 1886).

Коврайскій, Ф. Ф. Замѣтка о черепахъ изъ могилъ скиѳо-сарматской эпохи (Дневн. Антр. Отд. Труды Антр. Отд., т. XII. Изв. Общ. Люб. Естеств., т. XLVIII. Москва. 1890).

Казанское царство (стат.). Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. т. XIII, стр. 906—910).

Казанская губернія (стат.). Тамъ же, стр. 899.

Kopernicki, I. O Kościach i czaszkach ludzkich z Kurhanów w Radziminie na Wołyniu (Zbiór Wiad. do antr. Kraj. wyd. star. Kom. Antrop. Akad. Um. w Krakowie. T. I. Краковъ. 1877).

Онъ же. Czaszki przedmieszczan Krakowskich z XVII i XVIII wieku (Тамъ же. T. XI. Краковъ. 1887).

Онъ же. Предварительныя свѣдѣнія о краніологическихъ изслѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ череповъ (Кіевск. Универс. Извѣстія. 1861. Книж. 1, стр. 81).

Костомаровъ, Н. Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. I. СПБ. 1872.

Онъ же. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. 1. СПБ. 1873.

Кулаковскій, Ю. А. Гдѣ начинается исторія славянъ по Іордану? (Жур. Мин. Нар. Просв. 1905. Мартъ).

Ламанскій, В. И., Славяне (стат. Этногр.) (Энциклоп. Слов. т. XXX, стр. 287—293. СПБ. 1900 г.).

Лучинскій, Г., Хозары (Статья «Энцикл. Слов.». Брокг. и Ефр. СПБ. 1903. Т. XXXVII, стр. 484—485).

Landzert, Th., Beiträge zur Kenntniss der Grossrussen-Schädels (Arch. für Anthropologie. 1867. Band II).

Маліевъ, Н., Антропологическій очеркъ племени Пермяковъ (Матер. къ сравн. анатом. финск. народн. Казань, 1887).

Онъ же. Отчетъ о вогульской экспедиціи (Тр. Общ. Естеств. при Казанск. Унив., 1872 г. Т. III, № 2).

Онъ же. Вогулы. Антропологическій очеркъ. (Русск. Антр. Жур. 1901 г. № 1).

Онъ же. Матеріалы для сравнительной анатоміи (Труды Общ. Ест. при Имп. Казан. Унив. Т. IV. Казань. 1874).

Matiegka, I., Lebky české z XVI stoletó. Crania bohemica saeculi XVI. Прага. 1893).

Миллеръ, В. Ф., Курганный могильникъ близъ села Троицкаго-Кайнарджи Московскаго уѣзда (Днев. Антр. Отд., вып. V. 1890. Труды Антр. Отд. Т. XII. Изв. Общ. Люб. Естеств. Т. LXVIII. Москва. 1890).

Минаковъ, П. А., О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ Средней Россіи (Труды Антр. От. Т. XIX. Изв. Общ. Люб. Естеств. Москва. 1899).

Онъ же, Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (Тамъ же).

Нидерле, Л., Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Перев. съ чешскаго Θ. К. Волкова, подъ редак. Д. Н. Анучина. СПБ. 1898).

Olechnowicz, W., Crania polonica (Mater. Antr. —Arch. i etnogr. wyd star. Kom. Antr. Akad. Um. w Krakowie. T. III. Краковъ. 1898).

Ossowski, G., Materyjały do paleoetnologii Kurhanów Ukrainskich 1—2. (Wiad. do antr. Kraj. wyd. star. Kom. Antr. Akad. Um. w Krakowie. T. XII. Краковъ. 1888).

Онъ же, Materyjaly do paleoetnologii Kurhanów Ukraińskich (Тамъ же. Т. XIII. Краковъ. 1889).

Potkański, K., O pochodzeniu Słowian. Kilka uwag z powodu książki prof. Niederlego p. t. «O pochodzeniu słowian» i pierwszego tomu «Starożytności słowiańskich» tegoż autora. Kwartalnik historyczny T. III. 1901.

Quatrefages et Hamy, Crania ethnica. Paris. 1882.

Rutkowski, L., Charakterystyka antropologiczna ludności wiejskiej (nieszlacheckiej) Płońskiego i sąsiednich powiatów gub. Płockiej. (Mat. antr-

arch. i etnogr. wyd. Star. Kom. Autr. Akad. Um w Krakowie. T. V. Краковъ. 1901).

Retzius, A., Ueber die Schädelform der Nordbewohner (Müllers. Arch. f. Anatom. etc. 1845).

Соловьевъ, С. М., Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I—V. СПБ.

Спицынъ, А., Курганы Кіевскихъ торковъ и берендѣевъ (Отт. изъ Запис. Имп. Археол. Общ. СПБ.).

Силиничъ, И. П., Вогулы. Краніологическій очеркъ (Русск. Антр. Жур. №№ 3 и 4. 1904. Москва).

Талько-Грынцевичъ, Ю., Суджинское доисторическое кладбище въ Ильмовой пади Троицкосавскаго округа Забайкальской области. Палеоэтнологическое изслѣдованіе (Изд. Троицк.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О. Москва. 1899).

Онъ же. Матеріалы къ палеоэтнологіи Забайкалья (I—VI) (См. Прот. Обыкн. Общ. Собр. Троицк.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О. №№ 6, 7 и 8 за 1896 г., № 5 за 1897 и Труды того же Отд. Т. I, вып. 3, 1898 г., т. III, вып. 1, 2 и 3 за 1900 г. и т. IV, вып. 2 1901 г.).

Онъ же. О человѣческихъ костяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Усть-Кяхты (Проток. Обыкн. Общ. Собр. Троицк.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О. № 3. 1894 г.).

Онъ же. Къ антропологіи Великороссовъ (Семейскіе-старообрядцы Забайкальскіе. Изд. Троицк.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О.). Томскъ. 1898.

Онъ же. Przyczynek do poznania świata Kurhanowego Ukrainy. (Mater. antr-arch. i etnogr. Akad. Um. w Krakowie. T. IV. Dz. 1. Краковъ. 1899).

Онъ же. Słów parę ze stanowiska antropologii w kwestyi pochodzenia Słowian. («Wisła» zesz. 6. Варшава. 1902).

Онъ же. Przyczynek do paleoetnologii Rusi litewskiej. O czaszkach krzywiczańskich (Mater. antr-arch. i etnogr. Akad. Um. w Krakowie. T. VII. Краковъ. 1903).

Tarenetzky, A., Beiträge zur Craniologie der Grossrussischen Bevölkerung der Nördlichen und Mittleren Gouvernements des Europäischen Russlands (Mem. de l'Acad. Imper. des sciences de S.Pbrg. VII. Ser. T. XXXII. № 13. СПБ. 1884).

Tatars (стат.). Diction. des sciences anthrop. Paris.

Topinard, P., Eléments d'anthropologie générale. Парижъ. 1885.

Тюрко-Татары (стат.). Энцикл. Слов. Ефр. и Брокг. Т. XXXIV, стр. 347—350.

Уфимская губернія (стат.). Тамъ же. Т. XXXV, стр. 90—96.
Харузинъ, А. Н., Два черепа изъ кургановъ села Троицкаго-Кайнарджи Московскаго уѣзда (Днев. Антр. Отд. вып. V. Труды Антр. Отд. т. XII. Изв. Общ. Люб. Ест. Т. LXVIII. Москва 1890).
Szukiewicz W., Kurhany kamienne w powiecie Lidzkim (gub. Wileńska) («Swiatowit» Т. I. Варшава. 1899).
Эмме, В. Е., О множественности антропологическихъ среднихъ типовъ велико- и малорусскихъ череповъ (Прот. Засѣд. Антр. Отд. Т. VIII, вып. 4. Изв. Общ. Люб. Естеств. Москва. 1887 г.).

V. Перечень измѣреній костяковъ, народовъ и племенъ, упомянутыхъ въ настоящемъ трудѣ, съ указателемъ авторовъ и ихъ работъ.

Народы и племена.	Изслѣдователи.	Указатель авторовъ и работъ.
Славяне.		
А) **Восточные.**		
Древніе Новгородцы. .	К. Н. Иковъ и А. А. Тихоміровъ.	А. П. Богдановъ, «Древніе Новгородцы въ ихъ черепахъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 462—475).
Сѣверяне:		
Курганные	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «Курганные жители Сѣверянской земли, по раскопкамъ въ Черниговской губ.». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 350—361).
Древне-кладбищенскіе .	А. А. Тихоміровъ.	
Поляне:		
Курганные	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	J. Talko-Hryncewicz, «Przyczynek do poznania swiata Kurhanowego Ukrainy». (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. IV, Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. Краковъ. 1899).
Кладбищенскіе:		
IX—XI в.	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «Древніе Кіевляне по ихъ черепамъ и могиламъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 305—319).
XII—XIII в.	»	
Кривичи:		
Кіевскіе	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	J. Talko-Hryncewicz, «Przyczynek do paleoetnologii Rusi litewskiej. O domniemanych czaszkach krzywiczan. Stud. antrop. (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. VII. Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. 1903).
Волынскіе	С. Гамченко.	С. Гамченко, «Житомирскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ». Житомиръ. 1888).
Русскіе Московскихъ кладб. XVI–XVIII в.	К. Н. Иковъ и А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «Черепа изъ старыхъ Московскихъ кладбищъ». (Антр. Выст. т. II, стр. 330—346, 1879).
Тоже-Московскіе Кремлевскіе XVI–XVII в.	Н. Ю. Зографъ.	M. v. Zograf. «Ueber altrussische Schaedel aus dem Kreml (Burg.) von Moskau». (Arch. f. Anthr. XXIV. fasc. I et II. 1896),

Народы и племена.	Изслѣдователи.	Указатель авторовъ и работъ.
Современ. русск. сѣверн. и среднихъ губерній.	А. И. Таренецкій.	A. Tarenetzky, «Beiträge zur Craniologie der Grossrusischen Bevölkerung der Nördlichen [1]) und Mittleren Gouvernements». СПБ. 1884).
Русскіе Казанской губ.	Н. М. Маліевъ.	Н. Маліевъ, «Матеріалы для сравнительной антропологіи». (Труды Общ. Естеств. при Имп. Казанск. Унив. за 1874 г. Казань).
В) **Западные.**		
Плоцкіе курганные . .	Л. Рутковскій.	L. Rutkowski, «Charakterystyka antropologiczna ludności wiejskiej (nieszlacheckiej) Płońskiego i sąsiednich powiatów gub. Płockiej», (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. V. Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. 1901).
Краковскіе кладбищенскіе XVII—XVIII в.	I. Коперницкій.	I. Kopernicki, «Czaszki przedmieszczan Krakowskich z XVII—XVIII wieku». (Zb. Wiad do antr. kraj. T. XI, Dz. II. Akad. Um. w Krakowie. 1887).
Краковскіе современ. .	В. Олехновичъ.	Wł. Olechnowicz, «Crania polonica». (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. III, Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. 1898).
Люблинскіе: XVI—XVII в. . . . . . XVIII в. . . . . XIX в.	 В. Олехновичъ. » »	 Wł. Olechnowicz, «Crania polonica». (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. III, Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. 1898).
Не славянъ, но славянской эпохи.		
Курганные: Кіевляне	 А. П. Богдановъ.	 А. П. Богдановъ, «Древніе Кіевляне по ихъ черепамъ и могиламъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 305—319).
Меряне.	К. Н. Иковъ.	А. П. Богдановъ, «Меряне въ антропологическомъ отношеніи». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 404—417).
Мордовцы . . . . . . Касимовцы.	Н. Ю. Зографъ. »	А. П. Богдановъ, «О курганныхъ обитателяхъ Мордовской земли и Касимова». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 382—387).
Тверичи	К. Н. Иковъ.	А. П. Богдановъ, «Доисторическіе Тверитяне по раскопкамъ кургановъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 382—392).
Полтавцы.	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «О могилахъ Скиѳо-Сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краніологіи скиѳовъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 263—279).

1) Изъ работы проф. А. И. Таренецкаго мы почерпнули числовыя данныя, касающіося измѣренія русскихъ череповъ разныхъ губерній по изслѣдованіямъ: J. v. der Hoeven'a, A. Retzius'a, Kopernick'aго, Ландцерта, Проценки, Quatrefages'a, Волькенштейна.

Народы и племена.	Изслѣдователи.	Указатель авторовъ и работъ.
Эпохи камня и бронзы.		
Юго-Западной Руси . .	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	J. Talko-Hryncewicz, «Przyczynek do poznania swiata kurhanowego Ukrainy». (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. IV, Dz. I. Akad. Um. w Krakowie. 1899).
Кіевской губерніи . . .	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «Древніе Кіевляне по ихъ черепамъ и могиламъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 305—319).
Скиео-Сарматской эпохи.		
Кіевской губерніи . . .	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	J. Talko-Hryncewicz, «Przyczynek do poznania swiata kurhanowego Ukrainy». (Mater. antr.-arch. i etnogr. T. IV. Dz. I Akad. Um. w Krakowie. 1899).
Полтавской губерніи. .	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «О могилахъ Скиео-Сарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краніологіи скиеовъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 263—279).
Полтавской губерніи. .	Ф. Ф. Ковраискій.	Ф. Ф. Ковраискій, «Замѣтка о черепахъ изъ могилъ Скиео-Сарматской эпохи». (Труды Антр. Отд. т. XII. Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. LXVIII, стр. 18—27).
Разные.		
Древніе Киммерійцы. .	І. Я. Стемпковскій (измѣреніе роста).	В. И. Гошкевичъ, «Клады и древности Херсонской губерніи». (Херсонъ. 1903).
Суджинскіе курганные. (Обитатели области древнихъ сѣверянъ).	А. П. Богдановъ.	А. Богдановъ, «Курганные черепа области древнихъ сѣверянъ: а) Суджинское длинноголовое населеніе по р. Пслѣ». (Антр. Выст. 1879 г. т. II, стр. 180—191).
Московское курганное населеніе VIII—X в.	А. П. Богдановъ.	А. Богдановъ, «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губ.». (Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. IV, вып. I, Москва. 1867).
Курганное насел. земли Войска Донскаго. Древнее насел. Крымск. пещеръ и могилъ . .	А. П. Богдановъ. Н. Ю. Зографъ и А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «О черепахъ изъ крымскихъ могилъ, Херсона и Инкермана и изъ кургановъ Войска Донскаго». (Антр. Выст. 1879 г. т. IV, ч. I, стр. 123—146).
Населеніе Кавказа.		
Древніе кург. и гробн. Современные: Абхасцы . . . . Натухайцы . . . . . . Шапсуги	А. П. Богдановъ. » » »	А. П. Богдановъ, «О черепахъ изъ кавказскихъ дольменовъ и о черепахъ изъ кавказскихъ кургановъ и могилъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, стр. 419—434).
Болгары.		
Древніе Волжскіе . . . Соврем. Придунайскіе .	А. А. Тихоміровъ. »	А. П. Богдановъ, «Жители древнихъ болгаръ по краніологическимъ признакамъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 363—382).

Народы и племена.	Изслѣдователи.	Указатель авторовъ и работъ.
Финно-Угры.		
Чуваши кладбищенскіе.	Н. Ю. Зографъ.	А. П. Богдановъ, «Жители древнихъ болгаръ по краніологическимъ признакамъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 363—382).
Черемисы кладбищенск. Вотяки кладбищенскіе.	Н. М. Маліевъ. »	Н. Маліевъ, «Матеріалы для сравнительной антропологіи». (Труды Общ. Естеств. при Имп. Казанск. Унив. за 1874 г. Казань).
Вогулы современные. .	Н. П. Силиничъ.	И. П. Силиничъ, «Вогулы». (Русскій Антр. Журн. №№ 3—4. Москва. 1904).
Татары.		
Казанскіе современные.	Н. М. Маліевъ.	Н. Маліевъ, «Матеріалы для сравнительной антропологіи». (Труды Общ. Естеств. при Имп. Казанск. Унив. за 1874 г. Казань).
Древніе Хозары	Н. М. Маліевъ.	Н. Маліевъ, «Матеріалы для сравнительной антропологіи». (Труды Общ. Естеств. при Имп. Казанск. Унив. за 1874 г. Казань).
Приуральское населеніе.		
Пермскіе курганы. . .	Н. Ю. Зографъ.	А. П. Богдановъ, «Курганные Приуральцы по раскопкамъ г.г. Зографа и Нефедова». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 279—286).
Тобольскіе курганы . .	А. П. Богдановъ.	А. П. Богдановъ, «Курганные черепа Тарскаго уѣзда, Тобольской губерніи». (Антр. Выст. 1879 г. т. II, стр. 263—278).
Башкиры древн. кладб. Могилы Ногайскихъ хановъ.	Н. Ю. Зографъ. »	А. П. Богдановъ, «Черепа Башкиръ и Ногайскихъ хановъ». (Антр. Выст. 1879 г. т. III, ч. I, стр. 287).
Населеніе Забайкалья и Монголіи.		
Въ Забайкальѣ: Эпохи камня . . . . . Погребеніе въ срубахъ.	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, «О человѣческихъ костяхъ найденныхъ въ окрестн. Усть-Кяхты» (Прот. Тр.—Кяхт. Отд. Пр. Отд. И. Р. Г. О. № 3, 1894 г.). Онъ-же. «Матеріалы къ палеоэтнологіи Забайкалья» I—VII. (Тамъ-же Прот. № 7, 1897 г. и Труды того-же Отд. т. I, вып. 3, т. III, вып. 2—3, т. IV, вып. 2, т. VI, вып. 2) и Онъ-же. «Суджинское доисторическое кладбище въ Ильмовой пади». (Тамъ-же, т. I, вып. 2, 1898).
Современные.		
Калмыки	А. А. Ивановскій.	А. А. Ивановскій, «Монголо-Торгоуты». (Изв. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр. т. LXXI Труды Антр. Отд. т. XIII, Москва. 1893).
Буряты. . . . . Халхасцы.	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ.	Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, «Матеріалы къ антропологіи Монголіи и Забайкалья». (Въ рукописи).

Протестація митрополита Іова Борецкаго и другихъ западно-русскихъ іерарховъ, составленная 28 апрѣля 1621 года.

Въ б. архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ (въ архивѣ Св. Синода въ С. Петербургѣ) сохранилась въ рукописи Протестація православнаго кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, епископовъ Іезекіиля и Исаіи и всѣхъ западно-русскихъ православныхъ христіанъ, духовныхъ и свѣтскихъ, шляхетскаго и мѣщанскаго сословій, датированная 28 апрѣля 1621 года. При составленіи перваго выпуска печатнаго «Описанія» этого архива, она, въ числѣ другихъ документовъ, относящихся къ возстановленію патріархомъ Ѳеофаномъ западно-русской церковной іерархіи, помѣщена подъ № 458 (л. 34—43). Сохранилась она въ копіи, не совсѣмъ исправной (переписчикомъ сдѣлано въ ней нѣсколько пропусковъ). Передъ текстомъ Протестаціи на первомъ же листѣ рукописи находится заявленіе о внесеніи ея въ гродскія книги лично митр. Іовомъ Борецкимъ и епископами Іезекіилемъ и Исаіей. Но въ какія гродскія книги она была внесена, не указано (послѣ слова zamku пропускъ)[1]). Это заявленіе и вся первая страница, а также половина второй страницы, написаны однимъ почеркомъ. Весь же остальной текстъ написанъ до конца уже другимъ почеркомъ. Судя по письму, интересующая насъ копія Протестаціи сдѣлана современникомъ. На верху рукописи третьимъ очень неразборчивымъ почеркомъ сдѣлана надпись: Taką Protestatią zgotował był Borzecki z Smotrzyckim przeciwko Krolowi y Rzeczy Pospolitey[2]). Тѣмъ же почеркомъ сдѣлано нѣсколько замѣчаній на поляхъ рукописи.

Протестація 28 апрѣля 1621 года, представляющая живую, краснорѣчивую, по мѣстамъ увлекательную защиту свободы совѣсти вообще и свободы исповѣданія русскими православной вѣры въ частности, написана, какъ и другія православныя полемическія сочиненія той же категоріи, на польскомъ языкѣ. Но въ ней не мало встрѣчается явныхъ руссицизмовъ:

---

1) И остается неизвѣстнымъ, была ли она внесена въ актовыя книги.

2) Эта надпись можетъ указывать на то, что Протестаціи не было дано оффиціальнаго хода. На это можетъ указывать и отсутствіе въ упоминаемыхъ въ ней письмахъ хронологическихъ датъ.

smirenny, rewność, Christianski... По своему содержанію и изложенію она не относится къ разряду обыкновенныхъ административно-судебныхъ документовъ, а представляетъ собою скорѣе литературно-полемическое произведеніе.

Возстановленіе патр. Ѳеофаномъ западно-русской церковной іерархіи вызвало, какъ извѣстно, цѣлую полемическую литературу между православными и уніатами. Начало этой полемикѣ положилъ Мелетій Смотрицкій своей Verificatią niewinności, изданной отъ имени монаховъ Виленскаго Св.-Духова братскаго монастыря и датированной 5 апрѣля 1621 года. Вторымъ по времени православнымъ полемическимъ памятникомъ слѣдуетъ признать интересующую насъ «Протестацію и благочестивую юстификацію», датированную, какъ указано выше, 28 апрѣля 1621 года. Она въ свое время не была напечатана, и потому, вѣроятно, не вызвала спеціальнаго противъ себя литературнаго возраженія съ уніатской стороны. Во второмъ изданіи Verificatii niewinności, датированномъ 16 іюня 1621 года, и въ уніатскомъ сочиненіи List do zakonnikow Monastera S. Ducha Wileńskiego, датированномъ 7 августа 1621 года (12 об. — 13), упоминается «Протестація Борецкаго». Но упоминаніе это относится, надо думать, къ той Протестаціи Борецкаго, которая внесена была имъ въ кіевскія гродскія книги 15 мая 1621 года и которая не имѣетъ литературно-полемическаго характера. Протестація Борецкаго отъ 15 мая 1621 года[1]) тоже сохранилась въ б. архивѣ зап.-рус. уніат. митрополитовъ (подъ тѣмъ же № 458, л. 44—47), и въ ней именно находится то мѣсто «Протестаціи Борецкаго», которое процитировалъ составитель вышеупомянутаго уніатскаго List'а. Но въ этомъ послѣднемъ можно видѣть нѣкоторое указаніе и на интересующую насъ Протестацію отъ 28 апрѣля 1621 года. Уніатскіе виленскіе монахи писали въ этомъ List'ѣ православнымъ виленскимъ монахамъ: Przypochlebiania im (т. е. казакамъ) y adulacie w pismach y drukach y kazaniach waszych was wydaią. Pismo здѣсь, очевидно, противополагается druku, какъ ненапечатанное сочиненіе напечатанному. Къ 7 августа 1621 года, которымъ датированъ List, вышли въ свѣтъ только два изданія Verificatii Мелетія Смотрицкаго. Но ни въ одномъ изъ нихъ никакихъ особенныхъ похвалъ по адресу запорожскихъ казаковъ нѣтъ; напротивъ, Мелетій Смотрицкій принялъ въ нихъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не скомпрометировать себя и виленскихъ православныхъ братчиковъ своими связями съ Запорожьемъ. Въ Протестаціи Борецкаго отъ 15 мая 1621 года также о запорожскихъ казакахъ говорится совсѣмъ не много. Напротивъ, въ Про-

1) Въ три или четыре раза она меньше интересующей насъ Протестаціи по размѣрамъ и совершенно отлична отъ нея по общей конструкціи и отчасти по подбору фактовъ.

тестаціи отъ 28 апрѣля 1621 года запорожскимъ казакамъ отведено очень много мѣста. Дана общая религіозно-нравственная ихъ характеристика, весьма для нихъ сочувственно написанная. Участіе ихъ въ дѣлѣ возстановленія западно-русской церковной іерархіи со всей силой и откровенностью выдвинуто на первый планъ.

Протестація отъ 28 апрѣля 1621 года представляетъ цѣнность, какъ историческій источникъ. Какъ относительно самого патріарха Ѳеофана, такъ и относительно возстановленія имъ іерархіи въ ней находится нѣсколько новыхъ фактовъ. Они указаны нами въ примѣчаніяхъ къ тексту. Составитель интересующей насъ Протестаціи болѣе ли освѣдомленъ былъ, или менѣе стѣснялся въ изложеніи, только фактъ возстановленія западно-русской іерархіи онъ передалъ болѣе жизненно и всесторонне, чѣмъ авторъ Verificatii niewinności, несмотря на то, что Протестація по объему значительно уступаетъ Verificatii. Въ особенности это нужно сказать относительно южно-русскихъ, украинскихъ деталей дѣла въ частности. Наконецъ, существенную важность представляетъ въ Протестаціи и самый взглядъ митр. Іова Борецкаго и другихъ представителей возстановленной іерархіи на это дѣло возстановленія, на его причины, основной характеръ и значеніе, — взглядъ, высказанный ими въ ней прямо и открыто, отъ своего имени, а не отъ имени иныхъ лицъ, хотя бы то и православныхъ монаховъ.

Протестація митр. Іова Борецкаго отъ 28 апрѣля 1621 года представляетъ нѣкоторое сходство въ пріемахъ защиты возстановленной іерархіи и вообще въ основныхъ взглядахъ на это дѣло съ извѣстной Iustificacią niewinności, датированной 6 декабря 1622 года и поданной королю Сигизмунду III «Іовомъ Борецкимъ, митрополитомъ, со всѣми епископами русскими» (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII; 511—532). Съ весны 1621 года ко времени варшавскаго сейма 1623 года (съ 24 января), для котораго собственно предназначалась Iustificatia, и во внѣшней польской политикѣ, и въ отношеніяхъ польскаго правительства къ запорожскому казачеству, слишкомъ много воды утекло. Положеніе возстановленной іерархіи во многомъ измѣнилось къ худшему. Протестація 28 апрѣля 1621 года дышетъ по сравненію съ Юстификаціей 6 декабря 1622 года еще свѣжимъ, бодрымъ чувствомъ только-что явившейся надежды на лучшіе дни. Особенно въ ней ярка и трогательна защита религіозной свободы вообще. Душевное настроеніе людей, согласившихся принять на себя опасный санъ, отразилось въ ней, кажется, живѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ немалочисленныхъ православныхъ полемическихъ произведеній, пріуроченныхъ къ возстановленію іерархіи патр. Ѳеофаномъ.

П. Жуковичъ.

Z miłosierdzia Bożego pokorny Jow Borzecki Archiepiskop i Mitropolita Kiiowski, i smirenny Ezykiel Kurcewicz Episkop Włodzimierski, i smirenny Jsaya Episkopowie[1]), i wszyscy duchownego y swieckiego, Szlacheckiego y Miesckiego stanow, narodu Ruskiego nabożenstwa cerkwie wschodniey, a spolecznosci czterzech Patryarchow wschodnich prawowiernych Christusowey[2]).

Błagosłowienstwa Bożego y zdrowia dobrego s powodzeniem szczęsliwym w pokoiu swientym od Pana Boga zyczemy i winszuiemy wszytkim czytaiącym y słuchaiącym te protestacją y pobożną justificatją.

Ponieważ w wielkich naszych gwałtach, uciskach, praeiudiciach y exorbitancyach od dwudziestu pięciu lat, nie tylko abychmy sprawiedliwosci swientey y w relligiey naszey uspokoienia dostąpic mieli, ale mimo to przesladowania coraz gorsze y cięzsze, też złe udawania y potwarzy od przeciwnikow naszych ponosiemy. A zatym osobliwie teraz cwiczą gorący sądy i bez wszelkich prawem warowanych beneficij nagłe i ciężkie wiezienia, bracia nasza cierpią[3]) publicznych urzędow zabronienia, przed ktore o niewinnosci naszey często kroc po roznych Grodach, gdy wnosiemy oswiadczenia, onych nie przymuią do zapisania, cochmy woznymi oswiadczali. Tedy rzeczy naszych postrzegaiąc a niewinnosc swoię chcąc swiatu pokazac, tudziesz opinię złe znosząc przez tę Uniwersalną na pismie Protestacyią, naprzod przed Panem Bogiem, potym przed Wmsciami naszymi M. Pany protestuiemy, opowiadamy i swiadczymy się żałobliwie, przeciwko xiędzu Jozephowi Ruckimu, Heliaszowi Morochowskiemu, Afanasiu Szyszce Anafanasiu y Paisiuszowi[4]) ylewkowi Krzyuszy y innym im po-

1) Игуменъ кіево-михайловскаго златоверхаго монастыря Іовъ Борецкій посвященъ патр. Өеофаномъ въ санъ кіевскаго митрополита въ кіево-братской богоявленской церкви 9 октября 1620 года. Межигорскій игуменъ Исаія Копинскій посвященъ имъ въ той же церкви 6 октября того же года. Игуменъ терехтемировскаго (казачьяго) монастыря кн. Іезекіиль Курцевичъ посвященъ имъ въ санъ владимірскаго и брестскаго епископа въ январѣ 1621 года. О возстановленіи патр. Өеофаномъ зап.-русской церковной іерархіи и о посвященныхъ имъ іерархахъ см. у митр. Макарія (Ист. Рус. ц., XI), у проф. С. Т. Голубева (Митр. Петръ Могила, 1 и Исторія Кіев. Дух. Академіи, 1), у еп. Ликовскаго (Unia Brzeska, Poznań, 1896), въ нашей статьѣ: «Историческія обстоятельства, предшествовавшія возстановленію патр. Өеофаномъ зап.-рус. іерархіи» (Христ. Чтеніе, 1905 г., май и іюнь), въ III вып. нашей «Сеймовой борьбы западно-русскаго дворянства съ церк. уніей», въ статьѣ свящ. П. Викула: «Кіевскій митр. Іовъ Борецкій» (Волын. Еп. Вѣд. за 1894 г., № 24—28), въ статьѣ К. В. Харламповича: «Іосифъ Іезекіиль Курцевичъ, Суздальскій (б. Владимірскій) архіепископъ» (тѣ же Вѣд. за 1900 г. и отд. оттискъ; ср. его же «Зап.-рус. прав. школы XVI и начала XVII вѣка», Казань, 1898).

2) Тутъ въ рукописи два слова выцвѣли.

3) Не разобрано два или три выцвѣтшихъ слова.

4) Тутъ пропускъ въ рукописи одного или двухъ словъ.

dobnym [5]), ktorzy się Uniiatami nazywaią, przesladownikom Relligiey naszey. Jž oni zniewažaiąc boiazn bożą, kanony soborowe, prawa, statuta, przywileia, constytucye, wolnosc i bezpieczenstwo Relligiey i cerkwi, y pokoy swienty, i stworzywszy sobie samy tylko obraz iakoby Władykow y duchownych naszych, narod nasz Ruski przysladuią, trapią, morduią, cerkwie nasze gwałcą, y pokoy swienty turbuią, miłosc y zgodę między Polaki a Rusią starozytną targaią. A nie maiąc na tym dosyc y nie mogąc przeciwko prawdzie swientey, ktora przy nas, stac, ani pismem swientym y dowodami przystoynymi nas kowcinkowac, ieno potentią a władzą, Relligi i nam nienalezącymi, spolecznosci [6])

s tym umysłem y sercem nas y mieszczan wilenskich bractwa Swientego Ducha potwarnie y falszywie vdaią [7]) y vdali do Naiasnieyszego Krola Iego M. Pana Pana naszego M., za ktorym vdaniem y vniwersały przeciwko prawu y wolnosciam rozesłane są, aby nas łapano, y do więzienia sadzono, y mordowano [8]), iako iuz w Wilnie prawem nie pokonawszy oycow y bracią naszą połapano, y do Ratusz smrodliwych zamkniono, o czym y o inych gwałtach, zbytkach y krzywdach czasu swego seorsim szyrzey nie zaniechamy protestowac [9]).

A przytym Naiasnieyszemu Krolowi Jego M. Panu Panu naszemu M. y wszytkiey R. Ptey szczyrze, wiernie y prawdziwie, iako się w sobie rzecz ma, iustifikuiemy, oczyszczamy, o sobie wmowe daiemy taką.

Naprzod z strony Swiętego Oyca Theophana, Patryarchi Ierozolimskiego

---

5) Въ 1621 г. составъ западно-русской уніатской іерархіи былъ слѣдующій: митрополитъ кіевскій Іосифъ Рутскій, архіепископъ полоцкій Іосафатъ Кунцевичъ, епископы — владимірскій Илья Мороховскій, луцкій Іеремія Почаповскій, перемышльскій Аѳанасій Крупецкій, холмскій Аѳанасій Пакоста, пинскій Паисій Саховскій. Архимандритомъ виленскаго троицкаго уніатскаго монастыря былъ Левъ Кревза (иначе Кріуша).

6) Пропущено въ рукописи нѣсколько словъ.

7) Съ этого мѣста рукописи начинается второй, болѣе разборчивый, почеркъ.

8) Королевская грамота полоцкому магистрату о поимкѣ и заключеніи въ тюрьму Іова Борецкаго и Мелетія Смотрицкаго издана 1 февр. 1621 г. (Вилен. Арх.Сборн., 1, 355—356; Витеб. Старина Сапунова, т. V, ч. I, 114—118). Королевскій универсалъ о томъ же воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, державцамъ, земскимъ и гродскимъ урядникамъ и магистратамъ королевскихъ городовъ вел. княжества Литовскаго изданъ 6 февраля 1621 года (хранится въ б. архивѣ греко-уніат. митрополитовъ, нынѣ въ архивѣ Св. Синода, 1, № 458), а короны польской 15 марта 1621 г. (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VI, 497—500). Этотъ же универсалъ отъ 19 марта 1621 г. напечатанъ въ Вѣстн. Зап. Рос. за 1864/5 г., т. II., кн. 6.

9) Мелетій Смотрицкій въ Verificatii niewinnosci посвятилъ особую главу описанію страданій весной 1621 года виленскихъ православныхъ братчиковъ, обвиненныхъ митр. Рутскимъ въ содѣйствіи возстановленію патр. Ѳеофаномъ зап.-русской церковной іерархіи (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 327—329). Въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ (№ 458) хранится нѣсколько новыхъ документовъ, которыми можно отчасти восполнить относящійся сюда разсказъ Мелетія Смотрицкаго, а также изложеніе этого дѣла у церковныхъ историковъ.

y wszystkiey Palestiny. Ten iako vrodzeniem przeswietney Familiey, tak y zywotem Angelskim swiętobliwy, prawie mąz Apostolski y prawdziwy Patriarcha Ierozolimski, stroz groba Bozego. Peregrenatia onego na wszem pobozna, iasna y odkryta, ni w czym nie podeyzrzana. Zawitawszy do Kiiowa, tych miast dał o swiętobliwosci swey przez listy wiedziec, naprzod do sławney pamięci Iego M. Pana Stanisława Zołkiewskiego Kanclerza i Hetmana Koronnego, zaraz przytym y do jasnie Wielmoznego Iego M. Pana Tomasza Zamoyskiego Woiewody Kiiowskiego, prosząc o wolne y bezpieczne przescie przez panstwa Jego K. M. Na ktore listy Pan Hetman za wiadomoscią y przyzwoleniem Jego K. M. przez Pana Sczęsnego Poczanowskiego list swoy otworzysty praszport posłał, roskazuiąc wszem stanom y condiciey ludziom uczciwość wyrządzac swiętemu oycowi y aby wolno wszędzie był przepuszczany, raczony y prowadzony az do wołoskiey granicy. De data. W tez note y drugi do sławetnych Woyta, Burmistra y Radziec Kiiowskich był przyniesiony list. De data[10]).

W tych dwuch lisciech Patryarchą Ierozelimskim piszą y przyznawaią. A dla niebezpieczenstw woiennych następuiących, gdy się swiętobliwość Jego w Kiiowie musiała bawic, aby suspiciey iakiey nie rodziło, dwuch zakonnikow swoich do Jego K. M. posłała, prosząc o miłosierną łaskie y o wolne przescie. A Jego K. M. z osobliwey łaski swey listem swoim raczył nawiedzic swiętobliwość Jego, wolnego przescia przez panstwa swe dopuszczaiąc, w ktorym liscie vcciwie y powaznie swiętobliwosc iego iest uszanowana, imie tytuł Patryarchi przystoynie przyznany. De data.

Przy tymze liscie od Jego K. M. list otworzysty abo vniwersał na wolne y bezpieczne przescie przyniesiono, kędy takze Patryarchem pisano. De data.

Za tąz okazyą pisała swiętobliwość Jego do przeoswieconego y przewielebnego Jego Msci Xiędza[11]) Lipskiego Biskupa Łuckiego, na ten czas Podkanclerzego Koronnego. Przytym zaraz y do sławney pamięci Xiązęcia Ostrozkiego Kasztelana Krakowskiego, takze y do Oswieconego Xiązęcia Jego Msci Pana Chrysztopha Zbaraskiego Koniuszego Koronnego, prosząc Jch Msci o przyczyne do Jego K. M. o wolnym swoim przesciu. Była ta łaska y ludzkość Jch M., ze odpisac raczyli, oswiadczaiąc przyczyne swoie w pozątaney rzeczy, kędy vcciwie swietobliwość iego uczcono, a

10) Въ соч. Verificatia niewinnosci напечатаны были помѣченныя 5 мая 1620 года двѣ грамоты Жолкевскаго относительно патр. Θеофана, — одна къ кіевскому магистрату, другая къ украинскимъ, волынскимъ и подольскимъ обывателямъ (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 289—290). О письмѣ п. Θеофана къ кіевскому воеводѣ Θомѣ Замойскому не упоминается въ этомъ сочиненіи.

11) Тутъ пропущено, вѣроятно, слово: Andrzeja.

swiętego oyca do Monasterza Terechtemirowa zaprowadzono, Patryarchą Ierozelimskim nazywaiąc [12]).

Za takowemi tedy listami puscił się był swięty ociec w droge. Lecz w Białey cerkwie posłyszawszy o nieszczęsnym obrocie woyny w Wołoszech, Komornik Jego K. M. Pan Poczanowski, iako z ramienia krolewskicgo, z rąk swoich S. Patryarche Pułkownikowi woyska zaporozkiego Jego M. P. Bogdanowi Kizimowi oddawszy, odiachał do Jego Krolewskiey Msci [13]) Zazył tez osobliwey ludzkośći y przeoswiecony y przewielebny Jego M. Xiądz Biskup Kiiowski, ktory przez pewne y zacne swoie osoby swiętobliwość iego nawiedzic w Kiiowie, a do Białey Cerkwi na droge podroznym wspominania godnym obesłac raczył.

Potym przed Bozym Narodzeniem Jego M. Pan Bałtromiey Obałkowski Komornik Jego K. M. do Terechtemyrowa przyiachał, y list od Krola Jego M. swiętemu oycowi oddał, w ktorym wielką swoie łaske oswiadczac y ządanie swoie wnosic raczy, a ine vstnie powierzone rcferowano. A swiętobliwy ociec chętnie wszytko czynił, o co był ządany imieniem Jego K. M. W tym takze liscie uszanowanie y ludzko iest tractowany y Patryarchą Ierozolimskim nazywany, nakoniec y podarem kilką set czerwonych od Jego K. M. credensowany. De data.

Przy tym ze liscie Jego K. M. Przeoswiecony y Przewielebny Jego M. X. Marcin Szyszkowski Biskup Krakowski do swiętego oyca Patryarchi pisac raczył dosc ludzko y powaznie, Patryarchą tez onego przystoynie nazywaiąc, o toz ządaiąc, o co y Jego K. M., De data. A te wszystkie listy pomienione mamy sobie zostawione [14]).

A iesliz na on czas tak wielekroc, tak od Jego K. M., iako y od tak wielkich Jch M. PP. Senatorow, był uznawany za Patryarche y przystoynie tczony, pewnie y teraz słuszna takze swiętobliwość Jego wspominac y nazywac. A ze prawdziwym Patryarchą iest, pierwszy dowod dzieystwo, porządek, sprawowanie y ceremonie, tak w nabozenstwie S. liturgiey, iako

---

12) Въ цит. въ прим. 10 сочиненіи напечатаны: а) грамота Сигизмунда III къ патр. Θеофану отъ 1 авг. 1620 г.; б) грамота его же къ коморнику Почановскому отъ 1 іюля 1620 г.; в) универсалъ его же къ украинскимъ и волынскимъ обывателямъ отъ 30 іюля 1620 г.; г) письмо короннаго подканцлера, луцкаго катол. епископа, Андрея Липскаго къ п. Θеофану отъ 1 авг. 1620 года.; д) письмо короннаго конюшаго кн. Христофора Збаражскаго къ нему же отъ 22 іюля 2160 г. (стр. 290—294). Но въ этомъ сочиненіи не упоминается о перепискѣ патр. Θеофана съ краковскимъ каштеляномъ кн. Янушемъ Острожскимъ († 12 сент. 1620 г.).

13) Свѣдѣніе о передачѣ Почаиовскимъ патр. Θеофана на попеченіе полковнику запорожскаго войска Богдану Кизиму находится только въ нашей Протестаціи.

14) Во второмъ изданіи Verificatii niewinności помѣщено письмо Сигизмунда III къ патр. Θеофану отъ 10 ноября 1620 г., въ которомъ кратко упоминается о посылкѣ къ нему королемъ Обалковскаго, и письмо къ нему же краков. катол. епископа Мартина Шишковскаго отъ 1 дек. 1620 г. (л. 28—30).

y w inszych vidomych postępkach iasnie dawał kazdemu widziec. Druga zywe y listowne prozby z Jeruzalem y z Konstantinopola słyszelismy y widzieli. Trzecia od Konstantinopolskiego, Alexandryskiego i Antiochiskiego ss. Patryarchow Listy swiadeczne[15]), ze iest Patryarchą, i ze dla jałmyzmy S. Peregrynatią podiął. Czwarta, iz nam Metropolite y Eposkopow poswięcił, czym in summa swoiey Patríarchiey dowiodł.

W tym czasie sławny y zacny rycerski mąz Pan Piotr Konaszewicz Sahaydaczny, przedtym Hetman, a na ten czas Pułkownik[16]), ktoremu to y inszym Pułkownikom od Hetmana Sławnego Pana Jakuba Norodycza Borodawki y od wszego woyska zaporozkiego było zlecono, vpatrzywszy czas bezpieczny od Tatar y od rozboynikow, z Terechtemirowa s. oyca Patryarche y bracią iego nabozną wziąwszy, odprowadził do Soroki, a to za łaską Bozą mocą onych dwoch listow vniwersalnych Hetmanskiego y Jego K. M., tudziez wiedząc o pomienionych łaskawych Lisciech Kr. y Senatorskich. Iesli szpieg Turecki, iesli praktykarz iaki y zwodziciel, czemu pozwolono mu wolny wyiazd, czemu nie hamowan, czemu wypuszczan z miast y miasteczek.

W Carstwie Moskiewskim[17]) w miesce Tule mieszkał więcy roku pod

---

15) Въ Verificatii напечатана грамота константинопольскаго патріарха Тимоѳея іерусалимскому патріарху Ѳеофану отъ 1618 года (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т.VII, 297—298).

16) Это мѣсто Протестаціи служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что въ моментъ возстановленія патр. Ѳеофаномъ западно-русской церковной іерархіи знаменитый Петръ Конашевичъ-Сагайдачный былъ не гетманомъ, а только полковникомъ запорожскаго войска. Запорожскимъ гетманомъ былъ тогда Яковъ Нородичъ (или Неродичъ)-Бородавка. Нѣкоторыя подробности относительно лишенія Сагайдачнаго казаками (лѣтомъ 1620 года) гетманской должности можно найти въ письмѣ Стан. Жолкевскаго къ Ѳомѣ Замойскому отъ 23 іюля 1620 года (Żołkiewski, Listy, Kraków, 1668, str. 145—146). Несмотря на сравнительно давнее уже опубликованіе этого письма, въ научно-исторической литературѣ, какъ извѣстно, существуетъ разногласіе по вопросу о гетманствѣ Сагайдачнаго въ 1620 и 1621 гг. Церковные историки, разсказывая о возстановленіи патр. Ѳеофаномъ высшей православной іерархіи въ 1620 и 1621 г., обыкновенно совсѣмъ игнорируютъ гетмана Бородавку, представляя дѣло такъ, что въ эти годы Сагайдачный по прежнему стоялъ во главѣ запорожскаго казачества. Митр. Макарій, не имѣя возможности совсѣмъ отвергнуть фактъ гетманства Бородавки въ 1621 году, хотѣлъ видѣть въ немъ лишь наказного (подчиненнаго Сагайдачному) гетмана (XI, 281). Церковные историки (да и другіе историки) введены были въ заблужденіе, можетъ быть, неточностью выраженія Мелетія Смотрицкаго о Сагайдачномъ: «hetman na ten czas (т.-е. во время пребыванія патр. Ѳеофана въ Южной Руси) woyska Zaporozkiego Piotr Kunaszewicz Saydaszny (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 340). Новѣйшій изслѣдователь жизни и дѣятельности Сагайдачнаго, И. М. Каманинъ (опираясь на свидѣтельство Якова Собѣсскаго, автора Pamiętnika woyny Chocimskiej, не знавшаго, къ удивленію, истиннаго положенія дѣлъ въ Запорожьи) относитъ гетманство Бородавки къ осени 1621 года и признаетъ его слишкомъ кратковременнымъ (Чт. въ общ. Нестора, кн. 15, вып. I, стр. 27, «Очеркъ гетманства Сагайдачнаго»).

17) Дѣло о пріѣздѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана въ Москву, по словамъ проф. Н. Ѳ. Каптерева («Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ рус. правительствомъ съ пол. XVI до конца XVIII столѣтія», 43 выпускъ «Прав. Палестин. Сборника», стр. 25), не сохранилось. Тѣмъ большій интересъ представляютъ содержащіеся въ настоящей Протестаціи, не отмѣченные московскими историческими памятниками факты: а) путешествіе патр.

czas woyny az do zastonowienia przymierza, kędy podobniey było od Cesarza Tureckiego na Polaki praktykowac, albo Moskwe do onego poddanstwa przywodzic. Więc gdy w Wołoszech teraz woyna się toczyła, nic się nie pokazalo, nic się nie obiawiało, y owszem Boga swiadka, ktory skrytosci serca wie, uzywamy, ze gdy vsłyszał o porazce Woyska Christianskiego w Woloszech[18]), ledwo zyw został, y vstawicznie serdecznie załosny był, y z boiaznią wielką wyiachał, tegoz się obawiaiąc od Turkow, co y my teraz ponosimy, to iest potwarzy, aby nie był oskarzony, iz on Christiany na woyne przeciw Turka zgromadzał y pobudzał. Chan Tatarski, v ktorego rok cały v Bakcysaraiu był zahamowany, y nie pierwiey swiętobliwość iego wypuscił do Moskwi, az pewne upewnienie uczynił, aby Moskwy z Polaki do przymierza nie przywodził, a był ze przeszkodą przymierza: nie y owszem do zgody wiodł. Podobniey było Patryarsze y nam y Kozakom praktykowac się na strone Moskwy, s ktorymi nam iedna wiara y nabozenstwo, ieden rodzay, ięzyk y obyczaie.

Jednego czasu iednego roku w Moskwie y Patryarcha y Kozacy byli, takze y w Kiiowie y w Terechtemirowie rok bez kilku niedziel mieszkał, à zadne praktyki y szpiegowanie nie pokazały się, pogotowiu z Bełiałem Turczynem zadnego uczesnictwa nie maiąc, zadnego porozumienia y praktyk y fakty nie mamy. Pytac Komornika Jego K. M. Pana Poczanowskiego, ktory więcy połroka przy swiętobliwosci iego mieszkał, y inych zacnych ludzi, ktorzy nawiedzali. Dzierzymy o sumnieniu ich M., ze nic złego nic podeyzrzanego nie rzekną o tey błogosławioney y niewinney duszy. Więc y to nie mnieysza, gdy by był szpiegiem y praktykarzem od Turka, izali Wilenskie Bractwo na ręke Tureckie przywodzic y co z tych za pomoc onym była by,

---

Θеофана въ Москву черезъ Крымскую орду (этотъ фактъ отмѣченъ въ общей формѣ и въ письмѣ Стан. Жолкевскаго къ Θомѣ Замойскому отъ 23 іюля 1620 года и при посредствѣ проф. С. Т. Голубева сталъ извѣстенъ уже митр. Макарію, Ист. Рус. ц., XI, 243), при чемъ онъ, оказывается, на цѣлый годъ задержанъ былъ ханомъ въ Бахчисараѣ по политическимъ мотивамъ (ханъ боялся, что патріархъ поспособствуетъ примиренію Москвы съ Польшей); б) пребываніе патр. Θеофана въ г. Тулѣ въ продолженіе болѣе года передъ заключеніемъ Деулинскаго перемирія Москвы съ Польшей (1 декабря по старому, или 11 декабря 1618 года по новому стилю); в) содѣйствіе патр. Θеофана заключенію Деулинскаго перемирія. Вообще Протестація даетъ основанія считать время пребыванія Θеофана (посвятившаго Филарета Никитича въ санъ московскаго патріарха) болѣе продолжительнымъ, чѣмъ это обыкновенно представляется. Проф. Каптеревъ въ приказныхъ записяхъ о милостынѣ патр. Θеофану первое о немъ упоминаніе нашелъ подъ 1619 (7127) годомъ (стр. 30). Впрочемъ, не можемъ тутъ не отмѣтить того обстоятельства, что хронологическія указанія Протестаціи стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ датой грамоты константин. патр Тимоѳея патр. Θеофану — 7126 года отъ сотворенія міра, индикта 1, мѣсяца апрѣля (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 298).

18) Тутъ Протестація имѣетъ ввиду пораженіе польскаго войска (подъ предводительствомъ короннаго гетмана Стан. Жолкевскаго, павшаго на полѣ битвы) турками и татарами въ Молдавіи, сперва на Цецорѣ, а у р. Днѣстра (въ ночь съ 6 на 7 октября 1620 года).

yzali nie Kozaki by raczey na to przywodzic, ale o to ci za rozkazaniem Krolewskim na woyne przeciwko Turka idą, przez Jego M. Pana Obałkowskiego Sekretarza s Zaporoza wyprowadzeni. A iakoz Bractwo Wilenskie y my Turecką ręką y szpiegowie.

Niechay Bog widzi niewinność nasze, a nieprawość niechay karze, a ze teraz nam y mieszczanom Wilenskim zdrade y praktyke s Turkiem przez instrument Patriarchi zadaią, zaiste nie tak na nas, iako barziey na woysko Zaporozkie wierne nie w czym niepodeyzrzane to zarzucaią. Kozacy bowiem z miłosci wiary a z poboznosci swey swiętemu Patryarsze dobrodzieystwa wielkie pokazywali, y poboznie za odpuszczenie grzechow oddawali posługi y na mieysce poządane odprowadzili. Nakoniec zadne listy, zadne skutki o tey potwarzy nie pokazuią się A szczyrze mowiąc zadney przyczyny do niego nie maiąc, ieno niechęc, ze poswięcił Episkopy y ze unią zganiał, y bol, ze zdrow y cało odiechał, co go szpiegiem i impostorem nie czyni, gdyz to iego vrząd przepowiadac y swięcic.

A tak iako sam S. Patryarcha od szpiegarstwa y od praktyki y od zdrady czystym iest, pewnie y Kozacy a pogotowiu my duchowny y mieszczanie Wilenscy wolnemi y czystemi, Bogiem samym sumnienia nasze swiadcząc, nachodzimy się. O iako to wielki grzech, iaka wielka obraza samego Boga, smiec vdawac tak swiętego Patryarche, stroza grobu Bozego, a przytym y na nas wlec to co nigdy nie iest, y zaz Boga tym nie gniewaią, y iakoz takowych słusznie a znacznie karac nie ma, niechay im Pan Bog po tey prawdzie pomaga. Zezwalaią raczey na Rus, ktora na karkach swoich Tatary y Turki nosi, miecze swoie obrocić, a nizeli na nieprzyiaciela Christianskiego mienią.

A z strony poswięcenia Mitropolita y Episkopow powiadamy, iz to iest dzieystwo Ducha S. y sprawa, mimo wszech nadzieie niewymownym sądem Bozskim cudownie zrządzona. Bo iako s. Patryarchi Ierozolimskiego nigdy niebywałe do Kiiowa zawitanie za zrządzeniem Boskim się stało, tak pobudzenie y oswiecenie serc, y naleganie gorące ludzi, a osobliwie tych, po ktorych v swiata mnieysza zda się niedzieia, z Ducha S. vznawalismy byc nadchnienie. J kto by się tey swiętey sprzeciwiał sprawie y zle o niey smiał mowic, abo one burzył y psował, to będzie pneumatomachią, to iest duchoborstwo, ktory grzech odpuszczon nie będzie, iesli znamienita nie nastąpi pokuta. A zaz co według ludzkich zmysłow, y rad a tych poboznych, przyczynami y sposoby przychodzilichmy takowymi: od lat dwydziestu pięciu prosimy y zebrzemy na Seymikach y na Seymach, aby nam swieboda y wolność Relligiey, Cerkwie nasze, takze stolice y przełozenstwa Duchowne przywrocone były, a wiedząc prawa y wolnosci nasze połamane y pogwałcone, y ze nas im daley, tym więcey vciskaią, mysielichmy się radzi nie-

radzi osmielic, więcey na straszne Bozkie mandaty poglądaiąc, a duszne zbawienie nade wszystko przekładaiąc. A nie iest to przestępstwo, nie iest grzech, nie iest zniewazenie praw, nie iest obraza swiętego Krolewskiego Maiestatu, nie iest turbatia ani rebella, y nie są bąty, i nie iest zniewazenie zwierzchności, y nie iest criminał, nie iest szpiegarstwo, ani zdrada ani zmowa z nieprzyiacioły Koronnemi: ze za sprawą Ducha S. mamy poswięconych Mitropolita y Episkopow takich, iakich fundacye, prawa, przywilea y wolnosci nasze, więc y swięta starozytność nasza, y sam przez szesc sta y dwadziescia citra vel vltra lat (tylko bowiem iakochmy καθολικῶς sobornie od Konstantinopolskiey swiętey Apostolskiey stolice są okrzczeni wieku rachuiemy) vsus y zwyczay dopuszczaią y pozwolaią, y iakowych nam swiętey pamięci Monarchowie y Xięzenta Ruscy, y Litewscy, a po nich Naiasnieysze Krolowie Polscy, więc y teraznieyszy Krol Jego M. przez lat dziesięc y nad to za szczęsliwego panowania raczyli dopuszczac, podawac y cierpiec. Ale iest to wykonanie powinności, ktorąchmy Bogu y zbawieniu naszemu powinni. Jest to prawa Bozkiego y kanonow sobornych, ykumienickich, takze y praw nam służących y przysięgami krolewskiemi stwierdzonych, ku temu y starozytnosci naszych zazywanie. Nie wykroczylismy przeto przeciw Boga, a zatym ani przeciw Majestatowi Jego K. M. ani przeciw R. Ptey.

A vczynilismy to według prawa kanonicznego y soborow partykularnych y powszechnych. Vczynilismy to według praw y przywileiow y zwyczaiow naszych, ktore mamy seymowymi uchwałami y przysięgamy Krolow Jch M. appobowane. Osobliwie według przywileiow swiętey pamięci krola Zygmunta y teraznieyszego nam szczęsliwie Panuiącego K. Jego M. na Seymie roku 1607 y 1609 danym. Tudziez podług Konstitucyi o vspokoieniu nas roku 1618, więc y teraznieyszey roku 1620 uchwalonych. Nakoniec y według obietnic publicznych na Seymach tak przez Jego K. M. samego, iako y przez swietny Senat, y Posłow Ziemskich nam vczynionych, przytym y według praw, historyy przykładow, iako się oni pierwszy Christianie, przodkowie naszy, pod czas przesladowania zwykli zachowywac.

A vmysłem dobrym y pobożnym pobudzeni iestechmy do tego swiętego działa. Naprzod rewnoscią chwały Bozey, druga-załoscią wielką poruszeni, zc narod nasz iest trapiony wielce od przesladownikow-Vniatow, y ze bez pasterzow, bez krztu y bez swiętosci gineło ich wiele y nieporządnie zyło. Trzecia, sprawowała y sprawuie to v nas miłość Christusowa Pana y Prawowierney iego nauki. A strach nam dawały piekielne męki, gdybychmy za taką, iaką nam Bog zdarzył był okazyą, tego swiętego dzieła na się nie przyieli byli. Miłośc y boiazn miłego Pana Boga, takze pobozne sumnienie

nasze, wyciągneli to po nas święte dzieło precedente gratia divina et cooperante Jesu Christo.

W prawdzie nachodzili się niektorzy, ze to swiętemu Patryarsze odradzali gwoli tym, ktore teraz na nas odtwarzaią się niebezpieczęstwa. Ale ludzie rycerscy y palaiący duchem swiętobliwosci iego powiedzieli, nie był bys Patryarchą, nie był bys Pastyrzem dobrym, nie był bys Christusowym y Apostolskim Namiestnikiem, iesliby swiętobliwość twoia Narodowi Ruskiemu Mitropolita y Episkopow nie poswięcił y nie zostawił, zwłaszcza nalazszy nas w przesladowaniu y bez Pasterzow, y boy się (mowili) by cię snac zwierz iaki luty na drodze tey dla Christusa peregrinaciey nie zabił, iako onego człowieka Bozego do krola Jeroboama poslanego: pewniey my gdybychmy tak wielkim darem od tak wielkiego Pastyrza pogardzali albo dla doczesnego niebezpieczenstwa się obawiali, nie vszli bychmy plagi Bozey, y zgoła nie bylibychmy godni ymienia Christianskiego, nie byli bychmy godni na swiatło niebeskie patrzeć, nakoniec niewierni Zydowie y Heretykowie nasmiewaliby się z nas, y nie mieli by nas za ludzie znaiące Boga, y o wierze swoiey nie czuiące. Snac y baby one Egipskie (ktore nie obawiaiąc się krola Faraona mandatow, męzką płec zywą zachowywali) powstały by z swych grobow, a przyszły by strofowac y vrągac się płochośći serc naszych, ba y na sądnym dniu potępiały by nas. Nie day ze tego Boze, aby dla doczesnych postrachow, wyrokow y mandatow wiary się odrzekac y o zbawieniu dusznym nie radzic. Strasznieysze pokusy y niebezpieczęstwa od Turka cierpią Grekowie, a przedsię wiary swey nie odstępuią, pastyrow y porządki swe cerkiewne maią.

Więc co tez nam więcey czynic było, widząc prawa, wolność y swobody nasze podeptane, tez y gwałty w sumnieniach, w cerkwiach y w nabozenstwach, iedno iuz do S. Apostolskiey y męczenickiey przewagi się vdac przystoiało. Jesli Apostołow, ktorzy bez konsensu przełozonych Ierozelimskich na miesce Judaszowe w Ieruzalem obrali y postanowili Macieia Apostołąm, godnych karania sądzic chcą, to y nas.

Jesli Piotra y Pawła, ktorzy z Ieruzałem przyszedszy do Rzymu, Chrystusa przepowiadali y Byskupy swięcili, takze y one Rzymiany sądzic y karac się godni, to y nas. Ale iako y onych nie iest pobozna o to winic, pogotowiu y nas, ktorychmysię tego wazyli, cochmy przedtym wierzyli, mieli y zazywali, tak za Monarchow y Xiąząt Ruskich y Litewskich, iako y za Krolow Polskich, od tego czasu iako nad nami poczęli panowac.

Jesli Krolowie Polscy, Kazimierz Wielki, Ludwik, Władysław, Jagieło, Władysław, Kazimierz, Jan Olbricht, Alexander, Zygmunt pierwszy, Zygmunt August, Henryk, Stephan, i teraznieyszy Krol J. M., nastawszy na Panstwo, sądzili i karali Rus, ze mieli Mitropolitow poswięconych od

Patryarchow, iesli sądzili y karali ktorego Rusina, ze Papieza Rzymskiego za Nawyszszego Pastyrza nie przyznawał, y ze z kosciołem Rzymskim uniey nie trzymał, więc y teraz tego się niechay wazą nad nami.

Lecz nie tylko aby karac kogo mieli, ale chętnie y łaskawie pozwalali y dopuszczali Patryarchom iurisdiciey w Rusi odprawowac, na dowod czego swiezą iedne przypominamy sprawe swiętego oyca Jeremïasza Patryarche Konstantynopolskiego, ktoremu tu w Rusi będącemu teraznieyszy Krol Jego M. w Panstwach swoich wszelaką Duchowną iurzdikcyą odprawowac dopuscic raczył, nie w czym oney nie broniąc, y owszem rozkazując, aby narod nasz wszelakie swiętobliwosci iego pobozne, powinne y zwykłe posłuszenstwo oddawał. A i przed tym swiętey pamięci K. Jch Msc Polscy i duchowienstwu y Xiązentom Ruskim do Konstantinopola dopuszczali posyłac po sakre Metropolitowi Kiiowskiemu, na co pisma y listy autenticzne mamy y chowamy.

O Boze miłosierdny y sprawiedliwy weyzrzy na nasze utrapienie y vcisk, y coz to iest, ze nas maią za niezboznieysze y gorsze nad zydy karaimy, nad Aryany, Luterany, Ewangeliki y Ormiany, ktorzy w krolewstwie Polskim, y w Xiąsztwach Ruskich y Litewskich nachodzą, owi meczytow, owi boznic y szkoł, a ci zborow y Kosciołow swoich porządki y nabozenstwa odprawuią, Starszy ich, Xięza, Sędzie y Biskupi z Niemiec y z Cesarstwa Tureckiego przyiezdzaią, y urzędy, y sądy odprawuią, Ministry, Doktory, Rabiny y Kaznodzieie stanowią y podaią. Te sekty do Polski, y do Rusi, y w Litwie wlazły, my dziedzicze y obywatele, y krolowie swiętey pamięci zmarli, y teraznieyszy Krol Jego Msc tu nas nalezli, y Relligią nasze poprzysięgli, zadney nam w oney oppressiey y wiolentiey nie czyniąc. Jesliz to pobozna, iesli to sprawiedliwa nas dziedzicow y synow prawowiernych Christian opprimować y takimi potwarzami y złymi farbami nakrywac.

J takim ze to nam dobrem oddaią, ze w Monarchiey naszey dziedzicąc prace rąk naszych pozynaią y weselą się. Przynamniey pomniec by na ono: Non abominabes idumeum quia frater tuus est, nec egyptium quia advena fuïsti in terra eius.

Vwazcie, iesli nie łaskawiey z Grekami się Turcy obchodzą, chociaz ich przez miecz wzięli, gdy im w Relligiey przesladowania nie czynią. A my przez pacta y przysiegi do Koronychmy się przyłączyli, cierpiemy gwałt, wiolencią y vciski dla wiary, zarzucàią nam turbacyie y praktyki, od ktorychesmi czystemi.

A z strony Konsensu to powiadamy: bezpiecznie rzec mozemy, ze y za Konsensem Jego K. M. wazylismy się, yzali bowiem nie iest Konsensem Jego K. M. przysięga, ktorą na koronacięy na stwierdzenie praw, wolnosci

y zwyczaiow naszych, takze y na zachowanie pokoiu o relligiey, raczył uczynic; zaiste wszelki konsens ta przewysza przysiega: bowiem iest Generalnym Prawem y Konsensem, czemu Partikularny, o ktorym teraz wzmianka, derogowac nie moze. A nadto y obietnice K. Jego M. i Senatu, takze y posłow ziemskich, takze y nasze instancie stoią nam za ten partikularny Konsens. A ieszcze nad to wszystko wola Boga, mandat Christusow y konsens Ducha S. przystąpił, abychmy koniecznie mieli prawowiernych Mitropolita y Episkopow. Tak y za dni przesladowania uchodziło, tak y teraz musi uchodzić. A to my Stolic Materialnych y Maiętnosci Duchownych nam własnie nalezących, ktore są w podawaniu Jego K. M., nie zasiągamy, nie vbłagawszy wprzod Jego K. M. Maiestatu.

A co się tknie przewielebnego Oyca Melecyusza Smotryckiego, Archiepiskopa Połockiego, o tym zapewnie wiedziec potrzeba, iz nie tylko aby w iakich złych zamysłach y praktykach miał przyiezdzac do S. Oyca Patriarchi, ani tez dla Episkopskiego stanu, ale tylko dla nawiedzenia y oddania poboznego pokłonu swiętobliwosci iego. Kędy ze Bog zezwolił łaske Ducha S. nan wyslac, cudownie mimo wszelka onego nadzieie zdarzyło się to, nie inaczey ieno iako gdy Saul szukaiąc osłow, takze y Dawid od owiec przyszedszy, przez Proroka Samuela byli pomazali na krolewstwo Jzraelskie, bez wszelkiey wątpliwosci sorte divina to nan padło, nie inaczey iako na Macieia, ktorego Apostołowie na miesce, z ktorego zdrayca apostoł Judasz wypadł, postanowili z Ducha S. Apostołem. Jesli za to Maicieia za szpiega y zdrayce miasta Ieruzalem vznac, iesli go godnym karania osądzic smieią, na ten czas y pomienionego Meleciusza niechay sądzą y karzą, ktory sprawiedliwy y czyst iest od wszelakich złych zamysłow, szpiegarst y fakcy i buntow tez y turbacy. Przytym y duchownych y swieckich z Bractwa, i mieszczan Wilenskich wyswiadczamy, iz ani w Kiiowie byli, ani Listow zadnych od siebie nie słali, ymieniem onych zadnych złych zamysłow, praktyk y zdrad nie traktowano, ktorych adwerszarze zle y nieprawdziwie y potwarnie vdaią: Bog Sierdowidziec widzi, iz niesłusznie y niesprawiedliwie ciężkie y srogie więzienie y mordowanie cierpią, nie będąc w niczym podeyzrzanymi ani prawem pokalanymi. Y niechay naysprawiedliwszy sędzia Christus płaci tym, ktorzy niewinnie dusze braciey naszey w to vtrapienie przyprawuią. Wierzymy, ze według swoich zemsci się krzywdy mybranych swoich, wołaiących do niego we dni y w nocy.

Z strony kozakow:[19]) o tych ludziach rycerskich wiemy, ze są rodzay

19) Начинающаяся тутъ въ Протестаціи религіозно-нравственная характеристика запорожскаго казачества представляетъ собою выдающійся интересъ. Это, насколько мы знаемъ, первая по времени такого рода характеристика запорожскихъ казаковъ вообще. Противъ нея можно выставить то соображеніе, что она вышла изъ-подъ пера людей, слиш-

nasz, bracia naszy, y Christianie prawowierni. O nich mniemaią, iakoby prostacy y wiadomosci y rozumu nie maiący od Duchownych informacyą brac mieli. Ano iako ony od posłuszenstwa powinnego nie odwodzimy, ani buntuiemy, tak y rozumu w sprawach y postępkach ich nie uczemy, i wrodzone dowcipy y od Boga darowane roztropnosci maią, pewnie y w wierze w nabozenstwie y ku cerkwiam czułosc y miłosc w onych dawna tkwi y kwitnie. A bowiem onego to Ruskiego narodu cnego z Japhetowego nasienia plemie, ktore Czarnym Morzem y ziemią Greckie Cesarstwo woiowało. Onego to woysko pokolenia, ktore za monarchi Ruskiego Olega w swoich monoxilach po morzu y po ziemi (przyprawiwszy koła do czołnow) pławali y na Konstantinopol szturmowali. Oni to są, co za Włodzimierza Wielkiego, Swiętego Monarchi Ruskiego, Grecyą, Macedonią y Jllyryk woiewali. Ci to są, ktorych przodkowie rowno z Włodzimierzem się krzcili, y Christianską od Cerkwie Konstantinopolskiey przymowali wiarę, y po dzis dzien w tey ze się rodza, krzscą y zyią. A nie zyiąc oni iako poganie, ale iako Christianie, przezbitery maiąc, pisma się vcząc, Boga y zakon swoy znaiąc. A iakoz tu o nich rozumiec, aby przy łasce Bozey przez się samych o wierze y o zbawieniu swym czuc nie mieli. Vwazac ich nabozenstwo: gdy na morze się puszczaią, naprzod się modlą, oswiadczaiąc się, ze za wiare Christianską idą na niewierne walczyc. Druga niewolnikow oswabadzac. Takze wotum nabozne czynią, zdobycz swoie przodkiem na Cerkwie, Manastyrze, Szpitale, y na Duchowne dzielic; za zbawienie swoie niewolnikow okupuią. Cerkwie nowe y Manastyrze buduią, muruią y bogacą. Jesli na pustych miescach o wierze y nabozenstwie pamiętaią y przypowiadaią się, a iakoz na włosci, do domow swoich przyszedszy, nie pilnicy przepytuią się y postrzegaią oney, oycow, bracią y powinnych swoich duchownych maiąc. Christianstwu zaniewolonemu, snac na wszem swiecie, nikt po Bogu dobrodzieystwa tak wielkiego nie pokaznie, iako Grekowie przez okup y imie przewagi, krol Hiszpanski przez swoię silną clase, a woysko zaporozkie przez męzstwo y przewage swoie:

комъ преднастроенныхъ въ пользу запорожскихъ казаковъ; но это соображеніе не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ большого значенія по тому уже одному, что интересующая насъ характеристика состоитъ не изъ однѣхъ общихъ фразъ, а заключаетъ въ себѣ историческіе и историко-бытовые факты. Эти послѣдніе, взятые сами по себѣ, представляютъ несомнѣнную научную цѣнность. Извѣстно, что въ спеціальной научно-исторической литературѣ съ давнихъ поръ существуетъ сильное теченіе, отрицающее совсѣмъ или почти совсѣмъ религіозные мотивы въ жизни и дѣятельности запорожскаго казачества. Теперь, когда становится извѣстной сдѣланная еще въ 1621 году религіозно-нравственная характеристика запорожскаго казачества, этому научному теченію придется непремѣнно съ ней считаться. Теперь уже нельзя, напр., повторить утвержденіе П. А. Кулиша, что запорожскіе казаки обходились на сушѣ и на морѣ безъ священниковъ (Ист. возсоединенія Руси, Спб. 1874, II, 378).

co inszy narodowie słowy y dyskursy walczą, to kozacy rzeczą samą odprawuią. Jzali Duchowni tego ich uczą. Kto ich uczy rozumu na ziemi walczyc, kto y na morzu, gdzie iako harcuią w swoich monoxilach, ktorzy w komparatiey nieckami są przeciw korablom y katargom. Kto ich buntuie, gdy w swoich sprawach obozem in armis stoiąc po kilka miesiący przeciwko suptelnym dowcipom rokuią. Oni, nim my takowymi przełozonymi zostali, y niemysmy do Kiiowa y na Vkraine zawitali, y nim Przewielebny Meleciusz Smotrycki Archiepiskop nawiedził Kiiow, o wiare się swoie przypowiadali, pisali, posiłali y przysięgali. Wiadomo to y słyszno daleko, do czego nie tylko aby od Duchownych mieli byc pobudzani, ale oni sami tak onych iako y mieszczan postrzegaią, vpomimaią, ba y pograzaią, aby w wierze zadney nie było odmiany, y aby z apostatami uniatami nie społkowac. Swiezą przypomniec, y pytac by się, co było y co się mało nię stało w Manastyrze Pieczerskim za to samo, ze przewielebny Jego Msc Xiądz Biskup Kiiowski w ołtarz wszedł, dowiedziec się iako o tym szmer y zaiątrzenie było, ktore ledwie vkołysano, więc y iako na Zaporozu w kole walnym o to załobe na zakonnikow Manasterza Pieczerskiego pokładano. Wiadome są y inne ich bezpreczęstwa smiałosci y przewagi bez wszelkiey pobudki duchownych. Na morze ze chodzą, yzali Duchowni ich na to pobudzaią. A ze tez wiadomość maią o przesladowaniu od vniatow, z roznych powiatow, y miast, y wsi w kozactwo przychodzą do nich, iedni z ochoty, drudzy utrapieni, złupieni, tak duchowni iako y swieccy, y nic inszego tak barzo R. Ptey y Vkrainy nie turbuie, iako unia, y dla niey przesladowanie Rusi: więc tez y niesprawiedliwość y vciski ubogich ludzi. Zaiste sami vniaci kozakow gniewaią, gdy do nich bracią naszą utrapioną pędzą y vkraine niemi napełniaią. Niesłuszna tedy y niewinna na nas o buntowaniu onych pomowka y potwarz, sercy y zamysłami kozackiemi nie kieruiemy, Pan Bog kieruie onemi, ktory sam wie na co tę ostanki oney starey Rusi chowa, y ktory prawice ich y siłe na morzu y na ziemy długo, szeroko y daleko rozszerza. Bog ich dzierzy y niemi rządzi, ktory iako ieden napisał, Tatary na ziemi iako nieiakie pioruny y gromy Bog położył y Christiany onemi nawiedza y karze. Tak y kozaki nizowskie Zaporozkie, y donskie, drugie pioruny y gromy zywe na morzu y na ziemi położył Turki y Tatary niewierne straszyc y gromic.

Nie sąchmy tez szpiegowie, ani onych przechowywamy, ale iestesmy ludzie tey ziemie obywatele, dobrze y pocciwie w domiech szlacheckich vrozeni, osiadłośći y mieszkanie swoie maiący, na miescach iawnych zyiący, Duchowni y przełozeni, stanom y wszelakiey kondiciey dobrze znaiomi, iasno chodzący y w cerkwiach Boga chwalący, od wszytkich widani. A szpiegowie tulaią się, y przebywanie ich y obcowanie skryte y ciemne.

Nie sąchmy buntownicy ani turbatorowie, zatochmysię wzieli, cochmy

przed tym mieli, co nam przodkowie naszy zostawili y podali, y czegosmy przed tym zazywali, y czego nam prawa Bozkie i ludzkie, y zwyczaie y uzywanie szesciosetne y nad to dopuszczaią. Wiare te, ktorą y przed tym, przepowiadamy. O zbawieniu y o niebieskim krolewstwie nauczamy. Na zdrowie nikomu ani na maiętność nie czyhamy; włosci, miast y zamkow nie oposiadamy; zbytkow, zbrodniey y gwałtow nie popełniamy; na woynę przeciw Christianom, y zabiiac nie uczymy, ieno dac się zabic y maiętność pograbic a po niey nie załowac, wiedząc o lepszey y wiecznie trwaiącey w niebie. A co są bunty y turbacye, prawa Justiańianowego, y nasze Koronne, y Litewskie daią wiedziec, o czym Juristom in suo foro et termino zostawuiemy dysputować.

A tu by się przypatrzyc y uwazyc, co za dowody, y iakie[20]) y species szpiegarstw, zdrad, praktyk, buntow y turbacy w vniwersale pokładaią. 1. Podkanie y prowadzenie Archiepiskopa Meleciusza; iesli oni Rzymianie potykaiący Pawła Apostoła przed Rzymem v trzech karczm tez y prowadzący onego winni takich excessow, to y Wilnianie. 2. Ludzkości pokazanie y podeymowanie; iesli oyca Publiuszowego, ktory Pawła vczcił y podiął w domu swoim, takze y onego w Joppeu Symona, ze Piotra w domu swym przechowywał y raczył, więc y inni, ktorzy pod czas przesładowania Episkopow y wyznawcow przechowywali, winnymi sądzą takich excessow, to y nas. 3. Tytuł Archiepiskopski y Episkopski, w cerkwiach nabozenstwo, ceremonie y vbiory swięte. Tego wszystkiego ten swięty stan potrzebuie, y uzywanie takowe relligia nasza zdawna zachowuie, tak w tytułach iako y w apparatach. Nikt nam tego nie ganił, oprocz onych sect, ktore w swoich zborach swoie w swieckim stroiu wystawiaią predilatory. 4. Rząd, posłuszenstwo y sprawowanie y nasladowanie. To nasza powinnosc Episkopow y Przezbitorow właśnie sobie nalezytych słuchac y sądom y sprawowaniu onych podlegać. Nie są to szpiegarstwa, zdrady, bunty, y turbacye; ale w poboznych rzeczach pobozne sprawy y miłosierne uczynki, y swięte posłuszenstwo y pokora.

Lecz[21]) y własni pomienieni uniaci v tych cryminałach y występkach się nachodzą, na takowych słusznie sciągaią się vniversały, y karaniu takowemu podlegaią. Oni bowiem własnemi buntownikami, y turbatorami, y gwałtownikami są naszych Cerkwy y nabozenstwa, stolic y maiętnosci, y szesciosetney y nad to possesiey, y starozytnosci naszey.

A my nie sąchmy byntownicy, ani turbatores, ale na męczęstwo odłączeni. Niechay Koscioła Latino-Rzymskiego y uniatow idzie po wszem

20) Пропускъ въ рукописи
21) Пропускъ въ рукописи.

swiecie niesława, iz narod Ruski przesladuią y męczą. A nasza chwalebna męczęstwa sława niech wszytkie strony swiata obchodzi y słynie. Wiedząc to kozdy o nas, iz pierwiey nimechmy się za te swiętą słuzbe wzięli, połozylismy sobie męczęską koronę, wrzod y nędze Jowa sprawiedliwego, Jzaiaszową piłe, Jeremiaszową smrodliwą iame, Pawła y Siłe katusze, Stephanowe kamienie, Piotra y Andrzeia krzyz, Jakobow y Pawłow miecz, Jerzego, Theodorow y Dmitria i innych męczęnnikow męczęstwa. Nie na panstwo y nie na obfitowanie podzielismy się, y zadne nas za pomocą Bozą, ani strach, ani zarzucanie kryminałow, ani męki nie odwodzą od prawey wiary y od słuzby Bozey.

W tem swiętem dziele Hetmanem naszym Bog w Troycy iedyny. Połki nasze przy łasce Bozey Angiełowie y męczenicy swięci z modlitwami swemi. Posiłki nasze Ewangelie, Dzieie y Listy Apostolskie, Doctorowie swięci, y wyroki soborow powszechnych. A upewnienie długowieczna, stateczna y nieodmienna w wierze, w sakramentach y w nabozenstwie possesia y uzywanie. Cel y koniec Krolestwo niebeskie y s Panem Bogiem zycie. A zysk, zdobycz y nagroda Korona niebieska. Jnni maią oyczyzne nasza, a my gorne miasta, inni maią nasze stolice, a my Christusa. A kto nasze nędzne y stradne ciałka domek Bozy, miaszkanstwo Ducha S., obali y rozrzuci, puscizne y zdobycz nie wielką wezmie, ieno włosienice y wytarte y podarte sukmaki. A łaski Pastyrskie phenikowe z Jeruzalem. A wiara nasza, za ktorą umieramy y na męczenstwo ochotni iestechmy, iest Simbolum Niecenskiego y Konstantinopolskiego Soborow wiara, dogmatow y wyrokow partykularnych y powszechnych Soborow cale zachowywanie, Sacramentow tez y swiętosci nic insza wiara, iedno iako ich do tego czasu czterzey Patryarchowie zazywaią y my z onymi.

Taki tytuł y napis sędziowie, ktorzy nas skazywac będą na smierc, niech napisuią prosimy, y Prawowierni naszy na grobach naszych niechay napisuią, ze za takową wiarę vcierpiał y vmęczony iest.

Nie iest nam swiętego męczenstwa cięzka smierc, ale nas barzo y z serca boli, ze pod pretextem mnimanych criminalow y excessow za wiare nas trapią, przesladuią: więc y przeciwnicy y ktorzy na nas instigują y podwodzą mnieyszy by grzech mieli, gdyby nie poniechawszy criminałow iasnie na nas instigowali o to, co ich boli y obraza. A to nic ynnego nie iest, ieno yz wiary naszey y społeczności Patryarchi Konstantinopolskiego odstąpic, a do zachodniego Rzymskiego Kosciola pryłączyc się nie chcemy druga iz papieza za naywyzszego nie przyznawamy, na co dwoie gdybychmy (czego nigdy za pomocą Boza nie będzie) przyzwolili, na tych miast a z chęcią y prowizyią od tych mniemanych byli bychmy wolni crimiuiłow. A wszakoz iakoz kolwiek weselimy się, byle iedno Christus Pan w ciele naszym

wełbiony był, bądz przez zywot, bądz przez smierc. Nad Christusa, nad Apostołow y nad męczennikow, ktorzy smiercz podięli, lepszymi y waznicyszymi być nie mamy. Po tey prawdzie naszey y niewinnośći, niechay nam Pan Bog pomaga, y przeczysta Bogorodzica modli się.

A wam, oycowie y bracia naszy w Christusie Panu namilszy, druga od nas pociehi protestatia taka: Stoycie mocno, nie chwieiąc się, ani trwoząc, ochotnie wesołymi spieszcie nogami do swiętego męczęstwa. Lata y dni one się nam wracàią, ktore były od czasow Apostolskich az do wielkiego Konstantina. Te się swięte wracaią dni, ktorych z ciemnic, y wrez, y od miecza gromadami szło wiele dusz na łono Abramowo, w wesołe y miłe przybytki swiętych. Swiat się ten konczy. Sądny dzien przybliza, sędzia naysprawiedliwszy, Christus Bog nasz, ochotny wielce iako Stephanowi y męczeniku niebo otworzyc, y krolewstwo niebeskie darowac. A tym czasem ucieszaycie się przesladowaniem, takze y mękami y smiercią Braciey naszey, bowiem mnoga zapłata nasza iest w niebiesiech, wspominaiąc vstawicznie one Apostolskie słowa: a nic się nie trwoząc ni w czym od przeciwnikow; co onym iest okazaniem zginienian a wam zbawienie. A to od Boga, iz nam darowano dla Christusa, nie tylko abyscie won wierzyli, ale iz byscie tez dla niego cierpieli.

Te taką nasze Vniwersalną protestatyą y iustificatiią piszemy y rozsyłami, aby nas iako nieme bydło nie rzezano, ale aby y swoi, y narodowie ziemie wiedzieli, iaki ludzi y dla czego y iakim pretextem y kształtem dla wiary przesladuią, łapią y męczą. Pisano Miesiąca Aprila 28 Roku 1621.

Языкъ славянскихъ грамотъ молдавскаго происхожденія.

Въ основу актоваго языка Молдавіи XIV—XVII вв. былъ положенъ русскій: съ одной стороны, оффиціальный западно-русскій, съ другой — живой галицко-волынскій говоръ. При этомъ не обошлось ни безъ вліянія болгарскаго языка, книжнаго, точнѣе, нормированнаго тырновскими правилами, ни безъ вліянія польскаго или бѣлорусскаго и въ слабой степени — румынскаго. Изъ этого одного уже можно заключить о слабой устойчивости этого актоваго языка. Языкъ валашскихъ документовъ того же времени представляетъ большее однообразіе и состоитъ изъ смѣси живого болгарскаго языка, съ нѣкоторыми сербскими особенностями, и книжнаго сербскаго, слѣдовавшаго правиламъ ресавскимъ; кромѣ того, здѣсь сильнѣе сказался національный элементъ, потому что для внѣшнихъ сношеній валашскіе господари пользовались почти исключительно латинскимъ языкомъ, обычнымъ въ венгерскихъ канцеляріяхъ, въ то время какъ молдавскіе господари въ перепискѣ съ своими сюзеренами, польскими королями, и львовскими учрежденіями прибѣгали къ латинскому языку сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ.

Языкъ славянскихъ документовъ молдавскаго происхожденія до сихъ поръ не изслѣдованъ, несмотря на значительный матеріалъ и несомнѣнный интересъ. Валашскіе акты изучены гораздо лучше Ю. Венелинымъ, Л. Милетичемъ, Д. Агурой, П. Лавровымъ, Матовымъ и др. Мы взяли пока однѣ господарскія грамоты, и одного XV вѣка, прибавивъ къ нему нѣсколько документовъ конца XIV в., хотя и на такомъ незначительномъ пространствѣ памятниковъ находимъ цѣлый рядъ затрудненій, объясняемыхъ какъ отсутствіемъ послѣдовательности въ языкѣ и правописаніи дипломатическихъ актовъ Молдавіи, такъ и извѣстной свободой для отдѣльныхъ писцовъ, которые не стѣснялись въ вопросахъ языка и налагали на документы индивидуальныя черты. Поэтому намъ не разъ придется указывать на поразительную пестроту языка въ одной и той же грамотѣ или же одного времени, но принадлежащихъ разнымъ писцамъ — дьякамъ или грамматикамъ. Такъ, сочавскій писецъ Якушъ отдаетъ замѣтное предпочтеніе ѣ предъ ѧ и ъ предъ ь — сравнительно съ другими грамотами того же вре-

Гласные.

При разсмотрѣніи судьбы глухихъ надо имѣть въ виду, что вліяніе книжное придаетъ текстамъ иногда болѣе консервативную окраску, чѣмъ можно было бы ожидать отъ языка дѣловыхъ актовъ. Поэтому, наряду съ традиціонными написаніями, находимъ и новыя—съ исчезнувшими въ срединѣ (листмь нашим 1467, подъ лѣтмъ святого Рожества 1395, у Бръладхъ 1438 сент.) и концѣ словъ или прояснившимися глухими, а также съ архаизирующими глухими неорганическими; нашьму 1402 мартъ, крольвьствомъ 1393,—повидимому, описки. Отмѣтимъ нѣсколько случаевъ неустойчивыхъ написаній, какъ взимаючи, воимуючи, вымаючи 1421, безъ вымолвы 1434 бояр., възритъ М. 1498, возрить 1395, дали есми цръковы тои... той же цръкви М. 1407, сзимья 1448 бояр., сойму 1479, нѣсколько случаевъ проясненія глухихъ въ предлогахъ: надо кролевою жъ печатью 1388, надо мною 1400 мартъ, со всею нашею мочью 1395; во имя М. 1488, ко ишкоди 1435, безо хитрости 1393; изрѣдка находимъ сохраненіе глухихъ въ суффиксахъ и склоненіи, но подобранные случаи нельзя назвать сколько-нибудь характерными для разсматриваемыхъ текстовъ.

Повтореніе гласныхъ нельзя считать графическимъ обозначеніемъ долготы: потребизн*аа* Б. 1450 5 іюля, приказ*аа*ніе 1404, наслидовати обычаа 1448 авг., есм*ии* дали М. 1472, корунѣ полско*ии* 1435 бояр.; подобныхъ фактовъ гораздо больше въ валашскихъ документахъ, очевидно, подъ вліяніемъ сербскимъ. Иногда мы здѣсь имѣемъ дѣло съ описками, подъ вліяніемъ сосѣднихъ словъ, напр., н*аа*шего дааніа и з*аа*пису 1444 февр., или попыткой писца передать неслоговой *j*, какъ напр., на *іи*нъшее обицованіе 1435 бояр., и *ия*вно 1499, *Ии*лишевъ 1421 и др.

Вторичная долгота *о* и *е*, какъ слѣдствіе исчезновенія глухихъ и *и*, засвидѣтельствована графически относительно *е*: р. мн. з*ѣ*мль 1388, 1395; богоявл*ѣ*нья, крешч*ѣ*нья 1395; потверж*ѣ*не 1403; произвол*ѣ*ньемъ, безъ руш*ѣ*нья, у сердьци сво*ѣ*мь 1436, подъ присягою наш*ѣ*ю 1448 бояр., б*ѣ*зъ ихъ воле 1448 авг., сь произвол*ѣ*нья 1448 бояр.; н*ѣ* имаемъ (*д. б.* нѣjмаемъ) 1448 авг.; относительно *и* изъ ē и ō изъ древняго *о* или изъ е см. ниже.

Возникновеніе глухихъ въ срединѣ словъ, какъ слѣдствіе исчезновенія глухихъ конечныхъ,—явленіе сравнительно послѣдовательное, хотя такой примѣръ, какъ ог*е*нь 1436, очевидно,—полонизмъ: ogień, а не вліяніе какихъ-нибудь сходныхъ корней или проясненіе неорганическаго глухого.

Образованіе плавныхъ гласныхъ, вызванное тѣмъ же процессомъ, можно прослѣдить не только на основаніи такихъ написаній, какъ К*р*стя

1437, 1439, 1442; *кр*стъ 1433, 1433 іюнь, 1435 сент.; *ср*дцемь Л. 1472; з*др*жати Л. 1472; потъв*р*женіе 1443, но и на основаніи той неустойчивости въ изображеніи группъ согласный+ръ, рь, лъ, ль+согласный, какую находимъ въ большинствѣ грамотъ: К*рг*стѣ 1421, 1436, К*ыр*стѣ 1455 іюль, К*ир*стя 1434, 1434 жал.; потв*ръ*жденье 1436; потв*рь*дилъ 1431; потв*ръ*жденіе 1434, 1435, утв*ръ*дих Л. 1490, потв*ър*жаемъ 1444 февр.; потв*ыр*жденія 1453 іюнь, утв*ыр*дилъ 1453 іюнь, утв*ыр*жденіе Л. 1474; потв*ерь*жаемы 1434, утв*ерь*дилъ 1436; потв*ер*женіе 1402 мартъ; утв*рь*ждени Л. 1490, потв*ир*жденіе М. 1487; у Б*рь*ладхъ 1438 сент., Б*рь*лада 1446, на Б*ър*ладѣ М. 1498; Б*рь*ладъскыи 1435 сент.; Б*рь*личъ 1421, Б*ыр*личь 1404, 1437; к*рь*ниця 1436 на к*ър*ницѣ М. 1407; Х*рь*манъ, Х*ър*мана, Г*ер*мана М. 1487, 1499; уг*ър*скыхъ, уг*ыр*скихъ 1421, уг*орь*скому, уг*урь*скую 1411; В*ль*чѣ 1434, 1435 дек.; В*ыл*чя 1433, 1434 бояр., 1437, В*ил*чя 1400, 1400 мартъ, 1421, 1435, 1435 бояр., подли В*лъ*кана 1443; нап*лъ*ним Б. 1453, нап*ль*нити Б. 1450, поп*ъл*нити 1479, поп*ол*нити Б. 1450 и 1450 5 іюля; г*ыр*ло 1455 іюль, у Х*рь*ловѣ 1499, у Х*ри*лов М. 1498 (рум. Hârlĕŭ слав. происхожденія), г*ор*ла 1462 и т. п.

Сравнительно безразличное употребленіе *ъ* и *о*, *ь* и *е*, кромѣ приведенныхъ уже случаевъ, обнаруживается еще слѣдующими: безъ *ль*сти 1393, 1402 мартъ, безо *ль*сти 1407, без *ле*сти 1421; безъ *лъ*сти 1435 сент., 1433, 1435, без *ло*сти 1434, безо *л*сти 1395, 1435 бояр.; у *Ле*вовы 1433, 1433 бояр., у *Лі*вовѣ тамъ же, въ *Ли*вовѣ 1433 (графич. обозначеніе l слогового), во *Л*вови 1436, до *Л*вова 1438.

Примѣры на бѣглость замѣнителей глухихъ въ падежныхъ формахъ слишкомъ обычны и нисколько не характерны для языка молдавскихъ грамотъ.

Переходъ *е* въ *о* происходитъ послѣ мягкихъ согласныхъ, главнымъ образомъ шипящихъ, и *ц*, и передъ твердыми въ нѣкоторыхъ корняхъ и формахъ мягкаго склоненія, въ которыхъ можно видѣть вліяніе твердаго: ч*о*рного 1436, на Ч*о*рономъ потоцѣ М. 1466, Ч*о*рторовьскаго М. 1487, Ч*о*рторыйскый 1437; ч*о*тири 1388, 1435 бояр., ч*о*тириста 1400 мартъ, 1402, 1402 мартъ, 1404, дѣдич*о*мъ 1434; ни у ч*о*м 1433 іюнь, нич*о*го 1436, от бч*о*лъ Л. 1458; наш*о*му, наш*о*ю доброю волею 1404, с наш*о*ю 1407, пренаяснѣйш*о*му 1448 бояр., святопочивш*о*му 1434; ж*о*нѣ наш*о*и 1421, ж*о*ны 1456; аби пош*о*л Л. 1474, выш*о*л 1448 авг., 1455, 1462 митр.; исъ сладниц*о*ю Л. 1488; у никоторыхъ дн*о*хъ 1447 сент., 1449, во вс*о*мъ 1395, съ обычнымъ отсутствіемъ мягкости на письмѣ, объясняемымъ графическими условіями; въ одномъ примѣрѣ: ш*о*сти сотъ 1421 мы имѣемъ тотъ же переходъ, кажется, передъ мягкостью слѣдующаго слога. Конечно, нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ — морфологиче-

скаго характера. Сюда же, повидимому, относится одинъ сомнительный примѣръ: надпись на окладѣ Молдавскаго Евангелія Кипріановскаго монастыря 1545 года: господинь *въсиеои* молдовлахіискои земли [1]), гдѣ три буквы должны были передать и мягкость согласнаго, и природу *о* изъ *е* (ср. въ валашскихъ грамотахъ всѡи земьі оугрѡвлахіискои 1496; въсои земли 1498, 1499, 1537, 1540 и др.; своиѡмь ѩзикомь 1535 и др.)

Долгое *о*, возникшее изъ краткихъ *о*, послѣ твердыхъ согласныхъ, и *е*, при посредствѣ *ё* и *ѣ*, переходитъ въ *у* (ꙋ҄о): быхꙋмъ 1462, полѣна яблꙋніе Л. 1490, та *дꙋлу* Дерлуем Л. 1448 [2]), от нꙋждои парсꙋни 1468, на *бꙋлшеи* потвръженіе 1446, на *бꙋлшую* кряпость 1452, у тꙋм сели Л. 1458, при тꙋмто голдѣ 1433 бояр., на кꙋмъ станетъ 1457, долꙋв до устіе Бахни М. 1487, тꙋлко 1449, кꙋлкось разовъ 1456, потꙋмъ 1462, дѣдчꙋмъ 1434 бояр., ни в чюмъ виненъ 1462, обычаемъ и степенюмъ 1462, вѣдаюмъ 1448 бояр., хочꙋмъ 1460, 1461, слюбꙋюмъ 1395, 1460, имаюмъ 1499 (будꙋмъ 1499 скорѣе — описка), кроловъства 1395 и др.

Конечно, сюда не относятся формы въ родѣ добꙋвати Б. 1450 5 іюля. Л. 1474, есмь добꙋвалъ 1449 и др., повидимому, обязанныя аналогіямъ инфинитивовъ на *ꙋти*, а опасꙋвалъ 1452, голдꙋвали 1404, записꙋваемся 1462 митр. и др., — аналогіи настоящаго времени. Не вносимъ мы сюда и такихъ формъ, какъ записꙋвъ, предкꙋвъ, кролювъ, кролюмъ 1462 и др., какъ вѣроятные полонизмы. Сомнительно удлиненіе и въ докꙋл 1421, дотꙋл 1456 — извѣстныхъ и въ другихъ русскихъ говорахъ — сѣверно- и южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ.

Такіе случаи, какъ подъ чьстію и вѣрꙋю 1433, породили цѣлый рядъ извѣстныхъ во всѣхъ русскихъ говорахъ смѣшеній падежей на почвѣ фонетической близости формъ: учинили есмы вѣрною покору 1435, вин. хитрость въсѣкою 1433 бояр., правою и вѣрною службу 1434, тою прѣдреченою част М. 1472, правою и вѣрнꙋю службу 1434 (другіе примѣры см. ниже, въ отдѣлѣ смѣшенія падежей) и не стоятъ въ связи съ удлиненіемъ *о*. Отмѣтимъ еще: на Грошово поле.... на Грушеве поле М. 1487, съ парумомъ..., але паромъ М. 1458, слюбоемо 1499, Болдоръ и Болдуръ 1499, подлогъ... подлугъ моци 1454, я слюбою 1400 маргъ и др.

Тотъ звукъ, который обозначался черезъ *ѣ*, получилъ двоякую окраску благодаря взаимодѣйствію книжнаго и живого вліяній. Тырновская графика

---

1) На подлинникѣ вырѣзано ошибочно *въсисои*, форма не имѣющая никакихъ основаній и смысла, тѣмъ болѣе, что *с* легко могло получиться изъ *е*. Конечно, можно было бы читать *въ сисои*, какъ мѣстн. отъ *сесь* (Ср. у Огоновскаго), Studien auf dem Gebiete, s. 181), если бы эта именно формула въ молдавскихъ грамотахъ не была вполнѣ устойчивой — исключительно родительный падежъ.

2) Два послѣдніе случая — сомнительные.

дѣлала безразличнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ[1]) употребленіе ѣ и ꙗ, которое въ молд. грамотахъ иногда совпадало съ ѧ: господаря 1421 — господарѣ 1435 сент.; по инымъ землямъ 1435 бояр. — по инымъ землѣмъ 1435; ис сям листом Л. 1411 — ис сѣмъ листомъ 1431, 1435; вѣра въсяхъ болѣрь Л. 1411 — вѣра всѣхъ бояръ 1436; на чядях 1435 — на чѣдѣх 1435 сент.; усъиняніе — усыинѣніа 1470; съєдинали сѣ и помирили сѣ есми, клѣли сѣ и записали сѣ 1435 сент.; дат. себя... себѣ 1444 февр., тѣ есмы простили, тѣ миловали 1461, им. ж. усѣ 1435 — уся 1435 бояр., княжатомъ 1435 бояр. — кнѣжатомъ 1435; тѣгали на них Л. 1474, проклѣтъ 1435 бояр., у нашемъ покоя 1457, по нашемъ животѣ... живота 1445 іюль, на Прутя 1437 и т. д.

Съ другой стороны, замѣна ѣ посредствомъ *е* говоритъ о близости обоихъ звуковъ: *в*ерень 1400 мартъ, вернымъ 1395, на всѣхъ мѣстехъ 1388, лепѣи 1400 мартъ, кр*е*пость 1404, нераздѣлимаа, вел*е*л М. 1488, по их доброи вол*е* М. 1487, род. земл*е* бесарабьскоѣ 1403, подл*е* 1438 сент., наместникомъ 1395, коруни полское 1395, дат. воевод*е* 1435 бояр., Б. 1453, на страшнѣи судищ*е* Л. 1490, дат. мн. вс*ем* М. 1466, вс*е*мь, кто нань узритъ Л. 1458, пріехали есми 1438, *е*хати 1438 сент., пріехати, отехати Б. 1450, 1450 5 іюля.

Съ третьей, древній ѣ былъ довольно близокъ къ древнему же *и*, что доказывается многочисленными примѣрами: *ви*даніе, при*ви*сити, ви*ди*ли есмо, пр*и*стъпника 1432, *ди*темь, розд*и*ляючи 1393, м*и*сто 1421, 1435 сент., гн*и*въ 1435, *ди*дичю, нам*и*стковъ 1433, ц*и*ловалъ 1452, пин*я*зми Л. 1470, с*и*но М. 1466, пром*и*нили, за тоту м*и*ну 1442, по*и*хати Б. 1450 5 іюля, хот*и*лъ 1435 сент., вел*и*ли 1435 бояр., вѣрному слуз*и* 1435 сент., у Хотин*и* 1434, у город*и* 1404, подл*и* 1435, наимилостн*і*ишого 1433, полнишее 1436. Ту же замѣну замѣчаемъ и во вторичномъ ѣ, образовавшемся вслѣдствіе исчезновенія глухого: безь против*и*ня 1434, потверж*и*ніе 1462, н*и*жьли 1436.

Поэтому въ славянскихъ грамотахъ молдавскаго происхожденія возможны такія написанія, какъ пре*д* нами и пр*я*д нашим митрополитом Л. 1470, прѣдъ насъ 1449, вѣрн*е* издержати — вѣрн*я* служити 1444 ноябрь, вѣрнѣ 1438, на имѣ 1435, на им*я* 1453 іюнь, на им*е* 1445 апр., такѣжъ 1434 бояр. — так*и*жъ 1434 и т. д., а слѣдующіе примѣры какъ будто говорятъ о произношеніи ѣ, какъ 1) дифтонга *іе*: *Діе*нисъ 1437, 1439, 1442, Дѣнисъ 1435 бояр., Д*и*нисъ 1433 бояр. 1434, (Д*іо*нисъ 1437, 1443), если только первая форма не полонизмъ, а слѣдующія — не простое стяженіе, или 2) *іа*: вистѣрник 1433, 1455, 1499, вист*іа*рника 1460,

---

1) А. Яцимирскій, Григорій Цамблакъ. Спб. 1904, стр. 393.

1461; Збѣри 1461, Збіари М. 1487, Збіяры 1470 (скорѣе — румынизмы.

Нѣсколько случаевъ «аканья»: тв. сумаю 1388, Аликсандро Б. 1453, пичать 1435, не порушел Л. 1442, к няму 1434, могутъ быть отнесены на счетъ бѣлорусскаго или же болгарскаго вліянія; въ такихъ примѣрахъ, какъ деакъ Л. 1411, судеа Л. 1472, е можно выводить прямо изъ ь; по Купчичиву смерти 1435, вѣроятно — описка, механическое повтореніе предыдущаго слога; ласкаво 1452 — полонизмъ или сохраненіе древне-русскаго а; своиму отцу Б. 1453 восходитъ къ своjму отцу.

Переходъ *je* въ *ja*, наблюдаемый въ формахъ, кажется, исключительно им.—вин. ед. средняго р., подтверждается такимъ примѣромъ, какъ им. панованя 1462 и др., что повело за собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ утрату средняго рода: где есть татарскаа селища 1436, если только здѣсь не множественная форма, такъ-какъ обычно — селище (см. ниже).

Суженіе *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и *j* встрѣчается очень рѣдко: опеть 1499, Шендрика рядомъ съ Шандровича 1449, маты нашея кнѣгине Анастасіе М. 1407 (племеникъ Л. 1488, племенику Л. 1474, племенниковъ 1455 іюль — формы древнія); что же касается такихъ примѣровъ, какъ до устіе Бахни М. 1487, не порушилъ нашего дааніе и потвержденіе М. 1458, М. 1498, безъ престаніе 1433 бояр. и др., то мы здѣсь имѣемъ дѣло, кажется, съ обычной потерей склоненія, о чемъ ниже; а учестіе 1435 на ряду съ участіе 1435 бояр., учѣстіе и учястіе 1435 сент., повидимому, — болгаризмъ; нашиx боеріи М. 1466 — румынизмъ (boĭeriĭ).

Отпаденіе и выпаденіе гласныхъ неударяемыхъ представлено примѣрами, которые можно распредѣлить по слѣдующимъ группамъ:

1) Неударяемое *и* въ начальныхъ слогахъ, при посредствѣ неслогового: маемо 1402 мартъ, мемъ 1457; *ѣ* въ формѣ нѣ имаемъ 1448 авг., вѣроятно, — возмѣстительная долгота послѣ утраты слоговости *и*: нѣjмаемъ.

2) Тотъ же звукъ въ предлогѣ-префиксѣ справне 1449, *изъ*, вслѣдствіе чего наблюдается смѣшеніе *изъ* и *съ*: *исъ* нашимъ господаремь 1393, *изъ* Божею помочью 1395, *изъ* господаремъ 1462 митр., *ис* симъ листомъ 1407, издержати 1402 мартъ, изьеднанію 1435 сент., причемъ замѣна предлога повела за собою и синтаксическое измѣненіе: *из* Божьеи милости 1400 мартъ, 1404 и др.; въ другихъ случаяхъ находимъ творительный.

3) Неударяемый *ѣ* въ концѣ нѣкоторыхъ женскихъ прилагательныхъ и мѣстоименныхъ формъ, что повело къ образованію окончаній съ *j*: нашеи первои 1388, доброи, мудрои 1393, Божьіеи милости 1404, от пречистѣи Его Матере 1434, з Божіеи воли 1462, к вѣчнои памѣти 1484, усеи 1393, до еи живота 1421, от тои глобы 1431, прѣчистои Богородици Л. 1411. Что здѣсь имѣемъ конечный j, видно изъ такихъ примѣровъ, какъ

Божье милости 1402, особною наш*е* милостію 1443, у наше земли 1449, при наш*е* чти 1457, на т*о* године 1479, хотя надо имѣть въ виду, что конечное *и* въ грамотахъ нерѣдко помѣщалось надъ строкой въ видѣ двухъ черточекъ: *нашё*, *тӧ* и т. д., пропускавшихся и писцами, а тѣмъ болѣе издателями.

4) Неударяемый *е* въ концѣ а) формъ сравнительной степени: далеи 1395, лепѣи 1400 мартъ, первѣи 1402, повыш 1447 сент., пережъ 1479; б) нѣкоторыхъ нарѣчій и частицъ: кроловою жъ 1388, что жь, кому жь 1433 бояр., кому *ж* 1421, тя жь 1444 ноябрь, те жь 1400 мартъ, нижъ 1421, нижь ли 1436, понеж Л. 1474, ажь 1411, протожь 1436, ѣжь 1403, *аж* бы 1402, такеж 1395, тако жъ 1435, опрочь 1452 (опроче 1443 май); в) формы 3 л. ед. буде: коли будь записы 1436, *буд* кто, кого Богъ изберетъ 1435 дек.; г) им. мн. муж. причастій просяч 1457, чтучъ услишитъ 1460.

5) Конечное *о* въ нарѣчіяхъ какъ 1434, 1444 ноябрь, тутъ 1449, такъ 1454.

6) Конечные *и* и *ы* а) въ нарѣчіяхъ и частицахъ пакъ 1395, 1421, кто бъ М. 1407, кол 1402, межъ собою 1456, меж ними 1452 (обычно *межи*); б) въ окончаніи твор. мн. прилагательныхъ, если только это не смѣшеніе падежей: ис нашими дѣтьми, иже суть нинѣ, и потомъ будучимъ... ис нашими дѣтьми нѣнишними и потомь будучимь 1393, с нашими намѣстники потомъ будучимъ 1395, с оне*м* іудеи; а оттолѣ подолжи нива*м* на могилу М. 1488. Замѣтимъ только, что и здѣсь извѣстную роль должно играть помѣщеніе *м* подъ титломъ; кромѣ того, смѣшеніе могло произойти и на чисто графической почвѣ: пото*мъ* будучи*мъ* и др., т. е. повтореніе предшествующаго окончанія.

7) Въ срединѣ словъ выпали *е* въ числительномъ десять, сложномъ съ дъва: двухнадцять сотъ 1421, и *и* въ собственномъ имени Влодславу 1434, 1462, Владславу 1462.

Стяженіе гласныхъ представлено рядомъ примѣровъ, изъ которыхъ далеко не всѣ характерны для данныхъ памятниковъ: дѣдич валаск*и* 1400, воеводы молдавск*ы* 1404, краковск*ы*, руск*ы*, посполит*ы*, львовск*ы*, подолск*ы*, стынск*ы* и т. д. 1444 ноябрь, мы бояре молдавск*ы*, котор*ы* сынъ 1434 бояр., драг*и* родитель, котор*и* конець, мил*и* Богъ Б. 1450 5 іюля, 1 мн. узнав*я*ми 1403, обещав*а*мо Б. 1453, вызнав*а*ми 1462, 1462 митр. (вызнаваемь 1435 бояр.), захов*а*мо, умар*ѣ*мо 1462, усердечн*е* поклоняніе 1388, д*а*ніе 1448 (дааніе 1434 бояр.), рада молдавск*а* 1452, коруна полск*а* 1448 авг., пр*и*ти 1461, справн*е* 1449, равн*е* 1460 и др., — многіе изъ нихъ, если не всѣ, — полонизмы.

Изъ другихъ явленій въ области гласныхъ укажемъ на начальное *о*

вм. *а*: войтъ *ор*мѣнскы 1449, *Ол*ександръ 1448 авг.. начальное *о* вм. книжнаго ѥ: *о*дно 1448 авг., *о*динъ В. 1447, на *о*зера, ни *о*дин грош Л. 1472, за *о*динъ конь 1445 апр., а также новыя формы: *од*ино село 1448, ни у *од*ину руку 1462.

Согласные.

На первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ явленія, которыя произошли вслѣдствіе исчезновенія глухихъ въ концѣ словъ и въ серединѣ.

Ассимиляцію и диссимиляцію находимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: *з* доброи и *з* мудрои рады 1393, ве*з*де Б. 1447, 1457, *з*держати 1438 сент., 1454, *з* Божіею помочію 1411, *з* дятми 1452, про*з*бы 1468, Герон*д*іе Л. 1489, где 1444 февр., завѣ*ск*у — завѣзку 1447 сент., свѣдо*ц*ство 1438 сент., свѣдо*т*ство 1438 (свѣдочество 1393), граници лѣ*ц*кои 1445 апр., златъ туре*ц*кихъ 1452, свѣ*ц*кими 1462 митр., Ро*з*ства 1400, 1400 мартъ, 1402, Ро*з*тва 1407, Ро*с*тва 1402 мартъ, Ро*сс*тва 1403, бли*ш*ьи, наивы*ш*ему, бли*ш*ую 1436, наиви*ш*ему 1435, *ш*то, *ш*тобы 1388, нѣ*ш*то 1402, о*х*(тября) 1434, о*х*т(ября) 1452, све о*т*чина дѣлом Л. 1490, вя*т*ьшая вѣра 1436. Конечные согласные въ корняхъ предъ суффиксомъ *ьск* исчезли, причемъ произошло стяженіе: рускому 1388, рускои 1393, дѣдич валаски 1400, валаскоѣ 1400 мартъ, панове воласкыя 1404, на волоскомъ законѣ М. 1444; утрата предлога вслѣдствіе ассимиляціи: вѣре (*съ*) своею братьею 1402. Ассимиляція согласныхъ и послѣдующаго *j* закончилась переходомъ *j* въ соотвѣтствующіе мягкіе согласные и стяженіемъ согласныхъ: Ванча и И*лѣ*, панъ И*лѣ* М. 1472, им. И*ле* Л. 1411, даль Ванчи и И*ли* 1442, у своемъ имѣ*ни* 1452, захова*ню*, здержа*ню*, цѣлова*не*, вин. ед. панова*ня*, им. мн. обвеза*ня* 1462, безъ противле*ня* 1433, дерьжа*не* и трима*не* 1436, по Узнесе*ни* 1411, на великое потвержѣ*не* 1403, вѣда*не*мь 1436, съ челя*дю* (съ челядею) 1445 іюль, подъ печа*тю* 1462, изявляемъ 1499, на ус*ти* Студенца 1434 бояр. Наконецъ, быть можетъ, ассимиляція согласнаго и предыдущаго *j* наблюдается въ формахъ сравнительно-превосходной степени: наияснѣшею 1435, пилнишее 1436.

Выпаденіе и отпаденіе согласныхъ засвидѣтельствовано слѣдующими примѣрами: шессотъ 1421, серцемъ 1456, подлугъ чты, чти 1393, 1395, 1421, при чти 1448 авг., 1448 бояр. (чьсти 1402 мартъ), препочтеныи 1444 февр. (почестенныи 1455 іюль), чесно 1454, чесникы 1454, почесному 1468, почесныи 1453 іюнь, власного 1462, избища 1453 іюнь, нятсва 1400, намисковъ 1433, мѣсчяномъ 1444 ноябрь, исному, исного 1433, 1433 бояр., Снѣтинъ (конечно, уже готовое изъ *Кѣ*снѣтинъ) 1435; есь 1431, 1444 февр., 1445 апр., 1445 іюль, кряпось 1468, жалось 1457, чес 1468, почесноси 1433 и др. обязаны скорѣе графикѣ е̑

крапо̑, жало̑, че̑ и т. п.; кролества 1433, очина 1437 очезны 1435 сент.

Вставка согласныхъ отмѣчена, кажется, единственн *д*рушити Л. 1488 (№№ 8 и 13), М. 1487, М. 1488 — ваго книжнаго происхожденія.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ не всегда мож основаніи надежныхъ фактовъ, потому что мягкость от довольно рѣдко, о чемъ упоминалось и раньше; кромѣ того показываетъ значительное колебаніе въ произношеніи писцовъ. Ясно только одно: послѣ исчезновенія глухихъ слѣдующихъ звуковъ, одни согласные стали произнос менѣе твердо, другіе — мягко. Мы имѣемъ такіе примѣр 1435, вы*шь*е 1395, наивы*ш*е 1444 ноябрь (далѣе с ніе двойного *шш* въ одно: наивы*ш*ему 1436, 1435 бояр., 1435, наиви*ш*ю раду 1468); крольвьствомъ 1392, кр кролевъствѣ 1395; мерьзячькы 1499, мерзечьку 1461; духовеньствомъ 1468, христіаньства 1402 мартъ, польс полъского, польскому 1435, полского 1448 авг., полскому цѣлый рядъ случаевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что писцы отмѣчали мягкость: ко*л*ко 1436, 1444 февр., 1445 апр., бояр., посте*л*нику 1445 апр., доброво*л*но 1460, бо*л*ше 1447 сент., посо*л*ство 1452, поспо*л*ство 1395, дѣ*тм*и 13

Переходъ *в* въ *у* передъ согласнымъ или группой их шимъ числомъ примѣровъ: *у*стати 1402, *у*споминати 1435, по Узнесени 1411, *у*здадутъ, *у*схощетъ 1452, М. 1466, з 1462, *у*дiячни — wdzęczni 1484, *у*нучатомь 1436, *у* Луп понедѣлникъ 1388, *у*сеи 1393, *у*чера 1433, *у*съпомѣнул 1402 мартъ, но обратнаго перехода мы почти не наход 1462, *в*налъ 1448 бояр., хотя образованіе предлога *ув* узрит; *ув*ес гнѣв 1461, *ув*есь хотарь 1452, тебѣ *ув*ерну наших бояр Л. 1454 говоритъ о чередованіи *в* и *у*.

Переходъ *г* въ *h* можетъ быть представленъ нѣсколь тельными случаями: *г*олдовати 1400 мартъ, 1404, *г*олдъ 1468, *х*олдовати, *х*олдъ 1444 ноябрь, *х*олдунокъ, *х*олдунъ *о*лдъ 1434, *о*лдовати 1462; *г*осподаря 1393, *о*сподарю 143 *Х*удича 1444 февр. *х*лубокою долиною Л. 1488, *г*ырло 14 М. 1498, Мо*г*ила 1499, Мо*х*ила М. 1498. Въ фразѣ вѣр 1446 слѣдуетъ видѣть или переходъ *г* въ *j* или же взаимо *Г*еоргій и *Е*орій; въ другихъ грамотахъ встрѣчаются напис 1443 май, пана *Г*урича 1453, пана Ургича 1446 или ру

*Ж*уржъ — Jcorgius 1421, которая должна звучать *Дж*уржъ (ср. ис *Жч*юржьмъ, *Жч*юржови, *Жч*юрьжвичъ въ галицкой грамотѣ 1424 года, см. Палеографическіе снимки А. И. Соболевскаго, № 34). Отмѣтимъ еще своеобразную передачу гортанныхъ въ имени Ня*в*кои 1434 бояр., на ряду съ часто встрѣчающимся Ня*г*ои 1433 и др., и Ня*кк*ымпанъ 1456 — сочетаніе, извѣстное въ литовскихъ и польскихъ актахъ; до мо*б*илу М. 1487 — на ряду съ мо*г*ила, при*б*ылыи золотыи — на ряду съ при*г*ылых золотых 1421, быть можетъ, воспроизводятъ тотъ звукъ, который въ румынскомъ далъ *в* mo*v*ilă.

Мѣна *ф* и *х* завѣрена однимъ, кажется, именемъ Ходоръ 1443, причемъ болѣе обычна румынская огласовка *Т*адоръ 1443 и др. — Тōădăr; мѣстн. Мат*ф*ѳіѣ 1436, очевидно, передача средняго выговора между книжнымъ и русскимъ именами.

Смягченіе согласныхъ также не даетъ характерныхъ наблюденій. Наряду съ книжными, въ данномъ случаѣ болгарскими, формами, находимъ въ такомъ же количествѣ и русскія: ро*ж*ества 1388, прину*ж*енъ 1393, 1402 мартъ, ме*ж*и собою 1435, 1435 сент., потвер*ж*еніи 1402 мартъ, потвер*ж*яемъ 1411 и т. п., будучимъ 1393, помочью 1395, мочи обѣчаючися 1411, освѣченному 1433 и т. п. Кромѣ буквы *щ*, встрѣчаются нерѣдко такія написанія, какъ буду*шч*іи 1395, сели*шч*а своа, тѣхъ то сели*шч*ахъ, тѣхъ то сели*шч*ь 1452, изби*шч*а 1453 іюнь, изби*шч*у 1455 іюль, съ лови*шч*ами 1454, е*шч*е 1453 іюнь, 1468 и др., а также прѣ*сч*юрѣтомъ 1448. Конечно, здѣсь ничто еще не указываетъ на память о происхожденіи шт изъ древнихъ *ск* или *ст* (ср. западно-русское *жч*), а просто передано болѣе точно малорусское *шч* въ отличіе отъ великорусскаго *шш*. Укажемъ варіанты имени *Ст*ефанъ — *Щ*ефана 1444 февр., *Щ*ефула 1448 и т. д. Отмѣтимъ еще *щ*коды (2 раза), смилова*вьщ*ыся 1436. Неорганическое смягченіе гортанныхъ передъ *ы* — обычное явленіе, а колебаніе между *ки* и *кы*, *ги* и *гы*, *хи* и *хы* (молдавск*их*... въселенск*ых* Л. 1411, молдавск*и*хъ вели*ки*хъ 1445 апр. — молдавск*ы*хъ вели*кы*хъ 1445 іюль, не *ги*бла дале — дале не *гы*бла 1456, Ю*гы* — Ю*ги* 1470, *хы*трости 1435 — *хи*трости 1435 бояр.) облегчило смѣшеніе формъ им., вин. и твор. мн. муж. основъ на *о*. Наконецъ, довольно частые случаи смягченія *т* въ *ц* должны быть отнесены къ польскому вліянію.

Отвердѣніе согласныхъ передъ *е* и *и* отражается въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, въ которыхъ иногда трудно отдѣлить малорусскія особенности отъ болгарскихъ, обязанныхъ книжной традиціи. Поэтому случаи употребленія *и* вмѣсто *ы* и наоборотъ не всегда служатъ надежнымъ матеріаломъ: чис*тим*... срдцемь Л. 1472, монас*ти*р Л. 1458, монас*ти*рю Л. 1434, Л. 1472, *ти*—*ты* 1470, *ни*нѣ 1393, *ни*нешнимь 1411, ус*ли*шит Л. 1470,

М. 1487, свѣт*лим* срдцемь Л. 1472, от нас *би*ло урикъ 1446, господаремь *би*ти Л. 1488, *би*хмо, *би*ли, *би*ти, *би*хомъ и др. 1484, пре*би*вати Б. 1450 5 іюля, о*би*чья 1479, на *Би*стрици 1446, у*ми*слоиъ 1457, *ми*то Л. 1411, Л. 1472, М. 1466, наи*ви*шему 1435, *ви*купленіе Л. 1470, по *ри*бу ни пак с *ри*бою Л. 1472, *ри*ба М. 1466, вла*ди*ки Б. 1453, *син* его Л. 1470; учи*ны*лъ 1456, с *ны*мъ пріидетъ 1461, прѣображ*ны*емъ 1404, чи*ны*мъ Л. 1429, от то*лы* Л. 1411, с м*лы*ном М. 1407, умыс*лы*вши 1435, чи*ниты* 1448 авг., милос*ты*ю Л. 1411, вис*ты*арника Л. 1442, потвержы*нье* 1448 бояр., природжы*нье* 1448 авг., Ка*зы*миру 1434 бояр., съ вс*ы*ми хотарми 1453 и т. д. Съ другой стороны, имѣемъ факты колебанія между мягкостью и твердостью въ рядомъ стоящихъ словахъ: *слю*бую... *слу*бую 1400 мартъ, *слю*били... *слу*били 1393, *слу*буемъ... *слю*буемъ 1393, *слю*буемъ и *слу*били есмы 1433, 1433 іюнь. Съ третьей — несомнѣнную твердость въ коро*лѣ* 1444 ноябрь, кро*лѣ* 1435, 1438 сент., пріяте*лѣ* 1484, коро*ла* 1436, зем*ла*, тымьто зем*ла*мь 1436, подьлугъ *слу*бу 1436 и др., милос*тѣ* 1452, крѣпос*тѣ* 1460, хитрос*тѣ* 1435, твердос*тѣ* 1434 бояр., волос*тѣ* 1435, *сѣя* не отхильяетъ 1448 бояр., *сѣя*... держати 1448 авг., при*са*гали 1435, съеди*на*лисѣ 1435 сент., потверже*нь*іе 1404 и др.

На мѣстѣ согласныхъ съ *я* является сочетаніе согласныхъ j+*я*: хо*тья*чи 1448 авг., кня*жья*тью, отхи*лья*еть, па*мья*ти, обь*вя*зуемыся, обо*вя*жутся 1448 бояр.

Цѣлый рядъ примѣровъ указываетъ на сохраненіе мягкости шипящихъ и *ц*: *ча*сы 1402, 1421, пе*ча*ть 1395, в Со*ча*вѣ 1395, тыся*ча* 1400, *ча*сть 1431, 1435 дек., *ча*шника 1435 дек., дѣди*чю* 1388, диди*чю* 1433, хо*чю* 1433, 1400 мартъ, у*чю*етъ 1499, прѣс*чю*рѣтомъ 1448 бояр., слы*ша*лъ 1402, възъпи*ша* 1435 сент., *шю*кати, на*шю* 1393, запи*шю*тъ 1448 бояр., Иліа*шю* 1435 бояр., дер*жя*ти 1393, 1411, 1438, дер*жя*т 1402, потвер*жя*ючи 1438, *жя*ловати 1400, потвер*жя*емъ 1407, 1411, двухнад*ця*ть 1421, Волчини*ця* 1436, от*ця* 1402 мартъ, 1436, 1438, мѣся*ця* 1407, 1438, серд*ця* 1435, кръни*ця* 1436, Волохови*цю* 1421, грани*цю* 1454. Въ то же время другіе писцы передаютъ на письмѣ болѣе точно отвердѣвшіе шипящіе: вымѣняю*чы* 1442, у*чы*нипіе 1436, памятую*чы* 1436, цѣлова*шы* 1448 авг., обръ*шы*е Л. 1411, смиловавь*шы*ся 1436 и др.

Точно также мы имѣемъ рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ объ одинаковомъ произношеніи согласнаго *р* передъ широкими и узкими гласными: съ одной стороны — Кази*ми*рю 1435 бояр., непо*рю*шено не уз*рю*шати, уз*рю*шевати 1403, Ф*ря*товскаго 1436 (Фратовскаго 1434), до Грозина хота*ря* Л. 1429, отъ усего хота*ря* 1443 май, отъ своего хота*рѣ* Л. 1454, по старому хота*рю* 1442, съ тѣмъ хота*ре*мъ 1443 май, съ

въсѣми старыми хотари 1445 апр., Л. 1442, съ другой стороны — господаръ 1444 февр., 1445 апр., господарова ми 1470, писарь 1433, 1435 сент., 1435, монастиру Л. 1488, теперь 1433, прыѣтелю 1442, узрыть, крывды 1499, прѣщуратом М. 1472, уморьяемъ 1448 авг. и др.

Отвердѣніе губныхъ, столь обычное въ малорусскомъ, засвидѣтельствовано нѣсколькими примѣрами: умыслывши 1435, нам самым Л. 1470, покрепяемъ 1411, повыніи есмы 1433 бояр., у Левовы, пану Владиславовы кролевы, полскому кролювы 1435, вырности 1433 бояр., причемъ характерно обозначеніе того *ј*, который выдѣлили изъ себя согласные передъ *а*; наконецъ, нерѣдкія окончанія тв. мн. прилаг. и мѣстоим. на *мы*, что повело къ смѣшенію склоненій. Въ написаніи у розюми 1436 слѣдуетъ видѣть графическое смѣшеніе *у* и *ю*.

Изъ другихъ явленій въ области согласныхъ отмѣтимъ случаи взаимодѣйствія между словами Христосъ и крестъ: хрестъ 1448 авг., 1452, водохрещь 1393, святого хрста 1462, крстьяньского права 1404, 1407; *м* вм. *н* въ собственномъ имени Миколай 1444 ноябрь, Миколая 1448 авг., Микулица 1446; обычно сохраненіе *ѧ* въ глаголѣ *тянуть*: потягнеть, потягнулъ 1411.

Полногласныя формы по количеству стоятъ на первомъ мѣстѣ сравнительно съ книжными, хотя опять замѣчаемъ непослѣдовательность: Володиславу 1395, 1402, Влодиславу и Владиславу 1462. Отмѣтимъ слова: веременемъ 1395, 1400 мартъ, 1402, передькове 1436, передковъ, передци 1444 февр., пereже 1454, Л. 1411, выстерегати 1433 іюнь, вороговъ 1457, просторонно 1448 апр.; рѣдкая форма черс Молдаву (2 раза) Л. 1411 объясняется утратой безударнаго гласнаго, а не сохраненіемъ старины.

Склоненіе.

Всѣ формы, имѣвшія въ древне-русскомъ языкѣ *ѣ* на мѣстѣ церковнославянскаго *ѧ*, имѣютъ то же окончаніе или его замѣнителей и въ молдавскихъ грамотахъ, хотя подборъ примѣровъ не всегда легокъ ввиду неустойчивости правописанія отдѣльныхъ писцовъ: рядомъ съ формами церковнославянскими встрѣчаются и русскія. Для примѣра неустойчивости приведемъ хотя бы слѣдующія группы: на вѣкы вѣчныѧ 1435, на вѣки вѣчныѣ 1395, на вѣки вѣчныа 1436, на вѣки вѣчніꙗ М. 1407, иногда съ переходомъ *ѣ* въ *и*: на вѣки вѣчныи 1435 бояр., на вѣкы вѣчніи 1435 и т. д.; з Божьеѣ милости 1436, з Божееи милости, из Божеи милости 1393, з Божіеи милости 1404, из милости Божіи 1438, из Божьѣ милости 1403, из Божьеи мислости 1400 мартъ и т. д.; от прѣчистыѧ Матеръ 1435, от прѣчистыи Матере 1434, от пречистіе Матерь М. 1407, от пречистеи Матерь 1435 бояр. и т. д.

Тѣмъ не менѣе, собранные примѣры можно распре, щимъ группамъ:

1) род. ж. ед. основъ на *ja*: зем*лѣ* 1393, 1395 доброи во*лѣ* 1393, бѣзъ их во*ле* 1448 авг., близ Ба*нѣ* молдавско*ѣ* 1395, до *еи* живота 1421, все*ѣ* наше*ѣ* мо радьі 1448 бояр.

2) им. и вин. мн. тѣхъ же основъ: на далекі*ѣ* сто печати 1388, 1434 бояр., наш*и* кривды 1411.

3) вин. мн. муж. основъ на *jo*: на ус*ѣ* непріяте*лѣ* 1 1411, на вѣки вѣчны*ѣ* 1395.

Косвенные падежи членныхъ прилагательныхъ, на формами, имѣютъ окончанія:

1) род. муж.-ср. ед.: молдавськ*ого*, фряжск*ого* 1388, 1395, кажд*ого* 1435, Божь*его* 1388, вышн*его* Б. 145

2) дат. муж. ср. ед.: литовьск*ому*, руск*ому*, вар наияснѣйш*ему* 1436, 1462.

3) мѣстн. ед. муж.-ср.: у Сочавск*ом* граду Б. 1453.

4) род. ед. жен.: землѣ молдавско*ѣ* 1395, короны истинно*ѣ* землѣ Шепиньско*ѣ* 1436, пято*ѣ* недѣли 140 1435 сент., короны полск*ое*, землѣ молдавск*ое* 1395, во Божье*ѣ* милости 1436, з наше*ѣ* рады 1448 бояр., всеѣ н из Бож*еи* милости 1393, част *еи* М. 1472.

5) дат.-мѣстн. ед. жен.: корунѣ полск*оіи* 1435 бояр., 1484, свят*ои* наш*еи* цръквы М. 1488.

Формы дат. пад. мѣстоименій: *собѣ* 1395, 1402, 14 тобѣ 1449, 1460, 1461; да учинитъ собя дворъ 1444 фе дительный, хотя румынскій синтаксисъ и допускаетъ это с чанія для «принадлежнаго» падежа.

Смѣшеніе именныхъ основъ сводится къ слѣдующим

1. Смѣшеніе основъ на *о* и *ъ*: а) род. ед. нашего лист*у* от воск*у* Л. 1488, от нашего род*у* М. 1488, Л. 1488, 1488 авг., от Романова тьрг*у* М. 1466; б) дат. ед. Владсл господар*еви* 1393, урик*ови* 1431, млин*ови* 1444 февр., а дн*еви* 1452; в) мѣстн. ед. на семъ лист*у* 1388, коли б 1487, у долнем тръг*у* М. 1444, въ городѣ Берест*ью* 1 господар*ю* 1395, во сѣмъ положені*ю* 1411, на томъ изъедна г) им. мн. пан*ове* 1393, 1395, 1404, предк*ове* 1435, бояр писар*еве* 1452; д) род. мн. противъ турк*овъ* 1395, от бо от връховних апостол*овъ* Л. 1490, тыхъ лист*овъ* 1435, въс

ровъ Л. 1411, старыхъ обыча*евъ* 1452, нашихъ непріятел*евъ* 1452, господар*евъ* 1400 мартъ, жолнир*ев* 1438 сент.

2. Смѣшеніе основъ на *о* и ь, ъ: а) род. ед. зѣт*а* еи пана Оанчи 1443; б) род. мн. рубл*іи* 1388, наших боер*іи* М. 1466 (румынизмъ?); в) твор. мн. с государ*ми* 1395, со всѣми нашими пріятель*ми* 1395, с хотар*ми* 1444 февр., с став*ми* М. 1487; г) мѣстн. мн. у наших лист*ох* 1403, въ усѣхъ члонк*охъ* 1438, предк*ох* 1433.

3. Смѣшеніе основъ на *о*, *ъ*, ь и на *а*: а) дат. мн. се*лам* М. 1488, хотар се*лам* М. 1458, (примѣры не характерные, такъ какъ и ед. число село въ молд. грамотахъ иногда склоняется по женскому, какъ будто им. се*ла*, сѐлищ*а*); б) тв. мн. воис*ками* Б. 1450 сь вьсыми пашеми скарб*ами* Б. 1450. — Вліяніе обратное: в) тв. мн.: со всѣ*мы*, съ наши*мы* вѣрни*мы* и почесни*мы* бояры 1461, съ тѣ*мы* Л. 1442 изъ землѣ*мы* 1499; г) род. мн. иниxъ многихъ зем*ли* 1435, господаръ зем*ли* молдавскихъ 1435 бояр., съ обычнымъ стяженіемъ.

4. Смѣшеніе основъ на *о* и на *а* твердыхъ и мягкихъ далеко не всегда можно установить ввиду частой мѣны *ѣ* и *и*; отмѣтимъ мѣстн. ед. Матѳві*ѣ* 1436, такіе же случаи, какъ о утиснені*е*, 1456, скорѣе относятся къ потерѣ склоненія. Вліяніемъ вторыхъ на первыя, быть можетъ, объясняются формы дат. пад. ед. ч.: господаре*вѣ* нашему 1448 бояр., отце*вѣ* нашему 1452, милому Казимиро*вѣ* 1479, Казимиро*вѣ* короле*вѣ* 1452 и др. лучше объяснять отвердѣніемъ губныхъ (см. выше).

5. Смѣшеніе нѣкоторыхъ согласныхъ основъ съ основами на *о* и на *ј* не богато примѣрами: до того дня 1457, отъ Короченева камен*ѣ* 1453 іюнь, отъ нашего племен*и* 1445 іюль, наияснешему кнѣжат*ю* 1436, тв. наияснѣишимъ княжат*омъ* 1434, въсему племен*ю* ихъ Л. 1434, 1435 бояр., 1434 май, по имен*ю* 1456.

6. Переходъ именъ съ основами на *т* и на *о* въ склоненіе основъ на *а* замѣчается, главнымъ образомъ, въ многочисленныхъ собственныхъ именахъ: Ваня 1421, Петря 1448, Костя 1442, Грозя 1395, Мишя 1435 бояр., Кръстя 1436, Гергя 1449, или въ юго-славянской формѣ Кост*е* 1433, 1442, 1445 апр., 1445 іюль, 1446, 1449, Герг*е* 1449 и т. д., при чемъ слѣдъ ихъ стараго склоненія, какъ среднихъ именъ на *т*, можно возстановить на основаніи такихъ именъ, какъ Укл*ята* 1434 бояр., или Укл*ята* 1435 бояр., быть можетъ, Драго*та* 1448 бояр., Драго*тъ* 1447 сент., Бѣло*та* (Ю. Венелинъ, стр. 19 — грамота 1399 года), а также довольно послѣдовательнаго склоненія такихъ словъ, какъ кнѧжѧ: наияснѣишего кнѣж*ате* 1499, наияснѣишему кнѣж*ати* 1436, 1462, наияснѣишимъ княж*атемъ* 1499, наияснѣишее княж*я*! 1462, иная княж*ата* 1404, инша звѣр*ята* 1462, наияснияшихъ княж*атъ* 1462, наияснѣишим княж*атемъ*

1499 и т. д., но новыя формы преобладаютъ: Ванч*и*, Гроз*и*, Кост*и*, Кръст*и* и т. п.; б) уменьшительныя на *ко* въ родѣ у*ко* их Иван Л. 1488, Ивашко 1395, Синько 1404, Гринко 1407, Стецько 1404, Хотько, Ходко 1404, 1421, Яцько 1404, Лайко, Дѣтко, Лацко, 1421, Пашко 1434 бояр., Данко 1435 бояр. и т. д. На ряду съ старымъ склоненіемъ: Паш*ко* діакъ 1437, 1439, слуга нашъ Даш*ко* М. 1487, пана Андреи*ка* Чорторовского М. 1487, единаго татарина на имѣ Паш*ка* М. 1444, Стец*ка* воеводы 1433, пана Доб*ка* 1468, пана Ход*ка* 1460, 1448, пана Андреи*ка* М. 1487, Стец*ку* писарю 1446, 1452, слугѣ нашему Паш*ку* 1442, находимъ и новое женское: Немир*ка* Чорторыискыи 1437, панъ Немир*ка* 1433, Петри*ка* 1499, панъ Моика 1456; род. великаго пана Пор*ки* 1443, пана Шендри*ки* граматика 1443 (или дат. Иваш*кови* 1437); в) уменшительныя на *ло* греческія, славянскія и румынскія по происхожденію: Михаи*ло* 1407, 1411, Негри*ло* 1434 бояр.,織Гости*ло* М. 1487, Мужи*ло* 1457 или съ новообразованными суффиксами Александр*о* Б. 1453, 1402 мартъ, Шандро 1411, Илихно 1448, Михно Л. 1474, если только это не звательныя формы: пана Мужи*ла* 1455, пана Негри*ла* 1446, паномъ Мужи*ломъ* 1462.

Смѣшеніе мѣстоименныхъ основъ засвидѣтельствовано рѣдкими случаями (о возможности род. собя см. выше): ни одн*ихъ* 1435 бояр., ни с одн*имъ* человѣкомъ 1484 (но ни одн*ѣмъ* принужденіемь 1393, с он*ѣми* 1435), на вс*ѣмъ* свѣте стоитъ 1460, 1461, что имили *ѣхь* 1436.

Смѣшеніе падежей въ изучаемыхъ грамотахъ не всегда можно подвести подъ обычныя для исторіи русскаго языка рубрики, такъ какъ готовая уже потеря склоненія въ болгарскомъ и румынскомъ вліяла на синтаксисъ гораздо больше, чѣмъ явленія фонетическія и психологическія въ примѣненіи именно къ молдавскимъ грамотамъ XIV—XV вв. Поэтому, помимо цѣлаго ряда болѣе или менѣе обычныхъ и для русскаго языка случаевъ, мы наблюдаемъ здѣсь не столько смѣшеніе или утрату склоненія, сколько нѣкоторую безпорядочность его. Послѣдніе примѣры сгруппированы нѣсколько ниже, а изъ общерусскихъ фактовъ смѣшенія приведемъ такія:

1. им. и зв.: Бо*гъ*, не даи 1411, 1436, тако ми, Бо*гъ*, помози 1435, на ряду съ: Бо*же*, того не даи 1452 и др.; впрочемъ, примѣрами на звательный падежъ грамоты бѣдны.

2. им. и вин. множ.: а) им. стар*ыи* млины 1448 апр., вѣрн*и* быти и послушн*ы* 1433 іюнь, котор*ыя* городы 1436, написан*ыи* намѣстъки 1395, панове волаcк*ыя*, молдавск*ыя* (и молдавск*іи*) 1404; б) вин. учинк*и* 1438, листы записан*и* 1435, хотя здѣсь скорѣе имѣемъ дѣло съ близостью *ки* и *кы*, *ни* и *ны*, *ри* и *ры*.

3. им. и вин. ед. жен.: привѣсили есмы печать наш*а* 1407, на Владык*а* Христа 1435, похулившаго на свят*аа* Троиц*а* Л. 1442, на болш*ая*

крѣпость М. 1487, М. 1488; вѣрна службa служити 1393, можетъ быть, nomin. cum infinit.

4. род. и вин. смѣшиваются часто. Выраженіе про Бога 1449 — полонизмъ, а нѣкоторые титулы и названія должностей сохраняютъ какъ будто старое склоненіе: на князь Швитригаи не имаеть жяловати ...на княз Швитригаила 1400, отъ его милость 1457, кролѣ его милость 1447, даже казали старосты нашим 1457; тѣ же названія, собственныя имена и географическія могутъ не склоняться: род. Иліа воеводы 1434, велемужнаго Иліаша воевода господарь 1435 бояр., подъ королевскимъ городомъ Снѣтинъ 1457, писано у Долніи Торгъ 1411.

5. род. и дат.-мѣстн. ед. жен.: господину Иліяшу воеводы 1435, брод от Молдавѣ М. 1407, отъ его корунѣ 1488 бояр., от прѣчистыи Его Матере 1434, при вѣры 1435.

6. дат. и твор. мн.: а оттолѣ подолжи нивам на могилу М. 1488, съ онем іудеи М. 1488, с нашими намѣстникы потомъ будучимъ 1395, ис нашими дѣтьми нинѣшними и потомъ будучимь 1393. Помимо причины фонетической (утрата конечнаго м), здѣсь могло играть нѣкоторую роль и помѣщеніе м подъ титломъ, тѣмъ болѣе, что обратнаго смѣшенія не замѣчается.

7. твор. и мѣстн. ед. муж.-ср. членныхъ прилагательныхъ: усердномъ сердцемъ Л. 1490 — церковно-книжная форма.

8. дат. и мѣстн.: у королевъствѣ полскому 1395, с ниму 1435; противъ прореченомъ господареви нашему 1448 авг., нашему велебном господарю 1402, на наших купцемъ и землянох 1421.

Потеря склоненія наблюдается въ тѣхъ примѣрахъ, гдѣ предлоги и нарѣчія перестаютъ вліять на падежи 1) родительный: развѣ новаа царина 1443 май, от капуста М. 1458, без мито, от риба свѣжаа, от его селю М. 1460, и 2) творительный: подъ наша хрестьяньская вѣра 1395, съ нашими болѣре Б. 1450 5 іюля, предъ нашими болѣре 1452, 1453. Сюда же относятся тѣ названія и выраженія, которыя имѣютъ значеніе юридическихъ формулъ (см. выше).

Безпорядочность склоненія, объясняемая болгаро-румынскимъ вліяніемъ, неустойчивостью синтаксиса, аналогіями и отчасти только фонетикой, можетъ быть представлена въ пяти группахъ:

1. род. вм. дат.: святопочившим господерех предком наших М. 1407; вм. вин.: землю молдавскои 1484.

2. дат. вм. род.: до нашему живота 1435, иныхъ многымъ землѣмъ господарь 1435.

3. вин. вм. род.: до мобилу М. 1487, от рибу М. 1458, М. 1488, от которои сторону 1484, до нашеи земли молдавскую 1457, от свѣжою рибу М. 1488.

4. твор. вм. вин.: на болшею крѣпость Б. 1447, вм. род. подлугъ своею моци 1457; вм. мѣстн. у нашею земли у молдавской 1455 іюль, у нашею земли М. 1498, по своею доброю волю М. 1472.

5. мѣстн. вм. род.: своих предкох 1433, въити исъ его милости землях 1499.

Конечно, сюда не относится на вѣкы вѣчным 1435, такъ какъ объясняется вліяніемъ «въ вѣкы вѣкомъ», а также тѣ случаи смѣшенія падежей, которые объясняются условіями чисто графическими, т.-е. повтореніями окончаній близко или рядомъ находящихся словъ: азъ Стефана воевода М. 1466, М. 1487, М. 1488, М. 1498, привѣсити нашему печатъ къ сему мѣсту нашему М. 1458, ис сим листим нашим М. 1488, бояре велици и малици М. 1472, велебнои кролевои Ядвизѣ (2 раза) 1395, видѣвши его правую и вѣрную службую 1434 бояр., 1434 жал., видѣвши его правою и вѣрную службою Л. 1421, видѣвше его правою и вѣрною службою и молбою 1457, М. 1498, милостію Божію Л. 1442, Л. 1458, Л. 1472 (на ряду съ м—ю Божіею 1411, Божею 1388 и др.).

Смѣшеніе чиселъ сводится главнымъ образомъ къ утратѣ двойственнаго числа; на ряду съ немногими старыми формами: двѣ лѣтѣ 1402 мартъ, двѣ селѣ М. 1407, нама посполу узритъ 1457, в руцѣ 1400, положивши руцѣ 1448 бояр., на обѣ сторонѣ 1457, двома алибо трема мѣсцьма 1462, встрѣчаются и такія: двѣ челѣди циганскыи, изъ тых день вышереченных челѣдех Л. 1434, две села М. 1488, оены жаловали наши слугы Балоту и Оанча 1421, вь дьни братіи наших Иліаша и Стефана воевод Б. 1447, обѣ куты, обѣ жудечіи 1439, господаріе (Илья и Стефанъ) 1435 дек., дву земз держати 1457, межи тыми то трима чесники 1462, тых двухнадцять сотз 1421, а также — съ обух сторонз 1457, съ обох сторонз 1499, межи двама полѣнами Л. 1488, с обу сторону 1435, имз обомз 1443, какъ взаимодѣйствіе между старыми и новыми; или двойств. ч. вм. множ.: на веки векома 1468, или же безразличное написаніе: 3 тисячѣ и 3 тысячи 1388, — вслѣдствіе звуковыхъ причинъ.

Смѣшеніе ед. ч. съ множ., естественно, возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, давшее грамоту, говоритъ о себѣ во множественномъ, напр., нам самому 1457.

О смѣшеніи родовъ едва ли говорятъ формы множеств. числа причастій: мы видѣвши Л. 1421, 1434, 1434 жал., заплативше и угокмивши Л. 1488, хотячи указати наше голдованіе 1411, видѣвше и урозумивши 1457 и т. д., потому что въ актахъ XV в. эти формы фигурируютъ только какъ дѣепричастія, т. е. несклоняемыя. Колебаніе въ грамматическомъ родѣ замѣтно еще въ собственныхъ именахъ, какъ указанныхъ раньше Пашко и Пашка, Немирко и Немирка и др., такъ и панъ Исаи 1421, пана

Исаія 1460, 1461 и обычное панъ Исаія, пана Исаи*и* 1470; дат. Арію 1435, 1435 бояр. и Арі*и* 1435 сент., 1434. Кромѣ того, замѣчается утрата средняго рода въ такихъ формахъ единств. числа, какъ где был*а* сел*а* Шефана Зуграфа 1444 февр., где есть татарск*аа* селищ*а* 1436 (на ряду съ едн*о* селищ*е*, то*е* селищ*е*; впрочемъ, въ этихъ примѣрахъ мы можемъ имѣть дѣло и съ множ. числомъ).

Изъ другихъ явленій въ области склоненія отмѣтимъ рѣдкое окончаніе прилагательныхъ муж. р. на *ой*: у вѣчн*ои* миръ Б. 1453.

Характерная малорусская особенность наблюдается въ мѣстоименіяхъ: тымъ то листомъ 1434, 1435 бояр., тои то рѣчи 1436, тоти цигани, тоти люди Л. 1458, тоту часть 1443 май, предъ тьнь листъ, тонъ записъ 1393; дали есми сес нам листь, черес сес наш лист Л. 1472, на сесь листъ 1435, 1468, хотя послѣднія формы извѣстны и московскимъ грамотамъ.

Спряженіе.

При отсутствіи имперфекта, замѣчается сравнительно рѣдкое употребленіе аориста: *бихомъ* 1435, бы*хумъ* 1462, приказа*хомъ* 1438 сент., утвръд*их* и укрѣп*их* Л. 1490, дад*ох*, пріид*охмо*, привес*ихмо* Б. 1453, благопроизво*лих*, заплат*их* аз Л. 1488, приплат*их* аз Л. 1489, пріид*оша* Л. 1488, пріид*е* 1445 апр., 1449, Л. 1474, възопи*ша* М. 1488, главнымъ образомъ — въ формулахъ и замѣна его прошедшимъ сложнымъ: слюбилъ *есмь* 1402, *есми* дали, *есми* почали, *есте* учинили 1388, слюбили *есми* 1395, привѣсили *есмь*, приняли *суть* 1400 мартъ; причемъ форма 3 л. мн. можетъ смѣшиваться съ формой 3 л. ед. имперфекта: учестіе да имаеть сь онѣми, еже възъпиш*е* 1435, если только здѣсь не болгаризмъ, что̀ вѣроятнѣе.

Будущее сложное образуется соединеніемъ инфинитива съ настоящимъ глаголовъ а) *буду*: кто *будет* жити М. 1458, *будемо* слышати 1484, *будут* ловити М. 1488; б) *иму*: *имѣю* стати 1402, *имет* жити М. 1444, *имѣемъ* потянути 1411, *имаетъ* насъ боронити, *имаемъ* пріихати 1434 бояр. = пріидемъ 1434, мочи *имемъ* 1456 или в) *хочу*: *хочемъ* служити 1407, 1435.

Формы двойственнаго числа утрачены почти совершенно, причемъ 1 л. изрѣдка имѣетъ русское окончаніе: мы има*ева* 1400, и замѣняются соотвѣтствующими формами множ. ч.: Влодиславъ... и Витовтъ... приня*ли* *суть* 1400 мартъ, има*емъ* оба служити 1435 сент., въ нѣсколькихъ грамотахъ господарей Ильи и Стефана: чини*мъ* 1437, жалова*ли* ес*мы* 1437 и 1439, господари... чинимъ, жалова*ли* ес*мы*, да*ли* ес*мы* 1436 и т. д.

Прошедшее сложное можетъ сокращаться опущеніемъ формъ вспомогательнаго глагола, главнымъ образомъ, 3 лицъ: *посадилъ* насъ и сѣли

есмъ, ся *пригодило*, 1395, ся *тикало* 1402, но полныя формы замѣтно преобладають. Мѣстоименія употребляются довольно рѣдко, чтò препятствуетъ опущенію вспомогательнаго глагола.

Давнопрошедшее никогда не выражается посредствомъ имперфекта или аориста вспомогательнаго глагола, и обычныя формы — прошедшее сложное его плюсъ элевое причастіе, правильнѣе, два элевыхъ причастія: николи у насъ не *была жгасла* 1436, що *пришли были* 1457.

Сослагательное наклоненіе состоитъ изъ тѣхъ же причастій и аориста: коли *быхъ слышялъ* 1402, а кто *бы* отъ насъ по правдѣ не *служилъ* 1435 бояр., а пак ли *бы патягнулъ* 1411, иже *быхомъ* николи не *имѣли*.., але *быхомъ* ему и его корунѣ *помагали* 1411, що *быхомъ били* осажени нашеи чты 1435, да *быхомъ были* ему вь сыны Б. 1450, аже *быхомъ* королю вѣрнѣ *служили* 1435 бояр., што *быхомъ* то вѣчно *издержяли* 1407, а пак ли *быхмо*... не *дали* 1436, пак ли *быхом* не *дали* тых золотых 1421, ач *быхом* самъ своимъ животомъ не поспѣшни *были* 1438 сент. Отмѣтимъ отсутствіе согласованія въ числѣ: хотя *бы* ся и наш*ли*, чинимъ ихъ прожныхъ 1435, бы*хомъ* того усего не полнилъ 1462, и лицѣ: ажъ бы*хъ* ся пакъ не мог*ло* намъ стати; учинили есмо имъ красную правду, бы*хъ* сѣ имъ увернул*и* 1457, причемъ форма 3 л. ед. *бы* становится частицей, указывая на одну условность: кто *бы* ему непріятель, то и намъ непріятель 1411, или же соединяется съ союзами *штобы*, *абы* и т. п.: просимъ вашеи милости, *штобы* есте учинили 1388.

Будущее совершенное изрѣдка встрѣчается въ его древнихъ формахъ: кто що *будетъ бралъ* 1457, и чаще сохраняется въ одной формѣ 3 л. ед. *буде*, которая имѣетъ значеніе условнаго союза: гдѣ коли *буде* надобѣ 1433, коли *будь* записы 1436, приближаясь къ неопредѣленно-условнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ: *будь* у *которихъ* 1460, *буд кто*, кого Богъ изберетъ 1435 дек., или *будь где* 1460, ли *буди гдѣ* у нашеи земли М. 1466.

Изъ формъ настоящаго времени обращаетъ на себя вниманіе своимъ разнообразіемъ 1 л. мн., хотя не всегда возможно прослѣдить въ нихъ какую-нибудь послѣдовательность, напр., въ одной и той же грамотѣ: ес*ми* учинили, ес*мы* дали, дали ес*мь* М. 1407. Всѣхъ окончаній — 6: 1) *мъ* — сѣли ес*мъ* 1395, хоче*мъ* 1407, 1435, 1411, чины*мъ* 1434, 1435, Л. 1429; 2) *мы* — да*мы* 1388, слюбуе*мы* 1402 мартъ, чини*мы* 1402 мартъ, 1404, привѣсили ес*мы* 1402, М. 1407, ся ес*мы* голдували 1407, пошле*мы* 1438 сент., вызнаваe*мы* 1462, 1468, изявля*мы* 1468; 3) *мо* — слюбили ес*мо*, привѣсили ес*мо* 1395, ес*мо* имѣли 1435, умыслих*мо* Л. 1442, клънѣ*мо* сѣ Б. 1453; 4) *мь* — привѣсили ес*мь* 1395, дали ес*мь* М. 1407, вызнаваe*мь* 1435 бояр.; 5) *ми* — ес*ми* дали, ес*ми* почали 1388, слюбили ес*ми* 1395, хоче*ми*, завѣзуе*ми* 1435, узявля*ми* 1452, вызнаваe*ми* 1462 митр., обѣ-

цуе*ми* 1438 сент., буде*ми* М. 1487, слюбуе*ми* и записуе*ми* ся 1462, пріиде*мъ* 1434; 6) *ме* — коли узриме 1468, кажется, болгаризмъ; наконецъ, отмѣтимъ своеобразную форму слюбуе*му* 1435, едва-ли фонетическаго происхожденія, быть можетъ, графическаго. 2 л. ед. имѣетъ окончаніе главнымъ образомъ *ши*, а въ 3 л., наряду съ мягкостью: сто*итъ*, принесе*тъ* 1388, обошл*ютъ* 1395, изрѣдка находимъ и *тъ*, какъ и въ неопредѣленномъ.

Для формъ повелительнаго наклоненія грамоты почти не даютъ матеріала: Богъ не да*и* 1411, да*и* ми ихъ 1449, не бу*д* 1449, стань ся 1393.

Формы возвратнаго залога отличаются сохраненіемъ полной свободы мѣста для мѣстоименія: *ся пригодило* 1395, *ся отступаю* 1400 мартъ, *ся* не *роздѣлити* 1393, *ся* есмы ему *записали* 1411, хотя *ся* бы и *нашли* 1435, конечно, на ряду съ постановкой его вслѣдъ за глаголомъ.

Неопредѣленное наклоненіе, при преобладаніи формъ на *ти*, *чи*: дава*ти* 1388, помо*чи* 1395, даетъ нѣсколько случаевъ окончанія *тъ*, *чъ*: писа*тъ* Л. 1490, мо*чъ* 1457, причемъ въ большинствѣ примѣровъ *т* помѣщено подъ титломъ, слѣдовательно, безъ знака мягкости или твердости: отступи*т*, смути*т* 1400 мартъ, держа*т*, роди*т*, уста*т*, почина*т* 1402, и изрѣдка находимъ *тъ*, которое никоимъ образомъ не можетъ быть окончаніемъ супина: велѣли... діаку писа*тъ* 1447 сент.

Румынское вліяніе.

Старые и болѣе поздніе переводы грамотъ на румынскій языкъ даютъ интересныя показанія въ томъ смыслѣ, что позволяютъ во многихъ случаяхъ возстановить особенности румынскихъ «оригиналовъ», каковымъ терминомъ мы условно называемъ здѣсь строй языка логоѳетовъ и писцовъ-румынъ, думавшихъ по-румынски и излагавшихъ свои мысли по-славянски. Въ памятникахъ внѣшнихъ сношеній это вліяніе замѣтно меньше, чѣмъ въ жалованныхъ и судныхъ грамотахъ, гдѣ формулировалась по-славянски резолюція, произнесенная и выработанная путемъ опроса и преній на румынскомъ языкѣ. Кромѣ того возможно, что документы, предназначавшіеся для Польши, переписывались спеціально писцами изъ русскихъ.

Поэтому писецъ-румынъ измѣнялъ по женскому склоненію такія слова, какъ: за наш*у* здравіе — pentru noastră sănătatea М. 1466, по наше*и* животѣ — după noastră viaţă М. 1488, хоморско*и* монастир*и*... да есть е*и* от въсѣхъ сторонъ — mănăstirei de la Homora... se fie eĭ Л. 1490, или наоборотъ, по мужескому — слова вродѣ: връх велик*аю* гора — sus marelui deal Л. 1490, помощі*емъ* негову господству — cu ajutoriul domnieĭ sale Б. 1450 5 іюля, з Божі*емъ* помоц*емъ* 1457 — cu ajutoriul Domnuluĭ, сь сво*имъ* торговлею (д. б. товар*омъ*)—cu marfă lor Б. 1447, отъ т*ою* волости—

din cel județ М. 1466 и т. д. Конечно, въ такихъ выраженіяхъ, какъ сь вьсею нашем*ь* землем*ь* Б. 1450 5 іюля, и кое какихъ изъ приведенныхъ можно было бы видѣть сербизмы, но мужское склоненіе и въ другихъ падежахъ (до нашег*о* земли проидут 1457) показываетъ, что писецъ имѣлъ ввиду рум. pămîntul, а не țeară. Такое же наблюденіе можно сдѣлать на основаніи употребленія или управленія предлоговъ: помагат *с* нашею силою 1403, заплатившe... усе *с* готовими пенѣзми М. 1489; пріити... у наш*еи* земл*и*, пріидутъ у Сочав*ѣ* Б. 1447; далъ есмъ тобѣ у рук*ахъ*, еси далъ у мо*ихъ* рук*ъ* 1449, на не*мъ* узрить Л. 1411, 1452, М. 1487, при нашихъ пан*овъ*, противъ *имъ* (противъ турковъ), противъ татаро*мъ* 1395, противъ каждо*му* непріяте*леви* 1435, противъ татар*охъ* и противъ каждо*му* непріяте*лю* 1444 ноябрь; службу *до* насъ 1434 жал., 1434; мимо во*лю* того пана 1462, по усимъ старымъ хотаремъ 1445 апр. — по вьсѣм*и* старым*и* хотар*ы* 1445 іюль и т. п. Затѣмъ слѣдуютъ такія румынскія по синтаксису конструкціи, какъ монастирю от Молдавици Л. 1434, державу от Тутову 1435 сент., митрополита от Сучавѣ — mănăstireĭ de la Moldovița, ținut de la Tutova, mitropolit de la Suceava, т. е. по названіямъ рѣкъ; отъ потока *къ* Тутовѣ 1443 май. Имена личныя нерѣдко снабжены постпозитивнымъ членомъ: Брат*лъ* Нетяд*улъ* 1395, Брат*улъ* 1404, М. 1407, Буд*улъ* 1421, Щеф*улъ* 1433, 1434, 1436, Банч*улъ* 1434 бояр., 1436, Турк*улъ* 1436, Станч*улъ* 1435 бояр., 1435 дек., Мих*улъ* 1443, Влаик*улъ* М. 1458, холте*юл* — «холостой» М. 1488. Интересны собственныя имена въ румынской огласовкѣ съ удлиненіемъ надъ вліяніемъ ударенія: Т*а*дор Б. 1450, То*а*дера 1445 іюнь, 1446 = Toáder, Ил*ѣ*на М. 1487, *Ѻа*нча 1444 ноябрь, 1445 іюль = Ileána, Oáncea, и слѣды румынскаго склоненія: гдѣ снимает хотар Гостилещ*илор* съ Бъхнѣни*лор* М. 1488 — unde.... hotarul Gostileșci*lor* cu Băchneani*lor*; быть можетъ, нашихъ боер*ій* — boeriĭ noștri М. 1466, оба жудечі*иле* М. 1487 — judeci*ile*. Отмѣтимъ рум. слова жуде — судья, жудечіи — судства 1455 іюль, марториi — свидѣтели 1447 сент. порта — ворота Л. 1490 и др., рум. огласовку собственныхъ именъ: Дръгушъ и Драгушъ 1447 сент., Д*у*митра 1446.

Болгарское вліяніе.

Болгарское вліяніе съ бо́льшимъ правомъ слѣдовало бы назвать книжнымъ, потому-что у насъ нѣтъ основаній предполагать болгарское происхожденіе писцовъ или логоѳетовъ, а о болгарскомъ языкѣ, какъ живомъ, можно говорить при опредѣленіи этихъ особенностей только въ грамотахъ валашскаго происхожденія. Помимо особенностей графическихъ и отчасти дипломатическихъ, напр. господство *ми*, молдавскія грамоты даютъ цѣлый рядъ книжныхъ написаній вродѣ: стар*аа* царина, нов*аа* царина 1443 май,

святаа 1435, инаа христіанъскаа 1435, неразделимаа М. 1488, свѣжаа М. 1466, инаа села 1442, стоати 1435 сент., безъ боазни 1470, дааніа 1434 жал., непріателѣ 1435 сент., 1435, пріатель Б. 1453, выслуженіа 1445 апр., Иліа 1435, некоа работа 1442, вьсѣкоа 1435 бояр. Большой юсъ ставится правильно (велеможнаго, 3 раза, 1435 бояр. Фстжпимы 1438 сент.,) можетъ замѣняться ъ (понъжденъ 1452, текъщее 1499, приступника 1435) или же ѧ и ему однозначащими въ грамотахъ: съ въсеѧ нашеѧ добраѧ волеѧ М. 1444, съ нашеѧ доброѧ волеѧ и Ф Бога помоцина Л. 1442, Ф въсеѧ нашеѧ доброѧ волеѧ Л. 1448, ...и Ф Бога помоцїѧ Л. 1472, а такія написанія, какъ от пречистоую Его Матере Л. 1411, восходятъ къ обычнымъ вродѣ Ф самыж порти (*т. е.* воротъ) Л. 1490 и др. Отмѣтимъ глагольныя формы сым, сыму, да смо Б. 1453, Б. 1450 5 іюля, 1 ед. изъмавамъ, изъмавами 1403, союзъ нж Б. 1453, предлогъ презъ 1393, 1435 (правда, онъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, но здѣсь скорѣе—вліяніе болгарское), мѣстоименія нища Б. 1453, союзъ къда — когда Б. 1453, мѣстоименія на тъ записъ 1462, егову милости, негова милости, еговѣм Б. 1450 и Б. 1450 5 іюля, отсутствіе эпентетическаго *л* въ землѣ господства ми Б. 1450, склоненіе *воиска* по женскому: воисками Б. 1450 и 1450 5 іюля, наконецъ, все сказанное относительно замѣны ѧ и ѣ. Наконецъ, такія написанія, какъ о никакогъ Лева 1457, можно было бы считать сербизмомъ, если бы: 1) не было случаевъ вынесенія г подъ титло: само воеводы 1433 іюнь, и 2) отпаденіе конечнаго *о* невстрѣчалось и въ малорусскихъ говорахъ. Болѣе поздція грамоты, имѣющія знаки удареній, говорятъ о преобладаніи удареній болгарскихъ, хотя масса случаевъ непослѣдовательности или нѣсколькихъ удареній на одномъ словѣ, напр. ѥдинóсжщнаà Л. 1488, обезцѣниваетъ эти данныя.

Польское вліяніе.

Вліяніе польское могло идти двумя путями: во первыхъ, благодаря живымъ сношеніямъ, начатымъ еще въ XIV в., почему предназначавшіяся для польскихъ королей грамоты писались особыми писцами и съ болѣе или менѣе сознательными полонизмами; во вторыхъ, благодаря вліянію книжному, т. е. вліянію актоваго западно-русскаго языка, въ которомъ особенности бѣлорусскія иногда незамѣтно переходятъ въ собственно польскія. Въ жалованныхъ и судныхъ грамотахъ вліяніе это, какъ мы уже замѣтили, сказывается въ незначительной степени, въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній — въ очень сильной. Укажемъ на частые случаи смягченія *т* въ *ц*, наклоненія *о* къ *у* (предкувъ, кролювъ, кролюмъ, записувъ 1462 и т. д., хотя въ равной степени можно отнести это явленіе и

къ малорусской фонетикѣ), быть можетъ, нѣкоторые примѣры изъ смѣшенія склоненій, стяженныя формы прилагательныхъ: Богъ *милы* 1456, пріателеве наши *милы* 1460, ср. р. милостив*е* 1435 и др.; элевыя причастія, какъ упа*д*нулъ 1499, утек*л*ъ 1457, предлоги к*у* вѣчьнои памяти 1436, к*у* кролеви к*у* его милости 1438 сент., к*у* уставичнои вѣчнои сталости 1448 авг., к*у* праву 1444 ноябрь; отдѣльныя выраженія и обороты: Пана Маріа 1435, потемъ будицемъ 1438 сент., бы ся тыкало 1402, тыхъ листовъ, якоихъ къ намъ принесено 1435, чинимъ ихъ (о документахъ) прожнихъ 1435, пренаіяснѣишее княжя! 1448 авг., каждому доброму 1452, по святомъ Мацѣи, по руску, трецего лѣта и т. д.; наконецъ, сюда же можно отнести нѣкоторыя особенности, свойственныя и русскому и польскому языкамъ, о которыхъ упоминалось раньше.

Приведемъ также небольшой списокъ польскихъ или западно-русскихъ словъ: але, али, амень, валка, валчити, вотпити — wątpić, вротити, вшиткій, глеитовати, голдовати, голдунокъ, голдъ, дбати, досытъ, доткненіе, еднаніе, жадати, жадливость, жадныи (ни-), же — что, завжды, завсе, зрада, зособно, изъеднаніе, кеды, казати — приказать, колве, коруна, крижъ, крижеванецъ, кроль, кролева, кротъ (колко-), лѣпшіи, мерзячка, моцныи, моць, недбати, негабаныи, непреможеныи, обицованіе, обицовати, овшемъ, опекалникъ, остати—обязаться, освяцеными, парсуна, певныи, пилность, подлугъ, позычить, помоць, пожиточныи, покора, Полска, пивніищіи, покуи, посполство, потемъ, протожъ, прожніи, премогуцыи, приволеніе, привилія, ритеръ, рыхло, радца, свѣдоцтво, стадло, статочныи, тыкати — касаться, удраченіе — udręczenie, уставичныи, учинокъ, учливыи, цнота, члонекъ, шляхетныи, шляхта, щатокъ, южъ и др.

Такимъ образомъ, славянскія грамоты молдавскаго происхожденія, какъ и остальныя стороны румынской культуры, отражаютъ самыя разнообразныя вліянія, что̀ становится вполнѣ естественнымъ при положеніи старыхъ придунайскихъ господарствъ — въ срединѣ между южнымъ, западнымъ и восточнымъ славянствомъ.

А. И. Яцимирскій.

Етнографічна карта Угорської Руси.

Передні замітки.

Ініціятива до сієї карти вийшла не від мене, а від тов. В. Гнатюка, знаного в наукових кругах зі своїх праць про Угорську Русь. Перевести гадку в діло — зразу мали ми оба. Одначе нещастє хотіло, що здоровлє тов. Гнатюка дуже погіршило ся, і наслідком того я мусів узяти на себе цілу працю, аби тілько діло, конечне на нашу думку, скорше довести до кінця.

Труд сей показав ся геть труднійшим і забрав більше часу, аніж я надіяв ся був зразу. Всеж таки буду дуже вдоволений, як що ся праця принесе користь науці взагалї, а українознавству спеціяльно. Почуваю себе також в обовязку зазначити на сьому місці, що велика пайка авторської чести належить ся моїй жінці Оленї, яка взяла на себе переважну частину технїчної та рахункової роботи, і взагалї була менї в сїй праці цінною порадницею і помічницею.

Про потребу етнографічної карти Угорської Руси нема що розписувати ся. Кождий, хто тілько візьметь ся до яких не будь дослідів над нашою Закарпатщиною, чи історичних, чи етнографічних, чи язикових, розуміє добре велику недогоду задля недостачі такої мапи. Правда, досї маємо значне число етнографічних карт, що на них означена теріторія Угорських Русинів. Все-ж таки нема досї карт, спеціяльно присвячених сїй теріторії — отся буде перша. До того, дотеперішні карти мають двояку хибу: 1) звичайно дуже малий розмір їх дає тілько зачальне поняте про руську теріторію на Угорщинї; 2) вони дуже часто не годять ся межи собою, і то не тілько в поодиноких оселях, але й у більших просторах. І до нинї ведуть ся спори межи дослїдниками про деякі дуже важні питання що до теріторії Угорських Русинів. Головно словацько-руська межа не означена ще як слїд; противно, деякі дослїдники роблять богато, аби справу ще більше замотати, аніж до тепер було. Найбільше, від коли вий-

шли у світ дві праці: П. Балога «A népfajok Magyarországon» (1902) і д-ра Л. Нідерле «Národopisná mapa Uherských Slováků» (1903), обі дуже некритичні що до Русинів, які не тілько не роз̂яснили дотеперішнїх непевностей, тілько ще побільшили їх значно — справа скорого видання етнографічної карти Угорської Руси стала дуже пекучою.

Пускаючи її у сьвіт, розумію добре, що вона не відповідає всїм домаганням, які ставить ся до цїлком доброї етнографічної карти. Пропущено тут цїлком гіпсометричний бік — дуже важний при наукових дослїдах — а то з причин технїчних. Може за богато теж схематичного означення при островах і колонїях. За те з топографічного боку карта отся перевисшає всї дотеперішнї. У північній Угорщині означено не лише всї адмінїстраційні громади, але на головній руській теріторії ще й прилучені села, присїлки, дрібні оселї — скільки можна їх було означити без шкоди для прозорости карти. Назви всюди руські, де тілько вони есть[1]). Найбільший недостаток сеї карти в тім, що в деяких пунктах етнографічна межа не есть безсумнївно певна. Для її визначення треба було з трудом орієнтувати ся у дотеперішнїй науковій лїтературі, матеріялах і картах. Я певний у тому, що пізнїйші дослїди змінять один-другий детайль сеї мапи. Та як раз доконечна потреба остаточного утвердження в науцї поглядів на Угорську Русь була головним товчком сього видання. Тілько користь науцї буде з того, коли до сеї карти буде зроблено як найбільше поправок. Вона повинна стати вихідною точкою для дальших студій над руським Закарпаттем, що збільшили ся останнїми часами серед галицьких, російських, а навіть чужих учених, — а тому мусимо тілько радїти[2]).

Руська теріторія Угорщини зображена двома окремими картами, розділеними з причин технїчних механїчно, що правда, одначе й науковий подїл на східню і західню частину доволї буде близький до сього меха-

---

1) Назви, що лежать поза руською теріторією, означувано звичайно відповідно до національного характера околицї, себто по мадярськи, румунськи, словацьки і німецькі. Виїмок зроблено для тих громад, де живе якась частина Русинів, а вони мають для сих місцевостей свою власну руську назву (прим. Сигіт, Вишково, Береги і т. ин.). При мішаних громадах ішов я за мовою більшости, часто подавав подвійну і потрійну назву. В орієнтаційній карті уживано переважно назв звичайно прийнятих в українській лїтературній мові (Кошицї, Пряшів, Варадин і т. ин.). Одначе в меньших громадах задержувано і тут форми місцеві.

2) Один евентуальний закид мушу перебігти, а се той, що на руській теріторії не визначено докладно чужих меньшостей. Причина тому одна тілько: недостача певного жерела в сїм напрямі, при знаній тенденцийности й ігноранції в урядових датах. Найскорше можна се було зробити з Жидами, але не без трудностей, і я волів їх не визначувати зівсїм на картї, не зараховуючи їх до нїякої народности. Що до Мадярів і Словаків, то не ставало нїякого крітерія, де певність а де фальш у статистицї. З огляду на все не визначував я меньшостей навіть в тих поодиноких громадах, що не дають нїяких сумнївів. Як би колись прийшло до другого видання, може вдасть ся розвязати і сей бік справи.

нічного (східня повинна б бути дещо більша). На сих картах уміщено ось які комітати (столиці, жупанії) угорської держави: *Марамарош*, *Угоча*, *Берег*, *Уг*, *Землин*, *Шариш*, *Спиш* — в цїлости й повно; *Сатмар*, *Сабоч* і *Абауй-Торна* — майже в цїлости, але тільки загально; вкінці примежні частини иньших комітатів, як *Бистриця* (Бестерце-Насовд), *Гайду*, *Боршод*, *Гимир* й ин. Сей подїл не есть чисто адмінїстрацийний, він приноровлений доволї до географічних обставин краю і розвинув ся історичним процесом, тому ужито його й тут при оглядї поодиноких частин Угорської Руси.

Сї головні карти зроблено на досить значний розмір 300 тисячів. З сього буде догода при дальших дослїдах. Задля загального перегляду цїлої теріторії і визначення островів та колоній, положених в середній і південній Угорщинї, подано окрему карту на малий розмір, що обіймає всї краї угорської корони, разом із примежними частинами Галичини і Буковини.

Звісно, що угорська урядова статистика дуже тенденцийна і змагає до постійного зменьшування числа Русинів в користь Мадярів і Словаків греко-католицької віри[1]), тому мав я за потрібне додати до карти спис усїх громад головної руської теріторії по столицям і повітам, разом із вислїдом останнього загального обчислення людности 1900/1 р. що до рідної мови і віри. Як раз порівнуючи сї обі категорії можемо до якоїсь міри мати контролю над урядовими цифрами. З порівнання видко, як угроруська інтелїгенція (головно духовенство) по волї й неволї записуеть ся Мадярами, натомісць Жиди, хоч між собою говорять звичайним жаргоном, а у громадськім житю уживають руської мови — записані понайбільше Нїмцями по селах, а Мадярами по містах. Се порівнуванне мови і віри дуже придатне для визначення русько-словацької границї. Взагалї числа урядової статистики що до віри більше достовірні, анїж що до народности. Для дальших дослїдів таке виписанне дуже придатне. Прилучені села, присїлки, хутори і т. и. разом із указанем, до якої пол. громади належать, подано у показчику. Тудиж уведено також мадярські урядові назви, які недавно заведено скрізь по немадярських околицях.

С. Томашівський.

Бережани, в лютім 1904.

---

1) З огляду, що тих грекокатоликів ріжні учені мають за винародовлених колишнїх Русинів, зазначено докладно на картї ті мадярські і словацькі громади, де є перевага греко-католиків; де такі греко-католики в меньшости, там означено їх тільки загально (лїніями). В тих одначе не виходив я поза північну Угорщину, бо передусім вона мусить бути предметом докладного розслїду.

P. S. Цїла ся праця була скінчена, як ось висше зазначено, ще перед трьома роками і зараз передана до друку. Та видаванне поступало поволи. Дуже богато часу забирало виготовленне карт, так що ледви тепер, по богатьох коректах, при великім труді, терпеливости і перепонах (Бережани — Петербург!) вони готові. За те було можливо для мене дістати ще раз після трьох лїт мою рукопись для провірення, тим потрібнїйшого, що в сїм часї дещо прибуло в науцї про Угорську Русь. Маю тут на думцї головно монографію С. Цамбеля про Словаків, ну — і у мене самого стало дещо просторійше. З приємностю зазначаю, що праця С. Цамбеля переважно потвердила результати моїх власних розслїдів, все-ж таки можу й нею тут і там покористувати ся при доповненнях і поправках. Труднїйше вже було використати її при уложенню карти, найбільше жаль менї, що топографічні назви карти, головно на словацькій теріторії, мають доволї хиб, як брані понайбільше з карти Л. Нідерле. Що найважнїйші похибки в сїм напрямі поправляю в окремім дописку.

Бережани, в цьвітни 1907.

Жерела і лїтература.

Головним жерелом для означення етноґрафічних меж мусить бути угорська урядова *статистика*. На жаль одначе, се жерело дуже непевне. Сю сумну його прикмету добачувано вже давнїйше[1]), а в останнїх часах достаточні мабуть докази на те подані у моїх спеціяльних статях[2]). З того виходить, що урядовою статистикою можна користуватися тільки дуже обережно. Мадярські учені уживають її з довірем, бо вона приладжувана у користь мадярських національно-полїтичних цїлей; окрім мадярських учених вірить сьому жерелови вповнї (принаймнї що до Русинів) чеський учений Л. Нідерле у своїй етнографічній картї Угорських Словаків та в окремих статях про словацько-руські межі[3]). З такого довіря виходять

1) Францевъ «Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси» (Р. Фил. Вѣст., XLV, 172 і дальше); А. Л. Петровъ «Замѣтки по Угорской Руси» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, II, 448); В. Гнатюк «Hungarico-ruthenica»; його-ж «Словаки чи Русини?» (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, XLII) й ин.

2) Угорські Русини в сьвітлї мадярської урядової статистики (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, LVI); Причинки до пізнання етнографічної теріторії Угорської Руси тепер і давнїйше, I—IV (Записки, LXVII). Одночасно підчеркнув сю тенденцийність і А. С. Будилович (Живая старина, 1903, 3).

3) K sporu o ruskoslovenském rozhraní v Uhrách (Slov. Přehled, 1903, VII), в части ще у Ještě k sporu o ruskoslovenskou hranici v Uhrách (S. P. 1903, VIII). В останнїх часах д. Н. мабуть покидає давнїйше довіре, як бачити можна з його останнього відклику на сю тему (Národopisný Věstník 1907, leden: «Nová data k východní slovenské hranici v Uhrách»).

просто дивоглядн, бо кожда нова конскрипція переміняє руську теріторію, в однім місци збільшаючи її, в иньшім зменьшаючи. Загалом одначе руська теріторія що десять літ стає меньша, але головна причина сьому — ігноранція й тенденцийність угорського уряду. З усього того виплнває, що дослідник не може вірити офіціяльним датам статистичним, мусить користувати ся ними обережно і старати ся контролювати їх иньшими жерелами. Всеж таки се основний матеріял при укладанню етнографічної карти Угорської Руси.

До 40-их років XIX ст. австрийський уряд мало журив ся племінними відносинами держави; переписи людности були тілько для фіскальних цілей. Загальна перепись людности въ р. 1786, де означувано також і національність, не була ніколи використана науково; її матеріял спочиває досї в архівах. Та коли директором головної статистичної комісії у Відни став бар. Черніг (Czoernig), розпочато спеціяльні досліди над етнографічним боком монархії, що вели ся мало що не цілий пятий десяток XIX ст. — і правду сказати — вели ся дуже сумлїнно. При першім генеральнім списї людности 1851 р. не записувано, що правда, національности, тілько у самій комісії переведено комбінацію нових чисел з давнїйшими означеннями мови і народности. Певно, не була се повна докладність, та одначе сумлїнність і обєктивність голови комісії, при тім близькість обох обраховань можуть зовсїм вдоволити поважним науковим потребам. На жаль, подрібні дати з р. 1851 не були нїколи виявлені, тілько їх загальні числа, найдокладнїйше у поважній праці самого Черніга про етнографію Австрії. Та для наших цілей далеко важнїйша його-ж етнографічна карта, видана аж 1855 р., — ще й до нинїшнього дня найлїпша зі всїх, що займали ся сим предметом. З тієї причини її вказівки мусять служити радше за жерельні дати, анїж лїтературні комбінації.

Найблизший по тім генеральний спис людности був у 1857 р., але також без означення народности; анальогічну (тілько меньше вартну) комбінацію, як у 1851 р., зробив наступник Черніга — Л. Фіккер, але й сих результатів докладно не оголошено. Тілько при самім кінцї 1869 р. переведено загальну конскрипцію з означенням язика і релїгії населення на Угорщинї; зроблено се вже під доглядом національного мадярського уряду. Сї результати були оголошені досить докладно у першім лексіконї мад. статистичного уряду[1]). Так само результати переписи з 1880 р. подають пізнїйші видання сього-ж лексікона[2]). Обчислення з рр. 1890 і 1900 по-

1) A magyar korona országainak helységnévtára, Bst 1873. При кождій громадї подано, до якої національности належить переважна частина її людности.

2) У мене було під рукою виданіє з р. 1888 (Dr. Jekelfalussy J.).

дають окрім лексіконів, вже цілком детальні великі видання статистичного уряду (у двох серіях)[1]).

Коли порівняємо означення угорських Русинів з усїх згаданих років, бє нас в очи величезна неоднаковість в подаванню руських громад. Деякі дослїдники, як Балог і Нідерле, думають, що се дїйсно пересуваєть ся з року на рік етнографічна границя руського народа. Що така думка зовсїм хибна, старав ся я доказати на иньшому місци[2]).

Що до першої половини XIX ст., то й тодї не хибувало проб означити поодинокі народности Угорщини[3]), та деяку наукову вартість можуть мати тільки статистичні праці Фейньеша, на які й доси нераз покликують ся дослїдники[4]). Його дати взяті з ріжних жерел, понайбільше з церковних шематизмів, хоч у деяких частинах видко власні дослїди автора. Про словянські народности мав Фейньеш дуже слабе поняте, не умів відмежувати Словаків від Русинів, спеціяльно словянський обряд церковний мав він за певну ознаку руської національности, і се завело його, та й иньших, до зовсїм фантастичних висновків.

Про XVIII ст., розуміє ть ся, ще меньше можна говорити. Урядові архіви дали-б, що правда, доволї інтересного матеріялу, головно від 1786 р., та коло сього нїхто не заходить ся. Єсть тільки одна, майже не замічена в науцї, публїкація мадярська про населенне Угорщини в *часї прагматичної санкциї*[5]). Зібрано тут результати одинокої перед 1786 р. генеральної переписи Угорщини в 1715 і 1720 рр. Розуміє ть ся, тодї не снило ся нїкому визначати народність людей, але ся конскрипція ведена переважно поіменно, а з імен можливо догадуватись національности записаного. Як би так статистичний уряд, що видав сей матеріял, подав все in extenso, то була-б справдї користь науцї. На жаль видавцї пустили у світ вже готовий препарат, самі визначили національність списаних. Якими авторітетами користували ся, якими прінціпами руководили ся при сїм? — про усе те не написали нїчого, а те що написано не дозволяє нам приймати

1) а) A magyar korona országaiban az 1891 év elején végrehajtott népszámlálás eredményei, I rész, általános népleirás; б) A magyar korona országainak 1900-évi népszámlálása, I r., a népesség általános leirása községenkint, Bst. 1902.

2) Записки Н. Т. ім. Ш. LVI і LXVII.

3) Диви передмову до першого лексікона 3 р. 1873.

4) Fényes Elek «Magyar országnak s a hozzá kapcsolt tartomanyoknak mostani állapotja statistikai és geographiai tekintetben», I—VI köt. Pest, 1833—1840; перші три томи вийшли також у другім поправленім виданню 1841—1844. Угроруська терітория обговорена докладно (погромадно) у III і IV тт. В р. 1851 видав Фейньеш 4-томовий лексікон — «Magyarország geographiai szótára», де дати полишили ся зовсїм незмінені. В нїмецькій мові видав він «Statistik des Königreichs Ungarn», Pesth 1843, з загальним означеннем народностей.

5) Magyarország népessége a pragmatica sanctio korában, 1720—1721, (M. Statisztikai közlemények, új folyam, XII köt.) Bst, 1896.

на віру обчислень видавців, хоч і як вони моглиб бути інтересні. Спеціяльно що до руської теріторії, видавці не вміли відмежувати руських імен від словацьких і тому заведено для них одну спільну рубрику (tót vagy ruthén). Близшим розслідом сих дат прийдеть ся займити ся при иньшій нагоді.

Між жерела треба зачислити також *шематизми* обох руських епархій в Угорщині (мункачівської та пряшівської), що появляють ся досить неправильно. Вони подають, що правда, тільки вірних по релігії, але й се придатне для контролї урядових статистик. Деякі вказівки дають означення в них що до язика, уживаного в церкві.

До найлїпших жерел для означення руської теріторії можуть належати етнографічні і язикові *записи*, коли означено докладно місце їх записання. На жаль, досї таких записів ще дуже мало (з огляду на місце), а найлїпші з них *В. Гнатюка*[1]) і *І. Верхратського*[2]). До того, етнографи-збирачі і лїнгвісти, маючи перед очима окремі інтереси, часто не дбають про сей т. ск. полїтичний бік етнографії. Жерельну стійність мають і деякі *праці*, чи то про Угорських Русинів, чи взагалї про Угорщину, таких дослїдників, що знають край і людей із власного досвіду. Сюди належать передусїм розвідки *Броха*, *Гнатюка*, *Головацького*, *Мішіка*, *Петрова* й ин.[3]). Годї на сьому місци подавати докладний огляд наукової лїтератури про Угорську Русь, бо вона доволї велика. Усе важнїйше, що появило ся до 1901 р. зібрано докладно у переглядї *Францева*[4]), і туди треба заглянути кождому, хто спеціально інтересуеть ся Угорськими Русинами. До того понайбільша частина згаданих там книжок, розвідок і статей—має сьогодня тільки історично-бібліографічне значінне. Для нашої цїли, себто уложення карти, придатне мало що з давнїйшої лїтератури.

На початку XIX ст. появили ся три монографії мадярського достой-

---

1) Етнографічний Збірник, т. III, IV, IX; Русини Пряшівської епархії (Записки Н. Т. ім. Ш. XXXV).

2) Знадоби до пізнаня угорско-руских говорів (Записки Н. Т. ім. Ш. XXVII—XXX, XL—XLV), пор. також його давнїйшу розвідку про марамарошські діалекти в Archiv-i für slavische Philologie.

3) Olaf Broch «Zum kleinrussischen in Ungarn» (Archiv f. slav. Philol. 1895, 1897). «Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östl. Ungarn», Kristiania 1897, «Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze», Kristiania 1899. — В. Гнатюк «Руські оселї в Бачці» (Зап. Н. Т. ім. Ш. XXII), «Русини Пряшівської епархії» (ibid. XXXV), «Словаки чи Русини?» (ibid. XLII), Hungarico-ruthenica, 1899 й ин. — Е. Головацкій «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», Москва 1878, вступ до першого тома.—Про полеміку між словацькими ученими Шкультетім і Мішіком що до Уг. Русинів диви Slovenské Pohl'ady 1895. — А. Л. Петровъ «Замѣтки по Уг. Руси».

4) Обзоръ важн. изуч. Уг. Руси.

ника і письменника *Сірмая* про комітати: Землин[1]), Угочу[2]), й Сатмар[3]), які подають здебільшого й племінний характер населення по громадам. Автор добрий знавець північної Угорщини (походив з магнатської родини, розсїлої в тих околицях), подає вказівки переважно з автопсії, тому його означення треба приймати зовсім як поважні і вірні, розуміеть ся — для його часу. Від того часу дещо, головно у Сатмарі, мусїло змінити ся. В кождім разї монографії Сірмая належать до тих книжок, що помимо своєї давности й досї не стратили вартости. З пізнїйших праць на першому місци зазначити тут треба працю згадувонаго вже вище *Черніга*[4]), монографію про Угорських Русинів *Бідермана*, у своїм часї дуже солїдну,[5]) дальше більше популярні видання *Фіккера*[6]), вкінцї розвідку *Лейпена*, основану на переписї 1890 р.[7]).

З новійших праць, не заведених у реестр Францева, згадати треба, окрім згадуваної з обсягу діялектології *І. Верхратського*, полемічну розвідку *В. Гнатюка* про ріжницю межи Русинами і Словаками[8]), монографію *П. Балога* про племена на Угорщині[9]), вступну розвідку до етнографічної карти Словаків *Л. Нідерле* і пізнїйші каментарі до неї[10]), критичні замітки Мішіка до праці Нідерле[11]) та мої висше згадані статї з приводу праці Балога і Нідерле. Меньше-більше так само як і я оцїнив працю Л. Нідерле ще й А. С. Будилович, подаючи деякі дійсні поправки[12]). Вкінцї в р. 1906 появила ся велика студія *С. Цамбеля* про східнїх Словаків, при чім відведено доволї місця на означенне словацько-руської племінної межі, і то з дуже гарним успіхом[13]).

---

1) Notita topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis per Antonium Szirmay de Szirma, ed. Mart. Geor. Kovachich Senquiciensis, Budae 1803; Notitia historica incl. comitatus Zempl., Budae, 1804; деяку інтересну замітку можна знайти і в його праці Notitia hist., polit., oecon. montium et locorum viniferorum comtus Zempleniensis, Cassoviae 1798.

2) Notitia politica, historica, topographica inclyti comitatus Ugochiensis per Antonium Szirmay de Szirma, ed. M. G. Kovachich Senqu., Pestini, 1805.

3) Szathmár vármegye fekvése, történetei és polgári esmérete, irta és kiadta Szirmai Szirmay Antal, I—II rész, Budán, 1809.

4) Karl Freiherr v. Czoernig «Ethnographie der oesterreichischen Monarchie», I (1857), II—III (1855), Wien.

5). H. I. Bidermann «Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte», I—II, Innsbruck 1862.

6) Dr. Adolf Ficker «Die Völkerstämme der oest.-ung. Monarchie, ihre Gebiete, Grenzen und Inseln», Wien 1869.

7) Ed. Leipen «Die Sprachgebiete in den Ländern der-ungarischen Krone», Wien 1896.

8) Словаки чи Русини? (Записки Н. Т. ім. Ш. т.) LXII. Тут зібрана й давнїйша лїтература.

9) Balogh Pál «A népfajok Magyarországon», Bst, 1902.

10) Названо висше. У розвідцї подано й богато лїтератури.

11) Národopisné pomery na území Spiša. (Slovenské Pohl'ady, 1903).

12) Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси, Спб. 1904.

13) Dr. Samo Czambel «Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov», I odd. 1 čásť, Turč. Sv. Martin, 1906. Після виходу сеї поважної студії словацького дослідника дав

Окремої уваги заслугують тут праці про *історію руської колонізациї* за Карпатами, на жаль одначе в сім напрямі не робить ся в новійших часах майже нічого, в науцї мають доси ще кредит погляди давнїйших дослїдників (Бідерман, Филевич), їх придержуеть ся ще проф. *М. Грушевський*[1]). Дїло тут у тому, чи угроруська колонїзація одночасна з зачальною славянською і руською міграцією, чи значно пізнїйша. Останнїй погляд мае також своїх прихильників (окрім мадярських історикіів, що грішать національно-полїтичними тенденціями), тілько на жаль основно не був ще анї сформований, а ще меньше розроблений і підпертий доказами[2]). На мою думку, як раз сей погляд мусить остояти ся в науцї. Близші аргументи подам при иньшій нагодї, але й тут можна буде дещо навести за сим поглядом.

Важнїйші етнографічні (язикові) *карти*, що обнимають Угорську Русь, есть такі:

1) Етнографічна карта Угорського королївства *І. Чапловича*[3]). Вона дуже загальна (розмір маленький) і подае руську терітсрію зовсім хибно. До заходу Русини буцїм то не переходять поза р. Топлю, натомісць між них пораховано увесь простір коло Вранова, Гуменного, Снини, Требішова і Михаловець, так само руська майже цїла Угоча, частина Сатмара і т. ин.

2) Етнографічна карта Славян у *Шафарика*[4]) доволї близька до Чапловичевої, тілько область т. зв. Сотаків (Вранов, Стропков, Снина, Гуменне) пораховано тут уже межи Словаків; також хибно подано східню границю (Тисою). Розуміеть ся вона дуже загальна.

3) Недокладна й хибна також язикова карта *Гайфлера*, оперта на попереднїх[5]).

4) Найповажнїйша зі всїх, не тілько між попереднїми, але й доси не заступлена кращою, есть етнографічна карта австрийської держави згадуваного вже *Чернїга*[6]). Про її генезу говорено висше. Попри всю сумлїнність

себе мабуть переконати проф. Нідерле, що зложив свою карту Словаків дещо... легковірно (Národop. Věstnik, II, 1). Др. Цамбель видав ще передтим иншу працю, що також доторкаеть ся сеї справи: Slováci a ich reč, Bst, 1903.

1) Історія України-Руси, тт. I i II, ср. 188, 486 (друге видание 1904, 1905). В першім виданню III т. (ср. 510) були подані регести з давнїх грамот, у новім виданню вони пропущені, чи там відложені до окремої збірки. В обох томах подана важнїйша лїтература і жерельні збірки. (I, прим. 36; II, прим. 14). Пор. теж «Обзоръ» Францева.

2) Ще найяснїйше, але дуже загально висказав сей погляд Соболевский у статї. «Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами» (Ж. Старина, 1894).

3) Ethnographische Karte des Königreichs Ungarn von Johann Csaplovics, 1829 — в додатку до його монографії про Угорщину Gemälde von Ungarn, I T. Pesth 1829.

4) Slovanský národopis 1842.

5) I. Häufler «Sprachenkarte der österreichischen Monarchie sammt erkl. Übersicht der Völker dieses Kaiserstaates». Pesth 1846.

6) Ethnographische Karte der oesterreichischen Monarchie, entworfen von Karl Freiherrn von Czoernig, herausgegeben von der kk. Direction der administrativen Statistik, Wien, 1855. Masstab 1 : 864.000.

і обєктивність ся карта дає тілько загальний погляд на у
торію; до того не вільна вона від похибок і непорозумін
дивне для дослідів з першої половини XIX ст.

5) По переписи 1869 р. не маємо ніякої замітної
дуковано довгий час тілько Чернігову карту. Такою вірн
єсть карта *Я. Головацького*[1]. Задля свойого малого розміру
надаєть ся до студіовання угро-руської теріторії, ніж Черн

6) Комбінацією карти Черніга, Шафарика і Чаплови
фічна карта Угорщини де-*Воллана*[2]. Ідучи за поглядом
Кочубинського (давнїйше й Головацького), що найлїпша озн
се словянський церковний обряд, помноживши він Угорську
Словаками греко-кат. обряда, але й загорнув значний пр
Словаків. Вкінцї малий розмір робить сю карту непридатно

7) На основі спису людности 1880 р. уложив языков
Угорщини *Ле-Моніє*[3]. Вона досить докладна, тілько що
на урядовім статистичнім матеріялї, з дуже непевною і не
тістю, може служити тілько як ілюстрація згаданої конс
більше для практичних цїлей, тілько не для наукових.

8) З того самого матеріялу статистичного зладили етн
Ретей і *Гатшек*[4] — розуміє ть ся — оба з таким самим ре

9) Знов на підставі статистичних дат 1890 р. уложи
(етнографічну і конфесийну) *П. Балог*, в додатку до моногра
на Угорщинї, що вийшла як офіціозне видание з нагоди м
lenium-a[5]. Те, що сказано про карту Ле-Моніє, належить
що вартість сеї ще меньша задля богатьох блудів і дуя

---

1) Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ,
Угріи и Буковинѣ, 1 : 1600.000, в додатку до I т. «Народныя пѣсни Гали
Руси», Москва 1878.

2) Этнографическая карта Венгріи Г. Л. де-Воллана, С.-Петербургъ
дійсности аж 1885 р. в його збірцї пісень: «Угрорусскія народныя пѣсни
геогр. Общества, XIII).

3) Sprachenkarte von Österreich-Ungarn bearbeitet nach den durch die
31. December 1880 erhobenen Daten von Dr. Fr. R. v. Le Monnier, Wie
1 : 1.000.000.

4) Fr. Rhéthey «A magyar sz. korona országainak ethnographiai térk
«Ethnographische karte der Länder der ungar. Krone» (Pettermanns Geogr. M

5) A népfájok magyarországon czimü dolgozat térkép-mellékletei, terve
zolta Proff. Kocsárd Sándor báró, (Bst, 1902). З 22 карт до Угорської Руси
népfajok északon), VI (a népf. északkeleten), IX (a népf. az ország mélyén), X
északon), XIII (a felek. északkeleten), XVI (a felek. az orsz. mély.), XIX (a
nyelvszigetek északon), XX (a nyelvh. és nyelvsz. északkel.), XXII (a nyelvh.
vidéken és az ország mélyén). Розмір усюди 1 : 800.000. Про вартість цїло
статю у «Записках Наук. Тов. ім. Шевченка», т. LVI).

укладу, хоч значний розмір міг би дати деяку користь із неї. Загалом наукова користь із карт Балога — мінімальна.

10) Висше названа карта таки остання; конскрипція 1900 р. не була ще використана для уложення етнографічної карти Угорщини, тим меньше її руської частини. Хиба тілько, що проф. *Л. Нідерле* взяв її в основу своєї етнографічної карти угорських Словаків[1]). Давши віру офіціяльним датам спорудив автор у значній части, найбільше на словацько-руській межі, цілком фантастичний образ племінних відносин у північній Угорщині, забравши великі простори руської теріторії на рахунок Словаків. Критика (Мішіка, Будиловича, Цамбеля, моя й ин.) оцінила сю працю суворо, й автор її мусів рад-не-рад додавати коментарі і признавати ся помалу до прінціпіяльної похибки[2]).

На сім вичерпують ся всі важнійші проби означити картографічно етнографічну теріторію Угорської Руси[3]), а з усього видко, що нова окрема карта не то що не зайва, але й доконче потрібна.

Один із трудних боків нової карти був при означуванню *руських назв* поодиноких місць. Як відомо, Мадяри від давна уводили урядові назви мадярські, а в найновійших часах змадяризовано майже всі назви систематично. Одначе у руського народу есть свої власні назви, тілько на жаль вони ані не зібрані доси, ані навіть не завсїди певні. Помимо старання, отсій карті далеко ще до докладности і певности. Се мусить бути зроблене кимсь окремо. Руський матеріял топономічний брав я передусім із церковних шематизмів, урядових лексіконів, праці В. Гнатюка про Русинів Пряшівської епархії, розвідок Верхратського, Головацького, Нідерле й Цамбеля[4]). З огляду на велику силу діалектичних відмін в угро-руській мові не придержував ся я такої форми у назві, яка звичайна у місцевих людей, тим більше, що не богато есть певного матеріялу, тому то давав я всім назвам таку форму, яка загально уживаєть ся въ українській літературній мові, відкладаючи знані діялектичні форми до показчика.

Подаючи урядові мадярські назви, брав я тілько ті, що остаточно уло-

---

1) Národopisná mapa Uherských Slováků na základě sčitání lidu z roku 1900, Praha, 1903. Нове виданне (1907) з додатком п. з. Uherští Slováci, národopisná mapa a statistika Uherských Slováků na zakladě...

2) Пор. нове виданне Е. К. У. С. і також дві карти словацько-руської межі подані у Národopisný-м Věstník-у, 1907, I.

3) Частинну карту словацько-мадярсько-руського розмежовання коло Унгвару дав О. Брох у «Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn (Kristiania, 1897). В загальних етнографічних картах українського народа Угорська Русь представлена звичайно недокладно або й невірно. Сюди належать: Л. Рожанського «Русь-Україна», (Львів 1892) Гр. Величка «Народописна карта українсько-руського народу» (Львів 1896) у великім і малім розмірі, проф. Грушевського «Очеркъ исторіи укр. народа» й ин.

4) Пор. передні замітки.

жені відоповідно до державнаго закона з р. 1898. Дав більше або менше близькі народнім, що ще звичайно под пах, полишено як баляст зовсім на боці[1]).

ПЕРША ЧАСТИНА.

I. Головна теріторія.

Як видно з карти цілої Угорщини Русини живуть зби частиві краю, що притикає до Галичини і Буковини. Етно сходять ся майже докладно з теріторією Галицьких і Б синів[2]). Цілий сей простір лежить майже виключно над г ками Тиси; тілько самий північно-західний кут положені прада. Всї притоки Тиси руської теріторії є правобічні, Руни на сході. На лївий бік Тиси громадні руські оселї пе на сході, і то не скрізь; чим дальше на захід — головна меж що раз більше на північ[3]). На цілім просторі її нема якоїсь фічної границї. Сусїдами Русинів з того боку є: Румуни, М Поляки й Нїмцї. До північної державної границї дотикають вацькі острови. Сама руська теріторія має один інтересн пункт, себто північний кінець гірського хребта Вигорлату (р. Уга, Лаборця й Рибницького. Близько сього місця не ті патський пояс дїлить ся на східню і західню половину, а для роздїлу Угорської Руси на дві частини: східню и захі компактний, географічно одноцїльний край, широко заселе друга — вузький, порозриваний, географічно неодностайни пристyпний. Навіть людність обох частин ріжнить ся сил найбільше мовою.

Руська збита маса обох половин розтягаєть ся на сїм них округів, що зовуть ся «столицями», «жупанїями» аб (megye, vármegye, Comitat). Сї округи — довголїтнїй істо

---

1) Нові назви зібрані для кождої столицї (комітату) окремо в урядо vármegye községei és egyéb lakott helyei hivatalos neveinek jegyzéke.

2) Мала нерівність на сході може бути не маловартною вказівко історичної колонїзації тих околиць. По буковинськім боцї руська теріторія до полудня, анїж по угорськім; виходило-б отже, що напрям колонїзації се був з півночи до полудня, а не зі сходу до заходу. Годї подумати, щоб руського елемента у користь румунського були меньші як в Угорщинї.

3) Також важна вказівка для дослїдів над історичною колонїзацією її з півночи до полудня, при чім мало здобуто землї у західнїй частинї (д анїж у східнїй (пізно-культурній). З сим лучить ся й релятивна пізність зації на полудневім боцї Карпат.

приноровлений до географічних обставин. Ті столиці, де живуть Русини громадно, є: *Марамарош*, *Угоча*, *Берег*, *Уг*, *Земплин*, *Шариш*, *Спиш* (урядово: Máramaros, Ugocsa, Bereg, Ung, Zemplén, Sáros, Szepes)[1]. В иньших живуть тільки у формі островів і колоній. Перейдімо їх по порядку, починаючи від сходу.

1. Марамарош.

Ся столиця обіймає басейн горішньої Тиси разом із Боршовою, відчинений тільки на захід. Зі всїх столиць північно-східньої Угорщини Марамарош найбільше руський. На 309.598 всеї людности уряд записав за Русинів 143.379, себто 46·4%. З иньших паде 24·2% на Румунів, 13·7% на Мадярів, а 15·3% на Нїмцїв[2]). Що до останнїх, то треба тямити, що дїйсних Нїмцїв там небогато, а тільки Жиди переважно записані в рубрицї нїмецької рідної мови. Величезна більшість їх живе серед Русинів й у громадськім житю уживає руської мови[3]). Як би всїх Жидів, що живуть у руських громадах почислив між Русинів, тодї руська більшість була-б не тільки релятивна, але й абсолютна.

Зпоміж 10 повітів тільки у 2 нема Русинів у значнїйшім числї, *шугатажськім* та *ізянськім*. Чисто-руських повітів, себто таких, де у всїх громадах есть руська більшість, есть тільки 2, *волївський* та *довжанський*. Перший з них (в басейнї горішньої Боршови) має по урядовим жерелам 86·16% Русинів, хоч число греко-католиків дещо меньше; другий має 82·06% Русинів, греко-католиків дещо більше (змадярщина руська інтелїґенція), всї Жиди записані за Нїмцїв. *Терецький* повіт (басейн Терця) має на 21 громаду 18 руських, 2 нїмецькі (*Нїмецька Мокра* й *Устчорне*) та одну мадярську (*Керекгедь*). Але й у сих есть деяке число Русинів, у мадярській певно більше, анїж урядово подається (51 Русинів, а 150 греко-католиків)[4]). У цїлому повітї Русинів 82·76%, число греко-католиків майже таке саме. *Тисянський* повіт (басейн горішньої Тиси) має 10 руських громад, а одну мадярсько-руську, *Кобилецьку Поляну*. В тій есть від давна мадярська колонїя. Давнїйше Русини мали мати більшість (ще навіть 1869 р.)[5]). У 1900 р. Русинів записано 39·03%, без сумніву есть їх там

---

1) Оттання часто знана з нїмецької назви: Zips.

2) У 1890 р. ті числа були: 45.7, 24.2, 12.5, 17.

3) Взагалї що до Жидів, то угорські уряди записували їх не однаково. Тільки в деяких руських сторонах записувано їх за Русинів, переважно за нїмцїв; по містах, і взагалї близше до Мадярів, вони понайбільше збільшають число сих останнїх; в західнїх столицях часто означені вони як Словаки.

4) Ся невеличка громада що лежить радше на терїторії тячівського повіта, не все уважала ся мадярською, прим. 1869 записано її руською, а на думку *Фейнеша* вона руськонїмецька. В дїйсности людність говорить обома мовами; мадярскість звязана з сїм, що тут есть копальня і купелї.

5) Мадярсько-нїмецький елемент звязаний із промисловим характером села.

більше. Попри те одначе, що всі громади у повіті можна назвати руськими[1]), всіх Русинів начислив уряд тільки 67·84%. Майже у кождій громаді бачимо більше греко-католиків, аніж Русинів. В тих околицях обі ті категориї ідентичні, тому дійсне число Русинів треба значно піднести (до 70%). Значну скількість Німців у повіті творять головно Жиди, окрім того есть у руських громадах кілька колоній дійсних Мадярів (*Бічків*, *Луг*, *Рагово*, *Трибушани*, *Ясіня*). *Густенський* повіт має мати 72·08% руської людности, хоч греко-католиків значно більше. Натомісць богато Жидів записаних Русинами. Ріжниця між Русинами і греко-католиками найбільша у *Густї* (майже 1000)[2]) і *Вишкові* (понад 400)[3]). Перше з тих має урядово тільки релятивну руську більшість (47·75%), на ділї там Русини у великій більшости. Єдиною не-руською громадою есть *Вишково*, де Русинів тільки третина (урядово 16·77%), а більшість Мадярів. Окрім того дійсні Мадяри есть у *Густї* у поважнійшім числї. *Тячівський* повіт має урядово 65·23% Русинів, греко-католиків значно більше. На 14 громад 11 має значну руську більшість, в иньших Русини у меньшости, себто в самім *Тячовім*, *Буштинськім Гандалї* і *Гутї*. У першім подано тілько 26·72% Русинів, хоч їх там певно есть добра третина всеї людности[4]). Більшість мадярська. Так само у *Гандалї*, переважно мадярськім, число Русинів мусить бути більше, аніж 9·78%. У *Гутї* більшість німецька, Русинів тільки 9·36%. На лївому боцї Тиси есть тільки одна руська громада *Ремета*[5]). *Сиготський* повіт вже тільки в малій части руський (16·23%), він переважно румунський, хоч урядово число мадярів найбільше, але сю перевагу дає мадярам тілько саме столичне місто *Сигіт*, де до них почислено богато Жидів (їх релятивна більшість) і Русинів (4·11% рішучо за мало). Дійсними переважно мадярськими громадами есть *Слатіна Окно*, *Довгополе* і *Коштїл*. Перша не має по урядовим обчисленням анї одного (?) Русина, друга есть здавна мадярсько-русько-румунська, хоч число Русинів на ділї

1) *Бічків* урядово має 48.91% Русинів (релятивна більшість), але без сумніву їх там більше аніж 50%. У *Чернїга* зазначена в нїм мадярська більшість, хоч се неімовірно. Так само зовсім руські *Росішки* означені у нього як румунська громада.

2) У *Густї* люде говорять обома мовами, переважно одначе руською. У р. 1869 констатовано у містї більшість мадярську. Найдавнїйші жителї *Густа* були Німцї.

3) По карті *Чернїга* у *Вишкові* повинна-б бути більшість руська. Що правда руська мова там загально знана, хоч годї говорити про руськість усіх мешканців (в найдавнїйших часах також Німців).

4) І *Тячово* заселене було первісно Німцями. Назву виводять від німецького Teutsch-Au. У 1880 р. ціле місто записано було мадярським, натомісць у *Чернїга* воно переважно руське, подібно як і Вишково. Без сумніву руська мова у нїм загально знана й уживана.

5) Для характеристики урядової статистики зазначити треба, що майже чисто руська громада *Кричово* була в р. 1890 записана переважно мадярською, з четвертиною тільки Русинів.

мабуть більше аніж 14·51%[1]). *Коштіл* давнійше означувано теж як мадярсько-русько-румунський (1851), а навіть німецько-мадярсько-румуньский (1869), тепер Русинів і Румунів дуже маленько (0·3%)[2]). То певно, що поважна меньшість тамошніх греко-католиків повстала з Русинів і Румунів. З иньших громад Русини мають у 3 абсолютну велику більшість (*Грушово*, *Вижня Апша* і *Вижня Руна*), в 1 релятивну більшість (*Микова*)[3]), а в 1 (*Крочунів*), творять мало що не всю християнську людність, але Жиди, записані за Німців, мають більшість[4]). Всі иньші громади (8) переважно румунські, але майже у всіх є малі громади Русинів. Додати треба, що громада *Вижня Апша* в 40-их роках мала ся за румунську, а від 1869 за руську[5]). *Вишівський* повіт (долина Вишови) має 20·92% Русинів, а переважно румунський. На 10 громад руських є 3 (*Руська Крива*, *Руська Поляна*, *Руськова*)[6]), румунсько-руських 3 (*Петрова*[7]), *Леордина*, *Борша*), й одна німецько-румунсько-мадярсько-руська (*Вижня Вишова*)[8]). В иньших громадах статистика майже не показує Русинів. Їх певно й нема у більшім числі.

Зібравши все разом головна руська теріторія матиме ось яку межу до полудня: Від галицької границі іде ся межа на захід хребтом гір між р. Руськовою і Васиром, доходить до р. Вишови і біжить нею аж понизше *Петрови*, звідси скручує на повнічний захід до р. Руни, входить між *Коштіл* і *Вижню Руну*, виминає румунську *Нижню Руну* та поміж *Миковою*, *Сиготом* і *Бесерікою Албою* переходить на правий бік Тиси, обходить зі сходу і півночи *Середню* і *Нижню Апшу* та звертає знов на південь, доходить до Тиси, біжить долі нею, перед с. *Ремета* перескакує на лівий бік, обходить із півдня се село, а коло впаду р. Тячова переходить знов на правий бік, оминає від сходу і півночи *Тячово*, *Керекгедь* і *Буштинський Гандал* та межи *Салдобошом* і *Вишковим* скручує на захід, переступаючи у сусідню столицу — *Угочу*. На північ від сієї лінії всі громади переважно

1) У 1890 р. майже четвертина; в р. 1869 зазначено тільки Мадярів і Румунів. У *Черніга* воно — по правді — троязичне, себто всі три мови уживані однаково.

2) *Фейньеш* твердить що коло 1840 р. була се переважно руська громада, але се неймовірне, тільки те, що тоді було більше греко-католиків.

3) 1890 р. записана мадярською, давнійше руською, 1869 й у Фейньеша навіть чисто-руською; у *Черніга* зазначена більшість мадярська (!).

4) Задля Жидів записувано 1890, 1880 р. за переважно німецьку, давнійше за руську.

5) Се подано так категорично (*Фейньеш*, *Черніг*), що тут мали-б ми приклад зрущення румунського села; в дійсности єсть причини сумніватися що до такої переміни.

6) Всі вони лежать у долині Руської Ріки.

7) Ся громада має 33.61% Русинів, але вони живуть цілком окремо у двох селах, *Красній* і *Бистрій*, означених тому на карті осібно; скілько Русинів есть у самій Петрові — тяжко знати.

8) До 1869 подавано як переважно румунську і воно в дійсности й сьогодня так мусить бути, бо на число Німців зложилися певно й Жиди.

або чисто руські, окрім одної мадярської і двох німецьких. По противному боцї сеї межі живуть Румуни, а тільки в чотирьох місцях всувають ся між Русинів і Румунів більші мадярські громади, й одна переважно нїмецька. Ся головна межа есть рішучою тільки на малому просторі до повітів *ізянського* і *шугатажського*[1]). Понайбільше на південь від головної межі розтягають ся ширше або вузше мішані полоси: ромунсько-руська по правім боцї горішньої, а лївім середньої р. Вишови[2]), в басейнї долїшньої р. Апшицї, Тиси між *Сиготом* та *Довгополем* і р. Сапніції; мадярсько-руська в *Коштілї*, *Сиготї*, *Довгополи*, та в околицї *Тячового* і *Вишкового*; нїмецько-руська коло *Гути*.

2. Угоча.

Мала ся столиця лежить по обох боках Тиси і складаеть ся тільки з двох повітів, *правобічного* і *лївобічного*. В р. 1900 було всеї людности 83.267, а з того Русинами записано 32,707, себто 39·3%; Мадярів начислено 42·9%, Румунів 11·1%, Нїмців (Жидів переважно) 6·6%.

Коли ті числа порівняемо з давнїйшими статистичними результатами[3]), прийдемо до переконання, що означити етнографічні відносини в *Угочі* незвичайно трудно. Докладно покласти етнографічну межу зможе тільки спеціяльна наукова експедиція. Безперечно в тих околицях Русини мадярщать ся, але

1) Можна догадуватися з усякою правдоподібністю, що й у сих повітах е розсїяні малі громадки Русинів, а тільки релїгійна еднїсть із Румунами винародовлюе їх. Найбільше число (6) подане у *Йоду*.

2) На деяких мапах увесь правий бік р. Вишови зачислений до руської теріторії, щоб зійшлась із буковинською. Се безосновне натяганнє. Що теперішня головна межа не змінила ся від дуже давнїх часів, показують географічні і топографічні назви: *Руська Ріка*, *Руськово*, *Руська Поляна* і т. ин. Перша з тих назв стрічасть ся вже у королївській грамотї 1353 р. (Orozviz). Руська людність згадуеть ся під р. 1373 (possessio Orozviz), 1390 (Orozfalu), 1411 (Ruzkova, Rwzkopolanya) і т. ин. Очевидно, що сї назви могли прикладати ся тілько до етнографічних границь. Ясно отже, що у південносхіднім *Мармарошu* руська границя не змінила ся від половини XIV ст. І взагалї у сїй части Угорської Руси етнографічні відносини тривкі від давних часів. Що правда, згадувана вже проба означити національність на основі переписи 1715—20 р., веліла-б догадувати ся, що перед двома столїтями *Марамарош* був більше руський, анїж тепер. В 1715 р. мало-б бути близько 57% Русинів, майже 25% Мадярів, а решта Румунів; 1720 р. близько 69% Русинів, 26% Мадярів, а тільки понад 5% Румунів. На жаль одначе есть причини не вірити сим рахункам. Противно, єсть вказівки, що колись румунська людність жила дальше до півночи, анїж сьогодня. Передусім румунські назви сїл, рік і гір розсїяні скрізь по північнім Марамароши; деякі села, тепер руські, зовуть ся давно таки волоськими, прим. *Липша і Горинчово* в р. 1350 (villas olachales, olachys in dictas villas congregatis), *В. Руна* 1360 р. (possessionem olachalem Felscurouna) і т. ин.; вкінцї історія заселення *Марамароша* говорить за тим. До кінця XIII ст. ся околиця була майже незалюднена. Тож перша документальна звістка про сю теріторію походить із рр. 1274 і 1300 і знае тілько город *Вишково*, приналежний тодї до комітату *Угоча*! Знов аж під р. 1329 згадують ся нїмецькі колонїсти з *Вишкового*, *Густа*, *Тячевого*, *Довгополя*. Дальше подибують ся назви осель наперед вздовш Тиси і на полудне від неї, а вже найпізнїйше на північ, себто на нинїшнїй руській теріторії.

3) У 1890 р. Русинів було 42.5%, Мадярів 38.2%, Румунів 11.7%, Нїмцїв 7.2%.

знов чи так напрасно, як виходить із урядових жерел, можна сумнївати ся[1]). Найбільше непевні громади є: *Текегаза*, *Чепе*, *Батар*, *Чедрег*, *Кикиньишд*, *Фаркашфалва* в *лївобічнім*, а *Фанчика*, *Матьфалва* і *Карачфалва* — у *правобічнім* повіті[2])

Розуміеть ся, що означити руські меньшости в мадярських громадах, майже неможливо. Аби не зробити великої похибки, взято тут за основу спис людности 1900 р. і 1890 та означено руськими всї громади, що такими були подані в обох сих роках. Окрім того можнаб почислити тут до руської теріторії головне місто сеї столиці *Сиолюш*, хоч його подавано постійно як переважно мадярське. По правдї, воно у більшости (хочби релятивній) руське, а тілько Жиди збільшають число Мадярів. На *Черніговій* карті і всїх тих, що її копіювали, головна руська границя посунена дещо за схід, на лінію від *Реметів* у *Березї* до *Кіральгази*, а все на захід по *Кикиньишд* означено як мішану мадярсько-руську полосу.

Лївобічний повіт має урядово тілько 21·38% Русинів, без нїякого сумнїву число їх значно більше, бо навіть у руських громадах значна частина гр.-кат. записана Мадярами. З поміж 41 громад сього повіта переважно руських есть 12[3]). Найчистїйші з них північно-східні, що творять цїлу групу,

---

1) Хитання дат походить, окрім тенденції, ще з того, що по лінїи боці Тиси навіть руська людність загально знає мадярський язик, так що їх легко рахувати до одної і до другої народности.

2) Щоби показати непевність сеї теріторії, чи пак дотеперішніх означувань, подаємо отсю табличку, як неоднаково представлювано у XIX ст. руську теріторію в Угочі. Перший стовпець подає означення *Сірмая* (дуже компетентного знавця тих околиць) з р. 1805; другий вказівки *Фейньеша;* третій взятий із карти *Черніга;* останні — урядові записи.

Громада.	Сірмай.	Фейньеш.	Черніг.	1869.	1880.	1890.	1900.
Тернавка .	рум.	рум.	рум.	рум.	рум. мад.	мад. рум.	мад. рум. рус.
Хижі . . .	рум.	рум.	рус.	рум.	рус.	рус. рум.	рус. рум.
Текегаза. .	мад. рус.	мад.	мад.	мад. рус.	рус. мад.	мад. рус.	мад. рус.
Гетеня . .	рус.	рус.	рус.	рус.	рус.	рус.	рус. мад.
Чума . . .	рус.	рус.	рус.	рус.	рус. мад.	рус.	рус. мад.
Батар. . .	рус.	рус.	рус.	рус.	мад. рус.	мад.	мад.
Чедрег . .	рус.	рус.	рус.	рус.	мад.	мад.	мад.
Кикиньишд	мад. рус.	рус. мад.	мад.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.
Фаркашф. .	рус.	рус.	рус.	рус.	мад. рус.	мад.	мад.
Фанчиково.	мад.	мад. рус.	мад.	мад.	мад. рус.	мад. рус.	мад. рус.
Карачфалва	рус.	рус.	рус.	рус.	рус. мад.	мад.	мад.
Матьфалва.	мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад. рус.	рус. мад.	рус. мад.	мад.
Сирма. . .	мад.	мад. рус.	мад.	мад. рус.	рус. мад.	рус. мад.	рус. мад.

3) *Кіральгаза* має урядово тілько 49.15% Русинів, себто релятивну більшість, на дїлї есть більше.

відрізану від дальших західніх громад двома переважно мадярськими (*Текегаза* і *Гудя*); у західній групі найбільше руські *Гимлівці*[1]), що повстали вже у 50-их роках XIX ст., і *Сасфалу* над Тисою. Мадярські громади з греко-католицькою більшістю є: *Текегаза*, *Чепе*, *Батар*, *Фаркашфалва*, *Чедрег*, *Кикиньишд*, та крім того греко-католицькі меньшости есть у всіх иньших громадах.

Правобічний повіт вже у переважній більшости руський (58·67%), але певно більше, аніж се урядово подано[2]). Статистика 1900 р, ріжнить ся від 1890 р. одним селом, *Матьфалва* і на карті воно означене як руське. Зрештою тілько 8 громад мадярських, 21 громад в середній і східній части — руські. Про *Сивлюш* говорено висше.

Таким способом головна руська теріторія мае ось яку межу: з *Марамароської* столиці виходить на південь від *Велятина*, розділяе *Хижі* від *Тернавки*, *Черну* від *Гуді*, *Кіралигазу* від *Текегази*, переходить Тису і від *Сивлюша* скручуе на південний схід, обіймае *Сасфалу* і *Гимлівці* та знов іде на північ, відділяе *Фекете-Ардів* і *Чепе* від *Сасфалу* і *Гетеня*, обіймае з полудня *Чуму* і переступае третій раз Тису, обходить з заходу *Шашвар*, зі сходу *Фанчику*, з заходу *Матьфалву* й *Егреш* та звідти прямуе на північ до р. Боршови коло впаду Іршави і дальше біжить долї рікою аж до впаду Салви, тут вступае у *Бережську* столицю. До сеї головної межі притикають мішані полоси; румунсько-мадярсько-руська у *Тернавці*, мадярсько-руська у *Текегазі*, *Гуді*, *Сивлюші*, *Фекете-Ардові*, та на просторі від *Батара* по *Керестур* (окрім *Петерфалви* й *Тівадара*), вкінці у *Фекете-патаку* й *Шаланках*. Найчисленнійше виступають Русини у 3 перших полосах. Поза тими мішаними теріторіями малі громадки Русинів розсипані скрізь по громадах західньої части комітату серед мадярської людности аж по *Тур-Теребеш*, звідки сї колонії переходять у сусідній *Сатмар*.

Угоча — се типова теріторія, де елементи руський і мадярський сильно перемішані і де виступае окрема поява — Мадярів грецького обряду (руської віри). Хоч як раз у сих околицях поважну пайку таких «Мадярів» треба покласти на рахунок статистичної фікції, то всеж таки поважна частина греко-католиків *Угочі* мусить бути причислена до мадярської національности. Офіціяльно на 52.417 гр. кат. (62·9%) Русинами признано тілько 32.721 (себто 39·3%). Громади із більшостю греко-католиків, а при тім переважно або чисто мадярські що до язика мали-б бути: *Сивлюш* (?), *Фанчика*, *Уйгель* — на правім боцї, а *Текегаза*, *Чепа*, *Фаркашфалва*, *Батар*, *Чедрег* і *Кикиньишд*. Окрім того в усїх иньших громадах есть більші або меньші скіль-

1) Властиво *Hömlöcz*, бо руської назви нема.
2) Ріжниця межи Русинами і греко-католиками більша аніж 4000.

кости греко-католиків мадярського язика помішані понайбільше з кальвінами, меньше з католиками.

Що до походження отсього елемента, то без сумніву переважна частина їх — то колишні Русини навіть по мові, а вкінці есть між ними й дійсні Мадяри, що в часах релігійної боротьби між католицтвом і протестантизмом принимали грецький обряд як невтральний. На нашій карті видно, як мало що не ціла сусідня Русинам мадярська етнографічна теріторія, почавши від *Сиелюша* а скінчивши на рр. Бодві і Шайо повна Мадярів греко-католицького обряда, і не мало між ними громад, де вони мають навіть абсолютну більшість. Окрім означених комітатів, ще така полоса розтягаєть ся на *Бігар*. Зачалом беручи, сей «руський» обряд—то документ давнійшої колонізації руської людности з гір і підгіря на доли, колонізації, яка одначе не старша кінця XVII ст., а вже ніколи не можна сих слідів прикладати до часів загальної славянської міграції (VII—VIII ст.). Навіть руська колонізація у сих околицях долішніх, що мають руський характер, як саме в *Угочі*, не може бути названа старшою, як із першої половини XIII ст.[1]).

3. Берег.

Ся столиця обіймаe головно басейн Латориці і Боршови по Тису. У 1900 р. всеї людности було 208·589, з того Русинів 95·308, себто 45·72%, значить — релятивна більшість по руськім боці. З огляду на звістну тенденцію можна допустити число Русинів аж 50% і більше. На иньші народности припадаe урядово: 44·7% Мадярів, 8·9% Німців і 0·5% Словаків[2]).

---

1) Не місце тут аргументувати докладнійше сей безсумнівний для нас факт, все-ж таки кілька історичних свідоцтв про *Угочу* розяснить дещо справу. Наперед бє в вічи факт, що богато сіл в *Угочі* не маe ніякої руської назви, тілько мадярську, і то села, яких сліди маємо з XIII а навіть XII ст. (Végardó 1234, Egres 1284, Szöllös 1262, Szirma 1249, Sásvár 1300, Heteny 1295, Чома 1219 й ин.). Усе те вказувало-б, що Русини займили вже готові села. У *Сасфалу* ще 1272 сиділи Німці, з чого пішло й імя. Про деякі села, як *Шашвар* і *Гетень* маємо виразні свідоцтва, що села сі мали колись мадярську людність. У першім із них ще в половині XIV ст. була латинська капеланія, з якої сьогодня нема сліду; імена жителів *Чоми* з р. 1219 не мають навіть славянського характера; *Гетень* ще 1709 р. був мадярсько-кальвінський; в р. 1512 села: оба *Шарди*, обі *Копані*, *Чітава*, *Завадка*, *Еґреш*, *Черна* (теж у 1471), *Валлесак* (теж у 1471), *Хижі-Тернавка*, *Комлонше*, *Ботарча* — усі фігурують як волоські села; *Сиелюш* тоді виглядаe цілком по мадярськи. Живійший наплив руської людности був звичайно після татарських походів або турецьких війн. На основі переписи з р. 1720 обраховано на 739 людей (після татарського спустошіння 1717 р.) 577 Мадярів (78.08%), а тілько 161 (себто 21.79%) Русинів. Те саме жерело говорить про запустінне околиці, між иньшим *Чедреґ* мав тілько дві родини, від 7 літ загосподарював ся, а перед тим 30 літ стояв пусткою. І якже в таких умовах можно говорити про постійність населення?

2) У 1890 р. ті числа були (без війська): 45.6, 42.4, 10.8, 0.7. Дочисленне війська у 1900 р. прибільшаe Мадярам, а відбираe Русинам 0.1%. В р. 1869 на 129.888 мало бути 82.795 (52%) Русинів, 53.561 (майже 40%) Мадярів і 11.702 (понад 7%) Німців.

Найчистїйший руський повіт — *горішнїй* (у басейнї р. Іршави), бо має 82·11% Русинів (греко-католиків меньше, ріжницю зробили Жиди). На 32 громади тільки одна мала (*Дуби*) німецька. Значне число Нїмцїв дали головно Жиди, а Мадярів Жиди та Русини. Дїйсних Нїмцїв і Мадярів тут дуже маленько. Басейн горішньої Латорицї займає *сваляєський* повіт, що числить 78·36% Русинів, майже ідентичних числом з греко-католиками. Жиди з малими виїмками записані за Нїмцїв. Правдиві Нїмцї мають більшість у 2 громадах (*Новім Селї* і *Драчинї*). Більша скількість дїйсних Мадярів є у *Сваляві*; значний контінгент придбали їм Русини (інтелїґенція). Зрештою всї громади (55) чисто або переважно руські[1]). Словаки виступають більшими гуртками у 3 громадах руських (*Вижня Грабониця*, *Звірська Гута*, *Жденьова*), а в 1 німецькій (*Драчинї*). *Латорицький* повіт має мати 74·56% Русинів, греко-католиків дещо більше. Жиди збільшили число Нїмцїв, але й правдиві Нїмцї мають більшість у 2 громадах (*Синяку* і *Старих Кленівцях*) і більші гуртки у 2 (*Нижнїй Грабоницї*, *Грабовім*)[2]). Мадяри мають більшість в однїй громадї (*Ракошинї*)[3]), та крім того більше число у 4 (*Кайдановім*, *Підгірянах*, *Росвиговім*, *Чинадієвім*). Словаки є в більшости в 1 громадї (*Нових Кленівцях*), більший гурт також в 1 (*Старих Кленівцях*). Руських громад 48, в однїй з них руська більшість тільки релятивна (*Росвигово* 39·48%). Четвертий повіт *мукачівський* має офіціяльно 50·73% Русинів. Греко-католиків більше о 2500! Цїлий повіт дїлить ся на три етноґрафічні теріторії—руську, німецьку і мадярську. Перша має 26 громад, друга 7, третя 3, а 1 громада есть осередною між усїми, себто *Мукачево*.

У сьому останньому релятивну більшість мають Жиди, записані переважно за Мадярів; число Русинів, означене урядом 11·19%, рішучо за мале; в дійсности мабуть у двоє таке. З поміж руських громад одна (*Підгород*) має тiлько 46·62% Русинів, себто тільки релятивну більшість — решта Нїмцї та Жиди. У всїх німецьких громадах есть Русини (найбільше у *Варпаланцї* (15·83%) та *Керепцї* (17·42%). Також у руських громадах есть більші німецькі гурти (*Барбово*[4]), *Лалово*, *Підгород*)[5]). З мадярських гро-

1) У 1890 р. одна громада (*Звірська Гута*) мала бути переважно словацька, а одна (*Пасїка*) чисто (!) мадярська. Се один із ярких примірів певности урядової статистики. Сюди треба почислити мабуть і переміни віри за 10 лїт. Так прим. сс. *Локоть* (гор. пов.) мало бути 1890 р. православне, а *Завадка-Пересирова* (слав. пов.), *Шелестів*, *Обава* (лат. пов.) і *Ряпідь* (мук. пов.) мали бути римо-католицькі; тимчасом в усїх 1900 р. самі греко-католики, як і давнійше було.

2) Карта *Чернїга* в усіх 3 згаданих повітах показує німецьку колонїю тільки у *Синяку*.

3) Здаєть ся, ся більшість не зовсїм певна, всї жителї говорять також по руськи, у *Чернїга* ся громада переважно руська.

4) У *Чернїга* в сьому селї більшість німецька!

5) Більша скількість Мадярів: у *Горондї*, *Новім Давидкові*, *Ключарках*, *Лучках* і *Страбичові*.

над одно *Дрисино* має значнійше число Русинів (11·44%)[1]). *Жнятино* показує тілько 0·47%, але се без сумніву статистичний фальш[2]). Трохи Русинів є мабуть у *Форноші*, хоч урядово цілком не виказані. У *надтисянськім* повіті статистика 1900 р. начислила тілько 2·43% Русинів, з одною лише переважно руською громадою (*Квасово*). У 1890 р. руською громадою був ще *Гомок*, тому й його означено на мапі як руську громаду, хоч офіціяльно нема у ній ані одного Русина[3]). Мадярські греко-католицькі громади 2 (*Яношіово* і *Чома*)[4]). У північній части повіта Русини живуть скрізь як меньшости. Найбільше есть їх у *Гат* (20·97%)[5]), опісля у головнім місті столиці, *Берегсасі* (11·6%), в иньших меньше, всеж таки більше ніж подано урядово; у південній частині повіта статистика виказує тілько незначне число Русинів у 9 громадах на сході[6]). Імовірно есть їх і тут більше. Останній повіт—*косинський* має найменьше Русинів, усїх 195, себто 0·69%. Найбільше живе їх у *Батю* (4·4%), *Чомоні* (2·93%), *Шом* (2%) й ин.—у громадах близших до головної руської теріторії[7]).

Означити головну руську межу тут значно легче, аніж в *Угочі*. Коли *Квасового* не матимемо за острів, тоді границя пійде від Боршови, коло впаду Салви, на північ, полишить на боці *Береги* і *Нове Село*, відділить мадярський *Форнош* від руських громад: *Барбово* і *Пистрялово*, німецький *Софієндорф* від *Фогараша* й *Лалова*, обійме зі сходу й півночи німецькі громади: *Березинку*, *Нїм. Кучову* й *Керепець*, звернеть ся на захід через *Мункачів*, обійме з півночи і сходу німецькі: *Варпаланку* і *Павшин*, дальше на південний захід, обійме з полудня *Горонд* та перед *Баркасовом* звернеть ся до півночи, дійде до Латориці і побіжить долї рікою аж до місця, де р. Стара впадає, а звідти на північ в *Ужську* столицю. На головній руській теріторії есть 6 німецьких островів, 1 мадярський й 1 словацький. Переважно мадярським есть теж *Мункачів*. Руський острів на мадярській теріторії тілько 1 (з *Квасовом* 2). На цілім просторі нема рішучої границі руської людности, але притикає широка полоса мішана, в середині німецько-руська, по краях мадярсько-руська; між руську і німецьку теріторію всуває ся мала мадярсько-русько-німецька теріторія—*Мункачево*.

---

1) Приналежний сюди хутір *Коропець* (Керепець) має бути руський (*Чернїі*).

2) У 1890 р. $^1/_3$ Русинів.

3) В р. 1869 переважно мадярська, 1880 р. чисто мадярська, 1890 переважно руська, у *Черніга* — руська. *Легоцький* у своїй монографії комітата зове його чомусь мадярсько-словацьким; *Фейньеш* — руським.

4) *Фейньеш*, *Чернїі* і навіть автор монографії Берега, *Легоцький*, зовуть сю *Чому* переважно руською громадою, урядові записи від 1869 подають все як мадярську.

5) До р. 1900 не записувано їх цілком. Чи не нові се поселенці?

6) В західній стороні має бути громадки Русинів у *Янд* і *Гете*.

7) По правім боці р. Борші есть тілько одна громада, *Рафайна*, чисто мадярська; руські колонії доходять, окрім кількох чисто мадярських громад, на захід до самої Тиси.

Взагалі у *Берегу* і *Мараморощи* руська етноґрафічна теріторія показуеть ся доволі певною, не трудно її відмежувати від сусідніх, ну, і що важно, вона перетревала віки¹). Колонізаційний рух руської людности на мадярську область довів до натурального результату: руські колоністи винародовлювали ся, творячи звісних Мадярів «руської» віри, одначе з виїмком двох громад (*Яношіова* і *Чоми*) не здобули вони ніде абсолютної більшости. Загал мадярської людности в сих сторонах—кальвінський²).

4. Угоча.

Головна теріторія сієї столиці лежить у басейні р. Уга; східня її половина руська. Усїх Русинів 1900 р. мало бути 36·4% (55.742 на 153.266). Окрім Мадярів, виступають тут сусїдами Русинів також Словаки³), і те сусїдство продовжаеть ся аж до західнього кінця Угорської Руси. Межа русько-словацька належить до найскрутнїйших питань при дослїдах над етнографічним відділеннем Угорської Руси. Діло втому, що оба сусїдні племена стикають ся зі собою без рішучої межі, але на великім просторі мі-

---

1) Що більше, деякі вказівки велять догадувати ся, що колись мадярська колонізація досягала дальше до півночи і сходу. Обраховання з р. 1720 давало-б (як що можна йому вірити) 65.05% мадярської, а 34.51% руської народности. В части се ймовірне тому, що південно-західні громади (мадярські) показують тоді густїйшу людність аніж руські, але окрім того такі сьогодня руські села як: *Доробратово*, *Квасово*, *Лучки*, *Росвиґово* й ин. мали мати буцім переважно мадярських людей. Навіть із иньших жерел знаємо інтересний факт, що в XVI—XVII ст. у руських сьогодня селах стрічаемо дуже богато, часом переважно мадярські імена жителів. Сюди належать: *Березинка*, *Черленів*, *Дороббратово*, *Дубина*, *Фоґараш*, *Горонд* (?), *Заґатя*, *Іванівці*, *Кайданово*, *Клячаново* (у XVI ст. кальвінська), *Косино*, *Лалово*, *Лохово*, *Лучки*, *Макаріово*, *Мідяниця*, *Микулівці*, *Дунковиця*, *Росвиґово*, *Пистрялово*, *Підґоряни*, *Русківці*, *Шаркадь*, *Нове Село*, *Коропець*, *Страбичово*, *Вижниця*, *Воловець*, *Завидово* й ин. Се явище толкуеть ся тим, що через турецькі війни XVI і XVII ст. богато людей утїкало з полудня на підгіре карпатське і тут рущило ся; сьогодня дійсно богато між угроруськими селянами чистомадярських імен. Що нинїшня мадярська теріторія мала завсїди ті самі межі, помимо постійного напливу руського елементу, про те переконуе нас також богато фактів. В тих околицях нема ніяких звісток про руську церковну організацію. Переважно гр.-кат. *Яношіово* мало руську церкву аж від 1748 р. Документальні найдавнїйші звістки про руські парохії маємо з початку XV ст. (1418) про *Макаріово* і *Шаркадь*. Противно латинські парохії були в першій пол. XIV ст. в тих громадах, де теперь панує тільки «руська віра». Реєстр папських десятин із рр. 1333—1335 вичисляе ось які парохії: *Серне*, *Даровц*, *Барабаш*, *Мункач*, *Бучу*, *Чинадіяво*, *Варі*, *Тарпа*, *В. Атя*, *Марок*, *Чарода*, *Касонь*, *Мужай*, *Боршва*, *Форнош*, *Бодолов*, *Тівадар*, *Дрисино*, *Беґань*, *Іванівці*, *Кідьош*, *Гелейнеш*, *Бене*, *Жнятино*, *Ракош*, *Добронь*, *Береґсас*, *Берсґи*, *Б. В. Ардов*, *Намень*, *Брестово*. Взагалї перед XV ст. з нинїшньої руської теріторії згадують ся імена ледви деяких примежних громад, а з дальших хиба тільки *Чинадіяво* і *Свалява*. Деякі села були первісно без сумніву румунські (*Кендерешів*, *Коропець*, *Станово*, *Завидово* й ин.).

2) В цїлім комітатї 50% гр. кат., 27% кальв., 9% рим. кат., 14% жидів.

3) Мадярів 30.2%, Словаків 28%, Німців 4.6%. В р. 1890 (без війська) було: Русинів 34.4%, Мадярів 27.5%, Словаків 29.6%, Німців 7.6%; військо додае Мадярам а віднимає Русинам 0.2%.

шають ся обі народности, витворюючи навіть тим способом перехідну язикову полосу, й за тим ослабляєть ся абсолютна вартість лінгвістичного крітерія. Релігійний крітерій слабне тут також, бо й між Словаками єсть значне число греко-католиків. Без матеріялів, збираних на місци, без докладного розсліду західньоруських і східньословацьких діалектів, без історичного прослідження руської і словацької колонізації та релігійних обставин у минувшині—трудно говорити про докладне розмежованне Русинів і Словаків. Тимчасом таких дослідів ще дуже обмаль, і вони не дозволяють зовсім певно утвердити русько-словацьку межу. Коли переглянемо відповідну літературу й етнографічні карти, то вдарить нас величезна неодностайність що до сеї межі. *Фейньєш* був тої (хибної) думки, що в північній Угорщині греко-католиками єсть тілько Русини і Мадяри (окрім Румунів), про таких Словаків він не знав нічого, чи там не розумів, яка дійсна ріжниця між обома словянськими народностями, тому прибільшив дуже значно число Русинів в Угорщині. За ним пійшли дальші статистики й дослідники. *Черніг* та *Головацький* мали поважні сумніви, чи то все Русини, але їх розумінне дійсного стану було не зовсім ще певне, аби зірвати з тим популярним ідентіфікованнєм Русинів і греко-католиків[1]). Спис людности 1869 р. держить ся дуже дивного погляду і бере за Словаків найчистійших Руснаків *Спиша* і *Шариша*, а натомісць за Русинів має богато Словаків у середнім і південнім *Земплині*, так що карта зроблена на основі сього матеріялу була-б правдивим дивоглядом.

Від 1880 р. бачимо вже докладнійше розділюванне Русинів і Словаків[2]). Одначе при останніх двох списах угорський уряд почав новий, мало зрозумілий процедер, записувати цілі простори, руські без найменьшого сумніву, за словацькі. Не стану тут докладно означати всіх тих громад, що з ними статистика робила й робить безнастанні експеріменти, бо се розширило би отсю статю не в міру[3]), зазначу тілько метод, якого держав ся при розділї Русинів і Словаків. За основу взяв я три останні списи людности (1880, 1890, 1900) і комбінацією старав ся я віддїлити дійсні руські громади при помочи карти *Черніга*, брав під розвагу, окрім автопсії розділ словацьких і руських громад, зроблений компетентним чоловіком о. *Ставровським*[4]), монографію Словаків С. *Цамбеля*, який старав ся словацько-

---

1) На се прибільшуванне Русинів давнійшою статистикою дав позір А. *Петров* у «Замѣтках по Угорской Руси». Його словацько-руська межа близько сходить ся з нашою.

2) Записуванне деяких греко-католицьких громад перед 1880/1 за руські, а потому за словацькі, дало деяким некритичним ученим підставу до проголошування, що Русини буцїмто масово словачать ся. В останніх часах в тій ролї виступили мадярський учений *П. Балог* і чеський *Л. Нідерле*.

3) Се зроблено у статї «Причинки до пізнання...».

4) У розвідцї *Гнатюка* «Русини Пряшівської епархії».

руську межу означити дуже сумлінно, та язикові матеріяли, зібрані *Гнатюком* і *Верхратським*[1]). При тім одначе зазначено на карті всі ті словацькі громади, де є греко-католицька більшість; де є тілько така меньшість, там означено тілько схематично (лініями).

Та вернім до *Ужської* столиці. З 5 повітів руськими треба назвати 3, *березнянський*, *перечинський* та *ужгородський*. *Березнянський* належить до найбільше руських на цілій Угорській Руси. Русинів записано урядово 89·42%, навіть більше аніж греко-католиків. Жиди доволі часто виступають як Русини, але є й Русини записувані за Мадярів (найбільше у *Вел. Березнім*[2]). Громади з не-руською більшістю нема ані одної. Руська релятивна більшість в 1 громаді (*В. Березнім* 45·89%), але се мабуть тільки статистична фікція. *Перечинський* повіт так само належить до найчистійших (87·08%). Число Русинів переважає дещо греко-католиків. Мадяри і Словаки есть у значнійшім числі в громадах (*Перечині* і *Реметах*), дещо Німців в 1 (*Бистрім*). У всіх громадах абсолютна більшість Русинів[3]). *Ужгородський* повіт по урядовим жерелам тілько в третині руський (33·69%). Релятивна більшість в руках буцімто Мадярів. З огляду одначе на звістну тенденцийність мадярського уряду, можемо приняти на певно, що релятивна більшість таки по стороні Русинів[4]). Теріторіяльно займають Русини значно більшу половину повіта. На 55 громад переважно руських есть 33 гром., з тих дві (*Радванка* і *Середнє*) мають мати тілько релятивну більшість[5]), словацьких 12, мадярських 9[6]). Сам *Ужгород*[7]) має мішану людність. Найбільше мабуть таки Мадярів, Русинів у кождому разі у четверо більше, аніж урядово почислено (3·32%!)—велика частина греко-католиків сього

---

1) Таким способом можна було означити ті руські громади, де є руська більшість; натомісць означенне меньшостей просто неможливе; вони подані стілько, що у найновійшій статистиці. Остаточно хоч есть їх більше, то вони або вже пословачили ся і словачать ся тепер, або незабаром зіллють ся з корінним словацьким населеннем.

2) Тут есть теж значнійше число Словаків.

3) Громада *Поляна-Гута* мала бути колись словацькою, звідти її давнійша назва — Tót-Polena.

4) В 1890 р. мало бути Русинів 33.75, а Мадярів 32%, одже релятивна більшість руська. Сам *Унгвар* прибільшає сильно число Мадярів.

5) Офіціяльно записано в першій 27.8%, у другім 41.23% Русинів, в дійсности їх і тут і там більше; в *Середнім* таки абсолютна більшість.

6) Одна з них *Мінай* має греко-католицьку більшість. Мадяри виступають у значнійшім числі ще в отсих руських громадах: *Бараніеці*, *Дравці*, *Коритняни*, *Середнє*. З руських громад — *Глубока* має половину Русинів римо-католиків, а *Онокіеці* таки мало не у 3/4 римо-католицькі, тому то звичайно записувано се село до Словаків; в р. 1890 раховано тут 1/4 Русинів; *О. Брох* називає сю громаду словацько-руською.

7) Тут замічу, що уживана й нами назва *Ужгород* зам. *Унгвар* в дійсности в народі не жиє, се книжний переклад тілько, якого одначе нема причини відкидати, тим більше, що ввели його самі Угорські Русини.

міста (3947) мусить бути таки Русинами[1]). Між иньшими мадярськими громадами найбільше в *Довгім* (14%), між словацькими у *Нов. Німецькім* (5·45%)[2]).

Переходячи до *собранецького* повіта, що обіймає басейн Рибницького потока, треба при визначеню етнографічної межі—тут уже тільки словацько-руської — памятати ось що: безсумнівно руська есть тільки одна громада *Бенятина*, де люде говорять тільки по руськи. Самий північний кут повіта займає вже мішана полоса, де люде говорять двома мовами — руською і словацькою, ся остання бере помалу верх і можливо що по якімсь часї руський язик тут згасне[3]); сюди належать: *Поруба* (ще найбільше руська), *Підгородя*, *Хлївище*, *Гоньківці*, *Конюш* (уже найменьше руський). Третя полоса вже безсумніву словацька (хоч із сильними впливами русчини) простягаєть ся дальше до полудня і заходу. Таким способом на 51 громаду руських було б 6 (урядово тільки 2, крім *Бенятини* ще *Поруба*), а в них коли 2000 людей (урядово тільки 962). Окрім того живуть ще Русини розкинені по иньших словацьких громадах[4]).

Капушанський повіт не має анї одної переважно-руської громади, самі мадярські і словацькі. Тільки у мадярській *Йоври-Дармі* есть значнійше число Русинів (2·42%), так само у *Конциазї*, та ще в кількох иньших громадах по дещо[5]).

Головна етнографічна межа Русинів іде від місця злуки рр. Латориці і Старої на північ поміж потоками Циганським і Солотвинським, обходить від сходу й півночи *Хомець*, скручує на захід, відділяє *Часловець* від *Кори-*

---

1) *Фейньеш* зове *Унгвар* у більшости руським; се треба так розуміти, що тоді була в нім перевага греко-католиків.

2) Мадярсько-руську межу, хоч вона не представляє великих трудностей при визначенню, все-ж таки не завсїди подавано однаково:

	Фейньеш.	Черніг.	1869.	1880.	1890.	1900.
Бараничі.	рус. мад.	мад. рус.	мад. рус.	рус. мад.	рус. мад.	рус. мад.
Часловець	рус. слов.	мад. рус.	рус. слов.	мад.	мад.	мад. рус.
Довгополе	рус. мад.	рус.	мад. рус.	мад.	мад. слов.	мад. рус.
Хомець	мад. рус.	рус. мад.	мад.	мад.	мад. рус.	мад. рус.

3) Усе соціяльно-економічне житє сих громад звязане тїсно з словацькою теріторією, а відділене горами від руської.

4) Найбільше у Вж. *Рибниці*, *Гамрі*, *Нж. Рибниці* (13%), *Кристах*, *Йосї*, *Гажині*.

5) *Ботфалва*, *Павловці*, *Сенна*, *Сірте* й ин.; подальше на захід есть близше не означена скількість у *Капоші* та *Іщі*.

тнян і знов звертає до півночи, полишаючи на ліво мадярські громади: *Гомок*, *Кетерґень*, *Мінай* на *Радванку* і *Унґвар*, обходить від заходу *Доманинці* й *Онокінці*, дальше поміж річкою Криваком і Стровою іде до півночи, полишаючи на боці словацьку *Гуту*, потому звертаеть ся до заходу поміж потоками Липовцем і Собранецьким, обходить від заходу *Гоньківці* та *Хлївище*, доходить до границї комітата при жерелї Рибницького, обходить з півночи словацьке *Гамре* і знов від разу повертає до полудня, щоб забрати руську *Порубу* й опісля ще раз скрутити на північ до комітатської границї. Одначе з цїлого простору у собранецькім повітї безсумнївно руська есть тільки одна громада—*Бенятина*, поза нею межа ішла-б північною границею комітата[1]).

До сеї головної межі притикають мішані полоси: мадярсько-руська від *Часловця* і *Хомця* до Латорицї, така сама на просторі між *Ужгородом*, *Концгазою* і *Дармою*; дальше словацько-руська полоса коло *Пинковців* і *Нїмецького*—сильно перемішана з попередньою; так само на верхівях Рибницького і Порубського; окрім того есть два мішані острови, у *Кристах* і *Гажинї*, в яких одначе Русинів небогато. Розуміється, що малими громадками розкинені вони й по иньших мадярських і словацьких громадах, які одначе статистика мало де зазначає.

Коли в дотеперішнїх комітатах не богато (найбільше в *Угочі*) було таких громад, що мали мадярську людність грецького обряда, то в *Ужськім* комітатї маемо тільки одно таке село (*Мінай*); натомісгь греко-католицьких громад із словацькою мовою маемо тут богато, найбільше у *собранецькім* повітї. Вони означені на мапі окремою краскою. Коли проведемо пряму лїнїю від *Унґвара* до *Михайловець* над Лаборцем, то увесь трикутник по північнім боцї сіеї лїнїї мало що не увесь покритний такими громадами (понад 50% гр. кат. мае аж 31 громада); а навіть ті, де нема греко-католицької більшости, мають поважну таку меньшість (по правім боцї р. Уга есть 26 громад, а по лївім 2, де людей «руської» віри не меньше 20%). А як що рішить ся остаточно словацький характер громад: *Конюш*, *Гоньківцї*, *Підгородя*, *Хлївище*, *Поруба*—тодї вийде просто, що увесь басейн Рибницького і простір межи Лаборцем і Угом мае тільки одну чисто руську (по мові і вірі)—*Бенятину*, натомість 36 словацьких громад із понад 50% гр. католиків, а 26 громад із понад 20%; на иньші полишаеть ся тілько 9 словацьких громад.

---

1) Карта *Чернїка* подае сю головну межу дещо инакше. Мадярсько-руська границя, починаеть ся у нього тут же, що й у нас, але в дальшім до руських придано *Довгополе* й *Хомець*, натомість *Бараницї* являють ся мадярськими, так само *Радванка*. По противнім боцї Уга до руських громад почислено: *Вж. Нїмецьке*, *Орехову*, *Прикону* та ще мабуть ті, що між ними лежать (*Порубка* означена як словацька); подібно руськими у нього *Кушин* і *Калуша*, словацькі натомісць *Гоньківцї*. Поза тими ріжницями обі карти годять ся.

На сьому місци треба сказати кілька слів про питанне: звідки взяли ся отсї Словаки «руської» віри? Чи се пословачені колишнї Русини, чи Словаки, що приняли словянський обряд? Не заходячи далеко в розбір сього питання, зазначу тілько головний вислїд моїх дотеперішнїх дослїдів на сьому полї, який можна зібрати в ось які пункти:

1) Головна племінна межа русько-словацька протягом довгих столїть майже не переміняла ся і була така як сьогодня.

2) Коли розпочала ся в XIII а головно в XIV ст. руська міграція від півночи, в басейнї Рибницького була вже людність словацька.

3) Русини осїдали від початку також поміж Словаками, приймаючи поволи їх мову, уводячи одночасно богато руських елементів (лексику) у мову словацьку і подаючи тим окремий діялектичний характер сїй частинї словацького язика, що зоветь ся східнїм[1]), з більшими або меньшими ріжницями, в міру того, чи наплив руського елементу був більше чи меньше живий. Якийсь час задержували руські колонїсти свою мову, але поволи молодші поколїння підпадали що раз більше ассіміляції до словацького язика.

4) В деяких історичних часах, наперед XIII—XIV ст., опісля XVII—XVIII був міграцийний рух такий значний, що «руська» віра брала дуже часто верх, а навіть в часї католицько-протестантської боротьби могла ассімілювати людей иньших конфесій.

5) Руські колонїсти серед Словаків, приймивши навіть словацьку мову, довго не переставали себе звати Русинами (Руснаками) на означенне своєї релїгійної окремішности. Се есть в части й доси, хоч звичайно потомок тих Русинів говорить тепер, що його віра «руська», але мова «словенська». Сей ассіміляцийний процес був давнїйше ще стілько живійший, що словацький язик мав ся за «панський», яким говорила північно-угорська шляхта і міщанство. Як що таким пословаченим Русинам приходило ся переходити на нові оселї, прим. між Мадярів, Нїмцїв, Хорватів, а традиція племінної окремішности була ще жива, то на нових оселях назва «руськости» полишила ся у них не тілько для означеня конфесії, ане навіть для мови і взагалї національности, хоч вони обективно вже нїщо иньше як східнї Словаки (сюди належать т. зв. Бачванські Русини й ин.).

5. Землин (Земплин).

Землинська столиця по *Мароморошській* найбільша у північно-східній Угорщинї. Дїлить ся вона на три етнографічні полоси: північна найменьша

1) На нашій мапі тілько *Гимир* належить уже до західньої словацької групи.

руська, середня — словацька з руськими колоніями, південна найбільша — мадярьска. Перша обіймає самі верхівя рік Лаборця й Ондави, друга простягаєть ся над сими обома ріками і Топлею аж до сполученя сих рік з собою і Угом, третя попад Бодрогом по Тису. Числові відносини всїх трьох народностей подібні: найменьше 34.831 (11%) Русинів, 106.114 (32%), Словаків, а найбільше 174.107 (53%) Мадярів [1]). Племінні відносини в сїм комітатї доволї не ясні і не тілько урядові означення показують ся часто дивовижні, але й дослїдники дуже мало годять ся з собою [2]).

З 10 повітів переважно руські громади мали-б бути, по офіціяльним датам, тілько у 4 (*снинськім*, *гуменськім*, *стропківськім*, *воронівськім*), в дійсности у 6 (ще у *сечовецькім* і *токайськім*). Тут ріжниця тілько у руських колоніях, що їх уряд записав словацькими і мадярськими. Одначе й на головній руській теріторії є значні ріжницї між урядовою статистикою й отсею картою. Що до *снинського* повіта (долини: Ублї, Улички й гор. Цироки), то сей майже цїлком руський: 45 громад руських (з тих одна — *Зубне* — не зовсїм певна), 4 словацькі (*Снина*, *Цироцка Бела*, *Длуги*, *Папин*) [3]). З поміж словацьких громад *Длуги* мають найбільше Русинів 2·14%, та буцїмто зовсїм нема у *Ц. Белї*. Зогляду, що словацькі громади майже найбільші у повітї, тому обнижають число Русинів на 70% (урядово 68·22) [4]). *Гуменський* повіт (долина гор. Лаборця) руський у північній половинї. Значнїйшої ріжницї між сею картою й урядовою статистикою нема. Словаки мають мати релятивну більшість, а Русинів третина (32·57%). Руських громад 30, з поміж них найбільше чужих елементів єсть у *Межилабірцях* (Русинів 53·8%). Жиди записували ся за Нїмцїв, Мадярів, а навіть за Словаків, а найменьше за Русинів [5]). Що до двох громад єсть деякі сумніви, чи можна їх порахувати між руські, себто *Дєдачовцї* і *Машковцї*. Навіть знавцї означали їх як словацькі; на дїлї панує у них кріпко перемішана мова, що зовсїм природно виходить з їх географічного положіння. Може коли й дійсно стануть вони такими як згадувані вже села у собранецькім повітї (Уг); до них можуть з часом и прилучити ся й *Валашківцї*. На словацькій теріторії єсть дещо Руси-

1) В р. 1890 відносини сї були иньші: 10%, 36% і 47%, але з сих ріжниць не можна нїчого певного витягнути.

2) Ріжниць не означуємо подрібно, бо їх богато; про се близше у моїх названих висше статях; окремішности карти *Черніга* подані при кінци.

3) Урядово (1900): 43 руські, 6 словацьких (ще *Зубне* і *Нехвалъ-Полянка*). В чому відхиляєть ся карта від статистики 1900 р., показують процентові числа Русинів при кождій громадї.

4) Значнїйше число Словаків єсть ще в руських громадах: *Грабовецъ*, *Зубне*, *Стакчин*, *Убля*; у *Стакчинї* і *Телепівцях* єсть навіть дещо Поляків.

5) С. *Рокитівцї* мало бути 1890 р. римо-католицьке (?), 1900 р. воно греко-католицьке.

нів у *Гуменнім* (0·41%), *Коханівцях* (3·87%), *Порубці* (2·3%), *Каменниці* (0·8%), *Тополівці* (0·5%)[1]) та ще мабуть у *Лісковцях*. Сусідній до заходу *стропківський* повіт має урядово тільки 23 руські громади на 65 усіх—всі иньші словацькі. По моїм обчисленям словацьких громад тільки 15, всі иньші руські[2]). Замкнену теріторію мають Словаки серед Русинів коло *Стропкова* (*Стропків*, *Гоча* і *Брежниця*), з півдня втискають ся Словаки клином між Русинів над Ондавою (*Кельча*, *Петейовці* і *Туряни*). Два села: *Петрівці* і *Пакастів* тільки до половини руські, Словаки тільки мало перемагають Русинів (урядово 44·14%, 31·88%). Як відірвані руські острови виступають два руські села: *Рафаївці* і *Гіровці*, положені дуже недалеко головної руської теріторії. Що до сього другого, то панує в нім мова так пословачена, що зачислювано його між словацькі громади (у *Гнатюка*), тому то се село означено як не зовсім певне. Так само ще три иньші громади з головної теріторії можна назвати непевними, а се прибережні: *Грабовець*, *Рогожник* (у *Цамбеля*) і *Руська Кайня* (у *Гнатюка*); сей зазначено на мапі. Гурт Русинів мусить бути у *Голчиківцях* (урядово тільки 2!), а вже без сумніву мусять вони бути у тих словацьких громадах, що всунені у руську теріторію, хоч урядово їх там майже цілком нема. Число всіх Русинів трудно докладно означити, урядово есть їх 27·37%, в дійности есть їх не меньше 60%.

В иньших повітах сієї столиці маємо тільки руські острови. У *воронівськім* повіті одні тільки *Петківці*[3]) лучать ся з головною руською теріторією. Дальше на південь, по обох боках Ондави, висунені два руські острови: *Руський Кажимир* і *Штефанівці*[4]). Чисто руське *Банське* і русько-словацький *Давидів* з сусідніми дрібними колоніями належать уже до більшої руської групи, що входить також у *сечовецький* повіт, й обіймає ще два села: *Цабів* і *Бачків*[5]). У *михалівськім* повіті руських громад цілком нема, дещо Русинів зазначено тільки у 3 громадах[6]). У повітах переважно мадярської полоси маємо тільки одну руську громаду: у *токайському* повіті с. *Камлошку*[7]). В кількох громадах того-ж повіта має

1) Переважно польська громада.

2) Ріжниця у громадах: *Бжани*, *Бистра*, *Бокша*, *Брусниця*, *Валків*, *В. Владича*, *Н. Владича*, *Гавай*, *Грабовець*, *Детрик*, *Зем. Дрична*, *Шар. Дрична*, *Колбівці*, *Крижлівці*, *Маківці*, *Микова*, *Мразівці*, *В. Ольшава*, *Поляна*, *Рогожник*, *Зем. Сташківці*, *Шар. Сташківці*, *Токайк*, *Шандал*, *Якушівці*, *Гіровці*.

3) З дослідників *Цамбель* поставив її між словацькі.

4) Дещо Русинів есть ще у всіх сусідніх селах від *Рафаївців* почавши до *Рудльови* коло Топлї і *Седлиск* коло Ондави.

5) У 1900 р. оба буцїмто переважно словацькі. *Цамбель* зове *Бачків* таки словацьким. Незначне число Русинів подане ще у кількох иньших громадах сього повіта.

6) У *Михалівцях*, *Паздишівцях* і *Гаталові*.

7) 1900 р. подано за переважно мадярську, 1890 за руську, 1880 за словацьку (!), 1869 за руську.

бути теж по кількох Русинів[1]). В *уйгельськім* повітї мають бути Русини тілько одиницями, найбільш у Шарошпатаку (8)[2]), так само у *бодрогськім* повітї[3]), а в *серенчськім* майже нема цїлком (1).

Головна границя Русинів у *Земплинській* столицї така: З *Уга* вступае на західнїй межі *снинського* повіта і на півночи від *Валашківців* скручуе до північного сходу, обходить від сходу та півночи *Снину* і знов добігае повітової межі над р. Удавою, звідси вихиляеть ся до південного заходу аж по Лаборець, забираючи руські *Машковцї* і *Дедачовцї* і повертае назад на Удаву понизше *Папина* й обходить з півночи се село, звертае на захід понизше *Рокитова*, *Берестова*, *Руської Кайнї*, *Рогожника*, *Пискорівців*, *Грабівця*, обходить від сходу і півночи словацькі: *Петейовцї* і *Туряни* та біжить назад долї р. Ондовою, перед слов. *Трепцем* повертаеть ся до заходу, займае руські села: *Детрик* і *Петківцї* та повисше *Скрабського* горі рікою Топлею входить у *Шаришську* столицю. На тій руській теріторії есть словацька група коло *Стропкова*. Мішані, словацько-руські полоси (коли тут взагалї можна про них говорити) є у *Длугих*, *Папинї*, *Петрівцях* і *Пакастові*, *Голчиківцях*. На словацькій теріторії есть окрема руська група з 3 сїл, до того 2 близші собі і 2 одинокі руські острови серед Словаків, а 1 серед Мадярів[4]).

Землин — се другий комітат, де бачимо богато Словаків грецького (руського) обряда. Як в *Угу* так і тут переважна їх частина — се колишнї захожі Русини з півночи, які з часом підпали добровільній ассіміляції. Се словачене робить тільки невеличкі поступи на головній словацько-руській границї, натомісць на наших очах гине руська мова в середнїм *Землинї*, понайбільше на тій самій географічній ширинї, що й аналогічна полоса в *Угу*. Як там, так і тут визначено окремо на мапі тільки такі громади, де греко-католиків висше 50%, есть їх разом аж 36, не кажучи про згадувані вже в горі сумнївні (8 громад). Всї вони збили ся у дві більші групи, одна

---

1) *Бодрог-Оласі*, *Ердивбене*, *Оласліска*, *Регейціґаромґута*, *Токай*. Чи за тими одиницями криють ся справдешні руські колонїсти — годї сказати.

2) Та ще у *Колбаші*, *Вел. Торонї* й ин.

3) *Аґард*.

4) При порівнанню висше сказаного з картою *Черніґа* виходять деякі ріжницї. У *Черніґа* руськими означені *Порубка* і *Петейовцї* (мабуть!), натомісць за словацькі подані: *Дедачовцї*, *Петківцї* й острови, хиба тільки з руськими меньшостями. Одна тільки *Воля* над Лаборцем, *Комлошка* коло *Шарошпатака* і *Добра* межи Тисою та Боршою означені за руські. Виходить, що ассіміляцийний процес дійшов уже в першій половині XIX ст. вже до того, що руські острови серед Словаків можна було мати за загалом словацькі. *Черніґові* руські меньшости дуже розгалужені, так що докладно годї їх переповідати. Словацька теріторія майже вся покрита ними (найменьше коло *Гуменного* і в клинї між Ондавою та Топлею); на мадярській бачимо одну групу коло *Шат. Уйгеля* і *Шар. Папака* по обох боках Бодрога і Божви), другу на сходї між Тисою і Боршою, третю вокола *Серенча*.

вздовш правого боку Топлї коло *Сечовець* і *Требишова*, друга між Ондавою і Лаборцем повисше *Михалговець* як продовженне такої самої ужської групи. По за сими групами маємо тілько поодинокі греко-католицькі острови: на півночи 6 громад, між ними *Петейовцї* майже замкнені руською етнографічною теріторією, бо *Порубка* таки належить до ужської групи; на полуднп єсть тілько 2 острови. Таких громад словацьких, де «руський» обряд чи- слить висше 20%, маємо більше 60-ки; згуртовані вони переважно між долїшньою Топлею й Лаборцем. Зовсїм без греко-католиків нема майже словацької громади в *Землинї*. Руську групу повисше *Сечовець* треба мати не за що инше як тілько за останки великого колись простору, сколонїзованого перед столїтями Русинами; гірський характер околицї, комунїкацийні труд- ности були причиною, що в 3 селах таки ще говорять по руськи, як не виключно, то в переважній частинї. Сей процес словачення зайшов уже далеко в *Давидові* і *Порубцї*, яка певно ще не так давно мусїла бути переважно руська.

Розуміється — усе що тут сказано про Словаків грецького обряда, mutatis mutandis треба приложити й до греко-католиків з мадярською мовою. Одна група повисше *Шаторальяуйгеля*, друга на схід від першої недалеко Тиси, та ще дві з окрема над Бодрогом — разом 11 громад, а при них одна з словацькою мовою (*Н. Регмец*). Греко-католицькі меньшости єсть скрізь по мадярській теріторії.

6. Шариш.

Ся столиця належить тілько двом племенам (друга після Угочі), себто Словакам і Русинам, у відносинах 3 : 2. Тут урядово подано число Русинів на 33.988, себто 19·48%, в дїйности єсть їх там коло 22·5%, себто близько четвертина усеї людности[1]). Найбільше руський повіт — то *маковицький* (басейн гор. Ондави), бо має понад 70% Русинів (урядово 53·19%)[2]). Словацьких громад єсть тілько 4 (*Местіско*[3]), *Стебницька Гута*, *Шмільно* і *Зборів*), 2 з них то лишень острови серед Русинів, всї иньші (70) руські. Словаки живуть у більшім числї у *Сорочинї*, *Тишинци* і *Дуплинї*[4]); Поляки

1) Словаків має бути 66%, Мадярів 6.3%, Німців 6.2%; 1890 р. були ті числа (без війська): 20.8%, 66.9%, 3.4%, 7%; військо додає Мадярам 0.2%, Німцям 0.1%, Русинам відбирає 0.2%, а Словакам 0.1%.

2) Ріжниця у громадах: *Тишинець*, *Сорочин*, *Грибів*, *Пстрина*, *Сухе*, *Кожухівцї*, *Мироля*, *Бодружал*, *Прикре*, *Н. і В. Комарник*, *Крайня Бистра*, *Гавранець*, *Домоня*, *Свидничка*, *Кружльова*, *Капишова*, *Чернина*, *Рівне*, *Стебник*, *Регетів*.

3) У сїм селї панує радше польський діялект, анїж словацький.

4) Сї останнї три села означені на карті як руські, але сумнївні. Прилежні вони словацьким громадам коло *Стропкова*, тому людність говорить у них обома мовами. Перемішані були вони мабуть з давна.

окрім *Местиска* ще в обох *Свидниках* і *Рівнї*. *Топлянський* повіт (на середній Топлї) тілько в малій частинї руський, на правий бік Топлї виходить тілько одна руська громада *Влача*, але й на лївому боцї не всї села руські. Всїх руських громад 21[1]), з тих 1 творить острів серед Словаків—*Фулянка*. На руській теріторії маємо замкнений словацький острів в *Радомі* й *Окрузлім*, який разом із *Стропковом* та *Местиском* творять одну чужоплемінну групу. З руських громад *Брезівка* має мати близько половину (?) Словаків, за те серед словацьких громад більше число Русинів есть у примежних: *Ласцові*, *Кручові*, *Марґанї*, *Кокинї*, *Керешфеї* і *Шмільнї*, та у словацьких островах. Дальший на захід — *секчівський* повіт руський тілько у меньшій частинї, має 25 руських громад, переважно на верхівях Топлї[2]). На руській части того повіта есть 1 словацький острів: *Ленартів*, а на словацькій частинї 1 руський острів—*Решів*. Більші гурти Словаків есть теж у руських селах: *Грабське* та *Львівська Гута*. У словацькій части повіта дещо Русинів зазначено у *Бардієві* (0·23), але есть їх там без сумнїву більше. В иньших нема Русинів майже цїлком (?). Загальне число Русинів у повітї повинно бути коло 27% (ур. 23·71%). *Вижньоториський* повіт (басейн горішньої Ториси і середнього Попрода) на 58 громад есть 24 руські[3]), але руської людности не буде більше 33% (ур. 31·61%). Села *Плавниця*, *Плавеч* і *Лyботинь* творять словацький острів між Русинами та Поляками і Нїмцями у *Спишській* столицї. *Ренчичів* (над М. Свинкою) есть руським островом між Словаками. Дещо Русинів есть у *Кривянах*, *Литянах*, *Брезовицї* і *Сабінові*. Натомісць значне число Словаків есть у *Громоші*. *Широцький* повіт словацький. У ньому тілько 2 переважно руські села: *Клемберк* і *Миклушівцї*[4]), дещо Русинів есть у *Седлицях*, *Руськім Новім Селї* коло *Прешова*, та у самім *Прешові* — тілько певно більше, анїж урядово записано[5]).

Головна руська межа у сїй столицї дуже крута: над Топлею виходить із *Земплинської* столицї, біжить горі Топлею, займаючи на правім боцї *Влачу* а полишаючи по лївім боцї словацькі: *Мичаковцї*, *Ґіралтовце*, *Брезов*, *Ласців*, *Марґань*, *Кучин*, *Куриму*, *Дубину*, *Грабовець*, звідси скрутом обіймає з півночи *Гажлин* і знов доходить до Топлї понизше *Біловежи*, звідси іде на північ полишаючи словацькі: *Бардієвську Нову Вес*, *Длугу Луку*, *Зборів* і *Шмільно*, дальше скручує на захід, перетинаючи р. Яругу. Всьому

1) Ріжниця: *Бенядиківцї*, *Фулянка*, *Кобулъниця*, *Щавник*, *Влача*.

2) Урядово тільки 21; ріжниця: *Боглярка*, *Криве*, *Крижє*, *Мальців*.

3) урядово 21, ріжниця: *Громош*, *Олїйник*, *Пусте поле*.

4) Урядово тільки Миклушівцї, і вони ще дійсно з цїлої групи руських колоній заховали найбільше руського характера.

5) У нижньориському повітї нема цїлком Русинів, статистика показує їх тільки 2.

місци можна покласти край суцільній етнографічній теріторії Угорської Руси. Тут зійшли ся вони клином при самій державній границї. Трохи дальше руська теріторія розширяеть ся знов до полудня. Межа іде наперед попід *Стебник*, *Тварижцї*, повисше *Габолтова*; звідси повертаеть ся на південь, перетинае Топлю на заході від *Тарнова* іде правим боком р. Солотвини займаючи і руське с. *Криве*, а коли доходить до водного розділу рр. Топлї, Секчова і Ториси, сходить у басейн Секчова і забирае там чотири близькі до себе руські громади: *Завадку*, *Гералтик*, *Жаткївцї*, *Городиско*, дальше іде в напрямі західнїм у басейн Ториси, понизше *Шоми*, *Яковян*, обіймае з заходу *Ганиґівцї*, а з півночи словацькі *Лучку* і *Каменицю*, дальше розділом води Попрада і Ториси, забираючи над сею останьою два горішнї руські села: *Штельбах* і *Блажів*, та тут переступае у *Спишську* столицю[1]). Мішана словацько-руська полоса виступае в кількох місцях: *Мичаківцї*, *Ласців*, *Кручів* і *Морґань*, *Шмільно*, *Ганиґівцї*, *Кривяни*, *Липяни*, та у словацьких островах, яких есть 4 (а 5 громад). Руських островів есть 4 (а 5 сїл).

І тут треба зазначити ті села, які не дають зовсїм ясного крітерія своеї словацькости або руськости, творячи перехідний елемент. Прим. *Цамбель* мае за словацькі села: *Влачу*, *Фулянку*, *Клемберк*, *Громош* і *Пустеполе*; *Гнатюк* називае знов словацькими ще отсї: *Дурдьош*, *Герлахів*, *Гералытик*, *Завадку*, *Жаткївцї*, *Яковяни* і *Миклушівцї*, а руською — *Стебницьку Гуту*. Тут можна би поновити усе те, що сказано висше при подібній прояві у *Землинї й Угу*[2]).

Звісну нам прояву греко-католицьких Словаків маемо скрізь по столицї, окрім тільки сїл над горїшньою Свинкою; у більшости вони в отсих громадах: *Квачани*, *Седлицї*, *Лубовець*, *Кокиня*, *Керешфей*, *Руська Нова Весь*, *Абрановцї*, *Варґановцї*. В деяких із них процес словачення ще не скінчив ся, як показують малі числа Русинів у них і богата руськими елементами мова.

---

1) Як бачимо руська теріторія у *Шариши* ділить ся на дві частинї, мало тільки злучені з собою *(Стебник)*, а поміж них всуваеть ся, близько до самої границї Галичини, словацька теріторія. Для історії руської колонїзації ся обставина важна. Виходить, що західній Шариш та Спиш був мабуть зайнятий Русинами з Галичини. До того на середнїй словацькій частинї комітата маемо всї найдавнїйші (XII—XIII в.), оселї, а з сього логічний висновок, що взагалї шаришська колонїзація руська була доволї пізна.

2) Даючи позір на карту *Черніґа* зазначимо ось які відміни: *Стропківська Ольха* (!), *Дурдьош*, *Влача*, *Дуплин (і Местеко?)*, *Фулянка*, *Ековяни*, *Олїйник*, *Н. Тварижцї*, *Громош*, мабуть і *Пустеполе*, а навіть *Обручне*, *Лешава* і *Липник* — словацькі; за те *Гоча*, *Радома*, *Окрулле*, *Ленартів* (!), *Седлицї*, *Керешфей* і *Новавес* — руські. Ріжниць в означенні руських меньшостей не відмічаемо докладно, бо протягом більш анїж пів сотки лїт відносини в колонїях могли дїйсно змінити ся. Громадять ся вони по лївім боцї Ториси коло землинської границї, коло *Решова*, *Фулянки* і *Клемберка*.

7. Спиш.

Сей комітат обіймає верхній Попдрад, верхній Гернад і правий бік Дунайця. В історії грав ролю важних політичних воріт між Угорщиною, Польщею й Русю. Відповідно до сього історичного значіння сієї землї уложили ся й племінні відносини. Чотири племена сидять тут побіч себе, не зараховуючи найменьших числом Мадярів, які не займають тут (так само як у *Шариши*) нїякої суцїльної теріторії. Сюди належать: Русини, Поляки, Нїмцї і Словаки[1]). Що до перших, то у сїй столицї маємо закінченне головної теріторії Угорської Руси. Кінчить ся вона двома раменами, що розділили ся ще у *Шариши*. Північне рамя, по лївім боцї Попрада, лучить ся з галицько-руською теріторією, південне рамя кінчить ся у формі півострова на вступі до сеї столицї. Північне рамя обіймає громади: *Сулин*, *Кремпах*, *Гранастів*, *Мнишик*, *Орябину*, *Камінку*, *Литманову* — у *старолюбовеньськім* повітї[2]), та *Фольварк* і *Вел. Липник* — у *старовеськім* повітї. Південне рамя обнимає: *Якубяни* у *старолюбовеньськім*, *Годермарк* у *кежмаркськім*, *Ториски* і *Н. Репаші* — у *левоцькім*, *Ольшавицю* і *Подпроч* — у *подградськім* повітї[3]). Окрім тих двох рамен маємо руські острови. *Остурня* у *старовеськім* повітї — найдальше до заходу посунене руське село. На правому боцї Гернаду у повітах *гнилецькім* і *нововеськім* маємо доволї великий руський простір, зложений із 5 сїл: *Виж.* і *Ниж. Словинок*, *Порача*, *Завадки* і *Гельцманівцїв*. На захід від сеї групи лежить руський острів *Койшів*[4]). Окрім того Русини є у 3 словацьких громадах: *Гобгарт*, *Виж. Репаші*, *Павляни*, й 1 нїмецькій — *Шмельницькій Гутї*. У дрібнїйшім числї розкинені у 5 громадах[5]).

З усїх спишських громад деякі сумніви що до своєї приналежности може мати тілько *Подпроч* (у *Цамбеля* словацький) і *Гранастів* (у сьогож — польський), хоч инші свідоцтва велять оба сї села назвати руськими.

Отся карта перша, що визначає на *Спишу* Поляків. Усї дотеперішні мапи знали на їх місци тілько Словаків, так само й урядові переписи. В дїйсности в долинї Дунайця і в части Попрада живе до 20.000 (яких 9%)

---

1) Урядово раховано 1900 р. 14.333 (8.3%), без війська 13.913 (8.2%) — Русинів, але се число треба збільшити хоч до 9.1%; Словаків мало бути 58.2%, Нїмцїв 25%, Мадярів 6.2%, Поляків буцїм не було майже (низше 1%).

2) Статистика 1900 р. села: *Кремпах*, *Гранастів* означає як словацькі. Сей повіт найбільше руський, урядово числить 35.27% Русинів, але можна се число піднести до 38%; релятивна більшість словацько-польська.

3) По статистицї 1900 р. *Ториски*, *Репаші* і *Подпроч* — словацькі.

4) Урядово *Гельцманівцї* і *Койшів* — словацькі.

5) *Недеца*, *Галїговце Ріхвальд*, *Колачково*, *Лейбіц*, *Гелніц*. Значне число (414) подає статистика у Левочі, але сюди входять переважно вояки з *Мармароша;* так само мабуть в *Ілові*.

людности, що говорить діялектом польскої мови. Правда, людей сих з погляду національно-культурного, а ще меньше з політичного, годі позвати Поляками і вони самі себе мають за Словаків і так подають себе при переписуванню. Такої недостачі свідомости своеї племінної окремішности як в угорських Поляків (ще більше есть їх по західнім боці Татрів) нема на цілій Угорщині, тому то — як дотепер стоїть справа — можна було їх зовсім ігнорувати, всеж таки означено їх на сьому місці окремо, тим більше, що головний крітерій був тут язиковий[1]). Крайні руські села, як *Гранастів*, *Мнишик*, а головно *Остурня* говорять навіть мовою сильно спольщеною.

Головна етнографічна межа входить із *Ша́риша* у *Спиш* на вододілі Гернада і Ториси, розділяе *Ольшавицю* від *Брутовців*, обіймае *Подпроч* і скручуе до заходу обіймаючи долину верхньої Ториси входить у басейн Попрада, забираючи з над Ломницького потока руське село *Годермак*, а з над Якубянською п. *Якубяни*, повертае назад у *Шариш*, обходить від сходу знаний нам словацький острів над Попрадом (3 громади), повертае знов на захід до Попрада і спишської границі повисше *Матисової*, біжить понизше *Орябини* і *Камінки*, перескакуе у басейн Дунайця загортаючи два крайні руські села над р. Липниковою, і не доходячи самого Дунайця повертае через границю на галицький бік, щоб захопити і тут крайні руські села: *Шляхтову*, *Чорну* і *Білу Воду*, повернути назад у Спиш, виминути з полудня русько-польський *Пільгів*, і понизше *Мнишка* (польсько-руського) перейти на правий бік Попрада у Галичині, в напрямі *Н. Санча* і *Грибова*.

Таким способом означена русько-словацька етнографічна межа (до жерел Ториси), руська-німецька і русько-польська (з перервами аж до виходу Попрада). Руська група по правім боці Гернада мае в сусідстві як Словаків так Німців, *Остурня* — тілько Поляків[2]). Інтересно, що хоч тутешні руські громади ще від початку XIV чи кінця XIII ст. входять клином і островами у словацьку теріторію, все таки, поминаючи непевний *Подпроч*, маемо тут тілько одну словацьку громаду у більшости своїй «руського» обряда (*Лачнов*)[3]). Правда есть і в иньших такі Словаки, та вони всюди е тілько меньшостями серед корінних Словаків.

---

1) Літературу до спишських Поляків подали *Нідерле* і *Цамоель*. Взагалі польська колонізація на Угорщині мабуть давнійша руської. Руські осади на Спишу мають документальні свідоства ледви з початку XIV ст. (*Остурня* 1313).

2) Карта *Черніга* тим тілько не годить ся з нашою, що на ній *Кремпах*, *Гранастів* і *Мнишик*—словацькі (польські); поза сим нема майже ніяких ріжниць.

3) Говорять там, що правда, словацькою мовою, одначе так сильно підмішаною русчиною, що до певного степеня можна-б назвати *Лачнів* руським.

II. Острови й колонії.

Про острови й колонії в комітатах, де есть масова руська теріторія, говорено вже висше. З них найдальше відсунена *Комлошка* у *Землинї*. Тепер переглянемо иньші столиці Угорщини, почавши з близших, ідучи від сходу до заходу. При визначуванню руських колоністів в сих краях майже не можна ужити иньшого жерела як тілько урядової статистики, яка тут очевидно анї трохи не стає певнїйшою як усюди. Не маючи можности докладнїйше контролювати і критично провірювати урядові дати, обмежаємо ся переважно на датах 1900 р., вказуючи при сьому й головнїйші ріжниці в давнїйших означенях, головно на карті *Черніга*.

Сатмарська столиця протикає аж до трьох «руських» комітатів, тому від давна напливала до нього руська людність. Східня й південна частина *Сатмара* зайнята переважно румунською людністю, і тут Русинів майже не бачимо, не тому, щоб їх зовсїм не було — вони були й есть, тілько з Румунами задля спільности віри скорше ассімілюють ся. Найбійльше повинно їх бути у *Вел. Банї* (Nagybánya) де в р. 1900 записано 50 душ (0·45%), в дійсности буде їх там геть більше. На румунсько-мадярській межі бачимо групу громад[1]), недалеко південної границї *Угочі*, з руськими колоністами. Найбільше визначено в *Шаркиз* (Sárköz) — 55 душ (2·6%), потім в *Араньош-Медьеш* — 19 душ (0·6%) дальше до заходу, теж недалеко угочської границї есть руські колоністи у двох селах; *Шар* і *Рожаль*. Над р. Самошем, коло *Сатмар-Неймеmi*, маємо третю групу, найбільше у самому головному містї — 45 душ (0·17%), на правду буде їх там більше.

Четверта велика група громад із руськими колоністами лежить при західній границї, де переходить у *Саболч*. Обнимає вона: *Парасню*, *Овпалї*, *Фабіянгазу*, *Державів* (*Держ*), *Нїр-Часарі*, *Гебе*, *Нїр-Вашварі*, пусту *Терем* (приналежну до *Мерк*) і на крайнїм південнїм заходї *Пенейслек*. Що правда урядова статистика з р. 1900 не подає в них або зовсїм Русинів, або тілько одиницями (найбільше — 8 (0·6%) у *Вашварі*), але се певно, що есть їх там більше, навіть иньші села в сїй сторонї, що їх на карті не визначено, мусять мати деяку скількість руських жителїв (*Годас*, *Канторяношi*, *Матейсалка*, й ин.). Згаданий висше *Пенейслек* (Penészlek) можна назвати навіть чисторуським селом. Ще в р. 1890 записано його переважно руським, а весною 1903 р. був у ньому *В. Гнатюк* і знайшов його таки зовсїм руським. По трохи есть Русинів і в сусїднїх селах.

Поза названими групами подає статистика в дрїбнім числї Русинів скрізь по північнїм і західнїм *Сатмарі*, та крім *Порчалми* годї напевно го-

---

1) *Шаркиз*, *Шаркиз-Уйлак*, *Йовжефгаза*, *Араньошмедьеш*.

ворити про їх тривку осілість, та можливо, що поза одиницями статистики криють ся і більші колонії.

Усїх Руснів в *Сатмарі* урядово раховано в р. 1900 на 279 душ (без війська 270), на дїлї треба до сього числа додати ще хоч 1000 [1]). Звісних нам Мадярів греко-католицькаго обряда маємо тут скрізь богато. Деяка частина їх повстала певно з Румунів, але й богато з колишнїх Русинів [2]).

1) Офіціяльно 63% Мад., 33% Румунів, 3% Німців а 00% Русинів (без С.-Нейметі есть їх 01%). В р. 1890 раховано Русинів 1348 (0.4%).

2) *Шаркиз-Уйлак, Шар, Рожаль, Как, Парасня, Овпалї, Держ, Часарі, Вашварі, Терем* — мають понад 50% гр. кат.; зовсім без них майже нема одної громади.

Для означення, як поступала у XIX ст. мадяризація Русинів у *Сатмарі*, и для критичної оцїнки поодиноких звісток—подаємо побіч себе ріжні вказівки від *Сірмая* почавши:

	Сірмай.	Фейньеш.	Черніг.	1869.	1880.	1890.	1900.
Беренд	мад. рус.	рум. мад.	мад. рум.	рум. мад.	мад. рум.	мад. рум.	мад. рум.
Годас.	мад. рус.	мад.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Гебе	мад. рус.	мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Держів. . . .	рус.	рус.	рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.
Йовжефгаза. .	мад. рус. нім.	рум. нім. мад.	мад. нім.	рум. нім. мад.	рум. мад.	м.рум.нім.рус.	мад. рум. рус.
Как	рус.	мад.	мад. рум.	мад.	мад.	мад. рум.	рум. мад.
Нїр-Часарі . .	рус. слов.	рус.	рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Нїр-Вашварі .	рус.	мад. рус.	рус.	мад.	мад. рум.	мад.	мад.
Овпалї . . .	?	мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Пенейслек . .	рус.	рус.	рум. (!)	мад. рус.	мад. рус.	рус. мад.	мад.
Порчалма. . .	мад. рум. рус.	мад.	мад. рум.	мад.	мад.	мад.	мад.
Рожаль. . . .	мад. рус. слов.	мад.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
пуста Терем .	?	?	рус.	?	?	мад.	мад.
Фабіянгаза . .	мад. рус.	мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Шар	рус.	рус.	рус.	мад.	мад.	мад.	мад.
Шаркиз. . . .	мад.	мад. рус.	слов. мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад. слов. рус.
Шаркиз-Уйлак	мад. рус.	мад. рус.	слов. мад. рус.	мад. рус.	мад.	мад.	мад.

Із названих висше громад *Шаркиз-Уйлак* на початку XVIII ст. (Magyarország népessége a pragm. sanctio korában) згадуєть ся як заселена «мараморошськими Русинами»; так само у *Ветейші* (Vetés) мало тодї бути 16 руських родин із Марамароша, в урядових записах XIX ст., крім *Черніга*, не подибуємо вже там Русинів, тільки в 1900 р. воно мадярсько-румунське, з 37 (0.4%) Румунами. Згаданий Сірмай подає звістку, що румунське тепер село *Felső-Fernezely* (*Фріза*) було в р. 1690 заселене Русинами з Марамароша і якийсь час називало ся Felső-Orosz (II, 357). Кілька топографічних назв, уроблених із слова «orosz», що подибують ся в ріжних сторонах Сатмара, велить також догадувати ся, що колись були в них руські колонїсти і з часом ассімілювали ся, стали Мадярами або Румунами. В кождім разї була се колонїзація пізнїйша, а ніяк се не останки первісної словянської міграції.

Коли візьмемо під розвагу карту *Черніга*, то в Сатмарі падуть в очи значні ріжницї взагалї (мадярсько-румунська межа). Що до руських островів, то *Черніг* знає їх на заходї 4: *Держів, Часарі, Вашварі* й п. *Терем*, натомість *Пенейслек*, у нього румунський. Від названих 4-ох островів, що разом із громадою *Пініш* у *Саболчи* творять одну суцїльну групу, означені

Сабољч має урядово тільно 156 Русинів[1]), в дійсности мусить їх бути хоч у пятеро більше. Розкинені вони головно в південно західнім боці комітата, на межі *Сатмара* й *Бігара*, де лежить широка полоса на усі три столиці з руськими колоністами. Переважно руських громад тут нема зовсім хиба-б тільно одна *Піліш* (Pilis), яка подана за руську у *Черніга* і в переписи 1880 р.; а *Сірмай*[2]) в р. 1810 називає ще *Лугош* (Nyirlugos) руським, одначе тепер обі сї громади годї (головно *Лугош*) назвати руськими, хоч руський язик ще не зовсїм загинув у них. В р. 1900 подано Русинів: *Батор* (Nyirbátor) 25 д. (0·4%), *Ачад* (N.-acsád) 23 д. (0·9%), *Марія-Повч* (Máriapócs) 13 д. (0·7%), *Лугош* 13 д. (0·5%), *Піліш* 9 д. (0·75%), а у дрібнїйшім числї геть скрізь по комітатї, найбільше вздовж західньої і південної границї[3]). Мадярів «руської» віри в *Сабољчі* дуже богато (19·7%)[4]); в деяких сторонах греко-католики переважають всї иньші віроісповідання, головно у південнім кутї, де маємо велику групу громад із греко-католицькою більшістю[5]); такіж поодинокі громади розкинені в ріжних сторонах, але тільно в південній половинї комітата[6]), в північній греко-католики не переважають нїде. Остання проява показує також, що останків руської людности в *Сабољчі* не можна відносити до давньої давнини[7]).

В *Бігарській* столицї живуть Русини у північній части (повіт *Ейрмі-*

дрібні руські колонії до півночи вздовж західньої границї комітата, але з деякими відмінами від нашої карти (ще *Нїр-Медьєш*, *Папош*, *Добош*). Подібна група з дрібними руськими колоніями показує ся карта над Самошем (*Патяд*, *Ченгер*, *Оввварі*, *Ветейш*). На правім боцї Самоша, в сусїдстві *Угочі*, бачимо один руський острів (*Шар*) та дві групи дрібних колоній (*Надьгодош*, *Мейтелек*, *Саразберек*, *Рожаль*, *Кішнамейнь*, *Янк*, *Часлов*, *Чегилд*; *Шаркиз*, *Ш.-Уйлак*, *Егрі*, *Адорян*). Такий стан можна з деякими поправками (*Пепейслек*) приняти як правдивий для 40-их років XIX ст.—чи і як тепер він змінив ся, на разї трудно докладно знати.

1) 99% Мадярів, 0.7% Словаків, 0.1% Німців, 0.0 Русинів; в р. 1890 мало бути 596 Русинів (0.2%. а Мадярів тільно 96%, Словаків 2.8%, Німців 0.6%).

2) Szathmár vármegye, II, 19.

3) У *Черніга*, як згадано висше, руським островом есть *Піліш*, що до дрібних колоній, то ними покрита геть більша половина *Сабољча*: вся південна частина аж під *Нїредьгазу*, звідси іде мішана полоса над Тису коло *Тімара*, надтисянські болота чистомадярські, так само вузкий клин у глуб комітата; по східній граници аж під *Мандок* веть ся круто подібна мішана полоса, заходячи з клинами глубше на захід.

4) 27.7% римо-кат., 38.5% кальв.

5) *Белтек*, *Лугош*, *Адонь*, *Ачад*, *Абрань*.

6) *Піліш*, *М.-Повч*, *К. Каллов*, *Гудяй*, *Бикинь*, *Т. Бід*.

7) Зі знаної нам конскрипції 1715—20 викомбіновано 99.7% мадярів, а 0.3% Русинів або Словаків. Одначе вже самі видавцї замітили, що під мадярськими іменами часто криють ся таки Русини, з яких богато вже тодї мусїло бути змадяризованих. Вони були головно в отсих громадах: *Мандок* (одна часть), *Палща* (о. ч.), *Lövőpetri* (переважно), *Уйфалу* (цїло), *Араньош* (пер.), *Gyüre* (мала часть), *Карас* (майже цїло), *Таш* (пер.), *Аяк* (пер.), *Тейт* (м. ч.). *Напкор* (пер.), *Тімар* (ц.), *Сабољч* (ц.), *Балша* (полов.), *Залкад* (пер.), *Віш* (пер.), *Буй* (ц.), *Левелек* (пер.), *Бешеньзод* (пер.), *Кереш* (ц.), *Петнегаза* (третина), *Бакталорантгаза* (пол.), *Повч* (ц.), *Повчпетрі* (1/3), *Белтек* (ц.), *Ейркенейз* (м. ц.), *Пірічс* (1/2), *Піліш* (ц.), *Дюлай* (1/4), *Мігальді* (1/4), *Гелше* (м. ц.), *Уйфеертов* (пер.), *Н. Каллов* 1/7.

гальфалва) близько *Сатмара* і *Саболча*, поміж Мадярами і Румунами. У статистиці 1900 р. подано дуже мало. Найбільше живе їх мабуть у *Пішколт* (Piskolt) й *Ейршелінд* (E'rselind). У головному місті—*Вел. Варадині* (Nagyvárad) начислено їх 27, а в *Чаналош* (Csanálos) 13 (2·53%). До 1890 р. були ще Русини в середній части столиці у *Ротарешт* (Rotarest) і *Сомбатшаг* (Szombatság); вони певно й далі там есть. У цілій столиці начислено всїх Русинів тільки 95 душ [1]).

У столиці *Абауй-Торна* нема переважно-руських громад. Значнійше число Русинів статистика показує між Мадярами у *Модьорошці* (Mogyoróska) 15 д. (5·2%), *Кейть* (Kéty) 43 д. (13·09%), *Сольноку* (Szolnok) 60 д. (17·8%), *Кань* (Kany) 59 д. (25·96%), а між Словаками у *Кральовцях* (Kiralynép) 15 д. (3·65%). У самих *Кошицях* (Kassa, Kaschau) записано 307 Русинів, та се переважно вояки з *Ужської* столиці, місцевих мало бути тільки 48 д. У цілім комітаті подано в р. 1900 тілько 256 д. (0·1%) [2]). В північній части комітата єсть 4 громади словацькі з греко-католицькою більшістю, в полудневій 17 мадярських з такоюж більшістю [3]), головно згруповані вони на верхівях р. Баршоня і Ракаци (ся група простягаеть ся і на сусідній північний кут *Боршодської* столиці). Попри сї «руська» віра розширена скрізь по словацькій і мадярській теріторії; понад 20% між самими Словаками есть 10 громад, ще більше між Мадярами. Про походжене сих греко-католиків треба те саме сказати, що при иньших комітатах — се колишні руські емігранти. При сїм замічу ще, що богато з нинїшнїх змадяризованих були вже перед тим пословачені, бо инакше не можна пояснити собі факту, що на мадярській етноґрафічній теріторії говорять вони словацькою або сильно пословаченою мовою [4]).

Столиця *Боршод* має один руський острів, який незабаром стане ма-

1) У *Чернїга* на цілий комітат зазначено тільќо одну переважно руську громаду — *Ейршелінд*, більш нїчого. На ділї можна сумнївати ся в руськости її жителів, навіть у 40-их рр. XIX ст., бо вже у словарі *Фейньеша* подано, що «жителї Е. походять з Русинів, та вже тільќо старі люде знають руську мову, загал вже зовсїм змадяризував ся» (IV, 20). Колонії руські у північнім Біґарі походять з тих самих часів, що й у західнім *Сатмарі* й півн. східнім *Саболчи*, і доля їх однакова, хоч останки все ще мусять бути значнійші ніж се подано в урядових записях.

2) В р. 1890 мало бути 249 (0.1%); Словаків у 1900 раховано 23%, Мадярів 72%. Дрібні числа Русинів, крім наведених громад, мали бути ще в осттсих: *Уйварош*, *Здоба*, *Гачава*, *Руська Гадня*, *Вж. Вадас*, *Бодокивваральа* і *Пере*.

3) *Клячанов*, *Уйварош*, *Белша* і *Гачава* — словацькі; *Філкеґаза*, *Мадьоровшка*, *Башков*, *Горвакі*, *Кань*, *Перече*, *Баракошь*, *Апаті*, *Оросґадна*, *Ф. Вадас*, *Гомроґд*, *Ньешта*, *Уйлак*, *Сольнок*., *Шейльеб*, *А. Гадь* і *Кейть* — мадярські.

4) На карті *Чернїга* бачимо значні відміни. Як переважно руські названі там: *Н. Іда*, *Чань*, *Белша*, *Жардань*, *Уйварош*, *Філкеґаза*, *Мадьоровшка*, *Горваті*, *Кань*, *Перече*, *Гадна*, *Апаті*, *А. Гадь* і *Сольнок*; окрім того цілий ряд дрібних колоній в ріжних сторонах, між ними *Якошд*, *Реште*, *Радвань*, *Вейче*, *Віжоль*, *Кішфалу*, *Чобад*, *Фізер*, *Комлош*, *М. Божва*, *Памаґа*, *Вайковце*, *Тріщані*, *Дюр*, *Жирава*, *Свініца*, (пор. мою статю про етногр. теріт. у. Р.).

дярським—*Іроту* (Irota); остаточно, чи се громада по правдї руська, чи може словацька з «руською» вірою—не знаю добре, тим більше, що в сусїдстві маємо три словацькі громади греко-католицького обряда. Взагалї сей північний кут *Боршода* з сього боку дуже непевний, що треба б провірки на місци[1]). Руські меньшости повинні б бути ще у *Виславі* (Viszlò), *Ракацї Галвачи* (1·2%) та ще останки в деяких громадах над р. Шайо[2]). Мадяри (і Словаки) руської віри есть і тут, головно по лївім боцї р. Шайо і над р. Гейив[3]). В північній сторонї ком *Гимира* есть три словацькі громади гр. кат. обряда (*Вернар* в басейні Гернада, *Тельгарт* і *Щумяц* над р. Гроном). разом у числї 3·716. Се певно також колишнї руські колонїсти; мова їх чиста словацька. У комітатї *Гайду* дещо Русинів живе у *Гайдудорог*, який майже увесь греко-католицький, а не чисто мадярський. «Руська» віра есть і в иньших громадах.

У північно-західнїй Угорщинї у *Словаччинї*, есть одна руська колонїя *в Лошонци Пресбурґської* столицї, 1900 р. було там 56 Русинів, себто 8·27%.

Що до *Семигорода* то 1890 р. записано у ньому 414 Русинів, а 1900 р. 1311, з війском 1313 (0·1%). Чи се велике збільшенне покласти на рахунок свободи урядової статистики, чи се новий приплив руського елемента—не знаємо поки що докладно, але перше більш імовірне. Замітити треба що сї Русини не виступають у тих місцях, що їх назва вказує, або може вказувати, на давнїйшу руську колонїзацію. Взагалї треба признати, що й давнїйша руська колонїзація не старша XIV ст.; усе що писано про первісне (VII в.) руське населенне *Семигорода* належить між чистїсенькі історичні легенди. Найбільше Русинів було в р. 1900 у стол. *Гуняд*, *Бистриця-Насовд*, *Сольнок-Добока*, *Гаромсейк* і ин.[4]).

В *південній Угорщинї*, на схід від Тиси, число Русинів за останне десятилїтте мало більш анїж подвоїти ся (з 474 на 1101). Творять 0·1% всеї

---

1) Пор. Причинки до пізнаня... *Ірота* тілько в р. 1890 була записана переважно руською, поза тим мадярською або мадярсько-словацькою.

2) У *Мішкольцї* було 58 Русинів, але переважно між військом.

3) *Вислава*, *Ракаца*, *Абод*, *Мучонь* і *Ш. Палфалва* — словацькі; *Каллов*, *Гиримбиль*. *Ш. Петрі* і *Г. Керестур* — мадярські. Замітимо, що *Виславу* і *Мучонь* *Черніг* зове руськими (*Ірота* у нього мадярська!), так само пусту *Єнке* над долїшнїм Баршоньом, а мабуть і *Ш. Палфалва;* меньшасти ще в иньших місцях (пор. *Бідерман*, II, 70—71).

4) У *Гунядї*: Banicza (10 себто 1.2%), Lupeny (457, себто понад 9%), Petrilla (68, себто 1.6%), Zsilyvajdejvulkán (14 — майже 1%), Nuksora (127—9.6%). У *Бистрицї-Насовд:* Borgóbesztercze (7), Kisdemeter (64—5%), Romuli (Стрімба) (22—1.6%), Kosna (Тадошкані) (15—2%), Majer (8), Óradna (9), Újradna (30—1.4%). У *Солнок-Добока:* Felsőpusztaegres (9), Széplak (55—6.7%), Szamosújvár (30). У *Гаромсейку:* Kovászna (85—1.9%), Paполц (8). У *Чіку*: Csikgyimesbükk (19), Csikszentmarton (7). У *Торда-Араньош*: Mezőkók (46—5%), Berkes (Фрона) (7—1.1%).

людности. Найбільше есть у ст. *Крашов-Сирень* і *Арад*, меньше у *Темеш* і *Торонтал*[1]). В дійности мусить їх бути там більше.

Найбільші руські колонії маємо між Дунаєм і Тисою у ст. *Бач-Бодрог*. У цілій столиці було їх 1900 р. 10.055 душ, себто 1·3% всеї людности. Про сих Русинів вела ся перед кількома роками наукова суперечка, чи се Русини, чи Словаки. Беручи діло з язикового боку, треба їх мати радше за Словаків, але тому противлять ся самі Бачванські Русини, маючи себе цілком сьвідомо за Русинів. На се не порадять ніякі фільольогічні аргументи[2]). З 13 повітів сеї столиці, найбільше есть їх у *кулянськім* (kulai járás) і *жаблянськім* (zsablyai j.) і в *Новім Саді* (Ujvidék, Neusatz). Громад переважно-руських есть тільки 2 у *кулянському* повіті: *Керестур* (Bácskerestur), де Русинів есть на 5.098 аж 4826, себто 94·66% і *Куцура* (Kuczura), де на 4090 людности есть 2387 Русинів (58·36%)[3]). У цілому повіті есть 8236 Русинів (17·4%), у *жаблянському* 1241 (4·44%), у *Новому Саді* 293 (1%)[4]).

У південно-західній Угорщині Русинів майже нема; у *Будапешті* записано 133, а з військом 176.

У *Хорватії* і *Славонії* було 4673 Русинів, себто 0·2%, а з того 4345 було у самій *сремській* жупанії поміж Сербами, де творили 1·1% всеї людности. Тут творять вони в одній громаді вуковарського повіта абсолютну більшість, у *Петровцях*, де було Русинів 783 на 1054 всеї людности, себто 74·3%[5]). В иньших жупаніях, як *Пожега*, *Віровітіца*, маємо

---

1) У *Крашові*: Doklin (19—1.5%), Románbogsán (9), Szkeus (519—28%), Vecsebáza (17—1.5%), Stajerlakanina (110), Resiczabánya (93), Romanresicza (8) й ин. В *Араді*: Szemlak (169—2.7%), Трояш (14—1.6%), Arad (16), одначе В. *Гнатюк* весною 1903 р. знайшов у Семлаку до 400 душ, у Németpereg- у до 500, Ópécska до 50 душ. У *Темешу*: Temesrékás (24), Versecz (22), а Гнатюк ще знайшов до 50 родин у Fönlak і коло 10 родин у Kalácsa. У *Торонталі*: Bégaszentgyörgy 16).

2) *Гнатюк* «Словаки чи Русини». В останніх часах признав їх Русинами проф. *Пастрнек* у своїй розвідці Rusíni slovenského jazyka (Сб. ст. по славянов. II). Бачванські Русини прийшли у південну Угорщину на поч. XVIII ст. з середнього *Земплина* і се дає доказ, що вже тоді тамошні Русини вже були пословачені, хиба що традиція руськости була така жива, що й свою словацьку мову називають досі «руською», тимчасом на привітчині їх віра тільки ще «руська», а мова вже «словенська».

3) 1131 Німців і 528 Мадярів.

4) Важнійші громади з Русинами є: у *кулянському* повіті — Bácskula 304 (3.31%), Óverbász 428 (8.79%), Újverbász 112 (1.76%), Torzsa 105 (2.77%), Cservenka 49, Kiskér 22; у *жаблянському* пов. — Gyurgyevo 1119 (25%), Goszpodincze 66 (1.9%), Nádaly 26, Zsablya 23, Csurog 7; у *старобеченськім* пов. (óbecsei j)—Bácsszenttamás 64; у *годшагськім* пов. (hódsági j.)—Filipova 15, Lality 21, Pivnicza 21; у *тополянськім* пов. (topolyai j.) — Kishegyes 20, Bajsa 19; у *новосадськім* пов. (újvidéki j.)—Ókér 14 й ин. меньше. На карті *Черніга* не визначено Русинів у *Бачці*, а в розвідці (I, 53) сказано, що есть вони тільки у *Куцурі* (на мапі вона мад. *Керестур* сербський!).

5) Важнійші громади з Русинами у *Срему* є: у повіті Ілок: Нештін 29 (1.2%), Шаренград 33 (1.3%); у митровицькім пов.: Мітровіца 295 (2.5%), Дівош 36 (1.6%), Грк 21, Лачярак 37; у шідськім пов.: Бачинці 586 (33.5%), Беркасово 556 (29.5%), Шід 768 (16.4%), Моровичь 43 (1.8%), Ямена 74 (3.6%), Ліповац 24 (1%), Гібарац 24 (2.6%), Вашіца мала 19 й ин.; у вуковарськім повіті: Чаковці 601 (34.5%), до Чаковців прилучене с. Міклушевці—чисто

тілько мале число Русинів[1]). Русини *Хорваті* і *Славонії* у значній части колонїсти з бачванської столицї.

Зібравши разом, бачимо, що поза північно-східними столицями маємо 1 острів у *Сатмарі*, 1 у *Боршоді* (?), 2 у *Бач-Бодрогу*, й 1 у *Славонії*. Самих Русинів у тих островах й усїх колонїях, поза головними руськими столицями, урядова статистика за р. 1900 подає на 18,903, але се число можна напевно збільшити 2—3.000.

III. Загальний погляд.

Головна маса Русинів живе у 7 північно-східнїх столицях, і то у північних частинах їх. В иньших столицях Угорщини виступають тілько у невеликих осадах: найбільше руських колоній есть у *бачбодрогській* і *сремській* жупанії—у них живе близько $^3/_4$ всїх руських колонїстів; майже нема Русинів *«за Дунаєм»* (південно-західня Угорщина); дуже маленько теж Русинів на Словаччинї; в иньших частинах Угорщини есть руські колонії, одначе їх дуже тяжко означити задля непевности урядових жерел.

Усїх Русинів (одиниць) статистика 1900 р. подає на 429.447 (без війска 427.825), себто 2·2% всеї людности. З того у північно-східнїх столицях живе 410.544 (409.392), себто 28·72% (28·8%); в *Хорватії* і *Славонії* 4673 (4666), себто 0·2%; в *Семигороді* 1267 (1265), себто 0·1%; в *південно-східній Угорщинї* 1120 (1101), себто 0·1%; на *великій низинї* 10956 (10875), себто 0·2%; в т. зв. *Половеччинї* (Palóczföld) 638 (315); на *Словаччинї* 139 (123); *за Дунаєм* 62 (42).

Всї ті числа одначе, як звістно, мало певні. На иньшому місцї[2]) я старав ся доказати, що число Угорських Русинів можна покласти значно висше до 443.692 (442.070), себто 2·3% всеї людности, у самій північно-східній Угорщинї збільшив я число Русинів понад 12.000 душ, але тепер думаю, що сї поправки таки за малі. Тому, на мою думку, краще взяти під розвагу простір і загальне число людности у тих громадах, де Русини мали більшість. Низше подана табличка дає перегляд тих чисел (що до скількости громад, катастральних моргів і всеї людности); при тому зазначено з окрема ті відносини у кождій столицї що до: 1) усїх громад із руською більшістю, 2) руських островів серед чужих теріторій, 3) чужих островів серед Русинів, 4) що до теріторії, обнятої головною етнографічною межею.

руське, Янковцї старі 42 (3.2%), Сотін 42 (2.4%), Вуковар 21 й ин.; у жупанськім пов.: Рачіновцї 28 (1.5%), Врбаня 39 (1.3%), Раєво село 44 (1.7%); у Карловцях 18 й ин. *Черніг* згадує (I, 5.4) тілько Петровцї і Рушево.

1) У жуп. *Пожега*: бродській повіт: Каніжа 47 (3.7%), Гарчін 39 (1.6%) й ин.; у новоградиськім повітї: ще в меньших колонїях; у цїлій жупанії 181. У *вировітицькій* жупанії дяковарського повіта: Пішкоревцї 68 (2.7%); у цїлій столицї 94. У Кріжевцях (Kőrös) *беловарської* столицї було 27 Русинів (0.6%).

2) Угорські Русини в світлї мад. ур. стат.

		Всі руські громади		Руські острови		Чужі острови		Головна руська теріторія	
			%		%		%		%
Мараморош.	громад. . .	98	62	—	—	3	2.3	101	64.3
	моргів. . .	1.028.980	60.9	—	—	74.029	4.4	1.103.009	65.3
	людей . . .	173.986	56	—	—	3.309	1.1	177.295	57.1
Угоча.	громад. . .	33	47	—	—	—	—	33	47
	моргів. . .	72.569	34.5	—	—	—	—	72.569	34.5
	людей. . .	37.461	44.9	—	—	—	—	37.461	44.9
Берег.	громад. . .	162	66.4	1	0.4	7	2.8	168	69
	моргів. . .	363.460	55.3	626	0.1	54.585	8.3	417.419	63.5
	людей . . .	109.252	52.4	284	0.1	3.834	1.8	112.802	54.1
Уг.	громад. . .	90	43	—	—	—	—	90	43
	моргів. . .	346.368	61.7	—	—	—	—	346.368	61.7
	людей . . .	68.165	44.5	—	—	—	—	68.165	44.5
Земплин.	громад. . .	132	29.2	7	1.5	3	0.6	128	28.3
	моргів. . .	314.061	28.8	23.301	2.1	6.687	0.6	297.447	27.3
	людей . . .	48.009	14.6	2.857	0.9	3.044	0.9	48.196	14.7
Шариш.	громад. . .	144	37.8	5	1.3	5	1.3	144	37.8
	моргів. . .	239.406	37.8	8.265	1.3	9.767	1.5	240.908	38
	людей . . .	47.995	27.5	1.773	1	2.166	1.2	48.388	27.8
Спиш.	громад. . .	22	10.7	7	3.2	1	0.5	16	7.4
	моргів. . .	82.383	12.9	35.113	5.5	1.504	0.2	48.774	7.6
	людей . . .	20.455	11.8	7.983	4.6	515	0.3	12.987	7.5
Сатмар.	громад. . .	1	0.5	1	0.5	—	—	—	—
	моргів. . .	6.399	0.5	6.399	0.5	—	—	—	—
	людей . . .	1.385	0.3	1.385	0.3	—	—	—	—
Боршод.	громад. . .	1	0.5	1	0.5	—	—	—	—
	моргів. . .	2.143	0.3	2.143	0.3	—	—	—	—
	людей . . .	341	0.1	341	0.1	—	—	—	—
Бач-Бодрог.	громад. . .	2	1.5	2	1.5	—	—	—	—
	моргів. . .	20.892	1.1	20.892	1.1	—	—	—	—
	людей . . .	9.188	1.2	9.188	1.2	—	—	—	—
Срем.	громад. . .	1	0.6	1	0.6	—	—	—	—
	моргів. . .	3.495	0.2	3.495	0.2	—	—	—	—
	людей . . .	1.054	0.2	1.054	0.2	—	—	—	—
Вся Угорщина.	громад. . .	687	5.1	25	0.2	19	0.1	680	5.0
	моргів. . .	2.480.156	4.4	100.234	0.2	146.572	0.3	2.526.494	4.5
	людей. . .	517.291	2.7	24.865	0.1	12.868	0.06	505.294	2.6

Наведені тут числа говорять самі собою, тому не ст
гальних висновків, хоч і як вони інтересні. Зазначу тіл
обіймають і людей військового стану, але ріжниця з тог
руських громадах війська дуже маленько (жандармерія
дочислювання військових людей релятивні числа Русинів (
дещо, як се зазначено в кількох місцях попереду. Для п(
дійсного стану руських громад і руської теріторії відсила
згадуваної нераз статі, де зібрані докладно числа Русин
основі урядової статистики 1890 і 1900 рр. З того порів
*число всїх Угорських Русинів треба означити на більш-
простір обнятий ними на 14.260 квадр. кілометрів, го
14.527 кв. км.*

Годить ся ще тут пояснити, яка тому причина, що до
ники подавали скількість Угорських Русинів так не одна
се ось чому: 1) статистики перед 1880 р. зачислювали
Словаків до Русинів; 2) мадярський статистичний уряд ро(
настанні фальші при списах людности у некористь Русині
слїдників брали під розвагу число одиниць, урядово запис
натомісць иньші числили за Русинів усїх людей, що жи
руських громадах; 4) ті, що переважно користували ся д
тизмами, побільшали Русинів коштом Словаків і Румунів,
причини латинників, протестантів, Жидів і т. ин. Коли да
отсї причини баламутства, тодї деякі дослїдники (*Балог, Н*
і *Гнатюк*) цїлком безосновно проголошують сьвітови, що б
Русини величезними масами на наших очах з дня на день ви
у користь Мадярів та Словаків [2]). *В дїйсности головна етн
торія Угорських Русинів (не рахуючи дальших островів) м
ся за яких 500 лїт, а перед тим була вона хиба ще меньш*

Кінчаючи сей огляд, позволю собі подати для дослїдни
кою Русею кілька дезідератів, які на мою думку домагають
повненя:

1) Потрібна наукова експедиція на русько-словацьку
би остаточно порішити, де і як стикають ся оба народи, та
під розвагу язик, віру і свідомість жителїв.

---

1) Зібрано у *Гнатюка* («Словаки чи Русини?», Hungarico-ruthenica
зоръ...»), Петрова («Замѣтки...») й ин.; критично не провірив сих дат
початок зробив я у висше згадуваній статї (Угор. Русини...), маю також
ще колись до сього питання.

2) Розбивати сей хибний погляд — значило-б писати простору розі
колись зайнятись тим докладнїйше, тому не розбираю тут сього питання п

2) Дорогою історичних дослідів треба порішити остаточно питанне, звідки взяли ся Словаки греко-католицької віри, чи всї вони первісні Русини чи нї, та коли вони такими вже виступають. З сим питаннем звязана ще справа генези так званого західно-словацького нарічя й етногр. типа.

3) Так само тілько наукова експедиція може порішити докладно, кудою йде русько-мадярська етнографічна межа в *Берегу* й *Угочі* (головно в останній); і тілько історичними дослідами можна довести до безсумнівної розвязки питання, звідки взяли ся в тих сторонах Мадяри греко-католицької віри.

4) Питанне історичної руської колонізації далеко ще не порішене помимо деяких важних початків (*Бідерман*, *Грушевський*, *Филевич*) і воно вимагає ще довгих спеціяльних студій, роблених передусїм на Угорщинї, однаково що до головної руської теріторії, як і руських колоній.

5) Вкінцї найважнїйше може домаганне, хоч воно не входить у круг сеї статї: Угорські Русини потрібують дуже скорої й інтензивної культурної підмоги з боку меньше нещасної частини українсько-руського народа[1]).

---

1) Угорская Русь заслуживаетъ и требуетъ вниманія и помощи не одной Украйны, но и всей Россіи. *Ред.*

ДРУГА ЧАСТИНА.

Перегляд громад головної руської теріторії [1]).

1) Тут подано передусім всі переважно-руські громади, дальше всі ті, де Русини живуть у поважнїйшім числї. Ті громади, що в них урядова статистика 1900 р. не показує цїлком Русинів, або рішучо за мало, хоч вони там єсть, означено звіздкою; коли на нашу думку така громада переважно руська, тодї означено її двома звіздками.

Порядкове число.	Столиця, повіт, громада.	Загальне число людности.	Рідна мова. Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Віра. Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
	А.													
	Мармарошська ст.	309.598	148.621	46.39	545	42.403	74.978	47.449	602	220.817	23.430	9.228	56.006	117
	I. Тисянський пов., 11 гром.	33.005	22.391	67.84	36	5.566	159	4.682	171	23.017	4.948	469	4.541	5
1	Біла Тиса	2.963	2.878	83.63	2	171	4	404	4	2.402	235	8	318	—
2	Білин	745	637	85.46	1	42	—	65	—	636	21	22	66	—
3	Великий Бічків, Бічкув, Бочків, Бичків (?)	5.294	2.589	48.91	6	1.530	50	1.093	26	2.843	1.251	142	1.054	3
4	Кваси, Квасів	920	758	82.39	1	66	—	92	3	777	43	28	77	—
5	Кобилецька Поляна	1.778	694	39.03	6	825	16	215	22	751	804	17	205	1
6	Косівська, Квасівська—Поляна, Касополь	1.735	1.651	95.16	—	18	4	62	—	1.669	4	—	62	—
7	Луг, Луги	1.961	1.638	88.53	—	99	12	209	3	1.665	73	15	208	—
8	Рагів, Рагово, Рахово	5.873	4.157	70.76	2	896	23	772	23	4.225	969	87	592	—
9	Росішки, Росушка	522	496	95.21	—	7	1	16	2	505	1	—	16	—
10	Трибушаки—Білий Потік	2.185	1.294	59.22	13	446	47	319	66	1.374	444	49	317	1
11	Ясіне, Ясіня — вижне і нижне	9.029	6.099	67.58	5	1.466	2	1.435	22	6.200	1.097	106	1.626	—
	II. Вишівський пов, 10 гром.	37.572	7.859	20.92	3	1.683	16.780	11.241	6	24.817	3.103	83	9.564	5
1	Борша	7.758	125	16.49	—	403	5.251	1.979	—	5.392	381	12	1.972	1
2	Вишова, Вишово, Вишів-вижня	7.562	271	35.84	3	938	2.158	4.191	1	2.500	2.492	67	2.499	4
3	Леордина	1.451	24	16.54	—	6	1.124	297	—	1.150	6	—	295	—
4	Петрова	3.350	1.126	33.61	—	66	1.465	693	—	2.604	37	1	708	—
5	Руська Крива, Руськова	1.598	1.349	84.67	—	11	4	229	—	1.364	—	—	229	—
6	Руська Поляна	4.807	3.608	75.06	—	90	27	1.082	—	3.671	90	2	1.044	—
7	Руськова	2.409	1.352	56.08	—	28	14	1.015	—	1.379	26	—	1.004	—
	III. Онотський пов., 17 гром.	58.584	8.688	16.28	47	19.297	17.106	8.812	184	26.592	7.690	3.297	18.968	42
1	Апша вижня	2.760	2.442	88.48	—	33	36	249	—	2.185	22	1	552	—
[illegible]	[illegible]	[illegible]	87	7.95	—	22	[illegible]	[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
19	Терешуль	948	900	94.94	—	14	—	34	—	911	6	3	28	—
20	Терново	2.759	1.986	71.98	—	39	12	722	—	2.026	18	4	711	—
21	Устчорне, Ушчорне, Устчорнос	835	29	3.47	—	61	2	743	—	37	721	5	72	—
	V. Волівський пов., 26 гром.	27.676	22.710	82.06	5	457	6	4.483	15	22.862	309	58	4.441	6
1	Буківці, Буковець	641	589	91.89	—	6	—	46	—	595	—	—	46	—
2	Волове, Воловос	2.936	2.257	76.87	—	154	1	516	8	2.309	74	20	533	—
3	Вучкове, Вучковоє	531	495	93.22	—	1	—	34	1	496	3	—	32	—
4	Колочава вижня — Імшадь і Негровець	1.369	1.202	87.80	—	12	—	155	—	1.201	9	—	159	—
5	Колочава нижня — Лаз і Горб	2.724	2.438	89.50	1	33	—	255	—	2.451	24	6	243	—
6	Іска	799	568	71.09	—	30	1	200	—	579	21	—	199	—
7	Килечин	681	613	90.01	—	11	—	57	—	622	3	—	56	—
8	Лозанська	864	674	78.01	—	2	—	188	—	676	—	—	188	—
9	Ляховець	364	363	100	—	1	—	—	—	364	—	—	—	—
10	Майданка	2.333	1.454	62.36	3	58	2	813	3	1.459	58	18	796	2
11	Новоселиця	810	684	84.44	—	9	—	117	—	693	—	—	117	—
12	Пилипець	758	641	85.46	—	10	—	102	—	652	—	—	101	—
13	Подобовець	358	314	87.71	—	—	—	44	—	314	—	—	44	—
14	Прислоп	1.215	964	79.34	—	3	—	247	1	967	—	—	247	1
15	Рекита	262	262	100	—	—	—	—	—	262	—	—	—	—
16	Річка	836	684	88.41	—	12	—	134	—	695	—	—	135	—
17	Ріпинне, Ріпиннос	1.386	1.198	86.44	—	15	1	172	—	1.159	4	5	218	—
18	Ростока	512	420	82.03	—	5	—	87	—	425	—	—	87	—
19	Синійвир, Товчка-Синійвир	2.606	2.138	82.04	1	42	1	424	—	2.159	56	4	387	1
20	Синійвир-Поляна	1.049	969	91.87	—	14	—	66	—	975	51	1	22	—
21	Сольма	405	356	82.96	—	—	—	60	—	388	—	—	60	—
22	[illegible]	751	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

23	нижне, гірне.	864	820	94.91	—	—	—	44	—	[illegible]	—	—	[illegible]	—
24	Студене, Студеное, Студений — нижне.	1.146	966	84.29	—	6	—	174	—	971	1	—	174	—
25	Тороня.	1.034	699	67.60	—	21	—	314	—	718	2	4	315	—
26	Тюшка.	473	358	75.69	—	6	—	109	—	363	2	—	108	—
	VI. Тячівський пов., 14 гром. . .	21.063	13.740	65.23	15	3.861	107	3.263	77	14.588	1.090	1.910	3.471	4
1	Буштино	1.666	1.084	65.07	—	183	—	396	3	1.116	87	15	448	—
2	Буштинський Гандал.	593	58	9.78	3	409	3	111	9	107	292	37	155	2
3	Воніово, Вуніово, Уніхово . . .	978	678	69.52	—	24	—	257	19	699	14	9	256	—
4	Дулова	1.135	1.058	93.21	—	—	—	77	—	1.058	—	—	77	—
5	Гута	299	28	9.36	4	70	39	157	1	64	159	32	48	1
6	Колодне, Колодное.	667	523	78.56	—	10	—	134	—	531	—	2	134	—
7	Кричово, Кричова	1.314	1.158	88.20	—	16	2	130	8	1.172	9	5	128	—
8	Ремета, Ремют.	960	597	63.23	1	18	31	313	—	635	9	4	312	—
9	Теребля.	2.172	2.034	94.09	—	28	—	110	—	2.042	11	8	110	1
10	Тячово	4.550	1.216	26.72	5	2.913	32	367	17	1.748	447	1.764	591	—
11	Угля.	2.855	2.245	78.63	2	22	—	568	18	2.276	12	3	564	—
12	Уйбаріово.	870	718	82.83	—	9	—	143	—	718	3	—	149	—
13	Урмезіово.	1.602	1.165	71.47	—	145	—	291	1	1.233	45	31	293	—
14	Чумальово, Чомальово	1.402	1.178	84.02	—	14	—	209	1	1.189	2	—	211	—
	VII. Довжанський пов., 9 гром. .	16.866	14.542	86.16	376	359	2	1.526	63	14.265	778	95	1.728	—
1	Березник	1.628	1.617	99.32	—	11	—	—	—	1.553	17	—	58	—
2	Довге, Довгоє	2.912	1.958	67.03	361	222	—	368	8	2.016	546	76	274	—
3	Керецькі	2.153	1.941	90.15	1	26	—	175	10	1.960	32	11	150	—
4	Кушниця	1.556	1.347	86.57	7	10	—	168	24	1.314	37	1	204	—
5	Липецька Поляна	1.623	1.355	83.48	—	40	2	222	4	1.370	35	2	216	—
6	Липша	2.665	2.182	81.24	1	22	—	444	16	2.174	14	1	476	—
7	Лисичово	1.481	1.447	98.38	—	4	—	25	5	1.340	86	4	51	—
8	Суха-Бронька.	1.090	1.079	98.99	—	10	—	—	1	1.004	9	—	77	—
9	Задне, Задньоє	1.758	1.616	91.92	4	14	—	124	—	1.584	2	—	222	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова. Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Віра. Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
	VIII. Густеньский пов., 17 гром.	40.791	29.404	72.08	9	7.410	25	3.885	58	29.924	1.864	3.104	5.899	—
1	Березово	2.002	1.824	97.05	—	29	2	147	—	1.635	27	2	338	—
2	Бистра, Нижня Бистра.	1.724	1.710	99.19	1	9	—	3	—	1.566	9	—	149	—
3	Вишково	4.443	745	16.77	—	3.430	12	256	—	1.169	481	2.492	301	—
4	Горинцьово, Горинчово, Горінчово.	3.521	3.282	93.21	2	69	—	159	9	2.808	55	13	645	—
5	Густ, Густе, Густее	8.716	4.161	47.75	4	3.602	4	942	3	5.139	1.204	566	1.807	—
6	Данилово	775	501	64.64	—	30	—	244	—	516	15	1	243	—
7	Драгово.	3.566	2.980	83.57	2	62	2	519	1	3.022	22	5	517	—
8	Золотарьово.	1.946	1.852	95.17	—	9	—	64	21	1.882	—	—	64	—
9	Іза.	2.505	2.248	89.74	—	36	2	219	—	2.261	20	4	220	—
10	Копашно, Копашна	1.520	1.330	87.5	—	9	—	175	6	1.344	1	—	175	—
11	Кошельово	2.040	1.742	85.39	—	10	—	287	1	1.750	3	1	286	—
12	Крайниково.	662	611	92.29	—	19	—	31	1	620	13	2	27	—
13	Нанково	1.306	1.181	90.41	—	23	—	95	7	1.211	1	—	94	—
14	Салдобош.	1.208	1.182	97.85	—	25	—	1	—	1.145	3	7	53	—
15	Селище.	1.613	1.394	86.43	—	18	—	201	—	1.412	1	—	200	—
16	Сокирниця, Сукирниця.	2.173	1.903	87.62	—	24	3	235	8	1.681	8	11	473	—
17	Шандрово	1.072	758	70.77	—	6	—	307	—	763	1	—	307	—
	IX. Шупатажский пов., 20 гром.	25.857	13	0.05	—	2.572	21.817	1.443	12	21.461	1.405	51	2.938	2
	X. Ізаньский пов., 13 гром.. . .	23.890	9	0.04	55	299	18.936	4.530	61	19.027	293	87	4.482	51
	Б.													
	*Угочська стол.	83.816	32.721	39.27	16	35.702	9.270	5.505	102	52.417	7.264	13.036	10.566	33
	* *I. Передтисяньский* пов., 20 гр.	30.060	23.450	58.67	10	18.418	14	8.056	26	27.657	2.877	4.606	5.820	0
1	Ардовець	1.259	908	72.06	—	240	—	104	—	988	124	[illegible]	[illegible]	[illegible]

3	Анша середня	3.280	43	1.33	—	34	3.158	—	—	2.800	4	1	420	—
4	Бесеріка албa	1.418	30	2.11	—	61	1.169	158	—	1.108	19	3	288	—
5	Грушово	1.483	1.449	98.45	—	28	1	10	—	1.368	19	1	95	—
6	Довгополє	2.350	341	14.51	—	1.782	88	138	1	783	341	973	250	3
7	Коштіл	1.536	5	0.32	—	1.513	6	11	1	674	327	28	7	—
8	Крочунів	2.201	842	38.25	1	61	31	1.265	1	892	23	1	1.285	—
9	Микова	643	230	35.77	1	207	108	97	—	360	176	23	84	—
10	Руна нижня, верхня	2.900	2.489	85.83	3	162	86	95	65	2.235	187	12	465	1
11	Сапніція	2.658	25	0.94	25	60	1.730	817	1	1.755	94	12	797	—
12	Сарасеу	1.103	18	1.63	—	52	1.033	—	—	917	31	19	142	—
13	Сигіт, Сигут	17.445	701	4.11	17	12.658	1.697	2.329	43	4.586	4.314	2.137	6.375	33
14	Слатина	3.354	18	0.53	—	285	1.398	1.640	13	1.440	253	24	1.636	1
15	Япа	1.672	16	0.93	—	41	1.222	389	4	1.200	17	8	447	—
	IV. Торецький повіт, 21 гром.	29.294	24.265	82.76	1	899	40	4.084	5	22.234	1.955	124	4.979	2
1	Бедевля	2.201	1.752	79.60	—	38	9	402	—	1.779	9	16	397	—
2	Біловарці, Біловарець	669	547	81.76	—	7	—	113	2	556	3	—	110	—
3	Брустури	1.379	1.155	83.76	—	48	—	176	—	1.171	47	4	157	—
4	Вільхівці, Вільховець, Вульхувці, Вульховець	2.939	2.897	98.53	—	28	5	9	—	2.402	21	1	515	—
5	Ганичі, Ганич	2.075	1.762	84.90	—	34	1	278	—	1.486	6	6	577	—
6	Дубове, Дубовоє	3.377	3.222	95.41	—	68	7	79	1	2.663	106	6	601	1
7	Калина, Калини	1.718	1.711	99.59	—	7	—	—	—	1.400	—	—	318	—
8	Керекгедь	311	51	16.38	—	259	1	—	—	150	144	—	17	—
9	Красношора, Краснішори	717	678	94.14	—	6	1	37	—	679	1	—	37	—
10	Крива	886	689	77.76	—	6	—	191	—	691	3	1	191	—
11	Луг	1.294	1.276	98.61	—	14	1	3	—	1.179	8	—	107	—
12	Нересниця	1.315	1.270	96.58	—	39	—	6	—	986	17	1	311	—
13	Німецька Мокра	696	11	1.46	—	36	—	649	—	12	671	1	12	—
14	Новоселиця	1.680	1.521	90.53	—	9	—	150	—	1.442	2	—	236	—
15	Нягова	933	790	84.67	—	4	—	139	—	794	—	—	139	—
16	Підплета, Пудплета	490	428	87.34	—	11	—	51	—	433	—	6	51	—
17	Руська Мокра	764	763	100	—	—	—	1	—	585	88	1	90	—
18	Тересва	1.308	832	63.61	1	171	1	301	2	852	84	69	302	1

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
5	Бочків	432	7	1.62	—	26	399	—	—	420	—	4	8	—
6	Велятин	2.354	1.919	81.52	—	44	1	390	—	1.948	3	7	396	—
7	Веряця	945	661	68.77	—	76	1	205	2	705	13	17	210	—
8	Гальмин	2.664	16	0.6	—	2.476	23	146	3	364	461	1.068	766	5
9	Горбки	289	267	92.39	1	5	1	15	—	272	2	—	15	—
10	Гетиня	512	300	58.59	—	100	—	112	—	394	3	2	113	—
11	Гимлівці	271	249	91.51	—	18	4	—	—	258	1	—	12	—
12	*Гудя	767	67	8.73	—	698	—	1	1	317	91	302	57	—
13	Дюла	719	3	0.41	—	710	5	1	1	65	31	557	66	—
14	**Кіральгаза	2.539	1.248	49.15	2	1.056	1	231	1	1.376	535	241	377	10
15	Крива	488	449	92.01	—	6	—	33	—	455	—	—	33	—
16	Новоселиця	576	461	80.07	—	—	24	91	—	485	—	—	91	—
17	Сасфалу	1.674	1.393	83.20	—	67	214	—	—	1.411	32	—	221	10
18	*Текегаза	1.106	405	36.61	2	663	1	33	2	515	54	445	92	—
19	Тернавка	1.851	403	29.37	—	848	585	13	2	1.210	189	159	292	1
20	*Форголань	745	3	0.4	—	742	—	—	—	125	47	514	59	—
21	Хижі	784	575	73.34	—	76	127	6	—	731	5	—	48	—
22	Черна	673	515	76.51	—	82	1	75	—	534	37	7	95	—
23	Чума, Чома	290	159	54.83	—	127	—	4	—	244	11	31	4	—
	B.													
	*Березька ст.	208.589	95.308	45.72	991	93.198	72	18.689	881	103.261	19.128	57.069	29.052	79
	I. Горішній пов., 82 гром.	27.915	24.920	82.11	28	1.801	—	1.613	53	23.185	478	176	4.181	—
1	Бабичі-Покутя	924	894	96.75	18	4	—	7	1	857	30	—	37	—
2	Білки, Білок	4.078	3.462	85.14	1	265	—	350	—	3.004	47	72	955	—
3	Богеревиця, Богаровиця	551	519	94.1	—	10	—	22	—	451	2	—	98	[illegible]
4	[illegible]	957	[illegible]	97.[illegible]	—	[illegible]	—	1	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

5	Воловиця	[illegible]	104	77.77	4	—	—	[illegible]						
6	Волоське, Волоськое	687	671	97.67	—	—	—	—	16	583	—	—	104	—
7	Ділок	376	366	97.34	—	9	—	1	—	359	1	—	16	—
8	Дуби	156	2	1.28	—	13	—	141	—	5	143	8	—	—
9	Дубрівка, Дубравка	661	651	98.48	—	10	—	—	—	611	1	—	49	—
10	Івашковиця, Вашковиця	321	320	100	—	1	—	—	—	306	4	—	11	—
11	Ільниця	3.601	2.999	93.05	1	45	—	556	—	2.927	52	—	622	—
12	Істичево, Мистичі	1.629	1.559	95.70	1	29	—	40	—	1.470	10	3	146	—
13	Іршава	1.315	964	73.3	—	335	—	14	2	1.016	37	56	206	—
14	Загатя-Сундаковиця-Климовиця	1.332	1.291	96.92	2	39	—	—	—	1.222	21	10	79	—
15	Ківяждь, Ківяждь-Сільце	1.054	946	89.75	—	20	—	87	1	701	—	—	353	—
16	Кобальовиця, Кобалевиця	67	52	77.6	—	—	—	15	—	47	15	—	5	—
17	Колодне (—оє)-Дешковиця	859	813	96.64	—	20	—	4	22	758	44	2	55	—
18	Комлуш	572	482	81.75	1	84	—	5	—	428	22	10	112	—
19	Крайня Мартинка	398	384	96.48	—	—	—	14	—	384	—	—	14	—
20	Лоза, Лоза-Полянка	780	610	78.2	—	51	—	119	—	615	—	2	163	—
21	Локоть	424	382	90.09	—	5	—	37	—	388	—	—	36	—
22	Лукова	867	839	96.77	—	28	—	—	—	771	—	—	96	—
23	Мідяниця	645	615	95.36	—	9	—	21	—	617	1	6	21	—
24	Осій, Осуй	1.611	1.603	99.5	—	7	—	1	—	1.486	—	—	125	—
25	Ремета вижня, вижні	319	256	80.25	—	58	—	1	4	236	25	3	35	—
26	Ремета нижня, нижні	401	377	94.00	—	24	—	—	—	377	—	—	24	—
27	Ростока	442	441	100	—	—	—	1	—	330	—	—	112	—
28	Сільце	1.193	923	77.37	—	194	—	69	7	958	9	—	226	—
29	Смулиговиця	177	166	93.78	—	5	—	6	—	168	—	3	6	—
30	Собатин	204	173	84.8	—	1	—	30	—	173	2	—	29	—
31	Чорний потік-Юровиця	462	454	98.27	—	8	—	—	—	430	—	—	32	—
32	Шаркадь	654	620	94.86	—	3	—	31	—	621	2	1	30	—
	**II. *Сваляєський* пов., 57 гром.*	29.595	23.192	78.36	334	1.536	5	4.438	90	23.202	1.581	247	4.561	4
1	Біласовиця	99	85	85.86	—	—	—	14	—	85	—	—	14	—
2	Бистре (—оє) вижнє	145	130	89.65	—	5	—	10	—	134	—	—	11	—
3	Борсучина	99	99	100	—	—	—	—	—	99	—	—	—	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
4	Брустів потік	72	70	97.22	—	2	—	—	—	71	1	—	—	—
5	Буковець	505	474	93.86	—	5	—	26	—	478	1	—	26	—
6	Вербіаш-Петрушовиця-Глубокий потік	510	406	79.61	—	12	—	92	—	418	—	—	92	—
7	Верецькі вижні-Драгушівці-Берегівці-Лазарьский потік	1.325	1.136	85.73	—	4	—	185	—	1.132	—	—	193	—
8	*Верецькі нижні	1.704	848	49.79	3	125	—	715	3	895	82	11	716	—
9	Воловець-Яблуново	1.284	839	65.34	3	177	1	258	11	879	71	78	256	—
10	Ганьковиця	335	316	94.43	—	—	—	19	—	316	—	—	19	—
11	Голубине, Голубинос	1.121	952	84.92	1	21	—	147	—	953	17	5	146	—
12	Грабониця Вижня	520	264	50.77	118	28	—	108	2	261	152	1	106	—
13	Гукливе (—ое)-Таламаш-Веретечово	1.318	988	74.96	1	20	—	308	1	995	18	1	304	—
14	Дицьковиця	179	173	96.70	—	—	—	6	—	173	2	—	4	—
15	Драчина	224	15	6.69	60	8	—	140	1	10	206	1	7	—
16	Дусина	681	576	84.58	—	12	—	93	—	584	3	1	93	—
17	Жденьова	802	537	66.96	17	37	—	205	6	531	150	23	98	—
18	Завадка-Пересирова	782	604	78.52	—	5	—	168	5	609	4	1	167	1
19	Задільсько	278	246	88.49	—	—	—	32	—	247	—	—	31	—
20	Збун, Збуне	108	87	80.55	—	14	—	7	—	79	12	10	7	—
21	Звір, Ізвір	367	340	94.18	—	5	—	11	5	349	1	—	11	—
22	Звірська Гута	335	278	82.98	33	—	—	24	—	266	57	—	9	3
23	Канора	579	542	93.61	—	4	—	33	—	547	—	—	32	—
24	Кичорна	323	318	98.45	—	1	—	4	—	310	—	—	13	—
25	Котильниця	195	184	94.36	—	—	—	11	—	184	—	—	11	—
26	Кушниця, вижня і нижня	313	301	96.17	—	—	—	12	—	301	—	—	12	—
27	Латурка	623	557	89.24	—	9	—	54	3	565	—	4	54	—
28	Мартинка-Мала Тибава [illegible]	[illegible]	263	89.45	[illegible]	8	[illegible]	[illegible]	—	270	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

30	Мишкаровиця	107	99	91.59	—	—	—	8	—	99	—	—	8	—
31	Нелипина	1.193	755	63.28	1	64	—	367	6	797	32	1	363	—
32	Нове (—ос) Село	101	1	0.0	1	2	—	96	1	6	95	—	—	—
33	Оленьова	314	265	84.39	—	—	—	49	—	265	—	—	49	—
34	Павлова-Мельничнє	452	339	75.00	—	—	—	113	—	339	—	—	113	—
35	Пасіка	606	483	79.53	—	57	—	66	—	506	49	15	86	—
36	Пашківці	87	58	66.67	—	2	—	27	—	53	8	—	26	—
37	Перекресна	170	161	94.70	—	—	—	9	—	161	—	—	9	—
38	Підполозя (—с)-Романовці	375	349	93.07	—	8	—	18	—	356	3	—	16	—
39	Плавя	383	343	89.56	—	—	—	40	—	343	—	—	40	—
40	Плоске (—ос)-Мале Бистре (—ос)-Потік	530	488	98.07	—	14	—	28	—	499	4	—	27	—
41	Поляна	603	379	62.85	—	63	1	156	4	395	34	6	168	—
42	Росіш	675	619	91.70	—	7	—	46	3	626	4	—	45	—
43	Ростока велика	262	231	91.98	—	8	—	23	—	235	3	3	21	—
44	Ростока мала	333	329	98.49	—	4	—	—	—	333	—	—	—	—
45	Ростока нова	292	236	80.82	—	—	—	56	—	236	—	—	56	—
46	Сасівка	515	474	92.08	1	18	—	17	5	368	36	15	96	—
47	Свалява	2.416	1.452	60.09	91	657	3	194	19	1.350	479	47	540	—
48	Свалявка-Скотарсько	939	793	84.45	—	49	—	99	1	805	12	23	99	—
49	Солочин	522	497	95.21	—	22	—	3	—	423	8	1	90	—
50	Стройна-Черник	1.038	960	92.48	—	5	—	73	—	957	9	—	72	—
51	Сусково-Йобовиця	557	449	80.61	4	13	—	88	3	464	22	—	71	—
52	Тибава велика	573	523	91.27	—	9	—	41	—	530	2	—	41	—
53	Тимшор	481	430	89.39	—	—	—	51	—	429	—	—	52	—
54	Тишова	227	200	88.11	—	7	—	20	—	207	—	—	20	—
55	Уклина	215	184	85.58	—	13	—	17	1	196	3	—	16	—
56	Шербівці, Шербувці	314	289	92.04	—	15	—	10	—	304	—	—	10	—
57	Ялова	100	98	98.00	—	—	—	2	—	98	—	—	2	—
	III. *Латорицький* пов., 52 гром.	29.637	22.096	74.56	502	3.175	19	3.756	89	22.341	1.694	2.254	3.345	3
1	Балажівці, Балажувці	181	179	98.89	—	—	—	2	179	—	—	—	2	—
2	Белебово	70	68	97.14	—	1	—	1	—	66	—	—	4	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова. Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Віра. Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
3	Бенедиківці, Бенедикувці	639	437	68,38	—	8	—	194	—	443	—	—	196	—
4	Бобовище	766	738	96,34	—	10	—	18	—	746	2	—	18	—
5	Визниця вижня	807	720	89,21	—	23	6	57	1	738	18	—	51	—
6	Визниця нижня	240	193	80,42	6	19	—	22	—	194	13	12	21	—
7	Герцівці	86	86	100	—	—	—	—	—	86	—	—	—	—
8	Глинянець	412	382	92,71	—	5	—	25	—	385	3	—	24	—
9	Грабониця нижня	492	286	58,15	1	23	—	182	—	282	172	13	25	—
10	Грабово	324	191	58,92	1	1	—	129	2	194	84	—	46	—
11	Грибівці-Воротниця	387	378	97,67	—	4	—	5	—	375	—	—	12	—
12	Давидково старе (—ое) Давидкова	429	333	77,62	—	13	—	83	—	339	6	1	83	—
13	Жбірівці-Гевівці	219	198	90,41	—	1	—	20	—	198	7	—	14	—
14	Жуково	495	455	91,92	—	8	—	32	—	457	5	—	33	—
15	Звяцово	1.475	1.387	94,03	2	42	—	44	—	1.318	44	22	90	1
16	Іванівці, Іванувці	838	767	91,52	3	11	1	56	—	770	12	2	54	—
17	Їльківці, Ївківхї, Ївкувці	76	71	93,42	—	—	5	—	—	76	—	—	—	—
18	Кайданово	1.245	773	62,09	12	347	—	109	4	798	38	244	165	—
19	Калниково	1.093	823	75,3	12	30	—	221	7	840	29	4	220	—
20	Клачаново	991	739	74,57	—	61	—	184	7	601	180	9	201	—
21	Кленівці, Кленувці	323	27	8,35	53	98	—	139	6	51	189	42	41	—
22	Кленівці нові	472	11	2,33	387	11	—	63	—	19	18	376	59	—
23	Клочки, Клочківці	84	73	86,90	—	—	—	11	—	73	5	—	6	—
24	Колчино	502	450	89,64	1	18	—	31	2	445	36	2	19	—
25	Копинівці, Мокулувці, Копишувці (?)	387	354	91,73	—	4	—	29	—	358	—	—	29	—
26	Косино, Косельно-Цимбрилова	397	354	89,17	—	5	6	32	—	363	6	—	28	—
27	Кузьмино	534	315	59,18	5	4	—	210	—	321	2	—	211	—
28	[illegible]	173	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

5	Воловиця	198	154	77.77	4	—	—	40	—	158	4	—	41	—
6	Волоське, Волоськоє	687	671	97.67	—	—	—	—	16	588	—	—	104	—
7	Ділок	376	366	97.34	—	9	—	1	—	359	1	—	16	—
8	Дуби	156	2	1.28	—	13	—	141	—	5	148	8	—	—
9	Дубрівка, Дубравка	661	651	98.48	—	10	—	—	—	611	1	—	49	—
10	Івашковиця, Вашковиця	321	320	100	—	1	—	—	—	306	4	—	11	—
11	Ільниця	3.601	2.999	93.05	1	45	—	556	—	2.927	52	—	622	—
12	Імстичево, Мистичі	1.629	1.559	95.70	1	29	—	40	—	1.470	10	3	146	—
13	Іршава	1.315	964	73.3	—	335	—	14	2	1.016	37	56	206	—
14	Загатя-Сундаковиця-Климовиця	1.332	1.291	96.92	2	39	—	—	—	1.222	21	10	79	—
15	Ківяждь, Ківяждь-Сільце	1.054	946	89.75	—	20	—	87	1	701	—	—	353	—
16	Кобальовиця, Кобалевиця	67	52	77.6	—	—	—	15	—	47	15	—	5	—
17	Колодне (—оє)-Дешковиця	859	813	96.64	—	20	—	4	22	758	44	2	55	—
18	Комлуш	572	482	81.75	1	84	—	5	—	428	22	10	112	—
19	Крайня Мартинка	398	384	96.48	—	—	—	14	—	384	—	—	14	—
20	Лоза, Лоза-Полянка	780	610	78.2	—	51	—	119	—	615	—	2	163	—
21	Локоть	424	382	90.09	—	5	—	37	—	388	—	—	36	—
22	Лукова	867	839	96.77	—	28	—	—	—	771	—	—	96	—
23	Міданиця	645	615	95.36	—	9	—	21	—	617	1	6	21	—
24	Осій, Осуй	1.611	1.603	99.5	—	7	—	1	—	1.486	—	—	125	—
25	Ремета вижня, вижнї	319	256	80.25	—	58	—	1	4	236	25	3	35	—
26	Ремета нижня, нижнї	401	377	94.00	—	24	—	—	—	377	—	—	24	—
27	Ростока	442	441	100	—	—	—	1	—	330	—	—	112	—
28	Сільце	1.193	923	77.37	—	194	—	69	7	958	9	—	226	—
29	Смулиговиця	177	166	93.78	—	5	—	6	—	168	—	3	6	—
30	Собатин	204	173	84.8	—	1	—	30	—	173	2	—	29	—
31	Чорний потік-Юровиця	462	454	98.27	—	8	—	—	—	430	—	—	32	—
32	Шаркадь	654	620	94.86	—	3	—	81	—	621	2	1	30	—
	**II. Сваляеський* пов., 57 гром.	29.595	23.192	78.36	334	1.536	5	4.438	90	23.202	1.581	247	4.561	4
1	Біласовиця	99	85	85.86	—	—	—	14	—	85	—	—	14	—
2	Бистре (—оє) вижнє	145	130	89.65	—	5	—	10	—	134	—	—	11	—
3	Борсучина	99	99	100	—	—	—	—	—	99	—	—	—	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
8	Давидково (—ова) нове.	1.872	1.608	85.63	—	108	—	161	—	1.628	1	80	163	—
9	Дороблатово, Дороблатова . . .	1.421	1.321	92.96	1	36	—	63	—	1.336	5	7	73	—
10	Дрисино	2.010	230	11.44	3	1.771	—	6	—	332	85	1.518	75	—
11	Дунковиця	543	506	92.19	—	29	—	7	—	524	—	—	19	—
12	*Жнятино	1.502	7	0.47	—	1.493	—	2	—	519	22	791	170	—
13	Завидово-Гандеровиця.	1.248	1.222	97.91	—	15	—	10	1	1.143	13	5	87	—
14	Залужа.	609	541	89.00	1	68	—	—	4	466	22	12	109	—
15	Кендерешів, Кендерешув. . . .	177	137	77.40	—	—	—	40	—	135	39	—	3	—
16	Керепець.	419	73	17.42	—	20	—	326	—	78	326	4	11	—
17	Клучарка.	1.102	901	81.76	3	136	—	62	—	825	158	27	92	—
18	Кучова, Кучава німецька. . . .	299	29	9.69	—	1	—	269	—	24	272	—	3	—
19	Лалово	662	469	70.85	3	14	—	175	1	470	177	—	15	—
20	Лецьовиця-Цалів	567	549	96.83	—	1	—	17	—	549	6	—	12	—
21	Лучки, Новоселиця	4.366	3.952	90.52	3	214	—	194	3	4.038	97	46	185	—
22	Макаріово	1.068	1.051	98.50	—	17	—	—	—	1.011	2	2	53	—
23	*Мункачево, Мукачево.	14.416	1.604	11.19	47	8.827	39	3.820	79	3.498	2.751	1.593	6.567	12
24	Нове Село	466	49	10.52	—	164	—	253	—	64	379	9	14	—
25	Новоселиця.	171	161	94.15	—	—	—	10	—	161	—	—	10	—
26	Негрово	936	775	80.66	—	5	—	156	—	780	4	—	156	—
27	Павшин, Павшива.	513	35	6.82	—	24	—	454	—	40	462	5	6	—
28	*Підгород, Пудгород.	796	387	46.62	—	54	—	353	2	401	343	2	49	—
29	Пистрялово.	714	678	94.16	1	7	—	28	—	684	2	—	28	—
30	Ромочевиця.	863	858	97.49	—	10	—	—	—	858	2	—	8	—
31	Ряпідь-Вільховиця-Дубровиця .	850	679	79.88	—	9	—	162	—	695	5	5	145	—
32	Софієндорф.	862	42	11.6	—	2	—	814	4	40	805	1	16	—
33	Станово	751	717	95.47	—	8	—	26	—	728	4	8	21	—
34	[illegible]	[illegible]	1.101	81.08	8	214	—	[illegible]	[illegible]	1.172	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

29	Медвеже	101	80	79.21	—	—	—	21	—	81	—	—	20	—
30	Мишкаровиця	107	99	91.59	—	—	—	8	—	99	—	—	8	—
31	Нелипина	1.193	755	63.28	1	64	—	367	6	797	32	1	363	—
32	Нове (—ое) Село	101	1	0.0	1	2	—	96	1	6	95	—	—	—
33	Оленьова	314	265	84.39	—	—	—	49	—	265	—	—	49	—
34	Павлова-Мельничне	452	339	75.00	—	—	—	113	—	339	—	—	113	—
35	Пасїка	606	488	79.53	—	57	—	66	—	506	49	15	36	—
36	Пашківцї	87	58	66.67	—	2	—	27	—	53	8	—	26	—
37	Перекресна	170	161	94.70	—	—	—	9	—	161	—	—	9	—
38	Підполозя (—є)-Романовцї	375	349	93.07	—	8	—	18	—	356	3	—	16	—
39	Плавя	383	343	89.56	—	—	—	40	—	343	—	—	40	—
40	Плоске (—ое)-Мале Бистре (—ое)-Потік	530	488	98.07	—	14	—	28	—	499	4	—	27	—
41	Поляна	603	379	62.85	—	63	1	156	4	395	34	6	168	—
42	Росіш	675	619	91.70	—	7	—	46	3	626	4	—	45	—
43	Ростока велика	262	231	91.98	—	8	—	23	—	235	3	3	21	—
44	Ростока мала	333	329	98.49	—	4	—	—	—	333	—	—	—	—
45	Ростока нова	292	236	80.82	—	—	—	56	—	236	—	—	56	—
46	Сасівка	515	474	92.08	1	18	—	17	5	368	36	15	96	—
47	Свалява	2.416	1.452	60.09	91	657	3	194	19	1.350	479	47	540	—
48	Сваляввка-Скотарсько	939	793	84.45	—	49	—	99	1	805	12	23	99	—
49	Солочин	522	497	95.21	—	22	—	3	—	423	8	1	90	—
50	Стройна-Черник	1.038	960	92.48	—	5	—	73	—	957	9	—	72	—
51	Сусково-Йобовиця	557	449	80.61	4	13	—	88	3	464	22	—	71	—
52	Тибава велика	573	523	91.27	—	9	—	41	—	530	2	—	41	—
53	Тимшор	481	430	89.39	—	—	—	51	—	429	—	—	52	—
54	Тяшова	227	200	88.11	—	7	—	20	—	207	—	—	20	—
55	Уклина	215	184	85.58	—	13	—	17	1	196	3	—	16	—
56	Шербівцї, Шербувцї	314	289	92.04	—	15	—	10	—	304	—	—	10	—
57	Ялова	100	98	98.00	—	—	—	2	—	98	—	—	2	—
	III. *Латорицький* пов., 52 гром.	29.637	22.096	74.56	502	3.175	19	3.756	89	22.341	1.694	2.254	3.345	3
1	Балажівцї, Балажувцї	181	179	98.89	—	—	—	2	179	—	—	—	2	—
2	Белебово	70	68	97.14	—	1	—	1	—	66	—	—	4	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
10	Тісасалка	1.286	5	0.39	3	1.273	—	2	3	99	87	912	187	1
11	Чомоня	1.381	39	2.93	—	1.275	—	17	—	68	7	1.156	100	—
12	Шом	1.198	24	2.00	—	1.172	—	2	—	125	111	900	62	—
	Г.													
	*Ужська столиця	153.266	55.742	36.37	42.876	46.306	199	7.099	1.044	83.936	32.904	19.565	16.776	85
	**I. *Березнянський* пов., 31 гром.	22.803	20.390	89.42	351	758	57	979	278	19.752	916	91	2.012	32
1	Бегендят-Пастиль	265	230	86.79	—	—	—	35	—	230	—	—	35	—
2	*Березне (—ое) велике	2.460	1.124	45.89	310	391	2	616	17	1.232	419	52	755	—
3	Березне (—ое) мале	1.153	808	70.07	21	51	30	60	183	791	223	14	94	31
4	Буковець — нижній і вижній	617	607	98.37	—	—	—	10	—	606	—	—	11	—
5	Верховина Бистра	811	809	99.75	—	2	—	—	—	797	1	—	13	—
6	Вишка	829	824	99.39	—	5	—	—	—	813	1	—	15	—
7	Волосянка	1.170	1.152	98.46	1	16	—	—	1	1.106	—	—	64	—
8	Гусна, Гусак	449	449	100	—	—	—	—	—	435	—	—	14	—
9	Домашина	405	403	99.50	—	1	—	—	1	391	—	—	14	—
10	Забрідь	498	445	89.4	3	9	11	17	13	462	19	—	17	—
11	Завісина, Заусина	356	322	90.45	2	5	1	15	11	316	11	—	29	—
12	Загорб	495	481	97.91	—	—	—	14	—	474	—	—	21	—
13	Княгинина	455	443	97.36	—	5	—	7	—	447	1	—	7	—
14	Кострина	1.122	1.075	95.9	6	18	—	11	12	1.020	11	—	91	—
15	Костьова-Пастиль	401	364	90.79	—	7	—	30	—	370	1	—	30	—
16	Лубня	262	262	100	—	—	—	—	—	232	—	—	30	—
17	Луг	334	315	94.31	—	6	—	2	11	319	11	—	4	—
18	Люта	2.807	2.772	98.75	2	88	—	—	—	2.689	24	5	189	—
19	Мирча	449	421	98.77	—	21	—	6	1	402	7	1	[illegible]	—
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1	—	[illegible]	[illegible]	164	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]	[illegible]	439	437	99.54	—	2	—	—	—	428	—	—	11	—
23	Соля	480	463	96.46	—	14	—	3	—	445	4	—	30	1
24	Ставна	990	865	87.37	—	42	—	82	1	838	49	3	100	—
25	Стричава	389	380	97.69	—	—	—	9	—	373	1	—	15	—
26	Стужиця нова	423	416	98.34	—	3	4	—	—	389	3	—	31	—
27	Стужиця стара	492	481	97.9	—	10	—	—	1	465	—	—	27	—
28	Суха	513	510	99.71	1	1	—	1	—	488	2	—	23	—
29	Тиха	1.014	1.007	99.3	1	6	—	—	—	960	3	2	49	—
30	Ужок	927	861	92.9	1	41	—	24	—	767	33	2	125	—
31	Чорноголова	1.281	1.156	90.28	3	58	9	34	21	1.039	87	12	143	—
	II. Перечинський пов., 20 гром.	20.084	17.489	87.08	683	1.050	35	696	131	17.278	1.474	187	1.140	5
1	Дубринич	1.514	1.293	85.4	2	76	1	119	23	1.275	102	16	120	1
2	Бистре, Бистроє	1.232	1.017	82.55	1	46	18	149	1	1.036	130	6	60	—
3	Ворочів	843	792	93.95	1	16	1	25	8	785	27	—	31	—
4	Вульшинки, Вільшинки	587	557	94.9	—	—	—	30	—	557	—	—	30	—
5	Зарічово	1.848	1.819	98.32	1	20	—	7	1	1.784	2	3	59	—
6	Липовець	212	211	100	—	—	—	1	—	211	—	—	1	—
7	Мокра	358	340	97.98	—	10	—	8	—	347	—	—	11	—
8	Новоселиця	433	397	91.69	—	5	—	31	—	399	3	—	31	—
9	Пасіка	1.471	1.444	98.17	4	23	—	—	—	1.417	—	—	54	—
10	Пастиль мала	274	255	93.07	—	16	—	—	3	235	21	2	16	—
11	Перечин	2.124	1.388	65.34	122	403	—	144	67	1.263	592	80	168	1
12	Поляна	890	822	92.25	—	18	—	40	10	840	8	1	41	—
13	Поляна-Гута	249	243	97.59	—	—	—	5	1	239	5	—	5	—
14	Порошково	2.009	1.911	95.12	1	48	—	49	—	1.862	5	1	141	—
15	Раково	898	896	99.78	—	2	—	—	—	860	—	—	38	—
16	Ремета	2.033	1.142	51.25	531	309	13	28	10	1.216	545	34	225	3
17	Симири	796	712	89.94	2	28	2	45	7	735	8	8	45	—
18	Симирки	871	860	98.75	—	11	—	—	—	854	1	2	14	—
19	Туриця велика	836	813	97.24	3	19	—	1	—	797	9	4	26	—
20	Туриця мала	606	577	95.21	15	—	—	14	—	566	16	—	24	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
8	Давидково (—ова) нове.	1.872	1.603	85.63	—	108	—	161	—	1.628	1	80	163	—
9	Добратово, Доробратова . . .	1.421	1.321	92.96	1	36	—	63	—	1.336	5	7	73	—
10	Дрисино	2.010	280	11.44	3	1.771	—	6	—	332	85	1.518	75	—
11	Дунковиця	543	506	92.19	—	29	—	7	—	524	—	—	19	—
12	*Жнятино	1.502	7	0.47	—	1.493	—	2	—	519	22	791	170	—
13	Завидово-Гандеровиця.	1.248	1.222	97.91	—	15	—	10	1	1.143	13	5	87	—
14	Залужа.	609	541	89.00	1	68	—	—	4	466	22	12	109	—
15	Кендерешів, Кендерешув. . . .	177	137	77.40	—	—	—	40	—	135	39	—	3	—
16	Керепець.	419	73	17.42	—	20	—	326	—	78	326	4	11	—
17	Клучарка.	1.102	901	81.76	3	136	—	62	—	825	158	27	92	—
18	Кучова, Кучава німецька. . . .	299	29	9.69	—	1	—	269	—	24	272	—	3	—
19	Лалово.	662	469	70.85	3	14	—	175	1	470	177	—	15	—
20	Лецьовиця-Цалів	567	549	96.83	—	1	—	17	—	549	6	—	12	—
21	Лучки, Новоселиця	4.366	3.952	90.52	3	214	—	194	3	4.038	97	46	185	—
22	Макаріово	1.068	1.051	98.50	—	17	—	—	—	1.011	2	2	53	—
23	*Мункачево, Мукачево.	14.416	1.604	11.19	47	8.827	39	3.820	79	3.493	2.751	1.593	6.567	12
24	Нове Село	466	49	10.52	—	164	—	253	—	64	379	9	14	—
25	Новоселиця.	171	161	94.15	—	—	—	10	—	161	—	—	10	—
26	Негрово	936	775	80.66	—	5	—	156	—	780	4	—	156	—
27	Павшин, Павшина.	513	35	6.82	—	24	—	454	—	40	462	5	6	—
28	*Підгород, Пудгород.	796	387	46.62	—	54	—	353	2	401	343	2	49	—
29	Пистрялово.	714	678	94.16	1	7	—	28	—	684	2	—	28	—
30	Ромочевиця.	363	353	97.49	—	10	—	—	—	353	2	—	8	—
31	Ряпідь-Вільховиця-Дубровиця .	850	679	79.88	—	9	—	162	—	695	5	5	145	—
32	Софієндорф.	362	42	11.6	—	2	—	314	4	40	305	1	16	—
33	Станово	751	717	95.47	—	8	—	26	—	728	4	3	21	—
34	Страбичово.	1.348	1.101	81.98	3	214	—	28	2	1.172	32	54	85	—

35	Фогараш	370	325	87.84	—	23	—	22	—	330	26	—	14	—
36	*Форнош	677	—	—	—	668	—	14	—	32	28	591	31	—
37	Яблуново, Жакужа	517	494	95.55	—	5	—	18	—	398	25	—	94	—
	* *V. Надтисянський* пов., 43 гром.	47.069	1.142	2.43	39	45.752	4	105	27	6.778	6.168	8.054	5.821	48
1	*Бене	654	11	0.69	—	642	—	—	1	125	146	290	93	—
2	*Береги	1.977	10	0.51	—	1.967	—	—	—	91	47	1.676	155	8
3	*Берегсас	9.629	117	11.6	33	9.377	2	82	18	1.289	2.163	3.378	2.770	29
4	*Берегсасвейгардов	639	3	0.47	—	636	—	—	—	164	129	286	60	—
5	*Боржова	729	5	0.68	—	720	—	4	—	58	65	512	94	—
6	Бучу	542	31	5.72	—	511	—	—	—	84	194	242	22	—
7	**Гомок	284	—	—	—	284	—	—	—	245	14	9	16	—
8	Гат	1.702	357	20.97	1	1.344	—	—	—	454	61	1.054	122	11
9	Кідьовш	387	4	1.03	—	380	—	—	3	11	38	328	10	—
10	*Кішбегань	740	5	0.67	—	735	—	—	—	51	59	610	20	—
11	Квасово	664	505	76.05	1	157	—	1	—	575	14	23	52	—
12	*Мужіово	1.328	2	0.15	—	1.318	1	2	5	318	236	573	199	—
13	*Надьбегань	1.134	7	0.62	—	1.127	—	—	—	370	181	523	60	—
14	Надьгут	499	20	4.01	—	479	—	—	—	55	25	411	8	—
15	Нове Село	1.193	25	2.09	—	1.167	—	1	—	30	21	1.032	110	—
16	Оросієво	627	1	0.0	—	625	—	1	—	78	208	303	38	—
17	*Чома	534	—	—	—	534	—	—	—	352	39	94	49	—
18	*Яношіово	1.071	30	2.8	—	1.041	—	—	—	767	38	238	28	—
	* *VI. Косинський* пов., 24 гром.	27.560	195	0.69	18	27.198	3	132	14	1.507	2.195	21.294	2.553	11
1	*Баркасов	1.142	6	0.52	—	1.133	—	3	—	104	64	821	153	—
2	Батю	1.316	58	4.4	—	1.247	1	9	1	103	85	982	142	4
3	Бовтрадь	1.403	19	1.35	2	1.347	—	31	4	105	156	1.061	77	4
4	Запсонь	724	13	0.79	—	709	—	2	—	24	42	585	73	—
5	Кішдобронь	1.165	13	1.11	—	1.152	—	—	—	14	77	856	218	—
6	*Косино	2.058	—	—	2	2.043	—	13	—	126	307	1.185	440	—
7	*Надьдобронь	2.810	4	0.14	3	2.756	—	44	3	44	122	2.455	189	—
8	*Надьловня	1.671	5	0.29	—	1.666	—	—	—	175	281	1.137	78	—
9	*Серне	1.193	4	0.33	1	1.187	—	1	—	48	52	978	114	1

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
3	*Гамре	779	—	—	660	59	8	26	24	220	456	65	38	—
4	**Гонькївці	661	1	0.15	592	28	—	37	3	445	164	2	50	—
5	Йовса	805	16	1.99	696	34	—	50	9	555	201	7	42	—
6	Конюш	525	10	1.90	389	15	—	110	1	361	48	6	110	—
7	Кристи	466	36	7.73	397	8	—	25	—	76	68	261	61	—
8	Німецька Поруба	581	402	69.19	41	5	—	132	1	418	32	—	131	—
9	**Підгородя, Пудгородя	517	49	9.09	358	28	8	80	1	409	27	—	81	—
10	*Ремети вижні	505	—	—	496	9	—	—	—	282	156	2	65	—
11	*Рибниця вижня	465	1	0.21	445	16	—	3	—	246	131	7	81	—
12	Рибниця нижня	393	51	12.98	298	24	—	20	—	303	67	9	14	—
13	Руськівці, Рускувці	425	3	0.71	382	8	—	31	1	280	114	—	31	—
14	Собранці	1.143	5	0.43	600	372	—	165	1	383	374	67	319	—
15	Тернавка	748	6	0.80	689	33	—	11	9	438	250	46	14	—
16	**Хлївище	495	9	1.82	390	27	—	12	57	339	147	1	8	—
	*V. *Капушанський* пов., 52 гром.	32.106	76	0.24	3.350	28.289	75	264	52	8.140	10.888	10.878	2.684	11
1	Баянгаза	510	2	0.38	37	470	—	—	1	176	171	133	30	—
2	Ботфалва	528	3	0.57	15	490	—	14	1	188	123	132	80	—
3	Йоври, Йоври-Дарма	1.532	37	2.42	521	958	—	1	15	615	472	96	342	7
4	*Кіпрат	597	—	—	21	575	—	1	—	86	123	367	21	—
5	Концгаза	488	5	1.14	1	482	—	—	—	117	245	47	29	—
6	Павловці	2.062	6	0.29	1.791	248	—	14	3	392	1.481	50	134	5
7	*Паладь	450	—	—	5	445	—	—	—	69	67	271	43	—
8	Сенне	754	4	0.53	709	38	—	8	—	281	484	18	26	—
0	Сірте	1.155	7	0.61	25	1.128	—	—	—	260	265	479	151	—
10	*Тарповці	359	1	0.28	80	318	—	4	2	122	81	119	37	—
11	Тег[illegible]	[illegible]	2	0.67	222	51	—	24	[illegible]	121	125	[illegible]	[illegible]	[illegible]

	*Земплинська ст.	327.998	84.881	10.62	106.114	174.107	144	8.072	4.725	101.053	128.967	71.264	31.538	176
	**I. Сниньский* пов., 49 гром.	27.495	18.756	68.22	6.710	750	30	786	465	19.450	6.431	118	1.503	—
1	Березовець	142	142	100	—	—	—	—	—	142	—	—	—	—
2	Бистре, Руське Бистре	338	330	97.63	1	5	—	—	2	331	3	—	4	—
3	Валашківці	253	237	93.69	13	3	—	—	—	239	14	—	—	—
4	Волово, Руське В.	429	421	98.12	—	3	—	5	—	424	—	—	5	—
5	Дара	164	164	100	—	—	—	—	—	158	6	—	—	—
6	**Дедачівці, Дедачовці	90	—	—	90	—	—	—	4	77	6	—	7	—
7	Дубрава	283	259	95.05	15	8	—	2	—	248	18	—	17	—
8	Гостовиця	837	813	97.13	18	6	—	—	—	768	14	—	55	—
9	Грабова Ростока	165	162	98.18	—	—	—	3	30	154	—	—	11	—
10	Грабовець, Руський Грабовець	786	466	64.69	124	81	1	84	10	497	149	21	69	—
11	Інівці	292	278	95.21	—	4	—	—	7	283	1	—	8	—
12	Збій, Збуй	832	801	96.27	5	—	—	19	—	778	26	7	21	—
13	Звала	486	415	92.89	—	—	—	21	4	409	—	—	27	—
14	*Зубне	407	5	1.23	368	2	—	38	—	298	80	—	29	—
15	Калне-Ростока	568	517	91.02	—	28	1	22	—	524	4	—	30	—
16	Кленова	818	738	90.22	14	37	—	29	—	746	15	2	55	—
17	Ковбасова	328	277	84.45	—	2	—	49	—	278	1	—	49	—
18	Колониця	594	545	91.92	5	8	—	36	—	551	8	—	35	—
19	Криве, Крива	398	332	83.42	—	4	27	35	—	362	—	—	36	—
20	Ладомир	450	429	95.33	—	21	—	—	—	407	8	—	35	—
21	**Машківці, Машковці	133	—	—	131	2	—	—	—	130	3	—	—	—
22	Михайлів	161	152	94.41	—	3	—	6	—	152	—	—	9	—
23	**Нехвальполянка	385	2	0.52	372	—	—	11	—	373	—	—	12	—
24	Новоселиця	590	575	97.46	—	1	—	13	1	577	—	—	13	—
25	Остріжниця, Остружниця	197	197	100	—	—	—	—	—	188	—	—	9	—
26	*Папина	821	3	0.48	745	20	—	53	—	21	740	8	52	—
27	Паригузівці	192	185	96.31	—	—	—	7	—	185	—	—	7	—
28	Пихне	447	433	96.84	1	5	—	6	2	430	1	5	11	—
29	Поляна велика, Великі Поляни	741	720	97.16	7	8	—	—	6	643	8	—	90	—
30	Потік, Руський Потік	381	366	96.06	1	7	—	7	—	365	4	—	12	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
29	Прислоп	168	164	97.62	—	—	—	4	—	164	—	—	4	—
30	Пчолине, Пчолина	918	851	93.09	35	19	—	7	1	856	24	8	25	—
31	Рівнина, Рувнина, Рунина	279	253	90.68	—	1	—	25	—	253	2	—	24	—
32	Руське	702	683	97.29	7	5	—	6	1	632	10	—	60	—
33	Смільник	337	334	99.11	2	—	—	—	1	321	7	—	9	—
34	*Снина	2.750	3	0.11	2.457	246	—	12	32	82	2.423	39	206	—
35	Стакчин	1.266	839	66.27	94	47	—	118	167	897	289	15	65	—
36	Стакчин-Ростока	971	241	88.93	8	1	—	20	1	241	16	1	13	—
37	Старина	835	741	88.74	20	25	1	47	1	750	33	2	50	—
38	Стригівції	344	333	97.09	—	7	—	—	4	339	1	—	4	—
39	Телепівції	732	570	77.44	17	—	—	35	110	584	126	—	22	—
40	Тополя	511	503	98.43	—	8	—	—	—	471	7	—	33	—
41	Убля	951	858	91.14	50	41	—	1	1	823	66	2	60	—
42	Улич	857	778	90.55	1	25	—	53	—	780	29	—	48	—
43	*Ціроцка Бела	1.108	—	—	1.077	29	—	—	2	33	1.018	3	54	—
44	Ціроцке Длуге	1.357	29	2.14	1.238	29	—	2	59	57	1.244	—	56	—
45	Чукалівції	436	412	94.49	—	7	—	17	—	418	1	—	17	—
46	Шмигівції	283	277	97.88	—	1	—	4	1	276	2	—	5	—
47	Яблінка вижня	559	523	91.77	5	2	—	22	7	532	5	—	22	—
48	Яблінка нижня	350	303	86.57	15	6	—	16	10	303	28	—	19	—
49	Ялова	103	97	94.17	—	—	—	6	—	97	—	—	6	—
	*II. *Гуменський* пов., 74 гром.	33.918	11.047	32.57	16.280	2.288	1	2.910	1.392	14.036	15.850	444	3.588	5
1	Берестів Збудський	218	189	86.69	20	4	—	5	—	189	13	—	16	—
2	Борів	378	325	87.18	8	—	—	31	9	328	14	—	31	—
3	Видрани, Видрань	605	398	65.78	47	25	—	101	34	392	[illegible]	17	[illegible]	—

27	Комарівці, Комарувці	872	826	94.78	4	42	—	—	—	713	46	18	95	—
28	Коритняни	686	503	73.32	1	178	—	4	—	562	50	41	33	—
29	Корумля	608	—	—	520	12	—	69	7	463	78	—	72	—
30	Лази великі	412	343	83.25	2	62	—	4	1	343	33	6	22	8
31	Лінці	667	541	87.10	3	15	—	108	—	547	10	2	108	—
32	Ляхівці, Ляхувці	461	372	80.69	11	34	—	44	—	387	26	3	45	—
33	*Минай	339	3	0.88	24	298	—	12	2	142	77	55	65	—
34	Невицьке, Невицькоє	797	746	81.05	10	40	—	1	—	763	19	7	8	—
35	Німецьке (—оє) вижне	297	1	0.33	238	18	—	40	—	168	81	3	45	—
36	Німецьке (—оє) нижне	403	22	5.45	333	45	—	—	3	139	210	37	17	—
37	**Онoківці, Онокувці	681	1	0.14	646	32	—	—	2	172	492	—	17	—
38	Ореховиця, Орехово	503	479	95.22	—	24	—	—	—	474	5	1	23	—
39	Петрівці, Петрувці, Петровце	535	1	0.18	519	13	—	—	2	158	372	—	5	—
40	Пинківці, Пінковце	439	7	1.59	202	228	—	2	—	161	105	164	9	—
41	*Радванка	1.169	235	27.8	258	491	—	157	28	511	257	78	328	—
42	Середнє (—оє)	1.729	713	41.23	507	186	—	322	1	768	529	29	403	—
43	Сейков	372	—	—	348	15	—	14	—	244	111	3	14	—
44	Солотвина	610	517	84.75	—	13	—	80	—	499	27	3	81	—
45	Солотвинка	277	252	90.97	—	12	—	13	—	254	7	1	15	—
46	Стрипа	193	184	95.33	1	8	—	—	—	183	8	—	2	—
47	Ташоля	383	2	0.52	367	6	—	8	—	51	21	278	33	—
48	*Ужгород, Унгвар	14.728	500	3.32	1.228	11.631	12	1.071	286	8.947	4.798	1.400	4.560	18
49	*Хомець	786	20	2.54	2	763	—	—	1	281	154	286	65	—
50	Худльово	1.235	1.085	88.8	1	66	—	132	1	1.086	6	1	192	—
51	Циганівці	278	250	89.92	2	25	1	—	—	286	80	1	11	—
52	*Часловець	618	22	3.56	5	590	—	1	—	246	294	8	70	—
53	Чертиж	436	390	89.45	—	42	—	3	1	344	29	5	58	—
54	Ярок	664	619	93.22	—	24	—	21	—	629	13	1	21	—
55	Янківці	784	5	0.63	638	111	—	30	—	247	161	333	43	—
	**IV. Собранецький пов., 51 гром.*	28.360	962	3.88	28.251	1.742	18	2.173	193	14.202	8.524	2.755	2.879	—
1	Бенятина	419	354	84.49	6	1	—	58	361	—	—	—	58	—
2	Гажин, Гажина	594	8	1.59	568	17	—	1	—	340	187	78	39	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
2	**Бжани	193	—	—	191	1	—	1	—	177	5	—	11	—
3	**Бистра Стропківська.	114	—	—	114	—	—	—	—	114	—	—	—	—
4	**Бокша	249	—	—	164	6	—	30	49	162	57	—	30	—
5	**Брусниця, Брушниця	285	4	1,75	244	13	—	7	17	159	15	—	11	—
6	Буковець Земпл.	91	83	91,21	—	—	—	8	—	83	—	—	8	—
7	Буковець Шаришський	248	237	95,57	1	8	—	2	—	236	3	—	9	—
8	**Валків, Валківці.	241	1	0,41	238	2	—	—	—	218	16	—	7	—
9	Варихівці.	297	253	85,18	5	5	7	11	16	250	37	1	9	—
10	Велкроп	223	218	97,76	—	3	—	1	1	214	2	1	6	—
11	Війтівці	106	99	92,39	7	—	—	—	—	99	—	1	6	—
12	**Владича вижня	93	—	—	93	—	—	—	—	83	—	—	10	—
13	**Владича нижня	114	—	—	114	—	—	—	—	105	—	—	9	—
14	*Гавай.	265	17	6,41	226	13	—	5	4	241	11	—	13	—
15	**Грабовець Стропк., Руський	81	—	—	73	4	—	4	—	58	12	1	10	—
16	*Голчиківці, Голчиковці	157	2	1,27	124	—	—	8	23	38	108	—	11	—
17	Гуменянська Олька	337	265	78,63	24	12	—	34	2	260	36	7	34	—
18	**Гіровці.	81	—	—	67	—	—	4	—	54	19	—	11	—
19	**Детрик.	139	—	—	138	1	—	—	—	119	14	—	6	—
20	**Дрична Земплинська.	122	—	—	122	—	—	—	—	117	—	—	5	—
21	**Дрична Шаришська	174	—	—	173	—	—	1	—	174	—	—	—	—
22	Завада.	206	198	96,11	—	—	—	8	—	198	—	—	8	—
23	Кайня Руська.	148	139	93,92	3	2	—	4	—	140	2	—	6	—
24	**Колбівці, Келбівці.	128	—	—	111	—	—	5	12	121	2	—	5	—
25	**Крижлівці	72	—	—	72	—	—	—	—	71	1	—	—	—
26	Кручово, Руський Кручів.	179	163	87,71	9	4	—	3	—	167	2	—		—
27	Ліпно (—а), Ломне.	26[illegible]	251	94,72	10	4	—	—	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	10	—

	Д.													
	*Земплинська ст.	327.993	34.831	10.62	106.114	174.107	144	8.072	4.725	101.053	123.967	71.264	31.533	176
	*I. *Снинський* пов., 49 гром.	27.495	18.756	68.22	6.710	750	30	786	465	19.450	6.431	113	1.503	—
1	Березовець	142	142	100	—	—	—	—	—	142	—	—	—	—
2	Бистре, Руське Бистре	338	330	97.63	1	5	—	—	2	331	3	—	4	—
3	Валашківці	253	237	93.69	13	3	—	—	—	239	14	—	—	—
4	Волово, Руське В.	429	421	98.12	—	3	—	5	—	424	—	—	5	—
5	Дара	164	164	100	—	—	—	—	—	158	6	—	—	—
6	**Дедачівці, Дедачовці	90	—	—	90	—	—	—	4	77	6	—	7	—
7	Дубрава	283	259	95.05	15	3	—	2	—	248	18	—	17	—
8	Гостовиця	837	813	97.13	18	6	—	—	—	768	14	—	55	—
9	Грабова Ростока	165	162	98.18	—	—	—	3	30	154	—	—	11	—
10	Грабовець, Руський Грабовець	736	466	64.69	124	81	1	34	10	497	149	21	69	—
11	Інівці	292	278	95.21	—	4	—	—	7	283	1	—	8	—
12	Збій, Збуй	832	801	96.27	5	—	—	19	—	778	26	7	21	—
13	Звала	436	415	92.89	—	—	—	21	4	409	—	—	27	—
14	*Зубне	407	5	1.23	368	2	—	33	—	298	80	—	29	—
15	Калне-Ростока	568	517	91.02	—	28	1	22	—	524	4	—	30	—
16	Кленова	818	738	90.22	14	37	—	29	—	746	15	2	55	—
17	Ковбасова	328	277	84.45	—	2	—	49	—	278	1	—	49	—
18	Колониця	594	545	91.92	5	8	—	36	—	551	8	—	35	—
19	Криве, Крива	398	332	83.42	—	4	27	35	—	362	—	—	36	—
20	Ладомир	450	429	95.33	—	21	—	—	—	407	8	—	35	—
21	**Машківці, Машковці	133	—	—	131	2	—	—	—	130	3	—	—	—
22	Михайлів	161	152	94.41	—	3	—	6	—	152	—	—	9	—
23	**Нехвальполянка	385	2	0.52	372	—	—	11	—	373	—	—	12	—
24	Новоселиця	590	575	97.46	—	1	—	13	1	577	—	—	13	—
25	Остріжниця, Остружниця	197	197	100	—	—	—	—	—	188	—	—	9	—
26	*Папина	821	3	0.48	745	20	—	53	—	21	740	8	52	—
27	Паригузівці	192	185	96.31	—	—	—	7	—	185	—	—	7	—
28	Пихне	447	433	96.84	1	5	—	6	2	430	1	5	11	—
29	Поляна велика, Великі Поляни	741	720	97.16	7	8	—	—	6	643	8	—	90	—
30	Потік, Руський Потік	381	366	96.06	1	7	—	7	—	365	4	—	12	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
6	**Петківці	132	—	—	132	—	—	—	—	118	13	1	—	—
7	**Штефанівці	191	—	—	170	13	—	—	8	126	62	—	3	—
	V. Михайлівський пов., 44 гром.	34.088	14	0.04	24.635	7.940	2	1.109	388	11.249	13.535	6.134	3.162	7
	**IV. Сечовецький* пов., 37 гром.	29.703	116	0.39	23.426	5.320	—	450	391	12.981	11.943	2.680	2.034	65
1	**Бачків	757	60	7.92	637	30	—	29	1	483	254	2	18	—
2	Гардіще	1.187	6	0.51	388	787	—	—	6	414	191	523	59	—
3	Сечовці	3.173	7	0.21	1.690	1.170	—	186	120	975	1.248	156	794	—
4	**Цабів, Цабівці	439	33	7.52	402	4	—	—	—	321	65	1	52	—
5	Чельовці	752	6	0.79	553	188	—	5	—	405	266	38	43	—
	VII. Уйгельський пов., 45 гром.	48.924	25	0.05	6.351	41.731	8	495	314	12.378	17.460	11.827	7.216	43
	VIII. Бодрогський пов., 50 гром.	46.385	10	0.02	139	46.003	8	157	68	8.388	11.206	23.137	3.635	19
	**IX. Токайський* пов., 15 гром.	25.711	89	0.35	937	24.485	1	144	55	3.846	10.782	7.543	3.526	14
1	**Комлошка	626	74	11.82	3	549	—	—	—	599	13	6	8	—
	X. Серенчський пов., 26 гром.	43.444	1	0.00	161	42.812	86	121	263	2.894	20.838	15.705	3.298	14
	E.													
	*Шаришська ст.	174.470	33.988	19.48	115.141	10.926	33	10.886	3.496	53.484	93.758	14.981	12.262	40
	**I. Маковицький* пов., 74 гром.	23.235	12.359	53.19	8.156	277	2	1.689	752	16.988	4.025	35	2.190	2
1	Белеївці	174	161	88.38	—	—	—	13	—	161	—	—	13	—
2	Бехерів	732	658	88.82	14	7	—	37	16	681	25	—	26	—
3	**Бодружал	151	3	1.99	147	—	—	1	—	143	—	—	8	—
4	Вагринець	205	186	90.73	19	—	—	—	—	186	13	—	6	—
5	Ваненик	154	148	86.86	—	4	—	7	—	147	—	—	7	—
6	Варадка	296	284	95.82	1	—	—	11	—	285	—	—	11	—
7	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	2	—	18	1	241	1	—	[illegible]	—

[illegible]	Гавранець, Гавринець	8[illegible]	[illegible]	[illegible]	1	—	—	4	—	81	—	—	4	—
10	Грабівчик	311	298	95.82	—	7	—	6	—	305	—	—	6	—
11	**Грибів	163	—	—	159	1	—	—	3	156	—	—	7	—
12	Гунківці	289	287	88.01	8	6	—	35	3	238	16	1	34	—
13	Гутка	208	195	93.75	—	—	—	13	—	193	—	—	15	—
14	Доброслава	119	115	96.64	—	—	—	4	—	115	—	—	4	—
15	**Долгоня	115	—	—	91	—	—	24	—	85	6	—	24	—
16	Дубова	486	450	92.59	2	—	—	17	17	464	5	—	17	—
17	Дуплин	279	140	50.18	112	11	—	8	8	137	124	1	15	2
18	Зборів	2.251	1	0.04	1.485	64	—	636	115	56	1.534	16	645	—
19	Капишова	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Кечківці	449	403	91.31	1	—	—	27	18	421	—	1	27	—
21	**Кожухівці	117	—	—	117	—	—	—	—	111	1	—	5	—
22	Комлоша	682	636	93.25	—	—	—	22	24	653	8	—	21	—
23	Кореївці	106	101	95.29	—	—	—	5	—	101	—	—	5	—
24	**Комарник вижній	212	—	—	192	—	—	—	20	161	20	—	31	—
25	**Комарник нижній	324	1	0.30	306	11	—	—	6	196	58	—	70	—
26	**Крайня Бистра	308	—	—	308	—	—	—	—	287	—	—	21	—
27	Крайня Поляна	117	104	88.89	—	—	—	13	—	104	—	—	13	—
28	Крайня Порубка	178	163	91.57	—	—	—	15	—	163	—	—	15	—
29	Крайне Чарне, Чарно	156	136	87.18	—	—	—	20	—	136	—	—	20	—
30	**Кружльова	313	6	1.91	286	6	—	15	—	296	2	—	15	—
31	Крушинець	124	99	79.84	13	—	—	—	12	98	21	—	5	—
32	Куримка	491	475	96.75	2	1	—	4	9	466	11	—	14	—
33	Ладомирка, Ладомирова	749	455	60.75	285	8	—	—	1	462	47	—	240	—
34	Медвеже	162	123	75.93	2	2	—	29	6	133	6	—	23	—
35	Мергешка	124	115	92.74	5	2	—	2	—	117	5	—	2	—
36	Местиско	315	4	1.27	297	—	—	4	10	19	289	—	7	—
37	**Мироля	156	—	—	156	—	—	—	—	138	1	—	17	—
38	Мирошів вижній	485	446	91.96	—	16	—	23	—	461	1	—	23	—
39	Мирошів нижвій	330	310	93.94	—	—	—	20	—	309	—	—	21	—
40	Млинарівці	354	339	95.76	6	2	—	7	—	342	2	—	10	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
6	**Петківці	132	—	—	132	—	—	—	—	118	13	1	—	—
7	**Штефанівці	191	—	—	170	13	—	—	8	126	62	—	3	—
	V. Михайлівський пов., 44 гром.	34.088	14	0.04	24.635	7.940	2	1.109	388	11.249	13.535	6.134	3.162	7
	**IV. Сечовецький* пов., 37 гром. .	29.703	116	0.39	23.426	5.320	—	450	391	12.981	11.943	2.680	2.084	65
1	**Бачків	757	60	7.92	637	30	—	29	1	483	254	2	18	—
2	Гардіще	1.187	6	0.51	388	787	—	—	6	414	191	523	59	—
3	Сечовці.	3.173	7	0.21	1.690	1.170	—	186	120	975	1.248	156	794	—
4	**Цабів, Цабівці	439	33	7.52	402	4	—	—	—	321	65	1	52	—
5	Чельовці	752	6	0.79	553	188	—	5	—	405	266	38	43	—
	VII. Уйгельський пов., 45 гром. .	48.924	25	0.05	6.351	41.731	8	495	314	12.378	17.460	11.827	7.216	48
	VIII. Бодроґський пов., 50 гром.	46.385	10	0.02	139	46.003	8	157	68	3.388	11.206	28.137	3.635	19
	**IX. Токайський* пов., 15 гром. .	25.711	89	0.35	987	24.485	1	144	55	3.846	10.782	7.543	3.526	14
1	**Комлошка	626	74	11.82	3	549	—	—	—	599	13	6	8	—
	X. Серенчський пов., 26 гром. . .	43.444	1	0.00	161	42.812	86	121	263	2.894	20.838	15.705	3.293	14
	E.													
	*Шаришська ст.	174.470	33.988	19.48	115.141	10.926	38	10.886	3.496	53.484	93.758	14.981	12.262	40
	**I. Маковицький* пов., 74 гром. .	23.285	12.359	53.19	8.156	277	2	1.689	752	16.988	4.025	85	2.190	2
1	Белеївці	174	161	88.88	—	—	—	13	—	161	—	—	13	—
2	Бехерів.	732	658	88.82	14	7	—	37	16	681	25	—	26	—
3	**Бодружал.	151	3	1.99	147	—	—	1	—	143	—	—	8	—
4	Вагринець	205	186	90.73	19	—	—	—	—	186	13	—	6	—
5	[illegible]	154	140	[illegible]	—	4	—	7	—	147	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
6	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]	[illegible]	511	[illegible]	[illegible]	—	7	—	6	—	305	—	—	6	—
11	**Грибів	163	—	—	159	1	—	—	3	156	—	—	7	—
12	Гунківці	289	287	88.01	8	6	—	35	3	238	16	1	34	—
13	Гутка	208	195	93.75	—	—	—	13	—	193	—	—	15	—
14	Доброслава	119	115	96.64	—	—	—	4	—	115	—	—	4	—
15	**Долгоня	115	—	—	91	—	—	24	—	85	6	—	24	—
16	Дубова	486	450	92.59	2	—	—	17	17	464	5	—	17	—
17	Duплин	279	140	50.18	112	11	—	8	8	137	124	1	15	2
18	Зборів	2.251	1	0.04	1.435	64	—	636	115	56	1.534	16	645	—
19	Капишова	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Кечківці	449	403	91.31	1	—	—	27	18	421	—	1	27	—
21	**Кожухівці	117	—	—	117	—	—	—	—	111	1	—	5	—
22	Комлоша	682	636	93.25	—	—	—	22	24	653	8	—	21	—
23	Кореївці	106	101	95.29	—	—	—	5	—	101	—	—	5	—
24	**Комарник вижній	212	—	—	192	—	—	—	20	161	20	—	31	—
25	**Комарник нижній	324	1	0.30	306	11	—	—	6	196	58	—	70	—
26	**Крайня Бистра	308	—	—	308	—	—	—	—	287	—	—	21	—
27	Крайня Поляна	117	104	88.89	—	—	—	13	—	104	—	—	13	—
28	Крайня Порубка	178	163	91.57	—	—	—	15	—	163	—	—	15	—
29	Крайне Чарне, Чарно	156	136	87.18	—	—	—	20	—	136	—	—	20	—
30	**Кружльова	313	6	1.91	286	6	—	15	—	296	2	—	15	—
31	Крушинець	124	99	79.84	13	—	—	—	12	98	21	—	5	—
32	Куримка	491	475	96.75	2	1	—	4	9	466	11	—	14	—
33	Ладомирка, Ладомирова	749	455	60.75	285	8	—	—	1	462	47	—	240	—
34	Медвеже	162	123	75.93	2	2	—	29	6	133	6	—	23	—
35	Мергешка	124	115	92.74	5	2	—	2	—	117	5	—	2	—
36	Местиско	315	4	1.27	297	—	—	4	10	19	289	—	7	—
37	**Мироля	156	—	—	156	—	—	—	—	138	1	—	17	—
38	Мирошів вижній	485	446	91.96	—	16	—	23	—	461	1	—	23	—
39	Мирошів нижній	330	310	93.94	—	—	—	20	—	309	—	—	21	—
40	Млинарівці	354	339	95.76	6	2	—	7	—	342	2	—	10	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова. Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Віра. Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
6	**Петківці	132	—	—	132	—	—	—	—	118	13	1	—	—
7	**Штефанівці	191	—	—	170	18	—	—	8	126	62	—	8	—
	V. Михайлівський пов., 44 гром.	34.088	14	0,04	24.635	7.940	2	1.109	388	11.249	18.585	6.134	3.162	7
	**IV. Сечовецький* пов., 37 гром.	29.703	116	0,39	23.426	5.320	—	450	391	12.981	11.948	2.680	2.034	65
1	**Бачків	757	60	7,92	637	30	—	29	1	483	254	2	18	—
2	Гардіще	1.187	6	0,51	388	787	—	—	6	414	191	523	59	—
3	Сечовці	3.178	7	0,21	1.690	1.170	—	186	120	975	1.248	156	794	—
4	**Цабів, Цабівці	439	33	7,52	402	4	—	—	—	321	65	1	52	—
5	Чельовці	752	6	0,79	553	188	—	5	—	405	266	38	43	—
	VII. Уйгельський пов., 45 гром.	48.924	25	0,05	6.351	41.731	8	495	314	12.378	17.460	11.827	7.216	48
	VIII. Бодрогський пов., 50 гром.	46.385	10	0,02	139	46.003	8	157	68	8.388	11.206	23.137	3.635	19
	**IX. Токайський* пов., 15 гром.	25.711	89	0,35	987	24.485	1	144	55	3.846	10.782	7.543	3.526	14
1	**Комлошка	626	74	11,82	3	549	—	—	—	599	13	6	8	—
	X. Серенчський пов., 26 гром.	43.444	1	0,00	161	42.812	86	121	263	2.894	20.888	15.705	3.298	14
	E.													
	*Шаришська ст.	174.470	33.988	19,48	115.141	10.926	33	10.886	3.496	53.484	93.758	14.981	12.262	40
	**I. Маковицький* пов., 74 гром.	23.235	12.359	53,19	8.156	277	2	1.689	752	16.988	4.025	85	2.190	2
1	Велеївці	174	161	88,88	—	—	—	13	—	161	—	—	13	—
2	Бехерів	732	658	88,82	14	7	—	37	16	681	25	—	26	—
3	**Бодружаль	151	3	1,99	147	—	—	1	—	143	—	—	8	—
4	Вагринець	205	186	90,73	19	—	—	—	—	186	13	—	6	—
5	[illegible]	154	148	[illegible]	—	4	—	[illegible]	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
6	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	7	—	6	—	305	—	—	6	—
11	**Грибів	163	—	—	159	1	—	—	3	156	—	—	7	—
12	Гунківці	289	287	88.01	8	6	—	35	3	238	16	1	34	—
13	Гутка	208	195	93.75	—	—	—	13	—	193	—	—	15	—
14	Доброслава	119	115	96.64	—	—	—	4	—	115	—	—	4	—
15	**Долгоня	115	—	—	91	—	—	24	—	85	6	—	24	—
16	Дубова	486	450	92.59	2	—	—	17	17	464	5	—	17	—
17	Дуплин	279	140	50.18	112	11	—	8	8	137	124	1	15	2
18	Зборів	2.251	1	0.04	1.485	64	—	636	115	56	1.584	16	645	—
19	Капишова	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Кечківці	449	403	91.31	1	—	—	27	18	421	—	1	27	—
21	**Кожухівці	117	—	—	117	—	—	—	—	111	1	—	5	—
22	Комлоша	682	636	93.25	—	—	—	22	24	653	8	—	21	—
23	Кореївці	106	101	95.29	—	—	—	5	—	101	—	—	5	—
24	**Комарник вижній	212	—	—	192	—	—	—	20	161	20	—	31	—
25	**Комарник нижній	324	1	0.30	306	11	—	—	6	196	58	—	70	—
26	**Крайня Бистра	308	—	—	308	—	—	—	—	287	—	—	21	—
27	Крайня Поляна	117	104	88.89	—	—	—	13	—	104	—	—	13	—
28	Крайня Порубка	178	163	91.57	—	—	—	15	—	163	—	—	15	—
29	Крайне Чарне, Чарно	156	136	87.18	—	—	—	20	—	136	—	—	20	—
30	**Кружльова	313	6	1.91	286	6	—	15	—	296	2	—	15	—
31	Крушинець	124	99	79.84	13	—	—	—	12	98	21	—	5	—
32	Куримка	491	475	96.75	2	1	—	4	9	466	11	—	14	—
33	Ладомирка, Ладомирова	749	455	60.75	285	8	—	—	1	462	47	—	240	—
34	Медвеже	162	123	75.93	2	2	—	29	6	133	6	—	23	—
35	Мергешка	124	115	92.74	5	2	—	2	—	117	5	—	2	—
36	Местиско	315	4	1.27	297	—	—	4	10	19	289	—	7	—
37	**Мироля	156	—	—	156	—	—	—	—	138	1	—	17	—
38	Мирошів вижній	485	446	91.96	—	16	—	23	—	461	1	—	23	—
39	Мирошів нижній	330	310	93.94	—	—	—	20	—	309	—	—	21	—
40	Млинарівці	354	339	95.76	6	2	—	7	—	342	2	—	10	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.		Словацька.	Мадярська.	Румуньска.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
				%										
41	Никлова	352	317	90.06	2	2	—	14	17	335	4	—	13	—
42	Ольшавка, Вільшавка	247	239	96.76	8	—	—	—	—	239	—	—	8	—
43	Ондавка	159	151	94.97	—	—	—	8	—	151	—	—	8	—
44	Орлик, Орлих вижній	561	415	73.97	34	16	—	65	31	420	42	5	94	—
45	Орлик, Орлях нижній	394	322	81.73	1	2	—	56	13	317	21	—	56	—
46	Писана вижня	156	142	91.02	—	—	—	8	6	143	5	—	8	—
47	Писана нижня	181	143	84.58	—	2	—	11	15	159	12	—	10	—
48	Полянка вижня	165	149	90.30	—	—	—	10	6	155	—	—	10	—
49	Полянка нижня	246	205	83.33	—	8	—	33	—	206	12	1	27	—
50	Потоки	124	105	84.68	15	—	—	4	—	108	12	—	4	—
51	**Прикре, Прикра	114	—	—	114	—	—	—	—	108	—	—	6	—
52	**Пстрина, Пострина	173	—	—	164	1	—	—	8	168	—	—	5	—
53	Раковець	155	135	87.09	19	—	—	—	1	135	10	—	10	—
54	**Регетів, Регетівка, Регетувка	300	—	—	295	—	—	3	2	300	—	—	—	—
55	Ростоки, Ростока	443	418	98.10	1	6	—	23	—	419	1	—	23	—
56	**Рівна, Ровно	586	—	—	478	4	—	6	98	451	122	1	12	—
57	Свидник вижній	745	430	57.05	49	62	2	110	92	443	184	5	113	—
58	Свидник нижній	390	239	61.28	36	1	—	15	99	266	109	—	15	—
59	**Свидничка, Свидничка	241	—	—	207	—	—	34	—	207	—	—	34	—
60	Сорочин	324	126	38.89	128	3	—	41	26	143	144	—	37	—
61	**Стебник	492	—	—	474	2	—	16	—	474	5	—	13	—
62	*Стебницька Гута, Гутиска	384	—	—	365	—	—	19	—	17	346	—	21	—
63	**Сухе, Суха	123	2	1.62	120	—	—	—	1	116	1	—	6	—
64	Тишинець	125	19	15.2	100	1	—	5	—	21	86	—	18	—
65	Цигла	171	168	85.87	1	—	—	7	—	158	6	—	7	—
[illegible]	[illegible], Чарно	[illegible]	468	97.19	—	1	—	15	—	[illegible]	1	—	[illegible]	—

68	Шарбів	108	65	60.19	—	—	—	38	5	67	3	—	38	—
69	Шеметківці, Семетківці	194	190	97.94	4	—	—	—	—	190	—	—	4	—
70	Шмільно, Смільно	741	29	3.95	619	1	—	53	39	62	625	—	54	—
71	Юркова Воля	273	220	60.58	48	—	—	5	—	220	48	—	5	—
72	Єдлинка, Ядлинка	154	142	92.22	—	—	—	12	—	142	—	—	12	—
73	Єдлова, Ядлова вижня	200	193	96.50	—	—	—	7	—	193	—	—	7	—
74	Єдлова, Ядлова нижня	171	162	94.74	—	—	—	9	—	161	—	—	10	—
	II. *Топлянський* пов., 76 гром.	21.593	2.265	10.49	16.860	564	1	1.218	685	5.127	10.679	4.378	1.409	—
1	**Бенядиківці	347	—	—	321	—	—	12	14	295	40	—	12	—
2	Брезівка, Брезувка	69	39	56.52	30	—	—	—	—	36	33	—	—	—
3	Вавринець	123	119	96.75	3	1	—	—	—	120	3	—	—	—
4	Вальківці	181	167	92.27	3	—	—	—	11	174	7	—	—	—
5	**Влача	136	—	—	131	—	—	5	—	84	8	39	5	—
6	**Дюрдьош	207	11	5.31	155	6	—	13	22	146	49	—	12	—
7	**Кобульниця, Кобильниця	114	—	—	106	6	—	—	2	104	10	—	—	—
8	Кожани	166	143	82.18	17	—	—	6	—	146	18	1	6	—
9	Кручів	122	18	14.75	100	—	—	4	—	21	33	64	4	—
10	Ласців	183	54	29.51	118	—	—	7	4	56	75	45	7	—
11	Липова	159	151	94.97	1	—	—	7	—	151	1	—	7	—
12	Маргоня	387	26	6.72	305	24	—	30	2	58	235	79	15	—
13	Матїівці	127	119	93.70	2	6	—	—	—	113	8	—	6	—
14	Матяшок, Матяшка	156	116	73.72	10	—	—	7	23	122	26	1	7	—
15	Ортутова	206	190	92.23	11	—	—	—	5	189	5	—	12	—
16	Просяч	137	73	53.28	50	—	—	—	14	134	3	—	—	—
17	Ременини	252	169	68.29	54	6	—	23	—	201	15	6	30	—
18	Руська Воля	91	91	100	—	—	—	—	—	91	—	—	—	—
19	Собош, Собоч	199	183	91.96	6	—	—	—	10	188	6	—	5	—
20	Фіяш, Фіяшиці	139	127	91.37	7	—	—	3	2	129	2	5	3	—
21	**Фулянка, Полянка	252	21	8.33	222	7	—	2	—	227	20	3	2	—
22	Шапинець	148	141	95.27	6	1	—	—	—	140	4	—	4	—
23	Шашова	175	165	94.28	5	—	—	4	1	165	6	—	4	—
24	Штефурів	143	127	88.81	13	—	—	3	—	127	10	3	3	—
25	**Щавник	170	9	5.35	151	—	—	9	1	157	4	—	9	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова. Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Віра. Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
	**III. Секчівський* пов., 61 гром.	30.378	7.208	28.71	18.697	1.263	—	2.781	481	9.519	15.197	2.898	2.766	8
1	Андрейова	379	368	97.09	7	1	—	3	—	368	8	—	3	—
2	*Бардіїв	6.102	14	0.23	3.234	997	—	1.721	136	286	3.386	714	1.715	1
3	Біловежа	613	578	76.99	5	9	—	20	6	587	7	—	19	—
4	*Богл**я**рка	267	—	—	261	1	—	5	—	239	22	1	5	—
5	Венеція, Бенатки	177	157	98.18	20	—	—	—	—	157	5	—	15	—
6	Городиско, Градиско	341	262	76.83	63	7	—	7	2	297	38	2	4	—
7	Грабське, Грабское	458	406	89.62	12	8	—	27	—	414	12	—	27	—
8	Гералтик, Гералтівці, Гералцик.	186	156	83.87	25	—	—	5	—	166	14	1	5	—
9	Герлахів	466	394	84.55	47	13	—	11	1	398	32	—	36	—
10	Жатківці	156	135	86.54	16	—	—	4	1	140	11	—	4	1
11	Завадка	91	83	92.31	8	—	—	—	—	91	—	—	—	—
12	**Криве	214	—	—	208	—	—	6	—	207	1	—	6	—
13	**Криже	304	—	—	280	2	—	22	—	267	13	—	24	—
14	Кружльово	389	354	91.00	5	1	—	20	9	348	24	3	19	—
15	Курів, Курова	484	462	95.45	12	1	—	7	2	429	37	1	17	—
16	Льві**в**	392	353	90.05	15	6	—	16	2	365	11	—	16	—
17	Львівська Гута	404	285	70.54	95	10	—	13	1	287	108	1	8	—
18	Луково	702	544	77.06	22	13	—	107	16	541	45	1	115	—
19	**Мальців	741	99	13.88	581	4	—	92	15	555	97	—	89	—
20	Петрова, Питрова	441	428	97.04	2	—	—	11	—	428	1	—	12	—
21	Решів, Рашів	303	284	93.73	15	2	—	2	—	279	22	—	2	—
22	Снаків, Знаків	504	471	93.45	—	—	—	25	8	479	—	—	25	—
23	Тварожці вижні	220	218	99.09	2	—	—	—	—	211	5	—	4	—
24	Тварожці нижні	405	399	98.52	3	—	—	—	3	387	7	—	11	—
25	Фричка	296	285	96.28	1	—	—	10	—	285	1	—	10	—
26	Цигелка, Циголка	502	466	93.23	—	—	—	20	14	482	—	—	20	—

	*IV. *Вижньоторисъкий* п., 59 гр.	36.377	11.656	31.61	21.335	1.286	—	1.897	600	14.655	19.422	899	2.001	—
1	Баіровець, Баірівці	789	705	92.68	2	12	—	7	13	711	18	3	7	—
2	Блажів	1.195	959	80.25	143	2	—	33	57	987	179	1	28	—
3	Гайтівки, Гайтувки	225	219	96.89	3	—	—	3	—	190	32	—	3	—
4	Ганигівці, Ганиговці	643	294	45.72	332	1	—	2	14	613	26	—	4	—
5	**Громош	535	4	0.75	509	5	—	7	10	329	200	—	6	—
6	Київ	575	524	91.17	13	1	—	23	14	540	12	—	23	—
7	Кривяни	1.028	16	1.55	939	31	—	27	15	87	909	5	27	—
8	Легнава, Легнава	460	454	98.69	2	—	—	4	—	455	1	—	4	—
9	Липник малий	804	756	94.03	2	11	—	26	9	760	21	—	23	—
10	Липяни	1.413	18	1.27	968	93	—	294	40	32	1.060	13	308	—
11	Луцина	637	326	51.08	279	6	—	26	—	548	47	—	42	—
12	Матисова	542	526	97.04	6	3	—	5	2	525	10	—	7	—
13	Обручне, Обручноє	225	196	87.11	2	4	—	23	—	196	3	2	24	—
14	**Олійник	514	183	35.6	317	3	—	11	—	415	73	9	17	—
15	Орлів	907	756	83.35	71	15	—	46	19	767	110	7	23	—
16	Плавча, Плавеч	1.332	2	0.15	1.246	21	—	45	18	137	1.144	6	45	—
17	Пусте Поле, Пуста Полька, Вислянка	334	6	0.79	321	—	—	7	—	308	14	—	12	—
18	Ренчишів, Ренчичів	330	288	87.27	40	—	—	2	—	291	37	—	2	—
19	Руська Воля	179	160	96.7	—	—	—	19	—	159	—	—	20	—
20	Старина	465	448	96.02	—	2	—	13	2	450	2	—	13	—
21	Сулин	344	335	97.38	—	1	—	8	—	335	1	—	8	—
22	Уяк	666	595	89.34	32	2	—	21	15	608	37	—	21	—
23	Чирч	819	687	83.88	19	11	—	102	—	700	18	—	101	—
24	Шамброн	1.065	1.005	94.37	11	14	—	25	10	1.028	8	—	29	—
25	Шома	492	450	91.46	11	8	—	11	12	461	15	6	10	—
26	Штельбах	710	678	95.49	5	16	—	1	10	695	7	—	8	—
27	Яковяни	260	214	82.31	40	4	—	—	2	216	42	—	2	—
28	Ястреб, Ястребє	881	841	95.46	7	7	—	20	6	838	22	—	21	—
	*V. *Широцький* пов., 61 гром.	42.673	503	1.18	31.992	6.783	30	2.826	539	5.057	30.955	3.311	3.810	31
1	¹Клембарек	478	—	—	426	19	—	20	13	403	56	—	19	—
2	Миклушівці	410	366	89.27	15	10	—	16	3	365	28	—	17	—

Порядкове число.	СТОЛИЦЯ, ПОВІТ, ГРОМАДА.	Загальне число людности.	Рідна мова.							Віра.				
			Руська.	%	Словацька.	Мадярська.	Румунська.	Німецька.	Иньша.	Греко-католицька.	Римо-католицька.	Протестантська.	Жидівська.	Иньша.
3	Пряшів, Прешов.	14.447	121	0.84	6.804	5.513	27	1.705	277	1.581	9.181	1.556	2.106	23
4	*Руска Нова Вес	468	6	1.28	455	4	—	8	—	398	67	—	3	—
5	*Седлиці	647	7	1.08	615	10	—	12	3	420	215	—	12	—
	VI. Нижньоториський п., 48 гр.	19.714	2	0.01	18.101	658	—	525	433	2.093	13.475	3.570	576	—
	Ж.													
	*Спиштська стол.	172.091	14.333	8.30	99.557	10.843	314	42.885	4.159	22.189	114.130	28.450	7.234	88
	**I. Старолюбовенський* п., 21 гр.	19.132	6.748	35.27	7.785	367	1	3.675	386	7.574	10.094	777	684	5
1	Гобгарт	749	13	1.73	30	4	—	675	27	28	705	—	16	—
2	Гранастів.	458	23	5.02	411	8	—	1	15	270	181	—	7	—
3	Камінка, Камюнка.	1.373	1.291	94.03	30	7	—	32	13	1.300	44	—	29	—
4	**Кремпах	236	—	—	228	—	—	8	—	222	6	—	8	—
5	Літманова	983	962	97.86	1	2	—	8	10	955	20	—	8	—
6	Стара Любовня	1.977	14	0.71	1.465	132	—	322	44	146	1.526	57	250	—
7	Мнишик	502	254	50.60	199	6	—	27	16	260	217	—	25	—
8	Орябина, Ярабина.	1.248	1.109	88.86	51	9	—	28	51	1.120	103	1	24	—
9	Пільгів.	515	12	2.33	474	1	—	—	28	22	487	—	6	—
10	Сулин	713	693	97.19	4	7	—	7	2	696	9	—	8	—
11	Якубяни	2.487	2.369	95.26	14	16	—	64	24	2.362	64	4	57	—
	II. Старовеський пов., 33 гром. .	19.963	2.971	14.88	15.305	232	—	901	554	3.020	15.942	151	849	1
1	Великий Липник.	893	785	87.9	24	13	—	27	39	788	61	7	37	—
2	Остурня	1.845	1.698	92.57	103	—	—	26	18	1.688	134	—	23	—
3	Фольварк.	504	476	94.44	7	3	—	7	11	484	12	—	8	—
	III. Кежмаркський пов., 27 гром.	26.995	648	2.40	9.569	1.489	2	14.654	633	1.161	18.798	10.309	681	25
1	Годермарк	721	648	89.18	26	1	—	19	22	629	76	—	16	—

	IV. [illegible] пов., 28 гром. . .	17.909	417	2,42	11.760	1.801	290	2.566	566	2.654	11.952	1.674	916	9
1	*Репаші вижні	483	—	—	481	—	—	2	—	63	37	—	—	—
2	**Репаші нижні.	559	2	0,36	549	1	—	7	—	524	28	—	7	—
3	**Ториски	1.110	—	—	1.085	18	—	12	—	1.019	82	4	5	—
	*V. *Подградський* пов., 35 гром.	20.821	582	2,79	14.593	2.300	10	2.575	742	991	17.221	1.622	977	10
1	Ольшавиця	611	576	94,27	17	—	—	17	1	576	18	—	17	—
2	**Подпроч	74	—	—	74	—	—	—	—	66	8	—	—	—
3	*Павляни.	237	—	—	234	—	—	3	—	11	226	—	—	—
	*VI. *Гнилецький* пов., 21 гром. .	23.166	1.229	5,31	10.847	1.139	5	3.912	394	4.138	13.847	4.722	452	7
1	**Гельцманівці	1.354	—	—	1.245	23	—	18	68	1.259	80	8	7	—
2	**Койшів.	1.171	1	0,09	1.137	15	—	18	—	1.141	14	10	6	—
3	Словінки вижні	689	617	89,55	39	1	—	20	12	611	57	8	13	—
4	Словінки нижні	834	581	64,87	93	56	—	101	23	564	182	65	23	—
5	Смольницька Гута.	1.149	43	3,74	40	58	—	960	48	5	1.000	112	31	1
	VII. *Нововеський* пов., 26 гром. .	17.038	1.738	10,14	14.791	3.035	5	8.908	354	2.585	19.408	3.103	925	17
1	Завадка	997	712	71,41	267	10	—	8	—	956	32	—	9	—
2	Порач	1.093	1.016	92,95	35	4	—	15	23	1.041	39	—	13	—
	VIII. *Суботський* пов., 26 гром.	18.775	—	—	12.652	765	1	4.633	724	66	11.868	6.304	521	14
	Разом у 7 столицях . . .	1.429.323	410.544	28,72	365.240	413.485	85.010	140.535	14.509	637.107	414.576	213.593	163.429	618

ПОКАЗЧИК.

[М. = Марамарош (Máramaros megye); У. = Угоча (Ugocsa m.); Б. = Берег (Bereg m.); Уг (Ung m.); З. = Землин (Zemplén m.); Ш. = Шариш (Sáros m.); С. = Спиш (Szepes m.); Бист. = Бистриця (Besztercze Naszód m.); Сат. = Сатмар (Szatmár m.); АУ. = Абауй (Abaúj-Torna m.); Бд. = Боршод (Borsod m.). Знак < для присілків, хуторів і д. ин.; + для прилучених громад. Повіти означені римськими числами в порядку як на другій мапі].

Шаркиз (Sárköz) Сат.
Шашвар (Sasvar) У. І.
Шашова (Sasó) Ш. ІІ.
Шелестів (-ово) (Szélestó) Б. ІІІ.
Шеметківці, Семетківці (Szemes) Ш. І.
Шербівці, Шербувці (Beregsziklás) Б. ІІ.
Широка < Бистра нж.
Шкуратівці, Шкуратувці (Bereghalmos) Б. ІІІ.
Шлог < Грабониця
Шмелцарна < Загатя.
Шмільно, Смільно (Szemelnye) Ш. І.
Шмигівці (Sugó) З. І.
Шом (Beregsom) Б. VI.
Шома (Felsősom) Ш. IV.
Шора (Fenyvölgy) < Тороня.
Штельбах (Csendespatak) Ш. IV.
Штефанівці (Istvántelke) З. IV.
Штефурів (Istvánd) Ш. ІІ.
Шугош (Tolvajjáró) < Баранівці.
Шугатажський повіт (Sugatagi járás) М. IX.
Шулігулі < Вишова вижня.

Щавник (Sósfüred) Ш. ІІ.
Щербовка < Сулин С.
Щора (Fenyvesvölgy) < Тороня.

Єдлинка(-и), Ядлинка (Borókás) Ш. І.
Єдлова, Ядлова вижня (Felsőfenyves) Ш. І.
Єдлова, Ядлова нижня (Alsófenyves) Ш. І.
Єнківці, Єнковце (Jenke) Уг. ІІІ.

Юркова Воля (Györgyfölde) Ш. І.
Юровиця = Чорний Потік.
Юртин (Farmos) < Ріпинне.

Яблінка вижня (Felsőalmád) З. І.
Яблінка нижня (Alsóalmád) З. І.
Яблониця < Брустури.
Яблуново + Жакужа (Beregnagyalmás) Б. IV.
Ядлинка = Єдлинка.
Ядлова = Єдлова.
Яковяни (Jákórésze) Ш. IV.
Якубяни (Szepesjakabfalva) С. І.
Якуски < Павлова.
Якушівці (Jakabvölgy) З. ІІІ.
Ялова (Jávor) Б. ІІ.
Ялова (Jármos) З. І.
Янків (Jánosdomb) < Лип. Поляна.
Янковець < Якубяни.
Яношіово (Makkosjánosi) Б. V.
Япа (Kabolapatak) М. ІІІ.
Ярабина = Орябина.
Ярок (Arok) Уг. ІІІ.
Яслище < Ворочів.
Ястреб, Ястребе (Felsőkánya) Ш. IV.
Ясінник (Kőrisdülő) < Вільхівці.
Ясіне, Ясіня — вижне + нижне (Kőrösmező) М. І.
Ясіне (Kőrösös) < Бистра нж.
Ясіне (Kőrösös) < Густ.

Niższe warstwy rycerstwa polskiego

w Statutach Kazimierza Wielkiego[1]).

Napisał

Oswald Balzer.

Statuty Kazimierza W. zawarły w art. 99 zwodu Łaskiego (art. 97 zwodu zup. Helcla, zaliczony przezeń jako art. 43 do Stat. małop. I, art. 97 zwodu Hubego, zaliczony do ekstrawagantów) następujące postanowienie:

Zw. Łas.

(1) Militi pro una *plaga* vel pluribus a kmethone facta vel factis poena quindecem alias pietnadziesta *percussso* et iudicio alia similis poena persolvi teneatur. Si vero fuerit *baculo cruentatum vulnus* illatum, sicut pro gladiali vulnere declaramus satisfaciendum.

(2) Pro *capite* vero (a) militi famoso alias slachcie sexaginta marcas, (b) scartabello triginta marcas, (c) militi autem creato de sculteto vel de kmethone quindecim marcas *pro capite.*

(3) Item (a) militi slachcie *pro vulnere* decem marcas, (b) scartabello vero quinque marcas, (c) sculteto vel kmethoni factis militibus tres marcas *pro vulneribus* statuimus persolvendas[2]).

Zw. Hel.

(1) Militi pro una *plaga* vel pluribus a cmetone factis XV poena *percusso* et iudicio XV. Si vero fuerit *cum baculo et cruenta,* sicut pro vulnere gladiali declaramus satisfaciendum.

(2) (a) Militi vero famoso slachcie sexaginta marcas, (b) scartabello triginta marcas, (c) militi creato de sculteto vel cmetone quindecim marcas *pro capite.*

(3) Item (a) militi slachcie *pro vulnere* decem marcas, (b) scartabello quinque marcas, (c) sculteto vel cmetoni factis militibus tres marcas *pro vulneribus* statuimus persolvendas. [3]).

Mimo znaczne różnice co do stylizacyi, istotna treść niniejszego artykułu w obu redakcyach jest w całości ta sama. Przedmiotem wspólnym wszystkich postanowień są występki kmieci (a kmethone), naruszające zdro-

---

1) Ustęp z większej całości.
2) Łaski, Privil. I. 29. Vol. leg. I. 87.
3) Starod. prawa pol. pomn. I. 119.

wie i życie osób stanu rycerskiego[1]). Ze względu na ro
artykuł cały rozróżnia trzy przypadki, i odpowiednio d
na trzy osobne człony. Pierwszy człon mówi o uderzeni
kolwiek sposób, także kijem (baculo), byle nie bronią w
znaczeniu (mieczem) zadanych, jak wynika z ustępu, k
uderzenia kijem pochodzącej, jeżeli jest krwawą, z osob
być sądzona podług przepisów o ranach zadanych miecz
tyczy mężobójstwa (pro capite); człon trzeci wreszcie m
vulnere, pro vulneribus), widocznie przedwszystkiem
(czy innej broni) dokonanem, pod które to pojęcie podc
myśl końcowego zastrzeżenia członu pierwszego, także r
kijem.

Przy określeniu win pieniężnych, jakim podlega km
nia rycerza (czł. 1), nie rozróżniają statuty, jakie stano
ówczesnego rycerstwa zajmuje osoba pokrzywdzonego;
ogólnie: militi, używając tego wyrazu widocznie w znacz
szém. Tłómacząc ściśle przepis powyższy, wypadnie,
jaką płacić ma kmieć, jest tu we wszystkich wypadkach
dziesta, t. j. 3 grz. poszkodowanemu i tyleż sądowi), n
czy akt nieprzyjazny skierowany był przeciw rycerzowi
wyższego rzędu[2]). Ze względu na stosunkowo lżejszy ro
było snać potrzeby uwzględnienia owych różnic.

Natomiast w obu dalszych członach (2 i 3), dotycz
zranienia, hierarchiczny porządek w ugrupowaniu ówczes
stwa jest już ściśle uwzględniony, i w obu wypadkach jedn
tnie przeprowadzony. Oba te człony wyróżniają trzy osobne
1) miles famosus, szlachta, 2) scartabellus, 3) miles crea
kmethone, albo w innej stylizacyi: scultetus vel kmetho fa
kość głowszczyzny, należnej z powodu dokonanego mężob
wana jest w odniesieniu do tych trzech grup w ilościach 6
wysokość nawiązki za rany w ilościach 10, 5 i 3 grz. W

---

1) Dlatego rubryka artykułu tego w Zw. Łas. brzmi: De villano n
inferente; podobnież niektóre rękopisy średniowieczne podają rubryki: Poe
a cmetone factis (D. III. Os. III.), De cmetone, qui militi plagam aut
De cmetone militem vulnerante (P. II.). Trafnie do zabójstw i zranień prz
odnosi ten artykuł Kutrzeba, Mężobójstwo w prawie pol. XIV. i XV.
tamże słusznie uwagę, że zresztą stan osoby sprawcy obojętny jest przy wy
szlacheckej, także bowiem szlachcic, zabijający szlachcica, płaci 60 grz. za

2) Swiętosław, nie rozważywszy wzajemnego stosunku wszystkich tr
szego artykułu, oddał tu mylnie wyraz miles słowem: włodyka, t. j. pojął
ślejszem. Do tego przydał zaraz błąd drugi, tłómacząc plaga przez rena (ra
iż o ranach jest mowa dopiero w członie 3. O innych błędach jego tłómacze

stosunek win przedstawia zatem relacyą: $1:\frac{1}{2}:\frac{1}{4}$, z nieznacznem odchyleniem co do nawiązki za rany w grupie ostatniej (3 grz. zam. $2\frac{1}{2}$ grz.), spowodowanem snać chęcią uniknięcia cyfry ułamkowej, jakaby tu przy ścisłem uwzględnieniu relacyi musiała wypaść.

Określenie «miles famosus» jest dość niezwykłe w naszem słownictwie prawniczem wieków średnich. Spotkałem je tylko jeszcze raz jeden w źródłach, wyprzedzających statuty Kazimierza W., oddzielone przestrzenią całego wieku, i w ziemi, która za rządów tego króla nie należała już do Polski, na Śląsku[1]); nie umiem też wykazać z czasów późnejszych użycia takiego określenia. Mimo to przydane w samym tekście statutu tłómaczenie polskie: «szlachta», jako też wysokość oznaczonej tamże głowszczyzny i nawiązki, pobieranej w praktyce za głowę i rany szlacheckie w całej Małopolsce i części Wielkopolski[2]), wreszcie samo naczelne miejsce, na którem w obu członach (2 i 3) statut mówi o tej grupie społecznej, nie pozwalają wątpić i nie pozostawiały też już zdawna w nauce żadnej wątpliwości, że mowa tu o najwyższej warstwie ówczesnego rycerstwa, szlachcie we właściwem tego słowa znaczeniu, określanej pospolicie w ówczesnej terminologii łacińskiej wyrazami «nobilis», «nobiles».

Bez żadnego bliższego określenia wymienia statut w obu rzeczonych członach na drugiem miejscu skartabelów. Jaką ten wyraz oznacza warstwę społeczną, wiemy dziś na pewno: przydany w statucie szczegół, jedyny, na podstawie którego oprzeć można pewniejsze wnioski naukowe, że głowszczyzna i nawiązka skartabelów równa się połowie głowszczyzny i nawiązki szlacheckiej, pozwolił, po ogłoszeniu całego szeregu zabytków średniowiecznej praktyki sądowej, stwierdzić ponad wszelką wątpliwość, że pod nazwą skartabelów rozumieją statuty Kazimierzowskie owę grupę rycerstwa, którą współcześnie, w życiu i w praktyce sądów, określano po polsku nazwą włodyków, po łacinie wyrazami: milites medii, minores, simplices, communes, inferiores, także minores nobiles, medietatis militiae, de simplici militia[3]). Ale ta rzecz, tak jasna dziś dla nas, była do niedawna zagadką prawie nierozwiązalną; była nią tak długo, dopokąd się nie pojawiły, poczynając od siedmdziesiątych lat wieku XIX., wydawnictwa zapisek sądowych, na podstawie których dało się ustawić powyższe zrównanie między skartabelatem a włodyctwem. Aż do tego czasu brakowało podstaw do ujęcia i wyjaśnienia

1) Fuit... hec villa (Wadochowice - Jaksice) cuiusdam militis satis famosi Jaxe nomine, Stenzel, Lib. fund. claustri de Heinr. 88.

2) Co do głowszczyzny por. ostatnie zestawienie u Kutrzeby, Mężobójstwo 51 i n.

3) Zestawienie wraz z cytatami źródłowymi u Potkańskiego, Zagrodowa szlachta i włodycze rycerstwo, Rozpr. Akad. Umiej, Wydz. hist. t. 23, str. 185. 186.

kwestyi. I brakowało jej nie tylkó w nowszej naszej literaturze naukowej XIX. stulecia aż do publikacyi Helcla; rzecz cała była niezrozumiałą już nawet dla prawników XVI.—XVIII. w. Wyraz «scartabellus» na długiej bardzo przestrzeni czasu zachodzi jedyny raz w podanym powyżej artykule statutów Kazimierzowskich: niema go gdziekolwiek indziej w tych statutach, niema go także w żadnym innym pomniku średniowiecznego ustawodawstwa polskiego; i jeszcze nawet w czasach nowszych, przez półtora wieku, nie używa go żadna z konstytucyj. Dopiero w r. 1654 wyraz ten, po trzechsetletniem zapomnieniu, wkracza znów poraz pierwszy do tekstu ustaw polskich [1]), wtedy już w znaczeniu zgoła odmiennem, niż mu je nadały statuty Kazimierzowskie. Nie mieli tedy prawnicy nasi, poczynając od XVI. w., żadnych wskazówek pośrednich, zaczerpniętych z innych tekstów ustawowych, żadnego materyału porównawczego, któryby im umożliwił należyte oświetlenie rzeczonego ustępu statutów Kazimierzowskich. Trudność była tem większa, że sama etymologia wyrazu jest dość niejasną, i że nawet w współczesnej, średniowiecznej łacinie zachodniej, wyraz ten wyjątkowo był używany, w znaczeniu, które nie zdaje się mieć żadnego związku z pojęciem jakiejkolwiek warstwy rycerskiej czy w ogóle społecznej, i że żadna grupa rycerstwa innych krajów nigdy pod tą nazwą nie występuje [2]). Stąd więc nawet analogie słownictwa zagranicznego na nic się tu przydać nie mogły. Na domiar wszystkiego, stan włodyczy zanikł w Polsce już w ciągu drugiej połowy stulecia XV.; miejsce zróżnicowanego poprzednio na kilka grup rycerstwa zajęła teraz jednolicie zorganizowana warstwa szlachecka, jako jedyny przedniejszy stan świecki w państwie. W chwili, kiedy nauka prawnicza Polski nowożytnej — poczynając głównie od połowy XVI. w.— zwróciła bliższą uwagę na zabytki ustawodawstwa średniowiecznego, rozpatrując ich treść i zestawiając je w pewien system, nie było już samej instytucyi, którą w statutach Kazimierza W. określono nazwą skartabelatu; brakło więc nawet tej podstawy, którą daje bezpośrednie spostrzeżenie stosunków życia społecznego, sposobne nieraz do rozwiązania wątpliwości, nastręczających się z samej niejasnej ich nażwy. Nawet to, co w statutach Kazimierza W. mogło podać jedyną wskazówkę do wyjaśnienia rzeczy: wysokość głowszczyzny i nawiązki skartabelów - włodyków, równająca się połowie takichże win szlacheckich, musiało zawieść: gdyż ustawodawstwo nasze od końca w. XV., licząc się z dokonaną równocześnie konsolidacyą stanu rycerskiego w jednolitą warstwę społeczną, nie rozróżnia już różnych wysokościowych win w odniesieniu do różnych odgałęzień rycerstwa, i ustanawia jednę tylko i jednakową głów-

1) Vol. leg. IV. 458.
2) Por. niżej str. 278.

szczyznę dla wszystkiej szlachty, statutami z r. 1472, 1493 i 1496 zwiększoną do podwójnej wysokoici 120 grz.[1]).

Tak więc, poczynając od w. XVI, skartabelat statutów Kazimierza W. stał się ilością niewiadomą, albo, ściślej rzecz określając, ilością złożoną z dwu niewiadomych: jedną była sama treść instytucyi i jej charakter, drugą osobliwa jej nazwa. W tem sprzęgnięciu dwu niewiadomych, niezdolnych do wzajemnego oświetlenia się, leżała właśnie cała trudność pytania; słusznie już w XVII. wieku określono je jako «difficillima quaestio»[2]). To też wielu pisarzy, dotykających tego przedmiotu, uchylało się w zupełności od jego rozpatrzenia; niektórzy, jak Czacki, wyraźnie się przyznawali, że nic o nim powiedzieć nie potrafią[3]); inni, jak Dutkiewicz i Burzyński, poprzestawali na prostem stwierdzeniu, że skartabelowie średniowieczni zajmowali pośrednie miejsce między szlachtą a rycerstwem z sołtysów i kmieci pochodzącem[4]), co wprawdzie odpowiada ściśle układowi szczegółów w statutach Kazimierzowskich, ale rzeczy samej w niczem nie tłómaczy. Przecież jednak zagadkowość pytania wyzywała wielu do rozpatrzenia kwestyi, zwłaszcza że w Polsce nowożytnej skartabelat, choć w zgoła innem znaczeniu, stał się znowu żywotną instytucyą prawną; nasuwała się stąd potrzeba wyjaśnienia, jakie znaczenie pojęciu temu przypisywano w najstarszym, jaki o nim wspomniał, pomniku naszego prawa z wieków średnich.

Jak samo pytanie rozpadło się na dwie główne części, tak też i odpowiedź dotyczyła dwojga rzeczy: najpierw, czem co do istoty i treści jest skartabelat średniowieczny, a następnie, jak wytłómaczyć pojęciowo sam wyraz «scartabellus» i jego etymologiczne pochodzenie. Pierwszą grupę odpowiedzi, jakie podawano aż do trzeciej ćwierci stulecia XIX., możemy tu snadno pominąć. Wszystkie one nie rozwiązały sprawy, i wszystkie też wobec ustalonego dziś naukowo pewnika, że skartabelat statutów Kazimierzowskich oznacza włodyctwo, są albo z gruntu błędne, albo, jak u Lelewela i Maciejowskiego, bardzo niedokładne i niewystarczające[5]); tania krytyka tych poglądów, opierająca się na wynikach dzisiejszej nauki, byłaby

1) Cod. epist. I. 2 nr. 227; Bandtkie, Ius Pol. 325, 354. Zestawienie tych postanowień i trafna interpretacya niektórych wątpliwości, jakie nastręczają, u Kutrzeby, Mężobójstwo 54. 55.

2) Hartknoch, Resp. Pol., wyd. II. 1687, 658.

3) Czacki, O litew. i pol. prawach, Dzieła I. 282. Obecnie także Semkowicz Wł., Włodycy polscy na tle porównawczem słowiańskiem, Kwart. Hist. 1908 str. 594 przyp. 2, stwierdza, iż znaczenia i etymologii wyrazu «scartabello» wyjaśnić sobie nie umie. — Pracę dra Semkowicza otrzymałem, dzięki uprzejmości autora, za którą Mu tu szczerą wyrażam wdzięczność, w odbitce korrektowej, w chwili, kiedy cały niniejszy rozdział o skartabelacie średniowiecznym był już napisany. W dalszych przypiskach zaznaczam niektóre ważniejsze punkty, w których zapatrywania moje schodzą się z wywodami dra Semkowicza, lub też od nich odbiegają.

4) Dutkiewicz, Prawa cywil. 54.55; Burzyński, Prawo pryw. pol. I. 433.

5) Lelewel, Pol. wiek. śred. III. 277; Maciejowski, Hist. praw. słow. II² 109. 110.

nie na miejscu. Niektóre z tych zapatrywań poznamy zresztą w związku z innymi szczegółami. Natomiast podamy przegląd hypotez i poglądów, jakie w ciągu kilku wieków wypowiedziano o znaczeniu samego wyrazu i o jego etymologicznym składzie; bo ta kwestya jest jeszcze otwartą w naszej nauce; i nie udało się dotąd wyjaśnić w sposób zadowalniający, dla czego włodyctwo, jak je pospolicie zwano podówczas w praktyce życia codziennego i w języku sądowym, otrzymało w statutach Kazimierza W. zgoła niezwykłą nazwę skartabelatu.

Owe wyjaśnienia etymologiczne podzielić można na dwie grupy. Jedna grupa opiera się na założeniu, że skartabelat średniowieczny jest czemś innem, aniżeli instytucya nowożytna, tą samą nazwą określana, i dlatego w źródłosłowie wyrazu tego nie szuka koniecznie pojęć, składających się na istotę skartabelatu nowszego; druga grupa, nie odróżniając już zgoła obu rzeczy od siebie, stara się doszukać w wyrazie takich składników etymologicznych, któreby złożyły się na pojęcie skartabelatu nowożytnego.

Do pierwszej grupy należy przedewszystkiem pogląd Przyłuskiego (1553), najstarszy ze wszystkich, jakie u nas o tym przedmiocie wypowiedziano. Zdaniem jego «scartabellus» pochodzi z dwu wyrazów: z greckiego σκαρθμός, oznaczającego rączość, skok, ruch, bieg[1]), i łacińskiego (snać) bellum; nazwa ta oznaczać ma tedy pieszych lub rączych jeźdźców w wojnie, używanych do wszelakich działań, wymagających szybkich obrotów[2]). W sto kilkadziesiąt lat później (1678) Hartknoch spróbował innego wywodu: zdaniem jego «scartabellus» pochodzi od «scara» i «bellum»; wyraz «scara», poświadczony w istocie już w kilku zabytkach z epoki frankońskiej, jest zlatynizowaną formą niemieckiego «Schaar» (tłum, orszak); skartabelowie, to więc drużyna czy towarzystwo rycerskie (Schaarmänner), wyruszające w bój wraz z szlachtą właściwą[3]). Na tym poglądzie Hartknocha oparł się Steiner (1786), częściowo go przekształciwszy; i dla niego źródłosłowem pierwszej części wyrazu jest «scara» w określonem co dopiero znaczeniu; tylko co do drugiej części dostrzegł już trafnie, że nie można jej wywodzić od «bellum»; w miejsce tego wyrazu podstawia tedy «tabella» w znaczeniu spisu, rejestru, katalogu, w ślad za czem też wywodzi, że skartabelami mianowano w wiekach średnich pewną część drużyn wojennych, które po przybyciu do obozu spisywano w osobnych rejestrach[4]). Ten pogląd Steinera zyskał sobie

1) Tak też tłómaczy ten wyraz Stephanus, Theusar. ling. Graecae wyd. 2, VII. 323. i n.

2) Σχαρθμός, i. e. scartmos Graece, Latinis significat agilitatem, pedem, saltationem, motum, cursum, hinc apud nos scartabelli ex Graeca et Latina voce (uti putamus) dicti sunt vel pedites vel agiliores equites in bello ad omnem usum currendi vel recurrendi celeres atque expediti. Przyłuski, Statuta 1553, 268.

3) Hartknoch, Resp. Pol. wedł. wyd. 2 1687, 659. 661. 662.

4) Steiner, Exercitationes ad ius Polon. tam publ. quam priv. Fasc. I. 40. 41.

wielkie wzięcie w nauce polskiej XIX. stul. Powtarzano go tu przeważnie aż do końca lat sześćdziesiątych tego wieku: przyjmują go w całości Bandtkie (ok. 1830) i Chyliński (1868)[1], a na krótko przed tym ostatnim (1846), z pewną zmianą, Szymański, który, wprowadzając tu ponadto nazwę urojoną, żadnem zgoła źródłem niepoświadczoną: «skarmanów», «skaryuszów», uważa ich za włościańską piechotę łanową, określoną powyższym wyrazem od szyku (scara), w którym walczyła, albo od szkarłatu, w który była przybrana[2]).

Osobne, zgoła odmienne wytłómaczenie rzeczy podał Lelewel (1828). Zdaniem jego «scartabellus» jest to opatrzony końcówką łacińską wyraz włoski, oznaczający człowieka małego dowcipu, w książce karty przerzucającego; «scartabellare» w języku włoskim znaczy przerzucać karty, papiery (feuilleter un livre), «scartabello» (paperasse) oznacza stary szpargał, dokument, lichy papier[3]).

Pomijając przytoczony co dopiero pogląd Lelewela, do którego jeszcze niżej powrócimy, możemy krótko stwierdzić, z pewnością bez potrzeby uciekania się do jakichkolwiek wywodów szczegółowych, że wszystkie próby rozwiązania kwestyi, jak je tu zestawiliśmy w grupie pierwszej, są rzeczowo z gruntu błędne, a filologicznie niemożliwe. Ale wszystkie one przedstawiają się względnie jeszcze bardzo poważnie w porównaniu z drugą grupą tłómaczeń, które już dla średnich wieków w wyrazie «scartabellus» doszukują się składników, odpowiadających wprost pojęciu późniejszego skartabelatu polskiego, t. j. pewnych określeń, wskazujących na fakt uszlachcenia osób plebejskiej dawniej kondycyi. Rodowód tych poglądów sięga również w dawne czasy; w literaturze pojawiają się one już w początkach wieku XVII., i można przypuścić, że zanim je tutaj podano, obiegały już może przedtem z ust do ust w życiu codziennem, noszą bowiem na sobie wybitne piętno tworów etymologii ludowej. Chronologicznie na czele interpretatorów tej grupy kroczy Sebastyan Petrycy (1605), któremu «schartabelli» są «jakoby rzekł ex charta bellos (bellicos, bellicosos?), to jest którzy się szczycą szlachectwem dopiero uczynionym»[4]) Zalaszowski znowuż stwierdza (1700): «alii autem vocem hanc scartabellus deducunt quasi z karty eques, h. e. qui non ob aliquam militarem aut aliam virtutem maiorum suorum vel propriam, sed vel ob numeratam pecuniam, in necessitatem urgentem Rpcae convertendam, vel ob constitutos proprio sumptu aliquot milites, praerogotiva nobili-

1) Bandtkie, Prawo pryw. pol., wyd. pośm. 1851, 61—63; Chyliński, Rzecz o skartabelach, Bibl. Ossol. pocz. nowy XI. 231.

2) Szymański, O służbie wojennej włościan w Polsce., Przegl. Pozn. 1846, 21.

3) Lelewel, Początk. prawod. pol., Pol. wiek. śred. III. 278.

4) Petrycy, Polit. Aryst. I. 201.

tatis donati sunt»[1]). Wywód etymologiczny, gorszy jeszcze od tego, jaki dał Petrycy; niezrozumiałem jest nadto ograniczenie pobudek uszlachcenia do samej tylko udzielonej pomocy materyalnej, w przeciwstawieniu do osobistych zasług uszlachconego. Przytoczona treść obu wywodów lingwistycznych starczy chyba sama za pełną ich krytykę; a trzeba dodać, że jeszcze w końcu w. XVIII. (1797) znalazł się autor, który w pracy, rzekomo ściśle naukowej, niedorzeczność tych wywodów posunął jeszcze dalej, wywodząc skartabela: «am wahrscheinlichsten... aus dem polnischen z karty und aus dem lateinischen bellum»[2]).

Zapiska sądowa krakowska z r. 1431 użyła zwrotu «squirio alias włodyka»[3]). Jest to jedyna wzmianka, jaką dotąd posiadamy, podająca dla określenia włodyctwa nazwę squirio, widocznie bardzo wyjątkową, skoro w licznych innych wypadkach stan ten wymieniany jest w zapiskach sądowych albo pod nazwą polską włodyków, albo pod całym szeregiem opisowych określeń łacińskich[4]), zgoła nic wspólnego z nazwą tą niemających. Jakkolwiek bądź, zapiska ta stwierdza tożsamość pojęciową wyrażeń «scartabellus» i «squirio»; niema natomiast między niemi istotnego związku etymologicznego. Według trafnego objaśnienia Brücknera, a obecnie i Semkowicza, wyraz squirio zaczerpnięty został z terminologii zachodniej (łać. scutarius, włos. scudiere, franc. éscuyer, écuyer, ang. squire), i oznacza pierwotnie giermka, niosącego tarczę; zewnętrznie odpowiada on najbardziej formie angielskiej, utrzymanej po dziś dzień w określeniach «squire» i «esquire»[5])

Żeby w całej wątpliwej sprawie znaczenia nomenklatury «scartabellus» znaleść właściwy punkt wyjścia do naukowego jej rozwiązania, trzeba pamiętać o tem, że sama kwestya etymologicznego pochodzenia wyrazu odgrywa tu rolę podrzędną; bo wyraz ten, podobnie jak «squirio», nie powstał w Polsce jako pierwotny: przeciwnie, wytworzył się najpierw na Zachodzie, i istniał tam już dawno przedtem, zanim go przyjęto do łacińskiej terminologii prawniczej Polski średniowiecznej. Kwestya momentów etymologicznych przedstawia tedy znaczenie przedewszystkiem dla wyrozumienia genezy tego wyrazu na Zachodzie; co do pytania, jakie pojęcie oznaczono nim w zabyt-

1) Zalaszowski, Ius regni Poloniae I. 799.
2) Broecker, Beitr. z. Kenntniss des poln. Rechts I. 32.
3) Helcel, Starod. prawa pol. pomn. II. nr. 2369.
4) Przytoczone na str. 8.
5) Brückner, Arch. f. slav. Philol., przygodna wzmianka w jednym z artykułów, którego cytacyi przez niedopatrzenie niestety nie zapisałem. Semkowicz, Włodycy polscy, Kwart. Hist. 1908 str. 593. Dodaję że czysta forma squirio nie dała się dotąd odszukać w średniowiecznych zabytkach zachodnich; znają one tylko formę «scurra» «scurro» (towarzyszący, pachołek, famulus), a jeden z zabytków angielskich (Madox, Form. Anglic. 79) przytacza formę squierius. Por. Du Cange, Glossar. VII. 377. 566. Squirio w średniowecznej terminologii zachodniej oznacza rzecz zgoła inną: wiewiórkę. Ibid. VII. 567.

kach polskich, chodzi przedewszystkiem, a raczej jedynie tylko o stwierdzenie, co on w chwili przejęcia z Zachodu oznaczał, i w jakiem go tu znaczeniu przejęto. Otóż stwierdzić trzeba, że nie udało się dotąd odszukać jakiegokolwiek zabytku z tamtych stron (z Zachodu), któryby użył wyrazu «scartabellus» w znaczeniu osoby stanu rycerskiego w ogóle, czy niższego rycerstwa w szczególności. Słownikarze łaciny średniowiecznej nie umieją przytoczyć innego cytatu, podającego wyraz ten w określonem co dopiero znaczeniu (rycerz), jak tylko ustęp statutów Kazimierzowskich, którym się obecnie zajmujemy [1]), i który sam dopiero wymaga oświetlenia praktyką językową zachodnią. Jako gotowe już, przedtem wyrobione określenie pewnej grupy rycerstwa, wyraz ten nie mógł być tedy stamtąd przejęty.

«Scartabellus» w języku literackim średniowiecznych zabytków oznacza tylko jedno pojęcie: księgę na papierze spisaną (codex chartaceus), i nie jest niczem innem, jak zlatynizowaną formą wyrazu włoskiego «scartabello» [2]) Na słowo to złożyły się dwa wyrazy włoskie: «carta» i «libello»; zpołączenia obu powstał termin «cartabello», a po dodaniu spiranty na początku: «scartabello», podobnie, jak n. p. z «chartafacium» powstało «scartafacium» [3]) i t. p. Wyraz ten powstał więc rzeczywiście z «carta», jak twierdzili interpretatorowie polscy XVI—XIX. w., tylko że owa «carta» nic nie ma wspólnego z późniejszymi przywilejami nobilitacyjnymi szlachty nowej; oznacza ona tylko materyał, na którym spisaną została księga. Przytem w chwili, kiedy ten wyraz przedostawał się do Polski, znaczenie pojęciowe owego składnika było już samo dla siebie zgoła obojętne; przejęto wyraz cały, jako taki, w pewnem znaczeniu przenośnem. W wiekach średnich, epoce dyplomów i kodeksów pergaminowych, księga na zwykłym spisana papierze, mogła snadno uchodzić za wytwór niższej wartości; przenośnie pojęcie to, w gwarze ludowej czy ulicznej, dało się dostosować do osób, które dla jakichkolwiek przyczyn w porównaniu z innemi podrzędniejsze zajmowały stanowisko [4]). Może w związku z tem przenośnem jego znaczeniem stoją średniowieczne wyrazy włosko-łacińskie: «scarsus», tyle co imminutus, minimus, i «scarzo», wyraz oznaczający wprost: hominem nihili, avarum, vilem, abiectum [5]). Domniemany redaktor tekstu ustaw Kazimierzowskich, Janusz Suchywilk [6]), doktor dekretów, który stopień akademicki nabył na którymś z uniwersytetów włoskich, miał chyba sposobność zapo-

---

1) Du Cange, Glossar. wyd. Favre VII. 341, i Brinkmaier, Glossar. dipl. II. 512.
2) Ibid. VII. 341.
3) Ibid. VII. 341.
4) Przypominam anologią, jaką przedstawiają dzisiejsze wyrazy: świstek, szpargał i t. p.
5) Du Cange. Glossar. VII. 341.
6) Helcel, Starod. prawa pol. pomn. I. Wstęp, str. CCXXVI.

znania się z językiem tych stron, a zapewne i niektóremi osobliwościami gwar miejscowych; nie można się tedy dziwić, jeżeli wpadł na pomysł określenia nazwą «scartabellus» w jej znaczeniu przenośnem, niższej warstwy rycerstwa polskiego, dla której ani współcześnie, ani nigdy później, miejscowa praktyka sądowa nie zdołała wytworzyć utartego łacińskiego wyrazu technicznego we właściwem tego słowa znaczeniu [1]). Wyraz ten, jako dosadna, łatwo w pamięć wrażająca się nazwa, przeciwstawiony tu został przez tegoż samego redaktora również niezwykłemu określeniu szlachty właściwej: «miles famosus». I tak stało się, że wyraz «scartabellus», który na Zachodzie w przenośnem nawet rozumieniu nie wybiegł nigdy poza granice określenia konwencyonalnego, oznaczającego jednostki jakiegokolwiek zawodu czy stanu, dla tych czy owych przyczyn uważane za pośledniejsze lub niższorzędne, przystosowany w statutach Kazimierza W. do pewnego, ściśle określonego pojęcia prawnego, stał się tu odrazu technicznym wyrazem prawniczym, nazwą pewnej, odrębnie zorganizowanej warstwy społecznej. Ten osobliwy proces przemian, na który tu zwróciliśmy uwagę, stał się też powodem, że wyraz ten, lubo zapożyczony z Zachodu, nabrał w Polsce osobnego znaczenia, w jakiem nie występuje nigdzie indziej, jako określenie niższej grupy rycerstwa polskiego, włodyków [2]).

Istotna tedy myśl, tkwiąca w pojęciu skartabelatu, w chwili, kiedy je przenoszono do Polski, oświetla tę nazwę pewnym odcieniem żartobliwości czy pogardliwości, znajdującym dostateczne uzasadnienie w pośledniejszem stanowisku włodyków w obrębie ówczesnej organizacyi rycerstwa. Że ten wniosek jest usprawiedliwiony, stwierdzają pośrednio także wyrazy polskie, których na oddanie pojęcia «scartabellus» użyli pisarze średniowieczni, zwłaszcza tłómacze statutów Kazimierzowskich. Marcin Międzyrzecki (1428) podaje «ścirzka» [3]), Świętosław (1449): «ścirciałka» [4]), kod. Dzik. (1501) i kod. Strad. (1503) «wirczałka» albo «świrczałka» (wyrczalcze albo swyrczalcze) [5]). Wyrażono ponadto domniemanie, że występujący w zapiskach średniowiecznych Staszek Werkałka z Potoka, prawdopodobnie włodyka, otrzymał samo nazwisko swoje z określenia stanu, do którego należał [6]).

1) Wszystkie łacińskie nazwy włodyków, jakie podają zapiski średniowieczne, jak milites medii, communes i t. d. (str. 8), nie są właściwie nazwami technicznemi, jeno określeniami opisowemi. O wyjątkowo użytem określeniu «squirio» także obcem, por. str. 277 przyp. 5.

2) Uwagi te wykazują, że z wszystkich autorów, usiłujących wyjaśnić genezę i pierwotne znaczenie tego wyrazu, jeden tylko Lelewel (por. str. 276) miał pewne przeczucie, gdzie znaleść można klucz do rozwiązania kwestyi; ale i on mylnie ją pojął w przeprowadzeniu szczegółowego wywodu.

3) Brückner, O Piaście, Rozpr. Akad. Umiej. Wydz. hist.-fil. XXXV. 333.

4) Helcel, Starod. prawa pol. pomn. I. 119.

5) Piekosiński, w Arch. kom. prawn. III. 99. 468.

6) Potkański, Zagrod. szlachta, Rozpr. Akad. Umiej., Wydz. hist. XXIII. 233.; obecnie także Semkowicz, Włodycy polscy, Kwart. Hist. 1908, 594.

Niema natomiast żadnem źródłem poświadczonej formy «skwirzałka», czy «skwirczałka», jak ją przyjmują jeszcze niektórzy nowsi badacze[1]). Dawniejszy wywód etymologiczny przytoczonych wyrazów, jaki podał Lelewel, oparty na temacie *wier-* (wierny, wierzyciel, powiernik, przeniewierca), z którego miało powstać «wircałka», a stąd, przez dodanie przyrostka *s* «swircałka» (wierny, towarzysz boju)[2]), pod którego wpływem zostawał snać i Maciejowski, utożsamiając polskiego skartabela z bułgarskim «wieren» i zachodnim «fiduciarius»[3]), jest z pewnością z gruntu chybiony. Dzisiaj przyjmuje się dość powszechnie, że wyrazy owe są spolszczoną formą słowa «squirio»[4]). Wniosku tego, zdaniem mojem, nie można jeszcze teraz uważać w wyższy ponad wszelką wątpliwość. Najpierw dla tego, że sam wyraz łaciński «squirio», raz tylko jedyny w źródłach naszych użyty, był tu widocznie zgoła wyjątkowem zjawiskiem[5]). Powtóre, brakuje w źródłach wyraźnie poświadczonego członu pośredniczącego «skwirzałka» czy «skwirczałka», jedynego, który mógłby połączyć «squirio» z rzeczywistemi formami «ścirczałka» i t. d. Wreszcie uwagi godną jest rzeczą, że właśnie najstarsza, w źródłach zachowana forma «ścirzka» (1428) przedstawiałaby w takim wywodzie etymologicznym najdalej posuniętą zbitkę, podczas gdy wszystkie formy późniejsze (1449—1503) «ścirczałka», «świrczałka», «wirczałka», musiałyby wobec niej uchodzić za formy pierwotniejsze. Ostateczne wyjaśnienie tych wątpliwości jest rzeczą filologów; jakkolwiek jednak rzecz zostanie rozstrzygniętą, czy się okaże, iż wyraz ten urósł pośrednio z skwiryonatu, czy też może wytworzył się samorodnie na gruncie rodzimym, tyle pewna, i na to też zgadzają się nowsi badacze[6]), że nosi on na sobie wybitne znamiona wyrazu pospolitującego, o zabarwieniu satyrycznem, żartobliwem czy pogardliwem. W ten sposób nazwa polska staje równorzędnie obok łacińskiej statutowej, jako pokrewna jej duchem i znaczeniem: jedna i druga jak gdyby poza nawiasem poważnej z obowiązku, bo wprost z stronami stykającej się praktyki sądowej, która nigdy owych nazw statutowych, łacińskich czy polskich, nie użyła, poprzestając na określeniach ściśle rzeczowych, choćby, w braku innych, tylko opisowych: włodyka, milites medii i t. p.

Trzecia warstwa społeczna, wymieniona w obu ostatnich (2. i 3.) członach rozpatrywanego tu artykułu statutów Kazimierzowskich, określona

1) Potkański, ibid. 283.
2) Lelewel, Pocz. prawod. pol., Pol. wiek. śred. III. 278.
3) Maciejowski, Hist. praw. słow. II². 109.110.
4) Potkański, Zagrod. szlachta 179; obecnie także Semkowicz, Włodycy polscy 594, choć oględniej («zapewne»).
5) Por. str. 277.
6) Potkański, Zagrodowa szlachta, i przytoczone tamże zdanie Ł. Malinowskiego 179.

jest opisowo słowami: «miles creatus de sculteto vel de km tetus vel kmetho facti milites». Musimy zwrócić bliższą czone tu określenia statutów, zwłaszcza, że nauka nasza uwzględniała dotąd przedmiot niniejszy. Najczęściej popr wet w najnowszych czasach, na polskiej parafrazie tekstu tysi i kmiecie kreowani rycerzami»[1]), która oczywiście bł niczego nie wyjaśnia, nie podając bliższych wskazówek, j wyznaczyć miejsce w ówczesnym układzie społecznym przedstawiają się inne dorywcze próby wytłómaczenia rzec dwa przedewszystkiem wyróżnić można zapatrywania. Jed żej przez Steinera, a przyjęte przez jego naśladowców, B lińskiego, wychodzi z założenia, że statut zajmuje się tu wnikami, z pośród sołtysów i kmieci do boju powołanymi, i czasie, kiedy służą w obozie i szyku bojowym (in castris a tem według Steinera określona w statucie głowszczyzna im wyłącznie tylko w czasie wojny, nie zaś pokoju[2]). Inni Lelewel[3]), a w nowszych czasach Kutrzeba, nie krępując kmieciach, mają tu przedewszystkiem na myśli sołtysów, wyprawy wojennej na mocy przywilejów zasadźczych. Os wprost: «chodziło tu widocznie głównie o sołtysów, obowią wojskowej», przyczem, jak wynika z dalszych uwag, zda przyznawać prawo do poboru określonej w statucie głow wiązki) nie tylko w czasie wojny, ale także w pokoju[4]).

Ostatnia część tego zapatrywania jest niewątpliwie podstawą, na której Steiner oparł swoję teoryą o prawie d śnych win tylko w czasie wyprawy wojennej, był zwrot: m sculteto vel de kmethone: jakoby tu chodziło o osoby, wys wojnę, o «wojowników» w nowożytnem tego wyrazu znacz przytem, że miles, zarówno tu, jak i w innych miejscach st rzowskich, jak zresztą też najczęściej w zabytkach średniow oznacza wprost pewną warstwę społeczną, stale zorganizo miles creatus może snadnie uznaczać także osobę do stanu r puszczoną i trwale doń przynależną, bez względu na to, cz chwili wojenną powinność spełnia, czy nie. Że tylko w tem czeniu ustęp ten rozumieć można, stwierdza ponad wszelką

1) Tak jeszcze Hube, Prawo pol. XIV. w. I. 108.

2) Steiner, Exercitationes I. 40; Bandtkie, Prawo pryw. pol. 61 n.; o skartabelach, Bibl. Ossol., pocz. nowy XI. 229.

3) Lelewel, Począt. prawod. pol., Pol. wiek. śred. III. 281.

4) Kutrzeba, Mężobójstwo 65.

stawienie niniejszej, najniższej warstwy rycerstwa, z dwiema innemi, w tymże samym artykule wymienionemi: szlachtą i włodykami; bo głowszczyzny i nawiązki szlacheckie i włodycze, jak je określił statut Kazimierzowski, według świadectwa licznych zabytków współczesnej praktyki sądowej, pobierane były w tej samej wysokości nie tylko podczas wojny, ale także w czasie pokoju[1]). Skoro tedy co do owych dwu pierwszych warstw prawo do poboru wymienionych win nie zależy od faktycznego w danej chwili udziału w wojnie, ale jest prostym wypływem przynależności stanowej, jako czynnika stale oddziaływującego, to takie samo znaczenie i zastosowalność muszą mieć przepisy statutu także ze względu na trzecią z rzędu, najniższą warstwę rycerstwa, łącznie z tamtemi dwiema w tymże samym artykule wymienioną: określona tu głowszczyzna i nawiązka musi być stałą normą dla wszystkich stosunków życiowych, prawem, wypływającym wprost z przynależności stanowej, niezależnem od faktycznego udziału w wojnie.

Tak rozumiejąc rzecz, dochodzimy równocześnie do wniosku, że statut nie mógł tu mieć na myśli zwykłych sołtysów, o ile oni wykonywują ciążący na nich obowiązek służby wojennej; w takim bowiem razie musielibyśmy w istocie ograniczyć prawo poboru odnośnych win jedynie tylko do czasu, w którym biorą udział w wojnie, i nie moglibyśmy przyjąć, żeby się im one należały w tej samej wysokości także w pokoju. Możnaby zresztą przyjąć jeszcze, że statut przyznał owe winy tylko tym sołtysom, na których ciężył obowiązek służby wojennej, i to niezależnie od tego, czy w danej chwili uczestniczą w wyprawie, czy nie; przyczem chciał tylko zaznaczyć, że pobudką tego postanowienia jest wykonywana przez nich w czasie wojny służba rycerska; domyślnym członem pojętego w ten sposób postanowienia byłoby, że statut wykluczył tu owych sołtysów, którzy obowiązkowi wojennemu nie podlegali. Wtedy jednak natkniemy na inne trudności. Zasada, że sołtysi winni brać udział w wyprawach, przyjęła się jeszcze przed Kazimierzem W. tak powszechnie, że z nielicznymi wyjątkami, głównie z pierwszych czasów kolonizacyi na prawie niemieckiem, każdy dokument zasadźczy wyraźnie o niej wspomina. Około połowy XIV. stulecia można ją uważać już jako powszechną; jeżeli zaś mogły być jeszcze jakiekolwiek wątpliwości pod tym względem, to usunęło je inne równoczesne postanowienie statutów Kazimierzowskich, orzekające, iż wszyscy bez wyjątku sołtysi winni brać udział w wyprawach wojennych: quod indifferenter omnes sculteti tam spiritualium quam saecularium personarum iuxta ipsorum facultatem ad quamlibet expeditionem nobiscum transire teneantur[2]). W świetle tego postano-

1) Por. obecnie zestawienia u Kutrzeby, Mężobójstwo 50 n.
2) Art. 7. Zw. Łas. i Zw. Helcla, Vol. leg. I. 5; Helcel, Starod. prawa pol. pomn. I. 52.

wienia rozróżnienie między sołtysami zobowiązanymi i niezobowiązanymi do wojny byłoby nie tylko bezcelowem, ale prawniczo sprzecznem, a politycznie niebezpiecznem, bo dawałoby punkt oparcia do uchylania się od tego obowiązku, który król chciał widocznie utrwalić jako powszechny i bezwzględny. Ponadto osobliwą i niełatwą do wytłómaczenia byłaby sama stylizacya statutu. To, co stanowisku sołtysa nadawało przedewszystkiem jego właściwe znaczenie i charakter, to były rozliczne jego funkcye, z odpowiedniemi uprawnieniami majątkowemi, w obrębie osady na prawie niemieckiem założonej, wyczerpujące się na ogół w pojęciu i nazwie sołtystwa; jego służba wojenna mogła być bardzo ważnym czynnikiem w urządzeniu wojskowości współczesnej, ale ze względu na charakterystykę sołtystwa przedstawiała się bądź co bądź tylko jako moment przydatkowy. Wypływa stąd, że właściwym do określenia tego urzędu wyrazem musiał być «scultetus» — nie «miles», i że kiedy użyto wyrazu «scultetus», nie było żadnej potrzeby, dla zaznaczenia ciążącego na nim i rozumiejącego się wprost obowiązku służby wojennej, przydawania mu dodatku wyjaśniającego «miles». Nie znam też z całego bogatego zasobu średniowiecznych wzmianek dokumentowych, przed- czy po- Kazimierzowskich, jakiejkolwiek, którąby przeciw tej regule wykroczyła, którąby, chcąc mówić o sołtysie na ogół, nazwała go nie «scultetus», ale «miles». Tymczasem statut Kazimierzowski wyraża się: miles, creatus de sculteto, scultetus factus miles. Widocznie nie o sołtysie jako takim, pełniącym w razie wojny służbę rycerską przy boku panà, jest tu mowa; chodziło statutowi najwidocznej o wyróżnienie osobnej grupy społecznej, wobec której sołtystwo przedstawia się tylko jako zaznaczony przykładowo (obok drugiego, zob. niżej) moment pochodzenia czy dawniejszej przynależności. Tą osobną grupą społeczną jest pewna warstwa rycerska (miles), do której wszedł dawniejszy sołtys, widocznie z innym zakresem obowiązków rycerskich, niż je nań przedtem wkładało sołtystwo, i to na zasadzie osobnego aktu twórczego (creatus, factus), który tę zmianę jego społecznej kondycyi spowodował. O rycerstwie z sołtysów, nie o sołtysach, zwykłą swoję służbę rycerską sprawujących, mówi statut w tem miejscu.

Gdyby te wszystkie spostrzeżenia nie miały jeszcze wystarczyć, zwrócę uwagę na inny szczegół, ostatecznie rozstrzygający: że statut w obu odnośnych miejscach mówi o rycerstwie nie tylko z sołtysów, ale i z kmieci pochodzącem, i że obie te grupy na równi ze sobą zestawia, jednakową opatrując je główszczyzną i nawiązką: miles creatus de sculteto vel de kmethone, scultetus vel kmetho factus miles. Otóż trzeba stwierdzić, że, w jakimkolwiek zresztą jeszcze zakresie — wiadomo, że już bardzo szczupłym—od czasu zjawienia się w Polsce przywilejów immunitetowych zastrze-

gano spełnianie powinności wojennych ze strony kmieci, nie uważano ich przecież nigdy za służbę rycerską we właściwem tego słowa znaczeniu[1]). Kmieć jako kmieć nie był rycerzem. Jeżeli mimo to statut nazywa go tu miles, to widocznie nie ma na myśli kmiecia jako takiego, ale odnosi się znowuż do jakiegoś osobnego faktu (creatus, factus), który kmiecia wyniósł do warstwy rycerskiej. Skoro zaś kmieć taki zestawiony tu został w jednym rzędzie z sołtysem, skoro go opatrzono prawem poboru win tej samej wysokości, to widocznie nie chodziło tu także o sołtysa jako sołtysa, ani o tę służbę rycerską, do której zobowiązywało sołtystwo jako takie, ale raczej o pewien odmienny, nowy zawód, do którego przejść mógł zarówno sołtys jak i kmieć, a którego istotę i charakter oddano za pomocą wyrazu miles. Na tym wyrazie, jako oznaczeniu przynależności stanowej, spoczywa też cały nacisk statutu; wzmianka o sołtysach i kmieciach jest tylko przykładowem wyliczeniem, z jakich warstw niniejsza grupa rycerstwa zasilać się może.

Oczywiście, znaczenie społeczne tej grupy, a także i jej uprawnienia, są stosunkowo małe. Na szarym końcu w hierarchii rycerstwa wymieniają ją statuty, ich głowszczyzna i nawiązka równają się jednej czwartej odpowiednich win szlacheckich i połowie win włodyczych. Nie do szlachectwa, ani nawet nie do włodyctwa wyniesieni tu zostają sołtysi i kmiecie. Choć powstanie szlachty i włodyctwa polskiego nie jest jeszcze rzeczą dokładnie rozjaśnioną, tyle pewna, że oba te stany wytworzyły się genetycznie, w związku z organicznym rozwojem dawniejszych stosunków społeczych, oba związane ściśle z posiadłością ziemską, większą czy mniejszą. Ostatnia, trzecia z rzędu warstwa rycerska, którą się tu zajmujemy, nasuwa z góry myśl, że może być formacyą późniejszą, na obcych może przykładach wzorowaną, zbiorowiskiem żywiołów, ciążących z jakichkolwiek przyczyn ku zawodowi rycerskiemu, które nie dały się już pomieścić w ustalonych, gotowych ramach organizacyi obu wyższych warstw rycerskich. Urywkowy szczegół statutów Kazimierzowskich, i skąpe, niedostateczne wiadomości innych naszych źródeł nie dają możności rozwiązania kwestyi w sposób zupełnie zadowalniający; w drodze kombinacyi dadzą się tu jednak może ustalić pewne wytyczne.

W sąsiednich Polsce krajach, słowiańskich i niesłowiańskich, istniał od wczesnej doby wieków średnich zwyczaj, że możniejsi panowie skupiali około siebie na dworach mniejsze lub większe drużyny osób od siebie zależnych, obowiązkiem służby rycerskiej na rzecz pana związanych; przyczem

---

1) O szczegółach por. obecnie Piekosiński, Ludność wieśn. w. dobie Piastow. 48 i n., co do wsi na prawie niemieckiem 51 i n. Służba chłopów ograniczała się bądź do dostarczania wozów wojennych, bądź załogi dla obrony grodów, była przeważnie piesza, w zbroi drewnianej.

ta służba była albo wyłącznie rycerską, albo łączyła się zarazem z spełnianiem pewnych wyższych służb dworskich: stolnikowstwa, cześnikowstwa i t. p. Zaciągało się to rycerstwo pierwotnie z najniższych warstw społecznych, z ludności wiejskiej, panom poddanej, najczęściej z niewolników, którzy zrazu nie zrywali nawet węzłów niewolnictwa; ale z biegiem czasu, przez bliższe obcowanie z panem, przez spełnianie służb rycerskich, przez uzyskanie korzystniejszych warunków ekonomicznego bytu, wznosili się znaczeniem coraz wyżej; w ślad za czem i luźne jednostki, pochodzeniem należące do warstw wyższych, nawet szlachty, o ile zubożały lub wykoleiły się dla jakichkolwiek przyczyn, wchodziły w podobny stosunek zależności do panów możniejszych, przyjmując wobec nich obowiązek spełniania służby rycerskiej w sposobie powyżej określonym. Po różnych wahaniach tworzyła się ostatecznie z tych żywiołów różnorodnych jednolita, pod względem prawnym odrębnie zorganizowana warstwa rycerstwa, wyróżniająca się i ściśle odgrodzona od innych, wyższych stanów rycerskich, jako rycerstwo najniższego rzędu, zajmujące w tej hierarchii pospolicie miejsce trzecie ze względu na zwykłą dwudzielność warstw wyższych. W Niemczech takiem rycerstwem najniższem byli zrazu służebni (ministeriales), zwani tak ze względu na to, że prócz służby rycerskiej sprawowali też u swych panów urzędy dworskie (stolnikowstwa i t. d.). Kiedy z biegiem czasu służebni znaczeniem wznieśli się wyżej, zbliżając się do szlachty, jako najbliższa po niej warstwa społeczna, zajęło ich miejsce — trzecie z rzędu — rycerstwo w znaczeniu tego wyrazu ściślejszem, rozpadające się na właściwych rycerzy (Ritter) i giermków (Knechte), w miarę tego, czy otrzymali pasowanie rycerskie, czy też nie. Podobnie ułożyły się też stosunki w średniowiecznych Czechach. Obok szlachty wyższej, t. z. panów, i niższej, t. j. włodyków, spotykamy tu jeszcze trzecią, najniższą warstwę rycerską, głównie z ludności poddańczej pochodzącą, dla której ustaliła się ostatecznie nazwa panoszów (łac. cliens, famulus clientalis, familiaris, minister), a która wytworzyła się z nadwornych drużyn możniejszych panów, jak tego dowodzi utarta dla niej w w. XIII. nazwa: druh, druho. I tutaj zrazu wyróżniano panoszów jako niepasowanych jeszcze giermków (armiger, štitonoše) od pasowanych rycerzy; ostateczne nazwa ta stała się ogólnem określeniem najniższej wartwy rycerskiej, w przeciwstawieniu do panów i włodyków[1]).

---

1) Co do omówionych tu stosunków niemieckich por. przedewszystkiem Zallinger, Ministeriales und Milites i Siegel, Die rechtliche Stellung der Dienstmannen in Oesterreich im XII. u XIII. Jhdt., Sitzber. d. Wien. Akad. d. Wiss. Hist.-phil. Cl. t. 102.; co do stosunków czeskich Jireček, Slovanské právo II. 73 n., Brandl, Glossarium 219 i n. i Čelakovský, Povš. čes. dějiny právní 68. Zestawienie wyników literatury co do obu kwestyj podaje Balzer, Hist. ustr. Austryi, wyd. 2. str. 68 n., 106 n. Semkowicz, Włodycy polscy, Kwart. Hist. 1908 str. 594, przyjmując we

Narzuca się sama przez się myśl, że podobne stosunki mogły wytworzyć się także w Polsce, i że, gdyby nawet nie wytworzyły się tu samorodnie, to musiały się do niej przedostać chociażby przez naśladownictwo wzorów zachodnich. Przypuszczenie to popierają wyraźne wiadomości źródłowe. Już w dokumencie gnieznieńskim z r. 1136 spotykamy wiadomość o milites arcybiskupich, którzy są równocześnie ludźmi przypisanymi do gleby [1]). Bardziej jeszcze wymowne są trzy dokumenty z lat 1224 i 1225. W szeregu świadków występuje tu po kilku lub kilkunastu milites biskupa krakowskiego Iwona, podobnież wzmiankowani tu są milites Pakosława, wojewody sandomierskiego, Jakóba Raciborowicza, Piotra i Gizbrachta; w szeregu ich znajdujemy kilku, spełniających osobne służby dworskie u swoich panów, jak je spełniali służebni na Zachodzie: wymienieni są camerarius i dapifer wojewody Pakosława, pincerna komesa Strzeszka, nie mówiąc już o podobnych urzędnikach dworskich biskupa Iwona [2]). Kim są z pochodzenia owi milites, nie da się określić na pewno; imiona ich wykazują częściowo charakter gminny, więc można ich wywieść i z ludu; na wszelki wypadek nie ma ani dowodu, ani koniecznej przyczyny, żeby wszystkich zaliczyć do włodyków [3]); owszem, mało to nawet prawdopodobne, jeśli zważymy, że świadkując razem z panami, tworzą widocznie ich orszak, gdy przeciwnie włodycy rozrzuceni byli na swych udziałach gruntowych po kraju. Że w ich szeregu mógł się zresztą znaleść jakiś dawniejszy włodyka, który ziemię swą stracił czy porzucił i służbę w orszaku pańskim przyjął, nie chcę przeczyć, jak zresztą mogły tu należeć inne jeszcze, wyższego pochodzenia jednostki, które dla takich samych lub innych przyczyn poświęciły się tej służbie. Kiedy się rozprzestrzeniło osadnictwo na prawie niemieckiem, podobny los zapędzić mógł do orszaków pańskich nie tylko kmiecia, ale i sołtysa zubożałego, czy któregoś z młodszych jego synów, który do wojaczki więcej się skłaniał lub dolę swą w tym zawodzie chciał poprawić. I na Zachodzie powtarzały się podobne zjawiska: pod r. 1318 w dyecezyi Eichstädzkiej wymieniony jest niejaki Henryk z określeniem: miles sculptetus [4]), zatem sołtys, czy członek

---

wszystkich krajach słowianskich tylko dwudzielność w obrębie organizacyi rycerstwa, identyfikuje panoszów czeskich z tamtejszymi włodykami. Takie zrównanie można wprawdzie czasem znaleść w źródłach czeskich. Jest to jednak tylko urzędowa tytulatura całego niższego rycerstwa, o ile chodziło o przeciwstawienie go «panom»; pozatem rozróżniano ściśle także i w Czechach panoszów od włodyków. Por. Brandl, Glossarium 220. Czeskie prawo ziemskie z r. 1500 orzekło wyraźnie, że osoby, wyniesione przez króla na włodyctwo, uważać należy w dwu pierwszych pokoleniach właściwie za panoszów, a dopiero w trzeciem pokoleniu za włodyków w znaczeniu scisłem; Čelakovský 68.

1) Kod. dypl. Wielk. I nr. 7; por. o nich obecnie Semkowicz, Włodycy polscy 617.

2) Kod. dypl. kat. krak. I nr. 13.14; Kod. dypl. Małop. II. nr. 395.

3) Jak przyjmuje Potkański, Zagrod. szlach. 178.

4) Theiner, Monum. Pol. I. str. 146.

rodziny sołtysiej, który się rycerskiej służbie poświęcił, dosłownie taki sam miles creatus de sculteto, o jakim wspominają statuty Kazimierza W.

W drugiej połowie XIV. i w ciągu XV. stulecia upowszechnia się w źródłach polskich rozmaitej treści i pochodzenia wyraz «panosza». W Biblii królowej Zofii znaczy on sługę, giermka[1]). W rękopisie Bibl. Jagiell. z r. 1437 słowo «cliens» oddane jest przez «panosza»[2]) — takie samo zrównanie wyrazowe łacińsko-polskie, jakie co do panoszów zachodzi w źródłach czeskich. W legendzie o św. Aleksym z połowy XV. w. czytamy zwrot: «A miał bardzo wielki dwór, prócz panosz trzystu rycerzów, co się mu zawżdy służyli, zawżdy k jego stołu byli»[3]); z ustępu tego wynika, że panosze, choć tu odróżnieni od rycerzów w ścislejszem tego słowa znaczeniu, może jako niepasowani (jak w Czechach), są przecież z właściwem rycerstwem zestawieni jako najblizsi, i należą wraz z niem do orszaku, czy drużyny nadwornej pana. W rotach przysiąg wielkopolskich z r. 1393 i 1397 znajdują się ustępy: «i zabił mi panoszą», «kiedy mi panosza zabili»[4]); w innej rocie z r. 1400: «i panosza jego ranił»[5]); wynika z nich, że panosze zostawali w jakimś stosunku podległości czy podporządkowania wobec panów prywatnych. Najwymowniejszą jest inna zapiska sądowa poznańska z r. 1397, dotycząca procesu o najazd na dobra «cum octo domicellis tam bonis, sicut est solus, et cum octo etiam domicellis vulgariter panozi»[6]). Panosze (domicelli, dominicelli, wyraz łaciński, widocznie żywcem wzorowany na polskim) rozdzieleni tu na dwie kategorye: jedna równa stanem pozwanemu, który był szlachcicem, zatem również szlachta, widocznie zubożałe jednostki, które na dworze możniejszego szukały oparcia dla siebie; druga oczywiście pośledniejsza od tamtej, bo odrębnie od niej wymieniona, więc pochodzenia niższego, gminnego—jedna i druga zależna od pana, bo na jego polecenie dokonywująca najazdu, rodzaj milicyi jego nadwornej w rozumieniu przywiedzionych co dopiero pomników średniowiecznej literatury polskiej. Ważne uzupełnienie wiadomości powyższych przynosi zapiska pyzdrska z r. 1391: «pro diffamatione honoris, quod sibi protulit, quod non esset domicellus nec de nobili genere»[7]). Domicellus przeciwstawiony tu wprawdzie szlachcicowi (de nobili genere), ale widocznie zaliczony do wyższej, rycerskiej warstwy, skoro zarzut, jakoby nim nie był, uważany jest za obrazę czci. Wracając do zapiski z r.

1) Małecki, Biblia królowej Zofii, 343.
2) Łebiński, Militaria, Rocz. Tow. przyj. nauk Pozn. XVI. 148.
3) Nehring, Altpoln. Sprachdenkm. 275.
4) Hube, Sądy, ich praktyka i t. d. 30; Lekszycki, Die ältest grosspol. Grodbücher I. nr. 2573.
5) Hube, Sądy, 30.
6) Lekszycki, Die ältest. grosspol. Grodbücher I. nr. 2424.
7) Hube, Sądy 30.

1397, przypomnieć jeszcze trzeba, że ze względu na stylizacyą jest ona typową dla całej ówczesnej praktyki sądowej, o ile chodziło o określenie udziału w najazdach na dobra czy dwory, z tą tylko różnicą, że zamiast domicelli, panosze, używano częściej wyrazów familiares, lub, co najzwyklesza, określienia bez rzeczownika: cum (n. p.) decem similibus et totidem inferioribus. Nie chcę twierdzić, żeby w każdym wypadku ci pomocnicy najazdu byli w istocie drużyną rycerską pana; czasem co do inferiores da się wykazać udział zwykłych kmieci ze wsi [1]); czasem przecież niewątpliwą jest rzeczą, że żyją na dworze pana, i dlatego występują pod nazwą panis comestores, chlebojedźcy [2]), przyczem nie da się już rozstrzygnąć, o ile są zwykłymi tylko domownikami, o ile zaś zorganizowaną drużyną rycerską. Że mogli być taką drużyną-panoszami, świadczy najpierw, przez analogią, przytoczone poprzednio czeskie zrównanie wyrazowe: familiaris, famulus = panosza, a bardziej jeszcze pewne szczegóły z praktyki sądowej średniowiecznej, jakie nam dochowały zabytki Rusi halickiej. W ziemi tej główszczyzna szlachcica wynosi stale 60 grz., zatem tyle, ile wyznaczył statut Kazimierzowski [3]). Otóż co do familiares da się stwierdzić, że główszczyzna, pobierana za ich zabicie, wynosi czasem 30 grz. [4]), czasem znowuż 15 grz. [5]). W stosunku do normalnej główszczyzny szlacheckiej jest to zatem połowa jej lub jedna: czwarta: te same proporcye, jakie ustanowił statut Kazimierzowski dla szlachty, włodyków i milites creati de sculteto vel de kmethone. Słuszna przypuścić, że jest to, jeżeli nie bezwzględne zastosowanie, to przynajmniej reminiscencya przepisu ustawowego, że więc w szeregu owych familiares, zorganizowanych jako milites, znaleść się mogli bądź to dawniejsi włodycy, o których niektórzy przyjmują, że pod koniec wieków średnich przenosili się w znaczniejszej ilości na Ruś [6]), zachowując tu dawniejsze swoje prawo do główszczyzny 30 grz., innym razem ludzie gminnego pochodzenia, których główszczyzna ze względu na przyjętą kondycyą rycerską podniosła się do 15 grz. [7]).

---

1) N. p. Akta grodz. i ziem. XV. nr. 3843.
2) Ibid. XV. nr. 25.
3) Kutrzeba, Mężobójstwo 51.52.
4) Akta grodz. i ziem. XVII. nr. 3753.
5) Ibid. XIV, nr. 972, XV. nr. 2912.
6) Potkański, Zagrod. szlachta, Rozpr. Akad. Wydz. hist. t. 23 str. 261, gdzie zarazem zgodne z niniejszem, choć zanadto uogólnione twierdzenie, że włodycy mogą należeć do familiares. Semkowicz, Włodycy polscy 622 nie podziela zdania Potkańskiego, jakoby włodycy przenosili się na Ruś.
7) Hube, Sądy 30 trafnie dopatruje się związku między panoszami a familiares, ale mylnie i wbrew przytoczonym przez siebie źródłom odróżnia panoszów od domicelli, uważając tych ostatnich (bez żadnej podstawy) za «paniczów», t. j. synów pana; wreszcie mylnie panoszom (familiares) przeciwstawia milites creatos de sculteto vel kmethone, ibid. 33.

Jakkolwiek Legenda o św. Aleksym zdawałaby się naprowadzać na domysł, że w Polsce, podobnie jak zrazu w Czechach, w grupie rycerstwa nadwornego panów rozróżniano panoszów jako niepasowanych giermków od pasowanego rycerstwa we właściwem tego słowa znaczeniu, zgodnie z takiemże samem rozróżnieniem w Niemczech na Ritter i Knechte, nie śmiałbym przecież twierdzić, że taka dystynkcya jest tu uzasadniona. Zwyczaj pasowania rycerskiego, za wzorem Zachodu przyjęty w Polsce bardzo rychło, bo już przez Galla poświadczony, stosowany był, o ile źródła nasze stwierdzić pozwalają, przedewszystkiem do osób książęcego stanu, jak n. p. Bolesława Krzywoustego[1]), lub innych członków rodu piastowskiego, którzy też później, przy lokacyach wsi na prawie niemieckiem, zaostrzegali sobie osobną kolektę na wypadek pasowania zdarzonego w rodzinie[2]); zresztą poświadczone mamy dokonywanie tego aktu tylko jeszcze w odniesieniu do przedniejszych jednostek w społeczeństwie, przedewszystkiem szlachty: tak n. p. w notatce Długosza pod r. 1345 o pasowaniu wielu ze szlachty, którzy się odznaczyli w walce z Janem luksemburskim[3]); występujący w jednym z dokumentów mazowieckich pod r. 1298 miles noster (ducis) cinctus[4]) należy niewątpliwie do przedniejszej warstwy społecznej, gdyż rozporządza kilku wsiami. Późniejszy zwyczaj pasowania rycerzy złotej ostrogi (eques auratus), dostępny nieszlachcie, ma inne znaczenie i inne stoi z tą sprawą w związku. Niema tedy dostatecznej podstawy do wysnucia wniosku, żeby co do panoszów pasowanie przedstawiało tu znaczenie istotnie, tem mniej zaś, żeby w miarę tego, czy go dokonano, czy nie, wpływało na rozróżnienie dwu osobnych grup rycerstwa. Z tego punktu widzenia warstwa niniejsza, wspólną określana nazwą, przedstawia się jako pojęcie jednolite, choć z innych względów wykazuje pewną różnorodność składową, ile że jednostki z grup wyższych, które tu weszły, w przeciwstawieniu do niższych, nie tracą swoich praw stanowych, zwłaszcza prawa poboru wyższej głowszczyzny i nawiązki[5]). W zwrocie: miles creatus de sculteto vel de kmethone nie dopatruję się tedy dowodu, jakoby akt kreacyi dokonywał się w sposób ściśle formalny, szczególnie uroczysty (pasowanie); akt ten mógł polegać na prostej umowie z panem co do przyjęcia obowiązków panoszy, i na faktycznem ich wykonywaniu; wreszcie co do potomstwa panoszów, jeżeli zasada dziedziczności znalazła tu zastosowanie, na milczącem uznaniu stosunku poprzednio zawiązanego.

---

1) Mon. Pol. I 440. 441.
2) Piekosiński, Ludn. wieśn. 47
3) Długosz, Hist. Pol. III. 217.
4) Kod. dypl. Mazow. nr. 43.
5) Por. str. 288.

Aż do czasów Kazimierza W. nie spotykamy nigdzie dowodu, żeby ta najniższa warstwa rycerska była już zorganizowaną pod względem prawnym, oddzieloną ściśle od innych pokrewnych grup, opatrzoną pewnemi szczególnemi, sobie tylko służącemi prawami. Statuty Kazimierzowskie podejmują pierwszą znaną, widocznie świadomą próbę stworzenia takiej organizacyi: wyróżniają owo rycerstwo od dwu wyższych warstw rycerskich, opatrują je pewnemi osobnemi winami sądowemi. Stało się to może pod wpływem i przez naśladownictwo urządzeń czeskich, jak w ogóle stosunki czeskie w niejednym innym jeszcze kierunku wpłynęły na treść i kierunek ustawodawstwa Kazimierzowskiego[1]). Znamienną jest rzeczą, że wnet po Kazimierzu W. (od r. 1393) pojawia się w źródłach naszych po raz pierwszy polski wyraz techniczny na oznaczenie tej grupy rycerstwa, jedyny, z jakim wogóle w słownictwie naszem spotykamy się: panosza, że nawet do niego dorobiony zostaje odpowiedni wyraz łaciński (domicellus, dominicellus, wspomniany po raz pierwszy r. 1391)[2]); wyraz panosza istniał już przedtem w Czechach jako określenie takiejże samej warstwy społecznej. I nie mniej zwraca tu uwagę, że same statuty ani tego, ani jakiegokolwiek innego nie używają wyrazu jako określenia technicznego, jak je użyły dla oznaczenia dwu wyższych warstw rycerskich; poprzestają wyłącznie na charakterystyce opisowej. Może dla tego, że wtedy wyraz techniczny nie był zrozumiały, t. z. nie wyrobił się jeszcze. Przejęta wnet potem do słownictwa polskiego nazwa czeska[3]), wskazuje drogę, skąd także zaczerpnięto wzorów do samej organizacyi. Próba przeprowadzenia jej spełzła jednak na niczem. Może w części wpłynął na to brak owego znamienia zewnętrznego, z istoty rzeczy bardziej sprzęgającego, jak je w pasowaniu znalazło na Zachodzie niższe rycerstwo. W- większej z pewnością mierze oddziałał tu brak uposażenia gruntowego, choćby w drobniejszych rozmiarach, jakie w ramach systemu lennego otrzymywało niższe rycerstwo zachodnie, zyskując silniejszy, materyalny punkt oparcia do warowania swoich interesów stanowych; w Polsce ściśle dworskie «chlebojedztwo», łącznie z wytworzonem już podówczas prawem jurysdykcyi pańskiej nad «familiares»[4]), trzymało panoszów w ścisłej zawisłości od panów. Wreszcie nie pozostało bez wpływu potężne już w w. XV., niwelujące działanie warstwy szlacheckiej, wchłaniającej żywioły rycersko-ziemiańskie w jedno wielkie ciało szlacheckie, spychającej żywioły słabsze na stanowisko nierycerskiego

1) Przedmiotowi temu w wolniejszych chwilach zamierzam poświęcić osobną pracę.

2) Por. str. 287.

3) Także Brückner, O Piaście 332 oświadcza się za przypuszczeniem, że wyraz panosza przejęty został u nas z języka czeskiego.

4) Hube, Sądy 30. 31.

gminu[1]. Stąd wytłómaczyć można, dlaczego już w w. XV. w grupie panoszów ci, co z wyższych warstw pochodzili, zachowują dawniejsze swoje główszczyzny: są one tu wyraźną przegrodą stanową w obrębie tych samych kół, wspólnym zawodem złączonych, i w wspólnej zależności od tego samego pana zostających. Stąd nawet w tych wypadkach, gdzie za familiares (panoszów) płacono normalną główszczyznę statutową (15 grz.), wysokość jej nie tyle wypływała z samego przepisu prawa, ile raczej z umowy stron[2]; stąd wreszcie główszczyzna ta widocznie jest chwiejną co do wysokości, wynosi bowiem w innych razach po 20, 17, 12, 10 grz.[3]). W tych momentach formalnych przejawia się na zewnątrz wielka płynność, a raczej nieokreśloność i chwicjność całej organizacyi. To też kiedy na Zachodzie odpowiednie niższe warstwy rycerskie, wytworzone tam i skrystalizowane przez dłuższy rozwój dawniejszy, utrzymały się jeszcze przez pewien czas jako skupione, zwarte organizacye, choć i tutaj rozprzęgają się one już pod koniec wieków średnich[4]), w Polsce warstwa panoszów, jak ją pomyślał był statut Kazimierzowski, łamie się i rozprzęga w ciągu wieku XV., podobnie jak i warstwa włodyków w drugiej połowie tego stulecia, pod wpływem tego samego, dawniejsze różnice społeczne zacierającego prądu niwelacyjnego warstwy szlacheckiej. Sam wyraz «panosza» już w średniowiecznych zabytkach praktyki sądowej, o ile je przynajmniej dotąd ogłoszono, nie występuje często; później zatraca się tu zupełnie. Przecież jednak jeszcze w początkach ostatniej ćwierci XVI. stulecia utrzymało się w języku naszym pierwotne, ściśle prawne znaczenie tego wyrazu, kiedy Bazylik (1577) użyć mógł zwrotu: «pospolita przypowieść: lepszy rycerz (w znaczeniu ścisłem), niż panosza»[5]); ale wnet potem, pod koniec tegoż wieku, zanika już ta świadomość, jak dowodzi tytuł znanego dzieła Paprockiego; w początkach wieku XVIII., u Birkowskiego (1613, 1623) «panosza» co do znaczenia swego zbliża się już i utożsamia z pojęciem «pana»[6]). Podobne, jak sam wyraz, koleje przeszła także i instytucya sama. Milicye nadworne pańskie utrzymały się do końca istnienia Rzpltej, ale nie odzyskały już nigdy znaczenia skupionego na wewnątrz, jednolitego na zewnątrz odłamu społecznego.

Powyższe uwagi miały przedewszystkiem na celu wyjaśnienie kilku wątpliwych, nie zawsze trafnie oświetlanych pytań z dziejów ustroju średnio-

1) O oddziaływaniu tego prądu na zanik innej warstwy rycerskiej, włodyków, por. obecnie trafne uwagi Semkowicza, Włodycy pol. Kwart. Hist. 1908, 621 n.

2) Należą tu oba przytoczone na str. 288 przyp. 5 wypadki.

3) Zestawienie u Kutrzeby, Mężobójstwo 65.

4) Por. o tem zwłaszcza Seyler, Geschichte d. Heraldik 324.

5) Bazylik, O poprawie Rzpltej, przekł. Modrzewskiego, wyd. 1770, 304.

6) Birkowski, Syn koronny 1613: «ubogoś się urodził, nierychło panoszą będziesz» str. Bb; Kazania obozowe 1623: «Pokruszył Pan kostur niezbożnych, kij panoszy, który tłukł ludzie w rozgniewaniu», str. E2.

wiecznego rycerstwa polskiego. W statutach Kazimierza W. odkrywają one dążność do przeprowadzenia ścisłego rozdziału w obrębie tegoż rycerstwa w miarę różności składników, z jakich się ono wytworzyło; dążność, która zmierzała zarazem do prawnego zorganizowania każdego z nich w osobną, od innych wyodrębnioną całość. Liczyła się ona z istniejącymi stosunkami i dawniejszym historycznym rozwojem, ale przystosowała je w części do pewnych gotowych wzorów skądinąd zaczerpniętych. I jeśli nie we wszystkiem przyniosła trwały skutek, jeżeli warstwy panoszów nie zdołała skupić w jednolite ciało społeczne, jak nie zdołała na trwałe zapewnić bytu chylącej się do upadku warstwie włodyków, jedno przecież jest pewne: że mówiąc o ustroju rycerstwa polskiego z kilku ostatnich stuleci średniowiecza, a przynajmniej oceniając rzecz ze stanowiska ustaw Kazimierzowskich, nie należy się tu posługiwać wykładnikiem dwudzielności (szlachta, włodycy), jak się to pospolicie dzieje, w najnowszych nawet pracach historycznych; owszem uwzględniając także panoszów, trzeba przyjąć trójdzielność rycerskiego stanu; jak nie mniej, że nie można panoszów zastąpić zwykłymi sołtysami, ani też przenosić ich do warstwy włodyków[1]). Wszystkie wymienione w statutach Kazimierzowskich trzy grupy rycerskie stoją do siebie w stosunku pewnego hierarchicznego uwarstwowania, przyczem dwie ostatnie, jakkolwiek objęte ogólnem pojęciem rycerstwa, nie są przecież szlachtą, i wyraźnie też szlachcie jako najwyższej warstwie rycerskiej są przeciwstawione.

---

1) O teoryi, jakoby tu chodziło o sołtysów, por. wyżej str. 281. Łączenie panoszów (trzeciej warstwy rycerstwa w statutach Kazimierzowskich) z włodykami należy do pospolitych błędów naszej historyografii, n. p. Szymański, O służbie wojennej włościan, Przegl. Pozn. III. 26, Bandtkie, Prawo pryw. pol. 63.64, Maciejowski, Hist. praw. słow. II² 109.110, nawet Potkański, Zagrod. szlachta 178, por. str. 19. Ostatnio także Semkowicz, Włodycy polscy, Kwart. Hist. 1908, 593 n. utożsamia włodyków z panoszami, i przytacza pewne argumenty na poparcie tego twierdzenia. Jednym z nich jest rzekoma analogia ze stosunkami czeskimi, gdzie wyrazy panosza i włodyka miały oznaczać to samo pojęcie. Wskazaliśmy wyżej (str. 285 przyp. 1), że zaszło tu nieporozumienie. Nadto powołuje się autor na przekazane w naszych źródłach nazwy włodyków «squirio» i równoznacznych z nimi ścierciałków (ścirzka), «satellio»; ponieważ squirio i satellio oznaczają pierwotnie towarzysza, giermka, niosącego przy panu szczyt, a co do panoszów stwierdzić się da niewątpliwie, że tworzyli drużynę zbrojną swoich panów, przeto upatruje w tem dowód, iż oba pojęcia (włodycy, panosze) są identyczne. Nadmieniam wszelako, że squirio, satellio, wyrazy bardzo zresztą wyjątkowo w źródłach naszych zachodzące (każdy po razu), mogły tu być użyte w znaczeniu przenośnem, jakiego nabyły przez dłuższe utarcie się na Zachodzie, jako określenia niższego rycerstwa w ogóle, niezależnie od tego, czy ono spełnia rzeczywiste funkcye giermków. Geneza i zawód włodyków z jednej, a panoszów polskich z drugiej strony, są przecież w zasadzie zgoła odmienne. Włodyctwo sprzęgło się ściśle z posiadaniem ziemi, co stwierdza trafnie sam autor (618), i, pomijając odosobnione wypadki, gdzie ten lub ów włodyka, porzuciwszy ziemię, zaciągnął się w służbę rycerską pana na jego dworze, nie było nigdy «chlebojedztwem» dworskiem, który to stosunek jest znowu typowy dla panoszów z końca XIV. i z XV. w. Sam autor bardzo trafnie rozróżnia w w. XIII. rycerstwo włodycze od rycerstwa «servitores», zaciąganego z chłopów (609, 616, 617); ten rozdział widnieje też w statutach Kazimierza W. i w zabytkach praktyki sądowej XIV/XV wieku. Niewątpliwie tę trafną teoryą byłby autor utrzymał i co do stosunków z tego czasu, gdyby jej nie było stanęło w drodze omówione poprzednio rzekome zrównanie: włodyka = panosza.

Житне јаме у Срба.

од

Д-ра Симе Тројановића.

Примитивни народи увек са једном ствари служе за више послова, јер су немоћни да се природним благом обилато и разноврсно користе. На пр. у наших простих сељака и сад је још у употреби *огњило*, али оно им не служи само за кресање ватре, него на њему су обично припучене и друге «утепзилије», као: мајушне *машице* за вађење трња кад се у руку или у ногу убоду, поред њих утврђен је ситни прибор за дотеривање фаље, кад се хоће барут да подаспе, па и *шиљак*, којим се чачка лула не сме да изостане! Неоспорно је доказано да су људи за Дилувијалног доба већином становали у пећинама, где је терен био карст или у опште стеновит, па су исто тако многи народи продужили да живе и у доцније време. Ето, докле су год Іелини допирали по туђим земљама, њихови историци сведоче да су ти народи век проводили у пећинама, као по Колхису, око Црног Мора, око Касписког Іезера, по Сирији, на Синају, поред Нила и т. д. За камениту Палестину стари тестаменат тврди да су пећине служиле људима за станове, а и за сахрањивање покојника. Име «троглодити» (пећинари) односило се на многе народе, а тако су их звали једино по томе, што су у пећинама становали. Лети су пећинари могли становати у чергама под ведрим небом, или под каквим било наслоном. У избама пећинским температура је готово целе године стална и стоји толико над нулом да се може благом назвати па и пријатном за живот човечји. И у садашње време још се нађе по који пустињак на Балканском Полуострву да живи сам самцит са својим маленим стадом оваца и коза у пећини. Али, у старо време нису само људи становали у пећинама него по правилу и стада с њима. На првом месту пећина је већ била готова од природе и увек боља него што би људи тадашњим примитивним справама могли и приближан стан да направе. Друга је разлог био, што је пећина топлија него ма каква од трупаца склепана кошара. Треће, пећине су обично близу пијаће воде, па се мало и риболовом узгред могао човек бавити. Четврто, све је живо и мртво

благо човеку било стално пред очима, дању кад стока пасе, он је њен чувар, а ноћу су под истим кровом, да се не може претпоставити крађа, коју би непријатељи извршили; а од тадашњих зверова, особито огромног пећинског медведа, чије и име каже да је у пећинама имао одмориште и легло, лако се могло чувати, што су људи ложили сталну ватру на уласку у пећину, а од ватре крволочне животиње страх имају. У индиским и другим прашумама, где на све стране гмижу опасни зверови људи кад заноће, ипак их се ни мало не плаше, јер око свога конака наложе велике ватре, које животиње далеко заобилазе. Іелинском предању о циклопима, који су живели у пећинама, потпуно одговарају наше народне приче о Дивљану («Полифему»), који је живео са стадом у пећинама. По народним причама Краљевић Марко није умро да никад не оживи, него се само сакрио са Шарцем у пећину и тамо чека суђени час па да се опет у свој сили појави. Из ове се приче види да је Краљевић Марко на послетку отишао у пећину и ту остао, а не вели се да је он и пре тога, за слободног живота, становао у пећини, али и о овоме има једна варијанта. У селу Вевчанима, у Дримколу Охридском, баш код самог извора Вевчанске реке, Матице, налази се пећина, где је по народном причању баш Краљевић Марко за живота стоновао; до ње има мања пећина, која је била подрум Шарчев, а пред пећином излокана рупа у стени јесу јасле Краљевића Марка. Народ је бар у причи ипак очувао сећање да су људи негда заиста стално живели у пећинама, што и наука својим историским подацима и археолошким доказима у свему поткрепљује. Што се тиче, пак, стоке, она и дан данас по Херцеговини, Црној Гори и другим земљама врло често ноћ проводи у пећинама. За палеолитске епохе у историји рода људског, а то је време за које наука позитивно зна да је човек на земљи постојао, људи нису знали за земљорадњу него сумахом живели од лова; од неолита пак већ почиње јак и у свима пословима осетан напредак. У то време прво људи припитомише пса[1]), који им је у лову био десна рука, јер је трагао и изгонио дивљач у оно време из непроходних шума, шипрага и огромних баруштина; он је био уз пастира и веран чувар стада, после су људи псе гојили и јели, па без сумње запрезали и у саонице ради вуче. У неолитској епоси извршен је још један обрт од највећег значаја за право, поступно културно ослобођење човека од тако рећи живота на «парче» — од данас до сутра, — јер је почео да се бави земљорадњом, а тиме је уједно и везао се за један ужи предео, а није морао са стадима далеко да лута и да станове мења, па макар они били и лаке черге, које су нестални пастири, кад напусте пећине, по пашњацима под ведрим небом и онда могли разапињати.

1) M. Hoernes, Der Mensch, 114.

Е, где му је било згодније, угодније и сигурније чувати жито, па и неке плодове дивљег воћа него опет у пећинама: где не кисне, а где му је вазда све на домаку. После тога у пећинама подувљује сталан ветар, те се зрно поступно суши, и не може да се убуђа нити ужеже. Према овоме излази, да су пећине могле уједно, сем станова људских, бити и *прве житнице*, а да ли се ово може каквим фактима поткрепити биће доцније говора. Толико стоји поуздано, да су првобитне пећине биле колективна сокровишта: *стан за људе и стада и житнице*, а ово се све троје временом диференцирало. У овом случају срели смо се с истим непомућеним примером као и код поменутог огњила: једно за све.

Кад се претпостави да су пећине биле најстарије житнице, онда ако устражимо који су облици после њих у старом, средњем и садашњем веку узастопце ишли, ја мислим да су по свему судећи могле бити само *житне јаме* (Silo), о којима ми и јесте задатак опширније да прозборим. Ове житнице у земљи зову се *житне јаме*, а у Бачкој и Срему *житне рупе*, што исто значи. Сељаци их праве овако: ископају у оцедитој земљи озго ужу рупу, кроз коју се може човек олако увући. Чим то грло сврше, проширују бокове, а дно оставе равно. Облик ових јама у свему је сличан великој боци за воду. Одозго до доле дубока је јама 2—4 метра, ретко је дубља, а ширина јој је врло различна, неке су широке 3 метра, а неке и 5. По том узме један сељак тежак дрвени маљ, и њиме добро грува у под од јаме да се земља добро убије. Онда чим оштрим скреше околне зидове, па и њих набије, и сместа патура у рупу добар нарамак сламе, потпали је и за 3—6 дана додаје сламе да непрестано гори, док се унутрашњост ваљано испече и стврдне, да у њу из околне влажне земље никако не може вода ући. Ове рупе могу се правити на земљи плавуљи, која је већином у Банату, на смоници као по Косову и тако даље, само не на уми, јер се она од ватре дрозга и круни. У близини река рупе се могу дубље копати, тако и на брежуљкастом земљишту као у *Доловима* (недалеко од Панчева), јер ниво бунарске воде на таквом земљишту лежи знатно ниже, него од речног корита одмакнутији крајеви у долинама. У овим се рупама држало у првој половини прошлог столећа само жито[1]) *наполица* (пола пшенице пола ражи), а сад се сеје и држи у житним јамама само чиста пшеница. У неким рупама могло је стати 100 мерова (меров је хватао 80 старих ока) жита; а старци памте да их је раније било куд и камо већих. Неке су по простору изгледале као какве кућице. Напуњене рупе покрију озго дебелим поклопцем од дасака, или купе поклопац од добро печене земље, неки још мећу озго збијен сноп од сламе или

1) У Србији, Босни и Херцеговини жито значи сваки усев, од којега се хлеб меси, у Хрватској жито значи просо, чим се онуда у првој половини прошлог века највише свет хранио.

тулузине. Рупа је увек тако добро заклопљена да преко ње слободно могу кола да јуре. Неки сељаци поврх рупе наспу још хумић земље. И сад још има житних јама, али само оних, које су се из старијег времена одржале, јер сад се више не праве. Житне јаме простиру се од Банатских села с леве стране доњег Дунава: од Новог Села, Севкерина, Турског Бечеја, Опаве, па уз Потисје преко Ђале до иза Дебрецина; по Бачкој има их од Старог Футога па више Суботице и Баје; у Срему су се такође одржале, на пр. у селима: Белегишу, Сурдуку, Бановцима, Бољевцу, Купинову, Старој Пазухи итд. У српским крајевима Војводине највише има житних јама код Срба и Влаха, мање код Маџара, али житних јама има у Маџарској и код *Словака*, и то у Спиској столици (Zipser-Comitat) у многим селима, а ја ћу поменути где поуздано знам да их има: у Литманову и Комњанки. Словачке јаме могу бити изнутра печене од ватре или даскама патосане.

У крупним потезима ако хоћемо да обележимо границе докле су се *сад* распростиру житне јаме у српским земљама, онда ћемо споменути прво Банат и Бачку, па Сремску Посавину, западно од Фрушке Горе. Ово су све бешумни предели, а чим је шума на домаку - житне јаме престају. Списка столица чини опћи изузетак, и ма да у њој нема Срба ипак ја наводимо, јер се одмах непосредно на северу шири, где престаје српски елеменат, а настају у густим насеобинама Словаци. Ова се столица простире у побрђу изпод шумовитих Карпата, па ипак има житних јама [1]). Према овоме садашње распростирање житних јама може се свести у главном на средњи ток Дунава, с леве и с десне обале, а на доњем Дунаву има их само с леве стране. Поред реке Саве има их сад само у крајњем току, па до њена ушћа у Дунав, али опет само с леве стране, дакле у областима, које потпадају под Аустро-Маџарску.

Поред тога, где има житних јама, врло је интересно и само место, где их сељак копа. Најчешћеће их ископати у своме дворишту, а врло често бива да им нађе место баш пред кућним прозорима на улици, дакле на имању сеоске општине, а не на свом приватном. У врло старим кућама, као што су неке до скора биле у Баранди житна се рупа налазила у самој кухини, под истим кућним кровом, где домаћин живи с породицом. Овај последњи факт послужиће нам за једно објашњење, кад пређемо да говоримо о кошу.

Колико је мени познато први помен банатских и бачких житних јама налази се у новијој српској литератури тек у другом издању Вукова рјечника од године 1852. У истом рјечнику наведена је и једна ме-

1) Стипска столица пружа се с десне стране Тисе. Са севера граничи преко Карпата с Галицијом, а са северо-запада јој долази висока Татра. Овај је цео предео врло брдовит са доста текуће воде и са суровом климом.

рица, која је своје име добила од житне рупе. Ево од речи до речи његова навода: «Рупњак је житна мјера, које двије иду у мјерицу, а мјерице три у пештански мјеров; рупњаком се вади жито из рупе». Види се да је Вук мисли на исту рупу и у народној причи «Стојша и Младен», а зове је *јазбином*.

Само оно жито употребљавало се за сјеме, које је прегодишњило у житној јами, кад дуже лежи не вреди за семе, али за мливо не уди му и кад дуго година остане у рупи. Мени су причали стари људи, кад се поодавно рушила католичка калварија у Суботици, да су испод ње нашли једну житну јаму пуну жита, које је ту можда сто година лежало, и за чудо још није било сасвим искварено, ма да је било попустило и јако поцрвенило; јер су га свиње ипак у сласт јеле.

С десне стране Дунава и Саве, где год Срби живе у маси, сад нигде нема житних јама, дакле: ни у Србији[1]) ни у Босни с Херцеговином, ни у Далмацији, ни у Црној-Гори, ни Македонији до Свете Горе. На десној страни Дунава прошлог столећа једино је било рупа у селима око Видина, па је ваљда још која и сад (Jireček, Gesch. d. Bulgaren, 412).

Али у хијерархиској држави на крајњем југу Балканског Полуострва у Светој Гори, где је монашки ред у свој сили држао непромењљиво конзервативно начело «*ни у чему не трпити новина*», и сад се још налазе житне јаме, на пример на имању на далеко чувеног српског манастира Хилендара, где их има још велики број. Тамо су јаме около патосане каменом, а у осталом у свему личе на банатске. Особито су се лепо очувале на Св. Гори у грчком селу Ерсову, 7 часова далеко од Хилендара, на самом мору.

Ово је за заиста чудно да толики велики географски појас сад раставља област житних јама од Саве и Дунава па до Солуна и Свете горе, шта више Србијанци, Старосрбијанци и Македонци не само што не праве житне јаме, него нико и не зна за њих, да су икад и биле у њиговим земљама. Ето одмах преко од Београда и у самој Банатској вароши Панчеву, у крајњим махалама, до скора их је било, а свуд около у селима и сад их има, тако исто с друге савске стране Београда је Земун, и до њега сва села их имају, а пре су имала још више, а око Београда ни једно село не

1) Код једног старијег писца из Војводине, који је Србију пре 82 године сигурно из канцеларије описао, стоји ова белешка о Србијанцима: «Житнице къ сохраненію ране не познају, и затварају се у рови, кои су на подобіе левка у земли ископани. Штатістичкое описаніе Сербіе издано Стефаномъ Милошевичъ. Будимъ 1822. Стр. 71.— Стил је овог књижевника врло рогобатан, често и неразумљив, као и у овој реченици «и затварају се у рови», Ако је он с овом заменицом «Се» мислио на људе, да живе у рупама или земуницама, онда и како и тако, јер их је заиста и било у крајњем закутку крајинског округа крај Дунава, али житница у земљи тада није већ било нигде у Србији по мом најбрижљивијем испитивању; али их је и тада као и сада било у Војводини, одакле их је он као најпростије житнице супституарао и за Србију!

само што тих јама не копа, него о њима и не зна, да могу бити, сем по неког човека, који је преко послом одилазио, па их видео. Саобраћај је увек између овостраних и оностраних сељака, због забране од аустриских власти, врло слаб, да се о њему не може ни говорити.

Међу тим у старије време није тако било, јер је житних јама било и на другом простору, где их сад нема. У повељи краља Милутина, писаној на зиду у цркви Грачаници, године 6830 од створења света, то јест 1322 године после Христова рођења стоји на једном месту, где се наређује како ће радити сеоски свет, или боље рећи како ће кулучити цркви, како треба да ору, сеју, жању, вежу «да пѡврьхоу и оу роупу оусиплю»[1]). — Ја у овом примеру чисто и јасно разумем *«житну рупу»*, која је, као што је наведено, и сад у употреби, истина далеко северно и јужно од Косова Поља, али то нимало не смета да се без икаквог устезања и сумњичења призна, да су те рупе, као и садашње, грађене за чување усева, и то не само уз обилат житород него и иначе кад година омахне и жита мало роди.

Тако исто не треба ни помислити да су се тада житне рупе ограничавале само за Косово, него су се протезале куд и камо даље. Косово Поље је сад бездрвна висораван, али раније је имало на њему, па и пре 100 година, доста шуме. Иначе се по плодности Косово подудара с Бачком и Банатом, јер је права житница старосрбијанска.

Истина мало доцније од ове повеље Свети Сава пишући «Живот Св. Симеуна» помиње први пут и друго име, где се жито чувало, и то *«житницу»* (horreum): *«да испльнет се житнице ваю множьствомь пшенице»*.

Ја нимало не двоумим да је у горњем примеру за све врсте житних рупа употребљено име *«житница»*, као и сад што се говори, па је чак назив «житница» могао имати и колективан значај не само за житне рупе него и за друго што, у чему се приликом држало жито.

Археолошки докази до сад нису тражени за житне рупе да ли их је било у садашњим границама Србије. Ја сам о могућним овакин житним јамама у Србији водио рачуна и где год се земља откопавала, а ја тамо стигао, нарочито у Београду и околини, мотрио сам има ли им трага, али ми ваља признати, да је ипак резултат остао негативан. Један једини пут, лане, 1903 године, кад се откопавао доњи Калимегдан нашао сам мало црне пшенице, која се прометнула у угљен и то удубини од једног и по метра. Око пшенице за 4 см. вертикални зид изгледао је огорео, и кад сам га руком отро био је као угљен. Али из овако незнатног и нејасног једног јединог случаја не сме се закључити да је то парче гаравог, као од ватре

1) Miklosich, Monumenta Serbica, 565; Даничић, Рјечник срп. књижевних старина, 62; Иван Иванић, На Косову, 66.

спеченог зида остатак негдашње житне јаме.... Оно може бити да и јесте, али то треба да посведоче многи примери, а најбоље, ако се ко намери на целе нетакнуте житне јаме, које су временом земљом затрпане, па се у целости очувале са пшеницом заједно. У Београду се врло често налази у дубини земље већа количина поцрнеле и спуктане пшенице, нарочито у Савамалској улици, али ја је никад на лицу места не видех. Ја ипак од своје стране верујем да ће се средњевековних и старијих житних јама наћи и у Србији, јер одкуда би то могућно било, да их има северно, одма преко Саве и Дунава, да их је било по историским документима на југу од наших међа, опет у нашим земљама код Срба, а да их није било Србији[1]).

За старе, у Немце претопљене Словене по Пруској и даље, Хелмолд[2]) ово наводи: «So oft ein Krieg auszubrechen droht, verbergen sie alles Getreide nachdem sie es gedroschen haben, nebst allem Golde und Silber und was sie an Kostbarkeiten besitzen, in *Gruben*, Weib und Kind aber bringen sie in die festen Plätze oder mindestens, in die Wälder, so dass dem Feinde nichts zu plündern bleibt, als die Hütten, deren Verlust sie sehr leicht ertragen».

Ја Хелмолда овако разумем: да су Словени већ имали и у мирно доба *рупе* (Grüben), то јесте *житне рупе*, па би уз рат у те рупе спустили и оно жито, које им је ради свакодневне потребе било у кући за исхрану, а уз жито склонили би у рупе и све своје драгоцености. Дакле ја не мислим да је Хелмолд својим описом хтео да каже, да Словени само уз опасност привремено рупе ископају и у земљи сложе жито и другіе ствари од вредности. Да је мислио на привремене рупе, он би свакојако казао, да жито и ствари «закопају» у земљу. После он каже изрично: пошто пожњу и оврху сместе жито у рупе. По овоме изгледа, да су Словени почињали рат, кад саберу жетву, а непријатељ, разуме се, кад их год нападне, морали су се бранити. О овоме би вредело претражити историске податке.

Срби у Банату и Бачкој за време маџарске буне, 1848 и 1849 године, исто су тако крили све скупоцене, па и остале ствари у житне јаме, па би уз погибију бежали с чељадма и стоком на ону страну где непријатеља нема. Да Маџари не би угледали житне јаме спуштали су даске поклопнице ниже, а земљу по њима би изравнили с околним тереном, па се

---

1) У Расини, Жупи и многим другим крајевима по Србији, кад *шљиве* прероде, у недостатку подрумскихъ судова, сељаци ископају велике четвртасте или овалне *рупе*, добро их маљевима утуку, да сок не продире у земљу, ту сипају зреле шљиве, које превру као у бачви, и кад су готове с врењем, онда их пеку. Ракија по мало удара на земљу, иначе од вредности и количине мало се изгуби. У крајини Неготинској док није филоксера потаманила винограде, *грожђе* су метали у *рупе*, кад сувише роди, где би кљук превреo као и у бачви. У оба наведена примера рупа је служила за привремени суд.

2) Helmold's Chronik der Slaven. II, 228.

заиста није лако могло опазити где су. У кућним житним јамама, што су тако крили разне ствари поред жита, па и у случају кад би Мацари кућу спалили, оно исто у јами не би било ни такнуто! Према овоме житне су јаме биле вазда потпуно обезбеђене од ватре, а то је главна погодба била за земљорадника, јер у старије време због рђаве комуникације уз нееродицу лако је наступала глад, од које се није могло лако спасти. Поред тога уз ратове и нападе, бежало је становништво у ритове или куд му драго, па би по повратку оно што је најглавније, храну, опет нашло...

Већ су одавно обележене контуре економског живота код старих Словена, и сад се нарочито ваља на детаљна питања бацити. Да се негдашња слика словенског живота што боље представи, особито је помогла лингвистичка палеонтологија. По овој научној обради излази да су стари Словени знали за *«житнице»*, али да су те житнице биле као што су садашњи хамбари у Србији и на другим местима по словенским државама, или су биле *житне јаме* свуда од реда. Стари Словени, особито докле су допирали апостоли Кирило и Методије, имали су житне јаме и звали су ихъ *сонек* (Миклошићев Lexikon), па за дивно чудо исто се ово име и код нас одржало у називу села *Сусека* на Дунаву у Срему код Черевића. У Вукову Речнику има и реч *сỳса̑к* са значењем крбања, дакле опет неког суда, у коме се може што држати.

У старо време Словени су имали безбројно непријатеља, и жито им је требало чувати пред очима. У кући на тавану, или у неком одељку саме куће није могућно због паљевине дрвене грађе, која би све у пепео претворила. Да су држали жито у дрвеним житницама у близини куће опасност је претила, што се таква остава с места угледа, и све би пало непријатељу ласно у руке. Из овога се види да ја стару, словенску *«житницу»* потпуно идентификујем као колективно име за *«житне рупе»*, у којима је маса жита лежала, и за мале кућне *кошеве* плетене од прућа, којих и сад има у Србији, а садрже жита само за неколико дана или недеља. И у Бачкој и Банату није се могао домаћин сваки дан спуштати на стубама у житну јаму да вади пшеницу за краће оброке, него је извади бар на недељу две дана.

Сем побројаних српских замаља житних јама сад има још по Влашкој (Rösler, Rumän. Studien, 56), по Добруџи, код Татара у Русији, који[1]) мећу у жито цветове од Centaurea scabiosa, да не би ларве од Tinea granella јеле зрневље[2]). По моме мишљењу што ларве у житним јамама

1) Körnicke, Die Arten und Varietäten, s. 386.

2) У Читлуку код Соко-Бање у Србији сељаци мешају са пшеницом зрневље од свинде (Trigonella foenum graecum), па је заједно и меље са пшеницом. Од свинде хлеб пријатно мирише.

гину неће бити због центауреје него због огромне количине угљен-диоксида, који се нагомила дисањем зрневља. Кад људи хоће, да уђу у јаму претходно се добро увере има ли много отровног гаса, па онда силазе; иначе је проветре. Ван Европе сад има житних јама још у Кападокији, о чему сам се сам од домородаца уверио на пример у селу Архалесу, а по Рацелу и у Дагестану[1]), свакојако и даље. Власи често и не пеку рупу изнутра него је поставе около сламом и онда сручују у њу жито, које неће допирати до влажне земље. Овако раде и у Кападокији.

Има доста стварних доказа, по писменим споменицима, да су негда житне јаме заузимале већи простор у свету него сада. Стари их писци помињу у Тракији, Германији, Кападокији, код Арапа... Varro De re rust. I, 57: Quidam granaria habent sub terris, speluncas, quas vocant σειρούς, ut in Cappadocia ac Thracia, Procopius, Bell. Pers. II, 13, 19; Procop. Bell. Goth. II, 5. Исте житне јаме помиње и Тацит код Германа (Germ., cap. 16)[2]) за време Демостена кад су кроз Тракију марширали преосталих десет хиљада, ударили су поред Понтуса у Салмидесус, кроз земљу просо-ждера, и видели подземне житне јаме («гранарије») напуњене просом и крупником ὄλυρα[3]).

Код оних Арапа, што су живели у Шпанији, био је обичај чим се роди дете да ископају житну јаму (Silo) у земљи и да је напуне житом, па је озго добро покрију да спрече улаз ваздуха. У овим подземним рупама жито се много година одржавало и важило ја као имаовина детета кад одрасте (Jacob travels in the south of Spain)[4]).

Из овога се кратког историског прегледа види, да житне јаме нису особина једног народа, па ни самих Аријеваца, него и Семита и других народа. Такав је случај са свима примитивним стварима, па ма за какву употребу оне служиле — свеједно.

Од археолошких прилога у овај се посао могу унети нека позитивна факта, и нека још у току испитивања, која ће се тек временом пречистити. Од позитивних доказа, где су нађене житне јаме из старог века, може се навести Грчка, особито оно место, где су кућишта старе Атине. Приликом лањске изложбе (1903 г.) у Атини, посетиоци су се и сами могли уверити о овим житним јамама, којих је доста откопано последних година. Овај пример одржава нераздвојну везу код Грка од класичне јелинске периоде, па до данашњег дана, јер ми немамо права да замислимо да житних јама није било у средњем веку код Грка.

1) Ratzel, Völkerkunde, II. 708.
2) Schrader, Reallex. 796.
3) Hehn, Die Kulturpflanzen, 544.
4) Hehn, Kulturpfl., 578.

Али по Европи налази се на много места рупа у земљи, које се у науци зову већином *«марделе»*, те су рупе горе округле, а доле се као левак сужавају; гротло им је у пречнику 4—6 метара, неке су широке чак и до 20 метара, дубина им је пак 3—5 метара. Већина је правилног круглог облика, а неке су неправилне. Најчешће се око гротла, озго, виђа насип, и то целим окрајком около. Оне се налазе како где, по великим шумама или на благим падинама брдским. Негде су нађене у огромној количини, у Хесенској код Гросгераве рачунају их на 5.000. Толико исто професор Вилхелм држи да их има у лотриншким шумама[1]). Њихово је распрострањење огромно. Има их у Шлезији, Немачкој, Француској, Енглеској, Швајцарској итд. Али се не зна кога су народа биле. У Лотрингену нађене су патосане каменом, тако понеке и на Британским острвима[2]). Врло је занимљиво шта се све у овим марделама налази. Вирхов[3]) је нашао код Кенигсвалда у њима лонце са житом, рибљу крљушт и трошно камење од огњишта, други су научњаци нашли угљена, пепела костију, жрвњева, рбина из римског[4]) и словенског доба, после рагастове од врата, зашиљене греде и другу дрвенарију од колеба. Научници су се поделили у три табора о значају и употреби ових мардела: већина их држи да су били људски *станови*, а други веле, да су биле *житнице* (Нарочито Dr. K. Weinhold[5]). У нај новије време Д-р Гирих (Gürich) неке марделе идентификује с оним рупама из којих су каменари вадили воденично камење. На ово последње мишљење не треба се ни мало обазирати, јер је усамљено, и на већини места, где се марделе налазе, нема ни трага од воденичког камења. Лустиг има право, што се домишља да све марделе нису служиле за исту употребу, али по моме мишљењу сви су испитивачи, без разлике, до сад грешили: како они што марделе држе само за станове људске, тако исто и они, који их држе за житнице. По моме тврдом уверењу марделе су биле већином случајева *житне јаме, над којима су стајали људски станови*, баш исто онако као што сам навео пример да је до скора устрајао у Баранди у Банату, а и у другим околним селима, где је под истим кровом била и кућа и житна јама. Шта ме у овом мишљењу утврђује јесте на првом месту,

---

1) Korrespondenz-Blatt deutsch. Ges. für Anthropologie, Ethnologie usw. 23. Jahrg. № 9.

2) Georg Lustig: Die Trichtergruben (Mardellen) vom Zobtenberge in Schlesien. Globus № 6, 4 Febr. 1904.

3) Zeitschrift für Ethnologie 1870. S. 475.

4) У неким марделама нађено је типских камених трава, које сведоче, да су те рупе из каменог доба, а римске ствари у марделама већ не сведоче да су се марделама у Немачкој Римљани служили, јер они су у култури далеко већ били одмакли, него су Немци, и други можда варварски народи у Немачкој служили се и римским стварима, па су случајно запале у јаме.

5) Altnordisches Leben, s. 1227.

што су марделе таквог облика, левкасте, да у њима људи не би се могли кретати; јер таква неугодна облика нема у свету за станове ни код најпримитивнијих народа. Што се пак у марделама налазе разне кућне ствари највороватније долази отуда; што су при пожару куће тамо те ствари доспеле, јер кад се тежак кров срушио, он је могао да провали гротло, па да тамо разно којешта упадне. А ми знамо и то да су у Банату уз буне људи многобројне ситније ствари у житне јаме спуштали. Онај поменути лонац, што је нађен у Немачкој са житом, ја држим да нас у неколико подсећа на *рупњак*, то јест, да се лонцем хтело да вади жито из рупе. Кад је пак житна рупа у кући, лако је кроз отворено гротло могло упасти и кошчица од јела и рбина од разбијене грнчарије и свашта друго. И тадашњим становницима над марделама није било безопасно живети, отуда су свакојако и они житнице градили испод куће, да им храну нико не украде... Да марделе *нису биле* житне јаме може човека да наведе та околност, што су неке колосалне дужине (до 20 метара), а таквих житних јама сад нема, па их, мислим, није могло ни пре бити, него ја држим, да ни једна житна јама није ни била таквог пречника, него да се од 2—3 јаме једно поред друге одронила земља, па се провидно отворила заједничка рупа од обадве или од све три рупе. И то ваља признати, да досад марделе ни су испитане с оном збиљом како заслужују, а особито њихови зидови, јер поред макроскопског прегледавања, да су им зидови печени свуд около од ватре, и хемиска би анализа силиката од зидова, ако су ватром печени, много припомогла. Код житних јама гротло је увек уже, а можда је негда, првобитно тако било и код мардела, па се временом од кише и притиска одронило, те се сад виде само широки бокови од рупе. Истина је и то, да су људи у старо време, као и сад понегде, градили и разне којекакве друге подземне ходнике, ради своје личне безбедности, у којима су привремено могли уз напад и становати. Ето у Бугарској код Трнова постоји једно село Арбанаси. У неколиким кућама тог села под самим кровом у кући стоји бунар, а кроз земљу иде тајни ходник, неки чак у другу оближњу родбинску кућу. Оваких подземних, поткућних ходника нађено је и у Аустрији, Мађарској, Штајерској, Баварској и т. д. Немачки књижевници зову ове ходнике «Erdställe» (Anton Dachler, Dorf — und Kirchenbefestigung in Nieder-Österreich. Wien 1908. S. 65).

Ако смо сложни у томе да су *пећине* биле и први станови и прве житнице људске, онда тај степен људске културе можемо сматрати за почетни, први; други савршенији степен житница јесу *житне јаме*, над којима су у већини случајева могли бити подигнути и људски станови; трећи степен били би *кошеви*, а четврти *хамбари*. Да се развиће житница овој скали не може свуда прилагодити сасвим је појмљиво, јер негде нема пе-

ћина, а на другом месту земљиште је неудобно за житне јаме. Али ова скала подудара се потпуно с климатско-фаунским и геолошким приликама јужне и средње Европе, бар у претежној већини случајева, а та се област нас првенствено и тиче.

У кошевима се држи жито у зрну: пшеница, раж, јечам, крупник и просо. Кош се исплете најчешће од лескова, јасенова или ракитова прућа. Прво се доле постави крст од два диречића, и на њих се почне и надоставља пруће. Неки исплету дно од павитине. Кад је готов, изгледа као буре или је горе изведено му гротно и раширено. Да између прућа кроз рупе не би зрневље пропадало цео се кош споља, а нешто и изнутра олепи говеђом балегом, у коју се дода и пепела. Оваков кош обично хвата по старом, 100—1000 ока. Кош за кукуруз ничим се не олепи, да га слободно може ваздух промахивати.

Кукуруз за семе[1]) обесе у клипу, (или као што у жупи и Васојевићима рекну у «класу» а у призренској нахију у «кужљевима») о панте (летве), које су високо на тавану приковане за кључе. — По многим селима у Морави и по Ресави те кућне кошеве не држе у висини, него просто на земљи у кухињи.

Кошева има од прућа плетених и ван куће под ведрим небом, и тада се они покрију папраћу, сламом или сеном. Ови кошеви стоје на тумбасима, совама или на ногама[2]) од камења. У Метохији имају сургију (вратаоца), плетену од прућа, или од дасака удешену. Кошевима облик може бити различит: многоугаони, четвртаст и округао по средини или и до самог крова у Херцеговини, неки пут доле ужи, а горе га разведу па изгледа као обрнута глава шећера. У Подунављу бугарском кошеве на форму главе шећера запазио је Ами Буе[3]). За кош су се увукла и два друга имена: *чардак* и *салаш*. И чардак и салаш могу бити плетени од прућа, или од ушипљених штица у гредама, а неолепљени. И они служе само за кукуруз.

У Морави је салаш просто на просто врло дугачак кош, 7—12 м. дужине по 2 м. ширине. Тамо према селу Рибнику код Трстеника планинци имају на једном месту преко 120 кошева, на другом око 40—50, и у њима држе свој кукуруз, који оберу са својих њива крај Мораве. Плаћен чувар ових кошева зове се кошар. Планинцима је у свој Србији у последње време овладала неодољива тежња да купују плодније земље у равници. Тако исто

---

1) На черену се чува сем кукуруза, у крушевачком округу нарочито, а и по другим странама, и грах и лећа, па и друга семена. Народ листом верује, да је на великом диму осушено семе најбоље за сејање.

2) Кошеви и хамбари из три се главна узрока подигну од земље: да и одоздо ваздух житу допире да се не ужеже, да свиње до хране не доспеју, и да се мачке могу провлачити и хватати пацове и мишеве.

3) La Turquie d'Europe III, p. 10.

радо купују имања Ужичани и Драгачевци у Трнавском и Љубићском срезу. У равници сабран кукуруз носе кући само кад им је прека потреба, иначе гледају одатле да продаду. — Разно, али се понегде за онај доле ужи, горе шири кош чује и име «салаш» а као у Херцеговини покрије се и он кровом од ражи.

Чим је салаш од штица (дасака) или орвана саграђен обичније му је име *хамбар*, и онда он има већином своје преграде, које се зову *пресеци* (ока). У Мачви обично има 4 пресека: за пшеницу, овас, јечам и брашно. За жито иду преграде на пресецима до тавана, где би почињао, а за брашно само у пола висине. У пресеке се улази на стубама. Хамбар никад није олепљен ни блатом ни балегом.

Према моме истакнутом задатку: о хамбару ваљало ми је само ради целине у кратко да проговорим, а ко се више интересује, наћи ће доста одличних паралела код Рама[1]).

На завршетку желим да скренем пажњу на један интересан чешки хамбар звани «*srub*»[2]). Хауер је описао један сруб из Крилешовица у Шлеској. Он има два боја: горњи је *житница*, а доњи *вајат* за одело и којекакве друге ствари. Код сруба су зидови потпуно олепљени блатом, па се ти зидови над горњим бојем сасвим засвођавају у полукругу. Тај полукружни свод представља таван, а и он је сам замазан дебелим слојем иловаче. На том чудноватом своду лебди кров, који се једини може у случају пожара запалити, али њега људи лако могу тада сурвати на земљу, а ватра таван и прави сруб са житом на ниже не може ухватити! Ми у овом срубу[3]) имамо исту заштиту од паљевине као и у житној јами. Испод другог једног сад порушеног сруба налазила се у земљи саграђена «*пивница*», у којој је домаћин уз рат 1866 крио своје благо! Ова пивница у свему одговара нашој житној јами, у којој су Срби поред жита у невољи и благо склањали. По свом облику врло су интересни и буњевачки мали хамбарићи, који су направљени на саоницама, па зими, кад хоће човек да прода жито, он га из тог хамбара неће да сручује у вреће, него просто запрегне коње у саонице од хамбара, па хајде у Суботицу или Бају. Инструктиван модел овога хамбара налази се у пештанском музеју.

---

1) Karl Rhamm, Zur Entwickelung des Slavischen Speichers. Globus № 18, 1900.

2) Český Lid III 200 и 201.

3) У истом часопису Д-ра Č. Zibrta насликан је други врло карактеристичан сруб из Домажлица, код њега се околни зидови само донекле своде, али тај свод не затвара се озго подпуно, па је за то на темену правим таваном од дасака засвођен, и према томе цео лако запаљив.

Додатак „Српским житницама“.

Пошто сам већ био испратио рукопис Академији Наука у Петроград нађох да је преко потребно да још неки примери уђу. Али, пошто их не могу разместити у тексту, где им је место, усуђуем се додати их овде на крају.

Кад се ископају житне јаме, на пр. у Ст. Бечеју у Бачкој по опису г. Жекића[1]) овако се пуне: на гумну овршено жито товаре у *дрêк*[2]) Натоварена кола натерају над житну јаму, тако да стражњи точкови опкораче грло од јаме. Онда се дрêк одостраг одапне и зрно у јаму лопатом грће, а на послетку се и поњава издигне од напред и истресе. Затим се свеже сноп од сламе или сена у тврдо—то се зове *омут;* и тиме се омутом грло од пуне јаме зачепи, па се онда нагрне земља преко њега у виду пирамиде и облепи се блатом. Ове житне јаме морају се сваке године испаљивати због рђава задаха (извесно и буђи). А док су празне свагда јапе, и само једним рђавим точком поклапају се да се какво марвинче унутра не сурва.

Врло је занимљив помен код немачких старих писаца, који су још пред крстоносни поход Барбаросин, године 1189, опомињали немачке крсташе, кад пођу кроз Србију у свету земљу да ослободе Христов гроб од неверника, да могу лако наћи хране, коју Срби у *рупама у земљи* чувају.

Мени није било познато да се у српској литератури помињу житне јаме и пре краља Милутина, док ми гг. Станоје Станојевић и Миленко Вукићевић не скренуше пажњу на Доментијанов «Живот св. Симеуна», према чему ова белешка датира с краја XIII века:

После смрти Стевана Немање (св. Симеуна), а за време буне Вуканове против великог жупана Стевана, сина Немањина, наступило је несрећно стање у земљи:

«Оскврни се земља наша безакоњима нашим и убијена би крвљу и падосмо у плен туђинаца. Непријатељи наши насмејаше нам се, а околни (суседи) наругаше нам се за безакоња наша. Туђинци, који дођоше, претворише заиста отаџбину светога (Симеуна) у пустињу, а тековину преподобнаго од свих страна разграбише. Ови падоше од оружја, а ови падоше у плен, а ови се лишише свега имања и дочекаше телесно убоштво. Па и ове кад мину та беда, дође им други непријатељ и туђинац гори од оних, који их оставише, а то је глад, која учини већи плен од првога, а врло немио

1) Мојо Медић, Житне рупе или житне јаме у «Стражилову» за год. 1893.

2) Кад се у отворена кола, а то је без стражњих шарага, простре поњава да крајеви захвате обе лотре, те се онда она пуна наспе храном и сва четири рогља њена скупе се и свежу унакрст, ето то је *дрêк*. Неки опет у празна кола метну преко лотре напред и натраг по мотку, па поњаву подуврну и клиновима прибоду. У Срему ова поњава зове се *житара*, а клинови—прљци («Јавор» за год 1886, стр. 1517). — Г. Жекић је пречуо не каже се «дрêк» него «дрêка».

роду нашему, јер: без стрела стрела, без копља убада, без мача сече, без тојаге убија, и просто рећи без ногу гони, без руку узима, без ножа коље, и без свега оружје оде и толика телеса положи на земљу... Тако за грехе наше сва земља наша беше пуна мртваца: и двори пуни, и куће пуне и путови пуни и раскршћа пуна. И за грехе наше ни гробари («пограбатели») не стизаху да их погребу, већ их једва у *«житне рупе»* сместише (**ра҆зв҄ѣ житьныѥ Роупи ѥдва вьмѣштаахоу ихь**)».

Кратак али јасан преглед о сремским рупама дао је и Haquet, Abbildung und Beschreibung der südwest — und östlichen Wenden, Illyrier und Slaven. I T. Heft 3. S. 227. Lemberg 1801.

После овог историског помена можемо прећи и на неке археолошке примере, опет из српских земаља.

«У Месту Детлаку у Босни[1]), које је 14 км. југо-западно од Дервенте, уз стари пут што води у Прњавор има на горској коси, названој Доњи Детлак, који се простире између Љупљанице и реке Укрине, хрпа јама у земљи, које је народ назвао «хамбаринама»[2]). Усечене су у по све сухом и меком морском терцијерном пешчару. На гротлу јаме виде се усечени жљебови, који су очевидно служили за уметање плоче, којом се јама затварала. Дубина им од површине земље до дна варира између 1.50—1.80 т., а бочна ширина 1.00—1.80 т. Гротло од 45—60 ст., кроз коју се унутра спушта».

Занимљиво је, што су ове јаме њихови проналазачи, г. Херман и г. Моја Медић[3]), правилно из самог описа запазили, да су за цело «хамбарине» као што им је и народ у старо време име дао, а млађи нараштај њихов значај је са свим заборавио, пошто су напустили овакву врсту житница.

Додајем и то да су ове босанске житне јаме по облику истоветне као и банатске. Нађене су празне, и само у понекој стојала је покоја глодарска кошчица од костура. Ја мислим да баш ти глодари (мишеви) и јесу последње зрно појели.

Уз остало ове су босанске житне јаме и за то од значаја, што су груписане, а то је и само земљиште дало повода, јер се свуда није могло наћи оцедито. Али није само тај узрок него без сумње и ради лакшег чувања од лопова, као што их и сад граде у Жупи.

У Земуну, у Срему[4]), пре неколико година нашли су радници прекопавајући Хуњадски Двор две старе рупе, које су биле оплаћене и јечмом

---

1) К. Херман, Хамбарине код Детлака. Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини за год. 1892, стр. 243 и 244.

2) У Мачви се оно место где су били «хамбарови» зове и сад «хамбарине».

3) Op. cit., 232.

4) Мојо Медић, op. cit.

засуте. Па како се она дрвена оплата Бог зна којом приликом запалила, то је с крајева јечам био изгорео, а у среди је остао *здрав,* као да је онај час онде изасут.—И ово је леп доказ, како се жито могло врло дуго одржати у рупама а да не иструли.

Као што сведоче постојани археолошки примери житних јама било је негда и у Старој Србији и Босни, а да их је било и по осталим областима српским могу нам зајемчити њихови помени у списима старијих књижевника нарочито из Хрватске и Далмације. У Рјечнику Југословенске Академије стоји ово уз реч «јама». Јаме, у особитом смислу, мјесто је издубљено под земљом гдје се храни жито. Јаме за одржати жито «Siri». J. Mikalja, rječn. Куће и јаме насипаше жита. P. Vuletić, 42. Житна јама «granajo sotterra», «horreum subterraneum». A. d Bella, rječn. 355ª. Када ти житом хамбере, кошове и јаме, а подруме вином напуни? D. Rapić, 431. У Перивоју Бартола Кашића стоји: «пшеница се не усипа у хамбаре, рупе или јаме докле није очишћена».

Што Вук [1]) помиње јаму: «раж јаму пуни», долази отуда, јер их је виђао у Војводини, а то изрично и сам наводи: «За Србље у турским државама неће бити сувише овде напоменути да се у војводству, особито у Бачкој, сипа раж, а кашто и друго жито, у јаме мјесто амбара или кошева».

Из године 1847 има један помен житних јама и у једном српском листу [2]), а у чланку: «Како се жита сачувати и покварена поправити могу» у облику питања Чича Јанко тражи одговор: «Како би се жито, које задај од *житне јаме* или иначе од влажног места добило, употребителним учинити могло?» — И овај помен не потиче извесно из Србије него из Војводине.

☼

Пошто је овај рад чекао 4 године на штампање, за то сам време ја много пропутовао а са задовољством могу констатовати да сам и *у Србији* наишао на једну стару, давно напуштену *житну јаму,* и то у самом београдском округу, у селу Мислођину. Она се налази у белој шљунковитој земљи на ртици (вису), испод брда званог Кик, и то одмах више куће уовице Ранковића. Изнад ове јаме, северо-источно, и сад имају виногради и неке куће на пољани, која се зове «Турско Жито». Около је свуд шума. Кад је један човек пре 14 година орао, волови су запели, земља се оропила и рупа се озворила. Гротло јој је 70 см., широка је колико и дубока — 3 м. Унутрашњи је јој зид тврд и печен, па изгледа као да је сулеисана, јер се не може да зачепрка.

1) Народне пословице, 269.

2) Чича — Срећков лист, 39.

Вниманію читателя.

1) По недосмотру въ таблицахъ II—V вкрались нѣ въ распредѣленіи народностей, такъ напр.: Суджинское населеніе VIII—X в., Земли Войска Донскаго, Крым гилъ могутъ казаться причисленными къ Скиѳо-Сарма тѣмъ, какъ они составляютъ отдѣльныя группы; Татар и современныхъ — и Хозаръ должно выдѣлить въ отдѣл нихъ же Чувашей и Современныхъ Вогуловъ слѣдуетъ Финно-Угровъ.

2) На стр. 17 сказано, что «височныя кольца» по въ славянскихъ могилахъ ни въ Царствѣ Польскомъ, ни тѣмъ археологическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, у настоящей работы, доказали нахожденіе «височныхъ кол могилахъ этихъ странъ.

3) На стр. 30 сказано, что общая характеристик нихъ кіевлянъ основана на данныхъ, полученныхъ Ю. Д цевичемъ, но не указано, что имъ измѣрено 29 скелето

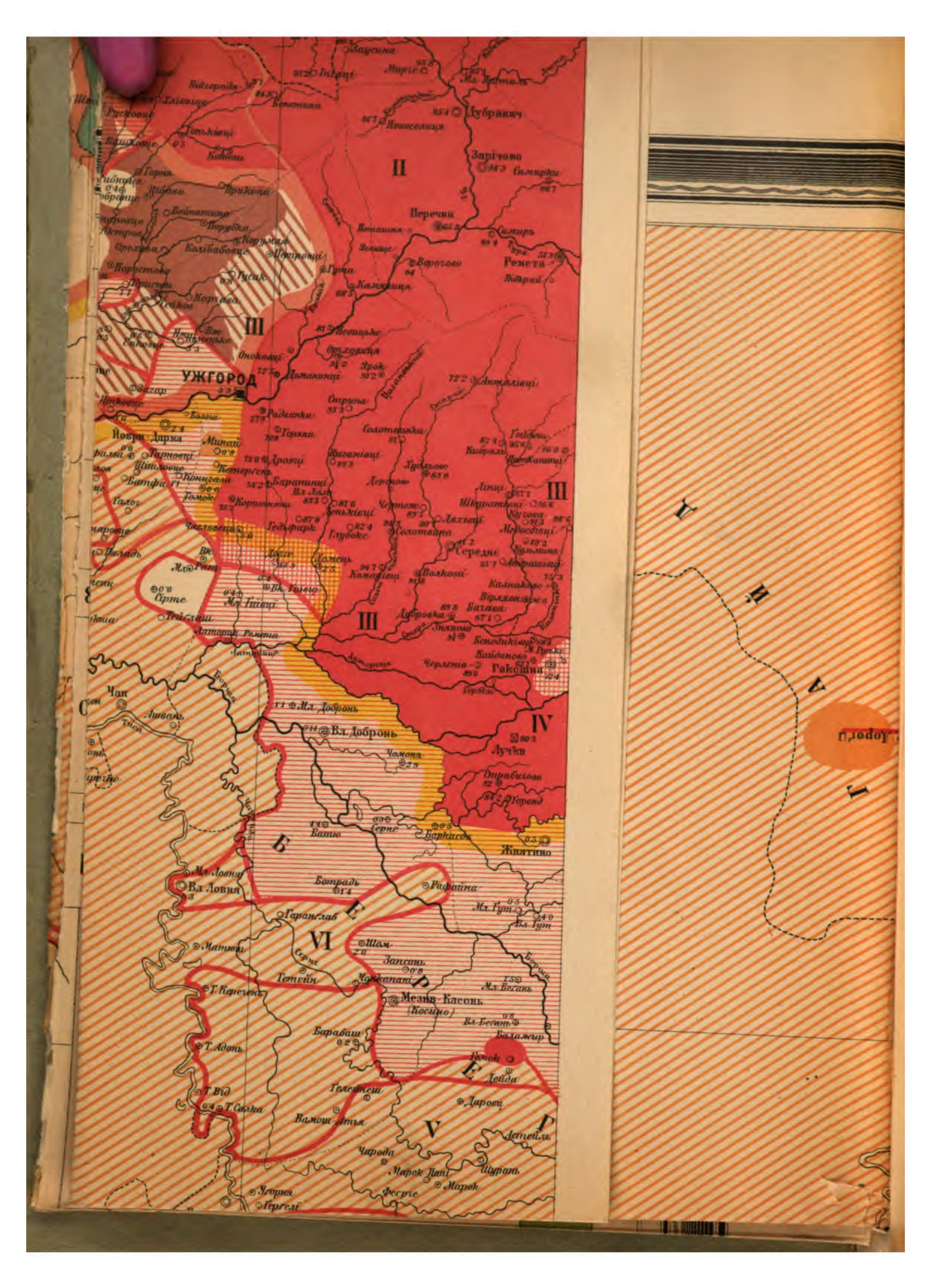
ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран. 26 стр. 10 сверху	*породы*	*народы*
» 30 » 15 »	*3* измѣр. А. П. Богдановымъ	7 измѣр. А. П. Богдановымъ
» 54 » 4 снизу	*381 мм.*	*183 мм.*
» 56 (въ табл.)	Общее число наблюд. головн. указателя Древлянъ *59*	*58*
» 67 (прим. 2-я стр.)	*Татаръ*	*Татръ*
» 69 въ табл.	*Высотно-продольный указатель*, въ графѣ Сѣверяне курганные въ % ортокефалическихъ женск. *57,7*	*57,1*
» 69 въ графѣ	*Касимовцы 25,0*	*25,8*
» 70 (табл.) въ графѣ	*Современные Халхасцы* среднее число наблюд. женск. *512*	*12*
» 77 (табл.) въ графѣ	*Шапсуги*—женскіе малые *13,0%*	*13,6%*
» 78 стр. 20 сверху	*большихъ надъ малыми. Древляне Волынскіе....*	*и большихъ надъ малыми Древляне Волынскіе...*

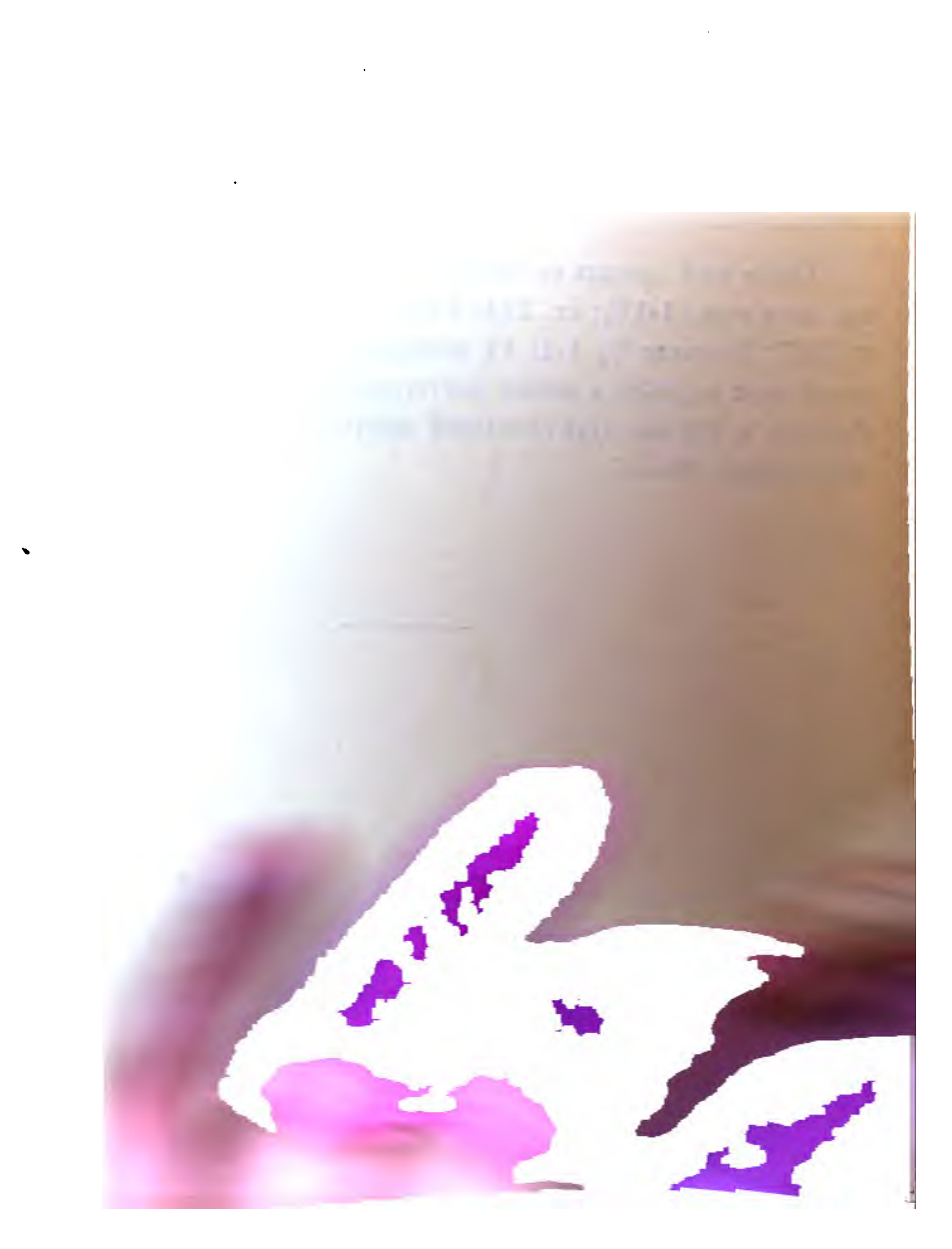
У статтю С. Томашівського п. з. «**Етнограф**
Руси» вкрало ся доволї богато друкарських похибок. Т
такі, що знаходять ся в іменах, або затемняють зміст,
сам читач.

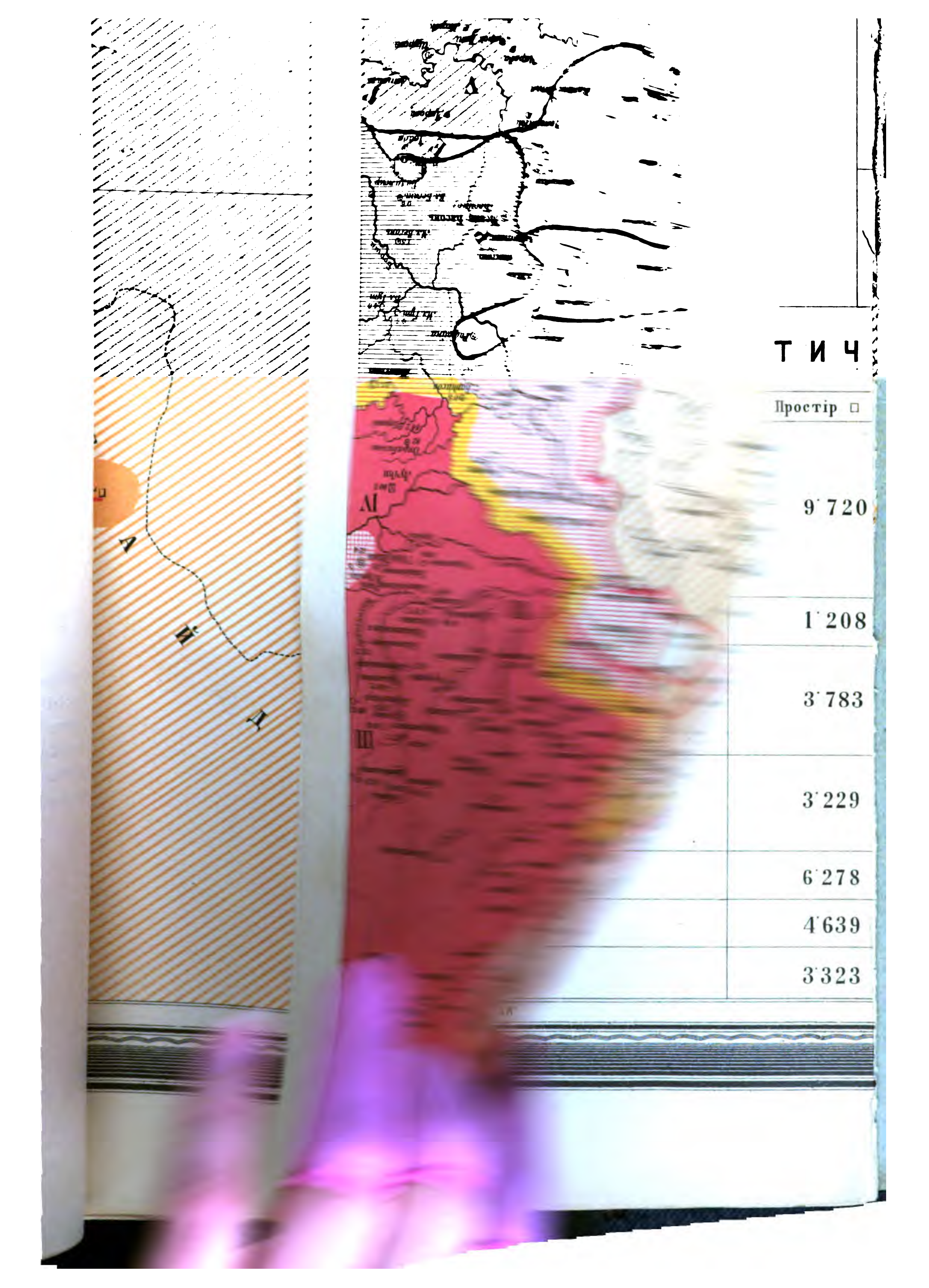
Стор.	*Стрічка:*	*Має*
199	6 з гори	Ян
203	3 »	Онс
205	16 »	Па
»	22 »	з ча
»	1 з долу	Рок
207	17 »	на
»	14 »	Ола
»	2 »	Ша
208	5 »	Рег

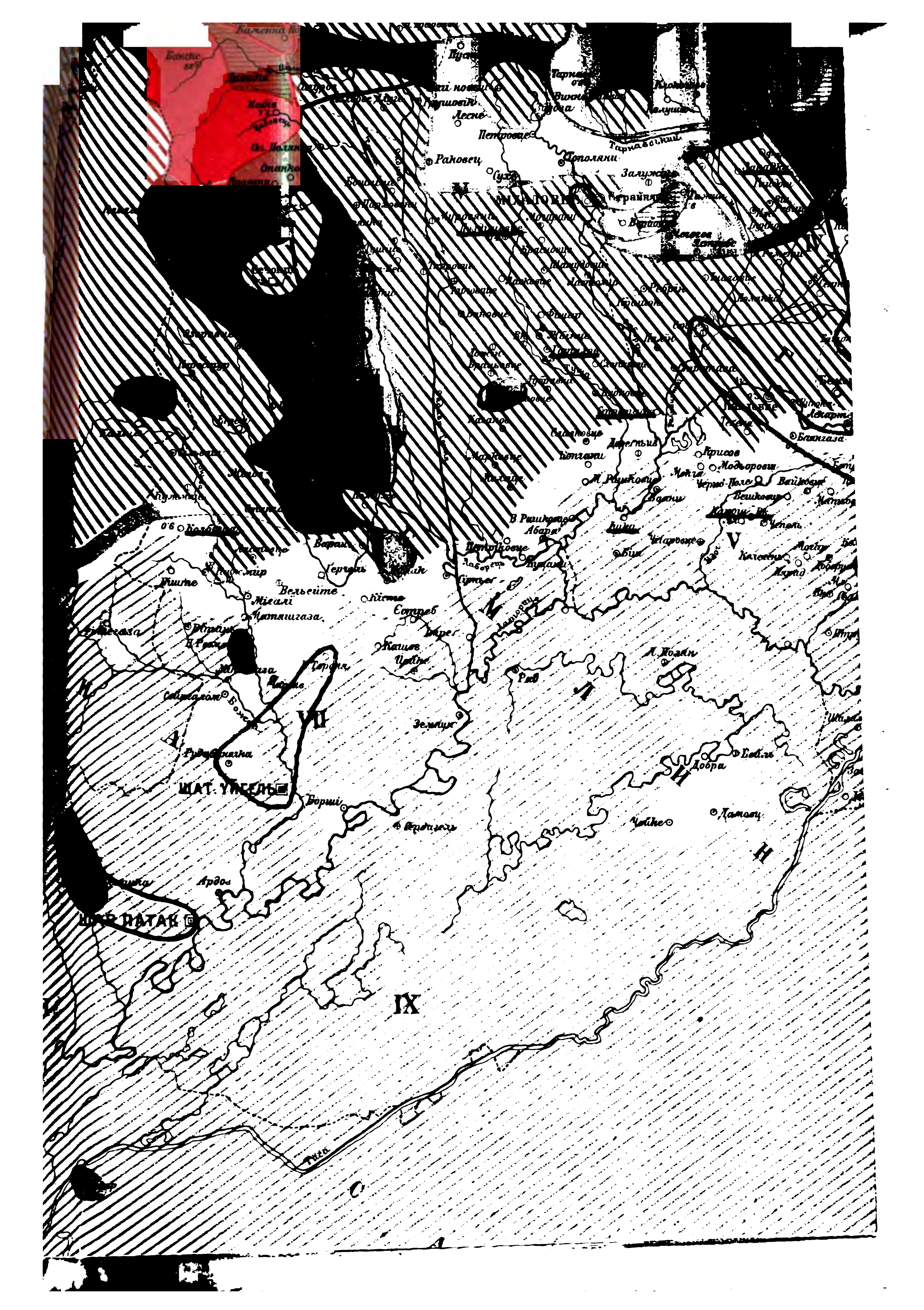
Окрім того просить ся поправити такі рахункові в
стр. 10 з гори: 1·1%; ст. 224: Вж. Вишова % 3·58;
ст. 237: Берегсас % 1·1. Сї похибки перейшли, на
одначе вони не роблять нїяких картографічних перемін.
Ракошин в Угу має бути обведений жовтою краскою,
читати назву: *Овпалї*.

Дубринич
Зарічово
Перечин
Ремета
УЖГОРОД
Середнє
Раковшин
Мл. Добронь
Вл. Добронь
Лучки
Життино
Чап
Вл. Ловня
Мезьо Касонь
(Косино)
II
III
IV
V
VI

ТИЧ
Простір □
9·720
1·208
3·783
3·229
6·278
4·639
3·323

Раковец
Пополяни
Залужє
Петровце
Тарнавський
Лесне
Вельсейте
Кітта
Єстреб
Чепель
Земляк
Борші
Ардо
ШАТ. УЇГЕЛЬ
ШАР ПАТАК
Добра
Бейль
Дамоц
Чайке
Кисов
Модьорош
Черно-Поле
Вешковце
Бланґаза
Кашов
Ріп
Лаборец
Петриковце
Абара
Бік
Калопа
Жаруд
Тиса
IX
VII
V

Румуни *(гранична лінія)*

Німці *(гранична лінія)*

Поляки *(гранична лінія)*

48°

Для меньшостей понад 25%

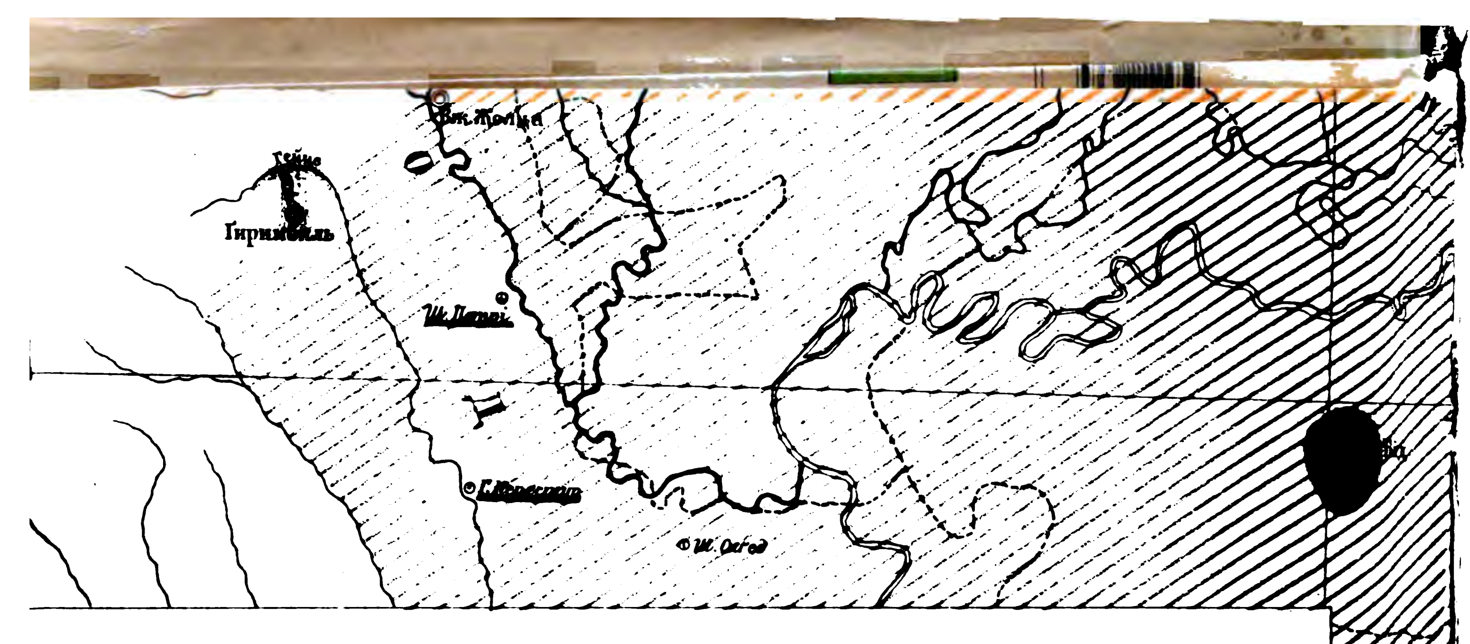
" " низше "

Меньшости Словаків і Мадярів грецького обряда означено тільки останнім способом.

ПОЛІТИЧ

Столиця (комітат)	Повіт.	Простір □
МАРАМАРОШ	I *Тисяньский* II *Вишівський* III *Сиготський* IV *Торецький* V *Волівський* VI *Тячівський* VII *Довжанський* VIII *Густенський* IX *Шуґатажський* X *Изанський*	9'72
УҐОЧА	I *Передтисянський* II *Затисянський*	1'20
БЕРЕГ	I *Горішній* II *Свалявський* III *Латорицький* IV *Мукачівський* V *Надтисянський* VI *Косинський*	3'78
УГ	I *Березнянський* II *Перечинський* III *Ужгородський* IV *Собранецький* V *Капошанський*	3'229
САТМАР *(частина)*		6'278
САБОЛЧ		4'639
АБАУЙ ТОРНА		3'323

38°

НИЙ` РОЗКЛАД.

км.	Столиця (комітат)	Повіт.	Простір □ km.
	ЗЕМЛИН	I *Синський* II *Гуменський* III *Стропківський* IV. *Вороніївський* V *Михайлівський* VI *Сечовецький* VII *Уйгельський* VIII *Токайський* IX *Бодрожський* X *Серенчський*	6˙269
	ШАРИШ	I *Маковицький* II *Топлянський* III *Секчівський* IV *Вишньоториський* V *Нижньоториський*	3˙648
	СПИШ	I *Старолюбовенський* II *Старовеський* III *Кежмаркський* IV *Левочський* V *Подградський* VI *Гнилецький* VII *Новоеський* VIII *Суботський*	3˙668
	БОРШОД (*частина*)		3˙630
	ҐИМИР (*частина*)		4˙289
	ГАЙДУ (*частина*)		3˙343

39°

Мишколц
Н. Вамош
Бекеш
Горсаті
Іда
Апаті
В. Гадъ
Н. Гадъ
Ірота
Абод
Ракаца
Вислава
Бараконь
Дебройте
С. Шаб
Гарадна
Уйлак
Тарна
Нъшита
Сольнок
В. Вадас
Шейлъеб
Монай
Башков
Ґеста